

★ Военная энциклопедия Красной Армии ★

1937

ТРАГЕДИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

ОЛЕГ СУВЕНИРОВ

Annotation

После «разоблачения культа личности» одной из главных причин катастрофы 1941 года принято считать массовые репрессии против командного состава РККА, «обескровившие Красную Армию накануне войны». Однако в последние годы этот тезис все чаще подвергается сомнению – по мнению историков-сталинистов, «очищение» от врагов народа и заговорщиков пошло стране только на пользу: без этой жестокой, но необходимой меры у Красной Армии якобы не было шансов одолеть прежде непобедимый Вермахт.

Есть ли в этих суждениях хотя бы доля истины? Что именно произошло с РККА в 1937–1938 гг.? Что спровоцировало вакханалию арестов и расстрелов? Подтверждается ли гипотеза о «военном заговоре»? Каковы были подлинные масштабы репрессий? И главное – насколько велик ущерб, нанесенный ими боеспособности Красной Армии накануне войны?

В данной книге есть ответы на все эти вопросы. Этот фундаментальный труд ввел в научный оборот огромный массив рассекреченных документов из военных и чекистских архивов и впервые дал всесторонний исчерпывающий анализ сталинской «чистки» РККА. Это – первая в мире энциклопедия, посвященная трагедии Красной Армии в 1937–1938 гг. Особой заслугой автора стала публикация «Мартиролога», содержащего сведения о более чем 2000 репрессированных командирах – от маршала до лейтенанта.

-
- [Олег Ф. Сувениров](#)
 - [Введение](#)
 - [Часть первая](#)

- В ПАРТИИ
- В СТРАНЕ
- В РККА
- Часть вторая
 - ПРЕВРАЩЕНИЕ СТРАНЫ В АРЕСТНЫЙ ДОМ
 - К.Е. ВОРОШИЛОВ: «БЕРИТЕ ВСЕХ ПОДЛЕЦОВ»
 - «НКВД ЗРЯ НЕ АРЕСТОВЫВАЕТ...»
 - ВСЯКИЙ ДОНОС ДЕЛАЛ СВОЕ ЧЕРНОЕ ДЕЛО
 - «НКВД НИКОГДА НЕ ОШИБАЕТСЯ...»
 - ТЕХНИКА И МАСШТАБ АРЕСТОВ ВОЕННЫХ
- Часть третья
 - «ОРГАНЫ» БДЯТ...
 - «ОНИ ЖЕ ВСЕ СОЗНАВАЛИСЬ...»
 - СЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
 - ПРОВОКАЦИИ, УГРОЗЫ, ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА
 - И.В. СТАЛИН: «БИТЬ И БИТЬ»
 - КУДА ЖЕ СМОТРЕЛИ ПРОКУРОРЫ?
- Часть четвертая
 - РАССТРЕЛИВАЛИ И БЕЗ СУДА
 - ДОЖИТЬ ДО СУДА...
 - СУД ИДЕТ!
 - «ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК...»
 - В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ
- Часть пятая
 - ЗАБЫТЬ ВЕЛЯТ...
 - МАСШТАБЫ ИСТРЕБЛЕНИЯ
 - УВОЛИТЬ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ...
 - СТРАШНЫЙ, ПОЛУСМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР ПО
ВЫСШЕМУ КОМСОСТАВУ АРМИИ И ФЛОТА
 - РЕЗКОЕ СНИЖЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО
ПОТЕНЦИАЛА РККА
 - ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЛИТИКО-
МОРАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОГО
СОСТАВА РККА

- Г.К. ЖУКОВ: «НАБЛЮДАЛОСЬ СТРАШНОЕ ПАДЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ»

- Заключение
- Примечания
- Приложение

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
-

Олег Ф. Сувениров
1937. Трагедия Красной Армии

Введение

*...И как бы ни был опыт горек,
Не смей в молчанье каменеть:
Мы слушаем тебя, историк,
Чтоб знать, что будет с нами впредь.*

СЕМЕН ЛИПКИН

С немалым трепетом душевным приступаю к написанию этой книги. Хотя события, о которых в ней будет рассказываться, происходили целых 60 лет тому назад, но все еще кровоточат раны. В 1937–1938 гг. по Рабоче-крестьянской Красной армии коварно и злодейски был нанесен удар такой силы, что в определенном смысле армия до сих пор не может в полной мере оправиться от него (может быть, сама не замечая этого).

Историография массового террора в СССР в 1937–1938 гг. находится в нашей стране пока еще в зачаточном состоянии. Это – естественное следствие царившей долгие десятилетия атмосферы в стране. Чуть ли не до конца 80-х годов во всей советской исторической литературе о большом терроре 1937–1938 гг. не вспоминали так же, как обычно не говорят о веревке в доме повешенного. Быстро промелькнули «оттепельные» годы сразу после XX съезда КПСС, когда об этом стали хоть заикаться. На одной из последних съездовских волн в томах «Советской исторической энциклопедии» академику Е.М. Жукову удалось «пробить» высочайшее всемилостивейшее соизволение тихонечко упомянуть в конце статьи о соответствующем деятеле: «В 1937 (или 1938) был незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно».

И все! Дело дошло до того, что любыми путями на различных уровнях вытравливали любой сюжет, который хотя бы косвенно мог напомнить о репрессиях.

Как мудро заметил автор всемирно известного исследования о терроре в СССР английский историк Роберт Конквест, «советский историк не мог провести подобное исследование в связи с тем, что существовал запрет на факты. Только иностранец способен был выполнить эту работу и остаться в живых»¹. Иностранные исследователи имели тогда и то преимущество, что могли опираться на неподцензурную Кремлю источниковую базу.

Наиболее выдающейся работой зарубежных исследователей этой проблемы является, на мой взгляд, написанная с 1965 по 1968 год книга уже упомянутого Роберта Конквеста «Большой террор». Опубликованная в Западной Европе, в Азии и в Америке, она вышла и в русском переводе – сначала в Италии, а затем в ленинградском журнале «Нева» (1989, № 9—12 и 1990 № 1—12). Написана она образно и живо, таким непривычным для советского историка раскованным языком поистине свободного исследователя. В своем изложении автор опирается на целый Монблан фактов. Но как он сам справедливо замечает в «Послесловии 1990 года», поскольку подобные исторические изыскания долгое время не могли быть предприняты в СССР, «большую часть сведений можно было получить только из неофициальных, эмигрантских и косвенных источников»². В этом и сила, и слабость по-своему классического труда Р. Конквеста. И, конечно же, это не вина его, а беда. И его, и всех других зарубежных исследователей данной проблемы. Тем не менее кропотливо собранные Р. Конквестом и поныне труднодоступные для российского историка факты и высказанные автором весьма ценные мысли и

комментарии с неизбежностью делают его труд одной из несущих опор любого исследователя проблемы большого террора в СССР, в том числе и трагедии РККА в 1937-1938 годах.

Одним из последних по времени зарубежных изданий по исследуемой проблеме является книга Виталия Рапопорта и Юрия Геллера «Измена Родине: Очерки по истории Красной армии», вышедшая в 1985 г. в США на английском, а в 1988 и 1989 гг. в Лондоне (двумя тиражами) на русском и изданная, наконец, в Москве³. Как утверждают сами авторы, написание этой книги было закончено еще летом 1977 г. Понятно поэтому, что многие данные, появившиеся в печати с тех пор, в этой работе учтены быть не могли. И все же надо подчеркнуть, что авторам удалось собрать немало интересных наблюдений, выразить свою жгучую боль за невинно загубленных командиров, возмущение фактом организации сталинской кликой самого настоящего заговора против РККА.

Приступая к описанию того, что случилось в РККА в 1937-1938 гг., авторы признали: «Мы не имеем возможности нарисовать полную картину происходившего, поэтому вынуждены сосредоточиться на нескольких эпизодах и отдельных аспектах обстановки»⁴. Авторы попытались показать погром военных кадров на широком общеисторическом фоне. Но порою они этим явно увлекались, и кое-где фон заслонил собою главную проблему книги. Не радует и большое количество фактических неточностей. Можно, пожалуй, целиком согласиться с авторской самооценкой этой книги, прозвучавшей в кратком, но отлично написанном вступлении: «Книга эта, нескладная и путаная, со множеством пробелов и неясностей, не лезет в академический ряд. Она только напоминание о великой трагедии. Она – малый камень –

в основание будущего памятника Армии, Которой Стреляли в Спину»⁵.

Бесспорной заслугой авторов является их попытка составить список лиц высшего командно-начальствующего состава РККА, погибших в репрессиях 1937-1938 гг., содержащий 620 фамилий (без ВМФ). Сама по себе идея составления своеобразного мартиролога РККА – благородная, и давным-давно ее должны были осуществить советские историки. Но даже и ее воплотить до поры можно было только за рубежом нашей страны. Составленный и опубликованный В. Рапопортом и Ю. Геллером перечень погибших может служить весьма полезным ориентиром для исследователей проблемы. Но он не вполне соответствует требованиям высокой достоверности, предъявляемым к подобного рода публикациям. Отсутствие возможности использования первичных документов побудило авторов провести составление этих печальных списков главным образом на базе сопоставления официальных приказов о присвоении военных (воинских) званий, опубликованных в 1935 и 1940 гг. То есть, короче говоря, авторы брали соответствующие приказы о присвоении персональных военных званий, опубликованные в «Красной звезде» в 1935 г., а затем сравнивали их со списком лиц, коим было присвоено генеральское звание в начале июня 1940 г. (списки эти также тогда публиковались). И если в списках генералов они не находили лиц высшего комначполитсостава 1935-1937 гг., то включали их в список погибших в результате террора. Конечно, такой метод изначально не является достаточно корректным в научном отношении. И я прекрасно понимаю, что авторы прибегли к нему не от хорошей жизни. И они отдавали себе отчет в том, что возможны отдельные неточности в бригадном звене. Но неточностей в этом

списке оказалось гораздо больше, чем предполагали сами авторы.

Прежде всего, замечу, что список этот далеко не полон. В него оказались невключенными даже некоторые погибшие тогда комкоры (И.Ф. Ткачев, Л.Я. Угрюмов), комдивы (Н.Н. Бажанов, И.И. Василевич, Н.Н. Васильченко, В.И. Малофеев, К.И. Степной-Спижарный, О.А. Стигга и др.), дивизионные комиссары, комбриги. Во-вторых, в список погибших в 1937–1938 гг. включены многие командиры и политработники, которые были осуждены позднее и не к высшей мере наказания. Так, значащийся в числе погибших в эти годы комдив Ф.П. Кауфельдт был осужден только в 1942 г. и «всего» на 5 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). В списке погибших оказались военнослужащие, которые действительно были тогда арестованы, но затем оправданы по суду и освобождены из заключения, например, корпусной комиссар Г.Г. Ястребов, дивинженер Е.А. Баркалов, получивший позднее звание генерал-лейтенанта, комбриг М.Д. Соломатин, удостоенный впоследствии звания генерал-полковника, павший в боях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. комдив Э.Я. Магон. Попали в этот список и некоторые военные, которые вообще не арестовывались и, следовательно, умерли естественной смертью (А.И. Кук, умерший еще в 1932 г., комдив И.А. Томашевич, комбриги И.Ф. Дашичев и С.Л. Мартыновский, дивинженер П.С. Аллилуев и другие). Значительно снижает ценность списка и немалое количество неточностей в определении военных званий, в написании инициалов и даже фамилий репрессированных военнослужащих.

И при всем при том хочется еще раз подчеркнуть заслугу В.Н. Рапопорта и Ю.А. Геллера, составивших и, насколько мне известно, впервые сумевших опубликовать этот, пусть и несовершенный, список 620

жертв высшего комначполитсостава РККА, принесенных на алтарь тоталитарного режима. Откликаясь на любезное приглашение авторов, я счел возможным поместить в этой книге свой (по данным на сентябрь 1993 г.), как мне кажется, более выверенный «Именной список лиц высшего комначсостава Красной армии и Военно-Морского флота СССР, погибших в репрессиях конца 30-х – начала 40-х годов»⁶. Московское издание открывается написанным в октябре 1985 г. прочувствованным отзывом известного правозащитника, бывшего советского генерала П.Г. Григоренко. «Я вполне согласен с авторами, – пишет он, – что пережитая трагедия еще не стала достоянием истории, она все еще кровоточащая рана в сердце народа. Молчать об этом – надругательство над памятью погибших, а также плохая услуга нашим детям и внукам»⁷. Мне кажется, нельзя не согласиться с такой истинно патриотической позицией. (И как отрадно сознавать, что этому беззаветно смелому и на войне, и в мирные дни человеку пусть и посмертно, но все же возвращено столь заслуженное им генеральское звание.)

К этому разряду исторических источников примыкают и публикации бывших сотрудников органов НКВД СССР в 20-е – 30-е годы. На одно из первых мест я ставлю книгу А. Орлова «Тайная история сталинских преступлений». Ее автор (настоящее имя – Л.Л. Никольский) на протяжении многих лет занимал довольно крупные («генеральские») посты в центральном аппарате ОГПУ-НКВД СССР, с 1935 г. – майор госбезопасности, самолично участвовал в процессе «выкорчевывания». Многие ответственные сотрудники НКВД делились с ним как с коллегой личным опытом и наблюдениями. Всю «кухню» массового террора он знал изнутри. А главное, что он

был «вхож» на самый «верх». Сталин лично знал его с 1924 г. «Я, – пишет автор в предисловии, – записывал указания, устно даваемые Сталиным руководителям НКВД на кремлевских совещаниях, его указания следователям, как сломить сопротивление сподвижников Ленина и вырвать у них ложные показания, личные переговоры Сталина с некоторыми из его жертв и слова, произнесенные этими обреченными в стенах Лубянки. Эти тщательно скрываемые секретные материалы я получал от самих следователей НКВД, многие из которых находились у меня в подчинении»⁸.

Книга эта по-своему уникальна. Любой крупный чин НКВД, остававшийся тогда в СССР, не то что написать, но и помыслить об этом не смел. Лишь порвавший с системой и чудом уцелевший мог решиться на такое. Написанная отличным языком книга изобилует многими «крупницами правды» и заслуживает доверия читателя. Завершающее книгу содержательное, интересное послесловие Б. Старкова избавляет меня от необходимости сколь-либо подробного ее анализа. Скажу только, что эта книга является ценнейшим источником для изучения атмосферы в середине 30-х годов в стране и в аппарате НКВД – в особенности подготовки и проведения московских политических процессов (особенно августовского 1936 г., на котором автор присутствовал). К сожалению, относительно расправы с кадрами РККА автор смог поделиться с читателями лишь самыми общими, иногда, правда, довольно оригинальными соображениями и некоторыми интересными фактическими деталями.

Увы! Не могут не огорчать оставшиеся в книге вопиющие неряшливости. Становится как-то не по себе, когда в серьезной книге серьезного автора вдруг читаешь, что должности политических комиссаров в

армии упразднил якобы Ленин еще в конце гражданской войны (с. 231), что ВЦИК – это Всесоюзный Центральный исполнительный комитет и его председателями были последовательно Енукидзе, Акулов и Уншлихт (с. 237), что Ягода свое звание генерального комиссара государственной безопасности получил якобы весной 1936 г. (с. 250). (В действительности же 29 ноября 1935 г.) Есть и еще подобные «перлы». Может быть, это как-то простительно (хотя отнюдь не украшает книгу) автору. Все-таки он – энкавэдист, а не профессиональный историк. Но ведь автор-то послесловия – кандидат исторических наук. Куда же он смотрел? Как он мог оставить в тексте подобные «ляпы» без своих комментариев?

Из советских авторов проблемой массового террора в 30-е годы первым занялся Р.А. Медведев. Характерно, что главное свое исследование, в котором освещались различные аспекты этой проблемы, ему пришлось опубликовать за границей⁹. И лишь на рубеже 90-х годов его работы стали активно печататься и в СССР¹⁰. Как и всякий первопроходец, Р.А. Медведев, предприняв попытку исследования проблемы террора еще в середине 70-х годов, проявил определенное научное, да и гражданское мужество. Его работы построены на огромном количестве самых разнообразных источников. За исключением одного – документов советских архивов, в которых он в те годы не имел возможности работать.

Своеобразным дополнением, как бы восполняющим этот пробел, является монография Д.А. Волкогонова¹¹. Именно ему – одному из самых первых советских исследователей – удалось выявить и опубликовать значительное количество важнейших документальных материалов, хранящихся в различных ведомственных

архивах. Среди этих документов встречаются и посвященные проблеме массовых репрессий по отношению к личному составу РККА в предвоенные годы.

Большую ценность для исследования данной проблемы представляет изданная в Москве в 1990 г. книга Б.А. Викторова «Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора». Эта своеобразная работа находится на стыке мемуарного жанра и военно-исторического исследования. В течение 1954–1967 гг. ее автору довелось возглавлять деятельность специально созданного аппарата Главной военной прокуратуры по пересмотру судебных дел прошлых лет, в том числе и всех дел на участников «военно-фашистского заговора». Естественно, что по характеру своей работы автор имел возможность получить и ознакомиться с большим количеством исходных документов Особого отдела Главного управления Госбезопасности НКВД СССР, Главной военной прокуратуры, Военной коллегии Верховного суда СССР. И особая ценность книги Б.А. Викторова прежде всего в том и состоит, что немалое количество этих документов он впервые ввел в научный оборот. Наряду с этим надо признать, что многие документы им приводятся «вслух», без указания номера фонда, описи, дела, листа. Несколько портят впечатление допущенные автором фактические неточности^[1].

В коллективной монографии «Расправа: Прокурорские судьбы» (М., 1990) профессиональные военные юристы со знанием дела, широко используя ведомственный архив Верховного суда СССР (и его Военной коллегии), описывают печальную, а порой и трагическую судьбу некоторых военных прокуроров в годы большого террора. Справедливости ради надо заметить, что страдальцами тогда были далеко не все

военные прокуроры. Как убедится читатель в ходе дальнейшего чтения, многие из них (если не большинство) предпочли примкнуть к стану палачей, возглавляемому не только садистом-практиком с «неполным низшим образованием» народным комиссаром внутренних дел СССР, генеральным комиссаром государственной безопасности Н.И. Ежовым, но и садистом-теоретиком, сравнительно высокоученым генеральным прокурором Союза ССР академиком А.Я. Вышинским.

Заслуживает внимания высокопрофессионально написанная монография члена-корреспондента РАН В.А. Куманева «30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции» (М., 1991). На основе привлечения и глубокого анализа не вводившихся ранее в научный оборот архивных документов: автор сумел нарисовать впечатляющую картину трагического, по сути, положения отечественной интеллигенции в годы массового террора. Что касается судеб военной интеллигенции, то они рассматриваются здесь лишь попутно и в самом общем плане.

В 1992 г. появилась монография О.В. Хлевнюка «1937-й: Сталин, НКВД и советское общество». Вводя в научный оборот ряд ценных материалов из недоступных ранее фондов Политбюро ЦК ВКП (б), автор гораздо более подробно описывает подготовку провозгласившего официальный курс на расширение масштабов и ужесточение репрессий февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП (б), анализирует отношение советского общества к репрессиям, показывает зачатки сопротивления им. Вообще, это одна из первых монографий российских авторов, специально посвященных страшному тридцать седьмому году. Естественно, что исходя из темы своего исследования О.В. Хлевнюк армейских сюжетов почти не касается. Более того, он заявляет: «Мы пока не

знаем, какие настроения существовали тогда в армии или, скажем, в НКВД»¹².

Из новейших изданий необходимо назвать книги Н.М. Якупова «Трагедия полководцев» (М., 1992), В.А. Бобренева и В.Б. Рязанцева «Палачи и жертвы» (М., 1993), Н.Г. Павленко «Была война» (М., 1994) и еще одну книгу О.В. Хлевнюка «Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы» (М., 1996).

Специфическим источником являются записки, мемуары, исследовательские работы непосредственных участников – организаторов и исполнителей массового террора в СССР в 1937–1938 гг. Таких публикаций немного, и их и не могло быть много. Хотя бы даже потому, что палачи обычно воспоминаний о своей «работе» писать не любят. А если и пишут, то неизбежно стараются прежде всего как-то обелить себя. Но даже то немногое, что дошло до нас, – бесценное для историка свидетельство непосредственного участника событий, которое иногда невозможно заменить и в полной мере компенсировать даже всею совокупностью служебных документов. В своей знаменитой истории Французской революции Томас Карлейль очень мудро заметил о книге бывшего присяжного Революционного трибунала во время якобинского террора: «Книга, полная лжи, но с крупными правдами, которых нигде более не найдешь»¹³.

На мой взгляд, в какой-то мере эту оценку маститого историка допустимо применить к мемуарам Н.С. Хрущева¹⁴. О незаурядности этих записей говорит уже то, что Брежнев и компания долго и тщательно скрывали их от советского читателя. А в этих мемуарах, по моему мнению, Хрущев оказался выше самого себя. В основном они искренни, вызывают доверие и для человека того времени мужественны. (Хотя он, конечно

же, «скромно» умалчивает о своей корчевательной работе.) В них содержится немало редкостных свидетельств, уникальных наблюдений, помогающих более полно ощутить атмосферу того и героического по-своему, и трагического времени, детали беспощадной расправы с некоторыми советскими военачальниками^[2].

Особую цену имеют свидетельства людей, на себе испытавших все «прелести» застенков НКВД. Всемирно известно «художественное исследование» А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Недавно опубликовано еще одно выдающееся произведение подобного жанра – книга О.В. Волкова «Погружение во тьму». 28 лет своей жизни автор мотался по тюрьмам, лагерям, ссылкам и пересылкам. И все же выжил. И не просто выжил, а нашел в себе силы поведать миру о пережитом. Со справедливым возмущением он осуждает конформизм и лицемерие таких видных деятелей «социалистической» культуры, как И.Г. Эренбург, А.М. Горький, А.Н. Толстой, В.В. Шкловский, М.М. Шостакович: «...тяжка, безмерно тяжка вина их перед своим народом, перед обманутым ими мировым общественным мнением»¹⁵. В своих мучительных скитаниях по «архипелагу ГУЛАГ» Солженицын и Волков неоднократно встречались с отбывавшими наказание бывшими военными и поделились с читателями своими впечатлениями об этих встречах.

Как будет видно из последующего изложения, подавляющее большинство командиров, начальников и политработников, обвиненных в участии в военно-фашистском заговоре, немедленно расстреливались. Но какая-то часть их в 1939–1941 гг. избежала «вышки» и оказалась в «исправительно-трудовых» лагерях. А кое-кому из них удалось и на свободу вырваться, и даже в армии восстановиться. Но в основном им было не до

мемуаров. В довоенные годы о порядках в лагерях даже заикнуться было нельзя. Да и всякий выпущенный «на волю» подписку давал «о неразглашении». И только после смерти Сталина, после разоблачения его культа стали появляться воспоминания некоторых военных, переживших тюрьмы и лагеря.

Появились, например, воспоминания К.А. Мерецкова и К.К. Рокоссовского. Но эти достопочтенные авторы даже словом одним хотя бы упомянули о своем пребывании в застенках НКВД. И только бывший комбриг (а позднее – генерал армии) А.В. Горбатов не убоился и попытался поведать миру о пережитых страданиях¹⁶. И за это чуть ли не анафеме был предан. Как же – нарушил неписаный закон высшего руководства: вспоминать можно только разрешенное этим руководством.

Этот же «обет молчания» действовал, давил на психику и тех военных мемуаристов, которые служили в РККА в предвоенные годы. На их глазах творилась кровавая расправа с цветом Красной армии, многие из них сами были буквально на волосок от позорной гибели. Они тогда в основном чудом уцелели. И вот спустя десятилетия теперь они в маршальском чине, и на склоне лет делятся с читателем своими воспоминаниями и размышлениями о пройденном пути, о смысле жизни. Публикуют свои мемуары Маршалы Советского Союза И.Х. Баграмян, С.С. Бирюзов, А.М. Василевский, А.А. Гречко, А.И. Еременко, Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.С. Москаленко. В основном они пишут о Великой войне, но неизбежно вспоминают и предвоенные годы. И о репрессиях, о нависавшей над их головами секире смерти – ни звука. Как будто ничего подобного и не было. Хотя некоторым из этих авторов были не чужды угрызения совести. Генерал армии С.П. Иванов вспоминает о таком разговоре с И.Х.

Баграмяном: «Зная, что я задумал готовить к печати воспоминания, он говорил: – Ты, Семен Павлович, на целых десять лет моложе меня и, наверное, доживешь до того времени, когда, наконец, позволено будет писать о войне более правдиво. Так постарайся же тогда поправить невольные искажения и умолчания тех, кто ушел из жизни слишком рано»¹⁷.

Очень удобная эта позиция: нам не позволяли писать правду, мы совершали невольные искажения и умолчания. Было, конечно, и это. Но была и привычка к холопскому послушанию «капралу с палкой», боязнь рисковать обретенным благополучием и просто жалкая и презренная трусость. Маршалы Советского Союза, дважды (а то и четырежды!) Герои Советского Союза – и герои по фронтовым заслугам – настолько затурканы и запуганы, что в жажде напечататься готовы закрыть глаза на правду. А ведь как еще Вольтер говорил, умолчание о преступлении – это соучастие в нем.

Из известных мне военных мемуаристов правдиво и без всякой утайки рассказали о событиях 1937–1938 гг. и предшествовавшей им обстановке только И.В. Дубинский, командовавший в 1936 г. танковой бригадой, и П.Г. Григоренко, учившийся в эти страшные годы в Академии Генерального штаба РККА¹⁸.

Большой степенью объективности отличались также воспоминания знаменитого в годы войны наркома Военно-Морского флота Н.Г. Кузнецова. Вращаясь с предвоенных лет в высшем эшелоне руководства вооруженными силами и страной, он было попытался честно поделиться с читателями своими наблюдениями и впечатлениями об атмосфере, в которой творился «разгром военно-фашистского заговора». Но опубликовать эти ценные записи очевидца удалось только через 19 лет после кончины их автора (см. «Военно-исторический журнал», 1993, № 6).

Хочется, наконец, рекомендовать читателю и книгу воспоминаний последнего председателя КГБ СССР В.В. Бакатина («Избавление от КГБ». М., 1992). Она интересна уже тем, что уникальна – ведь ни один высший руководитель ВЧК – ГПУ – НКВД – КГБ мемуаров до того не печатал. И хотя здесь автор в основном повествует о перипетиях своей 107-дневной попытки реформировать КГБ, но иногда делает краткие экскурсы и в прошлое этой организации. И здесь, поскольку автор по своему тогдашнему положению имел фактически неограниченные возможности ознакомления с любым документом КГБ (что и поныне является лишь «хрустальной мечтой» для рядового историка), некоторые его наблюдения и пронизанные демократизмом оценки являются, на мой взгляд, весьма ценными.

Значение документальной основы для успешного исследования данной проблемы нельзя переоценить. Поистине исключительную роль играют, по определению академика В.И. Вернадского, «первоначальные источники»¹⁹. Именно их фронтальное изучение позволит произвести реконструкцию исторического процесса по-настоящему объективно. Если еще до сих пор объективной (и «достаточной» для историков) у нас считается та информация, которая устраивает начальство нынешнее и даже бывшее, то совокупность «первоначальных источников» позволяет постигнуть исторический процесс во всех его истинных, реальных красках. И тут даже не надо ничего придумывать, нужно только выявить эти документы, получить к ним доступ, а затем тщательно и беспристрастно их изучить. Именно беспристрастно, а точнее даже сказать – бесстрастно. Только сейчас начинаешь понимать всю глубину пушкинского образа старца Пимена, который, изучая историю:

...Точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Ибо любое пристрастие, как правило, искажает реальную картину исторического процесса. Очень удачно выразился историк из Штутгарта Эберхард Экель в изданной в 1969 г. книге «Взгляд Гитлера на мир»: «Бесстрастный портрет Гитлера обладает такой разоблачительной силой, что делает излишним бесконечное употребление уничижительных эпитетов»²⁰.

Необходимо сказать и о другой стороне проблемы. Историк, особенно историк новейшей истории, не может быть профессиональным историком, не работая в архивах, так же как певчая птица не может быть таковой, если она не поет. А известный историк В.М. Далин привел по этому поводу даже такое сравнение: «Историк, никогда не работавший в архиве, подобен футболисту, ни разу в жизни не забившему ни одного гола»²¹.

Трудности исследования данной проблемы по «первоначальным источникам» исключительно велики. Ведь все первичные документы, связанные с арестом, следствием, судом, приведением приговора в исполнение, до сих пор находятся за семью замками и практически недоступны не только для зарубежных, но и для российских историков. Порядок возвращения рассмотренных судами дел в органы НКВД был установлен еще циркуляром НКВД, Прокуратуры и Верховного суда СССР № 01533/3002516 от 21 августа 1934 г. и директивой председателя Военной коллегии Верховного суда СССР № 00331748 от 15 сентября 1934 г. Следственные производства по всем

расследуемым органами Главного управления госбезопасности НКВД делам подлежали возврату в органы ГУГБ НКВД²², где они до сих пор и хранятся (если еще хранятся), а по сути, укрыты от глаза людского.

И до сих пор каждого российского историка, попытавшегося разобраться в событиях 1937-1938 гг., прямо-таки преследует какой-то жупел секретности. Я прослужил в кадрах Красной-Советской армии почти четыре десятка лет, в том числе и всю Великую войну безвылазно (кроме времени излечения после ранений) на фронте, в действующей армии, и прекрасно понимаю, что, пока мы живем в разделенном мире, неизбежно есть и будут государственные и военные тайны и будут соответствующие степени секретности. Но кто из решающих ныне эти вопросы деятелей может внятно объяснить, почему сейчас, когда во всей мировой (в том числе и нашей) открытой печати публикуются абсолютные данные о вооружении и личном составе сегодняшней Российской армии, немало сведений по истории РККА 30-х годов все еще остаются засекреченными. Действительно, паноптикум какой-то. Но кому-то это нужно. Volens - nolens, наши историки, изучающие советский период истории России, выглядят какими-то неполноценными, недоношенными, недопеченными, что ли, по сравнению с зарубежными коллегами. Вот до сих пор в советских журналах (я уж не говорю о книгах) не появилось даже ни одной основанной на материалах архива КГБ исследовательской статьи о репрессиях в Красной армии в 1937-1938 гг. И все потому, что расстреливать - расстреливали, а точных данных об этих расстрелах соответствующие конкретные лица до сих пор историкам не дают: «Не положено!» Как справедливо замечает известный экономист О.Р. Лацис: «Не

положено было раскрывать секреты государственной безнравственности».

Да что там расстрелы. В 1989 г. мне довелось опубликовать в «Военно-историческом журнале» три статьи о состоянии дисциплины в РККА в предвоенные годы. В них я со ссылкой на архивные дела ЦГАСА привел некоторые конкретные данные на сей счет. Даже у военной цензуры это не вызвало возражений – ведь прошло полвека... Однако тогдашний начальник ЦГАСА А.В. Стеганцев не нашел ничего лучшего, как примчаться в Институт военной истории и потребовать срочного и сурового наказания дерзкого историка, посмеявшего в 1989 г. «разгласить секретные сведения» о состоянии дисциплины в армии в 1935–1939 гг. Смешно, да и только. Но смех-то сквозь слезы. И хотя редакция «Военно-исторического журнала» приняла тогда удар на себя, мне все же пришлось писать «объяснительную записку». Я написал в ней, что резолюцию XIX Всесоюзной партконференции «О гласности» принял всерьез и стараюсь ее выполнять. Вроде пронесло, но рубец-то остался...

Долго бились да и по сию пору иногда бьются историки в шершавых наручниках сталинско-ежовско-бериевских инструкций. И все же лед тронулся. Очевидно, не будет преувеличением сказать, что в 1992–1995 гг. наступило самое настоящее половодье – неизвестные дотоле исторической науке документы и факты вырвались из недоступных ранее ведомственных архивных могильников. Бурный поток новизны хлынул на поле советской истории. Нередко он перехлестывает через край, приводит к односторонним трактовкам тех или иных исторических событий. Но, как любил говорить М.С. Горбачев, «процесс пошел».

Определенным отражением этого процесса явилась публикация ряда документальных материалов, в какой-то мере характеризующих трагедию всего советского

народа и его армии в 1937–1938 гг. Прежде всего здесь надо отметить заслуги недолго просуществовавшего журнала «Известия ЦК КПСС». Именно на его страницах уже в 1989 г. были опубликованы такие важные документы, как «закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», обобщенная справка «О так называемом «параллельном антисоветском центре», «О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии» и др.

Наряду с общеполитическими материалами, в этом журнале были опубликованы различного рода документы, имеющие непосредственное отношение к изучению трагедии РККА в 1937–1938 гг. К ним можно отнести такие публикации 1989 г., как доклад Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. «О культуре личности и его последствиях»; обобщенная справка КПК при ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии»; определение Военной коллегии Верховного суда СССР № 4н - 0280/57 от 31 января 1957 г. об отмене расстрельного приговора в отношении М.Н. Тухачевского, А.И. Корка, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, В.К. Путны, Р.П. Эйдемана, В.М. Примакова и Б.М. Фельдмана; записка Генерального прокурора СССР в ЦК КПСС и КГБ СССР о так называемом «Кремлевском деле»; разъяснение этих же инстанций «О внесудебных органах» и т. п. В течение 1990 г. были опубликованы «Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР С.К. Тимошенко от К.Е. Ворошилова»; справка-доклад заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко от 20 марта 1940 г. «О накоплении начальствующего состава и пополнении им

РККА»; доклад Л.З. Мехлиса от 23 мая 1940 г. «О работе Политического управления Красной армии».

Наконец-то после почти 30-летнего перерыва снова начал выходить научно-публицистический журнал «Исторический архив». И уже в его первом номере нашлось место для публикации таких важных для изучения проблемы террора в СССР документов, как постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» и письмо Ежова «В Политбюро ЦК ВКП(б). Тов. Сталину» с просьбой об отставке с поста наркома внутренних дел.

Жаль только, что в таком авторитетном «научно-публикаторском» издании неправильно указали дату этого письма. Почему-то оно датировано 23 сентября 1938 г. Это явная ошибка. Мне уже давно удалось познакомиться с типографским экземпляром этого письма в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), и там совершенно четко обозначена дата 23 ноября 1938 г. Да если бы кто-либо из публикаторов (Г.В. Костырченко и Б.Я. Хазанов) или высокочтимых членов Редакционного совета внимательно прочитал хотя бы два первых абзаца этого письма, в котором Ежов ссылается на обсуждение вопроса на Политбюро 19 ноября 1938 г., то сразу бы убедился, что об этом Ежов не мог написать 23 сентября 1938 г. При всем своем палачестве он все же не претендовал на лавры прорицателя. Увы! Есть и другие ложки дегтя в этой бочке меда. Так, расстрелянный 1 августа 1938 г. Я.С. Агранов, если верить публикаторам журнала, дожил до 1939 года (с. 143), известный ленинградский писатель М.Л. Слонимский переименован в Сломинского (там же) и т. п.

Читатель может сказать: зачем придирается к мелочам? Но ведь историческая наука – во многом наука

точная и подобные «ляпы» недопустимы вообще в любой печатной работе по истории, а тем более в специальном публикаторском журнале. И об этом надо говорить вслух, чтобы избежать подобной неряшливости в дальнейшем.

За публикацию важных материалов по рассматриваемой проблеме в 1993 г. активно взялся «Военно-исторический журнал». В первом номере помещена статья В.И. Ивкина и А.Т. Уколова «О масштабах репрессий в Красной армии в предвоенные годы». Авторы совершенно правомерно выступили против тех историков (не говоря уже о публицистах), которые, зачисляя всех уволенных в 1937–1938 гг. из армии в число якобы уничтоженных жертв политических репрессий, вольно или невольно искажают истину. Однако, сделав обязывающий вывод о том, что «число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в 10 раз меньше, чем приводят современные публицисты и исследователи»²³, В.И. Ивкин и А.Т. Уколов в то же время сами вынуждены признать неполноту приводимых ими интересных данных судебной статистики, поскольку они не располагают сведениями о количестве военнослужащих, осужденных за эти годы внесудебными органами, а главное, как они сами скромно отмечают в одном из примечаний, «данные за 1937 год приведены без учета так называемых участников «военно-фашистского заговора» и «право-троцкистских организаций», осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР»²⁴. Прочитаешь это, и сразу же возникает вопрос: а как же можно рассуждать сколь-либо доказательно о масштабах репрессий в Красной армии «без учета» осужденных «участников так называемого военно-фашистского заговора», да и военнослужащих – «участников право-троцкистских

организаций»? Ведь именно они составили основную массу жертв политических репрессий в Красной армии в предвоенные годы.

Особой признательности редакция «Военно-исторического журнала» заслуживает за публикацию подготовленной к печати А.С. Степановым «Справки о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре»²⁵. Еще в 1961 г. (решениями президиума ЦК КПСС от 5 января и от 6 мая) была создана специальная комиссия для изучения этого вопроса. И вот после более чем трехлетней работы представительной комиссии обобщающая справка 28 июня 1964 г. была отправлена первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву. Справку эту подписали: председатель комиссии Н.М. Шверник и члены комиссии А.Н. Шелепин, З.Т. Сердюк, Н.Р. Миронов, Р.А. Руденко и В.Е. Семичастный, т. е. представители тогдашнего высшего эшелона партийно-государственной номенклатуры. Не думаю, что они сами сидели в архивах и прилежно отыскивали первичные документы. Но они имели такую уйму всякого рода ученых помощников и такие возможности получения наверное абсолютно всех документов, что и в данном виде (опубликованная, к сожалению, с сокращениями) справка представляет исключительную ценность для всякого исследователя истории большого террора в Красной армии в 1937-1938 гг.

Значительный интерес для каждого историка, изучавшего предвоенную историю РККА, представляют довольно многочисленные примечания к этой «Справке». Они подготовлены В.И. Ивкиным и А.И. Кокуриным и содержат краткие справочные данные о десятках в основном неизвестных современному

читателю лиц, упоминаемых в этой «Справке...». Такие примечания безусловно нужны. Хотелось бы только еще раз обратить внимание и составителей примечаний, да и редакции специального военно-исторического журнала на нежелательность, а если уж прямо говорить – на недопустимость малейших фактических неточностей, а тем более грубых «ляпов». Вот вдруг составители примечаний уверяют читателей, что комкор В.К. Путна был осужден к расстрелу 11 июня 1937 г. (расстрелян 12 июня), а «арестован 20.08.1937 г.», т. е. через 69 суток после расстрела. Это в № 3, с. 78. А в № 5 еще более любопытное примечание. Оказывается, майор госбезопасности М.А. Листенгурт (приведены годы жизни: 1903–1940), в 1943 г. (т. е. через три года после своей кончины) стал помощником начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР (с. 65). Вот ведь какие чудеса бывают. После этого уже совсем не удивляешься, что нарком юстиции СССР Н.В. Крыленко переквалифицирован авторами примечаний в наркома здравоохранения СССР, а нарком здравоохранения Г.Н. Каминский – в наркома юстиции и т. п. И все это напечатано тиражом в 30 с лишним тысяч экземпляров и разослано подписчикам в самые дальние края России и в страны зарубежья. Тут уж действительно «не вырубить»...

В этом же журнале в десяти номерах за 1993 г. печатался отрывок составленного мною труда «Мартиролог РККА. 1937–1941 гг.». Эти скорбные списки расстрелянных (а также покончивших жизнь самоубийством и погибших в тюрьмах или в лагерях) командиров, начальников, политработников РККА по обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре» распределены по военным званиям на момент ареста «заговорщиков». Я понимаю, что список этот пока еще далеко не полон, даже для высшего и тем более старшего комначполитсостава Красной армии, а

особенно – для среднего и младшего комначсостава (а уж о красноармейцах и краснофлотцах и говорить нечего). Но с чего-то все-таки надо начинать. Этот трагический перечень безвинных жертв РККА публикуется в виде приложения к данной монографии (с соответствующими уточнениями и дополнениями по сравнению с журнальным вариантом).

Важные документы по данной проблеме были опубликованы в 1994–1996 гг. в журнале «Источник». В специальной литературе начали появляться исследовательские статьи, анализирующие различные виды архивных документов, в которых содержатся сведения о терроре в Советском Союзе. В первую голову мне хотелось бы отметить статью В.П. Попова «Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация)»²⁶. В ней автор, кстати, отмечает, что в НКВД, Наркомате юстиции, в Прокуратуре СССР степень секретности и связанные с нею особенности документирования были на целый порядок выше, чем в других управленческих органах. И вполне резонно, на мой взгляд, В.П. Попов ставит вопрос о необходимости научной критики сведений, фигурирующих в официальной ведомственной статистике карательных и правоохранительных органов 30–40-х годов. Это тем более необходимо, что, как убедительно показано в статье В.Е. Корнеева и О.Н. Копыловой «Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х гг.)»²⁷, государственные архивы, по крайней мере, со второй половины 30-х годов, включились в активную работу по выявлению «врагов народа». И в «патриотическом» (как они тогда понимали) рвении фондообразователей и сотрудников архивов всякое могло быть с научной истиной.

Но как бы то ни было, прежде чем научно оценить достоверность архивных документов и материалов, их сначала надо выявить и получить в свое распоряжение.

Первостепенное значение в исследовании данной проблемы имеют документы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (далее - РГВА). Именно здесь отложились такие важнейшие первоисточники, как приказы наркома обороны СССР, директивы и приказы начальника Политуправления РККА, довольно регулярные обобщенные докладные записки руководителей военного ведомства по различным вопросам военного строительства (в том числе и сводки «об отрицательных явлениях» в РККА) в адрес секретарей ЦК ВКП(б), председателя Совнаркома СССР, наркома внутренних дел СССР. Здесь же хранятся стенограммы заседаний Военного совета при НКО СССР и Главного военного совета РККА, различного рода всеармейских совещаний, на которых подводились промежуточные итоги процесса выявления и истребления участников «военно-фашистского заговора», а также многочисленные справки, докладные записки, подготовительные материалы Управления по командно-начальствующему составу РККА о ходе и результатах «выкорчевывания».

Для более полного постижения механизма истребления командиров и политработников РККА поистине неоценима сохранившаяся переписка наркома обороны и начальника Политуправления РККА с Особым отделом Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Здесь отложились многочисленные «справки» и «меморандумы» руководителей Особого отдела ГУГБ с предложением (а то и требованием) дать санкцию на арест того или иного военнослужащего (а иногда и целой группы их). И на каждом таком «ходатайстве» сохранилась собственноручная резолюция К.Е. Ворошилова либо Я.Б.

Гамарника, а затем П.А. Смирнова, Л.З. Мехлиса... Наконец, по сути, не поднятой еще целиной являются отложившиеся здесь сотни служебных и внеслужебных доносов, десятки и сотни тысяч писем, заявлений, жалоб жертв сталинского террора, их ближайших родственников, боевых товарищей. В этих запекшихся кровью человеческих документах, говоря словами Н.А. Некрасова, – «горя реченька бездонная».

К сожалению, необходимо заметить, что некоторые ценные для исследования данной проблемы документы, выявить пока не удалось. Укажу хотя бы на такой факт. Известно, что 11 мая 1937 г. Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский был освобожден от должности первого заместителя наркома обороны СССР и назначен командующим войсками ПриВО. Уезжая в город Куйбышев, Тухачевский передал работникам 1-го отдела Генштаба РККА документы из своего сейфа, в том числе и его письма Сталину и Ворошилову и ответные их письма²⁸. Где они хранятся сейчас, выявить пока не удалось. Вполне возможно, что в ведомственном архиве Генштаба, куда, естественно, доступ исследователям чрезвычайно затруднен. (Кстати, удержание в этом архиве исторических документов более чем полувековой давности представляется мне совершенно неправомерным.)

Еще большей трудностью для исследователя данной проблемы вплоть до последнего времени являлась фактическая недоступность важнейших документов ЦК ВКП(б), хранившихся с грифом «строго секретно». Согласно решению ЦК ВКП(б) от 29 декабря 1938 г. все выписки из протоколов заседаний оргбюро и секретариата ЦК подлежали возврату в ЦК ВКП(б). Ввиду того, что за прошлые годы выписки не учитывались и поэтому не все возвращались в ЦК, техсекретариатом оргбюро было предложено проверить

архивы секретной части и секретариата НКО и в случае обнаружения выписок из протоколов заседаний оргбюро и секретариата ЦК ВКП(б) возвратить их в секретариат оргбюро. О проверке архива предлагалось составить акт, копию которого надлежало прислать в техсекретариат оргбюро²⁹. Столь же строго обстоит дело и со всеми материалами Политбюро ЦК ВКП(б). Например, 22 февраля 1939 г. заведующий особым сектором ЦК А.Н. Поскребышев обращается в наркомат обороны с просьбой «вернуть числящиеся за тов. Ворошиловым материалы и выписки Политбюро»³⁰.

С большой, так понятной каждому историку, радостью необходимо отметить, что в самое последнее время (после краха августовского путча 1991 г.) многие документы Политбюро, оргбюро и секретариата ЦК ВКП(б) предвоенных лет стали наконец-то доступны для исследователя. Речь идет прежде всего о протоколах заседаний этих высших партийных инстанций, отныне хранящихся в РЦХИДНИ. Фронтальное обследование и объективный анализ этих протоколов и приложенных к ним документов (различного рода справок, текстов постановлений и т. п.) вполне может обеспечить своеобразный прорыв в изучении подлинной истории жизни народов Советского Союза и особенно содержания и уровня руководства ВКП(б) и советского государства в предвоенные годы. Но только в определенном смысле. В том, что мы узнаем много нового. Однако узнаем далеко не все. Ибо, как нередко бывало на Руси ранее и бывает и ныне, передача документов ЦК ВКП(б) в РЦХИДНИ была проведена не по-научному, да и не совсем по-честному.

Дело в том, что во всей работе высших партийных инстанций царила не просто секретность, а, можно сказать, суперсекретность. И без того на всех материалах Политбюро, секретариата, оргбюро ЦК

ВКП(б) красовался гриф «строго секретно». Но этого, оказывается, было мало. По заведенному тогда порядку почти все решения по вопросам, внесенным в эти инстанции наркоматом иностранных дел, НКО, НКВД, НКЮ и даже Верховным судом СССР, прокурором СССР, отправлялись в «особую папку». Насколько мне удалось установить, в эти «особые папки» отправлялось и немало совершенно искусственно засекречиваемых документов. В конце 1936 г. – начале 1937 г. в эти папки под строжайшим секретом были отправлены постановления (решения) Политбюро ЦК ВКП(б) по таким «страшно секретным делам», как «Об архиве Маркса – Энгельса», «О крушении поезда», «О горчичных семенах», «О люцерне», «О доме для испанских детей», «О кинооборудовании», «О саженцах для виноградников Грузии», «О дорожных машинах», «Об отпуске средств в редакции журнала «Вестник древней истории» и т. д. и т. п. Но отправлялись в «особые папки» и многочисленные постановления Политбюро «Об антисоветских элементах», и решения по вопросам НКВД и НКО, в том числе и все решения, связанные с уничтожением военных кадров.

Сколько этих «особых папок», в каком они состоянии, историкам пока знать не дано. Известно только, что сейчас они (папки) обретаются вроде бы в «Президентском архиве». Доступ рядовых исследователей сюда крайне затруднен. И до нас, простых смертных, доходят только отдельные документы 50—60-летней давности, которые держатели «особых папок» соглашались обнародовать. Вот так и живем... Не по-людски. Да простит меня читатель за несколько фривольное сравнение, но ведь без этих «особых папок» вся остальная документация качественно неполноценна. Так же, как невесты из пушкинской сказки «Царь Никита и сорок дочерей», которым «пустыка недоставало»... И до каких же пор

будут действовать запреты, заложенные при Сталине и Берии?

Если документы РГВА (бывшего ЦГАСА) и РЦХИДНИ (бывшего ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС) с той или иной степенью полноты все же вовлекались в научный оборот, то ведомственные архивы Верховного суда Российской Федерации и особенно Военной коллегии Верховного суда РФ, по сути дела, – самая настоящая целина для историка. А ведь именно здесь хранятся многие сотни тысяч документов, имевших юридическую силу и окончательно решавших судьбу военных людей, попавших в кровавую мясорубку. Здесь отложились приказы, директивы, переписка председателя Верховного суда СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, наркоматов внутренних дел и юстиции страны, прокурора Советского Союза и т. д. и т. п.

Но самое главное, по моему мнению, богатство этих архивов – десятки и сотни тысяч надзорных производств. Это, как правило, совсем небольшое по объему дело, включающее прежде всего два основополагающих документа: 1) представление (заключение – протест) Главной военной прокуратуры в Военную коллегия Верховного суда СССР на предмет отмены приговора тому или иному бывшему военнослужащему и 2) определение Военной коллегии об отмене приговора и реабилитации неосновательно осужденного. Эти документы составлялись в основном в середине и во второй половине 50-х годов. Особую ценность для исследователя имеет то обстоятельство, что заключения ГВП базировались на тщательном изучении ее офицерами целых массивов до сих пор весьма труднодоступных архивно-следственных дел и иных документов. В надзорных производствах могут встретиться и некоторые другие, по сути, уникальные документы (письма и запросы родственников,

характеристики, данные бывшими сослуживцами и т. п.).

Как же разобраться в этом океане человеческих судеб? Здесь на помощь приходят заботливо сохраняемые уникальные картотеки. Первая из них – картотека дел, проходивших через Военную коллегия Верховного суда СССР (РФ), как суд первой инстанции (с середины 30-х годов и по настоящее время). По сообщению заместителя начальника одного из отделов этой коллегии полковника юстиции В.М. Полуянова, на конец января 1993 г. она содержала около 50 тыс. карточек. Есть здесь и другая – общая картотека. Она включает данные не только на лиц, осужденных Военной коллегией как судом первой инстанции, но и всех тех, дела которых прошли через Военную коллегия как кассационную инстанцию, а также на осужденных Особым совещанием при нарком внутренних дел СССР, так называемой «высшей двойкой» (нарком внутренних дел и прокурор СССР), и др. Всего общая картотека на конец января 1993 г. насчитывала около миллиона карточек.

Проработав с этими картотеками более трех лет, я понял, что без тщательного изучения их просто невозможно сколь либо полно и объективно понять и описать трагедию РККА в 1937–1938 гг. Пользуясь случаем, я хочу еще раз выразить искреннюю признательность нынешнему руководству Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации (председатель – генерал-полковник юстиции Н.А. Петухов и заместитель председателя – генерал-лейтенант юстиции А.Т. Уколов) за предоставленную мне возможность работы с документами, а также полковнику юстиции Н.А. Дуднику, заведующей Архивом Военной коллегии Т.А. Груздевой и сотруднице этого архива Е.Ф. Макеенковой за создание наиболее благоприятных условий для этой работы.

В подавляющем своем большинстве документы, исходящие из КГБ при СМ СССР, из Военной коллегии Верховного суда СССР, обладают высокой степенью достоверности, но попадаются и своеобразные юридические ребусы.

27 июля 1956 г. в официальном (на бланке) документе из КГБ, адресованном председателю Военной коллегии, говорится о судьбе бывшего заместителя начальника Управления связи РККА, бригаженера: «Иудин С.Д. 1899 года рождения, уроженец гор. Киржача, Владимирской области, был арестован 10 марта 1938 года УНКВД по Московской области и осужден 25 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН. Приговор приведен в исполнение 25 июля 1938 года»³¹. Далее заделана подпись начальника учетно-архивного отдела Комитета госбезопасности при СМ СССР полковника Плетнева, но расписался его заместитель (подпись неразборчива). Вот и суди как хочешь. То ли опечатка – но ведь не буквенная, не цифровая! То ли бригаженера действительно в июле расстреляли (застрелили!), а в августе «оформили» судебно?

А вот еще один аналогичный пример. 9 марта 1956 г. председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант юстиции А.А. Чепцов подписывает официальную справку на имя начальника ГУК МО СССР и начальника Главного политуправления Вооруженных сил СССР. Речь идет о судьбе бывшего начальника строительно-квартирного отдела МВО бригаданта Д.Д. Бодрова. Здесь сказано, что арестованный 7 августа 1937 г. бригаданта осужден Военной коллегией к ВМН 31 октября 1937 г., а «приговор исполнен 1 сентября 1937 года»³², т. е. за два месяца до вынесения приговора. Вот как хочешь, так и понимай!

Изредка встречаются и явные неточности. Так, в надзорном производстве по делу героя Гражданской войны, бывшего командира отчаянно штурмовавшей Сиваш 15-й (позднее Сивашской) дивизии комдива И.И. Раудмеца в подписанном и заверенном официальном донесении Военной коллегии в Главное управление кадров и Главное политуправление Министерства обороны СССР утверждается, что он был арестован 11 июня 1936 г.³³ У меня это вызвало недоумение, так как Ворошилов в своем перечислении арестованных в 1936 г. лиц высшего командного состава РККА Раудмеца не называет. И только тщательное изучение всех документов, содержащихся в надзорном производстве, в том числе заявлений и анкет, собственноручно заполненных его вдовой, позволило установить ошибочность официального доклада Военной коллегии и определить, что комдив И.И. Раудмец в действительности был арестован в Киеве 11 июня 1937 г.³⁴

Нуждаются в критическом анализе и сохранившиеся в архиве Военной коллегии алфавитные списки на осужденных ею по первой инстанции в 1937-1938 гг.³⁵ Почему-то в них отсутствуют фамилии многих военнослужащих, осужденных Военной коллегией в эти годы (как это устанавливается по другим источникам).

И, наконец, еще об одном ведомственном архиве. Речь идет о бывшем Центральном архиве КГБ СССР, а ныне он называется Центральным архивом Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦАФСБ РФ). По некоторым данным, архивы бывшего КГБ включают в себя более 10,6 млн единиц хранения³⁶. Несколько месяцев жизни я потратил на то, чтобы «пробиться» в этот архив. В результате – удалось несколько дней поработать с некоторыми неизвестными мне ранее документами (например, оперативными

приказами наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова). И все же не то что полного, а даже частичного удовлетворения душевного нет. Во-первых, потому, что в этом архиве нет элементарнейших условий для работы исследователя. А во-вторых, и это самое главное, - вплоть до середины 90-х годов исследователь фактически был лишен всякой возможности вести научный поиск. В его распоряжении представляли только те документы, которые считали нужным предоставить сотрудники архива. Более того, лишали историка возможности ознакомления и изучения таких первичных документов, как архивно-следственные дела военнослужащих, осужденных во второй половине 30-х годов. Причем эта позиция вполне сознательная. Даже в первой половине 80-х годов тогдашний заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник В.П. Пирожков писал: «Что касается материалов архивных дел, то частных лиц мы с ними не знакомим. И прежде всего по мотивам, связанным с действующим законодательством. Нельзя не учитывать и того, что эти материалы создают нередко искаженное и неверное представление о самом репрессированном, его поведении на следствии и в суде, а также затрагивают интересы других невинно пострадавших лиц. Главное - не опорочить так называемыми «признательными показаниями» доброе имя человека, честно посвятившего свою жизнь делу партии, народа и социализма»³⁷.

Казалось бы, все правильно. Проявлена «отеческая» забота «компетентных» органов об интересах лиц, давших «признательные показания». Но в действительности - это самая настоящая попытка скрыть злодеяния НКВД. Тут необходимо учитывать как минимум два обстоятельства. Во-первых, далеко не все давали эти «признательные показания». В ходе

дальнейшего изложения я постараюсь назвать имена настоящих героев, которые не сломались даже под гнетом застеночных дел мастеров НКВД и умерли с гордым сознанием сохранения своей чести, не оговорив ни себя, ни своих боевых товарищей. А во-вторых, и об этом будет подробно рассказано в последующих главах книги, все эти «признательные показания» в абсолютно подавляющем большинстве случаев были вырваны у арестованных командиров и политработников РККА в результате применения к ним давным-давно осужденных всем цивилизованным миром «физических методов воздействия», а попросту говоря, самых настоящих издевательств и пыток. И не допуская историков к изучению этих дел, руководство архива ФСБ вольно или невольно способствует сокрытию правды о злодеяниях ягодовцев, ежовцев, бериевцев.

Историку, пришедшему в этот архив и «допущенному» для работы в нем, не разрешали даже ознакомиться с описями. Хуже того, сотрудники архива требовали от историка, чтобы он заранее назвал, какие именно документы ему необходимы. А откуда он может знать, какие документы здесь есть? Когда же все-таки «навскидку» называешь те или иные документы, которые должны были бы отложиться в этом архиве, слышишь в ответ: «У нас таких документов нет». Как это проверить и как этому можно поверить?

Вот лишь один пример. Известно, что в свое время Хрущев говорил о 383 списках, посланных Ежовым Сталину, с просьбой утвердить осуждение содержащихся в списках лиц по первой категории (расстрел) или по второй (10, а потом 25 лет лишения свободы). На мою законную просьбу ознакомиться с этими списками тогдашний заместитель начальника ЦАМБ РФ с совершенно чистым взором твердо ответил: «А у нас их нет!» А ведь известно, что один экземпляр

исходящего секретного документа обязательно остается у учреждения-отправителя.

Попытался было я ознакомиться хотя бы с такими документами, как стенограммы партийных собраний и партактивов Главного управления госбезопасности в 1937–1938 гг. и то получил, как выражался шолоховский герой, «полный отлуп». А уж о списках сотрудников Особого отдела Главного управления госбезопасности я и сам заикаться не стал. И все же так хочется верить, что наступит такое время, когда распахнутся тяжелые двери архивов ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД... Скорее бы наступило это времечко – «приди, приди, желанное!». А пока, увы, мы в этом плане не очень-то далеко ушли от времен древнего Египта, где, как известно, знания носили тайный характер, всячески укрывались от простых смертных и были достоянием лишь жречества.

И с предоставлением народу (и его историкам) возможности максимально полного ознакомления с документами его собственной истории надо спешить всемерно.

Ибо чем раньше, полнее и всестороннее современное поколение историков сумеет изучить всю совокупность этого корпуса документов, тем больше вероятность сравнительно адекватного реконструирования исторического процесса. Ведь уже и сейчас, по ныне действующим правилам хранения, в Архиве Военной коллегии Верховного суда, например, о целом ряде осужденных в 1937–1941 гг. осталась лишь маленькая картонная карточка с указанием фамилии, имени, отчества и формулой «осужден ВК ВС в 1937 (1938, 1939)». Вот и все, что осталось от человека, некогда активно участвовавшего в строительстве РККА. Кроме того, немалое количество дел отослано из архива в местные органы госбезопасности, что создает дополнительные трудности их выявления и изучения.

А самая главная опасность состоит в том, что на наших глазах под антитоталитарный перезвон по разным причинам происходит самое настоящее исчезновение бесспорно существовавших ранее многих ценнейших, основополагающих по данной проблеме документов. Так, уже в 1957 г. при дополнительной проверке дела расстрелянного 30 октября 1937 г. бывшего командира 16 ск БВО комдива А.П. Мелик-Шахназарова сотрудники Главной военной прокуратуры, имевшие зачастую недостижимые даже для современного историка права и возможности, вынуждены были констатировать: «Личного дела на Мелик-Шахназарова разыскать не представилось возможным»³⁸. Объяснения причин здесь не дано. Остается лишь предполагать: то ли времени и терпения у военных прокуроров не хватило, то ли личные дела осужденных «врагов народа» изымались и куда-то отправлялись или же вообще уничтожались?

Тем более острым становится этот вопрос в наши дни, по прошествии более 60 лет со времени кровопролитных событий 1937-1938 гг. Во всяком случае, имеются косвенные данные о том, что, например, в Архиве Военной коллегии Верховного суда СССР часть надзорных производств по реабилитации военнослужащих, проведенной в 1957 г., уже уничтожена.

В печати неоднократно сообщалось, что в ходе августовских событий 1991 г. в архивах ЦК КПСС проводилось массовое уничтожение (специальными машинами) неизвестных общественности документов. А по авторитетному свидетельству В.В. Бакатина, еще в 1989-1990 гг. по приказу тогдашнего руководства КГБ при Совете Министров СССР были уничтожены (путем сожжения в печах) 105 томов «Оперативной разработки» по А.И. Солженицыну (значился под

псевдонимом «Паук») и 550 томов по А.Н. Сахарову («Аскет»). Печи после сожжения были проверены, о чем составлены соответствующие акты³⁹. Кто сейчас может поручиться, что и поныне (под самыми различными соусами) не ведется массовое уничтожение документов, невыгодных (неудобных) для той или иной правящей в стране группировки?

В мировой исторической науке чуть ли не до каждого человека подсчитаны жертвы политических репрессий при Тиберии, в годы инквизиции, при Иване Грозном, в годы Великой Французской революции 1789–1799 гг. А точные данные о загубленных в совсем недавнем прошлом наших родных соотечественниках под различными ухищрениями все еще укрываются от историков, несмотря на совершенно ясный соответствующий Указ Президента Российской Федерации.

Как и каждый уважающий читателя и себя автор, я был обязан возможно полно выявить и тщательно изучить всю посильную мне литературу вопроса и уже опубликованные по данной проблеме документы. Без этого всякая попытка исследования была бы просто некорректна. Поэтому я должен и буду опираться на эти публикации. Но, используя их как своеобразные несущие опоры, я отнюдь не собираюсь создавать некую хрестоматию уже опубликованного. К уже напечатанному я буду прибегать, как правило, лишь в самых необходимых для наиболее полного раскрытия проблемы случаях. Самая же главная моя цель – поделиться с людьми теми новыми, еще не публиковавшимися данными (материалами) по исследуемой проблеме, которые мне удалось выявить в результате многолетней работы в архивах – особенно в Российском государственном военном архиве и в Архиве Военной коллегии Верховного суда Российской

Федерации. И сейчас, когда начинаю все результаты этой работы сводить воедино, я совсем не жалею, а даже доволен, что годы жизни посвятил выявлению, рассмотрению, изучению, переписыванию пожелтевших от неумолимого бега времени пыльных страниц архивных дел. Сказать то и так, о чем и как до тебя не говорили, – в этом, очевидно, одна из высших духовных радостей. И не так уж важно, сколь малым тиражом будет издана книга. Важно, чтобы было что сказать.

В отдельных случаях я позволю себе поделиться с читателем и некоторыми личными воспоминаниями и впечатлениями о том по-своему героическом и, безусловно, страшном времени. Ведь я в то время жил, учился. В кадрах РККА в эти роковые годы я еще не состоял, но летом 1935 г. принял военную присягу «торжественное обязательство» и в 1935–1936 гг. отслужил два двухмесячных сбора в одной из стрелковых дивизий Ленинградского военного округа (первый сбор – красноармейцем, а второй – командиром отделения). Затем состоял в запасе – сначала в звании помкомвзвода, а с 1940 г. – в среднем политсоставе (без звания). Осенью 1937 г. мне – студенту 4-го курса исторического факультета Ленинградского государственного университета – стукнуло 20 лет. И я не был исключением из правила, согласно которому нет человека, довольного своим положением и недовольного своим умом. Во всяком случае была пора в эти лета «сметь свое суждение иметь». По крайней мере, университетская обстановка предвоенных лет осталась в памяти на всю оставшуюся жизнь.

Я долго думал над структурой монографии. Каждый согласится, что здесь возможны самые различные варианты. Но в результате поиска, выявления, сбора и анализа многочисленных первичных документов я пришел к довольно определенному выводу, что наиболее целесообразно построить изложение в

соответствии с основными этапами того смертного пути, по которому в 1937-1941 гг. прошли многие тысячи воинов РККА: арест, предварительное следствие, судебная комедия, пуля в затылок. Описанию этих ступеней в ад XX века предшествует краткий анализ социальной атмосферы в партии, в стране, в армии в 1937-1938 гг. А в последней главе постараюсь показать неопишимо губительные последствия беспощадной расправы тоталитарно-репрессивной системы с Рабоче-крестьянской Красной армией буквально накануне гитлеровского нашествия.

В процессе многолетней подготовительной работы к написанию предлагаемой читателю книги мне удалось в 1989-1996 гг. опубликовать несколько исследовательских статей в журналах «Коммунист», «Вопросы истории КПСС», «Кентавр», «Вопросы истории», «Отечественная история», «Военно-исторический журнал» и небольшой раздел «Трагедия комначсостава в 1937-1938 гг.» (в моей книге «РККА накануне: Очерки политического воспитания Красной Армии 1929 г. - июнь 1941 г.» М., 1993, с. 193-215). Но все эти публикации освещали в основном отдельные аспекты проблемы и явились лишь своеобразным подступом к монографическому ее рассмотрению.

И, наконец, о праве на изложение и публикацию своей точки зрения. Не знаю, у кого как, а у меня, родившегося в один год с Октябрьской революцией, только сейчас, на склоне восьмого десятка лет быстро уходящей жизни, впервые появилась реальная возможность действительно свободного научного исследования. Такое нравственное и юридическое право во всем просвещенном мире считалось незыблемым чуть ли не со времен Ренессанса. Уже Мартин Лютер восклицал: «Я здесь стою - и не могу иначе!» Иногда о свободе исследования говорилось и в советский период. Но каждый - и говорящий, и

слушающий – прекрасно понимали, что это «слова, слова, слова...». Все мы были скованы железным панцирем «партийных оценок». И не только историки, но и все творческие, хоть чуть-чуть самостоятельно мыслящие люди. Как бился в этих тенетах, как рвался из этих цепей один из немногих поистине великих поэтов уплывающей в прошлое эпохи *А.Т. Твардовский*, когда писал:

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых, – знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет – пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

Эти вдохновенные строки, выражающие «мечту поэта», написаны в 1958 г. на волне XX партсъезда. Позже Твардовский напишет, может быть, главную книгу своей жизни – поэму «По праву памяти». Написал так, как он хотел. И как каждый творец, хотел видеть свое творение напечатанным. Но не тут-то было. Это император Николай I «высочайше дозволял» публиковать А.С. Пушкину все, что тот написал. А могущественные генсеки «от имени народа» «не пущали». Так и умер Александр Трифонович, измученный и до глубины души оскорбленный

малограмотной, но зато высокобдительной всемогущей кремлевской цензурой, не позволившей ему увидеть свои заветные думы обнародованными...

Я рад, что дожил до времен, когда и на нашей многострадальной Родине можно писать (а если «повезет», даже и публиковать) то, что ты действительно знаешь, и так, как ты думаешь и представляешь минувшее.

Часть первая

АТМОСФЕРА

Сон разума рождает чудовищ.

ФРАНСИСКО ГОЙЯ

В ПАРТИИ

Атмосфера в ВКП(б) в середине 30-х годов характеризовалась прежде всего повседневно нараставшим всевластием Политбюро ЦК ВКП(б), избранного 10 февраля 1934 г., в последний день работы XVII партсъезда¹. Заранее подобранные прежним руководством ЦК 1225 делегатов съезда с решающим голосом, представлявших 1 872 488 членов партии, избрали новый (также заранее определенный) состав Центрального Комитета: 71 член и 68 кандидатов^[3]. В этот же день члены ЦК (несколько десятков человек) избрали также предварительно намеченных и предложенных им 10 членов Политбюро: А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, С.М. Киров, С.В. Косиор, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталин и 5 кандидатов в члены Политбюро (А.И. Микоян, Г.И. Петровский, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак и В.Я. Чубарь)^[4]. И вот этот, по сути, сам себя избравший синедрион высших партийных жрецов бесконтрольно заправлял всем и вся в необъятной стране с огромным населением.

Но фронтальное изучение доступных протоколов Политбюро ЦК позволяет сделать вывод, что определенные возможности для делового обсуждения поставленных вопросов здесь все-таки (по крайней мере, формально) имелись. На заседаниях обычно присутствовали не только члены Политбюро, но и представители других высших коллегий партии. Так, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 4 мая 1934 г. присутствовало 7 членов Политбюро (Андреев, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Сталин), 1 кандидат в члены Политбюро

(Микоян), 24 члена ЦК ВКП(б) (в том числе Л.П. Берия, А.С. Бубнов, Н.И. Ежов, А.А. Жданов, Н.С. Хрущев, Г.Г. Ягода) и 15 кандидатов в члены ЦК ВКП(б) (в том числе Л.З. Мехлис, А.Н. Поскребышев, А.И. Рыков)².

Еще более представительный характер носили обычно заседания оргбюро ЦК ВКП(б). На его заседании 5 июня 1936 г., например, присутствовало 7 членов оргбюро (А.А. Андреев, Я.Б. Гамарник, Н.И. Ежов, А.А. Жданов, А.В. Косарев, А.И. Стецкий, Н.М. Шверник), 1 кандидат в члены оргбюро (А.И. Криницкий), а также 14 членов ЦК ВКП(б), 13 кандидатов в члены ЦК ВКП(б), председатель ревизионной комиссии ЦК, 3 члена бюро КПК при ЦК ВКП(б), 6 руководителей групп КПК, 7 заведующих отделами ЦК (В.В. Адоратский, К.Я. Бауман, И.А. Лычев, Г.М. Маленков, О.А. Пятницкий, Б.М. Таль, А.С. Щербаков), 13 помощников заведующих отделами ЦК, 1 помощник секретаря ЦК ВКП(б), 1 представитель газеты «Правда» и начальник политуправления Народного комиссариата путей сообщения СССР³.

Секретариат и оргбюро ЦК имели немалую власть, но верховным распорядителем-диктатором было Политбюро ЦК ВКП(б). Именно оно окончательно утверждало и предложения других коллегий ЦК, и проекты постановлений ЦИК СССР и Совнаркома СССР. Масштаб работы Политбюро был поистине всеохватный. На некоторых его заседаниях принимались окончательные решения по сотне, а то и двум сотням вопросов. Например, одно из дел оргбюро ЦК ВКП(б), начатое 23 августа 1938 г. и оконченное 25 декабря того же года, содержит решения по 1727 вопросам⁴. Среди них немало было, как в свое время говаривал В.И. Ленин, «вермишели». Например, в 1934 г. здесь решались вопросы «Об отпуске гвоздей для стимулирования хлебозакупок» (16 сентября); в 1935 г. «О розничных ценах на мандарины» (8 сентября);

в 1936 г. – «О кровельном железе для хлопковых колхозов Таджикистана», а 13 февраля 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает постановление СНК СССР о кастрации излишних быков в колхозах и совхозах⁵ и т. п. Все это лишь подтверждает, что не было в жизни партии и всей страны такого вопроса, по которому Политбюро не могло бы принять своего решения, притом окончательного. Оно считало себя высшим арбитром и в специальных, технических вопросах. 2 сентября 1934 г. Политбюро утвердило постановление Совета труда и обороны «Об автосцепке»: «Признать автосцепку ИРТ-3, как удовлетворительно показавшую себя в условиях работы на железных дорогах... В связи с этим дискуссии о типе автосцепки прекратить»⁶.

Убеждение во всемогуществе Политбюро ЦК было настолько прочным, что на его утверждение был представлен (судя по контексту) проект решения об изучении русского языка во французских лицеях. И вот появляется такое решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1937 г.: «Введение преподавания русского языка во французских лицеях предоставить усмотрению французского правительства»⁷. Все-таки, очевидно, вслед за Щедриным чиновники поняли, что «сие от них не зависит»...

А внутри страны Политбюро ЦК ВКП(б) было действительно всемогущим. Оно могло назначить любого человека на любой пост, в том числе и выборный. Даже списки кандидатов в депутаты Верховного совета СССР в 1937 г. и кандидатов в депутаты Верховных советов союзных и автономных республик в 1938 г. предварительно, задолго до выборов, утверждались Политбюро⁸. Оно же могло и снять любого человека с любого поста и даже выборного. До всякого судебного разбирательства, под

истошные крики угодничавших пропагандистов о великих свободах, дарованных сталинской конституцией, Политбюро ЦК ВКП(б) 20 декабря 1936 г. принимает решение: вывести из состава ЦИК СССР Г.Л. Пятакова, Г.Я. Сокольникова, С.А. Туровского и др. (всего 7 человек)⁹. Постановлением Политбюро от 20 октября 1937 г. из состава членов ЦИК СССР исключаются 15 человек¹⁰ и т. д. Так оно обращается с представителями законодательной власти. А уж об остальных ветвях власти и говорить нечего. Политбюро назначает (утверждает) и «освобождает» наркомов, прокуроров, председателей Верховного суда, полпредов, присваивает высшие военные звания, награждает орденами и лишает орденов, принимает решение об отпуске и лечении ответственных руководителей.

Обеспечив назначение «соответствующих» людей, Политбюро неукоснительно контролирует практическую работу высших органов советской власти. 13 декабря 1934 г. оно утверждает составы комиссий по руководству VII съездом Советов Союза ССР (13 человек) и по руководству XVI Всероссийским съездом Советов¹¹. 16 октября 1936 г. Политбюро утверждает комиссию по руководству VIII Чрезвычайным съездом Советов (15 человек), 4 января 1937 г. - комиссию по руководству 3-й сессией ЦИК Союза ССР VII созыва в составе 17 человек¹². И всюду в этих комиссиях непременно мелькают одни и те же фамилии: Сталин, Молотов, Калинин, Каганович, Ворошилов, Андреев, Ежов...

Долгие годы в советской литературе имела хождение официальная версия, пытавшаяся объяснить массовые расстрелы 1937-1938 гг. тем, что органы НКВД на какой-то период якобы вышли из-под контроля партии. Это утверждение не соответствует

действительности. Многочисленные документы неопровержимо свидетельствуют, что партия и НКВД – «близнецы-братья», что на протяжении всей предвоенной истории Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП(б) неослабно держало под контролем и твердой рукой направляло всю деятельность ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Я надеюсь сказать об этом более подробно в следующих главах. Здесь же мне хотелось бы обратить внимание лишь на несколько фактов. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1934 г. Сталин и Ежов включены в комиссию по выработке проекта положения о НКВД и Особом Совещании¹³. Решением Политбюро от 26 сентября 1936 г. народным комиссаром внутренних дел СССР был назначен Ежов, «с оставлением его по совместительству секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии Партконтроля с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал НКВД»¹⁴. Именно решением Политбюро (опросом) от 28 декабря 1936 г. начальником Главного управления государственной безопасности НКВД СССР был назначен Я.С. Агранов¹⁵.

Специальным постановлением Политбюро от 20 сентября 1938 г. «Об учете, проверке и утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников Наркомвнудела, Комитета обороны, Наркомата обороны, Наркомата Военно-Морского флота, Наркоминдела, Наркомата оборонной промышленности, Комиссии партийного контроля и Комиссии Советского контроля» устанавливалось, что утверждению в ЦК ВКП(б) подлежали все ответственные работники центрального аппарата вплоть до заместителей начальников отделов, а по Наркомвнуделу – даже до начальников отделений. Обязательному утверждению в ЦК ВКП(б) подлежали также наркомы, заместители наркомов и начальники отделов НКВД союзных и автономных республик,

начальники краевых, областных и окружных органов НКВД, их заместители и начальники отделов этих органов, начальники городских и районных отделений НКВД¹⁶.

И уж эти кадры партия лелеяла в прямом соответствии с оброненным однажды Сталиным призывом заботиться о кадрах, как садовник заботится о любимом дереве. Весь мир теперь знает, что Ежов был форменным садистом, его по праву называют «кровавым карликом», а вот как о нем буквально по-матерински пеклось Политбюро ЦК ВКП(б). 1 декабря 1937 г. оно принимает такое постановление:

«1. Обязать т. Ежова выполнить постановление ЦК об отпуске до 7 декабря с пребыванием за городом и с воспрещением ему появляться в учреждении для работы.

2. Предложить т. Сталину проследить, чтобы настоящее постановление ЦК было выполнено т. Ежовым»¹⁷.

С другой стороны, наблюдалось не только такое явление, как своеобразный симбиоз, сращивание, переплетение, но и переливание, перемещение кадров из органов НКВД в партийные и советские. Вот лишь некоторые примеры на сей счет. 14 августа 1937 г. Политбюро утверждает председателем Совнаркома АССР немцев Поволжья В.Ф. Далингера, с освобождением его от работы наркома^[5] внутренних дел этой республики. 16 августа заместитель наркома внутренних дел СССР М.Д. Берман утверждается народным комиссаром связи СССР¹⁸. А 29 августа того же года принимается решение: «Утвердить исполняющим обязанности первого секретаря Татарского обкома ВКП(б) т. Алемасова, освободив его от работы уполномоченного НКВД по Татарии»¹⁹. И подобные случаи пересаживания с кресла начальника

УНКВД в кресло первого секретаря обкома ВКП(б) были далеко не единичны. Дело доходило до того, что 24 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение (опросом) удовлетворить просьбу Курского обкома ВКП(б) об утверждении «в виде исключения» членом бюро обкома ВКП(б) начальника УНКВД Скимановского, который вообще не являлся членом данного обкома²⁰.

Именно Политбюро ЦК ВКП(б) выработывало генеральную линию, давало официальную установку органам НКВД, незыблемо авторитетно определяло, кого именно надо изолировать и уничтожить. Мне, например, удалось выявить, что только в июле 1937 г., за один месяц. Политбюро принимает не менее семи постановлений «Об антисоветских элементах» (9, 11, 14, 16, 23, 28 и 31 июля). Все эти постановления до сих пор недоступны исследователям. Они хранятся в Президентском архиве. Почему? Зачем? Но, судя по названию, они были прямой «наводкой» для органов НКВД.

Решением от 14 апреля 1937 г. (опросом) были созданы две «постоянные комиссии при Политбюро ЦК ВКП(б)». Одна – в составе: Сталин, Молотов, Ворошилов, Л. Каганович и Ежов – «в целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности – и для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики» и другая (Молотов, Сталин, Чубарь, Микоян, Л. Каганович) – «в целях успешной подготовки для Политбюро срочных текущих вопросов хозяйственного характера»²¹. Это неоспоримо свидетельствует, что и внутри самого Политбюро всем дирижировала еще более узкая группа лиц.

При фронтальном изучении протоколов Политбюро ЦК ВКП(б) прямо поражаешься огромному размаху его

работы. При таком вселенском охвате с обязанностями члена Политбюро можно было справляться либо формально, механически штампуя заранее подготовленные проекты решений, либо трудясь с полной отдачей, не жалея ни времени, ни сил, мобилизуя весь свой опыт и знания. Так что должность члена Политбюро не была синекурой. Но труд их зачастую был недостаточно эффективным не только из-за ущербности тоталитарно-репрессивной системы, но и в силу весьма малой образованности членов Политбюро. Подбирая состав Политбюро «под себя», Сталин исходил из того: пусть будут малограмотные, но «верные». Недоучившийся студент Молотов казался столпом учености; имеющий фельдшерское образование Орджоникидзе руководил всей тяжелой промышленностью страны; ходивший в школу всего «две зимы» Ворошилов целых 15 лет возглавлял вооруженные силы, направляя и развитие военной науки; имевший «незаконченное низшее» образование Ежов – и грозный шеф НКВД, и секретарь ЦК ВКП(б), и председатель Комиссии партконтроля при ЦК партии; а об образовательном цензе одной из ключевых фигур в Политбюро Л. Кагановича вообще ничего не известно... Надо ли удивляться тому, что все они буквально из кожи вон лезли, лишь бы оправдать доверие своего благодетеля, вознесшего их на вершины власти в самой большой на земном шаре стране. И надо ли удивляться тому, что уже в 1932 г. в одном из писем Каганович с лакейской угодливостью величал Сталина «хозяином», от которого «по-прежнему получаем регулярные и частые директивы», а 30 сентября 1936 г. он пишет Орджоникидзе: «Что касается к.-р. дел, то я не пишу тебе, потому что ты был у хозяина и все читал и беседовал»²².

Читаешь тайное, ставшее явным, и невольно вспоминаешь, как в далекие студенческие времена известный наш востоковед В.В. Струве цитировал в лекции молитву древнеегипетских рабов: «Молотите, быки, молотите, на хозяина своего...» И члены Политбюро (и кандидаты в члены) усердно «молотили». Ведь все они до единого прекрасно помнили, какая поистине ужасная судьба постигла тех членов и кандидатов высшей партийной коллегии, которые оказались «недостаточно верными». Ведь на их глазах, иногда с их согласия и благословения, в разные годы были физически уничтожены 12 бывших членов Политбюро ЦК ВКП(б) (Л.Д. Троцкий превращен в политический живой труп, таинственно погибли С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе, М.П. Томский доведен до самоубийства, а Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, С.В. Косиор, Н.Н. Крестинский, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыков и В.Я. Чубарь в 1936-1939 гг. расстреляны). Были в 1937-1940 гг. расстреляны и 7 других видных деятелей партии, в разное время избравшихся кандидатами в члены Политбюро ЦК: К.Я. Бауман, Н.И. Ежов, П.П. Постышев, Г.Я. Сокольников, С.И. Сырцов, Н.А. Угланов и Р.И. Эйхе. Легко можно представить себе, какая именно атмосфера царила среди остававшихся (оставленных!) в живых членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и как она, как волна ядовитого тумана наплывала, распространялась вниз, на места.

Необходимо, наконец, отметить и еще одно обстоятельство – жесткую требовательность «хозяина» к «работникам». Сталин никому, кроме себя, не прощал промахов и ошибок. Современному читателю даже трудно представить, на каком тонком волоске висела судьба ближайших соратников «вождя». Сохранилось интересное свидетельство французского журналиста, участвовавшего в поездке генерала Шарля де Голля в Советский Союз в декабре 1944 г. После официальных

переговоров состоялся банкет. Сталин был в приподнятом настроении, много шутил и неоднократно произносил «оригинальные» тосты. Так, он предложил выпить за здоровье наркома путей сообщения Лазаря Кагановича. Все дружно захлопали в ладоши. Сталин продолжал: «Каганович – храбрый человек, он знает, что если поезда не будут приходить вовремя, его расстреляют!» Все смеялись»²³. Все подумали, что «король забавляется». Но давно известно, что в каждой шутке есть доля истины.

Безропотно признав Сталина своим всемогущим «хозяином», члены Политбюро внесли немалый вклад в дело его всемерного восхваления, возвеличения. Неприкрыто соперничая друг с другом, они старались наперегонки убедить всех до единого коммунистов в небывалой еще в истории гениальности «вождя и учителя всех времен и народов». Первым таким, доходившим до неприличия, шквалом панегирических восхвалений Сталина были статьи членов Политбюро и секретарей ЦК в связи с его 50-летием в декабре 1929 г. А дальше уже пошло-поехало...

Одним из важных направлений в фабрикации мифа «о великом вожде» было всемерное возвеличивание заслуг Сталина в Гражданской войне. Сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что это неблагоприятное дело творилось с подачи самого Сталина. Каждому понятно, что любой мало-мальски сообразительный политик прежде всего стремится создать себе имидж эдакого великого скромника и всякие личные попытки своего обожествления всемерно старается утаить от глаз людских. Но рано или поздно правда все-таки пробивается на свет. Из недавно опубликованного документа явствует, что еще 8 сентября 1927 г. Сталин не постеснялся заявить на объединенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и

президиума ЦКК: «Имеется ряд документов, и это известно всей партии, что Сталина перебрасывал ЦК с фронта на фронт в продолжение трех лет на юг и восток, на север и запад, когда на фронтах становилось туго»²⁴. Эта сталинская идея о Сталине как творце побед Красной армии в гражданской войне «на все четыре стороны света» была тут же подхвачена одним из преданнейших его вассалов, им же выдвинутым на пост наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР. В своей опубликованной в «Правде» 21 декабря 1929 г. печально знаменитой льстивой и довольно лживой статье «Сталин и Красная армия» Ворошилов повторил эту сталинскую мысль, но «своими словами»: «В период 1918-1920 гг. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места».

Об общей направленности этих «исторических изысканий» и об отношении Сталина к исторической истине можно судить и по такой детали – Сталин был ознакомлен с текстом этой статьи о нем еще в рукописи и сделал ряд замечаний. В частности, по утверждению ворошиловского адъютанта Р.П. Хмельницкого, в этой рукописи еще признавалось, что в период гражданской войны «имелись успехи и недочеты, у И.В. Сталина ошибок было меньше, чем у других». Эта фраза, как сообщил Хмельницкий, зачеркнута красным карандашом и рукою Сталина написано: «Клим! Ошибок не было, надо выбросить этот абзац. Ст.»²⁵ Что, конечно, и было сделано.

Очередным этапом непрерывной кампании по возвеличению Сталина явился XVI съезд ВКП(б) летом 1930 г. Все громче и громче звучали здесь льстивые здравицы в честь вождя из уст советских и зарубежных

деятели коммунистического движения. Пожалуй, наиболее отличился или, вернее, задал тон председатель Центральной Контрольной Комиссии и председатель Рабоче-Крестьянской инспекции Г.К. Орджоникидзе. Считающийся по должности «совестью партии», он восклицал: «Партия в лице т. Сталина видит стойкого защитника генеральной линии партии и лучшего ученика Владимира Ильича. (Аплодисменты.) И поэтому наша партия и рабочий класс вполне правильно отождествляют т. Сталина с генеральной линией нашей партии, ведущей СССР от победы к победе. Именно за это партия с таким воодушевлением и восторгом встречает т. Сталина. (Аплодисменты)»²⁶

Но подлинным партийным апофеозом Сталину явился XVII партсъезд. Причем тон в почти языческом восхвалении «гениального вождя» задавали прежде всего опять-таки лица из его ближайшего окружения. Имя Сталина упомянули в своих выступлениях на всесоюзном партийном форуме: Ворошилов – 19 раз, Киров – 22 раза, Постышев – 24, Орджоникидзе – 33, Косиор – 34, Микоян – 41 раз. Своеобразный рекорд побил Л.М. Каганович, исхитрившийся воспеть фамилию своего «хозяина» аж 64 раза. Всего же, по подсчетам В.А. Куманева, на XVII Всесоюзном съезде ВКП(б) имя Сталина прозвучало 1580 раз²⁷. Вот уж поистине, окружение делает короля.

А уж как изощрялись высокопоставленные делегаты съезда в отыскании наиболее ярких и запоминающихся формулировок и эпитетов. Вот признанный оратор партии Киров провозглашает Сталина лучшим продолжателем дела Ленина, лучшим кормчим великой социалистической стройки. Полупрощенный «любимец партии» Бухарин без малейшего стеснения величает вчерашнего своего друга Кобу славным фельдмаршалом пролетарских сил, лучшим из лучших...

Неукоснительно следуя примеру «старших братьев», стремятся не отстать от них в провозглашении дифирамбов и представители зарубежных компартий. В своем выступлении от компартии Испании «товарищ Долорес» с присущей ей яркой эмоциональностью назвала Сталина «...любимым и непоколебимым, стальным и гениальным, вашим и нашим вождем, великим вождем пролетариев и трудящихся всех стран и национальностей всего мира»²⁸. А ведь это лишь январь – начало февраля 1934 года. То ли еще будет!

По всей стране развернулось изучение сталинского отчетного доклада о работе ЦК ВКП(б) XVII партсъезду. Вспоминается, как весной 1934 г. усердно зазубривали совсем не рассчитанные на юношеский ум положения этого доклада и мы в девятом, тогда выпускном (десятые классы вводились лишь с осени 1934 г.) классе 1-й Образцовой школы Василеостровского района гор. Ленинграда. Угодничество ответственных редакторов ведущих газет страны Мехлиса и Бухарина приняло столь неприличный характер, что Политбюро ЦК ВКП(б) вынуждено было постановить: «Принять следующее предложение т. Сталина: объявить выговор редакции «Правда» и «Известий» за то, что без ведома и согласия ЦК и т. Сталина объявили десятилетний юбилей книги т. Сталина «Основы ленинизма» и поставили тем самым ЦК и т. Сталина в неловкое положение»²⁹.

Объективности ради я должен сказать и о другом аналогичном документе. 19 декабря 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает следующее решение:

«Заявление т. Сталина.

Уважить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря в день пятидесятипятiletнего юбилея его рождения никаких празднеств или торжеств или выступлений в печати или на собраниях не было допущено»³⁰.

Мне представляется, что подобная просьба Сталина была не только очередным проявлением его доведенного до высшей степени совершенства патентованного фарисейства, но и результатом довольно адекватной оценки конкретной ситуации. Ведь по стране в эти декабрьские дни катили волна за волной очередные порции классовой ненависти «к убийцам Кирова», призывы к физической расправе с «троцкистскими агентами» и т. п. И Сталин, очевидно, просто счел не совсем удобным именно в эти дни напоминать массам об очередном своем юбилее. Тем более что и без такого напоминания кампания по прославлению и возвеличиванию Сталина, раз начавшись в связи с его 50-летием в декабре 1929 г., так уже и не затихала.

Необходимо совершенно четко представлять, что все более нараставшая многообразная, широко разветвленная, всеохватная кампания фактического обожествления Сталина совсем не была стихийным порождением мысли «благодарных народов» Советского Союза. Нет и нет. Она была рождена в недрах партийного аппарата, возглавлялась, направлялась и неукоснительно проводилась в жизнь под неослабным наблюдением и неусыпным руководством правящей партийной верхушки, и прежде всего Политбюро ЦК ВКП(б) и самого Сталина. Все члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК, секретари ЦК ВКП(б) как начали еще с 50-летия Сталина в декабре 1929 г. всячески восхвалять Сталина буквально на всех перекрестках, так и не могли (да и боялись!) остановиться в этом совсем неблагоприятном деле. Усердствовали все. Особо выделялся личный друг Сталина К.Е. Ворошилов. Уж как только он не изощрялся. Накануне присвоения военного звания Маршала Советского Союза (которое 20 ноября 1935 г. получили Блюхер, Буденный, Егоров, Тухачевский и сам

нарком), в своем выступлении на первом Всесоюзном совещании стахановцев, Ворошилов величал Сталина и «первым маршалом социалистической революции», и «великим маршалом побед на фронтах и Гражданской войны, и социалистического строительства, и укрепления нашей партии», и «маршалом коммунистического движения всего человечества», и «истинным Маршалом Коммунизма»³¹. И все это в присутствии самого «великого»...

Несмотря на извечные трудности с бумагой, на острую нехватку, а то и отсутствие основных учебников, и школьных, и вузовских, на практическую невозможность свободного приобретения книг классиков русской и мировой литературы, для массового издания произведений Сталина в стране отыскивалось все. И моментально. Книга Сталина «Вопросы ленинизма» вышла десятью изданиями. С 1926 по 1934 год включительно она была издана на 17 языках общим тиражом 8 млн 340 тыс. экземпляров. Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XVI партсъезду – на 24 языках тиражом 11 млн 355 тыс., а XVII съезду – уже на 50 языках тиражом 14 млн 316 тыс. экземпляров. Всего же за 15 лет (1921–1935 гг.) произведения Сталина под 160 наименованиями были напечатаны на 75 языках народов СССР с умопомрачительным общим тиражом 115 миллионов 940 тысяч экземпляров!³² Высшее руководство ВКП(б) сделало все возможное и невозможное, чтобы эти сухие и нередко косноязычные, а то и лживые сталинские строки навязать народам Советского Союза в качестве новой Библии. И чем дальше, тем больше нарастал этот процесс. И очередные сталинские святцы – его доклад на VIII чрезвычайном съезде Советов СССР в ноябре 1936 г., в котором всячески восхвалялись права и свободы советских граждан, провозглашенные в новой союзной

Конституции, был напечатан в количестве уже 20 миллионов экземпляров. Как с гордостью утверждалось в центральном органе НКО – в газете «Красная звезда» за 28 ноября 1936 г.: «В таком тираже еще никогда в мире не издавалась ни одна книга».

Когда-то М.Е. Салтыков-Щедрин писал в «Губернских очерках» об одной княжне, которая несмотря на всю грубость и, так сказать, вещественность лести, все-таки «поддавалась ей: до того в ней развита была потребность фимиамов». Увы! В 30-е годы XX века эта «потребность фимиамов» прямо-таки отравила мозг и самого «вождя» партии пролетариата, и его ближайшего окружения. Один из самых приближенных сталинских опричников, тогдашний редактор «Правды» Л. З. Мехлис как-то «отечески» пожурил молодого пролетарского писателя А.О. Авдеенко за то, что тот, благодаря советскую власть, не упоминает Сталина. Авдеенко с ходу уловил «генеральную линию» и свою речь на XVI Всероссийском съезде советов в январе 1935 г. назвал: «За что я аплодировал Сталину» и закончил ее таким сверхвернопоподданническим пассажем: «Когда у меня родится сын, когда он научится говорить, то первое слово, которое он произнесет, будет «Сталин».

Безудержное восхваление и непомерное почитание Сталина все более приобретают ритуальный характер. По сообщению Р.А. Медведева, Л.М. Каганович еще при жизни Кирова во всеуслышание выразил глубочайшее удивление тем, что «в Ленинграде на собраниях и митингах присутствующие не встают при упоминании имени Сталина, тогда как в Москве это давно стало правилом»³³. Утвердилась практика «избрания» так называемых почетных президиумов во главе со Сталиным, непременно в каждом выступлении упоминания и прославления фамилии или имени и

отчества «вождя», «единодушного» принятия приветствий и писем в его адрес и т. д. и т. п. Подобно своеобразной пандемии искусно регулируемая кампания по прямо-таки языческому обожествлению Сталина принимала все более повсеместный и зачастую просто исступленный характер. Насквозь пропитанный европейской культурой, бесспорно талантливый и мудрый наблюдатель и свидетель отдельных звеньев этого дикого процесса Илья Эренбург, только что вернувшийся из-за границы, был приглашен на заседание первого Всесоюзного совещания стахановцев. И вот как он позднее вспоминал очередное проявление массовой истерии уже в конце 1935 года: «Вдруг все встали и начали неистово аплодировать: из боковой двери, которой я не видел, вышел Сталин, за ним шли члены Политбюро... Зал аплодировал, кричал. Это продолжалось долго, может быть десять или пятнадцать минут. Сталин тоже хлопал в ладоши. Когда аплодисменты начали притихать, кто-то крикнул: «Великому Сталину, ура!» - и все началось сначала. Наконец все сели, и тогда раздался отчаянный женский выкрик: «Сталину слава!» Мы вскочили и снова зааплодировали»³⁴. Может быть, вспоминая именно об этом случае массового психоза и своего участия в нем, Эренбург напишет на склоне своих дней горькие строки:

Пора признать, хоть вой, хоть плачь я.
Но прожил жизнь я по-собачьи.
Не за награды, - за побои стерег закрытые
покои,
Когда луна бывала злая, я подвывал и даже
лаял...

Твердо направляемая, хорошо скоординированная кампания по всемерному возвеличению Сталина проводилась не только в столице, но охватила все города и веси российской глубинки, все союзные республики. С осени 1935 г. взметнулась волна приветственных писем Сталину от трудящихся различных республик. Для того чтобы не было перебора, и в то же время чтобы поддерживать постоянное ровное горение «всенародной» любви к вождю, каждой республике был отведен «свой» месяц. В октябре 1935 г. публикуется письмо трудящихся Казахстана. Оно было «составлено, обсуждено и принято» в пяти тысячах колхозов и на рабочих собраниях. Подписали его по поручению общих собраний 626 436 ударников республики.

В конце письма они просили Сталина:
Ты себя для нас береги,
Наш любимый, вечно живи!

В ноябре 1935 г. настала очередь публикации письма Сталину от трудящихся Армении. Его подписали 150 тысяч человек. Но, очевидно, это кому-то показалось недостаточным. И когда в декабре публикуется аналогичное письмо трудящихся Азербайджана, его подписывают уже 1 064 976 человек. Раз речь идет о проявлениях «всенародной любви», то и счет «подписантов» должен исчисляться миллионами. По-своему логично. И неуклонно проводилось в жизнь. Письмо трудящихся Советской Грузии (опубликовано в феврале 1936 г.) подписали уже 1580 тыс. трудящихся, а письмо белорусского народа (опубликовано в июле 1936 г.) – два миллиона человек³⁵. Легко себе представить, как в ходе повсеместного составления, обсуждения и подписания этих по сути холопских писем

весь народ необъятной страны должен был застыть в молитвенном экстазе перед новым Богом.

И чего только не писалось в этих письмах. Так, трудящиеся Советской Грузии лебезили перед своим земляком:

...Счастье выковал народам, дал нам новое
рождение
Сталин – символ нашей мощи, Сталин – жизни
пробужденье...

Самые светлые, казалось бы, самые гордые поэтические умы бились над тем, как бы еще возвысить «вождя», как бы найти такие эпитеты и сравнения, которые другие их собратья по литературному цеху еще не успели напечатать. Над текстом письма белорусского народа напряженно трудились (и вполне возможно, что почитали это за честь для себя) Янко Купала и Якуб Колас, Петрусь Бровка и Петр Глебка и другие; а с белорусского языка письмо перевели Александр Безыменский и Михаил Голодный, Михаил Исаковский и Алексей Сурков. И вот что получилось на «выходе»:

...Ты, мудрый учитель, среди гениев гений!
Ты солнце рабочих! Ты солнце крестьян!
Ты солнце для нас, что весь мир осветило,
Ты слава и гордость семьи трудовой,

Ты рек полноводных могучая сила,
Прозрачность криницы, – наш вождь дорогой,
...Ты наших садов и полей красованье,
Ты песня победы, – наш вождь дорогой и т. д.
и т. п.

...Читаешь и перечитываешь все эти безудержные и совершенно неприличные славословия и невольно поражаешься удивительной научной точности и предельной самокритичности в оценке сути подобного процесса, данной А.Т. Твардовским:

...Когда кремлевскими стенами
Живой от жизни огражден,
Как грозный дух он был над нами, —
Иных не знали мы имен.
Гадали, как еще восславить
Его в столице и в селе.
Тут ни убавить,
Ни прибавить, —
Так это было на земле...

Всячески старался отличиться в этом «промывании мозгов» и народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности Н.И. Ежов. В начале 1938 г. он направляет в Политбюро ЦК ВКП(б) и в президиумы Верховных советов СССР и РСФСР проект представления о переименования города Москвы в город Сталинодар. «По просьбе трудящихся», конечно. Но на сей раз у Сталина хватило ума. Он высказался категорически против этого предложения³⁶. Москва осталась Москвой. А ведь могла бы...

В общий хор прославляющих Сталина вливались голоса и некоторых всемирно известных деятелей культуры Европы. Анри Барбюс в январе 1935 г. закончил написание книги «Сталин». Содержание ее и направленность сформулированы уже в подзаголовке: «Человек, через которого раскрывается новый мир». Трудно сейчас в полной мере понять все мотивы, которыми руководствовался тогда французский писатель. Но написал он не объективный

биографический очерк, а самый настоящий восторженный панегирик, заканчивающийся словами: «Вы не знали его, а он знал вас, он думал о вас. Кто бы вы ни были, вы нуждаетесь в этом друге. И кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках того другого человека, который тоже бодрствует за всех и работает, – человека с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата». Барбюс не пожалел усилий, чтобы всемерно «утеплить» образ своего героя, усердно цитирует высказывания о «его открытой сердечности», «его доброте», «его деликатности», «его веселости». И сам Барбюс уверяет читателя, что Сталин «смеется, как ребенок». Как опытный автор, Барбюс не обходит тему террора, но решает ее своеобразно: «Однажды я сказал Сталину: «А знаете, во Франции вас считают тираном, делающим все по-своему, и притом тираном кровавым». Он откинулся на спинку стула и рассмеялся своим добродушным смехом рабочего». Вот и вся аргументация! В заключительной главе Барбюс утверждает: «...ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин – это Ленин сегодня»³⁷. Сотворение этой порочной и опасной формулы принесло неисчислимый вред народам нашей страны, да и всей планеты^[6].

Подобный прессинг по всему «идеологическому полю» уже встречался в мировой истории. После Первой мировой войны пальма первенства в этом неблагоприятном деле принадлежала, пожалуй, фашистской диктатуре в Италии. «Последние новости» П.Н. Милюкова еще в 1926 г. перепечатали заметку из итальянской газеты «Империо» в связи с возвращением Бенито Муссолини в Рим: «С сегодняшнего вечера нужно покончить с дурацкой утопией тех, которые считают, что каждый человек может мыслить своей

собственной головой. Италия имеет только одну голову, фашизм имеет один только мозг. Эта голова, этот мозг – наш вождь. Инакомыслящим мы отрубим головы без всякой пощады»³⁸.

Вот такое же единомыслие (под другими, конечно, лозунгами, чем в Италии) устанавливалось и в Советском Союзе. Устанавливалось всею силою и всеми немалыми возможностями огромного и все более разбухавшего партийного, карательного, государственного, профсоюзного, комсомольского и прочая, прочая аппарата. И это не могло не оказывать своего вредоносного воздействия. Особенно восприимчива была к этому пропагандистскому яду только что входящая во взрослую жизнь неискушенная, незакаленная молодежь. Но культовая пропаганда и агитация были настолько настырными и всепроникающими, что воздействовали на сознание многих представителей и старшего поколения. В ноябре 1935 г. центральные газеты неоднократно смаковали такой эпизод. Среди прибывших в столицу на ноябрьские праздники была и Канавина – старая ткачиха Глуховской фабрики, проработавшая у ткацкого станка 61 год из 71-го года жизни. И вот когда стахановцы были на экскурсии в Кремле, к ним подошли Сталин и Орджоникидзе. Судя по газетному описанию, ткачиха подошла к Сталину, «крепко пожала руку и говорит: «Батюшки, наконец-то я увидела нашего мудрого, великого...» От радости она не могла говорить. Товарищ Сталин улыбнулся и, пожимая руку старухе, проговорил: «Добро какое! Самый обыкновенный человек...». Тов. Канавина со слезами на глазах говорит: «Теперь и умирать можно»³⁹.

Весь ужас подобного расчеловечивания, самой настоящей аннигиляции личности страна познает почти немедля. Здесь мне хочется подчеркнуть, что подобная

тенденция напрочь рвала с любыми гуманистическими воззрениями прошлого. Как писал известный в XIX веке славянофил П.В. Киреевский: «Говорят, что не может быть народ без единого самовластного правителя, как стадо не может быть без пастуха. Но пастух над стадом – человек... Бездумно было бы надеяться на целостность стада, если бы стадом быков правил бык, или стадом баранов – баран... Чтобы человеку стать на это место, нужно либо ему возвыситься до Бога, либо народу унизиться до степени «животных»⁴⁰. В истории создания культа Сталина причудливо смешалось и то, и другое.

Добившись широкого внедрения в общественное сознание представления о Сталине как харизматическом лидере, партийная верхушка предпринимает лихорадочные усилия «по укреплению чистоты» ВКП(б) как главного орудия обеспечения безраздельного господства этой верхушки во главе с «хозяином». Почти на четыре года был прекращен прием в партию, в 1933–1935 гг. проведена очередная генеральная чистка ВКП(б), затем проверка партийных документов, потом их обмен. Одна кампания сменяла другую – и все для того, чтобы превратить коммунистов в безропотные нерассуждающие винтики, готовые по первому зову бестрепетно выполнить любой приказ «великого вождя». Троцкий как-то правильно заметил, что Сталин пошел дальше Людовика XIV. Он мог сказать не только «Государство – это я», но и «Общество – это я».

И чтобы окончательно искоренить всякое даже мысленное поползновение на какое-то самостоятельное мнение, началось пока еще выборочное физическое истребление «вчерашних вождей», когда-то (теперь уже в прошлом) посмевавших свое суждение иметь, не убоявшихся высказать несогласие с «самим» Сталиным.

Различного рода ссылки и высылки в «места не столь отдаленные», а то и водворение в различного рода «политические изоляторы» своих совсем недавних «партайгеноссе» начали активно применяться сразу же после XV съезда ВКП(б), принявшего в декабре 1927 г. постановление об исключении из партии 75 активных деятелей троцкистской оппозиции и 23 человек группы Т.В. Сапронова⁴¹.

Но ведь исключенный, и даже сосланный, это все-таки еще не умерщвленный. Уже летом 1930 г. на XVI съезде партии Л.М. Каганович в докладе «Организационный отчет ЦК ВКП(б)» свирепо обрушился на только что напечатанную (но так и не увидевшую тогда свет) книгу А.Ф. Лосева «Диалектика мифа». Выхватывая и цитируя отдельные, не понравившиеся ему места из книги философа, которого ныне многие считают «Платоном XX века», малограмотный в общем-то Каганович беспардонно обзывал его «философом-мракобесом», «реакционером и черносотенцем». Каганович, правда, признал, что книга была выпущена самим автором. Но тут же добавил, что «у нас, в Советской стране, в стране пролетарской диктатуры, на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры. А тут узды не оказалось. Очень жаль»⁴². И вот эстафету травли подхватил известный тогда драматург В.М. Киршон. Изгаляясь над коммунистом – работником Главлита, мотивировавшим необходимость разрешения печатать книгу Лосева тем, что это «оттенок философской мысли», очередной «инженер человеческих душ» не постеснялся заявить с самой высокой партийной трибуны: «А я думаю, нам не мешает за подобные оттенки ставить к стенке»⁴³. Поражает не только пещерная кровожадность одного писателя, но первобытно-стадная реакция делегатов всесоюзного

партийного съезда, как отмечено в стенографическом отчете («Аплодисменты. Смех»). Правильно говорят, что ничто на земле не проходит бесследно. Пройдет всего несколько лет, и «у стенки» окажется сам столь безразличный к чужим жизням Киршон.

«Расстрельная психология» овладела душами партийных руководителей и сотен тысяч рядовых коммунистов не сразу, не в одночасье. Даже Л.Д. Троцкого расстрелять не решились и поспешили выпроводить за границу со всем его архивом. Первым членом партии, казненным за нарушение новых внутрипартийных установок об отношении к оппозиции, был Я.Г. Блюмкин. Ответственный сотрудник ВЧК, он – активный участник убийства германского посла графа В. Мирбаха в июле 1918 г., каким-то таинственным образом был прощен за убийство (он же бросал бомбу в классового врага). Более того, оставлен на работе в ОГПУ, выполнял ответственные задания за рубежом. Но когда он при очередном возвращении на Родину в 1929 г. заехал в Турцию к только что высланному Троцкому и посмел захватить от него письмо, то этим самым в новых условиях внутрипартийного режима подписал сам себе смертный приговор. Письмо это он передал К.Б. Радеку, а тот не преминул «доложить» об этом факте Сталину. И, как позднее сообщил Троцкий, Сталин лично приказал расстрелять Блюмкина. Всегда угодливо послушный ему заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода, даже не посоветовавшись со своим непосредственным начальником В.Р. Менжинским, поспешил выполнить этот беспрецедентный в истории РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) приказ. Исаак Дойчер комментирует этот факт следующим образом: «Правило, что большевики никогда не должны повторять фатальной ошибки якобинцев и не прибегать в своей внутренней борьбе к казням, до тех пор

уважалось, по крайней мере, формально. Теперь это правило было нарушено»⁴⁴.

Но, как известно, одна ласточка еще не делает весны. В 1932 г. Сталин требовал расстрела М.Н. Рютина, но большинство членов Политбюро его не поддержало. И в 1933 г. на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Л.М. Каганович печалится: «Мы мало расстреливаем»⁴⁵. Злодейское убийство С.М. Кирова позволило партийной верхушке значительно пополнить список коммунистов, расстрелянных «за участие в подготовке покушения». Но это в основном была сравнительно мелкая партийная сошка. Летом 1936 г. дело дошло и до бывших партийных китов. В августе 1936 г. на «открытом» процессе «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского блока» были приговорены к высшей мере уголовного наказания и немедленно расстреляны все 16 обвиняемых во главе с многолетними соратниками В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, И.Н. Смирновым, имена которых на протяжении многих лет были известны абсолютно каждому партийцу.

И если уж стало возможным походя, совершенно запросто отстреливать таких, безусловно заслуженных, деятелей большевистской партии, то о судьбе менее чиновных оппозиционеров и говорить нечего. По утверждению бывшего ответственного функционера НКВД Л.Л. Никольского, вскоре после «расстрела шестнадцати» Сталин велел Ягоде и Ежову отобрать среди заключенных «старых большевиков» пять тысяч, наиболее активно действовавших (в свое время) в оппозиции, и тайно всех их расстрелять. Российские историки до сих пор не допущены к документам, которые могли бы опровергнуть или подтвердить это утверждение. А может быть, этих документов и вообще не существовало, а акция была проведена? Во всяком

случае майор госбезопасности Никольский со знанием дела и с полной уверенностью заключает: «В истории СССР это был первый случай, когда массовая смертная казнь, причем даже без предъявления формальных обвинений, была применена к коммунистам»⁴⁶. Каждый партиец, который тогда узнал об этом, содрогнулся.

Политбюро ЦК ВКП(б) не ослабляет свой истребительный курс и 29 сентября 1936 г. утверждает директиву «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Уже само название директивы говорило само за себя. В нем, по сути, все «троцкистско-зиновьевские элементы» чохом объявлялись «контрреволюционными». Как поступать с «контрой», большевики были достаточно обучены в годы Гражданской войны, во время НЭПа, сплошной коллективизации. Теперь Политбюро ЦК давало категорическую установку на практическое поведение всех партийных организаций. В директиве говорилось:

«а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев, как передовой политической и организованный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы»⁴⁷.

Вот чем должна была строго и неукоснительно руководствоваться вся Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) с конца сентября 1936 г. На

смену неоднократно раздававшимся призывам к усилению внутрипартийной демократии, критики и самокритики предписана категорическая установка организации войны на истребление «неверных» в своих собственных рядах. Каждый внимательный читатель сам все поймет. Здесь все так ясно изложено. Мне хочется особо подчеркнуть лишь два момента. Во-первых, лексический, «троцкистов» и «зиновьевцев» иначе как мерзавцами в этом официальном документе Политбюро ЦК ВКП(б) уж и не называют. А во-вторых – юридический. Руководящий орган политической партии, ни секунды не колеблясь, присваивает себе право вершителя жизни и смерти недавних членов этой партии, прямо требуя расправы с ними.

И пусть читателя не смущает, что в документе вроде бы речь идет лишь о тех троцкистах и зиновьевцах, которые уже арестованы или были раньше высланы. Многие другие последующие документы неопровержимо свидетельствуют, что речь шла о расправе со всеми оппозиционерами – прошлыми, настоящими и эвентуально возможными будущими. С действительными оппозиционерами и со всеми теми, кого вышестоящим было угодно причислить к ним. Вот лишь один из подобных документов. 2 января 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) опросом принимает постановление «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома т. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкомом ВКП(б)». В констатирующей части этого постановления сказано: «ЦК ВКП(б) устанавливает, что Азово-Черноморский крайком ВКП(б) и его первый секретарь т. Шеболдаев проявили совершенно нетерпимую политическую близорукость по отношению к врагам партии (контрреволюционерам, террористам и вредителям – троцкистам, зиновьевцам, «левакам», правым), в результате чего на основных постах в ряде

крупнейших городских и районных парторганизаций до самого последнего времени сидели и безнаказанно вели подрывную работу заклятые враги партии, шпионы и вредители – троцкисты»⁴⁸.

Из этого постановления можно сделать как минимум три важных вывода. Прежде всего к врагам партии ЦК относит не только тех троцкистов и зиновьевцев, которые уже арестованы или когда-то выслались, но и тех, которые «засели» на различных партийных постах. Во-вторых, врагами партии объявлены уже не только троцкисты и зиновьевцы, но и «леваки», и правые, т. е. кто когда-то хоть в чем-то посмел иметь свое, отличное от предписанного свыше, мнение. И, наконец, поскольку «враги партии» квалифицируются по этому постановлению как «вредители и шпионы», то Политбюро ЦК ВКП(б) фактически превращает их во «врагов народа», по отношению к которым, следовательно, необходима не только партийная экзекуция, но и беспощадная расправа карательных органов.

Очередным актом расправы над инакомыслящими явился проведенный в конце января 1937 г. опять-таки «открытый» процесс по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Широко известные в партии Г.Л. Пятаков, Л.П. Серебряков, Н.И. Муралов и др. приговариваются к расстрелу. Г.Я. Сокольникову и К.Б. Радеку жизнь вроде бы сохранили (осудили «всего» на 10 лет лишения свободы), но в мае 1939 г. они были убиты сокамерниками.

Именно этот курс на политическую смерть и физическое истребление всех инакомыслящих (или могущих быть таковыми) коммунистов был закреплен февральско-мартовским (1937 г.) пленумом ЦК ВКП(б) в докладах Сталина, Молотова, Кагановича, Ежова и принятых по этим докладам резолюциях. А затем эта

волна жгучей ненависти, прямого призыва к погрому внутри партии широко разлилась по всей ВКП(б) в процессе многочасового, а иногда и многодневного обсуждения решений февральско-мартовского пленума ЦК. Поскольку оно проводилось на закрытых партсобраниях, беспартийные массы могли только догадываться. Но сигналы доходили и до них. Прошло более 60 лет, а я до сих пор помню, как майским днем 1937 г. после моего не очень стандартного выступления на бюро шел вместе с Мишей Копыловым в студенческую столовую. Будучи членом ВКП(б), Миша был делегирован секретарем бюро ВЛКСМ нашего 3-го курса истфака. И вот он оглянулся кругом. Никого не было. И он мне сказал: «Олег, если бы ты знал, что творится сейчас в партии...»

В 1992-1995 гг. журнал «Вопросы истории» впервые осуществил публикацию стенографического отчета и других материалов февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б). Теперь каждый читатель этого журнала может лично убедиться в том, какой смертоносный заряд был заложен на этом пленуме и под партию, и под Красную армию, да и вообще под все народы необъятной нашей Родины.

В СТРАНЕ

Общественно-политическая атмосфера в стране с начала 30-х годов была сложной и противоречивой. Официальная пропаганда неустанно трубила о «великих победах» первой (а затем и второй) пятилетки, о новых гигантских стройках, о «неустанной заботе ВКП(б)» о повышении благосостояния каждого советского человека, о его якобы неколебимой уверенности в завтрашнем дне, о недоступных остальному, не успевшему вкусить благ социализма, человечеству политических свободах. Своего рода символом всепроникавшей казенной бравурной пропаганды и агитации были слова из повсюду распеваемой тогда, сочиненной В.И. Лебедевым-Кумачом песни:

...Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

Как современник тех лет, вместе со своими однокашниками-студентами Ленинградского университета проходивший 7 ноября 1935 г. по Дворцовой площади в «колонне ровесников Октября», свидетельствую, что в официальной пропаганде далеко не все было ложным. Были и действительные успехи в выполнении первых пятилетних планов по определенным позициям, были и новостройки, была отмена продовольственных карточек, создавались действительно небывало широкие возможности для получения образования. Но было и много необычайно тяжелого в жизни советских людей в 30-е годы. Катастрофически плохо было с жильем, особенно в

городах. Миллионы ютились в плохо приспособленных (нередко барачного типа) общежитиях. Квартиры «бывших» давно порасхватили, строительство нового, особенно благоустроенного жилья велось в мизерных размерах. А городское население неудержимо росло. Не буду заниматься статистикой, расскажу о собственном житье-бытье. Отец работал грузчиком в Ленинградском торговом порту, мать – учительницей, я – студент, три младшие сестренки – школьницы. Каким-то чудом сумели добыть комнату (в коммунальной квартире) площадью 13,88 кв. м. Я дома только ночевал, обычно до 12 ч. ночи работал в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. На ночь укладывались следующим образом. Одна кровать – для отца с матерью. Отдельная койка – для меня. Еще одна койка – здесь спали две младшие сестренки «валетом». А еще одной сестре – стелили на стульях и табуретках... Вот так и жили более десяти предвоенных лет и были по-своему счастливы. Главное – все учились: даже мама в 45 лет окончила вечерний педтехникум. Но теснотища-то страшная. Ведь даже знаменитые «Бутырки» были построены на 3500 человек из расчета 2,5 кв. м на заключенного⁴⁹, а у нас получалось немножко меньше 2,33 кв. м. на свободного, вольно дышащего человека. И вот я помню, как от имени семьи лично написал «вождю» ленинградских большевиков А.А. Жданову с просьбой: «Помогите!» Ответ мы получили, но безрадостный: «не представляется возможным». Я пишу об этом и отчетливо понимаю, что наша семья жила еще далеко не в самых худших условиях, что многие миллионы рабочих и их семей безнадежно страдали больше нашего.

Но кроме жилья, человеку необходима и пища. Так уж он устроен природой. А ведь с пищей дело обстояло совсем плохо. Зимой 1932/1933 г. самый настоящий

голод охватил районы Украины, Казахстана, Нижней и Средней Волги, Северного Кавказа. По некоторым данным, только в Казахстане умерло от голода до 1750 тыс. человек⁵⁰. А на Украине от «голодомора» тогда погибло страшной смертью от 5 до 7 млн человек (по различным данным)^[7]. Зорким писательским взглядом смотрел Михаил Шолохов на то, что происходило тогда на Дону: «...вокруг творится страшное... - писал он 30 апреля 1933 г. И.Г. Левицкой. - Я мотаюсь и гляжу с превеликой жадностью. Гляжу на все. А поглядеть есть на что. Хорошее: опухший крестьянин-колхозник, получающий 400 грамм хлеба пополам с мякиной, выполняет дневную норму. Плохое: один из хуторов, в нем 5 хозяйств. С 1 февраля умерло около 150 человек. По сути - хутор вымер. Мертвых не заховают, а сваливают в погреба. Это в районе, который дал стране 2 300 000 пудов хлеба. В интересное время мы живем! До чего богатейшая эпоха!»⁵¹.

Впроголодь жила и весьма значительная часть интеллигенции, особенно учащиеся техникумов и вузов. Прошло более 60 лет, а до сих пор помнится, насколько примитивен и убог был так называемый «студенческий рацион». И это не где-нибудь в Тмутаракани, а в колыбели революции, в том самом Университете, который за четыре с лишним десятилетия до этого экстерном окончил Владимир Ульянов. Немногим лучше питался и сам «класс-гегемон». Данные бюджетов индустриальных рабочих 1932-1935 гг. свидетельствуют о том, что их потребление было ниже, чем потребление среднего промышленного рабочего в Петербурге в начале XX века⁵². На восемнадцатом году после победы Октябрьской революции Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) 23 ноября 1934 г. разрешают свободную продажу французских булок (тогда еще «не

догадались» переименовать их в «городские») дополнительно (к Москве и Ленинграду) в 69 городах⁵³. Через месяц СНК и ЦК установили твердые нормы выдачи сахара для служащих городов – семейным служащим (независимо от количества иждивенцев) 750 г в месяц, а несемейным – 500⁵⁴. Мучили вечные бесконечные очереди за всем. Кто-то метко заметил: пропущенный через очередь советский человек становился фаршем...

И все же при всей своей тяжести материальная нужда, пожалуй, еще не была главной бедой. Не скажу за старшие поколения, но что касается «ровесников Октября», то могу засвидетельствовать, что подавляющее большинство моих сверстников относилось ко всем этим нехваткам поистине стоически. Во-первых, потому что так жили все родные, знакомые, все люди кругом, вся страна. Другой жизни молодежь не видела, и свое полунищенское, полуголодное существование считала нормой жизни, делом вполне естественным: «Все так живут!» Более того. Многие из нас вполне искренне считали, что мы живем лучше всех на свете, во всяком случае лучше зарубежных товарищей по классу, изнывающих под гнетом беспощадной капиталистической эксплуатации и начисто лишенных возможности даже грамоте как следует научиться. Совершивший в 1936 г. путешествие по Советскому Союзу знаменитый французский писатель Андре Жид вспоминал: «Один вполне грамотный рабочий спрашивает «есть ли у нас тоже школы во Франции»⁵⁵. «Железный занавес» был почти непроницаем.

А во-вторых, молодежь-то ведь была в самом начале жизненного пути. Казалось, все у нее впереди. Бурлила юная алая кровь, искали выхода неисчерпаемые силы. «Мы все добудем, пойдем и откроем!» – лихо пели мы

тогда. И еще: «Нам не страшны ни льды, ни облака!» До разносолов ли было в такую-то пору жизни. Лишь бы было хоть что-нибудь «пошамать», да что-либо накинуть на расцветающее мужающее тело. Чуть ли не заветной мечтой многих моих сверстников была тогда футболка и белые парусиновые туфли (чистили их мы зубным порошком – не в пример дням нынешним, он был тогда доступен всем). Понятие «стиляги» в 30-е годы еще не употреблялось, а аналогичных молодцев называли «гогочками». Галстук носить считалось почти неприличным, и именовался он не иначе как «гаврилка». И только в 1936 г. прозвучала вдруг в песне новая идеологическая установка:

Можно галстук носить очень яркий
И быть в шахте героем труда.

Самой мрачной реалией была, как мы теперь понимаем, полная, тщательно контролируемая унификация сознания. Предписывались, разрешались (или не разрешались) не только поступки, слова, но и мысли. И большинство населения страны покорно (а многие даже радостно) впитывало официальную духовную благодать. И большинству современников это сознание казалось тогда, наверное, нормальным, даже оптимистическим... Со стороны, говорят, виднее. И вот как в 1936 г. оценил его прославленный в Европе писатель: «...не думаю, чтобы в какой-то другой стране сегодня, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запугано (терроризировано), более порабощено»⁵⁶.

И далее, как один из примеров такой запутанности сознания, Андре Жид свидетельствует: «Имя Есенина произносится шепотом»⁵⁷. Так было в 1936 году. Но так же было и позднее, вплоть до конца 30-х годов, о чем я

могу судить по собственному опыту. Проучился я почти пять лет на историческом факультете ЛГУ и, несмотря на все поиски, в глаза не видел ни одного напечатанного стихотворения Сергея Есенина. И вот весной 1939 г. при подготовке первой в жизни печатной работы мне понадобился один сборник воспоминаний о гражданской войне. Но он оказался в спецхране (там были воспоминания П.Е. Дыбенко и других «врагов народа»). Добыл я туда допуск и, работая в спецхране Публичной библиотеки, как-то в одном из книжных шкафов разглядел корешки четырехтомного собрания сочинений Есенина. У меня аж сердце обмерло. И я таким омерзительно заискивающим голосом робко спросил заведующую спецхраном: «А мне можно посмотреть эти томики?» И она, очевидно, сжалившись над моими духовными страданиями, снизошла: «Отчего же нельзя? У Вас есть официальный допуск для работы в спецхране. Можете посмотреть и Есенина». Я отложил в сторону все свои записи по Гражданской войне, буквально трясущимися руками схватил эти тома в обложке черного цвета и целую неделю почти целиком переписывал их к себе в общую тетрадь. И только в 1940 г. в университете состоялось выступление одного из самых замечательных чтецов – Владимира Яхонтова, который впервые на моем веку публично прочитал несколько есенинских стихотворений. Выступление Яхонтова произвело подлинный фурор. Мы были на седьмом небе. Как же, дожили до такой степени демократии, что даже стихи Есенина вслух произносить можно. Вот она, сталинская конституция в действии.

В нашей литературе до сих пор нередко пишут о незаконных репрессиях, о незаконии сталинщины и т. п. Мне бы хотелось высказать свою точку зрения по этому вопросу. Прежде всего, и Российская империя далеко не была образцом в соблюдении законов. Очевидно, такие понятия, как «законность» и

«абсолютная монархия» – трудно совместимы. Всегда остается возможность верховного произвола. Недаром же А.С. Пушкин проницательно заметил:

В России нет закона.
Есть столб. А на столбе – корона.

Что же касается времен сталинщины и вообще советского периода российской истории, то элементов произвола при абсолютной и никому не подотчетной власти Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП(б) – КПСС было более чем достаточно. Но все же необходимо заметить, что партийные диктаторы стремились «и в подлости хранить оттенок благородства». Многие акты террора против народа собственной страны творились и по различным (иногда и донныне неизвестным историкам) сверхсекретным директивам. Но в своих публичных выступлениях и Ленин, и Сталин, и их эпигоны неустанно пытались выдать себя за поборников законности. Правда, законности специфической – сначала «революционной», а затем «социалистической». И поэтому подведение соответствующей законодательной базы под массовое насилие органов советской власти по отношению к миллионам людей было одной из насущнейших и повседневных задач большевистского руководства с первых дней захвата власти в стране.

Но вообще-то говоря, любая диктатура (в том числе и диктатура пролетариата) принципиально, по определению, не совместима с реальной законностью. Ленин четко сформулировал эту мысль еще в 1906 г.: «Диктатура означает – примите это раз навсегда к сведению, господа Кизеветтеры, Струве, Изгоевы и К° – неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть»⁵⁸. С установлением диктатуры пролетариата

ставка большевистского руководства на силу, не считающуюся ни с какими законами, проявляется в огромном количестве официальных (в том числе и ленинских) документов. Вот лишь один из них – телеграмма В.И. Ленина А.К. Пайкесу в Саратов от 22 августа 1918 г. в 12 часов 05 минут: «...Временно советую назначать своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...»⁵⁹ Ленин неоднократно пытался оправдать такую беспредельную жестокость на базе беззакония интересами подавляющего большинства народа. А ближайший соратник Ленина Троцкий пошел еще дальше. Выступая перед лицом представителей мирового коммунистического движения, на полном серьезе заявил: «Такая беспощадность и есть высшая революционная гуманность уже потому, что, обеспечивая успех, она сокращает тяжелый путь кризиса»⁶⁰. Думается, что это одна из вершин столь мастерски применявшейся Троцким софистики. Нет, недаром, совсем недаром в свое время Ленин называл Троцкого «Иудушкой», а тот в ответ (правда, в частном письме) квалифицировал Владимира Ильича как «профессионального эксплуататора всякой отсталости в русском рабочем движении». Они лучше чем кто-либо знали и понимали друг друга.

С переходом на мирное положение стало ясно, что на одном «голом» насилии даже диктатура пролетариата долго не протянет, что трудно дальше жить по принципу: сила есть, законов не надо. Возобновились разговоры о необходимости создания новой, социалистической законности, началась разработка и принятие различных законов. По некоторым данным, за первые 70 лет советской власти всего было принято 320 законов, 430 указов, а органами

управления изданы сотни тысяч постановлений и инструкций⁶¹. Среди них встречались разные – и абсолютно необходимые, и демократические. Но многие из них отличались особой жестокостью – Уголовный кодекс 1926 года включал 46 «расстрельных статей». Но уже с конца 1929 г. сталинское руководство партией и страной открыто стало попирать изданные им же законы, по сути, объявило самую настоящую войну крестьянству. И опять вся надежда, вся опора на силу. Выступая в 1930 г. на XVI партсъезде, Сталин, подхватывая эстафету у Ленина и Троцкого, заявляет, что «репрессии являются необходимым элементом наступления». Правда, он тут же добавляет, что они являются «элементом вспомогательным, а не главным»⁶². Однако и в данном случае Сталин ведет речь об усилении темпа развития промышленности и т. п., а отнюдь не о строжайшем регламентировании любых репрессий законами. И очень скоро появились такие законы, которые все больше превращали каждого советского гражданина в полубесправное существо. Достаточно вспомнить пресловутое постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», названное народом за его необычайную жестокость «законом о колосках» (когда беспощадно судили даже за подобранные «социалистические» колоски).

Именно в этом постановлении ЦИК и СНК СССР реанимировали понятие «враг народа». Его родословная таится в глубине веков. Во всяком случае, есть свидетельства, что его в своей политической борьбе не брезговал применять еще Юлий Цезарь. Через восемнадцать с лишним столетий оно всплыло во Франции. Марат именовался «другом народа» (как и

издаваемая им газета), а его противники, естественно, «врагами народа» (во Франции тогда чаще употреблялся термин «враг свободы»). Через сотню лет Генрик Ибсен одну из своих пьес назвал «Враг народа». Так что это понятие было как бы на слуху у определенной части интеллигенции. Большевистское руководство воспользовалось им сразу же после захвата власти, объявив специальным декретом «врагами народа» руководителей кадетской партии. Но в те годы этот термин как-то не прижился и в основном был заменен таким, очевидно более доступным для самых широких масс, как «контрреволюционер» (или в просторечии «контра»). И вот теперь, согласно тексту закона от 7.-8.1932 г., любое лицо, совершившее хищение социалистической собственности (независимо от размера похищенного, личности виновного и т. п.), признавалось врагом народа^[8].

Теперь-то мы знаем, какие неисчислимые беды всем народам Советского Союза принесло изощренное государственное манипулирование этим термином, понимаем, сколь неоправданно жестоким было это постановление ЦИК и СНК СССР. А вскоре после его издания Сталин в январе 1933 г. заявил: «Этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент»⁶³. Надо полагать, что именно под впечатлением беспощадного применения этого варварского закона Осип Мандельштам в ноябре 1933 г. напишет стоившие ему самому жизни строки:

...Как подкову, дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в
глаз.
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.

Новым шагом в ужесточении действовавших в стране законов было решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 мая 1934 г. «О включении в законы СССР статьи, карающей за измену Родине». На заседании Политбюро 26 мая того же года было постановлено: «В основном принять внесенный тт. Акуловым и Крыленко проект статей и передать их на окончательное редактирование комиссии в составе тт. Сталина, Куйбышева, Акулова и Крыленко»⁶⁴. Через две недели – 8 июля 1934 г. был принят закон «Об измене Родине», по которому расстрел «полагался» не только тем, кто «изменил», но и тем, кто знал, но не доложил или не предотвратил. Суровая кара предназначалась даже лицам, хоть и ничего не знавшим о готовящейся «измене», но являющимся родственниками изменившего.

Еще более жестокие законы появляются после убийства С.М. Кирова. Наши публицисты не без удовольствия укоряют американскую Фемиду, не сумевшую до сих пор вскрыть все нити убийства президента США Джона Кеннеди в ноябре 1963 г. Но эти критики нередко умалчивают о том, что народ нашей страны и поныне не знает всей правды об убийстве Кирова 1 декабря 1934 г. Сейчас подавляющее большинство историков склонны считать, что это убийство было заказным, что оно спланировано, организовано и проведено под непосредственным патронажем высших структур НКВД по заказу Сталина. Но ни российские, ни тем более зарубежные историки пока не имели возможности доступа ко всей совокупности связанных с этим убийством документов. Не ставя перед собой цели специального исследования истины в гибели Кирова, хочу только поделиться сведениями об одном источнике, насколько мне известно, еще не вовлекавшемся в научный оборот.

Речь идет о надзорной жалобе, с которой 4 сентября 1978 г. в адрес председателя Верховного суда СССР Л.Н. Смирнова, председателя КГБ при Совете министров СССР Ю.В. Андропова и генерального прокурора СССР Р.А. Руденко обратился 79-летний Прокопий Максимович Лобов. В конце 1934 г. он служил помощником начальника особого отдела Ленинградского военного округа и был в курсе многих событий тех дней. Более того, в ночь с 1 на 2 декабря 1934 г. начальник УНКВД Ленинградской области Ф.Д. Медведь назначил его вторым следователем по делу Л.В. Николаева (убийцы Кирова), в помощь уже назначенному ранее для этой цели заместителю начальника особого отдела ЛВО Янишевскому. И вот Лобов через 44 года пишет: «Убийца Николаев ни Янишевскому, ни мне так ничего и не показал существенного, ограничившись одной многозначительной фразой: «Это не вашего ума дело», которую он произнес несколько раз и добавил еще, что охрана С.М. Кирова в 1934 году дважды задерживала его (Николаева) и доставляла в здание УНКВД, откуда его вскоре освобождали, даже без личного обыска, хотя у него был портфель с наганом и заметки о наблюдении за Кировым С.М.»⁶⁵.

Лобов сообщает и еще один весьма интересный факт. 2 декабря 1934 г. он был приглашен в качестве одного из понятых при обыске в квартире Николаева. «Там, – пишет Лобов, – в столе Николаева я нашел дневник, написанный Николаевым с злобными и резкими обвинениями Сталина против узурпации им власти. Этот дневник взял руководитель обыска – работник Оперода НКВД СССР, и больше я этого документа никогда не видел»⁶⁶.

Факт убийства Кирова был использован незамедлительно. Уже в самый день убийства (Киров

был застрелен в 16 ч. 30 минут) Президиум ЦИК Союза ССР принял постановление, в котором предлагалось:

1. Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком.

2. Судебным органам – не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.

3. Органам Наркомвнудела – приводить в исполнение приговоры к высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров.

Это сообщение было опубликовано в газетах 4 декабря 1934 г. Вся страна содрогнулась и замерла. А на завтра был опубликован еще один, помеченный 1 декабря 1934 г., документ. Это подписанное М.И. Калининым и А.С. Енукидзе постановление ЦИК Союза ССР, в котором в развитие предыдущей директивы устанавливались небывалые ни в одном действительно цивилизованном государстве «законодательные» нормы ведения судопроизводства: «Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора»^[9].

Очевидно, именно в результате ознакомления с этими очередными драконовскими законами решил обратиться с письмом к правительству страны академик И.П. Павлов. Гордость мировой науки, живое российское национальное сокровище, он с мучительной болью видел, какие необратимые разрушения в генофонде отечества совершаются под знаменем строительства «нового мира». Надо сказать, что характер у академика Павлова как подлинно великого ученого был кремневый. Несмотря на заботу советской власти о создании благоприятных условий для работы Ивана Петровича, он откровенно писал Ленину: «Я не социалист и не верю в Ваш опасный социальный эксперимент». А в 1929 г. свою речь, посвященную 100-летию со дня рождения И.М. Сеченова, он закончил так: «Мы живем под господством жестокого принцепа: государство, власть – все, личность обывателя – ничто... Без Иванов Михайловичей с их чувством достоинства и долга всякое государство обречено на гибель изнутри, несмотря ни на какие Днепрострои и Волховстрои».

В своем письме в Совет Народных Комиссаров СССР от 21 декабря 1934 г. он так оценивал атмосферу в стране уже к концу 1934 г.: «...Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками... Надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приученным участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими

человечно. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства.

Когда я встречаюсь с новыми случаями из отрицательной полосы нашей жизни (а их легион), я терзаюсь ядовитым укором, что оставался и остаюсь среди нея.

Не один же я так чувствую и думаю.
Пощадите же родину и нас.

Академик Иван Павлов»⁶⁷.

Арестовать Павлова тогда не посмели. Хотя за такую дерзкую «антисоветчину» пришили бы любого. Впрочем, по некоторым новейшим данным, и академику Павлову все же вскоре вроде бы помогли «скоропостижно» скончаться.

Характеризуя новый порядок судопроизводства, вводимый Центральным Исполнительным Комитетом СССР, один из героев романа А.Н. Рыбакова «35-й и другие годы» совершенно справедливо говорил: «Это постановление о неконтролируемом уничтожении невинных и незащищенных людей. Это закон о массовом беззаконии». Многие считали тогда, что постановление ЦИК от 1 декабря 1934 г. – это уже апогей беззакония, что большего варварства быть уже не может^[10]. Но они явно недооценивали прямо-таки дьявольскую изощренность заправил сталинского режима в отыскании все новых и новых методов скорейшего истребления всех неугодных.

Теперь речь шла о детях. Стоустая пропаганда твердила на всех перекрестках, что советские дети – единственный привилегированный класс. Я сам рос в

это время и неоднократно видел и в печати, и на стадионах, и чуть ли не на всех заборах лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!» И чего греха таить, верил в чистоту этого призыва. И ведь действительно для многих детей немало хорошего делалось. Но дети-то разные были. Крупный функционер НКВД утверждает, что еще в 1932 г., когда сотни тысяч беспризорных детей, гонимых голодом, спасаясь от гибели, буквально забили железнодорожные станции и крупные города, Сталин негласно издал приказ, по которому те беспризорники, которые были схвачены при разграблении продовольственных складов или краже из железнодорожных вагонов, а также «подхватившие» венерические заболевания, подлежали тайному расстрелу⁶⁸. Вот таким, «сталинским» путем к лету 1934 г. проблема беспризорных детей была «решена».

Но преступность-то подростковая и детская оставалась. Тогда было решено и в борьбе с нею применить испытанный расстрельный метод, распространив его и на малолетних детей (этого не было даже в гитлеровской Германии). «В целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних» ЦИК и Совнарком СССР 7 апреля 1935 г. постановили: «1. Несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания»⁶⁹. Читая это, люди не хотели верить собственным глазам. Чтобы в мирное время, в ходе успешного, как заверяли все средства массовой информации, выполнения второго пятилетнего плана прибегать к таким беспрецедентным мерам? С разных сторон посыпались недоуменные запросы. И тогда 20

апреля 1935 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято вот такое постановление:

«Утвердить проект следующего секретного разъяснения органам суда и прокуратуры:

«Ввиду поступающих запросов, в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 7.IV. с.г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», разъясняем:

1) К числу мер уголовного наказания, предусмотренных ст. 1 указанного постановления, относится также и высшая мера уголовного наказания (расстрел).

2) В соответствии с этим надлежит считать отпавшими указанные в примечании к ст. 13 «Основных начал уголовного законодательства СССР и Союзных республик» и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик (22 ст. УК РСФСР и соответствующие статьи УК других Союзных республик), по которым расстрел к лицам, не достигших 18-летнего возраста, не применяется.

...4) При предании уголовному суду несовершеннолетних по статьям закона, предусматривающим применение высшей меры наказания (расстрела), дела о них рассматривать в краевых (областных) судах в общем порядке»⁷⁰.

И хотя в пункте 3 этого постановления Политбюро ЦК ВКП(б) говорилось, что высшую меру следует применять к несовершеннолетним лишь в исключительных случаях и под особо тщательным контролем, подобного позорного документа не было, насколько мне известно, за весь период новой и новейшей истории ни в одной хоть мало-мальски цивилизованной стране. Весть об этой акции потрясла даже самых горячих наших сторонников за рубежом.

Чем же объяснить, что Политбюро ЦК ВКП(б) рискнуло пойти на такую каннибальскую меру? Одно из вполне рациональных, по моему мнению, объяснений дает майор ГБ Л.Л. Никольский. Он считает, что главная цель решения о расстреле детей с 12-летнего возраста состояла в том, чтобы оказать воздействие на психику старых революционеров, на их привязанность к детям и внукам. По его свидетельству, секретарь ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов, тогда еще только курировавший деятельность НКВД, лично распорядился, чтобы текст этого закона лежал перед следователями на всех допросах. «Многие старые большевики, – пишет Никольский, – готовые умереть за свои идеалы, не могли переступить через трупы собственных детей – и уступали насилию»⁷¹. (Правда, автору факты применения этого закона неизвестны. – О.С.)

В дальнейшем происходит еще большее ужесточение. А пока «на законном» основании чинятся в стране суд и расправа во все более нарастающем масштабе. Некоторые процессы (Шахтинское дело, процесс Промпартии и др.) проходят открыто. Они широко используются для нагнетания «классовой ненависти» к «белогвардейцам, вредителям» и вообще ко всякой «контре». Но весьма значительное количество советских людей уже в начале 30-х годов осуждаются тайно, в «закрытом» порядке. И прежде всего постановлениями коллегии ОГПУ. Вот лишь некоторые штрихи репрессивной ее деятельности в ту пору.

Какое-то понятие о существовании в стране атмосферы беспощадной расправы за малейшие критические замечания даже до убийства Кирова можно получить на основании изучения следующего дела. В апреле – мае 1932 г. в Москве были арестованы киноактер киностудии «Межрабпомфильм» Н.Я. Романов, электромонтер А.А. Калошин и артист Малого

театра В.В. Головин. Все они были обвинены в том, что якобы являлись участниками антисоветской группы молодежи, проводили антисоветскую агитацию – критиковали политику партии, обсуждали на собраниях вопросы борьбы против советской власти. Постановлением коллегии ОГПУ в августе 1932 г. первые двое были осуждены к заключению в лагерь на 5 лет, а Головин – даже к расстрелу с заменой заключением в лагере на 10 лет. Но в 1937 г. его все-таки «достали», и в соответствии с постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 25 ноября он был расстрелян. Все трое полностью реабилитированы 5 сентября 1961 г.⁷²

Уже в эти годы под недреманым оком ВКП(б) карательными органами в глубочайшей тайне «организовывались» такие дела, которые втягивали в свою смертоносную воронку десятки, сотни и даже тысячи людей. В августе 1933 г. коллегия ОГПУ рассмотрела обвинительное заключение по делу контрреволюционной повстанческой организации (с центром в Новосибирске) под названием «Белогвардейский заговор», якобы действовавшей в 44 населенных районах Западно-Сибирского края. Руководителями этой организации были названы бывший генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, бывший полковник Х.Е. Бутенко, профессор Н.П. Шавров, бывший товарищ министра финансов правительства Колчака Г.А. Краснов, преподаватель института Г.И. Черемных и бывший капитан И.А. Лаксберг. Всего по этому делу было арестовано 1759 человек. И хотя при последующей проверке никаких объективных доказательств вменяемой обвиняемым попытки организации антисоветского вооруженного восстания в деле обнаружить не удалось (поскольку их и не было), а многие из арестованных категорически отрицали

какую-либо свою виновность, по «Белогвардейскому заговору» было осуждено 1310 человек. Десятки людей были приговорены к расстрелу (в том числе Болдырев, Бутенко, Краснов и Лаксберг), а остальные к различным срокам тюремного заключения (от десяти до трех лет).

В результате дополнительной проверки дела в 50-х годах было установлено, что главное обвинение в создании антисоветской организации «Белогвардейский заговор» не подтвердилось, и 31 мая 1958 г. главный военный прокурор генерал-майор юстиции А.Г. Горный обратился в Военную коллегию Верховного суда СССР с протестом об отмене постановления коллегии ОГПУ и прекращении дела по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР. Одним из оснований такого решения вопроса послужило и то, что бывшие ответственные работники постоянного представительства ОГПУ Западно-Сибирского края Заковский, Залпетер, Жабрев, Попов и Чистов, арестовавшие Болдырева и других лиц, к этому времени сами были осуждены за массовые необоснованные аресты советских граждан, искусственное создание антисоветских организаций и за другие нарушения «социалистической законности»⁷³.

В июле - сентябре 1933 г. постановлениями коллегии ОГПУ и тройки постоянного представительства ОГПУ по Западной области по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре в сельском хозяйстве было осуждено 48 человек, в том числе 13 - к 10 годам лишения свободы, а семеро - к расстрелу. Все это «дело» оказалось очередным плодом необузданной фантазии и злонамеренной карьерной лжи сотрудников ОГПУ, что и подтверждено 5 июля 1957 г. полной реабилитацией всех осужденных по этому делу⁷⁴.

Не обходили своим вниманием и промышленность. На спичечных фабриках «Везувий», «Маяк», «Белка»,

«Пламя» и др. по разным причинам произошли в 1933 г. пожары. Чтобы «зло пресечь», постановлением коллегии ОГПУ от 15 марта 1934 г. по этому делу было осуждено 36 человек, в том числе 13 – к 10 годам лишения свободы, а пятеро – к расстрелу. В ходе предварительного следствия все они (кроме троих) «признались». Дополнительная проверка (через 20 с лишним лет) показала, что все осужденные по данному делу лица к тем пожарам никакого отношения не имели и все они в октябре 1956 г. были реабилитированы⁷⁵.

Качественное ухудшение и до того тяжелой атмосферы в стране происходит после убийства С.М. Кирова. Срочно организуются новые процессы, широкой волной растекся «кировский поток» по тюрьмам и лагерям, увеличилось количество расстрелов. Все это делало атмосферу в стране еще более мрачной и безусловно унавоживало почву для произрастания уже в ближайшем будущем большого террора, который охватит своим пламенем все города и веси необъятного Советского Союза.

Все это не могло не тревожить совесть писателей и поэтов. Ведь как глубоко заметил Валерий Брюсов еще в 1903 г.: «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза...» Но люди-то разные: были такие, «которых сажали», и такие, «которые сажали». НКВД в эти годы все больше набирает силу. Среди его функционеров заметно выделялся Я.С. Агранов. Еще в начале 20-х годов он «отличился» организацией расстрела поэта Николая Гумилева. С тех пор он активно вращался в поэтической среде. Даже револьвер, из которого застрелился Владимир Маяковский, был передан ему Аграновым. А партруководство по-отечески пеклось о здоровье такого «друга поэтов». Например, 1 июня 1935 г. опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление: «Направить т. Агранова Я.С, согласно

заклучению врачей, на лечение во Францию на 1 месяца с отпуском валюты до 1300 рублей»⁷⁶. А в ноябре 1935 г. ему было присвоено специальное звание «комиссар государственной безопасности 1-го ранга», в декабре 1936 г. – назначен начальником Главного управления государственной безопасности СССР. И было немало поэтов, которые с радостным блеском в глазах воспевали «очистительную» работу «сталинских чекистов» и, возможно, искренне считали, что они находятся «с людьми».

Но были и другие поэты, остро чувствовавшие боль тех, которых уже «сажали», и суровыми реалистическими красками запечатлевшие черты наступившего времени. Осенью 1935 г. Анна Ахматова втайне пишет вступление к ставшему теперь широко известным «Реквиему». И вот как она описывает атмосферу в стране:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И невольню привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И тогда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

Это не только поэтический, но и исторический источник. Так воспринимала сложившуюся уже тогда ситуацию в стране А. Ахматова, верная долгу поэта, долгу женщины, у которой безвинно расстреляли

бывшего мужа Н.С. Гумилева, долгу матери, у которой безвинно бросили в темницу сына, бывшего нашего однокашника по истфаку ЛГУ Леву Гумилева.

В 1936 г. масштабы правительственного террора против народа возрастают. «Судят» не только поодиночке, но устраивают и групповые процессы. Прекрасно понимая всю надуманность и вздорность предъявляемых обвинений, руководители НКВД и судебных органов боятся гласности, как огня, и не рискуют проводить открытые (хотя бы и срепетированные заранее) процессы. «Судили» втайне, в «закрытом порядке». Осуждены к расстрелу как «участники террористических групп»:

- 7 октября 1936 г. - в Москве - 7 человек (в том числе помощник прокурора гор. Москвы С.А. Девенишский, киносценарист Б.А. Майский и др.);

- 10 октября 1936 г. - в Ленинграде - 12 человек (в том числе бывший председатель спецколлегии Ленинградского областного суда И.В. Минин и др.);

- 11 октября 1936 г. - в Ленинграде - 12 человек (в том числе директор института истории АН СССР в Ленинграде А.И. Малышев, бывший заместитель директора С.Г. Томсинский, ученый секретарь научной библиотеки С.С. Горловский, один из редакторов «Истории фабрик и заводов» И.И. Меламед, преподаватели и руководящие сотрудники комвуза им. Сталина Е.А. Дмитриев, Р.И. Изак, М.Е. Орлов, Я.К. Пальвадре и др.)⁷⁷ и т. д. и т. п.

По обвинению в участии в якобы существовавшей в Академии Наук СССР в г. Ленинграде контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации перед судом Военной коллегии Верховного суда СССР 23 декабря 1936 г. предстали семь человек: старший специалист Института истории АН СССР и профессор Ленгосуниверситета И.М. Троцкий,

начальник Административно-хозяйственного управления АН СССР Д.Б. Альтер; научный сотрудник Института русской литературы АН СССР Г.Ю. Юрьев; научный сотрудник АН СССР Э.Л. Груздев-Радин; профессор Ленинградского индустриального института С.Ф. Васильев; ст. ученый специалист Института философии АН СССР Х.И. Гарбер; ученый специалист Института востоковедения АН СССР Г.К. Папаян. Даже в протоколе судебного заседания записано, что все подсудимые «утверждали, что в контрреволюционной организации не состояли, о существовании таковой не знали и антисоветской деятельности не проводили»⁷⁸. Однако всех их осудили по 10 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах.

После суда от шестерых осужденных поступили жалобы, в которых они категорически отрицали правильность обвинения их в антисоветской деятельности. Но разбираться не пожелали и в соответствии с приговором суда всех их отправили в тюрьму. И тут наступил Тридцать седьмой год. И все семеро – без всякого производства предварительного следствия, по постановлениям тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 и 10 октября 1937 г. – были расстреляны. Приговор этот был отменен, и все безвинно расстрелянные были посмертно реабилитированы 14 июля 1956 г.⁷⁹

Как бы власти ни «секретили» факты этих судилищ и расстрелов, люди о них все же узнавали. А уж об арестах и говорить нечего. Легко себе представить, какое ужасное воздействие все это оказывало на самочувствие ученых. Примерно в середине апреля 1937 г. мне довелось сдавать очередной экзамен по «Истории СССР» члену-корреспонденту АН СССР Б.Д. Грекову (он на истфаке ЛГУ вел этот курс). И я тогда был страшно удивлен его видом – он сидел, вперив взор

в окно, вроде слушал и не слышал. И вообще впечатление было такое, что он не экзамен принимает, а думает свою, какую-то горькую думу. Он уже тогда был сед, а мне шел всего 20-й год, и это впечатление быстро рассеялось. А вот совсем недавно все сошлось... По сообщению доктора исторических наук Н.А. Горской, в начале апреля 1937 г. к директору Историко-археографического института АН СССР в Ленинграде Б.Д. Грекову пришел секретарь парторганизации Г.В. Абрамович со страшной вестью: накануне ночью были арестованы сразу несколько сотрудников института. Потрясенный этим, Борис Дмитриевич, обращаясь к секретарю парторганизации и указывая на портрет Сталина на стене (а эти портреты тогда где только не висели), воскликнул: «Вы же партийный человек, объясните мне, что происходит, что ему надо!»⁸⁰.

Проходит менее трех месяцев, и всемирно известный физик П.Л. Капица 10 июля 1937 г. пишет в письме И.В. Сталину: «С наукой у нас неблагополучно. Все обычные заверения, которые делаются публично, что у нас в Союзе науке лучше, чем где бы то ни было, – неправда. Эти заверения не только плохи, как всякая ложь, но еще хуже тем, что мешают наладить научную жизнь у нас в стране»⁸¹. Написать на бумаге такое Сталину и остаться в живых мог в то время, наверное, лишь один Петр Леонидович Капица. И его документальное свидетельство бесценно. Такое вот в те годы было положение, такая атмосфера царила в советской науке.

Об атмосфере в промышленности можно судить хотя бы по ростовскому заводу «Ростсельмаш». Уже в ноябре 1936 г. здесь был арестован начальник цеха уборочных машин Г.И. Иванков, в январе 1937 г. – начальник конструкторско-экспериментального отдела В.И. Алексеев, начальник спеццеха № 1 М.Т. Борщев,

заведующий техническим отделом спецотдела В.А. Каленко, механик сталелитейного цеха А.Г. Козлов, помощник заведующего производством М.Г. Нестеренко, исполняющий обязанности директора завода С.С. Равва. В апреле 1937 г. новая «порция» арестов – старший мастер инструментального отдела Я.И. Борценко, начальник инструментального цеха К.П. Бреславский, главный бухгалтер завода Н.А. Гринштейн, начальник колесного цеха Г.М. Любович, заместитель начальника механического цеха Г.И. Марголин. В мае – июне 1937 г. арестовываются начальник технического отдела А.А. Барятинский, начальник смены колесного цеха И.Н. Кухарец, начальник отдела капитального строительства Г.Л. Мацеевич, начальник отдела технического контроля цеха комбайнов П.А. Наседкин, главный механик завода В.А. Тихомиров, начальник конструкторского бюро инструментального отдела А.Н. Хобта; в июле – августе: главный энергетик завода Е.В. Митрофанов, старший технический инспектор цеха комбайнов Д.Г. Никулин, заместитель начальника кузнечно-прессового цеха С.В. Смирнов, мастер секции «Аяксов» кузнечно-прессового цеха И.И. Трубчанинов. И все до единого эти ответственные руководители жизненно важных подразделений завода были расстреляны в 1937 г. И все они посмертно реабилитированы⁸². И это еще далеко не полный перечень безвинно арестованных и осужденных на одном только заводе. Вот и представьте себе, дорогой читатель, какая же именно атмосфера уже в ноябре 1936 г. установилась на этом прославленном ростовском заводе, среди оставшихся «на свободе» большинства заводчан...

Справедливости ради необходимо заметить, что уже осенью 1936 г. Сталин и ЦК были, очевидно, в какой-то мере напуганы самым настоящим шквалом ненависти,

взметнувшись на местах против многих хозяйственных руководителей - «вредителей». Осенью 1936 г. из ЦК ВКП(б) была дана специальная телеграмма, осаживающая Днепропетровский обком КП(б)У, под призывы о бдительности которого чуть-чуть не расстреляли в августе 1936 г. директора Криворожского металлургического комбината Я.И. Весника. Когда в Перми стали «добираться» до директора другого завода, туда полетела такая вот телеграмма: «Пермь, секретарю горкома т. Голышеву, копия завод N... Побережскому» и лично сообщил первому секретарю Свердловского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакову, что: «До ЦК дошли сведения о преследованиях и травле директора моторного завода Побережского и его основных работников из-за прошлых грешков по части троцкизма. Ввиду того, что как Побережский, так и его работники работают ныне добросовестно и пользуются полным доверием у ЦК ВКП(б), просим вас оградить т. Побережского и его работников от травли и создать вокруг них атмосферу полного доверия. О принятых мерах сообщите незамедлительно в ЦК ВКП(б). Секретарь ЦК Сталин. 25 декабря 1936 г.»⁸³

Однако в данных случаях даже телеграммы ЦК ВКП(б) за подписью самого Сталина спасли уже намеченные жертвы лишь на какое-то время. Я.И. Весник был расстрелян в ноябре 1937 г., бригадженер А.И. Побережский в июле 1938 г. осужден к 10 годам заключения и умер там в 1944 г.

Уже к концу 1936 г. нередко живые стали завидовать умершим. Варлам Шаламов вспоминал, как в декабре 1936 г. его родственница на поминках только что умершего мужа сказала задумчиво:

«- В сущности, Володя был счастливый человек.
- Почему вы так думаете?»

- Ну, никогда в тюрьме не сидел»⁸⁴.

Ощущение какой-то безнадежности, беспомощности перед надвигавшимися событиями, невозможности изменить свою жизнь охватывало и некоторые слои лишенной паспортов сельской молодежи. Вот лишь одна российская вариация вечной темы о Ромео и Джульетте образца Тридцать седьмого года. В деревне Заозерье Лужского района Ленинградской области работала младшим конюхом колхоза А.А. Пожарнова. 26 марта 1937 г. она подала заявление с просьбой отпустить ее «в школу летного дела». Но правление колхоза отказало ей «за отсутствием средств и рабсилы в колхозе». В это время в краткосрочный отпуск прибыл ее друг-краснофлотец М.А. Багров. 1 апреля они пошли якобы на охоту, а в действительности, как говорилось в спецсообщении особого отдела НКВД, «легли, обнялись и Багров сначала выстрелил в сердце и убил Пожарнову, а вторым выстрелом убил себя». И был-то у них лишь старенький проржавевший наган с тремя патронами. На месте их гибели нашли пять предсмертных записок. Миша и Тося просили похоронить их в одном гробу. Краснофлотец Багров, имевший за время службы лишь благодарности, писал своему другу Васе: «Навсегда до свиданья, я больше жить не хочу». В одной из записок Тоси Пожарновой говорилось: «Дорогие родители, почему я вас покидаю, так как в этом колхозе жить продолжать не могу. Неужели я за шесть лет не заслужила справки, и я больше кончаю жить на свете...» И подобная трагедия не была исключением. Только в одном этом сельсовете за год с небольшим зарегистрировано 13 самоубийств, из них лишь одно без смертельного исхода⁸⁵.

По свидетельству армейского комиссара 2-го ранга Г.С. Окунева, весной 1937 г. Сталин пришел к выводу, что «мы находимся в состоянии полувойны»⁸⁶.

Очевидно, в виду имелась международная военно-политическая обстановка. Что же касается оценки внутривнутриполитической ситуации, то можно с полной определенностью сказать: приступив к повсеместной организации большого террора, высшее партийно-государственное руководство СССР вступило с народом своей страны в самую настоящую войну.

В РККА

Личный состав Рабоче-крестьянской Красной армии жил своей специфической, во многом обособленной жизнью, руководствуясь соответствующими уставами, наставлениями, инструкциями, а главное – приказами и распоряжениями наркома и прежде всего своих непосредственных командиров и начальников. Он повседневно и напряженно занимался своим главным делом – повышением боевой и политической подготовки. Но в то же время бойцы и командиры РККА были самым теснейшим образом, можно сказать – неразрывно связаны с местными советскими, партийными, хозяйственными, комсомольскими органами, со всем гражданским населением необъятной страны. И все более сгущавшаяся мрачная атмосфера подозрительности, доноительства, массовых арестов, страха, окутывавшая жителей страны, не могла не оказывать своего вредоносного воздействия и на атмосферу в армии и на флоте.

Тем более что для подобного нагнетания атмосферы страха в армии существовали и внутриармейские основания. Наряду с целой системой политорганов, партийных организаций с первого дня создания Красной армии неустанно следили за каждым шагом военнослужащих и зоркие очи штатных и секретных сотрудников ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Целая сеть особых отделов в армии и на флоте действовала буквально «без сна, без отдыха». Так было в годы Гражданской войны, так продолжалось и после ее окончания. Особенно пристально они наблюдали за классовой принадлежностью военнослужащих, стремясь выявить всех «классово чуждых». А затем, с

помощью политотделов, принимали меры по удалению их из армии.

В специальной докладной записке Центральному Комитету ВКП(б) «О командном и политическом составе РККА» (май 1931 г.) Я.Б. Гамарник сообщал о проведении большой работы по тщательному выявлению и очистке политсостава от лиц, служивших хотя бы и короткие сроки (два-три месяца) в белых армиях. Всего за 1928-1930 гг. уволено было из армии 242 человека «бывших белых», в основном - политруки, завбибы (заведующие библиотеками), учителя. В течение апреля - мая 1931 г. проводилось увольнение (или передача в резерв) последней оставшейся группы около 150 человек, в том числе около 50 человек старшего и высшего политсостава. Кроме увольнения из армии, за 1929-1931 гг. свыше 500 человек, служивших ранее у белых, были сняты с работы на политдолжностях и переведены на административно-хозяйственную и командную работу. (Такова была специфика подбора кадров политработников в то время.) Эти мероприятия, докладывал начальник Политуправления РККА, «позволили полностью очистить политсостав во всех звеньях от бывших белых»⁸⁷.

По крайней мере, с конца 20-х годов Особые отделы сообщают руководству военного ведомства о наличии в РККА различного рода контрреволюционных организаций. Достоверность всех этих докладов нуждается в дополнительной проверке, но тогда она сомнению не подвергалась и принималась как данность. Но те «дела», которые в 50-х годах удалось проверить Главной военной прокуратуре, оказались сфабрикованными сотрудниками особых отделов.

Постановлением коллегии ОГПУ при СНК СССР от 27 февраля 1927 г. 23 человека, либо состоявших на воинской морской службе, либо до революции

служивших «в царском флоте», были осуждены за участие в якобы существовавшей контрреволюционной монархической организации на Балтийском флоте. Из них 20 человек приговорены к заключению в лагерь на различные сроки (в том числе семеро – на десять лет каждый)⁸⁸. Командир 1-го дивизиона эсминцев Балтфлота Н.А. Вартенбург был осужден к лагерному заключению сроком на три года. Его этапировали в Соловецкий лагерь. А затем, как писала позднее его вдова, «на 3 года в Сибирь и по истечении этого срока на 3 года минус три»^{[11]89}. В 1948 г. он умер в Ленинграде. Лишь 25 сентября 1956 г., по протесту генерального прокурора СССР, Военная коллегия Верховного суда СССР отменила постановление коллегии ОГПУ при СНК СССР и все ее последующие постановления по этому делу, а самое дело предписала производством прекратить «за отсутствием состава преступления»⁹⁰.

Командир и военный комиссар 44-й стрелковой дивизии член ВУЦИК, 35-летний Ярослав Антонович Штромбах, уроженец Чехословакии, член ВКП(б) с 1918 г., награжденный орденом Красного Знамени, был арестован 4 декабря 1930 г. К моменту его ареста органы следствия никаких материалов не имели. Но некий А.А. Водседаляк «показал» на Штромбаха. Впоследствии он от своих показаний отказался, но черное дело было сделано. Штромбаха обвинили в том, что он шпион чехословацкого Генштаба, неизвестным нам путем получили «признательные» показания, и по постановлению коллегии ОГПУ от 20 мая 1931 г. он был присужден к расстрелу. И только в мае 1959 г. это постановление было отменено. Штромбах был посмертно реабилитирован, ибо в ходе дополнительной проверки установлено, что никаких данных о его причастности к агентуре разведорганов бывшей

буржуазной Чехословакии в соответствующих архивах КГБ – НКВД СССР и Чехословацкой Народной Республики не имеется⁹¹. Не имелось их и в 1931 г. Но истина тогда никого из членов коллегии ОГПУ не интересовала...

С июля 1930 г. по май 1931 г. Особым отделом ОГПУ морских сил Черного моря был арестован 21 человек за участие в контрреволюционной организации, якобы существовавшей в морских силах Черного моря. Все обвиняемые по этому «делу» были выходцами из дворянской среды или других привилегированных сословий старого режима и в большинстве своем служили офицерами царского флота. Теперь они занимали важные посты на флоте. Среди арестованных были командир дивизии крейсеров Г.Г. Виноградский, командир дивизиона эскадренных миноносцев Ю.В. Шельтинг, главный корабельный инженер Севастопольского Главного военного порта С.Н. Котылевский, командиры подводных лодок: № 13 – Б.С. Сладников, № 14 – К.К. Немирович-Данченко, № 15 – В.К. Юшко и др.

Все они на следствии показывали только о том, что, собираясь вместе у кого-то на квартире в семейной обстановке, занимались распитием спиртных напитков, танцами и вели разговоры на бытовые темы (об очередях за дефицитными товарами, о случаях некультурного обслуживания покупателя, о взаимоотношениях на службе с начальниками и т. п.). Особый отдел, однако, расценил это по-другому – как обсуждение мероприятий партии и правительства с враждебных позиций, высказывание недовольства положением, в котором находились старые военные специалисты. И все это квалифицировал как наличие контрреволюционной организации в морских силах Черного моря. И особисты настолько энергично действовали, что сумели добыть у 15 человек

арестованных «признательные показания» о принадлежности к ней (шестеро все-таки устояли). По постановлению коллегии ОГПУ от 6 июня 1931 г. трое были приговорены к расстрелу, 12 человек – к заключению в ИТЛ на 10 лет каждый и т. д. Позднее это постановление было пересмотрено, 15 человек были досрочно освобождены из заключения. Однако полностью они были реабилитированы лишь 29 мая 1958 г. (многие посмертно)⁹².

В спецсообщении Особого отдела от 21 февраля 1931 г. говорится о ликвидированной «контрреволюционной организации» в Инженерном управлении РККА. Здесь же называются некоторые ее члены: Н.И. Терлецкий, Маевский, Симонов, Чистяков⁹³. Были, очевидно, «вскрыты» и другие подобные организации в Красной армии, но, судя по некоторым документам, самой крупной акцией особых отделов в начале 30-х годов была ликвидация в 1930–1932 гг. «антисоветской военной организации «Весна». Ликвидация эта проводилась в глубокой тайне, и даже в совершенно секретных (по тому времени) документах о деле «Весна» упоминается чрезвычайно редко. Как теперь стало известно, поводом для ее проведения послужили материалы, полученные в разное время от секретных сотрудников ВЧК – ОГПУ бывшего генерала царской армии А.М. Зайончковского (сексот с 1921 г.) и особенно его дочери – Зайончковской (сексот с 1922 г.).

По делу «Весна» было арестовано более 3000 офицеров и генералов бывшей царской армии, служивших на различных должностях в РККА в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии⁹⁴. Среди них оказалось немало подвизавшихся на штабной, преподавательской и военно-научной работе (А.А. Балтийский, А.И. Верховский, В.Н. Егорьев, А.Г. Лигнау, А.Д. Малевский, В.А. Ольдерогте, С.А. Пугачев, А.А.

Свечин, А.Е. Снесарев и др.). По-разному вели себя эти люди на допросах. Большинство из них (особенно А.И. Верховский и А.А. Свечин) не посрамили чести русского офицера. Но некоторые по неизвестным нам причинам дрогнули. Так, арестованные преподаватели Военной академии Н.Е. Какурин и И.А. Троицкий (стал сексотом после ареста) в августе - сентябре дали компрометирующие М.Н. Тухачевского показания. О них доложили Сталину, и тот в письме к Орджоникидзе от 24 сентября 1930 г. высказал мысль о политической нелояльности Тухачевского: «Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру...»⁹⁵

Для проверки показаний Какурина и Троицкого была организована очная ставка их с Тухачевским в присутствии Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе и других членов Политбюро ЦК. Какурин и Троицкий подтвердили свои «уличающие» показания и на очной ставке. Но 1930-й год еще далеко не 1937-й. Было решено опросить тех видных военных деятелей, которые хорошо знали Тухачевского по совместной работе в РККА. Как позднее вспоминал Сталин: «Мы обратились к тт. Дубовому, Якиру и Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали нет, это должно быть какое-нибудь недоразумение, неправильно.

Ворошилов: Мы очную ставку сделали.

Сталин: Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть»⁹⁶.

Тухачевский тогда уцелел, но более трех тысяч командиров Красной армии все-таки было осуждено⁹⁷. Хотя расстрельные приговоры, насколько мне известно, были тогда сравнительно редким явлением^[12], а многие арестованные через сравнительно короткое время были освобождены, самый факт ареста и осуждения в любой

момент по фальсифицированным обвинениям оказал исключительно неблагоприятное воздействие на десятки тысяч командиров и начальников Красной армии – бывших военных специалистов. Тем более что некоторых из них (например, будущего маршала Б.М. Шапошникова) уже тогда «таскали» на всякого рода очные ставки.

Ныне точно установлено, что все эти дела «о заговоре бывших офицеров» в начале 30-х годов были сфабрикованы по фальсифицированным обвинениям. Но необходимо заметить, что отдельные руководящие работники ОГПУ еще в 1931 г. считали дела на военных специалистов «дутыми», искусственно созданными и выражали недоверие к показаниям арестованных. Вместо того чтобы попытаться установить истину, Политбюро ЦК ВКП(б) 6 августа 1931 г. приняло постановление об изменениях в составе ОГПУ, т. е. об изгнании посмевших высказать собственное мнение. В тот же день Сталиным было подписано директивное письмо, в котором предписывалось: «Поручить секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов дать разъяснение узкому активу работников ОГПУ о причинах последних перемен в руководящем составе ОГПУ на следующих основаниях: а) Тт. Мессинг и Вельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного управления... на том основании, что... б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности, разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ... ЦК отмечает разговоры и шушуканья о «внутренней слабости» органов ОГПУ и «неправильности» линии их практической работы как

слухи, идущие, без сомнения, из враждебного лагеря и подхваченные по глупости некоторыми горе-«коммунистами»⁹⁸.

А чтоб неповадно было военным «совать нос не в свое дело», решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1931 г. Реввоенсовет СССР лишался права давать Особому отделу задания и осуществлять контроль за их выполнением, «с тем, чтобы Особый отдел был непосредственно подчинен ОГПУ»...⁹⁹ Так еще раз было подтверждено, что исключительные права особых отделов в Красной армии и флоте были определены и санкционированы Политбюро ЦК ВКП(б) [13].

Значительный всплеск отрицательных (как их тогда квалифицировали Особые отделы) настроений среди личного состава РККА произошел весной – летом 1933 г. Страшный голод на Украине, тяжелое продовольственное положение в стране в целом не могли не сказаться и на настроениях красноармейцев. И новобранцы приходили в казармы с «нездоровыми» впечатлениями. И письма из родных деревень поступали совсем нерадостные (если в апреле 1933 г. в армию было доставлено писем положительного характера лишь 2,8 %, то отрицательного – 15,4 %, а в июне соответственно 3,1 % и 19,5 %¹⁰⁰). Во многие воинские части (особенно территориальные и национальные) наблюдался наплыв родственников со своими жалобами и печалью – за один месяц по Азербайджанской дивизии было учтено 154 случая посещения красноармейцев родственниками. Дело дошло до того, что многие красноармейцы стали часть своего армейского пайка (преимущественно сахар и сухари) посылать на родину в посылках. Только по 5-му территориальному стрелковому полку за июль 1933 г. было послано 250 таких продовольственных посылок¹⁰¹.

Наряду с некоторыми другими обстоятельствами все это способствовало усилению «отрицательных» настроений и недовольства личного состава РККА (см. табл. № 1).

Таблица 1 [\[14\]](#)

**Ученные особыми отделами факты
«отрицательных» настроений и недовольства
личного состава РККА**

Период	Общее количество учтенных фактов	В процентах к IV кварталу 1932 г.
IV квартал 1932 г.	69 689	100
I квартал 1933 г.	89 774	128
II квартал 1933 г.	101 389	145
III квартал 1933 г.	103 301	148
IV квартал 1933 г.	52 247	75

В «Отчете об отрицательных явлениях в РККА за 1933 год» приведена специальная диаграмма, отражающая динамику и характер отрицательных проявлений (высказываний) в армии. Из нее явствует, что общее количество отрицательных высказываний с 313 762 в 1932 г. выросло до 346 711 в 1933 г. Львиную долю среди них (61,8 % в 1932 г. и 60,5 % в 1933 г.) занимали антиналоговые, антиколхозные и другие высказывания против политики партии и правительства, главным образом в области переустройства деревни, однозначно квалифицированные Особым отделом как «антисоветские». Были «засечены» и такие высказывания, как угрозы начсоставу, – они сократились на 10 % (с 6191 факта до 5574). Уменьшилось на 18 % и число повстанческих

высказываний (с 5054 фактов до 4148). Характерно, что довольно часто фиксировавшиеся в 1932 г. антисемитские проявления, в 1933 г. были лишь единичными¹⁰². Всего в течение 1933 г. были замечены в отрицательных высказываниях 230 080 красноармейцев и краснофлотцев, 48706 человек младшего начсостава и 55 777 лиц среднего комначполитсостава¹⁰³, т. е. до 60 % по отношению ко всему личному составу РККА в то время.

Именно в 1933 г. резко возросло количество изъятого из частей РККА «социально чуждого элемента»: с 3889 человек в 1932 г. до 22 308 человек. По социальному положению и мотивам изъятия в 1933 г. они распределялись следующим образом: кулаков – 11 103 человека, бывшее духовенство – 427, политически неблагонадежный элемент – 8828 и прочих – 2400 человек. По служебной принадлежности больше половины изъятых составляли красноармейцы переменного состава (12 199 человек), красноармейцев кадра было изъято 7143, младшего начсостава – 1361 и начсостава – 1125 человек¹⁰⁴.

Анализ практики военно-судебных органов в РККА за первый квартал 1933 г. показал значительный рост (по сравнению с первым и четвертым кварталами 1932 г.) судимости кадрового состава в РККА, в особенности начсостава. 10 июля 1933 г. Военная коллегия Верховного суда СССР и Центральная военная прокуратура рассылают циркуляр № 0016/00103, в котором указывается, что такое явление «находится в несоответствии с решающими успехами социалистического строительства». «Надо помнить, – говорилось в циркуляре, – что нам нужна четкая классовая политика в репрессиях, что «нам нужно репрессивные меры применять таким образом, чтобы при наименьшем применении их достигнуть

наибольшего эффекта. А это значит, что «репрессия должна быть крепка и метка» (Постышев). Мы должны реализовать в нашей работе ленинский лозунг «Лучше меньше, да лучше»... Военно-судебные органы должны изжить проявляющееся в отдельных звеньях судебной системы увлечение такими острыми формами репрессии, как расстрел, к которым сейчас мы должны, как правило, прибегать лишь в исключительном случае.... Слишком широко применяется Военно-судебными органами лишение свободы на большие сроки. Надо шире практиковать применение мер репрессий, не связанных с лишением свободы (особенно в отношении начсостава), например, условное осуждение»¹⁰⁵.

Этот документ убедительно доказывает, что проведение массовых репрессий по отношению к различным категориям личного состава РККА практиковалось повсеместно и в первой половине 30-х годов. И вместе с тем было бы неправильно работу Особых отделов НКВД в это время изображать в одном черном цвете. Страна наша действительно находилась в неприкрыто враждебном капиталистическом окружении и являлась объектом непрерывной «работы» зарубежных разведок. Особое внимание уделялось приграничным военным округам - Украинскому, Белорусскому, Ленинградскому и Дальневосточному краю. Только за один 1933 г. по этим округам в общей сложности была вскрыта 51 диверсионно-повстанческая организация и 106 шпионских резидентур, было арестовано 20 133 человека, в том числе 445 агентов разведок, прибывших непосредственно из-за кордона¹⁰⁶. Всего же за 1933 г. по линии Особых отделов за шпионаж и диверсионно-повстанческую деятельность, связанную с работой иностранных разведок, было арестовано 23 190 человек, из них

военнослужащих - 224 (0,9 % к общему числу арестованных) по сравнению с 8599 (из них военнослужащих 113 человек, или 1,3 %) в 1932 г.¹⁰⁷

Трудно сейчас, спустя 60 с лишним лет, без специального исследования определить, насколько правомерны были все эти аресты. Но пока совершенно бесспорным является то, что японская, финская, польская и германская разведки в эти годы вели усиленные действия, направленные на Советский Союз в целом, на Красную армию в особенности. В то же время никакими достоверными данными, которые свидетельствовали бы о каких-либо извращениях в деятельности Особых отделов по противодействию «работе» иностранных разведок в эти годы мы в настоящее время пока не располагаем. Это обстоятельство важно подчеркнуть. Оно поможет читателю понять, что к середине 30-х годов Особые отделы не только обладали, по сути, неограниченными и неконтролируемыми полномочиями, но и накопили определенный деловой авторитет.

Тем более гнетущее впечатление на высшее руководство страны производили систематические доклады ОГПУ о «вскрытии» в РККА различных новых «контрреволюционных группировок». Если число военнослужащих, арестованных за «шпионаж и диверсионно-повстанческую деятельность», было в 1932 г. сравнительно незначительным (113 человек), то общее количество военнослужащих, привлеченных «за различные контрреволюционные преступления», в этом году составило 2811 человек, а количество ликвидированных контрреволюционных группировок - 208. В 1933 г. общая численность привлеченных военнослужащих несколько уменьшилась (2390 человек), но количество ликвидированных контрреволюционных группировок возросло до 369¹⁰⁸.

Одной из таких «раскрытых и ликвидированных» в 1933 г. была «контрреволюционная группа в МВО», именовавшая себя «Русской фашистской партией», во главе которой стоял член ВКП(б) с 1918 г. преподаватель Военно-инженерной академии РККА В.Н. Ахов (ранее работал начальником моботдела ВСНХ СССР)¹⁰⁹.

Размах политических репрессий в РККА значительно возрос после убийства С.М. Кирова. В непосредственном участии в этом убийстве никто из военнослужащих вроде бы не обвинялся, но всех, кто позволил себе сказать о нем не строго по официальной версии, как правило, «забирали». Мне пока не удалось выявить, сколько же их было в этом «кировском потоке», но, судя по некоторым документам, счет шел на десятки и на сотни человек.

Присвоение персональных военных званий в 1935–1936 гг. явилось важным этапом в укреплении положения комначсостава РККА. Но, по мнению многих командиров, оно явилось и своеобразной чисткой армии. Значительно сужен был контингент лиц, отнесенных к командному составу. Сюда теперь входили командир, его заместитель по строевой части и начальник штаба. Все остальные получали военные звания интендантского, инженерного и т. п. состава. У профессиональных военных это вызывало значительное недовольство. Многие получили персональные военные звания и соответствующие им знаки различия значительно ниже носимых ранее по занимаемой должности и соответствующей ей служебной категории. Преподаватель Военно-химической академии Какоулин заявил по этому поводу: «Молодею с каждым днем, скоро буду лейтенантом»¹¹⁰. Недовольство высказывалось и в сфере высшего комсостава. Начальник кафедры тактики Военно-транспортной

академии В.С. Лазаревич был явно раздосадован тем, что ему присвоили звание «только» комдива. На просьбу дать материалы для командирской учебы он заявил: «Я теперь комдив, и с меня спрашивайте только как с начальника кафедры, больше я ничего не знаю»¹¹¹.

Остро ощущались и переживания многих командиров, связанные с неизменным проведением «классового подхода» в явно гипертрофированной форме. Начальник Инженерного управления РККА Н.Н. Петин получил высокое звание «комкор». Но ведь все познается в сравнении. Его коллеге – начальнику АБТУ РККА И.А. Халепскому присвоили еще более высокое звание командарма 2-го ранга. И Петин жаловался своему заместителю Смирнову: «Разве нам с тобой, Сережа, можно было ждать чего-нибудь хорошего, ведь ты поп, а я бывший офицер»¹¹².

Весьма болезненно реагировали командиры, особенно молодые, на проявление откровенной грубости, а то и неприкрытого хамства со стороны старших начальников. Это началось буквально с первых дней создания армии «нового типа». Многие искренне полагали, что с отменой военных званий и знаков различия, ликвидацией титулования всякая вежливость является чуть ли не дурным тоном. Негативно влиял и чрезвычайно низкий общеобразовательный уровень подавляющего большинства выдвинутых «с низов» командиров, даже не представлявших себе, что обращение начальника с подчиненным может быть вполне вежливым. И когда кое-кто все-таки высказывал сетования по поводу излишней грубости со стороны тех или иных начальников, они не без гордости отвечали: «Мы университетов (вариант: академиев) не кончали». Выступая на совещании в ПУРе в феврале 1935 г., начальник Военно-политической академии Б.М. Иппо

говорил: «Значительная часть слушателей не отвечает требованиям. Мы в наших академиях вынуждены обучать людей арифметике, самому элементарному правописанию. Ведь он еще пишет не «донесение», а «донисение», он еще пишет не «взвод», а «звод»¹¹³.

Зато «матерный язык» такие, не обремененные культурой, командиры осваивали чуть ли не в совершенстве. Одним из таких любителей «матового воспитания» подчиненных был командир 12-й стрелковой дивизии (г. Благовещенск) Смирнов. Будущий генерал армии, а тогда начальник штаба 35-го стрелкового полка этой дивизии А.П. Белобородов сетовал в 1935 г.: «И работа хорошо идет, и работать хочется, а из дивизии надо бежать. Жить с комдивом невозможно». Ему вторил начальник штаба учебного артдивизиона Проскураков: «Душно. Дышать нечем. Мешают тебя с грязью, а ты молчи»¹¹⁴. Грубо обращался с подчиненными командир 32-й мехбригады (ЗабВО) В.И. Подшивалов. 7 октября 1935 г. он нанес тяжкое оскорбление начальнику финчасти бригады, бывшему сотруднику обкома ВКП(б) Ашарину: «...ты мне не вкручивай, ленинградская шпана... Я тебя на гауптвахте сгною, это тебе не в обкоме партии сидеть, мальчишка, дурак, лодырь»¹¹⁵. И это лексикон командира механизированной бригады мирного времени! Совершенно резонно в связи с этим начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР М.И. Гай докладывал начальнику Политуправления РККА: «Значительная часть начсостава в разговорах заявляют, что с таким комбригом воевать нельзя, так как при его самодурстве можно бесцельно погибнуть»¹¹⁶.

Но уже в 1935 г., а особенно в 1936 г. Рабоче-крестьянскую Красную армию все больше начинают волновать аресты военнослужащих по политическим

мотивам. Вот лишь некоторые факты, которые мне удалось выявить в архивах.

В штабе РККА служил начальником 2-го сектора 1-го отдела 2-го управления сорокалетний участник Гражданской войны Г.В. Васильев. Он без восторга встречал очередные мероприятия партии и правительства и позволял себе высказывать недовольство по поводу материальных затруднений, а то и большим объемом программы по марксистско-ленинской подготовке и даже вроде поговаривал о наличии эксплуатации крестьянства в СССР. Поскольку он был беспартийным, то оказался недоступен для парторганизации. Но в отделе нашлись «бдительные» люди, и 20 декабря 1934 г. он был арестован, нашлись и свидетели – сослуживцы Друнин, Трошин, Эксимов, Недокукин, Леонтьев и Савинов, на основании показаний которых приговором Военной коллегии от 28 февраля 1935 г. Г.В. Васильев был признан виновным в том, что «он, имея антисоветское мировоззрение, на протяжении ряда лет систематически проводил среди работников штаба РККА контрреволюционную агитацию, стремясь доказать неправильность ряда мероприятий Коммунистической партии и Советского Правительства»¹¹⁷.

Поскольку пора массовых расстрелов еще не наступила, Военная коллегия «ограничилась» осуждением командира с «неправильным» мировоззрением к семи годам лишения свободы в ИТЛ. Его срок заключения, по приговору, должен был закончиться еще в 1942 г., но, видно, ему «добавили», ибо даже в ноябре 1956 г. он пишет из дальних краев ходатайство о реабилитации. За эти годы его единственный сын уже успел погибнуть на одном из фронтов Отечественной войны¹¹⁸, а отец все пребывает «безо всякого отъезда в дальнем городе Инте».

Приговор 1935 года был отменен только в декабре 1956 г., а дело прекращено «за отсутствием состава преступления» и в феврале 1957 г. было объявлено Г.В. Васильеву - еще живому... Прошло «всего» 22 года...

Тревожное впечатление произвел арест летом 1935 г. прославленного героя Гражданской войны, начальника кафедры военной истории Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского Г.Д. Гая (Бжишкяна). Несколько военных прошло по так называемому «Кремлевскому делу». Но аресты военнослужащих по политическим мотивам в 1935 г. были все же единичными. Да и в 1936 г., хотя они и участились, но массового характера еще не носили. Вплоть до наступления кровавого 1937-го года все-таки нередко пытались как-то разобраться.

Вот одна весьма характерная история. 19 мая 1936 г. начальник Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга М.И. Гай представляет наркому обороны СССР меморандум на слушателя 2-го курса Военной академии имени Фрунзе старшего лейтенанта Михаила Ивановича Шилова, обвиняет его в том, что он систематически высказывает троцкистские взгляды, и, в частности, по поводу оккупации Германией Рейнской зоны Шилов якобы высказался следующим образом: «Гитлер - не дурак, это умный человек и знает, что надо делать». Легко можно понять, что же за атмосфера была в армии уже в 1936 г., если Гай на основе этого просит у Ворошилова санкции на арест Шилова. Но при всем при том даже тридцать шестой год еще далеко не тридцать седьмой. И Ворошилов еще не сломлен до конца. Он принимает решение: «Арестовывать пока не нужно. Следует вести наблюдение. ПУРу дам соответствующие указания. КВ. 23/М.36 г.». Через три дня появляется резолюция начальника Политуправления РККА Гамарника: «Лично тт. Осепяну

и Щаденко^[15]. Расследуйте тщательно и доложите мне. 26/V.36 г.»¹¹⁹.

И далее разворачивается целая серия проверок, бесед, опросов однокашников Шилова. Прежде всего берутся за бывшего старшину 1-го курса капитана И.И. Людникова. И тот заявляет: «Никаких ошибок во время занятий, консультаций и в руководстве кружком в ОМО (отдел материального обеспечения. – О.С.) со стороны Шилова не было»¹²⁰. Как по-человечески отрадно и сейчас, через 60 лет, видеть стремление человека быть порядочным даже в тех мрачных условиях. Пройдет всего шесть лет, и Людников станет одним из героев обороны Сталинграда, а затем и достойным командующим армией.

Что касается Шилова, то теперь за него взялся сам Щаденко. Шиллов упорно настаивал на том, что об уме Гитлера он ничего не говорил¹²¹ (по тем времена это был состав преступления). Тогда Щаденко стал упрекать Шилова в том, что он недостаточно радуется успехам страны.

«Щаденко: Вы вообще к нашим победам с энтузиазмом не относитесь. Вы и в социализме сомневаетесь.

Шиллов: Как же я сомневаюсь, когда уже никто не сомневается? Такого сомнения я никогда не выражал.

Щаденко: А радости?

Шиллов: Да разве мне не стало лучше жить?

Щаденко: Вы, прочтя газету, не идете сейчас же делиться с товарищами радостью нашим победам»¹²².

По стенограмме опроса чувствуется, что в духовном развитии старший лейтенант Шиллов на голову выше корпусного комиссара Щаденко. Видно, почувствовал это и сам Щаденко. И к чести его, в данном случае он сумел занять объективную позицию и 4 июня доложил Гамарнику: «По отзывам Шиллов – растущий командир –

во время опроса произвел на меня впечатление человека искреннего, думаю, что для ареста Шилова нет оснований»¹²³. В июле 1936 г. Гамарник поручает начальнику ОРПО ПУ РККА корпусному комиссару Б.У. Троянкеру: «Поговорите с т. Гаем». И, казалось бы, закрыто дело, спасен старший лейтенант Шилов.

Но не тут-то было. На смену арестованному и вскоре расстрелянному Гаю на пост начальника Особого отдела ГУГБ назначается И.М. Леплевский. 25 апреля 1937 г. он обращается к Гамарнику за санкцией на увольнение и арест Шилова, которому опять инкриминируется и то, что он говорил: «Гитлер – не дурак». Гамарник немедленно откликается: «Лично т. Неронову. Срочно донести, что Вам известно по этому вопросу. 26/IV.37 г.». Проходит некоторое время. Наступает роковой июнь 1937-го. На смену застрелившемуся Гамарнику назначается из Ленинграда армейский комиссар 2-го ранга П.А. Смирнов, и тому уже не до расследований. Появляется новая резолюция: «Неронову и Пивоварову^[16]. Надо немедля разобраться на парторганизации и представить к увольнению. 23/VI.37»¹²⁴.

В ночь с 20 на 21 мая 1936 г. слушатель Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева воентехник 2-го ранга П.Г. Жеваженко нес службу помощника дежурного по академии. Во время проверки караулов он увидел в караульном помещении книжку по истмату. И надо же было так случиться, что дежурный по академии майор Романюк забыл свое удостоверение в помещении дежурного. Послали за удостоверением. А пока завязался разговор о течениях в партии. И тут 30-летний комсомолец Жеваженко, ссылаясь на предсъездовский бюллетень, который он видел у одного партийца, заявил, что незадолго до своей смерти Ленин характеризовал Троцкого как нестойкого

большевика, который, однако, под умелым руководством может принести пользу¹²⁵. И уже 22 мая в партбюро факультета № 4 поступает «заявление» члена ВКП(б) воентехника 2-го ранга С. Фомина с «сигналом» об этом факте. Да еще сообщается, что когда кто-то сказал, что Бухарин – хороший оратор, то Жеваженко заявил: «Троцкий был еще лучшим оратором»¹²⁶. И делу сразу же был дан «законный» ход.

Прошло всего три недели и 13 июня 1936 г. сам начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Гай информирует Гамарника, что материалами предварительного следствия точно установлено, что Жеваженко «в последних числах мая с.г. открыто выступил среди военнослужащих с контрреволюционным троцкистским выпадом, направленным к дискредитации вождя партии тов. Сталина... Жеваженко из ВЛКСМ исключен... Считаю необходимым арест Жеваженко, на что прошу Вашей санкции»... Резолюция начальника Политуправления РККА гласила: «Отчислить Жеваженко от академии и уволить из армии. Гамарник. 20/VI.36.». И здесь же помета одного из помощников Гамарника: «20 июня 1936 г. подписан приказ об отчислении Жеваженко из Академии и увольнении его из РККА»¹²⁷.

Когда же «непозволительные» речи заводили вдруг лица высшего комсостава, то власти действовали более скоропалительно. В военной академии им. Фрунзе руководителем общей тактики и начальником 7-й группы служил в ту пору комбриг с редким для Руси именем и фамилией – Эйольф Георгиевич Матсон-Игнеус – швед по национальности, бывший член Финляндской социал-демократической партии, участник Гражданской войны, награжденный орденом боевого Красного Знамени, член ВКП(б) с 1918 г. И вот он в своей речи перед слушателями 11 мая 1936 г.

заявил, что германский фашизм и Гитлер сумели отразить национальные чувства немецкого народа и поэтому легко пришли к власти. Утверждение, вообще-то, аксиоматичное. Но оно противоречило официальной пропаганде того времени. Речь комбрига сразу же была расценена как «контрреволюционная», и уже 28 мая 1936 г. он был арестован¹²⁸.

С лета 1936 г. бредень политических арестов начинает загребать все новые жертвы. В июле в тюрьму брошены комдив Д.А. Шмидт и майор Б.И. Кузьмичев, в августе – комкоры В.М. Примаков и В.К. Путна, комбриг М.О. Зюк и военинженер 2-го ранга Г.А. Литох, в сентябре – комкор С.А. Туровский и комдив Ю.В. Саблин, в декабре – полковник И.Л. Карпель. В основном это были активные участники Гражданской войны, широко известные в РККА люди. И хотя об их аресте в печати не сообщалось, схваченные НКВД лица как в воду канули, но довольно широкий круг комначсостава знал об этом и не мог не задуматься и о своей судьбе.

Одновременно был нанесен, так сказать, упреждающий удар и по политсоставу РККА. В качестве показательного объекта была избрана размещавшаяся тогда в Ленинграде Военно-политическая академия РККА имени Н.Г. Толмачева. С июля по ноябрь 1936 г. органами НКВД были арестованы работавшие в этой академии четыре батальонных комиссара и три бригадных комиссара. И если смертный час арестованных в 1936 г. командиров наступил лишь в 1937 г., то политработников начали расстреливать уже в 1936 г.

Насколько мне удалось выявить, первыми жертвами политических убийств в РККА в эти годы стали два батальонных комиссара из ВПАТ: преподаватель истории Александр Алексеевич Клинов и инструктор партработы политотдела академии Александр Петрович

Яценко. Их осудили к высшей мере наказания 11 октября 1936 г. и в тот же день расстреляли. Следующий заход был 19 декабря 1936 г., когда осудили и расстреляли трех бригадных комиссаров из ВПАТ. Это были: начальник кафедры военного искусства К.И. Бочаров (он же Крум Бочваров, болгарин по национальности), начальник кафедры всеобщей истории М.С. Годес и старший руководитель кафедры ленинизма Л.О. Леонидов. Два батальонных комиссара – К.Т. Климчук и Б.П. Либерман – в тот же день были осуждены по формуле «10 + 5» (т. е. 10 лет ИТЛ + 5 лет поражения в политических правах), но в октябре 1937 г. они были также расстреляны.

Все эти кровавые дела творились в глубочайшей тайне. Мне удалось их установить только в результате выявления и изучения надзорных производств по делам названных политработников. Видно, очень уж опасалась правящая верхушка возможных вспышек свободомыслия в Военно-политической академии, раз начала расстреливать ее преподавателей еще до того, как придумала сочинить очередную лживую версию о наличии троцкистского военно-фашистского заговора в РККА.

Малейшие попытки объективно разобраться в предъявляемых коммунисту обвинениях кончались весьма плачевно. Председатель военного трибунала КБФ бригавоенюрист Т.П. Сытов, будучи членом флотской парткомиссии, в 1936 г. участвовал в разборе персональных дел на бывшего военкома линкора «Октябрьская революция» полкового комиссара П.В. Мухина, политрука Г.И. Овчинникова и других, в результате чего обвинение этих лиц в троцкистской деятельности подтверждения не нашло. Такое заступничество даром не прошло. В январе 1938 г. Сытов сам был арестован, а 20 сентября того же года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к

ВМН и в тот же день расстрелян. Наряду со стандартным обвинением в участии в антисоветском военно-фашистском заговоре ему вменялось также и то, что, «используя свое служебное положение, по заданию Гришина^[17], боролся за сохранение троцкистских кадров на флоте»¹²⁹.

Уже с лета 1936 г. развертывается самое настоящее воспитание на крови. На крови других. Причем именно такая направленность задавалась и всячески поощрялась с самого верха. Примером для войск в этом отношении служило прежде всего Политуправление РККА. 25 августа 1936 г. на митинге его сотрудников, в присутствии Гамарника, принимается резолюция: «С чувством глубочайшего удовлетворения мы встретили приговор о расстреле шайки преступников, убийц и фашистских агентов Зиновьева, Каменева, Смирнова, Бакаева, Мрачковского и других. Этот приговор выражает нашу волю. Нет и не может быть места на прекрасной советской земле ползучим гадам, предателям, террористам, людям, поднимающим свою преступную руку на нашего великого, любимого и всем родного товарища Сталина»¹³⁰.

Особенно неуютно начинают себя чувствовать многие активные участники Гражданской войны, первостроители РККА. На своем веку они прошли огонь, воду и медные трубы. И каким-то шестым чувством воспринимают они, как все более сгущаются над ними мрачные тучи. Награжденный тремя боевыми орденами Красного Знамени, заместитель командующего войсками ПриВО комкор И.С. Кутяков записывает в своем дневнике 27 августа 1936 г.: «Умер главком С.С. Каменев. Старик сделал свое дело и незаметно ушел восвояси. Вопрос времени, все там будем. Наступает время, когда все ветераны Гражданской войны уйдут из жизни: одних расстреляют, другие, как Томский, сами

покончат с собой, третьи, как Каменев, уйдут в могилу»¹³¹.

В течение двух прошедших после убийства Кирова лет, уже к концу 1936 г., атмосфера в РККА стала довольно тревожной. Вот одно из необычных свидетельств. В справке на арест (январь 1937 г.) заместителя начальника военно-исторического отдела Генштаба РККА комбрига К.И. Соколова-Страхова в качестве одного из оснований ареста приведены такие его слова (по сообщению очередного «источника»): «Я – редактор Военно-исторического бюллетеня. Я чувствую, что за каждым моим шагом наблюдают... Работать теперь трудно и даже страшно на литературно-историческом фронте – чуть что ответственность огромная»¹³².

Уже в 1936 г. по требованию отдела кадров Политуправления РККА политработники писали автобиографии по новой схеме – с обязательным ответом на вопрос: «с кем приходилось работать»¹³³. Ядовитейший по тем временам вопрос. Ведь до января 1925 г. председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам был Л.Д. Троцкий. Теперь имя его было проклято, предано политической анафеме, куда пострашнее церковной. А всякий политработник, служивший в РККА со времен Гражданской войны, так или иначе имел дело с реализацией приказов бывшего наркома и его ближайших помощников. Здесь таилась и другая угроза. Укажешь известных сегодня всей стране военных деятелей. А ведь никто не знает наперед, как они будут котироваться завтра. И никакой гарантии, что они (с кем ты ранее работал) не окажутся в очередном списке врагов народа. Тут-то и будет очень «ко времени» твоя собственноручная запись о том, что ты

вместе с ним работал и не разоблачил его как врага народа. Тут-то тебе и самому будет крышка.

Обстановка в отдельных частях, соединениях, да и в целом в армии складывалась настолько напряженная, что некоторые командиры всячески стремились как-то ее сменить. Можно предположить, что одним из таких путей была подача рапортов о своем желании принять участие в вооруженной борьбе Испанской республики против мятежников генерала Франко и германо-итальянских интервентов. Известие о начале гражданской войны в Испании всколыхнуло всю советскую страну. Стремление оказать республиканцам посильную помощь было огромным. Известный испанист М.Т. Мещеряков в своей последней публикации сообщил, что некоторые руководящие деятели выдвинули тогда идею о направлении в Испанию регулярных войск Красной армии. Вопрос об этом обсуждался, «однако военные воспротивились этой идее, выдвинутой Сталиным и Ворошиловым, и было решено направить туда военных советников и специалистов»¹³⁴. И как по-барски скажет Ворошилов в марте 1937 г.: «Сейчас наши людишки немного работают против Франко»¹³⁵.

А меж тем внутри СССР дело «выкорчевывания» шло своим чередом и набирало все более нарастающие обороты. В январе 1937 г. было объявлено о предстоящем новом процессе, на этот раз по делу «Анτισоветского троцкистского центра». Во всех средствах массовой информации как по команде началась усиленная кампания по воспитанию ненависти к очередным «врагам народа», истошные заклинания к беспощадной расправе с ними. И многие в армии верили этим заклинаниям. Но далеко не все. Литератор красноармейской газеты «Ворошиловец» 71 сд (СибВО) лейтенант А.И. Иванов писал 20 января 1937 г. своей

знакомой в Пушкинские горы: «Только что прочел в Известиях о суде над К. Радеком, Пятаковым, Сокольниковым и др. Их зачислили в шпионы, диверсанты, бандиты. Попробуй наш брат разобраться, что к чему. Какими этикетками не залепят их имена и приемлют как должное... но гложет мысль, как, что, каким образом, почему расстреливают людей? Ведь не продались же они генеральным штабам или иностранным контрразведкам ради личной наживы, хотя только этого и не хватало, чтобы нам сказать. Чего они хотят? За что идут на смерть?.. Это завешано столь непроницаемой завесой агитационной шумихи в газетах, на митингах, на собраниях, что миллионы никак не могут прийти в сознание и разобраться, что к чему. Совершенная темнота... А мы будем читать в газетах в специальном свете. Бедные! Жалка роль человека, которому ничего не остается делать, как надуть легкие для крика «ура» и складывать ладоши, извлекая хлопки, чтобы приветствовать приговор, по которому умерщвляются «злодеи». Массы решают все – это только спирт для одурманивания многих голов»¹³⁶.

Вот такое письмо написал лейтенант своей знакомой. Конечно, далеко не верноподданническое. Но ни в одной хоть сколь-либо цивилизованной стране ничем не грозившее автору. Не то было тогда в СССР. В 1940 г. арестовали мужа этой знакомой лейтенанта и при обыске нашли это письмо трехгодичной давности. Особисты наметанным глазом сразу видят: «крамола». И немедленно докладывают начальнику Политуправления Красной армии. А тот тоже бдит. И налагает резолюцию: «Уволить. Мехлис»¹³⁷ – чтоб знал лейтенант, какие письма можно писать, а какие нельзя. А 23 марта 1940 г. появляется и постановление на арест лейтенанта А.И. Иванова.

Определенная отчужденность, настороженность в отношениях между различными категориями военнослужащих стала наблюдаться уже с начала 1937 г. Начальник УВУЗ РККА комкор А.И. Тодорский говорил в марте 1937 г., что «у нас в академиях нет связи руководства не то что с массой, но и с людьми, которые стоят вслед за этим руководством. Начальники кафедр удивлялись, как это так, что я их вызвал поговорить поодиночке. Когда я сказал, что устраю личный прием постоянного состава и слушателей, Смолин (комкор, начальник Военно-инженерной академии. – *О.С.*) заявил: «Вряд ли кто явится, потому что ко мне никто не ходит»¹³⁸.

Но имелись факты и противоположного свойства, свидетельствующие о стремлении некоторых рядовых армейских коммунистов смело вскрывать недостатки работы тех или иных руководителей. На партактиве в Военной академии им. Фрунзе при обсуждении вопроса об итогах февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) участник Гражданской войны слушатель С.Н. Переверткин резко критиковал тогдашнего помощника начальника академии по политчасти корпусного комиссара Е.А. Щаденко. Критиковал за то, что он своими указаниями стремился к тому, чтобы не занимались критикой недостатков работы по подготовке слушателей. Секретарей партбюро курсов инструктировали так, чтобы они больше говорили «о собственной учебе». «Редактор газеты «Фрунзевец» прямо говорит: «когда газета уже сверстана и когда ее приносишь на просмотр к т. Щаденко, он заявляет: «это надо вырезать, это не нужно... и вообще вы зря занимаетесь этими вопросами»... За два с половиной года не видел т. Щаденко ни на одном занятии»¹³⁹. Критиковать же «на верху» побаивались.

Можно безошибочно сказать, что февральско-мартовский (1937 г.) пленум ЦК ВКП(б) явился переломным событием в подготовке и развязывании широкой кампании по репрессированию не только партийных, советских, хозяйственных, научных, но и военных кадров. Именно этот пленум был задуман как своеобразный инструктаж по «выкорчевыванию» всех «недостойных», всех колеблющихся. В его работе принимали участие и коммунисты РККА, избранные XVII партсъездом членами ЦК ВКП(б) (К.Е. Ворошилов, Я.Б. Гамарник, И.Э. Якир); кандидатами в члены ЦК ВКП(б) (В.К. Блюхер, С.М. Буденный, А.С. Булин, А.И. Егоров, И.П. Уборевич (кандидат в члены ЦК М.Н. Тухачевский находился в отпуске и в работе пленума не участвовал); члены Комиссии партийного контроля (Н.В. Куйбышев); члены Комиссии Советского контроля (Г.Д. Базилевич, Г.Д. Хаханьян); члены Центральной ревизионной комиссии (Л.Н. Аронштам). Из всей этой головки военно-партийной элиты Советского Союза умерли своей смертью лишь Ворошилов и Буденный. Гамарник уже через три месяца покончил жизнь самоубийством, Блюхера забили до смерти в тюрьме, все остальные расстреляны как «заговорщики и шпионы». Участники переломного пленума ЦК, они не только не возражали, не только не сопротивлялись его гибельному курсу, но и активно поддерживали и пропагандировали этот курс. В античные времена историк сказал бы: Боги покарали их за это. И как знать, может, в свой предсмертный час не один из них примерял к себе слова песни из времен гражданской войны: «Мы сами копали могилу свою...»

Накануне начала работы февральско-мартовского пленума ЦК Ворошилов обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву с просьбой выдать пропуска на пленум таким известным тогда военачальникам и политработникам, как И.П. Белов, Я.И. Алкснис, В.М. Орлов, И.А. Халепский, В.Н. Левичев, Г.А. Осепян, П.А.

Смирнов, М.П. Амелин, С.П. Урицкий, И.К. Александровский, Б.М. Фельдман и А.И. Седякин. На записке наркома имеется помета «Исполнено»¹⁴⁰. Значит, очевидно, все 12 вышеперечисленных коммунистов побывали на заседаниях этого пленума, подышали его атмосферой, одобрили его курс, а затем – в разное время все до единого были расстреляны как «участники военно-фашистского заговора».

Об атмосфере работы этого пленума в какой-то мере можно судить по поведению члена ЦК Гамарника. В своем докладе на собрании актива ЛВО и КБФ он 20 марта давал такую оценку: «Бухарин по-адвокатски вывертывался на этом пленуме; в документе в 100 страниц, написанных им на имя ЦК, он вертелся ужом и всячески клеветал на партию и НКВД». Рассказывая о работе комиссии, созданной на пленуме по делу Рыкова – Бухарина, начальник Политуправления РККА даже с некоторой гордостью вспоминал: «Я входил в состав этой комиссии и присутствовал на этой комиссии. Эта комиссия по предложению Сталина единогласно приняла в качестве проекта для пленума резолюцию, которая на пленуме также была принята единогласно... Пленум исключил их из партии и передал их дело в НКВД»¹⁴¹.

Официальную трактовку решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и путей их реализации в Вооруженных силах СССР изложил нарком К.Е. Ворошилов в своем обширном (на 80 с лишним страниц) докладе на активе командного и начальствующего состава Наркомата обороны, состоявшемся 13–15 марта 1937 г. Ворошилов также всячески поносит своего бывшего друга Н.И. Бухарина. Опирается он на показания, как теперь достоверно установлено, сексота НКВД «красного профессора» Астрова, которого тогда Ворошилов характеризует и как «очень культурного»

человека и, главное, как «архиискренного». Воспев попутно сталинскую конституцию как «хартию вольностей всего советского народа», Ворошилов пока еще здраво заявил, что «главный наш враг там, на Западе, где на $\frac{5}{6}$ света власть еще находится в руках капиталистов, империалистов» и что «нам нужно этой организации и интеллекту враждебных сил противопоставить нашу высокую организацию и наш высокий интеллект»¹⁴².

Но затем «покорный общему закону» Ворошилов дает совершенно четкую установку на очищение армии от врагов. Говоря о случившихся тогда пожарах на Дальнем Востоке, нарком обороны заявляет, что он «глубочайше убежден», что пожары не могут возникнуть «вдруг ни с того, ни с сего», и поэтому он дал несколько телеграмм с приказом «ищите вредительство»¹⁴³. Очень типичная по тем временам логика. А далее, заявив, что арестованные комдив Шмидт и майор Кузьмичев должны были «укокошить вашего покорного слугу», Ворошилов в следующих словах формулирует генеральную линию ВКПСб) в отношении армии, установленную на февральско-мартовском пленуме ЦК: «Я повторяю, у нас арестовано полтора-два десятка пока что, но это не значит, товарищи, что мы с вами очищены от врагов, нет, никак не значит. Это говорит только за то, что мы еще по-настоящему не встряхнули, не просмотрели наших кадров, наших людей. Это нужно будет обязательно сделать, нужно очиститься полностью. Мы в рабоче-крестьянской Красной армии не имеем права терпеть ни одного врага, не можем допустить этого»¹⁴⁴.

По-разному восприняли эту установку участники совещания. Некоторые резонно вскрывали болячки армейского механизма. Начальник группы контроля НКО А.И. Черепанов доложил о том, что в 1936 г.

в Генеральном штабе было обнаружено дело, которое «ходило» 13 месяцев, побывало у 23 исполнителей и все-таки не было выполнено, пока за него не взялся сам нарком¹⁴⁵. Начальник агитпропотдела Политуправления РККА дивизионный комиссар Х.Х. Харитонов обратил внимание на явную предвзятость, встречающуюся в печатной пропаганде. Например, в статье последнего номера журнала «Боец-охотник» на полном серьезе утверждалось: «Капитализм увечит не только людей, но и животных, увеличивая злобу в своих собаках (гомерический хохот)»¹⁴⁶. Эта помета о гомерическом хохоте свидетельствовала, что в начале 1937 года разум многих военных руководителей еще не был полностью погружен в сон, здравый смысл был им еще не чужд.

Но многие участники совещания поспешили подхватить и посылно развить высказанную наркомом идею о необходимости вылавливания и уничтожения «врагов народа». Особенно усердствовал в этом направлении инспектор кавалерии РККА Маршал Советского Союза С.М. Буденный. В этом своем отнюдь не благовидном рвении он дошел даже до того, что стал давать прямую «наводку» особистам. Он обратил внимание, что почти все арестованные к тому времени командиры «...из одного соединения. Примаков из 8-й червонной кавалерийской дивизии, ныне первой червонной казачьей, Шмидт оттуда выходец, Туровский оттуда, Зюк - оттуда, Кузьмичев тоже оттуда... Вы видите этот куст, мало того, я хочу подчеркнуть и тов. Леплевскому^[18], что нужно это знать»¹⁴⁷.

Определенные признаки сна разума проявил здесь и командующий войсками БВО командарм 1-го ранга И.П. Белов. Полностью солидаризировавшись с Буденным, он до всякого суда обозвал арестованных вчерашних своих боевых товарищей бандитами, заявил, что группа

арестованных командиров «должна была иметь какие-то гнезда, гнезда, которые мы должны раскрывать и в своей дальнейшей работе помогать органам НКВД более активно, чем делали это до настоящего времени»¹⁴⁸.

В своем выступлении в Ленинграде 20 марта 1937 г. Гамарник, назвав партийному активу ЛенВО и КБФ фамилии арестованных к тому времени известных в армии командиров (комкоры Путна, Примаков, Туровский и др), дал ясно понять всем участникам партактива, что этим дело не ограничится. Гамарник говорил, что есть «группа врагов в Толмачевке (среди преподавателей). В Военно-медицинской академии оказалась группка врагов... а в целом ряде наших округов, и в ЛенВО, и в Москве группа всяких сволочей, и в СКВО, и на Украине»¹⁴⁹. Так что курс на решительную чистку, а точнее – на погром военных кадров совершенно недвусмысленно был задан решениями февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) и взят на вооружение тогдашним руководством Военного ведомства, и прежде всего народным комиссаром обороны Ворошиловым и начальником Политуправления РККА Гамарником.

Чтобы более полно представить себе конкретную обстановку в РККА, послушаем голос наблюдательного и знающего очевидца. Вспоминает командир одной из дивизий Киевского военного округа комбриг А.В. Горбатов: «Наступила весна 1937 года. То там, то тут стали арестовывать командиров, о которых мы никогда ничего плохого не слышали. Из уст в уста шепотом передавались слухи – один нелепее другого – о каких-то заговорах и шпионских злодеяниях. Люди ходили понурые, подавленные, держались отчужденно...»¹⁵⁰

Часть вторая

АРЕСТ

Арест есть вычет из жизни, пополнить которую не в состоянии никакая сила человеческая.

*Из проекта российского устава
уголовного судопроизводства
1864 г.*

ПРЕВРАЩЕНИЕ СТРАНЫ В АРЕСТНЫЙ ДОМ

Всегда и всюду арест был для каждого человека величайшим бедствием, нередко ломавшим всю его жизнь. И поэтому любое государство стремилось как-то оберечь своих граждан от необоснованных арестов. Но бывали в истории времена, когда разражались подлинные пароксизмы массовых арестов. Такое произошло, например, во Франции в годы якобинской диктатуры. Тогда каждый гражданин обязан был иметь удостоверение о цивизме (*Carte de civisme*) – о гражданской благонадежности. Согласно декрету от 17 сентября 1793 г. все те, кому было отказано в выдаче подобного удостоверения, объявлялись «подозрительными» и подлежали аресту. Один из великих историков XIX века писал по этому поводу: «Более ужасный закон никогда не управлял ни одной нацией. Все тюрьмы и арестные дома на французской земле переполнены людьми до самой кровли. 44 тысячи комитетов подобно 44 тысячам жнецов и собирателей колосьев, очищают Францию, собирают свою жатву и складывают ее в эти дома. Это жатва аристократических плевел»¹.

Особенно унижительным и позорным во всех армиях мира считался безосновательный арест офицера. Как щепетильно к подобным случаям относились в старой русской армии, можно судить по такому случаю. На состоявшемся в Петербурге 30 апреля 1849 г. традиционном параде гвардейских корпусов император Николай I, знавший поименно всех офицеров и нижних чинов Петербурга и окрестностей², вызвал из строя офицера Егерского полка и извинился перед ним за то, что «по одноименству офицер сей был взят под стражу

вместо другого капитана Львова, принадлежащего к шайке социалистов...»³. Император всероссийский счел необходимым публично и лично извиниться за необоснованный арест перед безвестным капитаном!.. Как это работало на внедрение веры в истинность старинного изречения: «За Богом молитва, а за царем служба не пропадает!»

После победы Февральской революции 1917 г. и свержения самодержавия Россия стала одной из самых демократических стран в мире. Но положение круто изменилось сразу же после Октябрьской революции и взятия власти большевиками. Политические аресты стали бытом. Уже через десять дней Ленин вынужден был признать: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем... Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы всех отпустим, если вы дадите подписку о том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается»⁴. Так что на первых порах советская власть стремилась «убедить» своих оппонентов по-преимуществу арестами. Очень скоро стало ясно, что всех недовольных властью не переарестуешь, да и мест заключения не хватало. А кроме того, при отсутствии упорядоченной системы арестов можно было остаться без специалистов. 11 декабря 1918 г. издается постановление Совета рабоче-крестьянской обороны о порядке ареста ВЧК сотрудников советских учреждений и предприятий⁵. Через год был издан приказ президиума ВЧК от 17 декабря 1919 г., в котором говорилось, что: «У нас еще мало своих специалистов. Приходится нанимать буржуазную голову» и поэтому «к аресту специалиста надо прибегать лишь тогда, если установлено, что его работа направлена к свержению Советской власти. Арестовать же его лишь за то, что он бывший дворянин,

что когда-то был работодателем и эксплуататором, нельзя, если он исправно работает»⁶.

Но несмотря на все подобные постановления, у многих советских руководителей «арестовательный рефлекс» становился как бы безусловным. Увы, не был исключением и сам Владимир Ильич. В августе 1921 г. к нему зашел А.И. Рыков и рассказал, что некий Т.А. Рунов («свой человек») слышал, как на одном из собраний член Всероссийского Комитета помощи голодающим экономист и публицист С.Н. Прокопович «держал противоправительственную речь». И как же поступает председатель Совнаркома РСФСР, юрист по образованию В.И. Ленин? 26 августа 1921 г. в письме «И.В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП(б)» он пишет: «Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи... и продержать месяца три, пока обследуем это собрание тщательно». И далее Ленин уговаривает Сталина (и других членов Политбюро): «Не надо колебаться. Советую сегодня же это покончить в Политбюро»⁷. В этот день не успели, а на следующий - 27 августа 1921 г. - Политбюро ЦК по совету Ленина приняло решение об аресте не только Прокоповича, но и других членов Всероссийского Комитета помощи голодающим «ввиду их контрреволюционной деятельности».

Аресты личного состава РККА по политическим мотивам проводились несколько реже, чем среди гражданского населения. Вступающие в армию по призыву и добровольцы тщательно фильтровались при зачислении, все подозрительные - «выбраковывались». Да и на службе военнослужащие вели себя сдержаннее... Тем более что все они находились под неусыпным надзором военных комиссаров, особых отделов. Широко прокатилась волна арестов по армии в связи с началом массовой коллективизации. В целях

максимального обеспечения политической устойчивости армии при проведении политики ликвидации кулачества было принято решение, чтобы семьи, члены коих служат в РККА, высылке не подвергались. Но с другой стороны, принимались различные меры для выявления и изгнания из армии всех нежелательных элементов, а потом уже и их родственников из деревни. В циркуляре ОГПУ № 25/00 от 1/2 февраля 1930 г. всем постоянным представителям и начальникам Особых отделов военных округов предписывалось при проведении «операции по кулачеству» тщательно выяснить наличие родственников в армии (сохраняющих хозяйственные и семейные связи). Эти данные предлагалось немедленно сообщать соответствующим особорганам на предмет немедленного изъятия из армии подобных красноармейцев и младшего начсостава, определенных как члены кулацких семей. В циркуляре, в частности, предписывалось:

«1... Выявленных красноармейцев (а также младший начсостав и льготников) из кулаков и прочего социально чуждого элемента, замеченных в антисоветской агитации, арестовывать и дело направлять, не демобилизовав их, на Особое совещание, а на военнотружущих войск ОГПУ - в Коллегию ОГПУ.

2. Обратить особое внимание на выявление связей начсостава с кулацкими элементами в деревне и нэпманами в городе, создав специальный учет таковых. Начсостав, изблеченный в систематической антисоветской агитации против политики партии и Соввласти в деревне, также подлежит аресту. Арест среднего начсостава производить с разрешения начальника Особого отдела округа, согласованного с Реввоенсоветом округа, а старшего и высшего - Особого отдела ОГПУ.

3. (Заклеен).

4. Не допускать в части ходяков и делегаций из деревни с жалобами, арестовывая таковых»⁸.

Таким образом, любая попытка крестьян установить определенное единство армии с народом могла закончиться самым плачевным образом – арестом.

Опасность быть арестованным по любому поводу все более возрастала. В конце июня 1930 г. в организационном отчете ЦК ВКП(б) XVI партсъезду было рассказано о так называемом «орловском деле». Здесь (в г. Орле) по настоянию секретаря окружкома ВКП(б) Дробенина была арестована рабочая часть бюро городского комитета партии. За что же такая немилость обрушилась на довольно ответственных партийных функционеров? Только за то, что они посмели выступить с критикой окружного комитета партии⁹. Тогда этот ретивый «арестовальщик» был Центральным Комитетом исключен из партии, а бюро окружкома распущено. Но в целом уже с начала 30-х годов в стране все более насаждался дух арестантского дома. Именно в это время, 20 августа 1930 г., всемирно известный ученый и истинно великий гражданин академик И.П. Павлов в очередном своем письме-протесте правительству СССР писал: «Беспрерывные и бесчисленные аресты делают нашу жизнь совершенно исключительной. Я не знаю цели их (если это безмерно усердное искание врагов режима, или метод устрашений, или еще что-нибудь), то не подлежит сомнению, что в подавляющем большинстве случаев для ареста нет ни малейшего основания... А жизненные последствия факта повального арестовывания совершенно очевидны»¹⁰.

Однако «повальное арестовывание» продолжалось. И даже в армии оно приняло настолько угрожающий характер, что циркуляром Главной военной

прокуратуры от 23 апреля 1933 г. пришлось довольно строго ограничить аресты лиц начсостава и установить обязательную санкцию этих арестов военными прокурорами округов и главным военным прокурором¹¹.

В директиве же от 20 мая 1933 г. право ареста было еще более сужено. Вместе с нею военным прокурорам и председателям военных трибуналов препровождалась инструкция СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 г. за № П 6028. Подписанная Сталиным и Молотовым – эта сугубо секретная тогда инструкция была адресована всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры. Судя по частично опубликованному за границей тексту этой инструкции, в ней делалась попытка обоснования «необходимости» репрессий в 1929–1932 гг., а также вывод о том, что «в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях», и подвергалась резкой критике развязанная по инициативе самих же Сталина и Молотова настоящая вакханалия всеобщих арестов. «В ЦК и СНК... – говорилось в директиве, – имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все кому не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. И неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы ОГПУ и особенно милиции теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «Сначала арестовать, а потом разобраться»¹². Так живописали сложившуюся в стране уже к маю 1933 г. ситуацию с арестами сами Сталин и Молотов. По-моему, картина

получилась еще более впечатляющая, чем в процитированном выше письме академика И.П. Павлова. И это естественно: первое и второе лица в государстве имели гораздо большие информационные и всякие иные возможности познания истины.

Один из разделов этой, изданной наконец-то на 16-м году существования советской власти, инструкции назывался: «Об упорядочении производства арестов». В нем говорилось: «Воспретить производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону – председателями райисполкомов, районными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов и колхозных объединений, секретарями ячеек и др. Аресты могут быть производимы только органами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции. Следователи могут производить аресты только с предварительной санкции прокурора. Аресты, производимые начальником милиции, должны быть подтверждены или отменены районными уполномоченными ОГПУ или прокуратурой по принадлежности не позднее 48 часов после ареста»¹³.

Эта инструкция целиком и полностью распространялась на работу военно-следственных, военно-прокурорских и военно-судебных органов и должна была послужить основой для радикальной перестройки всей прокурорской и судебной работы в РККА. В указаниях Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда СССР по этому поводу говорилось: «...3. Запретить органам военной прокуратуры и военным трибуналам заключение под стражу в виде меры пресечения по всем делам, кроме дел о контрреволюционных преступлениях, о крупных хищениях и растратах, о шпионаже, о бандитизме и грабеже, о профессиональной спекуляции, о

валютчиках, о фальшивомонетчиках, злостном хулиганстве и профессиональных рецидивистах, и по воинским преступлениям только о дезертирстве, кроме случаев добровольной явки, об организаторах групповых нарушений дисциплины – в особо важных случаях, о членовредительстве, о вооруженном сопротивлении и о нанесении физического оскорбления подчиненным начальнику...

...7. Военным прокурорам и представителям Военных трибуналов учесть, что Правительством дан жесткий лимит для содержания лиц, находящихся под стражей. Нормы для каждого округа будут сообщены дополнительно»¹⁴.

Таким образом, эти сугубо официальные документы убедительно доказывают, что массовые аресты по отношению к широким слоям народа, а также и к комначсоставу и красноармейцам РККА практиковались повсеместно и в первой половине 30-х годов. Вот как, по информации безымянного агента органов НКВД, оценивал сложившуюся в ноябре 1934 г. обстановку такой внимательный, с острым писательским зрением, наблюдатель, как Исаак Бабель: «Люди привыкают к арестам, как к погоде. Ужасает покорность партийцев и интеллигенции к мысли оказаться за решеткой. Все это – характерная черта государственного режима»¹⁵.

Новый взлет массовых арестов «по политическим мотивам» произошел в стране и в армии в связи с убийством С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.). Если и раньше всех «подозрительных» хватали без особого разбора, то теперь тем более. Не в целях устранения, а в целях регулирования этого процесса высшие органы власти в стране издают по-своему уникальный документ. 17 июня 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление № 1232/191 «О порядке производства арестов». Постановление это было

подписано Молотовым и Сталиным. Вот лишь некоторые пункты из его постановляющей части.

«1. Во изменение инструкции от 8.05.1933 г. аресты по всем без исключения делам органы НКВД могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора.

...3. Разрешение на аресты членов ЦИК Союза ССР и ЦИКов союзных республик дается лишь по получении органами прокуратуры и НКВД согласия председателя ЦИК Союза ССР и председателей ЦИКов союзных республик, по принадлежности.

Разрешение на аресты руководящих работников наркоматов Союза и союзных республик и приравненных к ним центральных учреждений (начальников управлений и заведующих отделами, управляющих трестами и их заместителей, директоров и заместителей директоров промышленных предприятий, совхозов и т. п.), а также состоящих на службе в различных учреждениях инженеров, агрономов, профессоров, врачей, руководителей ученых, учебных и научно-исследовательских учреждений даются по согласованию с соответствующими народными комиссарами.

4. Разрешения на арест членов и кандидатов ВКП (б) даются по согласованию с секретарями районных и областных комитетов ВКП (б), ЦК компартий, по принадлежности, а в отношении коммунистов, занимающих руководящие должности в наркоматах Союза и приравненных к ним центральных учреждениях, - по получении на то согласия председателя Комиссии партийного контроля.

5. Разрешения на аресты военнослужащих высшего, старшего и среднего начальствующего состава РККА даются по согласованию с наркомом обороны...»¹⁶

Закрепленный в этом постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) порядок ареста военнослужащих по формулировке несколько отличался от того, который совсем недавно был установлен приказом НКО № 006 от 3 февраля 1935 г.: «Санкция на арест начальствующего состава от командира взвода и выше, по требованию органов Наркомвнудела и Военной прокуратуры, может быть дана только с моего личного разрешения»¹⁷. Правда, в этом приказе были оговорены некоторые исключения. Здесь предусматривалось, что в исключительных случаях по требованию следственных органов и органов Наркомвнудела санкцию на арест лиц начсостава не выше 5-й категории (командир роты) мог дать и командующий войсками округа. В постановлении СНК и ЦК этой оговорки уже нет. Но вместо «личного разрешения» наркома здесь говорилось лишь о «согласовании» с наркомом. Через три месяца эта терминологическая разногласица была устранена. В утвержденном ЦИК и СНК СССР 22 сентября 1935 г. «Положении о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» совершенно четко (ст. 50-я) записано: «Ни один командир (начальник) от командира взвода и выше (и им соответствующие) не может быть подвергнут аресту следственными органами без особого разрешения народного комиссара обороны СССР»¹⁸. (В примечании оговаривалось, что эта статья не распространяется на производство арестов в дисциплинарном порядке, установленном Дисциплинарным уставом РККА.)

А в целом именно это совместное постановление СНК и ЦК от 17 июня 1935 г. «О порядке производства арестов» было основным государственным документом на сей счет. Оно фактически имело силу закона и действовало вплоть до его отмены 1 декабря 1938 г., т. е. весь период большого террора.

Страшной и трагически печальной была участь оклеветанных, опозоренных незаконными арестами многих тысяч военнослужащих. Но на позор, унижение и расправу были обречены и ни в чем не повинные их семьи. 15 августа 1937 г. Ежов подписывает совершенно секретный «Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00486», который начинался такими словами: «С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников Родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года»¹⁹. В отношении каждой такой семьи предписывалось собрать дополнительные установочные данные и компрометирующие материалы, составить на нее подробную общую справку и всех, намеченных к репрессированию, арестовать.

Аресту, по этому приказу, подлежали жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденными в момент его ареста, а при определенных условиях даже бывшие жены, состоявшие с осужденным, к моменту его ареста, в разводе. Исключения делалось лишь для беременных, а также имевших грудных детей или больных детей, требующих ухода и т. п. Фактическому аресту подлежали также каждый «социально-опасный ребенок старше 15-летнего возраста» из этих семей. Право на выдачу санкции на арест предоставлялось наркомам внутренних дел республик и начальникам управлений НКВД краев и областей. Арест оформлялся ордером.

Ежов проявлял «сталинскую заботу» о детях. Вот как звучал пункт 29 этого сугубо тайного приказа:

«...29. При производстве ареста жен осужденных, дети у них изымаются и вместе с их личными

документами (свидетельства о рождении, ученические документы), в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД, отвозятся:

а) дети до 3-летнего возраста – в детские дома и ясли Наркомздравов;

б) дети от 3 и до 15-летнего возраста – в распределительные пункты;

в) социально-опасные дети старше 15-летнего возраста в специально предназначенные для них помещения»²⁰.

Ну чем не отеческая забота!

И наконец, приведу три заключительных пункта этого уникальнейшего в истории человеческой цивилизации конца 30-х годов XX века официального документа:

«34) О ходе операции доложить мне трехдневными сводками по телеграфу. О всех эксцессах и чрезвычайных происшествиях немедленно.

35) Операцию по репрессированию жен уже осужденных изменников родины закончить к 25/X с.г.

36) Впредь всех жен изблеченных изменников родины, право-троцкистских шпионов, арестовывать одновременно с мужьями, руководствуясь порядком, установленным настоящим приказом»²¹.

Этот поистине беспрецедентный по степени одичания его автора и стоявших за ним истинных хозяев приказ действовал долгих 14 месяцев. И только 17 октября 1938 г. за подписью все того же Ежова и недавно назначенного начальником Главного управления государственной безопасности НКВД СССР комиссара государственной безопасности 1-го ранга Л.П. Берии появился приказ № 0689, отменивший пункт 36 оперативного приказа № 00486 об обязательности ареста жен «врагов народа» одновременно с мужьями.

В дальнейшем предлагалось репрессировать не всех жен арестованных или осужденных всякого рода врагов народа, а «только тех из них: а) которые по имеющимся материалам были в курсе или содействовали контрреволюционной работе своих мужей; б) в отношении которых органы НКВД располагают данными об их антисоветских настроениях и высказываниях и которые могут быть рассматриваемы как политически-сомнительные и социально опасные элементы»²².

Вопрос об аресте жен «врагов народа» должен был решаться в каждом отдельном случае начальником соответствующего органа НКВД. Порядок ареста и дальнейшего направления жен «врагов народа», а также порядок размещения их детей, установленный оперативным приказом № 00486 от 15 августа 1937 г., полностью сохранялся и на дальнейшее. Таким образом, если при решении вопроса об аресте военнослужащих хотя бы декларировалась необходимость согласования с наркомом обороны и санкции прокурора, то при аресте их жен о прокурорах даже и не упоминалось. Все они находились в рабской зависимости от начальника соответствующего органа НКВД.

Раскинувшаяся на две части света необъятная страна совершенно явственно превращалась в огромный арестный дом. Академик В.И. Вернадский не был тогда знаком с ужасными государственными документами, но он зорким глазом ученого с мировым именем умел не только наблюдать, но и проникнуть в суть явлений. Он ставит научный диагноз сложившейся ситуации и с риском для жизни записывает в своем дневнике в 1938 г.:

«5 января, утро... Мильоны арестованных. Это быт...

4 февраля, утро... Стоит стон и сумятица в связи с арестами. Все разваливается.

21 ноября, утро... Невольно и неизбежно разговоры всюду об арестах – являющихся сейчас основным болевым явлением, разрушающим жизнь»²³.

К концу 1938 г. все более становилось ясным, что дальше такой беспредел в совершении массовых арестов продолжаться не может, что надо хотя бы формально попытаться ввести его в какие-то рамки. Политбюро ЦК ВКП(б) 8 октября 1938 г. принимает постановление: «Поручить комиссии в составе тт. Ежова (председатель), Берия, Вышинского, Рычкова и Маленкова разработать в 10-дневный срок проект постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»²⁴. До чего же крепким стал симбиоз партийных, советских и карательных органов, что в постановлении Политбюро речь шла о подготовке совместного постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР! Насколько мне известно, такого еще не бывало за всю предшествовавшую 40-летнюю историю российской партии рабочего класса.

Уже судя по составу комиссии, которой была поручена разработка проекта постановления, можно было сделать вывод, что никаких коренных изменений в практику террористического насилия над народом предложено не будет, что и на этот раз будет проведена очередная попытка накинуть своеобразную камуфляжную сеть на ужасную громаду невообразимых злодеяний против всех народов Советского Союза. Так оно и получилось.

В утвержденном Политбюро ЦК совершенно секретном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. отмечалось, что «за 1937—38 гг. под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа... также и

по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок»²⁵. Здесь ставилась задача, «продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР (новый термин! – *О. С.*), организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов»²⁶.

К этому времени прошло уже почти два года массового беспощадного террора с неисчислимыми губительными последствиями. И хотя в самом начале постановления сказано, что вся, по существу погромная, работа органов НКВД проходила «под руководством партии», верхушка ВКП(б) сочла необходимым констатировать «крупнейшие недостатки и извращения» в деятельности НКВД и прокуратуры и тем самым определенным образом дистанцироваться от них. Поэтому-то и убрали из заголовка «НКВД». Отмечалось, в частности, что работники НКВД предпочитали действовать более упрощенным способом – путем массовых арестов и что они настолько привыкли к этому методу, что «до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов»²⁷.

Этим постановлением Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) запретили органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. Вспомнили, наконец, и о Конституции, принятой как раз накануне большого террора. В постановлении указывалось, что в соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора. Специальный пункт 3-й был прямо посвящен интересующему нас вопросу: «При арестах органам НКВД и Прокуратуры руководствоваться следующим:

а) согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года;

б) при истребовании от прокуроров санкций на арест - органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все, обосновывающие необходимость ареста, материалы;

в) органы Прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверять обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или предоставления дополнительных следственных материалов;

г) органы Прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест, наряду с работниками НКВД, несет ответственность и давший санкцию на арест, прокурор»²⁸.

Прошло всего две недели, и 1 декабря 1938 г. Совнарком СССР и Центральный Комитет ВКП(б) принимают новое совместное постановление П-4407 «О порядке согласования арестов». В нем отмечается, что действовавшее до тех пор аналогичное постановление СНК и ЦК от 17 июня 1935 г. устарело, нуждается в уточнении и поэтому оно объявлялось отмененным и заменялось постановлением от 1 декабря 1938 г. Этим постановлением, подписанным Молотовым и Сталиным, устанавливалось, что разрешение на аресты депутатов Верховного Совета СССР, Верховных советов союзных и автономных республик даются лишь по получении органами прокуратуры и НКВД согласия председателя президиумов соответствующих Верховных советов. Далее подробно излагался порядок согласования арестов руководящих сотрудников наркоматов, различного рода директоров и руководителей,

инженеров, агрономов, профессоров, врачей, членов и кандидатов ВКП(б) и др. Главный принцип – разрешение на арест дается только по получении согласия соответствующего руководителя арестуемого (наркома, секретаря райкома ВКП(б), секретариата ЦК ВКП(б) и т. д.). Специальный пункт 3 гласил: «Разрешения на аресты военнослужащих высшего, старшего и среднего начальствующего состава РККА и Военно-Морского флота даются по согласованию с Наркомом обороны или Наркомом Военно-Морского флота по принадлежности»²⁹.

Эту, закреплённую совместными постановлениями Совнаркома СССР и Центрального комитета ВКП(б) практику, когда обязательно требовалось согласие соответствующих руководителей на арест их подчиненных (или руководимых), можно оценивать по-разному. Кстати, замечу, что в реальной действительности нередко обходились и без этого согласия – достаточно было указания Ежова, Берии, а то и Фриновского (не говоря уже о Сталине). Но в подавляющем большинстве, во всяком случае – по линии военной, такое согласие (санкция) все же считалось необходимым и его обычно получали.

Как оценить такой порядок? О.В. Хлевнюк, например, считает, что он был введен для того, чтобы: 1) придать видимость некоторой законности действиям НКВД; 2) втянуть в круговую поруку ответственности за репрессии как можно больше людей³⁰. Первое соображение О.В. Хлевнюка мне представляется недостаточно убедительным, ибо согласие руководителя на арест подчиненного никакого отношения к законности не имеет. А вот что касается второго соображения – об установлении своеобразной круговой поруки, то с ним нельзя не согласиться. Причем каждый руководитель был также поставлен в

роковую позицию. Не дашь согласия на арест имярек, а его потом другие «разоблачат», значит, сам – укрыватель врагов народа и сам жди ареста. А самое главное – ЦК и Совнарком этими постановлениями как бы снимали с себя бремя ответственности за массовые аресты, возлагая его на плечи других. Они, подобно Понтию Пилату, умывали руки. Мол, они вынуждены поддержать требования, пожелания широких кругов руководителей об арестах «врагов народа». Таков, мол, глас народа.

Так, всякого рода подзаконными, а по сути, незаконными, тайными, абсолютно неизвестными широким слоям народа инструкциями и совместными постановлениями Совнаркома СССР и Центрального комитета ВКП(б) закладывалась квазюридическая неправовая база для безудержного разгула карательных органов в стране и в армии. Абсолютно каждый гражданин Страны Советов от затурканного беспаспортного колхозника и до сановного члена Политбюро ЦК ВКП(б), от рядового красноармейца и до величественного, увешанного во всю грудь орденами маршала Советского Союза мог быть арестован в любой момент, лишь бы было соизволение соответствующего начальника и желание органов НКВД.

Сразу же замечу, что, по моему глубокому убеждению, именно арест по политическим мотивам был главным показателем и первой ступенью (звеном) политических репрессий в отношении того или иного человека. В литературе по этой проблеме, как правило, говорится о репрессиях вообще. На мой взгляд, это – неправомерно. Во-первых, любое наказание за нарушение воинской дисциплины ведь тоже является репрессией (да еще какой – вплоть до расстрела!). Значит, необходимо подчеркивать, что речь идет о политических репрессиях. Но, во-вторых, и под политическими репрессиями можно понимать разное.

Например, исключение из рядов ВКП(б) по политическим мотивам – это ведь тоже разновидность политической репрессии, но в самом широком смысле слова. И строго говоря, это дело внутривнутрипартийное. Именно с ареста начиналась дорога в небытие.

К.Е. ВОРОШИЛОВ: «БЕРИТЕ ВСЕХ ПОДЛЕЦОВ»

Несмотря на строгую и, казалось бы, обязательную для всех регламентацию согласования арестов военнослужащих, бывало и так, что высшие руководители не считались с нею, грубо попирая даже этот ими самими установленный и без того совершенно неправовой порядок арестов. Вопреки нормам, декларированным в Конституции СССР 1936 г., растапывая провозглашенные от имени партии и правительства установки, определявшие порядок ареста, немало командиров РККА было арестовано по личному распоряжению Сталина. Он сам присвоил себе право единолично решать вопрос о жизни и смерти строителей и защитников социализма. Это проявилось уже в подготовке единственного, о котором сообщалось в печати, процесса над участниками «антисоветского троцкистского военно-фашистского заговора в РККА». С учетом ст. 127 Конституции СССР и даже требований действовавших тогда Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР, никаких законных оснований для ареста маршала Тухачевского, командармов 1-го ранга Уборевича и Якира, командарма 2-го ранга Корка, комкоров Фельдмана и Эйдемана не было. Однако в мае 1937 г. все они были арестованы «по прямому указанию И.В. Сталина и Н.И. Ежова»³¹.

Недавно опубликован еще один документ, в котором показано, как члены Политбюро ЦК ВКП(б) «командовали парадом» арестов. Арестованный 22 мая 1937 г. председатель Центрального совета Осоавиахима СССР комкор Р.П. Эйдеман после «физического воздействия» «признался» и в качестве участников заговора оговорил еще 20 человек, в том

числе 13 работников Осоавиахима. 28 мая 1937 г. протокол допроса Эйдемана Ежов направляет Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу с просьбой дать санкции на арест всех названных Эйдеманом участников заговора в системе Осоавиахима. Такие санкции от членов Политбюро были получены, и на копии этого документа появляется резолюция: «Всех названных Эйдеманом по Осоавиахиму людей (центр и периферия) немедленно арестовать»³².

Известно, что добытые сотрудниками НКВД показания многих арестованных направлялись Сталину. Он не только любил знакомить с ними других членов Политбюро ЦК ВКП(б), а особенно тех людей, на которых от арестованных получены показания об участии первых в заговоре, но и без какой-либо проверки, единолично и самодержавно решал вопрос об аресте фигурировавших в показаниях лиц. Так, ознакомившись с протоколом допроса от 5 августа 1937 г. арестованного заместителя начальника Разведуправления РККА, Сталин написал Ежову: «Арестовать: 1) Каширина, 2) Дубового^[19], 3) Якимовича, 4) Дорожного (чекист), 5) и других»³³. А всего в этом протоколе пометки «арестовать», «взять» были сделаны Сталиным против 30 фамилий.

Еще в 1964 г. были опубликованы и некоторые другие документы на сей счет. На очередном докладе о «признании» «великий вождь» популярно разъяснял: «Т. Ежову. Лиц, отмеченных мною в тексте буквами «Ар.», следует арестовать, если они уже не арестованы. И. Сталин». В другой раз на поданном Ежовым списке лиц, которые «проверяются для ареста», Сталин указал: «Не «проверять», а арестовать нужно»³⁴.

И все-таки, констатируя самый настоящий произвол со стороны Сталина и Ежова в отношении арестов комначполитсостава РККА, необходимо заметить, что

таких арестов было в целом сравнительно немного. Судя по документам, абсолютное большинство репрессированных командиров, политработников и других лиц начсостава РККА были подвергнуты аресту с санкции наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова.

Кто же он – маршал Ворошилов? В свое время о нем было написано огромное количество статей, брошюр, книг откровенно панегирического характера. За последние годы появились публикации, прямо смешивающие его с грязью. Не имея возможности нарисовать его законченный портрет, скажу только, что вообще-то в нем всего было намешано. Совершенно убийственную характеристику ему дал хорошо знавший его Л.Д. Троцкий: «Ворошилов есть фикция. Его авторитет искусственно создан тоталитарной агитацией. На головокружительной высоте он остался тем, чем был всегда: ограниченным провинциалом без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора»³⁵.

Давая такую уничижительную характеристику наркому обороны огромной страны, Троцкий, возможно, вспомнил, как в конце июля 1918 г. он получил адресованную ему докладную записку крупного военного специалиста, окончившего Академию Генерального штаба еще в XIX веке, бывшего генерал-лейтенанта российской армии, а в то время работавшего военруком СКВО А.Е. Снесарева: «Лично т. Ворошилов как войсковой начальник не обладает достаточными нужными качествами. Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками»³⁶. Помнил Троцкий и о том, что после царицынских «подвигов» Ворошилова было принято специальное постановление ЦК РКП (б), которым запрещалось

использовать Ворошилова на командной работе в Красной армии. А его неудержимо влекло именно к этой деятельности. Бывает же так – хочется покомандовать! И вот каким-то образом под давлением особых обстоятельств он на короткое время все-таки стал командующим 14-й армии. 7 июля 1919 г. он заступил на этот пост, а ровно через один месяц и один день снят с должности и за самочинную сдачу Харькова деникинским войскам был предан суду революционного трибунала.

Один из биографов Ворошилова (Р.А. Медведев) рассказывает, что, разбирая обстоятельства сдачи Харькова, члены Ревтрибунала пришли к выводу, что военные познания только что отстраненного командарма не позволяют доверить ему даже батальон. Выявившаяся на суде военная некомпетентность (а если уж прямо говорить – безграмотность) столь велика, что она стала смягчающим вину обстоятельством³⁷ (по принципу – «какой с Иванушки спрос»), а выступивший при разборе дела военный комиссар Центрального управления по формированию Красной армии Украинской республики М.Л. Рухимович якобы даже так заявил: «Все мы хорошо знаем Клима, парень он храбрый, но куда ему армией командовать. Ротой – в самый раз»³⁸. «Доводы» были настолько убедительны, что трибунал ограничился только отстранением Ворошилова от должности. Скажи тогда кто-нибудь, что этот самый «полководец» ротного масштаба всего через шесть лет станет народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР, все бы засмеяли подобного пророка. А ведь вот случилось в 1925 г. Через 10 лет после этого, по случаю присвоения ему звания Маршала Советского Союза в центральном органе партии (ответственный редактор Л.З. Мехлис) было напечатано: «Климент Ворошилов –

пролетарий до мозга костей, большевик в каждом своем движении, теоретик и практик военного дела, кавалерист, стрелок, один из лучших ораторов партии, вдумчивый и кропотливый организатор огромной оборонной машины, автор ярких и сильных приказов, властный и доступный, грозный и веселый...»³⁹

Побывавший незадолго до этого (летом 1935 г.) в Москве знаменитый тогда французский писатель Ромен Роллан присматривался к «железному наркому» с другой стороны. Тогда же он записал в своем «Московском дневнике»: «Ворошилов маленький, лицо румяное, прищуренные смеющиеся глаза, он все время в движении и похож на парня-балагура, для которого все становится поводом для веселья и у которого нет забот»⁴⁰.

Но мне кажется, что образ Ворошилова, нарисованный Троцким и Ролланом, несколько односторонен. Не такой уж он был рубаха-парень. Да, конечно, он совсем мало образован, но за многие годы активной работы в партии, а затем на ответственных военных постах пообтерся и многого поднабрался. Даже такой серьезный германский журнал, как «Deutsche Wehr», писал в конце 1935 г.: «Наряду с большим организаторским талантом, народный комиссар Ворошилов обладает превосходным даром речи, благодаря которому он пленяет слушателей»⁴¹. И эту сторону никак нельзя недооценивать. Он сумел (значительно позднее) очаровать даже такого корифея европейской культуры, как К.И. Чуковский. 27 мая 1957 г. последний записывает в своем дневнике впечатление от церемонии получения в Кремле ордена Ленина (вместе с Н.С. Хрущевым): «Милый Ворошилов – я представлял его себе совсем не таким. Оказалось, что он светский человек, очень находчивый, остроумный, и по-своему блестящий»⁴².

Надо признать, что Ворошилову были присущи нестандартные формы воздействия на тех или иных командиров и начальников. Например, по случаю важных событий в их жизни издавались специальные приказы наркома обороны СССР. Очень характерен в этом плане приказ НКО № 46 от 31 марта 1936 г. «Состоящий при мне для особо важных поручений комдив т. Штерн Г.М. назначен командиром 7 кд. Работая со мной больше 5 лет, т. Штерн проявил себя способным, инициативным и точным. Тов. Штерн должен идти в войска для непосредственного командования, и только поэтому я вынужден его освободить от той работы, которую он так умело и добросовестно выполнял. Не сомневаюсь, что т. Штерн останется таким же прекрасным работником и большевиком-товарищем, каким он был в должности начальника Управления делами НКО, и для особо важных поручений при мне...»⁴³ Далее нарком «от души» желал Штерну полного успеха в командовании дивизией и наградил его именными золотыми часами.

Подобного же рода был и приказ НКО № 64 от 19 апреля 1936 г. Он был издан в связи с 50-летием со дня рождения члена большевистской партии с 1903 г., военного прокурора ЛВО диввоенюриста Н.М. Кузнецова: «Отмечая его неутомимую работу в рядах РККА с начала ее организации на фронтах Гражданской войны, по укреплению ее боеспособности и в борьбе за революционную законность – награждаю его именными золотыми часами»⁴⁴.

5 мая 1937 г. он подписывает письмо командиру 34 сд комдиву В.Ю. Рохи: «До сих пор я знал Вас как хорошего командира, в совершенстве знающего дело, жизнь и быт частей, их запросы и нужды, умеющего поживому, оперативно руководить своими частями и подчиненными. Однако приказ Командующего ОКДВА

№ 090, с которым я на днях ознакомился, пошатнул это мнение о Вас. Я не могу себе представить, чтобы Вы, которого я всегда считал одним из лучших командиров, могли допустить такие безобразия, как пьянство, преступить несение караульной службы, недисциплинированность... Жду от Вас подробных объяснений, как все это произошло, как Вы могли допустить подобные безобразия и что конкретно Вами сделано, чтобы в будущем такие позорные явления больше не повторялись. К. Ворошилов»⁴⁵.

Конечно, такая форма воздействия наркома оставляла глубокий след в душе подчиненных. 7 июня 1937 г. из далекого села Баберово командир-комиссар 34 сд писал: «Глубокоуважаемый Климент Ефремович! Ваше письмо о случае с караулом – самое тяжелое для меня наказание. Но я это наказание заслужил... Приложу все силы к тому, чтобы загладить свою вину еще более энергичной работой. Глубоко уважающий Вас В. Рохи»⁴⁶.

До начала массовых арестов в армии и на флоте, до объявления о вскрытии антисоветского военного заговора, Ворошилов нередко проявлял довольно внимательное отношение к решению человеческих судеб (по крайней мере, некоторых). Накануне наступающего Тридцать седьмого года, 30 декабря 1936 г. Ворошилову поступила весьма характерная записка от начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И.М. Леплевского. Последний сообщает, что, по данным Особого отдела Киевского военного округа, командир корпуса ВУЗ КВО комдив И.Д. Капуловский должен быть у него на приеме (вот она, всеохватность слежки особистов!). Так вот, Леплевский «информирует» Ворошилова, что Капуловский проявляет враждебность к командующему войсками КВО командарму 1-го ранга Якиру и его заместителю по политчасти армейскому

комиссару 2-го ранга Амелину. Резолюция наркома: «Дать личное дело Капуловского и все ранее поступившие на него заявления и переписку. КВ. 11/1.37»⁴⁷.

Судя по всему, Капуловскому все-таки удалось побывать на приеме у наркома. Но особого облегчения ему это не принесло. Об этом свидетельствует его рукописное на семи страницах личное письмо Ворошилову. Читаешь этот самый настоящий крик души и чувствуешь, как все ниже нависают мрачные тучи над головами многих воинов РККА: «Я чувствую себя особенно с осени 1934 г., а наиболее остро с осени 1935 г. в состоянии общественно-политической изоляции. У меня выдержка колоссальная... Я вырос без отца, без матери, без братьев, без сестер (лишился всех, когда мне не было еще одного года от роду), оставшись в глухой деревне беспризорным, без всяких средств... Чрезвычайно тяжело чувствовать себя в положении «прокаженного»... Я сотни раз копаюсь в своей жизни и ничего сам не нахожу. Часто упираюсь в одно сомнение: может, за то, что я бывший «боротьбист». Но я же из тех единиц «боротьбистов», кто взял инициативу ликвидации украинской партии с.р. и решительной борьбы с украинскими националистами. Я организатор восстаний вопреки даже линии большинства членов ЦК «боротьбистов»... Мне ЦК КП(б)У установил большевистский стаж с июня 1918 г., т. е. «боротьбистский» период мне персонально засчитан в большевистский стаж... Я надеюсь, что Вы мне прямо скажете – в чем сомнения? Если нужно их рассеять, не объясняя мне причин, – я готов на любой способ... Приказывайте! На мировой арене революционной борьбы есть где рискнуть головой... Если нужны объяснения, расследования, я о них прошу...»⁴⁸

На этом письме имеется помета: «Нужно переменить место службы. КВ. 27/I.37»⁴⁹. Но быстро сделать это не удалось. Не прошло и двух месяцев, как 22 марта 1937 г. Капуловский снова пишет письмо «только лично» Ворошилову: «Когда я хотел обратиться к Вам, меня предупреждали товарищи: «не пиши, не обращай к Ворошилову, ибо Якир тебя за это уложит в гроб»... Когда я все же у Вас был и вернулся, мне сказали: «теперь держись, первый блин из тебя Якир сделает на ближайшем совещании». Так и было. Я подал рапорт по команде через Якира о переводе из округа... В чем бы меня ни пытались обвинить, прошу сначала выслушать меня. Я за каждый шаг своей жизни смело и гордо могу смотреть в глаза всей партии и всей нашей великой стране. Я верю в правду, верю в силу партии и ее вождя т. Сталина, верю в Вашу справедливость.

P.S. Прошу подтвердить получение этого письма»⁵⁰.

На эту просьбу нарком отозвался. Появилась резолюция: «Т. Хмельницкому. Сообщить т. Капуловскому о получении этого письма. КВ. 25/III.37». И здесь же помета: «Исполнено 25.III.37. Хмельницкий»⁵¹.

В то же время Ворошилов умел в определенных случаях проявить и довольно жесткую требовательность к самым высоким военным чинам. Когда в феврале 1936 г. произошло массовое обморожение слушателей Военной академии им. Фрунзе (во время лыжных соревнований), были строго наказаны не только непосредственные виновники, но и болевшие в это время начальник академии и начальник политотдела. «Только потому, – говорилось в приказе НКО № 025 от 20 февраля 1936 г., – что тт. Корк и Щаденко были больны и непосредственно не руководили соревнованиями, ограничиваюсь в последний раз объявлением им строгого выговора с

предупреждением за отсутствие организованности в Военной академии, которая должна быть образцом в этом отношении для всей РККА, за полную оторванность от живых людей и отсутствие заботы о слушателях»⁵². В феврале 1937 г. выговор наркома получили командующий войсками ЗакВО командарм 2-го ранга М.К. Левандовский и начальник политуправления округа корпусной комиссар А.П. Ярцев (за непринятие должных мер по укреплению дисциплины и политико-морального состояния частей Кутаисского гарнизона)⁵³.

Сам себе Ворошилов виллы за казенный счет строил, но других за это не поощрял, а наказывал. За подобную попытку получили в апреле 1937 г. строгий выговор командующий Черноморским флотом флагман флота 2-го ранга И.И. Кожанов и начальник Инженерного управления РККА комкор Н.Н. Петин⁵⁴.

В начале 1937 г. Ворошилов еще осмеливался иметь свое мнение. По его просьбе 16 февраля 1937 г. заведующий политадмотделом ЦК ВКП(б) О.А. Пятницкий присылает выписки из сообщений НКВД о дивинженере Г.Х. Потапове и комбриге Г.С. Кареве. Содержание этих выписок таково, что оба вышеупомянутые командиры якобы являются самыми отъявленными контрреволюционерами – они, мол, были членами контрреволюционной организации, ликвидированной еще в 1931 г. А кроме того, Потапов, по заключению НКВД, – монархист и вообще антисоветски настроенная личность, а Карев – так тот – сын священника, а еще активно участвовал в разработке оперативного плана вооруженного восстания 133-го стрелкового полка в Киеве⁵⁵. Как тут не задрожешь, не заречешься не то что от ходатайства за таких людей, а даже от знакомства с ними. А что же Ворошилов? А он в данном случае показал, что мог быть совсем не из пугливых. Вот его резолюция на выписках

из сообщения НКВД, перед которыми спасовал даже заведомо ЦК ВКП(б): «Т. Пятницкий! Прошу не возражать против назначения Потапова на должность пом. нач. Инженерной академии, так как до сих пор Потапов занимал должность нач. Института инженерной техники РККА, что является более ответственной и секретной работой. О т. Кареве нам все известно. Тов. Карев является одним из наиболее старых, заслуженных командиров мотомехчастей. Мы его назначаем на 7 стр. дивизию, где работа проще, чем в мотомехвойсках. К. Ворошилов. 16/II.37 г.»⁵⁶. Далее в деле имеется помета: «О Кареве - решено 23.V»⁵⁷. Был положительно решен вопрос и о Потапове.

20 августа 1937 г. Ворошилов представляет начальника летного отделения штаба ВВС РККА майора А.И. Ильина на должность командующего ВВС КБФ. Представление не совсем обычное даже по тем временам - майора на должность комдива (если не комкора). Но политотдел штаба ВВС представил на Ильина, по сути, отрицательную партхарактеристику - высокомерен, заносчив, личное знакомство с врагами народа, в том числе «с одной из жен Тухачевского - Протас»⁵⁸. Но Ворошилов не отступил и вторично обращается в ЦК ВКП(б): «Тт. Андрееву и Маленкову. В основном эта характеристика верна, я т. Ильина лично немного знаю. Но т. Ильин молод (1905 г. р. - О.С.), энергичен и, как уверяют близко его знающие тт., честен. Поэтому нужно им руководить, направлять его партийный и служебный рост, и из него получится неплохой и партиец, и работник. Прошу утвердить его в этой должности К. Ворошилов. 21/VIII. - 37 г.»⁵⁹.

Случалось и так, что нарком довольно строго отчитывал даже ближайших своих приспешников за попытки сваливать всю вину за те или иные недостатки в жизни РККА на «врагов народа». 29 августа 1937 г.

маршал Буденный обращается к Ворошилову с пространственным письмом, в котором говорит о том, что за время работы в Инспекции кавалерии РККА «мне приходилось бороться, разумеется, при поддержке Вашей и тов. Сталина, за существование конницы... так как враги народа в лице Тухачевского, Левичева, Меженинова и всякой другой сволочи, работавшей в центральном аппарате, а также при помощи Якира и Уборевича до последнего момента всяческими способами стремились уничтожить в системе вооруженных сил нашей страны такой род войск, как конница»⁶⁰. Затем Буденный приводит целый ряд серьезных, по его мнению, аргументов в пользу укрепления конницы и наконец заключает: «Данным письмом я высказал те соображения, которые у меня за много лет накопились... Я не мог их Вам высказать лично в силу того, что всякий раз, предварительно ставя этот вопрос, до доклада Вам, я встречал резкое сопротивление врагов народа... Они бешено возражали. Я глубоко убежден в том, что все изложенное мною властно диктуется современными условиями войны и сегодняшним днем.

Категорически возражаю и буду возражать против какой бы то ни было реорганизации конницы и ее сокращения...»⁶¹

Через два дня Ворошилов прочитал это письмо и наложил следующую резолюцию: «т. Буденному С.М. Конницу обучали не враги народа, а мы с Вами, и Вы больше, чем я, т. к. непосредственно этим занимались. Как конница себя «чувствует» при совместных с танков. частями и авиацией действиях, Вы отлично знаете. В разговорах со мной Вы признавали (много раз) резко изменившиеся условия для существования и действий конницы в соврем. войне.

Конницу нужно и будем сокращать. КВ. 31/VIII.37»⁶².

Иногда дело доходило даже до того, что Ворошилов набирался мужества отказывать Особому отделу ГУГБ НКВД СССР в просьбах об увольнении и аресте ответственных военных работников. В то время одним из руководителей военно-исторической службы в Генштабе РККА был коммунист с 1917 г. комбриг К.И. Соколов-Страхов. Человек достаточно образованный, опытный. Но у него был один крупный, по тем временам, изъян - он был женат на племяннице бывшего шефа жандармов П.Г. Курлова. Уже одним этим он был особистам подозрителен. Да еще он оказался не очень осторожен в разговорах. И Особый отдел решил, что пора этого критикана «взять». Обратились за санкцией на арест к Ворошилову. А тот возьми да и откажи. Особисты вначале даже не поверили. Снова обратились. А нарком отказал вдругорядь, найдя выдвинутые особистами мотивы недостаточно основательными, и предложил вопрос о Соколове-Страхове разобрать в партийном порядке. Этого особисты стерпеть уже не могли. К «делу» подключается всемогущий начальник секретно-политического отдела (СПО) НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга Г.А. Молчанов. Он обращается с рапортом к «самому» Ежову: «СПО считает, что он (Соколов-Страхов. - *О.С.*) является в партии двурушником, ведет контрреволюционную пропаганду и, будучи на свободе, представляет безусловную опасность как затаенный злобный враг». На рапорте появляется резолюция: «Т. Гамарнику. Считаю необходимым арестовать. Просьба дать согласие. Ежов. 22.XI.36». Ворошилов держался еще полтора месяца, а потом на присланном Ежовым рапорте появилась помета начальника Политуправления РККА: «Нарком дал т. Ежову согласие. Гамарник. 7/I.37 г.»⁶³.

Бывало, что Ворошилов проявлял и определенную настойчивость в недопущении ареста некоторых, хорошо знакомых ему командиров. С 1935 по 1937 г. военным комендантом Москвы служил комдив М.Ф. Лукин. По делам службы его знал не только Ворошилов, но и Сталин. Но вот в 1937 г. «за притупление классовой бдительности и личную связь с врагами народа» Лукин получил по партийной линии строгий выговор с занесением в учетную карточку, был снят с должности военного коменданта столицы и отправлен заместителем начальника штаба СибВО. И вдруг в 1938 г. его по доносу Мехлиса вызывают в Москву, в Комиссию партийного контроля. И бывает же так в жизни – Лукин случайно в коридоре ЦК встретил Ворошилова и рассказал ему о том, в какую передрыгу попал. И Ворошилов прямо при Лукине позвонил одному из руководителей КПК: «Товарищ Ярославский, я знаю Лукина давно, с Гражданской войны. Это честный коммунист, и то, что вокруг него происходит, это – недоразумение. Прошу Вас внимательно разобраться, и если он не виноват, написать об этом в округ». Лукин позднее рассказал своей дочери: «Положив трубку, Климент Ефремович долго расспрашивал меня о положении в округе, потом вдруг сказал: «У меня уже третий раз просят санкции на ваш арест»⁶⁴. А тогда Ярославский прислал письмо в Новосибирск, будущий командарм Великой Отечественной войны был спасен, в 1940 г. удостоен звания генерал-лейтенанта.

Многие другие спаслись кто как мог, кому как повезло, у кого рядом оказались настоящие начальники, настоящие товарищи. Например, полковника К.К. Сверчевского спасла положительная характеристика главного военного советника в Испании комдива Г.М. Штерна и «источника» по имени Мурат... Но совершенно реальная власть над жизнью и смертью всего личного

состава РККА находилась в то время в руках Ворошилова. Судьба многих крупных заслуженных военачальников зависела от одного росчерка его довольно малограмотного пера (чего уже его винить – так сложилась судьба, что он сумел в школу проходить всего-навсего лишь «две зимы»). Одно короткое слово «оставить», написанное на ходатайствах Особого отдела ГУГБ НКВД СССР об увольнении и аресте, спасло жизнь и обеспечило нормальное прохождение военной службы начальнику Военной академии им. Фрунзе комдиву Н.А. Веревкину-Рахальскому, начальнику Военной академии механизации и моторизации РККА бригадному инженеру И.А. Лебедеву. Спасла жизнь и менее категоричная резолюция наркома: «Пока оставить в покое» (о комбриге Б.Г. Вершинине), «Прошу проверить» (о комдиве Д.Т. Козлове) и даже такая, как «Присмотреться. КВ» (о начальнике штаба ПриВО комбриге П.С. Кленове), «Вызвать для разговора» (о полковнике Р.Я. Малиновском)⁶⁵.

Документы, однако, свидетельствуют, что подобные благие дела в деятельности Ворошилова все более становились исключением. А правилом закреплялись безудержные поношения и проклятия в адрес «подлых заговорщиков» (приказы НКО № 072, № 96, № 082 – 1937 г.). Справедливо говорят: у страха глаза велики. И если сразу после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) Ворошилов еще полагал, что «вредительство» не особенно распространено в РККА, то после того как Сталин 2 июня 1937 г. заявил на заседании Военного совета при НКО о том, что вскрыт в армии заговор (да и сам Ворошилов выступал с докладом «О вскрытом органами НКВД заговоре в РККА»), да еще когда пошли повальные расстрелы вчера еще знаменитых командиров Красной армии, героев Гражданской войны, Ворошилов пустился во все

тяжкие, стал раздувать версию НКВД о всеохватности «заговора». Выступая 8 октября 1937 г. на разборе маневров Балтфлота, он заявил: «Шпион польский и немецкий Уборевич – в БВО ухитрился завербовать большое количество командного и политического состава, почти 90 % командиров корпусов, примерно столько же командиров дивизий, некоторую часть командиров полков. Такая же картина была и в Московском военном округе»⁶⁶. А впереди ведь последний квартал этого года и целый 1938 год для поистине тотального выкорчевывания.

Решением народного комиссара обороны Ворошилова была создана Комиссия по очистке аппарата Генерального штаба и центральных управлений НКО от чуждых и не внушающих политического доверия элементов⁶⁷. А в конце 1937 г. он записывает для себя: «Ныне все эти отбросы людские ликвидируются, уничтожаются, как гнусная зараза»⁶⁸. В Российском государственном военном архиве хранятся целые тома меморандумов Особого отдела ГУГБ НКВД СССР в адрес наркома обороны с просьбой дать санкцию на арест одного, а то и целой группы лиц комначполитсостава РККА. И сразу после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) все чаще, а затем уже, по сути, сплошняком на этих заявках на фактическое уничтожение очень часто прекрасно знакомых ему боевых товарищей по подполью, по Гражданской войне, по напряженному строительству молодой Красной армии в мирные годы появляются автографы Ворошилова: «Не возражаю», «Согласен» и даже «Согл.», «Не возражаю против ареста», «Согласен на арест», «Арестовать», «Нужно арестовать» и, наконец, как своеобразная квинтэссенция позиции народного комиссара обороны, призванного всячески беречь доверенных ему страной,

народом командиров и начальников: «Берите всех подлецов»⁶⁹.

По некоторым документам можно судить, что Ворошилов, в начале 1937 г. надеявшийся, что вредителей и шпионов в Красной армии сравнительно мало, к концу 1938 г. искренне поверил (или делал вид?), что она насквозь прошпигована шпионами, террористами, заговорщиками, диверсантами, вредителями. Во всяком случае, составляя тезисы своего выступления на заседании Военного совета при наркомате обороны (ноябрь 1938 г.) и отметив, что командиры и политработники в своей подавляющей массе это – лучшие люди нашей страны, он записывает далее: «Но наряду с этим, тяжелыми фактами доказано, что кадры РККА были чрезвычайно политически и морально загажены. Предатели, изменники Родины и своей армии долгие годы жили среди нас и вели свою подпольную работу... Когда в прошлом году была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников во главе с Тухачевским, никто из нас не мог предположить, что язва предательства среди командно-политич. кадр. распространилась так глубоко и широко.

1937 и весь 1938 гг. мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части, до живого, здорового мяса очищая язвы от мерзостной, предательской гнили... Еще не все, но основное, главное – уже сделано. Враг уже лишился своих больших глаз и ушей в наших рядах. Но ушки и глазки, разумеется, кое-где еще остались, и до них нужно добраться, иначе они разрастутся и принесут стране, РККА огромный и тяжкий вред»⁷⁰.

Эти записи сделаны Ворошиловым для себя. Можно утверждать, что они довольно адекватно отражают состояние его духа, его понимание процесса

«выкорчевывания». Как может судить читатель, здесь и тени сожаления, а тем более раскаяния нет. Наоборот, палач Красной армии гордится своей палаческой работой, собирается и дальше всячески совершенствовать ее.

Иногда, при получении меморандумов Особого отдела с просьбой санкции на арест тех или иных лиц комначполитсостава, Ворошилов рекомендовал особистам обратиться к непосредственному начальнику намеченных жертв. И, как правило, эти начальники, сами дрожавшие от страха, покорно отдавали своих подчиненных на расправу. Вот 25 апреля 1937 г. начальник Строительно-квартирного управления РККА корпусной комиссар А.В. Хрулев докладывает Ворошилову: «На основании Вашей резолюции тов. Леплевский поставил передо мной вопрос об аресте Хандрикова и Заикина. Хандриков в настоящее время освобожден от работы и находится в моем распоряжении... Все время путался в различных политических вопросах. Принадлежал к троцкистской оппозиции... Считаю возможным согласиться на арест. Арест Заикина для управления даже очень полезен, он несколько оздоровит обстановку»⁷¹ (подчеркнуто мною. – *О.С.*). И в тот же день на этом документе появляется резолюция: «Арестовать. КВ. 25/IV.37»⁷².

Но поскольку все же особистам надо было каждый раз с какой-то степенью убедительности обосновывать свою просьбу об аресте, они нередко не ставили вопрос о немедленном аресте того или иного командира или политработника, а лишь об его увольнении из РККА. Такие просьбы нарком удовлетворял еще более охотно. А там вне армии – органы НКВД ни в каких наркомовских санкциях на арест бывших военных уже не нуждались. И хотя на первых порах проявлялась какая-то видимость заботы об уволенных – по

сообщению начальника Политуправления РККА П.А. Смирнова (в официальном докладе 3 августа 1937 г.), было принято решение ЦК ВКП(б), по которому при наркоматах должны были быть созданы комиссии (с представителями от военных советов округов). Они должны были заняться устройством на работу уволенных из армии (в том числе и по политическим мотивам)⁷³, – многие из уволенных командиров и политработников вместо получения новой работы довольно быстро оказывались в тюрьмах НКВД.

В кошмарных условиях 1937–1938 гг. увольнение из РККА по политическим мотивам для увольняемого было первой ступенькой в ад. А для увольняющего – «железного наркома» – эта процедура предоставляла иногда возможности покуражиться. Когда 19 июня 1937 г. Леплевский сообщил ему, что заместитель начальника политотдела 15-й тяжелой бомбардировочной авиабригады батальонный комиссар М.А. Добронравов якобы является «кадровым троцкистом» и еще в 1923 г., будучи студентом, поддерживал какие-то идеи Троцкого, резолюция наркома была предельно лаконична и однозначна: «Выгнать. КВ»⁷⁴. На представлении отдела кадров Политуправления РККА на уволенного из армии полкового комиссара Кустова – «просит восстановить» – Ворошилов начертал: «Обойдутся в РККА и без Кустова»⁷⁵.

Не стыдился Ворошилов оставлять даже в письменном виде следы своей невоспитанности, вульгарной грубости. 5 сентября 1938 г. военюрист 1-го ранга Семченко обратился с докладной запиской «О состоянии охраны границ СССР с Финляндией». Не берусь судить о компетентности автора, но Ворошилову записка ужасно не понравилась, и вот как он в резолюции выразил свое авторитетное наркомовское

мнение: «Хоть ты и 1-го ранга... а дурак!»⁷⁶ Читаешь такое (даже если это написано под влиянием примера одного из чеховских персонажей) и невольно думаешь, как же мудры были наши далекие славянские предки, которые говорили: «Нет хуже князя, нежели из грязи».

Как и все хамоватые люди, готовые вовсю куражиться над зависящими от них и становящиеся «ниже тоненькой былиночки» перед теми, от кого сами зависят, Ворошилов прямо-таки благоговел перед Сталиным. Последний, кстати, всячески, посмеиваясь в усы, разжигал небезвыгодный для себя миф «о великом полководце». На приеме участников первомайского парада руководителями партии и правительства в Кремле 2 мая 1936 г. Сталин поднял тост: «За вождя Красной армии, за одного из лучших руководителей партии и правительства, за Клим Ворошилова»⁷⁷. Клим в свою очередь отвечал чуть ли не собачьей преданностью «вождю». И других к этому всячески призывал. Когда летом 1936 г. на встрече со Сталиным, Ворошиловым и Ежовым арестованные Каменев и Зиновьев робко спросили о гарантиях, что их не расстреляют, если они дадут «признательные» показания, вмешался Ворошилов: «Каменев и Зиновьев ведут себя так, словно они имеют право диктовать Политбюро свои условия. Это возмутительно! Если у них осталась хоть капля здравого смысла, они должны стать на колени перед товарищем Сталиным за то, что он сохраняет им жизнь. Если они не желают спасти свою шкуру, пусть подышают. Черт с ними!»⁷⁸

В соответствии с этим кредо, о своей шкуре Ворошилов заботился старательно. И «сладкой жизни» он отнюдь не чурался. И выпить, и закусить умел. По свидетельству крупного функционера НКВД Л.Л. Никольского, в середине 30-х годов у Ворошилова появилась уже третья вилла, и она предназначалась

«для восходящей звезды балета С.»⁷⁹. И голову приятно кружили всепроникающие ядовитые испарения почета, новых и новых орденов, публичных непрерывных восхвалений, чуть ли не каждый день публикуемых в газетах (особенно в «своей» «Красной звезде») фотопортретов, фимиам лести, угодничества, заискивания. Но ведь Ворошилова глупым никак не назовешь. И он не мог не понимать, что старинная русская пословица: «Не по Сеньке шапка» справедлива не только по отношению к его бывшему командарму Буденному, но и к нему самому. Это с болью наблюдали многие активные участники Гражданской войны. И.С. Кутяков, принявший в 1919 г. в 22-летнем возрасте дивизию после гибели В.И. Чапаева, ставший в 1935 г. комкором, записал в своем дневнике 15 марта 1937 г.: «Пока «железный» будет стоять во главе, до тех пор будет стоять бестолковщина, подхалимство, и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться»⁸⁰. Сам Ворошилов отчетливо представлял себе, что Тухачевский либо Егоров, Уборевич либо Якир, т. е. настоящие кадровые военные, искушенные и в политической жизни, были бы гораздо более на месте на посту наркома обороны.

И поэтому, на мой взгляд, совершенно правомерно некоторые авторы (В.А. Бобринев, Л.М. Заика) высказывали мнение, что в какой-то степени Ворошилов увидел в НКВД союзника, помогающего весьма своеобразным способом устранить с дороги (и вообще из жизни) более молодых и несравненно лучше подготовленных в военном отношении потенциальных конкурентов. Недавно скончавшийся генерал-лейтенант юстиции Б.А. Викторов, работая в свое время заместителем главного военного прокурора и непосредственно занимаясь процессом реабилитации безвинно истребленных воинов РККА, изучил огромное

количество недоступных историкам и ныне документов и пришел даже к такому выводу: «Справедливость требует преступником объявить и К.Е. Ворошилова. История советского правосудия не знает такого изобилия достоверных неопровержимых доказательств, которые так неотразимо изобличали бы подсудимого в преднамеренном уничтожении негодных ему людей»⁸¹.

А вот свидетельство бывшего наркома Военно-Морского флота, на протяжении многих лет близко знавшего наркома обороны, работавшего рядом с ним: «...Свое личное благополучие Ворошилов поставил выше всего»⁸². Кстати, еще в 1964 г. Н.Г. Кузнецов вспомнил об одной частной беседе в 1939 г., в ходе которой «К.Е. Ворошилов спросил меня, знаю ли я Кожанова. «Да, – ответил я, – он в течение трех лет во время учений плавал на крейсере «Червона Украина», которым мне пришлось командовать». «Я не думаю, чтобы он был врагом народа», – довольно определенно высказался К.Е. Ворошилов»⁸³. Это было опубликовано при жизни Ворошилова, но никаких возражений с его стороны не последовало. А ведь это не только показатель нравственного маразма, а и самый настоящий «corpus delikti» (состав преступления): народный комиссар посылал людей на позорную казнь, не только сомневаясь, но заведомо зная о их полной невинности!

Прямая измена Ворошилова своему долгу развязала руки Особым отделам НКВД. Они и раньше-то не особенно церемонились с невыгодными для них различного рода инструкциями, постановлениями, кодексами. Если прежде, как правило, Особый отдел ГУГБ НКВД СССР просил санкцию на арест тех или иных военных поодиночке, то теперь «для быстроты» требуют ареста «заговорщиков» скопом, пачками.

5 июня 1937 г. Леплевский просит у Ворошилова согласия на арест сразу 17 человек – «участников антисоветского военно-троцкистского заговора». Резолюция: «Не возражаю. КВ. 15/VI.37»⁸⁴. По датам можно судить, что Ворошилов до осуждения Тухачевского и других пока еще раздумывал, а после расстрела восьми осужденных высших командиров он готов был отдать особым отделам НКВД на закляние всех, на кого они укажут.

В подготовленных в июле 1937 г. материалах для нового начальника Политуправления РККА армейского комиссара 2-го ранга П.А. Смирнова появился специальный раздел: «IV. Выкорчевывание врагов народа и очистка РККА от политически негодных элементов». В этих материалах отмечалось, что уже за период с 1 января по 10 июня 1937 г. из РККА было уволено по политическим мотивам 4947 человек. Характерно резкое нарастание масштабов увольнения сразу же после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б). Если с 1 января по 31 марта 1937 г. из РККА по политическим мотивам было уволено 577 человек, или, примерно, по 64 человека за декаду, то за период с 1 апреля по 10 июня 1937 г. – уже 4370 человек⁸⁵, или в среднем по 624 человека в декаду. Следовательно, масштабы увольнения по сравнению с предыдущим кварталом возросли после пленума ЦК ВКП(б) почти в десять раз!

Принципиального значения сдвиг состоял и в том, что аресты военнослужащих по политическим мотивам уже во втором квартале приобрели массовый характер. Если раньше речь шла об единицах, то теперь счет пошел на сотни и даже на тысячи. За период с 1 апреля по 10 июня 1937 г. из числа 4370 человек, уволенных по политическим мотивам, было арестовано 1217 человек^[20]. Причем составители данного материала

справедливо отмечали, что цифра арестованных весьма неточна, «так как ряд лиц арестовываются значительно позже их увольнения».

Страшной силы удар был нанесен прежде всего по представителям высшего эшелона армейского и флотского руководства. С мая до конца 1937 г. были арестованы: один маршал, два командарма 1-го ранга, один флагман флота 1-го ранга, доведен до самоубийства единственный в то время армейский комиссар 1-го ранга. Из имевшихся тогда десяти командармов 2-го ранга были в 1937 г. арестованы восемь, а из пятнадцати армейских комиссаров 2-го ранга – четырнадцать (а один до ареста покончил жизнь самоубийством), 39 комкоров и 16 корпусных комиссаров. Под арестом оказались два заместителя начальника Генерального штаба РККА (комкоры В.Н. Левичев и С.А. Меженинов), заместитель начальника Политуправления РККА (армейский комиссар 2-го ранга Г.А. Осепян), почти все без исключения начальники центральных управлений: управления морских сил (флагман флота 1-го ранга В.М. Орлов), управления военно-воздушных сил (командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис), управления ПВО (командарм 2-го ранга А.И. Седякин), автобронетанкового (комдив Г.Г. Бокис и сменивший его командарм 2-го ранга И.А. Халепский), боевой подготовки (командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин), технического (дивинженер С.В. Бордовский), артиллерийского (комкор Н.А. Ефимов), инженерного (комкор Н.Н. Петин), связи (комкор Р.В. Лонгва и сменивший его дивинженер А.М. Аксенов), административно-мобилизационного (комдив А.М. Вольпе), строительных частей (комдив М.Л. Медников), химического (коринженер Я.М. Фишман), обозно-вещевого снабжения (коринтендант Д.И. Косич), санитарного (корпусной врач М.И. Баранов), ветеринарного (корветврач Н.М. Никольский),

начальник артиллерии РККА (комдив Н.М. Роговский), начальник управления Воениздата НКО (комдив С.М. Белицкий), начальник ЦДКА (корпусной комиссар Ф.Е. Родионов) и т. п. За это же время (по неполным подсчетам) было арестовано 80 комдивов, 124 комбрига, 148 полковников...

Надо понять, что арест каждого начальника не был простым единичным актом. «Взяв» начальника, особисты стремились обнаружить и вырвать «все корешки». Вот 25 мая 1937 г. арестовали начальника Артиллерийского управления РККА комкора Н.А. Ефимова. А вместе с ним и позже (за период с 1 мая 1937 г. по 1 января 1938 г.) было арестовано еще 33 ответственных сотрудника Артуправления, в том числе комдив Ф.И. Ольшевский, комбриги А.К. Дроздов, А.Ф. Розылко, В.П. Середин, бригаженер Я.М. Железняков и др.⁸⁶.

Такой «кустовой» метод увольнения и арестов практиковался и на нижних ступенях армейской лестницы. По стандартному обвинению «связь с членами военно-фашистской организации и вредительство в деле боевой подготовки...» в гор. Клин был арестован командир отдельного батальона связи 2-го стрелкового корпуса И.И. Бушуев. Обвинение не подтверждалось никакими объективными доказательствами. А меж тем события нарастали, как снежный ком. «Товарищ народный комиссар, – писал Бушуев Ворошилову 29 марта 1939 г., – что сделали после моего ареста – уволены начхим, начбоепитания, помкомбат по техчасти, командир роты. Арестованы и сидят в тюрьме – врач, помкомбат по материальной части, начальник школы... Что часть уволили из РККА – это сделали правильно, но садить за ошибки командиров, по-моему, неправильно»⁸⁷.

Брали всех подряд. И неизвестных, и известных. Не успевших прославиться и увенчанных славой. Ненагражденных и увешанных боевыми орденами. В.И. Бекаури еще в 1921 г. по ленинскому мандату возглавил Особое техническое бюро (Остехбюро) по наиболее секретным военным изобретениям. За самоотверженную деятельность по укреплению обороноспособности СССР он в 1932 г. награжден орденом Красной звезды. За ценные изобретения в области технического оснащения РККА награжден в 1933 г. орденом Ленина. За успешное выполнение крупных изобретений по вооружению РККА награжден в 1936 г. орденом Трудового Красного Знамени. А в сентябре 1937 г. арестован. 8 февраля 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР признала его шпионом и заговорщиком, приговорила к расстрелу. И в тот же день приговор был приведен в исполнение. В.И. Бекаури реабилитирован посмертно 9 июня 1956 г.⁸⁸.

Из НИТИ РККА за 1935–1937 гг. (на 21 июля 1937 г.) были уволены как «политнеблагонадежные» элементы 46 человек. Они распределялись следующим образом: арестованные органами НКВД – 3 человека, осужденные судом – 2, преданы суду – 4, скрыли судимость – 2, социально-чуждый элемент, скрывший свое социальное происхождение, – 21, имевшие связь с границей – 5 и антисоветски настроенный элемент – 9 человек⁸⁹.

Судя по докладу военкома НИХИ РККА бригадного комиссара И. Куприна от 31 июля 1937 г., в этом институте за 1935–1937 гг. было арестовано 13 человек – «врагов народа» (три – в 1935 г., пять – в 1936 г. и пять – в 1937 г.), в том числе начальник и комиссар института Рохинсон, пришедший ему на смену начальник и комиссар Козлов, заместитель начальника института военинженер 1-го ранга Ю.М. Иваницкий, помощники начальника Ивонин и Прокш; остальные –

начальники отделов, отделений, один профессор и один научный сотрудник. Кроме того, два начальника отделов и два начальника отделений – исключены из партии и уволены из армии; переведено в другие войсковые части и учреждения 30 человек (за 1936–1937 гг.), из них 50 % по политическим соображениям в порядке профилактики. Из вольнонаемного состава научных сотрудников, лаборантов и обслуживающего персонала за 1936–1937 гг. уволено по политическим соображениям 66 человек⁹⁰. Легко можно представить себе, что от института остались лишь «ножки да ручки». А ведь это еще только июль 1937 г.

Полным ходом развернулось увольнение политсостава из РККА по политическим мотивам. Политработники всех звеньев изначально должны были быть католиками больше Папы римского. Поэтому чистки армейского политсостава велись с самого момента его появления. Но до поры до времени они носили в основном индивидуальный характер и не приобретали массового характера. Однако по мере ужесточения борьбы против «право-троцкистской оппозиции», с организацией фальсифицированных судебных процессов, масштаб этих чисток стал резко меняться. Если в 1935 г. по политическим мотивам из РККА был уволен 201 политработник, в 1936 г. – 250, то в 1937 г. – уже 1045 политработников (в том числе 15 членов военных советов и начальников политуправлений округов, 14 военных комиссаров корпусов и военных академий, 53 военкома дивизий, 67 военкомов полков)⁹¹. По данным Л.З. Мехлиса, за 1937 г. и первые три месяца 1938 г. было арестовано 1126 политработников (в том числе 8 армейских комиссаров [\[21\]](#), 21 – корпусных, 66 дивизионных, 122 бригадных, 163 полковых и 207 батальонных комиссаров)⁹².

На августовском (1937 г.) Всеармейском совещании политсостава начальник политуправления ОКДВА дивизионный комиссар И.Д. Вайнерос докладывал, что «участниками контрреволюционных организаций» оказались шесть начальников политотделов, три работника политуправления армии и целый ряд политработников старшего и среднего звена⁹³. В установочном докладе на этом совещании недавно назначенный начальник Политуправления РККА П.А. Смирнов характеризовал сложившуюся в армии обстановку следующим образом: «вредительская деятельность не локализуется каким-нибудь определенным звеном, а доходит и до самых низовых звеньев, включительно до средних слоев командного состава и красноармейцев». Здесь же он заявил, что из 17 редакторов центральных военных журналов 8 оказались «врагами народа»⁹⁴.

На совещании выступил с речью нарком Ворошилов. Судя по ее записи, он призывал всемерно ускорить «процесс очищения» РККА от ее внутренних врагов. Он мотивировал необходимость «дальнейшего выкорчевывания» прежде всего возрастанием внешней военной опасности. «Война может вспыхнуть в любой момент»⁹⁵, – говорил он. А значит – корчуй напропалую.

И многие военно-политические руководители на местах усердствовали вовсю. В одной 65-й стрелковой дивизии (УрВО) к январю 1938 г. было арестовано 60 человек⁹⁶. Военные работники на местах и сами «старались», но прежде всего они выполняли волю высшего начальства. Характерно в этом отношении выступление члена военного совета ЗакВО корпусного комиссара М.Я. Апсе на заседании Военного совета при НКО СССР 21 ноября 1937 г.: «По нашему округу, тщательно проверяя кадры, выполняя директивы товарища Сталина и Народного Комиссара, мы уволили

всего 646 человек. Цифра как будто большая для нашего округа, но то, что мы в основном уволили правильно, подтверждается тем, что около 50 % всех уволенных уже арестовано»⁹⁷. Последняя фраза здесь свидетельствует о своеобразном синдроме: армейские начальники, которым было дано право принимать решение (или ходатайствовать) об увольнении подчиненных как политически неблагонадежных, в какой-то степени, может быть, даже подсознательно, были заинтересованы в их аресте. Это как-то облегчало их запуганную и дремлющую совесть: мол, «мы правильно разоблачили!»...

Некоторые итоги «корчевательной» работы по военным округам были подведены командованием этих округов на заседании Военного совета при НКО СССР в конце ноября 1937 г. (см. табл. 2).

Таблица 2 [\[22\]](#)

Обобщенные данные о количестве уволенных и арестованных (по политическим мотивам) военнослужащих по военным округам (на конец ноября 1937 г.)

Военный округ	Докладчики: командующий войсками и член Военного совета	Количество уволенных	Из них арестовано
1	2	3	4
Московский	Буденный и Троянкер	1063 (до 15.10)	573 (на 13 янв. 1938)
Белорусский	Белов и Мезис	1300	400
Киевский	Федько и Щаденко	1894 (VI-20.XI)	861
Закавказский	Куйбышев и Апсе	646	ок. 50%
Северо-Кавказский	Грибов и Сидоров	675	227
Харьковский	Тимошенко и Озолин	1113	не называли
Приволжский	Ефремов и Балыченко	618	50%
Уральский	Софронов и Тарутинский	412	200
Сибирский	Антонюк и Юнг	352	249
Забайкальский	Великанов и Битте	400	189
Ленинградский Среднеазиатский	Дыбенко и Магер Локтио- нов и Баузер	не называли	
Военные флоты			
Балтийский	Исаков и Булышкин	264	ок. 100
Черноморский	Смирнов	423	118

Обычно принято считать, что самым страшным в советской истории был 1937 год. В общем-то так и было. Именно в 1937 г. кровавый маховик арестов и казней безвинных раскрутился с небывалой еще быстротой. Но что касается Красной армии, то для нее эпидемия арестов продолжалась и в 1938 г., и даже превзошла по размаху год 1937-й. После мясорубки Тридцать седьмого года, на 1 января 1938 г. в высший

комначсостав РККА входило 845 человек. В том числе: комбриги и выше – 539 человек; бригаинженеры и выше – 76; бригинтенданты и выше – 46; бригврачи и выше – 51; бригветврачи – 16 и бригвоенюристы и выше – 104 человека. Кроме того, высший политсостав (от бригадного комиссара и выше) насчитывал 269 человек⁹⁸. Таким образом, здесь буквально каждый человек был на особом счету. А между тем их продолжали хватать и арестовывать пачками. На протяжении 1938 года были арестованы 2 Маршала Советского Союза, 2 командарма 1-го ранга, 1 (единственный в то время) флагман флота 1-го ранга, 1 (опять-таки единственный) армейский комиссар 1-го ранга, 2 последних командарма 2-го ранга производства 1935 г., 20 комкоров, 3 флагмана 1-го ранга, 13 корпусных комиссаров, 49 комдивов, 36 дивизионных комиссаров, 97 комбригов, 96 полковников^[23].

Увольнение политсостава по политическим мотивам развернулось еще шире в 1938 г., когда во главе Политуправления РККА был поставлен «сталинский посланец» Мехлис. Как верноподданно докладывал один из его ближайших помощников по «выкорчевыванию» Ф.Ф. Кузнецов, «главная работа по очистке РККА проведена после Всеармейского совещания политработников (апрель 1938 г. – О.С.), когда были выкорчеваны из политуправления округов троцкистско-бухаринские, гамарников-булинские заговорщики»⁹⁹. Из приведенных Кузнецовым официальных данных явствует, что в 1938 г. только по четырем военным округам было уволено 1693 политработника (241 – в МВО, 255 – в ЛВО, 322 – в БОВО и 875 – в КОВО). Выгоняли подряд. Лишь бы зацепочка была, хоть самая малюсенькая. 27 июня 1938 г. был уволен из РККА политрук батареи 18-го полка ПВО

(БОВО) А.А. Благой только за то, что он родился и проживал до четырехлетнего возраста на ст. Окница Юго-Западной железной дороги, которую в 1918 г. захватили румыны¹⁰⁰. Надо знать, где родиться! Все это было бы смешно, если бы не было так грустно... Так и вспоминается пушкинское: «И догадал же меня черт родиться в России...»

До самой осени 1938 г. на неизбежную проверку в Особый отдел ГУГБ НКВД СССР посылались списки (а то и личные дела) самых различных категорий политработников. 23 мая 1938 г. Мехлис просит проверить прилагаемый список кандидатов в депутаты Верховных Советов союзных республик, выдвинутых военными советами и политуправлениями военных округов. 11 июня этого же года он просит «срочно проверить» группу политработников в связи с предстоящим их назначением на работу в Политуправление РККА¹⁰¹. А 7 июля заместитель Мехлиса Кузнецов направляет в Особый отдел список депутатов Верховного Совета РСФСР уже избранных от воинских частей ПриВО, СКВО и АОН-1 и просит «срочно проверить и сообщить мне»¹⁰². В феврале 1938 г. руководство ПУ РККА просило Особый отдел проверить некоторых политработников, выдвинутых политуправлением КВО в состав членов окружной парткомиссии, а в июле – августе – проверить командиров и политработников, уже избранных в члены партийных комиссий Военно-политической академии, Военно-хозяйственной академии РККА, Военной академии химзащиты¹⁰³ и т. д. и т. п.

Некоторые важные ячейки огромного воинского механизма были буквально опустошены. Работал в то время заместителем начальника АБТУ РККА по политической части дивинженер П.С. Аллилуев, родной брат трагически погибшей в 1932 г. жены Сталина –

Надежды Аллилуевой. И вот его племянница (дочь Сталина) вспоминает, что когда осенью 1938 г.: «Павлуша... вернулся из отпуска и вышел на работу в свое Бронетанковое управление, то не нашел там, с кем работать... Управление как вымели метлой, столько было арестов. Павлуше стало плохо с сердцем тут же в кабинете, где он и умер от сердечного спазма»¹⁰⁴.

Но арестовывали не только «больших» начальников. В нашей литературе мне не попадались какие-либо исследования по составу арестованных военных. Тем с большим интересом должны быть восприняты хотя бы и частичные данные по Московскому военному округу. Согласно официальной справке, в МВО органами НКВД было на 13 января 1938 г. арестовано 573 военнослужащих. В том числе: 1 – член военного совета округа, 2 заместителя командующего войсками, 1 начальник политуправления округа, 2 помощника командующего войсками, 1 заместитель начпуокра, 1 секретарь окружной парткомиссии, 20 человек – комсостав корпусов, дивизий и бригад, 9 командиров полков и 48 человек арестованных – младший начсостав, курсанты военных училищ и красноармейцы¹⁰⁵.

В выдаче санкций на арест политработников по мере сил (и полномочий) участвуют Щаденко и Мехлис. В составленном 27 июня 1938 г. списке политработников – «участников антисоветского военного заговора», санкция на арест которых дана заместителем НКО Щаденко, значилось 18 человек (от политрука до полкового комиссара)¹⁰⁶. Приказом Мехлиса в июле 1938 г. из Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски Союза ССР было уволено 22 человека, а через несколько дней пять человек из них (Горский, Семенов, Бабаев, Есмонский и

Селенский) были арестованы как «разоблаченные враги народа»¹⁰⁷.

Но абсолютно подавляющее большинство арестов военнослужащих, особенно лиц высшего и старшего комначсостава, проводилось с санкции наркома обороны СССР. 17 мая 1938 г. заместитель Ежова Фриновский пишет Ворошилову «о необходимости ареста» 15 человек. Резолюция наркома: «Согласен на арест указанных лиц. КВ. 19/V.38»¹⁰⁸. Через две недели от того же Фриновского поступает новый список обреченных. Появляется резолюция: «т. Фриновскому. Не возражаю против ареста Бурмистрова и др., кроме Шульги, о котором решим по его приезде в Москву. Шульгу, когда-то лично знал. Как в (полне) порядочного человека. КВ. 1/VI.38»¹⁰⁹. А когда надо было расписываться на многих листах, давая санкцию на арест, Ворошилов уже почти механически писал: «Согл.»¹¹⁰.

Судьбу военных моряков решал первый руководитель только что созданного самостоятельного наркомата Военно-Морского флота армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов. Делал он это не только в самом наркомате в центре, но и на флотах, где ему доводилось бывать. В апреле он побывал на Тихоокеанском флоте. В опубликованных посмертно воспоминаниях тогдашнего командующего ТОФ Н.Г. Кузнецова говорится: «Я приехал навести у вас порядок и почистить флот от врагов народа, – объявил Смирнов, едва увидев меня на вокзале». И далее Николай Герасимович описывает, как все это «оформлялось»: «Я впервые увидел, как решались тогда судьбы людей. Диментман^[24] доставал из папки лист бумаги, прочитывал фамилию, имя и отчество командира, называл его должность. Затем сообщалось, сколько имеется показаний на этого человека. Никто не задавал

никаких вопросов. Ни деловой характеристикой, ни мнением командующего о названном человеке не интересовались. Если Диментман говорил, что есть четыре показания, Смирнов, долго не раздумывая, писал на листе: «Санкционирую». И тем самым судьба человека была уже решена. Это означало: человека можно арестовать»¹¹¹.

Продолжало лихорадить военные округа. По САВО с 1 января по 1 октября 1938 г. было уволено из РККА по разным причинам (в том числе и по болезни) 338 человек. Среди них уволены как «враги народа» – 183 человека. Все они, до единого, были арестованы¹¹². Это – по округу в целом. А только в штабе ЛенВО всего за семь месяцев (с июня по декабрь 1938 г.) было арестовано 22 работника штаба. Кроме того, по политическим мотивам и «практической нецелесообразности» 36 человек были уволены из РККА, а 38 штабистов переведены на работу в части¹¹³.

Шквал тайных арестов продолжал бушевать в соединениях, различных воинских учреждениях, военных академиях. В Военной академии им. Фрунзе на 31 марта 1938 г. было «изъято врагов народа органами НКВД» из числа постоянного состава 7 человек и из преподавательского – 20 человек¹¹⁴. Один из новых руководителей центрального органа НКО газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенберг докладывал 6 апреля 1938 г., что в редакции газеты изъяли 11 шпионов, «причем шпионы сидели редактором, заместителем и начальниками отделов. Все еще, конечно, не очищено»¹¹⁵.

Военный комиссар одной из дивизий Шехавцов докладывал в начале апреля 1938 г.: «У нас в дивизии оказалось изъятых врагов народа свыше 100 человек, во главе с комиссаром дивизии врагом народа Поляковым»¹¹⁶. Бывший начальник Особого отдела 5-го

механизированного корпуса Казюлин не без гордости докладывал Всеармейскому совещанию политработников в апреле 1938 г., что «по корпусу и по всем входящим в него бригадам на 100 процентов арестовано командное руководство, политическое и штабное. Я говорю только о руководстве»¹¹⁷. Лишь в управлении 3-го стрелкового корпуса (МВО) с 7 июня 1937 г. по 20 июля 1938 г. было арестовано 14 человек во главе с временно исполнявшим должность военного комиссара корпуса дивизионным комиссаром А.Н. Бахиревым¹¹⁸. Один из главных погромщиков Красной армии М.П. Фриновский во время своей поездки по Дальнему Востоку летом 1938 г. докладывал Ежову, что «за один только день в воинских частях ОКДВА арестовано 201 человек»¹¹⁹.

22 июля 1938 г. начальник Управления по начсоставу РККА Е.А. Щаденко заготовил за подписью Ворошилова адресованную военным советам округов директиву следующего содержания: «Во исполнение решения Главного Военного Совета об очищении армии от бывших белогвардейцев, предлагаю:

1. К 15 августа (КБФ, ЗабВО, СибВО, САВО – к 1 сентября) проверить командный, политический и начальствующий состав, ранее служивший в белых армиях Колчака, Деникина и других и уволить в запас РККА всех активных участников борьбы против Советской власти, бывших офицеров и занимавших офицерские должности военных чиновников, унтер-офицеров, а также рядовых добровольцев белой армии.

Вопрос об увольнении служивших по мобилизации рядовыми в белых армиях, в настоящее время являющихся комначсоставом, разрешать в отношении каждого персонально, с учетом его работы в РККА, политической надежности и деловых качеств.

Лиц, занимающих должности до командира батальона включительно и им равных, уволить приказами Военных советов округов по статье 43 пункту «а» и «б».

...на остальных представить списки в Управление по комначсоставу.

2. Одновременно проверить всех бывших эсеров, меньшевиков, анархистов, дашнаков, мусаватистов, боротьбистов и членов других антисоветских партий и лиц, не доказавших своей активной работой безусловную преданность партии Ленина - Сталина и социалистической Родине уволить в запас, а на высший комсостав представить списки»¹²⁰.

Армии угрожала новая чистка, в ходе которой механически могли быть изгнаны из ее рядов новые тысячи командиров, провоевавшие и прослужившие до 20 лет. Но на этот раз надо отдать должное Ворошилову. На проекте директивы помета: «НКО не подписал. Е. Щаденко»¹²¹.

«НКВД ЗРЯ НЕ АРЕСТОВЫВАЕТ...»

Если при аресте сотрудников центральных военных учреждений особисты, как правило, стремились обезопасить себя получением санкции наркома обороны, то на местах, чувствуя себя всемогущими и всеильными, иногда позволяли себе арестовывать того или иного командира, политработника не только без санкции наркома и прокурора, но даже вообще при полном отсутствии какого-либо «компромата». При таких вариантах сотрудники органов НКВД действовали «по интуиции», поскольку им «так казалось»; били, так сказать, «навскидку».

Бывший начальник особого отдела НКВД ЗабВО Петросьян впоследствии показал, что в особом отделе не было никаких данных о принадлежности начальника штаба округа комдива Я.Г. Рубинова к заговору. Они только предполагали, что он может быть одним из руководителей «заговора», и «на всякий случай» 3 июля 1937 г. особисты арестовали его. А там уж, как говорят шахматисты, «дело техники». Бывший заместитель начальника штаба ЗабВО полковник в отставке М.И. Болотков показал в процессе дополнительного расследования, что находившиеся вместе с ним в камере тюрьмы Особого отдела арестованные видели в тюремный «волчок», как Рубинова после избиения на допросе несли по коридору¹²², сам передвигаться он уже не мог. Надо ли удивляться, что комдив признал себя виновным в участии с 1933 г. в мифическом военном заговоре и в шпионаже в пользу японцев и на предварительном следствии, и на суде. Заседание Военной коллегии по его делу 2 октября 1938 г. продолжалось всего 10 минут. Их хватило, чтобы приговорить комдива Рубинова к расстрелу. Приговор

был приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован комдив посмертно в апреле 1956 г.

Никаких материалов, послуживших основанием для ареста 10 августа 1937 г. помощника командира 12-й Кубанской казачьей дивизии полковника Б.Н. Акатова, в его архивно-следственном деле не содержится¹²³. Точно так же, при полном отсутствии какого-либо «компромата», был арестован 28 ноября 1937 г. командир 18-й тяжелой бомбардировочной авиабригады трижды орденоносец (что было крайней редкостью по тем временам) комбриг Е.Б. Тантлевский¹²⁴.

Начальник Ставропольского военно-конного завода (служивший ранее начальником политотдела Особой кавдивизии) бригадный комиссар Д.Н. Статут был арестован 14 декабря 1937 г. Допрошенный по этому поводу (в ходе дополнительной проверки) бывший помощник начальника особого отдела НКВД кавдивизии Сидоров, проводивший следствие по делу Статута, на допросе 8 октября 1955 г. высказал, что «арест Статута, который мы произвели по указанию Столярова (бывший начальник 5 отд. УНКВД М(осковской) о(бласти), для нас, работников Особого отдела, являлся полной неожиданностью. Зная Статута по службе в дивизии, по его поведению в быту, могу сказать о нем, что это был положительный коммунист. Ничего отрицательного в политических взглядах и настроениях Статута я не замечал. Это был скромный и трудолюбивый политработник. Никаких компрометирующих материалов в отношении Статута в Особом отделе дивизии во время ареста Статута не было»¹²⁵.

Не спасала, а зачастую усугубляла опасность дружба с «великими мира сего». Член военного совета Тихоокеанского флота корпусной комиссар Я.В. Волков был старинным личным другом тогдашнего наркома ВМФ армейского комиссара 1-го ранга П.А. Смирнова. Но

вот Смирнова «взяли» в Москве 30 июня 1938 г. Об этом, очевидно, поступила информация и на Дальний Восток. Во всяком случае уже 1 июля 1938 г. Волков был арестован по простому распоряжению (без постановления об аресте!) начальника УНКВД ДВК Г.Ф. Горбача. Это было в начале июля. А постановление об аресте Волкова и о предъявлении ему обвинения было утверждено этим же самым Горбачем лишь 23–28 ноября 1938 г. К следственным же действиям по делу Волкова органы следствия приступили фактически 27 января и 14 марта 1939 г., т. е. спустя почти семь-восемь месяцев после ареста очередного «врага народа»¹²⁶.

Любил иногда продемонстрировать свое «пролетарское чутье на врагов» и сам Ежов. Так, по его личному указанию был 5 мая 1937 г. арестован комбриг запаса М.Е. Медведев. Ежов в это время усиленно сочинял версию о «военном заговоре», и ему до зарезу нужны были показания какого-либо сравнительно крупного военного. Медведев же до 1935 г. занимал пост начальника Управления ПВО РККА. Затем был уволен и работал начальником строительства столовой. Никакого «компромата» против него не было. Но Ежов дал указание: «арестовать». (И вскоре из Медведева таки выбили столь нужные Ежову показания о «заговоре Тухачевского», и Ежов немедленно доложил о них Сталину). По прямому указанию Ежова в 1937–1938 гг., при полном отсутствии компрометирующих материалов, органами НКВД производились аресты ряда командиров и политработников латышской национальности¹²⁷.

Но необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что абсолютно немотивированные аресты военных все-таки были исключением. Как правило, должно было быть определенное обоснование, какая-то

«зацепочка». И опять надо сказать, что иногда эти «зацепочки» были просто за пределами здравого смысла. Но – «НКВД зря не арестовывает...».

Как в те мрачные времена стряпали дела по обвинению «в контрреволюционных преступлениях», можно судить и по делу заведующего библиотекой одного из Домов Красной армии (БОВО) Бойко. Его обвинили в том, что он занимался распространением среди военнослужащих и их семей запрещенной Главлитом литературы. Эти обвинения не были голословными. С первого взгляда они могли показаться даже доказательными. Но только с первого взгляда и только человеку, желающему во что бы то ни стало засадить в тюрьму другого человека. В самом деле Бойко обвинялся в том, что выдал интенданту 3-го ранга Ильюшенко «Историю народов СССР» Ванага, жене военнослужащего роман Никифорова «У фонаря», военнослужащему Гусеву дал хороший отзыв о повести А.С. Серафимовича «Железный поток», а одному из военнослужащих выдал (о, ужас!) книгу «ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК». С точки зрения хоть чуть-чуть цивилизованного общества обвинения, по сути, параноидальные, но они были абсолютно дутыми даже и по тем беспросветно мрачным временам. При внимательном дополнительном расследовании было установлено, что книга Ванага была выдана в 1936 г., а изъята приказом Главлита 27 марта 1938 г., роман «У фонаря» выдан в мае – июне 1937 г., приказ Главлита об изъятии издан в январе 1939 г. Повесть «Железный поток» не допускается к распространению только в том случае, если в предисловии имеются ссылки на Ковтюха (комкор Е.И. Ковтюх – прототип Кожуха – был уже расстрелян). Ни одно издание «ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК» вообще не изымалось. И тем не менее именно по вышеперечисленным

обвинениям Бойко был 29 июня 1938 г. арестован, провел в тюрьме больше года. И только в июле 1939 г. военной прокуратурой БОВО дело Бойко было прекращено и он был освобожден из-под стражи¹²⁸.

Капитан Богданов (18 ск, ОКДВА) сдавал свою часть Дмитриеву и в процессе передачи отдал ему 50 различных книг и попросил просмотреть их, нет ли среди них запрещенных. Дмитриев (впрочем, как и Богданов) сам не проверил, а послал в качестве цензоров двух красноармейцев. Один из них увидел хрестоматию по ленинизму издания 1926–1927 гг. и, влекомый духовной жаждой и стремлением овладеть передовым учением, взял ее к себе в казарму, «почитать». Казалось бы, «святое дело» – красноармеец хочет припасть к первоисточнику. Но когда на другой день, обнаружив эту хрестоматию на красноармейской тумбочке, рассмотрели ее повнимательнее, то обнаружили в ней статьи «врагов народа». Особисты тут как тут. Возбудили дело. Незадачливый капитан Богданов был арестован и осужден на 6 лет тюремного заключения¹²⁹.

Бывали еще более дикие мотивы ареста. Военные юристы В. Бобренов и Л. Заика рассказали о том, что в списках комсостава, докладывавшихся Ежову, некоторые фамилии бывших офицеров старой русской армии были подчеркнуты толстым красным карандашом. А сотрудники Особого отдела ГУГБ НКВД СССР знали, что такой карандаш был только у Ежова. Надо как-то реагировать на «указание» «железного» наркома. И реагировали. Бобренов и Заика утверждают, что именно по этому «принципу» было принято решение об аресте командармов 2-го ранга М.Д. Великанова и А.И. Седякина, комкора Е.И. Ковтюха... А молодой кудрявый начальник боепитания Забалуев, причесываясь у зеркала и любуясь собой, сказал: «Ну и

шевеляра у меня... Прямо как у Зиновьева». При одном упоминании «запретной» фамилии аполитичный Нарцисс был арестован и в обвинительном заключении эта губительная по тем временам фраза получила такое истолкование: «...среди начсостава восхвалял и пропагандировал врага народа Зиновьева». Скажете, шутка. А Забалуев четыре месяца просидел в тюрьме. И ему еще повезло. Малограмотный красноармеец Белкин слышал про Конституцию 1936 г. и в общем-то усвоил, что все начинается с нее, и как-то заявил, что построение социализма у нас началось не в 1924 г., а в 1936-м. Сразу же последовал арест - и 8 лет лишения свободы¹³⁰.

О печальной судьбе другого красноармейца рассказал в апреле 1938 г. главный военный прокурор РККА Н.С. Розовский. Судя по всему, этот красноармеец искренне хотел бороться с недостатками в боевой подготовке. В ротной стенгазете в заметке о повышении внимания к стрелковой подготовке, желая быть как можно более убедительным, он написал: «Пуля своенравна и летит, куда ей вздумается, и обязательно не в цель». Эти «красоты стиля» дорого ему стоили. По выражению главного военного прокурора, красноармейцу «приклеили контрреволюцию», арестовали и осудили на 8 лет лишения свободы¹³¹.

Прямо-таки с патологической непримиримостью сотрудники особых отделов относились к одному упоминанию бывшего народного комиссара по Военно-морским делам и председателя Реввоенсовета РСФСР (СССР) Л.Д. Троцкого. Так было уже с середины 20-х и до середины 30-х годов. Член партии с июня 1917 г. Г.Л. Баранцев, много лет прослуживший на ответственных военно-политических должностях, с 1926 г. преподававший в Военной академии им. Фрунзе, был «уличен» в том, что на лекциях допускал применение

наглядного пособия с портретом Троцкого. За такой «криминал» окружная парткомиссия МВО вынесла ему в 1935 г. выговор¹³². И хотя он сумел в 1936 г. окончить вечернее отделение Института красной профессуры, получил звание бригадного комиссара, исполнял обязанности начальника кафедры истории ВКП(б), все же в начале 1938 г. он был уволен. Чтоб «троцкистским» духом и не пахло.

Еще более эта нетерпимость возросла после августовского процесса 1936 г. Вот один из документов той поры: «8 января 1937 г. группа младших командиров танкового батальона 2-й отдельной механизированной бригады ОКДВА Мезенцев, Пидкоша (оба члены ВЛКСМ) и еще четыре беспартийных во время читки газет восхваляли контрреволюционера Троцкого. Мезенцев и Пидкоша исключены из ВЛКСМ. Мезенцев уволен из РККА и арестован органами НКВД»¹³³.

А после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) выявление и отлов «троцкистов» приобрели характер охоты. Так, в апреле 1937 г. «за контрреволюционную троцкистскую агитацию» арестованы курсант полковой школы 11 сд (ЛВО) Трифонов («сын осужденного троцкиста») и младшие командиры 32-го полка этой же дивизии Бабин, Турков и Гришин¹³⁴.

Помполит Военно-Воздушной академии дивизионный комиссар Смоленский прямо-таки с сознанием исполненного долга рассказал в марте 1937 г. на активе НКО, как он и парторганизация оперативно реагировали на «небольшой сигнал» о том, что преподаватель кафедры политэкономии Казанский в 1926 г. назвал своего сына именем Троцкого (Ледит). «Прижали мы его, но в течение трех-четырех месяцев не могли выжать и только после целого ряда очных

ставок, когда привлекли парторганизацию музея Ленина, где работала его жена, которая тоже напирала на него, лишь после этого мы установили, что этот человек двурушничал. Признавая на словах линию партии правильной, в 1926 году дает имя своему сыну в честь Троцкого»¹³⁵.

Помполиту 14-го кавполка батальонному комиссару В.Н. Гришину было вменено в вину и то, что до осени 1935 г. хранил у себя групповой фотоснимок лиц, среди которых был и «портрет врага народа Троцкого». 23 сентября 1937 г. военный трибунал Киевского военного округа осудил батальонного комиссара на 10 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет¹³⁶. А еще «проще» поступали в одной из частей Белорусского военного округа. Секретарь бюро ВЛКСМ Антоненко рассказывал на Всеармейском совещании комсомольских работников РККА (май 1938 г.): «У нас, например, в части, где комиссар Бессмертный, наломали много дров, когда врагов народа искали по окончанию фамилий; например, оканчивается фамилия на «ий» и «ч», значит, ищи врага народа»¹³⁷.

Читаешь такое и думаешь: какая-то страна абсурда! Да это же то, о чем пророчествовали и Евгений Замятин, и Олдос Хаксли, и Джордж Оруэлл. Да, действительно было и такое... Но еще раз хочу подчеркнуть, что в основном подобные случаи все же были не системой, а исключением. Системой же были усердные попытки «обосновать» аресты.

И надо признать, что в стремлении «обосновать» аресты органы НКВД действовали масштабно и с выдумкой. Судя по многочисленным докладам, сводкам, спецсообщениям различных звеньев широко разветвленной карательной системы, по крайней мере, с осени 1936 г. вся наша огромная страна была покрыта густой сетью всякого рода антисоветских,

контрреволюционных, террористических организаций. Если попытаться суммировать и классифицировать весь тот объемный материал, который мне удалось изучить, то можно прийти к выводу, что в основном эти зловерные организации окопались и действовали по таким городам и весям.

Антисоветская троцкистская (правотроцкистская) террористическая организация – в Воронежской, Днепропетровской, Курской, Кустанайской и Сталинградской областях, а также в Туркмении; в городах: Ленинграде (на заводах «Красноармеец» и «Красный Треугольник», на фабрике «Пятилетка», на Охтинском комбинате), Ростове-на-Дону, Саратове, Харькове, Шуге; на железных дорогах – Дальневосточной, Оренбургской, Туркестано-Сибирской; в Верхне-Волжском речном пароходстве: в аппарате Наркоминдела СССР, Наркомате легкой промышленности СССР, Наркомземе СССР, Комитете по делам физкультуры и спорта при СНК СССР, в Наркомате юстиции РСФСР, в Главрыбе наркомпищепрома СССР, в системе автотракторной промышленности, в системе водного транспорта, в системе «Заготзерно», в прокуратуре Московской области, в Подмосковном угольном бассейне, в тресте «Каззолото», в Сухумском субтропическом институте, на Красноярском вагонно-строительном заводе, на авиазаводе № 24 и др.

Органами НКВД была «вскрыта» также антисоветская националистическая террористическая диверсионно-вредительская организация, действовавшая на территории Азербайджанской, Грузинской, Казахской, Туркменской и Украинской союзных республик. Только на Украине в 1930–1937 гг. было «раскрыто» 15 крупных подпольных контрреволюционных организаций¹³⁸.

Докладывалось и о действиях антисоветской эсеровской террористической повстанческо-диверсионной организации в Краснодарском и Красноярском краях, в Одесской, Тульской и Ярославской областях, в Великолукском округе, в Нижне-Чирском районе Сталинградской области. Сообщалось также о «раскрытии» антисоветской террористической организации в Курской области (как обычно, во главе с секретарем обкома ВКП(б) и председателем областного Исполкома), в Кизеловском районе Свердловской области, в Коминтерне, в Центральном аэроклубе СССР, среди эсперантистов Украины и т. д. и т. п.

Еще раз хочу напомнить, что это отнюдь не все «вскрытые» в предвоенные годы органами НКВД антисоветские контрреволюционные террористические организации. Совершенно логично предположить, что это только сравнительно небольшая выявленная мною частица намертво опутавшей страну смертоносной сети, накинутой сотрудниками НКВД на миллионы людей.

Так было в стране, так было и в армии. Вполне естественно, что высшая партийная верхушка особо опасалась не только оппозиционных, но любых хоть сколько-нибудь самостоятельных взглядов у «человека с ружьем». Вообще-то говоря, версию о подготовке военного переворота высшее партийное руководство начало муссировать, по крайней мере, с осени 1927 г. В ночь с 12 на 13 сентября 1927 г., якобы по заявлению бывшего врангелевского офицера, который неоднократно использовался ОГПУ для проникновения в антисоветское подполье, у ряда оппозиционеров, занимавшихся тиражированием и распространением документов оппозиции, были произведены обыски. И уже 22 сентября этого же года от имени Политбюро и ЦКК ВКП(б) по партийным инстанциям была разослана

информация следующего содержания: чекистами установлена связь членов партии, организовавших подпольную типографию, «с некоторыми лицами из военной среды, помышляющими о военном перевороте в СССР по типу переворота Пилсудского». Второе сообщение от 27 сентября заканчивалось еще более определенной констатацией и грозным предостережением: «ЦК и ЦКК заявляют, что они отсекут железной рукой всякую попытку втянуть во внутренние дела буржуазно-интеллигентский сброд... и их охвостья из военных путчистов...»¹³⁹

Придя к власти в результате вооруженного восстания, сумев перетянуть на свою сторону значительные солдатские массы, руководство коммунистической партии все время опасалось, как бы и другие, противостоящие общественные силы не пошли бы подобным же путем. Особый отдел армии и флота Главного управления госбезопасности НКВД СССР и сеть особых отделов в военных округах, в воинских объединениях и соединениях не дремали, неусыпно следили за тем, нет ли где заговора, и, напрягая все свои физические и интеллектуальные возможности, усиленно сочиняли, создавали, стряпали, вскрывали и ликвидировали самого различного рода «контрреволюционные террористические организации и группы» в РККА.

И опять-таки должен предупредить читателя, что, не сумев добыть «всю совокупность» документов, я не претендую на абсолютную полноту перечня «вскрытых и ликвидированных» тогда органами НКВД контрреволюционных организаций в армии и на флоте. Уже говорилось о крупном деле «Весна», «вскрытом» в начале 30-х гг. В 1935 г. ликвидирована «контрреволюционная троцкистская и националистическая» организация в школе червонных

старшин в Харькове. Подробностей выяснить не удалось, но, естественно, масштабы здесь были значительно меньшими.

Активность Особого отдела ГУГБ НКВД СССР во «вскрытии» (а как показали последующие события – в фабрикации) контрреволюционных организаций в армии резко возрастает сразу же после окончания работы февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б). Вот только то, что мне удалось выявить. В апреле 1937 г. начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И.М. Леплевский докладывает наркому обороны Ворошилову о том, что вскрыта контрреволюционная троцкистская группа, ведущая работу в МВО (доклад 9 апреля); что часть существующей с 1928 г. контрреволюционной троцкистской группы во главе с бывшим начальником 12-го отделения Разведуправления РККА Чернявским впоследствии перешла к террористической деятельности, намечавшей теракт в отношении тов. Сталина, была арестована и расстреляна (сообщение 14 апреля); что вскрыта антисоветская троцкистская организация, проводившая вредительскую работу в системе особо секретной техники РККА (сообщение 28 апреля)¹⁴⁰. В мае 1937 г. тот же Леплевский бомбит Ворошилова своими спецсообщениями о вскрытии «антисоветской троцкистской террористической организации» в частях СибВО, «троцкистской террористической, диверсионно-шпионско-вредительской организации» в ОКДВА, «военной контрреволюционной троцкистской организации» в МВО.

Все эти «меморандумы» докладывались в обстановке глубочайшей секретности. В середине июня 1937 г. наконец и в открытой печати были опубликованы краткие сообщения о том, что НКВД вскрыл в РККА разветвленный военно-фашистский

заговор, что руководителей заговора – восемь высших командиров РККА во главе с Маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским осудили и расстреляли. По этому поводу был опубликован несекретный приказ НКО № 96. Газеты, особенно военные, продолжали всю трубить о необходимости полного выкорчевывания и беспощадной расправы со всеми «заговорщиками», но никаких конкретных материалов, да и фамилий, в открытой печати больше не появлялось. Беспрецедентная расправа с командно-начальствующим составом РККА чинилась в строжайшей тайне. И только сейчас, на основе изучения многих документов Архива Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации и Российского государственного военного архива можно судить, как напряженно «трудилась» особисты над «вскрытием» (а фактически – формированием) всякого рода ответвлений придуманного ими самими «заговора».

Не ограничиваясь «заговором», «вскрытым» в центре, особисты сочиняют версии и сообщают руководству Наркомата обороны о наличии военно-фашистского заговора в Забайкальском, Закавказском, Киевском, Ленинградском, Московском, Средне-Азиатском, Сибирском, Северо-Кавказском, Уральском, Харьковском военных округах, в ОКДВА. Сообщается о наличии этого заговора в системе Военно-Морского флота, и в частности на Северном и Тихоокеанском флотах, на Амурской военной флотилии, а также в системе ПВО гор. Москвы, во 2-м стрелковом корпусе, в 34-й стрелковой дивизии, в 23-й авиационной бригаде, в Усть-Сунгарийском укрепленном районе и др.

Состряпанная в кабинетах НКВД версия о военно-фашистском заговоре в РККА и его ответвлениях на местах была своеобразным стволем, к которому примыкали и многочисленные другие версии о якобы действовавших в армии иных антисоветских и

контрреволюционных организациях. Прежде всего, пугали тем, что, мол, чуть ли не с 20-х годов существуют различного рода организации бывших офицеров (подпольная монархическая организация бывших офицеров царской армии в Москве; офицерско-монархическая организация в ВВС РККА; офицерская террористическая и шпионская организация в Белорусском военном округе и в г. Ульяновске, организация бывших офицеров-артиллеристов и т. п.).

Усиленно эксплуатировалась версия о наличии в армии различного рода антисоветских контрреволюционных террористических, шпионских и вредительских организаций (троцкистских, правотроцкистских, правых, военно-эсеровских и т. п.) – в ОКДВА, УрВО, на ТОФе, в частях 5-го мехкорпуса, 7-го стрелкового корпуса, в 28-й авиабригаде, в Омском пехотном училище (разумеется, во главе с его начальником генерал-майором М.И. Петровым) и даже в Центральном архиве Красной армии, а также в Военной академии Генерального штаба РККА, в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, в Главном санитарном управлении РККА, на Балтфлоте, в Горьковском бронетанковом училище, в Киевской артшколе, в строительно-квартирном отделе МВО и т. д. и т. п.¹⁴¹

Широко внедрялась версия о подрывной работе в армейских рядах различного рода националистических организаций вроде Латышской фашистской организации, Украинско-националистической повстанческой организации, контрреволюционных националистических организаций в 18-й Туркменской дивизии, в 19-й Узбекской горнострелковой кавдивизии, в 20-й Таджикской кавдивизии, социал-туранской партии (СТП) в Киргизском кавполку, польской организации войсковой СШОВ) и т. д. и т. п.

Что касается версии о наличии «военно-фашистского заговора в РККА», то уже в середине 50-х годов в результате дополнительных проверок было установлено, доказано и закреплено в таких имеющих юридическую силу документах, как заключения Главной военной прокуратуры и определения Военной коллегии Верховного суда СССР, что никакого такого заговора в РККА не существовало, что она (версия) была сочинена в недрах НКВД и принесла огромный урон Красной армии.

В ходе исследования удалось выявить юридические документы и по некоторым другим «контрреволюционным» организациям в РККА. В определении Военной коллегии Верховного суда СССР по делу расстрелянного в августе 1937 г. полковника К.М. Грунде за участие в военно-фашистской террористической организации, якобы действовавшей в частях ОКДВА и Тихоокеанского флота, было 8 июля 1965 г. констатировано: «Антисоветской организации, преступная связь с которой вменялась в вину Грунде, в действительности не существовало»¹⁴². Бывший начальник Пермской авиашколы бригадный комиссар В.В. Ягушевский 15 августа 1938 г. Военной коллегией осужден к расстрелу как один из участников эсеровской контрреволюционной организации, будто бы действовавшей в Уральском военном округе. В действительности же, как показал в ходе дополнительной проверки в 1967 г. бывший помощник начальника особого отдела НКВД УрВО Мозжерин, никакой эсеровской контрреволюционной организации в войсках Уральского военного округа не существовало, а материалы об этой организации были созданы искусственно¹⁴³, т. е. совершенно сознательно сфальсифицированы.

В 1938 г. несколько командиров и политработников Ордена Ленина Узбекской горнострелковой кавалерийской дивизии были арестованы и осуждены как участники «антисоветской буржуазно-националистической повстанческой террористической организации», якобы действовавшей в частях этой дивизии. Дополнительной проверкой, произведенной в 1956 г., было, как официально зафиксировано в заключении Главной военной прокуратуры от 19 ноября 1956 г., «установлено, что органы государственной безопасности никакими объективными данными о существовании в частях узбекской дивизии какой бы то ни было антисоветской организации не располагали, дела на арестованных военнослужащих этой дивизии были сфальсифицированы и что признания арестованных в совершении тяжких государственных преступлений в стадии предварительного следствия добывались путем применения к ним пыток и других незаконных методов ведения следствия»¹⁴⁴.

Таким образом, опираясь на эти факты, а также исходя из того, что все привлеченные за участие в «организациях» военнослужащие реабилитированы «за отсутствием состава преступления», можно вполне обоснованно сделать вывод о том, что всех этих «антисоветских, контрреволюционных организаций в РККА» в действительности не существовало, что сообщения и доклады высшему руководству страны о их «деятельности» также плод злобно воспаленного человеконенавистнического воображения функционеров НКВД.

А между тем именно обвинение в участии в военно-фашистском заговоре или в той или иной «антисоветской контрреволюционной» организации служило главным основанием для получения соответствующей санкции на арест военнослужащих.

Так, по обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре» в Киевском военном округе были арестованы бывший командующий войсками округа командарм 1-го ранга И.Э. Якир, его заместитель комкор Д.С. Фесенко, начальник политуправления округа армейский комиссар 2-го ранга М.П. Амелин, его заместитель корпусной комиссар Н.О. Орлов, начальник штаба округа комбриг Н.И. Подчуфаров, его заместитель комбриг А.Г. Лабас, комдивы С.И. Венцов-Кранц и Ф.Ф. Рогалев, комбриг В.В. Ауссем-Орлов и др. По обвинению в участии в военно-фашистском заговоре в Забайкальском военном округе были арестованы командующий войсками округа комкор И.К. Грязнов, его заместитель комкор Н.В. Лисовский, член военного совета округа корпусной комиссар В.Н. Шестаков, начальник штаба комдив А.И. Тарасов, а затем и сменивший его комдив Я.Г. Рубинов и др.

По отношению к участникам «антисоветских националистических» организаций действовали довольно примитивно – раз тот или иной командир или политработник по национальности латыш, значит, он непременно зачислялся в соответствующую латышскую контрреволюционную организацию, если поляк – то в польскую и т. д. Как «участники латышской фашистской организации» были арестованы командармы 2-го ранга Я.И. Алкснис и И.И. Вацетис, комкоры Я.П. Гайлит, А.Я. Лапин, К.А. Стуцка, Р.П. Эйдеман, корвоенюрист Л.Я. Плавнек, коринтендант П.М. Ошлей, комдивы Ю.Ю. Аплом, А.И. Бергольц, Ж.К. Блюмберг, Г.Г. Бокис, Ж.Я. Пога, И.А. Ринк, В.Ю. Рохи, О.А. Стигга, дивизионные комиссары Ф.Д. Баузер, В.К. Озол, И.Я. Юкамс, дивинтендант Р.А. Петерсон и многие др. По обвинению в участии в ПОВ были арестованы бывший заместитель председателя Реввоенсовета СССР И.С. Уншлихт, комкор Р.В. Лонгва, коринженер Н.М. Синявский, корпусной

комиссар Я.Л. Авиновицкий, комдивы В.Ф. Грушецкий, К.Ф. Квятек и др.

Как уже отмечалось ранее, все эти организации были придуманы самими особистами, ими же они были и «вскрыты». Следовательно, арест по обвинению в участии в этих в действительности не существовавших организациях фактически был самым настоящим блефом особых отделов НКВД. Но для всех арестованных он обернулся неопишуемой трагедией, заканчивающейся, как правило, позорным и, как казалось палачам, бесследным исчезновением.

Таким же образом был «организован», а точнее – состряпан, искусственно создан так называемый военный заговор в частях 7-го стрелкового корпуса. Привлеченный впоследствии к уголовной ответственности бывший начальник УНКВД по Днепропетровской области Е.Ф. Кривец на следствии дал прямые показания о том, что «военный заговор в частях 7 ск» был создан им и бывшим начальником 5-го отдела УНКВД Флейшманом путем применения к арестованным мер физического воздействия и фальсификации следственных материалов. Но все это выяснилось значительно позднее. А пока по обвинению в этом заговоре только в 122 сп 41 сд с октября 1937 г. по январь 1938 г. были арестованы и расстреляны шесть командиров: командир полка полковник А.Д. Чебанов, его помощник майор Д.А. Спиров, помначштаба полка капитан Б.И. Рубан, командир батальона капитан В.И. Шаповал, начштаба батальона старший лейтенант А.Е. Семерня и командир роты старший лейтенант А.А. Билык. Все они реабилитированы посмертно 16 января 1958 г.¹⁴⁵.

Сотрудники НКВД не брезговали формированием версий о наличии различного рода групп (например, в документах говорилось об антисоветской

националистической группе в системе органов Верховного суда СССР, об антисоветской правотроцкистской группе в Институте Маркса - Энгельса - Ленина (ИМЭЛ), о контрреволюционной террористической группе в автобазе НКВД СССР и т. п.). В попавших в мое поле зрения документах Особого отдела ГУГБ НКВД СССР содержались утверждения о существовании террористических групп в аппарате Политуправления РККА (якобы созданных его начальником армейским комиссаром 1-го ранга Я.Б. Гамарником), в Военной академии Генерального штаба РККА, в Военно-политической академии (якобы созданной ее начальником армейским комиссаром 2-го ранга Б.М. Иппо), в Центральном доме Красной армии (ЦДКА) во главе с его начальником корпусным комиссаром Ф.Е. Родионовым. Фигурируют в различного рода документах утверждения о заговорщических группах в Артиллерийском и Военно-химическом управлениях РККА, о Ленинградской военной националистической группе, о запасной группе руководства военно-троцкистским заговором в СибВО, о группе польских диверсантов в системе ВОСО КВО, о контрреволюционной фашистской группе в 14-м военном училище летчиков ПриВО, о троцкистской группе с террористическими намерениями в Орджоникидзевском пехотном училище, о контрреволюционной группе в 56-й стрелковой дивизии и т. д. и т. п.

Теперь, когда версия о всеохватывающем военном заговоре и его ответвлениях была сочинена, горячо одобрена «совестью партии» - Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с «мудрейшим из мудрейших», дело оставалось за малым - арестовать всех заговорщиков. Но как это сделать? Ведь сами-то они добровольно не идут «с повинной». Среди изученных мною более двух тысяч надзорных производств попался лишь один-

единственный случай, когда командир 11-й авиабригады из Ленинградского военного округа краснознаменец комбриг А.И. Орловский до того наглотался смертоносных бацилл всеобщей подозрительности, что сам обратился 19 сентября 1938 г. к Ворошилову с заявлением, в котором «признался» в участии в военном заговоре. Факт был настолько необычный, что особисты даже не реагировали. Они-то знали, что никакого заговора нет. Орловского не тронули. Более того, вскоре он стал командовать авиадивизией. В феврале 1941 г. Орловский снова обращается к наркому обороны. Теперь он отрицает какое-либо участие в заговоре. Его арестовали за десять дней до начала войны, и, хотя он всячески отбивался и отказывался от какого-либо участия во вражеской деятельности, все было тщетно. Раз попал в жернова, быть тебе размолоту. Орловского 16 июля 1941 г. осудили на «10+5». Умер в заключении в 1942 г. Реабилитирован посмертно¹⁴⁶.

Но это был, еще раз подчеркиваю, уникальный случай. А в массе своей для получения санкции на арест необходимы были хоть какие-то обоснования, доказательства, «компромат». Хотя бывали случаи, когда обходились и без него.

При аресте «заговорщиков», очень многие права, провозглашенные в различных законах и других партийно-государственных документах, грубейшим образом нарушались. И это было по-своему логично. Раз сама версия об этом никогда не существовавшем заговоре была состряпана, совершенно сознательно сфальсифицирована органами НКВД по подсказке-указке «самого» Сталина, то вся «работа» по ней не могла не носить такого же не регламентированного никакими обычными юридическими нормами характера. Среди военнослужащих, арестованных в 1937 г., было

немало членов ЦИК СССР и ВЦИК, а в 1938 г. – депутатов Верховного Совета СССР первого созыва, Верховных советов союзных республик. Ни в одном надзорном производстве не говорится о наличии разрешения Верховного Совета или хотя бы председателя ВЦИК, ЦИК СССР либо Президиума Верховного Совета СССР или союзных республик. Очевидно, их и не было. НКВД мог ни с чем и ни с кем не считаться. Нередко бывало, что арестовывали даже без санкции прокурора, а то и вообще без ордера на арест. Заместитель командующего войсками ОКДВА, член ЦИК СССР комкор М.В. Сангурский был арестован в Хабаровске 1 июня 1937 г. по телеграфному распоряжению заместителя наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновского. Никакой санкции прокурора на арест Сангурского в его деле нет¹⁴⁷.

Начальник политуправления ЛВО корпусной комиссар Т.К. Говорухин был арестован 18 сентября 1938 г. без санкции прокурора. Ордер на его арест был выписан лишь 2 октября 1938 г., а постановление об избрании меры пресечения предъявлено Говорухину только 17 ноября 1938 г., т. е. почти через два месяца после фактического ареста¹⁴⁸. Члену Военного совета МВО корпусному комиссару Б.У. Троянкеру обвинение было предъявлено лишь через семь с половиной месяцев после ареста¹⁴⁹.

Особисты спешили арестовать любого, лишь бы у человека была бы какая-то, по их мнению, червоточинка. В аттестации на начальника Киевских курсов усовершенствования командного состава запаса полковника А.А. Рябина за 1937 г. соответствующими начальниками было указано, что Рябинин якобы подбирал на курсы людей с темным прошлым, добивался присвоения училищу имени Якира, учился вместе с Тухачевским. А это уже «криминал». Решено

было Рябина «брат», и арестовали его по стандартному в те годы обвинению как «участника военно-фашистского заговора». Но поскольку в ходе предварительного следствия никак это доказать не смогли, тогда «оформили» его «как члена к/р организации РОВС». Именно так было записано в приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 сентября 1938 г. В качестве такового он был и расстрелян. Реабилитирован посмертно в марте 1958 г.¹⁵⁰.

Начальник штаба 23-го конноартиллерийского полка 23-й кавдивизии майор Д.Д. Делико был арестован органами НКВД 9 октября 1937 г. Судя по заключению Главной военной прокуратуры, составленному в результате дополнительной проверки в 1957 г., единственной зацепкой для ареста майора явилась отрицательная аттестация на него за 1936 год¹⁵¹.

Немедленно арестовывали любого, осмелившегося высказать малейшее сомнение. С предложением арестовать очередную жертву обращается начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Николаев-Журид к Ворошилову 29 июня 1937 г. Речь на этот раз идет о начальнике кафедры военных сообщений Военно-транспортной академии РККА военинженере 2-го ранга Г.Э. Куни. Ему 50 лет. Он – беспартийный. Это уже не хорошо. Он – бывший поручик. Это еще хуже. Он уже арестовывался в 1931 г. «за контрреволюционную деятельность». Это уже совсем плохо. А кроме того, – доносит особист, – Куни в цинично-клеветнической форме отзываясь о вожде партии и в кругу сослуживцев заявлял: «Все они, т. е. Тухачевский, Фельдман и другие, были революционерами. Все они были достаточно материально обеспечены, чтобы льститься на деньги, в частности, Тухачевский имел

неограниченные суммы денег. Шпионажа не было никакого, а всех этих лиц нужно было устранить, т. к. они резко восставали против такого зажима, который установил Сталин. Тухачевский и другие протестовали, и за этот протест, к которому могли присоединиться массы, их решили уничтожить, объявив шпионами. Таким образом массы обмануты. Германская печать правильно отрицает вину осужденных... Сталин жесток, в результате его зажима от его же конституции только полетел пух»¹⁵². На этом меморандуме вскоре появляется резолюция: «Арестовать. КВ. 1/VIII.37»¹⁵³.

Основным «доказательством виновности» военного комиссара 12-го стрелкового корпуса дивизионного комиссара Д.Д. Плау был фотопортрет расстрелянного в июне 1937 г. бывшего командира этого корпуса комкора В.М. Примакова с собственноручной надписью на нем. Вот криминал так криминал – командир корпуса подарил на память свой фотопортрет комиссару корпуса. И этого оказалось достаточно, чтобы прокурор 12 ск Майоров дал санкцию на арест военкома корпуса¹⁵⁴.

Как о самом обычном, рутинном деле сообщает 25 июля 1939 г. заместителю начальника Политуправления РККА Ф.Ф. Кузнецову один из ответственных сотрудников Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Беляков о действиях особистов, в связи с некоторыми «критическими» высказываниями или, точнее, выражением вслух своего мнения. В Новороссийском лагере (СКВО) курсант полковой школы Боков, находясь в столовой, неосмотрительно заявил в группе курсантов: «Я не верю газетам, которые пишут, что советская техника лучшая в мире. Техника Америки и Германии лучше нашей»¹⁵⁵. Расправа за «неположенные мысли» была молниеносной. «Нами, – сообщал Беляков, – даны указания о немедленном

аресте четырех курсантов, согласовав арест с военным советом округа»¹⁵⁶[\[25\]](#).

Но самым излюбленным приемом сотрудников НКВД «для дожимания наркома» на предмет получения санкции на арест особисты считали «изобличающие показания» лиц, уже арестованных по другим делам. Особисты и сами поднаторели в добывании подобных показаний, и они прекрасно знали о том, какое большое значение придавал этим показаниям сам «вождь». На августовском (1937 г.) Всеармейском совещании политработников, работавшем в самый разгар кампании «по выкорчевыванию», естественно возник вопрос о том, как же реагирует личный состав армии на многочисленные факты ареста командиров. Наиболее остро этот вопрос поставил начальник политуправления ОКДВА дивизионный комиссар И.Д. Вайнерос. Вот отрывок из стенограммы:

«Вайнерос: Люди ставили вопрос: за что арестовали Калмыкова?[\[26\]](#) Мы отвечали: Калмыков арестован, как участник контрреволюционной, фашистской организации... Мы не могли ни партийной массе, ни начальствующему составу, ни красноармейцам сказать, в чем состоит вредительская деятельность того или иного из этих вредителей. Между прочим, интерес к этому делу огромный, и, когда на отдельных совещаниях, которые происходили в армии, работники НКВД приводили отдельные выдержки из показаний того или другого арестованного врага народа... возникали вопросы.

Смирнов: Разве не достаточно было сказать, что они вели дело к восстановлению капитализма...

Вайнерос: Этого совершенно достаточно... но люди интересуются конкретными фактами...

Сталин: Все-таки показания имеют значение...»¹⁵⁷

Кстати, на этом же совещании корпусной комиссар П.И. Лаухин затронул и вторую сторону этого вопроса – до какой степени, насколько широко можно освещать проблему «выкорчевывания». Состоялся такой диалог:

«Лаухин:...Не знаем до сих пор, можем ли мы говорить полным голосом о врагах народа...

Сталин: На весь мир?

Лаухин: Нет, внутри.

Сталин: Обязательно должны»¹⁵⁸.

О том, каким способом получали особисты «уличающие» показания, я более подробно буду говорить в следующей главе. Но здесь замечу только, что Сталин уже тогда прекрасно знал, что его любимые органы НКВД могут ему организовать любые показания на любого гражданина СССР. Его единственная родная дочь рассказала, как, ужиная по ночам с членами Политбюро ЦК ВКП(б), Сталин с удовольствием повторял один и тот же анекдот: профессор пристыдил невежду-чекиста, что тот не знает, кто автор «Евгения Онегина», а чекист арестовал профессора и сказал потом своим приятелям: «Он у меня признался! Он и есть автор!»¹⁵⁹

Начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И.М. Леплевский 11 июня 1937 г. обращается к Ворошилову: «По показаниям арестованного участника антисоветского военного заговора Примакова В.М. командир 26-й кавдивизии Зыбин является участником этого заговора. Прошу Вашего согласия на арест Зыбина». Через два дня на этом меморандуме появляется резолюция: «Арестовать. КВ. 13/VI.37»¹⁶⁰. Главный политический инструктор МНРА дивизионный комиссар Г.С. Сафразбекян был арестован 29 июля 1937 г. в Москве Главным управлением госбезопасности НКВД СССР по ордеру М.П. Фриновского на основании показаний ранее арестованного бывшего заместителя

начальника Политуправления РККА Г.А. Осепяна, который на допросе назвал Сафразбекяна в числе лиц, лично завербованных им в антисоветский военный заговор¹⁶¹. Начальник политуправления авиации особого назначения дивизионный комиссар И.П. Зыкунов был арестован 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР без санкции прокурора. Основанием для ареста послужило заявление от 26 ноября 1937 г., поступившее от арестованного по другому делу бывшего члена военного совета АОН корпусного комиссара И.М. Гринберга. В этом заявлении на имя наркома внутренних дел СССР Гринберг писал, что он завербовал в заговор начальника политуправления АОН Зыкунова. Не прошло и десяти дней, как Зыкунов 5 декабря 1937 г. был арестован¹⁶².

Долго и безупречно служил в Морских силах РККА П.Г. Стасевич. Начав военно-морскую службу еще в 1917 г., он в 1926 г. окончил Военно-Морскую академию, был оставлен при ней адъютантом. В 1930 г. служит начальником штаба морских сил Балтийского моря, с 1933 г. – начальником Военно-Морской академии. В 1935 г. назначен начальником Морского отдела Генерального штаба РККА. С 15 августа 1937 г. капитан 1-го ранга Стасевич – в распоряжении НКО СССР. А в это время в одном из застенков НКВД от заместителя наркома оборонной промышленности СССР Р.А. Муклевича «получают» показание о том, что Стасевич является одним из участников военного заговора. Одного этого показания работникам Особого отдела хватило, чтобы 13 января 1938 г. арестовать Стасевича и обвинить его в антисоветской деятельности, а затем выбить у него «признание». И хотя в заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 15 марта 1938 г. капитан 1-го ранга виновным себя не признал и от своих показаний на предварительном следствии

отказался как от ложных - он был приговорен к расстрелу. И только в ходе дополнительной проверки в 1956 г. было установлено, что Стасевич был осужден необоснованно, и 8 сентября 1956 г. он был посмертно реабилитирован¹⁶³. Кстати замечу: истребление кадров шло таким темпом, что соответствующие службы не успевали (или не всегда знали?) официально оформить увольнение некоторых уже казненных военнослужащих. Так, капитан 1-го ранга П.Г. Стасевич, расстрелянный в марте 1938 г., был исключен из списков личного состава Советской Армии и Военно-Морского флота лишь приказом Министра обороны СССР от 10 декабря 1957 г.¹⁶⁴, т. е. почти через 20 лет после расстрела!

Примером беспардонной нахрапистости действий руководства Особого отдела ГУГБ НКВД СССР может служить дело комбрига В.В. Хлебникова 1893 г. р., окончил реальное училище, а в 1914 г. - Алексеевское военное училище. В белой армии не служил, в старой армии с 1913 г., последний чин - штабс-капитан. Вступил в РККА. В Гражданскую войну - командир стрелкового полка, затем стрелковой бригады. В 1919 г. принят в ряды коммунистической партии. После войны в 1922 г. окончил ВВАК, а в 1935 г. - особый факультет Военной академии им. Фрунзе. Затем - командир и комиссар 31-й стрелковой дивизии. И вот 25 октября 1937 г. начальник Особого отдела ГУГБ Н.Г. Николаев (Журид) запрашивает у Ворошилова согласие на арест комбрига Хлебникова. За что? Мотивировка шаблонная и однозначно убийственна: «Бывший офицер царской армии, изобличен как участник антисоветского контрреволюционного заговора показаниями арестованного бывшего председателя Сталинградского совета Осоавиахима Ювенского». Резолюции Ворошилова на этом меморандуме нет. Судя по-всему,

он пока воздержался от принятия окончательного решения.

Проходит два месяца, и особисты совершают второй заход. 28 декабря 1937 г. снова возбуждается этот вопрос. Добавляются показания бывшего комиссара 31 сд Гусева и утверждается, что Хлебников-де «уличается также показаниями арестованного бывшего секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) Варейкиса», и настойчиво делается вывод о комбриге Хлебникове: «Считаю необходимым уволить и арестовать». Здесь же приложена стандартная особистская «Справка» на комбрига, в которой в качестве одного из оснований для ареста приводится и такое: «Имел место случай неточности в формулировке по поводу построения коммунизма в СССР»¹⁶⁵. Но «дело Хлебникова» было настолько «дутым», что даже со второго захода санкция на его арест получена не была. Появляется написанная рукою Е.А. Щаденко резолюция: «Отложить до проверки показаний Варейкиса А.Е. Щаденко. Мехлис. Маленков, Агас»¹⁶⁶. Тогда 29 января 1938 г. в качестве третьего захода из Особого отдела направляется дополнительная выдержка из протокола допроса от 4 декабря 1937 г. «арестованного врага народа Варейкиса». Каких-либо следов хода проверки достоверности показаний Варейкиса выявить пока не удалось. Но очевидно непреклонная напористость особистов сделала свое дело, и на одном из представлений Николаева появляется резолюция: «Хлебникова арестовать. КВ. 7/II.38»¹⁶⁷.

Сама техника получения от наркома санкции на арест «нужного» им командира или политработника разрабатывалась сотрудниками Особого отдела ГУГБ НКВД СССР иногда довольно тщательно. Главный «аргумент» обычно состоял в том, что имярек «изобличается» как участник военно-фашистского

заговора показаниями лиц, арестованных по другим делам. Особисты прекрасно понимали, чем больше будет указано таких лиц и чем известнее в армии эти лица, тем неизбежнее нарком обязан будет дать такую санкцию. 29 июля 1938 г. начальник Особого отдела ГУГБ комбриг Н.Н. Федоров представляет Ворошилову «Справку» на начальника Управления продовольственной службы РККА коринтенданта А.И. Жильцова. Ссылаясь на показания арестованных маршала А.И. Егорова, армейского комиссара 1-го ранга П.А. Смирнова, командармов И.Н. Дубового, П.Е. Дыбенко, А.И. Седякина, И.Ф. Федько, комкора С.Е. Грибова, начальник Особого отдела как бы припирает к стенке наркома: «Считаю необходимым Жильцова А.И. из РККА уволить и арестовать»¹⁶⁸. И хотя Ворошилов много лет лично знает Жильцова, он не в силах противостоять напору особистов. Его резолюция гласила: «Предрешить арест после подыскания заместителя. КВ.»¹⁶⁹. Можно подумать: вон как болеет человек за дело. Даже Особому отделу своих подчиненных сдает «не сразу», а после подыскания им замены.

Ворошилов, по существу, окончательно решал судьбу и попавших под подозрение военных, работавших в тех или иных гражданских учреждениях. 7 января 1938 г. к Ворошилову обращается нарком путей сообщения СССР А. Бакулин. Он сообщает о том, что работающий в центральном моботделе НКПС Д.Е. Розанов по данным НКВД изобличен как участник контрреволюционной организации. Но поскольку Розанов имеет военное звание бригаднера, Бакулин просит у Ворошилова «согласия о санкции на арест Розанова». В тот же день на этом документе появляется резолюция: «т. Бакулину. Шпионов и др. контрреволюционную сволочь нужно арестовывать во

всяких «званиях» и «рангах». К. Ворошилов. 7.1.38»¹⁷⁰. Такова реакция члена Политбюро ЦК ВКП(б) наркома обороны СССР, маршала Советского Союза Ворошилова на один лишь абсолютно ничем не подкрепленный штампованный ярлык «изобличен органами НКВД». И все – сгорел бригадир! Уже 10 июня 1938 г. он приговорен к расстрелу.

Раз начавшись, метод ареста «по показаниям» нередко развивался по принципу снежного кома. За одним забирали другого. 9 июля 1937 г. арестовали начальника политуправления ЗабВО корпусного комиссара В.Н. Шестакова, а затем (10 февраля 1938 г.) его заместителя бригадного комиссара В.Н. Русова. Проходит еще некоторое время, и вот по их показаниям (как сказано в справке на арест) 2 июля 1938 г. «забирают» начальника штаба округа комдива А.И. Тарасова. На основании показаний Шестакова, Тарасова и других 16 октября 1938 г. арестовывают помощника командира 93-й стрелковой дивизии полковника Т.В. Давыдова¹⁷¹ и т. д. и т. п.

Если же к полученным особистами «показаниям» добавлялось еще и подозрение сотрудников НКВД о проведении шпионской работы, то их представления («меморандумы») действовали почти безотказно. Вот довольно типичный документ подобного рода. 2 июня 1937 г. начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И.М. Леплевский пишет Ворошилову: «Помощник инспектора кавалерии РККА комбриг Верховский Борис Клавдиевич является участником контрреволюционного заговора и изобличается показаниями арестованного нами комбрига Сатина. Кроме того, Верховский Б.К., по нашим данным, ведет разведывательную работу в пользу Германии. Считаю необходимым комбрига Верховского Б.К. уволить из РККА и арестовать»¹⁷². Имеется помета: «Приказ от 7/VI». Все делалось

довольно оперативно – достаточно сказать: «по нашим данным».

В целом сложившаяся в РККА атмосфера можно ощутить как через различные частные и обобщенные статистические данные, так и пристально взглядевшись в судьбу одного человека. Познакомимся же с Александром Михайловичем Бахрушиным. Ровесник XX века (1900 г. р.). В 1917 г. окончил пять классов реального училища. С декабря 1918 г. – организатор молодежи уездного комитета партии в г. Зарайске, с марта 1919 г. – боец коммунистического отряда в Рязани. С этого же времени – член РКП (б). Затем на различных ответственных должностях – комиссар оперотдела Губчека, начальник уездного Политбюро в Зарайске (было и такое «Политбюро»). С сентября 1921 г. – в РККА на политработе. В 1927 г. окончил 10-месячные авиационные академические курсы. С января 1929 г. последовательно: командир и военный комиссар авиаэскадрильи, авиаотряда, авиабригады. 10 марта 1937 г. Ворошилов обращается в ЦК ВКП(б): «Прошу утвердить назначение командующим ВВС КВО комбрига Бахрушина Александра Михайловича – командира и военного комиссара 81-й штурмовой авиабригады, вместо комкора Ингауниса, назначенного командующим ВВС ОКДВА»¹⁷³.

Назначение состоялось. Бахрушину присваивают военное звание комдива. Казалось бы, все хорошо. Тем более что за успешную работу он еще в 1932 г. награжден орденом Красной звезды, награждался знаком «Отличный воздушный боец», золотыми часами. В личном листке по учету кадров против «опасных» вопросов значится: «Не состоял», «Не участвовал», «Не привлекался». И вдруг 25 июня 1937 г. он пишет полное отчаяния письмо Ворошилову: «...Нахожусь в тупике. 7/У-37 назначен, в июне снят... Партийная комиссия

исключила из партии... Создается такое положение, что из жизни меня выталкивают... Так что же делать, чем пробить эту стену вражды и недоверия – ведь травить детей моих даже начали... Отчаянное положение – молча, не веря ни одному слову, выталкивают из среды честных людей, из жизни, из партии... Не выталкивайте меня без проверки»¹⁷⁴.

В тот же день он обращается к начальнику ВВС РККА командарму 2-го ранга Я.И. Алкснису. Описывая все, происшедшее с ним, комдив Бахрушин заверяет его в своей готовности бороться против произвола: «Не подумайте, что я делаю какие-либо слабосильные выводы – нет, я буду бороться до последнего, дойду до НКЮ, до ЦК, до тов. Сталина»¹⁷⁵. Но он так нуждается в помощи и все еще надеется ее получить: «Прошу совета, товарищеского совета: «Что мне делать?». Я буду очень рад товарищескому совету, товарищеской руке»¹⁷⁶.

Но комдив Бахрушин не знал, что еще за пять дней до этого – 20 июня 1937 г. начальник 5-го отдела УГБ НКВД УССР майор госбезопасности И.Ю. Купчик уже отправил в Москву соответствующий меморандум на него. Составлен он был по лучшим образцам того времени. Во-первых, сообщалось, что Бахрушин «проходит по показаниям Орлова и Зиммы как участник». Во-вторых, приводились данные, что он вообще смутьян: «2 июня 1937 г. Бахрушин высказывался в беседе с нашим агентом: «В выборах партийных органов мы видим отсутствие демократии. Процент служащих в партийных комитетах ограничен, и чтобы обеспечить выборы, искусственно регулируется количество выдвигаемых кандидатур». А в-третьих, «Бахрушин является одним из самых приближенных людей Якира, с коим у него поддерживалась тесная внеслужебная связь»¹⁷⁷. Для Ворошилова этого было

более чем достаточно, и появляется его резолюция: «Арестовать. КВ. 1/VII.37»¹⁷⁸. Что и требовалось доказать...

Что касается «показаний» как основания для ареста, то надо заметить, что сотрудники органов НКВД сумели тогда получить от уже арестованных огромное количество подобных показаний о других, еще гуляющих на свободе «участниках военно-фашистского заговора». Вся эта проблема будет специально рассмотрена в третьей главе, но здесь замечу лишь, что были и действительно добровольные показания (то ли по глупости, то ли по подлости, а скорее всего – со страху), но подавляющее их большинство вырывались у арестованных насильно (угрозами, издевательствами, избиениями, пытками). Так, в ходе дополнительной проверки в 1956 г. было установлено, что основанием для ареста члена Военного совета Черноморского флота дивизионного комиссара Ф.С. Мезенцева послужили приобщенные к делу показания бывшего наркома ВМФ армейского комиссара 1-го ранга П.А. Смирнова и бывшего начальника политуправления ВМФ корпусного комиссара М.Р. Шапошникова. Звучит весомо. Но проверкой было установлено, что эти показания являлись вымышленными и были получены в результате применения к Смирнову и Шапошникову незаконных методов следствия¹⁷⁹.

Однако, как удалось выяснить в ходе исследования, нередко арестовывали и по таким «показаниям», которых в момент ареста или даже вообще никогда просто не существовало. Первый вариант подобной прямой фальсификации – это ссылка на показания, которых еще нет, но особисты уверены, что они будут. Заместитель начальника политотдела 73-й стрелковой дивизии Сибирского военного округа полковой комиссар А.И. Ильин был арестован 25 апреля 1937 г. на

основании справки, составленной 22 апреля 1937 г. бывшим работником особого отдела НКВД Барковским, в которой указано, что якобы Ильин изобличается как участник контрреволюционной организации показаниями арестованного по другому делу Яковлева. В подтверждение этого к делу Ильина приобщена копия протокола допроса Яковлева от 12 апреля 1937 г. Осмотром же архивно-следственного дела по обвинению Яковлева выявлено, что он 12 апреля 1937 г. вообще не допрашивался, а впервые признал себя виновным и дал показания об Ильине только 23 и 25 апреля 1937 г.¹⁸⁰, т. е. после того как справка была уже пущена в ход. Следовательно, справка на арест Ильина чистая фальсификация. Сначала составляется справка на «намеченного» человека, туда заранее вписывается фамилия того арестованного, от которого будут получены «нужные», «уличающие» показания, а затем эти показания «организуются» «по известным образцам».

Подобными грязными делами не брезговали заниматься и в Москве. В справке на арест начальника отдела складов Автобронетанкового управления РККА интенданта 1-го ранга Е.С. Магидова от 24 июня 1938 г. указано, что Магидов в принадлежности к антисоветскому военному заговору изобличается показаниями бывшего начальника АБТУ РККА командарма 2-го ранга И.А. Халепского. 25 июня 1938 г. Магидов был арестован. Однако из материалов дела Халепского видно, что показания на Магидова он дал впервые лишь 28 июня 1938 г., т. е. через три дня после того, как Магидов уже был арестован¹⁸¹.

Но существовала и еще одна разновидность фальсификации в обосновании ареста. Многие сотрудники органов НКВД в те годы почувствовали себя настолько всевластными, никому не подотчетными, что

даже по отношению к тем военнослужащим, которые еще не попали в их застенки, действовали донельзя нагло и цинично, приводя в обоснование необходимости ареста того или иного командира показания, которых вообще не существовало в природе. Командир 6-го грузинского полка полковник В.Н. Шотадзе был арестован 13 июня 1937 г. В справке НКВД Грузинской ССР на его арест утверждалось, что Шотадзе уличен в принадлежности к контрреволюционной организации показаниями бывшего второго секретаря ЦК КП Грузии, а затем заместителя председателя Совнаркома ГССР П.С. Агниашвили и бывшего командира 1-го грузинского кавполка полковника А.П. Мосидзе. Однако позднее в ходе дополнительной проверки было обнаружено, что Агниашвили и Мосидзе по делу Шотадзе ни разу не допрашивались. А при осмотре их архивно-следственных дел было установлено, что в отношении Шотадзе они вообще никаких показаний не давали¹⁸². Так что это была чистая «липа», любовно взращенная в грузинском НКВД. А тогда по этой стопроцентной фальшивке полковника Шотадзе арестовали, потребовали «признательных показаний». Он было отказывался от признания какой-либо вины в антисоветской деятельности. Его стали бить и заставили подписать «признательное показание». На суде Военной коллегии Верховного суда СССР 30 сентября 1937 г. Шотадзе отказался от своих прежних показаний, заявив о их ложности. Но «судьи» неумолимы. Приговорили к расстрелу. И в тот же день приговор был приведен в исполнение. А через 19 лет – 10 октября 1956 г. – Шотадзе посмертно реабилитирован.

Одним из оснований для ареста и последующего обвинения начальника управления материально-технического снабжения ВВС РККА комдива Б.И.

Базенкова были показания комкоров Б.М. Фельдмана и В.К. Лаврова. Фельдман утверждал, что об участии Базенкова в заговоре ему было известно от Тухачевского, который якобы сообщил ему, что Лавров по его указанию вовлек в заговор Базенкова. Однако сам Тухачевский в судебном заседании 11 июня 1937 г. отрицал преступную связь с Лавровым и Базенковым. Тем не менее комдив Базенков был 9 ноября 1937 г. арестован. На предварительном следствии от него сумели получить «признательные показания». Передали дело в суд. И хотя в заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 29 июля 1938 г. комдив Базенков от прежних своих показаний отказался, судьи – Матулевич, Иевлев и Романычев – приговаривают комдива к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Приговор этот отменен 14 марта 1956 г., Базенков посмертно полностью реабилитирован¹⁸³.

А вот еще один пример того, насколько бесцеремонно, в расчете на свою абсолютную непроверяемость, действовали особисты даже по отношению к лицам из ближайшего окружения самого члена Политбюро ЦК ВКП(б) Ворошилова. «Для особо важных поручений при наркоме обороны СССР» в те годы состоял один из видных политработников 20—30-х годов, автор ряда книг по вопросам партийно-политической работы в РККА, член ВКП(б) с 1915 г. корпусной комиссар И.П. Петухов. И вдруг на стол Ворошилова ложится справка из Особого отдела ГУГБ НКВД СССР с требованием ареста Петухова. Основание? Показания сидящего в каталажке бывшего инспектора Политуправления РККА бригадного комиссара А.М. Круглова-Ланды о том, что Петухов является участником военного заговора, о чем ему якобы известно со слов бывшего заместителя начальника

Отдела руководящих партийных органов Политуправления РККА бригадного комиссара И.Г. Шубина, расстрелянного еще в сентябре 1937 г. Однако, как установлено дополнительной проверкой, Шубин никаких показаний на Петухова, как участника заговора, не давал¹⁸⁴. Особисты идут на явный подлог, хорошо зная, что даже Ворошилову не позволят проверить достоверность представленных ими обоснований ареста. 4 июля 1938 г. Петухов был арестован. Очевидно, с санкции Ворошилова.

Проходит шесть с половиной месяцев, Ежова убрали. Новым наркомом внутренних дел назначен давно известный Ворошилову Берия. И вот, в январе 1939 г., когда волны массового террора несколько схлынули и Ворошилова где-то начали тревожить остатки совести (если она у него вообще была), он обращается с таким письмом-ходатайством: «Дорогой Лаврентий Павлович! Очень прошу Вас приказать передопросить бывшего моего секретаря Петухова... Мне все время кажется это дело темным, тем паче, что все мои попытки получить копию протокола допроса Петухова остались безуспешными. Прошу не отказать в просьбе. Привет. К. Ворошилов». Прошло целых восемь дней, пока члена Политбюро ЦК ВКП(б) и «железного наркома» удостоили ответа: «НКО. Маршалу Советского Союза т. Ворошилову К.Е. Материалы следствия в отношении арестованного, бывшего для особо важных поручений при наркоме обороны, корпусного комиссара Петухова Ивана Павловича нами перепроверяются. Результаты сообщу дополнительно. Нарком внутренних дел СССР Л. Берия»¹⁸⁵. Но Берия пока только еще набирает силу, очевидно, еще опасается идти на явную конфронтацию с Ворошиловым, и он совершает своеобразный маневр. 14 февраля 1939 г. Петухова выпускают на свободу. Ворошилов, наверное, доволен -

вот что значит его «решительность» и «забота о кадрах».

Но хватка у особистов мертвая. Не проходит и месяца, как Петухова 12 марта 1939 г. снова арестовывают. Судя по всему, компромат-то на него был настолько жиденький, что даже на всегда готовую услужить Военную коллегия Верховного суда СССР представлять дело не решились. «Палочкой-выручалочкой» в подобных случаях было Особое совещание при НКВД СССР. Его постановлением от 20 апреля 1939 г. корпусной комиссар Петухов был осужден на 5 лет ИТЛ, где он в 47-летнем возрасте и умер 30 мая 1942 г. Круг замкнулся. НКВД зря не арестовывает...

ВСЯКИЙ ДОНОС ДЕЛАЛ СВОЕ ЧЕРНОЕ ДЕЛО

Насколько можно судить по имеющейся литературе, доносчики и доносы существовали с незапамятных времен. И уж, по крайней мере, с той поры, как только в первобытных человеческих общностях начали закладываться зачатки власти. Очевидно, уже здесь зародились и все более рельефно проявлялись две основные линии по отношению к доносчикам и доносам. Власть предержащие всячески их лелеяли и холили («Господь любит праведника, а господин ябедника», гласит старое присловье), а все благородные элементы общества относились к ним с презрением и ненавистью. Еще Конфуций завещал неприятие доносов на родственников. В армиях древнего Китая обязательно полагался штат доносчиков, а турки, находившиеся на китайской службе, этого не терпели и раскрытых доносчиков убивали¹⁸⁶. Эти же две линии прослеживаются и в древнем Риме. Калигула разрешил даже рабам делать доносы на своих господ. А император Тиберий периодически выгонял тогдашних стукачей из Вечного города. При Домициане доносчиков скопом погрузили на корабль и, отбуксировав его в открытое море, предали их воле волн и провидения...

К сожалению, в древней Руси околопрестольным доносчикам жилось вольготнее. Известно, например, что в стародавние времена по доносам одних русских князей в Орде казнили других русских князей. Широко культивировалось доносительство при Иване Грозном, особенно в годы существования опричнины (1565–1572 гг.). Опричнина, как справедливо отмечает современный исследователь М.П. Капустин, «с неизбежностью порождает доносительство как

социальный институт, опутывающий весь народ, всю массу снизу доверху железной паутиной страха и взаимного недоверия, растлевающий мораль легкостью расправы руками опричнины практически с любым человеком, который тебе мешает, или кому завидуешь и просто хочешь завладеть чем-то, ему принадлежащим»¹⁸⁷. В то же время Иван Грозный издал царский указ, грозивший холопам за ложные доносы тяжкими карами. Всякого, кто попытался бы необоснованно обвинить боярина в государственной измене, ждала неминуемая смерть¹⁸⁸.

В большом ходу были доносы в допетровской Руси. Они как бы инициировались верховной властью. За недонесение о каком-либо злоумышлении против царя грозила смертная казнь. В подобных случаях смертной казни подвергались даже жена и дети «недоносителя». При Алексее Михайловиче примерно с 1648 г. узаконяется страшное государево «слово и дело». Обвинявший кого-либо в измене или в каком-нибудь злоумышлении доносчик объявлял, что за ним есть «государево дело и слово». Тогда начинался розыск, и по обычаю применяли при этом пытку. Но здесь обвиняемому давался хотя и страшный, но все же какой-то шанс. Если он сумел выдержать пытку и продолжал упорно отрицать предъявляемое ему доносчиком обвинение, тогда пытке подвергали доносчика. Если же ему также удавалось выдержать пытку, то донос признавался несомненно справедливым со всеми вытекающими отсюда последствиями¹⁸⁹. Широко пользовались доносами «доброжелателей» и тайных агентов Тайная канцелярия при Петре I, Канцелярия тайных розыскных дел при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, Тайная экспедиция Сената для Екатерины II, Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии при Николае I.

Насаждаемый сверху взгляд на доносы как «патриотическое дело», безусловно, способствовал деморализации российского общества.

Конечно, доносчиков хватало и после этого. Но многие представители высшей власти просто брезговали пользоваться их услугами. Известно, например, что Александр I имел списки всех членов «Союза благоденствия», но ни один из них при жизни императора не был арестован. Известно также, что в 80-е годы XIX в. министр народного просвещения А.В. Головнин вообще не читал доносов, сжигал, не распечатывая¹⁹⁰. А.М. Горький в «Детстве» вспоминает, как дед Каширин, раскладывая внука-доносчика на лавке, приговаривал: «Доносчику первый кнут!» И эта сентенция дошла из XVI–XVII столетия и довольно прочно закрепилась в мирозерцании русского народа.

Идеология большевизма по-новому поставила этот вопрос. Немногочисленная, всеми гонимая партия, вступившая в неравную смертельную борьбу с казавшимся могучим самодержавием, требовала от каждого своего члена не только абсолютной откровенности о самом себе, но и неременного и немедленного сообщения, доклада, рапорта (сиречь: доноса) о малейшем колебании, неустойчивости, «нездоровом» настроении своих партийных товарищей. Вопрос этот не прост. И было бы неправоммерно с ходу клеймить большевиков, насаждавших, мол, доносительство. Борьба в подполье сурова. Царская охранка действовала умно и изобретательно. Провокаторство было подлинным бичом в работе подпольной РСДРП. И своевременная информация снизу о всех подозрительных явлениях в определенной мере помогала партии в борьбе с провокаторами, с царизмом. Но уже и тогда эта постоянная напряженность, стремление знать абсолютно все о каждом члене

партии, всяком участнике движения таило в себе определенную опасность насаждения доносительства.

Особенно велика эта опасность стала с превращением коммунистической партии в правящую. Представляя собою каплю в народном океане и боящаяся быть захлестнутой и смытой бурными волнами этой стихии, партия тем не менее сумела сконцентрировать в своих руках абсолютную власть. Не желая поступиться хотя бы малой ее капелькой, опираясь на традиции подполья, партийное руководство безапелляционно потребовало от всех коммунистов быть информаторами, осведомителями, если хотите – доносчиками обо всем, что хоть в малейшей степени может угрожать ее монополющей власти. Уже в годы Гражданской войны было принято особое распоряжение ЦК РКП (б), обязывавшее всех коммунистов в вооруженных силах (а затем и на транспорте) быть осведомителями ВЧК и Особых отделов в армии¹⁹¹. В 1923 г. ЦК РКП (б) принял предложение Ф. Э. Дзержинского о том, что если кто-либо из членов партии узнает о наличии какой-либо контрреволюционной группы или контрреволюционной организации, то он должен немедленно сообщить об этом Центральному Комитету и следственной власти¹⁹². А в понятие «контрреволюционный» тогда относили всех, кто хоть в малейшей степени был не согласен с идеологией и практической деятельностью РКП (б), и тем более если он осмеливался выступить хотя бы с робкой критикой.

Попытка обоснования необходимости доносов в партии была предпринята и в таком важном партийном документе, как совершенно секретное тогда обращение членов и кандидатов Политбюро к членам ЦК и ЦКК от 19 октября 1923 г. («Ответ членов Политбюро ЦК РКП (б) на письмо Л.Д. Троцкого от 8 октября 1923 г.»).

Подписали это обращение Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский (Ленин и Рудзутак отсутствовали)¹⁹³. Эта позиция подавляющего большинства высшего партийного руководства была закреплена и развита в том же 1923 году специальным решением комиссии ЦК РКП (б), обязывавшим всех коммунистов информировать органы ОГПУ и соответствующие партийные комитеты о всех «непартийных разговорах»¹⁹⁴.

Среди коммунистов, особенно руководящих, это считалось само собою разумеющимся, идущим еще от Ленина. Выступая на XIV партсъезде, один из старейших членов партии С.И. Гусев вспоминал: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е. смотреть и доносить»¹⁹⁵. По свидетельству Троцкого, к 1927 г. «...система доноса уже отравляла не только политическую жизнь, но и личные отношения»¹⁹⁶. Немедленное сообщение Центральному Комитету о любых «непартийных» документах даже Г.Е. Зиновьев назвал на XVII съезде ВКП(б) элементарнейшим долгом члена большевистской партии¹⁹⁷. Росту доносительства способствовали и массовые партийные чистки. В стране на все лады восхвалялся inferнальный, по существу, поступок несчастного мальчика, донесшего на родного отца. 28 июня 1936 г. опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «О памятнике Павлику Морозову», в котором говорилось: «Установить памятник Павлику Морозову около Александровского сада при съезде на Красную площадь по Забелинскому проезду»¹⁹⁸.

Высказался по этой проблеме и Сталин. Выступая 2 июня 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при НКО СССР, посвященном разоблачению вскрытого НКВД СССР «военно-фашистского заговора»,

он изволил выразить недовольство отсутствием разоблачающих сигналов с мест, решительно потребовал, чтобы впредь подобные сигналы (доносы) поступали и в целях ободрения еще колеблющихся или не совсем потерявших совесть эвентуальных доносчиков, сформулировал такой позорный и страшный тезис: «Если будет правда хотя бы на 5 %, то и это хлеб»¹⁹⁹.

Такие «сигналы», а точнее, доносы, высоко ценились. В упоминавшемся ранее оперативном приказе НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. о непременном аресте всех юридических, фактических и даже разведенных жен осужденных «врагов народа», исключение делалось только для беременных, а также жен, имевших грудных детей, тяжело- или заразнобольных и др. (но и то с них брали подписку о невыезде), имелось указание, что аресту не подлежат «б) жены осужденных, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них органам власти сведения, послужившие основанием к разработке и аресту мужей»²⁰⁰. И никаких подписок о невыезде у таких жен не отбиралось.

И наоборот. Действовавшими все 30-е годы Уголовным кодексом (УК) РСФСР 1926 г. недоносительство квалифицировалось как один из 14 составов контрреволюционных преступлений. В общем, вся атмосфера в стране и партийно-государственные призывы, и юридические нормы влекли все более расширяющийся круг людей на путь доносительства. А.И. Микоян, выступая с докладом о 20-лети ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД, от имени партии и правительства безапелляционно сформулировал голубую мечту всех деспотических правителей: «Каждый гражданин СССР - сотрудник НКВД»²⁰¹. Когда печально известная О.П. Мишакова «сигнализировала»

о потере бдительности в Центральном комитете ВЛКСМ и «выводила на чистую воду» его Генерального секретаря А.В. Косарева и других секретарей ЦК ВЛКСМ, по свидетельству видного комсомольского функционера А.И. Мильчакова, Сталин заявил: «Мишакова оказала большие услуги Центральному Комитету партии, она – лучшая комсомолка СССР»²⁰². На XVIII партсъезде она была избрана членом Центральной ревизионной комиссии.

Надо ли удивляться тому, что эти призывы сверху легли на хорошо унавоженную почву. И пышным, но ядовитым цветом расползлось по стране доносительство. В пьесах и кинофильмах, на страницах газет и журналов воспевалось, изображалось как чуть ли не высшее проявление советского патриотизма, когда жена доносила на мужа, сын предавал родного отца. А уж товарищу на товарища доносить вроде бы сам Бог велел. И изощрялись-то ведь как. Все в строку вставляли. В.А. Каверин свидетельствует, что от взора писателя-доносчика Е.А. Федорова не ускользнул даже тот факт, что один из членов Союза писателей «помочился» (так и было написано), напротив «Большого дома» (здание ленинградского УНКВД на Литейном проспекте)²⁰³.

Все перевернулось с ног на голову. Доносчик стал считаться чуть ли не национальным героем, а за недоносительство – расстреливали. В передовой статье органа ЦК ВКП(б) говорилось: «Коммунист-молчальник, знающий о происках врага и не ставящий об этом в известность свою организацию, уже не коммунист, а пособник врага»²⁰⁴. Посыпалось бесчисленное количество анонимных доносов. Когда-то согласно указу Петра Великого, анонимные письма должны были сжигаться рукою палача, а в Советском Союзе с середины 30-х годов XX века и чуть ли не в течение полувека

миллионы безвинных людей не могли отмыться от грязи анонимных наветов. Проведшая в советских лагерях и тюрьмах целых 25 лет и замеченная наконец-то ныне поэтесса Анна Баркова вспоминала об этом:

...Страха ради, ради награды
Зашушукала скользкая гнусь,
Круг девятый Дантова ада
Заселила советская Русь.

При самой большой жесткости подхода к оценке личности Ворошилова я не располагаю какими-либо достоверными материалами о его доносительстве. Правда, венгерские исследователи Ласло Белادي и Тамаш Краус высказывают остроумное предположение, что в 1923 г. Ворошилов, участвовавший в так называемом «пещерном совещании» в Кисловодске, «очевидно, раскрыл перед Сталиным планы его соперников»²⁰⁵. Конечно, исключать такое нельзя (не этим ли объясняется и ответная поддержка Сталина при назначении Ворошилова вместо скоропостижно и загадочно скончавшегося 40-летнего Фрунзе?). Поэтому дело не в том, что Ворошилов был неспособен на доносительство (способен, да еще как!), а в том, что лично ему оно не требовалось. Более того, доносы наркома на своих, им же назначенных подчиненных, были бы просто полным его провалом.

Однако, справедливости ради, надо заметить, что в определенном смысле и Ворошилов выступал в роли «наводчика» для органов НКВД. По сообщению В.В. Карпова, все увольняемые из РККА по политико-моральным причинам метились в своих личных делах особым шифром «О. У.» (особый учет). Это была желанная приманка для НКВД. Когда в 1938 г. из армии было уволено более четырех тысяч лиц

комначполитсостава «неблагонадежных» национальностей (латыши, поляки, литовцы, немцы и др.), то по приказанию Ворошилова списки этих уволенных в запас направлялись в НКВД²⁰⁶. Опять же пища... Но главная вина Ворошилова была все же не в том, что он доносил на уже уволенных, а в том, что он подписывал приказы на несправедливое увольнение, и особенно в том, что он лично санкционировал заявки особистов на арест многих тысяч командиров и политработников и тем самым поощрял доносчиков. Вот как это обычно выглядело.

Три слушателя второго курса основного факультета Военной академии им. Фрунзе 8 мая 1936 г. на квартире одного из них – И.М. Румянцева – готовились к зачетам по истории ВКП(б). Главным источником уже в то время стали выступления Сталина. Хозяин квартиры, служивший в РККА с 1919 г., член ВКП(б) с 1925 г., вдруг решил поделиться воспоминаниями: «Сталин раньше авторитетом не пользовался. Я помню, как везде шумели: «создать авторитет Сталину во что бы то ни стало». В 1927 г. я уже политруком был, когда комиссар призвал нас и предложил создать авторитет Сталину. Основной авторитет это был Троцкий и Зиновьев. Даже Ленин и тот не так пользовался авторитетом»²⁰⁷. Через четыре дня – 12 мая – один из однокашников, Суржиков, подал об этом разговоре заявление помощнику начальника академии по политчасти корпусному комиссару Е.А. Щаденко. Тот – сразу же в Особый отдел. И 14 мая начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР М.И. Гай обращается к наркому обороны: «Прошу Вашей санкции на арест Данильчука В.М.^[27] и Румянцева И.М.»²⁰⁸. Через несколько дней появляется резолюция: «После опроса в ПУРе арестовать. КВ. 20/У. – 36 г.»²⁰⁹

Как загодя готовились будущие дела 37-го, года можно судить по характеру той дурно пахнущей возни,

которая была затеяна вокруг рукописи труда прославленного героя Гражданской войны комкора И.С. Кутякова «Киевские Канны 1920 г.». 26 августа 1936 г. тогдашний начальник научного военно-исторического отдела Генштаба РККА комбриг И.Г. Ключко письменно докладывает Ворошилову свое мнение о нецелесообразности издания труда Кутякова, поскольку, мол, «у автора заметна явная тенденция очернить и дискредитировать ряд ответственных руководителей и командиров РККА»²¹⁰. Ворошилов прочитал эту бумагу (есть помета «КВ»), но выбрасывать из плана издания труд Кутякова все же не стал. Было решено дать его в качестве секретного приложения к № 3 журнала «Современная война», и 23 января 1937 г. рукопись была сдана в набор.

В тот же день с личным письмом к Ворошилову обращается начальник второго отдела Госвоениздата полковой комиссар Ф. Дунаев: «Прошу Вас, товарищ народный комиссар, приостановить издание этого труда». Кутяков-де в предисловии заявляет: «На всем свете на протяжении всех эпох еще не было ни одного литературного труда, принципиально объективного и в особенности военно-исторического». И сверхбдительный редактор прямо подводит автора под соответствующую статью Уголовного кодекса: «А труды Маркса - Энгельса о войне? А классические произведения Ленина - Сталина? А первый том Гражданской войны?»²¹¹ А кроме того, страшное дело, доносит редактор, - автор осмеливается критиковать действия Первой Конной армии, пишет: «В общем, у Конной армии в те дни не было решимости и энергии пойти на решительное сражение с поляками, что затягивало войну и ее печальный конец»²¹². Через четыре дня - 27 января - «последний мазок мастера» добавляет сам начальник Управления Госвоениздата

комдив С.М. Белицкий. Он стремится окончательно сломить колебания Ворошилова: «Помимо уже известных Вам фактов клеветнических измышлений комкора Кутякова, имеющих в его труде «Киевские Канны», считаю необходимым отметить, что оценка комкором Кутяковым Киевской операции смыкается с оценкой польской печати»²¹³. Теперь до возведения автора в шпионы один шаг. 15 мая 1937 г. комкор И.С. Кутяков был арестован.

Содержание, ход и результаты проходившего 1-4 июня 1937 г. расширенного заседания Военного совета при наркомате обороны СССР тяжелым прессом легли на психику присутствовавших там высших командиров и начальников РККА. Первое стремление многих из них – очиститься от скверны, откреститься от всяких элементов дружбы с объявленными «врагами народа», спешно заверить руководство партии и страны в своей неизменной преданности. Уже 5 июня комкор С.П. Урицкий спешит доложить, что он был в неплохих отношениях с Фельдманом, Аппогой, Якиром, Уборевичем, бывал у них на квартирах, «но не то что дружбы, но даже близкого знакомства с ними у меня не было»²¹⁴. А некоторых наиболее «бдительных» политработников и командиров сразу же обуял зуд доносительства^[28]. Уже 3 июня член Военного совета Балтфлота спешит донести по начальству, что «Кожанов и Гугин (командующий и член Военного совета Черноморского флота. – О.С.) – двурушники»²¹⁵. На второй день Гугин высказывает свои сомнения «по поводу т. Кожанова». Боится опоздать с сигналом и новый начальник Военно-политической академии корпусной комиссар И.Ф. Немерзелли. В пространном шестистраничном докладе от 5 июня он высказывает сомнения по поводу своего предшественника на этом посту – армейского комиссара 2-го ранга Б.М. Иппо, что

его защищал Гамарник, что за 1935–1937 гг. из академии было изъято 139 человек троцкистов и зиновьевцев. Одновременно он бросает тень подозрения и на армейского комиссара 2-го ранга И.Е. Славина, заявляя, что он (Немерзелли) считает выступление Славина на заседании Военного совета «нечестным», поскольку известные слова Зюка о четырех ромбах, которые он имел бы при Троцком, Славин оставил без внимания²¹⁶.

Почти каждый, кто только услышал что-то «о заговорщиках», считал своим долгом немедленно доложить об этом по команде, непременно опередив собеседника. Начальник Управления делами НКО комдив И.В. Смородинов спешит 5 июня 1937 г. донести Ворошилову: «Сегодня вечером перед отъездом зашел ко мне командир корпуса т. Зюзь-Яковенко (прибывший на заседание Военного совета) для того, чтобы сказать, что он уезжает. Прощаясь со мной, т. Зюзь-Яковенко спросил, где Левичев. Я ответил, что в отпуску. Зюзь-Яковенко заявил, что ему рассказывал предоблисполкома т. Иванов, что он после ареста Гарькавого был у Левичева и слышал, как Гамарник и Левичев ругали Гарькавого за то, что он всех выдает. Я ему в официальном порядке заявил, чтобы он немедленно написал об этом Вам. На этом разговор был окончен, ко мне зашел т. Черепанов, и Зюзь-Яковенко, простившись с нами, ушел»²¹⁷. А на послезавтра комдив Зюзь-Яковенко уже был арестован.

Усердно «трудились» на ниве доносов и работники с мест. Когда начальник политотдела 24-й кавдивизии бригадный комиссар Разгонов узнал, что некогда знакомый его секретарь райкома ВКП(б) Паценгель «сидит в тюрьме и вскрывается как враг народа и провокатор давних лет с 1912–1914 гг.», он немедленно 4 июня 1937 г. обращается к Ворошилову с таким

своеобразным доносом: «На партконференциях при помощи самокритики мне пришел в память один из моментов разговора Паценгеля, где он мне крепко подчеркивал, что его друзьями являются Булин и Векличев... Все эти моменты в свете последних событий и прошедшей окружной партконференции БВО, у меня зародилось сомнение, и я решил сообщить Вам эти сведения...»²¹⁸.

С особой силой пытались откреститься от всяких связей с уже объявленной «десяткой» заговорщиков (Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Путна, Примаков, Фельдман, Эйдеман и Сангурский). На самом заседании Сталин не мог отказать себе в удовольствии и лично сообщил комкору К.А. Мерецкову о показаниях Уборевича о том, что он весной 1936 г. «завербовал» Мерецкова. Последний 7 июня 1937 г. посылает Сталину и Ворошилову большое письмо, подписав его: «член ВКП(б)», в котором страстно и убедительно доказывает, что он никогда не был и не мог быть «врагом» Советской власти. Главное доказательство: «На поле боя при открытой встрече с фашистами (в Испании. – О.С.), я вел себя как большевик и при выполнении задач я не страшился смерти... И если вновь мне будет приказано отправиться в Испанию, хоть рядовым бойцом, и на деле доказать свою преданность – я готов к этому и немедленно»²¹⁹.

Конечно же, это наилучший способ самоспасения. Но Мерецков не погнушался и другим весьма неприглядным способом защиты – извалить в грязи своего «обвинителя». Повинившись в том, что он «просмотрел злейшего врага, немецкого шпиона Уборевича», Мерецков пишет: «Мое личное мнение о нем, как о человеке, которое я имел и раньше: интриган, двуличный, грязный в личном быту, трус, барин в отношении к начсоставу. Я имел много

разговоров о его личности и знал, что многие его терпеть не могут, в частности тт. Белов, Смирнов, Хрулев; при моих встречах называли его – Уборевича – сволочью, и я с ними говорил откровенно о его персоне»²²⁰. Досталось от Мерецкова и комкору М.В. Сангурскому: «Ненавидели мы друг друга с Сангурским на принципиальной основе»²²¹.

Коринтендант А.И. Жильцов 9 июня 1937 г. пишет Ворошилову и Ежову о том, что на проведенных в 1932 г. первых маневрах БВО присутствовали представители германского Генерального штаба. «Меня поразило, – вдруг, через пять лет вспоминает «бдительный» коринтендант, – подробное знание германских офицеров Уборевичем и наоборот»²²². И тут же не без намёка добавляет, что прикомандированным к группе германских офицеров был представитель от 1-го отдела штаба округа Р.Я. Малиновский. Далее он «информирует», что из командиров корпусов были близки к Уборевичу Шахназаров, Сердич, Ковтюх, Никитин, а из командиров дивизий Подлас (27 сд), Полунов (2 сд), Колпакчи (8 сд), Иссерсон (4 сд), Жуков (4 кд), помкомдив 6 кд Белокосков²²³. В то же время, при общей обвинительной тенденции (Уборевич уже был арестован и назван в числе заговорщиков), коринтендант Жильцов вынужден был признать высокие профессиональные качества бывшего командующего войсками Белорусского военного округа: «Уборевич всегда имел заграничную литературу. Он свободно читает на немецком языке, а в 1935 году изучал и, кажется, изучил французский язык... в штаб он приезжал примерно в 10 часов, в 17-18 часов обедал. В 20 часов он был вторично в штабе и находился часто до часу ночи»²²⁴.

Внутриармейская атмосфера настолько была отравлена миазмами подозрительности, что многие

политработники, да и командиры старательно искали новые сферы деятельности, где можно было бы проявить свою бдительность. Вот 7 июля 1937 г. военком XI стрелкового корпуса дивизионный комиссар И.М. Горностаев задумался о составе слушателей «Генеральной академии» (так он именуется Академию Генштаба). «Думая теперь, – пишет он начальнику Политуправления РККА П.А. Смирнову, – я прихожу к выводу, что туда направлялись кандидатуры, угодные врагам. Ведь факт, что по БВО каждый человек персонально отбирался и направлялся врагом Уборевичем. Считаю, Петр Александрович, что неотложным делом является пересмотр слушателей этой Академии, там, надо думать, мы немало найдем врагов, а также социально чуждых людей»²²⁵. И как знать, не за доносные ли заслуги вскоре Горностаев был выдвинут на пост начальника политуправления КВО.

Дело доходило вообще до анекдотичных случаев. Бывший политрук 280 сп Ципулин написал «заявление» на свою собственную жену, обвинив ее в шпионаже и подготовке террористических актов против секретаря Красноярского крайкома ВКП(б). Конечно, «террористка» была немедленно арестована. Но довольно скоро выяснилось, что заявление «бдительного» мужа было явно ложным, вымышленным. Ципулин оклеветал жену, чтобы отделаться от нее. Ципулин за это был исключен из рядов ВКП(б)²²⁶.

В конце 1937 г. с самым настоящим доносом обращается в отдел руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б) бывший начальник политотдела 37 сд Медовый. Он спешит прежде всего доложить о своей бдительности, о том, что когда он узнал о «первом раскрытии врагов» в Азово-Черноморском крае, то хотел немедленно созвать комиссаров частей (очевидно, для постановки задач по вылавливанию «врагов»). Но

командир и военком дивизии И.С. Конев «...в моей постановке, – пишет Медовый, – усмотрел желание заниматься сенсациями и категорически запротестовал против созыва комиссаров»²²⁷. Однако начальник политотдела не уступил. Тогда Конев шифровкой запросил начальника политуправления БВО армейского комиссара 2-го ранга А.С. Булина. Вопрос оказался настолько щепетильным, что даже начпуокр не решился взять ответственность на себя и в какой-то форме посоветовался с тогдашним начальником Политуправления РККА. В ответной шифровке Булин сообщал, что Гамарник не рекомендует подобные информации.

Как известно, Гамарник застрелился 31 мая 1937 г., и посмертно был объявлен «врагом народа». В ноябре 1937 г. «взяли» и Булина. И вот теперь бывший начподив Медовый решил, что наконец-то настал его час. «С полной ответственностью заявляю, – пишет он в ЦК, – что Конев на протяжении многих лет был интимно очень близок к Булину и последний покрывал очень много безобразий Конева... Конев при помощи Булина переведен на Восток»²²⁸. Судьба Конева повисла на волоске. Письмо-донос было из ЦК ВКП(б) переслано в Политуправление РККА. И тут решающую роль сыграла позиция его нового начальника П.А. Смирнова, выраженная в резолюции: «Сообщить т. Шубу^[29], что Конева мы проверяли. Пока сомнений не вызывает, работает хорошо. 25./XII-37. Смирнов»²²⁹. Не каждый мог тогда отважиться на подобный отзыв. Он спас тогда Конева, но в марте 1938 г. Мехлис срочно затребовал это письмо²³⁰, чтобы использовать для компрометации Смирнова (мол, покрывал подозрительных людей).

Вообще, позиция П.А. Смирнова была противоречивой. Когда на совещании политработников Сталин 8 сентября 1937 г. спросил начальника

политуправления ОКДВА дивизионного комиссара И.Д. Вайнероса в отношении «разоблаченного» и арестованного бывшего начальника штаба ОКДВА комкора М.В. Сангурского: «Как же вы не разоблачили?», начальник Политуправления РККА П.А. Смирнов угодливо подлил масла в огонь: «...видел их вместе в санатории Фабрициуса в Сочи летом 1935 г.»²³¹. Вот до чего дело дошло. Оказывается, начальнику политуправления с начальником штаба даже вместе быть, находясь в одной санатории, зазорно и опасно. Не сумевший разоблачить «врага» дивизионный комиссар Вайнерос арестован 7 октября 1937 г.

Но вообще должен заметить, что мне пока не попадались какие-либо документы, где бы начальник Политуправления РККА Гамарник, а затем сменивший его Смирнов напрямую ставили бы перед наркомом обороны вопрос об аресте военнослужащих по политическим причинам. Перед Особым отделом ГУГБ НКВД СССР они пасовали и санкции на арест политработников предоставляли, но в доносчики я их зачислить не могу.

Другое дело Мехлис. И тут самое время сказать о его роковой роли в трагедии РККА в предвоенные годы. Заступив на пост начальника Политуправления РККА в самом начале 1938 г., Мехлис до того прошел большую жизненную школу. Родился в Одессе в 1889 г. Окончил гимназию. В царской армии в 1911 г. служил рядовым. В Российскую компартию вступил уже после победы Октября – в марте 1918 г. (а до того обретался в мелкобуржуазной еврейской националистической партии Поалей Цион (Рабочие Сиона), в меньшевистской фракции РСДРП). В Гражданской войне – военный комиссар бригады, а затем 46-й стрелковой дивизии. С 1922 г. – помощник Генерального секретаря ЦК РКП (б)

Сталина. В 1927–1930 гг. учится на историко-партийном отделении Института красной профессуры. Затем – ответственный редактор «Правды». И вот теперь – Политуправление РККА. Можно сказать, что до Мехлиса на этом посту еще не было столь образованного и опытного в идеологической борьбе человека, всесторонне закаленного в аппаратных интригах на самой вершине пирамиды власти в партии и стране.

Свою деятельность на армейском поприще Мехлис начинает с энергичных усилий по еще большему раздуванию зловещего пламени борьбы против «врагов народа». Весьма характерна реакция Мехлиса на малейшие попытки ослабления пресса репрессий, террора. Вскоре после назначения его начальником Политуправления РККА он вдруг узрел такую тенденцию в одном из приказов начальника Управления по начсоставу РККА армейского комиссара 2-го ранга Е.А. Щаденко. Сам Щаденко – тоже типичный продукт командно-репрессивной системы и повыворачивал немало и в охотку. Но когда его Политбюро ЦК ВКП(б) 23 ноября 1937 г. назначило (вместо утвержденного было 13 ноября тем же самым Политбюро комдива С.А. Спильниченко) непосредственным руководителем кадрового дела в армии, он все же кое-что понял. Мехлис же, специально назначенный для ликвидации всех и всяких «военных заговорщиков», не мог, да и не хотел считаться ни с чем. В архиве сохранился один интереснейший на сей счет документ. На бланке Политуправления РККА напечатана записка, адресованная секретарям ЦК ВКП(б), – Сталину, Ежову, Ворошилову. Заделана подпись Мехлиса, но самой подписи на выявленном мною экземпляре нет. Хотя по рукописным пометам видно, что Мехлис этот текст читал. Не удалось выявить – посылал ли он эту записку адресатам, но она, несомненно, адекватно отражает менталитет Мехлиса в начале 1938 г.

Усмотрев одну из причин «медленной очистки» в том, что «в Управлении по начсоставу царит хаос и создано настроение – не спешить с увольнением из РККА враждебных элементов»²³², Мехлис переходит в фронтальную атаку: «Замнаркома тов. Щаденко 20 января 1938 г. издал политически вредный приказ о рассмотрении дел и жалоб при увольнении из РККА. В этом приказе он предложил пересмотреть все представления на увольнение из РККА командного и начальствующего состава, а также все произведенные увольнения за 1937 год. В приказе предлагается при рассмотрении дел посылать людей на места для расследования и обязательно вызывать увольняемых для личной беседы. Это направлено к недопустимой затяжке и волоките при разборе дел. 3-й пункт приказа предлагает изъять из личных дел все «неподтвердившиеся» компрометирующие материалы. Такой очисткой личных дел создается полная безответственность в изучении людей и условия для укрывательства врагов. Приказ тов. Щаденко, разосланный округам, армиям и центральным управлениям, не подчеркивает основной задачи – очищать ряды Красной армии от врагов. По своему существу он является тормозом в этом важнейшем деле. Политуправление РККА просит ЦК ВКП(б) и наркома обороны тов. Ворошилова немедленно отменить этот явно враждебный приказ тов. Щаденко»²³³.

Судя по всему, Мехлис так и не решился обратиться к руководству партии и страны с этой запиской. И приказ Щаденко, весьма своевременный и заслуживающий безусловно положительной оценки, отменен не был и действовал. Но Мехлис оставался Мехлисом и рисковал даже открыто призывать к невыполнению письменного приказа заместителя

наркома обороны. На Всеармейском совещании политработников в апреле 1938 г. он прямо бросил реплику: «По линии политработников я не позволю изымать материалы из личных дел»²³⁴.

Определенная конфронтационность, ярко выраженный курс Мехлиса на единовластие партии (в лице военных комиссаров, политорганов и парторганизаций) в армии проявился и в его позиции по другому приказу. 20 марта 1938 г. Управление по начсоставу РККА в целях изучения, выдвижения командиров и начальников предложило командованию военных округов в срок до 15 апреля представить нарочным партполитхарактеристики и служебные отзывы на всех капитанов, всех майоров, всех полковников, всех комбригов. Казалось бы, что здесь плохого? Я бы сказал, что здесь просматривается специфический поиск пути определенного усиления защиты командира. Ведь до этого такие партполитхарактеристики обычно давались, когда командир уже арестован либо на него получены чьи-либо показания и он намечен к аресту. А здесь предлагалось подобные характеристики составить и принять в сравнительно нормальных условиях, при большей возможности обеспечения объективной оценки профессиональных и политических качеств командира. Причем подобная характеристика не только могла способствовать выдвижению командира, но и явиться своеобразной охранной грамотой для него.

Но именно этого не хотел Мехлис. В своем докладе на Всеармейском совещании политработников 2 апреля 1938 г. он попытался в самой грубой форме дискредитировать это указание: «Что может быть более дурацкой вещью, чем эта директива? Кто позволил командному управлению так командовать всеми партийными организациями РККА? На каком основании?

Что же партийные законы не писаны для Командного управления? Политуправления, что ли, нет? На такие директивы вы не отвечайте, товарищи политработники и комиссары... На всякого дурака партийной организации не найдется, чтобы обсуждать все, что кому-то вздумается»²³⁵.

О взглядах и настроениях решительности и готовности Мехлиса выкорчевать все и вся можно судить по такому факту. Менее чем через три месяца после назначения его начальником Политуправления РККА он, присутствуя на совещании политработников Военно-воздушных сил, бросил 23 марта 1938 г. такую реплику: «Вся беда в том, что раньше здесь (в Политуправлении РККА. – О.С.) сидели шпионы, вредительство было всюду... Мы сейчас шпионов вылавливаем и из ПУРа всех шпионов повышибаем»²³⁶.

Кого мог, Мехлис выгонял из армии своей властью, а что касается представителей высшего комполитсостава, увольнение которых находилось в компетенции наркома и Политбюро ЦК ВКП(б), Мехлис буквально бомбардирует их доносами на многих и многих. О некоторых военачальниках он «сигнализирует» в регулярных обобщенных докладных записках в адрес Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Жданова, Ежова (а затем – Берии), в других случаях направляет персональные сигналы-доносы на начальника политуправления ЗакВО К.Г. Раздольского (3.2.1938 г.), на члена Военного совета ВВС РККА В.Г. Кольцова (3.3.1938 г.), на командующего войсками УрВо Г.П. Софронова (19.4.1938 г.), на командующего войсками СибВО М.А. Антонюка (22.5.1938 г.), на заместителя командующего войсками МВО Л.Г. Петровского (26.5.1938 г.), на комдива М.А. Рейтера (11.12.1938 г.), на комдива И.Т. Коровникова (21.12.1938 г.)²³⁷ и т. д. и т. п.

В стремлении как можно больше набрать компромата, Мехлис не брезгует ничем. Иногда рядясь в тогу объективности, он просто сообщает «отрицательный», по его мнению, факт из жизни подозреваемого, не рискуя делать окончательный вывод. В доносе на члена Военного совета ВВС РККА бригадного комиссара В.Г. Кольцова Мехлис сообщает, что тот был участником «антипартийной армейской белорусско-толмачевской оппозиции». Даже Ворошилов не выдержал и написал такую резолюцию: «т. Мехлису. Вы за или против... Я Вас не понимаю. КВ»²³⁸.

Мехлис подвергает сомнению, ищет скрытый «контрреволюционный» смысл буквально в каждой фразе, в каждом слове. Вот он считает нужным довести до сведения высшего руководства страны и партии такое мучающее его сомнение: «Антонюк поручил Лукину сообщить Левандовскому почему-то такую фразу: «Скажите, что учеба идет нормально»²³⁹. Мехлис, конечно, знал, что сигналом к началу мятежа в республиканской Испании была фраза: «Над всей Испанией безоблачное небо». И он, как резонно можно предположить, решил, что и Антонюк передал свою невинную фразу для подобных же целей. (Мехлис делал упор на то, что эта фраза была передана Левандовскому перед самым его арестом).

Именно Мехлис хочет «добить» комдива М.Ф. Лукина. 27 июля 1938 г. Мехлис с Дальнего Востока шлет телеграмму в адрес Щаденко и своего заместителя Кузнецова: «Начштаба Лукин крайне сомнительный человек, путавшийся с врагами, связанный с Якиром. У комбрига Федорова^[30] должно быть достаточно о нем материалов. В моей записке об Антонюке немало внимания уделено Лукину. Не ошибетесь, если уберете немедля Лукина»²⁴⁰. (Выше я

уже рассказывал как Лукина буквально спас Ворошилов.)

Так что нового начальника Политуправления РККА вполне можно было считать профессиональным доносчиком, доносчиком и по службе и по призванию. Вот еще лишь некоторые примеры его эпистолярных совсем не безобидных упражнений. Ведь он «докладывал» (а точнее, «нашептывал») на самый «верх» – Сталину, Ворошилову, Берии:

- 17 декабря 1938 г. – на начальника Разведупра РККА комдива А.Г. Орлова: «На хорошем счету Орлов был у шпиона Урицкого (комкор, прежний начальник Разведупра; расстрелян; посмертно реабилитирован. – О.С.). В 1936 г. приказом по Разведупру Урицкий объявил Орлову благодарность. Орлов в хороших отношениях был с Гендиным. В день опубликования постановления правительства о награждении их орденами они демонстративно обнялись и поцеловались»²⁴¹.

- 18 декабря 1938 г. – на начальника отдела внешних заказов НКО комбрига А.Н. Редкина-Рымашевского: «...выдвинут и утвержден на эту работу Федько... 2 января 1924 г. на закрытом партийном собрании говорил: «Какая же тут правильность, своего взгляда высказать нельзя». Утверждает, что «здесь (в его отделе) без дворян не обойдешься, пастухи еще не изучили иностранных языков»²⁴².

- 21 декабря 1938 г. – на командующего 2-й Отдельной Краснознаменной армией комкора И.С. Конева: «По имеющимся сведениям, Конев скрывает свое кулацкое происхождение, один из его дядей был полицейским»²⁴³.

Мехлис охотно поддерживает и направляет «наверх» доносы, поступившие «снизу». Во второй половине ноября 1938 г. ответственный секретарь

парткомиссии центральных управлений НКО Николаев пересылает Мехлису заключение по делу члена ВКП(б) с 1922 г., начальника 3-го отдела Управления боевой подготовки РККА комдива М.А. Рейтера. Собственноручная резолюция начальника ПУ РККА звучала как донос: «Тов. Ярославскому. Рейтер – латыш. Рекомендовал в партию троцкиста и скрыл это от парторганизации. Был в плену у немцев. Оставил оружие у родственницы, оказавшейся врагом. Сам связан с врагами. В армии его оставлять не следует, и я буду ставить вопрос. Доверия не заслуживает. Мехлис. 8/XII-38 г.»²⁴⁴. И как уже говорилось, через три дня такой донос отправляет.

Мехлис был настолько ретив в кровожадности, что даже такие «заслуженные корчеватели», как Сталин и Ворошилов, вынуждены были его иногда притормаживать. В этом плане по-своему символична история спасения корпусного комиссара А.В. Хрулева, рассказанная им самим в 1960 г. молодому историку Г.А. Куманеву. Хрулев вспоминал, что когда в марте 1942 г. его назначили наркомом путей сообщения СССР и он был приглашен на сталинскую дачу, то, улучив момент, он спросил Сталина: «Я не совсем понимаю отношение ко мне – в 1938 г. требовали моего ареста, а теперь назначили наркомом путей сообщения. Какое несоответствие!», на что Сталин ответил: «Мехлис, как только пришел в ГлавПУР в конце 1937 г., начал кричать о том, что вы – враг, что вы – участник военно-фашистского заговора. Щаденко вначале защищал вас. Кулик последовательно заявил: «Не верю. Я этого человека знаю много лет и не верю, чтобы он был замешан в каком-то антисоветском, контрреволюционном деле». Поймите мое положение: Мехлис кричит «враг». Потом Щаденко подключился к Мехлису. Вы понимаете, как обстояло дело при решении

этого вопроса в Политбюро. Когда я задал Ворошилову вопрос, что же нам делать, Ворошилов сказал: «Теперь ведь такое время – сегодня тот или иной подозреваемый стоит на коленях, клянется, что ни в каких заговорах не участвовал, никакой антисоветской и антипартийной работы не вел, а завтра подписывает протокол и во всем сознается»²⁴⁵. Далее Хрулев вспоминал, что он весь этот разговор передал Ворошилову и тот заявил: «Это неверно. Если бы я тогда заколебался, вас бы не было»²⁴⁶. Когда после обсуждения в 1938 г. вопроса о Хрулеве Сталин велел Мехлису и Ежову оставить Хрулева в покое, Мехлис прямо заявил последнему: «Скажите спасибо Ворошилову. Он вас своим авторитетом оградил и не дал мне поступить так, как следовало бы поступить, но я заявляю вам, что постараюсь сделать все возможное, чтобы добиться своего»²⁴⁷.

Недавно стало известно, что Мехлису хотелось «схарчить» и мало кому тогда известного комбрига Г.К. Жукова, будущего знаменитого полководца Второй мировой войны. В своем письме Н.С. Хрущеву и А.И. Микояну от 27 февраля 1964 г. сам Жуков вспоминал об этом так: «В 1937—38 годах меня пытались ошельмовать и приклеить ярлык врага народа. И, как мне было известно, особенно в этом отношении старались бывший член Военного совета Белорусского военного округа Ф.И. ГОЛИКОВ (ныне маршал) и нач. ПУРККА МЕХЛИС, проводивший чистку командно-политического состава Белорусского ВО»²⁴⁸.

При такой совершенно ясно выраженной «доносной» позиции начальника Политуправления РККА многие военные комиссары и другие политработники на местах стремились не отстать от московского начальства и усердно стряпали свои доносы. Нередко самыми настоящими доносами являлись очередные и

внеочередные политдонесения. Чтобы снять с себя ответственность за провалы в работе, они, чутко улавливая спрос на «подозрительных», спешат доложить о «засоренности» кадров.

Начальник редакторских курсов старший политрук Зуб 11 апреля 1938 г. пишет письмо Мехлису. В нем он делится впечатлениями о своем пребывании на Всеармейском совещании политработников: «Слушал Ваш доклад и заключительное слово, речь наркома – и совершенно ясно представляю, каким должен быть сегодня комиссар», и что задача Высших Военно-политических курсов (ВВПК) при Политуправлении РККА «подготовить настоящего воинствующего комиссара, до конца преданного нашей партии, Центральному Комитету и лично товарищу Сталину»²⁴⁹. Засвидетельствовав таким образом свою преданность руководству и «лично товарищу Сталину», старший политрук Зуб стремится показать и свою бдительность. Он пишет о том, что работа курсов идет плохо. И главная причина в том, что руководство курсов и преподавательский состав засорены. И вот в чем он видит эту «засоренность»: «Начальник курсов бригадный комиссар тов. Сухотин – участник белорусско-толмачевской оппозиции... Начальник кафедры ленинизма т. Арский также с каким-то темным пятном в прошлом. Лекцию по национальному вопросу прочел явно неудовлетворительно. Не освещена роль тов. Сталина. Не использовал материал тов. Берия»²⁵⁰. Через две недели, 24 апреля 1938 г., с аналогичным доносом к Мехлису обращается батальонный комиссар Толмачев: «Подавляющее большинство и руководящего и преподавательского состава имеет за собой приличные «хвосты», и мне думается, что этим кадрам не место на курсах»²⁵¹.

Во мнении многих политработников, партийных функционеров и даже командиров все более утверждалась мысль не только о возможности, но и чуть ли не о необходимости доносов. Кое-где они стали рассматриваться как дело естественное, само собою разумеющееся. Так, в августе 1938 г. командира 95-го кавполка (24-я кавдивизия) полковника С.М. Гловацкого обвиняли в том, что был в близких отношениях с арестованными к этому времени «врагами народа» бывшим помощником командира дивизии полковником Ф.Т. Мысиным и его женой, которых хорошо знал с 1923-1924 гг. «Гловацкому было известно, что жена Мысина является дочерью офицера, но об этом он до самого ареста не поставил в известность партийную организацию»²⁵². К немедленному сообщению (доносу) о всем подозрительном призывали и на партсобраниях. По свидетельству бывшего шофера начальника ВВС командарма 2-го ранга Я.И. Алксниса некоего Замараева, инструкторы политотдела Еремин и Симонов «на закрытом партийном собрании говорили о том, чтобы невзирая на лица мы сообщали все, что, на наш взгляд, имеет некоторое сомнение о связях с врагами народа»²⁵³.

Под подозрение, под контроль, под надзор немедленно бралось любое самостоятельное суждение, хоть чем-либо отличавшееся от предлагаемого официального. Вот, например, как различные проявления самостоятельности и человечности трансформировались в самый настоящий «компромат» под рукой поднаторевших в выполнении «установок» людей. 15 июня 1938 г. военный комиссар 11-й отдельной мехбригады батальонный комиссар И.З. Сусайков и начальник политотдела бригады батальонный комиссар Н.К. Попель составили и подписали политическую характеристику на командира

учебного батальона этой бригады майора В.И. Каледина. Среди прочего там записано: «После партийного актива, обсуждавшего письмо Всеармейского совещания политработников, выступил со злобой против установок партии о комиссарах, заявив: «Теперь комиссар все, а командир ничто. Создается недоверие к командному составу». Позднее Каледин заявлял, что «хозяин части не я, а комиссар»²⁵⁴. И Сусайков, и Попель – политработники не из худших. В годы войны они проявили себя в целом неплохо. Но вот в 1938 г. и они готовы затоптать, загубить любого человека, посмевшего высказать правду. Ведь действительно, комиссар был поставлен на первое место, ведь политхарактеристику, которая решала судьбу любого военного, писал не командир-единоначальник на комиссара, а комиссар на командира-единоначальника. И тот обязан был смириться и пикнуть не смел. А если пикнул – это сразу фиксируется, отмечается, что пикнул и сразу же дается «политическая оценка» – «со злобой». Здесь же мимоходом бросается намек, вроде бы «происходит из кулацкой семьи». Ну и, конечно же, не обойден и такой «криминальный» факт, что муж сестры жены, бывший майор, арестован как враг народа, сестра жены после ареста мужа проживала у Каледина, сына ее воспитывает Каледин. «Все эти факты, – заключают бдительные Сусайков и Попель, – показывают, что Каледин политического доверия не внушает. Но это наше сомнение в данное время тщательно проверяется»²⁵⁵. Конкретно ничего – а дегтя не пожалели...

А вот как оценивались в политхарактеристиках некоторые другие командиры:

– Комбриг Батов П.И. – командир 3 ск (МВО). 1897 г. р., из крестьян, служащий. В старой армии – унтер, в

1917 г. окончил школу прапорщиков. С 1919 года состоял членом ВКП(б), но механически выбыл в связи с отрывом от парторганизации. В 1929 г. вновь вступил в ряды ВКП(б). Женат на латышке, у которой две сестры в 1920 г. уехали в Польшу. В сентябре 1938 г. органами НКВД арестован, как враг народа, брат Батова. По заявлению Батова – связи с ними не имел²⁵⁶.

- Комбриг Снегов М.Г. – начальник Управления делами НКО. 1896 г. р., кандидат ВКП(б) с 1930 г. В партию в первый раз вступил в 1919 г., но был исключен комиссией по чистке в 1921 г. Предъявлены обвинения: непролетарский уклад жизни, женат на генеральской дочери и сам сын полковника, карьерист. Враг народа Булин представлял Снегова для назначения на должность начальника АМУ РККА²⁵⁷.

- Комдив Захаров М.В. – хвалил Уборевич (когда Захаров был начальником одного из отделов штаба БВО); хвалил Егоров (когда Захаров был слушателем Академии Генерального штаба)²⁵⁸.

- Комдив Веревкин-Рахальский Н.А. Его дед – генерал Веревкин участвовал в походе Скобелева в Средней Азии. Начиная с Туркестанского фронта (1919 г.) соприкасался и находился в близких отношениях с целым рядом разоблаченных злейших врагов народа (Белов, Ефимов, Уборевич, Шмидт и др.)²⁵⁹.

Не правда ли, звучат прямо как политический донос, а то и строки из обвинительного приговора.

Страшным криминалом по тем временам звучало обвинение в недостаточном рвении и усердии в деле «выкорчевывания врагов». И всякая подобная официальным лицом зафиксированная оценка приобретала характер политического доноса. Член Военного совета БВО комкор Ф.И. Голиков 30 июля 1938 г. подписывает политхарактеристику на

командира 2 сд комбрига С.И. Еремина. В этом определявшем тогда судьбу любого командира документе комбриг, по сути, обвинялся в том, что он не ставит «с полной основательностью на практические рельсы борьбу с последствиями большого вредительства в дивизии и капитального выкорчевывания враждебного элемента»²⁶⁰. 18 ноября 1938 г. из Орла политработник Бочаров спешит доложить Мехлису, что, по материалам, имеющимся в 6 сд, «плохо выглядит» член Военного совета УрВО Николаев. Почему же он «плохо выглядит», в чем он провинился? Оказывается, «в бытность начподивом глушил сигналы... мер не принимал... По дивизии арестовано после его отъезда около 100 человек, почти весь штаб дивизии»²⁶¹.

На что были направлены и чем кончались подобные характеристики-доносы, можно судить по примеру начальника Административно-мобилизационного управления (АМУ) РККА комдива А.И. Барина. В политхарактеристике на него, написанной 28 ноября 1938 г. военкомом АМУ полковым комиссаром Порсаевым, после напоминания о том, что он – бывший офицер царской армии (капитан) и в 1938 г. исключен из ВКП(б) за связь с врагами народа и притупление политической бдительности, подчеркивалась и такая вина Барина как начальника управления – «не поставил своевременно перед начальниками отделов задачу выявления и ликвидации последствий вредительства. Оставлять у руководства нельзя»²⁶². На этом же листе имеется помета: «Уволен».

Очевидно, многие слушатели военных академий, различных курсов, курсанты военных училищ и не подозревали, что любое не совсем официальное слово, сказанное, казалось бы, в самом тесном дружеском кругу, как правило, быстро долетало до ушей военных

комиссаров, а оттуда немедленно докладывалось по команде. 31 марта 1939 г. военком Академии Генштаба бригадный комиссар Фурт спешит донести заместителю начальника ПУ РККА Ф.Ф. Кузнецову: «27 марта с.г. слушатель авиа КУКС при Академии Генштаба Герой Советского Союза полковник Гусев А.И. вел в учебной группе разговоры: «Ежова отстранили от НКВД за то, что он арестовал Литвинова» и т. п. Сведения эти сообщил мне слушатель того же КУКСа полковник т. Сбытов»²⁶³. Характеризуя сложившуюся в армии обстановку, капитан Студенников в присутствии ряда командиров в/ч 8349 заявил в мае 1939 г.: «О Николае Втором говорили что угодно, а сейчас ничего нельзя сказать. Только скажешь, то сразу Особый отдел узнает. Сейчас лучше всего язык держать за зубами. У нас есть такие люди, которые хотят путем доносов нажить себе политический капитал»²⁶⁴.

Пытаясь размышлять о причинах такого широкого размаха столь несвойственного армейской среде доносительства, приходишь к выводу, что главным здесь были – вся атмосфера в стране и социальный заказ высшего руководства военного ведомства. От имени партии и всего народа Центральный комитет ВКП(б), Совнарком СССР, нарком обороны и начальник Политуправления РККА неустанно требовали: выявляй, выявляй, докладывай, докладывай (т. е. доноси, доноси) о любых проявлениях деятельности «врагов народа». И выявляли, и докладывали, и доносили.

Многие вступили на этот позорный путь доносительства, рассматривая доносы как способ собственного выживания. В небывало мрачной атмосфере массовых, охватывающих все звенья военной системы арестов, даже наиболее смелые не были свободны от страха за самое физическое существование. «Стукачи, – писал Василий Гроссман в

повести «Все течет», – проросли из человека. Жаркий пар госстраха пропарил людской род, и дремавшие зернышки взбухли, ожили». И сколько же, еще вчера казавшихся честными и порядочными, людей в военной форме стали теперь думать, да и действовать по принципу: «Лучше один раз стукнуть, чем семь лет перестукиваться». Причем почти каждый видевший или слышавший что-то «неположенное», стремился опередить своего собеседника и доложить (донести) первым и тем спастись...

Но немалое значение в распространении доносов имел и карьерный мотив. Роберт Конквест даже считает, что стремление добиться исключения из партии своих конкурентов по службе, а то и их ареста, было общепринятым способом служебного продвижения²⁶⁵. Изученные мною документы не дают основания сказать, что донос был общепринятым способом выдвижения, но то, что он использовался в карьерных целях – это несомненно. В военных кругах широко известен факт, когда некто Галицкий написал донос на своего непосредственного начальника – начальника инженерных войск МВО бригадир-инженера С.И. Асланова. Асланов был арестован, осужден и умер в Магаданском лагере, а доносчик занял его служебное место и долго ходил в генералах, пока его в конце концов не разжаловали. Недавно появилась публикация и о другом подобном случае. Бывший командир 99-й стрелковой дивизии А.А. Власов после возвращения из служебной командировки в Китай был снова направлен в 99 сд, на этот раз для инспектирования. Соединение оказалось передовым, но и недостатки тоже нашлись: командир дивизии усиленно изучал тактику боевых действий вермахта. Власов по этому факту написал «рапорт». Командира 99 сд после этого арестовали, а Власова вскоре назначили на его место²⁶⁶.

И, наконец, третий существенный мотив – чувство исполненного гражданского долга. Каким бы диким такое утверждение ни показалось современному читателю, в тогдашней армейской жизни немало количество людей (особенно из молодежи) совершенно искренне верили в наличие в РККА огромного количества врагов народа, в необходимость бескомпромиссной борьбы с ними и старались внести в эту борьбу свою посильную лепту. Конечно, про них можно сказать то же, что сказал о себе К.И. Чуковский («искренний идиот»), но все-таки их можно и пожалеть.

Объективно, по-научному необходимо подходить и к оценке донесений (доносов) секретных сотрудников НКВД. Теперь-то хорошо известно, что, по крайней мере, в 30-е годы в РККА в глубокой тайне действовал институт сексотов. Более подробно об этом я надеюсь сказать в следующей главе (предварительное следствие). Но здесь считаю нужным высказать свое мнение о целесообразности изучения и освещения их деятельности. В литературе высказывались различные, порою противоположные точки зрения на сей счет. Одна – чисто ведомственная – была представлена председателем КГБ СССР В.В. Бакатиным. Он писал: «Но еще раз повторяю: передача архивов на агентуру – только через мой труп! Я не хочу внести в общественную жизнь мотив сведения счетов, а по сути, для тысяч людей «трагедию»²⁶⁷. Даже с первого взгляда видно, что человеколюбие у Бакатина носит избирательный характер. Он не хочет душевно травмировать десятки, может быть, сотни тысяч палачей, делая это за счет забвения всенародной трагедии миллионов безвинных жертв.

Эту слабину в рассуждениях Бакатина и других сразу же подметил известный писатель-фронтовик Г.Я. Бакланов: «Сейчас говорят: «Мы должны быть

милосердны». Но к злу милосердным быть нельзя. Люди, которые уродовали умы и души, должны быть судимы нравственным судом»²⁶⁸. Полагаю, что позиция Бакланова гораздо более соответствует интересам подлинно научного освещения отечественной истории и оздоровления политического климата в Российской Федерации. Словом, как удачно заметил академик С.С. Шаталин: «Страна должна знать своих стукачей, тем более крупных»²⁶⁹.

Но здесь мне хотелось бы с особой силой подчеркнуть необходимость величайшей ответственности исследователя этой проблемы. Тут должны быть проявлены не только высочайший, ювелирный профессионализм, но и доскональное знание всех относящихся к тому или иному человеку документов, строжайшее соблюдение принципа Гиппократов «Не навреди!». И особенно – не навреди там, где человек не заслужил, чтобы ему навредили. К сожалению, этот принцип не всегда соблюдает известный историк сталинщины Р.А. Медведев. Он неоднократно печатно обвинял как доносчика и прямо-таки смешивал с грязью Б.А. Чагина, одного из тогдашних преподавателей кафедры философии Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева. Вот что Рой Медведев позволил себе написать и напечатать о Чагине: «Никто из преподавателей или даже работников кафедры не относился к нему с уважением, и то, что он доносчик, подлец и развратник, многим было известно... Можно не сомневаться, что Чагин действовал в 1937-1938 годах не просто по собственному злему умыслу: он был или осведомителем, или тайным (секретным) сотрудником НКВД в Военно-политической академии и писал свои доносы по заданию начальства... По заявлениям вернувшихся в строй военных Чагин был разоблачен как доносчик и

исключен из партии. С первых дней войны он пошел работать на Балтийский флот, здесь он вернул себе партийный билет и должность политработника... У меня этот человек вызывал презрение, но не ненависть или жажду мести»²⁷⁰. Так беспощадно расправился с Б.А. Чагиным «не жаждущий мести» Р.А. Медведев.

Сразу же возникает целый ряд вопросов. Откуда Медведев знает, как относились к Чагину на кафедре? Ведь юный Рой тогда еще только в школу ходил и на кафедре философии работать не мог. Он не сомневается, что Чагин - сексот НКВД, а где доказательства, где документы? Где доказательства, что Чагин исключался из партии как доносчик? Да и кто бы тогда, в 1938 г., посмел исключить из партии за донос в НКВД? Где доказательства, что Чагин восстановил свою партийность лишь с началом войны? И вообще: откуда такое презрение к, казалось бы, столь далекому от автора человеку? А дело в том, что на этой же кафедре философии ВПАТ старшим преподавателем работал отец Роя - полковой комиссар А.Р. Медведев. И вот он-то, судя по протесту Главной военной прокуратуры, как раз являлся одним из негласных сотрудников НКВД. При всей ныне непопулярности этой аббревиатуры, я все же не считаю подобный факт позорным «по определению» или тем более криминальным. Наркомат внутренних дел был государственной организацией и сотрудничество с ним не только не считалось зазорным, а всей силой партийного, государственного и общественного мнения всячески поощрялось. И в глазах многих миллионов граждан (особенно молодых) считалось даже делом почетным и сугубо патриотическим. Сейчас, конечно, мы смотрим по-другому. Но все-таки и сегодня, по моему, должен осуждаться не сам факт сотрудничества с НКВД, а конкретные несправедливые,

противозаконные и аморальные действия, совершенные в ходе этого сотрудничества. Так вот, данных о каких-либо результатах деятельности полкового комиссара А.Р. Медведева в качестве сексота в вышеупомянутом юридическом документе не содержится.

Но известно, что 23 августа 1938 г. он сам был арестован и обвинен в принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации и «протаскивании троцкизма» в составленных и отредактированных им учебных пособиях. Кроме того, обвинялся и в том, что, будучи секретным сотрудником органов НКВД, он занимался дезинформацией. Обвинение Медведева в причастности к троцкистской организации было основано на показаниях арестованных в 1936–1937 гг. его сослуживцев по Военно-политической академии Таланкина, Иппо, Леонидова, Стерлина, Айзенберга, Карева, Бакулина (выписки из их показаний приобщены к делу) и свидетелей Видюкова, Чагина, Пручанского и Жаковщикова. К чести А.Р. Медведева надо отметить, что в ходе предварительного следствия он решительно отрицал предъявленные ему обвинения. И органы следствия передать дело в суд не решились. И прибегли к помощи Особого совещания при НКВД СССР, по постановлению которого от 5 июня 1939 г. он был заключен в ИТЛ сроком на 8 лет. Отбывая наказание, Медведев умер 8 февраля 1941 г. В ходе дополнительной проверки в 1956 г. выяснилось, что в выписках из показаний арестованных имелась прямая фальсификация (например, Леонидов участником организации Медведева вообще не называл). Что касается свидетельских показаний, то они были тоже не совсем объективны. Установлено, например, что Чагин и Пручанский недолюбливали Медведева за его высокомерие и насмешки над ними. К тому же, по материалам Медведева, Чагин и Пручанский

исключались из партии, но впоследствии были восстановлены. А.Р. Медведев реабилитирован посмертно 1 сентября 1956 г.²⁷¹.

Так что же остается «на выходе»? Почему, борясь за честь несправедливо осужденного и загубленного отца, обязательно необходимо презирать человека, который был рядом с ним, в чем-то конфликтовал, обзывать его доносчиком, подлецом, и т. п. Ведь документов-то у Р.А. Медведева нет. И исключался Чагин из партии не как «доносчик», а «по материалам А.Р. Медведева». И чему же удивляться, если исключенный из партии человек выступает против того человека, по материалам которого его несправедливо исключили из партии?

Я потому счел своим долгом вступить за честь ныне покойного члена-корреспондента АН СССР Б.А. Чагина, что мне в 1939–1941 гг. довелось работать вместе с ним на кафедре основ марксизма-ленинизма Ленинградского госуниверситета. Борис Александрович был заведующим кафедрой, а я – аспирантом и ассистентом. В то время ему было 40 лет; имел степень кандидата философских наук; пользовался авторитетом и уважением на кафедре и в университете. Поскольку он был утвержден горкомом ВКП(б) заведующим такой кафедры, значит, он был восстановлен в партии уже тогда, а не на Балтийском флоте. О качестве его работы можно судить хотя бы по тому, что уже через неделю после начала войны все мужчины кафедры (до единого) добровольно вступили в ленинградское народное ополчение и он проводил нас, а сам отправился воевать на Балтийский флот.

О том, как предельно осторожным надо быть при обвинении того или иного человека в доносительстве в те страшные годы, наглядно свидетельствует и малоприятная для российской военно-исторической науки история с публикацией известного писателя-

фронтовика В.В. Карпова в журнале «Знамя» (1989, № 10). Кто-то из историков раскопал в ЦГАСА письмо Ворошилову о том, что Маршал Советского Союза А.И. Егоров осенью 1917 г. на съезде 1-й армии выступал с нападениями на Ленина, «называл его авантюристом, посланцем немцев». Обвинение по тем временам совершенно убойное. Я держал это письмо в руках еще в 1987 г. Оно напечатано на машинке, подписано «член ВКП(б) Г. Жуков» (подпись – автограф). Помню, у меня тоже мелькнула мысль – уж не Георгий ли Константинович Жуков, будущий маршал? Но многое противоречило этой версии, и я ее отбросил. А вот не профессиональный историк, а писатель быстро и однозначно определил, что «Г. Жуков» – это и есть «Г.К. Жуков». Почему? Видимо, черт попутал. Но вскоре после оживленной полемики все-таки разобрались. В.В. Карпов публично извинился за допущенную им неправильную атрибуцию злосчастного письма. Казалось бы, инцидент исчерпан. Но нет.

На сей раз к этому сюжету возвращаются доктора исторических наук А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова. В одной из своих новейших публикаций они утверждают: «На наш взгляд, кампания против «поруганной чести» была более шумной, чем правдивой... На наш взгляд, исследование вопроса далеко не закончено. Пока правдоподобны обе версии: донос написан Жуковым; неизвестно, кем написанное злополучное письмо по ошибке или преднамеренно оказалось в личном деле Жукова»²⁷². Очень жаль, что уважаемые мною историки, пытаюсь реанимировать эту весьма грустную версию, не потрудились сами провести хотя бы элементарную историческую проверку достоверности версии о принадлежности этого доноса перу Г.К. Жукова.

Поскольку любой донос обычно содержал в себе не только злые наветы, но и какие-то правдивые фактические сведения, с них и начнем. Автор доноса пишет, что в ноябре 1917 г. он был делегатом съезда 1-й армии в Штокмазгофе. Был ли вообще такой съезд? Да, был, Второй съезд 1-й армии открылся 30 октября 1917 г., а его предпоследнее заседание проходило 5 ноября. Правда, работал этот съезд не в Штокмазгофе, как сообщает доносчик, а в Альтшванненбурге - в местечке, где тогда находился штаб Северного фронта, в центре которого и дислоцировалась 1-я армия (справа, в непосредственной близости к Петрограду, находилась 12-я армия, слева - 5-я армия)²⁷³. Известно, что будущий маршал, а тогда подполковник А.И. Егоров являлся делегатом этого съезда, выступал там и был избран одним из заместителей председателя армейского совета.

Но теперь неизбежно встает следующий вопрос: был ли будущий маршал, а тогда пока унтер-офицер Г.К. Жуков делегатом этого съезда? В своих мемуарах об этом, безусловно важном событии в его жизни (если бы оно было), он, известно, не упоминает. Но приводит одну важную для нас точную дату этого периода: «30 ноября 1917 года я вернулся в Москву»²⁷⁴. Опять «горячо». Значит, в принципе до возвращения в Москву, в начале ноября 1917 г. Г.К. Жуков мог бы побывать и на съезде 1-й армии. Но в своих воспоминаниях он пишет, что перед возвращением в Москву ему пришлось несколько недель укрываться в Балаклее и селе Лагери, так как его разыскивали офицеры, перешедшие на службу к украинским националистам. Дело в том, что эскадрон, в котором служил Г.К. Жуков, как раз здесь и размещался. Балаклея - это городок (в 1959 г. - 17,2 тыс. жителей), центр Балаклейского района нынешней Харьковской области Украины. В своих

мемуарах Г.К. Жуков ни слова не говорит о том, что он с февраля по ноябрь 1917 г. куда-либо выезжал из расположения своего эскадрона. Да и как можно предположить, чтобы унтер-офицер из эскадрона, расположенного в районе Харькова, вдруг оказался делегатом съезда армии, дислоцировавшейся на Северном фронте, между Ригой и Двинском²⁷⁵.

На основе вышеприведенных доказательств считаю, что Г.К. Жуков не мог быть и не был делегатом съезда 1-й армии в ноябре 1917 г. И, следовательно, донос на маршала Егорова написан каким-то другим лицом. Конечно, в ходе революции возможны всякие совершенно невероятные для обычных условий пертурбации. И абстрактная возможность избрания унтер-офицера из-под Харькова делегатом съезда армии, находившейся в Прибалтике, была. Но это именно абстрактная возможность. Примерно такая же, как названная Гегелем возможность избрания турецкого султана Папой римским. И бремя доказательства превращения ее в реальную лежит на тех историках, которые, не затрудняя себя поисками доказательств, считают возможным «просто так» бросить добавочную тень на и без того далеко не безгрешного маршала Жукова.

Вызывает возражение и утверждение А.Н. Мерцалова и Л.А. Мерцаловой о том, что это письмо будто бы обнаружено Д.А. Волкогоновым и В.В. Карповым в личном деле Г.К. Жукова. Это не совсем так. Волкогонов (впервые частично опубликовал этот документ, но имя Г.К. Жукова печатно не назвал, хотя и, как он лично мне говорил, подразумевал именно его), о личном деле Жукова вообще не упоминает и ссылается на архивный источник. Это письмо хранится (и выявлено) в фонде Управления делами НКО СССР (РГВА.Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1048. Л. 37) и на нем отмечена

дата поступления его в канцелярию НКО – 28 января 1938 г.

В подлинности письма никаких сомнений нет. Но кто же его автор? По версии историка Ю.А. Геллера, это комдив Г.В. Жуков, служивший в то время помощником инспектора кавалерии РККА Маршала Советского Союза С.М. Буденного. Геллер имел возможность сравнить почерк подписи на доносе с другими подписями Г.В. Жукова. Сразу же, кстати, становится ясным, почему доносчик дважды ссылается на свой предварительный разговор с Тюленевым. В это время комкор И.В. Тюленев служил заместителем инспектора кавалерии РККА, т. е. фактически непосредственным начальником Г.В. Жукова. Вроде бы все становится на свое место.

В заключение раздела еще раз скажем, что в 1937–1941 гг. почти каждый донос рано или поздно «срабатывал».

«НКВД НИКОГДА НЕ ОШИБАЕТСЯ...»

Массовые аресты, затронувшие все слои и классы общества и лиц самого различного социального положения от рядового колхозника до наркома, от красноармейца до маршала Советского Союза, отозвались тяжелой болью прежде всего в сознании их родных и близких. Но не могли не встревожиться и те, кого пока миновала чаша сия. Как ни был забит и ко всему приучен советский народ, такого размаха арестов в стране еще не бывало. Говорить вслух об этом боялись. Но мысли-то не могли не беспокоить. И прежде всего думалось о том, куда смотрит ВКП(б) и прокуроры. И вот чтобы «зло пресечь» и не допустить ни малейшего брожения умов, в оборот был запущен пропагандистский тезис о том, что НКВД знает, что делает, что это ведомство никогда не ошибается, и поэтому всем, оставленным на свободе, не следует волноваться. Ведь их-то не «взяли»... Посильное участие в сотворении этого очередного мифа принимали и функционеры самого НКВД, начиная с наркома. Когда арестовали лечившего Ежова врача, профессора Левина, то его жена позвонила по телефону сиятельному пациенту своего мужа и высказала предположение, что это, должно быть, ошибка. Ежов ответил: «НКВД не ошибается»²⁷⁶.

Эта идея внедрялась со страниц газет и журналов, с театральных сцен, и с экранов кинотеатров, из уст лекторов и докладчиков. Дело дошло до того, что, как вспоминает бывший польский генерал Владислав Андерс, захваченный в плен в 1939 г., даже в кабинете следователя НКВД, некоего полковника Кондратика, на стене красовался лозунг, гласивший, что «НКВД никогда не ошибается»²⁷⁷.

Но для того чтобы этот тезис как-то воздействовал на умы людей, надо было не только сколь возможно часто его произносить, но и чем-то доказывать. В качестве главных доказательств его выдвигались прежде всего два постулата. Один из них состоял в том, что НКВД выполняет волю Коммунистической партии, мудрого рулевого, который безошибочно ведет весь народ по пути строительства нового общества и так же безошибочно направляет и всю деятельность НКВД. Другое «доказательство» звучало так: вся «очистительная работа» органов НКВД проходит в русле революционной законности, с участием прокуроров, и это дает дополнительную гарантию безошибочности любых акций НКВД. Попробуем же разобраться в этих двух столь усиленно навязывавшихся ложных утверждениях.

Начнем с рассмотрения проблемы взаимоотношения НКВД и ВКП(б). В какой-то мере я ранее уже касался этого вопроса, в общем плане. Здесь же намерен рассмотреть на конкретном историческом материале отношение, позицию представителей ВКП(б) в войсках (военные комиссары, политотделы, парторганизации) к действиям особых отделов НКВД и особенно к арестам военных коммунистов.

Прежде всего считаю необходимым еще раз решительно выступить против широко распространенной и поныне внедряемой идеи о том, что якобы органы НКВД в 1937–1938 гг. вышли из-под партийного контроля и отсюда все безобразия. Эта идея содержалась уже в постановлении ЦК и СНК от 17 ноября 1938 г. Реанимировал ее Н.С. Хрущев в 1956 г. в своем известном докладе на XX съезде КПСС. Заявление одного из палачествовавших сотрудников НКВД некоего Родоса: «Я считал, что выполняю поручение партии», Хрущев совершенно

бездоказательно назвал «циничным»²⁷⁸ и тем самым дал понять, что органы НКВД действовали якобы вопреки воле партии.

Прошло 30 с лишним лет, и эта идея продолжала варьироваться на самые различные лады. Г. Бордюгов и В. Козлов в 1990 г. утверждали: «К началу 1937 года произошло резкое нарастание полномочий чрезвычайных органов, они вышли из под контроля партии»²⁷⁹. В 1991 г. Б.А. Викторов сетовал на то, что «органы НКВД перестали считаться с партийными органами и с прокуратурой»²⁸⁰. В 1992 г. О.В. Хлевнюк, процитировав постановление ЦК и СНК от 17 ноября 1938 г. о том, что нарушения законности «были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД враги народа всячески пытались оторвать работу НКВД и Прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля в руководстве», принял всерьез эту самую настоящую дезинформацию, попытку ЦК ВКП(б) уйти от ответственности за чудовищные дела, творимые безраздельно руководимыми им и генеральным секретарем органами НКВД, и не без горечи сетует, что «в период массового террора партийные комитеты во многих случаях, по существу, попадали под власть органов НКВД...»²⁸¹.

Разумеется, ситуация в различных республиках, краях и областях имела свои особенности взаимоотношений между управлением НКВД и соответствующим партийным комитетом. Но что касается центра, то принцип безусловного подчинения Наркомата внутренних дел СССР Центральному Комитету ВКП(б), Политбюро ЦК, генеральному секретарю проводился в жизнь безусловно, неуклонно и беспрекословно.

Полномочными представителями ВКП(б) в РККА были военные комиссары, целая сеть политорганов и

партийных организаций, действовавших под общим руководством Политуправления РККА, работавшего на правах военного отдела ЦК ВКП(б). Следовательно, Политуправление РККА имело все уставные и довольно реальные возможности определенного контроля за деятельностью особых отделов в армии. А уж что касается партийности военнослужащих - то это была безраздельная епархия политорганов и существующих при них партийных комиссий. Какое значение для арестованных имела позиция парторганизаций, можно судить по тому, что на 1 января 1937 г. в партии состояло 87 % всех командиров полков, 92,9 % командиров бригад, 93,2 % командиров дивизии, 95,2 % командиров корпусов, 100 % военно-политического состава²⁸².

Но как хорошо известно, далеко не каждая реальная возможность превращается в действительность. Многие в этом процессе в общественных явлениях зависят от характера, способностей, нравственного облика конкретных исторических деятелей, особенно возглавляющих тот или иной участок работы. Как уже неоднократно отмечалось, большинство командиров и политработников еще до вскрытия «военно-фашистского заговора в РККА» воспитывались в духе немедленной и беспощадной расправы с любыми проявлениями инакомыслия, а тем более протеста против установленных, по сути, деспотических порядков. И пример в этом явно безнравственном деле показывали сами руководители Политического управления РККА Гамарник и Осепян. По соответствующим представлениям, меморандумам и спецсообщениям Особого отдела ГУГБ НКВД СССР они не только санкционировали увольнение из армии всех военных, попавших в поле зрения особистов, но и самовольно брали на себя совершенно не присущие им

функции прокуроров. На сообщение начальника Особого отдела ГУГБ И.М. Леплевского о том, что заместитель начальника политотдела 73 сд полковой комиссар А.И. Ильин, начальник финотдела штаба СибВО Е. Космин и др. являются активными участниками «антисоветской троцкистской организации», начальник ПУ РККА без всякой проверки налагает резолюцию: «Уволить и арестовать Ильина и Космина... 17/IV-37. Гамарник»²⁸³.

С середины июня и до конца 1937 г. Политуправление РККА возглавлял П.А. Смирнов. Он продолжал и совершенствовал линию на изгнание из партии всех «подозрительных» коммунистов. С еще большим размахом развернулась эта позорная кампания при Мехлисе. Можно смело сказать, что многие политорганы, а под их руководством и партийные организации РККА, вместо оживления партийной мысли, всемерной поддержки любой попытки отыскания истины, стремления сохранить в рядах армии каждого ценного работника, вступили на путь безоглядного выкорчевывания всего и вся, беспощадно подавляя, вырывая и уничтожая малейший росток не то что свободомыслия, а лишь стремления разобраться в происходящем. И в авангарде этого столь неприглядного в нравственном отношении процесса находилось Политуправление РККА во главе с Мехлисом.

17 февраля 1938 г. «Красная звезда» опубликовала печально известную тогда передовую статью «За комиссара – воинствующего большевика, против тупого и бездушного бюрократа», прямо ориентирующую на новые усилия «по выкорчевыванию». Если же кто просто призывал к элементарной проверке обвинений, тому приходилось не легко. На обсуждавшем эту передовую статью собрании партактива Военной

академии механизации и моторизации выступил старший инструктор 2-го отдела ПУ РККА Н.А. Шаповалов. Речь эта так не понравилась Мехлису, что уже на второй день появляется подписанный им приказ ПУ РККА № 9, в котором речь старшего инструктора ПУРа объявляется «явно оппортунистической». Шаповалов обвиняется в том, что он якобы «пытался взять под сомнение изложенные в газете факты... организовать совсем не нужное следствие по изложенным материалам». И далее приказ гласил: «За самовольное выступление, за проявление гнилого либерализма, неспособность вести линию ПУ РККА – снять»²⁸⁴.

Одним из вершителей партийных, да и жизненных судеб политработников и командиров был заместитель начальника Политуправления РККА корпусной комиссар Федор Федотович Кузнецов. Как он вдруг, не прослужив до того ни одного дня в армии, почти в одночасье, занял такой высокий пост? Родился в 1904 г. в Рязанской губернии. Там четыре года учился в земской школе, а затем три года учился на рабфаке. Вот и все его образование. С 1925 г. – инструментальщик на одном из московских заводов. Здесь он в 1926 г. стал членом ВКП(б); с 1930 г. – предзавкома, а в 1938 г., когда повырубили почти весь партактив Москвы, становится первым секретарем Пролетарского райкома ВКП(б). И вот он – в Политуправлении РККА, сначала начальник отдела кадров, затем начальник ОРПО, а уже 19 июня 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило его единственным тогда заместителем начальника Политуправления РККА²⁸⁵. Ему сразу же присваивают звание бригадного, а вскоре – дивизионного и корпусного комиссара.

Естественно, что в условиях носящейся в воздухе подозрительности соответствующий «сигнал» поступил

и на Кузнецова. В декабре 1938 г. работник «Правды» Корнблум сообщает Мехлису о том, что Кузнецов по своей прошлой работе (первым секретарем райкома партии) был связан с оказавшимися «врагами народа» бывшими секретарями Московского горкома ВКП(б) Кульковым и Братановским. Раз сигнал поступил, Мехлис реагирует мгновенно. Тем более что тень может пасть и на него самого. 21 декабря 1938 г. он пишет Сталину и Берии: «Никогда я не говорил с Братановским о Кузнецове. Кандидатура Кузнецова в ПУ РККА была названа и рекомендована тов. Хрущевым»²⁸⁶. Но процесс проверки идет уже как бы автоматически... Через несколько дней (очевидно, на каком-то совещании) он пишет записку первому секретарю Московского горкома партии: «Тов. Щербаков! Что удалось выяснить о Кузнецове? Просил тебя проследить. Мехлис, 25/ХП». И на записке помета: «Проверял. Пока ничего нет. А. Щербаков»²⁸⁷ (так пишет бывший главный партийный опекун советских писателей). Однако проверка шла своим чередом. Секретарь ЦК ВЛКСМ С.Е. Захаров 28 декабря 1938 г. сообщал Мехлису, что на строительстве Автозавода и в Пролетарском райкоме Кузнецов показал себя хорошим, авторитетным работником и что в качестве отрицательных сторон указывают на наличие у него грубости и на его малограмотность²⁸⁸. Но такие качества считались тогда не пороками, а чуть ли не достоинствами. «Мы диалектику учили не по Гегелю», – констатировал и не без гордости Маяковский. «Мы университетов не кончали», – не без самодовольства заявляли многие тогдашние руководители. Так что в этом отношении к Кузнецову претензий быть не могло.

Вспоминали, правда, и такой случай. Летом 1935 г. какой-то Московской кинофабрике необходимо было заснять для своего кинофильма фашистский

концентрационный лагерь. Для этого дела был выбран поселок рабочих строительства ЗИС. На самом поселке сделали надпись (чтобы зритель не сомневался): «Фашистский концентрационный лагерь», а рабочих, проживающих в этом поселке, засняли как заключенных в этом лагере. Конечно, получилось не очень изящно. Стоял вопрос о привлечении «к ответственности» секретаря парткома Кузнецова, но по вмешательству тогдашнего секретаря МГК ВКП(б) Кулькова дело было прекращено²⁸⁹. Секретарь Пролетарского РК ВКП(б) Лысов в своем отзыве сообщил было о том, что Кузнецов поощрял незаконное строительство (с расходом государственных средств), а за это ему самому была построена дача в Малаховке, которая сейчас перешла в его собственность²⁹⁰. Но это же не снизило его политической преданности? Тем более что Мехлис 14 января 1939 г. написал заместителю председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятову: «Передавая дело в КПК, я, как руководитель ПУ РККА, должен сказать мнение о Кузнецове. Он работает в ПУ РККА около года... Кузнецову не хватает культуры в работе, не хватает теоретической подготовки. Но никаких претензий политического порядка я предъявить Кузнецову не могу»²⁹¹.

И в самом деле – чем не образец! Как писал сам Кузнецов: «Партвзысканий никогда и ни за что не имел, колебаний никаких не имел, связей ни родственных, ни других с врагами не имел и не имею»²⁹² И видно, справедлива русская поговорка: рыбак рыбака видит издалека, коль сам партийный палач Шкирятов не нашел ничего предосудительного в действиях Кузнецова. Так что последний мог теперь расправляться со всеми «врагами народа» в полную силу, без оглядки. Хотя и до того занимался «корчеванием» усердно, но теперь, когда он получил

индальгенцию от Шкирятова, он мог заняться уничтожением «врагов» еще более энергично. (А еще 27 июня 1938 г. он высылает начальнику Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комбригу Н.Н. Федорову список лиц, которые, по архивным материалам Политуправления РККА, «значатся участниками антипартийной белорусско-толмачевской группировки»²⁹³. В приложении имелся основной список на 444 человека и дополнительный на 61 человека. Почти все они были обречены.)

По образу и подобию руководителей Политуправления РККА действовали и военные советы, и политуправления военных округов. Все еще надеясь не то что на справедливость, а хотя бы на спасение, армейские комиссары обращаются к так хорошо знакомому им народному комиссару обороны. 21 сентября 1937 г. Ворошилову пишет начальник Военно-хозяйственной академии РККА А.Л. Шифрес: «Решением Окружной парткомиссии ХВО я исключен из партии как не заслуживающий политического доверия. Это решение ОПК ХВО вынесла на основании непроверенных материалов, без предварительного расследования каждого предъявленного мне обвинения... Мне вменяется в вину, что в книжке «Комсомолец РККА», выпущенной в 1924 г., я «популярризовал Троцкого, называя его «вождем Красной армии». Это неверно. Эти слова взяты из официальной, приведенной в брошюре, программы политзанятий ПУРа»²⁹⁴.

Шифрес еще бьется, пишет наркому, на что-то надеется. А судьба его уже предрешена. И не только и не столько особистами, сколько его же вчерашними боевыми руководителями и сотоварищами. Он, конечно, и не знал, что уже 29 сентября 1937 г. он был обречен

решением заседания Военного совета ХВО. Выписка из протокола № 5 лапидарна и веет могильным холодом:

«1. О начальнике Военно-Хозяйственной академии РККА – армейском комиссаре 2-го ранга Шифресе А.Л.

Постановили: Телеграфно просить наркома обороны об увольнении из РККА и санкции об аресте.

Военный совет ХВО: Командарм 2-го ранга Тимошенко.

Бригадный комиссар Озолин»²⁹⁵.

...Что называется, «разобрались»... «Просьба с мест» была незамедлительно удовлетворена, Шифреса вскоре арестовали, а затем и расстреляли.

А вот другой довольно выразительный пример своеобразного понимания своего партийного долга и ответственности за судьбу и жизнь многих тысяч армейских коммунистов. Член Военного совета Краснознаменного Балтийского флота корпусной комиссар Г.А. Зиновьев в своем объяснении от 18 октября 1937 г. уверяет нового начальника Политуправления РККА армейского комиссара 2-го ранга П.А. Смирнова в том, что он (Зиновьев), работая до этого начальником политуправления Уральского военного округа, «быстро исключал из партии всех, кого надо». И тут же, чтобы решительно отмежеваться от объявленного врагом народа уже покойного бывшего начальника ПУ РККА, добавляет: «докладывал Гамарнику, этой сволочи, шпиону...»²⁹⁶.

Совершенно ясно, что при такой абсолютно четко обозначенной позиции военно-партийных верхов реальные возможности борьбы низовых партийных работников за справедливость, за честь и достоинство армейских коммунистов, против ложных и клеветнических наветов были крайне малы. А учитывая особенности военной субординации – ничтожны. И все-таки даже в той до предела мрачной атмосфере

находились люди, в основном - «простые» члены партийного бюро, которые, презрев страх за собственное существование, оставались верны долгу партийного товарищества и бесстрашно вставали за правду, «за други своя». Их было не так уж и много, но они были. Давно и справедливо сказано, чем ночь темней, тем ярче звезды...

Когда старший руководитель кафедры оперативного искусства Военной академии Генштаба РККА комбриг В.Н. Батенин был 23 июля 1937 г. исключен из рядов ВКП(б) за связь с «врагом народа» комкором Н.Н. Петиним, то через три недели (14 августа) партийное бюро Наркомата обороны отменило решение об исключении Батенина из партии и ограничилось объявлением ему строгого выговора с предупреждением²⁹⁷. Это означало оставление комбрига в армии. Правда, в конечном счете, особисты его все же «достали», он был арестован и в январе 1940 г. приговорен к расстрелу. Но это было позднее.

Сохранился протокол закрытого партсобрании в/ч 5924 от 4 марта 1938 г. Разбиралось дело командира полка Малишевского. Присутствовало 33 члена ВКП(б) и 6 кандидатов.

«Слушали: заявление, поданное в Военный совет на члена ВКП(б) тов. Малишевского И.П. членами ВКП(б) т. Орловым А.И. (бывший военком части) и б. отсекром партбюро Лебедевичем И.Н. от 25.9.37 г. В заявлении отмечается, что Малишевский в своей практической работе применял методы работы, во многом сходственные с деятельностью врагов народа, и сделали вывод, что Малишевскому не место в партии и нашем полку, а скорее всего, неразоблаченный враг народа.

Постановили: 1. Партийное собрание считает, что партийность т. Малишевского не вызывает никаких

сомнений – заявление тт. Орлова и Лебедевича о том, что Малишевский еще не разоблаченный враг народа, является необоснованным и клеветническим.

2. Партийное собрание считает, что в практической работе т. Малишевский имел ряд существенных недостатков...»²⁹⁸

Будущий «мятежный генерал», а тогда еще капитан П.Г. Григоренко был зачислен слушателем Военной академии Генштаба РККА осенью 1937 г. В своих прекрасных воспоминаниях он пишет: «На нашем курсе арестов не было. У нас им не дали развиваться и набрать силу. И этим мы обязаны двум людям: майору Сафонову – секретарю парторганизации нашего курса и полковнику Гениатуллину – заместителю секретаря этой же парторганизации. Они поняли, как раскручивается эта чертова мельница»²⁹⁹. И далее он подробно описывает, как проходило одно из заседаний партбюро. Поступило заявление слушателя полковника М.Н. Шарохина о том, что он служил вместе с людьми, которые потом оказались арестованными. Партбюро обсудило это заявление «в разном» и решило «Принять к сведению». Присутствовавшие на заседании партбюро военный комиссар академии и начальник особого отдела остались недовольны. Члены партбюро потребовали от них конкретные факты. Начальник особого отдела надменно заявил: «Я не обязан сообщать вам все, что мне известно». И тогда полковник Гениатуллин внес резолюцию о том, чтобы сообщить в партийную организацию Особого отдела о непартийном поведении их начальника и об оскорблении им партбюро. Гонор с особиста как ветром сдуло, он стал оправдываться, извиняться, но резолюция была принята. Впоследствии он получил выговор по партийной линии и был убран из академии. «А на нашем курсе, – продолжал Григоренко, – и впредь

заявления, подобные шарохинскому, «принимались к сведению», в том числе и мое. Ни одного дела за связь с врагами народа наша парторганизация не рассматривала, ни одного ареста на нашем курсе не было»³⁰⁰.

Меня все это крайне заинтересовало. Ведь речь идет о М.Н. Шарохине, будущем активном участнике Великой Отечественной войны, генерал-полковнике, Герое Советского Союза. И в одном из архивов мне удалось найти своеобразное дополнение к рассказу П.Г. Григоренко.

Вот какую партийную характеристику 5 августа 1938 г. составили и подписали в партбюро 1-го курса Академии Генштаба РККА на Шарохина Михаила Николаевича, 1898 г. р. «Член ВКП(б) с 1920 г., в Красной гвардии с XI.1917 г., в РККА добровольцем с 1918 г. Участник Гражданской войны... Политически развит хорошо. Идеологически устойчивый. Уклонов и колебаний от генеральной линии партии не имел. Активно участвует в партийной жизни Академии. Партзадания выполнял аккуратно (староста группы)... Пользуется доверием парторганизации и большим авторитетом среди товарищей. Выдержанный член партии и хороший товарищ. Образец в партийной и воинской дисциплине. Преданный член партии. Ответственный секретарь партбюро 1 курса АГШ Сафонов; члены партбюро Глушков, Волков, Арефьев, Клестов»³⁰¹.

Политработники тоже бывали разные. В газете «Красная звезда» от 18 июня 1938 г. утверждалось, что на должности помощника начальника ветотдела СибВО подвизается матерый бухаринец Полонский, связанный с врагами народа. Обычно за такой публикацией чуть ли не сразу следовал арест. Но в данном случае события развивались по-другому. 23 августа 1938 г. к редактору

«Красной звезды» официально обратился ответственный секретарь партбюро штаба и окружного управления СибВО батальонный комиссар Писаренко. Он сообщил, что партбюро провело специальное расследование, вплоть до института, где учился Полонский, опросило целый ряд лиц. «Никаких материалов, компрометирующих т. Полонского как члена партии, не установлено. Он полностью реабилитирован. Партбюро просит – на основе решений ЦК ВКП(б) – реабилитировать тов. Полонского через газету «Красная звезда»³⁰².

Редко, но находились отдельные армейские коммунисты, которые, рискуя собственным положением, решались выступить в защиту своих товарищей. Об одном таком случае из своей жизни вспоминал маршал Г.К. Жуков. Вскоре после вступления в должность командира 3-го конного корпуса в 1937 г. у него состоялся телефонный разговор с командиром 27-й кавдивизии В.Е. Белокосковым. Последний доложил, что в частях резко упала дисциплина. На вопрос Жукова «А что делает лично командир дивизии Белокосков?» тот ответил, что «командира дивизии сегодня вечером разбирают на парторганизации, а завтра наверняка посадят в тюрьму»³⁰³. Жуков немедленно выехал в 27-ю кавдивизию. Белокосков, чрезмерно бледный, лихорадочно взволнованный, встретил его в штабе дивизии и сказал: «Идемте, товарищ командир корпуса, на партсобрание... там меня будут исключать из партии, а что будет дальше – мне все равно. Я уже приготовил узелок с бельем». Жуков пошел на это партсобрание. Командира дивизии обвиняли прежде всего в том, что он был в близких отношениях с «врагами народа» Сердичем, Рокоссовским, Уборевичем. Никто в защиту командира дивизии не сказал ни единого слова. Казалось, он обречен. Но тут выступил Жуков, сказал,

что он давно знает Белокоскова по службе с самой лучшей стороны, собственно, поручился за него. Слово командира корпуса имело значение, атмосфера собрания резко переменялась. Решили ограничиться обсуждением.

Были в 1937–1941 гг. и другие подобные случаи попыток партийных организаций и отдельных политработников, партийных командиров противодействовать произволу органов НКВД в армии, защитить воинов РККА от огульных исключений из партии, от незаконных массовых арестов³⁰⁴.

Но надо со всей определенностью признать, что подавляющее большинство военных комиссаров, других политработников (а вслед за ними – и партийных организаций) не только не сумели хоть как-то помочь воинам в обеспечении декларативно провозглашенных в «Сталинской» Конституции прав гражданина СССР, но и выступили невольными (а нередко и совершенно сознательными) помощниками органов НКВД в выявлении и истреблении «врагов народа». Ведь «НКВД никогда не ошибается».

С первых дней создания института политработников возник и вопрос о налаживании нормальных взаимоотношений между ними и комсоставом. В годы Гражданской войны политработники, облеченные доверием осуществляющей безраздельную диктатуру большевистской партии, рьяно выполняли основную свою функцию – осуществлять политический контроль, в полном смысле этого слова – надзирать над беспартийными по преимуществу командирами, особенно за военспецами. В годы войны и штабные работники, да и командиры были вынуждены смириться с фактически подчиненным своим положением.

Такое состояние ни для какой армии не может быть нормальным, естественным. После окончания

Гражданской войны, по мере все большего укрепления единоначалия снова встал вопрос о взаимоотношениях между комсоставом и политработниками. На этот раз уже часть политработников, привыкших к своему исключительному положению в РККА, забила тревогу. Мол, их обижают командиры-единоначальники, с ними не считаются и т. п. Совместными усилиями к началу 30-х годов удалось наладить довольно надежное взаимодействие между командирами и политработниками. Но с восстановлением института военных комиссаров в мае 1937 г. с началом массового террора именно эта проблема опять стала весьма острой. Ведь непосредственными информаторами, сигнализаторами, а то и инициаторами кровавой расправы с комсоставом были прежде всего политработники, особенно военные комиссары. Да ведь они и поставлены-то были прежде всего для этого. Это неизбежно приводило к различного рода коллизиям.

Иногда бывало так, что никаких конкретных претензий «бдительные» вчерашние боевые товарищи предъявить не могли. Тогда исключали с довольно абстрактной формулировкой «по недоверию». Помощник командующего войсками ЗабВО комдив К.Х. Супрун, бывший батрак, кочегар, член партии с 1 мая 1917 г., был 8 марта 1938 г. решением бюро парторганизации штаба ЗабВО исключен из ВКП(б) «как не заслуживающий политического доверия»³⁰⁵. Член ВКП(б) с 1919 г. командир 143 сп полковник А.И. Щенснович исключен из партии перед арестом «как не внушающий доверия»³⁰⁶ и т. п.

Но, как правило, «вина» подвергшихся партийной репрессии определялась более конкретно. Михаил Андреевич Шошкин (1893 г. р.), уроженец Тамбовской губернии, из семьи рабочих, 15 лет работал по найму (пас скот). С 1918 г. – в Красной армии; в этом же году

стал членом партии. Активный участник Гражданской войны – комиссар кавбригады в Первой Конной армии, затем комиссар дивизии, корпуса. В послевоенные годы избирался делегатом XVI и XVII съездов партии. Получил звание комбрига. Командовал 50-й стрелково-пулеметной бригадой. И вот, по свидетельству его жены – Д.П. Шошкиной, выступая на совещании партактива 9 июня 1936 г., а затем на бригадном митинге 11 июня 1937 г. (в связи с опубликованием сообщения Прокуратуры СССР об аресте группы военачальников во главе с маршалом М.Н. Тухачевским и предстоящем суде над ними), командир бригады «допустил восхваление «врага народа» Тухачевского, характеризовал Тухачевского, как талантливого командира, владеющего 4-мя иностр(анными) языками»³⁰⁷.

Такое тогда не прощалось даже бывшим комиссарам Первой Конной. 29 июня 1937 г. «за отрыв от парторганизации и противопоставление себя парторганизации и партполитаппарату, за допущенную пропаганду врага народа Тухачевского, за игнорирование решения Пленума ЦК и указаний тов. Сталина»³⁰⁸ комбриг Шошкин был исключен из членов ВКПб). 6 апреля 1938 г. он был арестован, объявлен активным участником военно-фашистского заговора, 4 октября Военной коллегией Верховного суда приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 19 мая 1956 г.

Пример беспощадности и бесстыжности в расправе со всеми, хоть когда-то и в чем-то прегрешившими «по части троцкизма», показывала партийная комиссия Политуправления РККА. Военком Военно-воздушной академии РККА, дважды орденосец, дивизионный комиссар Я.Л. Смоленский такой «грешок» имел. В период партийной дискуссии в 1923–1924 гг. он посмел

свое суждение иметь и поддержал платформу тогдашнего нарком-военмора, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л.Д. Троцкого. Было Смоленскому тогда всего 24 года. Впоследствии, как записано в его персональном партийном деле, он отошел от троцкизма и защищал генеральную линию партии. В 1933 г. назначен комиссаром Военно-воздушной академии РККА. В 1935 г. ему присвоено персональное военное звание дивизионного комиссара. Но вот началась вакханалия большого террора. И снова все «грехи молодости» ему припоминают, и пружестоко. 16 ноября 1937 г. парткомиссия ПУ РККА «за поддержку троцкизма в 1923-1924 гг.» исключает его из рядов ВКП(б)³⁰⁹. 29 декабря 1937 г. Смоленского арестовывают, получают «признательные» показания и 29 августа 1938 г. «судят» и в тот же день расстреливают. Реабилитирован посмертно 23 июня 1956 г.

В персонально-партийном деле члена партии с 1917 г. командира 14 сд комдива Ж.И. Лаура значилось, что он в 1923 г. на партсобрании выступил в защиту «троцкистской формулировки» об отношении партии к молодежи. Уже в 1924 г. ему за это был по партийной линии объявлен строгий выговор. В дальнейшем, как видно из персонально-партийного дела Лаура, он к антипартийным оппозициям не примыкал и никаких колебаний в проведении политики не имел. Но вот наступил Тридцать седьмой год - год массового вылавливания, выкорчевывания и уничтожения всех «неверных», всех, кто хоть раз когда-то в чем-то колебнулся. И 25 ноября 1937 г. парткомиссией политуправления МВО «за сокрытие от партии принадлежности к троцкизму в 1923 г. (указанный выше случай. - О.С.) и потерю большевистской бдительности комдив Лаур был исключен из партии³¹⁰, а менее чем через месяц арестован и 30 сентября

1938 г. осужден к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

За «поддержку троцкизма» в 1923–1924 гг. были в 1937–1938 гг. исключены из партии комдивы Я.Л. Давидовский, Е.С. Казанский, М.М. Ольшанский, С.А. Чернобровкин и многие другие. А начальник штаба ЛВО комдив А.В. Федотов был в 1937 г. исключен из рядов ВКП(б) за то, что в 1924 г. присутствовал на партсобрании, на котором была принята поддерживающая оппозицию резолюция³¹¹. Знай, на какое собрание ходить...

А если уж никак нельзя было подтвердить, доказать участие того или иного коммуниста в оппозиции, то такую оппозиционность «творчески» придумывали, т. е. попросту прибегали к вульгарной фальшивке. Член ВКП(б) с 1916 г., награжденный в Гражданскую войну двумя орденами боевого Красного Знамени, начальник Ленинградского института инженеров Гражданского Воздушного Флота полковник Я.Д. Узар был исключен из членов партии за то, что он якобы в период дискуссии в январе 1924 г. подписал адресованное в газету «Правда» коллективное письмо в защиту оппозиции. Сразу после исключения полковника, конечно же, арестовали, осудили, расстреляли, через 20 лет посмертно реабилитировали. При дополнительной проверке было установлено, что такое письмо в указанное время в «Правде» вообще не публиковалось³¹².

Начальник Военно-морского инженерного училища им. Ф.Э. Дзержинского в Ленинграде инженер-флагман 3-го ранга Ф.К. Рашевич, член партии с 1919 г., партийные чистки 1929 и 1933 гг. «прошел положительно». Но в погромном 1937 году его обвинили в принадлежности (в прошлом) к троцкистско-зиновьевской оппозиции. И хотя, как это было позднее

выяснено по архивным материалам, участие Рашевича в оппозиции не было установлено, парткомиссия ВМИУ 28 декабря 1937 г. исключила начальника училища из рядов ВКП(б)³¹³. По тем временам – человек был обречен. И действительно. Уже 30 декабря инженер-флагман 3-го ранга был арестован, на предварительном следствии и в суде «признался», что входил в состав контрреволюционного военно-фашистского заговора, действовавшего в Военно-Морском флоте, «что и требовалось доказать». Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 21 сентября 1938 г. осужден к расстрелу. Реабилитирован посмертно 27 октября 1956 г.

А если кто не быстро исключал, того самого исключали. 7 января 1938 г. парторганизация штаба ЗабВО исключает из партии заместителя начальника политуправления округа бригадного комиссара В.Н. Русова за притупление классовой бдительности, выразившееся в том, что он якобы «обеспечивал невскрытие вредительской работы троцкистской организации»³¹⁴. А далее 10 февраля 1938 г. Русов арестован, в октябре расстрелян. Посмертно реабилитирован.

Одной из стандартных формулировок причин исключения из партии была: «За связь с разоблаченными ныне врагами народа» (Тухачевским, Гамарником, Уборевичем, Якиром, Блюхером и др.). По такой формуле можно было с ходу исключать почти всех политработников РККА, всех, кто служил в Белорусском, Киевском военных округах, в ОКДВА, да и во всех других военных округах, поскольку все командующие войсками всех военных округов были арестованы. И исключали. По этим мотивам («за связь и неразоблачение») были выкинуты из партии комдивы П.П. Григорьев и В.П. Добровольский; дивизионные

комиссары А.А. Гусев, Р.Э. Кавалере, В.В. Серпуховитин, И.А. Свинкин, П.В. Суслов; комбриги Я.М. Жигур, Ф.Ф. Кармалюк, Н.И. Подчуфаров, А.И. Сатин, А.А. Суслов; бригадные комиссары Л.П. Иофин, А. – А.Ю. Киверцев-Китаер, А.М. Круглов-Ланда, полковые комиссары К.В. Вахнов, Т.М. Спире и мн. др. Иногда исключали прямо пачками. По обвинению в связи с лицами, впоследствии арестованными органами НКВД, в Оренбургской военной школе летчиков были исключены из партии бывший начальник политотдела школы бригадный комиссар А.В. Субботин, батальонный комиссар Р.Я. Родау, капитан И.С. Примак, политрук Н.Т. Седов³¹⁵.

А вообще, искали хоть какую-либо «зацепочку». Пусть хоть что-нибудь «неположенное» случилось 15–20 лет тому назад. Все равно годилось. Военком бригады миноносцев КБФ бригадный комиссар А.П. Коновалов был исключен за то, что в 1925 г. он по комсомольской работе «был связан» с лицами, впоследствии репрессированными органами НКВД³¹⁶.

Можно, пожалуй, классическим индикатором атмосферы всеобщей подозрительности и страха перед органами НКВД, царившей в РККА, считать историю, приключившуюся с политруком Рыбниковым. Примерно в конце октября 1938 г. уполномоченный особого отдела по 24 артполку 24 сд (ЛВО) Бутынин заявил комиссару полка батальонному комиссару Гашинскому о том, что особый отдел «забирает» начальника клуба полка политрука Рыбникова. Военком слово «забирает» понял так, что «арестовывает», и немедленно доложил об этом начподиву Писклюкову. А тот, не разобравшись, даже не удосужившись переговорить с начальником Особого отдела дивизии, который в это время сидел у него в кабинете, дал указание Гашинскому: «Разобрать Рыбникова на парторганизации и исключить его из партии». В тот же день на партбюро артполка

поставили вопрос: доклад Рыбникова о работе клуба. Гашинский предложил исключить его из партии – и все, как послушные роботы, проголосовали за исключение. Однако на следующий день выяснилось, что Рыбников «врагом» никогда не был, что его никто не собирался арестовывать, что Особый отдел собирался «забрать» его для работы в органах НКВД и предполагалось послать его на должность начальника райотдела НКВД. Получился настоящий скандал. Полковое партбюро срочно отменило свое решение как ошибочное. Рыбникова в партии восстановили. Уполномоченному особого отдела Бутынину вынесли партийное, а затем и дисциплинарное взыскание (непонятно, за что?)^[31]. Но с комиссарами и секретарями партбюро этот факт лакейского угодничества некоторых политработников перед органами НКВД так и не стал предметом специального рассмотрения³¹⁷.

Уже в начале июня 1937 г., т. е. еще до официального объявления о «вскрытии» военно-фашистского заговора в РККА, в войсках наблюдаются явно ненормальные процессы. 5–8 июня 1937 г. командующий ВВС СКВО корпусной комиссар М.Ф. Березкин докладывал Сталину и Ворошилову, что «в округе на 900 командиров авиации 90 человек исключенных из партии и 150 человек, имеющих различные социально-политические, как у нас выражаются, хвосты»³¹⁸.

Причем, как неоднократно отмечалось, исключение военнослужащего из ВКП(б) по политическим мотивам означало для него не только политическую смерть, но и крутую перемену в жизни. Соответствующим приказом Ворошилова предписывалось таких людей немедленно увольнять из РККА. А бдительные комиссары внимательно следили за строгим выполнением этого приказа и, если где-то случалась задержка, немедленно

сигнализировали. Так, 15 января 1938 г., член Военного совета Биотехнического института бригадный комиссар А.И. Запорожец пишет Мехлису: «В третий раз прошу И.Д. начальника Биотехнического института НКО военврача 2-го ранга Хатеневера Л.М., как исключенного из партии по политическим мотивам, немедленно уволить из рядов РККА»³¹⁹. Надо отметить, что такое решение Запорожца не осталось незамеченным. Вскоре он был назначен комиссаром Генштаба, затем – членом Военного совета МВО и, наконец, осенью 1940 г. сменил Мехлиса на посту начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии. Но особых деловых талантов на этом посту он не проявил, хотя ему и было присвоено высшее для политработников воинское звание армейский комиссар 1-го ранга.

В ту мрачную пору исключение из партии по политическим мотивам означало не только немедленный «вылет» из РККА, но и практически почти стопроцентный шанс быть арестованным органами НКВД. Ибо «на гражданке» им не нужно было уже никаких санкций от наркома на арест. И с местными прокурорами они, как мы увидим позже, всегда могли договориться. «Брали» по-разному, кого как. Иногда через несколько месяцев после исключения из партии и увольнения из армии, чаще через месяц, а то и неделю. Бригадного комиссара М.М. Субоцкого исключили 10 июня 1937 г., арестовали 11-го. Иногда же арестовывали сразу после исключения из партии, буквально в тот же день. Так поступили, например, с начальником отдела агитации, пропаганды и печати политуправления СибВО батальонным комиссаром М.Я. Яковлевым 6 марта 1937 г.³²⁰, с начальником политотдела учебного отряда подводного плавания

Балтийского флота батальонным комиссаром С.Г. Сиркисом 1 октября 1937 г.³²¹ и др.

Но при всем старании не в меру ретивых «исключальщиков», всех тех, кого «надо было исключить», не успевали. Ход массовых арестов военнослужащих (особенно после «вскрытия» военно-фашистского заговора в РККА) значительно опережал процесс исключения из ВКП(б). И сложилось такое положение, что многих военных арестовывали, когда партийные билеты находились еще у них на руках. И тут особисты куражились над партийностью, как только могли. Вопреки элементарным требованиям Устава ВКП(б), они бесцеремонно и нагло забирали себе партбилет у арестованного (потом они все-таки сдавали этот партбилет в политуправление военного округа или в парткомиссию). Именно силою партийный билет был отобран у таких лиц комначполитсостава РККА, как армейский комиссар 2-го ранга Г.И. Векличев; комкор И.И. Гарькавый; корпусной комиссар М.Л. Хорош; комдивы Я.И. Зюзь-Яковенко, П.Б. Княгницкий, В.С. Коханский, В.С. Сидоренко, П.Л. Соколов-Соколовский, Н.М. Уваров; дивизионные комиссары В.Б. Зайцев, Ф.Я. Левензон, И.С. Нижечек, В.К. Озол, Я.Т. Царев, комбриги С.Ф.Тулин, В.И. Мернов, С.П. Обысов, П.Р. Потапенко, Д.М. Руденко, С.Г. Хорьков; бригадные комиссары Я.В. Русов, О.И. Спалвин; полковники П.Ф. Беляков, Н.П. Вишневецкий, В.Д. Достойнов, А.О. Индзер, А.К. Меднис, Х.А. Пунга, Ф.М. Саленек, А.И. Шипунов; полковые комиссары М.А. Илюкович-Строковский, П.В. Мухин; военюрист 1-го ранга И.И. Трупчинский, военюрист 2-го ранга П.С. Коляда; майоры С.Ф. Назаров, И.Н. Попов; капитан К.И. Гот-Гарт; старший лейтенант И.И. Дамберг и мн. др.

Но ВКП(б) внешне блюла свою чистоту, прямо как Христова невеста. Она же не могла допустить, чтобы

расстреливали людей, которые еще числятся в партии. И опять-таки вопреки партийному Уставу, заочно, до всякого судебного решения, по-быстрому и почти автоматически и, пожалуй, стопроцентно армейские партийные организации начали «изгонять скверну» – выкидывать из партии всех арестованных особыми отделами НКВД.

Первого июня 1937 г. обсуждалось персональное партийное дело только что арестованного начальника Автобронетанковых войск ОКДВА, члена ВКП(б) с 1917 г. сорокалетнего комдива С.И. Деревцова. В выступлениях коммунистов говорилось о том, что Деревцов был в молодости батраком, матросом, участвовал в штурме Зимнего дворца, за героизм на фронтах Гражданской войны награжден двумя орденами боевого Красного Знамени. Член ВКП(б) Соловьев сказал, что знал Деревцова с 1927 года, однако чего-либо отрицательного за ним не замечал. Было известно также, что за двадцать лет пребывания в партии Деревцов партвысказываниям не подвергался, в оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. Выступавшие отмечали некоторые недочеты в его служебной работе, однако никаких фактов враждебной деятельности приведено не было. И тем не менее те же выступавшие, его вчерашние боевые товарищи в партийном строю, заявляли, что раз Деревцов арестован, надо его из партии исключить. И исключили³²². А 25 марта 1938 г. он был расстрелян в Хабаровске.

Член ВКП(б) с 1917 г. преподаватель Военной академии им. Фрунзе, комдив Г.С. Замилацкий был арестован 3 июня 1938 г. и ровно через неделю – 10 июня – его вчерашними сослуживцами он из партии был исключен в связи с арестом³²³. А в Чите действовали еще быстрее. Помощник командующего войсками ЗаБВО

по ВВС комдив И.И. Карклин был арестован 11 августа 1937 г., а уже 15 августа он был парторганизацией штаба и управления ЗабВО исключен из партии, в которой состоял с 1918 г., как разоблаченный, арестованный органами НКВД враг народа³²⁴. Насколько же однозначна логика того времени. Раз арестован – значит, разоблачен. А раз разоблачен – надо расстреливать, что и было исполнено 2 октября 1938 г.

Командующий военно-воздушными силами УрВО комдив А.Т. Кожевников был арестован 13 февраля 1938 г., а уже через шесть дней постановлением окружной парткомиссии УрВО исключен из рядов ВКП(б)³²⁵. Командир Особой кавдивизии им. Сталина комдив Н.И. Точенов состоял членом ВКП(б) с 1919 г. За время командирской службы парторганизация зорко следила за каждым его шагом и спуску не давала. За период 1926–1933 гг. на него трижды налагались партвзыскания (за невыдержанность и грубость с подчиненными; за неправильный подбор кандидатов в авиашколу; за укрытие факта службы в 1916–1917 гг. рядовым в конно-жандармском дивизионе). Но время шло, уроки извлекались, взыскания снимались... А вот когда комдива Точенова 8 июня 1937 г. арестовали, тут уже было не до обычных взысканий. 11 июля 1937 г. он был исключен из рядов партии в связи с арестом органами НКВД³²⁶.

Вообще формула «исключен из партии в связи с арестом по настоящему делу» довольно часто встречается в надзорных производствах. Так сказано, например, о бывшем командире 39 сд ОКДВА, члене ВКП(б) с февраля 1917 г. комдиве Д.С. Фирсове³²⁷, а также в делах бывшего помощника командующего ОКДВА по материальному обеспечению, члена ВКП(б) с 1919 г. дивинтенданта Г.А. Дзызы³²⁸, бывшего члена Военного совета Уральского военного округа, члена

ВКП(б) с 1918 г. дивизионного комиссара А.В. Тарутинского³²⁹, бывшего члена Военного совета Сибирского военного округа дивизионного комиссара Н.А. Юнга³³⁰ и многих других.

Исключение из партии арестованных органами НКВД проводилось сверхоперативно. Некоторые партийные комиссии чуть ли не в «социалистическое» соревнование вступали: кто быстрее исключит... Окружная парткомиссия Уральского военного округа исключила из партии командующего войсками округа комкора И.И. Гарькавого через шесть суток после его ареста³³¹, а парткомиссия Амурской военной флотилии сделала это с начальником политотдела флотилии дивизионным комиссаром В.С. Винокуровым уже через пять суток³³². Начальник Центрального аэроклуба СССР комбриг М.С. Дейч был исключен из партии через два дня после его ареста³³³. Абсолютный рекорд поставили в г. Куйбышеве, где арестованного 4 октября 1937 г. заместителя начальника политуправления ПриВО дивизионного комиссара М.П. Бартера сумели исключить из рядов ВКП(б) (в которой он состоял с 1917 г.) в тот же день. Ведь «НКВД никогда не ошибается».

Ритуальный механизм обязательного исключения из партии перед осуждением и расстрелом действовал безукоризненно, так, словно соборование православного перед кончиной. Из более чем двух тысяч изученных мною надзорных производств, только в одном – на осужденного 2 октября 1938 г. к расстрелу комдива М.Н. Шалимо мне попала такая запись: «Данных об исключении из партии осужденного не имеется»³³⁴ (но партбилет-то был исправно отобран при аресте и у него).

Итак, армейские и флотские парторганизации, руководимые и направляемые военными комиссарами и

целой сетью политических управлений и отделов, в подавляющем большинстве случаев бросили военных партийцев, попавших под подозрение Особых отделов. Хуже того, своими чуть ли не сплошными исключениями «неблагонадежных» из ВКП(б) партийные организации давали как бы «наводку» особистам: парторганизация РККА в целом не только не встала на защиту своих ложно обвиняемых сынов, но бросила их, обрекла на заключение в застенках НКВД, подобно тому как древних христиан кидали диким зверям на растерзание...³³⁵

Еще раз хочу заметить, что подобную ситуацию было бы неправомерно рассматривать как следствие выхода НКВД из-под контроля партии. Здесь надо различать далеко не одинаковые уровни в структуре партии: местные парторганизации, не говоря уже о рядовых коммунистах, и центральное руководство. Так вот, что касается партийного Центра, то из-под его повседневного наблюдения, надзора и полного контроля органы НКВД никогда и ни на минуту не выходили. Политбюро ЦК ВКП(б), и прежде всего такие его члены, как Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Андреев, неослабно контролировали каждый шаг НКВД. Именно они ставили наркомату генеральную задачу по осуществлению массового террора. И так же как они сами абсолютно не считались с волей и пожеланиями партийных низов, то позволили и органам НКВД действовать на местах подобным же образом. Сами же партийные низы, чувствуя свою незащищенность и обреченность, отдавали на заклятие товарищей по партии и равнодушно ждали своего смертного часа...

Кто же сохранялся, кто «правил бал» в армейских парторганизациях? Прежде всего те, кто активно выявлял и исключал. Многие из них торжествовали временно. Они, быть может, и не подозревали, что и

над их головами уже занесен топор, который и опускался в свой черед. Продолжали функционировать и те, которые, возможно, не зная об этом, следовали наставлению Эпикура: «Проживи незаметно». Это молчаливое большинство, покорно выполняющее любые пожелания вышестоящих, *volens-nolens* было соучастником погрома в парторганизации РККА.

Позорная роль армейских и флотских военных комиссаров, политорганов и парторганизаций в трагедии РККА в 1937-1938 гг. была сыграна и, собственно, закончена в ее первом акте - в процессе незаконных массовых арестов безвинных военнослужащих с фактического согласия и даже одобрения комиссаров, политорганов, парторганизаций. Теперь, когда птичка оказалась в клетке, мнение партийных организаций уже никого не интересовало. И они - военные комиссары, политработники, парторганизации, как правило, ничего не знали, что творится с выданными ими вчерашними большевиками на предварительном следствии, в суде. Узнавали лишь, и то не всегда, что очередной «враг народа» уничтожен.

Последняя надежда оставалась на прокуроров, особенно военных. Уж они-то, казалось, на то и поставлены, чтобы строжайшим образом блюсти закон, не допускать безвинного ареста хотя бы одного человека. Прокурором Союза ССР в январе 1935 г. был назначен работавший до того прокурором РСФСР А.Я. Вышинский. Имя этого образованного и опытного профессионала было широко известно в стране и в армии прежде всего по его какой-то исступленной риторике на судебных процессах с непременным требованием смертной казни «врагам народа». Позднее Роберт Конквест метко и справедливо назовет его «режиссером человеческой мясорубки»³³⁶, а тогда

Сталин не мог налюбоваться усердием и талантами своего выдвиженца и, по некоторым свидетельствам, одарил его завидной по тем временам характеристикой: «умный прокурор»³³⁷. За такой высокой словесной оценкой «вождя» воспоследовала высшая награда страны. 20 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает проект постановления ЦИК СССР: «За успешную работу по укреплению революционной законности и органов прокуратуры наградить т. А.Я. Вышинского орденом Ленина»³³⁸.

Об истинном отношении Вышинского к праву и законности можно судить по его шифрограмме всем прокурорам в связи с совершенно секретным оперативным приказом Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г., в которой, в частности, говорилось: «Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются»³³⁹. Вот что такое Вышинский без личины. Такая позиция прокурора СССР имела тем более негативное значение, что Главная военная прокуратура тогда в штатах НКО не состояла (числилась в Прокуратуре СССР).

Несмотря на значительные трудности, все же военному ведомству удалось несколько увеличить количество сотрудников военных прокуратур. Если в 1931 г. в стране насчитывалось всего 130 военных прокуроров (вместе с помощниками прокуроров) и 145 военных следователей, то к 1 января 1935 г. их число возросло соответственно до 199 и 234. У военных прокуроров имелся солидный партийный стаж, а 20 человек вступили в партию еще в 1917 г., а то и ранее. Многие имели значительный опыт практической военно-судебной работы. Но подлинным бичом решавших человеческие судьбы военных прокуроров была совершенно неудовлетворительная общеобразовательная подготовка большинства из них.

Ведь и их отбирали, и назначали не столько по профессиональной подготовленности, сколько по партийности и политической преданности партийной верхушке. Вот и получилось, что через 16 лет после создания РККА 45 % военных прокуроров (с помощниками) имели только низшее образование. А у военных следователей таких было даже больше половины (52 %)³⁴⁰.

В 1936 г. на службе в РККА состоял довольно значительный отряд военно-юридических работников (883 человека), удостоенных персональных военных званий. Из них 228 человек в званиях среднего начсостава (54 младших военюристов и 174 военюриста), 531 человек – в званиях старшего начсостава (192 военюриста 3-го ранга, 139 военюристов 2-го ранга и 200 военюристов 1-го ранга) и 124 человека – в званиях высшего начсостава (99 бригавоенюристов, 21 диввоенюрист, 3 корвоенюриста и 1 армвоенюрист)³⁴¹.

На 1 апреля 1938 г. в военных прокуратурах РККА имелось по штату 256 военных прокуроров, их заместителей и помощников и 244 военных следователя³⁴². В июле 1938 г. главный военный прокурор предложил в целях поднятия престижа в войсках военно-юридических работников включать их в военно-политический состав. На соответствующей докладной записке ГВП имеется помета: «...т. Щаденко заявил – предложение т. Розовского учтено и юридические работники входят в графу политработников. 9/VIII. Кузнецов»³⁴³. Для пополнения кадров военной прокуратуры к середине февраля 1940 г. областными комитетами ВКП(б) были отобраны и рекомендованы коммунисты в счет «100»³⁴⁴.

К середине июля 1940 г. Главная военная прокуратура (насчитывавшая по штату 159 человек, из

них 75 - оперативных сотрудников) руководила состоящими в штате НКО 180 военными прокуратурами Красной армии и 96 военными прокуратурами войск НКВД и военизированных организаций (железнодорожные, бассейновые)³⁴⁵. Казалось бы, это большая сила при нормальных условиях вполне могла бы обеспечить соблюдение хотя бы элементарных норм законности. Но это не удалось.

Когда внимательно вдумываешься в историю работы военной прокуратуры в РККА, неизбежно приходишь к выводу о том, что чуть ли не с первых дней своей деятельности ей приходилось сталкиваться с нежеланием Особых отделов считаться с провозглашенными советскими законами. Уже в 1924 г. старший помощник прокурора Верховного суда СССР по военной прокуратуре Н.Н. Кузьмин докладывал: «Условия, в которых осуществляется надзор за деятельностью органов ГПУ, заставляют желать многого. Часто встречающимися явлениями до сих пор остаются необоснованные аресты, расплывчатость предъявляемых обвинений, преувеличение перспективы дела³⁴⁶. В ноябре 1925 г. члена партии с 1903 г., дважды награжденного боевым орденом Красного Знамени Н.Н. Кузьмина из военной прокуратуры убрали.

В феврале 1926 г. вопрос о взаимоотношении особых отделов и военной прокуратуры обсуждался на специальном политсовещании в МВО. В принятой здесь резолюции опять отмечалось нарушение законов представителями ОГПУ. Кстати, на этом совещании имел место весьма многозначительный эпизод. Военный прокурор МВО С.Н. Орловский предложил организовать для работников Особых отделов цикл занятий по изучению существующих законов, норм уголовного права и процесса и т. п. Но начальник особого отдела МВО непреклонно заявил: «Мои уполномоченные не

нуждаются в инструктировании извне»³⁴⁷. Очень характерна эта горделивость своей особостью, кастовостью. Никого не подпускать извне, если это даже закон. ОГПУ (так же, как потом НКВД) и так никогда не ошибается...

Против своеволия органов ОГПУ в РККА в феврале 1928 г. выступает новый главный военный прокурор П.И. Павловский. Он обратил внимание на то, что деятельность ОГПУ регламентируется многими инструкциями и актами, которые вообще закрыты для прокурорского надзора. Павловского также убирают – не возникай...

Примерно к концу 1936 г. – эта борьба заканчивается полным поражением военных прокуроров и злорадным торжеством все более наглеющих Особых отделов НКВД (им позволили наглотать!). Вот лишь несколько фактов. Военный прокурор БВО диввоенюрист Н.А. Малютин с тревогой сообщает главному военному прокурору о массовых арестах с нарушением «революционной законности» и буквально вопиет: «Мы как военные прокуроры реального ничего сделать не можем». И что же ему ответили из Москвы? «НКВД разберется, нечего особенно в это дело влезать»³⁴⁸. Военный прокурор МВО Ю. Берман и председатель военного трибунала МВО корвоенюрист Л.Я. Плавнек сообщают главному военному прокурору Н.С. Розовскому о фактах произвола Особых отделов и просят его отреагировать. И Розовский «отреагировал» – передал эту докладную записку в Особый отдел МВО. Начальник следственного отдела ОО НКВД МВО майор госбезопасности В. Столяров на записке еще не арестованных военных прокуроров высокомерно начертал: «Учесть при следствии»³⁴⁹. Он знал, что делал – вскоре Берман и Плавнек были арестованы.

Пожалуй, довольно адекватно отразил сложившуюся ситуацию начальник УНКВД по Новосибирской области майор госбезопасности И.А. Мальцев, который как бы по-отчески увещевал военного прокурора военюриста 1-го ранга М.М. Ишова: «Вы, Ишов, напрасно пытаетесь идти против НКВД. Ведь государство – это мы, и бороться с нами у вас не хватит силенок...»³⁵⁰ Не знаю, слышал ли Мальцев о Людовике XIV, но знаменитую формулу «короля-солнца» «Государство – это я», он экстраполировал весьма реалистично и удачно в коллективистскую «Государство – это мы, НКВД». При такой формуле прокуратуре места не остается.

Исключительно неблагоприятное воздействие на деятельность военных прокуроров оказывало и то, что занимавший с 1935 г. по 1939 г. пост главного военного прокурора Н.С. Розовский нередко устранился от своих прямых прокурорских функций, старался всячески угодить своему шефу Вышинскому и, по существу, превратил Главную военную прокуратуру РККА в одно из звеньев механизма массового истребления безвинных людей. В основном за это Розовскому было присвоено высшее среди военных юристов персональное военное звание «армвоенюрист».

Разумеется, на местах находились и такие военные прокуроры, которые протестовали против беззаконий, отказывались давать санкции на арест военнослужащих без должных оснований. По некоторым данным, открыто восставали против беззаконий около 80 военных прокуроров³⁵¹. На таких прокуроров «нажимали» особисты и не очень щепетильные начальники, тогда они обращались за помощью в Главную военную прокуратуру. Но, как заявляли прокуроры ГВП в апреле 1939 г., «они у нас в Главной военной прокуратуре поддержки не имели и всегда, как

правило, при возникновении таких споров снимался или переводился прокурор. Так, работники НКВД выжили из ДВК прокурора ОКДВА т. Анкудинова, т. Цыбин переведен из БВО из-за несработанности с органами НКВД, которым отказывал в выдаче санкций на аресты»³⁵².

Но перевод военного прокурора к другому месту службы по тем временам считался не наказанием, а лишь намеком. Наиболее «непокорных» военных прокуроров, пытавшихся бороться против незаконных арестов, самих запросто арестовывали. Как явствует из доклада главного военного прокурора в апреле 1938 г., из 500 военно-прокурорских работников оказались арестованными 30 человек (6 % к общему штату оперативных работников^[32]), в том числе 8 прокуроров военных округов и 12 корпусных и дивизионных прокуроров³⁵³. В числе арестованных были военные прокуроры военных округов диввоенюристы Ю.Я. Берман (Московского), Н.М. Кузнецов (Ленинградского), Н.А. Малютин (Белорусского), Е.Л. Перфильев (Киевского), Г.И. Оганджян (Закавказского); военный прокурор ОКДВА В.И. Малкис, прокурор пограничной и внутренней охраны войск НКВД Украинской ССР Н.Н. Гомеров, заместитель народного комиссара юстиции СССР, бывший заместитель главного военного прокурора диввоенюрист А.С. Гродко и др. Были арестованы бригавоенюристы военные прокуроры: Забайкальского военного округа (Г.Г. Суслов), Харьковского военного округа (К.И. Романовский) и его помощник (М.И. Ставицкий), военные прокуроры Краснознаменного Балтийского флота И.К. Гай и И.М. Стурман и Черноморского флота П.С. Войтеко, заместитель военного прокурора МВО А.П. Берзин, военный прокурор войск НКВД МВО Ю.А. Дзервит, а

также помощники главного военного прокурора Иоссель и Казаринский и др.

Насколько глубоко запала ненависть особистов ко всяким попыткам контроля за законностью их действий можно судить по тому, что из всех главных военных прокуроров с 1924 г., своей смертью успел умереть только С.Н. Орловский (да и то, возможно, потому, что он, как бывший секретарь Реввоенсовета 1-й Конной армии, был хорошо известен Ворошилову), а все остальные до единого – Н.Н. Кузьмин, П.И. Павловский, М.М. Ланда – арестовывались (Кузьмин и Ланда расстреляны), Павловский умер, «отбывая наказание».

Не миновала чаша сия и главного военного прокурора Красной армии армвоенюриста Н.С. Розовского. Уж как он старался угодить и Вышинскому, и его хозяевам, и на места прокурорам давал указания «санкции на арест давать безотказно... не мешать производству арестов»³⁵⁴, а все же иногда по частным вопросам осмеливался потревожить начальство напоминанием о необходимости соблюдения хотя бы элементарной законности. Сам он принять соответствующие меры не решался, но «ставил вопросы» перед начальником Политуправления РККА. Один из красноармейцев необдуманно заявил своему товарищу, что он не будет принимать военную присягу. «Товарищ» оказался «бдительным», и «антисоветчик» был немедленно арестован. В данном случае военные прокуроры оказались на месте. 7 мая 1939 г. Розовский докладывает Мехлису: «Мною получено сообщение военного прокурора САВО о неправильных действиях военкома 28-го отдельного батальона местных стрелковых войск старшего политрука Козловского, выразившихся в незаконном аресте и отстранении от принятия присяги красноармейца ПАНИНА И.Г.»³⁵⁵.

Но даже такие робкие попытки Главной военной прокуратуры напомнить о необходимости, хотя бы видимости поддержания законности, надоели сотрудникам Особых отделов НКВД. И 17 июня 1939 г. Берия направляет Ворошилову «имеющийся в НКВД СССР компрометирующий материал на работников Главной военной прокуратуры». Ссылаясь на показания ранее арестованных «участников антисоветского военного заговора» (бывшие заместитель и помощники главного военного прокурора А.С. Гродко, Иоссель и Казаринский, бывшие военные прокуроры военных округов: Оганджян, Берман, Малкис, Малютин, Кузнецов), Берия утверждал, что в Главной военной прокуратуре существует еще не выкорчеванная заговорщическая организация, которую возглавляет сам главный военный прокурор Н.С. Розовский и в которую якобы входят два прокурора ГВП (Л.М. Брайнин и Д.С. Клебанов) и два помощника ГВП (Л.М. Калугин и А.Х. Кузнецов). Объективных доказательств виновности Розовского никаких, одни голословные обвинения, вроде «насаждал в аппарате ГВП и на местах троцкистские и другие враждебные элементы», или показания арестованного бывшего военного прокурора Черноморского флота Войтеко, что он «слышал со стороны Розовского похабнейшие антисоветские анекдоты и загадки по адресу вождя нашей партии»³⁵⁶.

В посланном в этот же день Берией Мехлису сообщении о «разоблачении» Розовского было сказано, что главный военный прокурор Красной армии «уличается показаниями арестованных как участник военно-фашистского заговора в РККА и руководитель заговорщической организации в прокуратуре»³⁵⁷. Вскоре он был арестован. Следствие длилось почти два года. И только за неделю до начала Отечественной войны он наконец предстал перед Военной коллегией

Верховного суда СССР, осудившей его по формуле «10+5» (10 лет лагерей и 5 лет поражения в политических правах). Но Розовский протянул недолго, умер в ИТЛ в 1942 г. В декабре 1956 г. Военная коллегия частично изменила приговор (посмертно), поскольку никакой заговорщической организации в Главной военной прокуратуре, как и в целом в РККА, не было. Что же касается инкриминируемой ему совершенно недостаточной борьбы против беззакония в отношении военных кадров, то в этом отношении приговор не пересматривался.

Какие бы беззакония ни творились в РККА, в официальных документах всячески пытались их показать, как «законные». Рано или поздно, но все палачества, как правило, освящались тогдашней военной юстицией. Следовательно, несмотря на руководящую роль Центра и руководства НКВД в организации массовых репрессий, многое в судьбе арестованных командиров, политработников, бойцов РККА непосредственно зависело от военных юристов – прокуроров, следователей, членов военных трибуналов и т. п.

Конечно, при существовавшей в стране и армии системе варварского деспотизма, «всяких прокуроров» терпели лишь постольку, поскольку они были безропотными до холуйства, исполнителями воли вышестоящих начальников и сотрудников Особых отделов НКВД.

Увы! Надо со всей определенностью признать, что подавляющее большинство военных прокуроров не выполнили своего профессионального долга. В массе своей они действовали по принципу «Чего изволите?». Главной причиной такого позорного явления был всепоглощающий страх перед безжалостной кровавой машиной уничтожения, колесиками которой они сами оказались. Но не только. Была и еще одна

немаловажная причина – их совершенно неудовлетворительная профессиональная подготовка, по сути, полная профнепригодность. И это не столько их вина, сколько беда. Ведь долгое время – почти два десятилетия военных юристов вообще нигде не готовили. На работу в органы военной прокуратуры нередко посылали людей в порядке партийного поручения.

Мало того, что профессиональное неумение, трусливое нежелание серьезно противостоять арестам безвинных людей превратило многих военных прокуроров в фактических пособников злодеяний Особых отделов, так среди них находились и такие, которые делали это черное дело с особым рвением. В частности, целый ряд авторов упоминают в связи с этим как патологическую личность начальника одного из отделов Главной военной прокуратуры С.Я. Ульянову. К ним же, очевидно, надо отнести и исполнявшего обязанности военного прокурора ЛВО диввоенюриста Шмулевича. По свидетельству военного прокурора 5-го стрелкового корпуса Федяинова, в этом округе «операции с НКВД проходили огульно. Лес рубят, щепки летят. Шмулевич в одну ночь давал по полторы тысячи санкций на аресты, это разве не огульно?...»³⁵⁸

Впрочем, и сам Федяинов был «хорош». В докладной записке старшего инструктора ОРПО Политуправления РККА полкового комиссара А. Магида от 25 апреля 1939 г. «О положении дел в Главной военной прокуратуре» о методах работы этого военного прокурора стрелкового корпуса сообщалось следующее. Когда у красноармейца Карачева оказался проколотым радиатор на автомашине, этот не по уму ретивый «правоохранитель» арестовал его, предал суду трибунала и требовал расстрела красноармейца как диверсанта. В другой раз он предал суду как

диверсанта старшего лейтенанта Айларова, в подразделении которого пали две лошади. В обоих случаях военный трибунал не внял домогательствам прокурора и прекратил дела. Но на вопрос, заданный Федяинову: почему он «сделал диверсантом» честного и преданного командира, последовал самоуверенный ответ: «Все они преданы, а мы их садим»³⁵⁹. Казалось бы, за столь грубые нарушения законности такой прокурор должен быть сам предан суду, или, по крайней мере, отрешен от должности. Но, оказывается, высшему начальству такое рвение нравилось. И оно соответственно поощрялось. Так и Федяинов получил повышение по службе – из прокуроров соединения он был переведен на должность помощника прокурора Киевского военного округа³⁶⁰.

Заместитель военного прокурора ЛВО Ф.Д. Петровский привлек к уголовной ответственности по ст. 58 УК («за контрреволюционную агитацию») красноармейца за то, что тот, шутя, бросил в тарелку другого красноармейца оловянную пломбу³⁶¹. Прокурор БОВО бригавоенюрист Г.Г. Бурцев санкционировал арест одного комсомольца «за подготовку террористического акта над тов. Хрущевым». Эта «подготовка» выразилась в том, что сей комсомолец требовал личного свидания с Хрущевым, угрожал в случае отказа самоубийством, т. е., по существу, он готовил акт против самого себя³⁶². Все равно – «теракт».

Вместо арестованного Розовского исполняющим обязанности главного военного прокурора был назначен бригавоенюрист П.Ф. Гаврилов. Стремясь всемерно угодить Особым отделам, он осенью 1939 г. обращается к наркому Ворошилову со следующим предложением: «В связи с обстановкой и оргмероприятиями, проводимыми в Белорусском Особом, Ленинградском и Киевском Особом военных округах, а также в целях

ускорения рассмотрения вопросов об аресте и предании суду лиц начальствующего состава, считаю целесообразным представить временно Военным советам и Военным прокурорам названных округов право решать эти вопросы на месте с последующим донесением Вам и в Главную военную прокуратуру РККА. Прошу Ваших указаний». В данном случае нарком обороны оказался большим законником, чем военный прокурор. На его отношении сохранилась резолюция: «Успеем, подождать. КВ. 16/IX-39»³⁶³.

Общий печальный вывод состоит в том, что в кровавые 1937 и 1938 годы военные прокуроры по целому ряду причин не смогли и не сумели сколь-либо существенно ограничить незаконные массовые аресты военнослужащих. Особыми отделами и тем самым вольно или невольно способствовали своеобразной легитимизации и закреплению столь выгодной правившей тогда сталинской клике формулы «НКВД никогда не ошибается...».

ТЕХНИКА И МАСШТАБ АРЕСТОВ ВОЕННЫХ

Итак, справка с «обоснованием» необходимости ареста составлена, санкция наркома обороны получена, ордер на арест подписан. Ставится последняя сцена первого акта трагедии РККА – сам процесс арестовывания. Сотрудники Особых отделов НКВД понимали, что это не совсем примитивное дело. Ведь речь шла об аресте известных всей армии, да и стране людей, под военным командованием которых находились тысячи, а то и десятки и сотни тысяч вооруженных людей. Поэтому все аресты производились скрытно, в глубокой тайне. Применялись самые различные методы.

Один из весьма распространенных приемов – ночной арест на квартире – тихо приехали и тихо увезли. На своих квартирах были арестованы комкор Ж.Ф. Зонберг, корпусной комиссар К.Г. Сидоров, комдивы А.И. Бергольц, Г.С. Замилацкий, Д.К. Мурзин, комбриги П.В. Емельянов, И.Т. Карпов, Ф.Г. Мацейлик, бригадный комиссар К.И. Подсотский, полковники И.И. Гуданец, В.Д. Достойнов, В.А. Зун, И.С. Павлов, Х.А. Пунга и мн. др.

Но, пожалуй, наиболее излюбленным методом подготовки ареста, особенно по отношению к командирам и политработникам, занимавшим крупные посты, было предварительное перемещение по службе (как правило, с понижением). Очевидно, руководствовались при этом такими соображениями: любого командира легче арестовать не в его родной дивизии (корпусе, округе), где его все и давно знают, слушаются и подчиняются, а там, где он еще никому как следует не известен – значит, заступничества не

будет. И сама намеченная жертва, оторванная от давних и крепких корней боевого товарищества, сопротивляться, как правило, не сможет.

Известно, что маршал М.Н. Тухачевский 11 мая 1937 г. был освобожден от обязанности первого заместителя наркома обороны и назначен командующим войсками ПриВО. 13 мая его принял «сам» Сталин и «успокоил» – мол, дело временное. Тухачевский уехал в Куйбышев. Также были смещены и перемещены маршалы А.И. Егоров и В.К. Блюхер, командарм 1-го ранга И.Э. Якир, командарм 2-го ранга А.И. Седякин, армейские комиссары 2-го ранга Г.И. Векличев и Б.М. Иппо, комкоры С.П. Урицкий и Б.М. Фельдман, корпусные комиссары К.Г. Сидоров и Г.Г. Ястребов, дивизионный комиссар В.К. Озол, комбриг С.П. Обысов. А там, на новом месте, все зависело от расторопности и фантазии сотрудников НКВД. Например, прибывшего в г. Куйбышев маршала Тухачевского попросили по дороге в штаб ПриВО ненадолго заехать в областной комитет ВКП(б). Через некоторое время оттуда вышел бледный командарм 2-го ранга П.Е. Дыбенко (которого Тухачевский должен был заменить на посту командующего войсками округа) и рассказал своей жене, что Тухачевский арестован³⁶⁴. Начальник Оперативного отдела Генштаба РККА, член Военного совета при НКО СССР комбриг С.П. Обысов внезапно был назначен командиром 20-й ордена Ленина Пролетарской дивизии Донбасса и уже там 18 июля 1937 г. арестован.

Довольно часто практиковался и способ вызова или командировки лиц комначполитсостава в штаб округа, или в Москву под разными предлогами, в том числе и «для получения нового назначения». Некоторых «брали» прямо в поезде: командарма 1-го ранга Якира, командармов 2-го ранга И.Н. Дубового (между

Харьковом и Москвой) и И.А. Халепского (на ст. Иркутск), комкора А.Я. Сазонтова, командарма 1-го ранга И.П. Уборевича арестовали в Москве при выходе из вагона. В Москве были арестованы вызванные в Центр флагман флота 2-го ранга Г.П. Киреев, флагман 1-го ранга И.Н. Кадацкий-Руднев, комдивы М.М. Бакши, А.М. Перемытов, В.С. Погребной, дивизионный комиссар Н.А. Юнг. А корпусной комиссар А.П. Прокофьев был арестован прямо в приемной наркома обороны СССР.

По свидетельству вдовы комбрига Ф.К. Доттоль, ее мужа - командира 105 сд - находившегося в районе Константиновки близ Маньчжурской границы, в конце 1937 г. вызвали в Хабаровск и предложили сдать командование дивизией³⁶⁵. 30 декабря 1937 г. арестовали, а 11 сентября 1938 г. - расстреляли. Судя по письменному заявлению вдовы полковника Д.Д. Довгаль, ее муж, будучи командиром 78-го артполка в г. Томске, был вызван «на военную игру» в г. Кемерово и там 10 марта 1938 г. арестован³⁶⁶. Начальник политотдела 25-й Чапаевской дивизии полковой комиссар А.В. Круль из Полтавы был вызван в Харьков якобы по делу и там был схвачен и арестован прямо на улице³⁶⁷.

Забирали и из гостиничных номеров. Так, были арестованы армейский комиссар 2-го ранга Г.С. Окунев, комкор Э.Д. Лепин, дивизионный комиссар Ф.С. Мезенцев, комбриги П.И. Антонов, В.В. Ауссем-Орлов, М.М. Рыженков, И.Я. Самойлов, бригадный комиссар К.И. Озолин. Вот как обычно проходила эта процедура по описанию подвергшегося ей комбрига А.В. Горбатова: «В два часа ночи раздался стук в дверь моего номера в гостинице ЦДКА. На мой вопрос: «Кто?» ответил женский голос: «Вам телеграмма». «Очевидно от жены», - подумал я, открывая дверь. Но в номер вошло трое военных, и один из них с места в карьер объявил

мне, что я арестован. Я потребовал ордер на арест, но услышал в ответ: «Сами видите, кто мы!»... Один начал снимать ордена с моей гимнастерки, другой срезать знаки различия»³⁶⁸.

Также в командировке были арестованы комдивы В.В. Тарасенко и М.Н. Шалимо. А иногда в подобных случаях особисты ломали все препятствия, не считаясь даже с решениями наркома обороны. Начальник политотдела XI мехкорпуса в ЗабВО дивизионный комиссар Н.Я. Гладышев был с выдвижением назначен начальником политуправления Киевского военного округа. Выехал с семьей в Москву, но жена вместе с четырьмя детьми собралась в Ленинград (там жила ее сестра) в ожидании родов пятого ребенка. В связи с таким незаурядным событием, нарком Ворошилов (у которого, кстати, собственных детей вообще не было) санкционировал Гладышеву выезд в Ленинград «до разрешения» жены. Но даже в такой ситуации, за пять дней до родов жены дивизионный комиссар Гладышев был арестован³⁶⁹ (расстрелян 2 октября 1938 г.).

Особая осторожность проявлялась при аресте военнослужащих, находившихся в заграничных командировках. Намеченные НКВД жертвы либо под тем или иным предлогом вызывались в СССР, либо особисты просто набирались терпения, пока истечет срок командировки обреченного. Заместитель начальника 2-го отдела Разведупра РККА дивизионный комиссар Л.А. Борович вернулся из Китая 7 июля 1937 г., а уже 11 июля был арестован и 25 августа расстрелян. Реабилитирован посмертно³⁷⁰. Так же арестовали и многих «испанцев».

Нередко особисты «забирали» видных военных, там, где последние никак не ожидали этого. Бывшего второго секретаря Гамарника, а затем служившего военным комиссаром Военно-химического управления

РККА дивизионного комиссара А.И. Минчука арестовали сразу после торжественного заседания в Большом театре по случаю 20-й годовщины Красной армии³⁷¹. Прославленного героя гражданской войны Г.Д. Гая «взяли» на даче Совнаркома Белорусской ССР, а маршала В.К. Блюхера на ворошиловской даче близ Сочи, где Ворошилов «любезно» предложил отдохнуть Блюхеру вместе с семьей. В разное время во время санаторного лечения были арестованы комкоры Е.И. Ковтюх и В.Н. Левичев, дивизионный комиссар Ф.Д. Баузер, комбриг А.А. Кошелев и др. Военного атташе СССР в Испании комбрига В.Е. Горева арестовали всего через два дня после того, как на специально устроенном торжестве в Кремле «всесоюзный староста» Калинин вручил ему за исключительные заслуги в испанской гражданской войне орден Ленина³⁷². Известный всей стране председатель Центрального совета Осоавиахима СССР комкор Р.П. Эйдеман 22 мая 1937 г. принимал участие в работе Московской партконференции. В ходе ее работы его вызвали из президиума «на выход» и тут же увезли в НКВД³⁷³.

Для сотрудников органов НКВД, казалось, нет и быть не может никаких неопределимых преград. Если, по их мнению, кого-то «надо» арестовать, они его «заберут» хотя бы со смертного одра. Вот как описывает арест начальника Управления боевой подготовки РККА комкора К.А. Чайковского его вдова: «Арестован он был в лежащем состоянии (только что привезен был из военного госпиталя) на даче военведа в Покровском-Стрешневе, где должен был находиться на лечении после перенесенного инфаркта миокарда»³⁷⁴. Арестовать-то арестовали 21 мая 1937 г., но «компромата»-то, видимо, не хватало, а комкор во время следствия скончался в Читинской тюрьме. Так и хочется перефразировать написанную когда-то великим

князем К. Романовым песню: «Умер бедняга в больнице тюремной...».

Могли «забрать» и прямо с больничной койки. Служил тогда в РККА бывший офицер Российской армии С.А. Меженинов. Академию Генерального штаба он окончил еще в 1914 г., на фронтах Гражданской войны последовательно командовал тремя армиями. В самый разгар корчевательной вакханалии 10 июня 1937 г. заместитель начальника Генерального штаба 47-летний комкор Меженинов пишет записку: «Я был честным командиром и ни в чем не повинен. Беспечность и отсутствие бдительности довели до потери нескольких бумаг»³⁷⁵ – и пытается покончить жизнь самоубийством. И вот бывает же такое: он дважды выстрелил из пистолета в область груди и головы и все-таки остался жив.

Его поместили в Кремлевскую больницу для излечения. Сразу после покушения Меженинова на самоубийство заместитель начальника Разведуправления РККА комдив А.М. Никонов и ряд сотрудников Разведупра и 1-го отдела Генштаба РККА написали рапорты о том, что якобы Межениновым утеряны (или похищены, или переданы Германии) важные документы. Однако обращало на себя внимание, что никаких конкретных данных о пропавших документах в этих рапортах нет. А когда уже в 50-е годы была организована дополнительная проверка, то на запрос Главной военной прокуратуры Главное разведуправление МО СССР сообщало, что никакими данными об утере Межениновым в 1937 г. каких-либо секретных документов Генштаба оно не располагает³⁷⁶. А тогда, по приказу Ежова, не пожелавшего дожидаться выздоровления комкора, Меженинов уже 20 июня 1937 г. был арестован прямо в Кремлевской больнице и

переведен в больницу Бутырской тюрьмы. Здесь сразу же начались усиленные допросы.

Подобные варварские «операции» органы НКВД проводили и в последующем. Прямо в Главном военном госпитале в Лефортово был арестован 5 августа 1938 г. командир 45-го стрелкового корпуса комдив Г.И. Кассин. Таким же образом в июне 1941 г. «забрали» находившегося в госпитале после тяжелой операции помощника начальника Генерального штаба Красной армии по авиации дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Я.В. Смушкевича и на носилках отправили в тюрьму³⁷⁷.

Но при всей изощренности и разнообразии приемов особистов, большинство жертв попадало в застенки НКВД, видимо, все же непосредственно с тех должностных мест, которые они занимали к этому роковому моменту. Они честно и самоотверженно «несли службу» на огромных просторах и весах необъятного Советского Союза, в частях и подразделениях, отдельных точках, разбросанных с Крайнего Севера до Кушки и от западных границ до самых восточных окраин страны; во всяких Шепетовках, Совгаванях, ближних и дальних разъездах... Правда, некоторых пытались предварительно уволить. В заявлении на имя председателя Верховного суда СССР Мария Тимофеевна Потапенко рассказала об обстоятельствах ареста ее мужа - помощника командира 9-й кавдивизии комбрига П.Р. Потапенко: «За 2 недели до ареста был вызван в Москву в Наркомат обороны, где ему предложили подать в отставку (комбригу только-только перевалило на пятый десяток. - *О.С.*). На вопрос почему его, старого революционера, ветерана Гражданской войны увольняют из рядов РККА, которой отдал около 20 лет своей жизни, ему заявили, что происходит чистка

армии, а так как был близок с В.М. Примаковым, который был его старым боевым товарищем и с которым он имел переписку всю жизнь до ареста Примакова, то он должен подать в отставку. По приезде из Москвы на другой день он был арестован^[33] и с тех пор никаких известий о его судьбе я не имею»³⁷⁸.

Процесс оформления увольнений требовал определенного времени, а арестовать «надо было» немедленно. Поэтому нередко «брали» прямо на рабочих местах. Заместитель начальника политуправления СибВО бывший путиловский рабочий дивизионный комиссар Н.И. Подарин арестован в своем служебном кабинете. У себя на службе в Главном артуправлении арестован комдив Ф.И. Ольшевский, в Военной академии Генштаба РККА флагман 1-го ранга Э.С. Панцержанский, в Военной академии им. Фрунзе комбриг Ж.К. Ульман и командарм 2-го ранга И.И. Вацетис. По некоторым данным, он был арестован в перерыве между двумя часами лекции. Когда эта короткая перемена закончилась, комиссар курса объявил: «Товарищи! Лекция продолжаться не будет. Лектор Вацетис арестован как враг народа»³⁷⁹. На своих рабочих местах были арестованы дивинтендант И.Г. Прошкин, полковник И.М. Гуркин. Полковник М.Е. Мальцев арестован в селе Блюхерово, а начальник химических войск Уральского военного округа полковник А.И. Должанский прямо на летних маневрах.

Авторитет особых отделов НКВД был настолько высоко поставлен партией, и комначполитсостав так был запуган, что во всех многочисленных изученных мною документах я не встретил ни единого упоминания о каких-либо попытках сопротивления аресту. Рассказывающие о некоторых таких попытках авторы (Юлиан Семенов, Еремей Парнов, Виталий Рапопорт и

Юрий Геллер и др.) никакими солидными источниками утверждений своих не подкрепляют.

Перехожу, наконец, к заключительному сюжету этой главы – о масштабе политических арестов военнослужащих РККА в предвоенные годы. Проблема эта в российской, а тем более в мировой военно-исторической науке не только не разработана, но, по сути, даже и не ставилась. Во всех публикациях проблема ареста отождествлялась или подменялась понятием «repressio». Однако этот латинский термин, означающий «обуздание» (книжн.), или карательную меру, наказание, – довольно расплывчат, абстрактен и не дает четкого разъяснения тому, что же именно было учинено в 1937–1938 гг. по отношению к личному составу РККА.

В самом деле, говорят: он был репрессирован. Что это означает: расстрелян, умер в тюрьме, или «отсидел» и вышел, «только» арестован, а затем освобожден? А может, просто изгнан из армии и закончил свой век подсобным рабочим, но не арестовывался? А ведь это все репрессии различного типа. Нельзя далее объединять одним маловнятным термином «репрессирован» людей с совершенно различной судьбой, – от уволенного до расстрелянного. Давно пора перейти к исследованию совершенно конкретных и четких аспектов рассматриваемой проблемы, а именно: сколько военнослужащих было арестовано по политическим мотивам? Сколько из них было освобождено до суда или оправдано по суду? Сколько из осужденных были приговорены к ВМН – расстрелу, сколько погибло в лагерях и тюрьмах, сколько выжило? и т. д. и т. п.

Увольнение комначполитсостава из РККА носило в эти годы массовый характер, эта мера обрушилась прежде всего на арестованных Особыми отделами и на исключенных из ВКП(б) по политическим мотивам. По

указанию Сталина они должны были быть немедленно уволены из армии (как неблагонадежные). Интересно заметить, что на исключенных из партии по уголовным делам это указание не распространялось; очевидно, они считались «социально близкими». Увольнение проводилось и по различным другим причинам. Многие авторы склонны всех уволенных в эти годы из армии относить к числу репрессированных. На мой взгляд, это совершенно неправомерно, ибо в это общее число включались и уволенные «по политико-моральным» причинам (пьяницы, морально разложившиеся, расхитители государственной собственности), а также исключенные из списков по болезни, по инвалидности и даже за смертью. Спрашивается: зачем же их-то включать в число «жертв сталинского террора»?

Но я убежден, что в это число нельзя огульно включать и всех уволенных из РККА по политическим мотивам. Дело это было, особенно по тем временам, весьма неприятное и опасное, но арестовывали все-таки далеко не каждого из них. По данным начальника Управления по начсоставу РККА Е.А. Щаденко, с 1 марта 1937 г. по 1 марта 1938 г. из общего количества уволенных из РККА по политическим мотивам (17 413 человек) арестовано и осуждено 5329 человек³⁸⁰.

К настоящему времени опубликованы самые различные данные о количестве репрессированных (без четкого указания содержания этого понятия в данном случае) и уничтоженных, погибших в застенках военнослужащих. Свою позицию по этому вопросу я надеюсь изложить в пятой главе («Последствия»), а пока вернемся к проблеме масштаба арестов.

Прежде всего замечу, что количество арестованных было большим, нежели количество осужденных (а тем более расстрелянных) и в то же время оно, как уже отмечалось, меньше, чем общее число уволенных из

армии по политическим мотивам. Исчерпывающе полной статистики арестов военнослужащих по политическим мотивам за эти годы мне в архивах (в которых довелось работать) выявить не удалось. И не потому, что я ленью проявил, а потому что этих документов не дают. Попадались иногда интересные, но отдельные детали. Так, на одном из совещаний начальник УКНС РККА Щаденко жаловался, что вот уволили из армии 12 тыс. лейтенантов, а арестовали из них всего 2 тысячи³⁸¹. Недоработочка получается: либо арестовывайте всех, кого увольняем, либо не требуйте, чтобы мы увольняли тех, кого арестовывать все равно не будете.

Наиболее важным для исследуемой проблемы надо признать данные, представленные тем же Щаденко в ЦК ВКП(б), из которых явствует, что в РККА (без ВВС) в 1937 г. было арестовано по политическим мотивам 4474 лица начсостава, в 1938 г. – 5032, а в 1939 г. – 73. Всего за 1937–1939 гг. 9579 человек³⁸².

Как уже отмечалось, эти данные не учитывают арестованных по политическим мотивам в Военно-воздушных силах РККА. Насколько мне известно, они пока не публиковались. Сообщалось лишь об общем количестве уволенных из кадров ВВС. В 1937–1939 гг. оно составило 5616 авиаторов³⁸³. Прежде всего постараемся вычислить, сколько из них было уволено по политическим мотивам. Аналогичный показатель для РККА (без ВВС) в 1937 г. составил 85 %³⁸⁴. Простым арифметическим действием мы получаем расчетную цифру уволенных из ВВС по политическим мотивам в 1937–1938 гг. – 4773 человека. А теперь попробуем определить примерное количество арестованных в ВВС. Для этого используем по аналогии соотношение арестованных по РККА за 1937–1938 гг. (9579 человек) к общему числу уволенных по политическим мотивам (28

685 человек). Получится 33,4 %. Следовательно, вполне резонно можно предположить, что по ВВС за эти три года было арестовано примерно 1590 человек. Кроме того, здесь нет полных данных по Военно-Морскому флоту.

Таким образом, общее количество военнослужащих РККА, арестованных по политическим мотивам в 1937–1939 гг., складывается из 9579 лиц комначполитсостава РККА (за 1937 г. вместе с ВМФ), примерно 1590 военнослужащих ВВС, а также из неизвестного нам числа арестованных органами НКВД красноармейцев, краснофлотцев и лиц младшего начсостава РККА, лиц комначполитсостава ВМФ за 1938–1939 гг. и, наконец, из командиров и политработников, уволенных из армии в 1937–1939 гг. (или ранее) по политическим мотивам и уже «на гражданке» арестованных органами НКВД.

Отсутствие этих данных тормозит научную разработку проблемы, способствует определенным неточностям в публикациях даже таких профессионалов-историков высокого класса, как Роберт Конквест. В своей знаменитой книге он, например, утверждает, что «по меньшей мере 20 000 политработников было арестовано или погибли – «по меньшей мере» – ибо здесь не приняты в расчет замены, которые уже могли быть сделаны»³⁸⁵. Автор в данном случае не указывает источника своих сведений, считая, очевидно, их бесспорными, так сказать, аксиоматичными – ну кто же этого не знает? Я полагаю, что теперь, после публикации отчета Щаденко, подобного утверждения он уже не сделал бы. Почему? Да потому что там официально заявлено, что за 1937–1939 годы из РККА всего было уволено 5953 человека политсостава³⁸⁶. Ясно, что и они-то далеко не все были арестованы. Например из уволенных в 1937 г. 2194 политработников арестовано было 876³⁸⁷.

Утверждение о 20 тысячах арестованных политработников повисает в воздухе.

Арестовывали пачками военнослужащих различных (по сути - всех) категорий, но особой силы удар был обрушен прежде всего на высший комначполитсостав. В эти страшные, трагические для РККА годы всего было арестовано 3 маршала Советского Союза, 5 командармов 1-го ранга, 1 армейский комиссар 1-го ранга, 10 командармов 2-го ранга, 5 флагманов флота 1 и 2-го ранга, 14 армейских комиссаров 2-го ранга, 63 комкора и по неполным данным - 30 корпусных комиссаров, 151 комдив, 13 флагманов 1 и 2-го ранга, 86 дивизионных комиссаров, 20 дивизионных интендантов, 12 диввоенюристов, 243 комбрига, 143 бригадных комиссара, 28 бригадженеров, 19 бригад интендантов, 20 бригадвоенюристов, 19 капитанов 1-го ранга. Seriously пострадало и полковое звено: по далеко не полным данным, было арестовано 318 полковников, 163 полковых комиссара (только по март 1938 г.), 23 военинженера 1-го ранга, 28 интендантов 1-го ранга и т. п.

Итак, многие тысячи военнослужащих РККА, в том числе и сотни вчера еще всячески прославляемых командиров и политработников, возглавлявших не только полки, дивизии, корпуса, но и командовавших войсками военных округов, флотами, руководивших центральными управлениями Наркомата обороны, в одночасье оказались за тюремной решеткой, превратились в заурядных арестантов, до всякого суда и даже предварительного следствия обозванных врагами народа... Погребально лязгнули железные замки и засовы застенков НКВД. У каждого арестованного, кто когда-то читал Данте, наверное, вспыхнули в мозгу его бессмертные строки:

Оставь надежду навсегда всяк, сюда
входящий...

Часть третья **ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ** **СЛЕДСТВИЕ**

*Что мы знаем, так ничтожно по
сравнению с тем, чего мы не знаем.*

ПЬЕР СИМОН ЛАПЛАС

«ОРГАНЫ» БДЯТ...

Приведенные в эпиграфе предсмертные слова знаменитого естествоиспытателя относятся, конечно же, к познанию человеком Вселенной. Но в определенном смысле они, на мой взгляд, в полной мере применимы и к истории деятельности ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – НКГБ. Научной, строго документированной объективной истории поистине всеохватной их работы до сих пор нет. Человеческому сообществу еще только предстоит содрогнуться, когда она наконец все-таки будет написана и напечатана. А меж тем именно в распоряжение органов НКВД поступали в 1937–1938 гг. все арестованные сотрудниками особых отделов военнослужащие и вольнонаемные РККА.

В том или ином виде тайная полиция существовала всюду с момента появления государственных образований, а то и института племенных вождей. В России она официально появилась при Алексее Михайловиче под именем Приказа Тайных дел. Подьячие этого приказа надсматривали за послами и воеводами и тайно доносили царю. В РСФСР она начала существовать с 20 декабря 1917 г. как Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (ВЧК). В деятельности ВЧК особенно ярко проявилась антидемократическая, диктаторская сущность советской власти. Сотрудники ВЧК выявляли «врагов советской власти», сами же их арестовывали, сами вели предварительное следствие, сами их «судили» и сами приводили приговор в исполнение.

По замыслу своих создателей, ВЧК изначально как бы парила над всякими законами. По свидетельству В.Д.

Бонч-Бруевича, первый председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, приступая к исполнению своих обязанностей, заявил: «Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. Такая борьба – грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть – чья возьмет. Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции»¹. И уже в феврале 1918 г. ВЧК было дано право, наряду с передачей дел в трибунал, непосредственно расстреливать шпионов, диверсантов и других активных врагов революции. Само собою подразумевалось, что право выжигать тавро «активного врага революции» принадлежало все той же ВЧК. Судя по ряду документов Гражданской войны, такое мнение было чуть ли не господствующим в большевистской партии. Во всяком случае, в своем послании чекистам ЦК РКП(б) заявлял в феврале 1919 г.: «Необходимость особого органа беспощадной расправы признавалась всей нашей партией сверху донизу. Наша партия возложила эту задачу на ВЧК, снабдив ее чрезвычайными полномочиями и поставив ее в непосредственную связь с партийным центром»². И на протяжении всей Гражданской войны ВЧК обладала правом бессудной беспощадной расправы по отношению к любому «свободному» гражданину молодой Российской советской республики.

Вот что, например, произошло с только что входившим тогда в моду молодым эстрадным певцом Александром Вертинским. В конце 1917 г. он пел сочиненную им самим песенку о бесцельно погибших юнкерах «То, что я должен сказать», которая начиналась строфой:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно

Опустили их в Вечный Покой!

Артиста быстренько вызвали в ЧК и спросили, почему он поет песню об юнкерах. И дальше состоялся такой красноречивый диалог:

Вертинский: Мне их жалко. Ведь вы не можете мне запретить жалеть?

Чекист: Дышать запретим, если найдем нужным^[34].

Уже с первых лет деятельности ВЧК чуть ли не каждый человек, попадавший в ее смертельные объятия, сразу же чувствовал абсолютную свою обреченность, понимал, что с ним здесь могут сделать все, что угодно. Недаром свою повесть о действиях чекистов в начале 20-х годов в Сибири Евгений Зазубрин назвал «Щепка». Именно такой беспомощной щепкой ощущал себя каждый схваченный сотрудниками «карающего меча революции».

Полный беспредел в деятельности ВЧК в годы Гражданской войны неизбежно калечил души и тех ее сотрудников, которые искренне считали себя честными революционерами. В марте 1921 г. группа коммунистов-сотрудников Туркестанской ЧК писала в ЦК РКП (б): «... Как это ни печально, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить. Он не может свободно сказать свои взгляды, излить свои нужды, так как за все грозят расстрелом». В заявлении далее говорилось, что сотрудники ЧК «постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних

жандармов... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии»³.

Стремление ВЧК стать государством в государстве подметил даже такой весьма далекий от малейших проявлений «гнилого либерализма» деятель, как Н.В. Крыленко. Уже в первые годы после Гражданской войны он говорил, что ВЧК имела тенденцию превратиться в целый наркомат, «страшный беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было глаза всего того, что творилось в ее недрах»⁴.

Объективности ради надо заметить, что вскоре после окончания Гражданской войны Ленин, а затем и Сталин предпринимали некоторые попытки по ограничению всевластия новоявленной тайной полиции. Например, на одном из совещаний в 1931 г. Сталин говорил: «Не надо допускать того, чтобы на заводе была специальная контора ОГПУ с вывеской, где сидят и ждут, чтобы им дела подали, а нет – так будут сочинять их»⁵. Сталин в данном случае говорил со знанием дела, он прекрасно помнил, как совсем недавно было «сочинено» так называемое «Шахтинское дело». Но полным ходом шла напряженная борьба за выполнение первой пятилетки, и никак нельзя было отпугивать специалистов особыми полномочиями карательных органов. Правда, в следующем году, в своем приветствии к 15-летию бывшего ВЧК, Сталин снова заговорил открытым текстом. Пожелав успеха в сложном деле искоренения врагов диктатуры пролетариата, он завершил свое приветствие так: «Да здравствует ОГПУ, обнаженный меч рабочего класса»⁶.

В то же время Сталин продолжал усиленно работать над созданием своего имиджа как руководителя, всегда смело ратующего за справедливость, беспощадного борца против всяких элементов произвола и беззакония. Б.А. Старков сообщает, что 15 сентября 1934 г. по

предложению Сталина было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) по проверке работы органов НКВД специальной комиссией в составе Л.М. Кагановича, В.В. Куйбышева, И.А. Акулова (позднее в нее был включен А.А. Жданов). Задачи этой комиссии были четко сформулированы самим Сталиным: «Освободить невинно пострадавших, если таковые окажутся. Очистить ОГПУ от носителей специфических «следственных приемов» и наказать последних, невзирая на лица»⁷. Общее руководство работой этой комиссии осуществлял С.М. Киров. К началу декабря 1934 г. на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) был внесен проект постановления, содержащий, в частности, специальный пункт «Искоренение незаконных методов следствия и наказание виновных»⁸. Однако убийство Кирова не только сорвало принятие этого решения, но резко повернуло всю работу органов НКВД в сторону ужесточения и все большей бесцеремонности методов.

Любой диктатор всегда кровно заинтересован в бесперебойной и четкой работе своей тайной полиции. Не был исключением и Сталин. И по моему представлению, все эти проверки замышлялись прежде всего для того, чтобы убедиться в преданности личного состава НКВД и его руководства политическому бюро ЦК ВКП(б) и особенно «лично товарищу Сталину». А вообще-то есть убедительные свидетельства того, что в определении полномочий органов НКВД Сталин во многом принимал за образец опричнину Ивана Грозного. В своих исключительной ценности дневниковых записях К.И. Чуковский зафиксировал рассказ профессора Б.Н. Делоне о том, как Сталин, заинтересовавшись историей опричнины, разыскал книгу о ней и спросил, жив ли автор книги. Ему сказали: «Жив». «Где он?», – спросил далее «вождь». Ответ был довольно обычен для того времени: «В тюрьме». Последовало «высочайшее»

повеление: «Освободить его и дать ему высокий пост: дельно пишет». Заметив далее от себя, что «ГПУ – это те же опричники», Корней Иванович уверяет в полной достоверности сообщенного, поскольку профессору Делоне всю эту историю рассказал сам автор упоминавшейся книги – ленинградский историк И.И. Смирнов⁹.

Опричнина, по утверждению В.О. Ключевского, являлась учреждением, которое должно было ограждать безопасность царя. Как специальный полицейский отряд опричнина получила особый мундир и своеобразные знаки различия. У опричника к седлу были привязаны собачья голова и метла. Это были знаки его должности и полномочий, состоявших в том, чтобы выслеживать, вынюхивать и выметать измену и грызть государевых злодеев-крамольников. Опричник ездил весь с головы до ног в черном, на вороном коне в черной же сбруе (потому-то современники и прозвали опричнину «тьмой кромешной», говорили о ней: «Яко ночь темна»)¹⁰.

Права и возможности «сталинских опричников» – сотрудников Наркомата внутренних дел СССР – на протяжении 1935 и 1936 гг. все более расширялись, а летом 1937 г. специальным решением ЦК ВКП(б) этот наркомат получил чрезвычайные полномочия сроком на один год, но фактически они сохранялись до конца жизни Сталина¹¹. Сейчас, когда после описываемых событий прошло более 60 лет и многое даже сверхтайное тогда стало явным, должно признать проницательность высказанной Л.Д. Троцким еще в 1936 г. оценки: «Независимое не только от масс, но и почти независимое от самой бюрократии, – ГПУ является личным органом Сталина»¹². Годом позднее он ядовито, но верно заметит: «Сталин ревизует Маркса и Ленина не пером теоретиков, а сапогами ГПУ»¹³.

Клянясь и распинаясь в своей преданности принципу коллективного руководства, Сталин нетерпимо относился и категорически пресекал малейшие попытки других членов ЦК ВКП(б) хотя бы лишь попытавшихся поинтересоваться тем, что же происходит в НКВД. Р.А. Медведев сообщил о состоявшемся в сентябре 1937 г. телефонном разговоре Сталина с членом ЦК ВКП(б) – первым секретарем Дальневосточного крайкома ВКП(б) И.М. Варейкисом. «Что он тебе ответил?» – спросила жена у Варейкиса. «Страшно даже сказать... Я вначале подумал, что у телефона не Сталин, а кто-то другой. Но это был он... Да, он. Сталин крикнул: «Не вмешивайся, куда не следует. НКВД знает, что делает». Потом он сказал, что защищать Тухачевского и других может только враг Советской власти, и бросил трубку»¹⁴. Через несколько дней Варейкиса срочно вызвали в Москву и там арестовали, а затем расстреляли.

Нечто подобное произошло и с всенародным любимцем, «питомцем Сталина» (как льстиво уверяли тогда газеты) В.П. Чкаловым. Есть данные, что Сталин якобы предложил ему пост наркома внутренних дел. Совершенно не искушенный в кремлевских интригах, он однажды пришел к «вождю» с решительным протестом против произвола, ничем не обоснованных арестов и репрессий. Сталин резко оборвал его: «Товарищ Чкалов, мы знаем, что делаем. А вы занимайтесь своим делом»¹⁵[\[35\]](#). Хочется обратить внимание читателей на очень характерную эволюцию формулировок. Если в разговоре с Варейкисом Сталин утверждал: «НКВД знает, что делает», то теперь он, решительно отбросив всякий камуфляж, заявил: «Мы знаем, что делаем» – и тем самым полностью отождествил себя с НКВД.

Под неослабным руководством Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталина в партии, в государственном

аппарате, в армии и на флоте, по всей стране широко развернулась разнообразная работа по созданию своеобразного культа НКВД. Буквально рабское послушание основной массы населения страны и большинства личного состава РККА воле любого функционера НКВД достигалось прежде всего предоставленными высшим руководством партии этому наркомату колоссальными полномочиями, правами и возможностями (как объявленными открыто, так и хранившимися в секрете). И надо сказать, что органы НКВД использовали все эти полномочия не только полностью, но и с немалым перехлестом.

В тенетах Главного управления государственной безопасности НКВД СССР находилось население всей страны. А личный состав РККА и РККФ все время был «под колпаком» Особого отдела армии и флота ГУГБ НКВД СССР. Именно сюда стекался любой «компромат» на постоянный и переменный состав армии и флота. Вот начальник этого отдела комбриг Н.Н. Федоров 8 июля 1938 г. пишет одному из своих подчиненных: «Тов. Волхонский. Что у нас есть на дивизионного комиссара Николаева, бывшего члена Военного совета Приморской группы?»¹⁶ На следующий день старший лейтенант госбезопасности Волхонский докладывает: «По учету 6-го отдела 2-го управления НКВД на 9.VII.38 г. не проходит»¹⁷.

Можно сказать, что человеку повезло. Ибо здесь тщательно регистрировалось абсолютно все, что могло быть расценено как проявление вольнодумства. Вот лишь два примера в доказательство этого. 26 мая 1939 г. новый начальник Особого отдела старший майор госбезопасности В.М. Бочков сообщает имеющиеся в этом отделе «данные» на слушателя Военно-политической академии им. Ленина П.И. Мирошниченко: «По имеющимся агентурным данным в 1932 году (!) был

замечен в антисоветском высказывании. Эти агентурные данные в последующие годы ничем не подтвердились, повторений антисоветских высказываний за Мирошниченко не зафиксировано»¹⁸. Стоило воентехнику особой мехбригады (МНР) Ковалеву, подвыпив 12 сентября 1938 г. у лейтенанта Мантуленко, запеть под гитару песни собственного сочинения, как особисты спешат донести начальнику Политуправления РККА Мехлису, что песни эти были «о безвыходном положении начсостава в МНР»¹⁹. А песни должны, по мнению особистов, распеваться только на тему, подсказанную «вождем», «Жить стало лучше, жить стало веселее...».

Особые отделы и в 1939 г. продолжают держать под своим непосредственным наблюдением и повседневным контролем даже такие, казалось бы, далекие от их непосредственных задач сферы, как качество работы кафедр общественных наук и ученых советов. 7 сентября 1939 г. помощник начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР обращается к Мехлису со специальной докладной запиской о «непорядках» в работе Ученого совета Военной академии моторизации и механизации им. Сталина²⁰, а 17 октября этого же года уже начальник Особого отдела В.М. Бочков сообщает Мехлису о том, что качество лекций по основам марксизма-ленинизма, читаемых в Военной артиллерийской академии РККА, вызывает ряд нареканий среди слушателей, что лекции читающего на 5-м курсе батальонного комиссара Матаева «методически очень слабы»²¹. И никакого возмущения со стороны начальника Политуправления РККА тем, что сотрудники Особых отделов претендуют на роль главных методистов преподавания курса основ марксизма-ленинизма, не обнаружено. Как будто так и надо!

Всем своим поведением в воинских частях и военных учреждениях особисты старались подчеркнуть свое исключительное положение, нередко открыто игнорируя командиров и начальников. Комиссар Военно-хозяйственной академии РККА дивизионный комиссар М.П. Поляков 4 июля 1939 г. доносил Мехлису: «В разговоре со мной начальник академии т. Петуховский мне прямо заявил: «Служу в РККА 21 год честно, являюсь членом ВКП(б), а мне как начальнику академии не доверяют, так как никакой информации работники Особого отдела не делают»²².

В ряде случаев дело доходило до того, что даже назначение на командные должности особисты предопределяли в обход соответствующих командиров. На одном из заседаний Военного совета при наркомобороны в конце ноября 1938 г. командир авиабригады Еремин заметил, что командиров полков, по существу, назначает Особый отдел. Мехлис немедленно подал реплику: «Почему командиров полков назначает Особый отдел?» И Еремин пояснил: «Материалы на командиров сосредоточены в Особом отделе, он выдвигает кандидатуру, а мы их представляем на утверждение. Рассмотрение списков сомнительных производилось в корпусе и у комиссара, а меня не пригласили (говорят, что такая установка была сверху). Считаю, это неправильным, так как деловую характеристику должен давать командир»²³.

Особые отделы не терпели, если кто-то не соглашался с их политической оценкой поведения тех или иных лиц. В апреле 1938 г. в 26-м артполку ОКДВА особисты раскрыли, как они определили, «контрреволюционную группу», возглавлявшуюся бывшим курсантом полковой школы Коноваловым. Однако военный комиссар 26 сд Степанов, ознакомившись с донесением политотдела дивизии в

политуправление армии, сделал вывод, что эта группа не являлась контрреволюционной, и квалифицировал ее, как простую воровскую группу, расхищавшую и сбывавшую красноармейское обмундирование. Это было расценено, как покушение на авторитет Особых отделов НКВД. И, очевидно, с их подачи уже 5 мая 1938 г. за подписью маршала В.К. Блюхера и члена военного совета дивизионного комиссара П.И. Мазепова издается приказ войскам ОКДВА № 096, в котором военком дивизии обвинялся в том, что «дал неправильную партустановку» и, предписывалось: «З. Военного комиссара Степанова, как не обеспечившего большевистского руководства, с должности военного комиссара 26 сд немедленно снять»²⁴.

Таким образом, сотрудники Особых отделов на местах обладали огромной властью, и закрепленной различными нормативными подзаконными документами^[36], и, особенно, реальной, основанной на всеобщем страхе перед ними. Но некоторым особистам и этого было мало. Они желали бы вообще избавиться от необходимости хоть как-то согласовывать свои действия даже с наркомом внутренних дел, а тем более обороны. Начальник УНКВД по Дальневосточному краю майор госбезопасности Г.Ф. Горбач 8 августа 1938 г. из Хабаровска телеграфирует Ежову: «Прошу разрешения производить аресты командиров, политработников, высказывающих явно пораженческие настроения, без Вашей предварительной санкции»²⁵. Резолюции Ежова на выявленной телеграмме нет. Неугомонный Горбач не унимается и на второй день копию ее направляет Ворошилову²⁶.

С осени 1939 г. круг военнослужащих, проверяемых Особым отделом ГУГБ НКВД СССР, несколько сузился. В документе начальника этого отдела от 2 октября 1939 г., адресованном заместителю начальника ПУ

РККА, отмечалось как недостаток то обстоятельство, что «в запросах на проверку» не указывалась ее цель и включались военнослужащие, не входившие в номенклатуру ЦК ВКП(б): «Так как нами производится проверка только номенклатурных работников ЦК ВКП(б), в связи с их утверждением в должностях, – просьба в каждом отдельном случае указывать, на какую должность проверяемый Вами военнослужащий предназначается или в связи с чем военнослужащий, уже занимающий номенклатурную должность, проверяется»²⁷.

Несмотря на такое некоторое «ослабление гнета», взаимоотношения между особыми отделами НКВД с Политуправлением РККА, с командованием и политорганами в военных округах в ряде случаев оставались довольно напряженными вплоть до начала Великой Отечественной войны. Судя по документам, в действиях особистов совершенно явно просматривалась тенденция «подмять под себя» не только войсковые политорганы, но и Политуправление Красной армии. Не об этом ли свидетельствует официальное отношение (от 3 декабря 1940 г.) нового начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР майора госбезопасности А.Н. Михеева в адрес также недавно назначенного начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии (ГУПП КА) армейского комиссара 2-го ранга А.И. Запорожца: «Для оперативной надобности просьба дать указание о высылке нам списка всего личного состава ГУПП КА, отдельно по отделам, с указанием фамилии, имя и отчества, года и места рождения и занимаемой должности, звания, партийности, адреса местожительства, домашнего и служебного телефона»²⁸. По-моему, из этого текста совершенно ясно, кто у кого находится «под колпаком».

В то же время вплоть до начала войны особисты совершенно нетерпимо относились к малейшим попыткам политработников проверить достоверность всякого рода разоблачительных материалов, поставляемых сотрудниками Особых отделов. 18 января 1941 г. член Военного совета Одесского военного округа корпусной комиссар А.Ф. Колобяков докладывает начальнику ГУПП КА о том, что в Одесском артучилище уполномоченный Особого отдела политрук Сабинин об антисоветских высказываниях некоторых курсантов доносит по команде в Особый отдел, но «до последнего времени совершенно не ставил в известность командование о наличии антисоветских высказываний. Больше того, бывали случаи, когда Сабинин отказывался дать справку на запрос начальника отдела политпропаганды училища»²⁹. Когда по указанию начальника ГУПП КА работники военных округов все же занялись проверкой «сигналов» особистов об отрицательных и «антисоветских» настроениях и многие из них стали не подтверждаться, Михеев 31 января 1941 г. обратился к Запорожцу: «Прошу дать указание Военным советам округов о том, чтобы при проведении проверки материалов Особых отделов проверяющие связывались с органами ОО при частях, что облегчит им работу по проверке и не будет отражаться на проводимых ОО мероприятиях по полному вскрытию и пресечению контрреволюционных проявлений в армии»³⁰.

Приказом НКО № 00111 в январе 1941 г. была закреплена реорганизация Особого отдела ГУГБ НКВД СССР в Третье управление НКО СССР, особых отделов НКВД в военных округах – в третьи отделы округов и т. п. Если раньше Особые отделы вполне официально стояли над армией, над НКО, даже организационно входя в состав другого наркомата (НКВД), то теперь

формально они стали одним из звеньев военно-иерархической системы управления. Но звеном весьма специфическим, постоянно претендующим на свое исключительное положение, признающим лишь наркома обороны и продолжающим культивировать свои «чекистские» методы. И особисты ревностно следили за тем, чтобы об этих методах знало как можно меньше людей. И даже когда во исполнение приказа НКО № 00111 командиры соединений разъясняли роль и задачи Третьего управления НКО «всему начсоставу Красной армии до командира взвода включительно», начальник 3-го управления Михеев считал возможным пенять и выговаривать начальнику ГУПП КА Запорожцу, что, мол, «это не значило... что с текстом приказа следовало ознакомить весь начсостав Красной армии»³¹, поскольку в приказе говорится об организации агентурно-осведомительного аппарата и вербовке агентуры. Такое заявление нельзя расценить иначе, как попытку особистов, по существу, дезавуировать приказ наркома обороны СССР.

Буквально за три недели до начала войны руководство 3-го Управления НКО печется о том, чтобы сохранить особое положение его сотрудников. 30 мая 1941 г. Михеев направляет Запорожцу докладную записку начальника 3-го отдела КОВО майора госбезопасности Н.А. Якунчикова с жалобой на «неправильные» (по его мнению) действия некоторых командиров и политработников округа «в отношении работников органов 3-го управления НКО». А «неправильность» эта заключалась в том, что некоторые «работники органов» за нарушения воинской дисциплины получили взыскания от соответствующих начальников. Но особисты с этим смириться не могли. И майор госбезопасности Михеев пишет армейскому комиссару 1-го ранга Запорожцу весьма

многозначительно: «Прошу Вас реагировать по существу указанных фактов»³². По сути, не пишет, а предписывает...

Эта «чекистская» психология «особости», вседозволенности настолько въелась в сознание подавляющего большинства сотрудников органов НКВД, что некоторые из них не стеснялись исповедовать ее и даже излагать на бумаге уже и после, казалось бы, достаточно убедительно разоблачившего преступления НКВД доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. В ноябре 1957 г., возвращая определение Военной коллегии Верховного суда СССР по делу бывшего комбрига М.М. Рыженкова, родственники которого в Хабаровске не были установлены, начальник управления Особых отделов КГБ при СМ СССР по Дальневосточному военному округу генерал-майор Горянков в своем отношении председательствующему судебному составу Военной коллегии подполковнику юстиции Цырлинскому не преминул заметить: «Одновременно прошу Вас в дальнейшем таких дел, по которым адреса родственников не известны, нам не направлять. Производить установку родственников и объявлять им результаты рассмотрения дела в функции Управления Особых отделов округа не входит»³³. Сказано, как отрезано. Почти через год после XX съезда КПСС высокопоставленный особист не стесняется заявить в официальном документе, что он и знать не хочет каких-то там последствий преступных действий Особых отделов НКВД в предвоенные годы.

Создавая и укрепляя советскую тайную полицию прежде всего для обеспечения собственной безопасности и сохранения всей полноты власти в своих руках, высшее руководство РКП(б) – ВКП(б) проявляло повседневную заботу о повышении материального благосостояния сотрудников ВЧК – ГПУ – НКВД. Уже в

1918 г., когда всюду проповедовались (а иногда и осуществлялись) лозунги равенства и братства, красноармеец получал 150 руб. в месяц³⁴, а рядовой чекист – 400 руб.³⁵ Особое внимание этому вопросу было уделено при подготовке к массовому террору. После назначения Ежова зарплата сотрудников НКВД была увеличена примерно в три раза. Начальник республиканского НКВД стал получать 3500 руб. в месяц (при средней месячной зарплате рабочего 250 руб.)³⁶. В самый разгар кровавой мясорубки, 17 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает решение Совнаркома СССР: «Разрешить НКВД с 1 июля 1937 года ставки заработной платы работникам ГУГБ, работающим в НКВД УССР, в Московской и Ленинградской областях в размерах, указанных в списке»³⁷.

Путевки в санатории и дома отдыха в этом «горячем цехе» выдавались бесплатно. 23 октября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект постановления СНК СССР, в котором, в частности, говорилось: «...2. Сохранить существующий в НКВД порядок бесплатной выдачи путевок в санатории и дома отдыха аттестованному составу органов НКВД СССР. 3. Разрешить НКВД СССР сохранить существующий порядок выдачи пособий всем категориям сотрудников НКВД, для чего утвердить НКВД на 2-е полугодие 1937 г. соцбытовой фонд в пределах фактических расходов за тот же период прошлого года»³⁸. 1 ноября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «О квартирах для работников НКВД» (решение – особая папка), 4 декабря – «О финансировании строительства НКВД» (особая папка)³⁹ и т. п.

По соответствующей команде во всюсоюзную кампанию по всемерному возвеличению и воспеванию романтизированного образа железных «чекистов-

дзержинцев» «с горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками», отстоявших молодую советскую власть в годы Гражданской войны, а теперь «спасающих Родину» от коварных происков зарубежных шпионов и внутренних троцкистских вредителей, диверсантов, террористов, активно включились все средства массовой информации, все жанры литературы и искусства.

С особым тщанием лепился образ новоявленного рыцаря борьбы с белогвардейщиной и контрреволюцией Н.И. Ежова. Вспоминались и всячески расписывались его рабочее происхождение, участие в Гражданской войне. Подчеркивалась его огромная загрузка партийной и государственной работой. Будучи назначен на пост наркома внутренних дел СССР, он оставался на посту секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), а затем и наркома водного транспорта. Уже 27 января 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект постановления ЦИК СССР о присвоении Ежову специального звания Генерального комиссара государственной безопасности СССР⁴⁰. (Имевший до того такое звание Г.Г. Ягода переводится в запас, а 2 апреля 1937 г. он был отстранен от должности наркома связи СССР и дело о нем передано следственным органам.) В октябре 1937 г. Ежов стал кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Развернулась целая волна присвоения имени Ежова пароходу Дальстроя, заводу на Украине, стадиону «Динамо» в Киеве, Краснодарской Высшей сельхозшколе, району в городе Свердловске. Город Сулимов был наречен по-новому: Ежово-Черкесск. И все это, разумеется, «по просьбе трудящихся», по ходатайству местных партийных и советских органов. А окончательное решение принимало Политбюро ЦК ВКП(б). Оно же 17 июля 1937 г., т. е. через месяц с

небольшим после казни безвинных маршала Тухачевского и его товарищей, в самый разгар всесоюзной охоты за участниками пресловутого военно-фашистского заговора утверждает проект следующего постановления ЦИК Союза ССР: «ЦИК постановляет: За выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий наградить товарища Н.И. Ежова орденом Ленина»⁴¹. Здесь истина нагая: уничтожая цвет комначполитсостава РККА, Ежов выполнял очередное правительственное задание. Щедро были награждены и многие другие высокопоставленные сотрудники госбезопасности.

Уже 27 июня 1937 г. новый начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Н.Г. Николаев (Журид) в одном из официальных документов не без некоторой гордости сообщает, что в армии теперь появилась поговорка: «Это вам, господа, не ягодка, а ежовы рукавицы»⁴². Мерзопакостная идея о «ежовых рукавицах» всячески внедрялась в сознание и гражданского населения. Я сам прекрасно помню, как во время первых выборов в Верховный совет СССР в декабре 1937 г. весь Ленинград был обклеен плакатами с фигурой Ежова, зажавшего в своей могучей длани извивающуюся троцкистско-террористическо-шпионскую гадину. Надпись гласила: «Ежовы рукавицы».

Как подлинный триумф органов НКВД и всенародной поддержки политики «ежовых рукавиц» изображала сервильная печать итоги выборов депутатов Верховного совета СССР первого созыва 12 декабря 1937 г. Депутатами (конечно же, на безальтернативной основе) в Совет Союза было избрано 65 функционеров НКВД во главе с наркомом Н.И. Ежовым, его первым заместителем М.П. Фриновским и вторым заместителем Л.Н. Вельским.

Депутатами Совета Национальностей еще 32 руководящих сотрудника НКВД. Итого – 97, немногим меньше, чем военнослужащих РККА (113)⁴³.

Ударным аккордом кампании по всяческому возвеличению органов НКВД явилось проведение с большой помпой их двадцатилетия. Накануне во все центральные комитеты компартий республик, в крайкомы и обкомы ВКП(б) пошла телеграмма за подписью Сталина: «Цека предлагает отметить двадцатую годовщину ВЧК – ГПУ – НКВД двадцатого декабря в печати и на совместных заседаниях актива партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, других общественных организаций, а также провести беседы, доклады, собрания на предприятиях и в колхозах, разъяснив роль и значение советской разведки в борьбе со всякого рода шпионами, вредителями и другими врагами советского народа»⁴⁴. На состоявшемся в Большом театре собрании московского актива докладчик А.И. Микоян назвал Ежова «любимцем советского народа», возрадовался, что «славно поработал НКВД за это время», сформулировал как вывод мудрости земной: «У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец»⁴⁵.

Сталин и его присные прекрасно понимали, что при любых полномочиях, предоставленных органам НКВД, успех в решении поставленных перед ними задач будет в конечном счете зависеть от людей, которые там служат. Документы свидетельствуют, что вопреки широко распространенному мнению, что в НКВД аккумуляровались лишь всякого рода кровожадные отбросы человечества, высшим руководством ВКП(б) осуществлялся исключительно строгий отбор кадров НКВД. Но поскольку каждый делает свое дело, как он может, то и этот отбор производился с позиций доведенного до абсурда гиперклассового принципа, по

сути сливавшегося с самым настоящим социальным расизмом.

О горячем стремлении руководства НКВД просмотреть, вызнать и изучить «до самых печенок» каждого здесь работающего и неопита, вступающего в ряды организации «карающего меча пролетарской революции», наглядно свидетельствует текст Анкеты специального назначения работника НКВД, подлежавшей заполнению в феврале – апреле 1939 г. Типографски отпечатанная анкета на 14 страницах большого формата включала более 80 вопросов, сгруппированных по пяти разделам (о себе; о жене – муже; о родителях – своих и жены – мужа; о братьях – сестрах своих и жены – мужа и о знающих Вас работниках НКВД). Заполняющий анкету расписывался под заключающей ее фразой: «За дачу ложных и неправильных сведений, требуемых анкетой, я предупрежден об ответственности». И наконец, на 15-й странице после сведений о здоровье, домашнем адресе и телефонах претендента имелось еще два пункта. Первый – «Специальную анкету принял и правильность заполнения ее и документы, на которые имеется ссылка в анкете, проверил: начальник...». Второй – для более высокого руководителя: «Просмотрел: начальник...». В качестве инструктивного эпиграфа к этой анкете значились такие рекомендации: ответы писать подробно, четко и разборчиво, прочерки делать не разрешается, на вопросы, не предусмотренные анкетой, но имеющие существенное значение, лицо, заполняющее анкету, должно обязательно ответить в конце анкеты. И, наконец, указывалось, что анкета заполняется только лично⁴⁶.

Что же за люди работали в советской тайной полиции? На смену усиленно внедрявшемуся на протяжении многих десятилетий благостному

постулату о рыцарственных чекистах-дзержинцах «без страха и упрека» приходит стремление разобраться в этом всесторонне и объективно. Одну из новых точек зрения высказал замечательный писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев: «Если малограмотные и нравственно дремучие чекисты первых лет революции и Гражданской войны, быть может, сами не ведали, что творили, свято веруя в классовую необходимость жестокости, то следующая генерация этого органа – ОГПУ – имела других людей, уже ясно понимавших, что творят беззаконие, фальсифицируя первые процессы конца двадцатых годов: Шахтинское дело, дело Промпартии и Крестьянской Трудовой партии»⁴⁷.

Наблюдение это очень интересное. Надо учесть только, что далеко не вся новая генерация энкавэдэшников непосредственно участвовала в фальсификации политических процессов 20—30-х гг. и самый факт этой фальсификации всячески секретился, как величайшая государственная тайна. А кроме того, необходимо иметь в виду, что с выдвиганием новых задач органов НКВД партийное руководство стремилось влить туда свежие «верные» силы. В протоколах высших партийных инстанций нередко попадаются записи о своеобразных партийных мобилизациях. 6 мая 1937 г. оргбюро ЦК ВКП(б) принимает решение: «Командировать в распоряжение НКВД СССР следующих товарищей, освободив их от учебы в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б)⁴⁸. И далее следует список из 41 человека. 9 сентября 1937 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) в распоряжение НКВД командированы 19 человек⁴⁹. Имеются данные, что, перейдя на работу наркома внутренних дел СССР, Ежов привел с собою из Центрального комитета партии около трехсот сотрудников⁵⁰.

И перед ними, и перед всеми сотрудниками НКВД Ежов неустанно демонстрировал свою беспредельную преданность «вождю». Это проявлялось во всем, даже в убранстве его служебного кабинета. Академик Российской академии медицинских наук И.Б. Збарский вспоминает, как в 1937 г. он вместе с другим коллегой был приглашен к Ежову по служебным делам: «Пройдя несколько кордонов с проверкой пропусков, мы попали в кабинет наркома. В огромной комнате, за большим столом сидел маленький тщедушный человек с пытливыми глазами. За его спиной на стене висел внушительных размеров портрет Сталина, на столе стояли бюст Сталина и еще один портрет Сталина в рамке»⁵¹.

21 июня 1939 г. Берия обращается к Ворошилову. Он пишет о том, что НКВД СССР ощущает большой недостаток в специальных кадрах, имеющих военную подготовку: «НКВД СССР просит Вашего распоряжения о выделении из числа командно-политического состава РККА 1000 человек для работы в органах НКВД по линии Особого отдела». Судя по всему, любые документы, поступившие от Берии, рассматривались Ворошиловым вне всякой очереди. И в тот же день появляется резолюция: «Тт. Щаденко и Мехлису. Необходимо подработать вопрос - как оказать помощь О.О. хорошими людьми без большого ущерба для РККА. 21/VI.39. К. Ворошилов»⁵².

Отбор новых людей для работы в органах НКВД проводился и на местах. И старались отбирать людей действительно хороших. До сих пор в памяти хранится облик двух однокурсников по историческому факультету Ленинградского университета, которых в середине 30-х гг. сняли с учебы и направили для работы в органы НКВД (помню даже их фамилии: Мелехов и Шматков). Оба они были значительно старше нас,

вчерашних школьников, состояли членами ВКП(б) и, по-моему, никто из наших однокашников слова плохого сказать о них не мог.

Другое дело, в какую среду они попадали. Это во-первых. А во-вторых, пополнение НКВД новыми сотрудниками шло по разным каналам. Иные шли туда, подчиняясь партийной дисциплине. А немало было и таких, которые буквально рвались «в органы», чтобы попытаться почувствовать терпкий опьяняющий вкус безграничной власти над другими людьми. Не только партия, но и комсомол, да и все новые поколения вырастали на молитвенном признании весьма сомнительного тезиса Маркса о насилии, как повивальной бабке истории. Как мудро предупреждал Л.Н. Толстой, всякое насилие неминуемо привлекает к себе морально неполноценных. Этому не мог не ощутить в практической работе и сам Дзержинский. Осенью 1923 г. он сказал К. Б. Радеку и Генриху Брандлеру, что «святые или негодяи могут служить в ГПУ, но святые теперь уходят от меня, и я остаюсь с негодьями»⁵³.

Автор известного труда «Происхождение тоталитаризма» Ханна Арендт писала: «Тоталитаризм у власти непременно замещает все перворазрядные таланты, невзирая на их симпатии к нему, фанатиками и дураками, недостаток умственных и творческих способностей которых остается лучшей гарантией их послушания»⁵⁴. Точно так же действовал и сталинский тоталитарный режим.

Но на одном послушании далеко не уедешь. Нужно было, чтобы в тайной полиции работало как можно больше профессионалов этой жандармской работы. А где их взять? У пришедшего к власти поколения не хватало ни образования, ни опыта борьбы с «врагами народа». По сообщению Б.А. Старкова, уже в 1922 г. с разрешения ЦК РКП (б) на работу в органы ОГПУ стали

брать бывших сотрудников охранного отделения, т. е. людей, набивших себе руку в борьбе с «врагами царя и отечества»⁵⁵. А к середине 30-х годов профессионалы из «бывших» стали составлять довольно заметную часть кадров карательных органов. По авторитетному свидетельству З.Н. Немцовой, во время кампании по обмену партдокументов в 1936 г. как в ленинградской, так и московской госбезопасности была вскрыта одна и та же тенденция – большинство коммунистов в этих органах вступили в партию только в последние годы, и, как правило, это были немолодые люди, в прошлом служившие полицейскими, жандармами, много было бывших белогвардейских офицеров. Председатель комиссии по обмену партдокументов в ленинградской безопасности П.И. Смородин обращался по этому вопросу к А.А. Жданову и услышал в ответ: «Не поднимай панику!» Председатель подобной комиссии в московской госбезопасности говорил своей дочери – З.Н. Немцовой: «Я написал докладную Сталину. Ни ответа, ни привета»⁵⁶.

Чтобы полнее представить себе психологию и настроения работников госбезопасности, хорошо бы почитать (или послушать) честные воспоминания хотя бы одного из них. Но мне такие мемуары сотрудников 30-х годов не попадались. Да и писать им, очевидно, было строго-настрого запрещено. Зато есть дневниковые записи человека, который работал в этих органах 6–8 лет спустя. Конечно, обстановка изменилась, война шла. Но основными-то принципами «не поступались». Речь идет о дневнике известного писателя Ф.А. Абрамова, которому в 1943–1945 гг. довелось послужить в отделе контрразведки «СМЕРШ» Архангельского военного округа. На мой взгляд, это свидетельство столь пронизательного объективного очевидца просто бесценно. Так вот, Федор Абрамов

утверждает, что в Особых отделах в его время далеко не все были злодеи. Были и злодеи, но в массе своей – обыкновенные люди. Но как только они становились сотрудниками Особого отдела, они «становились другими». И все же они были разными. Современник выделяет четыре категории: «Во-первых, большинство из них по малограмотности, ограниченности своей искренне верили, что они действительно борются с врагами. А с врагами какая пощада. Во-вторых, гипноз. Арестован – значит, виноват. Пусть не во всем – виноват. И поди попробуй освободить. Своя собственная бумага, написанная человеком, гипнотизировала его же. В-третьих, если и появлялось у людей сострадание, то они думали, что они недостаточно революционны, что это сострадание и жалость предосудительны....И, наконец, страх. Не выпустить врага. Лучше засудить 100 безвинных, чем пропустить одного врага»⁵⁷.

Каждого читателя бесспорно интересует вопрос о численности сотрудников НКВД в 30-е годы. Я пытался определить ее, работая в Центральном архиве Министерства безопасности РФ, но в соответствующих документах мне было отказано. Вот и получается, что мы знаем, что при Анне Иоанновне Тайная канцелярия имела 15–20 человек сотрудников и до 150 солдат, охранявших примерно 250–300 колодников⁵⁸, и представляем, что в 30-е годы XX века в нашей стране масштабы эти несоизмеримо возросли. Но как именно? В. Рапопорт и Ю. Геллер, например, утверждают, что численность особистов находилась в пределах от 20 до 30 тысяч⁵⁹, но никакого источника в подтверждение достоверности этих сведений не приводят. Недавно опубликованы данные о численности сотрудников органов НКВД на исходе Великой Отечественной войны – около 375 тыс. человек, да еще 400 462 человека вольнонаемных работников в системе ГУЛАГа НКВД

СССР⁶⁰. Это сведения о последующем по сравнению с 1937–1938 гг. времени, но они все же дают какое-то представление и о 30-х годах.

Не имея пока возможности точно определить численность сотрудников НКВД СССР в те годы в целом (Главного управления госбезопасности и Особых отделов в особенности), постараюсь напомнить читателю об основных руководителях этого огромного и страшного карательного механизма. Наркомами внутренних дел СССР были последовательно: Г.Г. Ягода (июль 1934 г. – 26 сентября 1936 г.), Н.И. Ежов (26 сентября 1936 г. – 8 декабря 1938 г.), Л.П. Берия с 8 декабря 1938 г. (с 15 августа 1938 г. – первый заместитель). Политическими репрессиями в масштабе всей страны непосредственно занималось Главное управление государственной безопасности НКВД СССР. Начальниками ГУГБ за эти годы побывали: Л.Г. Миронов, Я.С. Агранов (с 28 декабря 1936 г.), затем М.П. Фриновский, Л.П. Берия и с 15 декабря 1938 г. В.Н. Меркулов.

За политической благонадежностью личного состава РККА неусыпно следил Особый отдел армии и флота в составе ГУГБ (на какой-то период в 1938 г. он был даже преобразован в самостоятельное Управление Особых отделов НКВД СССР). Начальниками Особого отдела ГУГБ НКВД СССР в предвоенные годы последовательно были: комиссары государственной безопасности 2-го ранга М.И. Гай, И.М. Леплевский (с декабря 1936 г.), комиссар госбезопасности 3-го ранга Н.Г. Николаев-Журид, комбриг Н.Н. Федоров (с 26 мая 1938 г.), майор госбезопасности В.М. Бочков (с 25 декабря 1938 г.), майор госбезопасности А.Н. Михеев. В ходе дальнейшего изложения мне придется неоднократно упоминать эти фамилии.

Что же касается характеристики руководящей головки НКВД по присвоенным им специальным званиям, то картина выглядит следующим образом. Высшее в системе звание (приравняваемое к званию Маршала Советского Союза) - Государственный комиссар безопасности СССР за всю историю советской страны носили три сменявшие друг друга наркома внутренних дел: Г.Г. Ягода, Н.И. Ежов, Л.П. Берия. Звание «комиссар государственной безопасности 1-го ранга» в конце ноября 1935 г. получили шестеро: заместитель наркома внутренних дел СССР Я.С. Агранов, нарком внутренних дел УССР В.А. Балицкий, начальник УНКВД по ДВК Т.Д. Дерibas, начальник УНКВД по Ленинградской области Л.М. Заковский, заместитель наркома Г.Е. Прокофьев, начальник УНКВД по Московской области С.Ф. Реденс (в июле 1936 г. это звание получил Г.И. Благоднравов). Специальное звание «комиссар государственной безопасности 2-го ранга» тогда же было присвоено 13 лицам, занимавшим важные посты в иерархии НКВД. Это были: начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) Л.Н. Вельский, начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР М.И. Гай, нарком внутренних дел ЗСФСР С.А. Гоглидзе, начальник УНКВД по Казахской АССР Л.Б. Залин, заместитель наркома внутренних дел УССР З.Б. Кацнельсон, начальник УНКВД по Харьковской области К.М. Карлсон, нарком внутренних дел БССР И.М. Леплевский, начальник экономического отдела ГУГБ НКВД СССР Л.Г. Миронов, начальник секретно-политического отдела (СПО) ГУГБ Г.А. Молчанов, начальник оперативного отдела ГУГБ К.В. Паукер, начальник УНКВД по Саратовскому краю Р.А. Пиляр, начальник иностранного отдела ГУГБ А.А. Слуцкий, начальник Транспортного отдела ГУГБ НКВД СССР А.М. Шанин. Кроме того, по подсчетам белорусского исследователя А.И. Русенчика,

с ноября 1935 г. по сентябрь 1938 г. первичные звания высшего начсостава государственной безопасности (ГБ) получили: комиссара 3-го ранга - 20 человек, старшего майора ГБ - 52 и майора - 186 человек⁶¹.

И вот эта огромная, широко разветвленная, всемогущая и никому, кроме партийной верхушки, не подотчетная структура арестовала и бросила в свои застенки миллионы советских людей, в том числе и многие тысячи воинов РККА. Для оставшихся «на воле» их родных и знакомых они как бы перестали существовать, канули в небытие. Но они какое-то время были живы. В глубочайшей тайне в многочисленных специзоляторах и тюрьмах НКВД еще велось предварительное следствие.

«ОНИ ЖЕ ВСЕ СОЗНАВАЛИСЬ...»

Одним из самых распространенных идеологических штампов, особенно рьяно насаждавшихся органами НКВД, всем партийно-правительственным аппаратом, да и средствами массовой информации, было постоянно вдалбливаемое, исходившее из уст самого «вождя» и до тошноты повторяемое его духовной челядью утверждение о том, что все «заговорщики» сознались в своих преступлениях. Расчет здесь был для тех времен почти безошибочным. Во-первых, в общественное сознание советского общества 30-х годов довольно прочно вошла (точнее: была вбита) поганая идейка о том, что главным подтверждением, «царицей доказательств» виновности того или иного человека в совершении преступления является собственное признание подозреваемого в содеянном (независимо от средств его получения). А во-вторых, поскольку арестованных военных заговорщиков больше уже никто (кроме сотрудников НКВД) не мог видеть, невольно приходилось верить властям, которые официально заверяли, что «все признались».

Позволю поделиться с читателем личным впечатлением. Прошло уже более 60 лет – целая вечность для одного человека – а в памяти до конца дней хранится солнечный день 11 июня 1937 г. и в «Ленинградской правде», расклеенной на щите по Пятой линии Васильевского острова между Средним и Малым проспектами, вдруг вижу:

«В Прокуратуре Союза ССР.

Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М.

и Путьна В.К. расследованием закончено и передано в суд.

Указанные выше арестованные обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я.Б. в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружественную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной армии, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью...».

Что я, ровесник Октября, только что закончивший третий курс исторического факультета Ленинградского университета, бережно хранивший в памяти счастливейший миг возвращения в 1921 г. до того незнаемого мною отца с Петроградского фронта, по-сыновнему преклонявшийся перед однополчанами отца – красными героями Гражданской войны, мог подумать об этом? Не могу сказать, как думали другие, а меня тогда прямо ожгла мысль: до какой же степени омерзения надо докатиться, чтобы так подло нарушить воинскую присягу и подымать грязную изменническую руку на наше великое социалистическое государство! Смею думать, что в подавляющей своей части молодое поколение было воспитано в духе беспредельного, ни

на секунду не сомневающегося доверия к каждому слову, напечатанному в советской газете, тем более официальному.

Что же в действительности происходило в процессе предварительного следствия? Как проникнуть через завесу времени, через барьеры почти абсолютной секретности в тайны, донныне хранящиеся за надежным государственным запором? Вряд ли когда-нибудь историки сумеют полностью реконструировать реальную картину всего происходившего во время предварительного следствия, если даже им полностью откроют архивы НКВД. Во-первых, любые, самые достоверные архивные документы не могут адекватно отобразить многообразный исторический процесс. Во-вторых, как уже неоднократно отмечалось в печати, немало документов из этих архивов «таинственно» исчезли, то ли перепрятаны, то ли совсем уничтожены. А в-третьих, необходимо иметь в виду определенное своеобразие документов, запечатлевших ведение предварительного следствия. Ведь все они готовились или составлялись непосредственно теми самыми следователями НКВД, которые вели и своей головой отвечали «за успешность» завершения этого самого следствия. А «успешность» понималась совершенно однозначно: во что бы то ни стало, любыми средствами, любой ценой добиться от арестованного «признательных» показаний.

И следователи НКВД совершенно четко понимали, чем им грозит «неудача», «провал» следствия. Из тюрьмы в г. Проскурове обращается к Ворошилову 11 марта 1939 г. бывший начальник 3-го отдела штаба 1-го кавкорпуса майор Ф.К. Гончаренко. Он приводит следующие высказанные ему следователем Стадником слова: «...Доложить свое сомнение и лишиться партбилета. Нет (площадная брань). Говори – кем и когда ты завербован?!» А в ответ на утверждение

Гончаренко, что он невиновен, другой следователь НКВД – Богатырев ответил: «Да ты знаешь, сколько трудов стоило тебя арестовать, надо было доказать наркомму обороны, что ты виновен и получить его санкцию на твой арест, а теперь сказать, что ты невиновен и освободить тебя, а самому сесть на твое место; нет (ругань), от нас сухим не выйдешь; говори, кем и когда ты завербован, а не будешь говорить, сгноим в тюрьме»⁶².

Майору Гончаренко в какой-то мере повезло. Его письмо дошло до Ворошилова. И поскольку на дворе был уже 1939-й год, он направил его в Особый отдел ГУГБ НКВД СССР с просьбой «разобраться». И 20 июля 1939 г. начальник Особого отдела В.М. Бочков сообщил наркомму обороны: «Гончаренко никаких показаний не давал и никаких незаконных мер воздействия к нему не применялось. Дело прекращено и Гончаренко из-под стражи освобожден»⁶³.

Понимая, что даже по сталинским законам прокуратура официально имела право и была обязана наблюдать за «законностью» процесса предварительного следствия, следователи НКВД приложили немало труда и использовали самые различные ухищрения, чтобы архивно-следственные дела были у них «в ажуре». Одним из таких приемов была тщательная чистка дел; в них оставляли документы, способствующие обвинению подсудимого, а все, что свидетельствовало об отказе арестованного признать свое участие в «военном заговоре», и его невиновности, как правило, из дела изымалось (об этом подробнее – ниже). Особенно внимательно особисты следили за тем, чтобы в делах не остались какие-либо свидетельства о нарушении следователями норм Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР.

Мне пока не удалось найти документов, подтверждающих высказанное Робертом Конквестом предположение о том, что следователи сталинского времени использовали список вопросов, составленный Святой инквизицией еще в XVI веке⁶⁴, но целый ряд выявленных материалов неоспоримо говорит о безусловно высокой степени коварства следователей НКВД, их изощренного умения заметать следы своей обычно подлой работы. В тех случаях, когда имеющиеся в деле данные о факте первоначального отказа подсудимого от признания выдвигаемых особистами против него обвинений не удавалось удалить полностью, следователи НКВД, сломив, наконец, волю своей жертвы с особым изуверским наслаждением требовали, чтобы «сам» подсудимый осудил такое свое «неблаговидное» поведение и лично подтвердил абсолютную незапятнанность белоснежных риз «ангелов справедливости» из НКВД.

Почти два месяца сопротивлялся домогательствам следователей НКВД арестованный 5 июня 1937 г. начальник артиллерии РККА комдив Н.М. Роговский. Находясь в Лефортовской тюрьме, он 20 июня обращается к Ворошилову: «Еще раз докладываю, что я не виновен. Помогите доказать не только словом, но и делом». И вдруг на допросе 3 августа 1937 г. Роговский, как это значится в протоколе, показал: «Я арестован почти два месяца тому назад и до сих пор упорно пытался обмануть вас... Сейчас я вижу, что мои надежды не оправдались и что дальнейшее мое упорство ни к чему не приведет»⁶⁵.

Как «дожимали» подсудимых, можно судить по примеру помощника начальника инженерных войск Приволжского военного округа полковника И.Т. Мамичева. Его арестовали 24 мая 1937 г. Почти пять

месяцев он решительно отрицал какое-либо свое участие в военном заговоре. Но в конце концов и его «дожали». И вот 23 октября 1937 г. он собственноручно написал заявление на имя начальника Особого отдела ПриВО, в котором заявил, что «на пятом месяце своего подследственного положения в тюрьме я осознал необходимость полного раскаяния в своих контрреволюционных деяниях, относящихся к периоду с 1933 года по день ареста»⁶⁶. Эта одна из стереотипных формул «признания» и объяснения прежнего «запирательства», навязываемая следователями НКВД во многих случаях. И хотя на суде 16 мая 1938 г. Мамичев виновным себя ни в чем не признал, Военная коллегия была беспощадна. Приговор – расстрел. Реабилитирован посмертно в апреле 1957 г.

Заместитель начальника – главный инженер НИИ № 3 НКОВ СССР (Реактивный институт) военинженер 1-го ранга Г.Э. Лангемак был арестован 2 ноября 1937 г., а уже 14 ноября подал Ежову заявление о том, что он «решил отказаться от своего никчемного запирательства и дать следствию правдивые показания о своей контрреволюционной преступной деятельности»⁶⁷ и на следующий день на допросе назвал участниками антисоветской организации бывшего своего начальника военинженера 1-го ранга И.Т. Клейменова и инженеров В.П. Глушко и С.П. Королева.

Довелось мне познакомиться и с протоколом допроса бывшего начальника Морских сил РККА флагмана флота 1-го ранга М.В. Викторова. На допросе он рассказал, что 28 декабря 1937 г. он имел личную беседу с Ворошиловым. Нарком «предложил мне честно рассказать ему о моем участии в заговоре и тем самым сохранить себя в РККА... я написал два письма... Сталину с просьбой лично меня выслушать»⁶⁸. Но

поскольку сознаваться Викторову было не в чем, он никаких желательных Ворошилову показаний не дал и тут же был отстранен от должности. Назавтра, 29 декабря, ему были устроены очные ставки с уже арестованными к тому времени бывшим его предшественником по должности Начморсил флагманом флота 1-го ранга В.М. Орловым, армейским комиссаром 2-го ранга Г.С. Окуневым, комкором С.П. Урицким и комдивом И.А. Ринком. Ставки эти проходили в НКВД, в присутствии членов правительства. Но и здесь Викторov решительно отрицал предъявляемые ему обвинения. Его пока оставили на свободе.

Но 22 апреля 1938 г. все же арестовали. И вот уже 24 апреля его допрашивают комбриг Н.Н. Федоров, старший лейтенант госбезопасности Ратнер и лейтенант госбезопасности Кудрявцев. Сначала и на допросе флагман флота 1-го ранга отрицает какую бы то ни было вину в антисоветской деятельности, но потом вдруг в протоколе появляется такая запись: «Я прошу не давать мне очных ставок. Я буду говорить правду... В заговор я был завербован Гамарником в 1933 году»⁶⁹, и далее показывает: «Гамарник мне говорил о неправильности политики партии, которая ведет страну к гибели, о зажиме в партии всякой свободной мысли и о гонениях против тех, кто имеет смелость не соглашаться с политикой Сталина»⁷⁰. Основная задача «подрывной работы по флоту» изображалась так: «приведение его в небоеспособное состояние и лишение флота возможности активных действий во время войны»⁷¹.

Начальник 4-го отдела штаба ЛенВО полковник И.Я. Линдов-Лифшиц был арестован 3 ноября 1937 г. Обвинение стандартное по тем временам – участие в военно-фашистском заговоре и вредительство. На первоначальных допросах, в том числе и на очной

ставке с бывшим начальником штаба округа Подшиваловым, Линдов-Лифшиц категорически отрицал свою причастность к военно-фашистскому заговору. Затем, через два месяца после ареста полковник подал заявление с «признательными» показаниями. Но 19 февраля 1938 г. он подает новое заявление, в котором письменно отказывается от своих прежних показаний. Здесь Линдов-Лифшиц писал: «Взяв на себя без всяких оснований роль «заговорщика» и «вредителя», я неминуемо должен был выдумать «участников» заговора, «вербовки», «связи» и пр., о чем я, конечно, в действительности знать ничего не мог, так как никакого отношения к заговору не имел. Да и о существовании заговора в 19-м корпусе и Штабе округа узнал от следователя 5-го отдела Емельянова 19 декабря 1937 г., т. е. через 1,5 месяца после ареста»⁷². Свое прежнее «признание» он мотивирует тем, что тогда «понял настоящие следователей в том смысле, что признанием себя «заговорщиком и вредителем»... должен помочь следствию разоблачить головку заговора»⁷³.

Что следователи проделали с полковником? Мы пока не знаем, да вряд ли когда и узнаем. Но 1 и 4 марта 1938 г. Линдов-Лифшиц подает заявления, в которых подтверждает свои прежние «признательные» показания.

Признал себя виновным и в судебном заседании Военной коллегии. И 20 сентября 1938 г. Ульрих, Алексеев и Колпаков преспокойно отправили его на смерть. Невинного. Реабилитирован посмертно в 1955 г.

Долго и старательно охотились «ловцы» из НКВД за первым заместителем наркома обороны СССР командармом 1-го ранга И.Ф. Федько. Уже в апреле 1938 г. его вызывали в НКВД СССР на очные ставки с

тремя бывшими сослуживцами, арестованными и сломленными и дававшими «компрометирующие» Федько показания. Однако известный всей стране герой Гражданской войны решительно отвергал эти клеветнические показания. Пришлось его отпустить. Но «разработка» Федько продолжается, собирается новый «компромат» и 7 июля 1938 г. он был арестован.

На допросе в НКВД 27 июля ему опять устраивают очные ставки, на этот раз уже с шестью бывшими крупными военными работниками, а теперь несчастными обезволенными жертвами, «уличающими» Федько в заговорщичестве. Командарм 1-го ранга продолжает отчаянно сопротивляться. Но силы иссякают. И нам неизвестно, что с ним делали. Но в протоколе его допроса, присланном Ежовым Ворошилову, напечатано, что Федько отказался от дальнейших очных ставок и «полностью признался». Для того чтобы объяснить такой крутой перелом в поведении награжденного четырьмя орденами боевого Красного Знамени Федько, в его уста вложена фраза о том, что свой отказ давать показания в начале и попытку опорочить «честных командиров Красной армии» (тех самых, которые ложно обвиняли Федько в заговорщичестве) были с его стороны не более чем сознательной провокацией: «Эта провокация была мною заранее придумана и преследовала целью опорочить следственные органы и их работу по вскрытию антисоветского военного заговора»⁷⁴. Приходится признать, что не без выдумки боролись особисты за честь своего обрызганного человеческой кровью безвинных жертв мундира...

Длительный поиск и внимательное исследование многочисленных документов позволяют мне утверждать, что многие военнослужащие РККА, попавшие в застенки НКВД, либо вообще на всех этапах

предварительного и судебного следствия решительно отказывались от предъявляемых им обвинений в измене родине и т. п., либо сумели продержаться на протяжении ряда месяцев от самооговора в несовершеннолетних преступлениях. Но те же документы свидетельствуют, что большинство арестованных по разным причинам вступили на путь самооговора и даже оговора других лиц.

Надо признать, наконец, что среди арестованных находились и такие, которые совершенно недвусмысленно старались «отличиться» в выявлении врагов и тем самым заслужить благорасположение следователей НКВД в зыбкой надежде хоть как-то облегчить свою плачевную участь. Комкор Б.М. Фельдман по поводу его заявления, в котором он «признавал» себя виновным, писал в записке от 31 мая 1937 г. следователю Ушакову: «Начало и концовку заявления я писал по собственному усмотрению. Уверен, что вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго». В другом заявлении на имя того же Ушакова, написанном в этот же день, Фельдман спешил предложить свои услуги. «Я хочу через Вас или т. Леплевского передать Народному Комиссару внутренних дел Союза ССР тов. Ежову, что я готов, если это нужно для Красной армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать все, что я знаю о военном заговоре... Вы не ошиблись, определив на первом же допросе, что Фельдман не закоренелый, неисправимый враг, а человек, над коим стоит поработать, потрудиться, чтобы он раскаялся и помог следствию ударить по заговору»⁷⁵.

Бывший начальник Разведуправления РККА, а затем (перед арестом) заместитель командующего войсками МВО комкор С.П. Урицкий (кстати, родной племянник некогда грозного председателя Петроградской ЧК М.С.

Урицкого) в заявлении заместителю начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР В.С. Атасу от 14 апреля 1938 г. так характеризовал свое состояние и желания: «...Последние дни я плох, у меня бывают обморочные состояния, кровавая рвота, мне трудно думать, если можно, дайте мне один день перерыва, вызовите меня – я Вам доложу, а потом все до конца напишу. Я хочу превратиться в такого арестованного, который помогает власти. Я хочу заслужить милость Советской власти»⁷⁶.

Некоторые арестованные видели спасение в том, чтобы доказать следователям, что они (ныне арестованные) сами активно боролись с «врагами народа» и поэтому никак не могут быть обвинены в какой-то антисоветской деятельности. Бывший военный комиссар УВВС РККА корпусной комиссар М.Ф. Березкин на следствии заявил, что он во время ликвидации антисоветской офицерской организации на Украине «сигнализировал» и писал в Политуправление РККА о неправильной позиции, занятой Якиром. Березкин заявил также, что в марте 1936 г. послал письмо Гамарнику о раскрытии офицерского заговора в г. Киеве, докладывал в ПУ РККА о состоянии 17-го корпуса и бывшем комиссаре корпуса Э. Рахья. 19 ноября 1939 г. начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР просит Мехлиса проверить все это по архиву⁷⁷. Не могу сейчас сказать, что дала проверка архива и насколько были достоверны показания Березкина о его «заслугах» в борьбе с «врагами народа». Но во всяком случае удалось установить, что корпусной комиссар Березкин был в декабре 1939 г. из-под стражи освобожден. Комкор Фельдман в своих заявлениях руководству Главного управления госбезопасности так-же просил учесть, что он помогал органам следствия изобличать

участников военного заговора. Но ему это «не зачлось», он был расстрелян вместе с Тухачевским и другими.

«Признавались» не только сравнительно молодые коммунисты, но и старейшие члены партии большевиков, стоявшие у колыбели РККА. Член партии с 1903 г., активный участник Октябрьского восстания 1917 г. и Гражданской войны, бывший начальник Политуправления РККА с 1924 по 1929 год Андрей Сергеевич Бубнов «признался» в том, что он (вместе с женой) являлся участником антисоветской террористической организации правых и установил организационную связь с участником антисоветского военного заговора В.М. Орловым. Допрошенный в ходе дополнительной проверки бывший следователь НКВД СССР Церпенто показал, что после ареста Бубнов был доведен до такого состояния, что уговаривал других арестованных, в частности П.П. Постышева, подписывать сфальсифицированные следователями НКВД протоколы⁷⁸.

Хотелось бы подчеркнуть, что люди типа Бубнова прошли тяжелое чистилище следствий, судов, тюрем, каторги и ссылки в царские времена. Нередко шли они, «звеня кандалами». И не сломались. Многие падали жертвами «в борьбе роковой», живые продолжали бороться. Единицы малодушных окружались всеобщим презрением. Увы! Следователи особых отделов НКВД оказались похлеще царских жандармов, позднее, побеспощаднее. И перед ними ломались вчера еще сами себя называвшие «твердокаменными» большевики.

16 июля 1937 г. был арестован работавший до этого начальником «Главюгзаплеса» Наркомлеса СССР К.Х. Данишевский. Это один из старейших членов партии – с 1900 г. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства. Участвовал в подготовке V Лондонского съезда РСДРП, был

делегатом съезда и избран здесь членом редакционной комиссии съезда и членом ЦК РСДРП. Принимал активное участие в Октябрьской революции, в подавлении левоэсеровского мятежа летом 1918 г., в Гражданской войне, занимая ряд ответственных военных постов (от члена Реввоенсовета Восточного фронта до комиссара штаба Реввоенсовета Республики). В мирное время занимал ряд ответственных постов в партийных и советских органах. Когда в конце 1921 г. Хамовническая районная комиссия по чистке партии исключила Данишевского из партии, В.И. Ленин счел необходимым обратиться с письмом к члену Центральной комиссии по очистке партии П.А. Залуцкому, в котором писал: «Обвинения против такого старого партийца и революционера... - явно невероятны. Зная Данишевского по истории партии, годы и годы до революции, я очень прошу внимательно, строго и всесторонне проверить»⁷⁹. Данишевский тогда был в партии восстановлен.

И вот теперь он был обвинен во всех смертных грехах: в троцкизме, во вредительстве, в подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, в шпионаже в пользу германской разведки. Объективных доказательств никаких. Но следователи НКВД работали настолько «успешно», что «старый партиец и революционер» К.Х. Данишевский в несовершенных им преступлениях «признался» на предварительном следствии и подтвердил их в суде. 8 января 1938 г. Военной коллегией осужден к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 18 июля 1956 г.⁸⁰.

Константин Константинович Юренев (Кротовский) вступил в большевистскую партию в 1905 г. в 17-летнем возрасте. За революционную работу подвергался преследованиям со стороны царского правительства. В

1912 г. сотрудничал в газете «Правда». Делегат VI съезда РСДРП (б). С сентября 1917 г. работал над созданием Красной Гвардии, был председателем Петроградской Центральной комендатуры Рабочей Красной Гвардии, позже – председателем Главного штаба Красной Гвардии. В 1918 г. – член Всероссийской коллегии по формированию и организации Красной армии и председатель Всероссийского бюро военных комиссаров, в 1919 г. – член Реввоенсовета Восточного фронта. С 1921 г. – на дипломатической работе – полпредом в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Персии, Австрии, Японии, Германии. И вот в сентябре 1937 г. в Москве он арестован.

Поначалу отчаянно сопротивляется. Решительно отвергает оговоры, сделанные на очных ставках Х.Г. Раковским и В.П. Кочетовым. Но «следствие» по его делу вели такие опытные костоломы, как начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Н.Г. Николаев (Журид), его заместитель В.С. Атас и «сам» нарком Н.И. Ежов. В конце концов Юренев был доведен до такого состояния, что и на предварительном следствии и в суде «признался» во всех угодных НКВД преступлениях, в том числе и в том, что якобы с 1917 г. вел вредительскую «изменническую работу с целью свержения Советской власти и захвата власти троцкистами», что в 1937 г. информировал японское правительство о деятельности участников военно-фашистского заговора в РККА и в этом же году передал «врагу народа» Гамарнику выработанный японцами план нападения на СССР и в том, что пытался, когда был вызван в НКВД для очных ставок по делу, совершить террористический акт против Ежова и т. д. и т. п. Военной коллегией Верховного суда СССР 1 августа 1938 г. один из первостроителей Красной Гвардии и РККА был приговорен к ВМН и в тот же день

расстрелян. Реабилитирован посмертно 22 декабря 1956 г.⁸¹

А обвинения сыплются одно чудовищней другого. Многие из военных арестантов 1937 г. слышали, а остальные читали выступление на XV съезде ВКП(б) одного из активных строителей РККА Н.И. Муралова. Он счел необходимым обратить внимание делегатов съезда на необузданную фантастичность предъявляемых оппозиции сталинским большинством обвинений и фактическую невозможность делового разбора их несостоятельности: «...если любому из вас скажут, что вы убили свою жену, съели своего деда, оторвали голову своей бабке... как вы будете чувствовать себя, как вы докажете, что этого не было?»⁸² Тогда Муралову не дали возможности продолжать свою речь на съезде.

А в 1937–1938 гг. подобного рода гиперболически раздутые надуманные обвинения следователями НКВД предъявлялись многим тысячам арестованных воинов РККА, и большинство из них «признавались» в никогда не совершавшихся ими преступных деяниях, влекущих за собою расстрельный приговор.

Судя по протоколам допросов некоторых арестованных, а также по заключениям и протестам Главной военной прокуратуры, определениям Военной коллегии Верховного суда СССР, можно довольно точно судить о том, каких именно показаний добивались следователи НКВД, в каком направлении «ломали» своих подследственных.

Корпусной комиссар Ян Карлович Берзин стал членом большевистской партии в пятнадцать мальчишеских лет, являлся активным участником революционного движения, неоднократно арестовывался царскими властями, а в 1907 году был приговорен к смертной казни, которая «по

малолетству» была заменена ему тюремным заключением. В 30-е годы внес огромный вклад в становление и укрепление советской военной разведки, а в 1928 и 1937 гг. награжден орденами Красного Знамени и Ленина. Отличился в Испании. Ему было присвоено военное звание армейского комиссара 2-го ранга. А 27 ноября 1937 г. Берзин был арестован, следствием произведен в активного участника «латышской националистической организации» и одновременно антисоветского военного заговора, в английского, германского, японского и польского шпиона, в организатора террористической организации⁸³. И что самое удивительное – был доведен до того, что если судить по соответствующим протоколам, то и в ходе предварительного расследования и на суде признал свою «вину». Расстрелян 29 июля 1938 г. Реабилитирован ровно через 18 лет – 28 июля 1956 г.

Семен Абрамович Туровский еще в 16-летнем возрасте в 1911 г. вступил в большевистскую партию. Вел активную подпольную революционную работу, за что царскими властями был выслан, а затем направлен на фронт. После Февральской революции вступил в Красную Гвардию, принимал активное участие в Октябрьской революции, в 1918 г. командовал партизанским отрядом, а затем добровольно вступил в РККА. За боевые подвиги в годы Гражданской войны награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами. После окончания Гражданской войны Туровский занимал ряд видных командных постов вплоть до заместителя командующего войсками Харьковского военного округа и члена Военного совета при НКО СССР. Избирался делегатом XII съезда КП(б) Украины, и XVI съезда ВКП(б). Состоял членом ЦК КП(б)У, членом ВУЦИК и ЦИК СССР. Типичнейшая биография для

подавляющего большинства высших командиров и политработников РККА тех лет. И вот в первых числах сентября 1936 г. Туровского арестовывают, выбивают у него «признательные» показания и в заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 1 июля 1937 г. признают его виновным в том, что он якобы с 1933 г. являлся активным участником военно-фашистской террористической организации, «вел вредительскую работу в РККА, вербовал в организацию антисоветски настроенных военнослужащих...»⁸⁴, и приговаривают к ВМН. В тот же день бывший комкор С.А. Туровский был расстрелян. Определением той же Военной коллегии (в другом, разумеется, составе) от 29 сентября 1956 г. этот приговор «по вновь открывшимся обстоятельствам» был отменен и дело на него «за отсутствием состава преступления» прекращено.

Арестованный в апреле 1937 г. помощник командующего войсками ЗакВО комдив Г.А. Тухарели в результате применения к нему «незаконных методов следствия» был доведен до такого состояния, что и в процессе предварительного расследования и в судебном заседании Военной коллегии 12 июля 1937 г. «признался» в том, что он якобы являлся активным участником троцкистско-зиновьевской организации, совершившей убийство С.М. Кирова и т. п. Осужден к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован посмертно в январе 1957 г.⁸⁵

В августе 1938 г. был арестован начальник отделения разведотдела ОКДВА майор С.Ф. Назаров. Усилиями сфальсифицировавших «дело Назарова» сотрудников Особого отдела НКВД ОКДВА Л.М. Хорошилкина, Кибальченко и Вышковского майор Назаров был доведен до того, что и на предварительном следствии и в суде признал себя виновным в том, что он был участником антисоветского

военно-фашистского заговора, якобы существовавшего в частях ОКДВА, агентом японской разведки и «участвовал в подготовке насильственной переброски Блюхера на территорию, занятую японцами»⁸⁶. Приговорен к расстрелу 22 мая 1938 г. Реабилитирован посмертно в июле 1957 г.

Вслед за арестом командующего войсками Уральского военного округа комкора И.И. Гарькавого были «взяты» органами НКВД и другие лица комначсостава из этого округа, в том числе и командир 65 сд комбриг Г.Ф. Гаврюшенко. В 1917 г. в 22-летнем возрасте он устанавливал Советскую власть в Донбассе, в начале 1918 г. был начальником Яготинского, а позднее Купянского пролетарских партизанских отрядов, затем командовал стрелковым полком регулярной Красной армии. Вспоминает один из однополчан: «Я знал его как беззаветно преданного делу нашей партии и Родине. Боевого до дерзости, смелого и находчивого командира»⁸⁷. За подвиги в Гражданской войне Гаврюшенко был награжден орденом боевого Красного Знамени и золотыми часами. Затем окончил Военную академию им. Фрунзе. Успешно командовал дивизией.

И вот – тюрьма. Допросы. Обвинение в том, что он якобы является активным членом антисоветской военно-троцкистской организации, посещал собрания этой организации, на которых восхвалялся «враг народа Троцкий» и велись террористические разговоры; по заданию военно-фашистского центра занимался вербовкой новых членов в военно-фашистскую организацию⁸⁸. Все обвинение основано лишь на личных «признательных» показаниях Гаврюшенко на предварительном следствии и в суде. Что заставило храброго комбрига оговорить себя? Можно полагать, в основном «физические методы» и общая атмосфера.

1 июля 1937 г. – «суд» – скорый и несправедливый. Длится он вместе с написанием и оглашением приговора всего 30 минут. Высшая мера. И если в годы Гражданской войны в бою на р. Северный Донец белогвардейская пуля – войдя в висок у правого глаза и выйдя у левого глаза – все же пощадила его, то вклепленная «от имени советского народа» ежовская пуля в подвале НКВД разила наповал. Реабилитирован посмертно в апреле 1957 г.

На протяжении ряда лет комендантом Московского Кремля служил дивинтендант Р.А. Петерсон. Латыш по национальности, он с юных лет связал свою судьбу с Советским Союзом, с Красной армией. Служил он преданно, верно и хорошо. Еще в 1922 г. награжден орденом боевого Красного Знамени, а в 1934 г. – редчайшим в то время орденом Ленина. Наблюдавший тогда его в качестве коменданта Московского Кремля генерал армии А.В. Хрулев так характеризовал работу Петерсона: «Оберегал партию, оберегал руководителей партии настолько ревностно, что он никогда не щадил своей личной жизни... Состоял в Коммунистической партии с 1919 года, Петерсон никогда не участвовал в оппозициях, никогда не имел антипартийных взглядов и наоборот, всегда твердо и настойчиво проводил в жизнь генеральную линию партии, был честным борцом за дело партии...»⁸⁹

Затем Петерсон был назначен помощником командующего войсками Киевского военного округа, а уже 27 апреля 1937 г. арестован. Что там – в НКВД – с ним делали, пока точно мы не знаем (известно только, что проводившие следствие по делу Петерсона сотрудники ГУГБ НКВД СССР Альтман и Гейман за фальсификацию уголовных дел и иную антисоветскую деятельность позднее осуждены к расстрелу), но и на предварительном следствии и в судебном заседании во

всех предъявленных ему обвинениях виновным себя признал. А судом Военной коллегии 21 августа 1937 г. бывший комендант Московского Кремля был признан виновным ни много ни мало как в том, что он являлся активным участником контрреволюционной террористической организации правых в Москве. По заданию этой организации участвовал в подготовке военно-фашистского заговора в Кремле и подготовлял совершение террористических актов в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства⁹⁰. Приговор был предопределен - расстрел. Реабилитирован посмертно в мае 1957 г.

Вот 20 января 1938 г. помощники начальника 5-го отдела ГУГБ капитан госбезопасности Рогачев и старший лейтенант госбезопасности Ивкер допрашивают бывшего начальника военно-воздушных сил КВО, а затем - ОКДВА комкора Ф.А. Ингауниса. В напечатанном на машинке протоколе (зафиксированы такие его показания (как они получены, конечно, не говорится): «Я сознаюсь в том, что будучи завербованным в 1935 году в военный заговор бывшим командующим КВО Якиром, я изменил своему воинскому долгу и вместе с другими участниками заговора подготовил в интересах враждебных СССР государств, поражение РККА и свержение Советской власти... Якир остро подчеркивал необходимость подрывной работы в направлении, облегчающем противнику разгром ВВС РККА на их собственных аэродромах в начале или перед самым началом войны»⁹¹. Хотя Ингаунис - литовец по национальности, но вырос он в Латвии. Поэтому его обвинили и в участии в «латышской фашистской организации», руководителем которой назывался бывший начальник ВВС РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис. Комкор «признался» и в этом.

Ровесник XX века, уроженец Псковской губернии Николай Ефимович Ефимов 17-летним пареньком стал членом большевистской партии, красногвардейцем, принимал участие в Октябрьской революции. Активный участник Гражданской войны. В ходе боев был шесть раз ранен (по заверенному свидетельству его сослуживца на войне А.В. Ефремина Н.Е. Ефимов на фронтах Гражданской войны «был ранен 11 раз»⁹²), награжден двумя боевыми орденами Красного Знамени. Казалось бы, что еще нужно сделать, чтобы доказать свою беспредельную преданность новому общественному строю, за победу которого он пролил столько своей крови? И дело вроде пошло хорошо. Командовал полком. Затем в звании полковника он работал преподавателем кафедры тактики Военной академии им. Фрунзе. Но вот наступает страшный 37-й год. Он сломал и загубил жизнь и полковнику Ефимову. В 1937 г. он был исключен из партии за прошлую троцкистскую деятельность и связь с «врагами народа» Бакши, Боковым, Ветлиным и Слуцким. Как позднее выяснилось, все четыре упомянутых командира были осуждены за антисоветскую деятельность необоснованно. Но это позднее. А тогда – раз из партии исключен – жди «гостей дорогих» (Осип Мандельштам). 10 апреля 1938 г. Ефимов арестован. Сохранился единственный протокол его допроса от 7 августа 1938 г. Видно, почти три месяца Ефимов сопротивлялся, а теперь, наконец, следователи НКВД добились своего. Здесь зафиксировано, что Ефимов «признался». Об этом же говорится и в протоколе судебного заседания Военной коллегии от 25 августа 1938 г., которое с написанием и оглашением приговора длилось всего 15 минут. Этим кощунственным приговором полковник Ефимов был признан виновным в том, что он якобы «являлся непримиримым врагом Советской власти, в

1935 году вошел в состав антисоветского военно-фашистского заговора, занимался вербовкой в заговор других лиц и имел связь с латышской националистической антисоветской организацией»⁹³. Приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно в январе 1957 г.

Александр Иванович Верховский в 1917 г. являлся военным министром Временного правительства. Но, занимая такой пост, он не придерживался взглядов этого правительства и был из него удален. В декабре 1918 г. Верховский был призван в ряды РККА и за все время службы в ней характеризовался положительно. Но по постановлению коллегии ОГПУ от 18 июля 1931 г. «за антисоветскую деятельность» был приговорен к расстрелу. Однако постановлением той же коллегии от 2 декабря 1931 г. высшая мера наказания была заменена заключением в концлагерь сроком на 10 лет. 17 сентября 1934 г. Верховский от дальнейшего отбытия наказания был досрочно освобожден. Снова служит в Красной армии. Ему присваивается персональное военное звание комбриг. Во второй половине 30-х годов он работает старшим руководителем кафедры тактики Академии Генерального штаба. Обращается к Ворошилову с письмом, в котором смело ставит вопрос о необходимости превращения советской военной науки в подлинную науку. Вскоре (11 марта 1938 г.) его опять арестовывают.

Ему идет уже шестой десяток. Он уже пережил расстрельный приговор и концлагерь. Что с ним делали теперь, мы пока не знаем. Но он «признался» во всем, что хотели следователи НКВД, – и на предварительном следствии, и в судебном заседании, которое вместе с вынесением и оглашением приговора продолжалось всего 20 минут. Приговором комбриг А.И. Верховский

был признан виновным даже в том, что в 1917 г. якобы входил в эсеровско-меньшевистский комитет «Союз защиты родины и свободы», принимал участие в разработке плана наступления контрреволюционных войск на Петроград и Москву, в 1918 г. возглавлял подготовку контрреволюционного мятежа в Петрограде, в 1930 г. организовал подготовку восстания против Советской власти на Северном Кавказе, в 1934 г. вошел в состав антисоветского военного заговора... В общем, фантазия у следователей НКВД отнюдь не иссякала. Но когда подобные фантазии закрепляются в официальном судебном приговоре Военной коллегии от 19 августа 1938 г., следует неизбежная высшая мера, и в тот же день бывший военный министр Временного правительства был расстрелян. Реабилитирован посмертно 28 ноября 1956 г.⁹⁴

Арестованный 17 марта 1938 г. начальник кафедры тактики Военной академии механизации и моторизации РККА комбриг Н.Г. Матвиевский 29 мая подписывает заготовленный в печатном виде протокол на 66 листах, в котором он «признается» в том, что в 1918 г. участвовал в Ярославском мятеже, с 1932 г. – участник военно-фашистского заговора, в 1933 г. создал в Саратовском танковом училище группу заговорщиков из восьми человек, а в 1935 г. завербовал в заговор девять человек уже в ВАММ, а кроме того, и японский шпион. В судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 25 августа 1938 г. комбриг Матвиевский все эти свои «признания» подтвердил, был приговорен к расстрелу. А через 19 лет – в 1957 г., этот приговор был отменен, дело прекращено «за отсутствием состава преступления»⁹⁵.

Судя по записям, содержащимся в тех надзорных производствах, которые мне удалось исследовать, и на

стадии предварительного следствия, а затем и в судебном заседании признали себя виновными в участии в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре в РККА многие военнослужащие от Маршала Советского Союза до рядового красноармейца. В их числе:

Маршалы Советского Союза А.И. Егоров и М.Н. Тухачевский;

Командармы 1-го ранга И.П. Белов, И.П. Уборевич, И.Ф. Федько, И.Э. Якир;

Командармы 2-го ранга Я.И. Алкснис, И.И. Вацетис, И.Н. Дубовой, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин, А.И. Корк, М.К. Левандовский, А.И. Седякин;

Флагманы флота 1-го ранга М.В. Викторов и В.М. Орлов;

Армейские комиссары 2-го ранга Л.Н. Аронштам, Г.И. Векличев, Г.И. Гугин, Б.М. Иппо, С.Н. Кожевников, М.М. Ланда, А.Л. Шифрес;

Комкоры И.И. Гарькавый, С.Е. Грибов, И.К. Грязнов, Н.В. Куйбышев, В.К. Лавров, В.Н. Левичев, Э.Д. Лепин, Р.В. Лонгва, В.М. Примаков, В.К. Путна, А.Я. Сазонтов, М.В. Сангурский, С.П. Урицкий, Б.М. Фельдман, Д.С. Фесенко, В.В. Хрипин, Р.П. Эйдемман;

Корпусные комиссары Н.О. Орлов, Ф.Е. Родионов, Н.А. Савко, Б.У. Троянкер, М.Л. Хорош, М.Р. Шапошников, В.Н. Шестаков;

Комдивы А.П. Андерс, А.Ф. Балакирев, А.М. Бахрушин, Б.И. Бобров, А.Н. Борисенко, В.П. Бутырский, П.И. Вакулич, С.И. Венцов-Кранц, В.Е. Гарф, В.П. Георгадзе, В.Э. Гермониус, В.Г. Головкин, М.А. Горбунов, П.П. Григорьев, Я.Л. Давидовский, М.А. Демичев, Г.С. Замилацкий, А.Т. Кожевников, А.Д. Козицкий, Н.Я. Котов, Н.К. Кручинкин, В.С. Лазаревич, А.Г. Лепин, В.Н. Лопатин, С.Г. Лукирский, К.В. Маслов, М.Л. Медников, А.П. Мелик-Шахназаров, В.С. Погребной, И.А. Ринк, Ф.Ф. Рогалев, Н.М. Роговский, В.Ю. Рохи, Я.Г. Рубинов, Ю.В.

Саблин, В.С. Сидоренко, П.Л. Соколов-Соколовский, К.И. Степной-Спижарный, О.А. Стигта, Г.А. Тухарели, Н.М. Уваров, А.В. Федотов, Д.С. Фирсов, С.А. Чернобровкин, М.Н. Шалимо, Д.А. Шмидт, Н.В. Щеглов;

Дивизионные комиссары М.П. Баргер, Ф.Д. Баузер, Л.А. Борович, И.Д. Вайнерос, В.С. Винокуров, Н.Я. Гладышев, И.М. Горностаев, А.А. Гусев, М.Е. Зельдович, М.Г. Исаенко, Р.Э. Кавалерс, Е.В. Краснов, М.В. Лавров, Г.Н. Марков, Ф.С. Мезенцев, С.Я. Мейсак, П.В. Мировицкий, П.С. Митюков, И.С. Нижечек, В.К. Озол, Г.Е. Писманик, Д.Д. Плау, Г.И. Риттель, Г.С. Сафразбекян, В.В. Серпуховитин, М.Л. Славин, Я.Л. Смоленский, Ф.Н. Соколенко, П.В. Суслов, О.Л. Угулава, Х.Х. Харитонов, И.Я. Юкамс;

Дивинтенданты А.Я. Ванаг, В.С. Горшков, Г.А. Дзыза, Р.А. Петерсон, И.Г. Прошкин, Н.В. Станьковский, В.Ф. Федоров;

Диввоенюрист Е.Л. Перфильев;

Комбриги Н.Г. Андрианов, А.И. Антонов, П.И. Антонов, В.В. Ауссем-Орлов, В.Л. Афонский, С.И. Байло, А.А. Балтийский, И.Э. Блюм, М.В. Бойцов, Д.И. Бузанов, В.А. Бюллер, А.Ю. Валин-Гайлис, А.И. Верховский, Б.К. Верховский, В.А. Вишнеревский, Л.М. Гавро, Г.Ф. Гаврюшенко, А.К. Галлинг, И.И. Глудин, А.Г. Голиков, В.Е. Горев, П.С. Горшенин, А.И. Гречаник, М.С. Дейч, А.Г. Добролеж, А.К. Дроздов, В.Б. Евгеньев, Я.К. Евдокимов, Н.Ф. Евсеев, Н.У. Ездаков, Н.И. Живин, Д.К. Забелин, В.Д. Залесский, С.И. Иванов, Н.Г. Игнатов, И.И. Кальван, И.Т. Карпов, И.М. Кириллов-Губецкий, Д.М. Ковалев, В.Н.Козловский, М.Я. Колесниченко, И.С. Колтунов, А.А. Кошелев, И.М. Крук, Я.П. Крымский-Ударов, И.И. Кузнецов, И.Ф. Куницкий, А.Г. Лабас, П.М. Лунев, А.Д. Малевский, Н.Г. Матвиевский, М. Миршарапов, Д.И. Мозгов, Д.Д. Нахичеванский, И.Е. Никулин, П.А. Панов, Н.И. Подчуфаров, В.И. Поляков, Н.А. Полянский, П.Р. Потапенко, А.Ф. Розынко, Н.С. Рудинский, И.Я. Самойлов,

В.П. Середин, К.И. Соколов-Страхов, А.Г. Стойлов, Г.Т. Туммельтау, С.Г. Хорьков;

Бригадные комиссары Р.Р. Адаменко, Е.Б. Амалин, И.И. Андреев, К.И. Бочаров, С.Р. Будкевич, П.Л. Булат, Л.Ф. Гайдукевич, А.А. Геронимус, М.С. Годес, В.И. Горб, Я.Г. Дрейман, А.Я. Душак, М.П. Захаров, Л.П. Иофин, В.Г. Кольцов, А.С. Коробченко, Л.А. Краузе, Л.О. Леонидов, А.П. Лозовский, Н.П. Миронов, И.Я. Орловский, Э.К. Перкон, С.Б. Рейзин, Д.Н. Статут, А.В. Субботин, С.А. Сухотин, Н.Т. Тутункин, Н.Л. Шпекторов;

Бригинженеры С.И. Асланов, А.К. Аузан, А.Х. Груздуп, И.П. Жуковский, С.Д. Иудин, А.З. Лебедев, Н.А. Максимов, И.С. Павлов, В.П. Хандриков, Н.М. Харламов;

Бригинтенданты Д.Д. Бодров, И.Б. Певзнер, З.Д. Перцовский, М.З. Труханин;

Бригвоенврач И.И. Шеплетто;

Бригветврач В.С. Серебрянников;

Полковники В.Е. Антадзе, С.Ф. Архипов, М.С. Ахвледзани, Ф.М. Балашов, А.В. Бамбулевич, И.К. Барков, П.Ф. Беляков, Н.К. Боте, А.А. Бутлер, Я.Я. Бушман, Н.П. Вишневецкий, Н.Л. Владиславский-Крекшин, С.И. Воробьев, И.В. Высоцкий, И.Г. Герман, А.С. Глеб-Кошанский, А.И. Гомзяков, А.Я. Горбатюк, В.А. Городисский, И.И. Гуданец, Р.Р. Дейбнер, В.Д. Достойнов, И.Л. Дукельский, А.В. Емельянов-Сурик, Н.Е. Ефимов, М.Б. Залкинд, Л.Н. Затонский, Д.Д. Зимма, А.О. Индзер, Н.М. Ипатов, А.Л. Карпушин-Зорин, М.П. Касаткин, Л.Ф. Керцелли, М.В. Кожаев, А.К. Кольчевский, Н.И. Кореньков, И.Н. Корнеев, И.Ф. Космачев, А.Ф. Кукша, М.Л. Лебедь, И.Я. Линдов-Лифшиц, П.А. Масленников, Н.М. Матюхин, В.Г. Мгалоблишвили, П.Н. Мельников, Н.П. Милешкин, Н.Н. Мовчин, А.П. Мосидзе, К.К. Мочалов, Г.П. Новиков, В.М. Павленко, М.С. Плотников, М.К. Покладок, Х.А. Пунга, К.М. Римм, М.М. Родионов, К.А. Родников, П.А. Санчук, С.И. Свирченко, М.С. Семенов, Б.М. Симонов, Л.П.

Синявский, П.И. Скрастин, Н.В. Смирнов, Д.А. Спиров, В.П. Стольник, Н.Я. Суровцев, Д.И. Тальберг, А.С. Урман, Л.З. Федоренко, В.И. Федоров, Б.В. Целиковский, А.Д. Чебанов, К.М. Чедиа, Е.Е. Шишковский, Л.А. Шнитман, А.И. Щенснович, П.Ф. Янушкевич;

Флагман 2-го ранга В.П. Калачев;

Капитаны 1-го ранга В.А. Кукель-Краевский, О.С. Солонников;

Полковые комиссары В.М. Берлин, К.В. Вахнов, Ф.Я. Евтушенко, П.И. Иванов, А.И. Ильин, М.А. Илюкович-Строковский, А.В. Круль, Н.К. Лагздин, Д.Г. Митяев, Р.М. Мишке, П.В. Мухин, П.Г. Тихомиров, Д.А. Федотов, Э.М. Ханин.

Признавали себя участниками «военно-фашистского заговора в РККА» многие арестованные «по делу заговора» военинженеры 1-го ранга, интенданты 1-го ранга, майоры, батальонные комиссары, капитаны, старшие политруки, старшие лейтенанты, политруки, лейтенанты и даже рядовые красноармейцы и краснофлотцы.

Как понять, как объяснить тот исторический факт, что десятки и сотни людей, вчера еще считавшихся храбрецами (и нередко, вполне заслуженно) вдруг признаются в несовершенных ими преступлениях? Размышляя над этим феноменом, Исаак Дойчер приходит к выводу, что «они были капитулянтами, которые годами пресмыкались перед Сталиным. Их последние признания – это кульминация длинной серии капитуляций...»⁹⁶. Элемент капитуляции здесь, бесспорно, наличествовал.

Но ведь капитулянтство также имеет свои причины. Пожалуй, самой существенной из них было прививаемое годами и десятилетиями безусловное, нерассуждающее подчинение партийной дисциплине. Арестованным военным коммунистам следователи НКВД внушали, что

своим «признанием» они помогут партии разоблачить «бандита Троцкого». И многие готовы были пожертвовать своей жизнью, лишь бы помочь родной ВКП(б) в этом, как некоторые считали, «святом деле».

Над сознанием многих и многих довлело и прошлое – и прежде всего кошмар кровопролития в небывало ожесточенной братоубийственной Гражданской войне. Они убивали, их убивали. Тогда в России, «кровью умытой» (Артем Веселый), все было дорого, кроме человеческой жизни. На практике реализовалась старая лихая присказка: «Жизнь – копейка» (особенно чужая жизнь).

Были и такие, которые как-то переживали при выполнении не очень благовидных поручений высшего руководства по массовому истреблению непокорных. Недавно опубликовано письмо командующего 7-й армией М.Н. Тухачевского В.И. Ленину. Он пишет 10 марта 1921 г. о «выполнении моей пренеприятной задачи в Петрограде»⁹⁷. Очевидно, речь шла о подготовке к беспощадному подавлению кронштадтских матросов. Но эти угрызения совести не помешали Тухачевскому вскоре применить отравляющие газы против тамбовских мужиков.

Однако можно полагать, что наиболее типичным был тот образ действий, который в 1922 г. продемонстрировал командир корпуса Червонного казачества В.М. Примаков. Четыре оголодавших казака 8 сентября 1922 г. силой отобрали у крестьян куски мяса и сала и убежали. Это, конечно, не просто нехорошо, а очень нехорошо. Но ведь не смертельно. Тем не менее Примаков отдал приказ расстрелять всех четверых перед строем полка, поручив руководить расстрелом знаменитому чапаевцу комбригу Бубенцу. Легко можно себе представить, что творили подобные «борцы за дисциплину» в ходе боевых действий. Но

теперь-то было время мирное. И никакой Примаков права расстреливать людей, даже провинившихся, не имел. А он взял да расстрелял (правда, на всякий случай согласовал свой незаконный приказ с прокурором и председателем военного трибунала корпуса, которые тоже такого права не имели).

И все-таки в армии нашелся человек, который поставил вопрос о расследовании этого факта. Это был тогдашний военный прокурор РККА Н.И. Татаринцев. Но законному ходу следствия воспрепятствовал командующий вооруженными силами Украины и Крыма М.В. Фрунзе. И даже он – один из самых привлекательных и благородных людей в истории Красной армии – счел возможным 19 октября 1922 г. послать такую телеграмму: «Отдачу подобного приказа т. Примаковым признаю целесообразным...»⁹⁸ Очень интересная психология: главное, чтобы было целесообразно, а законно или незаконно – это даже самого Фрунзе не интересует. Прокурор РСФСР Н.В. Крыленко отменил это распоряжение Фрунзе. Но судебного разрешения это дело так и не получило. За фактического убийцу Примакова вступились еще более высокие власти. Теперь уже Президиум ВЦИК посчитал возможным вообще прекратить это дело, учитывая особые заслуги причастных к нему лиц в защите советской власти и строительстве Красной армии⁹⁹.

Отсюда – мораль, простая как мычание. Если есть заслуги перед советской властью, если есть высокое служебное положение – тебе все позволено, тебе все можно. Можно даже без всякого суда отдавать приказы о расстреле людей. Очевидно, именно поэтому Борис Пастернак одному из главных героев своего знаменитого романа дал фамилию Стрельникова. Но ничто на Земле не проходит бесследно. И любой, даже самый свирепый, Стрельников в глубине души понимал,

что если сегодня он расстреливает по своему хотению, то вот завтра другой Стрельников точно так же может запросто «шлепнуть» и его самого.

Артур Кестлер, написавший целый роман об этом феномене всеобщего «признавательства», совершенно справедливо, на мой взгляд, констатирует: «...даже у лучших – у каждого – была своя Арлова на совести. Они погрязли в собственном прошлом, запутались в сетях, сплетенных ими же по законам партийной морали и логики, короче, все они были виновны, хотя и приписывали себе преступления, которых на самом деле не совершали»¹⁰⁰.

«Каждый – сын своих дел», мудро заметил Мигель де Сервантес Сааведра еще за четыре столетия до нас. Большинство лиц старшего и особенно высшего комначполитсостава РККА, оказавшихся теперь под следствием, родились в 90-е годы XIX и в начале XX века. Вместе со своим старшим современником Александром Блоком они могли повторить его строки и о себе:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Внимательно вчитываясь в доходящие сейчас до нас сквозь толщу десятилетий строки записанных даже в протоколах НКВД показаний бесчисленных безвинных жертв, приходишь к выводу, что одним из важных побудителей для многих и многих арестованных признаваться в том, чего они не совершали, было моральное потрясение, связанное с внезапным арестом. Вот лишь некоторые свидетельства, рисующие различные нюансы этой проблемы. Бывший военный

комиссар Особого корпуса железнодорожных войск дивизионный комиссар В.Е. Зайцев, член партии с 1917 г., отказываясь в суде от ранее данных «признательных» показаний, заявил, что на предварительном следствии давал неверные показания потому, что был обескуражен внезапностью ареста и впал в состояние безразличия¹⁰¹. А бывший начальник кафедры военной географии Военной академии им. Фрунзе полковник Г.А. Ветлин, когда ему на суде предъявили его «признательные» показания, данные им на предварительном следствии, заявил, что «эти показания он подписал не читая, так как был сильно потрясен своим арестом»¹⁰².

Отказываясь в суде от «признательных» показаний, данных им на предварительном следствии, бывший преподаватель тактики Военной академии им. Фрунзе полковник А.Б. Громыченко заявил, что «дал их в момент тяжелого морального потрясения»¹⁰³. Бывший начальник отдела боевой подготовки Инженерного управления РККА полковник Н.Л. Ильяшевич, отказываясь в заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 25 августа 1938 г. от данных им на предварительном следствии «признательных» показаний, заявил, что «дал их в состоянии невменяемости под впечатлением показаний участников антисоветской организации»¹⁰⁴.

Одной из важных причин, породивших самооговоры и оговоры других лиц, была стремительно неожиданная трансформация в общественном положении. Вчера еще (накануне, даже за несколько часов до ареста) высокопоставленный, всеми уважаемый военный вельможа – комбриг, комдив, комкор, а то и командарм, вдруг, буквально в мгновение ока, оказался за решеткой, фактически абсолютно бесправным. И какой-то капитан, а то и сержант государственной

безопасности, полновластный его повелитель, настойчиво требует давать показания о его заговорщической деятельности. Понять всю глубину подобного перехода от яркого света высокопоставленности к полному мраку безнадежной беспомощности может только тот, кто сам это пережил.

И тут невольное моральное падение происходило по-разному. Так, комдив Б.И. Базенков заявил на суде, что «на предварительном следствии себя оговорил под влиянием показаний Захарова, Фельдмана и Лаврова, которые назвали его участником антисоветской организации»¹⁰⁵. Корпусной комиссар И.М. Гринберг объяснил, что «ложные показания на предварительном следствии дал в силу исключительных обстоятельств»¹⁰⁶. Комкор Л.Я. Вайнер на суде 26 ноября 1937 г. заявил, что «он показания на предварительном следствии и заявление писал в состоянии болезни и они являются выдумкой»¹⁰⁷.

Может быть, наиболее типичным в этом плане является свидетельство комкора А.И. Тодорского. Арестованный 19 сентября 1938 г., он сначала дал «признательные» показания, но в своем заявлении от 20 декабря 1938 г. указал, что «вынужден был в состоянии глубокого потрясения дать клеветнические показания на самого себя, как врага народа, но как только пережил этот тяжелый период, сразу же отказался от ложных показаний»¹⁰⁸.

Явно негативным обстоятельством, толкавшим многих арестованных на признание в несовершенных преступлениях, было охватившее их чувство полной безысходности, отчаяния, беспомощности перед всевластным и могучим аппаратом НКВД. О чувстве беспомощности «перед адской машиной» НКВД писал Н.И. Бухарин в своем известном теперь завещании новому поколению руководителей партии. Но ведь

Бухарин считался, по словам Ленина, «любимцем партии», многие годы был членом Политбюро ЦК ВКП(б), являлся личным другом Сталина, да и диктовал это свое завещание еще находясь в кремлевской квартире. А каковы же были переживания сотен и тысяч воинов РККА, брошенных в тюремные застенки и воочию ощутивших, что здесь грозные следователи НКВД относятся к ним, как к твари дрожащей, и что они каждого подследственного могут запросто превратить в лагерную пыль, а то и размазать по стене тюремной камеры.

...Когда в 1894 г. во Франции по обвинению в шпионаже в пользу Германии осудили на вечную каторгу без должных доказательств капитана французского генерального штаба Альфреда Дрейфуса, еврея по национальности, на защиту его чести поднялись прогрессивные силы не только во Франции, но и в других странах просвещенной Европы. Знаменитый писатель Эмиль Золя обратился к президенту Франции с письмом «Я обвиняю»; в стране возникло движение дрейфусаров, в котором активно участвовали такие высокоавторитетные в моральном отношении деятели, как Жан Жорес, Анатоль Франс и др. Под давлением общественного мнения Дрейфус в 1899 г. был освобожден, а в 1906 г., когда дрейфусары победили на парламентских выборах, решением кассационного суда признан невиновным, полностью реабилитирован и восстановлен в армии.

...И вот прошло 40 лет. В Советском Союзе начали сотнями, тысячами арестовывать безвинных военных в самых крупных чинах, облыжно, без всяких объективных доказательств обвинять их в участии в сочиненном советской тайной полицией военно-фашистском заговоре, в шпионаже в пользу многих зарубежных разведок и после комедии суда тайно расстреливать целыми пачками... А что же «соль

земли», властители дум, поэты, писатели, артисты, художники, ученые? Подавляющее большинство даже из тех, кто имел мировое имя в своей профессиональной области, оказались, по метким словам Бориса Чичибабина, с душонкой, как мошонка у мышонка. Мне известно, что из действительно великих советских художников слова лишь один Борис Пастернак отважился отказаться подписать письмо «инженеров душ человеческих» с требованием немедленной смертной казни маршалу Тухачевскому и его сотоварищам.

Каждый арестованный воин РККА вспоминал о том, как «на воле» все молчали об арестах, о расстрелах и вовсю клеймили «заговорщиков и шпионов». Каждый понимал, что спасения нет. Но каждый хотел жить. Стремление выжить любой ценой, даже ценой самооговора и оговора своих сослуживцев, также явилось одной из немаловажных причин «признательных» показаний. О таких мотивах многие стеснялись говорить даже в свой предсмертный час. (Ведь, в конце концов, в глубине души любой нормальный человек прекрасно понимает, «что такое хорошо и что такое плохо».) Но вот бывший заместитель начальника Политуправления РККА армейский комиссар 2-го ранга Г.А. Осепян проявил такое своеобразное мужество. В судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 10 сентября 1937 г. он виновным себя не признал и честно и откровенно заявил, что его «признательные» показания на предварительном следствии были ложными и что он оговорил себя и других лиц, надеясь тем самым спасти свою жизнь¹⁰⁹.

Какая-то часть подследственных поверила обманному заявлению следователей, уверявших несчастных арестантов в том, что если они сознаются в

участии в заговоре, то им за такие показания сохраняют жизнь.

Немаловажной причиной многих «признательных» показаний было стремление подследственных «дожить до советского суда». Всеми фибрами своей души, каждой клеточкой тела они ощущали, как их калечат и буквально загоняют в гроб. И никто не слышит и не видит... А какие-то представления о «справедливости советского суда» у них еще сохранились. Чем все это обернулось – речь будет в следующей главе.

Имело место и такое явление, как «признание» подследственных явно вымышленного, а иногда и абсурдного характера. Бывший начальник кафедры политэкономии Военно-политической академии бригадный комиссар П.Л. Булат на предварительном следствии «признается», что он редактировал издания, якобы содержащие троцкистские установки. За такое тогда расстреливали с ходу, что и проделали с бригадным комиссаром 30 августа 1937 г. Прошло 18 лет и в ходе дополнительной проверки в 1955 г. была получена справка Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, из которой явствует, что книги, названные Булатом и проходившим по другому делу бригадным комиссаром Л.О. Леонидовым, преспокойно хранились в открытом фонде библиотеки¹¹⁰. Бывший начальник штаба ОКДВА комкор С.Н. Богомягков писал Ворошилову из тюремной камеры в январе 1940 г.: «Показания я дал явно ложные, например, я показал, что руководил вредительской постройкой укрепленных районов на Дальнем Востоке. Между тем укрепленные районы на Дальнем Востоке были закончены постройкой за два года (до) моего прибытия на Дальний Восток»¹¹¹. Кто знает, может быть, этот прием сыграл какую-то роль в том, что комкор Богомягков все-таки избежал расстрела.

А вот другой, достойный пера трагических абсурдистов пример. Служивший в РККА с 1927 г. Ландсберг был арестован по подозрению в шпионаже. Рассуждения особистов были до предела просты и «железны»: раз учился в заграничном университете, значит – шпион. Ландсберг действительно с 1922 г. по 1927 г. учился в Пражском университете и от него потребовали, чтобы он «признался». Что там с ним делали, я пока не знаю, но он, очевидно, надеясь хотя бы на школьную образованность следователей НКВД, «признался» в шпионаже, заявив, что его вербовщиком был Палацкий (чешский ученый и политический деятель, умерший в 1876 г.), а его сообщниками – Гавличек-Боровский (чешский писатель, умер в 1856 г.) и Гец фон Берлихинген (немецкий рыцарь, умерший еще в 1562 г.). Эти исторические анахронизмы следователей НКВД абсолютно не смутили; важно, что «признался». И хотя, как показала прокурорская проверка в апреле 1941 г., в деле Ландсберга никаких других данных, кроме его поистине фантастических личных «признаний», не было, тем не менее тройкой НКВД по Ленинградской области он был преспокойно осужден к расстрелу¹¹².

Наконец, встречался и такой мотив «признательных» показаний, как желание скорейшей своей смерти. По известному присловию «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». И подобное наваждение посещало не каких-либо изнеженных хлюпиков. Ему поддавались иногда и закаленные бойцы с седою головой.

Арестованный 10 июля 1937 г. заместитель наркома обороны начальник военно-морских сил РККА флагман флота 1-го ранга В.М. Орлов виновным себя ни в чем не признавал, неоднократно отказывался подписывать вымышленные (подготовленные следователем НКВД)

показания, отказывался от ранее данных показаний. Но следователи Николаев, Ушаков и другие продолжали требовать от него признательного показания так, чтобы они были «написаны кровью и мозгом»¹¹³. До какого состояния могли эти «умельцы НКВД» довести человека всего за одну неделю, можно судить по заявлению Орлова на имя наркома внутренних дел СССР от 17 июля 1937 г.:

«На первом же допросе после моего ареста 11 июля я сразу заявил ведущему следствие по моему делу УШАКОВУ о своей невинности в предъявленных мне обвинениях. Однако после разъяснения мне, что никаких заявлений о невинности от меня принято не будет, что вопрос о моей виновности уже доказан и от меня требуется только одно – признание, и находясь в состоянии тяжелой моральной подавленности и физического изнеможения после сердечного припадка в камере, решил взять на себя вину, чтобы ускорить развязку и добиться скорейшей смерти...

Когда же вечером 16 июля пом. начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД УШАКОВ, приняв от меня все написанные мною заявления, сказал мне, что следствие ими не удовлетворено и что я должен дополнительно признаться в своей шпионской, террористической и диверсионной работе, а также о своем участии в заговоре, с значительно раннего срока, чем мною указано в написанных мною показаниях, я понял, что зашел в тупик...

...Я никогда не был причастен к заговору ТУХАЧЕВСКОГО или каких-либо других лиц, никогда не вел шпионской, террористической, диверсионной и вредительской работы, никогда не был и не мог быть врагом народа... Я нахожусь на грани сумасшествия. Через короткий срок я стану, как стал ДЖЕММИ ХИГГИНС, неосмысленной собакой. Но это может быть

только в капиталистической стране, и не может быть у нас...

Я прошу Вас выслушать меня до того, как я потеряю рассудок... Прошу Вас по соображениям не только личным, но и государственного порядка вникнуть в мою судьбу...»¹¹⁴. Это стонет вчерашний замнаркома обороны – начморси – член ВЦИК и ЦИК СССР!

2 августа 1939 г. с очередным письмом на имя Ворошилова обращается осужденный бывший командир 9-й кавалерийской дивизии комдив К.П. Ушаков: «Я боец и командир армии с ноября 1917 г., инвалид Гражданской войны, награжден тремя орденами Красного Знамени – все отдающий Советской Родине и ВКП(б) – теперь осужден как враг революции... Следствие протекало около 17 месяцев... бросали мне обвинения в участии в 4-х организациях: РОВС, ПОВ, украинской националистической и военно-фашистской, шпионаже в пользу Англии, Германии, Афганистана и Польши... Будучи инвалидом Гражданской войны, а в тот период кроме того и больным, я не выдержал и после того как я написал три заявления в марте – апреле 1938 г. Вам, И.В. Сталину и НКВД Украины, я вновь от следователя получал издевательства и никакого ответа, я в психически полунормальном состоянии дал ложные показания как на себя, так и на тех моих бывших сослуживцев, на которых с меня требовали. Я стал добиваться одного – скорейшего расстрела... я больше выдерживать не мог»¹¹⁵.

Больно читать «самооговоры», когда человек сам себя губит, обрекая на позор и мучения своих родных и близких. Но еще горше и страшнее узнавать о том, что немало арестованных лиц комначполитсостава настолько потеряли представления о том, что можно и что нельзя, что вступили на путь оговора знакомых им военнослужащих РККА, называя их участниками

мифического военного заговора. Конечно, каждый в общем-то волен распоряжаться своей жизнью, но никому (кроме судей) не дано права решать вопрос жизни и смерти других людей. А здесь вопрос решался совершенно однозначно. Как только появлялось чье-то показание о том или ином военнослужащем, что он является участником военного заговора, у сотрудников НКВД сразу же появлялось «основание», и он в любой момент мог быть арестован.

К сожалению, оговоры имели довольно широкое распространение. Военных оговаривали и некоторые гражданские деятели. Проходившие по процессам Е.А. Дрейцер оговорил майора Б.М. Кузьмичева, Р.В. Пикель и К.Б. Радек комкора В.К. Путну и комдива Д.А. Шмидта¹¹⁶. Арестованный заместитель председателя Совнаркома УССР И.С. Шелехес оговорил армейского комиссара 2-го ранга М.П. Амелина и комдива С.И. Венцова¹¹⁷; некоторых военных оговорил бывший нарком финансов СССР Г.Ф. Гринько¹¹⁸ и т. п. Но основные «оговорщики» военных – сами военные. Оговаривали бывшие начальники своих бывших подчиненных, своих вчерашних сослуживцев, оговаривали и бывшие подчиненные своих бывших начальников. Здесь ни с чинами, ни со званиями не считались. Следователи НКВД были особенно заинтересованы, чтобы в их умело и хитро расставленные сети попадала как можно более крупная рыба. И нередко это им удавалось.

Как бы мы ни сочувствовали безвинно убиенным восьми высшим командирам РККА во главе с маршалом Тухачевским, надо признать, что именно на основе их показаний, в которых они оговорили десятки командиров и политработников, якобы являвшихся участниками военного заговора, развернулась вся дальнейшая кровавая вакханалия арестов высшего

комсостава армии и флота. Эти аресты начались еще до суда над Тухачевским и другими. Уже 8 июня 1937 г. в ПриВО был арестован командир 2-й Вольской мотомеханизированной дивизии комбриг В.М. Воронков. Единственным «основанием» для его ареста были показания Тухачевского, назвавшего Воронкова, со слов других лиц, участником заговора¹¹⁹.

Маршал М.Н. Тухачевский и комкоры В.М. Примаков и Б.М. Фельдман оговорили армейского комиссара 2-го ранга Г.А. Осепяна, комкоров Э.Ф. Аппогу, М.И. Василенко, А.И. Геккера, Б.С. Горбачева, И.С. Кутякова, И.И. Смолина, С.А. Туровского, Л.Я. Угрюмова, комдивов А.М. Вольпе, Е.С. Казанского, И.Ф. Максимова, М.М. Ольшанского, дивизионного комиссара П.М. Фельдмана¹²⁰. И хотя впоследствии Главной военной прокуратурой и Военной коллегией Верховного суда СССР было в имеющих юридическую силу документах определено, что показания Тухачевского и Примакова не могут являться доказательством виновности названных ими лиц, так как они неконкретны, противоречивы и уже тогда у каждого непредубежденного юриста вызывали сомнение в их достоверности, все оговоренные ими лица были арестованы сотрудниками особых отделов, а затем и поголовно расстреляны.

Награжденный ранее орденами Ленина и Красной Звезды начальник Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) бригаинженер Н.М. Харламов был арестован 9 ноября 1937 г. На заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 29 июля 1938 г. его признали виновным в том, что он, якобы являясь активным участником антисоветской право-троцкистской террористической организации, с 1932 г. по день ареста занимался вредительством в области конструирования в том самом

ЦАГИ, начальником которого он был, а также организовывал диверсионные акты, направленные к уничтожению самолетов. Дело дошло до того, что его признали виновным в организации катастрофы самолета «Максим Горький» и в участии в срыве перелета С.А. Леваневского через Северный полюс в 1935 и 1937 годах. В ходе предварительного следствия бригадир Харламов был доведен до такого состояния, что не только «признался» во всех этих диких, состряпанных следователями НКВД обвинениях (и подтвердил свои показания в суде), но и оговорил многих своих сослуживцев (в том числе А.А. Архангельского, В.М. Петлякова, П. О. Сухого, А.Н. Туполева и других). Осужден к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 23 апреля 1955 г.¹²¹.

Упомянувшиеся выше комкор Ингаунис оговорил командарма 2-го ранга Алксниса, а также Берзина, Бокиса, Зонберга, Эйдемана¹²², а дивинтендант Петерсон «назвал» 16 человек, которых он якобы завербовал в антисоветскую организацию.

Иногда с подачи следователей оговаривали друг друга как бы в отместку. К делу командарма 2-го ранга М.Д. Великанова приобщена выписка из протокола допроса комкора И.С. Кутякова, в которой содержатся показания о Великанове. А Великанов, в свою очередь, оговорил Кутякова, а затем и командарма 1-го ранга И.П. Белова, армейского комиссара 2-го ранга А.И. Мезиса, комкоров И.К. Грязнова, Н.В. Куйбышева, В.Н. Левичева, комдивов С.И. Венцова, К.К. Рокоссовского¹²³. Более 20 человек назвал участниками «фашистской шпионско-террористической, латышской организации» в своих вынужденных показаниях командарм 2-го ранга И.И. Вацетис¹²⁴.

Вступивший в ряды РСДРП (б) сразу после Февральской революции Г.Д. Хаханьян находился в рядах РККА с момента ее создания и занимал ряд ответственных командных и политических постов. Он побывал комиссаром стрелковой дивизии, командиром стрелкового корпуса, начальником политуправления Украинского военного округа, начальником военной группы Комиссии Советского контроля при СНК СССР, членом Военного совета. ОКДВА, занимал видное место в партийных и советских органах. И вот 1 февраля 1938 г. комкор Хаханьян арестован. Начинаются допросы. Комкор пытается удержаться от оговоров и самооговоров. Осенью 1938 г. его «на беседу» вызывает Л.П. Берия. О чем именно шла эта беседа, неизвестно даже руководящим функционерам НКВД, так как она велась на грузинском языке. И свои показания от 29 октября 1938 г. Хаханьян начинает со ссылки на указания Берии, лично предложившего ему дать подробные показания о неарестованном еще секретаре Комитета обороны при СНК СССР комкоре Г.Д. Базилевиче. По свидетельству расследовавшего дело Хаханьяна майора госбезопасности В.И. Бударева, до беседы с Берией Хаханьян о принадлежности Базилевича к заговору не показывал, а теперь вместе с ним оговорил и многих других. По делу Хаханьяна 9 февраля 1939 г. было вынесено специальное постановление о выделении материалов на 31 человека, «изобличенных» им как участников военного заговора и вредительства»¹²⁵.

В различных документах НКВД СССР зафиксировано, что Маршал Советского Союза А.И. Егоров в показаниях в процессе предварительного следствия заявил: «в заговоре участвуют поголовно все командующие округов, кроме Блюхера...», а в собственноручных показаниях от 31 марта 1938 г. перечислил 60

известных ему участников заговора¹²⁶. Армейский комиссар 2-го ранга М.П. Амелин на предварительном следствии признал себя «виновным» и назвал как участников заговора 63 человека¹²⁷. В протоколах допросов командармов 2-го ранга А.И. Седякина и И.А. Халепского записано, что они назвали более чем по 100 лиц командного состава, якобы являвшихся участниками военного заговора¹²⁸. Бывший заместитель начальника Управления по начсоставу РККА комдив И.Я. Хорошилов в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 26 августа 1938 г. отказался от данных им ранее на предварительном следствии «признательных» показаний, заявив, что в процессе следствия он оговорил 120 человек, проходивших по его показаниям, когда в действительности он о существовании заговора не знал и сам в нем не состоял¹²⁹.

Дело доходило до того, что иногда арестованные оговаривали даже своих родных, самых близких на свете людей. Бывали случаи, достойные пера Шекспира. 19 июня 1937 г. арестован командир 50-го артполка майор В.А. Самсыгин, а на второй день и его жена Т.В. Самсыгина-Вишнякова. Что там особисты делали с майором, установить пока я не мог. Но, судя по архивно-следственному делу, он, член партии большевиков с 1917 г., и на предварительном следствии, и в судебном заседании виновным в заговорщичестве себя признал и показал, что в военно-фашистский заговор он был вовлечен в декабре 1936 г. своей женой. Такое признание – прямо бальзам для следователей и судей. И уже 2 сентября 1937 г. приговорен к расстрелу майор Самсыгин, а 8 марта 1938 г. и его жена (специально (!!) подгадали под Международный женский день). Через два с лишним десятилетия оба полностью

реабилитированы за отсутствием состава преступления^{129а}.

Невольно возникает мучительный вопрос: как такое могло случиться? Ведь сегодня мы доподлинно знаем, что никакого военно-фашистского заговора в РККА тогда не было. Так почему же в большинстве своем безусловно люди неробкого десятка, не дрогнувшие в кровавых испытаниях Гражданской войны, искренне исповедовавшие законы боевой дружбы, вступили не только на путь самоговора, но и оговора других? Конечно же, из современного далека мы не сможем достаточно полно и исчерпывающе судить о всех причинах этого весьма печального явления. У каждого были свои обстоятельства. Когда-то Ганс Фаллада свой знаменитый роман назвал: «Каждый умирает в одиночку». Так и попавшие в застенки НКВД воины РККА решали судьбоносный для себя вопрос: «давать требуемые показания или держаться», «оговаривать себя или сопротивляться до последнего», «оговаривать своих боевых товарищей или жертвовать своей жизнью»? Каждый решал в одиночку.

Необходимо со всей силой подчеркнуть, что между самооговором и оговором других дистанция огромного размера. Если самооговор в несовершенных действиях – это преступление перед самим собой, перед семьей, то ложный оговор других, твоих вчерашних боевых товарищей, это уже преступление перед другими людьми, твоими фронтовыми побратимами, перед всем обществом. Но чтобы выработать более-менее обоснованное суждение по этому вопросу, нам необходимо внимательнейшим образом изучить все сопутствовавшие этим оговорам обстоятельства.

При господствовавшей тогда беспредельной власти органов НКВД требовалось незаурядное мужество и просто отчаянная смелость, чтобы открыто выступить с

обвинением в адрес следователей особых отделов. И тем не менее такие смельчаки находились. И их было относительно немало. Один из героев Гражданской войны бывший командир 3-го кавалерийского корпуса комдив Д.Ф. Сердич на суде виновным себя не признал и заявил, что признавал себя виновным на предварительном следствии ввиду «тяжелых методов следствия»¹³⁰.

Признавший себя «виновным» и назвавший большое число лиц, как участников заговора, бывший начальник политотдела 48 сд полковой комиссар П.Г. Тихомиров в собственноручном заявлении на имя наркома обороны СССР (дата не указана) писал: «...будучи арестован в июле 1937 года и зная об аресте ряда лиц нач. состава, ложно, панически, при больной психике, я оклеветал себя и других лиц начсостава и КОВАЛЕВА^[37], дав под давлением следствия ложные и клеветнические показания о существовании троцкистской контрреволюционной организации в 48 сд – не будучи ее участником и не зная о ее существовании...»¹³¹

Таким образом, в архивно-следственных делах действительно содержатся «признательные» показания значительного большинства арестованных по делу «военно-фашистского заговора в РККА», в том числе и собственноручные. Причины такого довольно уникального явления в мировой истории весьма сложны и многообразны. Главное – многочисленные документы неоспоримо свидетельствуют, что все эти признания получены под непрерывным всеохватывающим давлением следствия, создававшим невиданно мрачную, по сути, безнадежную обстановку, когда чувствующие свою полную обреченность люди нередко переставали быть нормальными людьми.

Но и это еще не все. И, может быть, даже не главное. Огромное количество имеющих юридическую

силу документов заставляют любого объективного исследователя прийти к выводу о том, что многое в этих показаниях не только недостоверно, но является фальшивкой в чистом виде, т. е. совершенно сознательно сфальсифицировано следователями НКВД.

СЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Да, многообразнейший материал архивно-следственных дел, в том числе нередко и собственноручно написанные показания многих сотен, а может, и тысяч военнослужащих РККА о своем участии в «военно-фашистском заговоре», существует. И если судить «с птичьего полета», то можно прийти к выводу о реальном существовании такого заговора. Но мы-то теперь, через 60 лет после появления этой версии получили, наконец, совершенно неопровержимые доказательства, что эта версия насквозь ложная, не выдерживающая даже малейшей честной юридической критики. Чем же объяснить наличие этих показаний и насколько можно им верить?

Проведенная в середине и второй половине 50-х годов дополнительная проверка архивно-следственных дел и приговоров, вынесенных «военным заговорщикам» в строгих, имеющих юридическую силу, документах, убедительно зафиксировала, что в ходе предварительного следствия следователями и другими функционерами НКВД было допущено огромное количество фальсификаций самого различного рода.

Примеры фальсификации следствия бесконечны. Ибо все дело о так называемом военно-фашистском заговоре в РККА было с самого начала совершенно сознательно с наглым цинизмом состряпано тогдашним руководством НКВД СССР во главе со «сталинским наркомом» Н.И. Ежовым и его первым заместителем М.П. Фриновским. А раз все дело «дутое», то и обвинения в адрес каждого конкретного «участника» надуманные, опять-таки сознательно фабриковались следователями особых отделов и территориальных

управлений НКВД. «Разоблаченные» и арестованные «заговорщики» шли таким мощным косяком, что даже самые шустрые и хватистые следователи не всегда могли запомнить, что именно они вкладывали в уста привлеченных раньше и уже осужденных командиров и политработников. (Компьютеров-то тогда еще не было.) Но они этим отнюдь не смущались. Они твердо и не без оснований надеялись, что члены Военной коллегии Верховного суда никогда не решатся проверить их утверждения. Так, увы, и было в предвоенные годы. И только через два десятилетия – в ходе дополнительной проверки стало выясняться, как буквально за нос водили маститых членов Военной коллегии.

Широко практиковались всякого рода фальсификации в процессе исполнения оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00485 от 11 августа 1937 г., которым предписывалось провести массовые аресты военнослужащих польской национальности, поскольку они все якобы входят в антисоветскую Польскую организацию войсковую («ПОВ»). Осужденный в 1940 г. за антисоветскую деятельность и фальсификацию следственных дел бывший начальник 3-го отделения 3-го отдела УГБ У НКВД по Московской области А.О. Постель на допросе 11 декабря 1939 г. показал: «...Я отношу первый период... фальсификации к моменту получения из наркомата целого ряда протоколов допроса поляков, польских эмигрантов, якобы польских шпионов и провокаторов. В данном случае могу сослаться на протоколы Домбаля, Пшибышевского и других, которые в качестве образца быв(шим) наркомом Ежовым рассылались по областям. Целый ряд поляков, арестованных по этим протоколам, не имеющих ничего общего с польской разведкой, под избиениями, как этого требовал наркомат, подтверждали

принадлежность к организации «ПОВ» и другим шпионским повстанческим организациям»¹³².

О том, что дела на лиц польской национальности, служивших в ОКДВА, якобы связанных с ПОВ, также были сфальсифицированы, показал на допросе в 1940 г. и такой специалист по фальсификации, как бывший заместитель начальника особого отдела НКВД ОКДВА капитан госбезопасности Л.М. Хорошилкин¹³³.

Уже в послевоенные годы при проверке Прокуратурой СССР одного из дел, из 4-го управления КГБ при Совете Министров СССР было получено сообщение, что данных о латышских антисоветских организациях, якобы действовавших на территории СССР, не имеется¹³⁴. Однако по преступному указанию руководства НКВД СССР лица латышской национальности арестовывались без всяких оснований, а затем путем применения к арестованным незаконных методов следствия от них добивались ложных показаний о причастности к контрреволюционным организациям, о шпионаже, диверсиях и терроре. Упомянувшийся выше сотрудник НКВД А.О. Постель показал в 1939 г., что так называемый Всесоюзный латышский контрреволюционный центр в природе не существовал, а был сфабрикован. Далее Постель, например, показал... «что РУДЗУТАК, будучи латышом, «вскрыт» при латышском центре, как его руководитель»¹³⁵.

В определенных случаях не останавливались перед фальсификацией на весьма высоком уровне. Так, в показаниях бывшего заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности 1-го ранга Г.Е. Прокофьева от 4 июня 1937 г. указано, что об антисоветской деятельности Рудзутака он сначала узнал от наркома Ягоды, а затем по поручению последнего установил с Рудзутаком «антисоветские

связи». Эти показания вызывают сомнение по двум обстоятельствам. Во-первых, просмотром дела Ягоды установлено, что он никаких показаний об антисоветской деятельности Рудзутака не давал. А во-вторых, их нельзя признать достоверными и потому, что из показаний старшего майора госбезопасности А.К. Залпетера явствует, что эти показания Прокофьева были сфальсифицированы руководящими сотрудниками ГУГБ НКВД СССР С.Г. Жупахиным и Н.Г. Николаевым-Журидом¹³⁶.

Органы НКВД усиленно стряпали фальшивые версии о контрреволюционных организациях, якобы действовавших во всеармейском масштабе, но не брезговали «созданием» их и в локальных размерах. В ходе дополнительной проверки в 1956 г. осмотром архивно-следственных дел бывшего начальника УНКВД по Днепропетровской области Е.Ф. Кривца и бывшего начальника 5-го отдела этого управления Я.Е. Флейшмана установлено, что ими путем применения к арестованным продолжительных допросов, стоек и избиений была «создана» не существовавшая в действительности «военно-заговорщическая организация в частях 7 корпуса». За свои многочисленные преступления, в том числе и за фальсификацию следственных дел, Кривец и Флейшман были осуждены к расстрелу¹³⁷.

О фактах фальсификации уголовных дел на бывших военнослужащих Амурской военной флотилии как на участников контрреволюционной организации показали руководившие расследованием данного дела бывшие сотрудники НКВД по ДВК Хорошилкин и Осинин, а также принимавшие участие в ведении следствия бывшие следователи Гринберг, Кибальченко, Любимов и другие¹³⁸.

Если уж «сочиняли» целые организации, то «организовать» признательные показания арестованного физического лица считалось делом более простым. А требования руководства в этом отношении были совершенно безальтернативны. «Была установка, – свидетельствует один из бывших сотрудников «органов» (А.О. Постель), – если где-либо в протоколе упомянут арестованный, обязательно добиваться признания, и этих признаний добивались»¹³⁹. Причем нередко следователей НКВД совершенно не интересовала доказательность, правдивость показаний. Их интересовало лишь одно – чтобы эти «признательные показания» были.

О злобной роли сотрудников НКВД в фальсификации обвинений в участии в так называемом военно-фашистском заговоре в РККА выявлено в настоящее время большое количество самых разнообразных источников. Но особое место среди них занимают свидетельства самих несправедливо обвиненных в тягчайших преступлениях перед Родиной. В одном из надзорных производств чудом сохранилось письмо бывшего начальника политуправления Белорусского военного округа бывшего дивизионного комиссара И.И. Сычева своей матери. Оно не было перехвачено военной цензурой. Его в 1956 г. переслала Ворошилову вдова Сычева, как еще одно доказательство невиновности ее мужа. В мае 1941 г. из ИТЛ Сычев писал в этом письме: «...я ни в чем не виноват... дело создали Цветков, Кривуша, и они крепко за это осуждены Советским судом... Милая мама, целую Тебя крепко, крепко и горячо. Твой сын Ваня»¹⁴⁰.

Очень многое зависело от расположения духа следователей НКВД. Они получали (выбивали) показания от арестованных, а потом использовали их в основном по своему усмотрению. 4 ноября 1937 г. они

арестовывают начальника политуправления Московского военного округа дивизионного комиссара М.Г. Исаенко. И вот он на следствии 25 ноября 1937 г. называет (мы не знаем – под воздействием чего и называет ли вообще?) якобы известных ему участников контрреволюционной организации артиллериста Н.М. Хлебникова и политработника бригадного комиссара А.М. Круглова-Ланду. Хлебникову повезло – почему-то его «не взяли» и он впоследствии умело воевал, стал генерал-полковником артиллерии, Героем Советского Союза. А Круглова-Ланду 11 марта 1938 г. «забрали» и, как явствует из его дела, именно на основе показаний Исаенко. Но Исаенко назвал Круглова участником контрреволюционной организации якобы со слов бывшего члена Военного совета МВО армейского комиссара 2-го ранга Г.И. Векличева. Однако в его показаниях Круглов-Ланда вообще не упоминался¹⁴¹. Из этого вполне резонно можно судить, что «нужные» следователям НКВД показания буквально вкладывались в рот арестованному. В октябре 1938 г. Круглов-Ланда был тем не менее расстрелян. Реабилитирован посмертно.

В ходе дополнительной проверки в 1956 г. дела бывшего начальника ПВО гор. Москвы комбрига В.А. Бюллера Военной коллегией Верховного суда СССР было установлено, что имеющиеся в его деле «признательные» показания были сфальсифицированы, сострепаны бывшими сотрудниками особого отдела НКВД 1-й дивизии ПВО Рейтером, Кругловым и Толкачевым¹⁴².

В качестве «доказательств» контрреволюционной деятельности бывшего начальника 7-го отдела Генштаба РККА – комдива И.Ф. Максимова следователи НКВД приводили показания С.М. Белицкого, С.М. Савицкого, Н.Г. Егорова. Но в них говорилось лишь о

близости Максимова с Тухачевским и о критике Максимовым руководства НКО¹⁴³. Видно, тогда всякая попытка критики руководства немедленно подводилась под контрреволюцию...

В основу обвинения и приговора к расстрелу бывшего заместителя комвойск СибВО по авиации комдива К.В. Маслова были положены его «признательные» показания, а также показания арестованных по другим делам И.И. Прохорова, Н.И. Подарина, И.З. Зиновьева. Никаких других доказательств виновности комдива Маслова в его деле нет. В ходе проверки выяснилось, что Зиновьев в суде от своих показаний отказался, как от ложных, что показания Прохорова и Подарина – не основательны и, как записала Военная коллегия в своем определении от 8 декабря 1956 г., «дело на Маслова было сфальсифицировано быв. работниками НКВД»¹⁴⁴.

При рассмотрении заключения ГВП по делу бывшего командира 16 ск комдива А.П. Мелик-Шахназарова, расстрелянного 30 октября 1937 г., Военная коллегия в заседании 29 марта 1958 г., принимая решение об отмене приговора и реабилитации комдива, записала в своем определении: «...дополнительным расследованием установлено, что материалы, на которых основывалось обвинение МЕЛИК-ШАХНАЗАРОВА, не соответствуют действительности и были сфальсифицированы бывшими сотрудниками НКВД»¹⁴⁵.

Как «участник антисоветского военного фашистского заговора» по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 марта 1938 г. был расстрелян бывший комиссар 18-го стрелкового корпуса дивизионный комиссар Л.Г. Якубовский. Дополнительной проверкой, проведенной, к сожалению, только через 22 года, было установлено,

что «все материалы предварительного следствия по данному делу были сфальсифицированы бывшими работниками органов НКВД Хорошилкиным, Ивановым и другими»¹⁴⁶. Л.Г. Якубовский реабилитирован посмертно 18 июня 1960 г.

Комендант Могилев-Ямпольского укрепленного района дважды краснознаменец комдив И.И. Раудмец был арестован в Киеве 11 июня 1937 г., а 9 сентября этого же года осужден Военной коллегией к расстрелу. Одно из главных «оснований» приговора – якобы он являлся участником антисоветского военного заговора, в который был завербован в 1937 г. Якиром¹⁴⁷. В ходе дополнительной проверки выяснилось, что в деле по обвинению Раудмеца имеются выписки из показаний комкора Д.С. Фесенко и комдива С.И. Венцова-Кранца о том, что об участии Раудмеца в заговоре им было известно со слов Якира (самого Якира судили как раз в день ареста Раудмеца и на второй день расстреляли). Однако просмотром дела по обвинению Якира установлено, что последний не только не назвал Раудмеца в числе лиц, вовлеченных им в заговор, но показал, что Раудмеца он в заговор не вовлекал «из-за его болтливости»¹⁴⁸ (может, хоть таким приемом Якир на краю своей могилы хотел спасти своих боевых товарищей).

Бывший сотрудник особого отдела НКВД 39-го стрелкового корпуса Прокофьев при допросе его 3 августа 1939 г. на очной ставке с бывшим начальником особого отдела 22 сд Тоукачем показал, что следствие по делам бывших военнослужащих 276 сп Локтюшина, Гапоненко, Швырева, Виттенберга и Осикова проводилось Тоукачем с грубым нарушением советских законов и что следственные дела на всех этих лиц были сфальсифицированы Тоукачем. За фальсификацию следственных дел Тоукач был осужден в 1939 г.¹⁴⁹.

Многие работники особых отделов НКВД шли на фальсификацию дел без всякой опаски, надеясь на то, что никому не позволят проверять достоверность сочиненных ими разного рода версий. В подавляющем большинстве случаев именно так и было. Вместе с тем надо отметить, что имеются факты, позволяющие сделать вывод о том, что некоторые документы, противоречащие сострепанным версиям и, следовательно, негодные следователям и руководству НКВД, просто уничтожались уже в довоенные годы. Когда в середине 50-х годов началось, наконец, дополнительное расследование по делу бывшего комкора А.И. Тодорского и когда Главная военная прокуратура запросила компетентные органы, почему в архивно-следственном деле бывшего маршала А.И. Егорова не оказалось протокола, из которого якобы была сделана выписка, приобщенная к делу Тодорского, то учетно-архивный отдел КГБ ответил, что данный протокол мог быть уничтожен при ликвидации в 1939 г. «излишних» показаний Егорова¹⁵⁰. Важно было успеть человека расстрелять, а документы всегда можно «почистить»...

«Исчезновение» документов считалось делом обычным. И тогда выявить это было, по существу, невозможно. Ведь никого и близко к ним не подпускали. А когда следователи ГВП получили такую возможность, то многое обнаружилось. Вот, например, в деле корпусного комиссара Т.К. Говорухина имеется копия показаний корпусного комиссара И.Ф. Немерзелли о том, что Говорухин – якобы участник заговора. Эта копия заверена НКВД с указанием, что подлинник протокола допроса хранится в деле Немерзелли. Однако при проверке указанного протокола в деле Немерзелли не оказалось, а по другим его показаниям Говорухин вообще не проходил¹⁵¹.

Установлены факты изъятия следователями НКВД тех или иных «неудобных» для их версии показаний. Противоречившие показаниям Тухачевского некоторые показания Фельдмана (а также и соответствующие показания Тухачевского о «вербовке» комкора Горбачева) из дела Корка, Фельдмана, Тухачевского и других были изъяты и приобщены к этому делу лишь после того, как Тухачевский, Фельдман и Горбачев были осуждены и расстреляны¹⁵².

Комкор Н.Н. Криворучко был признан виновным в том, что с 1931 г. якобы являлся участником антисоветского военного заговора, в который, по показаниям Криворучко, он был завербован Якиром. Однако проверка архивно-следственного дела Якира показала, что по его показаниям, даже прошедшим через руки следователей, Криворучко «не проходит»¹⁵³.

Накануне 20-летней годовщины РККА, 22 февраля 1938 г. был осужден к ВМН и в тот же день расстрелян бывший заместитель начальника штаба Сибирского военного округа, коммунист с подпольным стажем – с 1913 г. – «с шестнадцати мальчишеских лет», комбриг В.Г. Драгилев. Одним из оснований такого беспощадного приговора была подшитая к уголовному делу Драгилева копия собственноручных показаний осужденного по другому делу Федотова. Однако, как это официально зафиксировано в определении Военной коллегии от 7 июля 1956 г., осмотром уголовного дела Федотова установлено, что подлинника этих собственноручных его показаний в указанном выше деле не имеется¹⁵⁴. Вполне резонно можно предполагать, что этих показаний вообще не было. Иначе – куда бы они девались? А выписку в дело Драгилева «хитроумные» и безнаказанно наглые следователи НКВД просто сочинили и подсунули

Военной коллегии. А та и клюнула по принципу «обманываться рада».

Одним из оснований для осуждения флагмана 1-го ранга Э.С. Панцержанского к расстрелу послужили представленные следователями НКВД показания арестованного комкора Б.М. Фельдмана о том, что он знал о принадлежности Панцержанского к военному заговору со слов маршала М.Н. Тухачевского. Между тем, как показала дополнительная проверка, Тухачевский никаких показаний в отношении Панцержанского не дал. Более того, стараясь, очевидно, попытаться спасти от ареста военных моряков, Тухачевский показал, что пока военно-морской флот не вырастет в более крупную силу, он не считал нужным привлекать в заговор работников этого флота¹⁵⁵.

В январе 1938 г. в Москве был арестован заместитель командующего войсками ЛВО по авиации комдив В.Н. Лопатин. Как видно из материалов дела, он был арестован по показаниям комкора Хрипина, который, со слов комкора Меженинова, называл его в числе участников антисоветского заговора и в дальнейшем совместно с ним проводил подрывную работу в области авиации. Однако в деле Лопатина показаний Хрипина и Меженинова не имеется и, как показала проверка их дел, Хрипин в июле 1956 г. был реабилитирован, а по показаниям Меженинова Лопатин в числе участников заговора вообще не проходил. Как видно из справки администрации тюрьмы, Лопатин вызывался следователями на допросы 28 раз, но в деле имеется только три протокола его допросов, два из которых допрашивавшими его следователями даже не подписаны¹⁵⁶. Но и одного протокола для решения судьбы человека в то время хватало с избытком. 29 июля 1938 г. комдив Лопатин был приговорен к ВМН и в

тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 12 декабря 1956 г.

На допросе 25 февраля 1937 г. арестованный бывший заместитель начальника Военно-политической академии дивизионный комиссар И.С. Нижечек заявил: «Теперь мне стало ясно, что я являлся участником сборищ контрреволюционной троцкистской группы...» Копия этого протокола, приобщенная к делу арестованного бывшего начальника кафедры политэкономии этой же академии бригадного комиссара П.Л. Булата, была сфальсифицирована и в ней вместо слов: «Теперь мне стало ясно...» указано: «Признаю, что я являлся участником сборищ контрреволюционной троцкистской группы»¹⁵⁷.

В качестве доказательства «виновности» бывшего начальника политуправления АОН дивизионного комиссара И.П. Зыкунова в предъявленном ему обвинении к его делу была приобщена выписка из протокола допроса обвиняемого корпусного комиссара И.Ф. Немерзелли от 19 августа 1938 г. Однако в ходе дополнительной проверки в 1955 г. было установлено, что протокола допроса Немерзелли от 19 августа 1938 г. в его деле вообще не имеется. В этой выписке указано, что о Зыкунове как участнике заговора он, Немерзелли, узнал якобы от армейского комиссара 1-го ранга П.А. Смирнова. Между тем Смирнов в своих показаниях утверждал, что об участии Зыкунова в заговоре ему якобы известно от Немерзелли¹⁵⁸.

Только в ходе дополнительной проверки дела расстрелянного в мае 1938 г. бывшего начальника политотдела Совгаваньского укрепрайона бригадного комиссара И.Е. Масевичко было установлено, что к делу не были приобщены письма Масевичко на имя уполномоченного НКВД СССР по ДВК В.А. Балицкого, в адрес политуправления ТОФ, к своей жене. Эти письма

были написаны после ареста и из них видно, что Масевичкий категорически отрицал какое-либо свое участие в антисоветской деятельности. Но все эти письма были спрятаны в архив органов госбезопасности. И лишь в ходе дополнительной проверки в 1956 г. они были изъяты оттуда и приобщены к материалам дополнительного расследования¹⁵⁹.

Бывший командир 3-го тяжелого авиакорпуса АОН ВВС комбриг А.М. Тарновский-Терлецкий, находясь под арестом, на шести листах написал заявления о незаконных действиях работников органов НКВД. Но, как показала дополнительная проверка в 1965 г., эти заявления в архивно-следственном деле бывшего комбрига отсутствуют¹⁶⁰.

Николай Иосифович Раттэль (1875 г. р.), бывший генерал-майор царской армии, почти всю Гражданскую войну был последовательно начальником штаба Высшего Военного совета РСФСР, штаба Реввоенсовета Республики и затем Всероссийского Главного Штаба. В ноябре 1925 г. вышел в отставку. Но 13 марта 1930 г. арестован органами ОГПУ по обвинению в связи с антисоветской заграничной организацией. На допросах Раттэль категорически отрицал какую-либо враждебную деятельность против советской власти. Он показал: «...Я могу с полным сознанием ответственности за свои слова здесь еще раз констатировать, что лично я, подчинившись Рабоче-Крестьянской власти, с 21 ноября 1917 года добровольно, конечно, первое время больше по инстинкту, с тех пор непрерывно, абсолютно честно, сознательно, убежденно и преданно работаю на пользу Рабоче-Крестьянской власти. И нет такого теперь и в будущем случая, при котором я мог бы изменить этой власти. В пределах моих сил, знаний, умения и опыта

эта власть всегда, без колебаний, уверенно может рассчитывать на меня при всех обстоятельствах»¹⁶¹. Постановлением Коллегии ОГПУ от 25 мая 1930 г. дело в отношении Раттэля было прекращено.

Прошло 8 лет, наступили годы большого террора и 28 июля 1938 г. Раттэль был снова арестован. В справке на арест он объявлялся одним из организаторов и руководителей офицерской диверсионной террористической организации и обвинялся в том, что состоя с 1930 г. секретным сотрудником органов НКВД, он «формально относился к работе и никаких серьезных дел не дал»¹⁶². В ходе следствия 63-летний бывший царский генерал допрашивался «более 22 раз». Его били. Выбили оговор и на себя и на других. Но при объявлении ему об окончании следствия по делу, Раттэль 11 февраля 1939 г. собственноручно написал на протоколе, что «мною 31 декабря 1938 г. подано заявление Народному Комиссару Внутренних Дел СССР об отказе от показаний, данных мною следствию»¹⁶³. Но к делу это заявление приобщено не было. В судебном заседании Военной коллегии 2 марта 1939 г. Раттэль виновным себя ни в чем не признал, от своих показаний, данных на следствии, отказался, заявив, что они ложны и даны под физическим воздействием. Приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

С полной уверенностью можно утверждать, что все уголовные дела на так называемых участников военно-фашистского заговора фальсифицировались совершенно конкретными людьми. На мой взгляд, совершенно типичной может считаться оценка уголовного дела на бывшего начальника курсов «Выстрел» комдива А.А. Инно-Кульдвер, сформулированная в определении Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 сентября 1956 г. и состоящая в том, что оно «было сфальсифицировано

бывшими работниками УНКВД по Московской области Бодулинским, Пиком и Столяровым»¹⁶⁴.

Весьма распространенным способом фальсификации уголовных дел в процессе предварительного следствия были допросы без ведения протокола. Следователь НКВД вызывал арестованного командира (политработника) и категорически требовал признаться в ведении контрреволюционной деятельности, в участии в военно-фашистском заговоре и т. п. Подавляющее большинство допрашиваемых решительно отметали эти обвинения не только на первом допросе, но и на десятом, двадцатом, а то и шестидесятом-семидесятом. В подобных случаях следователь никакого протокола допроса не вел и терпеливо, как матерый хищник в засаде, ждал своего часа. Рано или поздно наступал предел выдержки, терпения, мужества безвинных жертв. Сдавали нервы, надламывалась психика, иссякали силы, звучало «признание». И вот тогда-то следователь НКВД усердно фиксировал столь желанное для него заявление. И ему, очевидно, казалось, что он не даром ест свой хлеб с маслом, что он «честно» помогает советской власти в «очищении армии» от врагов народа.

В деле приговоренного к расстрелу комбрига А.Д. Зарина имеется только один протокол его допроса, тогда как, согласно справке из Лефортовской тюрьмы, Зарин допрашивался 25 раз¹⁶⁵. Бывший начальник штаба авиационной армии комбриг Н.Г. Андрианов с момента ареста и до окончания следствия по его делу допрашивался 26 раз. Между тем в его деле имеется лишь один протокол от 4 мая 1938 г., касающийся существа обвинения, составленный на 79 листах. Причем из него не видно, что Андрианов в течение трех месяцев, т. е. на 19 допросах, виновным себя не

признавал; никаких протоколов подобных допросов просто не составлялось¹⁶⁶.

С грубыми нарушениями официально провозглашенных законов было проведено предварительное следствие по делу бывшего заместителя начальника АБТУ РККА комдива М.М. Ольшанского. Он был арестован еще 15 апреля 1937 г., но обвинение ему было предъявлено только через два месяца после ареста. Он вызывался на допрос в Лефортовской тюрьме 32 раза, а в деле имелось лишь четыре протокола его допросов да приобщенные к делу фальсифицированные следователем копии протоколов допроса арестованного Якобсона¹⁶⁷ и т. п. Но в условиях психоза 1937 года и эти явные фальшивки срабатывали. 20 сентября комдив Ольшанский был расстрелян.

Бывший член Военного совета Авиации особого назначения корпусной комиссар И.М. Гринберг вообще не был допрошен по существу дела, несмотря на то что, как видно из справки администрации тюрьмы, он вызывался на допросы 44 раза¹⁶⁸. Тем не менее Военная коллегия Верховного суда СССР 29 июля 1938 г. приговаривает его к расстрелу, и в тот же день этот приговор был приведен в исполнение. Затем, как водится, через 19 лет – посмертная реабилитация.

В архивно-следственном деле бывшего члена Военного совета МВО корпусного комиссара Б.У. Троянкера содержится всего один-единственный протокол его допроса от 3 июля 1938 г., а по справке начальника Лефортовской тюрьмы Троянкер допрашивался 45 раз¹⁶⁹. Как явствует из справки следственной части НКГБ СССР, бывший начальник отдела НИИ ВВС РККА комбриг А.И. Залевский вызывался на допросы 47 раз, однако в материалах уголовного дела сохранилось только 8 протоколов допросов, а допросы, «не устраивавшие» следствие,

попросту не протоколировались¹⁷⁰. Из справки начальника Лефортовской тюрьмы от 10 ноября 1955 г. усматривается, что легендарный герой Гражданской войны комкор Е.И. Ковтюх только за время содержания его в этой тюрьме допрашивался 69 раз, в материалах же уголовного дела имеется всего 4 протокола его допросов¹⁷¹.

И, наконец, еще один выразительный факт. Судя по справке той же Лефортовской тюрьмы, бывший командующий войсками Средне-Азиатского военного округа, награжденный тремя орденами Боевого Красного Знамени комкор И.К. Грязнов вызывался на допрос 71 раз, а в материалах уголовного дела имеется лишь один-единственный протокол его допроса от 15 октября 1937 г. И тот полностью сфальсифицирован, ибо именно в этот день Грязнов на допрос вообще не вызывался¹⁷².

Обычно следователи НКВД самыми разными путями, средствами, методами стремились заставить подсудимых дать собственноручные «признательные» показания. И в большинстве случаев им этого удавалось добиться. Другой вариант состоял в том, что «нужные» показания составляли сами следователи. Они обычно умело выхватывали отдельные моменты из реальных показаний, отпечатывали их на пишущей машинке, а доведенному «до кондиции» измученному подсудимому оставалось только подписать эту смертоносную следовательскую стряпню.

Но был еще и третий вариант (когда два предыдущих не проходили). В этом случае следователи просто сочиняли «признательные» показания. Вот свидетельство бывшего дивизионного комиссара И.И. Кропачева: «Мне записано одно из обвинений, что вместе с другими заговорщиками разложил 16 сд, где я

был начподивом с 1931 по 1933 год. На самом деле в 1933 г. 16 сд получила первенство в ЛВО – по всем видам боевой подготовки. Я рассказал следователю, но он записал: «разложил»¹⁷³.

Мало того, что в буквальном смысле слова «выбивали» у арестованных по другим делам «уличающие» показания на находящихся еще на воле командиров и политработников, а затем эти оговоры вклеивали в дела обреченных, так некоторые сотрудники НКВД доходили до прямого обмана своих непосредственных начальников (а может быть, делали это с молчаливого их соизволения?). В составленном следователями НКВД обвинительном заключении по делу комкора И.Д. Косогова и проштампованном Военной коллегией Верховного суда СССР приговоре утверждалось, что Косогов был завербован в антисоветскую организацию комбригом С.П. Обысовым. Однако, как установила последующая проверка, никаких показаний о Косогове Обысов не давал¹⁷⁴.

Одним из фальсификаторских приемов были ссылки на якобы имеющиеся «изобличительные» показания лиц, арестованных по другим делам, при фактическом отсутствии копий этих показаний в деле обвиняемого. Например, в обвинительном заключении на бывшего члена Военного совета Черноморского флота дивизионного комиссара С.И. Земскова указывалось, что он-де изобличается показаниями бывшего заместителя наркома обороны СССР и начальника Морских сил РККА В.М. Орлова и заместителя командующего Тихоокеанским флотом Г.П. Киреева (дело в том, что до 1937 г. Земсков служил на ТОФе заместителем начальника политуправления флота). Но в деле Земскова показаний Орлова и Киреева вообще не имеется¹⁷⁵. Таким образом, следователи НКВД чувствовали себя настолько никому не подсудными,

непроверяемыми, всесильными, что во многих случаях действовали просто нагло, не только не соблюдая даже простейших норм УПК РСФСР, но и не утруждая себя хотя бы элементарной попыткой свести концы с концами в своих обвинительных конструкциях.

А вот другой похожий пример усердного плетения криминальной сети следователями НКВД. 27 июля 1937 г. был арестован начальник отдела портов УВМС РККА дивинтендант И.Я. Анкудинов. Длительное время он виновным себя ни в какой антисоветской деятельности не признавал. И лишь 6 сентября 1937 г. от него были получены «признательные» показания. Следователи «подкрепляли» их выписками из показаний И.М. Лудри и В.М. Орлова. Изучение же дел по обвинению Лудри и Орлова показало, что оба они на первых допросах вообще не называли Анкудинова участником заговора, а затем стали его называть, причем каждый утверждал, что именно он завербовал Анкудинова¹⁷⁶. Эти противоречия явно свидетельствуют о неправдоподобности показаний этих лиц, о том, что в данном случае следователи НКВД явно «организовали» нужные им показания.

Схема действий следователей НКВД по фабрикации обвинительных заключений на командиров и политработников РККА за их мифическое участие в придуманном воспаленным воображением тогдашнего руководства НКВД «военно-фашистском заговоре» была довольно примитивна и убога. Им важно было получить хоть одно «показание». Наличие этих показаний в аппарате НКВД всегда придавалось большое, по сути, решающее значение. На основе этих никем не проверяемых (ни как они получены, ни насколько они достоверны) сведений тогдашние члены Военной коллегии Верховного суда СССР и члены военных трибуналов округов в стремительном темпе отправляли

попавших к ним на расстрел. А тут еще «великий вождь мирового пролетариата и всего прогрессивного человечества» в довольно широкой армейской аудитории изволил публично ориентировать особистов и весь личный состав РККА, специально подчеркнув значение показаний.

И пошло-поехало. Получив одно-единственное показание на того или иного командира, следователи НКВД, как правило, немедленно арестовывали его, путем применения ничем не ограниченных издевательств и избиений, вплоть до изощренных пыток, выбивали «собственноручные» показания или заставляли подписаться под состряпанными самими же следователями перепечатанными на машинке протоколами. А затем для вящей «доказательности» прилагали к делу арестованного никем не проверенные, реально существовавшие, а нередко и отсутствующие в делах выписки из протоколов допросов военных, арестованных по другим делам. Так, например, к делу бывшего командира 7 ск комдива Ф.Ф. Рогалева были приложены «обвинительные» выписки из протоколов допросов 33 человек. И все они, как показала дополнительная проверка в 1956 г., оказались неосновательными¹⁷⁷. А тогда – в сентябре 1937 г. – они сработали. И Рогалев был расстрелян.

Получив только им известным путем «признательные» показания от сопротивлявшегося два месяца бывшего начальника артиллерии РККА комдива Н.М. Роговского, следователи особого отдела по излюбленной ими методике стали «подкреплять» их показаниями других лиц. И в этом мероприятии – выдумке, хитрости, беспардонности и наглости следователей не было предела. Ведь проверить-то их никто не мог (или мог, но боялся). И ввали они напропалую. К делу Роговского были приобщены

выписки из показаний арестованных командармов 1-го ранга И.П. Уборевича и И.Э. Якира, комкора Н.А. Ефимова, комдива Е.С. Казанского, комбрига А.И. Сатина. Но как показала дополнительная проверка в 1956 г., все эти приложенные к делу показания не могли являться доказательством вины Роговского, так как все они неконкретны, не содержат каких-либо сведений о реальной антисоветской деятельности обвиняемого, а состоят лишь из голословных заявлений о причастности Роговского к «военно-фашистскому заговору». Причем, судя по этим выпискам, Якир назвал Роговского участником заговора якобы со слов Уборевича, а Уборевич и Ефимов – со слов Тухачевского. Однако осмотром архивно-следственного дела на Тухачевского установлено, что он (даже при всем искусстве следователей к манипуляциям) никаких показаний в отношении Роговского вообще не давал¹⁷⁸.

Самые примитивнейшие фальсификации при фабрикации дел подследственных встречались буквально на каждом шагу. Вот в декабре 1937 г. арестовывают бывшего начальника войск связи РККА, а затем начальника 5-го Главка Наркомата оборонной промышленности СССР коринженера Н.М. Синявского. Был бы человек, а статья найдется. Выбиваются «признательные» показания и у самого Синявского, произвели его еще в германского и американского шпиона, и в расстрельный день 29 июля 1938 г. он вместе со многими другими военачальниками (но каждый «по своему» делу) приговаривается к ВМН. А что же выяснилось в результате дополнительной проверки в 1956 году? В официальной справке Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, послужившей своеобразным юридическим основанием для ареста Синявского, утверждалось, что он как заговорщик уличается показаниями С.В. Бордовского и И.А. Халепского,

которые-де узнали об этом со слов Тухачевского. Но в ходе проверки выяснилось, что Тухачевский о Синявском показаний не давал. В этой же справке утверждалось далее: якобы В.М. Примаков показал, что Синявский известен ему как заговорщик со слов И.И. Гарькавого, но Гарькавый Синявского также не называл¹⁷⁹. Что это? Забывчивость или некомпетентность следователей НКВД? Или просто лень? Скорее всего - чувство вседозволенности, ощущение полной, абсолютной, беспредельной власти над всеми попавшими в их руки людьми, да и над теми, которые еще пока «на воле». Ведь никто из них, абсолютно никто, вплоть до наркомов и членов Политбюро ЦК ВКП(б), не застрахован от скоропостижного ареста органами всемогущего и всемогущего НКВД. Вот и пишут они, что хотят. И каждый начальник, вплоть до наркома, должен верить им. А если не поверит и попытается проверить, то, во-первых, ему все равно такой возможности не дадут («мы сами себя проверяем»), а во-вторых, сразу становится человеком «подозрительным», кандидатом в покойники.

К делам по обвинению бывших ответственных сотрудников Политуправления РККА корпусного комиссара И.Г. Неронова, бригадного комиссара А.С. Александрова и полкового комиссара В.М. Берлина приобщены выписка из показаний бывшего старшего инспектора ПУ РККА дивизионного комиссара Ф.Л. Блументаля от 3 сентября 1937 г. Но при дополнительной проверке было установлено, что в деле по обвинению Блументаля такого протокола вообще нет¹⁸⁰.

Фиктивными оказались и приобщенные (как основание для обвинения) к делу бывшего комиссара 1-го тяжелого авиакорпуса бригадного комиссара Л.А.

Краузе выписки из показаний В.К. Озола, И.Я. Юкамса и Я.К. Берзина. В ходе дополнительной проверки было установлено, что никаких показаний в отношении Краузе они не давали и что в архивно-следственных делах этих лиц вообще отсутствуют подлинные протоколы, выписки из которых приобщены к делу Краузе¹⁸¹.

Обвинение бывшего начальника Управления продснабжения РККА коринтенданта А.И. Жильцова основывалось на показаниях 19 арестованных по другим делам бывших военнослужащих^{182а}. В ходе дополнительной проверки выяснилось, что все эти показания оказались несостоятельными. Но коринтендант-то еще в сорок первом загиб в заключении...

Пожалуй, самым распространенным и самым губительным для подследственного был такой прием фальсификации, как составление протоколов допросов следователями НКВД в отсутствие допрошенных. Уже к осени 1936 г. широко установилась такая практика, когда после ряда допросов следователь на основе своих записей и главное – на основе требований начальства – составлял протокол, в который вносил все, что, по его мнению, должен был показать арестованный. Протокол перепечатывался на машинке и затем давался арестованному на подпись. Очевидно, лучше всех знал, как все это происходило, нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов. И вот что он вынужден был заявить 3 марта 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б): «Я должен прямо сказать, что существовала такая практика: прежде чем протокол давать на подпись обвиняемому, его вначале просматривал следователь, потом передавал начальству повыше, а важные протоколы доходили даже до наркома. Нарком вносил указания, говорил, что

надо записывать так, а не эдак, а потом протокол давали подписывать обвиняемому¹⁸².

Здесь Ежов как бы критикует своего предшественника на посту нар-комвнудела Ягоду и вроде ратует за соблюдение «социалистической законности». Но это очередное проявление фарисейства. На самом деле фальсификация протоколов именно при Ежове приобрела огромный масштаб. Дело доходило до того, что даже протоколы допроса бывшего члена Политбюро ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутака следователь НКВД писал не со слов Рудзутака, а под диктовку другого следователя НКВД Ярцева¹⁸³.

В результате дополнительного расследования дела бывшего члена Военного совета ЗакВО корпусного комиссара М.Я. Апсе выяснилось, что в ходе предварительного следствия к нему применялись незаконные методы следствия. На судебном заседании Апсе отказался от выбитых ранее у него показаний и заявил: «На предварительном следствии меня принудили дать ложные показания, как на себя, так и на других лиц»¹⁸⁴. По поводу оглашенного в суде собственноручного заявления, в котором на следствии было названо 37 участников военного заговора, корпусной комиссар показал: «Указанное заявление я писал и я его подписывал, но оно совершенно не отвечает действительности и вот почему: заявление я писал под диктовку следователя РАССОХИНА. Названные 37 человек показаны в заявлении не мною, а следователем, который назвал мне эти фамилии и заставил написать о них заявление... Протоколы составлялись без меня, а затем мне приносили и заставляли их подписывать»¹⁸⁵.

Это – свидетельство жертвы. Но сохранилось немало вынужденных признаний и самих палачей. Как явствует

из показаний бывшего сотрудника особого отдела НКВД СибВО Грехунова, сотрудники этого отдела Барковский и Егоров вручали арестованному бывшему заместителю начальника политуправления СибВО дивизионному комиссару Н.И. Подарину списки комнатного состава и требовали от него давать показания на лиц, указанных в списке¹⁸⁶. Эти особисты добивались того, чтобы арестованный сам назвал «нужных» им лиц. А другие действовали еще более беспардонно. Бывший сотрудник особого отдела НКВД 50-й авиабригады Харакиз показал в 1939 г., что протокол допроса арестованного командира бригады комбрига Д.М. Руденко был сфальсифицирован следователем НКВД Вышковским, который просто вписал в протокол более 20 человек из состава бригады, якобы названных комбригом Руденко как участников заговора¹⁸⁷.

Принимавший непосредственное участие в расследовании дела комкора И.С. Кутякова бывший сотрудник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Г.А. Андрианов на допросе 11 января 1956 г. показал, что и к этому прославленному герою Гражданской войны применялись незаконные методы, а протоколы его допроса составлялись лично помощником начальника Особого отдела ГУГБ М.А. Листенгуртом¹⁸⁸.

Дело арестованного комдива К.И. Степного-Спижарного вел начальник 3-го отделения Особого отдела ГУГБ НКВД А.А. Авсеевич. Допрошенный в 1956 г., он показал, что протокол допроса комдива от 15 апреля 1938 г. на 63 листах был составлен в отсутствие обвиняемого, на основании его так называемых собственноручных показаний, полученных от него путем применения мер физического воздействия¹⁸⁹.

В конце ноября 1938 г. были арестованы секретарь Комитета обороны при СНК СССР комкор Г.Д. Базилевич и начальник одного из отделов секретариата полковник

Г.М. Дарголец. Стали стряпать дело на них. Один из приемов, особенно наглядно проявившихся именно в этом случае, состоял в том, что привлекали свидетелей, которые давали «нужные» следователям НКВД показания. Одним из таких «советских патриотов» был работник Военной группы Комиссии советского контроля при СНК СССР, а затем и Инспекции Комитета обороны Г.П. Лешуков. Допрошенный в ходе дополнительной проверки в 1955 г. относительно своих показаний, данных им на допросе 1 февраля 1939 г. по делу Базилевича и Даргольца, Лешуков сказал: «Ознакомившись с указанными показаниями, я считаю необходимым заявить, что... мое заявление о вредительской деятельности Базилевича и Даргольца было необоснованным. Допущено оно было потому, что Базилевич и Дарголец к этому времени были уже арестованы как якобы враги народа и в условиях тогдашней обстановки я и сделал упомянутый вывод»¹⁹⁰. Отвечая на вопрос, имелись ли у него какие-либо факты, подтверждающие его заявления о вредительской деятельности Базилевича и Даргольца и как он был допрошен 1 февраля 1939 г., Лешуков заявил: «Таких фактов у меня не было и я о подобной деятельности Базилевича и Даргольца... не располагал какими-либо данными... Я на допрос по этому делу тогда не вызывался... мне был принесен для подписи по месту службы... уже написанный полностью протокол допроса, который и был тогда мною подписан»¹⁹¹.

Очевидно, было бы смешной наивностью говорить о нравственности тогдашним людоедам-следователям НКВД. Но вот о моральном облике оставляемых на свободе некоторых военных можно сделать весьма грустные выводы. Тем более что такая подлость щедро оплачивалась. Базилевич был расстрелян, Дарголец умер в тюрьме, а лжесвидетелю Лешукову было

позднее присвоено звание генерал-майора. Как же – «заслужил»...

Допрошенный в процессе предварительного расследования в 1956 г. И.А. Корват охарактеризовал бригадминистра И.Б. Певзнера, интенданта 1-го ранга Л.Я. Аронова, интенданта 2-го ранга И.И. Густова и интенданта 3-го ранга И.С. Хребтова как честных и добросовестных работников и что о какой-либо их вредительской работе ему ничего не известно. Но в деле вышеуказанных военнослужащих имеется справка о вредительской деятельности в подразделении КВО, подписанная бывшим начальником этого отдела Корватом. На допросе в 1956 г. Корват заявил, что справки о их вредительской деятельности он не составлял, а только подписал их по требованию НКВД¹⁹². Вот и вся мораль: мол, сотрудники НКВД потребовали, отказать не мог. Предательство и клевета давали шанс на выживание. И Корват выжил. А вышеперечисленные четыре военных интенданта во главе с бригадминистром Певзнером расстреляны в 1938 г. Реабилитированы посмертно.

А вот другой факт подобного же рода. Одним из оснований расстрельного приговора начальнику военно-хозяйственного снабжения 2-й кавдивизии майору В.Г. Дашкевичу был акт «о вредительской деятельности Дашкевича». Его подписал в 1938 г. помощник начальника 1-й части штаба 2 кд Белявский. Майора Дашкевича тогда же, в октябре 1938 г., расстреляли, а «подписант» Белявский дослужился до генерал-лейтенантских погон. И вот почти «20 лет спустя», в процессе реабилитации Дашкевича попросили объяснений и у Белявского. И тот 24 июля 1957 г. письменно заявил, что подписанный им в 1938 г. акт не соответствует действительности, что он совместно с Дашкевичем работал с конца 1937 г. и вредительской

деятельности за ним не замечал¹⁹³. Но акт-то подписал! И не за этот ли Иудин грех уничтожения собственной личности ради угождения Системе так усиленно продвигали его в чинах?

Попутно замечу, что «вышел в генералы» и бывший начальник Химического управления РККА коринженер Я.М. Фишман. Он был арестован и под давлением следователей оговорил своего бывшего сослуживца. Того расстреляли, а Фишману как «сознательному» помощнику органам жизнь сохранили («10 лет»), после реабилитации присвоили звание генерал-майора. Немало и других пытались выжить и «продвинуться» путем оговора вчерашних боевых товарищей. И иногда достигали на этом позорном пути определенного личного выигрыша.

По свидетельству весьма информированного активного ликвидатора «военно-фашистского заговора» бывшего заместителя начальника III Главного управления МГБ СССР В.И. Бударева, «тогда всем участникам заговора, вне зависимости от их конкретной деятельности и собранных по делу доказательств, обязательно предъявлялось вредительство и террор. Таково было указание руководства НКВД»¹⁹⁴. То, что дело обстояло именно так, подтверждается показаниями и некоторых местных функционеров НКВД.

Бывший заместитель начальника 3-го отдела УГБ НКВД по Ленинградской области Болотин на допросе 14 апреля 1941 г. показал, что «на совещании оперативного состава УНКВД ЛО НИКОЛАЕВЫМ была дана установка – от каждого арестованного добиваться показаний о терроре. На каждом проекте протокола (в то время в приказном порядке была введена предварительная корректировка протоколов) накладывалась резолюция, смысл которой сводился к тому, что, мол, плохо допрашивается – где показания о

терроре? Начали появляться дутые, по существу, фальсифицированные протоколы»¹⁹⁵.

Довольно распространенным приемом фальсификации следственных дел и «доказательства» неизменной правоты органов НКВД было составление актов о вредительстве тех военнослужащих, кои уже арестованы особистами. В частности, такой акт составлялся после ареста 18 января 1938. г. на помощника командующего Черноморским флотом по материальному обеспечению и командира Севастопольского главного военного порта дивинтенданта К.И. Гурьева. Акт составили, Гурьева 1 ноября 1938 г. осудили и расстреляли. А через 18 лет после этого, в ходе дополнительной проверки были допрошены подписавшие этот акт (и оставшиеся в живых) Ярмуляк, Баклагин и Буркач. Теперь все они показали, что тот акт был составлен необъективно и выводов акта о вредительстве Гурьева не подтвердили. При этом Ярмуляк объяснил, что такие выводы были тогда сделаны под влиянием того, что Гурьев был арестован как враг народа и вредитель¹⁹⁶.

С 19 по 21 ноября 1937 г. за участие в антисоветском военном заговоре и проведение вредительства в мотомехчастях Киевского военного округа были осуждены и расстреляны начальник АБТВ КВО комбриг Н.Г. Игнатов, военинженеры 2-го ранга А.В. Никольский и Л.Я. Перлин, капитан М.И. Фалитнов, а 8 апреля 1938 г. интендант 3-го ранга Ф.И. Иванов. Все обвинение их во вредительстве основывалось на «признании» ими своей вины и никакими объективными доказательствами не подтверждено. В приобщенных к делу материалах комиссии по проверке деятельности отдела бронетанковых войск КВО изложены только недочеты и упущения по службе ответственных работников отдела АБТВ и каких-либо данных о

вредительстве комбрига Игнатова и осужденных его подчиненных не содержится¹⁹⁷.

К делу арестованного командира 3-го кавполка 9-й кавдивизии майора А.Г. Тарасенко был приобщен акт комиссии, в котором недостатки в работе Тарасенко оценены как вредительство, но никаких убедительных доводов в подтверждение приведено не было. При допросе в 1939 г. в качестве свидетеля подписавшего этот акт Мельника, последний показал, что вывод в акте о вредительской деятельности Тарасенко был сделан под влиянием обстановки, в которой составлялся акт. В тот период все недостатки в работе оценивались как вредительство. Кроме того, Мельник заявил, что при составлении акта комиссия документами не располагала. Акт был составлен на основании выступлений военнослужащих на собраниях и совещаниях¹⁹⁸. А 6 октября 1938 г. майор Тарасенко «за вредительство» был осужден на 20 лет тюремного заключения. Умер в 1942 г. в Севвостлаге. Реабилитирован посмертно в марте 1958 г.¹⁹⁹.

В основу обвинения во вредительстве и вынесения 9 мая 1938 г. расстрельного приговора бывшему командиру 143 сп полковнику А.И. Щенсновичу был приобщенный к делу акт комиссии. Но как показала дополнительная проверка в 1957 г., этот акт не заслуживает доверия, поскольку один из его авторов – Чурьянов – на допросе в апреле 1957 г. пояснил, что выводы, изложенные в акте о вредительской деятельности Щенсновича, не соответствуют действительности. Чурьянов охарактеризовал Щенсновича как одного из лучших командиров полка. Второй член комиссии – Шутов – утверждал на допросе, что он в работе комиссии участия не принимал и акта не подписывал. Лишь председатель комиссии Шорохов подтвердил содержание акта, но пояснил, что выводы

комиссии записаны «в соответствии с требованиями того времени, а также с учетом требований Особого отдела и комиссара дивизии»²⁰⁰.

Столь же роковую роль сыграл аналогичный акт и при осуждении к расстрелу бывшего начальника полковой школы 223 сп старшего лейтенанта В.Н. Доцатого. Будучи передопрошен в процессе дополнительного расследования, бывший член комиссии Я.Я. Вербов заявил, что акт от 15 апреля 1938 г. был составлен и отпечатан по указанию оперуполномоченного Олимпиева, а он только подписал этот нелепый акт по принуждению того же Олимпиева, который угрожал членам комиссии арестом. Вербов показал, что этот акт не соответствует действительности, а Доцатого охарактеризовал как исключительно добросовестного командира, который за отличные успехи в боевой и политической подготовке подразделения в 1936 г. был награжден орденом Красной звезды²⁰¹.

21 сентября 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к ВМН бывшего помощника командующего Северным военным флотом бригаднтенданта П.А. Щетинина. Член большевистской партии с июня 1917 г., Щетинин активно боролся за победу Советской власти, избирался членом судовых комитетов и членом Гельсингфорского флотского комитета. И вот теперь, через 21 год после Октябрьской революции он расстрелян от имени этой самой власти. Одним из главных оснований вынесения расстрельного приговора был представленный суду акт о проводимой подсудимым «вредительской деятельности». Тогдашний судебный состав Военной коллегии поверил предварительному следствию и принял этот акт за чистую монету. Но когда в ходе дополнительной проверки в 1956 г. был допрошен председатель

комиссии, составившей в 1938 г. этот акт, некто Черниго, то он показал: «Комиссия, составляя акт проверки деятельности ЩЕТИНИНА, не имела данных о том, что он занимался вредительской деятельностью, но записала об этом потому, что ЩЕТИНИН был арестован как враг народа...» Далее Черниго заявил, что «выводы комиссии о вредительской деятельности ЩЕТИНИНА являются ошибочными»²⁰². Но еще раз пояснил, что внесены они были в акт под влиянием того, что в приказе командующего флотом Щетинин был объявлен врагом народа²⁰³.

Обвинение военкома Военно-инженерной академии РККА бригадного комиссара А.К. Скороходова во вредительстве основывалось на выводах комиссии, изложенных в акте от 25 сентября 1938 г. (в частности, такое обвинение: «создание «послушного актива» внутри партийной организации, путем подкупа и создания лучших бытовых условий одним по сравнению с другими»²⁰⁴ и т. п.). В ходе дополнительной проверки было отмечено, что комиссия 1938 г. по своей квалификации не была в должной мере компетентна обследовать состояние геодезического факультета. В своем заключении от 19 февраля 1955 г. комиссия указала, что большинство обвинений, изложенных в акте комиссии от 25 сентября 1938 г., ничем не подтверждаются и записаны в акт необоснованно²⁰⁵.

В качестве доказательств к групповому делу сотрудников ЦАКА приобщен акт комиссии от 3 сентября 1939 г. о работе Центрального государственного архива РККА. Допрошенные в ходе дополнительной проверки в 1956 г. члены указанной комиссии Марков, Афанасьев и Зимогорова показали, что вывод комиссии о вредительской деятельности бывших сотрудников архива был сделан необоснованно²⁰⁶. А тогда - в феврале - марте 1940 г., в

том числе и на основе этого акта, восемь сотрудников архива были расстреляны, двое осуждены на десять лет.

16 марта 1940 г. Военная коллегия «судила» бывшего первого заместителя наркома ВМФ флагмана флота 2-го ранга П.И. Смирнова-Светловского. Одним из оснований для расстрельного приговора послужили различные справки о состоянии строительства баз флота, складов, учебных заведений, о строительстве торпедных катеров, о вооружении кораблей и т. п. Как показала дополнительная проверка 1956 г., хотя, судя по этим справкам, усматривается наличие ряда недостатков в решении перечисленных вопросов, однако содержащиеся здесь данные не могут служить основанием для вывода о вредительстве со стороны Смирнова-Светловского²⁰⁷.

По свидетельству бывшего сотрудника особого отдела НКВД КБФ Меньшикова, бывший начальник 2-го отделения этого отдела Бабич использовал книги учета аварий кораблей КБФ, выписывал из них соответствующие данные и затем вписывал их в протоколы допроса арестованных военных моряков, выдавая эти данные за доказательства якобы совершенных моряками диверсионных актов²⁰⁸.

Своеобразным приемом фальсификации архивно-следственных дел было приобщение к ним «нужных» для следователей НКВД выписок из показаний лиц, которые не только осуждены, но уже и расстреляны. На ряде таких показаний основывалось, в частности, обвинение бывшего военкома 4-го кавкорпуса дивизионного комиссара Л.И. Бочарова. Когда же он потребовал от следователей дать ему очную ставку с его обвинителями, то руководство Особого отдела ГУГБ НКВД СССР в докладной записке на имя Ворошилова (от 9 сентября 1939 г.) было вынуждено признать, что

«провести Бочарову очную ставку с арестованными, избличающими его, невозможно, ввиду того, что все они осуждены к ВМН – расстрелу и приговор приведен в исполнение»²⁰⁹.

В добывании доказательств «виновности» арестованных подследственных сотрудники особых отделов не стеснялись себя абсолютно ничем. В обвинительном заключении по делу бывшего начальника финотдела ЛВО интенданта 1-го ранга И.А. Цюкшо, составленном оперуполномоченным особого отдела Бабкиным еще до осуждения Цюкшо, имелась ссылка на «уличающие» показания С.В. Станкевича. На основании этого обвинительного заключения, постановлением «высшей двойки» Цюкшо был 10 октября 1937 г. заочно осужден к ВМН, а 14 октября расстрелян. А показания от Станкевича были получены только 22 октября 1937 г., т. е. через 8 дней после расстрела Цюкшо на основе этих показаний²¹⁰. Видно, этот особист Бабкин был большой аккуратист и не жалел усилий, чтобы порученное ему дело было «в ажуре», хотя бы и ценою явного подлога.

Начальник политуправления Забайкальского военного округа бригадный комиссар Н.Н. Гребенник (1898 г. р., член ВКП(б) с 1917 г.) был арестован 6 декабря 1937 г. Одно из вмененных ему «преступлений» состояло в том, будто бы он лично завербовал в контрреволюционную организацию неких Малиновского, Безобразова и Жданова. По делу они не допрашивались, имя и отчество их не известно и когда в ходе дополнительной проверки в 1958 г. попытались их отыскать, то личность их установить не удалось. А тогда, 2 октября 1938 г., Военной коллегией бригадный комиссар Н.Н. Гребенник, активный участник Гражданской войны (несколько раз ранен, был комиссаром 16-й стрелковой дивизии им. Киквидзе,

награжден орденом Боевого Красного Знамени) был приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в апреле 1958 г.²¹¹

Нежелание следователей НКВД хоть в малейшей степени добраться до истины иногда просто поражает. К архивно-следственному делу арестованного 3 июля 1939 г. бывшего начальника Разведупра РККА комдива А.Г. Орлова приобщена выписка из протокола допроса комкора В.В. Хрипина, который на допросе 15 декабря 1937 г. высказал предположение о принадлежности Орлова к заговору и причастности его к шпионажу. Может быть, именно эта выписка и послужила одним из оснований для ареста, а затем и осуждения А.Г. Орлова к расстрелу (судили Матулевич, Алексеев, Детистов). Когда же в ходе дополнительной проверки в 1955 г. снова изучили архивно-следственное дело по обвинению Хрипина, то установили, что 15 декабря 1937 г. Хрипин вообще не допрашивался. Фальсификация № 1. Но фамилия Орлова в деле все-таки упоминается. В своем заявлении от 26 ноября 1937 г. в числе своих «сообщников» Хрипин назвал Орлова. Но Орлова Владимира Митрофановича, флагмана флота 1-го ранга бывшего начальника Морских сил РККА²¹², арестованного еще 10 июня 1937 г. Но следователи НКВД, очевидно, решили, что теперь можно хватать всех Орловых. Что и было сделано с комдивом Орловым Александром Григорьевичем.

Словом, следователи НКВД не стеснялись. Диапазон фальсификаций был весьма широк. В отдельных случаях дело доходило и до подделки подписи подследственного под протоколом. Например, проведенная в ходе дополнительной проверки графическая экспертиза установила, что подписи ответственного сотрудника наркомата боеприпасов

СССР Ходякова в протоколах допросов с 4 по 20 июня 1941 г., в которых указывалось, что он якобы признает себя виновным в проведении антисоветской деятельности, исполнены не им, а подделаны²¹³.

Все сказанное выше позволяет сделать непреложный вывод: читая сейчас о «признательных» показаниях многих военнослужащих РККА, осужденных в 1937–1939 гг. «за участие в военно-фашистском заговоре», надо помнить о том, что в огромном количестве случаев эти показания сострепаны следователями Особых отделов НКВД при помощи разнообразнейших методов самой вульгарной фальсификации.

ПРОВОКАЦИИ, УГРОЗЫ, ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

Давно сказано в народе: «Утопающий за соломинку хватается». В полном отчаянии от сознания своей абсолютной беспомощности, беззащитности, безнадежности многие подследственные готовы были поверить любому болотному огоньку. Следователи НКВД оказались неплохими психологами и нередко играли и на этой струне. Тем более что у них в качестве «мудрого учителя» был безусловно выдающийся фарисей XX века. Известно, что в случае признания Зиновьевым и Каменевым «своей вины», Сталин от имени Политбюро ЦК ВКП(б) летом 1936 г. обещал сохранить им жизнь. Но он помнил об этом только до получения «признаний».

Смею полагать, что всем следователям НКВД было сказано: обещай что угодно, делай что хочешь, но «признательные» показания обеспечить. И больше всего, конечно, следователи спекулировали обещанием сохранить жизнь. Причем делалось это не всегда прямо, а иногда лишь туманными намеками. Во всяком случае именно так обстояло дело с участниками «восьмерки» во главе с Тухачевским. Бывший начальник отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СССР А.А. Авсеевич на допросе 5 июля 1956 г. (во время дополнительной проверки) показал, что его подследственным был комкор В.М. Примаков и что он находился вместе с ним до самого начала суда 11 июня 1937 г.: «Я спрашивал ПРИМАКОВА, как он думает вести себя в суде, последний сказал, что подтвердит свои показания. Причем по указанию руководства я еще раз напомнил ПРИМАКОВУ, что *признание его в суде обеспечит его участь* (курсив мой. - О. С.). Так говорить было дано

указание и другим сотрудникам отдела, выделенным для сопровождения арестованных на суд...»²¹⁴

Следователи НКВД цинично обманывали, нагло надували обезволенных людей, стоявших у своей раскрытой могилы... Но другие-то подследственные не знали об этом, и следователи продолжали отрабатывать этот испытанный ими прием.

Для получения «признательных» показаний в ходе предварительного следствия следователи НКВД широко применяли различного рода провокации. Вообще-то говоря, поскольку версия о «военно-фашистском заговоре в РККА» была с самого начала гигантской провокацией, то и весь процесс предварительного следствия, по сути, должен был быть и не мог быть ничем иным, как сплошной провокацией.

Систематическое применение в ходе следствия различного рода провокационных методов подтверждается показаниями немалого количества самих бывших следователей НКВД, данными ими в ходе дополнительной проверки в середине 50-х годов. Так, при проверке дела бывшего начальника штаба и врид командующего Приморской группой ОКДВА комдива А.Ф. Балакирева было установлено, что сотрудники органов НКВД по ДВК и Особого отдела НКВД ОКДВА Хорошилкин, Булатов, Вышковский и другие, будучи тесно связаны с Арнольдовым, Люшковым и другими лицами из бывшего руководства органами НКВД на ДВК, по заданию последних сознательно проводили в 1937–1938 гг. преступную работу, направленную на уничтожение советских, партийных работников и кадров Красной Армии. Широко используя в следственной работе преступные методы угроз, шантажа и обмана арестованных, провокации, а также применение мер физического воздействия, они вымогали у арестованных «признания» в

несовершенных ими преступлениях, а также создавали мнимые контрреволюционные организации²¹⁵. Особого внимания заслуживают показания осужденного в 1939 г. за фальсификацию дел бывшего начальника Особого отдела НКВД 1-й Отдельной Краснознаменной армии Ю.А. Пешкова. Он признал, что им была искусственно создана контрреволюционная организация под названием РОВС (Российский общевойсковой союз), в которую якобы входили Радишевский, Соммер, Саббелле и другие, в связях с которыми по мифическому РОВС обвинили и комдива Балакирева²¹⁶.

А вот собственноручно написанные Хорошилкиным 23 августа 1937 г. служебные указания о том, как именно надо организовывать (фабриковать) следственные дела на арестованных командиров ОКДВА: «Т. Фельдману... 4. Допросить о Деревцове всех, кто его знает. В допросах о Штрале отразить, что быв. начальник РО ОКДВА Балин договорился с Деревцовым, Штралем и Песляком о том, что на случай войны японских агентов Балин будет перебрасывать в танках на сторону противника...»²¹⁷

Допрошенный в качестве обвиняемого по своему делу бывший сотрудник органов НКВД Либерман (осужден за фальсификацию дел) заявил, что показания о наличии контрреволюционного заговора, якобы действовавшего в Амурской военной флотилии, были получены от арестованных провокационными методами ведения следствия²¹⁸.

В ходе дополнительной проверки в середине 50-х годов было установлено, что арест бывшего начальника ПВО РККА комбрига М.Е. Медведева тогдашним руководством НКВД СССР был произведен в явно провокационных целях. Бывший заместитель начальника УНКВД по Московской области старший

майор госбезопасности А.П. Радзивилловский на допросе 28 мая 1939 г. показал по этому поводу: «МЕДВЕДЕВ был арестован по распоряжению ЕЖОВА без каких-либо компрометирующих материалов, с расчетом начать от него раздувание дела о военном заговоре в РККА»²¹⁹.

Привлеченный к уголовной ответственности бывший начальник отделения Особого отдела НКВД ПриВО А.Н. Павловский на одном из допросов показал: «Я знаю один разительный пример явной фальсификации одного крупного группового дела в 4-м отделе... Когда к нам в особый отдел прибыл арестованный в Москве КУТЯКОВ и когда мне в Москве указали, чтобы я от КУТЯКОВА добился признания о наличии на Волге большой повстанческой организации из числа бывших чапаевцев, я об этом доложил ЖУРАВЛЕВУ. От КУТЯКОВА я этих показаний не взял, и его отправили обратно, но после моей информации о том, какое задание я получил в Москве, ЖУРАВЛЕВ нажал на 4-й отдел и там от арестованных по линии троцкистской краевой организации... были получены «признания», что КУТЯКОВ входил в штаб краевой троцкистской организации, развернул большую работу по вербовке чапаевцев, с которыми готовил взрыв ж. д. моста через Волгу у г. Сызрани»²²⁰.

На бывшего заместителя начальника артиллерии РККА комдива Л.П. Андрияшева нажали так, что он «признался» в контрреволюционной деятельности с 1917 г., когда во главе артиллерийского взвода якобы участвовал в подавлении вооруженного восстания московского пролетариата, а в 1919 г. руководил кулацким восстанием в местечке Юрьево Тамбовской губернии²²¹. Все это было типичным самооговором. На суде комдив от всех подобных показаний отказался. Но судебное заседание длилось лишь несколько минут. 25 августа 1938 г. комдива Андрияшева приговорили к

ВМН и в тот же день расстреляли. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

В архивно-следственных делах сохранились и заявления некоторых безвинно арестованных военнослужащих о применении к ним провокационных методов следствия. Бывший заместитель командующего войсками КВО комкор Д.С. Фесенко на допросе 13 августа 1937 г. отказался от ранее данных им «признательных» показаний и утверждал, что он оклеветал себя и лучших своих товарищей потому, что он был поставлен в безвыходное положение участвовавшими в расследовании по его делу сотрудниками НКВД УССР, которые самыми различными путями провоцировали его на признание в несовершеннолетних преступлениях²²².

Имеются довольно авторитетные свидетельства того, что о провокационно-фальсифицированном характере докладов руководства НКВД СССР о вскрытии различного рода контрреволюционных организаций знало и Политбюро ЦК ВКП(б) (по крайней мере, весной 1938 г.). В принятом Политбюро постановлении от 14 апреля 1938 г. «О т. Заковском», по которому он был освобожден от обязанностей заместителя наркома внутренних дел СССР, ему, в частности, инкриминировалось «создание ряда дутых дел»²²³.

Своеобразной вершиной провокационных методов в процессе предварительного следствия было использование секретных сотрудников НКВД – сексотов, или, как говорят в народе, стукачей. Главная опасность была не в том, что эти сотрудники были секретные (до сих пор не было и, наверное, никогда не будет тайной политической полиции без секретных сотрудников), а в провокационном характере «работы» многих сексотов НКВД. Немалое количество источников убеждает в том, что перед сексотами ставилась задача во что бы то ни

стало «вскрыть» различного рода заговоры в РККА. И если этого не удалось сделать – значит, «плохо работает», надо найти, т. е. спровоцировать.

Деятельность сексотов в стране, и особенно в РККА, до сих пор покрыта глубочайшей тайной. До недавнего времени о ней даже упомянуть было нельзя. И первым таким значительным прорывом явилась публикация уже упоминавшейся справки комиссии под руководством Н.М. Шверника, в которой содержится специальный раздел «Агентурная разработка органами ОГПУ – НКВД Тухачевского, Каменева С.С. и других советских военачальников»²²⁴.

Здесь сообщается, что впервые агентурные донесения о якобы имевшихся у Тухачевского бонапартистских настроениях стали поступать в органы ОГПУ от агента Овсянникова еще в декабре 1925 г. Особенно «потрудилась» на этом позорном поприще некая Зайончковская. Дочь бывшего генерала царской армии А.М. Зайончковского (был секретным агентом ВЧК – ОГПУ с 1921 г.), она то ли по наследству, то ли по нежеланию заниматься общественно полезным трудом, с 1922 по 1937 г. была секретным сотрудником ОГПУ – НКВД ССР и за приличную мзду систематически снабжала руководство информацией о якобы имевшихся заговорщических и террористических настроениях в среде комсостава РККА и особенно среди бывших офицеров царской армии. Многие ее донесения были настолько неправдоподобными, явно надуманными, фантастическими, что на одном из таких донесений тогдашний начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР М.И. Гай написал 13 декабря 1934 г.: «Это сплошной бред глупой старухи, выжившей из ума...»²²⁵ Но, как говорят, капля камень точит. Несмотря на бредовый характер, подобные донесения агентов-провокаторов накапливались и оседали в НКВД, пока на

определенном этапе их количество не превращалось в смертоносное новое качество...

Все документы о подборе, расстановке и функционировании секретных сотрудников (сексотов) в РККА до сих пор самым тщательным образом укрываются от исследователей. Мне удалось выявить пока лишь два документа, касающихся этой проблемы. 10 ноября 1936 г. старший инспектор ПУРККА бригадный комиссар А.В. Круглов обращается со специальной докладной запиской к заместителю начальника ПУР армейскому комиссару 2-го ранга Г.А. Осепяну. В ней он докладывает, что слушателя Военно-воздушной академии Пуховского (член ВКП(б) с 1926 г.) еще в 1933 г. вызвали в особый отдел академии и предложили «работать» под руководством слушателя Терциева. Пуховскому поручили наблюдение за слушателем Садовым и другими. Причем метод этой «работы» иначе как провокационным оценить нельзя. Терциев дал такую установку: «Надо ставить антипартийные и антисоветские вопросы с тем, чтобы таким образом выявлять врагов, но свидетелей не должно быть, иначе тебя самого трудно будет выручать»²²⁶. Это уже в 1933 году!

Бригадный комиссар Круглов решительно выступил против такой практики. «Считаю, – писал он, – что в условиях РККА мы не можем допустить такие методы работы, которые применялись членом партии Пуховским якобы по указанию Терциева и особого отдела. Учитывая, что отдельные факты подобного рода имели место и в других частях и соединениях, о чем в свое время вам докладывалось, считал бы необходимым поставить этот вопрос перед НКВД»²²⁷. Осепян доложил об этом Гамарнику, а тот сделал вид, как будто впервые об этом слышит, и его резолюция гласила: «Т. Осепяну. Выясните этот вопрос с т. Гаем. Гамарник. 17.XI.36»²²⁸.

Каких-либо дальнейших следов решения этой проблемы мне пока обнаружить не удалось. Но из некоторых документов явствует, что и в ноябре 1940 г. в Военной академии механизации и моторизации имелось немало «источников» («Тихий», «Саратовский», «Ильин» и т. п.)²²⁹.

Несколько документальных свидетельств об использовании агентов-provokatorov в ходе предварительного следствия мне удалось выявить в ходе работы в Архиве Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Подобные методы практиковались и в работе с партийно-советскими кадрами. Считавшийся коммунистом с 1917 г. Я.Р. Елькович в 1925–1927 гг. работал заместителем заведующего агитпропотделом Ленинградского губкома ВКП(б), редактором «Красной газеты» и т. п. За оппозиционную деятельность решением XV партсъезда был исключен из членов ВКП(б). В 1928 г. восстановлен, но в 1934 г. снова исключен. Однако вплоть до своего ареста продолжал работать ответственным редактором «Уральской советской энциклопедии» и ответственным редактором свердловской областной газеты «Колхозный путь». Как тогда могло быть такое? А все объяснялось совсем просто – с 1936 г. Елькович был секретным (камерным) сотрудником органов НКВД. Как видно из материалов его архивно-следственного дела, в процессе предварительного следствия (в период 1935–1938 гг.) Елькович дал показания «об антисоветской деятельности» более чем на 140 человек из числа партийно-советских работников, в том числе и на маршала В.К. Блюхера. Как сексот органов НКВД Елькович получил за указанную provokatorскую работу денежную оплату в сумме более 16 тыс. рублей.²³⁰

Из материалов дела арестованного 10 октября 1937 г. бывшего члена ЦК ВКП(б), первого секретаря

Дальневосточного крайкома партии, члена Военного совета ОКДВА И.М. Варейкиса усматривается, что вместе с ним в камеру был помещен арестованный Г.Б. Либерман, который инструктировал Варейкиса, как следует писать так называемые признательные показания, требуемые от него следователями, и набросал ему схему этих показаний. Из донесения Либермана в органы НКВД видно, что при первых допросах Варейкиса имел место «крупный разговор» с ним следователей и что он сейчас боится «одиночки». Лишь после этого последовали многочисленные собственноручные показания Варейкиса о признании им своей вины, и о 68 других партийно-советских работниках. Им были оговорены, в частности, П.П. Постышев, В.Я. Чубарь, С.В. Косиор, А.С. Бубнов, М.С. Чудов, И.Д. Кабаков, С.С. Лобов, Е.Д. Стасова, Л.И. Лаврентьев, Р.И. Эйхе, Я.Б. Гамарник, писатели Ф.И. Панферов и А.С. Серафимович, историк А.М. Панкратова, директор автозавода И.А. Лихачев и др.²³¹

Секретный осведомитель НКВД И.В. Черняков по принуждению бывших сотрудников НКВД Гачкаева и Ручкина написал ряд вымышленных сообщений о существовании в оборонной промышленности СССР антисоветской организации. На допросе 14 октября 1939 г. Черняков показал: «Так как написать донесение о вербовке Кулика чехами я отказался, он (Гачкаев) перешел на вредительскую организацию... Намекая на ряд работников НКОП, как-то: Равича, Осиева, Бондаря... После ругани и соответствующей трепки нервов... я написал выдуманную мною вредительскую организацию... но так как себя в эту организацию я не записал... то Гачкаев и Ручкин решили повести меня в НКВД... В результате я был доведен до полуобморочного состояния и начал писать, что состою во вредительской организации в составе Бондаря,

Кулика, Перекатова и др.»²³². Чтобы придать «делу» большую достоверность, посадили самого сексот-провокатора. А судьба других умышленно оклеветанных им лиц, закончилась трагически. Так, заместитель наркома оборонной промышленности комкор Г.И. Бондарь 25 августа 1938 г. был арестован, а 10 марта 1939 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Реабилитирован посмертно 25 июня 1955 г.²³³

Уже в 1939-1940 гг. в процессе предварительного следствия и суда по делу бывшего заместителя начальника Особого отдела НКВД ОКДВА капитана госбезопасности Хорошилкина и других фальсификаторов дел спецподсудности было установлено, что полковник И.Л. Карпель и бывший начальник СКО ОКДВА военинженер 1-го ранга М.И. Кашеев использовались ими как провокаторы и в связи с этим находились на особом положении. «Сам» Хорошилкин показал: «Арестованного Кашеева я считал провокатором. Допрашивать его я считал необходимым, хотя знал, что ни одному его показанию верить нельзя... Самые гнуснейшие мои преступления связаны с личностью... Кашеева. Он назвал большое количество работников СКО ОКДВА (в числе участников к.-р. организации Кашеев назвал 198 человек), которые были арестованы. Кашеев был окончательно разложен, сидел в привилегированных условиях, получал обеды из столовой и деньги от Арнольдова и Костюка»²³⁴.

На очной ставке с Хорошилкиным свидетель Царьков показал: «Хорошилкину как руководителю следствия ОО армии хорошо было известно, что арестованные Кашеев и Карпель дают любые показания, какие от них спросит следователь... Кашеева водили по Управлению, как «цепную собаку». Только стоит ей «гавкнуть», и человека взяли»²³⁵.

Допрошенная по делу Хорошилкина в качестве свидетеля машинистка особого отдела ОКДВА Переюмова показала о том, что Кащеев подписывал протоколы его допросов в готовом виде, заранее составленные следователем²³⁶.

Николай Петрович Вишневецкий вступил в большевистскую партию в мае 1917 г., 20-летним. В 1917-1920 гг. принимал активное участие в Октябрьской революции и в борьбе с контрреволюцией. Награжден орденом Красного Знамени. Затем окончил Военную академию им. Фрунзе и восточный факультет. Ни в каких оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. Занимал в РККА ряд ответственных постов. За период службы в армии характеризовался только с положительной стороны, как честный и добросовестный командир. И вот 1 августа 1937 г. без санкции прокурора особисты ОКДВА арестовывают заместителя начальника разведотдела ОКДВА полковника Н.П. Вишневецкого. Следствие по его делу вели опытные мастера фальсификации. Хорошилкин, Вышковский, Адамович, Либерман, Фельдман, Костюк. Что они делали с полковником, сейчас определить точно трудно. В ходе дополнительной проверки было установлено, что использовались провокаторы – «подсадные утки» из арестованных (Кащеев, Дубовик и др.), уговаривавшие не желающих давать признательные показания. В конце концов Вишневецкий и на предварительном следствии и в суде «признался» и во вредительстве и в шпионаже и т. п., да оговорил еще два десятка других лиц (в том числе и Рихарда Зорге («Рамзая») и 16 апреля 1938 г. судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР (Никитченко, Каравайков, Климин) приговорило его к расстрелу. Реабилитирован посмертно 1 октября 1957 г.²³⁷

К делу по обвинению бывшего члена Военного совета Тихоокеанского флота корпусного комиссара Я.В. Волкова приобщена заверенная сотрудником НКВД СССР З.М. Ушаковым копия заявления заключенного И.М. Когана. В этом заявлении Коган указывает, что будучи в камере, ему Волков якобы рассказал о своей принадлежности к заговору. Дополнительной проверкой в 1954 г. было установлено, что Коган в 1938 г. использовался в качестве камерного агента, а в 1941 г. осужден к расстрелу²³⁸.

Некая Бок-Бураковская была негласным сотрудником органов НКВД с 1938 по 1950 г. В 1941 г. она вела «разработку» начальника кафедры тактики Военной электротехнической академии комдива Ф.П. Кауфельдта и его жены. Выступила в качестве «свидетеля» якобы имевших место антисоветских разговоров супругов Кауфельдт. Они были арестованы и осуждены Особым совещанием при НКВД СССР в ноябре 1942 г. Реабилитированы в декабре 1953 г.²³⁹.

Допрошенные в качестве обвиняемых по своим делам бывшие следователи Корпулев и Сойфер заявили, что по указанию руководства УНКВД по Новосибирской области в течение ряда лет в тюрьме содержался осужденный Франконтель, который «специализировался» на уговаривании других арестованных давать вымышленные показания²⁴⁰. В заключении Главной военной прокуратуры от 7 июля 1956 г. зафиксировано, что сам арестованный Франконтель подтвердил на допросах, что дивизионный комиссар Н.И. Подарин, полковой комиссар А.И. Ильин и другие были уговорены им дать показания о якобы совершенных ими преступлениях²⁴¹.

Особисты зорко следили за тем, чтобы их агенты-провокаторы старательно отработывали свой дополнительный хлеб. И в случае попыток

своеобразного отлынивания сексотов от исполнения своего «патриотического долга», немедленно организовывали их осуждение и отправляли в кутузку, а то и к стенке. Арестованный 10 апреля 1938 г. начальник отделения 1 отдела АБТУ РККА полковник Л.А. Книжников был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. В приговоре от 17 сентября 1938 г. Книжников обвинялся в том, что он якобы входил в террористическую группу и принимал непосредственное участие в разработке мероприятий по подготовке террористических актов «в отношении отдельных руководителей партии и Советского правительства». Кроме того, Книжников, как указано в приговоре, «являясь секретным сотрудником органов НКВД, передавал им незначительные сведения и скрывал существование военно-фашистского заговора, участником которого он являлся сам»²⁴². Книжников реабилитирован посмертно 24 ноября 1956 г.²⁴³ Аналогичное обвинение было выдвинуто и против бывшего секретным сотрудником НКВД преподавателя философии Военно-политической академии полкового комиссара А.Р. Медведева²⁴⁴.

В целях предупреждения возможности расконспирирования методов агентурной работы органов НКВД, совместным приказом НКВД, НКЮ и прокурора СССР № 00649/0090сс/100/64с от 26 мая 1940 г. приказ НКВД и Прокуратуры СССР № 00932 от 11 августа 1939 г. отменялся и впредь, во всех случаях возбуждения уголовного преследования в отношении секретных сотрудников органов НКВД устанавливался следующий порядок: «1. Следствие по делам секретных сотрудников органов НКВД о преступлениях, связанных с их секретной работой или совершенных при выполнении оперативных поручений органов НКВД, могут вести только органы НКВД.

2. Дача санкций на арест секретных сотрудников и прокурорский надзор за следствием по этим делам осуществляются Военной Прокуратурой пограничных и внутренних войск НКВД.

3. Законченные следствием дела о секретных сотрудниках рассматриваются, как правило, Особым совещанием НКВД СССР, а при особо отягчающих обстоятельствах Военными Трибуналами пограничных и внутренних войск НКВД в закрытых заседаниях в составе заседателей из числа оперативных сотрудников органов НКВД»²⁴⁵.

Постоянно и систематически применявшимся методом быстреего получения «признательных» показаний были непрерывные изощренные угрозы следователей НКВД. Они были самыми разнообразными, варьировались в зависимости от воображения, вкуса и наклонностей следователей, но в основном они (если брать по большому счету) сводились к трем вариантам.

Во-первых, пытались застрашать угрозой применения физических методов воздействия, а попросту избиения, обещанием покалечить. Уже упоминавшийся военюрист 1-го ранга М.М. Ишов вспоминает: «Следователь Рожавский и начальник отделения продолжали твердить: «Будете давать нужные показания - закончим дело, и вам будет лучше. Не будете давать показания - переведем в Лефортовскую тюрьму, а там будем бить до тех пор, пока не подпишете все, что требуется и что нужно»²⁴⁶. В следующем разделе главы я постараюсь показать и доказать, что это не были пустые угрозы. И все подследственные четко и ясно представляли свою мрачную перспективу. А в одном из районных отделений НКВД Белорусской ССР для полного убеждения подследственных им демонстрировали даже своеобразное наглядное пособие - на некотором

возвышении было размещено полуживое тело бывшего председателя районного совета депутатов трудящихся. За отказ дать «признательные» показания руководитель советской власти района был зверски искалечен – там, где от природы должны были быть мужские первичные половые признаки, виднелась лишь одна кровавая дыра²⁴⁷.

Вторая разновидность – угроза расстрелять. И опять-таки каждый следователь грозил по-своему. Кто говорил, дадим 11 лет (до сентября 1937 г. максимальный срок тюремного заключения ограничивался 10-ю годами), кто грозил «сменить череп», кто просто заверял: «шлепнем», «кокнем», «к стенке поставим», «в расход отправим», «в распыл пустим» и т. д. и т. п. И надо заметить, что большинство тех, кому грозили расстрелом, в конечном счете действительно были расстреляны. И ничего нам сказать уже не смогут. Поэтому крайне ценны свидетельства тех, кто испытал эти угрозы, но кому удалось все же каким-то чудом уцелеть.

Батальонный комиссар Г.И. Кривошапко, просидевший 8 месяцев в тюрьме при Хабаровском управлении НКВД, сумел-таки вырваться из нее, был восстановлен в рядах ВКП(б) и РККА. Приехав за новым назначением, он написал письмо, в котором рассказал о методах следствия в тюрьме. Работники НКВД всеми средствами, в том числе и угрозой расстрела требовали от него, чтобы он оговаривал честных политработников, обещая ему за это орден²⁴⁸. Он вспоминал, как во время допросов «все эти следователи называли конкретно фамилии, на кого я должен показывать – на Шатова (бывший инспектор ПУ ОКДВА), на инструктора ПУ ОКДВА Озерникова, Липилина, Шутова и др. О всех они заявляли, что уже арестованы, на самом деле у них был

арестован один Липилин и тот сейчас реабилитирован полностью»²⁴⁹.

Сумевший вырваться на свободу бывший главный инженер УВСП-24 Воробьев на допросе 17 сентября 1955 г. показал о том, что бывший начальник 6-го отделения 5-го отдела УНКВД по Московской области Безбородов в «в разговоре со мной он мне говорил, что признаюсь я или не признаюсь, я все равно буду расстрелян. Он требовал от меня, чтобы я признался в своей контрреволюционной деятельности и дал бы такие показания на Бодрова и Попова»²⁵⁰.

А вот как сам Безбородов на допросе 19 августа 1955 г. объяснял причины необоснованного привлечения к уголовной ответственности бригаданта Бодрова и других: «Я могу это объяснить только следующим: во-первых, у всех них какие-то недостатки в работе имелись, которые в ходе следствия после их ареста нами квалифицировались как вредительство; во-вторых, БОДРОВ, ПОПОВ, МЛОДЗЕЕВСКИЙ были в близких личных взаимоотношениях с крупными работниками, которые к этому времени были арестованы, и мы располагали их протоколами, где они признавали о своей принадлежности к военно-фашистскому заговору, в существовании которого мы тогда не сомневались, поэтому при наличии каких-то показаний на этих лиц, у нас лично и у меня не вызывалось сомнение в их достоверности... Под этим впечатлением и психическим воздействием на обвиняемых БОДРОВА, МЛОДЗЕЕВСКОГО, ПОПОВА, АНДРЕЕВА я и полагаю, что от них были получены «признательные» показания о их контрреволюционной деятельности»²⁵¹.

Уверенные в своем праве грозить подследственным чем угодно, следователи НКВД иногда прибегали к инсценировкам расстрела. Так, в октябре 1937 г. они

предупредили арестованного ранее командира дивизиона 41-го арtpолка (СКВО) капитана Д.Н. Нешина, что ночью он будет расстрелян с составлением протокола «при попытке к бегству»²⁵². Известные публицисты В. Соловьев и Е. Клепикова сообщают (правда, без указания источника), что бывшего командира 5-го кавкорпуса комдива К.К. Рокоссовского даже дважды выводили на расстрел: «Один раз, ночью, он был с другими приговоренными приведен в лес, поставлен на краю вырытой могилы и взвод солдат по команде выпалил из своих ружей. Стоявшие справа и слева от Рокоссовского генералы замертво упали в яму. По самому Рокоссовскому был дан холостой залп»²⁵³.

И, наконец, может быть, самые страшные и почти всегда действенные угрозы расправиться с родными и близкими отказывающегося «признаться» подследственного. К угрозам преследования, а то и истребления близких родственников того или иного «военспеца» советское военное руководство во главе с Л.Д. Троцким не стеснялось прибегать с первых дней создания РККА. В годы Гражданской войны эти угрозы реализовались в виде позорного для любого мало-мальски цивилизованного государства института заложничества.

И вновь, в 1937-1938 гг., в ходе предварительного следствия в мирное время следователи НКВД нередко грозились превратить родственников «строптивых» арестантов в своеобразных заложников, а то и вовсе уничтожить их. Мой фронтовой друг Ю.Д. Тесленко уже после XX съезда доверительно сообщил мне, как, будучи полковником и работая в Главном политуправлении Советской армии и Военно-Морского флота, своими ушами слышал рассказ дочери маршала Тухачевского – Светланы. Она вспоминала, как в мае – июне 1937 г. ее, тогда 13-летнюю девочку, привели в

тюремную камеру к отцу. И следователи НКВД заявили Маршалу Советского Союза: если вы не подпишете нужных показаний, мы на ваших глазах будем истязать вашу дочь. По словам дочери, отец сказал: «Уведите ее. Я все подпишу». У меня нет никаких оснований не доверять словам ныне покойных фронтового товарища и дочери маршала^[38].

Приведу некоторые документальные подтверждения. Председатель военного трибунала Забайкальского военного округа бригадюр юрист А.Г. Сенкевич на основе показаний арестованных ранее начальника пуокра В.Н. Шестакова, его заместителя Г.Ф. Невраева и военного прокурора ЗаБВО Г.Г. Сулова в августе 1938 г. был исключен из ВКП(б), а 20 сентября этого же года арестован окружным Особым отделом НКВД. Оказавшись в Бутырской тюрьме, Сенкевич 3 октября 1939 г. обращается с письмом к председателю Военной коллегии Верховного суда СССР. В нем он расценивает показания Шестакова и Сулова как клеветнические («что касается Невраева – то он клевету как Сулова так и Шестакова не подтвердил»²⁵⁴), объясняет их существовавшими ранее неприязненными личными отношениями с ним. «Единственная моя вина в том, что не выдержал конвейера издевательств, угроз позора и смерти. Я не мог перенести пристрастных допросов в соседнем кабинете своей 14-летней дочери и жены. Я слышал, как жену били, – ее стоны и плач – толкнули меня на самопожертвование – и я себя оклеветал. Через день я пришел в себя и отказался от лжи»²⁵⁵. И далее он требует очных ставок, вызова свидетелей и т. п.

А вот другие человеческие документы. 16 октября 1939 г. из Бутырок пишет Ворошилову бывший член Военного совета Тихоокеанского флота корпусной комиссар Я.В. Волков. Он пишет о том, что с первого дня

ареста (1 июля 1938 г.) был подвергнут «исключительно особым методам допроса и следствия, смертного избиения, неслыханного насилия, надругательства, шантажа и провокации». Все это применялось для того, «чтобы я показал на себя, что я был и состоял членом всеармейского центра, членом краевого центра на Дальнем Востоке, руководителем повстанческих отрядов Приморья, старым провокатором и шпионом, продавшим Тихоокеанский флот японцам, троцкистом и правым двурушником»²⁵⁶. Одним из решающих условий, пишет далее корпусной комиссар, – следствием было поставлено, «что если я не буду писать показаний, будет арестована жена, к ней в моем присутствии будут применены те же методы следствия, дети будут уничтожены (дочь 16 лет, сын 12 лет), с запиской проклятия отцу, как не желающему разоружиться врагу и изменнику народа, в отношении братьев, сестер и матери последуют репрессии»²⁵⁷.

В письме к Ворошилову от 3 ноября 1939 г. вырвавшийся из тюрьмы бывший начальник Бакинского военного училища комбриг М. И. Запорожченко описывает все свои мучения, страдания, избиения и как он, несмотря на все это, держался. «Но когда мне сказал следователь Дудкин (и показал ордер на арест жены и сына), что арестуют жену, сына, будут бить их в моем присутствии и меня в их, – я не выдержал и при помощи провокатора Бобровского Я.М., которого ко мне подсаживали два раза, – я оговорил себя и уже беспокоился о том, чтобы следователь Дудкин не проверил того, что я говорил»²⁵⁸.

Одной из важных причин массовых «признаний» в участии в несуществовавшем военно-фашистском заговоре в РККА было все более нараставшее чувство полной своей обреченности, абсолютной беспомощности арестованных, тотальной

вседозволенности любых действий следователей НКВД, их ничем не ограниченной власти над жизнью и смертью подсудимых. Особенно зримо это проявлялось в стремлении следователей всемерно унижить подсудимых, убить у них последние остатки чувства собственного достоинства, превратить вчера еще гордых, властных и самолюбивых командиров и политработников РККА в тварь дрожащую...

Объективно оценивая нравственную обстановку в советском обществе в 20—30-е годы, надо признать, что своей известной статьей «Грядущий хам» Д.С. Мережковский кое-что мрачно напророчил. Грубость, вульгарность, а нередко самое настоящее хамство в обращении с людьми (особенно «сверху-вниз») почитались нормальным явлением в различных сферах гражданского общества. Российскую интеллигенцию, считавшуюся некогда совестью человечества, стали похулигански, по-площадному поносить со всех углов и перекрестков. Да что там говорить о всякого рода недоучках и круглых невеждах, занявших командные высоты в коридорах большевистской власти, если сам почитавшийся светочем мудрости В.И. Ленин, интеллигент по рождению, 15 сентября 1919 г. в письме А.М. Горькому, считавшему, вслед за В.Г. Короленко, что интеллигенция – это мозг нации, не постеснялся написать на бумаге и отослать: «На деле это не мозг, а говно»²⁵⁹.

Подобные идеи падали в хорошо унавоженную почву. И как же живуче оказалось именно это наследие вождя, как прочно оно было воплощено в жизнь его преемниками, учениками и воспевателями. До боли сердечной становится стыдно, когда читаешь, что через 20 с лишним лет после злополучного письма Ленина, человек, составлявший гордость не только российской,

но и мировой науки, представлялся своим сокамерникам в Саратовской тюрьме: «Перед вами, если говорить о прошлом, член Академии Наук Николай Вавилов, теперь же, по мнению моих следователей, говно и больше ничего»²⁶⁰. Есть чем гордиться: и академиков заставили говорить «ленинским языком».

Чтобы уж более не возвращаться к этому пахучему термину, замечу лишь, что он был взят довольно прочно на вооружение следователями НКВД в процессе предварительного следствия по делу участников «военно-фашистского заговора». Побывавший в застенках комиссар 84-й стрелковой дивизии полковой комиссар П.П. Любцев писал Ворошилову о действиях особистов: «Стремилась окончательно убить морально и выбить всякое человеческое достоинство. Когда я пытался говорить, почему они так поступают, разве это следствие, ведь я военный комиссар, то Мерцалов^[39] отвечал: «А как же с тобой поступать, ты теперь не комиссар, а г..., если захочу, будешь у меня ж... целовать, держась за штаны следователя, от нас все зависит»²⁶¹. Можно сказать наверняка, что особист Мерцалов выше цитированного ленинского письма Горькому не читал, но дух его усвоил намертво.

Органически присущие большевизму нелюбовь, опаска и даже презрение к интеллигенции вообще в полной мере проявились и в отношении к военной интеллигенции. И особенно, когда ее значительная часть оказалась за тюремными запорами. Я прочитал тысячи различного рода документов об обращении следователей НКВД – нередко лейтенантов, а то и сержантов государственной безопасности – со вчерашними полковниками, комбригами, комдивами, комкорами, командармами РККА, а то и Маршалами Советского Союза и невольно прихожу к выводу, что многие из этих следователей испытывали какое-то

своеобразное сладострастие от сознания своего всемогущества: вот ты командарм или даже маршал, а я всего лишь лейтенант или капитан госбезопасности, но я могу сделать с тобой что угодно. Невольно вспоминаются провидческие строки Н.А. Некрасова:

Люди холопского званья
Сущие псы иногда...

Я полагаю, что своеобразным эпиграфом к рассмотрению этих сюжетов можно было бы поместить опубликованные Р.А. Медведевым слова следователя Сухановской тюрьмы попавшему сюда микробиологу П. Здравовскому: «Имейте в виду, у нас здесь позволено все»²⁶².

Уже с первых минут пребывания военнослужащих под арестом персонал НКВД целой системой мер давал ясно понять всем сюда попавшим полную мизерабельность их личности. Вот как, например, следователь НКВД капитан госбезопасности З.М. Ушаков (Ушимирский) описывает вид приведенного к нему на допрос арестованного Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского: «В гимнастерке без ремня, с оборванными петлицами, на которых совсем недавно были маршальские звезды. А на гимнастерке зияли следы от вырванных с нее знаков - орденов Боевого Красного Знамени»²⁶³. (Кстати, Тухачевский одним из первых был награжден и орденом Ленина.)

В марте 1939 г. из тюрьмы пишет Сталину старший лейтенант С.Б. Торговский: «Когда меня арестовали, то в Областной комендатуре НКВД с меня посрывали знаки различия и пуговицы как с какого-либо зверя шкуру, да еще хуже, ибо шкуру у зверя снимают осторожно, чтобы не повредить шкуру, а у меня вырывали все с мясом, а затем бросили как не человека, а как отброс в камеру

при комендатуре, которую нельзя считать камерой, а в полном смысле можно считать застенком, где творится полный произвол со стороны сотрудников НКВД... Камера была маленькая, в которой сидело по расчетам устройства только 12 человек, а нас согнали как баранов 90 человек, повернуться было трудно, люди падали в обморок, теряли зрение, цинга разрушала организм, зубы выпадали». Летом «в камере люди сидели в чем мать родила, ибо невозможно сидеть одевши, ибо люди рады были содрать с себя кожу лишь бы легче было бы, а зимой спали одевшись»²⁶⁴.

Вообще все условия содержания подследственных были рассчитаны на то, чтобы как можно скорее сломить их волю к сопротивлению. Кормили хуже, чем самый захудалый хозяин свою скотину. Вдоволь отведавший тюремной похлебки бывший заместитель военного прокурора пограничных и сухопутных войск НКВД Западно-Сибирского округа военюрист 1-го ранга М.М. Ишов вспоминал: «В Лефортовской тюрьме пища была отвратительной. Утром приносили кусочек черного хлеба, ложечку сахара и кипяток. В обед давали черпак «баланды». В ней плавал синий капустный лист, а две ложки каши были жидки и невкусны. К ужину опять каша и кипяток. Калорийность и количество пищи были крайне незначительны. Посуда, в которой разносилась пища, вызывала отвращение. Капустные кислые щи наливались в ржавую железную миску и имели отвратительный запах и вкус. Принимать эту пищу было почти невозможно»²⁶⁵.

Судя по некоторым документам, даже этого донельзя скудного пайка иногда пытались лишить, дабы вынудить подследственного к «признательным» показаниям. Согласно протоколам допросов бывшего заместителя начальника политотдела 73 сд СибВО полкового комиссара А.И. Ильина, его якобы завербовал

и руководил заговором в СибВО Н.Н. Кузьмин. Однако, в судебном заседании Кузьмин, член партии с 1903 г., в 20-е годы – крупный военно-политический работник, виновным себя не признал, показания, данные им на предварительном следствии, не подтвердил и заявил, что никакого заговора в войсках округа не существовало, что он всегда был верен партии и что показания с «признаниями» своей вины он дал по принуждению следователя, так как пять дней содержался без пищи²⁶⁶.

В народе метко говорят: «Голод – не тетка». Seriously страдал от недостатка пищи и такой крупный деятель, как Х.Г. Раковский. Он не только сам «сознался», но и пытался уговаривать сделать это и других. На очной ставке с К.К. Юрневым он, например, заявил: «Вы меня не узнали, тюремный режим имеет одно свойство, что режим питания умеренный, прибавить в весе не дают. Это действовало на мою болезнь, но потом мне стали давать некоторые льготы в смысле продуктов, но я не из-за этого сознался. Я получил продукты на третьем месяце, а стал давать показания на пятом месяце, а о японских делах я стал говорить на девятом месяце»²⁶⁷.

Понятно, что все эти издевательства следователями тогда нигде не фиксировались. Если же какой-либо жертве удавалось вырваться из лап НКВД, то у нее брали суровую подписку о неразглашении. И первые сведения о полном попрании человеческого достоинства в ходе предварительного следствия стали появляться только через два десятилетия – в ходе дополнительной проверки дел 1937–1941 гг. И до сих пор они надежно хранятся в архивах Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Но кое-что все же удалось найти и даже опубликовать.

Формы издевательства были многообразны, но в основном примитивны, грубы, злы, отвратительны. Вот 31 мая 1937 г. арестовали командира 1-й дивизии ПВО гор. Москвы комдива Н.В. Щеглова. Следствие по его «делу» вели сотрудники Особого отдела этой же дивизии Круглов, Рейтер, Толкачев и другие. Судя по результату, «поработали» успешно – комдив «признался в участии в заговоре» и на предварительном следствии, и в заседании Военной коллегии и 28 октября 1937 г. расстрелян. Казалось бы, вопрос исчерпан. Но проведенная в 1956 г. дополнительная проверка доказала, что следствие по делу комдива было проведено необъективно. Свидетель Броневой-Шерман показал, что на следствии к комдиву Щеглову, которого по службе характеризовали как «выдающегося артиллериста Красной армии», применялись всевозможные издевательства: «Щеглов был доставлен в Особый отдел округа, где он должен был стоять в коридоре со шваброй в руках и брать на караул всем проходящим. Этого издеательства Щеглов не выдержал и подписал клеветнические протоколы»²⁶⁸.

Арестованный 7 октября 1937 г. бывший начальник политуправления ОКДВА дивизионный комиссар И.Д. Вайнерос как «неразоружившийся враг народа» 28 суток сидел в наручниках²⁶⁹.

Чтобы сломить последние остатки воли у подследственных, многие следователи и другие сотрудники НКВД, зверея от запаха крови, применяли самые изощренные издевательства, стремясь тем самым превратить вчерашнего боевого красного командира в беспомощное, скулящее от унижения существо. В письме к Сталину уже упоминавшийся старший лейтенант С.Б. Торговский свидетельствует: «Сидя весь май месяц (1938 г. – О.С.), я видел, как во время оправки часовые и конвоиры били людей

прикладками, толкали людей прямо в испражненные места и люди пачкались, иначе говоря, с людьми обращались очень зверски, чего я не ожидал и никогда не думал». Бывший начальник школы партактива старший политрук А.Я. Крумин в апреле 1939 г. обращается к «старшим партийным товарищам» Сталину и Мехлису: «38 дней я находился в камере пыток. Раз в день давали суп без ложек, два раза пускали в уборную... оправлялись в кальсоны, портянки, шапки, галоши... В баню не пускали месяцами»²⁷⁰.

По свидетельству майора Е.Б. Кулика (в письме Ворошилову от 20 декабря 1939 г.), некоторые следователи НКВД для демонстрации абсолютной своей власти над подследственным практиковали «плевок в рот» несчастных жертв²⁷¹⁻²⁷². Это уже похоже на Кафку.

Судя по некоторым свидетельствам, одним из излюбленных «развлечений» и доказательств всемогущества следователей была возможность помочиться на голову подследственного. Не щадили никого. Несколько лет назад сестра замечательной поэтессы и Великой ленинградки Ольги Федоровны Берггольц опубликовала записи ее бесед с бывшими сослуживцами Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова. Один из них вспоминал, как зимой 1941 г. около командующего армией на Волховском фронте Мерецкова постоянно находился особист, следивший за тем, чтобы генерал армии не перебежал к противнику. Опасались потому, что за особистами были изрядные грешки. В конце концов разозлившийся Мерецков заявил: перестань ходить за мною. Мне жить не хочется. Ты знаешь, что делали со мною в НКВД. Ставили на колени, а потом какой-нибудь особист под всеобщий гогот мочился на мою плешивую голову.

В специальном разделе своей известной книги, названном «Обработка», Роберт Конквест на основе анализа значительного материала утверждает: «В основной своей массе офицеры НКВД вели себя как привередливые, самодовольные, безжалостные бюрократы. Они обращались с заключенными, как со скотом – о сочувствии не могло быть и речи»²⁷³. Со всем в этой характеристике можно согласиться. Кроме, пожалуй, одного. Многие следователи обращались с подследственными военнослужащими РККА хуже, чем со скотом. Ведь ни одному, даже самому темному человеку не придет в голову мочиться на барана или какую-либо живность. А вот на генерала армии, еще не лишённого этого одного из самых высоких воинских званий, оказывается, можно было...

И.В. СТАЛИН: «БИТЬ И БИТЬ»

Вот такой сталинский автограф сохранился на одном из многочисленных проскрипционных списков, представленных наркоматом внутренних дел СССР на окончательное решение «вождя»²⁷⁴[\[40\]](#).

В своем стремлении получить от подсудимых «нужные» показания путем битья и пыток Сталин и его опричники не были первооткрывателями. Подобные жестокие методы использовались задолго до них, еще на заре истории рода человеческого, когда человек только-только начал выделяться из звериного царства. Даже тогда многие еще полупервобытные властители уже понимали, что любой человек есть биосоциальное существо и что у каждого живого есть свой порог перенесения боли. Я не могу судить об этом по собственному опыту. Жизнь сложилась так, что за все 80 с лишним лет никто никогда меня пальцем не тронул и даже в суровые мальчишеские годы в эпоху первой пятилетки и определенного разгула ленинградской шпаны обошелся лишь тремя «честными кулачными стычками» со своими «оппонентами» в присутствии всего класса. Испытывал жгучую боль во время двух фронтовых ранений в голову, в ходе трех автомобильных аварий с сотрясением мозга. Но все это было относительно кратковременно и меня никто не заставлял давать какие-либо показания. Но вот что говорил по этому поводу один из величайших, по моему мнению, российских поэтов, гуманист, человеколюбец до мозга костей А.Т. Твардовский: «Если меня будут бить, мучить, то я могу сказать все, что угодно, но это уже буду не я, а что-то другое»²⁷⁶.

Умные властители понимали это, по крайней мере, с далеких античных времен и пытались как-то уже тогда

хотя бы ограничить применение физических методов в ходе предварительного следствия. Так, по римским законам пытаться можно было только рабов, но ни одного не только свободнорожденного римлянина, а и вольноотпущенного подвергать пыткам строго запрещалось²⁷⁷.

Вплоть до наших дней память сотен миллионов людей содрогается при воспоминании о массовых пытках «еретиков» в годы почти безраздельного духовного владычества инквизиции. Особое усердие в этом «богоугодном», как они считали, деле, проявлял орден доминиканцев (утвержден Папой в 1216 г.), которому Папа римский Григорий IX уже в 1232 г. передал святую инквизицию. Основателем этого ордена считался святой Доминик, но само его название весьма символично и происходит оно от латинского термина «*Domini canes*», что по-русски наиболее адекватно переводится «псы господни». Ретивостью в пытках они обладали немалой. Но иногда забывают сказать, что даже семьсот лет тому назад решение о применении пыток при допросах обвиняемого (подозреваемого) принимал не следователь инквизиции, а специальный трибунал. Охота на ведьм продолжалась, по крайней мере, вплоть до XVII века, когда подозреваемых в колдовстве пытали огнем и водой, требуя признания, что в них вселился дьявол, а «упорствующих еретиков» подвергали «бескровному наказанию», т. е. заживо сжигали на костре (последнее такое сожжение было проведено в Валенсии в 1826 г.).

Не брезговали применять к неугодным самые разнообразные виды истязаний и пыток и светские владыки. Когда в конце XVII в. отважный англичанин Джон Ковентри с парламентской трибуны «покрытиковал» (как мы бы сказали сейчас) Карла II за его любовные связи с актрисами, король приказал

отрезать «смутьяну» нос. Гвардейцы короля изувечили Ковентри и он умер в 1682 г. Только после этого парламентом был принят так называемый акт Ковентри, один из первых законодательных актов в мире, запрещавших истязать людей. Во Франции, например, применение пыток было отменено лишь столетие спустя - в 1788 г., т. е. всего за год до штурма Бастилии.

Не отставало от западных стран в использовании пыток и государство российское. На особом счету в этом позорном деле Иван Грозный. И дело не только в том, что при нем все показания для следственных дел («розысков») добывались лишь одним путем - пыткой, но и в том что сам царь Иван был не просто жестоким правителем, но и самым настоящим садистом, находившим своеобразное наслаждение в мучениях своих жертв и их убийствах. Лично сам закалывал людей ножом, любил также тешиться тем, что осужденного зашивали в медвежью шкуру (это называлось «обшить медведно») и затравливали насмерть собаками²⁷⁸.

Пожалуй, первый из русских историков уже в начале XIX века бесстрашно восстал и сурово осудил зверства Ивана IV Н.М. Карамзин. Вот что он писал: «Но смерть казалась тогда уже легкою, жертвы часто требовали ее как милости. Невозможно без трепета читать в записках современных о всех адских вымыслах тиранства, о всех способах терзать человечество. Мы упоминали о сковородах: сверх того были сделаны для мук особенные печи, железные клещи, острые ногти, длинные иглы; разрезывали людей по составам, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали ремни из спины»²⁷⁹.

Еще более «усовершенствовалось» пыточное дело при «тишайшем» Алексее Михайловиче. По описанию

известного историка Н.И. Костомарова при нем «пытки, были разных родов; самая простая состояла в простом сечении... Иногда, привязавши человека за руки к перекладине, под ногами раскладывали огонь, иногда клали несчастного на горящие уголья спиною и топтали его ногами по груди и по животу. Пытки над преступниками повторялись до трех раз; наиболее сильную пытку было рвание тела раскаленными клещами, водили также по телу, иссеченному кнутом, раскаленным железом; выбривали темя и капали холодной водой и т. п.»²⁸⁰.

Широко практиковались пытки и при Петре I. Сам царь не только не чурался их, но, по утверждению Н.И. Костомарова, «с видимым удовольствием присутствовал на этих варварских истязаниях»²⁸¹. Речь в данном случае шла о допросах восставших в 1697 г. стрельцов. Признания добывались пытками. Сначала несчастных пороли кнутом до крови на виске. Если стрелец не давал «нужного» ответа, его клали на раскаленные уголья. Дело было поставлено на поток. По свидетельству современников, в Преображенском селе ежедневно курилось до тридцати костров с угольями для поджаривания «несознающихся» стрельцов. (Насколько крепок бывает российский человек, можно судить по тому, что и при этих нечеловеческих муках никто из стрельцов на царевну Софью не показал. Даже одна нищая женщина, передавшая письмо стрельцам от Софьи, отысканная и схваченная людьми Петра, ни в чем не созналась и умерла в мучениях под пытками.) Имеются данные о том, что Петр I лично присутствовал на пяти из шести пыточных допросов родного сына Алексея. Тогда Сенат грозил даже вице-губернаторам за служебные упущения «черева на кнутях вымотать»²⁸².

Применялись пытки и при Анне Иоанновне. Именно таким путем выбили у бывшего кабинет-министра А.П. Волынского признание, что он якобы хотел сам занять престол²⁸³. Вообще, по мнению В.Г. Короленко, во время бироновщины «пытки принимали ужасающие формы»²⁸⁴.

Пытки в то время были столь обычным явлением, что постепенно сложились кадры специалистов по их проведению, так называемые заплечные мастера. Они жили в малых городах и при переписи их звание так и отмечалось: «заплечный мастер». В своем историческом очерке «Русская пытка в старину» В.Г. Короленко рассказывает, как Екатерина II пожелала узнать, что такое российская пытка, и сделала соответствующий запрос. Ей были представлены официальные сведения, озаглавленные «обряд како обвиненный пытается»²⁸⁵ – о дыбе, о сечении, огне – и все это «для изыскания истины»! По утверждению историка XIX века Снегирева, пыточные речи записывались в три приема: первый – с подъему, когда пытаемый поднят с вывихнутыми суставами; второй – «с пытки», когда подвешенного били кнутами и третий – «с огня», когда его снимали и жгли огнем²⁸⁶.

Шли годы и десятилетия. Путешествующие без виз идеи просвещения и гуманизма иногда залетали и в головы издавна привыкших пытать непокорных подданных российских монархов. Уже Петр I воспретил пытки в малых делах. При Елизавете отменили пытку для провинившихся в опiske императорского титула, а также в делах корчемных. Человеколюбие царицы дошло до такой степени, что отменили пытку и для малолетних (до 12 лет) детей. (При Екатерине II пытать разрешалось уже только с 17-летнего возраста.)

Важным моментом в истории государства российского надо считать указ Петра III от 21 февраля

1762 г., которым отныне в России упраздняялась Тайная канцелярия, а пытки при допросах впредь запрещались²⁸⁷, был поставлен крест и на «ненавистном изречении «слово и дело». Но прекращение пыток на Руси не было делом одноактным. Понадобились еще два указа Екатерины II (1767 и 1774 гг.) об устранении, а затем и запрете пыток, упразднении застенков и института заплечных мастеров. Но поскольку указы эти были строго секретные («для губернаторов»), отдельные рецидивы пыток были еще возможны. В частности, известно, что пленных пугачевцев пытали. Возможно, что это в какой-то степени было вызвано проявлениями дикой жестокости со стороны самих пугачевцев. Так, по некоторым данным, Емельян Пугачев приказал с коменданта Татищевской крепости Елагина содрать кожу с живого, а жену коменданта изрубить на куски²⁸⁸.

Но как бы то ни было, пытки в России были официально запрещены. И когда в 1801 г. в Казани власти все же дерзнули применить пытки, Александр I, узнав об этом, счел необходимым издать теперь уже открытый свой знаменитый указ от 27 ноября 1801 г. В нем, в частности, говорилось: «Правительствующий сенат, знаю всю важность сего злоупотребления (речь идет о применении пыток в ходе предварительного следствия. - *О.С.*) и до какой степени оно противно самым первым основаниям правосудия и притеснительно всем правам гражданским, не оставит при сем случае сделать повсеместно по всей империи строжайшие подтверждения, чтобы нигде, ни под каким видом, ни в высших, ни в низших правительствах и судах, - никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний, под страхом неминуемого и строгого наказания; чтоб

присутственные места коим законом предоставляется ревизия дел уголовных, во основание своих суждений и приговоров полагали личное обвиняемых перед судом сознание, что в течение следствия не были они подвержены каким-либо пристрастным допросам, и чтоб, наконец, самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, – изглажено было навсегда из памяти народной»²⁸⁹. Это написано и объявлено по всей необъятной Российской империи почти 200 лет тому назад. Вот оно поистине «дней Александровых прекрасное начало...».

Очевидно, можно с полным основанием утверждать, что на протяжении всего XIX века в Российской империи какие-либо физические методы, а тем более пытки по отношению к подследственным политическим не применялись. Даже по отношению к открыто выступившим с оружием декабристам не зафиксировано в ходе предварительного следствия по их делу ничего подобного. И ни один большевик, начиная с первосвященников типа Ленина или Сталина даже на Страшном суде не мог бы предъявить царскому правительству вообще, царским жандармам в частности, сколь-либо аргументированного обвинения в использовании на допросах даже примитивных мер физического воздействия, не говоря уже о пытках^[41]. Законы Российской империи не допускали подобного, унижительного для человеческого достоинства, явления. И эти законы, как ни удивительно для ныне живущих россиян, соблюдались неукоснительно (отдельные эксцессы возможны, конечно, в любом деле). Мне во всяком случае ни разу не довелось встретить упоминание о подобных случаях во всей изученной литературе.

Как же стало обстоять это дело с захватом власти большевистской партией? Вплоть до последних лет об

этом в печати даже заикнуться было нельзя. Запрет был строжайший. С другой стороны, усиленно насаждалась и внедрялась идея о принципиальной невозможности, а следовательно, и полном отсутствии каких бы то ни было избиений, пыток в ходе предварительного следствия в советских местах заключения. Мол, об этом при «построенном социализме» и помыслить никто не может. В широчайшем распространении подобных воззрений были жизненно заинтересованы властные структуры и непосредственные исполнители злодеяний. Но в какой-то мере эта идея захватывала умы и миллионов представителей юного поколения. Даже в 1992 г. находились люди, утверждавшие, что «пока вообще не обнаружено ни одного свидетельства о пытках в «застенках» НКВД»²⁹⁰. Как справедливо заметил в свое время по другому поводу Карл Маркс, историческое невежество еще никому не помогало. Не поможет оно и в данном случае. Уже сейчас опубликовано много данных, а будет еще больше.

Как же обстояло дело с легитимизацией, своеобразным узаконением пыток по отношению к политическим подследственным в середине 30-х годов? В. Рапопорт и Ю. Геллер утверждают, что уже «в 1936 г. физические методы дознания были узаконены ЦИК, исполнившим секретную директиву Сталина»²⁹¹. Но источника своих сведений эти авторы не указывают, приглашая читателей верить им на слово. Не располагая достаточными фактическими данными для категорического отрицания этого утверждения, позволю себе серьезно усомниться в его достоверности. При резко выраженном неправомерном характере советского государства, верховное руководство ВКП(б) все же всегда было озабочено созданием ему определенного имиджа такого режима, который якобы действует строго на основе самых демократических и

самых справедливых законов. (И как же фальшиво подпевал здесь Максим Горький: «Это – самая яркая демократия Земли!») Да и зачем было Сталину и его приспешникам издавать такие, как они прекрасно понимали, не имевшие прецедента в человеческой истории документы в государственном порядке (ведь так можно было и «засветиться»), когда все это легко можно было обеспечить тайным указанием Политбюро ЦК ВКП(б), не оставляя никаких следов в государственных бумагах? (А потом «почистить» и партийные архивы.)

Роберт Конквест утверждает (правда, с оговоркой «по-видимому»), что первые официальные, хотя и секретные инструкции о применении пыток были выпущены в конце 1936 г. в Белоруссии. А уже в начале 1937 г. НКВД получил санкцию Центрального комитета. Сталин «судя по всему» дал официальное, но сугубо секретное указание о применении пыток²⁹². Сколь-либо убедительных документальных подтверждений Конквест, увы, не приводит.

Общепризнанный российский исследователь истории сталинских преступлений Р.А. Медведев считает, что до весны 1937 г. пытки и истязания применялись в СССР только к отдельным политическим заключенным и лишь особо отобранными следователями, главным образом из верхушки НКВД. Право же применять по отношению к упорствующим «врагам народа» любые, даже самые изощренные методы физического и психического воздействия было предоставлено уже большинству следователей лишь после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б)²⁹³. И данный уважаемый автор позволил себе обойтись без указания источника сообщаемых им сведений и вообще не говорить о том, кто именно давал такие указания.

Современные исследователи проблемы находятся в лучшем положении, поскольку только в 1993 г. был наконец опубликован стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС, где она специально и довольно подробно исследовалась. На этом пленуме Н.С. Хрущев рассказал, что еще накануне XX партсъезда (или после него) «Каганович сказал, что есть документ, где все расписались о том, чтобы бить арестованных. Каганович предложил этот документ изъять и уничтожить». Каганович тут же попытался изобразить из себя «борца за демократию»: «Я это говорил как раз в подтверждение культа личности. Какой смысл мне было вспоминать об этом документе, где есть моя подпись?». До предела искушенный во всех кремлевских интригах и абсолютной аморальности всех этих «полулюдей, тонкошеих вождей» (Осип Мандельштам), Хрущев немедленно отпарировал: «Ты опасался, что другие найдут этот документ»²⁹⁴.

Далее Хрущев сообщил, что было дано задание найти этот документ, но его в архиве ЦК не нашли, так как он был уже уничтожен (ни один преступник не любит оставлять следов). Не нашли ни в одном обкоме, ни в ЦК нацреспублик и телеграммы 1937 г. на места об этом постановлении Политбюро (если таковая была). Но давно и верно сказано, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. В результате тщательных поисков в 1956 г. все-таки удалось в одном (Дагестанском) обкоме КПСС выявить копию шифротелеграммы ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г., в которой подписавший ее Сталин сам ссылается на решение ЦК о применении физических методов и пыток по отношению к «неразоружившимся» врагам (текст этой шифрограммы впервые огласил Хрущев в своем известном докладе XX партсъезду). На пленуме ЦК в 1957 г. Хрущев еще раз подтвердил: «Все помнят этот документ, все получали»²⁹⁵.

И когда на июньском (1957 г.) пленуме ЦК речь снова зашла об этом невиданном и неслыханном в истории когда-либо существовавших политических партий феномене, то припертые к стене бывшие в 1937 г. членами Политбюро ЦК В.М. Молотов и Л.М. Каганович решили «повиниться» и полностью признались. Вот квинтэссенция, извлеченная из их многословных с попытками самооправдания рассуждений:

Молотов: «Применять физические меры было общее решение. Все подписывали»²⁹⁶.

Каганович: «Сидели все тут же, на заседании, документ был составлен от руки и подписан всеми... Написан он был рукой Сталина... Все члены Политбюро подписались за. Текст не помню. В отношении шпионов применять крайние меры физического воздействия. Примерно так, было давно. Подписали все члены Политбюро»²⁹⁷.

Когда Хрущев стал настоятельно требовать, кто же именно подписал это сакраментальное постановление Политбюро, вдруг вмешался Ворошилов и безапелляционно заявил: «Я никогда такого документа не только не подписывал, но заявляю, что если бы что-нибудь подобное мне предложили, я бы в физиономию плюнул»²⁹⁸. Ни на пленуме ЦК в 1957 г., ни в публикации 1993 г. в «Историческом архиве» никаких комментариев по этому поводу не последовало. А применительно к теме данного исследования они необходимы. Не располагая пока другими документами, я вынужден обходиться тем, что есть: можно ли поверить в данном случае, что Ворошилов действительно не подписывал этот документ? У меня нет достаточно весомых доказательств неправдивости заявления Ворошилова, и я не исключаю, что он действительно в тот день этот документ не

подписывал. Этот факт имеет некоторое значение для оценки личности Ворошилова, но далеко не существенное. Ведь документ-то такой был – дожившие до 1957 г. члены Политбюро состава 1937 г. (А.А. Андреев и А.И. Микоян) даже и не пикнули по этому поводу. Да и Ворошилов, если даже, допустим, не подписал это решение Политбюро, и не потому, что «против», а потому, что отсутствовал, то как член Политбюро он не мог не знать о нем (кстати, Ворошилов не говорил, что он не знал), и обязан был буквально под страхом смерти не только неукоснительно и скрупулезно выполнять сам, но и неотступно следить, чтобы другие выполняли...

Итак, уже после XX партсъезда такой авторитетнейший форум как июньский (1957 г.) пленум ЦК КПСС безоговорочно признал факт принятия в 1937 г. политическим бюро ЦК ВКП(б) специального постановления, разрешающего применение пыток к политическим подследственным.

Как оценить нравственное и политическое значение этого документа, уровень морали принявших его деятелей, считавших себя людьми, да еще, наверное, выдающимися? Я уже говорил, с точки зрения политической, подобных решений мы, очевидно, не найдем даже в наисекретнейших архивах ни одной хоть сколь-либо политической партии (пожалуй, включая и фашистские). Тут в очередной раз верховное руководство ВКП(б) оказалось «впереди Европы всей». Только ведь не хорошая в данном случае авангардность, а постыдная, позорная, омерзительная, означавшая, что верхушка ВКП(б) из силы, борющейся за всеобщее счастье человечества (как она сама себя усердно изображала) выродилась в силу, не погнушавшуюся ради спасения своей власти, прибегнуть к практике расчеловечения, отбросив советских людей XX века, по сути, ко временам

каннибализма. Историк должен быть в какой-то мере бесстрастен. Но когда кто-то создает смертельную угрозу существованию самой человеческой природы, то такие деятели вполне правомерно могут быть историком названы выродками рода человеческого, подонками, у которых пробу негде ставить, для которых нет ничего святого^[42]. А они ведь были не просто частными лицами, они возглавляли могущественный и всесильный Центральный комитет ВКП(б). И, очевидно, не так уж далеко от истины был бывший кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Р.И. Эйхе, который по некоторым сведениям, под пытками в 1938 г. временно потеряв рассудок, кричал, что признает себя виновным в принадлежности к преступной организации под названием «Центральный Комитет ВКП(б)»²⁹⁹. А может быть, именно в тот момент Эйхе и вошел в разум?

Одной из бесспорных исторических заслуг Н.С. Хрущева является и та, что он отважился сказать на XX съезде КПСС: «Признания многих арестованных людей, обвиненных во вражеской деятельности, были получены путем жестоких, бесчеловечных истязаний»³⁰⁰. Я хорошо помню, как это заявление буквально потрясло всех окружавших меня людей, десятки преподавателей военного училища, в котором я тогда работал, и многие сотни юных курсантов. С тех пор прошло более сорока лет. Появилось немало публикаций на эту тему. Но большинство из них носят частный, локальный характер. Мне, например, не известно ни одной исследовательской статьи (не говоря уже о монографиях) по этой жгучей и животрепещущей проблеме. И главная причина этого явного и опасного пробела в нашей историографии состоит, по моему мнению, прежде всего в том, что ныне здравствующие хранители застеночных тайн ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД –

КГБ бдят и доселе; главным принципом их деятельности было «не пущать!». И не пуцали...

Из всех многообразных доказательств факта использования в НКВД (особенно в 1937-1938 гг.) избиений и пыток подследственных, на первое место я ставлю свидетельства самих жертв. Немного их уцелело в те страшные годы. Кто был расстрелян почти сразу, тот уже ничего не скажет. Многие арестованные не решались протестовать. Они терпели и молчали, надеясь на могучий русский «авось» - «авось пронесет!». Но находились и такие, которые всеми доступными им средствами пытались возвысить свой голос против варварства, против произвола. Можно, пожалуй, выделить три основных направления этой борьбы. Борьбы, почти безнадежной, борьбы со всемогущим НКВД. Но смелые и честные не молчали. Во-первых, многочисленные письма, жалобы, обращения к власти предрежающим, направляемые из тюрем, ИТЛ и т. п. Во-вторых, отважное поведение на суде Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов, бесстрашное выступление и обличение следователей-палачей. И, наконец, попытки разоблачения механизма мучительства теми благородными храбрецами, которые прошли круги ада НКВД, каким-то чудом вырвались на свободу и хотели избавить других людей от столь же позорной судьбы.

В адресованном ЦК ВКП(б) письме от 1 сентября 1937 г. бывший начальник ВОСО РККА комкор Э.Ф. Аппога утверждал, что его показания, данные на следствии, являются ложными и даны им в результате применения мер физического воздействия³⁰¹. Из Харьковской тюрьмы стонет бывший батальонный комиссар Н.П. Дмитренко: «Меня делают врагом народа. Я отдал всю жизнь РККА»³⁰². Отбывая свое наказание, военный служащий Андреев подал в 1940 г. жалобу, в

которой писал, что его показания даны в результате применения незаконных методов следователем НКВД Горбуновым, который говорил ему на допросах: «...Мы били и будем бить... Если не выдержишь, подохнешь – сактируем»³⁰³.

О том, как добивалось «нужных» показаний следствие в САВО, подробно рассказал в письме к Ворошилову бывший переводчик разведотдела округа интендант 2-го ранга Б.И. Тутолмин. Он писал, что следствие «решило путем применения ко мне методов морального и физического воздействия заставить меня самого клеветать на себя и других, чего оно и достигло, поставив меня на 21 сутки непрерывного без сна и отдыха допроса и воспользовавшись моим неменяемым состоянием. Однако, не удовлетворившись моими клеветническими показаниями, оно кулаками, ремнями, самолетными амортизаторами и резиновой дубинкой, доведшими меня до двухкратного покушения на свою жизнь, заставило меня подписывать сочиненные им же самим протоколы...»³⁰⁴. Это пишет человек, дважды приговоренный к расстрелу. И мне кажется, что ему вполне можно верить.

Бывший военный комиссар Военно-инженерной академии РККА бригадный комиссар А.К. Скороходов, несмотря на отказ от выбитых было у него «признательных» показаний уже в ходе предварительного следствия и на суде, все же в апреле 1939 г. был приговорен к 15 годам лишения свободы (в том числе приговором Военной коллегии (Алексеев, Дмитриев, Детистов) он признавался виновным и в том, что являлся «участником антипартийной белорусско-толмачевской оппозиции»)³⁰⁵. После суда Скороходов в своих неоднократных жалобах, начиная с 27 марта 1940 г. на имя прокурора Союза ССР и вплоть до 1955 г.

писал, что следствие по его делу проводилось необъективно, с грубым нарушением социалистической законности, что расследовавшие его дело сотрудники НКВД (Лось, Леонов, Полковников) неоднократно подвергали его избиениям, добиваясь от него таким путем нужных им показаний о несовершенных преступлениях против советской власти³⁰⁶.

Имеется немало данных о том, что следователи НКВД продолжали применять «физические методы» и после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. Помощник (по другим документам – заместитель) командующего войсками КОВО комбриг В.М. Скрипкин был арестован 5 января 1939 г. В ходе предварительного следствия он оговорил себя и «признался» в участии в военном заговоре. Однако в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 14 февраля 1940 г. от этих показаний отказался. Был приговорен к 15 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. В неоднократных жалобах после осуждения бывший комбриг Скрипкин, член партии с 1912 г., писал, что «показания» о своей «преступной» деятельности он дал в результате жестоких истязаний, которые применялись к нему в ходе предварительного следствия³⁰⁷. А это уже 1939-й год.

Из Бердичевской тюрьмы взывает к Ворошилову 12 июня 1939 г. капитан К.К. Гонсиоровский: «Я арестован, потому, что я поляк. Это понял, когда меня бросили в Бердичевскую тюрьму, в камеру, где сидело 200 арестованных, из них 150 поляков с побитыми спинами, с гниющими ранами... На допросе заместитель начальника особого отдела 3 кд Ложечников объявил мне, что я «объявлен вне закона», что партия разрешила меня бить чем угодно... издевались, избивали меня чем угодно... переломаны ребра, подбита почка... для того, чтобы остаться жить и на

суде рассказать всю правду, я сам себя оклеветал, написал на себя ложь»³⁰⁸. Как явствует из доклада руководства Особого отдела ГУГБ НКВД СССР от 20 сентября 1939 г. Ворошилову, заявление капитана Гонсиоровского о применении к нему со стороны следователей методов физического воздействия расследованием подтвердилось: «Было установлено, что извращенные методы ведения следствия действительно имели место со стороны бывшего заместителя начальника 5 отдела УНКВД по Житомирской области Ремова (осужден) и по его заданию со стороны других следователей Прыгова, Дейч, Крашиненикова (привлечены к судебной ответственности), Ложечникова, Кухельного, Бирюк и Тимакова. Материалы расследования в отношении последних переданы Особоуполномоченному НКВД УССР»³⁰⁹.

Есть некоторые свидетельства, что подследственных особых отделов НКВД продолжали бить и пытаться и после того, как началась Великая Отечественная война. Арестованный в июле 1941 г. и осужденный в сентябре того же года бывший начальник военторга Западного стратегического направления полковой комиссар З.Л. Шейнкин в своем заявлении от 18 июля 1956 г. на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова вспоминал: «За 32 суток издевательств в Сухановской тюрьме я потерял половину зубов, оглох, мне почти не давали спать, морально мое состояние трудно было представить, можно было выколачивать любые показания, что я там показывал, я не помню, одно помню, мне было абсолютно безразлично, что со мной делали и что будут делать, жизнь опостылела, хотелось только одного покоя. Было слишком тяжело и обидно. Обидно даже сейчас»³¹⁰.

Накануне великого армейского праздника - XX годовщины РККА - был арестован заместитель командующего войсками ЗабВО комкор Н.В. Лисовский. В ходе предварительного следствия он признал себя «виновным». Дело было передано в суд. Но на суде Военной коллегии 8 апреля 1940 г. он от всех своих показаний, данных на предварительном следствии, решительно отказался, заявив, что «я был вынужден давать такие показания». Поскольку это был уже 1940-й год, суд возвратил дело на доследование и при вторичном рассмотрении 11 июля 1941 г. (уже в ходе войны) комкор Лисовский получил свою «десятку». Но, пройдя все круги ГУЛАГа, он все-таки выжил и, будучи допрошенным уже в 1955 г., показал, что свои ложные, вымышленные показания на предварительном следствии в 1938–1939 гг. он дал вынужденно, так как следователи Васюк, Розанов, Видякин и др. сажали на ножки перевернутой табуретки, заставляли стоять в течение нескольких суток и допускали другие формы издевательства над ним³¹¹. Эти показания лично потерпевшего подтверждаются и особистами. Бывший начальник 2-го отделения ОО НКВД ЗабВО Розанов в своем объяснении от 2 октября 1939 г. писал: «Должен сказать, что эти показания были добыты от ЛИСОВСКОГО оперуполночным Васюк путем применения мер физического воздействия, применение которых потребовали в категорической форме Видякин и Хорхорин. Лисовский допрашивался опер. уполномоченными Васюк и Першиным непрерывно в течение 4–5 суток, стоял, били его по физиономии и т. п.»³¹². «Сам» Васюк подтвердил, что он допрашивал Лисовского 5–6 суток непрерывно и что он избивал его³¹³[\[43\]](#).

Нелегко было подсудимому решиться и прямо сказать на суде о применявшихся к нему истязаниях. Он

прекрасно понимал, что следователи этого ему никогда не простят. И все-таки, обретаясь между жизнью и смертью, встречались люди, которые, надеясь на справедливость советского суда, находили в себе силы сказать об этих злодеяниях следователей вслух. Отказываясь в суде от прежних показаний, корпусной комиссар М.Я. Апсе заявил, что «эти показания им были даны в результате применения к нему следователями мер физического насилия»³¹⁴. О вынужденности своих «признаний» под физическим воздействием следователя заявил на суде и бывший помощник главного военного прокурора, а затем заместитель наркома юстиции СССР диввоенюрист А.С. Гродко³¹⁵.

Помощник командующего ОКДВА по материальному обеспечению комбриг С.Ф. Гулин был арестован 23 февраля 1938 г. – в день 20-й годовщины РККА. На предварительном следствии у него выбили «признание» и он показал, что его в заговор завербовал армейский комиссар 2-го ранга Мезис. Потом он назвал в качестве вербовщика маршала Блюхера. Но в судебном заседании награжденный в годы Гражданской войны орденом Красного Знамени Гулин виновным себя не признал и от показаний, данных на предварительном следствии, отказался, заявив суду, что ни Блюхер, ни Мезис в заговор его не вербовали и что впервые показания о причастности к заговору он дал после жестоких избиений³¹⁶. Бывший начальник политуправления СКВО бригадный комиссар И.А. Кузин показал на суде, что он оговорил ряд товарищей потому, что по отношению к нему применялись меры физического воздействия, вплоть до инсценировки расстрела³¹⁷. Отказываясь в суде от вырванных у него ранее «признательных» показаний, бывший начальник ОРПО политуправления Черноморского флота полковой комиссар И.А. Орловский заявил, что его показания на

предварительном следствии являются результатом невыносимых условий, созданных для него органами следствия³¹⁸.

Старший преподаватель специального цикла Центральной школы подготовки командиров штаба Разведупра РККА майор И.Э. Розенберг за хорошую работу был удостоен ордена Ленина. Но органы НКВД добрались и до него. 30 апреля 1938 г. он был арестован, на предварительном следствии «сознался» и в том, что участник военно-фашистского заговора, и в том что германский шпион. Однако в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 8 апреля 1939 г. он от этих показаний отказался и пояснил суду, что дал их вынужденно, в результате применения к нему мер физического воздействия. Слабо веря в объективность судей Военной коллегии, майор Розенберг как-то фаталистически смирился с неизбежным его уничтожением. Он даже какое-то объяснение этому пытался сформулировать. Решительно не признавая себя виновным, он в своем последнем слове сказал: «Я повторяю, что попал к Вам я невинно. Я работал на Советскую власть честно, был честным человеком и преданным Советской власти. У нас ведь бывают случаи перегибов, и вот, если я буду осужденным, то я буду считать, что это есть следствие перегиба. Хотя я и не буду живым, но буду считать политику ВКП(б)... правильной»³¹⁹. Живым он действительно не остался. Военная коллегия приговорила его к расстрелу. Но поскольку шел уже 1939-й год, очевидно, он подавал кассационную жалобу. Во всяком случае приговор был приведен в исполнение через месяц после вынесения – 8 мая 1939 г. И.Э. Розенберг реабилитирован посмертно в сентябре 1956 г.³²⁰.

В мае 1940 г. военный трибунал 2-й Отдельной Краснознаменной армии рассматривал дело бывшего заместителя начальника Особого отдела НКВД ОКДВА капитана госбезопасности Л.М. Хорошилкина и других особистов. Они обвинялись в грубейших нарушениях законности. В качестве одного из свидетелей был допрошен и комдив Г.А. Ворожейкин (будущий маршал авиации). И вот что он показал: «Я был арестован 14 мая 1938 г. Допрос начался со следующего дня... с применением физического воздействия... 25 мая я был переведен следователем Драгомирецким к Хорошилкину, который... прочел список лиц, якобы участников к. р. заговора. Помню, что в этом списке он назвал Покуса, Васенцовича, Дмитриева, комбрига Гущина, Дреймана, пом. начальника связи Попова, Соловьева, комиссара бригады Ильина, Кропачева, Моторного, Брыкова и еще ряд лиц, фамилии которых я не запомнил, но было их в этом списке более 15 человек... Издевательствам я был подвергнут этим следователем (фамилии его не знает) с утра до полудня. Избитый им до потери сознания, я, придя в себя, увидел, что никакие мои доводы и требования не помогут мне освободиться из всей этой лжи... Не имея никакой возможности терпеть издеательства, я вынужден был подписать уже заранее заготовленные протоколы допросов...»³²¹

Весьма ценным источником являются и свидетельства тех командиров и политработников, которым посчастливилось вырваться живыми из застенков НКВД. Даже оказавшись «на воле», они были обречены на молчание взятой у них суровой подпиской «о неразглашении». И большинство из них молчали намертво. Но все же находились настоящие смельчаки, подлинные борцы против произвола.

Один из таких освободившихся, бывший командир дивизиона 41-го арtpолка капитан Д.Н. Нешин несколько раз обращался в НКО, пытался рассказать об издевательствах над ним, но ему рекомендовали молчать об этом. Тогда он письменно обратился к Мехлису. Тот принял его, поверил ему и попросил изложить все письменно. Нешин написал, а Мехлис 10 января 1939 г. переслал копию письма капитана Ворошилову, Сталину и Берии, как «заслуживающего Вашего внимания»³²². Мужественный капитан писал: «Хочу бороться за дело, за которое в 1919—20 гг. погибли отец и два старших брата в Гражданской войне... Мать 70 лет ходила в политотдел 41 сд и к командиру 41 сд, к юристам, к прокурору и заявляла: сына бьют в НКВД, помогите! Но всюду ей говорили: бабушка, уходи с этим скорей отсюда, ты не сюда попала, пиши Сталину... Что я видел своими глазами? Били поголовно всех, стояли в положении смиренно все поголовно... некоторые вскоре умирали - красноармеец 122 сп Терещенко умер вскоре, его били сильно о стену спиной... В кабинет следователя комендант тюрпода (тюремного подвала. - О.С.) Глебов приводил цепную собаку овчарку - натравливать на арестованных, упорно сопротивляющихся следствию... В подвале тюрпода невозможно было спать... примерно с 2 часов ночи начинались избиения арестованных в кабинетах на допросе и ужасные крики и призывы о помощи не давали спать. Чаще всего кричали: «Сталин, заступись!»³²³

Сумел вырваться из лап НКВД и бывший военком 84 сд полковой комиссар П.П. Любцев. В своем письме «члену Политбюро ЦК ВКП(б) т. Ворошилову», убедительно описав полный беспредел, царивший в тульских тюрьмах, коснулся и вопроса о том, как у него на определенном этапе было вырвано признание в

несовершенном преступлении: «Под физическим воздействием, видя безвыходное положение, не имея никакой возможности добиться справедливости... я вынужден был дать под диктовку следователя ложные показания... лишь бы остаться в живых, что придет время и со мной по-настоящему, объективно, по-большевистски разберутся... Писать жалобы в ЦК и другие высшие органы мне не разрешали 9 месяцев, до января 1939 г. и разрешили уже тогда, когда арестовали всю эту банду Лебедева^[44] и был назначен новый начальник управления НКВД Бабкин»³²⁴.

Даже почти 20 лет спустя немногие уцелевшие командиры с болью вспоминали об этом. В заявлении бывшего командира 97 сд полковника Л.Ф. Коваленко от 28 марта 1957 г. говорилось: «23 октября 1938 года я был арестован НКВД СССР и заключен в Бутырскую, а потом в Лефортовскую тюрьмы, где следователи Хозе, Леонов и Хохлов жестокими избиениями и пытками сделали из меня преступника, а таковым я никогда не был»³²⁵.

Одним из важных источников, подтверждающим широкое применение «физических методов» в работе следователей особых отделов НКВД на этапе предварительного следствия, являются свидетельства очевидцев, непосредственно в местах заключения общавшихся с жертвами следовательского произвола (либо какое-то время находились в одной камере с избиваемым, либо встречались с ним на очной ставке и т. п.).

В феврале 1938 г. был расстрелян «признавшийся» в самых страшных преступлениях бывший начальник Морских сил (1921–1924 гг.), заместитель наркома оборонной промышленности СССР, член партии с 1906 г. Р.А. Муклевич. В ходе дополнительного расследования в качестве свидетеля был допрошен всемирно известный

авиаконструктор генерал-лейтенант А.Н. Туполев, показавший, что в конце 1937 г. он находился в одной камере внутренней тюрьмы НКВД СССР с Р.А. Муклевичем, который рассказал ему, что он оговорил себя и других ни в чем не повинных лиц в результате применения к нему мер физического воздействия³²⁶. Допрошенный в ходе дополнительной проверки 20 августа 1956 г. бывший комдив А.А. Туржанский показал, что когда он в 1938 г. был доставлен в Лефортовскую тюрьму, то от арестованных Шошкина и Крестьянова слышал, что они раньше содержались в одной камере с комбригом Н.Г. Андриановым и что следователь НКВД Юхимович «зверски избивал АНДРИАНОВА, особенно во время подписания заранее составленного ЮХИМОВИЧЕМ протокола допроса АНДРИАНОВА, который не хотел его подписывать»³²⁷.

Били и бывшего командира 7 ск комдива Ф.Ф. Рогалева. Член ВКП(б) с 1917 г., командир Красной Гвардии, участник штурма Зимнего дворца, награжденный за подвиги в Гражданской войне двумя орденами боевого Красного Знамени, он прошел достойный путь от грузчика до командира стрелкового корпуса РККА. В июне 1937 г. он был схвачен особистами в Днепропетровске. Впоследствии бывший начальник УНКВД по Днепропетровской области Е.Ф. Кривец признался, что сам толкнул бывшего начальника особого отдела Я.Е. Флейшмана на выявление (точнее, на фабрикацию) следственным путем военного заговора в армии. Такой «прорыв на армию» удался только в результате применения к первой группе арестованных продолжительных допросов, стоек, избиений и различных издевательств. После чего и были получены показания о существовании «военно-заговорщической организации в частях 7 корпуса». В ходе дополнительного

расследования в 1956 г. удалось найти нескольких человек, которые в 1937 г. во время следствия содержались в одной камере с комдивом Рогалевым. Они (Н.С. Кувшинов и Е.И. Третьяк) показали, что к Рогалеву применялись незаконные методы следствия и только поэтому он подписал ложные показания³²⁸. А этого было вполне достаточно и для следователей НКВД, и для военных прокуроров, и для членов Военной коллегии Верховного суда СССР, по неправосудному приговору которой участник штурма Зимнего дворца – почти через 20 лет после этого исторического события был расстрелян (14 сентября 1937 г.). Понадобилось еще 19 лет – и приговор был отменен 6 октября 1956 г.

Сразу же после праздника 20-й годовщины Октябрьской революции, особисты «забрали» председателя военного трибунала столичного военного округа. Корвоенюрист Л.Я. Плавнек, участник Гражданской войны, дважды орденосец, пользовался большим авторитетом в военно-юридических кругах. Да и сам приложил руку к «выкорчевыванию врагов». И вот теперь он в камере Дома предварительного заключения (ДПЗ). От него требуют показаний о не совершенных им преступлениях. Он, естественно, отказывается. Тогда его начинают бить. Попавший в это же время в тюрьму бывший начальник политуправления СКВО бригадный комиссар И.А. Кузин писал в те дни наркому Ворошилову: «Для устрашения меня и с целью вынудить дать ложные показания, меня бросили в одиночную камеру ДПЗ, к полумертвому ПЛАВНЕКУ (Вашему другу и соратнику по Гражданской войне, т. Народный Комиссар), которого организовано и систематически избивали в течение 4-х дней»³²⁹. И корвоенюрист Плавнек «заговорил», на предварительном следствии признал себя виновным в активном участии в антисоветской латышской организации и военно-

фашистском заговоре, в боевой террористической группе, в шпионаже в пользу германской разведки. Теперь следователи НКВД могли с сознанием «исполненного долга» передавать дело в суд. Заседание Военной коллегии Верховного суда СССР состоялось 7 июня 1938 г. В суде, перед лицом хорошо ему знакомых коллег – военных юристов, Плавнек набрался мужества, виновным себя не признал, от показаний, данных им на предварительном следствии, отказался и заявил, как записано в протоколе судебного заседания, что «он вышел из гущи пролетариата»³³⁰ и всю свою жизнь боролся за советскую власть. Но судьи были глухи. Ради спасения своей шкуры они были готовы осудить кого угодно. Осудили и корвоенюриста Плавнека. К расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1957 г.

Жил и служил в Красной Армии, казалось бы, кристально чистый, с самой наипролетарской точки зрения, человек. Эстонец по национальности Гаральд Тенисович Туммельтау сумел родиться в «классово-выдержанной» семье. Его родители – члены компартии, красногвардейцы, участники Гражданской войны. Сам он еще в апреле 1917 г., восемнадцатилетним юношей стал членом большевистской партии. В ноябре 1917 г. добровольно вступил рядовым бойцом в Ревельский отряд Красной Гвардии, участвовал во многих боях на полях Гражданской войны, в 1919 г. тяжело ранен, в 1920 г. удостоен ордена Боевого Красного Знамени. В 1923 г. окончил Военную академию. Работал на ответственных военных постах. Затем – комбриг. Начальник 3-го отдела Разведупра РККА. В декабре 1937 г. его арестовывают. Обвиняют в том, что он якобы является активным участником эстонской шпионско-фашистской националистической и террористической организации. И самое удивительное. Судя по архивно-

следственному делу, он в ходе следствия признал свою «вину», а на суде Военной коллегии 4 октября 1938 г. подтвердил эти показания. Судебное заседание, включая вынесение и оглашение судебного приговора, длилось всего 15 минут («суду все ясно»). Приговор – расстрелять. По неоднократным просьбам жены (вдовы) наконец в 1956 г. была проведена дополнительная проверка. Выяснилось, что, как явствует из справки начальника Лефортовской тюрьмы, Туммельтау вызывался на допрос 30 раз, а в материалах дела имеется лишь два протокола его допросов. Кстати, один из них датирован 31 августа 1938 г., хотя в этот день комбриг вообще не допрашивался. Свидетель Л.Л. Каллистов на допросе 4 ноября 1955 г. показал, что в 1938 г. он содержался в одной камере с Туммельтау и тот рассказывал ему, что он оговорил себя и других в антисоветской деятельности в результате применения к нему мер физического воздействия. Каллистов сам видел, как комбриг приходил с допросов со следами побоев на лице³³¹. Туммельтау реабилитирован посмертно 6 июня 1956 г.

Не выдержав физических и моральных мучений, дал «признательные» показания, оговорив себя и других, бывший начальник политотдела Особой кавдивизии бригадный комиссар Д.Н. Статут. По его показаниям был в 1938 г. арестован член ВКП(б) Назаров. Но он выжил и на допросе 21 сентября 1955 г. свидетельствовал, что видел Статута в тюрьме (на очной ставке с ним): «Выглядел он очень плохо, руки и ноги у него дрожали» и что он (Назаров. – *О.С.*) сомневался в правдоподобности показаний Статута, так как никакого военного заговора в дивизии не было, это вымысел работников НКВД³³². Однако Военная коллегия (в составе: Матулевич (председательствующий), Миляновский и Иевлев (члены) 2 апреля 1938 г.

приговорила бригадного комиссара Д.Н. Статута к ВМН, и в тот же день он был расстрелян. Реабилитирован посмертно в марте 1956 г.³³³

О применении мер «физического воздействия» к бывшему командиру 10 сд. члену большевистской партии с 1912 г. комбригу А.П. Трифонову, показали бывшие его сокамерники Житов и Крестьяшин³³⁴. Били в ходе предварительного следствия и бывшего командира 9 кд, награжденного тремя орденами Боевого Красного Знамени комдива К.П. Ушакова. Об этом рассказали арестованные по другим делам Дверницкий и Монченко, которых, в свою очередь, тоже били, вымогая от них «уличающие» показания на комдива Ушакова³³⁵.

Неопровержимым доказательством массовых истязаний и пыток в ходе предварительного следствия являются многочисленные свидетельства не только тех, кого били, но и тех, кто бил. Следователи НКВД жили не в безвоздушном пространстве. Они слышали по радио, читали в газетах выступления высших руководителей партии и страны, речи «самого» Сталина, статьи публицистов и писателей, смотрели кинофильмы, повседневно получали ценные указания прямых и непосредственных начальников. И везде и всюду они видели и слышали одно: враг опутал своей губительной паутиной всю страну, в том числе и армию. И ваше святое дело – эту вражескую сеть уничтожить, а всех без единого исключения «врагов народа» беспощадно выкорчевать: «Родина надеется на вас!» Вам все дано для этого – применяйте любые средства и методы, вам все простится. С врагами действуйте по-вражески. Сам «великий вождь» от имени ЦК ВКП(б) разрешил ко всем «неразоружившимся врагам» применять физические методы. И вполне можно понять, что у многих и многих следователей НКВД просто голова закружилась от

чувства вседозволенности, полного своего никому не подотчетного могущества над каждым военнослужащим, попавшим им в руки, какой бы пост он ранее ни занимал и какое бы военное звание ни имел.

По свидетельству бывшего помощника начальника штаба (ПНШ) мехполка 7 кд Г.М. Андреева, начальник особого отдела НКВД 7 кд Мишин заявил ему: «Нам нашим наркомом разрешено бить»³³⁶. Один из героев Гражданской войны комбриг В.Л. Винников-Бессмертный сообщал в письме Ворошилову от 12 сентября 1939 г., что следователи НКВД Дунарев и лейтенант Топильский, чувствуя полную свою безнаказанность, нагло заявили ему: «Ты все равно отсюда не выйдешь... Здесь в подвале сменим череп»³³⁷.

С другой стороны, сотрудникам НКВД не было чуждо и чувство страха. Бывший начальник 3-го отделения 3-го отдела по УНКВД Московской области лейтенант госбезопасности А.О. Постель за грубые нарушения законности (необоснованные аресты, применение физических методов и т. п.) был в апреле 1940 г. осужден к 15 годам лишения свободы. После отбытия срока наказания, уже в 1956 г., он в многочисленных своих заявлениях из Магадана настаивает на своей реабилитации. В этом ему было справедливо отказано. Но некоторые его высказывания заслуживают внимания, как свидетельства очевидца, непосредственного участника «работы» одного из главных центров кровавой карусели 1937-1938 гг. Бывший лейтенант госбезопасности обвиняет военных прокуроров середины 50-х годов в том, что они, по его мнению, «проявляют глубокое непонимание обстановки страха и трепета, царившего в 1937—38 годах в органах НКВД, прокуратуры и судах...»³³⁸. Выступая с позиций

«рядового чекиста», он пишет: «...и если в 1937-1938 годах в моей работе были искривления в следствии и арестах, то они являются результатом внедренных тогда в аппарат физических методов следствия, прямо исходивших от наркома Ежова и вождя партии Сталина. Я, рядовой чекист, коммунист по служебному и партийному долгу, не мог выражать сомнения, подвергать критике или не выполнять этих указаний, а выполнение их тогда приводило к незаконным арестам и репрессиям... Об этих физических методах следствия тогда было хорошо известно прокурору СССР Вышинскому, председателю Военной коллегии Верховсуда - Ульриху, которые преподносились нам, как защита интересов партии в ожидании войны...»³³⁹

Бывший начальник 3-го отдела 3-го управления НКВД СССР старший майор госбезопасности А.П. Радзивилловский показал на допросе 16 апреля 1939 г.: «Я спросил Ежова, как реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей, он мне ответил, что стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, а следует наметить несколько латышей из числа членов ВКП(б) и выбить из них необходимые показания... С этой публикой не церемоньтесь... Надо доказать, что латыши, поляки и др., состоящие в ВКП(б), шпионы и диверсанты...»³⁴⁰

После уже упоминавшегося совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. и устранения с поста наркома внутренних дел СССР Ежова и замены его Берией в системе НКВД был проведен целый ряд закрытых судебных процессов. Перед военными трибуналами и Военной коллегией Верховного суда СССР предстали многие сотрудники центрального аппарата НКВД СССР (в том числе и Особого отдела Главного управления госбезопасности), наркомы внутренних дел союзных и автономных

республик, начальники управлений НКВД краев, областей, начальники и сотрудники Особых отделов военных округов, флотов, дивизий. Материалы этих процессов и сейчас, по существу, недоступны для историков. Кое-что и на этих процессах могло быть фальсифицировано (ведь «школа»-то та же!). Но красной нитью через все эти материалы проходят признания бывших особистов в широком применении ими избиений, истязаний и пыток в процессе предварительного следствия.

В июне – июле 1939 г. военный трибунал войск НКВД СССР Ленинградского округа под председательством бригавоенюриста Марчука рассмотрел дело № 16 по обвинению 14 сотрудников особого отдела Краснознаменного Балтийского флота. На суде выявилась весьма неприглядная картина беспредельного разгула произвола особистов во главе с награжденным значком почетного чекиста начальником особого отдела КБФ капитаном госбезопасности М.М. Хомяковым и его заместителем старшим лейтенантом ГБ И.Ф. Якуниным. Хомяков на совещаниях говорил, что сотрудники отдела плохо работают, поскольку мало арестовывают. Он давал указания, что все уволенные из флота лица нерусской национальности – враги народа и их надо арестовывать. Сам Хомяков в судебном заседании признал, что в Особом отделе были не только невинно арестованные, но и невинно расстрелянные³⁴¹. Из списка, приобщенного к делу, видно, что в Особом отделе пришлось освободить из-под стражи 224 необоснованно арестованных человека³⁴².

Один из осужденных по этому делу – В.Д. Силов свидетельствовал: «...По возвращению из отпуска я встретил картину массового избиения арестованных, наличие комнат в ДПЗ, где обвиняемые... находились в количестве 10–30 человек на так называемой «стоянке»,

которая прекращалась только тогда, как арестованный «признавался» в своих преступлениях и подписывал составленный ему следователем протокол допроса...»³⁴³ А вот свидетельство другого осужденного особиста – К.И. Гарбузова: «Хомяков говорил следователю Чернову в отношении обвиняемого: «Вы его лупите по голове поленом, тогда он даст показания». Я лично получил от Хомякова санкцию на избивание арестованных не менее 15 человек»³⁴⁴. Хомяков признался на суде, что попавший в их руки бывший помощник командующего КБФ по ВВС, некогда член легендарного Центробалта, а теперь флагман 2-го ранга Г.П. Галкин «подвергался жестокому избиванию, в результате чего он подписал ложные показания»³⁴⁵.

Подсудимые – бывшие сотрудники особого отдела КБФ Бабич и Фурсик подтвердили, что они применяли на допросах меры физического воздействия и к бывшему командиру бригады миноносцев КБФ флагману 2-го ранга Г.Г. Виноградскому. На этом процессе выступил свидетель Ершов, который показал, что в процессе следствия Виноградский раздетым помещался в камеру, залитую водой. Каково было терпеть все это бывшему дворянину, офицеру царского флота, получившему от советского государства адмиральское звание (хотя он и оставался беспартийным), которое, однако, не спасало от самого примитивного мордобоя³⁴⁶. Били настолько усердно, что одного из арестованных – полкового комиссара В.А. Сумарокова – забили до смерти. Никакого расследования и привлечения виновных к ответственности проведено, разумеется, не было³⁴⁷. Как будто так и надо, как будто смерть от побоев в застенках НКВД стала бытом.

Военный трибунал приговорил Хомякова к ВМН, 12 сотрудников к различным срокам заключения, одного –

оправдал. Преступления были настолько явными, что все кассационные жалобы осужденных были оставлены без удовлетворения. Отказал в помиловании Хомякову и Президиум Верховного Совета СССР. Приговор над Хомяковым был приведен в исполнение 29 ноября 1939 г. И даже последующей проверкой в 1981 г. (по просьбе приемного сына) было установлено, что оснований для реабилитации М.М. Хомякова не имеется³⁴⁸.

О систематическом применении избиений и пыток к подследственным военнослужащим показывали во время суда над ними бывший начальник 5-го (особого) отдела УНКВД Смоленской области капитан госбезопасности В.В. Кривуша и его помощник ст. лейтенант ГБ М.Д. Задыхин, бывший начальник Днепропетровского УНКВД Е.Ф. Кривец и начальник 5-го отдела Я.Е. Флейшман, бывшие сотрудники Краснодарского УНКВД Малкин, Бродский, Бирост и Шалавин, бывший заместитель начальника особого отдела НКВД ОКДВА Л.М. Хорошилкин, сотрудники НКВД в СКВО Э.И. Биск, К.Е. Сагайдак, А.А. Соколов³⁴⁹ и многие, многие другие.

В застенках Хабаровского НКВД беспощадно, зверски избивали комдива С.И. Деревцова. Бывший сотрудник особого отдела НКВД по ОКДВА Вышковский во время суда над ним показал: «Гаврилов (тоже сотрудник ОО НКВД. – О.С.) допрашивал Деревцова в течение 2 суток. Избивал он его при этом допросе так, что в моем кабинете нельзя было работать...»³⁵⁰ Это подтвердили и сотрудники ОО НКВД Либерман и Харакиз. Последний заявил о Гаврилове: «...он приводил к сознанию перед судом Деревцова, т. е. избивал его»³⁵¹.

Бывшие сотрудники УНКВД по Калининской области Якушев и Арихонов, будучи допрошенными в 1939 г.,

показали, что в ходе предварительного следствия арестованный бывший командир 2 ск комдив Я.И. Зюзь-Яковенко подвергался жестокому физическому воздействию со стороны работников НКВД Фукса, Доценко, Волл, Трифонова и других³⁵².

Особым рвением в «выкорчевывании» отличался заместитель начальника особого отдела НКВД ЗаБВО Видякин. В обвинительном заключении по делу Видякина и других формулировалось, что деятельность этих лиц была направлена «на перебитие командно-политических кадров Красной армии. Так, Видякиным 517 ни в чем не повинных человек были посажены в тюрьму, подвергались всевозможным издевательствам, в силу чего вынуждены были оклеветать себя и других лиц и только после ареста Видякина были освобождены и полностью реабилитированы»³⁵³. В конце концов 17 октября 1940 г. и сам Видякин был приговорен к расстрелу.

Осужденный в 1940 г. к расстрелу бывший начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комбриг Н.Н. Федоров, который «расследовал» дело бывшего первого заместителя наркома обороны СССР, награжденного четырьмя орденами Боевого Красного Знамени командарма 1-го ранга И.Ф. Федько, показал, что он лично применял меры физического воздействия в отношении Федько и только после этого последний стал давать показания на себя и других лиц³⁵⁴.

А вот судьба бывшего командующего войсками САВО, комкора И.К. Грязнова. По свидетельству В.М. Казакевича, бывшего оперативного работника органов НКВД, проводившего следствие по этому делу, «на первых допросах Грязнов категорически отрицал свою виновность и признал свою вину только после того, как был подвергнут избиению. Били Грязнова в Лефортовской тюрьме Николаев и Ямницкий и по их

указанию Грязнова несколько раз ударил и я. После побоев Грязнов стал давать показания, в которых признал себя виновным и назвал других лиц как своих сообщников»³⁵⁵.

Допрошенный 16 февраля 1955 г. бывший старший следователь НКВД СССР Г.В. Арсенович показал, что когда в 1939 г. к нему на допрос доставили подследственного бывшего начальника Разведуправления РККА комдива А.Г. Орлова, то весь внешний вид последнего неопровержимо свидетельствовал, что он был сильно избит. Причем следователи НКВД «поработали» над комдивом так усердно, что самостоятельно, без помощи надзирателей, он даже ходить уже не мог³⁵⁶.

В результате изучения архивно-следственных дел на арестованных в 1937-1938 гг. корпусного комиссара М.Я. Апсе, комдивов В.П. Добровольского и А.В. Федотова, комбригов И.И. Кальвана и И.М. Подшивалова, полковника И.Я. Линдова-Лифшица и интенданта 1-го ранга И.А. Цюкшо прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции Хорьков сделал в 1956 г. вывод о том, что «обвинительные» показания от вышеуказанных командиров и политработников были «получены путем применения к ним незаконных преступных методов следствия»³⁵⁷.

Свидетельства бывших сотрудников органов НКВД СССР об избиениях и пытках подследственных военнослужащих, данные ими как во время закрытых процессов 1939-1940 гг., так и во время дополнительной проверки в середине 50-х годов, можно множить и множить.

В итоге многолетней работы в Архиве Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации мне удалось выявить и установить, что, по закрепленным в

имеющих юридическую силу документах данным (дошедшие до нас показания и свидетельства самих жертв, а также очевидцев их мучений; вынужденные признания палачей, осуществлявших избиения и пытки; результаты дополнительной проверки и т. п.), можно считать доказанным, что «физические методы воздействия» в ходе предварительного следствия в 1937–1941 гг. применялись к таким военным служащим рабоче-крестьянской Красной армии как:^[45]

Маршалы Советского Союза В.К. Блюхер, А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский.

Генерал армии К.А. Мерецков.

Командармы 1-го ранга И.П. Белов, И.Ф. Федько.

Флагман флота 1-го ранга В.М. Орлов.

Армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов.

Командармы 2-го ранга Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко.

Армейский комиссар 2-го ранга Л.Н. Аронштам.

Комкоры Э.Ф. Аппога, И.К. Грязнов, Е.И. Ковтюх, Н.В. Лисовский, М.П. Магер, Н.Н. Петин, В.М. Примаков, В.К. Путна, М.О. Степанов, И.Ф. Ткачев, К.А. Чайковский.

Флагманы 1-го ранга К.И. Душенов, А.К. Сивков.

Корпусные комиссары М.Я. Апсе, Я.В. Волков, Т.К. Говорухин, И.Б. Разгон, Л.Б. Рошаль, К.Г. Сидоров.

Корвоенинженер Я.М. Фишман.

Корвоенюрисст Л.Я. Плавнек.

Комдивы И.Ф. Блажевич, Б.И. Бобров, М.Ф. Букштынович, Г.М. Везиров, Г.А. Ворожейкин, С.И. Деревцов, В.П. Добровольский, Я.И. Зюзь-Яковенко, М.П. Карпов, Ж.И. Лаур, С.В. Никитин, А.М. Никонов, А.Г. Орлов, Ф.Ф. Рогалев, К.К. Рокоссовский, И.П. Сергеев, К.И. Степной-Спижарный, А.А. Тальковский, А.И. Тарасов, Г.А. Тухарели, К.П. Ушаков, А.В. Федотов, И.Ф. Шарсков, Р.А. Якубов.

Флагманы 2-го ранга Г.Г. Виноградский, Г.П. Галкин, Д.П. Исаков.

Дивизионные комиссары Л.И. Бочаров, И.Д. Вайнерос, И.П. Зыкунов, С.З. Рабинович, Г.С. Сафразбекян, И.И. Сычев, И.Я. Юкамс.

Диввоенюрист А.С. Гродко.

Комбриги Н.Г. Андрианов, С. Д. Барановский, М.Ф. Вяземский, А.В. Горбатов, С.Ф. Гулин, Г.С. Данилюк, Ф.К. Доттоль, Д.К. Забелин, И.И. Кальван, Л.В. Картаев, Э.Г. Матсон-Игнеус, М.Е. Медведев, П.П. Молодцов, И.М. Подшивалов, Ф.Г. Радин, П.Г. Романовский, И.Д. Россман, М.М. Рыженков, В.М. Скрипкин, А.М. Тарновский-Терлецкий, Е.М. Тихомиров, П.В. Тороцин, А.П. Трифонов, Г.Т. Туммельтау, Н.Ф. Федоров.

Бригадные комиссары Е.Б. Амалин, Я.Г. Дрейман, П.М. Клипп, И.А. Кузин, Н.П. Миронов, А.К. Скороходов, О.И. Спалвин, Д.Н. Статут.

Бригинженеры Н.Н. Андреев, А.К. Аузан, Н.М. Харламов.

Бригвоенюристы П.С. Войтеко, Ю.А. Дзервит, Я.К. Жигур, И.С. Каштелянов, А.Г. Сенкевич.

Полковники Б.С. Авакян, Д.И. Артамонов, С.Г. Гейнрихс, Т.В. Давыдов, Г.М. Даргольц, С.П. Кириенко, Л.Ф. Коваленко, А.Ф. Кукша, И.Я. Линдов-Лифшиц, П.Г. Марченко, С.Ф. Маслиевич, С.И. Морозов, Л.Г. Овчаренко, М.Д. Поляков, З.Н. Райвичер, М.А. Рождественский, А.Б. Слуцкий, А.Г. Тарасенко, К.И. Элькснер.

Капитан 1-го ранга О.С. Солонников.

Полковые комиссары П.П. Любцев, И.А. Орловский, В.А. Сумароков, Д.А. Федотов, З.Л. Шейнкин, Я.Я. Эльсис. Военинженер 1-го ранга А.А. Заборовский.

Интендант 1-го ранга И.И. Цюкшо.

Интенданты 2-го ранга А.С. Киршон, Б.И. Тутолмин.

Майоры В.И. Везломцев, И.В. Гомзов, А.В. Заремба, З.Н. Пинцов, И.Э. Розенберг, Г.И. Ситников, Н.П. Урубков.

Батальонные комиссары Н.П. Дмитренко, А.А. Икал.

Капитаны А.В. Головенченко, К.К. Гонсиоровский, М.А. Недочевский, Д.Н. Нешин.

Капитан-лейтенант Н.А. Радецкий.

Красноармейцы А.И. Польшиков, Терещенко.

Жена (вдова) командарма 1-го ранга Н.В. Уборевич.

Еще раз хочу подчеркнуть, что этот список далеко не исчерпывающий и, очевидно, будет значительно пополнен в ходе дальнейшего исследования этой проблемы. Но и в таком виде список в полной мере позволяет судить о массовом характере применения избиения и пыток в ходе предварительного следствия.

И надо со всей определенностью сказать, что следователи НКВД зверствовали всласть. Как справедливо пишет, изучивший ряд следственных дел Л.Э. Разгон, «...выбор средств для уничтожения личности был совершенно беспредельный. Можно было бить по наиболее чувствительным местам тела, зажимать пальцы дверью, срывать ногти, бить по половым органам, никаких не было ограничений, кроме возбужденной фантазии нелюдей в мундирах»³⁵⁸.

Били действительно, по любимому выражению будущего министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова, «смертным боем»³⁵⁹. Комдиву (будущему маршалу) К.К. Рокоссовскому во время пыток выбили девять зубов, сломали три ребра, отбили молотком пальцы ног³⁶⁰. Одному из первостроителей РККА бывшему командующему войсками МВО Н.И. Муралову отпилили сначала одну ногу, а потом и другую. На допросы его возили после этого в коляске³⁶¹. Свидетельствует бывший следователь НКВД В.М. Казакевич: «Я лично видел в коридоре тюрьмы, как вели с допроса арестованного, избитого до такой степени, что его надзиратели не вели, а почти несли. Я спросил у кого-то из следователей: кто этот арестованный. Мне ответили, комкор Ковтюх, которого Серафимович

описал в романе «Железный поток» под фамилией Кожух. Из того кабинета, из которого вывели избитого Ковтюха, вслед за ним вышли Николаев и Ямницкий»³⁶². На этом фоне чуть ли не идиллической кажется такая забава следователей, как «телефон». В уши допрашиваемого вставлялись рупором листы плотной бумаги и с двух сторон в эти рупоры следователи во всю силу своих легких кричали: «Признавайся! Признавайся! Признавайся!» Забавно, не правда ли? Но дело доходило до того, что у подследственных лопались барабанные перепонки³⁶³.

Военный комиссар Ленинградского Танко-технического училища полковой комиссар Муркин был арестован в 1938 г. И исчез. Бывший курсант этого училища подполковник в отставке К.А. Дорошкевич (Москва) рассказал мне, что встретился он со своим бывшим комиссаром лишь в 1974 г., на 40-летнем юбилее родного училища. Оказалось, что военком пробыл на лесоповале 19 лет. Потом был реабилитирован, ему вернули квартиру в Ленинграде. И вот он на встрече со своими бывшими питомцами. А его воспитанники, прошедшие огни и воды Великой Отечественной, уцелевшие в ее смертельном вихре, смотрят на своего комиссара и глаза их спрашивают, ну как там было «в зоне»? А комиссар молчит, у него ведь взяли подписку «о неразглашении» (сравни: закон «omerta» у сицилийской мафии). И только в какой-то момент, комиссар все-таки решился и сказал нескольким окружавшим его бывшим курсантам 1938 года: во время допроса следователи НКВД яйца дверью прищемляли. Все ведь очень просто, и не нужно никакого специального оборудования для пыток. И результат «признаваемости» всегда стопроцентный. И содрогнулись сердца участников войны³⁶⁴.

Как же глубоко проник поэт в суть психологии сталинских заплечных мастеров:

И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.

А.Т. Твардовский

В результате глубоких психических потрясений и варварских методов следствия некоторые арестованные умирали, казалось бы, в цвете лет. В ходе предварительного следствия скончались в тюремных больницах (тюрмах) бывший начальник Управления боевой подготовки РККА 45-летний комкор К.А. Чайковский, бывший начальник Управления Воениздата НКО СССР 48-летний комдив С.М. Белицкий, бывший начальник бронетанковых войск БВО комбриг П.П. Рулев и др.

Опьяневшие от безнаказанного пролития человеческой крови, особисты иногда сатанели до того, что попросту забивали насмерть «неразоружающихся» подследственных военнослужащих РККА. Должен заметить, что выявил я таких случаев немного, но все же они были. 30 июля 1937 г. в Тбилиси был арестован комдив Ф.М. Буачидзе. Виновным себя он не признал и 1 августа 1937 г. прямо на допросе при участии начальника 5-го (Особого) отдела НКВД Грузинской ССР Максименко комдив был убит³⁶⁵. По свидетельству С. Газаряна, рассвирепевшие особисты распоролли ему живот и бросили его в камеру³⁶⁶, где он и скончался. 18 августа 1938 г. умер от полученных на допросе побоев начальник политотдела бригады линкоров

Балтийского флота полковой комиссар В.А. Сумароков³⁶⁷.

Забивали насмерть рядовых красноармейцев. Ранее я уже приводил свидетельство капитана Нешина о том, как красноармейца 122 сп Терещенко били сильно спиной о стену, и он вскоре умер. Забивали и Маршалов Советского Союза. Знаменитый на всю страну В.К. Блюхер был арестован 22 октября 1938 г., а уже через две с половиной недели легендарный полководец был забит следователями НКВД как бешеная собака. Допрошенная в 1956 г. врач Лефортовской больницы Розенблюм засвидетельствовала: «Я осматривала Василия Константиновича Блюхера. Все лицо у него было в сплошных синяках. Затем я обнаружила кровоизлияние в склереу глаза. Она была переполнена кровью. Кто определил причину его смерти, я не знаю. Как и не знаю, кто выдал следствию справку о смерти»³⁶⁸. Блюхер погиб от побоев 9 ноября 1938 г., а Ворошилов, выступая 20 ноября на заседании Военного совета при НКО, изображал дело таким образом, что Блюхер будто бы жив, «сидит» и начинает давать показания. Видно, наркому обороны маршалу Ворошилову страшно было сказать о том, как с его санкции из Маршалов Советского Союза делают мясной фарш.

Как можно было выдержать такие мучения? Сквозь толщу столетий до нас дошли предания о юных спартанцах, сумевших сдерживать стоны даже тогда, когда лисята выгрызали им внутренности, о Муции Сцеволе, безмолвно переносившем обугливание собственной руки на огне. С юных лет миллионы россиян были потрясены рассказами о поистине былинной стойкости Стеньки Разина. На допросах он молчал. Его повели к пытке. И вот как описывает этот процесс Н.И. Костомаров: «Первая пытка была кнут -

толстая ременная полоса, толщиной в палец и в пять локтей длиной. Ему сковали назад руки и поднимали вверх, потом связывали ремнем ноги: палач садился на ремень и вытягивал тело так, что руки выходили из суставов, а другой палач бил по спине кнутом. Стенька получил таких ударов около сотни, но не испустил ни одного стога. Все, стоявшие тут, дивились. Его положили на горячие уголья. Стенька молчал. По его избитому, обожженному телу начали водить раскаленным железом; и тут молчал Стенька... Стеньке стали брить макушку... Ему начали лить по капле холодную воду. Это было такое адское мучение, которого никто не мог вынести. Стенька его вытерпел. Все тело его представляло безобразную окровавленную, опухшую массу... С досады, что его ничто не пронимает, стали Стеньку еще бить палками по ногам. Стенька молчал»³⁶⁹. Современный исследователь В.И. Буганов, тщательно изучивший «розыскное дело» С.Т. Разина, признает мужество Степана, его твердость, даже героизм в ходе страшных допросов и пыток. Но все же он пришел к выводу, что «все утверждения о том, что Разин ни слова не сказал на допросах, являются не более чем красивой легендой»³⁷⁰.

Были и в Красной армии люди особого терпения и мужества. За свою честь и достоинство воина РККА они боролись до последней возможности, до предела сил человеческих. Но ведь силы-то человека – земного существа – не беспредельны? Даже такой стойкий человек, как комбриг А.В. Горбатов, подвергшийся в те годы «физическим методам», вспоминал позднее: «Когда началась третья серия допросов, как хотелось мне поскорее умереть»³⁷¹. Находились и такие, которые готовы были заплатить своею жизнью, лишь бы хоть как-то покарать ненавистного следователя. Некоторые авторы утверждают, что комкор Н.Н. Криворучко

схватил следователя и задушил, а потом, действуя его телом, как дубиной, отбивался от охранников, пока не был застрелен³⁷².

Стремясь избежать постыдной капитуляции перед наглыми следователями, некоторые подследственные шли на крайние меры и в знак своего решительного протеста против чинимого произвола кончали жизнь самоубийством. Так поступил в тюрьме бывший заместитель начальника политуправления ЗаБВО дивизионный комиссар Г.Ф. Невраев. Еще в мае 1937 г. Особым отделом НКВД был арестован и брошен в тюрьму помощник командующего ОКДВА комкор А.Я. Лапин. Один из прославленных героев Гражданской войны, награжденный тремя боевыми орденами Красного Знамени, находившийся в свои 38 лет в расцвете сил, был доведен до такого состояния, что прямо в тюрьме 21 сентября 1937 г. покончил жизнь самоубийством. В камере нашли написанную обгоревшей спичкой записку: «Мне надоело жить, меня сильно били, поэтому я дал ложные показания и наговорил на других лиц. Я ни в чем не виновен»³⁷³. А.М. Ларина (Бухарина) в своих воспоминаниях утверждает, что бывший командующий войсками УрВО комкор И.И. Гарькавый также покончил счеты с жизнью в тюремной камере, разбив голову о ее стенку³⁷⁴.

В совместном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г., в котором констатировались и осуждались крупнейшие недостатки работы органов НКВД в ходе предварительного следствия (они, конечно, объяснялись происками «врагов народа», пробравшихся в органы НКВД и прокуратуры как в центре, так и на местах), о применении «физических методов» в ходе следствия не было сказано ни единого слова³⁷⁵. СНК и

ЦК великую тайну Политбюро хранить умели! Но когда в стране и в армии развернулось широкое обсуждение этого постановления на совместных совещаниях представителей партийных, прокурорских, судебных и карательных органов, то вместо обычно ожидаемых пустопопорожных восхвалений все громче и громче стали звучать голоса снизу, вскрывавшие и гневно осуждавшие многочисленные факты истязаний и пыток безвинных людей в застенках НКВД. Более того, зазвучали предложения тщательно разобраться во всем этом, привлечь виновных к строжайшей партийной и уголовной ответственности. Прямые обвинения в адрес НКВД стали предъявляться и со стороны руководителей местных партийных организаций.

Сталин реагировал мгновенно. Чтоб «зло пресечь», уже 10 января 1939 г. за его подписью пошла зашифрованная телеграмма секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам управлений НКВД: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б). Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»³⁷⁶.

Из текста этой шифровки можно сделать минимум три вывода. Во-первых, Сталин признает, что избиения и пытки не есть следствие садистских наклонностей сотрудников НКВД, а выполнение воли Центрального комитета ВКП(б). Во-вторых, Сталин явно старается укрыть от ответственности Политбюро ЦК. Ведь Центральный комитет ВКП(б) такого решения не принимал (по крайней мере, насколько сейчас известно), а принимало специальное постановление именно Политбюро ЦК. И в-третьих. Всем своим содержанием эта шифровка, подписанная «самим вождем», совершенно однозначно предупреждает всех «критиканов»: «Били, бьем и будем бить!» Ведь здесь, уже в январе 1939 г., черными буквами по белой бумаге написано, что все это неопишное варварство – «совершенно правильный и целесообразный метод». И все это – от имени ЦК ВКП(б)!

Напрашивается, наконец, и еще один вывод. Его нет в тексте шифровки, но он совершенно явственно вытекает из всего ее содержания. А именно: «Не смей!» Не смей не только требовать привлечения сотрудников НКВД за чинимые ими зверства, но и вообще говорить об этом, упоминать об этом. Ведь это – линия ЦК ВКП(б). А к этому времени уже каждый житель необъятной Страны Советов от седобородого аксакала до юного пионера, твердо-натвердо усвоил, кто сознанием, кто подсознанием, что всякие не то что колебания или сомнения в отношении этой линии, но даже недостаточно явная и видная поддержка ее кончатся неизбежной позорной гибелью...

В заключение этого самого печального раздела нашего повествования надо обязательно сказать, что сотрудники НКВД все-таки были разные и не все они непосредственно участвовали в избиениях и пытках подследственных (хотя и имели «право», разрешение Политбюро ЦК ВКП(б)). И вторая сторона этой проблемы

– я склонен утверждать, что и не всех подследственных обязательно избивали, бывали такие, коих миновала горькая чаша сия. Но те, кого били, как правило, по существу, переставали быть нормальными людьми, ломались, становились рабами инстинкта самосохранения и были готовы подписать любые показания, лишь бы выжить сейчас, в эту минуту, а там хоть трава не расти. Я пишу это им не в укор. Так было. Проводивший в свое время расследование по делу бывшего начальника Главного управления Гражданского воздушного флота комкора И.Ф. Ткачева бывший сотрудник НКВД М.З. Эдлин показал 14 ноября 1955 г., что Ткачев оговорил себя в результате применения к нему мер физического воздействия: «После того как ТКАЧЕВ был избит, он заявил, что готов давать любые показания, которые от него потребуются. РОГАЧЕВ предложил ТКАЧЕВУ написать заявление на имя... Ежова... Заявление ТКАЧЕВ писал под диктовку РОГАЧЕВА»³⁷⁷[\[46\]](#).

Как мы уже выяснили, «битье» оставалось одним из главных средств получения «признательных» показаний и после кровавых 1937–1938 годов. И даже в начале Великой Отечественной войны. Известно, что именно в эти дни был арестован заместитель наркома обороны СССР, Герой Советского Союза, генерал армии К.А. Мерецков. Известно также, что в своих мемуарах об этом трагическом эпизоде своей жизни он не посмел написать ни единой строчки. Что же там было? Генерал-майор в отставке А.И. Корнеев, многие годы прослуживший помощником маршала И.Х. Баграмяна, рассказал мне, как в середине 60-х годов он вместе с маршалом находился на Тираспольском учении в Молдавии и ему довелось присутствовать при разговоре двух маршалов – Баграмяна и С.К. Тимошенко. Речь зашла об отсутствующем почему-то маршале

Мерецкове, и Тимошенко рассказал о том, как однажды в «Райской группе» он спросил Мерецкова: «Что же ты, Кирилл, возвел на себя поклеп и признался, что ты глава заговора?» Мерецков ответил ему с нескрываемой обидой: «Если бы Вам, Семен Константинович, довелось претерпеть такие издевательства и муки, боюсь, что и Вы бы не выдержали. Надо мною так издевались, так меня дубасили, что я почувствовал, что я теряю рассудок... Я был готов на все, лишь бы прекратить эти мучения... Тем более что мне обещали, в случае моих признаний, не трогать семью»³⁷⁸. Разве можно, дорогой читатель, представить себе подобный разговор между двумя маршалами Наполеона?..

КУДА ЖЕ СМОТРЕЛИ ПРОКУРОРЫ?

Официальная печать (а иной и не существовало в предвоенные годы в советском обществе) была полна восторженных песнопений в честь социалистической, революционной законности. Но во всех этих казенных восторгах уже изначально были заложены несовместимые противоречия. Один из видных лидеров меньшевиков П. Гарви подметил это еще в 1924 г.: «Диктатура и конституция, диктатура и законность, диктатура и общественность – вещи несовместимые в еще большей мере, чем гений и злодейство. Конституция казармы, порядок кладбища, «руки по швам» перед властью – возможны, конечно, и при комбонапартизме. Общественность, самоуправление, законность возможны лишь в атмосфере политической свободы»³⁷⁹.

Многое, конечно, зависело от позиции прокурора СССР. Но А.Я. Вышинский потому и поставлен был на этот высокий пост, что он не только за страх, но и за совесть служил режиму в целом, его вождю в особенности. О Вышинском много писали и пишут. Большинство авторов единодушно именуют его «обер-палачом». Но при более полной его характеристике мнения разделяются. Так, безвременно скончавшийся В.А. Куманев считал, что «этот сталинский выдвиженец не был подготовлен к столь ответственному посту (речь идет о poste прокурора СССР. – О.С.) ни по своему интеллекту, ни по образованию, ни по опыту работы, ни по морально-нравственным качествам...»³⁸⁰. Что касается нравственности, то она у Вышинского была специфической, типично большевистской (нравственно все то, что помогает победе коммунизма и уничтожению его врагов), а вот насчет недостатка

интеллекта, образования, опыта работы – я никак не могу согласиться... Все это было при нем. Кроме всего прочего, Вышинский был, несомненно, один из самых выдающихся ораторов своего времени. Мне самому удалось в 1948 г. слышать его доклад в Москве и подпасть под обаяние его красноречия... Это был, по определению А. Ваксберга, «преступный златоуст», но златоуст.

Мне кажется гораздо более точной характеристика личности и роли А.Я. Вышинского, данная А. Ваксбергом: «Ревностных исполнителей, орудовавших за плотно закрытыми дверьми, в подвалах, камерах и кабинетах, хватало с избытком. Но мало кто мог столь успешно витийствовать на сцене – перед очами всего человечества, доводя до публики потаенные замыслы «отца народов», беря на себя и хулу, и хвалу, не стыдясь, а гордясь своей палаческой ролью. Во всяком случае, второго Вышинского – пусть даже слабой его копии – мы не имели»³⁸¹.

Когда один из военных прокуроров военюрист 1-го ранга М. Ишов, добившись приема у Вышинского, доложил ему о том, что органами НКВД на местах творятся беззакония, расстреливаются безвинные люди, прокурор Союза ССР заявил ему буквально следующее: «Товарищ Ишов, с каких пор большевики приняли решение либерально относиться к врагам народа? Вы, прокурор Ишов, утратили партийное и классовое чутье. Врагов народа гладить по голове мы не намерены. Ничего плохого нет в том, что врагам народа бьем морду. И не забывайте, что великий пролетарский писатель М. Горький сказал: «Если враг не сдается, его уничтожают». Врагов народа жалеть не будем»³⁸². И эту свою позицию прокурор Союза Вышинский последовательно проводил во всей своей практической работе. Тот же «прокурор-протестант» Ишов почти

сразу же после его визита к Вышинскому был сам арестован.

Что же касается возложенного на него законом надзора за соблюдением соответствующих норм в процессе предварительного следствия в НКВД, то Вышинский не просто «умыл руки», а по существу, «поджал хвост». Признавая наличие многочисленных упрощений и извращений в ходе предварительного следствия, арестованный в апреле 1939 г. бывший нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов в своих показаниях довольно исчерпывающе определил сложившуюся ситуацию: «Прокуратура СССР не смогла, конечно, не замечать всех этих извращений. Поведение Прокуратуры СССР, в частности – Прокурора СССР Вышинского, я объясняю той же боязнью поссориться с НКВД и показать себя не менее «революционным» в смысле проведения репрессий. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за этими делами и отсутствие протестов на действия НКВД в правительство»³⁸³.

Кстати, публикатор вышеприведенного заявления Ежова недавно скончавшийся генерал-лейтенант юстиции запаса Б.А. Викторов считал ссылку Ежова на боязнь Вышинского поссориться с органами НКВД недостаточно основательной и утверждает, что Вышинский (и Ульрих) «действовали так не из-за боязни Ежова»³⁸⁴, а для того, чтобы угодить Сталину. Я полагаю, что здесь имело место и то и другое. Всегда считалось, что угодить диктатору, значит обеспечить себе сохранение жизни и, может, даже приблизиться к нему. Но и всепроникающий страх перед всемогущими «органами» пронизывал души всех без исключения служилых людей советского общества – от глубочайшего низа до высочайшего верха. И, пожалуй,

можно согласиться с утверждением В. Рапопорта и Ю. Геллера, что даже Сталин не шутил, не лицемерил, когда отвечал многочисленным просителям, что он сам боится НКВД³⁸⁵.

И в самом деле, было чего бояться. Можно сказать, что как класс истребляли не только кулачество, но и прокуроров, которые лишь посмели или только могли посметь пикнуть о нарушениях «революционной законности». По некоторым данным, в 1937-1938 гг. в результате «очищения органов прокуратуры от неустойчивых и разложившихся элементов» 90 процентов областных прокуроров были сняты и по большей части уничтожены³⁸⁶.

Чтобы читатель еще более проникся ощущением атмосферы бытия прокуроров того времени, воспроизведу выявленный Б.А. Викторовым факт, уникальный даже для тех мрачных времен. Прокурор г. Витебска, член ВКПб) с 1920 г. С.Т. Нускальтер в ноябре 1937 г. проверял законность содержания арестованных в камере предварительного заключения УНКВД по Витебской области. Узнав об этом, начальник областного управления НКВД И.А. Горбеленя задал ему вопрос: «Кто его просил заниматься проверкой?» Нускальтер ответил, что он – прокурор и поэтому имеет законное право на проверку. Тогда Горбеленя втолкнул прокурора в камеру и запер его там, сказав: «Ну а теперь выполняй свои прокурорские обязанности». По указанию начальника УНКВД «на посаженного» при таких фантасмагорических обстоятельствах прокурора было искусственно создано уголовное дело, закончившееся тем, что С.Т. Нускальтер был расстрелян³⁸⁷.

Конечно, подобный случай немедленного физического уничтожения неугодного прокурора высокопоставленным функционером НКВД носил

экстраординарный характер. Но он мог произойти только в соответствующей атмосфере направляемого сверху фактического устранения прокуратуры от выполнения официально провозглашенных обязанностей. Очень характерен в этом отношении ответ Главной военной прокуратуры от 10 ноября 1937 г. на запрос военной прокуратуры ТОФ: «Прокурор вправе участвовать в допросах любых обвиняемых по делам, расследуемым в органах НКВД. Однако по делам о контрреволюционных, троцкистских, правых и др. организациях нецелесообразно прокурору вмешиваться в допросы, когда это не вызывается необходимостью»³⁸⁸.

Несмотря на незаконную приниженность работников военной прокуратуры в армии, полную их фактическую зависимость от политических органов и Особых отделов, в ряде случаев и главный военный прокурор пытался выступить против творившихся беззаконий. Во время выборов в республиканские и местные Советы летом 1938 г. в одной из частей СКВО нашелся «сверхбдительный» член участковой избирательной комиссии красноармеец Вавилин. Он подозревал красноармейца Марова в «антисоветских» настроениях и задумал вывести его на чистую воду. Он решил проверить, как Маров будет голосовать, и перед выдачей ему конверта с избирательными бюллетенями сделал внутри конверта свою отметку. При подсчете он обнаружил, что Маров голосовал против кандидатов «блока коммунистов и беспартийных» в Верховные советы РСФСР и Северо-Осетинской АССР. Вавилин, обрадованный тем, что его подозрения подтвердились, рассказал всем, кому мог, о Марове и как он его «поймал».

Известие об этом дошло до окружного руководства. Член Военного совета дивизионный комиссар К.Н.

Зимин и начальник пуокра бригадный комиссар Шарков посчитали поступок Вавилина совершенно правильным, – он-де «проявил максимум бдительности». А красноармейца Марова за его голосование против предложенных кандидатур, член Военного совета округа Зимин предложил военному прокурору СКВО «немедленно арестовать». И вот тогда, 28 июля 1938 г., главный военный прокурор РККА армвоенюрист Н.С. Розовский обращается к заместителю начальника ПУРККА Ф.Ф. Кузнецову: «Считаю точку зрения т. Зимина неправильной. Независимо от мотивов, по которым действовал т. Вавилин, он действовал неправильно и допустил разглашение тайны голосования, грубое нарушение Конституции, за что должен быть привлечен к ответственности. Считаю также неправильным решение т. Зимина об аресте красноармейца Марова за голосование против выставленных кандидатур. Последнего необходимо серьезно проверить по линии НКВД и репрессировать можно будет только в том случае, если будут установлены какие-нибудь другие основания для ареста»³⁸⁹. На этом документе имеется помета: «Послана т(елеграм)ма Зимину и Шаркову о неправильности их действий. 5.VIII.38»³⁹⁰.

О многом говорит этот документ. И о готовности некоторых красноармейцев любыми способами помогать в выявлении и выкорчевывании всех «подозрительных». И о полном пренебрежении к Конституции со стороны некоторых крупных политработников, их стремлении немедленно сажать в кутузку любого инакомыслящего, проголосовавшего «не так, как надо», как велели. И о приниженном фактически (вопреки закону) положении военных прокуроров. Член Военного совета округа считает допустимым давать военному прокурору указание, кого

именно арестовывать. А главный военный прокурор РККА вместо того, чтобы действовать строго по официальному закону, по Конституции страны, вынужден смиренно докладывать заместителю начальника Политуправления Красной армии, фактически испрашивая высочайшее соизволение на право действовать по закону. И, наконец, о том, что даже в этой затхлой и смертельно опасной атмосфере все-таки многое зависело и от профессионализма, принципиальности, смелости самих военных прокуроров, их верности своему долгу. При четко и ясно выраженной позиции прокуратуры, мало кто мог позволить себе официально не считаться с нею.

К чести некоторых военных прокуроров надо сказать, что на местах также делались попытки соблюдать какую-то законность даже в 1936–1938 гг. О ряде подобных фактов рассказано в упоминавшейся монографии Б.А. Викторова и в книге «Расправа: Прокурорские судьбы». Даже приведенные здесь факты (а они отражают далеко не все элементы сопротивления военных прокуроров произволу Особых отделов НКВД) должны убедить читателя в несостоятельности печатно высказанной точки зрения известных военных юристов Л.М. Заики и В.А. Бобренева. Так, они утверждали в 1990 г.: «Будем реалистами. Мог ли какой-то периферийный прокурор противостоять беззаконию, если сам Главный оправдывал любые способы добытая «органами» нужных им показаний? Нет, конечно»³⁹¹. По-моему мнению, это тот самый реализм, который М.Е. Салтыков-Щедрин характеризовал как «применительно к подлости».

Иное дело, что всякая попытка военных прокуроров выступить против нарушения официально изданных советских законов почти немедленно каралась. Но

борьба за соблюдение даже куцей законности нигде и никогда не была легкой. Тем более в Советском Союзе в 1937–1938 гг. Военный прокурор ЗабВО бригаденюрисст Г.Г. Суслов был исключен из рядов ВКП(б) «за систематическое смазывание и прекращение контрреволюционных вредительских дел, за полную бездеятельность в борьбе с вредительством и шпионажем, за потерю классово-бдительности и за связь с врагами народа УСПЕНСКИМ, ШЕСТАКОВЫМ и ЛАВРОВЫМ»³⁹². 23 июля 1937 г. он был арестован особым отделом ЗабВО (санкция военной прокуратуры на арест Суслова была получена лишь через три недели после того, как он уже был арестован). Его пытались обвинить «во вредительстве в области прокурорско-следственной работы». Он упорно сопротивлялся, но в середине ноября у него все-таки вырвали «признательные» показания. Затем уже в ходе предварительного следствия и на суде он от них решительно отказался. Но 2 октября 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно 28 июля 1956 г.³⁹³

С особым усердием особисты охотились за прокурорами центральных учреждений. Военный прокурор ОКДВА диввоенюрисст В.И. Малкис был арестован 15 января 1938 г. На допросе 20 июня 1938 г. он таки признал себя виновным. Как «организовывались» эти признания, можно судить по показаниям бывшего сотрудника особого отдела НКВД ОКДВА Ревенского: «...МАЛКИСА вначале допрашивал Хорошилкин, а затем поручил мне взять с МАЛКИСА собственноручные показания. Когда я принес Хорошилкину показания МАЛКИСА, то они ему не понравились потому, что в них не было лиц из ГВП. Хорошилкин тогда вызвал МАЛКИСА и заявил ему: «если

ты не дашь показаний, то на твою жену возьмем десять показаний». МАЛКИС объяснил мне, что если он даст показания об АНТОНОВЕ, то они будут вызывать сомнение у НИКИТЧЕНКО. Об этом доложил Хорошилкину и тот распорядился надеть на МАЛКИСА наручники и добиться показаний от МАЛКИСА на ГРОДКО, РОГИНСКОГО и РЫЧКОВА^[47]. При допросе МАЛКИСА мне Хорошилкин дал наручники, заявив: «Попугайте Малкиса, если он не сознается, наденьте на него наручники и добейтесь показаний». Я наручников МАЛКИСУ не применял и показаний от него не добился. Тогда Хорошилкин вызвал в кабинет МАЛКИСА и заявил: «Вам известно, что ожидает всех право-троцкистов. Вы дайте показания и Вам дадут не более 25 лет, если не дадите их, расстреляем». Таким путем он вымогал показания от МАЛКИСА»³⁹⁴.

Рогинский и Рычков как-то уцелели, а вот выдвинутый из Главной военной прокуратуры на пост заместителя наркома юстиции СССР диввоенюрист А.С. Гродко был 3 ноября 1938 г. арестован. Его обвинили в поддержании организационной связи с «заговорщиками» - бывшим военным прокурором ОКДВА В.И. Малкисом и др., которых он якобы укрывал от разоблачения и давал им указания затушевывать дела о вредительстве и диверсиях³⁹⁵. Следствие затянулось на 2 1/2 года. Видно, Гродко отчаянно сопротивлялся. Но, в конце концов, 9 июня 1941 г. Военная коллегия осудила его к ВМН. Реабилитирован посмертно.

9 февраля 1938 г. начальник Особого отдела ГУГБ НКВД ССР Н.Г. Николаев (Журид) просит Вышинского санкционировать арест военного прокурора Черноморского флота бригавоенюриста П.С. Войтеко, который, по мнению и оценке высокопоставленного особиста, «культивировал либеральное отношение к

арестованным, тормозил ведение следствия, запрещал допрашивать арестованных после 12 часов ночи»³⁹⁶. За выполнение своего прокурорского долга бригавоенюрист Войтеко был арестован, и готовая на любую подлость Военная коллегия Верховного суда СССР 28 февраля 1940 г. приговорила его к длительному сроку заключения, отбывая который он и умер в 1945 г.

Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 сентября 1938 г. был осужден к расстрелу бывший военный прокурор Краснознаменного Балтийского флота, член ВКП(б) с 1905 г. бригавоенюрист И.М. Стурман. Наряду со штампованным обвинением «участник контрреволюционной латвийской националистической организации», ему инкриминировалось также и то, что «используя свое служебное положение, выступал в защиту участников антисоветских организаций»³⁹⁷.

Подобные набеги особистов с целью беспощадного уничтожения в прокурорском корпусе всех, кто только помыслить посмеет о соблюдении «социалистической законности», неумолимо вели к значительному опустошению рядов военных прокуроров. По некоторым данным, в СибВО после ареста военного прокурора П. Нелидова и других работников остался один помощник прокурора, которому надлежало «изучить» около 500 дел. В Красноярском гарнизоне надзор за краевым УНКВД «осуществлял» красноармеец Ериков. В Новосибирске обязанности военного прокурора исполнял только что назначенный интендант 2-го ранга, а следователя прокуратуры – красноармеец³⁹⁸.

Наверное, правильно говорят, что последней умирает надежда. И у многих сотен тысяч людей, брошенных в застенки НКВД и на собственной шкуре испытавших полную свою беззащитность от беспредела всемогущих «чекистов», все еще теплилась надежда на

прокуратуру Союза. Как же, она ведь самая справедливая, долбили изо дня в день по радио и в газетах. Заключение даже в самом страшном сне не могли бы подумывать о том, что в этой самой союзной прокуратуре еще в апреле 1938 г. было решено часть непрерывно поступающих жалоб без всякой проверки складывать в особые папки. Работавшая в 1939 г. в прокуратуре комиссия КПК при ЦК ВКП(б) обнаружила в этих тюках 160 тыс. документов³⁹⁹. Подобная же установка «не рассматривать жалобы» действовала и в главной военной прокуратуре. К моменту снятия с должности главного военного прокурора армвоенюриста Н.С. Розовского, здесь накопилось около 100 тыс. жалоб от арестованных военнослужащих РККА и членов их семей на необоснованные аресты, незаконные методы следствия⁴⁰⁰.

Одним словом, невыполнение и даже попрание прокуратурой своего элементарного долга были столь вопиющими, что Совнарком СССР и Центральный комитет ВКП(б) в своем уже упоминавшемся совершенно секретном совместном постановлении «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г., признав наличие крупнейших недостатков в организации и проведении предварительного следствия в системе НКВД, вынуждены были констатировать: «Органы прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконяют эти нарушения»⁴⁰¹.

В этом постановлении был намечен целый ряд серьезных мер по ликвидации вскрытых грубых

извращений в организации следствия. Органы НКВД обязывались при производстве следствия в точности соблюдать все требования Уголовно-процессуального кодекса. Отныне все следователи органов НКВД в центре и на местах назначались только по приказу народного комиссара внутренних дел СССР. В свою очередь, органы прокуратуры обязывались «в точности соблюдать требования Уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД». В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие было установлено, что все прокуроры, осуществляющие надзор за производимым органами НКВД следствием, утверждаются Центральным комитетом ВКП(б) (по представлению соответствующих партийных комитетов и прокуратуры Союза ССР). Обратив особое внимание всех работников НКВД и прокуратуры «на исключительное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому», СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупредили их, что «за малейшее нарушение советских законов и директив Партии и Правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности»⁴⁰².

Прошло всего несколько дней, и 26 ноября 1938 г. за подписью нового наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии был издан приказ № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК ССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.». «В целях неуклонного проведения в жизнь» этого постановления в приказе НКВД СССР формулировалось 18 соответствующих указаний, коими должны были руководствоваться все органы НКВД. Прежде всего объявлялись утратившими силу либо

отменялись 18 наиболее одиозных приказов, циркуляров и распоряжений НКВД СССР, изданных за период от 25 июля 1937 г. по 21 сентября 1938 г. Чтобы действия не расходились с законом, наконец-то было приказано снабдить весь состав оперативных работников НКВД Центра и на местах экземплярами уголовных кодексов и уголовно-процессуальных кодексов (пункт 16). Все следственные дела, находившиеся в производстве в органах НКВД, должны оформляться и в дальнейшем направляться в суды (как правило) или на Особое совещание при НКВД СССР (лишь с заключением прокурора в случаях, когда в деле имеются обстоятельства, препятствующие передаче дела в суд) «с точным соблюдением соответствующих статей постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года и настоящего приказа» (пп. 7 и 13). Казалось бы, все хорошо, законность торжествует! Но, ратуя за скорейшее и решительное устранение всех недостатков и извращений в работе органов НКВД, новый нарком требовал «коренного улучшения организации дальнейшей борьбы за полный разгром всех врагов народа...»⁴⁰³.

В конце 1938 г. - начале 1939 г. в Красной армии прошла целая серия окружных совещаний оперативных работников военных прокуратур и военных трибуналов. На этих совещаниях с присутствием представителей Военной коллегии Верховного суда СССР и Главной военной прокуратуры РККА детально обсуждались итоги работы ВП и ВТ данного округа в свете оценок и указаний, содержащихся в совместном постановлении СНК и ЦК от 17.XI. 1938 г. На таком совещании 15-16 января 1939 г. в ЗакВО присутствовало 40 человек. Среди них командующий войсками комкор И.В. Тюленев, член Военного совета бригадный комиссар Я.А. Доронин, начальник пуокра полковой комиссар

Санакоев, начальник штаба ЗакВО комдив Ф.И. Толбухин, военный прокурор округа диввоенюрист Румянцев, председатель ВТ бригавоенюрист Стельмахович, член Военной коллегии Верховного Суда СССР диввоенюрист А.М. Орлов, заместитель главного военного прокурора РККА диввоенюрист А.Х. Кузнецов и др.⁴⁰⁴

В целях проверки выполнения органами НКВД и прокуратуры постановления СНК и ЦК от 17 ноября 1938 г., в НКВД СССР 19 февраля 1939 г. было созвано совещание, в котором приняли участие 26 начальников областных и краевых УНКВД и наркомов внутренних дел союзных и автономных республик и ряд ответственных работников прокуратуры Центра и периферии. Совещание вскрыло, что прокурорский надзор за следствием как в центре, так и, в особенности, на периферии осуществляется все еще весьма слабо. Сразу же после этого совещания Берия и Вышинский издадут совместный приказ № 00156 от 20 февраля 1939 г. «О мероприятиях по обеспечению выполнения Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Здесь было высказано немало указаний и рекомендаций, направленных на усиление и совершенствование прокурорского надзора. В заключении говорилось: «4. Настоящий приказ зачитать на совместных оперативных совещаниях работников органов НКВД и прокуратуры и наметить необходимые практические мероприятия»⁴⁰⁵.

На региональных совещаниях на основе анализа практической работы военных прокуратур и трибуналов вырисовывалась неприглядная, но довольно объективная картина. На совещании в Ростове-на-Дону 23 апреля 1939 г. военный прокурор войск НКВД Ростовской области военюрист 1-го ранга Артименков

говорил о том, что пересмотром дел, находящихся в производстве органов местного УНКВД, в том числе и в Особом отделе, были вскрыты грубейшие нарушения уголовно-процессуального кодекса (УПК): «Следствие в большинстве случаев производилось необъективно с явным нарушением ст. ст. 111, 112 и 114 УПК. Следствие главным образом стремилось к тому, чтобы добиться признания вины обвиняемым. Протоколы допросов в большинстве случаев печатались на машинке, которые подвергались предварительной, так называемой «корректировке», с внесением в протоколы допроса явно выдуманных формулировок, вроде того, что обвиняемый извинился перед следователем в том, что долго не признавал своей вины. Допросы обвиняемых своевременно в протокол допроса не фиксировались. Ходатайства обвиняемых о производстве тех или иных следственных действий в ряде случаев не удовлетворялись. Показания обвиняемых соответствующим образом не проверялись, не подкреплялись соответствующим доказательственным материалом. В протоколах допроса в целом ряде случаев фиксировалось, что такой-то состоял членом к.-р. организации, в чем конкретно выразилось его участие в к.-р. организации, когда, кто, где и при каких обстоятельствах его завербовал, какую к.-р. работу он конкретно проводил – не указывалось»⁴⁰⁶.

На подобном совещании в КОВО в апреле 1939 г. выступил представитель Особого отдела ГУГБ НКВД СССР С.Л. Лось. Он оценил, что постановление СНК и ЦК ВКП(б) следственными органами НКВД и военной прокуратуры проводится в жизнь плохо: «Много арестованных находится под стражей без продления срока, согласно закону. 50 % всех следственных дел имеют нарушение сроков содержания под стражей.

Постановление же ЦК требовало выполнения всех требований УПК. Время начала и окончания допроса обвиняемых не записывается. Не записывается отказ обвиняемого от показаний»⁴⁰⁷.

В мае 1939 г. вопрос о работе военной прокуратуры и военного трибунала САВО специально заслушал и обсудил Военный совет округа (командующий – командарм 2-го ранга И.Р. Апанасенко, член Военного совета дивизионный комиссар М.С. Петренко и временно исполняющий обязанности начштаба САВО майор Ионычев). В своем постановлении № 15 от 10 мая 1939 г. Военный совет САВО отметил, что «наряду с большой работой, проведенной в деле выкорчевывания и уничтожения врагов народа, в практике работы ВП САВО имело место проявление фальшивой бдительности... трусливая перестраховка и неумение разобраться с материалами дела, и отсюда неосновательные аресты, необоснованное предание суду и обвинения в тягчайших контрреволюционных преступлениях людей, неповинных в этих преступлениях»⁴⁰⁸. В последнем – 10-м – пункте постановления говорилось: «Военный прокурор округа бригавоенюрист тов. Степанов с работой прокурора не справляется»⁴⁰⁹.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 мая 1939 г. А.Я. Вышинский был назначен заместителем председателя Совнаркома СССР с освобождением от обязанностей Прокурора Союза. С одной стороны, это было безусловное служебное повышение, но с другой – кончалась определенная эпоха страшного «прокурорства» Вышинского. За короткий срок с его непосредственной помощью были умерщвлены многие десятки тысяч безвинных людей. Особенно кровенасыщенно он поработал в жутком тандеме с Ежовым. И как же по-разному сложилась судьба этих

кровавых поделщиков. К 1939 году совершенно ясно было, что «их самый славный час» прошел, кончился. И уже 10 апреля 1939 г. вчера еще всесильный и наводивший смертельный страх на всех жителей самой большой в мире страны Ежов был тайно арестован. А его верный сочлен по «высшей двойке», махровый беззаконник в прокурорской тоге, не только уцелел, но и сумел продвинуться вверх, поближе к всемогущей «инстанции». Новым прокурором СССР был назначен сравнительно малоизвестный стране, проработавший до того немногим более одного года прокурором РСФСР, бригадвоенюрист М.И. Панкратьев⁴¹⁰.

Важным документом, позволяющим лучше понять суть развернувшихся в стране процессов к лету 1939 г., является совершенно секретный типографски изданный совместный приказ № 136 от 25 июля 1939 г., подписанный наркомом внутренних дел СССР Берией, прокурором Союза ССР Панкратьевым и народным комиссаром юстиции СССР Рычковым. В этом приказе отмечалось, что несмотря на ряд указаний и директив НКВД СССР, Прокуратуры СССР и Наркомюста СССР о порядке выполнения решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., в следственной работе органов НКВД и в работе прокуратуры по осуществлению надзора и в работе судов и военных трибуналов по рассмотрению дел о контрреволюционных преступлениях все еще имелись серьезные недочеты.

Когда внимательно вчитываешься в строки этого приказа, складывается впечатление, что высших тогда блюстителей законности больше всего напугало то, что прокуроры и суды на местах всерьез взялись за выполнение определенных им законом функций по охране прав граждан. Прокурор Союза и наркомы в совместном приказе сетуют на то, что, мол, органы прокуратуры и суда возвращают дела в органы НКВД на

доследование, «без достаточных тому оснований или по маловажным поводам, ставя порой невыполнимые требования (о допросе лиц, осужденных к ВМН, выбывших из СССР, активно разрабатываемых и т. д.)»⁴¹¹. Очень специфический менталитет у Берии, Панкратьева и Рычкова. Значит, если никаких доказательств нет, кроме зафиксированных органами предварительного расследования (НКВД) «показаний» уже расстрелянных лиц, все равно осуждай! И не пытайся что-либо доследовать, тем более проверять.

Но больше всего Берию напугал такой «недочет», как массовое возвращение дел. За период с 1 января по 15 июня 1939 г. прокуратурой и судами было возвращено на доследование органам НКВД свыше 50 % следственных дел, а по отдельным краям и областям процент возвращенных дел был еще выше. Так, по Челябинской области из направленных в органы суда и прокуратуры за тот же период дел на 1559 человек, возвращено дел на 1599 человек. УНКВД по Алтайскому краю направлено в суд и прокуратуру дел на 661 человека, получено возвращенных на 787 человек («излишек» возвращенных дел представляют дела, направленные в прокуратуру и судебные органы до 1 января 1939 г.).

Истинный смысл этого приказа состоял, по моему мнению, в том, чтобы как-то «окоротить» прокуратуру и суды. Предложив органам НКВД быстрее окончить следствие по старым делам, заведенным еще до 1939 года и в процессе следствия с необходимой полнотой выяснять обстоятельства дела по всем пунктам обвинения, Берия, Панкратьев и Рычков потребовали от органов прокуратуры обеспечить реальный надзор за ходом предварительного следствия и уже здесь устранять замеченные недочеты следствия; «в случае необходимости» самим проводить дополнительные

следственные действия. Судам же предписывалось «возвращать» к доследованию только те дела, по которым недостатки предварительного следствия нельзя восполнить в судебном заседании»⁴¹². Кроме того, прокурорам, выступающим в суде, рекомендовалось возбуждать в установленном порядке протесты в случае вынесения судом необоснованного оправдательного приговора или определения о возвращении дела на доследование⁴¹³.

Значительное место на региональных совещаниях занял вопрос о привлечении к ответственности тех сотрудников НКВД, которые особо «отличились» в нарушении элементарных прав граждан. Говоря об этой проблеме, военный прокурор войск НКВД Грозненского участка военюрист 3-го ранга Жданов сказал: «Характерно дело об обвинении СУПОНИНА, который при допросе арестованных убил троих, и один арестованный пропал вовсе без вести, хотя по материалам ДТО^[48] он числится осужденным. Мною предложено произвести розыск этого арестованного, но есть предположение, что и он тоже убит»⁴¹⁴.

Военный прокурор войск НКВД Сталинградской области военюрист 3-го ранга Купцов предостерег о необходимости особенно тщательного подхода при решении вопроса о привлечении сотрудников НКВД к ответственности. Он рассказал, что в процессе проверки им были установлены факты необоснованности привлечения к уголовной ответственности некоторых бывших сотрудников УНКВД и РКМ, которые, по существу, являлись «сигнализаторами», т. е. выступили с критикой руководства УНКВД и конкретных сотрудников, применявших незаконные методы следствия. И именно они, выступившие с критикой, оказались арестованными и без ведома военной прокуратуры

содержались длительное время под стражей, «а настоящие преступники, нарушители законов продолжают работать»⁴¹⁵. Сформировавшаяся, устоявшаяся, обладающая официальной, а еще более неофициальной, чуть ли не абсолютной властью, репрессивно-карательная система умела постоять за себя и продолжала беспощадно расправляться со всеми ее «критиканами».

Большая «чистка» была проведена и в Особом отделе Главного управления госбезопасности, а также в других отделах ГУГБ и в Наркомате внутренних дел СССР в целом. Применительно к довоенному времени, очевидно, можно довольно определенно говорить о двух больших волнах этой чистки. Первая – это в основном с начала 1937 г. и до конца 1938 г., когда назначенный наркомом внутренних дел СССР Ежов и его окружение «очищали» аппарат НКВД в центре и на местах от «ягодцев», т. е. тех, кто работал совместно или под началом объявленного «врагом народа» и расстрелянного в марте 1938 г. Ягоды.

Но прошло совсем немного времени, как в конце 1938 г. был освобожден от работы в НКВД и Ежов «согласно его просьбе». Ежов действительно такую письменную просьбу в адрес Политбюро ЦК ВКП(б) направил. Она впервые опубликована в 1992 г. В ней он перечислил пять своих персональных недостатков (в основном: недосмотрел, «недорубил», не принял достаточных мер чекистской предупредительности и т. п.). Обращаясь с просьбой об освобождении его от работы наркома внутренних дел, Ежов не смог удержаться от выражения чувства глубокого удовлетворения от проделанной им палаческой работы. «Несмотря на все эти большие недостатки и промахи в моей работе, должен сказать, что при повседневном руководстве ЦК НКВД погромил врагов здорово»⁴¹⁶.

Следствие по делу Ежова велось около 10 месяцев. 4 февраля 1940 г. он осужден и 6 февраля 1940 г. расстрелян. А в органах НКВД уже с конца 1938 г. поднялась вторая волна «очистки».

На этот раз «чистили» от «ежовцев», т. е. от всех тех, кто работал вместе и под руководством Ежова. А в таком положении находилось абсолютно подавляющее большинство сотрудников НКВД. Основной смысл и задача второй волны состояли в том, чтобы для миллионных масс советских трудящихся и для зарубежного общественного мнения найти козла отпущения и тем самым скрыть истинно вдохновляющую, организующую, направляющую и руководящую роль высшего партийного руководства, прежде всего Политбюро ЦК КП(б) и лично Сталина в организации и проведении в стране массового террора. Кроме того, стремились убрать, заставить замолчать (как правило, навеки) непосредственных исполнителей, активных участников тотального террора и даже очевидцев, как возможных свидетелей.

Кое-кого из вчерашних сотрудников НКВД расстреливали и «в особом порядке», но основную массу арестованных энкавэдэшников все-таки пропускали через процедуру осуждения – либо постановлением Особого совещания при НКВД СССР, либо даже приговором Военной коллегии Верховного суда СССР. При всем своеобразии дел и индивидуальных судеб различных сотрудников НКВД можно выделить две основных больших группы осужденных:

- 1) как участники якобы существовавшей в органах НКВД (и особенно – в центральном аппарате НКВД СССР) контрреволюционной организации. Немало бывших функционеров карательных органов было осуждено и по обвинению в участии в придуманных новыми следователями «Анτισоветском военно-

фашистском заговоре в системе ГУПВО НКВД СССР», в «Военно-фашистской и шпионской организации троцкистов и правых, действовавших в конвойных войсках НКВД СССР» и т. п.

2) За нарушения и извращения социалистической законности.

В свете современных знаний о сравнительно недавнем нашем прошлом можно достаточно уверенно утверждать, что никакого оформленного заговора в системе НКВД в конце 30-х годов не существовало. Просто и в данном случае был использован один и тот же любившийся верховной власти прием фальсификации «очередного» заговора (по типу «военно-фашистского заговора в РККА»). Кстати, руководителем «заговора в системе НКВД» (а заодно - и английским шпионом) был определен и наречен некто иной, как бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПб), секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности СССР Н.И. Ежов. По этому же обвинению в «заговорщичестве» были осуждены многие ответственные сотрудники центрального аппарата НКВД СССР (в том числе заместители наркома внутренних дел Л.М. Заковский и М.П. Фриновский), начальники и функционеры аппаратов НКВД союзных и автономных республик, областных и краевых управлений НКВД.

В то же время значительное количество энкавэдэшников были привлечены к ответственности по ст. 58—7 Уголовного кодекса РСФСР (и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик) за незаконные аресты советских граждан, фальсификацию следственных материалов и применение к арестованным мер физического воздействия. Правда, в ходе этих разбирательств неоднократно

подтверждалась справедливость народной поговорки: «Сам себя больно не побьешь». Нередко сотрудники НКВД, неопровержимо уличенные в грубых нарушениях и извращениях даже тогдашней «социалистической законности», отделялись лишь легким испугом. Так, например, в апреле 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян бывший начальник ОРПО политуправления Черноморского флота полковой комиссар И.А. Орловский. Уже в 1939 г. выяснилось, что его следственное дело было сфальсифицировано. Принимавшие участие в этой фальсификации сотрудники особого отдела НКВД Черноморского флота Савченко и Кадиков были наказаны – но все их наказание ограничилось лишь тем, что они были уволены из органов госбезопасности⁴¹⁷. Однако так повезло далеко не всем сотрудникам, привлеченным к ответственности по ст. 58—7. Многие из них были осуждены к длительным срокам тюремного заключения, а то и к расстрелу.

Настал черед для «выкорчевывания» и в самом Главном Управлении госбезопасности (ГУГБ). Был осужден и расстрелян его начальник, один из самых опытных и кровожадных палачей – Я.С. Агранов. Расстреляны и последовательно сменявшие друг друга начальники Особого отдела армии и флота ГУГБ НКВД СССР – М.И. Гай, И.М. Леплевский, Н.Г. Николаев (Журид), Н.Н. Федоров. Расстреляны (или осуждены на длительные сроки тюремного заключения) ведущие сотрудники Особого отдела ГУГБ Авдеев, В.С. Агас (Мойсев), А.А. Арнольд (Кессельман), Гатов, В.Л. Герсон, Гейман, А.П. Жадан, Л.П. Жданов, М.А. Листенгурт, А.М. Минаев-Цикановский, З.И. Пассов, Б.Г. Рогачев (Цифронович), М.Г. Тительман, З.М. Ушаков (Ушимирский), Я.М. Чехов-Монастырский и др.

Такая же судьба постигла начальников и сотрудников особых отделов НКВД в окружном и флотском звене. Были осуждены:

- по ОКДВА и ДВК: Л.О. Альтгаузен, А.П. Белоусов, С.А. Браминский, Булатов, Г.Ф. Горбач, Н.Н. Еремичев, Иванов-Сегаль, И.Г. Кротов-Ковалев, С.Е. Либерман, Ю.А. Пенаков, Поминов, Л.М. Хорошилкин, М.П. Чернышев-Малынич, С.Л. Штейнберг-Вышковский;

- по ЗабВО: Васюк, Видякин, Гапонцев, Жирнов, Зиновьев, Логачев, Лушкин, Розанов, Сарычев, Семенюк, Скакунов, Хорхорин;

- по СибВО: Авдеев, Биринбаум, Перминов, Шутилин;

- по УрВО: С.И. Граховский, Железцов, Мозжерин, П.В. Чистов;

- по СКВО: Бесчинский, Биск, Сагайдак, Соколов;

- по ЗакВО: Алтаев, Максименко, Шутов;

- по КБФ: Альтман, Бабич, Бирн, Болтенко, Резник, Самохвалов, Фурсик, Хомяков, Шапиро.

Возникает законный вопрос: так, кто же они? Палачи или жертвы? Ведь осудившая их Военная коллегия Верховного суда СССР и в 1939-1940 гг. в основном работала в том же автоматическом режиме мгновенного или замедленного истребления всех попавших в ее жернова. Невольно появляется соблазн и осужденных тогда этой безжалостной коллегией всех бывших сотрудников НКВД отнести к числу безвинных страдальцев. По моему представлению, именно против этого соблазна не устоял и Д.А. Волкогонов. В своей широко известной книге он счел возможным напечатать такое умозаключение: «По имеющимся данным, в конце 30-х годов погибли более 23 тысяч чекистов, пытавшихся затормозить раскручивание маховика насилия»⁴¹⁸. Нечего и оговаривать, что одна эта фраза содержит информацию исключительной важности. К сожалению, в данном случае уважаемый автор отступил

от обычно строго им соблюдаемой документированности своего изложения и привел эти данные без ссылки на использованный им источник.

Во время защиты Д.А. Волкогоновым докторской диссертации по истории мне удалось все-таки выяснить тот источник, на который он опирался в данном случае. По его заявлению в ходе защиты, это была справка первого заместителя председателя КГБ СССР генерала армии Ф.Д. Бобкова. Мне трудно судить о достоверности этого утверждения, не зная, какими именно данными располагал заместитель председателя КГБ и, самое главное, по какому принципу он отделял овец от козлиц. Вполне допускаю, что цифра «23 тысячи уничтоженных чекистов» довольно точная. Но где доказательства, что все они подверглись своей участи за сопротивление произволу? И что все они – лишь жертвы? Не логичнее ли предположить, что все они были в 1937–1938 гг. в роли палачей, а в 1939–1940 гг. большинство из них вполне закономерно постигла суровая кара за совершенные ими акты палачества?

Повысилась требовательность и к прокурорам. Вышинский сумел сухим выйти из воды. А вот его заместитель Рогинский оказался менее удачливым. Политбюро ЦК ВКП(б) 5 августа 1939 г. утвердило следующее постановление КПК при ЦК ВКП(б): «За преступное отношение к жалобам и заявлениям, поступающим в Прокуратуру Союза ССР, т. Рогинского, несущего непосредственную ответственность за работу аппарата по жалобам и заявлениям, снять с работы зам. Прокурора СССР. Поручить партколлегии КПК обсудить вопрос о его партийном положении»⁴¹⁹. Дело дошло до того, что ряд военно-прокурорских работников, обвиненных в преступной халатности к возложенным на них обязанностям по осуществлению надзора за

следствием в органах НКВД, были привлечены к судебной ответственности. Военной коллегией Верховного суда СССР по этому обвинению были осуждены в январе 1940 г. бывший старший помощник военного прокурора БОВО бригавоенюрист И.Д. Киселев и бывший помощник военного прокурора ХВО военюрист 1-го ранга Л.С. Генкин, а в июне 1940 г. – бывший военный прокурор МВО бригавоенюрист Н.П. Деев.

По-разному складывалась судьба арестованных. Кого это несчастье постигло в 1937-1938 гг., да еще по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре, того почти неизбежно ждали расстрельный приговор Военной коллегии Верховного суда СССР и пуля «исполнителя». Но те, кому удалось дожить до 1939-1940 гг. и кто был арестован в эти годы, получили хоть какой-то проблеск надежды сохранить жизнь, не подвергнуться немедленному истреблению. О том, что начиная с 1939 г. появились хоть какие-то элементы объективности в ходе предварительного следствия, свидетельствует справка о письмах арестованных и членов их семей, направленных в НКВД 25 марта и 25 апреля 1939 г. Всего за эти дни было направлено 433 таких письма, в том числе 357 – от бывших военнослужащих и членов их семей и 76 – от гражданских лиц. Ответов на эти письма поступило 65 (т. е. всего 15 %). Характер этих ответов распределился следующим образом:

а) осуждены правильно (по мнению НКВД), необходимости пересмотра нет – 23 человека;

б) следствие закончено, дело передано в суд или на Особое совещание НКВД – 12 человек;

в) следствие продолжается – 8 человек;

г) дело прекращено, из-под стражи освобождены – 10 человек;

д) осуждены к ВМН, приговор приведен в исполнение - 2 человека⁴²⁰.

Всего за 1939 и 1940 годы из приемной НКО СССР было направлено в НКВД, Военную коллегия Верховного суда и прокуратуру СССР 3554 письма от репрессированных, из коих 2434 письма - от бывших военнослужащих⁴²¹.

Несколько по-новому стали складываться и взаимоотношения прокуроров с Особыми отделами. Начальник 3-го отдела ЛВО майор госбезопасности А.М. Сиднев 5 марта 1941 г. обращается прямо к назначенному в августе 1940 г. новому Прокурору СССР В.М. Бочкову (кстати, минуя своего непосредственного начальника - начальника 3-го управления НКО А.Н. Михеева) с докладной запиской со страшным по тем временам заглавием: «Об антигосударственной практике военной прокуратуры ЛВО при рассмотрении дел о контрреволюционных преступлениях». По мнению особиста, криминал состоял в том, что в практике работы спецчасти военной прокуратуры ЛВО, возглавляемой помощником военного прокурора округа Камыниным, якобы имеют место огульные, без наличия веских аргументов, решения о прекращении дел по контрреволюционным преступлениям с освобождением обвиняемых из-под стражи. И вообще чувствуется, что военный прокурор Камынин прямо как кость в горле для особиста. Видите ли, Камынин «распространяет слухи» среди подчиненных ему работников, что абсолютное большинство расследованных органами НКВД дел не внушают доверия. Камынин просто прекращает дела, когда свидетелями, а тем более заявителями выступают секретные сотрудники НКВД (сексоты, стукачи). Камынин занимается «охаиванием органов» - он до настоящего времени не изменил своих убеждений в отношении к делам 1937-1939 годов, следствие по

которым вели органы НКВД. В заключение разгневанный особист просит Прокурора СССР поставить вопрос перед наркомом обороны и ЦК ВКП(б) об увольнении семи человек из органов военной прокуратуры⁴²².

Из Прокуратуры СССР докладная записка Сиднева была переслана главному военному прокурору, по распоряжению которого была произведена соответствующая проверка. Докладывая 25 апреля 1941 г. начальнику Главного управления политпропаганды Красной армии армейскому комиссару 1-го ранга А.И. Запорожцу, новый главный военный прокурор диввоенюрист Носов дал решительный отпор домогательствам особиста, заявив, что докладная записка Сиднева составлена тенденциозно, что сведения, изложенные в ней, не соответствуют действительности или до крайности извращены, что она является клеветническим документом. Считая, что Сиднев до сих пор не отказался от порочных методов работы, главный военный прокурор просил «принять зависящие меры»⁴²³.

Оценивая в целом содержание и значение совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», надо заметить, что и в нем содержалось немало лицемерия, столь органически присущего однопартийной диктатуре. И когда Политбюро ЦК ВКП(б) предпринимало эту акцию, то оно думало не только и не столько о восстановлении попорченной им же самим справедливости, сколько о сохранении собственной безграничной власти. К концу 1938 г. всякому непредубежденному очевидцу было ясно, что дальнейшее усиление массового террора или даже сохранение его в прежних размерах может привести к краху, к окончательной потере

квалифицированных специалистов, к полному безразличию широких слоев народа к любым призывам ВКП(б). Нужна была отдушина, нужно было выпустить пар, нужен был козел отпущения. Что и было проделано.

Но при всем при том постановление от 17 ноября 1938 г. объективно сыграло важную роль. И хотя на смену одному палачу - Ежову пришел не менее зловещий и изощренный палач - Берия, и хотя тоталитаризм не только сохранялся, но всемерно укреплялся, а борьба с врагами народа по-прежнему провозглашалась и оставалась одной из главных задач генеральной линии партии и всего государственного аппарата, все же отождествлять годы 1937-1938 и 1939-1941 никоим образом нельзя. 1937 и 1938 годы - годы невиданного еще беспредельного террора в нашей стране - ушли в прошлое, канули в Лету.

...Рассмотрим же наконец ту последнюю ступеньку по дороге в вечное небытие, на которую предстояло вступить многим тысячам военнослужащих РККА. Это был, как тогда писали, «самый справедливый в мире» советский суд, куда поступали подготовленные в органах НКВД следственные дела с утвержденным прокурором обвинительным заключением для окончательного решения.

Часть четвертая

ПОДОБИЕ СУДА

Приговор суда – памятник эпохи.

А.Ф. КОНИ

РАССТРЕЛИВАЛИ И БЕЗ СУДА

Конечная цель предварительного следствия состояла в том, чтобы подготовить обвинительное заключение, достаточно убедительное для утверждения его прокурором, и направить это заключение в суд. Ибо при всем беспредельном могуществе органов НКВД в 1937-1938 гг. официальная линия в решении судьбы арестованных военнослужащих РККА предписывала неременное судебное оформление их уничтожения.

К настоящему времени многочисленные публикации весьма аргументированно доказали, что на протяжении всего советского периода в жизни России ни о какой независимости судебной власти говорить нельзя. Но даже при том, что любые суды в Советском Союзе всегда были готовы по-лакейски угодливо исполнить волю высшего партийного синедриона и его охранного ведомства, все же руководство партии и страны прибегло к созданию целой системы несудебных органов. Краткая, но емкая их характеристика уже дана в опубликованной в 1989 г. справке¹, поэтому я в этом разделе постараюсь рассказать лишь о роли и месте несудебных органов в уничтожении военных кадров в 1937-1941 гг.

Почему же так много было создано всяческих несудебных инстанций? Ведь, кроме давно уже существовавшего Особого совещания при НКВД СССР, была создана так называемая «высшая двойка», состоявшая из наркома внутренних дел и Прокурора Союза ССР. Появились тройки НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей, а затем и особые тройки, состоявшие из первого секретаря соответствующего комитета ВКП(б),

начальника управления (отдела, отделения) НКВД и прокурора...

Один из вариантов ответа на этот вопрос содержится в коллективном письме 15 бывших военнослужащих из Читы (от лейтенанта до майора) от 30 ноября 1939 г., адресованного Сталину (копия – Ворошилову): «Пишем коллективно ввиду того, что администрация О... исправительно-трудовой колонии не предоставила нам бумаги для писания жалоб. Начальник Читинского НКВД Хорхорин, его замы Крылов и Видякин били... Созданные таким путем провокационные дела, естественно, не могли рассматриваться нормальными судами, где мы могли бы давать правдивые показания и тем самым разоблачить гнусную клевету, искусственно подобранную в делах. Очевидно, только поэтому дела наши были направлены на заочное рассмотрение в Особое совещание НКВД»².

И действительно, все эти несудебные органы были как бы «родными» для следователей НКВД. Ведь при всей их изощренности и фальсификаторских ухищрениях нередко очередное «дело» оставалось настолько необоснованным, что его даже в совершенно рептильный в 1937–1938 гг. суд военного трибунала или Военной коллегии Верховного суда СССР передавать было как-то неудобно. И мало ли что может на суде выкинуть «неразоружившийся военный заговорщик»? И вот тут-то в любую минуту незадачливых следователей могли выручить несудебные органы, творившие свою расправу, как правило, без вызова подсудимых, заочно, по спискам, и «спасавшие» самое «рассыпающееся» дело.

Мрачную известность имело Особое совещание при народном комиссариате внутренних дел СССР. Оно было утверждено в 1934 г., а упразднено лишь 1 сентября 1953 г. Председателем этого совещания был нарком

внутренних дел СССР, а членами: заместитель наркома, уполномоченный НКВД по РСФСР, начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции и нарком внутренних дел той союзной республики, на территории которой возникло дело. Вначале этому совещанию было предоставлено право применять «к лицам, признаваемым общественно-опасными» ссылку, высылку и заключение в лагерь сроком до 5 лет, а затем эти права были значительно расширены вплоть до применения высшей меры наказания.

Судя по изученным надзорным производствам, были осуждены Особым совещанием в 1937-1938 гг. к ВМН полковник запаса И.Я. Карасик, капитан 1-го ранга П.А. Штейнгаузен. Значительная группа военных была этим совещанием отправлена в тюрьмы и лагеря на различные сроки и именно там встретили свой смертный час. Среди них: корпусной комиссар И.П. Петухов, флагман 2-го ранга Д.П. Исаков, дивизионный комиссар А.С. Лоос, комбриги А.И. Залевский, А.М. Тарновский-Терлецкий, Е.М. Тихомиров, бригадный комиссар В.Я. Шилкин, бригвоенюрист А.Г. Сенкевич, полковник Д.И. Артамонов, полковой комиссар А.Р. Медведев, интендант 1-го ранга К.Г. Тракман, майор С.И. Кальва. Свою кровавую жатву Особое совещание продолжало собирать и в последующие годы. В один день - 13 февраля 1942 г. - постановлением ОСО были приговорены к расстрелу генерал-лейтенанты авиации Герои Советского Союза Е.С. Птухин и П.И. Пумпур, комдивы Н.Н. Васильченко, И.П. Сергеев, А.А. Тальковский, генерал-майоры М.И. Петров и Герой Советского Союза Э.Г. Шахт.

Известно также, что уже с первых месяцев после взятия власти в стране большевиками имели место расстрелы «в особом порядке». Ю. Фелыптинский, например, сообщает о таком факте. Когда перед созывом Учредительного собрания проходило

совещание группы членов ЦК, то из кармана повешенного В.И. Лениным на вешалке пальто кто-то украл револьвер. «Начали розыски. Вора нашли. Им оказался один из матросов, охранявших Собрание. Его вывели в сад и немедленно расстреляли»³. Порядок расстрела, безусловно, «особый». А через несколько недель право бессудного расстрела «на месте преступления» было предоставлено вполне официально, декретом Совнаркома РСФСР от 21 февраля 1918 г.⁴.

Историкам еще только предстоит изучить, сколько таких расстрелов «в особом порядке» было в годы Гражданской войны и после нее. Но то, что они были и в мирное время, это бесспорно. Вот лишь один выявленный факт. В 1935 г. начальник спецбюро УНКВД по ДВК А.А. Лиман-Митрофанов дал трем бывшим сотрудникам НКВД приказание расстрелять двух неизвестных по фамилии лиц, из которых один был якобы капитаном японской армии, а второй по национальности монголом или бурятом. Этот расстрел якобы «закордонных агентов – двурушников» был произведен по устному указанию высших начальников из НКВД СССР. Даже когда в 1957 г. по этому поводу был запрошен начальник Хабаровского УНКВД, то он заявил, что «это не убийство, а одна из разновидностей оперативной необходимости»⁵. Вот такой менталитет!

Что касается бессудных убийств военнослужащих в 1937 г., то пофамильно мне удалось выявить лишь несколько таких случаев. 1 августа 1937 г. в Тбилиси в ходе допроса был убит только что арестованный командир и военный комиссар 2-й Грузинской стрелковой дивизии комдив Ф.М. Буачидзе. Так же без суда, «в особом порядке» были расстреляны 21 августа 1937 г. бывший начальник 1-го отдела Разведуправления РККА корпусной комиссар О.О.

Штейнбрюк⁶ и начальник 2-го отдела этого же управления корпусной комиссар Ф.П. Карин. Следует заметить запись в надзорном производстве Карина о том, что он был расстрелян по решению Специальной комиссии от 21 августа 1937⁷ г. Значит, существовала еще какая-то пока что неведомая миру «специальная комиссия», обладавшая тайными полномочиями расстреливать чуть ли не любого?

С началом войны дело дошло до того, что стали убивать просто по личному указанию народного комиссара внутренних дел СССР. Так, в октябре 1941 г. были расстреляны генерал-полковники А.Д. Локтионов и Герой Советского Союза Г.М. Штерн, генерал-лейтенанты авиации Ф.К. Арженухин, Герои Советского Союза И.И. Проскуров и П.В. Рычагов, дважды Герой Советского Союза Я.В. Смушкевич, дивинженер И.Ф. Сакриер, генерал-майоры П.С. Володин, М.М. Каюков, Г.К. Савченко, бригадир инженер С.О. Склизков. Таков был «особый порядок».

В черед несудебных органов зримо палаческую роль сыграла так называемая «высшая двойка», состоявшая из двух человек: наркома внутренних дел СССР и прокурора Союза ССР. Конкретно в 1937–1938 гг. она состояла из Ежова и Вышинского. И вот этим двум «человекам» было дано «право» одним росчерком пера окончательно решать судьбу людей, вплоть до предания их смертной казни. В архиве Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации мне довелось видеть немало многостраничных списков людей, казненных по заочно принятому решению этих кровавых вурдалаков. Сумели они своими руками убить и несколько десятков командиров РККА.

Эта пресловутая «высшая двойка» отправляла военнотружущих на тот свет и пачками, и поодиночке. В декабре 1937 г. были арестованы комиссар 102-го

авиационного парка старший политрук К.Я. Фридриксон, начальник боепитания 218 сп интендант 3-го ранга А.Я. Штольцер, начальник отделения техчасти 102-го артполка воентехник 1-го ранга В.Я. Бикш, военрук школы Ф.Ф. Силко, преподаватель физкультуры Ж.П. Сегленек, студент Л.С. Москвин. В январе 1938 г. к ним был добавлен командир 217 сп полковник Ж.К. Цауне. Все они обвинялись в принадлежности к контрреволюционной латышской националистической организации, якобы существовавшей в войсках Сибирского военного округа и возглавлявшейся командующим войсками округа комкором Я.П. Гайлитом. Впоследствии было выяснено, что в ходе предварительного расследования допущены грубейшие нарушения УПК, вплоть до того, что в деле вообще отсутствует обвинительное заключение и вина каждого не конкретизирована. Но это отнюдь не смущало следователей НКВД. Дело было передано на рассмотрение «высшей двойки» и по ее постановлениям от 1 и 17 февраля 1938 г. все семеро были расстреляны. Приговор этот был отменен 14 сентября 1957 г. Дело о них прекращено «за отсутствием состава преступления»⁸.

Бывший военрук Ленинградского института киноинженеров, член ВКП(б) с 1916 г., майор И.Я. Пауль по постановлению «высшей двойки» был расстрелян 30 декабря 1937 г. В ходе запоздавшей на 19 лет прокурорской проверки в 1956 г. было установлено, что предварительное расследование по делу проведено с грубыми нарушениями процессуального закона. Требования статей 128, 129 и 206 УПК РСФСР не выполнены, обвинительное заключение никем не утверждено и, как видно, делает вывод заместитель генерального прокурора СССР генерал-майор юстиции И. Варской, «было составлено заранее, так как на нем в

машинописном тексте заделана дата «... января 1938 года», в то время как Пауль был осужден 30 декабря 1937 года»⁹. По моему мнению, это расхождение можно объяснить и по-другому. Логично предположить, что обвинительное заключение было составлено не заранее, а позднее – после расстрела. Сначала расстреляли в декабре, а потом уж в январе «соблюли юридическую формальность».

...Держу в трепетных руках пожелтевший от времени Ленинградский фотомонтаж 60-летней давности. По бокам, как тогда водилось, портреты Ворошилова и Сталина, а по центру надпись: «Лагерный сбор студентов ЛГУ имени А.С. Бубнова» и чуть пониже: «Выпуск командиров». Их, молодых, только что сдавших последние экзамены командиров взводов запаса чуть ли не полторы сотни (сохранилось среди них и мое фотоизображение лета 1936 г.). А в центре вверху – три фотографии: ректор ЛГУ М.С. Лазуркин, секретарь парткома Н.И. Косынкина и военный руководитель комдив К.П. Артемьев. Лицо сурового зрелого мужчины. В петлицах – по два ромба. «Ворошиловские» усики. Было ему в это время 53 года и он нам – 19-летним – казался бесконечно старым. Происходил он из дворян, был полковником царской армии; беспартийный. 10 ноября 1937 г. он был арестован. Помнится, как мы, недавно произведенные командиры взводов запаса, шепотом передавали об этом друг другу. И затем – все замолкло, человек пропал. Только теперь удалось выяснить, что уже 17 января 1938 г. постановлением НКВД и прокурора СССР («двойка») комдив Артемьев был осужден к расстрелу. За что? По выводам сохранившегося обвинительного заключения – никем не утвержденно и составленного после осуждения Артемьева – обвинялся в том, что он якобы с 1928 г. являлся участником контрреволюционной

монархической офицерской организации, создал и возглавил 16 (шестнадцать) групп указанной организации в гражданских вузах Ленинграда, а с 1935 г. являлся агентом германской разведки¹⁰. Объективных доказательств никаких. Есть только запись, в которой указывается, что Артемьев виновным себя признал (после осуждения и расстрела?!). Реабилитирован посмертно 16 мая 1957 г, «за отсутствием состава преступлений»¹¹.

В этот же день 17 января 1938 г. Ежов и Вышинский подписали постановление и о расстреле другого крупного военного специалиста – командира бригады миноносцев Краснознаменного Балтийского флота флагмана 2-го ранга Г.Г. Виноградского. А обвинительное заключение на флагмана удосужились состряпать лишь через две недели – 31 января. И уж там ему постарались понаписать: мол, возглавлял монархическую организацию РОВС на Балтфлоте, организовывал аварии и диверсии, подготовлял установление военно-фашистского режима в стране с помощью фашистских государств¹² и т. п. Главное – что никто возразить не мог. Человек расстрелян – и все проблемы решены. И только 4 августа 1956 г. это постановление об убийстве безвинного человека было отменено, а флагман 2-го ранга Виноградский реабилитирован посмертно¹³.

По постановлениям «высшей двойки» в эти кровавые годы были расстреляны также комкор К.А. Стуцка, комдив К.К. Пашковский, комбриг Я.Э. Закс, полковники Я.М. Барбар, И.Я. Зенек (Бачич), интенданты 1-го ранга А.П. Раузе и И.А. Цюкшо, капитаны М.И. Блумис и Г.Э. Голлербах, старший политрук Д.М. Арделяну-Шрайбер, старшие лейтенанты И.И. Дамберг и Г.А. Юнг, техник-интендант 1-го ранга Я.Д. Фрейберг. Возможно, именно эту деятельность Вышинского в

качестве прямого расстрельщика имел в виду Адольф Гитлер, когда он на одном из совещаний летом 1944 г., говоря о председателе призванного творить немедленную и беспощадную расправу над всеми участниками покушения на него Народного суда Рональде Фрейслере, воскликнул: «Фрейслер – это наш Вышинский»¹⁴. Такая оценка «самого» нацистского фюрера прокурору Союза ССР дорогого стоит.

Внесудебным рассмотрением дел на местах (в союзных и автономных республиках, краях, областях) широко занимались различного рода «тройки». Судя по некоторым данным, они так усердно осуждали всех и вся, что для них пришлось устанавливать лимиты. Но они быстро их исчерпывали. Деятельность этих троек по скоростным убийствам безвинных людей, персональный состав троек до сих пор по-настоящему не изучен (да и любые материалы о них крайне труднодоступны). О размахе их деятельности можно судить по такому эпизоду. Когда начальник Политуправления РККА возвращался с Дальнего Востока в Москву, в Улан-Удэ в вагон к нему зашли секретарь обкома ВКП(б) Игнатьев и наркомвнудел Бурято-Монгольской АССР Ткачев и посетовали, что «лимиты по приказу НКВД 00447 они израсходовали, а в тюрьме находятся свыше 2000 арестованных, сроки содержания которых давно истекли». 27 октября 1938 г. Мехлис докладывает об этом Сталину и Ежову и поддерживает просьбу местных руководителей дать им дополнительный лимит на 2500 человек для рассмотрения дел тройкой¹⁵. Мне пока не удалось установить реакцию Сталина на это ходатайство, но сам размах рассмотрения дел тройкой впечатляет. И это только по одной весьма от центра удаленной автономной республике. Эта заявка Мехлиса свидетельствует также и о том, что весь процесс

массового истребления советских людей проходил далеко не стихийно, а строго регулировался из Центра «самим» Сталиным.

Судя по тем документам, которые мне удалось изучить, в «троечную» мясорубку попали и некоторые военные. Так, по постановлению тройки НКВД Грузинской ССР были расстреляны заместитель командующего войсками ЗакВО комкор В.М. Мулин, начальник политуправления округа корпусной комиссар А.П. Ярцев. По постановлениям троек были уничтожены также дивизионные комиссары Н.К. Блуашвили и И.Ф. Тубала, комбриг И.Н. Натан, бригадный комиссар Н.Г. Богданов.

Когда знакомишься с судьбами людей, безвинно уничтоженных различными несудебными органами, «в особом порядке», невольно вспоминаешь пронизательные слова Юрия Домбровского в его знаменитом романе: «Никаких правил и норм – ни юридических, ни правовых, ни моральных – нет вообще, они упразднены. Как говорят Зыбину на одном из допросов, – говорят прямо, не смущаясь, – все это «факультет ненужных вещей» – наука о формальностях, бумажках и процедурах...».

Каждому непредубежденному человеку было ясно, что физическая ликвидация людей различного рода несудебными учреждениями, это самое настоящее, не прикрытое никаким хотя бы квазюридическим флером, циничное убийство беззащитных. А ведь в стране с конца 1936 г. официально действовала «самая демократическая в мире», «сталинская» Конституция. Правда, большинство сотрудников НКВД (а некоторые из них, возможно, и вполне искренно) считали, что положения Конституции о правах граждан никоим образом не могут распространяться на «врагов народа». Когда бывший сотрудник Ленинградского университета Д. Пинхенсон во время очередного применения к нему в

«Большом доме» физических методов воззвал к следователям: «Что же вы делаете? А как же сталинская Конституция?», то получил лапидарный, но вполне исчерпывающий ответ: «Не про тебя, б..., конституция писана!»^[49].

Но как бы ни позволял себе говорить о невсеобщности Конституции энкавэдэшник, высшее руководство партии и страны не могло открыто игнорировать только что принятую Конституцию. Вообще должен заметить по своим личным предвоенным впечатлениям, что при всех творимых в стране беззакониях и зверствах, Сталин и его команда немало заботились (и преуспели!) о том, чтобы в глазах широких народных масс ореол непорочности и даже какой-то святости вокруг действий верховной власти всемерно поддерживался и укреплялся. Это подтверждается и воспоминаниями некоторых современников. Великий мастер танца И.А. Моисеев присутствовал на одном из предвоенных правительственных приемов и недавно на страницах «Огонька» засвидетельствовал, что собственными ушами слышал, как «вождь» заявил своим собеседникам в ответ на какое-то их предложение: «Товарищ Сталин этого не сделает». Мне это свидетельство очевидца представляется весьма достоверным. Здесь зримо отразилась и характерная для Сталина уже тех лет убежденность в своем величии (вспомни, читатель у Твардовского:

Салют!

И снова пятилетка.

И все тесней лучам в венце.

Уже и сам себя нередко

Он в третьем называл лице).

Здесь же проявилась и неусыпная забота о собственном имидже.

Именно это обстоятельство, по моему мнению, заставило Политбюро ЦК ВКП(б) пойти на то, чтобы ограничиться расстрелом во внесудебном порядке лишь нескольких десятков военных. А основную массу арестованных военнослужащих - сотни и тысячи человек - «пропустить» через суды.

ДОЖИТЬ ДО СУДА...

У выдающегося писателя-фронтовика Василя Быкова есть повесть с названием «Дожить до рассвета». Каждый, кому довелось повоевать «на передовой», знает, как это точно сказано. Миллионы советских людей через все 1418 военных дней и ночей пронесли заветную мечту «дожить до Победы», а в каждом конкретном случае боевых передраг мечтали «дожить до рассвета», «дотянуть до темноты» и т. п. Тысячи военнослужащих РККА, брошенных в казематы НКВД, всеми фибрами души ощутившие полную свою беспомощность и бессилие перед этой адской машиной, оказавшиеся на краю позорной гибели или как минимум перед угрозой зверского искалечения, как о манне небесной, как о высшем счастье человеческом мечтали только лишь о том, чтобы дожить до суда, до советского суда. Уж этот-то суд, полагали они, во всем разберется, установит истину, смоеет с них грязную накипь всяческих злобных наветов и инсинуаций, по заслугам накажет наглых мучителей. И ведь все они знали, что с 1 декабря 1934 г. в Советском Союзе был установлен порядок судопроизводства, даже не мыслимый для любого цивилизованного государства, когда судили без защитника, без права осужденного на апелляцию и даже без права подачи просьбы о помиловании... Но ведь все это, считали несчастные жертвы, относится к тем, кого обвиняют в терроризме. Они же, преданные советской власти люди, – ни о каком терроризме не помышлявшие, и советский суд – самый демократичный в мире – выявит истину и, безусловно, их оправдает.

Может быть, наиболее полно и точно изобразил последние упования несчастных узников сам

оказавшийся в застенках НКВД бывший военный прокурор Черноморского флота бригадюр юрист П.С. Войтеко. В докладной записке главному военному прокурору РККА Н.С. Розовскому он писал: «Единственная надежда у избиваемых подследственных – дожидаться суда и все рассказать, или бежать из-под ареста, явиться в ЦК к тов. Сталину и Ежову и рассказать о всех безобразиях и извращениях, а потом умереть»¹⁶. В одном из своих многочисленных писем из тюрьмы в адрес Ворошилова бывший дивизионный комиссар Л.И. Бочаров писал: «Несмотря на... шантаж, угрозу расстрелом и обещания сохранения жизни, если я буду подтверждать их провокационные протоколы допроса, на суде я решил умереть, но сказать правду, что я и сделал, заявив, что все мое дело выбитая липа и фабрикация»¹⁷.

До 1935 г. существовал такой порядок, при котором право санкции на арест и на предание суду командира принадлежало командующему войсками военного округа. Приказ наркома № 006 от 3 февраля 1935 г. установил, что санкция на предание командира суду принадлежит только народному комиссару обороны СССР. Эта мера немало способствовала резкому снижению численности осужденных командиров: с 1125 в 1934 г. она снизилась до 695 в 1935 г. и до 373 в 1936 г.¹⁸. Для позиции наркома обороны в это время можно считать довольно характерной его резолюцию на одном из доложенных ему предложений о предании ряда командиров суду: «Прежде чем отдавать под суд, нужно на месте округу изучить дело, посмотреть глубже и уж потом решить, что делать с этой публикой. Суд не единственная мера хорошего руководства и воспитания частей и людей. К. Ворошилов. 11.XI.35»¹⁹.

Все круто переменилось после 11 июня 1937 г. В этот день во всех центральных газетах была

опубликована информация «В прокуратуре СССР», в которой сообщалось, что «сегодня, 11 июня, в закрытом судебном заседании Специального Судебного присутствия Верховного суда Союза ССР» будет происходить рассмотрение дела по обвинению арестованных в разное время органами НКВД маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского, командармов 1-го ранга И.П. Уборевича и И.Э. Якира, командарма 2-го ранга А.И. Корка, комкоров В.М. Примакова, В.К. Путны, Б.М. Фельдмана и Р.П. Эйдемана. Страну уже, на протяжении многих лет приучали к громким политическим процессам. Но чтобы такой судебный процесс был организован над широко известными не только в армии, но и в народе видными военными деятелями во главе с общепризнанным полководцем Тухачевским – этого, пожалуй, не ожидал никто. Как современник этих событий, могу засвидетельствовать, что лично для меня и для всех, кого я тогда знал в Ленинградском университете, известие об этом было как гром среди ясного неба.

Для того чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения в правомочности и авторитетности Специального судебного присутствия, его членами были назначены два маршала Советского Союза (В.К. Блюхер и С.М. Буденный), два командарма 1-го ранга (И.П. Белов и Б.М. Шапошников), три командарма 2-го ранга (Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко и Н.Д. Каширин) и один комдив – Е.И. Горячев. Восемь высших командиров РККА должны были судить под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха тоже восемь в равных, а то и более высоких военных званиях. На скамье подсудимых сидело шестеро членов Военного совета при наркомате обороны СССР. В качестве их судей было выставлено семеро членов этого совета. Все было сделано для того, чтобы создать впечатление, будто бы худшую, «изменническую» часть высшего военного

руководства судят сами же военные. Специально оговаривалось, что дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г. И уже на второй день вся страна узнала, какой же это порядок. Газеты сообщили, что все восемь обвиняемых признали себя виновными во всех инкриминируемых им преступлениях (измена родине, шпионаж и т. п.), все они лишены военных званий (Тухачевский – звания маршала), все приговорены к высшей мере уголовного наказания – расстрелу. 12 июня 1937 г. этот приговор был приведен в исполнение.

Этот день явился не только днем страшного удара по Красной армии, но и днем национального позора элиты советской интеллигенции. «Распни его!» – кричали и писали виднейшие ученые, члены президиума Академии наук СССР, включая всемирно известного Н.И. Вавилова и самого ее недавно избранного президента В.Л. Комарова; народные артисты СССР, в том числе и обаятельнейшая, нежно женственная А.К. Тарасова; «инженеры человеческих душ» (в том числе и считавшиеся записными гуманистами Леонид Леонов, Антон Макаренко, Алексей Толстой, Александр Фадеев, Константин Федин, Михаил Шолохов...). А некоторые прямо-таки изощрялись, чтобы такое придумать, как бы похлеще заклеить. Старался Демьян Бедный:

Шпионы преданы суду!
Все эти Фельдманы, Якиры, Примаковы,
Все Тухачевские и Путны – подлый сброд!

Здесь же подвизался тогда еще сравнительно молодой, но уже весьма шустрый Александр Безыменский:

Беспутных Путн фашистская орда.
Гнусь Тухачевских, Корков и Якиров
В огромный зал Советского суда
Приведена без масок и мундиров.

По поводу «дела» Тухачевского и его «подельников» к настоящему времени накопилась обильная литература, как отечественная, так и зарубежная. Поэтому я позволю себе подготовку и ход этого процесса специально не рассматривать. Скажу только, что главная слабость всех этих публикаций состоит в отсутствии (как правило) первичных источников, до сих пор хранящихся в ведомственных архивах правоохранительных органов.

Необходимо определиться и в вопросе о том, а был ли вообще этот процесс? Уже неоднократно упоминавшийся перебежчик майор госбезопасности из НКВД Л.Л. Никольский (Орлов), ссылаясь на свидетельство ответственного функционера НКВД майора госбезопасности С.М. Шпигельгласа, утверждал, что вообще «не было никакого трибунала, судившего Тухачевского и его семерых соратников, они просто были тайно расстреляны по приказу, исходившему от Сталина... Как утверждал Шпигельглас, сразу же после казни Тухачевского и его соратников, Ежов вызвал к себе на заседание маршала Буденного, маршала Блюхера и нескольких других высших военных, сообщил им о заговоре Тухачевского и дал подписать заранее подготовленный приговор трибунала»²⁰. Такую же точку зрения высказывал и другой перебежчик (из РККА) – Бармин.

Пожалуй, самый значительный на сегодня из зарубежных исследователей истории большого террора в СССР Роберт Конквест подтверждает, что в целом с мнением Орлова и Бармина «согласились лучшие

западные специалисты»²¹. Правда, сам он занимает более осторожную позицию. Он пишет: «вполне возможно», что Тухачевский, Уборевич, Якир и др. «предстали перед одним Ульрихом», «заслуживает доверия версия, что их (членов Специального судебного присутствия. – *О.С.*) подписи появились под приговором уже после казней, во время их встречи с Ежовым»²².

Конечно, пока историки не имеют возможности ознакомиться с протоколом судебного заседания по делу Тухачевского и других от 11 июня 1937 г., могут высказываться самые различные мнения по вопросу о том «был ли мальчик?». Со своей стороны полагаю, что к настоящему времени удалось выявить немало разного рода свидетельств, что такой процесс все-таки был, а свидетельство Шпигельгласа недостаточно достоверно. Кстати, его заявление о том, что Блюхер, Буденный и другие члены Специального судебного присутствия о заговоре Тухачевского узнали только 11 или 12 июня от Ежова, явно ошибочное – все они слышали об этом уже 1 июня 1937 г. из уст «любимого» наркома Ворошилова на заседании Военного совета при НКО СССР.

На какие же документы и свидетельства может опереться современный историк в решении анализируемой проблемы? Начну с того, что сравнительно недавно опубликована секретная шифровка в адрес центральных комитетов нацкомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б): «В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, а где возможно – и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры наказания. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью.

Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. № 4/с № 758/щ.

Секретарь ЦК Сталин.

11/VI-1937 г. 16 ч. 50 м.»²³.

Эта шифровка еще раз подтверждает, что Сталин был не только выдающийся лицедей, но и великий постановщик и режиссер общечеловеческих трагедий. И раз какое-то действие намечено режиссером, оно, как правило, непременно состоится. Иначе – конфуз, чего никто, Сталин в особенности, страшно не любил.

В противоположность утверждению Шпигельгласа, все другие ответственные функционеры НКВД, находившиеся тогда в Москве, не подвергали ни малейшему сомнению реальность судебного процесса над Тухачевским и другими. Например, бывший начальник отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СССР А.А. Авсеевич на допросе 5 июля 1956 г. (Авсеевич к этому времени выбился в генерал-лейтенанты авиации) показал о некоторых деталях подготовки этого процесса и его проведения²⁴.

Известен неоднократно цитируемый рассказ И.Г. Эренбурга о том, как в самом начале 1938 г. он с женой был у В.Э. Мейерхольда: «Мы сидели и мирно разглядывали монографии Ренуара». Вдруг пришел один из друзей Мейерхольда командарм 1-го ранга (у Эренбурга ошибочно: комкор) И.П. Белов и в возбуждении стал рассказывать, как судили Тухачевского и его товарищей: «Они вот так сидели – напротив нас, Уборевич смотрел мне в глаза». Помню еще фразу Белова, свидетельствует Эренбург, «А завтра меня посадят на их место». Позднее писатель Юлиан Семенов опубликовал свою беседу с вдовой того же И.П. Белова. Она вспоминает, как ее муж возвратился с процесса, выпил бутылку коньяка не закусывая и прошептал ей: «Такого ужаса в истории

цивилизации не было. Они все сидели, как мертвые... В крахмальных рубашках и галстуках, тщательно выбритые, но совершенно неживые, понимаешь? Я даже усомнился – они ли это? А Ежов бегал за кулисами, все время подгонял: «Все и так ясно, скорее кончайте, чего тянете...»²⁵ Такие детали, как говорят, нарочно не придумаются.

Имеется сообщение (в 1962 г.) секретаря этого Специального судебного присутствия члена Военной коллегии Верховного суда СССР диввоенюриста И.М. Зарянова: «О ходе судебного процесса Ульрих информировал И.В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих»²⁶. Факт встречи Сталина с Ульрихом подтверждается регистрацией приема Сталиным Ульриха 11 июня 1937 г. Из этой же записи видно, что прием происходил в присутствии Молотова, Кагановича и Ежова. Так что заявление Зарянова о факте наличия судебного заседания представляется вполне достоверным.

Наконец, само определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 января 1957 г., отменившее приговор Специального судебного присутствия от 11 июня 1937 г., исходит из факта состоявшегося в этот день судебного заседания. Конечно, когда речь идет о тайнах преступлений Политбюро ЦК ВКП(б), поручиться на 100 % ни за что нельзя. Кто бы мог подумать, слушая «честные» отрицания М.С. Горбачева, что в действительности имелось письменное решение Политбюро о бессудном расстреле многих тысяч военнопленных польских офицеров? Даже получив в свое распоряжение все сохранившиеся документы эпохи тоталитаризма, историк не может безоглядно поручиться, что это было именно так, а не этак. Ибо факт, что многие важные документы ЦК ВКП(б) – КПСС специально уничтожались. Так что категорически

исключить факт бессудного расстрела Тухачевского, Якира и других я бы не решился. Но очень многое говорит о том, что гнусная комедия суда все же состоялась.

Июньский процесс 1937 года над группой «военных заговорщиков» потряс Рабоче-крестьянскую Красную армию от ее «верхов» и до самого основания. Полная неожиданность ареста и привлечения к суду вчера еще всячески восхваляемых знаменитых героев гражданской войны и первостроителей Красной армии, скоропостижность судебного заседания, абсолютная беспощадность приговора (всех восьмерых подсудимых – к высшей мере), немедленное приведение расстрельного приговора в исполнение, самая настоящая пандемия всеобщего «всенародного» по-своему торжествующего проклятия «подлым изменникам и шпионам» – все это не могло не ошеломить, не сказаться самым губительным образом на сознании и даже подсознании и без того вечно остерегавшихся десятков тысяч командиров и политработников, сотен тысяч младшего начсостава, миллионов красноармейцев и краснофлотцев. Наверное, каждый из них вздрогнул, а многие и «примерили ситуацию на себя», подобно А.С. Пушкину, рука которого в свое время невольно вывела: «И я бы мог...».

А ситуация сложилась такая, что «за связь с заговорщиками» теперь можно было снимать с должности и арестовывать чуть ли не любого военного из высшего, да и старшего комначполитсостава. Судите, читатель сами. Расстреляли как «врагов народа» первого заместителя наркома обороны СССР маршала Тухачевского и начальника Управления по комначсоставу РККА комкора Фельдмана. Значит, всех, кто был «связан» с ними (а кто же не связан с Управлением по кадрам) – забирай. Расстреляны вчера еще командовавшие войсками военных округов:

Белорусского (командарм 1-го ранга Уборевич), Киевского (командарм 1-го ранга Якир), Московского (командарм 2-го ранга Корк), заместитель комвойск Ленинградского военного округа (комкор Примаков) – значит, можно хватать всех командиров корпусов, дивизий, да и полков этих военных округов (что, кстати, и было сделано). На этом процессе было заявлено, что покончивший 31 мая 1937 г. жизнь самоубийством армейский комиссар 1-го ранга Я.Б. Гамарник тоже «изменник и шпион». А он около восьми лет проработал начальником Политуправления РККА, считался «совестью партии» и через его руки прошли все политработники высшего звена, да большинство и старшего. Следовательно, можно спокойно и уверенно «забирать» всех руководящих политработников. Так что после этого процесса вся РККА, особенно ее старший и высший комначполитсостав, оказались совершенно неприкрытыми, не защищенными перед органами НКВД – приходите и забирайте нас!

А о тех, кто уже находился за железными запорами специзоляторов и тюрем НКВД, и говорить нечего. Любой из них не мог не подумать: если уж таких, как Тухачевский, Уборевич, Якир не пожалели, не пощадили, бестрепетно пустили в распыл, то мне-то, как говорится, сам Бог велел ни на что не надеяться, смириться, покорно готовиться к неизбежной позорной смерти...

Этот процесс важен также и в том отношении, что он показал убедительный и в определенном смысле безусловный пример всем другим военным судам: вот как быстро и беспощадно надо расправляться со всеми до единого «военными заговорщиками». А ведь именно этим судам предстояло пропустить через свои жернова многие тысячи военнослужащих РККА. Устрашающий пример июньского процесса 1937 г. оказал тем большее воздействие, что он пал на хорошо подготовленную

почву. Уже задолго до этого, по существу чуть ли не с начала Гражданской войны, открыто проводилась линия на классовый суд, когда главным для суда становится не то, «за что» судят, а «кого» судят. Первый председатель Революционного военного трибунала РСФСР партиец с 1900 года К.Х. Данишевский заявил тогда: «Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы, созданные в процессе напряженной революционной борьбы, которые постановляют свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознанием коммунистов»²⁷. При таком подходе (а он непременно соблюдался и в дальнейшем) вполне правомерно говорить не о суде, а о судилище.

Для моих сверстников – ровесников Октября – понятие «Военная коллегия Верховного суда Союза ССР» вошло в сознание, как символ орлиной зоркости и абсолютной беспощадности советского пролетарского суда, незыблемо стоящего на страже «революционной законности». Именно эта коллегия творила страшный суд и кровавую расправу на печально знаменитых политических процессах второй половины 30-х годов. Угодливая пресса с превеликим усердием курила фимиам «честности» и «неподкупности», «профессиональному мастерству» и «классовой непримиримости» социалистической Фемиды.

Но гораздо большая часть деятельности Военной коллегии проходила тайно от советского общества, когда она проводила закрытые судебные заседания. Никаких сообщений об этих процессах в центральную печать не попадало. Да и от широкой армейской общественности все это было спрятано за семью замками. Максимум информации состоял в том, что сообщали: «такой-то осужден Военной коллегией». И

все! Любые разговоры, а тем более рассуждения и обсуждения немедленно пресекались.

Зловещая роль Военной коллегии Верховного суда СССР в определенной легитимизации царившего в Советском Союзе во второй половине 30-х гг. беззакония в той или иной степени нашла отражение в некоторых публикациях последних лет²⁸. Но в них основное внимание уделяется доказательству невинности осужденных лиц, необходимости и истории их реабилитации, причем особенно подробно говорится о политических процессах 30-х годов. В данной же книге мне хотелось бы на основе привлечения не публиковавшихся ранее документальных материалов показать палаческую, по существу, роль Военной коллегии Верховного суда СССР в уничтожении золотого фонда РККА – многих тысяч выдающихся представителей ее начсостава.

Созданная в 1924 г. Военная коллегия Верховного суда СССР длительное время непосредственно руководила военными трибуналами на местах, выступала и в роли кассационной инстанции. Особое значение она имела в качестве суда первой инстанции. С первых дней своего существования именно ее суду подлежали все обвиняемые в тех или иных преступлениях лица высшего комначполитсостава РККА и РККФ. Объем ее полномочий резко возрос с лета 1934 г., когда ей и руководимым ею военным трибуналам было поручено судебное рассмотрение расследуемых аппаратом Особых отделов и других органов НКВД дел и всех гражданских лиц по обвинению в особо опасных преступлениях (измена Родине, террор, шпионаж, диверсии).

Особенно мрачную популярность в те годы приобрел ее бессменный (с 1926 г.) председатель Василий Васильевич Ульрих. Именно он выступал в роли

председательствующего судебного заседания на фальсифицированных, как теперь выяснилось, судебных процессах 1930-1931 гг., а затем на «открытых» политических процессах о так называемых «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» (19-24 августа 1936 г.), «параллельном антисоветском центре» (23-30 января 1937 г.) и «антисоветском право-троцкистском блоке» (2—13 марта 1938 г.). Он же был председательствующим и Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, осудившего в июне 1937 г. в закрытом порядке восемь «военных заговорщиков» во главе с маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским.

В одной из недавних публикаций приведены такие его биографические данные: «...выходец из обеспеченной семьи, принадлежавшей к социальному слою, именовавшемуся в дореволюционной России почетными гражданами. Родился в 1889 году в городе Риге. В 1909 году окончил реальное училище, а затем, в 1914 году, Рижский политехнический институт. Работал конторщиком. С 1915 года на военной службе в качестве рядового саперного батальона. Затем был направлен в школу прапорщиков, имел чин подпоручика. К революционному движению примкнул в 1908 году. Член РСДРП с 1910 года. После установления советской власти стал работать в НКВД и ВЧК заведующим финансовым отделом, а с 1919 года – комиссаром штаба войск внутренней охраны. В системе военных трибуналов – с начала 20-х годов»²⁹. Однако в одном из подготовленных в 1938 г. к представлению в НКВД списков содержатся некоторые весьма существенные разночтения: «...из семьи профессиональных революционеров... образование – высшее юридическое... Домашний адрес – гостиница «Метрополь», комн. 205, тел. К-0-59-29»³⁰. Он,

оказывается, настолько был увлечен работой, что никогда не имел собственной квартиры, а до конца жизни (умер в 1951 г.) «скромно» занимал номер в «Метрополе».

Как бы то ни было, Ульрих имел огромный опыт работы в карательных и судебных органах. При этом, как недавно выяснилось, уже с 1919 г. вместе с будущим начальником Главного управления госбезопасности НКВД СССР Я.С. Аграновым участвовал в разработке одной из провокационных акций ВЧК³¹. Будучи затем начальником особого отдела Морских сил Черного и Азовского морей, он в феврале 1922 г. руководил массовым «изъятием» бывших морских офицеров в Крыму³². Единственному из всех военно-юридических работников – В.В. Ульриху было присвоено в ноябре 1935 г. персональное военное звание «армвоенюрист».

Но Ульрих работал в Военной коллегии не один. Специальным приказом НКО по личному составу № 0586 от 27 января 1936 г. «О присвоении военных званий членам Военной коллегии Верховного суда СССР» эти звания были присвоены и всем остальным. Один из заместителей председателя коллегии И.О. Матулевич получил звание «корвоенюрист», другой заместитель – И.Т. Никитченко «диввоенюрист». Это же высокое звание получили и семь членов Военной коллегии: И.Т. Голяков, А.Д. Горячев, Я.П. Дмитриев, И.М. Зарянов, П.А. Камерон, А.М. Орлов, Н.М. Рынков. Члену коллегии Я.Я. Рутману было присвоено звание бригавоен-юриста³³. К концу 1938 г. этот состав существенно изменился, но в кровавые 1937–1938 годы прежде всего – именно эти 11 высокопоставленных военных юристов творили суд и чинили расправу над многими сотнями лиц высшего комначполитсостава РККА. Именно они ставили последнюю точку на крестном пути многочисленных

безвинных жертв. Далее следовало лишь приведение в исполнение их приговора – пуля «исполнителя» НКВД в затылок.

На местах «социалистическое правосудие» осуществляла широкая сеть военных трибуналов. Председателями ВТ военных округов и флотов в 1937 г. служили: корвоенюрист Л.Я. Плавнек (МВО); диввоенюристы Б.П. Антонов (ОКДВА), Б.И. Иевлев (ПриВО), Г.Г. Кушнiryк (КВО), А.И. Мазюк (ЛВО), Б.В. Милянoвский (БВО); бригаoенюристы С.В. Преображенцев (СибВО), Я.К. Жигур (СКВО), А.Ф. Козловский (ХВО), Г.А. Алексеев (УрВО), А.П. Певцов (ЗакВО), В.Д. Севастьянов (САВО), А.Г. Сенкевич (ЗабВО), К.Л. Стасюлис (ТОФ), В.А. Колпаков (ЧФ), Т.П. Сытов (КБФ). Всего к началу войны в стране функционировало 298 военных трибуналов, а число судей в них равнялось 766³⁴.

Все кандидатуры на должности председателей окружных военных трибуналов, членoв Военной коллегии Верховного суда СССР утверждались Политбюро ЦК ВКП(б). Причем члены Политбюро настолько привыкли к своей абсолютной, никем не контролируемой власти, что иногда грубо попирали ими же одобренную Конституцию. 28 марта 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление освободить А.Н. Винокурова от работы председателя Верховного суда СССР и «2. Утвердить председателем Верховного суда СССР т. ГОЛЯКОВА И.Т., освободив от работы прокурора РСФСР»³⁵. Однако через несколько дней кто-то спохватился: ведь по действующей Конституции председатель Верховного суда страны должен избираться на сессии Верховного совета СССР. Прошло две недели, и Политбюро вынуждено было 13 апреля 1938 г. принять такое своеобразное

постановление: «Во изменение постановления ЦК ВКП(б) от 28 марта:

1. Т. Винокурову с 15 апреля предоставить 2-месячный отпуск.

...3. Предложить т. Голякову немедленно приступить к ознакомлению с делами и работой Верховного Суда СССР.

4. Утвердить кандидатуру т. Голякова И.Т. для избрания председателем Верховного суда СССР на ближайшей сессии Верховного совета СССР»³⁶.

Таким образом, все «уважение» Политбюро к Конституции, к законам состояло в лучшем случае лишь в том, что то или иное назначение «оформлялось» так, как написано в законе. Но оформлялось то, что продиктовано в постановлении Политбюро. Именно такой характер взаимоотношений закона и Политбюро прямым текстом выражен и в одном из его постановлений (от 20 сентября 1938 г.). Наметив определенные кандидатуры, Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «...7. Назначение заместителей председателя Верховного суда, а также председателей и членов коллегий оформить в порядке приказа председателя Верховного Суда СССР»³⁷.

В своем стремлении подчинить себе и непосредственно контролировать все и вся Политбюро ЦК ВКП(б) доходило до того, что чуть ли не присваивало себе функции суда первой инстанции. Сравнительно недавно А. Борщаговский опубликовал исключительной важности документ по этому вопросу. Речь идет о письменном докладе в августе 1957 г. тогдашнего председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенанта юстиции А.А. Чепцова члену президиума ЦК КПСС, министру обороны СССР маршалу Советского Союза Г.К. Жукову. В этом официальном докладе генерала, занимавшего один из высших постов

в советской военно-судебной иерархии, говорилось: «... Как теперь известно, начиная с 1935 года был установлен такой порядок, когда уголовные дела по наиболее важным политическим преступлениям руководители НКВД, а затем МГБ докладывали т. Сталину или на Политбюро ЦК, где решались вопросы вины и наказания арестованных. При этом судебных работников, которым предстояло такие дела рассматривать, предварительно, до решения директивных органов, с материалами дел не знакомили и на обсуждение этих вопросов в ЦК не вызывали... При таком порядке Военная коллегия приговоры часто выносила не в соответствии с материалами, добытыми в суде. Свои сомнения по делам судьи в ЦК не докладывали либо из боязни, либо исходя из доверия к непогрешимости решений т. Сталина, хотя по ряду дел судьи могли видеть, что дела в директивных органах докладываются необъективно»³⁸.

В 1962 г. бывший секретарь Специального судебного присутствия Верховного суда СССР диввоенюрист И.М. Зарянов сообщил о своем разговоре с председателем этого присутствия армвоенюристом В.В. Ульрихом, лично докладывавшим 11 июня 1937 г. И.В. Сталину о ходе судебного процесса над маршалом М.Н. Тухачевским и его сотоварищами: «Он (Ульрих... - О.С.) говорил, что имеется указание Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания - расстрела»³⁹.

Но в связи с началом большого террора, повальными расстрелами десятков и сотен тысяч людей Сталин, очевидно, решил просто хлопотным и нерациональным делом принимать председателя Военной коллегии Верховного суда СССР всякий раз, когда ему «потребуется» того или иного человека расстрелять. И вот в это время в высшем эшелоне руководства страной

сложилась и, по крайней мере, до конца 1938 г. безостановочно и безотказно действовала немыслимая для элементарно цивилизованного государства беспрецедентно преступная практика, когда, по свидетельству Н.С. Хрущева, «в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников, и была получена его санкция»⁴⁰.

Так, в ноябре 1937 г. нарком внутренних дел СССР обращается с ходатайством к секретарю ЦК ВКП(б): «Тов. Сталину. Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих Суду Военной коллегии:

1. Список № 1 (общий).
2. Список № 2 (быв. военные работники).
3. Список № 3 (быв. работники НКВД).
4. Список № 4 (жены врагов народа).

Прошу санкции осудить всех по первой категории [\[50\]](#).

Ежов»⁴¹.

Делегатам XXII съезда КПСС было официально доложено, что списки эти были рассмотрены Сталиным и Молотовым, и на каждом из них имеется резолюция: «За. И. Сталин.

В. Молотов»⁴².

Имевший возможность ознакомиться с этими страшными списками Д.А. Волкогонов опубликовал еще несколько поразительных примеров. Вот один документ (к сожалению, без даты).

«Товарищу Сталину.

Посылаю списки арестованных, подлежащих суду Военной коллегии по первой категории. Ежов».

Резолюция «вождей» гласит: «За расстрел всех 138 человек.

И. Ст., В. Молотов».

А вот другой, еще более разительный документ:

«Товарищу Сталину.

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду, на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников – 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу. 20.VIII.38 г. Ежов». Резолюция опять однозначная, означающая неизбежную смерть для сотен безвинных людей: «За. 20.VIII. И. Ст., В. Молотов». Кровь стынет в жилах, когда читаешь у Волкогонова о том, что за один день 12 декабря 1938 г. Сталин и Молотов дали санкцию на осуждение к расстрелу 3167 человек⁴³.

К сожалению, полностью эти списки до сих пор не вовлечены в научный оборот и не изучены должным образом. Я пытался получить их в Центральном архиве ФСБ РФ, но мне было заявлено, что там их нет. И пока невозможно сказать, сколько обреченных военных было в этих списках. Опубликованное утверждение Г.А. Куманева: «По архивным сведениям только с 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова и Кагановича санкции на расстрел 38 679 военнослужащих»⁴⁴, на мой взгляд, не выдерживает научной критики. Во-первых, автор призывает верить ему на слово, поскольку не указывает источник приводимых им «архивных сведений». Во-вторых, «вожди» партии давали санкцию не НКВД, а по просьбе НКВД для Военной коллегии Верховного суда СССР. И санкция эта давалась не на расстрел, а на осуждение к расстрелу (или тюремному заключению). В-третьих, по авторитетному свидетельству Н.С. Хрущева,

в этих списках фигурировали не только военнослужащие, но и партийные, советские, хозяйственные кадры. И, наконец, специальное исследование работы Военной коллегии в 1937–1938 гг. не подтверждает, а, точнее говоря, опровергает это утверждение Г.А. Куманева, явно и значительно завышающее количество военнослужащих, попавших в эти зловещие проскрипционные списки.

Историкам до сих пор не известно, чтобы в XIX–XX веках хоть один державный властелин, будь то император, король или какой-либо диктатор, так цинично и нагло диктовал свою волю высшим судебным органам. Сразу же возникает вопрос: как практически реализовалась воля «вождя»? В некоторых кругах юристов высказывается мнение, что по получении утвержденных Сталиным списков, обреченные немедленно отправлялись из застенков НКВД на расстрел. Так, например, со ссылкой на свой разговор с генерал-лейтенантом юстиции В.В. Борисоглебским, заявлял в личной беседе с автором бывший помощник председателя Верховного суда СССР И.Д. Мелихов⁴⁵. Однако и сам характер ходатайств Ежова, и изученные мною документы не дают возможности подтвердить эту версию. Ведь Ежов не просит разрешения «расстрелять» намеченные им жертвы, а просит «санкции осудить всех по первой категории». И документы свидетельствуют, что включенные в эти списки военные работники были затем «пропущены» через Военную коллегию.

И опять вопрос: как эта воля «вождя» доводилась до членов Военной коллегии Верховного суда СССР? Ведь при повсеместных фарисейских разглагольствовании о «революционной законности» даже Ежову не так-то просто было вызвать судей и сказать: осудите всех к ВМН, вот резолюция Сталина. Можно только

предполагать, что эта резолюция как-то сообщалась председателю Военной коллегии.

Наиболее убедительную, на мой взгляд, версию высказал недавно в личной беседе проработавший в послевоенные годы в аппарате Военной коллегии 45 лет военный юрист М.С. Сиротинский. О том, как это делалось в 1937-1938 гг., ему доверительно в первые послевоенные годы рассказывал адъютант всемогущего Ульриха капитан юстиции Я.П. Сердюк. Оказывается, все просто, как мычание. На обложке (или на первой странице?) обвинительного заключения, направляемого проводившими предварительное следствие сотрудниками НКВД на судебное следствие Военной коллегии Верховного суда СССР, ставилась скромная и совсем ничего не значащая для непосвященных цифрочка «1» или «2»⁴⁶. У меня пока нет достаточных данных, чтобы определенно сказать, кто именно обладал прерогативой ставить эту цифру: сам Ежов или кто-то из его заместителей, а может, и следователь. Но это и не так важно. Очевидно, что эта цифра появлялась лишь после получения санкции «вождя» и его присных. Единица означала неизбежную смерть заклеяменного подсудимого, двойка – 10 лет лишения свободы (а с сентября 1937 г. – до 25 лет).

Таким образом, при том объеме власти, которую уже в то время сумели захватить Сталин и НКВД, Военной коллегии Верховного суда СССР отводилась незавидная роль квазигиридрического оформления «высшей воли», подаваемой под соусом «генеральной линии партии». Но рептильная пресса неустанно шумела о приговорах, выносимых именно Военной коллегией, как якобы адекватно выражавших волю всего советского народа.

Для того чтобы наиболее рельефно представить себе ту обстановку, в которой проходило судопроизводство в военных трибуналах и в Военной

коллегии Верховного суда СССР, необходимо сказать и о прямых попытках следователей НКВД воздействовать на поведение подсудимых на суде. Самая главная их забота состояла в том, чтобы любыми путями заставить подсудимых подтвердить на суде те «признательные» показания, которые следователям удалось вырвать у них в ходе предварительного следствия.

Как установлено дополнительной проверкой, перед началом судебного процесса по делу Тухачевского и других все обвиняемые вызывались к следователям, которые знакомили их с показаниями на предварительном следствии и требовали, чтобы арестованные на суде подтвердили свои прежние показания. Подсудимые находились под неусыпным контролем следователей и в ходе самого судебного процесса. Вот что, например, показал бывший начальник отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СССР А.А. Авсеевич на допросе 5 июля 1956 г.: «После того как следствие было окончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки-двое перед процессом, на котором начальник отдела ЛЕПЛЕВСКИЙ дал указание всем лицам, принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подсудимыми и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии. Накануне суда я беседовал с ПРИМАКОВЫМ, он обещал подтвердить в суде свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть с ними вместе в комнате ожидания. В день суда я находился с ПРИМАКОВЫМ, согласно указаниям руководства отдела. Перед началом судебного заседания все следователи были, и как только привезли арестованных, я, как и другие работники, пошел в комнату, где был ПРИМАКОВ. Все арестованные находились в отдельных комнатах и с каждым

находился следователь. Среди других, я помню, были УШАКОВ и ЭСТРИН... Перед самым судебным заседанием, по указанию ЛЕПЛЕВСКОГО, я знакомил ПРИМАКОВА с копиями его же показаний»⁴⁷.

В уголовном деле бывшего начальника политуправления ОКДВА и члена Военного совета при НКО СССР бригадного комиссара запаса В.Х. Таирова сохранилось его заявление от 9 сентября 1937 г., адресованное наркому внутренних дел СССР: «Прощайте – перед смертью совесть моя чиста, как перед Вами, партией, так и страной. Погибаю из-за ложных наговоров... Это заявление я делаю только Вам, так как следователям я от своих показаний больше отказываться не смогу и не буду – больше того, если будет суд, то и на суде также буду придерживаться своих прежних показаний»⁴⁸. Сломленный следователями Таиров так и поступил; приговорен к расстрелу, посмертно реабилитирован.

При внимательном объективном анализе «признательных» показаний в судебном заседании убеждаешься, что каждый такой случай был подлинной трагедией в жизни несчастной жертвы. По свидетельству сокамерников бывшего начальника штаба авиационной армии комбрига Н.Г. Андрианова, следователь НКВД Юхимович заявил комбригу о том, что «его преступление очень тяжелое, и суд, по видимому, приговорит его к расстрелу, однако в случае признания своей вины на суде ему может быть сохранена жизнь. АНДРИАНОВ при этом сильно плакал и не знал, как ему вести себя на суде: или признавать себя виновным, или рассказать всю правду, т. е. рассказать, как от него были получены вымышленные показания...»⁴⁹. В конце концов страх перед следователем, а может быть, и вера в его обманные обещания («утопающий за соломинку хватается»)

оказались сильнее, комбриг Андрианов оговорил себя, на суде «признался» в том, что он участник военно-фашистского заговора, проводил вредительскую работу в авиационной армии, создавал тяжелые бытовые условия в бригадах и т. п., и 25 августа 1938 г. приговорен Военной коллегией к ВМН и расстрелян. Следователь Юхимович, очевидно, был доволен «успешными» результатами своей работы по истреблению очередного «врага народа». А через 18 лет приговор этот был отменен, комбриг посмертно реабилитирован, дело производством прекращено «за отсутствием состава преступления», но ведь с того света его не вернешь.

О методах работы в НКВД БССР рассказал осужденный бывший его сотрудник Быховский: «В наркомате была такая система, что перед тем, как дела обвиняемых рассматривались Военной коллегией, мы вызывали их в кабинет, обвиняемых держали по два дня, создавали им хорошие условия, покупали продукты, папиросы и обрабатывали их, создавая среди них хорошее настроение, чтобы они на суде Военной коллегии не отказались от своих показаний»⁵⁰.

Из показаний осужденных бывших сотрудников Особого отдела СибВО также видно, что ими перед судебным заседанием вызывались обвиняемые и подвергались соответствующей обработке, направленной к тому, чтобы они в суде подтверждали свои признательные показания, данные ими на предварительном следствии, и признавали себя виновными⁵¹.

Так что уже изначально надежды подследственных «военных заговорщиков» на справедливость и честность советского военного суда были довольно эфемерны. Увы! Почти всегда, а в 1937-1938 гг. в особенности, Военная коллегия Верховного суда СССР

и военные трибуналы различного уровня судили в основном не по реальным обстоятельствам дела, а по приказу и заказу свыше. Давили на военные суды и Особые отделы НКВД, шкурно заинтересованные в судебном оформлении затеянных и состряпанных ими обвинительных заключений.

СУД ИДЕТ!

(Как судили военных в 1937-1938 гг.)

Прежде всего их судили тайно, в так называемых закрытых судебных заседаниях. Единственная информация о начавшемся истреблении военных кадров, опубликованная в открытой печати, это – сообщение о процессе и расстреле «восьмерки» во главе с маршалом Тухачевским. По указанию и под руководством ЦК ВКП(б) в стране была организована и вовсю бушевала «волна народного гнева» против армейских и флотских «изменников и заговорщиков». Военная, да и гражданская печать еще долго продолжала изощряться в различного рода проклятиях по их адресу. Но ни о каких новых сообщениях о судебных процессах над военнослужащими РККА ни в печати, ни по радио больше не раздавалось ни звука.

А меж тем Военная коллегия Верховного суда СССР не дремала. Как удалось выявить, она начала судебные процессы над «контрреволюционерами-военными» еще в октябре 1936 г. Одним из первых объектов была избрана Военно-политическая академия им. Н.Г. Толмачева, располагавшаяся тогда в Ленинграде. 1 июня 1936 г. органы НКВД арестовывают начальника кафедры философии Г.С. Тымянского, а на следующий день «забирают» Л.Г. Райского, бывшего преподавателя академии, а к этому времени ставшего профессором Средне-Азиатского госуниверситета в Ташкенте. 4 июня арестовывают в Иркутской области заведующего районо (и ранее работавшего профессором всеобщей истории ВПАТ) И.С. Фенделя. 9 июля к арестованным добавляют двух кадровых политработников – батальонных комиссаров (преподаватель истории А.А.

Клинов и инструктор партработы политотдела ВПАТ А.П. Яценко).

На предварительном следствии все они признали себя «виновными» и уже 11 октября 1936 г. предстали перед судом Военной коллегии Верховного суда СССР. В протоколе судебного заседания по их делу записано, что «все пять подсудимых полностью признали себя виновными...»⁵². А по приговору суда они были признаны виновными в том, что «ФЕНДЕЛЬ летом 1934 года, по заданию одного из руководителей контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации в Ленинграде – ЗАЙДЕЛЯ, на основе директивы «Объединенного центра» той же организации образовал террористическую группу для подготовки и совершения убийства тов. С.М. КИРОВА. В эту группу ФЕНДЕЛЕМ были вовлечены РАЙСКИЙ, ЯЦЕНКО, ТЫМЯНСКИЙ и КЛИНОВ, которые выразили согласие быть исполнителями террористического акта над т. С.М. КИРОВЫМ»⁵³. При такой формуле обвинения все пятеро были приговорены к расстрелу. В заключении ГВП против их фамилии (кроме Райского) есть помета «исп(олнен)»⁵⁴. Приговор этот отменен 11 мая 1957 г. и дело прекращено «за отсутствием состава преступления»⁵⁵.

В сентябре 1936 г. был арестован начальник кафедры истории военного искусства ВПАТ бригадный комиссар К.И. Бочаров, а 27 октября того же года начальник кафедры всеобщей истории бригадный комиссар М.С. Годес и старший руководитель кафедры ленинизма бригадный комиссар Л.О. Леонидов. Предварительное следствие длилось недолго. Уже 19 декабря 1936 г. они предстали перед судебным заседанием Военной коллегии Верховного суда СССР (председательствующий – В.В. Ульрих, члены: Н.М. Рычков и Я.П. Дмитриев). Приговором этих трех

высокопоставленных военных юристов Бочаров, Годес и Леонидов были признаны виновными в том, что, будучи участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации (до версии «военно-фашистского заговора в РККА» тогда еще не додумались), входили в состав террористической группы, возглавлявшейся Фенделем, участвовали на собраниях этой группы, где обсуждались планы подготовки терактов против руководителей партии и Советского правительства. Все обвинение основывалось на неизвестно как полученных личных признаниях обвиняемых и на показаниях ряда лиц, арестованных по другим делам. Никаких объективных доказательств не было. Однако все три бригадных комиссара были приговорены к ВМН и в тот же день расстреляны.

Дополнительная проверка, проведенная в 1956 г., доказала, что следствие и суд в отношении Бочарова, Годеса и Леонидова проводились с грубым нарушением закона. Им было предъявлено обвинение по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР, по статье же 58-8 УК РСФСР (террор) – по которой они были осуждены, им обвинение не предъявлялось. С материалами дела в порядке требования ст. 206 УПК РСФСР их не знакомили. Все судебное следствие свелось лишь к ответу на вопрос: признают ли подсудимые себя виновными. Безвинно осужденные реабилитированы посмертно 24 марта 1956 г.⁵⁶.

В своем заседании 28 декабря 1936 г. Военная коллегия Верховного суда СССР (председательствующий И.О. Матулевич, члены А.М. Орлов и Я.П. Дмитриев) признала шесть преподавателей виновными в том, что они являлись участниками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, якобы существовавшей в Военно-политической и Военно-медицинской академиях

(полковой комиссар А.В. Смирнов, батальонные комиссары В.И. Груздев, К.Т. Климчук и Б.П. Либерман и др.). Все они были осуждены вышеупомянутыми «судьями» к 10 годам тюремного заключения с поражением в политических правах сроком на 5 лет. В ходе дополнительной проверки в 1956 г. Главная военная прокуратура установила, что все это «дело» было «органами расследования сфальсифицировано»⁵⁷. Жаль, конечно, что в заключении ГВП не отмечена роль членов Военной коллегии Верховного суда СССР, которые уже в 1936 г. выступали в постыдной и жалкой, и страшной роли штамповщиков гнусных фальсификаций следователей НКВД.

Никаких сведений об этих тайных судилищах и расстрелах военных по политическим обвинениям до общественности не доходило. В какой-то мере могу судить об этом и по личному опыту. Военно-политическая академия располагалась тогда буквально рядом с историческим факультетом Ленинградского университета. В это время я занимался там на 3-м курсе и хорошо помню, как у нас на факультете иногда устраивались совместные мероприятия со слушателями ВПАТ. Общались мы с ними свободно, неформально, дружелюбно и довольно раскованно. Но ни от них, ни от кого-либо другого до нас не доходило даже малейшего намека на производившиеся рядом расстрелы.

С еще большим размахом тайные групповые политические процессы над военнослужащими РККА организовывались сразу после расстрельного процесса над Тухачевским и др. в июне 1937 г. В начале апреля 1938 г. на Всеармейском совещании политработников выступил председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист В.В. Ульрих. Он с чувством нескрываемой гордости доложил, что выездные сессии Военной коллегии нанесли сокрушительный удар «по

заговорщикам» на Дальнем Востоке, в Ростове, в Баку, в Белоруссии. С высокой похвалой он отозвался и о «работе» окружных военных трибуналов. В качестве наиболее блистательных примеров он привел два. Заявив, что летом и осенью 1937 г. якобы «в ответ на расстрел Тухачевского заговорщики организовали массовое отравление военнослужащих», он восторженно сообщил, что военный трибунал БВО приговорил к ВМН около 30 «отравителей». Он утверждал также, что в июле 1937 г. по прямому заданию бывшего начальника обозно-вещевой службы РККА коринтенданта Д.И. Косича был устроен пожар военного склада близ Казани. По приговору военного трибунала ПриВО было расстреляно 14 «поджигателей»⁵⁸.

В ходе исследования удалось установить, что Военной коллегией Верховного суда СССР было тогда проведено немало и других закрытых групповых судебных процессов над военными как в центре, так и с выездом на места. Все подсудимые этих процессов приговаривались (как правило, без единого исключения) к расстрелу, с конфискацией имущества и лишением военных званий. 16 июня 1937 г. такая судьба постигла десятерых лиц начсостава системы ПВО г. Москвы во главе с бывшим начальником Управления ПВО РККА комбригом запаса М.Е. Медведевым; 17 октября 1937 г. – трех человек во главе с командиром 135-й стрелково-пулеметной бригады комбригом Г.С. Каревым; 19 ноября 1937 г. – пятеро во главе с начальником автобронетанковых войск Киевского военного округа комбригом Н.Г. Игнатовым⁵⁹ и др.

С неослабевающей злобистой энергией проводились тайные групповые судебные процессы над

военными и в 1938 г. Вот лишь короткие справки о некоторых из них:

- в феврале приговорены к расстрелу 17 командиров и политработников Оренбургской военной школы летчиков во главе с бывшим начальником политотдела школы бригадным комиссаром А.В. Субботиным (в том числе два батальонных комиссара, три капитана, один политрук и т. д.)⁶⁰;

- в марте приговорены к расстрелу 10 человек во главе с командиром 50-й авиабригады (ОКДВА) комбригом Д.М. Руденко (бывший начальник политотдела бригады бригадный комиссар В.А. Давыдов, полковник А. К. Новиков, интендант 2-го ранга М.Л. Кляппер, капитан Н.И. Ни, старшие лейтенанты Е.Ф. Орел и П.С. Жерненко и др.)⁶¹;

- в мае по приговору Военной коллегии на ТОФе расстреляны бригадный комиссар Н.М. Карасев и семь старших лейтенантов (М.Е. Гуткин, М.С. Карпухин, Н.И. Клюквин, В.Е. Кожанов, А.Н. Кочетков, Г.А. Наринян и В.А. Павлов); пятеро из них были командирами подводных лодок⁶².

Только в одном месяце - октябре 1938 г. - выявлено проведение четырех закрытых групповых процессов:

- 2 октября одним и тем же составом выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР (председательствующий Д. Кандыбин, члены - С. Калашников, И. Китин) было осуждено к расстрелу более 20 командиров, представлявших почти все командование ЗабВО⁶³;

- 5 октября 1938 г. выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР рассмотрела дела по обвинению 13 человек - командиров и политработников 22 кд ЗабВО - в том, что они якобы являлись участниками военно-троцкистской диверсионно-террористической организации, действовавшей в

частях Забайкальского военного округа, и занимались вредительством. Никаких объективных доказательств их вины не было, девять подсудимых из тринадцати в суде виновными себя не признали и от своих показаний, которые дали на предварительном следствии, отказались. Но на членов Военной коллегии это никакого впечатления не произвело. Двое подсудимых были приговорены к 10 годам ИТЛ каждый, а одиннадцать - награжденный ранее двумя орденами Боевого Красного Знамени и орденом Ленина командир 22 кд комдив Ф.В. Васильев, награжденный орденом Ленина начподив дивизионный комиссар А.Я. Третьяков, полковники В.М. Пылев и Ю.Ф. Фаркаш, полковой комиссар К.Ф. Пустынский, майор В.З. Зайкин, капитаны А.А. Знаменский, Г.Я. Краснодон и М.Д. Шполянский, политруки Н.Н. Щербак (редактор дивизионной газеты) и А.С. Щербинин - к расстрелу. Этот приговор был отменен лишь 1 июня 1957 г., и все они были реабилитированы посмертно⁶⁴;

- 17 октября осуждены на смерть семеро из 58-й стрелковой дивизии во главе с ее командиром комбригом Г.А. Капцевичем⁶⁵.

- 28 октября выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР осудила к ВМН 11 лиц начсостава 55 сд во главе с начальником политотдела дивизии бригадным комиссаром В.И. Лобановым⁶⁶ и т. д. и т. п.

Бывало и так, что не сразу, а поодиночке, но «надежно» военное «правосудие» отправляло на смерть наиболее ответственных работников той или иной части, учреждения, службы. Вот «набросились» на 125 авиабригаду Тихоокеанского флота. С 15 марта по 20 августа 1938 г. были осуждены к расстрелу командир бригады полковник Н.П. Милешкин, военком полковой комиссар П.Г. Козлов, начальник штаба капитан Н.И. Кузнецов, начальник санчасти военврач 3-го ранга С.В.

Зорин, командир 32-й истребительной эскадрильи капитан Ф.И. Ильес. К ним был добавлен и военком штаба ТОФ полковой комиссар В.И. Кузнецов⁶⁷.

Опустошили и военно-ветеринарную службу СибВО. 4 и 15 июня приговорены к расстрелу начальник ветотдела округа бригадный ветврач В.С. Серебрянников, помощники начальника ветотдела военветврачи 1-го ранга Д.Г. Ивановский и Б.А. Шимановский, начальники ветслужбы дивизий военветврачи 1-го ранга А.П. Красин (71 сд) и Д.И. Липинский (72 сд), начальник ветслужбы 71-го артполка военветврач 2-го ранга Н.Г. Шубаков, помощник начальника окрветлаборатории СибВО военветврач 3-го ранга П.Н. Елфимов⁶⁸.

В 1937–1938 гг. была уничтожена группа руководящих работников Госвоениздата: комдив С.М. Белицкий, бригадные комиссары А.Я. Душак и К.И. Подсотский, полковник А.А. Бутлер, полковой комиссар Д.Г. Митяев⁶⁹.

Было, возможно, и еще немало групповых судебных процессов. Но, судя по изученным мною документам Архива Военной коллегии, можно полагать, что все же подавляющее большинство арестованных военнослужащих осуждались Военной коллегией Верховного суда СССР и военными трибуналами в одиночном порядке. О факте осуждения тех или иных военнослужащих знали обычно их начальники, так или иначе становилось известным и личному составу данных частей, соединений. Объяснение было примитивнейшим: осужден как враг народа. Особенно любопытствующим быстро прищемлялся язык. Распространять эти сведения за пределы части никому не разрешалось. Реплика Сталина на одном из закрытых совещаний политработников о том, что об аресте и осуждении «военных заговорщиков» и других «военных

контрреволюционеров» можно и нужно говорить «на весь мир», была не более чем очередной фарисейской уловкой.

В действительности все заседания Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов военных округов, флотов, корпусов, дивизий проводились закрытым порядком в обстановке строжайшей секретности. Повсеместно считалось, что все происходящее на этих заседаниях – государственная тайна и никто из «непосвященных» не смеет даже думать о прикосновении к ней. Дело доходило до того, что даже трибунальцам не обо всем разрешалось не только писать, но и говорить. Во время судебного следствия в закрытом судебном заседании военного трибунала ПриВО по делу бывшего командира 61 сд комбрига Е.М. Тихомирова в качестве свидетеля был вызван бывший военком этой дивизии Васильев. Чтобы этого свидетеля соответствующим образом «пришпилить», военные судьи огласили показания ряда осужденных к ВМН «участников контрреволюционной организации» о том, что они знают этого Васильева как участника антисоветского заговора. Но даже это довольно обычное для военных судов того времени действие было председателем Военной коллегии Ульрихом расценено как «грубое нарушение порядка сохранения государственной тайны»⁷⁰.

Кого же именно судили в такой тайне, под столь большим секретом? Состав военных, осужденных в 1937-1938 гг., по служебным категориям (или хотя бы по военным званиям) до сих пор не только не изучен, но, насколько мне известно, даже вопрос об этом еще не ставился. Да и не мудрено, если и поныне не выявлены точные цифры насильственно умерщвленных военнослужащих РККА в эти годы. Наряду со всякими привходящими обстоятельствами здесь сказывается и

сравнительно незначительная еще историческая дистанция. Другое дело – во Франции, где жуткая волна потрясшего цивилизованный мир страшного террора прокатилась более двух столетий тому назад. Долгое время считалось, что петля террора захлестнула прежде всего феодальных господ. Ведь и в «Марсельезе» звучал призыв: «На фонари аристократов!» И надо сказать, что аристократам тогда перепало изрядно. Но, как показали новейшие исследования, от террора пострадали и народные массы и не в меньшем, а гораздо большем числе.

В преддверии празднования 200-летия Великой Французской революции, с помощью ЭВМ во Франции был проведен анализ социального состава жертв якобинского террора в 1793–1794 гг. Согласно результатам этого анализа, «враги нации» – дворяне составляли всего 9 % погибших, остальные 91 % – рядовые участники революции, в том числе 28 % – крестьян, 30 % – рабочих⁷¹. В одной из работ недавно скончавшегося крупнейшего российского специалиста по французской истории Н.Н. Молчанова в эти цифры внесено еще одно важное уточнение: истинных виновников голода, спекуляции, мародерства среди этих 58 % «врагов нации» оказалось лишь 0,1 %⁷².

Поскольку до сих пор не установлено с достаточной степенью достоверности общее количество военнотрибунальных осужденных РККА, осужденных в 1937–1938 гг. «за контрреволюционные преступления», то естественно, и анализ их по различным категориям – дело будущего. (Полагаю, что лет через двести и у нас во всем разберутся.) Но можно попытаться нарисовать эту картину по данным одного из военных округов. В процессе исследования удалось выявить «Обзор работы военных трибуналов Киевского Особого военного округа и судимости в воинских частях округа за 1938 год»⁷³.

Обзор этот подписан временно исполнявшим должность председателя ВТ КОВО бригадвоенюристом Галенковым и 5 февраля 1939 г. был отправлен председателю Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриху. В обзоре содержится немало данных и о 1937 годе. Хотя в разных данных имеются «нестыковки» на одного-двух человек (очевидно, по небрежности составителей), в целом этот документ представляется мне довольно достоверным, позволяющим более-менее полно представить себе картину о том, кого и за что судили в 1937–1938 гг. в Киевском военном округе.

Согласно этому официальному обзору, всего за 1937 и 1938 годы за контрреволюционные преступления в КОВО было осуждено 1097 военнослужащих. (Сразу же необходимо заметить, что в данном случае речь идет об осужденных лишь военными трибуналами – лицах от красноармейца до майора включительно. Командиры и политработники в званиях от полковника (полкового комиссара) и выше подлежали, как правило, суду Военной коллегии Верховного суда СССР и здесь не учтены.) Поскольку в те годы то или иное отношение военнослужащего к ВКП(б) имело очень большое значение, рассмотрим сначала, как обстояло дело с партийной принадлежностью осужденных (см. табл. 3).

Таблица 3^[51]

***Партийная принадлежность военнослужащих
КОВО, осужденных в 1937-1938 гг. за
контрреволюционные преступления***

Партийная принадлежность	Годы		
	1937	1938	Всего за 1937—1938 гг.
Члены ВКП(б)	52	44	96
Кандидаты в члены ВКП(б)	13	5	18
Члены ВЛКСМ	104	61	165
Беспартийные	518	300	818
ИТОГО	687	410	1097

Таким образом, данная таблица неопровержимо свидетельствует о том, что среди всех осужденных в КОВО в 1937-1938 гг. «за контрреволюционные преступления», члены и кандидаты в члены ВКП(б) составили менее 10,4 % всех осужденных, комсомольцы – чуть более 15 %, а почти три четверти осужденных «контрреволюционеров», это – беспартийные. А если в разряд беспартийных включить и комсомольцев (которые, строго говоря, не принадлежали к числу партийных), то доля беспартийных среди осужденных возрастает до 90 %. Это позволяет сделать вывод о том, что основной удар в антиармейских репрессиях 1937-1938 гг. был нанесен не столько по партийному активу (хотя и ему досталось преизрядно), сколько по массам беспартийных воинов, по разным причинам обвиненных в совершении «контрреволюционных преступлений». По крайней мере, именно так обстояло дело в Киевском военном округе.

Значительный интерес представляет распределение осужденных по их военным званиям. Из 1097 военнослужащих КОВО, осужденных «за контрреволюционные преступления» в 1937-1938 гг., лиц старшего начсостава оказалось 86 (менее 8 % от

общего числа), среднего – 218 (около 20 %), а младшие командиры и красноармейцы составили более 72 % всех осужденных военнослужащих. Более детальное распределение осужденных лиц начсостава (включая младший) показывает табл. 4.

Таблица 4 [\[52\]](#)

Персональные военные звания начсостава КОВО, осужденного военными трибуналами в 1937-1938 гг. за контрреволюционные преступления

	1937	1938	Всего за 1937–1938 гг.
Старший начсостав			
Майоров	5	8	13
Батальонных комиссаров	5	3	8
Капитанов	15	15	30
Старших политруков	6	6	12
Военных инженеров 1-го ранга	1	-	1
Военных инженеров 2-го ранга	1	-	1
Военных инженеров 3-го ранга	5	-	5
Интендантов 3-го ранга	5	-	5
Военврачей 2-го ранга	-	1	1
Военврачей 3-го ранга	2	6	8
Не имеющих военного звания	2	-	2
Всего	47	39	86
Средний начсостав			
Старших лейтенантов	35	38	73
Политруков	11	5	16

Продолжение таблицы

	1937	1938	Всего за 1937–1938 гг.
Лейтенантов	29	17	46
Воентехников 1-го ранга	3	5	8
Воентехников 2-го ранга	18	10	28
Техников-интендантов 1-го ранга	2	4	6
2-го ранга	7	5	12
Старших военветфельдшеров	4	2	6
Не имеющих военного звания	15	8	23
Всего	124	94	218
Младший начсостав			
Мл. начсостав сверхсрочной службы	33	29	62
Мл. начсостав срочной службы	47	31	78
Мл. начсостав запаса	3	-	3
Всего	83	60	143
ИТОГО	254	193	447

Характерной чертой всего судопроизводства Военной коллегии Верховного суда СССР и руководимых ею военных трибуналов был явно выраженный обвинительный уклон. С далеких античных времен дошел до нас миф об абсолютно беспристрастной Фемиде, которую и изображали всегда с завязанными глазами. Не то было в советских военных судах с первых дней их возникновения. По недавно опубликованному сообщению доктора юридических наук Ю. Стецовского, уже 4 февраля 1919 г. ЦК РКП (б) в своем поручении предписал партийным и советским органам печати дать в ряде статей точное понимание о

ревтрибунале как органе расправы в отличие от суда как такового⁷⁴. Непоколебимо верное этой линии ЦК руководство Военной коллегии и в последующем не скрывало своей категорической нетерпимости к любой попытке вынесения оправдательного приговора «по контрреволюционным преступлениям». И эту свою совершенно неправовую позицию оно неоднократно выражало в официальных приказах, изданных еще до фабрикации так называемого «военно-фашистского заговора в РККА».

Уже 20 февраля 1937 г. Ульрих издает широко тогда известный в военной судебной среде приказ № 002... «В целях усиления контроля за правильностью разрешения Военными трибуналами дел о контрреволюционных преступлениях

Приказываю:

1. Все дела о контрреволюционных преступлениях, по которым выносятся оправдательные приговоры или производство по которым прекращено в подготовительном или в кассационном заседании, в случае опротестования прокурором данного приговора или определения – представлять в 7-дневный срок со дня вынесения приговора или определения непосредственно в Военную коллегию Верховного суда СССР для рассмотрения в порядке судебного надзора независимо от того, каким военным трибуналом данное дело рассмотрено (дела, рассмотренные в кассационном заседании, представлять вместе с кассационным производством).

Если указанные дела по протесту прокурора или по собственной инициативе, в порядке судебного надзора, были рассмотрены вышестоящим трибуналом и определение подготовительного заседания о прекращении дела или оправдательный приговор

оставлен в силе, то и в этом случае дело должно быть предоставлено в Военную коллегияю.

2. Все дела о контрреволюционных преступлениях, по которым вынесены оправдательные приговоры или определения о прекращении, взять на особый учет»⁷⁵.

Не прошло и недели, как Ульрих опять возвращается к этой проблеме. 25 февраля 1937 г. он издает приказ председателя Военной коллегии Верховного суда СССР № 04: «1. Начальникам I, II и III секторов и членам коллегии, работающим в IV секторе Военной коллегии, вновь тщательно изучить и не позднее 7 марта 1937 г. мне доложить все вынесенные, начиная с 1 октября 1936 г. и позже, по делам о контрреволюционных преступлениях:

1. Оправдательные приговоры военных трибуналов.

2. Определение подготовительных заседаний ВТ о прекращении дел.

3. Касоопределения военных трибуналов и Военной коллегии:

а) об оставлении в силе оправдательных приговоров или определений о прекращении дел;

б) о прекращении дел.

2. В дальнейшем дела, поступающие в Военную коллегияю в порядке моего приказа от 20.02.37 г. № 002, начальникам II и III секторов и членам Военной коллегии, работающим в IV секторе, докладывать мне, с представлением по делу краткого письменного заключения.

3. В случае отмены обвинительного приговора военного трибунала по делам о контрреволюционных преступлениях в кассационном заседании Военной коллегии с прекращением дела, председательствующий на кассационном заседании, не обращая означенное определение к исполнению, должен доложить его мне»⁷⁶.

До чего зверели некоторые военные так называемые «юристы», можно судить по такому факту. 27 декабря 1937 г. курсант полковой школы 151-го полка внутренних войск НКВД В.В. Фурсов на занятиях по физподготовке нашел свинцовую plombу. Принес ее в столовую и, сидя за столом в ожидании супа, бросил ее в пустую миску своего соседа курсанта А.В. Растопчина. Тот пытался бросить plombу обратно, в миску Фурсова, но поскольку Фурсов прикрывал свою миску руками, то бросил plombу в пустую миску курсанта Пузанкова, который в этот момент разговаривал с курсантом с соседнего стола. Когда Пузанков повернулся к своей миске и обнаружил в ней plombу, то подозвал дежурного по школе, а последний стал звать заведующего столовой. Тем временем Фурсов выхватил plombу и забросил ее. Казалось бы, все. Обычная юношеская шалость. И говорить-то не о чем. Не скажите. Это ведь декабрь 1937 года. И совсем недавно, 14 сентября 1937 г., было принято постановление ЦИК СССР, резко ужесточившее порядок расследования и рассмотрения дел по контрреволюционному вредительству и диверсиям.

Проводивший следствие заместитель военного прокурора пограничных и внутренних войск Ленинградского округа бригадвоенюрист (!) Волков «припаял» этим ребятам статью 58-7 УК РСФСР (вредительство) и военный трибунал под председательством тоже бригадвоенюриста Марчука в открытом судебном заседании в расположении части «влепил» характеризовавшимся с самой лучшей стороны курсантам: Растопчину – 15 лет, а Фурсову – 20 лет тюремного заключения. Военная коллегия Верховного Суда СССР по протесту главного военного прокурора отменила этот дикий приговор, справедливо квалифицировав: «Этот случай нельзя рассматривать как простую судебную ошибку, это – грубейшее

издевательство над живыми людьми и над советскими законами». Бригвоенюристы Волков и Марчук отделались строгими выговорами. Но председатель Военной коллегии В.В. Ульрих и главный военный прокурор РККА Н.С. Розовский предупредили весь оперативный состав военных прокуратур и трибуналов, что при повторении подобных случаев виновные будут строго отвечать, вплоть до предания их суду⁷⁷.

Тем не менее обвинительный уклон неукоснительно проводился в жизнь военными трибуналами. За что же советские воины попадали в разряд контрреволюционеров? Об этом можно получить довольно полное представление на примере Киевского военного округа (см. табл. 5).

Таблица 5 [\[53\]](#)

***Распределение военнослужащих КОВО,
осужденных военными трибуналами за
контрреволюционные преступления, по отдельным
состовам***

№№ пп	Состав преступления	Годы		Всего за 1937 и 1938 гг.
		1937	1938	
1.	Измена Родине	24	30	54
2.	Диверсия	5	7	12
3.	Террористическая деятельность	18	12	30
4.	Вредительство	21	16	37
5.	Шпионаж	3	-	3
6.	Участие в контрреволюционных организациях	34	21	55
7.	Контрреволюционная агитация	577	320	897
8.	Недоносительство о контрреволюционных преступлениях	2	-	2
9.	Антисемитизм	3	4	7
	Всего	687	410	1097

Из этой таблицы видно, что почти 82 % всех военнослужащих КОВО, осужденных военными трибуналами «за контрреволюционные преступления», были осуждены за контрреволюционную агитацию, а точнее говоря, за малейшие попытки инакомыслия. Понятие «контрреволюционная», или «антисоветская» агитация, трактовалось весьма широко. И под статью УК РСФСР 58-10 и соответствующие статьи УК других союзных республик можно было попасть абсолютно за любое нестандартное высказывание, особенно с малейшей долей сомнения и тем более – критичности.

Вот как, например, классифицировал основные направления антисоветской агитации и распределение осужденных за нее председатель 90-го военного

трибунала (Особый корпус на территории МНР) военюрист 1-го ранга Шурыгин. Из осужденных «за антисоветскую агитацию» 106 военнослужащих этого корпуса (за период с ноября 1937 г. по декабрь 1938 г. включительно):

- 51 человек осуждены за попытки дискредитации руководителей коммунистической партии и советского правительства и попытки создания недовольства отдельными мероприятиями партии и правительства;

- 24 человека - за попытки восхваления врагов народа;

- 12 человек - за антисоветскую агитацию вокруг вопросов, касающихся выборов в Верховный совет: попытки дискредитировать «Сталинскую Конституцию», отрицание демократии, попытки дискредитировать кандидатов в депутаты Верховного совета;

- 11 человек - за агитацию против службы в РККА, попытки дискредитировать начсостав, вызвать недоверие к начсоставу, попытки вызвать недовольство воинской дисциплиной;

- 8 человек - за агитацию, направленную к восхвалению мощи фашистских государств, попытки создать неверие в силу и оборонную мощь Советского Союза и вызвать пораженческие настроения⁷⁸.

Для любого сотрудника военных трибуналов, а тем более члена Военной коллегии Верховного суда СССР, высшей доблестью считалось непримиримое отношение к «врагам народа», безжалостность и беспощадность в расправе с ними. Вот 27 октября 1938 г. Ульрих подписывает аттестационный лист на председателя ВТ КБФ бригавоенюриста В.А. Колпакова, имеющего высшее юридическое образование. Каково же его главное достоинство? По оценке Ульриха, это то, что «в своей практической работе тов. КОЛПАКОВ всегда проводил правильную судебную политику, применяя жесткие

меры судебных репрессий в отношении врагов народа и классово враждебных элементов. Уклонов и колебаний от линии партии у тов. КОЛПАКОВА не было»⁷⁹. В этот же самый день Ульрих подписывает аттестационный лист и на члена Военной коллегии (с июня 1938 г.) бригадвоенюриста М.Г. Романычева. У этого вершителя судеб человеческих образование низшее (за двадцать лет советской власти не удосужился хотя бы за пятый-шестой класс неполной средней школы экзамены сдать), но главная суть у него та же - «В практической судебной работе, как в Трибунале Черноморского флота, так и в Военной коллегии тов. Романычев всегда проводил правильную классовую линию и в борьбе с врагами народа проявил себя твердым большевиком... Уклонов и колебаний от линии партии у тов. Романычева не было»⁸⁰. И невольно всплывают в памяти слова из известного фильма: «Характер - нордический... К врагам рейха беспощаден». И уже не удивляет конечный вывод, что эти «самоотверженные борцы с врагами народа» вполне заслуживают внеочередного присвоения им военного звания диввоенюриста.

А председателю Военной коллегии Ульриху все казалось: мало, мало... И он полон творческого горения в стремлении систему истребления сделать еще более (если только это было возможно) беспощадной и уничтожающей людей без малейшего промаха. 2 апреля 1938 г. он представляет на семи страницах доклад на имя Сталина, Молотова, Ворошилова, Ежова. В этом докладе он черным по белому (зачем же стесняться между своими) пишет, что судебную практику по делам об измене родине, о подготовке и совершении террористических актов, о шпионаже и диверсиях Военная коллегия осуществляла и осуществляет под непосредственным руководством высших директивных органов. А руководство судебной деятельностью

военных трибуналов по борьбе с преступностью в Красной армии Военная коллегия проводила и проводит по установкам, непосредственно получаемым от народного комиссара обороны СССР.

Признав, таким образом, что всякое, даже самое элементарное понятие о независимом правосудии, по существу, растоптано, Ульрих всячески пытается обосновать необходимость дальнейшего ужесточения механизмов расправы и предлагает реорганизовать Военную коллегия Верховного суда СССР в «Военный Трибунал СССР». Он просит санкционировать эту всеобщую трибунализацию страны и установить такой порядок, чтобы все приговоры Военного Трибунала СССР вообще не подлежали обжалованию в кассационном порядке, а право помилования осужденных им лиц осуществлялось бы только Президиумом Верховного Совета СССР. И вот на таком палаческом документе нарком обороны тоже оставляет свой поганый след: «Пожалуй, правильно. КВ»⁸¹. Известно, что на подобную трибунализацию не посмел пойти даже Сталин. Так что в некоторых проявлениях жестокости Ворошилов превосходил и самого своего верховного покровителя.

При постоянно проводимом курсе на обвинительный приговор в действиях военных трибуналов и Военной коллегии просматривается некоторая дифференциация в подходе к различным служебным категориям военнослужащих. Это довольно определенно можно увидеть в табл. 6.

Таблица 6^[54]

***Меры наказания военнослужащим КОВО,
осужденным военными трибуналами по делам о
контрреволюционных преступлениях (в процентах)***

Приговорено	По группе рядового состава		По группе начсостава (включая мнс)	
	1937	1938	1937	1938
Ниже трех лет лишения свободы	0,9	1,9	1,6	0,5
Лишение свободы от трех до пяти лет	52,0	56,9	28,6	30,9
Лишение свободы выше пяти лет	44,6	41,2	61,1	50,0
Расстрел	-	-	8,7	18,6

Эта таблица очень убедительно свидетельствует, что и красноармейцев не жалели – более 98 % всех осужденных рядовых получали срок лишения свободы от трех до пяти, а то и больше лет. Но в то же время по отношению к красноармейцам расстрельный приговор (по крайней мере, в Киевском военном округе) в 1937–1938 гг. не применялся. По отношению к начсоставу (включая младший) приговоры трибуналов были гораздо более суровые, а в 1938 г. почти каждый пятый из осужденных военными трибуналами лиц начсостава КОВО приговаривался к расстрелу.

В условиях боевых действий в районе оз. Хасан военный трибунал действовал еще более свирепо и присуждал к расстрелу чуть ли не трех из каждых пяти осужденных (включая и красноармейцев). В своем докладе о работе военного трибунала в боевой обстановке в районе оз. Хасан председатель выездной сессии военного трибунала 1-й Отдельной Краснознаменной армии (ОКА) военюрист 2-го ранга М. Харчев привел данные о том, что из общего количества судимых этим трибуналом было оправдано 2 %, осуждены условно – 2 %, приговорены к лишению свободы на срок от трех до пяти лет 15 %, на срок от

пяти до десяти лет - 23 %, а 58 % приговорены к высшей мере уголовного наказания⁸².

Так судили военные трибуналы. О том, как судила Военная коллегия Верховного суда СССР, можно составить себе полное представление даже по одному тому факту, что уже в 1935 г. она под председательством Ульриха не только не вынесла ни одного оправдательного приговора, но даже не приняла ни одного решения о возвращении дела на доследование⁸³.

Если уж до такой степени непереносим был оправдательный приговор по «рядовому контрреволюционному делу», то для каждого подсудимого, обвинявшегося в участии в мифическом, никогда не существовавшем «военно-фашистском заговоре в РККА» (а о его наличии было объявлено в начале июня 1937 г. «самим» Сталиным), был уготован уже не просто обвинительный, а расстрельный приговор. По сообщению проработавшего много лет в аппарате Военной коллегии Верховного суда СССР полковника юстиции в отставке М.С. Сиротинского, адъютант Ульриха капитан юстиции Я.П. Сердюк в свое время рассказывал ему, что некоторые члены Военной коллегии настолько холопски усердствовали, что даже при цифре «2» на обвинительном заключении (что предписывало осуждение данного лица «по второй категории», т. е. к лишению свободы на 10, а потом на 25 лет) все же приговаривали несчастного безвинного командира (политработника) к смертной казни⁸⁴.

По некоторым опубликованным данным, Военная коллегия Верховного суда СССР и ее выездные сессии с 1 октября 1936 г. по 30 сентября 1938 г. вынесли обвинительные приговоры в отношении 36 157 человек, из них к расстрелу - 30 514 человек (83 %)⁸⁵, т. е. фактически пять из каждых шести. Это - включая и всех

гражданских лиц, попавших под неумолимую секиру Военной коллегии. Что же касается военнослужащих (а Военная коллегия в качестве суда первой инстанции рассматривала дела командиров и военных комиссаров полков, им равных и выше), то, судя по изученным мною более чем двум тысячам надзорных производств, все до единого «военные фигуранты», обвинявшиеся в участии в «военно-фашистском заговоре в РККА», неизменно приговаривались Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. И приговор этот приводился в исполнение незамедлительно, не позднее 24 часов с момента его вынесения. С полным правом можно сказать, что Военная коллегия служила не Фемиде, а Немезиде.

При изучении многих конкретных судебных дел поражает небрежно равнодушное отношение военных судей к судьбе попавших в их руки безвинных жертв. Члены Военной коллегии Верховного суда СССР тряслись от страха перед письменно выраженной волей «вождя», члены военных трибуналов следовали их гнусному, но сохранявшему собственную жизнь и достигнутое положение примеру. Всех подсудимых они, возможно, в глубине души своей (ведь была же у них душа?) рассматривали как все равно обреченных, считали, что их (судей) дело только одно – «юридически оформить» отправление несчастных жертв в мир иной. Причем оформить кое-как, лишь бы «галочку поставить». Они считали себя юристами, «борцами за правосудие», а сами полагали, что всякие «юридические формальности» это, по выражению одного из героев романа Юрия Домбровского, «факультет ненужных вещей».

Вспоминает военный юрист послевоенного времени И. Рашковец: «Столкнувшись с этими делами в период реабилитации жертв репрессий в 50-х годах, мы были просто-таки поражены тем, что протоколы судебных

заседаний, как правило, умещались на четвертушке стандартного листа, а в приговорах лишь конспективно излагалась фабула обвинения, обозначались статьи УК и меры наказания»⁸⁶. В 50-х годах этому еще можно было удивляться. В 90-е годы уже совершенно ясно, что судебного следствия фактически не осуществлялось, поэтому и протоколы судебных заседаний оказались такими куцыми, по сути – филькиными грамотами.

Вот как описывает картину проведенного над ним суда капитан Д.Н. Нешин: «В декабре (22-го) 1937 г. был закрытый суд – судил Военный Трибунал 7 ск (председательствующий – Дмитриев), два заместителя, секретарь партбюро танкового батальона и политрук 121 сп. Все пять свидетелей показали, что вся моя контрреволюционная деятельность заключалась в том, что я в 1934 г. на партсобрании выступил в прениях и сказал: «Окончательная победа социализма в одной стране не мыслится, а мыслится на мировой арене», т. е. они оценили: «Проталкивал неверие в победу социализма в одной стране». Я на суде сказал, что сделал ошибку незнательно, так как не знал, что это неверно и читал это в т(оме) IV Ленина. Но судья сказал: «Мы с собой тома Ленина не возим и не наше дело разбираться, почему вы так говорили». Еще я суду сказал, что на следствии меня избивали и т. п., но судья сказал – говорите по существу, иначе суд прекратит работу и уйдет на совещание»⁸⁷. Приговор попытавшемуся размышлять капитану звучал так: за систематическое проведение контрреволюционной троцкистской агитации – 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах⁸⁸.

Наше поколение выросло под большим воздействием поистине революционного, мужественного, безоглядно смелого поведения Георгия Димитрова на суде в гитлеровской Германии. Но ведь в

этом процессе «поджигателей рейхстага» была и другая, далеко не всегда замечавшаяся нами тогда сторона медали. Ведь Димитрова судьи не только выслушали, но и дали ему возможность защищаться, даже по его требованию вызвали на очную ставку в судебное заседание наци № 2 – самого Германа Геринга. В закрытых заседаниях советских военных судов в 30-е годы подсудимые были фактически лишены не только реальной возможности добиться правосудия, но даже того, чтобы их хотя бы выслушали.

Памятуя мудрость Сенеки: «короток путь не через наставления, а через примеры», позволю себе привести эпизод из жизни когда-то близкого мне человека. На первом и в начале второго курса учения на историческом факультете Ленинградского университета мне довелось общаться с однокашником Левой Гумилевым. Помнится, накануне очередного его отчисления из студентов, осенью 1935 г. мы вдвоем несколько часов бродили по набережной Невы от Дворцового до Литейного моста и обратно. И о чем только не говорили – ведь мне было всего 18, а ему лишь на несколько лет больше. Расстались мы, а у него начались тюремные университеты. И вот совсем недавно я у Э.Г. Герштейн прочитал о том, как Леву судили осенью 1938 г. Она вспоминает, что в это время у Анны Андреевны Ахматовой было свидание с сыном в тюрьме: «Она мне рассказывала: Лева сказал: «Мне, как Радеку, дали десять лет». И еще: «Мамочка, я говорил, как Димитров, но никто не слушал»⁸⁹. Давно уже нет в живых Л.Н. Гумилева, но мне до сих пор так и слышится его слегка шепелявый голос: «но никто не слушал»...

Хуже того. Военные судьи относились к своим служебным обязанностям не только небрежно, равнодушно, но нередко и сами преступно нарушали официальные установления, не брезгуя к

фальсификациям следователей Особых отделов НКВД на стадии предварительного следствия добавить и свою фальсификацию, теперь уже в ходе судебного разбирательства. Это обстоятельство были вынуждены признать (в секретном, конечно, документе) и сами высшие функционеры советской юстиции. 15 декабря 1938 г. нарком юстиции СССР Н.М. Рычков и председатель Верховного суда СССР И.Т. Голяков (кстати, оба - бывшие члены Военной коллегии) обратились к наркомам юстиции союзных и автономных республик, к председателям республиканских, краевых, областных, окружных и специальных судов с большим письмом, в котором попытались вскрыть серьезные ошибки и извращения, имевшие место в работе судебных органов. Но даже правильно в основном характеризую эти ошибки и извращения, при объяснении их причин нарком юстиции СССР и председатель Верховного суда страны продолжали идти в фарватере господствовавших в высшем руководстве объяснений всех бед: «Враги народа, пробравшиеся в судебные органы, преступно извращали линию партии и правительства, пытались путем необоснованного осуждения и грубого нарушения законов дискредитировать в глазах трудящихся Советский суд и скрыть от заслуженной кары действительных преступников, действительных врагов народа»⁹⁰. Очень «удобная», но насквозь лживая позиция!

А картина работы советского суда в 1937-1938 гг. была нарисована со знанием дела и производила удручающее впечатление. Из целого ряда недостатков и извращений отметим хотя бы два. Во-первых, судебные органы, принимая к своему производству уголовные дела, на подготовительном заседании не всегда достаточно серьезно изучают материалы

предварительного расследования, не проверяют соответствие обвинительного заключения фактам, установленным предварительным следствием. Во-вторых, отмечалось, что «судебные органы в некоторых случаях не только проходят мимо грубейших ошибок и извращений, допущенных на предварительном следствии, но и сами нарушают уголовно-процессуальные законы, грубо игнорируя права обвиняемых и по существу не проверяют в судебных заседаниях материалов предварительного следствия, превращая все судебное следствие в пустую формальность, а приговор суда - в штамповку обвинительного заключения»⁹¹.

Как легко следователи НКВД и члены Военной коллегии Верховного суда СССР превращали белое в черное, можно судить по делу комбрига М.Л. Муртазина. Уроженец Башкирии, он своими подвигами в годы Гражданской войны заслужил высокое военное звание, служил по ведомству маршала Буденного - начальником 2-го отделения отдела ремонта конского состава РККА. И вдруг 31 мая 1937 г. его арестовывают. Одно из главных обвинений, записанных в приговоре Военной коллегии от 27 сентября 1937 г., состояло в том, что якобы «он, являясь врагом Советского строя, в годы Гражданской войны активно боролся против Советской власти, перейдя на сторону белых из рядов РККА»⁹². При такой формуле обвинения результат предрешен - расстрел.

А что же было в действительности? Как было установлено в ходе дополнительной проверки, Муртазин 18 февраля 1919 г. по соглашению Башкирского правительства с правительством РСФСР во главе кавалерийского полка присоединился к Красной армии. Но в апреле того же года вместе с этим полком Муртазин вдруг перешел к Колчаку. В начале же

августа 1919 г. во главе уже отдельной бригады в полном ее составе снова перешел на сторону Красной армии и до конца войны героически сражался с белогвардейцами и интервентами. Факт, конечно, не рядовой. В ходе Гражданской войны, да еще столь ожесточенной, что была в нашей стране, всякое бывало. Об этом факте службы Муртазина у белых было известно советскому правительству. 17 августа 1930 г. в газете «Красная звезда» было опубликовано письмо самого Муртазина о всех этих перипетиях. Никто тогда не возражал – ибо это была правда. За боевые подвиги в годы Гражданской войны отважный комбриг был награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени, серебряной шашкой и золотыми часами⁹³. А в сентябре 1937 г. палачествующие члены Военной коллегии поставили его к стенке. Приговор отменен и комбриг Муса Лутович Муртазин реабилитирован посмертно 14 июля 1956 г.

А вот еще один из многих пример полной неосновательности, фактически – явной фабрикацией обвинения и осуждения ни в чем не повинных людей. Бывший командир 1-й дивизии ПВО г. Москвы комдив Н.В. Щеглов был арестован 31 мая 1937 г. Его обвиняли в том, что якобы бывший командующий войсками МВО командарм 2-го ранга А.И. Корк вовлек его в «военный заговор». Комдив «сознался». На основе его личных показаний, а также показаний арестованных Тухачевского, Иофина, Голяева, Костромина, Иванова и Спире осужден. Однако дополнительная проверка архивно-следственных дел установила, что показания Щеглова были вырваны у него издевательствами и избиениями, а показания всех других арестованных не могли считаться основанием для осуждения Щеглова по целому ряду обстоятельств. Выяснилось, что Корк никаких показаний в отношении Щеглова вообще не

давал. Тухачевский назвал Щеглова участником контрреволюционной организации со слов комкора Б.С. Горбачева, который якобы тоже был «вербовщиком» Щеглова. Однако в показаниях Горбачева фамилия последнего не упоминается, а сам Горбачев в суде виновным себя не признал. Показания осужденных Иофина, Голяева, Костромина и Иванова, «изобличавшие» Щеглова в антисоветской деятельности, не заслуживают доверия, так как они неконкретны и им об этом было известно со слов других лиц. В частности, Иофину со слов армейского комиссара 2-го ранга Г.И. Векличева, но последний никаких показаний о Щеглове не дал; Костромину – со слов Мурашенко, который в суде виновным себя не признал; Иванову от Швачко (по делу не допрашивался). Голяев в суде виновным себя не признал. Осужденный Спире – бывший заместитель начальника политотдела дивизии ПВО – участником контрреволюционной организации Щеглова не назвал, а только указал, что он плохо командовал дивизией⁹⁴. Таким образом, не говоря уже о полном отсутствии каких-либо объективных доказательств, в деле не было ни одного достоверного, убедительного показания. И тем не менее комдив Щеглов 28 октября был приговорен к ВМН и расстрелян.

О полном попрании судом даже видимости законности свидетельствует история осуждения армейского комиссара 2-го ранга И.Е. Славина – одного из крупнейших политработников РККА 20—30-х годов. В ходе предварительного следствия сотрудники Особого отдела НКВД без предъявления обвинения дополнительно вписали ему в обвинительное заключение расстрельную статью («совершение террористических актов»). Судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР не только не реагировало на это грубое нарушение официально

действовавшего закона, но и само преступно нарушило закон, осудив Славина по ст. 58-16 УК РСФСР, хотя эта статья ему и не предъявлялась⁹⁵.

Бывший начальник 4-го отдела штаба ЛенВО полковник И.Я. Линдов-Лифшиц арестован 3 ноября 1937 г., предстал перед судом 20 сентября 1938 г. В нарушение ст. 311 УПК РСФСР судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР (председательствующий – Ульрих, члены – Алексеев и Колпаков) вышло за пределы первоначально предъявленного Линдову-Лифшицу обвинения. Органами следствия ему предъявлялось обвинение по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР, суд же признал его виновным по статьям 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР. Между тем по статьям 58-16 и 58-8 УК РСФСР обвинение ему не предъявлялось⁹⁶. Осужден к расстрелу, реабилитирован посмертно в 1955 г.

С грубейшими нарушениями закона велось следствие в отношении бывшего командира стрелкового корпуса, а с августа 1937 г. – начальника Дальвоенстроя при СНК СССР комкора А.Я. Сазонтова. Он был арестован 26 мая 1938 г. по телеграфному распоряжению НКВД СССР. Следствие велось центральным аппаратом. Здесь не стеснялись ни в чем. Из справки Лефортовской тюрьмы видно, что Сазонтов на допросы вызывался 30 раз, в деле же имеется лишь один, «устраивающий» следователей протокол допроса. Сазонтову было предъявлено обвинение по статьям 58-1а и 58-11 УК РСФСР, в обвинительном же заключении дописана еще одна «расстрельная» статья – 58-7. С материалами дела в порядке ст. 206 УПК РСФСР Сазонтов ознакомлен не был⁹⁷.

Состоявшийся 26 августа 1938 г. суд (закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда СССР) не только не реагировал на эти нарушения, но и сам

продолжал совершенно беспардонно нарушать закон. Еще в своем подготовительном заседании коллегия предала Сазонтова суду уже по измененной статье 58-16 и «добавила» еще одну статью – 58-8. Все судебное заседание вместе с вынесением и оглашением приговора было закончено в течение 15 минут. Из протокола судебного заседания видно, что все судебное «разбирательство» свелось лишь к получению ответа на вопрос: признает ли подсудимый себя виновным⁹⁸. По всем этим статьям комкор Сазонтов был приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян. Отменен этот приговор, а Сазонтов посмертно реабилитирован 5 мая 1956 г.

Когда читаешь все это, невольно вспоминаешь, как Морис Дрюон в одном из своих знаменитых романов описывает переживания человека, попавшего в суд несправедливый: «...И тут он понял, что отныне его признали виновным и даже лишили возможности защищать себя, как будто судили мертвеца». Но ведь это было во времена дремучего Средневековья. И даже тогда считалось событием необычным. А тут в 30-е годы XX века руками «судей», цинично попиравших всяческие не только нравственные, но и юридические законы, совершалось массовое судебное убийство неповинных. Дело доходило до того, что иногда выездные сессии Военной коллегии Верховного суда СССР приговаривали людей заочно, даже не имея на руках хотя бы фальсифицированного обвинительного заключения. Так было, например, по сообщению помощника председателя Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации полковника юстиции В.М. Михасева, на Дальнем Востоке, когда временно прерывалось транспортное сообщение с Сахалином и выездная сессия выносила расстрельный приговор по телефону⁹⁹. И совершенно справедливо эти смертные

приговоры в отношении десятков тысяч неповинных современный военный юрист В.А. Бобренев квалифицировал «верхом надругательства над правосудием»¹⁰⁰.

Отметим еще одну особенность проведения «суда» над военными. Это я определил бы как необычайная скорострельность. Ведь у всех народов во все времена издревле считалось, что суд – дело серьезное, требующее не только добросовестного отношения судей к порученному им делу, знания основ своей профессии, но и определенного количества времени. Речь-то идет о судьбе, а то и о жизни живого человека. Даже далеко не из самых прогрессивных царская судебная машина в России соблюдала, как правило, необходимые нормы судопроизводства. 9 сентября 1911 г. состоялось заседание Киевского военно-окружного суда по делу Д.Г. Богрова. Подсудимому инкриминировали убийство премьер-министра правительства П.А. Столыпина. Любому непредвзято относящемуся к делу человеку вопрос казался совершенно ясен. Труп Столыпина на месте. Весь театр видел, как Богров стрелял в премьер-министра. Сам подсудимый не отрицал совершенного им преступления и ввиду полной ясности дела даже отказался от положенного по царским законам защитника. И вот при таких абсолютно неопровержимых уликах судебное заседание по делу Богрова в общей сложности продолжалось три часа¹⁰¹.

А что же творилось на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР? Судили военных – от полковников до маршала, обвиняли во всех смертных грехах, а объективных-то доказательств никаких. В лучшем для судей случае «признания» подсудимых, но нередко и их не было. И, значит, вообще никаких доказательств, кроме злобных оговоров. Судьи, при

всей их политической ангажированности и прямо-таки холуйской преданности власть предержащим, не могли не чувствовать, что творят они грязное дело, что именно их безжалостным неправомерным приговором обрекают на неизбежную позорную смерть многие тысячи прославленных героев Гражданской войны, первостроителей рабоче-крестьянской Красной армии. Очень многих из них судьи знали не только по литературе, по газетам, по радио, кино, но с некоторыми были лично знакомы и считали это знакомство за честь для себя. А теперь вот посылают их на смерть. При всем своем палачестве военные судьи в чем-то были и обычными людьми. А, наверное, каждому человеку хочется грязное дело как можно быстрее сбить с рук. Вот они и старались. А главное, конечно, хотелось как можно побыстрее «воплотить в жизнь» волю «вождя» и физически ликвидировать всех уже до суда заклеянных тавром «врага народа».

В определении Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 апреля 1956 г., реабилитировавшем прославленного героя Гражданской войны, награжденного тремя орденами Боевого Красного Знамени комкора Н.Н. Криворучко, расстрелянного по приговору Военной коллегии от 19 августа 1938 г., была дана краткая, но весьма убедительная характеристика судебного заседания по делу Криворучко, обрекшего его на смерть: «...длилось несколько минут, включая и вынесение приговора, Криворучко по существу предъявленного ему обвинения не допрашивался и его показания, а также показания других арестованных, данные ими на предварительном следствии, не проверялись. Из протокола судебного заседания видно, что Криворучко был спрошен лишь о том, когда и кем он был завербован в антисоветскую организацию. Таким образом, в нарушение закона судебного следствия, как

такового, по делу Криворучко не было»¹⁰². Судя по надзорным производствам, судебными заседаниями Военной коллегии Верховного суда СССР были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу:

За 30 минут: комкор И.И. Гарькавый и комбриг Г.Ф. Гаврюшенко.

За 20 минут: командармы 2-го ранга Я.И. Алкснис, И.Н. Дубовой, П.Е. Дыбенко, М.К. Левандовский, армейский комиссар 2-го ранга Я.К. Берзин; комкоры М.В. Сангурский и В.В. Хрипин; корпусной комиссар М.Р. Шапошников; комдивы Д.А. Кучинский, В.С. Погребной, Н.М. Роговский и О.А. Стигга; дивизионный комиссар Л.А. Борович; дивинтендант Р.А. Петерсон; комбриги А.И. Верховский и Д.К. Забелин; бригадные комиссары П.Л. Булат, А.П. Лозовский, Д.Н. Статут; бригинженер В.П. Хандриков; полковники М.П. Касаткин, К.М. Римм и П.К. Семенов; военинженер 1-го ранга С.И. Андреев.

За 15 минут: армейские комиссары 2-го ранга Б.М. Иппо, Г.А. Осепян, И.Е. Славин; комкоры В.Н. Левичев, Э.Д. Лепин, Р.В. Лонгва и А.Я. Сазонтов; комдивы Г.С. Замилацкий, С.Г. Лукирский и И.А. Ринк; флагман 2-го ранга А.В. Васильев; дивизионный комиссар Я.Я. Петерсон; дивинтендант И.Г. Прошкин; комбриги Д.И. Бузанов, И.И. Глудин, В.Е. Горев, А.И. Гречаник, А.Г. Добролеж, Н.Ф. Евсеев, В.Д. Залесский, А.Д. Малевский, Д.Д. Нахичеванский, Г.Т. Туммельтау, Ж.К. Ульман, М.А. Шошкин; бригадные комиссары С.Р. Будкевич, М.П. Захаров, Э.К. Перкон, К.И. Подсотский, С.А. Сухотин, В.Х. Таиров, В.А. Трифонов, Н.Л. Шпекторов; инженер-флагман 2-го ранга Б.Е. Алякрицкий; бригинженеры С.Д. Иудин, А.Н. Кокадаев; полковники Я.Я. Бушман, Н.Л. Владиславский-Крекшин, И.В. Высоцкий, А.В. Емельянов-Сурик, Н.Е. Ефимов, Л.Н. Затонский, И.С. Карпицкий, М.С. Плотников; полковой комиссар Э.М. Ханин; военинженер 1-го ранга А.Н. Шахвердов; военинженеры

2-го ранга Г.Э. Куни и И.Д. Марунчак; батальонный комиссар П.Я. Ивангородский.

За 10 минут: комдив Я.Г. Рубинов; флагман 1-го ранга Э.С. Панцержанский; комбриг И.Г. Ключко; бригадный комиссар С.Б. Рейзин; полковой комиссар Д.А. Федотов; майор И.В. Гомзов.

А для того чтобы отправить на тот свет начальника агитпропотдела Политуправления РККА дивизионного комиссара Х.Х. Харитонов и начальника кафедры иностранных языков ВАММ РККА полковника Ф.Л. Григорьева, членам Военной коллегии Верховного суда СССР вполне хватило 5 (пяти!) минут на каждого.

И наконец еще один своеобразный момент в судебной деятельности военных трибуналов и Военной коллегии Верховного суда СССР в эти годы. Это - их полное единодушие. Мировая история судопроизводства полна примерами, когда судьи терзались от раздирающих душу сомнений: знаю ли я достоверно и досконально вину подсудимого, уверен ли я, вправе ли я послать его на смерть? По библейской легенде даже Понтий Пилат мучился этими сомнениями, и как бы кто к нему ни относился, все-таки он предпочел «умыть руки». История русской юриспруденции эпохи царизма знает немало случаев, когда даже среди самых приближенных к престолу находились ревнители справедливости, не убоющиеся ради милосердия пойти против «общего мнения» и даже «монаршей воли». В 1826 г. судили декабристов. Состав преступления по действовавшему тогда в Империи законам был налицо - факт антиправительственного заговора тайного общества, вооруженного восстания, вплоть до убийства генерала никто оспорить не смог и не пытался. И все же адмирал Н.С. Мордвинов отважился отказаться подписать смертный приговор декабристам. Восхищенный Пушкин в стихотворении «Мордвинову» написал:

Ты лиру оправдал, ты ввек не изменил
Надеждам вещего пиита.

Когда в ходе первой русской революции в связи с приобретшими обвальным характер террористическими действиями и убийствами (особенно со стороны молодежи эсеровского толка) правительство ввело военно-полевые суды, то их смертные приговоры даже при абсолютно доказанном составе преступления вступали в силу лишь при их утверждении командующим войсками военного округа. И даже в этой до предела накаленной обстановке командующий войсками Киевского военного округа генерал Каррас не утвердил ни одного приговора к смертной казни.

Расстрельные приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР ничьего утверждения не требовали – они означали безусловную немедленную смерть несчастной жертвы судебного произвола. И судьи посылали на эту смерть единодушно. В более чем двух тысячах изученных мною надзорных производств я не встретил ни единого случая особого мнения судьи в 1937–1938 гг. Судили дружно, как по команде. Многие даже думали, что делают великое дело для укрепления боеспособности РККА. А некоторые даже чуть ли не в экстазе. Один из старейших военных судей, бывший член Военной коллегии Верховного суда РСФСР В. Никифоровский вспоминал: «Мы судили контрреволюционеров на основании совести и правосознания, во что крепко, до самозабвения верили»¹⁰³. Спрашивается, во что верили? В совесть? Так эта категория отнюдь не партийная, да и не советским военным судьям второй половины 30-х годов говорить о ней. В правосознание? Да какое же правосознание может быть в неправовом государстве? Точнее надо бы сказать бывшему члену Военной

коллегии: судили так, потому что нам велели. Вот и вся нехитрая механика. Да еще страх перед НКВД. Понять это можно. Но оправдать и даже простить нельзя. И просто удивления достойно, что и через полстолетия после этих диких судов заслуженный юрист РСФСР С. Мирецкий пытался уверить ко всему приученных советских читателей, что «в обстановке массового произвола ни военные трибуналы, ни любые иные судебные инстанции не могли противостоять оказываемому на них давлению со стороны следственных органов»¹⁰⁴.

Это утверждение можно признать в какой-то степени справедливым лишь по отношению к военным трибуналам войск НКВД, что же касается военных трибуналов в РККА и Военной коллегии Верховного суда СССР, то они ни в какой мере официально не подчинялись структурам НКВД. А если большинство военных судей лебезили перед следователями НКВД, то это уже показатель их личных нравственных качеств и уровня собственной совести. Историки до сих пор спорят о том, был ли Борис Годунов причастен к гибели царевича Дмитрия. Пушкин считал, что в какой-то мере был. И поскольку Борис показан поэтом человеком совестливым, то у него «мальчишки кровавые в глазах». Прошло более трех столетий, и люди, называемые высоким именем судьи, без всяких объективных доказательств отправляют на смерть десятки тысяч безвинных людей. И никаких душевных треволнений (по крайней мере, не замечено). Наоборот, даже гордятся своим зловещим усердием. Конечно, необходимо учитывать и царившую в стране общую атмосферу истерической подозрительности, позорного равнодушия к судьбам других, особенно «классово чуждых», «социально неполноценных» людей. Как верно заметил по другому поводу профессор Г. Лепин, «все мы жили в

свободной от угрызений совести стране, часто оказывались послушными винтиками в безжалостной системе абсолютного безразличия к конкретному человеку...»¹⁰⁵.

Таковыми «послушными винтиками» были, увы, и почти все военные судьи в 1937–1938 гг. С усердием, достойным лучшего применения, они старательно и почти механически освящали авторитетом суда состряпанные следователями особых отделов НКВД обвинительные заключения.

«ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК...»

Таковыми вот торжественными словами начинался оглашаемый в судебном, заседании военных трибуналов или Военной коллегии Верховного суда СССР приговор. И целых два долгих-предолгих года – 1937-й и 1938-й – все эти приговоры по отношению к военным служащим РККА, обвиненным в участии в «военно-фашистском заговоре», неизменно заканчивались: приговорить к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с лишением персонального военного звания и конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

Принимая такие поистине драконовские решения, военные судьи обычно стремились успокоить свою совесть (у кого она еще оставалась) прежде всего тем утверждением, что подсудимые «сами признали свою вину», подтвердили данные на предварительном следствии показания. Да, действительно многие, очевидно, большинство судимых «за участие в заговоре» не только на предварительном следствии «признались» в несовершенных ими преступлениях, но подтвердили эти «признания» и в судебном заседании. А ведь именно личное признание считали высшим доказательством вины подсудимого такие деятели, как глава Всесильного ВЧК Дзержинский, нарком юстиции Крыленко, прокурор Союза ССР Вышинский.

Справедливости ради надо отметить, что, как явствует из недавно опубликованной стенограммы заседания февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) от 3 марта 1937 г., Вышинский в своем выступлении

довольно резко осудил такую практику. Более того, тенденцию построить следствие на собственном признании обвиняемого квалифицировал как «основной недостаток, который имеется в работе следственных органов НКВД и органов нашей прокуратуры»¹⁰⁶ и призвал следователей всемерно заботиться о сборе объективных доказательств вины обвиняемого. «Ведь только при этом условии, – совершенно справедливо говорил он, – можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину»¹⁰⁷. Правда, из дальнейших его рассуждений становится ясно, что Вышинского в данном случае интересовало не столько установление истины, сколько стремление избежать значительной опасности для суда. Ход рассуждений прокурора Союза ССР таков: «Если все дело строится лишь на собственном признании обвиняемого – если такое дело рассматривается судом и если обвиняемый на самом процессе отказывается от ранее принесенного признания, то дело может провалиться»¹⁰⁸.

Конечно, было бы неправильно вообще отрицать значение личного признания подсудимого. Но еще более опасно считать его «царицей доказательств». Ибо это признание может быть получено в результате действия самых разных причин. И одна из самых губительных, это когда признание получено под давлением следствия. В предыдущей главе я довольно подробно показал, как это делалось в ходе предварительного следствия. Документы свидетельствуют, что следователями Особых отделов НКВД была разработана целая система воздействия на предаваемых суду лиц комначполитсостава с тем, чтобы они и на суде подтвердили свои прежние показания. Тут в дело шло все – от фальшивых посулов «облегчить участь», обещаний пощадить жену и детей

до всяческого запугивания и открытых угроз беспощадной расправы.

Для того чтобы расстрельный приговор Военной коллегии звучал более весомо и как бы обоснованно, следователи Особых отделов НКВД и военные судьи стремились обвинить подследственных (подсудимых) в максимально возможно большем количестве «контрреволюционных» преступлений, подпадающих под «расстрельные» статьи уголовных кодексов РСФСР и других союзных республик.

Начальник штаба 2-го кавкорпуса беспартийный 45-летний доктор военных наук (много ли их тогда в РККА было?) комбриг С.И. Байло был арестован в Киеве НКВД УССР 12 сентября 1937 г. За активное участие в Гражданской войне он был дважды награжден орденом Боевого Красного Знамени. За период с 1922 г. по 1934 г. аттестовался по службе только положительно. А теперь вдруг арест. Чтобы «упечь» его наверняка, сначала следователи НКВД, а затем Военная коллегия Верховного суда СССР в своем приговоре от 19 ноября 1937 г. признала комбрига Байло виновным в том, что он якобы с 1921 г. являлся участником украинской контрреволюционной националистической организации, с 1927 г. – военно-монархической организации, а в 1936 г. вовлечен в военно-фашистский заговор. Кроме того, ему был вменен еще шпионаж в пользу одного из иностранных государств. Дважды краснознаменец Байло был доведен до такого состояния, что и на предварительном следствии и в суде «признался» во всех этих мифических преступлениях. Приговорен к ВМН и 20 ноября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно 19 октября 1959 г.¹⁰⁹.

25 января 1938 г. был арестован бывший военный атташе СССР в Испании, трижды орденосец комбриг В.Е. Горев. «Были сборы недолги» – и уже 20 июня того

же года приговором Военной коллегии он был признан виновным в том, что еще в 1925 году, находясь в Китае в качестве военного советника, якобы входил в состав контрреволюционной троцкистской группы и принимал участие в предательской деятельности, направленной на поражение народно-революционной армии Китая. Далее он обвинялся в том, что с 1935 г. является участником антисоветского военного заговора. И, наконец, находясь в Испании в 1936–1937 гг., будто бы принимал участие в предательской деятельности, направленной на поражение республиканской армии Испании. К этому еще добавлялось обвинение в шпионской деятельности в пользу английской разведки с 1935 г.¹¹⁰. При таком букете преступлений, да при признании Горевым всех этих нагромождений (сначала отрицал) в ходе следствия и подтверждения на суде, Военная коллегия все это дело вместе с написанием и оглашением приговора сумела повернуть за 15 минут. Приговор для 1937 и 1938 годов – стандартный и однообразный – ВМН. В октябре 1956 г. определением Военной коллегии в другом уже составе приговор этот «по вновь открывшимся обстоятельствам»¹¹¹ был отменен, комбриг Горев полностью реабилитирован. Но все эти обстоятельства имели место и в 1938 году, просто тогда военные судьи не хотели обращать на них никакого внимания.

А вот еще одна человеческая судьба. Никифор Александрович Полянский (1894 г. р.), царицынский рабочий, в 1914 г. призван в армию и там в мае 1916 г. вступил в ряды большевистской партии. В 1917 г. активно участвует в революционной работе в родном Царицыне. Затем командирован в Астрахань. В годы Гражданской войны – начальник политотдела, комиссар дивизии в XI армии. Награжден орденом Боевого Красного Знамени. В 1924–1929 гг. служит комиссаром

дивизии в Горьком, затем в Туле. Успешно заканчивает курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). В 1931 г. вместе с другими наиболее перспективными политработниками переводится на командную работу. В числе всего нескольких человек назначается командиром дивизии в Костроме. В 1932-1934 гг. слушатель и секретарь парторганизации Особого факультета Военной академии им. Фрунзе. Делегат X, XI, XIV, XV, XVI и XVII Всесоюзных партсъездов. С 1934 г. командир 82-й стрелковой дивизии в г. Молотов. В 1935 г. ему присваивается персональное военное (командное) звание комбрига. И вот его арестовывают, обвиняют в участии в «военно-фашистском заговоре», во вредительстве, шпионаже. 9 августа 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговаривает его к ВМН. Приговор отменен 1 сентября 1956 г., а дело производством прекращено «за отсутствием состава преступления»¹¹².

Почти всем без исключения представшим в 1937-1938 гг. перед судом Военной коллегии Верховного суда СССР лицам комначполитсостава инкриминировалось обвинение в участии (вариант: в активном участии) в «военно-фашистском заговоре в РККА», ставившем (по стандартной формулировке приговора) своей целью свержение диктатуры пролетариата и реставрацию капитализма путем террора, государственной измены и подрыва мощи РККА. Поскольку всех этих обвиняемых судили по установленному 1 декабря 1934 г. донельзя упрощенному варварскому порядку судопроизводства, то, естественно, на первое место ставилось обвинение в терроризме. Достаточно было прозвучать слову «террорист», и сразу «суду все ясно» – «вышка».

И вот ведь что странно и удивительно. Среди более чем двух тысяч изученных мною надзорных

производств, мне удалось выявить лишь несколько лиц высшего начсостава, которые обвинялись в участии в терроризме по отношению к действительно убитому человеку, а именно – С.М. Кирову. Прошло уже почти три года после его злодейского убийства, убийца схвачен на месте преступления и скоропостижно расстрелян. Заодно по обвинению в убийстве расстреляны еще многие десятки совершенно безвинных, как теперь выяснилось, людей, сотни и тысячи полноводным «кировским потоком» брошены в тюрьмы, лагеря, ссылку, на поселение, высылку... А военная «юстиция» все еще рыщет и, представьте себе, отыскивает новых «злодеев». Судебным заседанием Военной коллегии был признан «участником антисоветской троцкистско-зиновьевской террористической организации, совершившей злодейское убийство С.М. Кирова» бывший начальник артиллерии Уральского военного округа беспартийный комбриг И.Э. Блюм¹¹³. А 12 и 15 сентября 1937 г. судебным заседанием Военной коллегии в одном и том же составе (председательствующий – Матулевич, члены: Зарянов и Жигур) точно по такому же обвинению приговариваются к расстрелу бывший начальник строительно-квартирного отдела ЗакВО комбриг Д.К. Забелин и бывший начальник АБТВ этого же округа бригадир О.Д. Петров¹¹⁴. Как показала дополнительная проверка в отношении комбрига Забелина, это смертельное по тем временам обвинение «никакими материалами дела не подтверждено»¹¹⁵, но, очевидно, Матулевича и К° это волновало меньше всего. Им было важно, чтобы подобное обвинение прозвучало и было бы зафиксировано и подтверждено «признанием» жертвы. И, конечно же, всех их – к расстрелу. А потом оказалось, что безвинно...

Наиболее часто применявшимся «террористическим» обвинением было вменение участия в деятельности террористических групп, их организации, в подготовке террористических актов против здравствующих руководителей партии и правительства. Именно по таким обвинениям были в разное время в 1937 г. приговорены к расстрелу бывший заместитель начальника Военно-политической академии им. Толмачева дивизионный комиссар И.С. Нижечек, бывший начальник ЦДКА (с 1935 г. – директор Большого театра) бригадный комиссар В.И. Мутных («за создание троцкистской террористической группы в ГАБТе»)¹¹⁶, заместитель коменданта Московского Кремля и начальник Управления коменданта Московского Кремля дивизионный комиссар М.А. Имянинников (как участник «военно-террористического заговора в Кремле»), начальник кафедры военной истории Военной академии им. Фрунзе, член партии с апреля 1917 г. комбриг Н.Ф. Евсеев (как участник «антисоветской террористической казачьей организации»)¹¹⁷ и т. п.

Восемнадцатилетним юношей М.С. Дейч в октябре 1918 г. добровольно поступил на службу в Красную армию. Участвовал в Гражданской войне, в борьбе с басмачеством. С 1923 г. проходил службу в авиации на должностях пилота, командира отряда, эскадрильи, командира авиабригады. В 1936 г. в счет «1000» направлен для прохождения службы в Осоавиахим, на должность начальника Центрального аэроклуба СССР. 5 августа 1937 г. комбриг М.С. Дейч был арестован органами НКВД, а 28 октября этого же года по приговору суда Военной коллегии (Ульрих, Преображенцев, Рутман) был признан виновным в том, что якобы являлся участником контрреволюционной террористической организации и «готовил в системе

Центрального аэроклуба СССР создание террористической группы для совершения терактов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства 18 августа 1937 года»¹¹⁸ на Тушинском аэродроме в день воздушного парада. Дейч во всем «признался». Приговорен к расстрелу. Реабилитирован в апреле 1956 г.

По обвинению в подготовке террористических актов были осуждены в 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР бывший заместитель командующего войсками МВО комкор Б.С. Горбачев, бывший военный комиссар Томского артиллерийского училища С.И. Агейкин, бывший начальник 10-го отдела Разведуправления РККА бригадный комиссар А.П. Лозовский, бывший ответственный инструктор президиума Центрального совета Осоавиахима СССР член большевистской партии с 1904 г. комдив К.И. Калнин, бывший начальник штаба Военной академии механизации и моторизации РККА комбриг Н.С. Рудинский, бывший начальник Специального факультета Военной академии им. Фрунзе комбриг Ж.К. Ульман¹¹⁹ и др.

Абсолютно «убойными» считались обвинения в подготовке покушения на «железного наркома» (о «великом вожде и учителе» я уж не говорю). По этим фальшивым, насквозь надуманным и сочиненным особистами версиям были приговорены к расстрелу один из героев Гражданской войны, трижды раненный на ее полях, награжденный двумя орденами Боевого Красного Знамени комдив Д.А. Шмидт (именно ему в свое время Эдуард Багрицкий посвятил «Думу про Опанаса»), начальник штаба 10-го стрелкового корпуса комбриг В.Б. Евгеньев, дважды краснознаменец майор Б.И. Кузьмичев. Судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР (Орлов, Лернер, Суслин) 30 июня

1938 г. отправило на плаху бывшего военкома 21-й мехбригады (БВО) полкового комиссара Э.М. Ханина – среди инкриминируемых ему обвинений было и такое: «Подготавливал террористический акт в отношении Наркома Обороны товарища Ворошилова»¹²⁰. Расстрелян в тот же день; реабилитирован посмертно.

Одним из главных обвинений расстрельного приговора по отношению к бывшему заместителю начальника разведотдела штаба ОКДВА майору Г.И. Гилеву было то, что он якобы готовил теракт по отношению к командующему этой армией Маршалу Советского Союза В.К. Блюхеру¹²¹. Майора, конечно, расстреляли. И только через 19 лет этот приговор был отменен, безвинно убитый реабилитирован, но уже посмертно.

Исключительно широко военными судьями (с подачи следователей Особых отделов НКВД) применялось обвинение подсудимых в подготовке вооруженного восстания. Здесь были возможны самые различные вариации. Многие зависели от должности, которую занимал подсудимый ранее, а главное – от кругозора и полета фантазии следователей, членов военных трибуналов и Военной коллегии Верховного суда СССР. 29 января 1938 г. был арестован адъютант Маршала Советского Союза С.М. Буденного полковник М.М. Аквилянов. 25 августа того же года его судит Военная коллегия Верховного суда СССР и «признает виновным в том, что он является участником антисоветского военно-фашистского заговора, ставившего своей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания и террора над руководителями партии и Советского правительства»¹²² (из приговора). Аквилянов осужден к расстрелу и приговор приведен в исполнение. Позиция самого Буденного по этому вопросу пока не известна. Видно, молчал не только

тогда, но и после смерти Сталина, и даже после XX съезда. И лишь 15 декабря 1961 г. Главная военная прокуратура возбудила вопрос об отмене приговора и прекращении дела, «так как в настоящее время установлено, что т. н. «военно-фашистского заговора» не существовало»¹²³. 22 февраля 1962 г. М.М. Аквилянов реабилитирован посмертно.

Бывшему командующему Белорусским военным округом командарму 1-го ранга И.П. Белову и бывшему начальнику Разведуправления РККА комкору С.П. Урицкому вменялись в вину разработка плана восстания и захвата власти в Москве, установление связи с американским генеральным штабом и передача шпионских сведений американской разведке¹²⁴.

В приговоре Военной коллегии от 29 августа 1938 г. бывший командующий войсками ПриВО комкор П.А. Брянских наряду со стандартным для того страшного для Красной армии времени обвинением в принадлежности к «военно-фашистскому заговору» был еще обвинен и в том, что будто бы «в соответствии с контрреволюционными целями проводил в 10 стрелковом корпусе подрывную вредительскую работу и подготавливал корпус к участию в контрреволюционном перевороте с целью установления военно-фашистской диктатуры...»¹²⁵.

Вот еще только несколько примеров, как по этим надуманным, никакими объективными доказательствами не подтвержденным обвинениям Военная коллегия отправляла в 1937-1938 гг. на смерть командиров и политработников РККА. Бывшего начальника физподготовки РККА комдива Н.В. Ракитина Военная коллегия признала виновным в том, что якобы он лично проводил подготовку к вооруженному восстанию частей 5-го мехкорпуса, которым он ранее командовал, и имел для этой цели конкретно

разработанный оперативный план¹²⁶. Были приговорены к расстрелу командир 133-й мехбригады комбриг Я.К. Евдокимов по обвинению в том, что он будто бы получил от Якира задание подготовить бригаду к вооруженному восстанию против советской власти, и командир 54-й скоростной бомбардировочной авиабригады 34-летний полковник Д.Д. Зимма за то, что по заданию того же Якира готовил авиабригаду для выполнения боевых задач в интересах заговора¹²⁷.

Подобные обвинения инкриминировались и руководителям ряда военно-учебных заведений. В приговоре по делу бывшего начальника Военной школы им. ВЦИК комбрига Н.Г. Егорова утверждалось, что он должен был по плану заговора вывести вверенную его командованию школу «кремлевских курсантов» для участия в вооруженном перевороте, а бывший начальник штаба Военной академии химзащиты РККА полковник Л.Н. Затонский – в том, что он разработал план участия этой академии в вооруженном восстании против советской власти¹²⁸.

Бывший командир 15 сд комбриг Д.И. Гудков обвинялся в том, что, используя свое служебное положение, проводил подготовку частей вверенной ему дивизии «к переходу во время войны на сторону заговорщиков, противодействуя изъятию из этой дивизии антисоветски настроенного начсостава, через которых проводил пораженческую работу и популяризацию руководителей заговора, врагов народа ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА и других, являвшихся агентами иностранных разведок. Наряду с этим, подсудимый ГУДКОВ в своей контрреволюционной деятельности проводил линию дискредитации политработников в частях, беря упор на ослабление политической подготовки бойцов дивизии»¹²⁹.

Командир 12-й танковой бригады (КВО) комбриг М.Я. Колесниченко в многочисленных аттестациях характеризовался исключительно с положительной стороны, как дисциплинированный, волевой, энергичный, требовательный и политически развитый командир, который, как сказано в позднейшем заключении ГВП, «являлся образцом лучшего командира Советской армии»¹³⁰. Но вот 10 мая 1938 г. сотрудники особого отдела НКВД арестовывают его, выбивают из него «признательные» показания, на основе которых Военная коллегия в своем заседании от 2 октября 1938 г. признает его виновным в том, что он якобы являлся участником антисоветской военно-националистической украинской организации, ставившей своей целью путем вооруженного восстания отторгнуть Украину от СССР и установить буржуазно-фашистский строй¹³¹, и приговорен к ВМН. Реабилитирован посмертно в декабре 1957 г.

Очевидно, устав от шаблонного обвинения в подготовке вооруженного восстания, члены Военной коллегии нередко предъявляли и такое своеобразное обвинение: мол, в будущей войне вы собирались перейти на сторону фашистов и империалистов. Среди целой кучи «расстрельных» обвинений бывшему военкому 12 ск дивизионному комиссару Д.Д. Плау фигурировало и такое – он «готовил переход корпуса на сторону фашизма»¹³². Высокопоставленных судей из Военной коллегии отнюдь не смущало, что речь-то шла о корпусе, который тогда дислоцировался в Приволжском военном округе. Или они уже тогда предвидели, что фашисты дойдут до Волги и «предатель-комиссар» осуществит свой «изменнический план»?

Не забывали судьи и об Японии. Бывший командующий ВВС Тихоокеанского флота комдив Л.И.

Никифоров был обвинен в том, что якобы подготовлял в военное время бомбежку своих кораблей и перелеты самолетов на сторону противника¹³³ (здесь до Японии хоть ближе было, чем из ПриВО до Германии). А бывший начальник штаба Владивостокского укрепрайона полковник П.Ф. Янушкевич был расстрелян за то, что он, по закрепленному в официальном – от имени Союза ССР – приговоре Военной коллегии, «готовился к сдаче японцам во время нападения на СССР главной базы Тихоокеанского флота»¹³⁴.

В обвинительных приговорах использовались и другого рода варианты. Бывший помощник начальника 1-го отдела Управления начальника артиллерии РККА полковник А.П. Мухин обвинен в том, что должен был обеспечить повстанцев артиллерийскими орудиями и боеприпасами к ним¹³⁵.

Довольно широко вменялось обвинение в создании различного рода «повстанческих» организаций и групп. Бывший член Военного совета ЗабВО корпусной комиссар В.Н. Шестаков был признан виновным в том, что готовил повстанческие кадры для вооруженного восстания, а начальник штаба и врид командующего Приморской группой войск ОКДВА комдив А.Ф. Балакирев – в том, что якобы разрабатывал оперативные планы войны с расчетом на создание условий для поражения Красной армии, насаждал в пограничных районах диверсионно-повстанческие группы для использования их против Красной армии и давал задания другим участникам заговора провоцировать на границе вооруженные конфликты с целью вызова нападения Японии на Советский Союз¹³⁶. «Создавал повстанческие организации», согласно приговору Военной коллегии, и член Военного совета КБФ корпусной комиссар Г.А. Зиновьев, а «боевые повстанческие группы» – начальник управления

авиации Центрального совета Осоавиахима СССР, награжденный двумя орденами Боевого Красного Знамени, комдив Н.М. Уваров¹³⁷. В организации повстанческих групп был обвинен и бывший секретарь партийной комиссии Бурят-Монгольской кавбригады И.П. Андреев¹³⁸.

Одним из самых расхожих обвинений, наверняка «обеспечивавшим» расстрельный приговор, было обвинение в шпионаже. В те поистине кошмарные времена следователи Особых отделов НКВД и военные судьи действовали по весьма простой, можно даже сказать, примитивной схеме. Объявляли того или иного командира, политработника шпионом и требовали, чтобы он доказал, что он не шпион. Давным-давно известный метод: докажи, что ты не верблюд. То, что бремя доказательства лежит на истце, на обвинителе – судьи и слышать не хотели. Хотя они прекрасно знали, что соответствующие компетентные органы в Советском Союзе вели тщательнейший учет не только действовавших шпионов, но и всех могущих только подумать об этом. Все эти данные бережно хранились в Особом архиве НКВД СССР. Но мне не удалось выявить ни одного случая, чтобы, осуждая на смерть «за шпионаж», судьи в 1937-1938 гг. поинтересовались бы мнением государственной организации, специально занимавшейся этой проблемой.

Обвинение в шпионаже в пользу иностранных разведок фигурировало уже на закрытом судебном процессе по делу Тухачевского, Уборевича, Якира и др. В научной, а особенно в публицистической литературе широко освещался вопрос о так называемой «Красной папке» – подготовленных спецслужбами нацистской Германии фальсифицированных материалах о сотрудничестве Тухачевского с германской разведкой. Подробно расписывая всю эту авантюрно-криминальную

историю, некоторые авторы забывают сказать о том, что на процессе Тухачевского и других эта папка не фигурировала. Очевидно, Сталин не рискнул выпустить эту явную «липу» на процесс, где в качестве судей выступали Алкснис, Белов, Блюхер, Дыбенко, Каширин, Шапошников и др. Учел он, очевидно, и то, что к обвинению в шпионаже кадровые военные относятся особенно болезненно и будут всячески стараться доказать несостоятельность представленных обвинением документов. Не было гарантий, что и состряпавшие фальшивку немецкие спецслужбы непременно будут молчать. Поступили проще: совершенно голословно объявили их шпионами.

При вменении шпионажа судьи (вслед за следователями Особых отделов НКВД) нередко руководствовались и такой убийственной, по их мнению, «логикой». Если подсудимый командир по национальности поляк, то он почти автоматически зачислялся в польские шпионы, латыш - в латышские, эстонец - в эстонские, ну а немец, конечно же, в германские. Обвинение в шпионаже было дополнительным довеском для принятия расстрельного приговора. Так, в судебных заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР совершенно бездоказательно были объявлены шпионами в пользу той или иной зарубежной разведки заместитель начальника Генерального штаба РККА комкор В.Н. Левичев (якобы был связан с руководством германской армии и передавал за границу сведения оперативно-мобилизационного характера)¹³⁹, а заместитель командующего ОКДВА комкор М.В. Сангурский - в шпионаже в пользу японской армии. Кстати замечу, что в деле Сангурского зафиксировано его показание о том, что за антисоветскую диверсионно-вредительскую и шпионско-террористическую деятельность центром

правотроцкистской организации в ДВК было получено от японской разведки около трех миллионов рублей¹⁴⁰. Судя по изученным мною документам, к подобным обвинениям в получении «иудиных сребреников» даже в те годы прибегали довольно редко.

Были признаны Военной коллегией как шпионы бывший начальник 2-го отдела Разведуправления РККА комдив О.А. Стигга («выдал зарубежную агентуру Разведупра»), осужденный в феврале 1939 г. бывший начальник ГУЛАГа НКВД СССР дивинтендант И.И. Плинер («передавал секретные сведения о количестве лагерей НКВД и заключенных»), командир 5-го авиакорпуса комдив В.С. Коханский, командир 51 сд комбриг Н.А. Прокопчук, помощник начальника кафедры Военной академии Генштаба РККА комбриг А.Д. Малевский¹⁴¹ и др.

Казалось бы, что шпионства в пользу даже одной зарубежной разведки вполне достаточно для истребления одного предателя. Но, очевидно, понимая шаткость своих обвинений, следователи НКВД, а за ними и члены Военной коллегии «для увесистости» усердствовали «в обвинении» подсудимых в шпионаже в пользу разведок сразу нескольких стран. Командир 48 сд комбриг Д.М. Ковалев, член большевистской партии с 1917 г., за все время службы в Красной армии характеризовался только с положительной стороны как энергичный, морально устойчивый, преданный своему делу командир РККА. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Набор наград Родины – редкостный по тем временам. И вот боевой 40-летний комбриг был доведен до того, что «признался»: с 1928 г. он шпион японский, с 1935 г. – немецкий, а находясь в 1937 г. в Испании, передавал шпионские сведения германским разведорганам¹⁴². Бывший член Военного совета САВО

член партии с 1907 г. дивизионный комиссар Ф.Д. Баузер был признан судебным заседанием Военной коллегии шпионом германским и латвийским¹⁴³; бывший помощник инспектора кавалерии РККА беспартийный комбриг Б.К. Верховский – в том, что якобы с 1917 г. являлся агентом германской, а с 1918 г. – и английской разведок.

Но и этого все было мало. Доброволец-красногвардеец с декабря 1917 г., выращенный советской властью до должности военного атташе в Китае, комкор Э.Д. Лепин был «признан виновным» в том, что он шпион латвийский, затем – английский и, наконец, японский¹⁴⁴. Агентом японской, немецкой и французской разведок «признали» бывшего начальника отделения Разведуправления РККА полковника И.Г. Германа¹⁴⁵.

Арестованный 2 февраля 1938 г. командующий войсками Закавказского военного округа комкор Н.В. Куйбышев приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа 1938 г. был признан виновным в руководстве диверсионно-вредительской работой, а также в том, что являлся агентом германской, польской, литовской и японской разведок¹⁴⁶. Как показала дополнительная проверка в 1956 г., Особый архив МВД СССР и отдел оперативного учета КГБ при Совете Министров СССР никакими сведениями о принадлежности Н.В. Куйбышева к разведорганам вышеназванных государств не располагали. Да они и не могли ими располагать, так как их в природе не было. Но тогда – летом 1938 г. – у суда Военной коллегии тоже не было никаких объективных доказательств, но зато имелись «признательные» показания самого комкора Н.В. Куйбышева, данные им и на предварительном следствии, и в судебном заседании¹⁴⁷. А что прикажете делать с признавшимися

шпионами разведок четырех государств? Только расстреливать. Что и было проделано в день вынесения приговора Военной коллегии. И вот возникает вопрос: до какой же степени уничтожения личности надо было довести человека, чтобы родной брат крупного и прославленного на всю страну деятеля ВКП(б) и Советского государства – Валериана Куйбышева, сам – видный военный деятель, награжденный тремя орденами Боевого Красного Знамени, комкор, – мог так клеветать на самого себя?

Своеобразным рекордом шпиономании можно считать дело одного из самых известных авиационных начальников середины 30-х годов. Командующий воздушной армией, дважды орденносец комкор В.В. Хрипин был сотрудниками Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Н.Г. Николаевым (Журид) и З.М. Ушаковым (Ушимирским) забит до того, что сам себя признал (а затем и судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР подтвердило и закрепило в приговоре «Именем Союза ССР») агентом целой кучи иностранных разведок: с 1920 г. – французской, с 1922 г. – германской, с 1932 г. – итальянской, а также английской, чехословацкой и польской¹⁴⁸. Последующая проверка в 1956 г. показала, что все эти утверждения – болезненные измышления злонамеренной воли следователей и судей. А тогда комкор Хрипин был немедленно расстрелян. Реабилитирован посмертно 14 июня 1956 г.

Чуть ли не каждому судимому «участнику военно-фашистского заговора в РККА» вменялась в вину и вербовка новых членов этого заговора. В заседании 5 октября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР записала в приговоре, что бывший заместитель начальника политуправления ХВО корпусной комиссар Н.А. Савко якобы лично завербовал в этот заговор 15

человек¹⁴⁹. В основу обвинения бывшего члена Военного совета МВО корпусного комиссара Б.У. Троянкера были положены полученные после соответствующей обработки показания тринадцати уже арестованных командиров и политработников и его собственные (если судить по архивно-следственному делу) «признания», в которых он назвал около 50 человек, завербованных им новых заговорщиков¹⁵⁰. Как показала дополнительная проверка, все эти заявления оказались несостоятельными, ложными. Но это потом, а тогда оба корпусные комиссары были приговорены к расстрелу.

Одной из почти постоянных составляющих обвинительных заключений, а затем и приговоров было обвинение в диверсионно-вредительской деятельности. Обычно оно было совершенно голословным, никаких конкретных фактов не содержало. Но иногда его пытались подкрепить то ли фактами, то ли какими-то реальными, по мнению следователей и судей, действиями подсудимых. Например, в обвинительном заключении на бывшего заместителя начальника Главного Морского штаба РККФ флагмана 2-го ранга В.П. Калачева утверждалось, что Калачев по заданию начморси флагмана флота 1-го ранга В.М. Орлова и флагмана 1-го ранга И.М. Лудри «сорвал разработку программы кораблестроения, задержал разработку вопроса развертывания Тихоокеанского флота, составил нереальный план оргмероприятий и поддерживал вредительское строительство баз»¹⁵¹. В ходе дополнительной проверки это обвинение Калачева было опровергнуто заключениями Главного штаба Военно-Морского флота Министерства обороны СССР от 18 апреля и 13 мая 1955 г. Но тогда – 14 июня 1938 г. – Военной коллегии Верховного суда СССР был «недосуг» разбираться в доказательности, истинности тех или

иных обвинений, и трое судей (Орлов, Преображенцев, Жагров) преспокойно приговорили Калачева к расстрелу. Реабилитирован посмертно 20 августа 1955 г.

Бывший начальник отдела артиллерийских баз Артуправления РККА комдив Ф.И. Ольшевский 9 декабря 1937 г. был признан Военной коллегией виновным в том, что якобы проводил вредительскую работу и создал на ряде складов диверсионные группы, которые готовили взрывы этих складов. Из дела видно, что все обвинения комдива основаны лишь на его «признательных» показаниях на предварительном следствии и в судебном заседании. Каких-либо других доказательств «преступной деятельности» комдива в материалах дела не имеется¹⁵². Командир 24-й кавдивизии комбриг П.И. Антонов той же коллегией признан виновным в том, что «проводил вредительство в дивизии по снабжению ее боеприпасами, приводил в негодное состояние оружие и выводил из строя конский состав»¹⁵³. Как это проделывал командир дивизии лично, ему непостижимо. А тогда он «признался» – и – расстрел.

Но Военная коллегия Верховного суда была способна и на большее. Так, бывшему начальнику АБТВ ХВО комбригу А.Е. Скулаченко она вменила то, что он якобы осенью 1936 г. осуществил диверсионный акт на складе АБТ-130, а в феврале 1937 г. готовил поджог мастерской¹⁵⁴. Ни больше ни меньше. И, конечно, расстрел. Бывший командир 85-го артполка полковник К.М. Чедиа 29 июля 1938 г. был судебным заседанием Военной коллегии Верховного суда СССР (Зарянов, Алексеев, Микляев) признан виновным в том, что он «портил материальную часть артиллерии полка, срывал строительство казарм и конюшен, выводил из строя конский состав и провел ряд других вредительских

актов, направленных на срыв боевой подготовки полка»¹⁵⁵.

2 октября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР судила бывшего командира 122 сп 41 сд 7 ск полковника А.Д. Чебанова. Главное обвинение: участник антисоветского военно-фашистского заговора и диверсионно-вредительская деятельность. В приговоре суда по делу Чебанова указано, что по его заданию 9 августа 1937 г. был совершен диверсионно-бактериологический акт на пищевом блоке полка, в результате которого около 400 военнослужащих подверглись желудочно-кишечным заболеваниям. Казалось бы, совершенно дикое обвинение по отношению к командиру полка. Но на предварительном следствии командир полка, член ВКП(б) с 1918 г. Чебанов показал, что этот диверсионно-бактериологический акт он совершил. И не в одиночку, а по согласованию с командиром 41 сд комбригом Г.Д. Волковым и начподивом Гусаровым. Бред какой-то, скажет современный читатель. А тогда, в октябре 1937 г., Чебанов был осужден к расстрелу. В ходе проведенной в 1957 г. дополнительной проверки было установлено, что вспышка желудочно-кишечных заболеваний в 122 сп действительно имела место 9 августа 1937 г. Расследованием этого случая тогда же занималась специальная комиссия, которая дала заключение, что непосредственными виновниками этого «ЧП» явились повар-инструктор Токарчук, завпродскладом Кайдаш и медицинские работники, которые допустили выдачу для приготовления пищи недоброкачественного мяса. Из заключения этой комиссии усматривается также, что самого Чебанова в это время вообще не было в полку¹⁵⁶.

Любое чрезвычайное происшествие в войсках расценивалось не иначе как диверсия заговорщиков.

Бывшего командира 18-й мехбригады комбрига В.Г. Грачева приговорили к расстрелу за то, что якобы по его заданию «участники заговора» летом 1937 г. в бригадной столовой организовали массовое, повлекшее тяжелые заболевания, отравление красноармейцев¹⁵⁷; бывшего командира 81 сд комбрига Н.И. Андросюк – за то, что через посредство старшего врача Ширяева «провел отравление красноармейцев 242 сп, путем выдачи негодной пищи»¹⁵⁸; бывшего начальника Биотехнического института РККА диввоенврача И.М. Великанова – за то, что по заданию Тухачевского «проводил вредительство в области бактериологического вооружения и подготовлял отравление населения г. Москвы путем заражения пищевых продуктов»¹⁵⁹ и т. д. и т. п.

И какие только обвинения не придумывали поднаторевшие в безнаказанном человекоубийстве и не чуждые фантазии следователи НКВД, члены Военной коллегии Верховного Суда СССР и члены военных трибуналов? Бывший начальник штаба авиационной армии комбриг Н.Г. Андрианов, по его «признанию», вместе с командующим армией комкором Хрипиным и начпоармом корпусным комиссаром Гринбергом проводил мероприятия, направленные на увеличение численности неисправных самолетов¹⁶⁰. Одним из оснований расстрельного приговора широко известному в РККА бывшему командиру 47-й авиадесантной бригады комбригу Ф.Ф. Кармалюку явились показания свидетелей Левашова, Черноусова, Синякова и Котлярова, расценивших как «вредительство» то, что, по их утверждению, Кармалюк форсировал боевую и физическую подготовку личного состава бригады и зачастую для этой цели использовал часы, намеченные для политработы, а также много времени отводил для стрелковой подготовки. Человеку благодарность надо

выносить за столь ревностное отношение к повышению боеготовности вверенной его командованию первой в РККА авиадесантной бригады, а Военная коллегия Верховного суда СССР приговаривает его к расстрелу¹⁶¹.

Награжденный в 1936 г. орденом Ленина командир учебного батальона 133-й мехбригады капитан Г.М. Абрампольский в 1937 г. приговорен к расстрелу за то, что «сознательно срывал боевую подготовку батальона»¹⁶². По обвинению в срыве партийно-политической работы, сокрытии от разоблачения троцкистских кадров осуждены к расстрелу первый начальник Политуправления РККФ корпусной комиссар М.Р. Шапошников, заместитель командующего Приморской группы войск ОКДВА по политчасти корпусной комиссар С.А. Скворцов, военный комиссар корпуса ВУЗ ЛенВО дивизионный комиссар В.В. Серпуховитин, начальник Высших военно-политических курсов Политуправления РККА бригадный комиссар С.А. Сухотин¹⁶³ и др.

Работников военной печати отстреливали в основном по обвинению в том, что они скрывали поступавший в редакции материал, «изобличавший врагов народа» (начальник культпросветотдела ПУ РККА бригадный комиссар Н.Т. Тутункин, ответственный редактор окружной красноармейской газеты Киевского военного округа «Красная Армия» батальонный комиссар П.Я. Ивангородский, заместитель редактора газеты «Красноармейская звезда» (СибВО) старший политрук Е.М. Плост¹⁶⁴ и др.).

Как одно из оснований применения ВМН к бывшему члену Военного совета ВВС РККА бригадному комиссару В.Г. Кольцову фигурировало и то, что «он в 1928 году участвовал в антипартийной белорусско-толмачевской группировке»¹⁶⁵.

Дело доходило до того, что в вынесенном военным трибуналом СибВО расстрельном приговоре начальнику разведки учебного дивизиона 71-го артполка старшему лейтенанту В.Ф. Стрюлькову в качестве «полновесных» оснований для его физического уничтожения «Именем Союза Советских Социалистических Республик» фигурировали и такие: руководя политзанятиями, выхолащивал политическое содержание; или – упоминал в разговоре о прошлых заслугах Пятакова, Радека и других, впоследствии репрессированных, лиц¹⁶⁶.

Читаешь такое сейчас, через 60 долгих лет после этих ужасов, и невольно содрогаешься. И от того, как легко партия и правительство «пускали в распыл» командиров и политработников РККА, ее красноармейцев, лейтенантов и вплоть до маршалов Советского Союза, чуть ли не накануне рокового вторжения германского вермахта и как это губительно аукнулось в трагедии Сорок первого года. Содрогаешься и от того, что во всех этих диких обвинениях, во всей этой бредятине большое количество подсудимых «признавались». По крайней мере, так было во всех вышеприведенных конкретных ситуациях. Очевидно, без всякой натяжки можно утверждать, что абсолютно подавляющее большинство советских военных судей в 1937–1938 гг., охваченное пароксизмом партийно-государственной истребительной охоты за «врагами народа» и дрожащее за собственное брренное существование, главную задачу суда видело только в одном: создать в судебном заседании такие условия, чтобы можно было записать в протоколе этого заседания: «Виновным себя признает, показания, данные на предварительном следствии, подтверждает». И затем скоропостижно

(чего, мол, рассусоливать – «суду и так все ясно!») принять и огласить смертный приговор.

И все же в суде «признавались» далеко не все. Вынужденные прежде всего из-за немыслимых условий предварительного следствия дать (подписать) «признательные» показания, многие и многие бывшие крупные военные работники, в том числе и ставшие известными армии и стране еще со времен Гражданской войны, нашли в себе силы и волю решительно отказаться в судебном заседании от «признания» в не совершенных ими преступлениях. К настоящему времени мне удалось выявить около 300 таких смелых людей. Среди них:

– Армейские комиссары 2-го ранга М.П. Амелин, Я.К. Берзин, А.С. Булин, А.И. Мезис, Г.А. Осепян.

– Комкоры М.И. Алафузо, С.Н. Богомягков, П.А. Брянских, Л.Я. Вайнер, М.И. Василенко, Я.П. Гайлит, А.И. Геккер, В.М. Гиттис, Б.С. Горбачев, Ф.А. Ингаунис, Н.В. Лисовский, М.П. Магер (дважды), С.А. Меженинов, Я.З. Покус, С.А. Пугачев, С.А. Туровский, Л.Я. Угрюмов.

– Корпусные комиссары М.Я. Апсе, И.М. Гринберг, Л.Н. Мейер-Захаров, И.Г. Неронов, А.П. Прокофьев.

– Коринтенданты А.И. Жильцов, Д.И. Косич.

– Комдивы Л.П. Андрияшев, Ю. Ю. Аплук, Н.Н. Бажанов, Б.И. Ба-зенков, Ж.К. Блюмберг, Г.Г. Бокис, М.Ф. Букштынович, Ф.В. Васильев, А.М. Вольпе, В.Ф. Грушецкий, Е.Е. Даненберг, С.И. Деревцов, В.П. Добровольский, И.З. Зиновьев, А.А. Инно-Кульдвер, И.И. Карклин, Г.И. Кассин, Ж.И. Лаур, И.Ф. Максимов, А.К. Малышев, Л.И. Никифоров, М.М. Ольшанский, А.Г. Орлов, Н.В. Ракитин, Е. Н. Сергеев, Д.Ф. Сердич, К.Х. Супрун, А.И. Тарасов, П.П. Ткалун, И.Я. Хорошилов, И.Ф. Шарсков.

Кроме того, в ходе исследования выявлено, что в судебных заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов отказались от ранее

вынужденных «признательных» показаний и заявили о полной своей невинности в инкриминируемых им следователями особых отделов НКВД преступлениях (по неполным данным) 16 дивизионных комиссаров, 51 комбриг, 26 бригадных комиссаров, 7 бригаднженеров, 7 бригаденюристов, 81 полковник, 15 полковых комиссаров, 14 майоров, 8 батальонных комиссаров, 7 капитанов. Были среди отказавшихся также старшие политруки, старшие лейтенанты, лейтенанты и даже красноармейцы.

Почти каждый из тех, кто в судебном заседании отказывался от подписанных им на предварительном следствии «признательных» показаний, пытался объяснить суду, почему он раньше «признался», а теперь отказывается. Объяснения звучали самые разные. Некоторые просто констатировали факт, что они оговорили себя и своих боевых товарищей (армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов, корпусной комиссар И.М. Гринберг и др.). Другие факт оговора (по сути – клеветы) оценивали как самое большое свое преступление (комкор С.А. Туровский и др.). Многие заявляли суду о том, что «признательные» показания в ходе предварительного следствия они дали (подписали) «под влиянием мер физического воздействия»¹⁶⁷ (армейский комиссар 2-го ранга А.И. Мезис, дивизионный комиссар И.И. Кропачев и др.).

Бывало и так, что, понимая всю неблагоприятность, очевидную безнравственность совершенного ими оговора, подсудимые пытались как-то «самооправдаться», смягчить свою личную вину в совершении явно аморального поступка. Бывший заместитель начальника Генштаба РККА комкор С.А. Меженинов, если верить записи в протоколах судебного заседания, виновным себя не признал и заявил, что «он врал на себя, на Красную армию. Думал, что своими

показаниями на предварительном следствии он принесет пользу Красной армии»¹⁶⁸. Некоторые доказывали на суде, что в стремлении «дожить до суда», оговаривали себя, умышленно излагая в показаниях противоречившие действительности выдумки (комкор С.Н. Богомягков, корврач М.И. Баранов¹⁶⁹ и др.).

Находились и такие, которые признавались в решающей роли инстинкта самосохранения. Пожалуй, наиболее откровенно сказал об этом на суде бывший заместитель начальника Политуправления РККА армейский комиссар 2-го ранга Г.А. Осепян. Большевик с подпольным стажем, на протяжении многих лет считавшийся «партийной совестью» Красной армии, он в судебном заседании виновным себя не признал, от данных ранее «признательных» показаний отказался и заявил, что «он на предварительном следствии оговорил себя и многих других командиров, причем это сделал, чтобы ложным оговором других командиров спасти свою жизнь»¹⁷⁰.

Какое-то количество представших перед судом Военной коллегии командиров прямо заявляли о том, что свои «признательные» показания на предыдущем этапе дали «вследствие психологического истощения» (бригадный комиссар Н.И. Бородин), «подписал их, не отдавая себе отчета»¹⁷¹ (полковник В.А. Алутин). А бывший председатель Артиллерийского комитета и начальник научно-технического отдела Главного артуправления РККА, участник Гражданской войны, делегат X съезда РКП (б), краснознаменец бригадир Я.М. Железняков в судебном заседании Военной коллегии 5 ноября 1937 г. виновным себя не признал, заявив, что прежние свои показания давал в состоянии «невменяемости»¹⁷². Тем не менее судебное заседание Военной коллегии (Голяков, Зарянов, Преображенцев)

преспокойно приговорило его к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

Если при осуждении «сознавшихся» «заговорщиков» у членов Военной коллегии могло сохраняться хоть какое-то подобие правосудности приговора, то при отказе подсудимого от своих прежних, вырванных следователями НКВД, показаний, даже видимости обоснованности обвинительного приговора, по сути, не оставалось, ибо обвинение попросту рассыпалось. Тем не менее и всех таких мужественных «отказчиков» Военная коллегия в 1937-1938 гг. совершенно бестрепетно обрекала на смертную казнь.

Один из героев Гражданской войны, четырежды раненный и трижды награжденный орденом боевого Красного Знамени комкор Б.С. Горбачев был арестован еще 3 мая 1937 г. Его били. Выбили «признание». На суде 3 июля он решительно отказался от незаконно полученных от него «признательных» показаний. Однако Военная коллегия без объективных доказательств признала его виновным в том, что он якобы являлся участником военно-фашистской террористической организации и, будучи заместителем командующего войсками Московского военного округа, подготовлял вооруженное выступление в Московском Кремле¹⁷³. В тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно.

И вот тут возникает вопрос: на каком же юридическом основании безжалостная советская военная Фемида выносила не просто обвинительный, а расстрельный приговор? У тогдашних военных судей излюбленной в этом случае была такая формулировка: «От своих прежних признательных показаний отказался, но изобличается показаниями других лиц, проходящих по другим делам». Что это были за показания и как они добывались (а нередко и прямо

фальсифицировались) подробно рассмотрено в третьей главе. Неукоснительно руководствуясь принципом бессмертного Плюшкина («в хозяйстве всякая веревочка пригодится»), члены Военной коллегии Верховного суда не брезговали ничем. Лишь бы помогало обвинению.

Бывший командир 15-й тяжело-бомбардировочной авиабригады беспартийный комбриг А.А. Житов на судебном заседании категорически заявил, что ни в каком антисоветском заговоре никогда не состоял и ничего не знал о его существовании. Но Военная коллегия Верховного суда СССР, опираясь лишь на непроверявшиеся в суде показания арестованного Розенבלата, приговорила комбрига Житова к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1956 г.¹⁷⁴. Одним из оснований осуждения бывшего председателя военного трибунала СКВО бригадвоенюриста Я.К. Жигура были и свидетельские показания некоего Афанасьева. О степени их достоверности можно судить по такому отрывку из его собственноручных признаний: «Не имея фактов, я не могу утверждать, но уверен, что ЖИГУР был активным участником контрреволюционной латышской организации – уж очень он тесно был связан с ТАУРИНЫМ, БИТТЕ, ЧАКСТЕ и др.»¹⁷⁵.

Но нередко бывало и так, что даже такие явно надуманные, а зачастую и просто сфальсифицированные показания «других лиц» не срабатывали, лопались (а иногда их и вообще не было). Старший инспектор Политуправления РККА дивизионный комиссар Ф.Л. Блументаль был арестован 23 июля 1937 г. по ордеру, подписанному заместителем наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновским, без санкции прокурора и при отсутствии материалов, которые могли бы явиться основанием к его аресту. Судя по материалам дела, Блументаль сопротивлялся более трех месяцев. И в деле хранится лишь один

протокол его допроса – от 25 октября 1937 г. Отпечатан на машинке, подписан Блументалем, а также лицами, производившими допрос: начальником 7-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитаном госбезопасности Малышевым и его заместителем – старшим лейтенантом госбезопасности Гринбергом. Здесь напечатано, что Блументаль признал себя участником заговора. В основу обвинения Блументалья были положены также показания армейских комиссаров 2-го ранга Осепяна и Векличева и корпусного комиссара Родионова.

Однако в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 9 декабря 1937 г. (Голяков, Преображенцев, Рутман) Блументаль и Осепян отказались от данных на предварительном следствии показаний, как от ложных. Что же касается показаний Векличева и Родионова, то последующая проверка их дел показала, что они никаких показаний о Блументале, как об участнике военно-фашистского заговора, вообще не делали. Было установлено также, что в их делах нет подлинных протоколов допроса, копия которых приобщена к делу по обвинению Блументалья. Что же остается, в чем можно было бы обвинить дивизионного комиссара Блументалья? А ничего. Но это не смутило членов Военной коллегии, председательствующего в судебном заседании диввоенюриста И.Т. Голякова (вскоре выдвинутого на пост председателя Верховного суда СССР) – Блументаль был приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно 14 мая 1955 г.¹⁷⁶

Из огромного количества случаев подобного, позднее юридически установленного неправосудного осуждения не признавших вину лиц начсостава РККА членами Военной коллегии Верховного суда СССР в 1937–1938 гг. приведу еще лишь три примера. В декабре 1937 г. судили бывшего командира 92-й

авиабригады (Московская зона ПВО) 33-летнего беспартийного полковника П.М. Монархо. Обвинение стандартное по тем временам - участник военно-фашистского заговора. Однако объективных доказательств ни у следователей НКВД, ни у суда - никаких. Имеется только «джентльменский набор» - полученные в ходе предварительного следствия показания ряда свидетелей и «признание» самого подследственного. Но в судебном заседании 15 декабря и сам Монархо, и свидетели Аксаков и Малышев от своих прежних показаний отказались. Как всегда, судьи Военной коллегии (Голяков, Ждан и Климин) ни с чем считаться не хотят - они слепы и беспощадны и приговаривают командира авиабригады к расстрелу. Приговор этот отменен лишь в 1956 г.¹⁷⁷.

10 февраля 1938 г. начальником особого отдела НКВД Белорусского военного округа Завадским был арестован командир 5-го кавкорпуса комбриг Д.А. Вайнерх-Ванярх. Один из героев Гражданской войны, награжденный тремя орденами Боевого Красного Знамени, он обвинялся теперь в том, что якобы являлся участником военно-фашистского заговора и проводил вредительскую деятельность. Все обвинение основывалось на полученных от комбрига в ходе предварительного следствия «признательных» показаниях и «уличающих» показаниях арестованных по другим делам Шалимова, Якимовича и Никитина. И вот 30 июня 1938 г. - суд Военной коллегии Верховного суда СССР. Трижды краснознамец в судебном заседании от своих прежних показаний отказался и заявил, что участником заговора не был. Шалимов и Якимович в судебном заседании также отказались от своих показаний и виновными себя не признали. Никитин же об участии Вайнерха в военном заговоре показывал якобы со слов Уборевича, но Уборевич год

назад расстрелян, а по имеющимся в его деле показаниям Вайнерх вообще не проходит¹⁷⁸. Казалось бы, все. У суда нет ни малейшей зацепочки, не то что объективных доказательств. А их ему и не надо. Комбриг приговаривается к расстрелу. Вот такой был военный «советский суд».

Начальник финансового отделения финотдела МВО интендант 1-го ранга А.Ф. Рогунов был арестован 15 марта 1938 г. В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 сентября 1938 г. сказано, что обвинение Рогунова основывается на показаниях Васильева и на его собственных показаниях на предварительном следствии. Но никаких показаний Васильева в архивно-следственном деле Рогунова вообще нет. Есть «обвинительные» показания бывшего работника финотдела МВО Кузнецова, от которых он в судебном заседании отказался. Отказался от выбитых у него на предварительном следствии «признательных» показаний и сам Рогунов. А больше в архивно-следственном деле никаких даже самых малейших доказательств «виновности» Рогунова нет. Тем не менее заседание Военной коллегии (председательствующий Матулевич, члены: Романычев и Л. Дмитриев) ничтоже сумняся приговаривают Рогунова к ВМН – расстрелу и в тот же день этот абсолютно ни на каких доказательствах не основанный смертный приговор был приведен в исполнение. Приговор был отменен, а Рогунов посмертно реабилитирован 3 марта 1956 г.¹⁷⁹.

При осуждении военнослужащих, хоть когда-то «признавшихся», у членов Военной коллегии где-то в глубине их давно заскорузшей души еще теплилась совершенно неправомерная, но все же как-то вроде бы «оправдывающая» расстрельный приговор ссылаясь на это прошлое, хорошо известное судьям какими

средствами добытое, «признание». Но ведь среди многих тысяч воинов РККА, судимых в 1937-1938 гг. Военной коллегией Верховного суда СССР, встречались и такие, до сих пор неведомые миру бесстрашные рыцари правды, у которых на всем протяжении предварительного и судебного следствия, несмотря на постоянные угрозы, гнусные провокации, непереносимые мучения, систематические психологические и физические истязания, ни следователям Особых отделов НКВД, ни заматеревшим в судебном произволе членам Военной коллегии Верховного суда СССР не удалось вырвать ни единого признания в не совершенных ими преступлениях, ни тем более – оговора других людей.

И их было не так уж мало. К настоящему времени мне удалось выявить более 70 таких подлинных героев сопротивления партийно-государственному произволу во второй половине 30-х годов. В те годы модно было говорить: «Страна должна знать своих героев». Речь шла в основном о героях-летчиках, героях-стахановцах и т. п. Но кто знал, кто хоть единое доброе слово сказал о тех десятках командиров и политработников, безвинно и насильственно заточенных в казематы НКВД, лишенных элементарнейших возможностей защиты своей чести и достоинства и все же до последнего своего смертного часа сохранявших непреклонность в борьбе с царящим беспощадным злом.

Среди этих воинов, которые должны, на мой взгляд, считаться гордостью Рабоче-крестьянской Красной армии были:

- Флагман флота 2-го ранга И.К. Кожанов.
- Комкоры Г.Д. Базилевич, Е.И. Ковтюх, С.В. Петренко-Лунев, И.И. Смолин, М.О. Степанов.
- Комдивы Н.Ф. Артеменко, С.О. Белый, К.И. Калнин, Г.Н. Кутателадзе, Д.К. Мурзин, С.В. Никитин, И.А.

Онуфриев, А.А. Свечин, Н.И. Точенов.

- Дивизионные комиссары Р.Л. Балыченко, А.Н. Бахирев, Г.И. Горин, И.И. Зильберт, Ф.Я. Левензон.

- Дивинтендант П.Г. Князев.

- Комбриги Л.М. Гавро, Н.А. Дьяконов, А.А. Емельянов, Я.М. Жигур, М.Ф. Киселев, Г.Ф. Малышенков, Н.С. Поляков, Ф.Г. Радин.

- Бригадные комиссары Н.П. Катерухин, П. Д. Матвеев, Д.А. Сергеев.

- Бригинженер А.Ф. Ласточкин.

- Бригинтенданты А.Ф. Боярский и П.П. Витковский.

- Полковники А.Х. Базаревский, Н.С. Бережной, В.И. Букин, К.Г. Василевский, Л.Я. Гарсиашвили, Я.И. Жинько, А.Д. Иоселиани, М.А. Колокольников, Т.М. Лексиков, Х.Б. Мавлютов, С.И. Певнев, Б.А. Степанов, Д.Д. Том, М.Д. Чавчанидзе, А.А. Шлеминг.

- Полковые комиссары Я.Г. Ринг, В.Г. Толмачев.

- Интендант 1-го ранга А.З. Богокин.

- Капитан 2-го ранга Н.И. Гневшев.

- Военинженеры 2-го ранга Я.В. Долбир, Г.Э. Куни, А.В. Павлов, А.Н. Тухачевский, Н.П. Ярош.

- Военврач 2-го ранга П.М. Солтанович.

- Майоры А.Н. Мартынов, А.М. Мороз, П.А. Родионов, В.В. Степанов, А. У. Филимонов.

- Капитан 3-го ранга Н.В. Саранцев.

- Интендант 3-го ранга И.С. Хребтов.

- Капитаны С.Н. Агриколянский, П.К. Блюхер (младший брат маршала), К.И. Гот-Гарт, В.В. Чернышев.

- Лейтенанты Пак Ин-де, А.И. Шарунов.

- Воентехник 2-го ранга В. О. Дуев.

- Красноармеец А.И. Польщиков.

- Жены (вдовы) видных военных: В.А. Дыбенко-Седякина, Н.Е. Тухачевская-Аронштам, Н.В. Уборевич.

Все эти люди - образец бестрепетного мужества. И каждый из них, кому выпало предстать перед военными судьями в 1937-1938 гг., при полном отсутствии каких-

либо объективных доказательств, «Именем Союза Советских Социалистических республик» приговаривался к расстрелу.

Один из легендарных героев Гражданской войны, награжденный тремя орденами Боевого Красного Знамени, начальник кафедры военной истории Военно-воздушной академии имени Жуковского Г.Д. Гай (Бжишкян) был арестован ГУГБ НКВД СССР еще в июле 1935 г. по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе и высказывании террористических намерений в отношении Сталина. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 15 октября 1935 г. заключен на пять лет в исправтрудлагерь¹⁸⁰. В ходе отбывания наказания он был привлечен вторично - на этот раз к суду Военной коллегии по обвинению в участии в антисоветской террористической и шпионско-диверсионной организации правых. Никаких компрометирующих материалов (как позднее выяснилось) на Гая не было. Единственное, чем располагал суд, это - показания осужденных по другим делам Б.К. Верховского и Е.Ф. Куликова. Однако их показания в суде не проверялись и доказательствами виновности Гая служить не могли. Тем более что Верховский ссылался лишь на свои предположения, а Куликов - на бывшего первого секретаря Московского областного и городского комитетов ВКП(б) Н.А. Угланова. Но по делу последнего Гай вообще не упоминается, а сам Гай категорически заявил, что Угланова не знает и никогда не видел. И хотя Гай и на предварительном следствии «по второму делу» и в судебном заседании категорически отрицал предъявляемые ему и ничем не доказуемые обвинения, Военная коллегия Верховного суда СССР преспокойно приговорила его 11 декабря 1937 г. к ВМН¹⁸¹, и в тот же день он был расстрелян¹⁸².

Еще в ноябре 1936 г. был арестован начальник кафедры танков и тракторов ВАММ РККА беспартийный профессор В.И. Заславский. По оценке известного специалиста в области танкостроения профессора М.К. Кристи, Заславский был крупным советским ученым в области танкостроения, задававшим тон в науке о танках и танкостроении, автором первой книги о танках на русском языке. Целый ряд других специалистов характеризовали его как крупного советского ученого и теоретика, положившего начало развитию танкового дела в Советском Союзе. А тогда, в 1936-1937 гг., его обвинили ни больше ни меньше как в том, что он якобы возглавлял антисоветскую вредительскую организацию в танковой промышленности. Заславский виновным себя не признал. Но на основе непроверенных ложных показаний арестованных по другим делам О. М. Иванова, Я.В. Обухова, А.Б. Гаккеля и С.П. Шукалова Военная коллегия Верховного суда СССР (Ульрих, Плавнек, Я. Дмитриев) 20 июня 1937 г. осудила профессора Заславского к расстрелу. Реабилитирован посмертно 5 ноября 1955 г.¹⁸³.

Военная коллегия Верховного суда СССР 29 июля 1938 г. судила выдающегося советского военного историка, помощника начальника кафедры военной истории Военной академии Генштаба РККА 60-летнего профессора, комдива А.А. Свечина. Одно из главных обвинений – участие в военном заговоре и создание боевых групп, подготавливавших террористические акты. Сам Свечин и на предварительном следствии, и в суде виновным себя не признал и заявил, что антисоветской деятельностью он не занимался. К делу были приобщены выписки из показаний 11 человек, арестованных по другим делам. Судьи Военной коллегии не удосужились заняться проверкой их достоверности – а ведь это их святая обязанность!

Последующая проверка показала, что все они по разным причинам не основательные и не могли быть положены в основу обвинения. По полученным в ходе дополнительной проверки сообщениям Комитета госбезопасности при Совете министров СССР, Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного особого архива СССР, архива Министерства обороны СССР, Центрального государственного архива Красной армии и Высшей военной академии Министерства обороны СССР никаких компрометирующих данных на Свечина не имелось. Выяснением этого также могла бы и обязана была заняться Военная коллегия в 1938 г. Но это тоже не было сделано. Как видим, абсолютно никаких объективных доказательств вины комдива Свечина не было и летом 1938 г. Однако Военная коллегия приговорила его к расстрелу, и в тот же день он был расстрелян. Реабилитирован посмертно 8 сентября 1956 г.¹⁸⁴

Трудно, очень трудно, а может быть, и вообще невозможно сейчас, через 60 лет после описываемых событий, с исчерпывающей точностью реконструировать поведение тех или иных военнослужащих в ходе предварительного следствия и в судебном заседании. Даже сегодня историк еще не может получить всех имевшихся тогда документов. Какая-то их часть уже уничтожена, а к некоторым до сих пор не допускают. А ведь, кроме того, надо возможно полнее знать и непременно учитывать индивидуальные обстоятельства, а также особенности личности каждого безвинного страдальца. И все же хотел бы обратить внимание читателя на существенную разницу в поведении маршала Тухачевского и комдива Свечина. Выдающийся военный историк, бывший генерал-майор царской армии Свечин в Красной армии

продолжал служить примерно в том же чине. Бывший подпоручик Тухачевский на 15 лет моложе, но сумел взлететь чуть ли не на самую вершину военно-иерархической лестницы. И вот в 1931 г. во время одной из дискуссий Тухачевский довольно бесцеремонно всячески корит своего старшего и гораздо более образованного коллегу за недостаточный уровень идейности. Прошло всего шесть лет, и каждому из них предоставилась печальная возможность показать свое понимание чести, достоинства и долга перед Родиной уже в «тюремных университетах». И как же по-разному повели они себя. И как же поблек облик 44-летнего маршала перед несломившимся 60-летним комдивом.

Я написал эти строки не в укор Тухачевскому, а во хвалу Свечину, сумевшему оберечь свое доброе имя в условиях невероятных, когда вместо нормального суда кровавую расправу творило недостойное называться судом позорное судилище. В сознании многих поколений сохранилась горькая память о Шемякином суде, о трибуналах инквизиции, о революционном трибунале во Франции в 1793-1794 гг., о военно-полевых судах в России в начале XX века. Все они людской крови не жалели. Но беспощадность и злодеяния этих судов меркнут перед палачествовавшими военными судьями в СССР в 1937-1938 гг. Их «работа» в эти годы - край падения, ниже некуда. Ниже - только вообще бессудные расстрелы. Как мы уже знаем, и их хватало тогда.

В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ

Под воздействием частичной реализации совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. произошли некоторые существенные изменения в работе Особых отделов НКВД, что создало несколько более благоприятные условия для отправления правосудия в РККА. Судя по ряду документов, уже с начала 1939 г. была приостановлена явно преступная практика представления членам Политбюро ЦК ВКП(б) особых списков кандидатов в покойники для санкционирования осуждения их к расстрелу. Видимо, с начала 1939 г. осужденные даже по самым страшным контрреволюционным преступлениям вновь получили возможность обращаться с кассационными жалобами и просьбами о помиловании. Очевидно, можно говорить и о некотором (хотя, как будет показано ниже, весьма незначительном) смягчении в практике вынесения судебных приговоров Военной коллегии и некоторых окружных военных трибуналов.

К началу 1939 г. из прежнего состава членов Военной коллегии Верховного суда СССР остались только трое (Ульрих, Матулевич и Орлов). Остальные, как правило, пошли на повышение. Новыми ее членами в разное время были назначены члены Верховного суда СССР бригадвоенюристы Г.А. Алексеев, И.В. Детистов, Л.Д. Дмитриев, Д.Я. Кандыбин, М.Г. Романычев, военюристы 1-го ранга Ф.А. Климин и А.Г. Суслин^[55]. В 1939 г. количество членов Военной коллегии было увеличено на два человека за счет зачисления в кадры РККА находившихся до того в запасе двух членов Верховного суда СССР (В.В. Буканов и А.А. Чепцов)¹⁸⁵.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 15 сентября 1938 г. для членов Верховного суда СССР со дня их избрания устанавливался месячный оклад в 1000 рублей (председателям коллегий Верховного суда – 1100 руб., а председателю и заместителям председателя Верховного суда СССР – по 1200 рублей)¹⁸⁶. Но в связи со значительным увеличением окладов денежного содержания командного состава РККА с 1 ноября 1938 г., резко возросли оклады и у членов Военной коллегии. С 1 января 1939 г. они стали получать по 2000 рублей в месяц (оклад командира корпуса); диввоенюристам Орлову и Романычеву был установлен оклад в 2200 руб., а корвоенюристу Матулевичу – 2600 рублей¹⁸⁷.

В связи с поступающими с мест запросами о персональной подсудности^[56] военных трибуналов, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист В.В. Ульрих в приказе № 01 от 13 января 1939 г. разъяснил, что критерием персональной подсудности военным трибуналам дел о преступлениях, совершенных военными служащими РККА, остается их служебно-должностное положение, а не присвоенные им военные звания. В подсудности Военной коллегии Верховного суда СССР по-прежнему оставались дела о преступлениях, совершенных командирами и комиссарами полков, равными им по положению и всеми вышестоящими лицами¹⁸⁸.

Весьма своеобразно реагировал Наркомат юстиции СССР на многочисленные факты отказа подсудимых в суде от «признательных» показаний, данных в ходе предварительного следствия. В письме НКЮ СССР № 16/11 с от 11 февраля 1939 г. содержался такой характерный пункт: «4. В случае отказа подсудимых на суде от показаний, данных в процессе предварительного следствия, тщательно исследовать и

выяснить причины таких отказов, имея в виду, что отказ подсудимых от показаний, данных ими на предварительном следствии, нередко является классовой вылазкой со стороны врагов народа, стремящихся ввести в заблуждение суд, запутать дело и дискредитировать органы расследования»¹⁸⁹. Самая типичная новая погудка на старый лад. Наркомат юстиции Советского Союза ориентирует суды не на отыскание истины, а на то, как бы не скомпрометировать следователей НКВД и осуждать подсудимых, несмотря на их отказ от прежних показаний, поскольку, мол, этот отказ всего лишь «классовая вылазка со стороны врагов народа».

Строгость судебной репрессии резко возростала с началом локальных боевых действий. Уже 17 сентября 1939 г. в телеграмме председателя Военной коллегии и главного военного прокурора указывалось: «Приговоры всех военных трибуналов, действующих в боевой обстановке, кассационному обжалованию не подлежат и могут быть изменены лишь в порядке надзора»¹⁹⁰. 4 октября 1939 г. председателям военных трибуналов Белорусского и Украинского фронтов Ульрихом были посланы телеграммы о том, что военным советам этих фронтов предоставлено право утверждать приговоры военных трибуналов с расстрелом по контрреволюционным преступлениям в отношении гражданских лиц Западной Белоруссии и Западной Украины и военнослужащих бывшей польской армии¹⁹¹. Для обслуживания в судебном отношении частей РККА и РКВМФ, дислоцированных в Эстонии, был сформирован Особый военный трибунал¹⁹².

Характерно, что еще до начала боевых действий на Карельском перешейке, а именно 29 ноября 1939 г., нарком юстиции СССР Н.М. Рычков и прокурор Союза ССР М.И. Панкратьев посылают председателю ВТ и

военному прокурору ЛВО телеграмму следующего содержания: «По воинским преступлениям, совершенным в боевой обстановке, применять повышенные санкции, предусмотренные соответствующими статьями раздела Уголовного кодекса о воинских преступлениях. Копии обвинительных заключений по этим делам вручать подсудимым за сутки до суда...»¹⁹³. Шифротелеграммой от 15 января 1940 г. Рычков и Панкратьев разрешили ВТ и ВП БОВО и КОВО по делам о дезертирах в связи с переброской отдельных воинских частей в ЛВО применять нормы военного времени, вплоть до ВМН¹⁹⁴.

Необходимо, однако, отметить, что почти сразу же после окончания боевых действий в советско-финской войне - 21 марта 1940 г. нарком юстиции СССР и прокурор Союза ССР предложили председателям военных трибуналов и военным прокурорам Северо-Западного фронта, 8, 9, 14 и 15-й армий немедленно сообщить всем военным трибуналам и военным прокурорам о восстановлении кассационного обжалования на все приговоры военных трибуналов по всем видам преступлений. Правда, за воинские преступления, совершенные в боевой обстановке периода военных действий, по-прежнему рекомендовалось применять повышенные санкции, но теперь уже «с учетом изменившейся обстановки». Выдвигалось также требование - по всем делам соблюдать процессуальные сроки мирного времени¹⁹⁵.

Имеются документы, свидетельствующие о том, что председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист В.В. Ульрих, призванный творить суд праведный, фактически (по крайней мере, в ряде случаев) действовал чуть ли не по прямым указаниям наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии. Летом 1939 г. в ВТ МВО от следователей НКВД поступило дело на 19

инженерно-технических работников автозавода им. Сталина, обвиняемых по пресловутой 58-й статье УК РСФСР. Но шестеро из них даже на предварительном следствии виновными себя не признали, а затем и большинство «признавшихся» обратились в ВТ МВО с заявлениями, в которых отказались от своих показаний, утверждая, что эти показания у них вымогались следователем. Если действовать по закону, то дело могло рассыпаться, тем более что председатель ВТ МВО диввоенюрист А.Д. Горячев уже неоднократно был замечен в «либеральном» подходе. И тогда Ульрих попытался решить эту проблему «по-семейному». 31 августа 1939 г. он обращается к Берии, излагает всю эту историю и предлагает: «Учитывая все эти обстоятельства, я, лично, считал бы более целесообразным в данное время дело в Трибунале не рассматривать, а вернуть его для проверки материалов предварительного следствия в следственную часть НКВД». И далее председатель Военной коллегии Верховного суда СССР в письме наркому внутренних дел пишет буквально следующее: «Прошу Вашего указания»¹⁹⁶. Резолюция на этом письме появилась следующая: «Передать в След. часть. Л. Берия. 2/IX.39»¹⁹⁷.

Ссылаясь на то, что в дореволюционной России и в современных армиях всех важнейших иностранных государств военные суды и военная прокуратура находились в ведении командования армии и флота и организационно не связаны (или почти не связаны) с министерствами юстиции, ставший к этому времени заместителем председателя СНК СССР А.Я. Вышинский в записке на имя В.М. Молотова от 16 апреля 1941 г. посчитал целесообразным:

«1. Передать всю систему военных трибуналов и военной прокуратуры соответственно в ведение

Наркоматов Обороны и Военно-Морского Флота.

2. Военную коллегия Верховного Суда СССР упразднить. Создать Главный Военный Суд и Главный Военно-Морской Суд. За пленумом Верховного Суда СССР сохранить высший судебный надзор за военными трибуналами и за прокурором Союза ССР сохранить высший надзор за деятельностью военной и военно-морской прокуратур и судов.

3. Разбирательство дел об измене родине, шпионаже (кроме военного шпионажа), диверсиях и террористических актах передать судебным коллегиям по уголовным делам Областных, Краевых и Верховных Судов Союзных и Автономных Республик, за исключением местностей, объявленных на военном положении»¹⁹⁸.

Такую позицию Вышинского в полной мере разделял нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Не исключено даже, что именно он был инициатором такой постановки вопроса. Во всяком случае, когда 5 мая 1941 г. на заседании Бюро Совнаркома СССР пунктом 21-м было намечено: «Об утверждении положения о военных трибуналах», Тимошенко за три дня до этого – 2 мая (даже в праздничный день!) спешит представить записку в правительство (на имя Р.С. Землячки). В этой записке нарком обороны не оставляет камня на камне от представленного наркомом юстиции СССР Н.М. Рычковым «Проекта положения о военных трибуналах». Коренной недостаток этого проекта Тимошенко усматривал в том, что здесь закреплялось руководство военными трибуналами со стороны народного комиссара юстиции СССР. «С этим согласиться, – писал Тимошенко, – ни в коем случае нельзя. «Проект» санкционирует разрыв между командованием Красной армии и военными трибуналами, устанавливая

подчиненность последних Наркомюсту СССР, т. е. органу, не связанному с армией и не могущему быть в курсе актуальных задач боевой подготовки войск. Между тем, очевидно, что Народный Комиссариат Оборона СССР, отвечающий за все стороны жизни армии, должен иметь в своем распоряжении также и все рычаги укрепления советской воинской дисциплины, в том числе и военные трибуналы»¹⁹⁹.

Очевидно, чувствуя некоторую шаткость своей аргументации (например, о неспособности наркомюста знать актуальные задачи боевой подготовки), нарком обороны вслед за Вышинским ссылается на опыт старой русской и иностранных армий и решительно настаивает на том, что «военные трибуналы должны быть всецело подчинены Народному Комиссариату Оборона Союза ССР»²⁰⁰. Приведя еще ряд существенных, по его мнению, аргументов, Тимошенко заключает:

«Считал бы необходимым:

1. «Проект положения о военных трибуналах», представленный Наркомюстом СССР, не рассматривать.

2. Военные трибуналы подчинить Народному Комиссару Оборона Союза ССР.

3. Поручить комиссии из представителей: Наркомюста СССР, Народного Комиссариата Оборона Союза ССР, Народного Комиссариата Военно-Морского Флота, Наркомвнудела СССР, Прокуратуры СССР и Военной коллегии Верховного Суда СССР разработать новый проект положения о военных трибуналах и внести его на утверждение Правительства»²⁰¹.

Такую позицию наркома обороны СССР можно рассматривать и оценивать по-разному. Я склонен видеть в ней определенное стремление хоть как-то оградить личный состав Красной армии от бушевавшего в 1937–1938 гг. произвола внеармейских судебных органов. Такая позиция маршала Тимошенко тем более

понятна, что и в 1939–1940 гг. военнослужащие нередко подвергались неправосудным судебным приговорам. А наркомату юстиции все казалось мало, все мнилось, что вдруг осудят недостаточно строго. «Чтоб зло пресечь», появляется секретный приказ НКЮ СССР № 0253 от 26 ноября 1940 г.: «Коллегия НКЮ СССР, заслушав доклад НКЮ РСФСР (т. Горшенин) и председателя Верховного суда РСФСР (т. Рубичев) о судебной практике по делам о контрреволюционных преступлениях за 1940 год, отметила в работе областных, краевых судов, верховных судов автономных республик, наряду с некоторым улучшением, ряд крупных недостатков и извращений. Как один из самых существенных недостатков коллегия НКЮ отметила, что, вопреки неоднократным указаниям НКЮ СССР о беспощадной борьбе с контрреволюционными преступлениями, ряд областных судов продолжает осуждать виновных в контрреволюционной деятельности к явно либеральным мерам наказания»²⁰². Приказ наркома юстиции был обязателен и для военных судов. Значит, они должны были еще более «завинчивать гайки». А между тем некоторые военные трибуналы и до этого приказа свирепствовали без всякой передышки.

Уже после того как, казалось бы, ужас повального террора 1937–1938 гг. стал постепенно спадать, рассеиваться, уходить в прошлое, военный трибунал Черноморского флота в составе председательствующего бригавоенюриста Лебедева и народных заседателей старшего политрука Артюхова, старшего лейтенанта Бондаренко 15 марта 1939 г. рассматривает дело бывшего начальника 3-го отдела штаба ЧФ майора К.В. Протопопова. При полном отсутствии каких-либо объективных доказательств вины майора он приговаривается к расстрелу. В 1939 г.

уже можно было («разрешили») подавать кассационную жалобу. 17 марта 1939 г. Протопопов с такой жалобой обращается в Военную коллегия Верховного суда СССР. Он пишет: «...я не признаю себя виновным в шпионаже и опровергаю свои показания, данные на предварительном следствии, о чем мною было заявлено в судебном заседании». Он просит Военную коллегия «приговор Военного Трибунала отменить, заменив мне расстрел лишением свободы»²⁰³. 23 апреля 1939 г. заседание Военной коллегии Верховного суда СССР (в составе: диввоенюристы Орлов и Романычев и военюрист 1-го ранга Климин) принимает решение по делу Протопопова: «Приговор оставить в силе, а касжалобу без удовлетворения»²⁰⁴. Несчастный майор обращается к последней надежде – в Президиум Верховного Совета СССР. В деле сохранилась выписка из протокола заседания Президиума Верховного Совета СССР № 5/10 ее от 1 июня 1939 года: «Постановили: Оставить в силе приговор о применении высшей меры наказания к Протопопову К.В.»²⁰⁵. Приговор этот был отменен только посмертно 13 февраля 1958 г. «за отсутствием в действиях Протопопова состава преступлений»²⁰⁶.

Сотрудники же особых отделов продолжали неусыпно бдеть, чтобы трибунальцы судили и помалкивали. А главная их забота – чтобы не было ни малейших проявлений «гнилого либерализма». И как только где-то кого-то оправдали, особисты сразу бьют тревогу.

13 августа 1939 г. капитан госбезопасности Бородулин информировал Политуправление РККА о том, что член военного трибунала Киевского особого военного округа военюрист 1-го ранга С.А. Кондратьев в конце мая этого года, возвратившись домой по окончании судебного заседания, рассказывал своей

домработнице Гайдар, что он сегодня присудил к расстрелу 20 обвиняемых, которых завтра расстреляют, и далее добавляет: «Председательствуя в судебных заседаниях, Кондратьев слушает дела невнимательно и часто во время процесса засыпает. В данное время Кондратьев находится на излечении в психиатрической больнице города Киева»²⁰⁷. В тот же августовский день из Особого отдела ГУГБ НКВД СССР поступает форменный донос на председателя 60-го Ревтрибунала Ленинградского военного округа бригадвоенюриста Барышевского. Главное, что ему инкриминируется, это то, что он якобы «запугивает свидетелей». В чем же это проявляется? А вот в чем – «с 19 мая по 23 мая 1939 г. Барышевским было рассмотрено в суде Военного трибунала ЛВО 15 дел по особо опасным преступлениям, из которых по шести делам семь человек оправданы по мотивам, что обвиняемые от данных ими показаний на предварительном следствии отказались, или же свидетели не повторили своих показаний»²⁰⁸. А судить «надлежало» всех. И появляется резолюция: «Т. Лепехину. Срочно доложить о Барышевском. Кузнецов»^[57]²⁰⁹.

По-прежнему беспощадно действовала Военная коллегия Верховного суда СССР не только в качестве кассационной инстанции, но прежде всего как суд первой инстанции.

Продолжались и групповые дела. 14 февраля и 26 марта 1940 г. Военная коллегия судила десять сотрудников Центрального архива Красной армии. Все они были «признаны виновными» как якобы участники антисоветской организации, проводившие подготовку к совершению терактов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, занимавшиеся вредительской деятельностью в архиве и шпионажем. Двое архивистов получили по 10 лет ИТЛ, а восемь –

комбриг В.Л. Афонский, бригадиринтендант Д.В. Саттеруп, полковники Т.Ф. Дедюкин, П.П. Каратыгин и И.А. Лисицын, полковой комиссар П.Л. Кур, интендант 1-го ранга В.В. Соловьев и майор И.Я. Судаков были приговорены к ВМН и на второй день после вынесения приговора расстреляны. Это было очередное, освященное высокопоставленными «юристами» из Военной коллегии, убийство безвинных. Приговор этот отменен, несправедливо осужденные сотрудники ЦАКА реабилитированы посмертно 30 мая 1956 г.²¹⁰

И в 1939–1940 гг. расстрельный менталитет судей нередко проявлялся с прежней силой. Судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР 22 февраля 1939 г. рассматривало дело № 962187 по обвинению одного из первостроителей Красной армии, успешно командовавшего важнейшими фронтами в годы Гражданской войны, первого начальника Генерального штаба РККА, а затем первого заместителя наркома обороны СССР, одного из первых пяти маршалов Советского Союза А.И. Егорова. И вот что было накручено ему совместными усилиями следователей НКВД и членов Военной коллегии, участвовавших в судебном заседании. Военной коллегией маршал Егоров был признан виновным в том, что он с двурушнической целью вступил в РКП(б) в 1918 г., а в 1919 г. якобы установил преступные связи с руководителями антисоветской организации С.С. Каменевым и П.П. Лебедевым, а также с Л.Д. Троцким, по заданию которого пытался сорвать выполнение плана Сталина по разгрому Деникина, а в 1920 г. даже подготавливал террористический акт в отношении Сталина. Далее Егоров «был признан виновным» в том, что в 1928 г. якобы установил антисоветские связи с Рыковым и Бубновым и по их заданиям создал в РККА антисоветскую террористическую организацию правых.

В последующие годы, как указано в приговоре, Егоров установил контакт по антисоветской работе с Тухачевским и Гамарником. В 1931 г., находясь на учебе в Германии, установил шпионские связи с германским генеральным штабом, а в 1934 г. по заданию Рыкова стал еще и шпионом польской разведки²¹¹. Современный читатель, ознакомившись с подобным вменением, не подкрепленным никакими объективными доказательствами, справедливо скажет: да это какой-то бред собачий. И будет прав. Но тогда, даже в феврале 1939 г., после того как страшные 37-й и 38-й годы вроде бы уже миновали, маршал Егоров был приговорен к ВМН и на завтра же в день 21-й годовщины РККА, для укрепления которой он так много сделал, расстрелян. Реабилитирован посмертно 14 марта 1956 г.

С января 1939 г. по июль 1941 г. по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны как участники военнофашистского заговора командарм 1-го ранга И.Ф. Федько, армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов, флагман флота 2-го ранга П.И. Смирнов-Светловский, комкоры Г.Д. Базилевич, Г.И. Бондарь, М.П. Магер, В.Н. Соколов, Г.Д. Хаханьян, флагман 1-го ранга К.И. Душенов, корпусные комиссары А.М. Битте, А.П. Прокофьев, Л.Б. Рошаль, К.Г. Сидоров, комдивы И.Ф. Блажевич, Г.И. Кассин, К.Ф. Квятек, И.Ф. Максимов, А.К. Малышев, А.Г. Орлов, К.Х. Супрун, А.И. Тарасов, А.В. Федотов, дивизионные комиссары М.С. Головков, Г.И. Горин, Д.Я. Егоров, И.И. Зильберт, Ф.С. Мезенцев, Я. Т. Царев, В.А. Шульга и многие другие.

Прочитав этот очередной мартиролог, читатель может спросить: так что же изменилось по сравнению с 1937 и 1938 годами? Как тогда стреляли безвинных, так продолжали и в 1939–1940 гг. Действительно, судебного произвола хватало и накануне войны. Но

различие, и довольно существенное, состояло в том, что если в 1937–1938 гг. обвиненных в участии в «военно-фашистском заговоре» командиров и политработников РККА приговаривали к расстрелу всех до единого, то начиная с 1939 г. некоторых военнослужащих по этим обвинениям оставляли в живых, «ограничиваясь» осуждением на длительные сроки лишения свободы. Немедленно расстрелять или оставить в живых – разница большая. Правда эта мера, как правило, также по существу обрекала осужденных на верную и позорную смерть, только более медленную. Так, в разное время умерли в заключении осужденные в 1939–1941 гг.: комкоры Я.З. Покус, С.А. Пугачев, М.О. Степанов, корпусные комиссары М.Я. Апсе и И.П. Петухов, коринтендант А.И. Жильцов, комдивы Я.Я. Алкснис, Я.И. Зюзь-Яковенко, В.И. Малофеев, С.В. Никитин, К.П. Ушаков, И.Ф. Шарсков, дивизионные комиссары Р.Л. Балыченко, Л.И. Бочаров, М.М. Исаев, А.С. Лоос, С.З. Рабинович и многие другие.

Как конкретно было организовано «умерщвление по закону», можно проследить по судьбе хотя бы двух комдивов. Командир 9-й кавдивизии комдив К.П. Ушаков в 1917–1923 гг. участвовал в боях против немецких войск, банд Дутова, против Деникина, белогвардейских и английских отрядов, басмачей. За подвиги награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени, именным оружием, ценными подарками. И вот накануне 20-й годовщины РККА он арестовывается органами НКВД, в судебном заседании Военной коллегии 20 июля 1939 г. признан виновным в том, что он якобы являлся участником антисоветского военно-фашистского заговора, ставившего своей задачей насильственное свержение советской власти путем вооруженного переворота, подготовки террористических актов против руководства ВКП(б) и Советского правительства и организации поражения Красной армии во время войны

с фашистскими государствами. Приговорен к лишению свободы в ИТЛ сроком на 15 лет²¹². Умер в заключении. Реабилитирован посмертно в марте 1957 г.

За каждую попавшую в их руки жертву судебные звенья партийно-государственной машины уничтожения хватались мертвой хваткой. Комдив Я.Я. Алкснис, член РСДРП (б) с 1913 г., служил начальником кафедры Военной академии Генштаба РККА. Судьба его не пощадила – был арестован и 28 апреля 1939 г. Военной коллегией осужден на 15 лет лишения свободы. Комдив борется – подает кассационную жалобу. И она была настолько обоснованной и доказательной, что постановлением пленума Верховного суда СССР от 4 апреля 1940 г. приговор Военной коллегии был отменен и дело направлено на доследование. 26 ноября 1940 г. Военная коллегия рассматривает дело комдива Алксниса вторично и, не желая поступиться принципами, снова приговаривает безвинного комдива к 15 годам заключения. В 1943 г. в пленум Верховного суда СССР поступает протест, но силы любого человека не беспредельны и в этом же году Я.Я. Алкснис умирает в ИТЛ. 21 марта 1944 г. дело прекращено за смертью²¹³.

Продолжался государственный отстрел и комбригов РККА. В основном это было проделано в 1937–1938 гг., но кое-что было добавлено и в 1939–1940 гг. Мне пока удалось выявить, что в эти предвоенные годы по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР было расстреляно 24 комбрига. Так что и в 1939 г. шестеренки механизма массового истребления вращались безостановочно. Они были обильно смазаны человеческой кровью. И трудно, а порою и невозможно было, несмотря на любые усилия, вырваться из-под кровавого «красного колеса». Вот в зубья этой машины попал слушатель Военной академии Генштаба РККА

беспартийный комбриг Ф.А. Померанцев. Бывший подпоручик царской армии, из дворян – он уже изначально казался подозрительным. Да еще высшее военное образование... 5 марта 1939 г. военный трибунал Московского военного округа (председательствующий – военный юрист 3-го ранга Евжик, члены коллегии – капитан Сухов и военинженер 2-го ранга Селиванов) «именем Союза Советских Социалистических республик» выносит приговор, в котором вменяет Померанцеву в вину участие в военном заговоре, во вредительстве на строительстве Минского укрепрайона и в том, что «в 1936 г. ПОМЕРАНЦЕВ был направлен УБОРЕВИЧЕМ на учебу в академию Генштаба РККА, где снова встретился с СЕРГЕЕВЫМ (бывший начштаба БВО. – *О.С.*) и по заданию последнего принял участие в создании контрреволюционной организации в академии Генштаба РККА»²¹⁴. В судебном заседании Померанцев показал, что вся его жизнь, как прошлая, так и настоящая, не располагала его к вступлению в организацию «офицерский союз», к деятельности против советской власти, что, будучи в Красной армии, он работал честно, не щадя своих сил. Он признал себя «виновным» лишь в том, что общался с врагами народа, а по службе имел упущения и недочеты. Но беспощадным был приговор – расстрелять.

На второй день из камеры 165 Бутырской тюрьмы НКВД осужденный Померанцев подает обширную кассацию, в которой подробно описывает свою работу в РККА («в течение 11-12 лет я не был ни разу в отпуску...»)²¹⁵, убедительно доказывает несостоятельность обвинения во вредительстве, анализирует нарушения процессуальных норм военным трибуналом. Эту кассацию рассматривает 5 апреля 1939 г. Военная коллегия Верховного суда СССР (в составе: Алексеев, Кандыбин, Л. Дмитриев) и принимает

определение: «Поскольку изменческая (так в тексте. – О.С.) деятельность осужденного Померанцева материалами дела и его личным признанием на суде^[58] полностью подтверждена, приговор о нем оставить в силе без изменения, а касжалобу без удовлетворения»²¹⁶. Мобилизуя остатки воли в борьбе с адской машиной истребления, комбриг хватается за последнюю соломинку – за «Калиныча» – обращается в Верховный Совет СССР. Но решением его Президиума от 8 мая 1939 г. ходатайство о помиловании было отклонено и в тот же день Померанцев расстрелян²¹⁷. Реабилитирован посмертно 15 сентября 1959 г.

Среди многих военнослужащих, приговоренных в 1939–1940 гг. к длительным срокам лишения свободы, во время отбытия наказания скончалось (по неполным данным) 10 бывших комбригов, 6 бывших полковников (кроме того, за эти годы не менее 12 полковников было расстреляно).

Не щадили никого, в том числе и женщин. Легендарного маршала Блюхера забили до смерти в тюрьме, а его бывшая первая жена Галина Александровна Кольчугина-Блюхер, слушатель военного факультета Академии связи им. В. Подбельского также была схвачена. От нее требовали «признаться» в совместной с бывшим мужем контрреволюционной деятельности. Свидетель А.А. Розенблюм, содержащаяся с нею в одной камере, показала впоследствии: «...КОЛЬЧУГИНА-БЛЮХЕР из камеры Внутренней тюрьмы, где мы находились, очень часто, почти ежедневно, вызывалась на допросы, продолжающиеся до утра. С допросов она всегда приходила в обморочном состоянии. Точнее даже сказать, она не приходила с допросов, а ее буквально под руки приводили в камеру»²¹⁸.

Опытные застеночных дел мастера действовали не только кнутом, но и пряником. Допрошенная в ходе дополнительной проверки в 1956 г. С.А. Арина-Русаковская показала, что в разговоре с нею Кольчугина-Блюхер категорически отрицала свою вину, что Кольчугину-Блюхер вызывал к себе Берия, угощал ее фруктами и уговаривал давать на следствии вымышленные показания²¹⁹. В конце концов, следствие «дожало» несчастную, ни в чем не повинную женщину, заставило ее признать свою «вину» и на предварительном следствии, и в суде. И вот 14 марта 1939 г. три «юридических столпа» – члены Военной коллегии Верховного суда СССР – Алексеев, Детистов и Климин – признают Кольчугину-Блюхер виновной в том, что она якобы являлась участницей антисоветского военного заговора, занималась шпионажем, была осведомлена о проводившейся ее бывшим мужем В.К. Блюхером контрреволюционной деятельности. Сплошная «липа» видна невооруженным глазом. Но три палача в судейских мантиях приговаривают ее к расстрелу. Реабилитирована посмертно 9 мая 1956 г.

31 мая 1940 г. состоялось судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР в наиболее представительном составе: председательствующий – председатель Военной коллегии армвоенюрист В.В. Ульрих, члены – заместитель председателя Военной коллегии корвоенюрист И.О. Матулевич и член этой коллегии диввоенюрист А.М. Орлов. Именно эта тройка усердно «судила» и в 1937 и 1938 гг. Рассматривалось дело бывшего начальника кафедры Военно-химической академии профессора П.Г. Сергеева. Грубейшие нарушения УПК в этом деле видны даже студенту-первокурснику юрфака. Обвинительное заключение по делу Сергеева прокурором не утверждалось и обвиняемому не вручалось. Однако это не смутило

высокопоставленных «жрецов правосудия». Хуже того. Они рассмотрели это дело вообще без вызова свидетелей и самого подсудимого, в так называемом «особом порядке», осудив профессора П.Г. Сергеева заочно по ст. 58-16, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет с конфискацией имущества²²⁰. Приговор отменен, и Сергеев реабилитирован 12 мая 1956 г.

Практика заочного осуждения продолжалась и накануне войны. Так, 29 мая 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР без вызова в суд осудила обвиняемого бывшего начальника Химического управления РККА коринженера Я.М. Фишмана. Не вызывались, конечно, и свидетели. Приговор: 10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Отменен этот приговор лишь 5 января 1955 г.²²¹

Фактически до самого начала войны по-прежнему безжалостно и беспощадно военные трибуналы обрушивались на всех военнослужащих вплоть до красноармейцев, замеченных в любом нестандартном высказывании или поступке, немедленно подводя их под пресловутую статью УК РСФСР 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда). Так, в ЗакВО красноармейца Жагбладзе осудили только за то, что он на полях старой газеты изобразил что-то отдаленно похожее на свастику²²².

Даже в феврале 1939 г. врид председателя ВТ КОВО бригавоенюрист Галенков, вынужденный признать, что военные трибуналы округа особенно по делам по обвинению военнослужащих в проведении антисоветской агитации «в ряде случаев» «не всегда» предъявляли требования в соответствии с УПК к качеству и полноте материалов предварительного следствия; что они сами занимались упрощенчеством ведения судебного следствия, не обосновывали свои

приговоры собиранием достаточных доказательств на суде и «в ряде случаев», вместо возвращения дела на следствие или даже прекращения его, выносили в порядке перестраховки необоснованные приговоры, не может преодолеть прежнего «карательного» мышления. И бодро докладывает Ульриху: «В своей судебно-карательной политике военные трибуналы по обвинению в контрреволюционных преступлениях и антисоветской агитации и пропаганде правильно направляли жесткую судебную репрессию против врагов народа и их охвостья, против носителей антисоветской агитации»²²³.

И все же с конца 1938 г. – начала 1939 г. в работе Военной коллегии Верховного суда СССР создались несколько иные, чем прежде, условия. К этому времени и сталинскому руководству страны все более становилось ясным, что дальнейшее продолжение большого террора прежними темпами, масштабами и методами может привести к непредсказуемым последствиям. Было решено «даровать» определенное послабление. Одной из первых ласточек своеобразного «нового курса» явилось уже упоминавшееся совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем говорилось о таких грубых нарушениях «социалистической законности», допускавшихся органами НКВД, как незаконные аресты граждан по фиктивным справкам о якобы совершенных ими контрреволюционных преступлениях; фальсификация протоколов допросов обвиняемых и свидетелей; искусственное создание отдельных дел о несуществующих контрреволюционных преступлениях; вымогательство от арестованных путем физических мер воздействия (избиений и истязаний) подписей заранее заготовленных фиктивных протоколов допросов. О

судебной практике здесь прямо не говорилось, но имеющий уши да слышит.

Не прошло и месяца после этого постановления, как в начале декабря 1938 г. Н.И. Ежов был заменен на посту наркома внутренних дел СССР Л.П. Берией. Многие бывшие сотрудники НКВД («ежовцы») были осуждены «за нарушение норм «социалистической законности». Все более становилось ясным, что расстрельные приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов в 1937–1938 гг. по сути дела штамповали фальсифицированные следователями НКВД обвинительные заключения.

В новых условиях стала несколько меняться и безусловно обвинительная до того позиция председателя Военной коллегии. В мае 1939 г. председатель военного трибунала 1-й Отдельной Краснознаменной армии бригавоенюрист И.Ф. Исаенков на одном из совещаний вспоминал: «Докладывая 13 апреля с.г. Военной коллегии о работе военных трибуналов 1 ОКА, я получил от тов. УЛЬРИХА указание о том, что мы должны при рассмотрении контрреволюционных дел искать прежде всего врага, а не липовое дело»²²⁴.

В своем заседании 19–21 апреля 1939 г. военный трибунал Сибирского военного округа (председательствующий военюрист 2-го ранга Дроздов, члены: майор Котрасов и майор Карпов) рассматривал очередное групповое дело. Перед судом предстали: бывший начальник штаба 78-й стрелковой дивизии полковник М.Е. Грибов, бывший помощник командира полка майор И.А. Горюнов, бывший помощник командира полка майор А.Д. Елизарьев, интендант 3-го ранга А.И. Крутиков и старший лейтенант И.В. Никулин. Все они, за исключением Горюнова, в судебном заседании отказались от «признательных» показаний,

данных ими на предварительном следствии. Но тем не менее военный трибунал приговорил «подвергнуть всех высшей мере уголовного наказания – РАССТРЕЛУ. Всех осужденных лишить военных званий и лично им принадлежащее имущество конфисковать»²²⁵.

Всего несколько месяцев тому назад их бы немедленно и «шлепнули». Но в 1939 г. атмосфера все-таки довольно значительно изменилась. Председатель ВТ СибВО военюрист 1-го ранга Ваганов 20 мая 1939 г. копию приговора и поданные ходатайства осужденных о помиловании направляет Ульриху²²⁶. А 27 мая 1939 г. из Москвы в Новосибирск летит телеграмма: «Дела Грибова Матвея Ефимовича и других... вышлите немедленно Военную коллегию приостановив исполнение приговора. Ульрих»²²⁷. А затем сам Ульрих обращается в Военную коллегию с протестом (главный аргумент – «не являлись руководителями а/с организации») и предлагает заменить ВМН отбыванием в ИТЛ, что и было осуществлено определением Военной коллегии (Алексеев, Кандыбин, Дмитриев) 11 июля 1939 г.²²⁸

Естественно, что подобные изменения в позиции Военной коллегии Верховного суда СССР, происшедшие под воздействием постановления СНК и ЦК от 17.XI.1938 г., не могли не оказать определенного воздействия на судебную практику. Нет-нет да стали встречаться случаи, когда военные трибуналы округов, а то и сама Военная коллегия стали отправлять рассматриваемые дела на доследование. Дело дошло до того, что даже Особое совещание при НКВД СССР, которое ранее осуждало всех, попавших под его беспощадную секиру, стало в отдельных случаях принимать постановления о прекращении дела. Такие же постановления стали принимать в отдельных случаях и Особые отделы НКВД на местах... Так,

постановлением Особого отдела НКВД 2-й ОКА 21 апреля 1940 г. было прекращено производством дело арестованного ранее комдива Г.А. Ворожейкина (будущего маршала авиации).

Почувствовав некоторое ослабление непосредственного давления на них, военные суды стали несколько объективнее подходить к определению вины подсудимых. Выездной сессией военного трибунала ПриВО в г. Казани 4 декабря 1939 г. (под председательством бригаюриста Микляева) был вынесен оправдательный приговор с освобождением из-под стражи восьми бывшим военнослужащим, в том числе бывшему командиру 68 гсд комдиву Я.Д. Чанышеву, бывшему комиссару Омского военного училища бригадному комиссару Н.С. Еникееву и др. Оправдательные приговоры по 8-ми делам в отношении 25 человек (из 13 рассмотренных дел в отношении 32 военнослужащих) были вынесены выездной сессией военного трибунала МВО в г. Горьком²²⁹.

Окружными военными трибуналами были оправданы представленные в суд особыми отделами НКВД корпусные комиссары М.Ф. Березкин и Г.Г. Ястребов, комдивы С.А. Спильниченко и А.А. Туржанский, комбриг Е.М. Тихомиров, полковник А.И. Лизюков, полковой комиссар С.В. Руднев, интендант 1-го ранга И.К. Биркан, военинженер 2-го ранга Е. Н. Шелухин, военврач 2-го ранга Ш.Х. Клейн, майор В.С. Томпофольский, военинженеры 3-го ранга И.А. Линявский и А.М. Скворцов, капитаны К.Э. Китто, К.К. Латт, П.М. Лепп, С.Н. Привалов, М.С. Смирнов, старшие политруки В.И. Грачев, Б.С. Сандлер-Шапиро, старшие лейтенанты А.Я. Нагельман, П.Ф. Николаев, Н.М. Таничев и многие другие.

Обобщенными данными о количестве оправданных накануне войны лиц комначполитсостава, арестованных

ранее по обвинению в «контрреволюционных преступлениях», я пока не располагаю. Но некоторое представление об основных тенденциях этого процесса помогут составить цифры, приведенные в докладе начальника Управления по комначсоставу РККА армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко. Из уволенных из РККА в 1937 г. в связи с арестом 4474 лиц комначполитсостава (без ВВС), в 1938–1939 гг. было не только оправдано, но и восстановлено в армии 206 человек (или 4,6 % к общему числу уволенных в связи с арестом). Из числа уволенных – арестованных в 1938 г., было в 1938–1939 гг. восстановлено в армии 1225 человек (или 24,3 %) ²³⁰. Такая существенная разница объясняется тем, что почти все лица комначполитсостава, арестованные в 1937 г., к 1939-му году были уже осуждены (а в основном и расстреляны), многих же арестованных в 1938 г. засудить еще не успели.

Казалось бы, органам юстиции оставалось только радоваться тому, что хоть в какой-то мере справедливость (что означает само слово «юстиция» в переводе с латинского) все же торжествует. Но не такова была «сталинская юстиция». Секретный приказ наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова № 0117 от 28 июня 1940 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению дел о контрреволюционных преступлениях» отмечал прежде всего такие недостатки, как неправильное прекращение дел, необоснованное оправдание обвиняемых по делам о контрреволюционных преступлениях, краткосрочные меры наказания в пределах 2-х лет лишения свободы. Нарком юстиции упрекал некоторых судебных работников в недостаточном учете того, что органы НКВД в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. улучшили свою работу и

резко критиковал этих работников за то, что они «непродуманно, а иногда с недоверием подходят к рассмотрению материалов предварительного следствия и неправильно отвергают вполне по существу обоснованные обвинения»²³¹.

Потребовав от народных комиссаров юстиции союзных республик, от председателей судов повести решительную борьбу против «необъективного подхода» некоторых судебных работников к материалам предварительного следствия, нарком юстиции СССР, по существу, запретил судам выносить по делам о контрреволюционных преступлениях оправдательные приговоры. В приказной части прямо говорилось: «...б. Не ослабляя борьбы с неосновательным привлечением и осуждением, не допускать случаев вынесения оправдательных приговоров по мотивам недостаточности собранных по делу доказательств в отношении таких обвиняемых, личность которых по их прошлой деятельности (участие в антипартийных группировках, прошлая активная деятельность во враждебных партиях, участие в борьбе против Советской власти, наличие связи с преступной средой и т. д.) требует дополнительной проверки дела... Направлять такие дела на дополнительное расследование, с оставлением меры пресечения – содержание под стражей»²³². До чего же надо было докатиться народному комиссару юстиции СССР, чтобы в официальном типографски изданном приказе зафиксировать требование не допускать оправдательных приговоров по отношению к лицам, кои когда-то участвовали в «антипартийных группировках», т. е. посмели свое суждение иметь!

Но даже прошедший школу беспощадности в Военной коллегии Верховного суда СССР Н.М. Рычков вынужден был как-то считаться с некоторыми

изменениями общественной атмосферы, и в его приказе № 0117 все же официально прозвучало положение о необходимости хоть какого-то реагирования судебных работников на многочисленные заявления подсудимых о фактах нарушения «социалистической законности». Если раньше от них просто отмахивались, расценивали как «клевету на органы НКВД», то теперь, летом 1940 г., в заключительном пункте этого приказа говорилось: «8. В случаях подачи заявлений, показаний в судебном заседании обвиняемых о применении к ним неправильных методов расследования или при наличии показаний в судебном заседании свидетелей о преднамеренном искажении следователем их показаний, председательствующим в судах доводить об этом до сведения органов прокуратуры и НКВД для расследования таких заявлений или показаний обвиняемых и свидетелей»²³³.

Правда, этот пункт приказа оставлял некоторую неясность – как именно расследовать такие заявления? В чисто ведомственном, административном порядке или же возбуждать уголовные дела? Когда военный трибунал МВО (председатель диввоенюрист А.Д. Горячев) попытался за незаконные методы следствия привлечь работников НКВД к уголовной ответственности, то нарком юстиции СССР в приказе № 0145 от 24 июля 1940 г. расценил это как серьезную политическую ошибку, поскольку это проводилось «без проверки показаний обвиняемых, заявлявших о незаконных методах следствия»²³⁴. Но ведь предварительное следствие на то и проводится, чтобы проверить достоверность показаний? И диввоенюрист Горячев ведь не осудил этих следователей сразу, а лишь возбудил уголовное дело. Где же здесь ошибка?

Нетерпимую позицию по отношению ко всякой попытке правоохранительных органов действительно

охранять права граждан от надуманных, а иногда и преступных посягательств сотрудников НКВД, продолжало занимать и руководство спецслужб СССР. 31 августа 1940 г. В.Н. Меркулов обращается с новой ламентацией в адрес наркома юстиции, прокурора Союза, председателя Верховного суда СССР и председателя его Военной коллегии. На этот раз обвинения формулировались в адрес судебно-прокурорских органов Хабаровского края, которые якобы «в ряде случаев необоснованно прекращают дела на государственных преступников». И далее Меркулов приводит весьма выразительные данные. Оказывается, только за три месяца (с 20 сентября по 20 декабря 1939 г.) Хабаровский областной суд из 73 рассмотренных дел прекратил производством 43, а военный трибунал 2-й Отдельной Краснознаменной армии из 60 прекратил 40²³⁵. Свое явное недовольство этим процессом хотя бы робкого восстановления справедливости заместитель наркома внутренних дел СССР формулирует следующим образом: «Анализ оправдательных приговоров по этим делам показывает, что стоит лишь обвиняемому отказаться от своих показаний или заявить какую-либо клевету на органы следствия (т. е. на НКВД. – *О.С.*), как Краевой Суд и Военный Трибунал выносят оправдательный приговор по делу и в лучшем случае возвращают дело на исследование по чисто формальным признакам»²³⁶. Как сладостно, наверное, вспоминались Меркулову 1937 и 1938 годы, когда рубили налево и направо, абсолютно не считаясь ни с какими «ненужными» юридическими формальностями.

Будучи профессиональным юристом, прокурор Союза ССР А.Я. Вышинский не мог не понимать полного беззакония процесса избиения и уничтожения военных кадров и старался даже в подлости соблюсти оттенок

благородства. И вот он 9 января 1938 г. официально обращается к Ворошилову и Ежову по весьма щекотливому вопросу. Дело в том, что военнослужащие, коим были присвоены персональные военные звания, могли быть лишены их, в соответствии с действовавшим законодательством, только по приговору суда. Но определенное количество лиц комначсостава осуждалось «по внесудебном порядке» Особым совещанием НКВД СССР, которому право выносить решение о лишении персональных военных званий предоставлено не было. И поставленный наблюдать за законностью прокурор Вышинский предлагает путь обхода закона. Он предложил, чтобы в случаях осуждения Особым совещанием «за контрреволюционные преступления» лиц комначсостава, имеющих персональные военные звания, вопрос о лишении этих званий в каждом отдельном случае передавать на разрешение соответствующих военных трибуналов либо Военной коллегии Верховного суда СССР. «Для представления данного вопроса на рассмотрение Правительства, – писал Вышинский, – прошу Вашего согласия на установление такого порядка». В тот же день появилась резолюция: «Согласен, правильно. КВ. 9/1.38 г.»²³⁷

Подобно прокурору СССР Вышинскому, действовал и главный военный прокурор РККА Н.С. Розовский. Вместо того чтобы самоотверженно бороться за соблюдение прав военнослужащих, он озабочен прежде всего тем, как бы полегче и поскорее пропустить военные кадры через судебную мясорубку. 28 апреля 1938 г. в докладной записке на имя Ворошилова и Мехлиса он печалует о том, что разрешение вопроса о предании суду лиц комначполитсостава РККА затруднено и затягивается на весьма длительные сроки из-за действия приказа НКО № 006–1935 г., в соответствии с

которым разрешение на предание суду лиц начсостава (начиная с командира взвода) мог давать только сам нарком (или его заместитель). И вот по самой сути своей должности призванный обеспечивать торжество законности главный военный прокурор РККА, желая быть католиком больше самого Папы Римского, буквально умоляет: «Убедительно прошу помочь в создании условий, при которых вопросы предания суду разрешались бы с возможной быстротой»²³⁸.

О фактическом отсутствии независимости в работе Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда СССР убедительно свидетельствует так называемое «дело Подласа». Несмотря на определенный успех в боях у оз. Хасан, выявились и серьезные недостатки в боевой и политической подготовке действовавших там частей РККА. Недостатки были настолько серьезны, что в отношении командующего 1-й ОКА комдива К.П. Подласа, члена Военного совета – бригадного комиссара М.В. Шуликова и начальника штаба армии полковника Помощникова было принято решение: «судить». Казалось бы, и судите, опираясь на соответствующие законы и исследование практической деятельности привлеченных к суду лиц. Но не таков был менталитет тогдашних «блюстителей законности». Главный военный прокурор РККА Н.С. Розовский 3 января 1939 г. письменно докладывает обо всем этом деле наркому обороны и без всякого зазрения совести юриста-прокурора пишет: «Прошу Ваших указаний о постановке процесса и о мерах наказания»²³⁹ (Так! – О.С.). И даже проходивший в школу всего «две зимы» Ворошилов вынужден наставлять ученого прокурора: «Суд для того и существует, чтобы разобраться в деле и вынести свой приговор. КВ. 3.1.39»²⁴⁰.

Но военные юристы РККА настолько не приучены действовать самостоятельно, руководствуясь лишь законом, что без соответствующих указаний сверху они уже жить не могут. Они бьют челом прокурору СССР А.Я. Вышинскому. И тот 21 января 1939 г. обращается с верноподданническим ходатайством «на самый верх» – к Сталину и Молотову. Он предлагает сделать этот процесс в определенной мере показательным, допустить на него 100–150 командиров и политработников по списку НКВД, а в завершение пишет: «Считаю, что Подласа необходимо приговорить к 5-ти годам, а Шуликова и Помощникова к 2–3 годам лишения свободы... Прошу Ваших указаний»²⁴¹.

Мне не удалось пока выяснить, какова была реакция Сталина. Но судя по дальнейшим событиям, можно сделать вывод, что Сталин согласился с предложением Вышинского (или, по крайней мере, не возражал), потому что через два месяца судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР вынесет приговор, абсолютно точно совпадающий с предложениями Вышинского. В последний день судебного процесса – 31 марта 1939 г. – председатель Военной коллегии армвоенюрист В.В. Ульрих, привыкший творить «правосудие» по принципу «как прикажете», еще раз решил получить начальственное соизволение. В этот день он направляет Ворошилову проект приговора Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Подласа, Шуликова и Помощникова²⁴², а 1 апреля – копию приговора Военной коллегии от 29–31 марта 1939 г. Рукой Ворошилова на этом донесении написано: «Чепуха!»²⁴³.

Уже 2 апреля 1939 г. «от бывшего командира РККА, ныне заключенного К.П. Подласа» поступает Ворошилову такой вот документ: «Моя вина в том, что я слепо, не как командующий большевик, а как не

рассуждающий солдат выполнял директивы фронта, которые оказались вредительскими (враг Блюхер)... Я прошу Вождя народов Великого тов. Сталина, партию, Правительство, Вас, тов. Народный комиссар, простить меня, дать мне возможность, на какой угодно работе оправдать свою вину... дать возможность если понадобится, отдать свою кровь капля за каплей и самую жизнь на защиту дела партии Ленина – Сталина, Родины и Великого Сталина. К. Подлас»²⁴⁴. В тот же день эта «просьба о прощении» переправляется Ворошиловым Сталину и Молотову с краткой припиской: «Посылаю поступившее на мое имя заявление от осужденного Подласа К.П.»²⁴⁵ (После такой слезницы Подлас был «прощен», возвращен в армию. Погиб в бою в 1942 г. в звании генерал-лейтенанта.)

Объективности ради надо сказать, что и в эти годы встречались люди, пытавшиеся честно выполнить высокий долг военного судьи, отважно вступавшие в борьбу с давившими на них функционерами НКВД. В некоторых случаях они находили поддержку даже у Ульриха. 28–31 мая 1939 г. военный трибунал КОВО (председательствующий полковой комиссар Баканов), рассматривая в судебном заседании дело № 601 по обвинению шести человек по ст. 54 УК УССР, дела на троих из них – Ф.И. Гороховского, С.И. Краснопольского и Г.В. Соколовского отправил на следствие, а трех других – И.А. Вакуленко, И.В. Голосного (по некоторым документам – Голосило) и А.И. Коберника вообще оправдал и освободил из-под стражи. Борясь за честь мундира, начальник ДТО НКВД Юго-Западной ж. д. старший лейтенант госбезопасности Малинин в докладной записке от 10 июля 1939 г. пытается обосновать, что якобы «приговор ВТ КОВО и определение по делу № 601 вынесено неправильно»²⁴⁶. А 8 августа уже заместитель начальника следственной

части НКВД СССР майор госбезопасности Макаров пишет Ульриху: «Направляя протест ДТО НКВД Юго-Западной ж. д., просим пересмотреть решение Военного трибунала КОВО и о Вашем решении сообщить в Следственную часть НКВД СССР с возвращением следственного дела»²⁴⁷.

В начале сентября уже главный военный прокурор РККА прислал предписание, из которого явствовало, что Особый отдел КОВО сообщил Особому отделу ГУГБ НКВД СССР, что якобы член коллегии ВТ КОВО полковой комиссар Баканов, принимая следственные дела для заслушивания в судебном заседании, берет ставку на освобождение подсудимых, виновность которых, мол, следствием доказана. 17 октября 1939 г. Баканов в письме к председателю ВТ Украинского фронта бригавоенюристу Галенкову пишет: «Эта клеветническая фраза абсолютно ни на чем не обоснована»²⁴⁸ и далее: «Прошу поставить вопрос перед Военной коллегией Верховного суда СССР о расследовании данного дела по существу и клеветников, которые допустили против меня гнусный выпад, привлечь к уголовной ответственности, поставив расследование этого дела на законном основании»²⁴⁹.

Делу был дан законный ход. Тридцать девятый год – это далеко не тридцать седьмой. И многие военные юристы обрели в какой-то степени достоинство служения не власти предрержащей, а закону. 10 декабря 1939 г. начальнику Главного транспортного управления НКВД СССР старшему майору госбезопасности Мильштейну, а с января 1940 г. начальнику следственной части ГУГБ НКВД СССР майору госбезопасности Сергиенко Ульрих сообщает о том, что, ознакомившись с делами Гороховского, Краснопольского и других, «Военная коллегия Верховсуда СССР не нашла оснований к отмене определений ВТ

КОВО от 31/V-1939 года... Для сведения сообщаю, что дело ГОРОХОВСКОГО и др. мною направлялось на заключение в Главную Военную прокуратуру, которая также не нашла оснований к опротестованию определений ВТ КОВО»²⁵⁰.

Встречались и такие случаи, когда военные прокуроры выступали против попыток тех или иных командиров каким-нибудь образом встать над законом. Во время боев на р. Халхин-Гол младший лейтенант в/ч 5988 Е.В. Данилов 14 августа 1939 г. умышленно нанес себе ранение мягких тканей левого плеча и, оставив взвод, ушел с поля боя. После он сознался в членовредительстве и просил направить его на фронт. Военный совет 1-й армейской группы и командующий Дальневосточным фронтом командарм 2-го ранга Г.М. Штерн высказались против предания Данилова суду. Однако военный прокурор группы настаивал на соблюдении закона. Тогда командующий 1-й армейской группой войск комкор Г.К. Жуков заявил ему: «Вы слушайте, что Вам скажут, и не рассуждайте. Учтите, что Хуторяна^[59] за это сняли»²⁵¹. Военный прокурор 1-й армейской группы обратился по команде и был поддержан руководством Главной военной прокуратуры. Но и оно само тоже подчинялось не закону, а мнению ЦК ВКП(б) и Политуправления РККА. Обращаясь к заместителю начальника Политуправления Ф.Ф. Кузнецову и.д. ГВП, бригадвоенюрист П.Ф. Гаврилов, описав все это событие, мог лишь высказать свою позицию: «Считаю подобный метод навязывания прокурору своей точки зрения неправильным»²⁵².

Значительно повышали роль военных прокуроров в обеспечении хоть каких-то элементов законности при осуждении военнослужащих развернувшиеся судебные процессы над бывшими сотрудниками НКВД. Хотя и их судили келейно, втайне, но до военных-то прокуроров

сведения об этом доходили и заставляли их еще и еще раз проникнуться мыслью о недопустимости нарушения кем бы то ни было существующих законов и о своей личной ответственности за допущение массового истребления военных кадров.

25—26 мая 1940 г. в закрытом заседании в Москве Военная коллегия под председательством Ульриха рассмотрела дело по обвинению одиннадцати бывших сотрудников УНКВД по Вологодской области во главе с начальником управления майором госбезопасности С.Г. Жупахиным. В ходе судебного заседания выяснилось, что здесь сотрудники УНКВД сфальсифицировали материалы на финскую контрреволюционную организацию, искусственно объединив в одно дело 400 человек, 84 из которых «тройкой» были осуждены к ВМН; сфабриковали «дело» на уже осужденных, отбывавших наказание в ИТК-14, по которому той же тройкой УНКВД были осуждены к расстрелу еще 83 человека. Начальник отделения Безродный во время допроса убил арестованного Свирского. Сотрудники УНКВД Власов, Воробьев и Емин допускали извращенные способы приведения приговоров в исполнение. Военная коллегия приговорила семерых сотрудников Вологодского УНКВД к расстрелу²⁵³.

За фальсификацию дел, незаконные аресты, применение незаконных методов в следственной работе были приговорены в 1940 г. к ВМН бывшие заместитель наркома внутренних дел Киргизской ССР М.Б. Окунев, заместитель начальника УНКВД по Ленинградской области А.М. Хатаневер, начальник УНКВД Орджоникидзевского края П.П. Вольнов, по Ворошиловградской области Г.И. Коркунов и др.²⁵⁴

За активное участие «в антисоветской заговорщической организации, действовавшей в органах НКВД и ставившей перед собою задачу путем

вооруженного восстания, диверсий и вредительства, а также актов индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и Советского Правительства – свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР» были в 1940 г. Военной коллегией приговорены к расстрелу бывший начальник УНКВД по Омской области К.Н. Валухин^[60], начальник 5-го отдела УГБ НКВД по Смоленской области капитан ГБ В.В. Кривуша, зам. начальника 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР А.А. Додонов²⁵⁵ и др. На длительные сроки тюремного заключения были осуждены бывший начальник УНКВД по Новосибирской области майор ГБ И.А. Мальцев, заместитель наркома внутренних дел УССР старший майор ГБ М.А. Степанов, заместитель наркома внутренних дел Карельской АССР А.Е. Солоницын и др.²⁵⁶

Вообще необходимо заметить, что истребление высшего начсостава госбезопасности носило тотальный характер. По данным белорусского исследователя А.И. Русенчика, из получивших в 1935 г. звание майора госбезопасности 84-х человек – 1 – невозвращенец (Л.Л. Никольский, он же – Фельдбин, он же – Орлов), а 77 – исчезли; из 47 старших майоров ГБ исчезло 44; из 20 комиссаров госбезопасности 3-го ранга 1 сбежал к японцам (Г.С. Люшков), а 18 уничтожены²⁵⁷. Уничтожены также все 12 комиссаров ГБ 2-го ранга, 6 комиссаров ГБ 1-го ранга и генеральный комиссар госбезопасности СССР Г.Г. Ягода. Это – ликвидация «ягодовцев». С конца 1938 г. принялись и за «ежовцев», включая второго по счету генерального комиссара госбезопасности СССР Н.И. Ежова. Судили их по двум основным обвинениям: участие в антисоветском заговоре в Наркомате внутренних дел СССР (обвинение надуманное) и нарушение норм социалистической законности. Обвинение совершенно доказанное,

поэтому подавляющее большинство из осужденных в то время руководящих сотрудников госбезопасности до сих пор не реабилитировано. Наиболее глубинная причина беспощадной расправы с высшим начсоставом госбезопасности состояла в желании Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталина свалить вину за большой террор с себя на других, а также в стремлении убрать много знавших свидетелей. Мавр сделал свое дело - мавра можно «уйти».

Со своей стороны Берия считал возможным требовать пересмотра тех или иных решений военных трибуналов. Когда шестеро сотрудников УНКВД по Орджоникидзевскому краю за применение «мер физического воздействия в извращенных формах» были приговорены к ВМН, Берия обратился 11 сентября 1939 г. к прокурору СССР и председателю Военной коллегии Верховного суда СССР: «НКВД СССР считает вынесенный Военным Трибуналом войск НКВД Орджоникидзевского края приговор неправильным, а меру наказания завышенной». А далее тоном полного хозяина: «Прошу Вас распорядиться пересмотреть дела на перечисленных лиц и о Вашем решении сообщить»²⁵⁸. И уже 25 сентября 1939 г. Ульрих сообщает Берии, что дела приговоренных бывших сотрудников НКВД рассмотрены Военной коллегией в кассационном порядке, их преступные действия переквалифицированы и троим осужденным расстрел заменен лишением свободы на десять лет каждому, а двоим - на восемь лет каждому и всем им - без поражения в правах²⁵⁹. Это же «социально близкие» для Берии, да очевидно и для Ульриха, люди...

Давно и правильно сказано, что обстоятельства сильнее нас. Именно они заставляли в чем-то меняться даже такие заскорузлые образования, как НКВД, Прокуратура СССР. Совместной их директивой № 2709

от 26 декабря 1938 г. наркоматам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД и УРКМ краев и областей предоставлялось право при рассмотрении жалоб и заявлений осужденных отменять неправильные решения троек НКВД - УНКВД с прекращением дел и освобождением осужденных от отбывания наказания. В развитие этой директивы Берия и Панкратьев 10 октября 1939 г. издают приказ № 001214, значительно расширявший возможности прокуроров в ликвидации последствий бесчинств, учиненных «тройками». Этим приказом предписывалось поступающие жалобы, заявления и протесты прокуроров на неправильные решения троек рассматривать не позднее двухдневного срока. В случае несогласия с протестом прокурора наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники управлений НКВД обязаны были составлять мотивированное постановление об отклонении протеста, направляя копию прокурору. «В спорных случаях, - говорилось в приказе, - прокурор, внесший протест, может обжаловать постановление НКВД (УНКВД) перед Прокуратурой СССР, которая в необходимых случаях вносит эти протесты на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР»²⁶⁰.

Стал устанавливаться какой-то порядок в выдаче справок заявителям о лицах, осужденных по делам органов НКВД. Специальный приказ НКВД СССР № 00515 был издан 11 мая 1939 г. В дополнение к нему 4 июня 1940 г. был издан совместный приказ наркома внутренних дел и прокурора Союза ССР № 00706. Согласно этому приказу, подобного рода справки выдавались в судах, вынесших приговоры, либо в первых спецотделах НКВД - УНКВД²⁶¹.

В определенной мере возросли возможности судебного преследования за ложные доносы и ложные

показания. Приказ наркома юстиции и прокурора СССР № 0119 от 2 июля 1940 г. «О порядке рассмотрения дел о ложных доносах и ложных показаниях, связанных с делами о к. р. преступлениях» отменял циркуляр прокуратуры СССР и НКЮ СССР № 160/13001541 от 7 апреля 1937 г. и требовал дела о лжедоносительствах и даче ложных показаний рассматривать в закрытых судебных заседаниях, вести по указанным делам самостоятельное производство, не объединяя их с теми делами о контрреволюционных преступлениях, при рассмотрении которых была установлена ложность доноса или показаний. Специальный пункт приказа был направлен на сохранение «идеологической невинности» судебных работников и особенно присутствовавших на судебном заседании: «3. Не допускать цитирования в приговорах и в обвинительных заключениях контрреволюционных высказываний, а также не упоминать, в связи с такими высказываниями, фамилий руководителей Партии и Правительства»²⁶².

Надо признать, что и в новых условиях аппарат НКВД во главе с Берией ревностно следил за прохождением в военных трибуналах подготовленных следователями НКВД дел. Массовое возвращение дел на доследование, а тем более оправдательные приговоры они переживали весьма болезненно. И при малейшей возможности стремились любым способом соответственно воздействовать на военные трибуналы, на военных прокуроров. Когда в июне 1939 г. ВТ МВО под председательством диввоенюриста А.Д. Горячева возвратил дела по обвинению Э.П. Пелузо и И.П. Денышева в НКВД СССР «на доследование», то с протестом по этому поводу к прокурору СССР к председателю Военной коллегии Верховного суда СССР обратился в августе 1939 г. непосредственно нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия. Он выражает свое

несогласие с решением ВТ МВО и свое обращение к прокурору СССР заключает чуть ли не приказом: «Прошу соответственно реагировать»²⁶³. В другом случае он пишет: «Считаю необходимым следственное дело за № 19653 по обвинению Денышева Ильи Петровича вновь поставить на рассмотрение Военного Трибунала МВО»²⁶⁴. «Хлопоты» Берии даром не пропали. В сентябре 1939 г. дело Пелузо было вновь направлено в ВТ МВО «для рассмотрения в судебном заседании по существу», а дело Денышева - на рассмотрение Особого Совещания НКВД²⁶⁵.

Война приближалась буквально с каждым днем. А Главная военная прокуратура вместо того, чтобы всемерно оберегать права, честь и достоинство командиров - единоначальников, от действий которых в решающей степени будет зависеть ход вооруженной борьбы, порою беспокоилась прежде всего о том, как бы того или иного попавшего на скамью подсудимых «командира-заговорщика» не недосудили. Когда налево и направо летели до сих пор до конца не сосчитанные головы безвинных воинов РККА, Главная военная прокуратура РККА стыдливо молчала. Как будто так и надо. Но стоило тому или иному военному суду оправдать безвинного страдальца - вчерашнего командира, как некоторые военные прокуроры выступали с протестом против такого, по их мнению, «гнилого либерализма». Как слепни в жаркую погоду впиваются в тело потной лошади, так и некоторые высокопоставленные военные прокуроры вцеплялись в попавшие в поле их зрения жертвы, стремясь обязательно «засудить» их.

Попытки местных юридических работников судить действительно «по справедливости» нередко немедленно пресекались сверху. 10-12 мая 1940 г. военный трибунал СКВО в закрытом судебном

заседании в составе председательствующего бригавоенюриста Майорова и членов: старшего политрука Держина и лейтенанта Рыбинского рассмотрел дело по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре группы бывших военнослужащих 28-й горно-стрелковой дивизии. Перед трибуналом предстали бывший командир дивизии комбриг И.А. Милюнас, бывший командир 84 сп полковник М.К. Зубков, майоры Н.К. Степанов и В.А. Эрдман, капитаны В.М. Красновский и С.И. Снежко. На этот раз было проведено самое настоящее судебное следствие, в приговоре сформулировано 16 позиций, в том числе и то, что подсудимые в своей практической работе допускали упущения, которые не могут квалифицироваться как уголовно-наказуемые деяния, и приговорил «всех шестерых по суду считать оправданными»²⁶⁶.

Но исполнявший должность главного военного прокурора Красной армии корвоенюрист П.Ф. Гаврилов посчитал этот приговор в части оправдания комбрига И.А. Милюнаса неправильным и 21 сентября 1940 г. обратился с протестом (в порядке надзора) в Военную коллегия Верховного суда СССР. Карательная машина работала быстро. И уже 4 октября 1940 г. Военная коллегия (в составе: Романычев, Детистов, Буканов) определила: «...протест прокурора удовлетворить, приговор в отношении Милюнаса отменить и дело направить для нового рассмотрения со стадии судебного следствия в тот же суд, но в ином составе»²⁶⁷. 29 января 1941 г. ВТ СКВО в новом составе (бригавоенюрист Галенков, военюрист 2-го ранга Ильницкий и ст. политрук Румянцев) признает Милюнаса участником заговора и приговаривает его по формуле «10+5». На следующий день комбриг пишет (на промокательной бумаге!) кассационную жалобу, но

Военная коллегия (Орлов, Буканов, Абдурахманов) оставляет ее без удовлетворения. А 20-21 января 1942 г. Милюнас был вторично осужден ВТ войск НКВД Архангельской области – на этот раз – к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 21 февраля 1942 г. Реабилитирован посмертно в 1957 г.

Еще в 1938 г. были арестованы командующий Каспийской военной флотилией флагман 2-го ранга Д.П. Исаков, начальник штаба флотилии Н.Н. Унковский, флагштурман М.А. Шифферс и флагманский инженер-механик В.Ф. Латушкин. Все они обвинялись в участии в антисоветском военно-фашистском заговоре. Дело это было состряпано настолько примитивно, что 7 декабря 1940 г. военный трибунал ЗакВО в отношении всех четверых вынес оправдательный приговор. В дело вмешивается «бдительный» врио главного военного прокурора ВМФ бригадвоенюрист Лелюхин (подписал – за прокурора Союза ССР). 1 марта 1941 г. он обращается с протестом в Военную коллегия, и та в заседании 21 марта (в составе: Романычев, Дмитриев, Климин) удовлетворяет протест и принимает решение «оправдательный приговор ВТ ЗакВО в отношении Исакова, Унковского, Шифферса и Латушкина отменить и дело о них на основании ст. 299 УПК АзССР направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия...»²⁶⁸. Однако и в процессе доследования новых данных о виновности бывших четырех руководителей Каспийской военной флотилии добыто не было. В связи с этим главный военный прокурор ВМФ 23 февраля 1942 г. дело о них в уголовном порядке прекратил.

Но теперь выступил на сцену заместитель начальника Особого отдела НКВД СССР, который посчитал, что «...в данное время, в интересах государственной безопасности, освободить

обвиняемых Исакова, Унковского, Шифферса и Латушкина нецелесообразно». Особого отдела боялся сам прокурор Союза ССР и 16 июля 1942 г. он отменил постановление главного военного прокурора ВМФ от 23 февраля 1942 г., дело направил на рассмотрение Особого совещания с предложением о назначении обвиняемым наказания в виде пяти лет заключения в ИТЛ каждому, как подозреваемым в контрреволюционной деятельности. Главный аргумент прокурора Союза: «...интересы государственной безопасности в условиях военной обстановки диктуют необходимость изолировать на период военного времени обвиняемых от общества»²⁶⁹. Так они и сгинули. Реабилитированы в мае 1955 г. Никого из них найти тогда уже не удалось²⁷⁰.

В целях самостраховки военная прокуратура Забайкальского военного округа ввела в практику сплошную отмену приговоров «за их мягкостью»²⁷¹.

Большинство же военных прокуроров старались вообще уклониться от пересмотра уже «решенных» дел, дабы «не связываться» ни с военными трибуналами и Военной коллегией Верховного суда СССР, ни тем более со следователями Особых отделов НКВД. Вот весьма характерный пример. По справке Особого отдела, красноармеец железнодорожного полка И.Н. Солнышкин 11 мая 1937 г. в группе красноармейцев «рассказал анекдоты явно контрреволюционного характера, направленные против руководства партии и Советского правительства». Его тут же арестовали, судили, приговорили к 10 годам лишения свободы в ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Прошло два года. Массовый террор в армии, да и в стране в целом явно пошел на снижение, и бывший красноармеец Солнышкин обратился к наркому обороны с жалобой. Ворошилов направил ее для рассмотрения в

соответствующую прокуратуру. И вот 4 октября 1939 г. исполняющий должность военного прокурора военюрист 2-го ранга Керкадзе докладывает из Тбилиси наркомку: «Жалобу осужденного Солнышкина о пересмотре дела на предмет снижения наказания считаю необоснованной и оставить без последствия»²⁷².

Тех же сравнительно немногих военных прокуроров, у которых чувство профессиональной чести юриста угасло не до конца, немедленно и безжалостно скручивали и любыми путями уничтожали. «Дело» бывшего военного прокурора Черноморского флота бригавоенюриста П.С. Войтеко рассматривалось судом дважды. Первый раз – в августе 1939 г. Его обвиняли в том, что он, будучи военным прокурором флота, якобы укрывал вражескую деятельность бывшего командующего флотом флагмана флота 2-го ранга И.К. Кожанова и члена Военного совета армейского комиссара 2-го ранга Г.И. Гугина и лично сам проводил подрывную деятельность в прокурорско-следственной работе. Войтеко виновным себя в предъявленном обвинении не признал, заявил суду о своей невиновности, а также о жестоких избиениях и грубейших нарушениях социалистической законности при расследовании его дела. В связи с тем, что в материалах дела не имелось убедительных доказательств виновности бывшего военного прокурора, это дело первым составом суда было отправлено на доследование. Все-таки на дворе был уже 1939 год, а не 1937-й и не 1938-й.

Но хотя времена и менялись, а нравы – не очень. И несмотря на то, что в ходе доследования никаких объективных доказательств виновности подсудимого добыто не было, а сам Войтеко продолжал столь же самоотверженно бороться против возводимой на него напраслины, обличал следователей НКВД в применении

«физических методов», второй судебный состав Военной коллегии Верховного суда СССР (Кандыбин, Суслин, Детистов), грубо нарушив требования УПК, без достаточной проверки достоверности обвинений Войтеко, вынес ему обвинительный приговор. К расстрелу приговорить его, видимо, не решились. Приговорили к 15 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. В этих лагерях он и умер 20 марта 1945 г. Реабилитирован посмертно в июле 1957 г.²⁷³.

Таким образом, в последние предвоенные годы (1939 г. - июнь 1941 г.) процесс истребления военнослужащих РККА по политическим мотивам существенно изменился. Резко сократилось количество арестованных по этим мотивам. Военная коллегия Верховного суда СССР и военные трибуналы продолжали выносить обвинительные (в том числе и расстрельные) приговоры «за контрреволюционные преступления». Но этих приговоров стало гораздо меньше и в основном ими завершались уголовные дела, возбужденные Особыми отделами НКВД еще в 1937-1938 гг. Военные суды стали отваживаться даже на вынесение оправдательных приговоров. В довольно широких размерах развернулся процесс возвращения в кадры РККА несправедливо уволенных из ее рядов лиц комначполитсостава. По сравнению с 1937-1938 гг., в Красной армии в 1939-1941 гг. произошло довольно заметное улучшение атмосферы. Но изменения эти были в основном количественные, а не качественные. Безраздельная власть опирающейся на безграничное насилие партийной верхушки оставалась незыблемой. И в своих лозунгах к XXII годовщине Октябрьской революции ЦК ВКП(б) призывал трудящихся СССР: «... помогайте выкорчевывать врагов народа»²⁷⁴.

Часть пятая

ПОСЛЕДСТВИЯ

*Страшней тридцать седьмой, чем
сорок первый...*

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

ЗАБЫТЬ ВЕЛЯТ...

Трагические последствия рукотворных катастрофических потрясений в Красной армии и на флоте нельзя было не заметить любому непредубежденному наблюдателю. Тем более были осведомлены о них высшие партийные и военные руководители. Однако в своих публичных выступлениях они трактовали значение этих потрясений сугубо по-своему. Прежде всего они рапортовали XVIII партсъезду, что «грязный гнойник измены ликвидирован. Красная армия быстро и радикально очищена от всей этой погани», что армия «железной метлой» очищена «от предательства и мерзости» (Ворошилов). «Враг разгромлен и уничтожен», – добавлял Мехлис. Берия докладывал, что работники НКВД также очистили свои ряды «от пробравшихся в них вражеских элементов» и заверял съезд, что они «обеспечат разоблачение, разгром и искоренение всех врагов народа»¹. Так что делегаты высшего партийного форума должны были сами понять и передать всем другим: «врагов народа» на их век вполне хватит.

А вообще-то в выступлениях и поведении высших и впервые пробившихся к руководящим рычагам деятелей явно проглядывалось стремление замолчать, обречь на забвение имена бесчисленных жертв тоталитарного произвола. И в речах Вышинского, и в приказах и выступлениях Ворошилова на разные лады неоднократно муссировался тезис о том, что могилы осужденных и казненных зарастут чертополохом, что и на могилку «к ним никто не придет», а человечество проклянет их и забудет навеки. Этот мой вывод подтвердил полковник в отставке В.Н. Давыдов. С 1938 г. он стал курсантом

Вольского авиационного училища. И в ходе всего двухлетнего процесса обучения не слышал ни звука о массовых расстрелах в армии – ни на лекциях, ни на семинарах, ни в ходе внеклассного общения с преподавателями, ни в разговорах курсантов друг с другом. Так он и закончил училище и затем провоевал всю войну и до XX партсъезда понятия о расправе с военными не имел². Такая была система воспитания. Позднее А.Т. Твардовский скажет о ней:

Забыть, забыть велят безмолвно.
Хотят в забвенье утопить
Живую быль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль – забыть!

Вельможные ораторы с трибуны XVIII съезда ВКП(б) совершенно четко и однозначно определили, кто именно проводил «чистку» в стране и в армии и кто непосредственно руководил и направлял большой террор. Пришедший на смену Ежову Берия доложил, что основные вражеские гнезда троцкистско-бухаринских и иных вредителей, диверсантов, убийц и шпионов разгромила «партия большевиков при единодушной поддержке всего народа», а Мехлис особо подчеркнул, что всю серьезную работу по разоблачению врагов и шпионов, окопавшихся преимущественно на руководящих постах, проделали военные комиссары, политотделы и партийные организации РККА «под руководством Центрального Комитета партии и товарища Сталина, под руководством товарища Ворошилова...»³.

Поскольку все выступления на съезде широко публиковались, Ворошилов не мог умолчать о западных оценках репрессий против кадров Красной армии. Фашисты и прочие империалистические агрессоры,

говорил он, подняли бешеный вой об ослаблении военных кадров и снижении боеспособности РККА. Установку на то, как отвечать на этот «бешеный вой», дал сам Сталин в отчетном докладе – он призвал «поиздеваться» над этой «пошлой болтовней». И тут же, обозвав Тухачевского, Якира, Уборевича «шпионами, убийцами», «извергами», «жалкой бандой продажных рабов», заверил съезд, что очищение советских организаций от них «должно было привести и действительно привело к дальнейшему укреплению этих организаций»⁴.

А Ворошилов тут как тут и громогласно доложил съезду, что «мы уже решили» все вопросы удовлетворения армии военного времени командным составом, что «для нас этих трудностей не существует», что «Рабоче-Крестьянская Красная армия является первоклассной, лучше, чем какая-либо другая армия, технически вооруженной и прекрасно обученной армией» и бодро-весело заверил съезд, что «Красная армия, как один человек, каждый миг готова выполнить свой священный долг защитника государства победившего труда, как один человек, с радостью готова отдать жизнь за великое дело Ленина – Сталина и «во имя этой идеологии бойцы, командиры и политработники готовы всегда отдать свою жизнь»⁵.

Эту линию на всемерное бахвальство, доходящее до самого настоящего фанфаронства, подхватывают милостиво оставленные в живых командующие войсками военных округов (например, Буденный в Москве, Мерецков в Ленинграде). Средства массовой информации исступленно состязаются между собой – кто хлеще обзовет возможных агрессоров и нагляднее предскажет скоропостижную нашу победу и обязательно «малой кровью» и «на чужой территории». Ворошилов же все время ищет новые формы выражения

этой насквозь порочной идеи. Если в ноябре 1938 г. в собственноручно написанных тезисах своего выступления на заседании Военного совета при НКО он записывает: «Тов[ари]щи! Международное положение поганое... Давайте работать по-сталински, и я вас заверяю, что мы в случае войны вихрем двинемся на наших злейших врагов и разметаем их в их собственном доме»⁶, то через несколько месяцев - на XVIII партсъезде свою речь заканчивает заверением: «...враг будет накоротке смят и уничтожен»⁷. В первомайском приказе 1939 г. Ворошилов находит новые краски, заявляя, что великая армия социализма «готова в любой момент испепелить всякого поджигателя...»⁸, а в своей речи на Красной площади договаривается до того, что «наш народ... умеет и воевать. И не только умеет, но и любит воевать...»⁹. Дальше, как говорится, ехать некуда.

В этой непрерывной и, как вскоре выяснилось, совершенно безответственной и бессовестной похвальбе проявлялось и изначально присущее большевистскому руководству явно преувеличенное представление о своих реальных возможностях (вспомните сталинское: «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики») и что еще В.В. Набоков метко припечатал в своем стихотворении одной строкой: «Советская сусальнейшая Русь». Но проявлялось в этом фанфаронстве на государственном уровне и другое - самая беззастенчивая ложь, прямой грубый обман не только мирового общественного мнения, но и всего советского народа, а прежде всего, личного состава Красной армии.

Политработники с мест старались выступать в унисон со своими высшими начальниками - Ворошиловым и Мехлисом. Вот насаждаемая сверху тональность заверений лишь трех дальневосточников

на Всеармейском совещании политработников (апрель 1938 г.):

- *Иванищев* (ОКДВА): «Когда я уезжал на совещание, командиры и политруки мне сказали, чтобы я заверил нашего любимого народного комиссара Климента Ефремовича Ворошилова и товарища Сталина в том, что если свинное рыло сунется в наш советский огород, то оно будет немедленно отрублено, а его заскорузлое тело будет растоптано на его же территории».

- *Веров* (военком АОН - 2 Приморской группы войск ОКДВА): «Особый состав Дальневосточной армии по первому зову партии и правительства готов сложить свои буйные головы за дело Ленина - Сталина».

- *Романенко А.А.* (дивизионный комиссар, член Военного совета ОКА): «Мы сейчас должны подготовиться так, чтобы у нас, по крайней мере, были потери не больше одного человека на 10 человек противника»¹⁰.

Горькое похмелье наступило в ходе серьезных военных неудач в войне с Финляндией в 1939-1940 гг. Многие командиры собственными глазами увидели, какую зияющую рану боеспособности Красной армии нанесли массовые аресты и расстрелы 1937-1938 гг. А некоторые даже пытались дать им свою, весьма суровую оценку. В своем выступлении на совещании по военной идеологии (май 1940 г.) командарм 2-го ранга Д.Г. Павлов прямо заявил: «У нас врагов народа оказалось столько, что я сомневаюсь в том, что вряд ли они были все врагами. И тут надо сказать, что операция 1937-1938 гг. до прихода т. Берия так нас подсидела, и, по-моему, мы очень легко отделались с таким противником, как финны»¹¹. С этой мыслью полностью согласился и выступавший позднее комкор М.П. Кирпонос: «Правильно заметил тов. Павлов, что очень

хорошо, что нам пришлось воевать с финнами, а не с кем-либо еще»¹².

Первые вести о начавшемся и все более разворачивавшемся большом терроре в СССР внимательно и всесторонне анализировались в западных странах. Особое внимание (по вполне понятным причинам) уделялось этому в Германии. Только-только в советских газетах появилось сообщение о расстреле восьми высших командиров РККА во главе с М.Н. Тухачевским, как официальный орган вермахта «Deutsche Wehr» 24 июня 1937 г. выходит со статьей «Счастье и гибель Тухачевского». В ней, в частности, говорилось: «Расстреляв этих известнейших военачальников Советского Союза, сознательно пожертвовали в интересах политики боеспособностью и руководством Красной армии. Тухачевский, бесспорно, был самым выдающимся из всех красных командиров и его нельзя заменить... Мы все глубоко ошиблись в Тухачевском (сегодня, после его расстрела, это можно сказать). Даже самые лучшие знатоки России также ошиблись в нем. Тухачевский поступил на службу к коммунистам не из хладнокровного расчета, как мы все думали, а для того, чтобы не дать своей родине развалиться в коммунистическом хаосе и создать армию, которая могла бы защищать родину... Мнимый шпионаж, конечно, просто выдуман. Если большевики утверждают, что «обвиняемые» признались в нем, то это, конечно, ложь»¹³.

Известие об учиненной тайным судилищем беспощадной и юридически необоснованной расправе с видными советскими военачальниками вызвало, с одной стороны, радостное удивление у Гитлера и его окружения, а с другой – широко и довольно эффективно использовалось для воспитания неприязни и ненависти

к Советскому Союзу и его армии. Готовя свои войска к будущему «Drang nach Osten», официоз NSDAP «Volkischer Beobachter» писала 14 июля 1937 г. об СССР: «А страну с такой системой убийств все еще частично причисляют к культурным государствам»¹⁴.

Так писали люди, открыто называвшие себя фашистами. Но аналогичные суждения высказывались и в иных кругах, и в других странах. В этот же самый день 14 июля 1937 г. «Газета польска» поместила материал под заголовком «Видный французский офицер об опасности союза с Советами». В материале этом говорилось о том, что правая французская газета «Эпок» опубликовала статью одного из представителей французского Генерального штаба, бывшего военного атташе в Берлине генерала Рене Турне. В этой статье генерал предупреждал об опасности, которой, по его мнению, подвергается Франция, если заключит военный союз с СССР: «Дело Тухачевского напоминает французской общественности... о союзе с Советами, которого домогаются сторонники коммунизма. Однако или Тухачевский и его группа правильно осуждены за измену, тогда что можно подумать об армии, в которой командиры способны совершить такое преступление, или эта группа командиров никаких тайн не выдавала немцам, тогда какое же можно иметь уважение к правительству, которое уничтожает командный состав лишь за то, что он имеет свое политическое мнение... В свете последних событий, имевших место в СССР, французский штаб не был бы уверен в том, что важные планы не были бы переданы немцам»¹⁵. Приходится признать, что в логичности этим рассуждениям не откажешь.

Как уже отмечалось ранее, после краткого извещения об осуждении и расстреле «восьмерки» во главе с Тухачевским, никаких официальных сообщений

в советской печати о судьбе многих тысяч арестованных и уничтоженных военнослужащих больше не появлялось. А многие широко известные не только в СССР, но и на Западе советские военные вдруг пропадали, исчезали, как тени в солнечный полдень. Зарубежным дипломатам и корреспондентам оставалось только догадываться, что дело нечисто, что новые и новые сотни и тысячи лиц начсостава РККА зачислены в разряд врагов народа. В западных странах высказывалось мнение и по этому аспекту проблемы.

В 1938 г. в Англии вышла переведенная с немецкого языка книга Эриха Волленберга «Красная Армия». Автор книги сам пятнадцать лет (с 1921 г. по 1936 г.) прослужил в РККА и со знанием дела утверждал: «Нельзя отрицать того, что в результате казней Красная армия обезглавлена». В опубликованной в английском журнале «Spectator» (июль 1938 г.) рецензии (автор Гудсон) говорилось: «Эта книга дает также основание не доверять официальной версии, согласно которой почти все лица, принявшие активное участие в качестве руководителей в войне 1918–1920 гг. и не дрогнувшие в самые тяжелые для республики времена, вдруг стали участниками заговора с целью подрыва мощи СССР, которую они сами создали и предательства интересов Советского Союза в пользу Германии и Японии»¹⁶.

Убедительно опровергая официальные советские постулаты об «оздоровительном» и «укрепляющем» значении массовых чисток и расстрелов, зарубежные авторы по свежим следам вполне компетентно оценивали роковые последствия большого террора для самой коммунистической партии, для страны, для армии. Свое понимание происходивших в СССР событий высказал американский корреспондент Джозеф Барнс. «Впервые в истории, – заявил он в декабре 1938 г., –

большевики сейчас расстреливают друг друга в таких больших количествах. До войны в Центральном Комитете партии были обнаружены шпионы, но никогда еще они не доводили партию до состояния настолько близкого к деморализации»¹⁷. А когда Сталин на XVIII партсъезде на весь мир заявил, что в Советском Союзе достигнута полная демократизация политической жизни страны¹⁸, то немецкая газета «Berliner Borsenzeitung» поместила 12 марта 1939 г. статью (отклик) корреспондента из Москвы под заголовком: «Сталин излагает свою систему. Полная демократизация советского государства - к ней относятся массовые казни»¹⁹.

Откликаясь на новые назначения в высшем командном составе Красной армии, зарубежная печать в целом правильно оценивала их смысл и значение. Заметив, что С.М. Буденный «известен, главным образом, как кавалерист и как чисто декоративная фигура», французская газета «Франс милитер» 11 марта 1939 г. высказалась так: «Буденный и Кулик, якобы назначенные на места, оставшиеся вакантными после Егорова и Федько, и тот факт, что не нашли лучших стратегов для занятия этих постов, показывает, до какой степени опустели ряды высшего военного командования».

Что касается зарубежных историков, то все они однозначно оценивают большой террор и истребление части начсостава РККА как процессы, причинившие величайший ущерб боеспособности армии, резко ослабившие позиции и влияние Советского Союза в тогдашнем мире. В какой-то мере их мнение аккумулировал Роберт Конквест, когда писал о поразивших страну и армию жестоких политических репрессиях: «Одним массивным ударом стране перебили хребет и вырвали язык...»²⁰. Петер Гозтони

верно схватил и другую сторону этой проблемы: «Потеря такого огромного количества высших командиров, какую понесла Красная армия в этот период мирного времени, не несла до сих пор ни одна армия ни в одной войне»²¹.

На протяжении многих десятилетий в советской историографии этих и подобных им зарубежных историков иначе как «злостными фальсификаторами» и не называли. Жизнь убедительно рассудила, кто же в действительности был настоящим историком, а кто – лишь угодливым интерпретатором тех или иных событий в выгодном «для начальства» духе. А некоторые начальственные круги, органически не приемля разоблачение совершенных ранее преступлений («зачем ворошить прошлое?»), принимали традиционные для спецслужб меры. Генерал-лейтенант юстиции Л.М. Заика утверждает о наличии в Главной военной прокуратуре информации о том, что даже в 1966 г., когда развернулась массовая реабилитация невинно осужденных, в КГБ была заведена картотека, куда пофамильно заносили и реабилитированных и всех тех, кто принимал решение о реабилитации²². Спрашивается – зачем? Может, для статистики. А может, и для точного учета и «принятия мер» (в соответствующее время) ко всем тем, кто не хочет забыть...

К величайшему сожалению, и в наши дни находятся люди, стремящиеся всячески оболгать безвинно загубленных в предвоенные годы военнослужащих. Вот Военное издательство Министерства обороны РФ в 1992 г. издало 50-тысячным тиражом книгу С.В. Грибанова «Заложники времени». Не утруждая себя никакими научными доказательствами, автор запелляционно возвещает миру, что военный заговор во главе с Тухачевским действительно был, что надо

«поверить командарму Примакову» (с. 63). Свою рецензию на этот опус генерал-лейтенант в отставке профессор Герой Советского Союза В. Петренко озаглавил: «Книга, которую стыдно читать»²³. К этой же категории можно отнести и опубликованную в 1996 г. московским издательством «Сварог» книгу В.М. Жухрая «Сталин: правда и ложь». Автор – в свое время окончил истфак МГУ, считает себя профессиональным историком, но весь его профессионализм проявился в создании самого настоящего панегирика Сталину. В наши дни это можно сделать только ловко выдергивая и выпячивая «нужные» факты и бесцеремонно отбрасывая все, не укладывающееся в заранее намеченную схему. По сути, обе эти книги находятся вне науки, и говорить о них вроде бы и нечего. Но надо. Их появление подтверждает, что до сих пор кое-кому выгодно извращенное толкование истории нашей страны, нашей армии. Снова и снова как бы велят: «Боль – забыть!»

Каковы же были масштабы истребления военных кадров в предвоенные годы? В чем же состояли основные последствия учиненной тогда кровавой расправы с Красной армией? Именно этому и будут посвящены последующие разделы главы.

МАСШТАБЫ ИСТРЕБЛЕНИЯ

Настал, наконец, момент подведения некоторых итогов исследования. Каковы же были численные потери в личном составе РККА в ходе большого террора? Сколько военных по самым чудовищным обвинениям было расстреляно, погибло под стражей, сумело вырваться живыми из застенков НКВД?

Поиски научно аргументированного ответа на эти проклятые вопросы чрезвычайно затруднительны. Ведь расправа над Красной армией осуществлялась в те годы в условиях величайшей секретности. Об арестах, судах и казнях «военных заговорщиков» после расстрела Тухачевского, Уборевича, Якира и других в открытой печати ничего не сообщалось. Об «исчезновении» тех или иных командиров знали лишь близкие люди да сослуживцы. Дальнейшая их судьба была окружена мраком неизвестности. Все было так засекречено и запрято, что, собственно, и до сих пор мы не знаем абсолютно точных данных. К сожалению, и правопреемники структур, учинивших в те годы уничтожение тысяч безвинных воинов (Наркомат обороны СССР, НКВД, Военная коллегия Верховного суда СССР) не удосужились или не нашли нужным сообщить народу о том, что натворили их предшественники.

Тем более не знали истинной картины современники тех событий. Основная же линия партийного, государственного и военного руководства в этом вопросе состояла в том, чтобы не подвергшиеся аресту люди поверили в его заведомо лживую версию. Мол, действовала всего лишь жалкая кучка отщепенцев, изменников вроде Тухачевского и его сообщников. И их

разоблачение и физическое уничтожение только укрепит РККА.

Пожалуй, первым попытался показать «нужный» метод подсчета жертв большого террора сам его главный вдохновитель и организатор. Выступая на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда 1 октября 1938 г., И.В. Сталин, провозгласив, что «Интеллигенция у нас должна быть солью земли», прямо-таки ополчился против дикого, махаевского, по его выражению – хулиганского отношения к интеллигенции. «Вот именно, – продолжал он, – благодаря такому хулиганскому отношению к нашей интеллигенции в армии, в кооперации, в торговле, в промышленности, в сельском хозяйстве, именно благодаря такому хулиганскому отношению мы часть этой интеллигенции забросили, не стали ее политически подковывать и сделали их добычей всех этих разведок – немецкой, японской, французской, каких угодно. Несколько десятков человек загубили из-за нашего невнимательного, неправильного, хулиганского, вредного, пренебрежительного отношения к этой интеллигенции»²⁴. Здесь Сталин пытался одним выстрелом убить сразу двух зайцев. Репрессии, мол, не результат определенного курса Политбюро ЦК ВКП(б), а следствие недостаточной политической закалки кучки интеллигентов. И чтобы пропагандисты не волновались, Сталин сознательно пошел на явную ложь, заявив, что в ходе охоты на «врагов народа» страна потеряла «несколько десятков человек», когда надо бы говорить о многих сотнях тысяч, а то и миллионах.

Не совсем внятным является и утверждение, высказанное вообще-то в очень содержательной в целом официальной справке Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Комитета государственной

безопасности СССР, Прокуратуры СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии». Здесь утверждается, что в 1937-1938 гг. «было арестовано и осуждено Военной коллегией Верховного суда СССР 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и ВМФ»²⁵.

А совсем недавно уже упоминавшийся профессор В.М. Жухрай с упорством, достойным лучшего применения, предпринял новую попытку убедить читателя в том, что никаких массовых необоснованных репрессий в Советском Союзе в предвоенные годы вообще не было. Доказать недоказуемое – дело не из легких. Но Жухрай человек решительный. Уже упоминавшийся доклад комиссии, возглавлявшейся Н.М. Шверником, он решительно (и абсолютно бездоказательно) объявляет «политическим подлогом». Всемирно известный труд «Архипелаг ГУЛАГ», по мнению члена Союза писателей Российской Федерации Жухрая, всего лишь «шизофренический бред», умело отредактированный талантливыми и опытными редакторами Центрального разведывательного управления США и вышедший «за подписью Солженицына». И вот это напечатано в Москве в 1996 году тиражом 20 тыс. экземпляров. А чтобы окончательно возвестить миру «правду-матку», профессор Жухрай счел возможным вложить в уста Сталина^[61] такие оценочные суждения: «В 1937 г. за контрреволюционные преступления судебными органами был осужден 841 человек. Из них расстрелян 121 человек. В 1938 г. по статьям о контрреволюционных преступлениях... осуждены были 2731 человек, из них расстреляно 89 человек...»²⁶.

Как покажет дальнейший конкретный анализ, во всех подобных утверждениях содержится невольная, а скорее всего, «вольная» сознательная попытка преуменьшить размах истребления кадров РККА в предвоенные годы.

С другой стороны, многие авторы называли значительно большие цифры уничтоженных лиц начсостава РККА. Очевидно, одним из первых современников тех событий это сделал Л.Д. Троцкий... 13 марта 1939 г. он писал: «Сталин истребил цвет командного состава, расстрелял, сместил, сослал около 30 000 офицеров»²⁷. Как видим, Троцкий очень осторожен в оценках; в число безвинных жертв он включает и смещенных с должности. Еще более щепетилен в оценках такой известный исследователь, как Исаак Дойчер, считавший, что чистка затронула 25 тыс. офицеров Красной армии²⁸. Некоторые авторы считают, что в ходе этих репрессий было уничтожено от 25 до 30 тысяч кадровых командиров и политработников РККА²⁹. Роберт Конквест считал, что было расстреляно или посажено в тюрьму 35 тысяч командиров³⁰.

Примерно с начала 60-х годов, по существу, официальными стали данные, приведенные в некоторых закрытых в то время изданиях. Считалось общепризнанным, чуть ли не аксиоматичным, что с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. было репрессировано 36 761 человек в Красной армии и свыше 3 тысяч – в Военно-Морском флоте³¹. С тех пор долгие годы везде и всюду в разных вариантах фигурировала именно эта цифра. Сорок или более сорока тысяч репрессированных в РККА, так считали Д.А. Волкогонов, Алесь Адамович, С.П. Иванов, Ф.Б. Комал, В.М. Кулиш, Н.Г. Павленко, Ф.М. Сергеев и др.

Затем на каком-то этапе между некоторыми авторами началась своеобразная гонка: кто из них назовет более высокую цифру безвинно уничтоженных военных? Л.А. Киршнер поднял эту цифру до 44 тыс.³², а А.И. Козлов пишет, что погибло «вероятно около 45 тысяч армейских командиров»³³. Г.А. Куманев неоднократно печатно утверждал, что число безвинно погибших одних лишь военнотружущих командного состава приближается к 50 тысячам³⁴. Есть авторы, которые потери «чистых» командиров оценивают в 50–60 тысяч³⁵. Абсолютный рекорд на сегодня очевидно держит академик РАН А.Н. Яковлев, совсем недавно заявивший в солидной и авторитетной газете: «Более 70 тысяч командиров Красной армии были уничтожены Сталиным еще до войны»³⁶. Читая все это, так и хочется воскликнуть: «Кто больше?»

Органическая слабость всех этих заявлений состоит прежде всего в том, что они публиковались без всякой ссылки на надежные достоверные документы по принципу: «Я так оцениваю...» и поэтому уже изначально никакой научной значимости не имеют. Хуже того. Эти данные полностью опровергаются многочисленными первоначальными, уже опубликованными и архивными документами высшего государственного уровня и, следовательно, свидетельствуют либо об отсутствии должной осведомленности почтенных авторов, либо о невольной или вольной фальсификации истинных размеров трагедии РККА в 1937–1938 гг.

Полагаю, что вся эта неразбериха началась с грубой ошибки, допущенной безымянными Пименами из Главного управления кадров и Генерального штаба, которые заложили в официозные издания данные о 40 тысячах репрессированных. Цифра эта встречается и в документах Управления по начсоставу Красной армии и

в выступлениях Ворошилова конца 30-х годов. Но речь-то там везде шла об уволенных из РККА за 1937–1938 гг. И вот в начале 60-х годов под грифом ГУКа и Генштаба было объявлено, что это и есть репрессированные. Так оно и пошло, покатилося. И, насколько мне известно, первым в 1990 г. обратил внимание на определенную некорректность подобного отождествления Д.А. Волкогонов. Приведя эти цифры, он обратил внимание: «Часть из них была, правда, лишь уволена из РККА»³⁷. Несколько позднее (в 1993 г.) и подробнее об этом писали В.И. Ивкин, А.Т. Уколов и автор этих строк³⁸.

В самом широком смысле слова увольнение из армии тоже можно считать репрессией. Но если оно было произведено за пьянство, по болезни, а то и за смертью, то таких уволенных уж никак нельзя считать жертвами тоталитарного режима (а ведь они тоже входят в пресловутые 40 тысяч). Не спасает в данном случае и введение термина «политические репрессии». Исключение (по политическим мотивам) военнослужащего из рядов ВКП(б), увольнение его по этой причине из армии – это, конечно, разновидность политической репрессии. Но это еще не обязательно вело к аресту. Поэтому, на мой взгляд, гораздо корректнее в научном отношении говорить об истреблении военнослужащих по политическим мотивам. Именно оно – истребление – и оформлялось приговором военного трибунала или Военной коллегии Верховного суда СССР. И именно в этом массовом истреблении начсостава прежде всего состояла трагедия РККА в 1937–1938 гг.

Но поскольку всех «военных контрреволюционеров» сначала арестовывали и лишь потом судили, необходимо напомнить, что по приведенным во второй части этой книги (стр. 214) расчетам, за 1937–1939 гг. остались арестованными (по обвинению в

заговорщичестве, терроризме, контрреволюции, шпионаже, вредительстве и т. п.) более 11 тысяч лиц командно-политсостава РККА (без учета тех, кои были арестованы органами НКВД уже после увольнения их из армии (флота).

Следовательно, когда мы пытаемся выяснить число осужденных «за политику» лиц начсостава в предвоенные годы, мы должны признать, что оно по определению не может быть больше числа лиц, оставленных под арестом (хотя и может быть несколько меньшим). Опираясь на свои (по-моему, не очень корректные) расчеты, В.И. Ивкин и А.Т. Уколов считают, что в 1936–1940 гг. за контрреволюционные преступления было осуждено судебными и внесудебными органами 9519 военнослужащих командно-начальствующего состава от среднего звена и выше³⁹. Поскольку эта цифра не противоречит приведенным выше данным о количестве содержащихся под арестом, ее можно принять как ориентировочную, исходную. Непонятно только, как могли Ивкин и Уколов, приведя эту цифру, утверждать далее, что «число политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в 10 раз меньше, чем приводят современные публицисты и исследователи»⁴⁰. Что-то явно подкачала оснащенность уважаемых авторов по арифметической части.

Еще более декларативны и бездоказательны нередко публикуемые утверждения о том, что было уничтожено или попало в тюрьму около половины командного состава РККА (Эрнст Генри, Роберт Конквест и др.). Авторы подобных заявлений не знакомы или не желают учитывать реальное положение дел с различными категориями комсостава в РККА перед началом большого террора. Действительно, комсостав пострадал очень тяжело. Например,

командармы 2-го ранга производства 1935 года были уничтожены все до единого (100 %). Как мы увидим ниже, в значительной степени были истреблены лица и других звеньев высшего комсостава. Но когда мы начинаем внимательно анализировать количество и результаты истребления старшего и особенно среднего комсостава, то сразу же убеждаемся в полной несостоятельности заявлений о расправе с половиной комсостава. Достаточно напомнить, что в 1936 г. на службе в РККА состояло 14 369 капитанов, 26 082 старших лейтенантов и 58 582 лейтенанта⁴¹. Так что же, если верить рассуждениям «о половине», было арестовано (осуждено) более 7 тыс. капитанов, 13 тыс. старших лейтенантов и более 29 тыс. лейтенантов? Конечно же, нет. Это даже гипотетически себе невозможно представить. Это ни в коей мере не подтверждается и документами.

Считаю целесообразным высказать еще одно соображение. Большинство авторов пишут об уничтожении только командного состава, о расстрелянных командирах. Это не совсем точно, ибо командный состав это – лишь часть начальствующего состава (правда, наибольшая по численности, примерно, около половины его). В начсостав же, кроме командного, входили военно-технический, военно-политический, военно-хозяйственный, административный, военно-медицинский, военно-юридический и другие составы. И в эти роковые годы шло истребление начсостава в целом, а не только одного командного.

Наибольшее внимание многих авторов привлекала судьба лиц высшего комначполитсостава. Здесь необходимо прежде всего отметить заслуги генерал-лейтенанта А.И. Тодорского. Пройдя в течение 18 лет круги мучений в «зоне», дожив до освобождения, он

весь остаток жизни посвятил оказанию помощи в реабилитации безвинно убиенных его бывших товарищей и, пожалуй, первым составил более-менее подробную (и во многом достоверную) справку о количестве репрессированных по некоторым категориям высшего начсостава РККА. Она долго ходила по рукам в качестве «самиздата», на нее ссылались зарубежные и советские исследователи⁴². Со временем она стала считаться чуть ли не канонической (хотя некоторые историки и отмечали определенную неполноту этой справки).

Признавая безусловные заслуги А.И. Тодорского в исследовании этой проблемы, должен сказать, что эта справка представляется мне довольно далекой от совершенства. В ней не сказано, на какой именно момент исчислено количество командармов, комкоров, комдивов, служивших в РККА до начала репрессий. Не определено также, за какой период времени учитывается количество репрессированных. Это приводит к серьезным неточностям. Так, по данным Тодорского, было репрессировано два командарма 1-го ранга из четырех. Это верно применительно к 1937 г. Но ведь в последующие годы это звание было присвоено ряду других командиров (Кулик, Тимошенко, Федько, Фриновский), а в 1938-1940 гг. были расстреляны еще три командарма 1-го ранга (Белов, Федько, Фриновский). Такая же неполнота в материалах Тодорского имеется и при определении количества командиров и политработников, вышедших живыми после заключения. Он упоминает трех комкоров (сейчас выявлено пятеро: Антонюк, Богомягков, Лисовский, Петровский и сам Тодорский), двух корпусных комиссаров (выявлено четыре: Березкин, Волков, Говорухин, Ястребов), об 11 комдивах (выявлено 22) и т. п. Нет в этих материалах и расшифровки

понятия «репрессированный». Но самый большой огрех допущен Тодорским в исчислении количества бригадных комиссаров, как служивших, так и репрессированных. У него сказано, что из 36 бригадных комиссаров было репрессировано 34. И эти цифры получили широкое хождение у нас (Р.А. Медведев) и за рубежом. Это совершенно не соответствует действительности (см. табл. 7)^[62].

И все же в целом материалы А.И. Тодорского оказали благотворное воздействие на исследование проблемы количества репрессированных лиц высшего комначполитсостава РККА.

Для того чтобы читатель мог более полно и наглядно представить себе истинную картину того небывалого даже в ходе самой катастрофической войны опустошения среди высшего начсостава РККА, учиненного в предвоенные годы, я попытался все имеющиеся об этом данные систематизировать и свести в четыре таблицы, составленные по четырем его категориям: бригадное звено (носили в петлицах по одному ромбу), дивизионное (по два ромба), корпусное (по три ромба), и наконец, высшее звено командования РККА (четыре ромба или даже маршальская звезда). Начнем с бригадного звена (табл. 7).

Таблица 7^[63].

<p style="text-align: center;"><i>Истребление бригадного звена начсостава РККА в 1936-1941 гг.</i></p>

№ пп	Военные звания	Состояло в РККА в 1936 г.	Расстреляно	Умерло под стражей	Покончило жизнь самоубийством	Вышли из тюрьмы живыми	Общее количество жертв
1.	Комбриги	474	201 (СН 331)	15	1	30	247
2.	Бригадные комиссары	304	110	19	2	23	145
3.	Бригинженеры		20	3	-	5	28
4.	Инженер-флагманы 3-го ранга		4	1	-	-	5
5.	Бригинтенданты		17	1	-	1	19
6.	Бригвоенврачи и бригаветврачи		11	1	-	-	12
7.	Бригвоенюристы	99	10	4	1	7	22
	ИТОГО		373	35	4	66	478

Персональное военное звание «комбриг РККА» в те годы было весьма престижным, дававшим право на занятие весьма значительных и ответственных постов в армейской структуре. Среди расстрелянных в предвоенные годы комбригов были бывший начальник Оперативного отдела Генерального штаба РККА С.П. Обысов; начальники штабов военных округов (Н.Е. Варфоломеев, Н.И. Подчуфаров); командиры корпусов (Д.А. Вайнерх-Ванярх, И.И. Кальван, А.М. Тарновский-Терлецкий (умер в тюрьме); командиры стрелковых дивизий (Н.И. Андросюк, И.В. Боряев, В.А. Вишнеревский, Г.Д. Волков, Л.М. Гавро, Г.Ф. Гаврюшенко, Д.И. Гудков, Ф.К. Доттоль, А.Е. Зубок, М.О. Зюк, Г.А. Капцевич, Д.М. Ковалев, И.Ф. Куницкий, А.Т. Мешков, И.А. Милюнас, Д.И. Мозгов, В.И. Поляков, Н.А. Полянский, Н.А. Прокопчук, Е.М. Тихомиров – (умер в заключении), З.П. Тищенко, В.В. Хлебников, К.И. Янсон); командиры кавалерийских дивизий (П.И. Антонов, Р.К.

Гросберг, П.Г. Кевлишвили, И.Г. Кириченко, Н.И. Мишук, И.Е. Никулин); коменданты укрепленных районов (М.Ф. Киселев, А.А. Кошелев, П.Г. Романовский, А.А. Суслов) и др.

Таблица 8^[64].

**Истребление дивизионного звена кадров
начсостава РККА в 1937-1941 гг.**

№ пп	Военное звание	Состояло в РККА в 1936 г.	Расстреляно	Умерло под стражей	Покончило жизнь самоубийством	Вышли из тюрем живыми	Общее число жертв
1.	Комдивы	201	122	9	-	22	153
2.	Флагманы 2-го ранга		4	1	-	2	7
3.	Дивизионные комиссары	130	66	5	1	13	85
4.	Дивинженеры		5	-	-	4	9
5.	Инженер-флагманы 2-го ранга		2	-	-	1	3
6.	Дивинтенданты		15	2	-	3	20
7.	Диввоенврачи		4	-	-	-	4
8.	Диввоенюристы	21	4	1	1	6	12
	ИТОГО		222	18	2	51	293

Попытаюсь кратко прокомментировать табл. 8. «Комдив РККА» – это еще более высокое персональное военное звание, и естественно, что его обладатели занимали весьма ответственные посты в системе военного руководства. И, следовательно, опозорение и уничтожение большинства тогдашних комдивов наносило почти смертельный удар в самую сердцевину управления войсками рабоче-крестьянской Красной

армии. Об этом можно судить хотя бы по тому, что среди расстрелянных (и умерших в тюрьме) в эти годы комдивов были начальники Управлений РККА (НКО) С.М. Белицкий, И.Ф. Блажевич, Г.Г. Бокис, А.М. Вольпе, М.Л. Медников, дивинженер С.В. Бордовский; 10 начальников штабов военных округов; заместители либо помощники командующих войсками военных округов (Ю.Ю. Аплук, И.И. Карклин, К.Ф. Квятек, В.Н. Лопатин, В.С. Погребной, К.Х. Супрун, Г.А. Тухарели, С.А. Чернобровкин, М.Н. Шалимо); командиры - военные комиссары корпусов (С.О. Белый, В.Э. Гермониус, Я.Л. Давидовский, Е.С. Казанский); командиры корпусов (А.Н. Борисенко, И.И. Василевич, П.П. Григорьев, М.А. Демичев, В.П. Добровольский, Я.И. Зюзь-Яковенко, Г.И. Кассин, Г.Н. Кутателадзе, В.И. Малофеев, А.П. Мелик-Шахназаров, С.В. Никитин, К.К. Пашковский, Ж.Я. Пога, Ф.Ф. Рогалев, Д.Ф. Сердич, В.С. Сидоренко, В.В. Тарасенко, Я.В. Шеко).

Таблица 9^[65].

Истребление корпусного звена кадров начсостава РККА в 1937-1941 гг.

№ пп	Военное звание	Состояло в РККА в 1936 г.	Расстреляно	Умерло под стражей	Покончило жизнь самоубийством	Вышли из тюрьмы живыми	Общее число жертв
1.	Комкоры	62	58	4	2	5	69**
2.	Флагманы 1-го ранга	6	5	-	-	1	6
3.	Корпусные комиссары	17	24	3	-	4	31
4.	Коринженеры	-	1	-	-	1	2

** Здесь и в ряде случаев в последующем общее число жертв превышает количество состоявших в РККА в 1936 г. В основном это объясняется тем, что соответствующие военные звания присваивались и после 1936 г., и некоторые военные, получившие эти звания, вскоре становились добычей палачей.

№ пп	Военное звание	Состояло в РККА в 1936 г.	Расстреляно	Умерло под стражей	Покончило жизнь самоубийством	Вышли из тюрьмы живыми	Общее число жертв
5.	Коринтенданты	-	2	1	-	-	3
6.	Корврачи	-	2	-	-	1	3
7.	Корвоенюристы	3	1	-	-	-	1
	ИТОГО		93	8	2	12	115

Таблица эта, на мой взгляд, обладает уже довольно высокой степенью достоверности. Я не исключаю, что могут быть выявлены еще один-два репрессированных человека корпусного звена, не учтенных мною. Если читатели подскажут, буду весьма признателен.

Наконец, попытаемся рассмотреть безысходную трагическую судьбу высшего звена командования РККА – тех военачальников, коим в конце 1935 г. были присвоены самые высокие персональные военные звания – от командарма 2-го ранга, флагмана флота 2-го ранга, армейского комиссара 2-го ранга, армвоенюриста до маршала Советского Союза. Всего с такими званиями в РККА в 1936 г. служило 41 человек. Судьбу каждого из них можно проследить персонально и досконально, поскольку все они были на виду всей армии, да и страны. Так что, по моим предположениям, представляемая на суд читателей табл. 10 содержит сведения высшей степени достоверности. Пожалуй, говоря словами поэта, «тут ни убавить, ни прибавить».

Таблица 10^[66].

**Результаты истребления высшего звена
командования РККА в 1937-1940 гг.**

№ пп	Военное звание	Состояло в РККА в 1936 г.	Расстреляно	Умерло под стражей	Покончило жизнь самоубийством	Вышли из тюрьмы живыми	Общее число жертв
1.	Маршалы Советского Союза	5	2	1	-	-	3
2.	Командармы 1-го ранга	5	5	-	-	-	5

№ пп	Военное звание	Состояло в РККА в 1936 г.	Расстреляно	Умерло под стражей	Покончило жизнь самоубийством	Вышли из тюрьмы живыми	Общее число жертв
3.	Флагманы флота 1-го ранга	2	2	-	-	-	2
4.	Армейские комиссары 1-го ранга	1	1	-	1	-	2
5.	Командармы 2-го ранга	10	14	-	-	1	15
6.	Флагманы флота 2-го ранга	2	3	-	-	-	3
7.	Армейские комиссары 2-го ранга	15	14	-	1	-	15
8.	Армвоенюристы	1	-	1	-	-	1
	ИТОГО	41	41	2	2	1	46

При ознакомлении и внимательном изучении этой таблицы невольно наступает какое-то стрессовое состояние. В высшем звене командования РККА в 1936 г. состояло 41 человек и ровно столько же – 41 человек – было расстреляно в преддверии и в первые месяцы большой войны от имени партии и правительства, от имени народа. Успел умереть своей смертью С.С. Каменев. Сумели уцелеть из старого состава только С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, Л.М. Галлер, В.В.

Ульрих, Б.М. Шапошников. Зато были расстреляны получившие в 1937-1939 гг. «четырёхромбовые» военные звания Я.К. Берзин, М.Д. Великанов, Г.П. Киреев, П.И. Смирнов-Светловский, М.П. Фриновский, Н.С. Розовский - умер под стражей. Все высшее руководство армией и флотом уничтожено начисто. Можно начинать руководить с нуля^[67].

В этой таблице обращает на себя внимание и еще одна особенность. Из 46 человек этого звена двое (Я.Б. Гамарник и А.С. Гришин) покончили жизнь самоубийством еще до ареста, а из 44 арестованных 41 были расстреляны, двое скончались в тюрьме. Чудом уцелел только один К.А. Мерецков. Система истребления действовала абсолютно безжалостно и тотально убойно.

Чтобы полнее и глубже представить себе, кого потеряли Вооруженные силы Советского Союза в корпусном звене и в высшем командовании, вспомним, что среди физически уничтоженных военачальников этих категорий были народные комиссары Военно-Морского Флота (П.А. Смирнов, М.П. Фриновский); первые заместители наркома обороны СССР (Я.Б. Гамарник (доведен до самоубийства), А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский, И.Ф. Федько); заместители наркома обороны (Я.И. Алкснис, В.М. Орлов, И.И. Проскуров, П.В. Рычагов); заместитель наркома ВМФ (П.И. Смирнов-Светловский); начальники управлений РККА (НКО) (Э.Ф. Аппога, М.И. Баранов, Я.К. Берзин, А.С. Булин, М.В. Викторов, Н.А. Ефимов, А.И. Жильцов, Д.И. Косич, Р.В. Лонгва, Н.Н. Петин, А.И. Седякин, И.Е. Славин, С.П. Урицкий, Б.М. Фельдман, И.А. Халепский, К.А. Чайковский, Г.М. Штерн); командующие войсками военных округов (И.П. Белов, П.А. Брянских, М.Д. Великанов, Я.П. Гайлит, И.И. Гарькавый, Б.С. Горбачев, С.Е. Грибов, И.К. Грязнов, И.Н. Дубовой, П.Е. Дыбенко,

Н.Д. Каширин, Н.В. Куйбышев, И.П. Уборевич, И.Э. Якир); командующий войсками Дальневосточного фронта В.К. Блюхер замучен в тюрьме; расстреляны командующие всеми четырьмя военными флотами (К.И. Душенов, Г.П. Киреев, И.И. Кожанов, А.К. Сивков).

Таким образом, на базе предыдущих таблиц 7, 8, 9 и 10, составленных в результате и на основе выявления персонально каждого представителя высшего комначполитсостава РККА, ставшего жертвой политических репрессий накануне и в начале Великой Отечественной войны, можно предложить читателям сводную таблицу 11.

Таблица 11^[68].

Сводная таблица результатов истребления лиц высшего комначполитсостава РККА в 1936-1941 гг.

№ пп	Группа (звено) высшего комначполитсостава РККА	Расстреляно	Умерли под стражей	Покончили жизнь самоубийством	Вышли из тюрьмы живыми	Общее число жертв по группе (звене)
1.	Высшее звено	41	2	2	1	46
2.	Корпусное звено	93	8	2	12	115
3.	Дивизионное звено	222	18	2	51	293
4.	Бригадное звено	373	35	4	66	478
	ИТОГО	729	63	10	130	932

Смотришь на эту таблицу, вспоминаешь давно уже сказанные по другому поводу слова: «Все сметено могучим ураганом...» и с глубокой сердечной болью понимаешь, что буквально накануне вторжения вермахта Красная армия была фактически обезглавлена в самом буквальном смысле этого страшного слова...

Если выявление жертв террора среди лиц высшего начсостава РККА в какой-то мере облегчается их довольно широкой известностью и сравнительно небольшой общей численностью, то определение судьбы жертв кровавой «чистки» из среды старшего, а особенно среднего начсостава весьма затруднительно. Сложности возникают уже при попытке изучить и определить количество старшего начсостава, подвергшегося аресту и осуждению. Как их выявить, хотя бы фамилию, имя, отчество узнать? А ведь их было немало – одних полковников в РККА в 1936 г. служило 1713. Где искать сведения о них? О их судьбе? В результате многолетних поисков мне удалось установить поименно, что в эти годы было арестовано особыми отделами НКВД 319 полковников.

В то время звание «полковник» – было весьма уважаемым. По положению оно присваивалось только тем лицам, кои имели 17-летний стаж военной службы на должностях начсостава. С удовлетворением и гордостью состояли тогда в этом звании ставшие вскоре всемирно известными военачальниками А.М. Василевский, Н.Ф. Ватутин, Р.Я. Малиновский, П.С. Рыбалко и др. Все они тогда служили примерно на уровне командира полка.

А среди расстрелянных и погибших в тюрьмах почти 280 полковников было немало не только командиров полков, начальников штабов дивизий, помощников командиров дивизий, начальников отделов штабов военных округов, но и начальники управлений РККА (Н.Н. Мовчин), врид начальника штаба СКВО (С.П. Цветков); начальники отделений Генштаба РККА (Д.И. Артамонов, А.Х. Базаревский, А.В. Бамбулевич, В.А. Дубянский, А.П. Масленников, Н.И. Циферов); командиры дивизий (С.И. Морозов, Н.Я. Суворцев); начальники штабов корпусов (Э.Б. Гросс, М.В. Жарников, И.Н. Корнеев, К.К. Мочалов, С.А. Попов, П.И.

Скрастин, А.И. Спринг); военные атташе в Турции (А.В. Емельянов-Сурик), в Финляндии (П.И. Иванов), в Чехословакии (Л.А. Шнитман); командиры механизированных бригад (Н.Н. Андрушкевич-Шепель, М.Б. Залкинд, А.Б. Слуцкий, В.П. Стольник); командиры танковых бригад (П.Н. Мельников, В.В. Фавицкий, М.С. Факторович); командиры авиационных бригад (Д.Д. Зимма, А.Д. Иванов, М.В. Малахов, Н.П. Милешкин, П.М. Монархо, Н.С. Разумов, П.А. Санчук); командир 13-й авиадесантной бригады А.О. Индзер. Среди уничтоженных капитанов 1-го ранга начальник штаба ТОФ О.С. Солонников, командиры соединений подлодок В.С. Воробьев, К.Н. Грибоедов, П.А. Штейнгаузен... Какой же это был готовый, опытный и ближайший резерв для пополнения высшего комсостава РККА!

Всего к настоящему времени мне удалось выяснить судьбу 459 военнослужащих РККА полкового звена (см. табл. 12) и 19 капитанов 1-го ранга, ставших жертвами политического террора в предвоенные годы.

Таблица 12^[69].

***Истребление полкового звена кадров начсостава
РККА (1937 г. - июнь 1941 г.)***

№ пп	Военное звание	Состояло в РККА в 1936 г.	Расстреляно	Умерло под стражей	Покончило жизнь самоубийством	Вышли из тюрьмы живыми	Общее число жертв
1.	Полковники	1713	261	13	2	43	319
2.	Капитаны 1-го ранга		13	2	-	4	19
3.	Полковые комиссары	780	52	3	-	14	69
4.	Военинженеры 1-го ранга		18	3	-	2	23
5.	Интенданты 1-го ранга		20	1	-	7	28
6.	Военврачи 1-го ранга		1	-	-	2	13
7.	Военюристы 1-го ранга	200	4	-	1	2	7
	ИТОГО		379	22	3	74	478

Очевидно, данные табл. 12 – это далеко не все, но все же что-то. С выявлением других представителей старшего начсостава дело обстоит еще труднее. Пока мне удалось найти сведения только о таких истребленных в эти годы лицах, как 9 капитанов 2-го ранга, 31 военинженер 2-го ранга, 19 интендантов 2-го ранга, 10 военврачей и 3 военврача 2-го ранга, 2 военюриста 2-го ранга, 108 майоров, 4 капитана 3-го ранга, 34 батальонных комиссара, 25 военинженеров 3-го ранга, 10 интендантов 3-го ранга, 11 военврачей и 6 военврачей 3-го ранга. Кроме того, удалось выявить 81 человека из старшего начсостава (без учета полкового звена), сумевших живыми выйти из тюрьмы.

Что касается лиц среднего начсостава, попавших в железные зубья сталинской мясорубки, то их выявление сопряжено с еще большими затруднениями. Утверждение В. Рапопорта и Ю. Геллера о том, что командиры среднего звена были изведены «более чем

наполовину»⁴³, не опирается на документы, и мне представляется недостоверным, завышающим истинные потери. Но какими именно они были в действительности? Это надо еще исследовать, и выявить истину здесь очень нелегко. В самом деле, кто из историков, сейчас, 60 лет спустя, может подсказать, где найти фамилии и имена умерщвленных юных лейтенантов, безвинно убиенных в цвете лет, на заре еще нерасцветшей жизни? К настоящему времени мне удалось установить фамилии расстрелянных в эти годы 47 капитанов, 13 старших политруков, 48 старших лейтенантов, 15 политруков, 10 воентехников 1-го ранга, 4 техников-интендантов 1-го ранга, 7 лейтенантов, 3 воентехников 2-го ранга, 9 техников-интендантов 2-го ранга. Я прекрасно понимаю, что это – далеко не полные данные. Предстоит новый, дополнительный поиск. Но даже эти скудные данные дают возможность понять, что, хотя ретивые охотники за «врагами народа» стреляли прежде всего по крупной дичи, попутно не брезговали истреблением и всякой «мелочи», попадавшей «под горячую руку» погромщиков.

И уж совсем худо в нашей исторической науке обстоит дело с выявлением младших командиров, красноармейцев и краснофлотцев, ставших безвинными жертвами кровавой деспотии. Кстати, это не мог не заметить такой внимательный исследователь, как Роберт Конквест. Совершенно справедливо он еще 30 лет тому назад отмечал, что в советских источниках гораздо больше материалов о пострадавших партийцах, чем о судьбе «простого советского человека». Конечно, основной удар человекоубийственной машины «ВКП(б) – НКВД» был направлен против начсостава и прежде всего на высокопоставленных «заговорщиков». Но попадали «в расход» и рядовые. Мне удалось

установить, что 4 сентября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре приговорила к расстрелу трех красноармейцев Московской Пролетарской стрелковой дивизии (Н.Я. Балашов, Г.Е. Лопато, А.И. Польщиков). Их расстреляли, а в мае 1956 г. выяснилось, что несправедливо, приговор отменили, красноармейцев посмертно реабилитировали. Так же обстояло дело и с краснофлотцем М.Ф. Клунко, расстрелянным по приговору Военной коллегии в мае 1938 г.

Конечно, расстрельные приговоры по отношению к красноармейцам применялись гораздо реже, чем к высшему, например, начсоставу. В основном их судили по ст. 58-10 УК РСФСР («антисоветская контрреволюционная пропаганда и агитация»).

Данные о количестве осужденных военными трибуналами РККА красноармейцев и краснофлотцев см. в таблице 13. Данные по начсоставу от среднего и выше показаны без учета осужденных Особым совещанием НКВД СССР и другими несудебными органами.

Таблица 13^[70].

Динамика судимости военнослужащих кадрового состава РККА за контрреволюционные преступления 1936-1940 гг.

Годы	Всего осуждено человек	В том числе		
		Начсостав от среднего и выше	Младший начсостав	Красноармейцы и краснофлотцы
1936	925	79	166	680
1937	8681	1559	1488	5634
1938	8360	1618	1430	5312
1939	1099	365	98	636
1940	1603	61	160	1382

В заключение хотелось бы отметить очень высокий процент расстрельных приговоров при осуждении начсостава, особенно высшего, в 1937-1938 гг. и их немедленное исполнение. Это было явное «усовершенствование», внесенное «сталинской юстицией» в дело безжалостного скорейшего физического уничтожения своих «неблагонадежных» классовых оппонентов. Для сравнения напомним годы массовых казней в России в 1905-1909 гг. Царизм беспощадно мстил плебеям, осмелившимся замахнуться на помазанника Божьего. Повсюду по стране действовали военно-окружные и военно-полевые суды, которые с 1905 по 1908 г. и за три месяца 1909 г. вынесли революционерам (в том числе и тысячам террористов, особенно эсеровских) 4797 смертных приговоров. Но казнено было меньше половины приговоренных - 2353 человека. Таким образом, процент исполнения смертных приговоров в годы столыпинской реакции, после кровавой революции равен 49,3 %⁴⁴.

Совершенно по-иному (по крайней мере, что касается военных) обстояло дело с приведением расстрельных приговоров в 1937-1938 гг. - в, казалось

бы, идиллически мирные годы 20-летия Октябрьской революции. Как уже говорилось ранее, в 1937–1938 гг. приговоренным к смертной казни официально запрещалось не только обращаться с кассационной жалобой, но даже с просьбой о помиловании. И такой приговор должен был приводиться в исполнение в течение 24 часов с момента его вынесения. И приводился неукоснительно. А чтобы не было какого-либо промедления, Сталин (по некоторым свидетельствам) лично справлялся по телефону, приведен ли в исполнение приговор над двумя родственниками Тухачевского⁴⁵. По моим данным, все расстрельные приговоры 1937 и 1938 гг. были немедля исполнены.

Так беспощадно и безжалостно гасился светоч жизни многих тысяч безвинных военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии.

УВОЛИТЬ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ...

Физическое истребление тысяч армейских и флотских командиров и начальников нанесло неизлечимую рану армии, флоту и всему делу обороноспособности страны. Одним из губительных последствий кровавой «чистки» явилось массовое огульное увольнение начсостава из рядов РККА по политическим мотивам. Действовали совершенно примитивно: обвиненных в заговорществе немедленно осуждали к расстрелу; а всех более-менее знакомых или хоть как-то общавшихся с «разоблаченными врагами народа» чуть ли не автоматически выгоняли из армии. Замечу, что при всей неприятности подобной операции, она все же просто несравнима с арестом, осуждением и тем более расстрелом.

Процесс подобного увольнения носил явно кампанейский характер. Это вынужден был признать в своем заключительном слове на Всеармейском совещании политработников (август 1937 г.) новый начальник Политуправления РККА П.А. Смирнов. Призывая усиленно и дальше продолжать корчевательную работу, он в то же время довольно пронизательно узрел элементы кампанейщины в процессе увольнения: «Вот в Черноморском флоте уволено 300 чел(овек). Спрашиваем, а сколько вы вызывали? Оказывается, из 300 вызывали только 10 человек, о всех остальных вопрос решают по бумаге»⁴⁶.

Уже на этом совещании буквально стон стоял по поводу образовавшегося недопустимого для мирных условий недокомплекта командного состава в армии:

- Член Военного совета СибВО дивизионный комиссар Н.А. Юнг: «...есть случаи, когда лейтенанты назначаются начальниками штабов полков»⁴⁷.

- Член военного совета КВО корпусной комиссар Е.А. Щаденко: «...лейтенантов и политруков мы двигаем, а заместить нечем. Нам не хватает до 1000 политруков и секретарей. Нам не хватает до 1000 лейтенантов (это – одному округу! – *О.С.*)». И он совершенно справедливо в данном случае поставил вопрос: «Если мы сейчас при полуторамиллионной армии... испытываем недостаток в кадрах, то что же будет в момент войны, когда мы обязаны будем в пять раз развернуться в первые же месяцы, где же мы будем кадры брать?»⁴⁸.

Уже первый заход «по очистке РККА», по сути, обескровил основные командные кадры. Вот характеристика положения дел на местах, данная командующими войсками военных округов на заседании Военного совета при НКО СССР в конце ноября 1937 г.:

- *Дыбенко (ЛВО)*: «Частью дивизий командуют сейчас бывшие майоры, на танковых бригадах сидят бывшие капитаны»⁴⁹.

- *Куйбышев (ЗакВО)*: «...У нас округ был обескровлен очень сильно».

- *Ворошилов*: «Не больше чем у других».

- *Куйбышев*: «А вот я Вам приведу факты. На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а дело в том, товарищ народный комиссар, что, скажем, Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только батареей».

- *Ворошилов*: «Зачем же Вы его поставили?»

- *Куйбышев*: «Почему мы его назначили? Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего мы не нашли. У нас командует Азербайджанской дивизией майор. Он

до этого не командовал ни полком, ни батальоном и в течение последних шести лет являлся преподавателем училища». (Смех.)

- Голос с места: «Куда же девались командиры?»

- Куйбышев: «Все остальные переведены в ведомство Наркомвнудела без занятия определенных должностей»⁵⁰.

Продолжая свое выступление, Куйбышев заявил: «Откуда может быть хороший командир Грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого стажа командира не имеет». И вдруг подал реплику Буденный: «За год можно подучить». Но тут не выдержал даже Ворошилов: «Семен Семенович^[71] считает, что если ротой умеет хорошо командовать, то и армией может»⁵¹.

Словно смерчем сметало командиров и в других военных округах и дивизиях. С.С. Бирюзов вспоминал, что когда он после окончания Военной академии им. Фрунзе в 1937 г. был направлен начальником штаба в 30-ю Иркутскую стрелковую дивизию (г. Днепропетровск), то на месте начштаба здесь сидел капитан, а в кабинете командира дивизии – начальник 1-й части штадива майор Ецов. Оказалось, все другие старшие офицеры дивизии арестованы⁵². Так было в дивизии. Примерно такая же картина наблюдалась и на более высоком уровне. По сообщению Ю.А. Горькова, «войсками всего Сибирского военного округа длительное время командовал капитан»⁵³.

Даже Мехлис, уже успевший изрядно приложить руку к истреблению кадров, вдруг в марте 1938 г. «сигнализирует» Сталину, Ворошилову, Ежову, что нет командующих военно-воздушными силами в Московском, Харьковском, Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском военных округах, что в

Киевском военном округе командующий ВВС пока есть, но нет двух командиров авиабригад, шести командиров эскадрилий, двадцати двух командиров авиаотрядов, ста четырнадцати командиров звеньев и кораблей⁵⁴.

При таком размахе «корчевательной» работы уже в 1937 г., даже после выпуска из военно-политических училищ, комплект политсостава в РККА достиг 10 341 человека (27 % к общей потребности), в том числе среднего политсостава – 5284 человек, старшего – 4119 и высшего – 938 человек⁵⁵. Дело дошло до того, что в феврале 1938 г. «согласно предложению ЦК ВКП(б)», начальниками политотделов авиабригад были назначены старшие политруки М.Ф. Дребеднев (142-я) и Г.Е. Кириллов (9-я). В ход пошли и политруки – М.М. Вараксин назначен начальником политотдела 29-й стрелковой дивизии, а И.П. Гарус – 4-й железнодорожной бригады⁵⁶. По заявлению Мехлиса, комплект высшего политсостава, входящего в номенклатуру ЦК ВКП(б), достиг на 2 апреля 1938 г. 51,9 %⁵⁷.

Надо ли удивляться тому, что 6 апреля 1938 г. секция подготовки политсостава РККА, рекомендуя принимать в военно-политические училища лиц с образованием не ниже семи классов, допускала «как исключение» прием абитуриентов с образованием не ниже четырех классов⁵⁸.

Однако вакханалия массовых увольнений продолжалась и в 1938 г. По-прежнему безотказно удовлетворялись соответствующие представления особых отделов. И на местах и в центре ретивые блюстители непримиримой борьбы с «врагами народа» продолжали свое черное дело. Вот начальник политуправления МВО дивизионный комиссар С.Е. Колонин 11 сентября 1938 г. настойчиво просит Политуправление РККА уволить из армии бригадного

комиссара М.А. Рождественского и полкового комиссара Н.И. Краснощекова. Главный мотив: «потеря классово-бдительности». За это они уже сняты с занимаемых ими постов. Теперь настойчивый Колонин хочет окончательно изгнать их из РККА⁵⁹.

Продолжал всячески перестраховываться и сам нарком обороны. 28 ноября 1938 г. он обращается в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой «ввиду наличия ряда компрометирующих данных» уволить из РККА комкоров Л.Г. Петровского и М.О. Степанова, коринтенданта А.И. Жильцова, комдивов А.И. Баринова, М.С. Филипповского и И.И. Шафранского. На документе имеется помета: «Решен. 29/XI. № П 66/21»⁶⁰.

В одном из дел РГВА сохранилась довольно объемная протокольная запись доклада командующего 1-й Краснознаменной армией комкора Г.М. Штерна о событиях в районе озера Хасан на заседании Военного совета при народном комиссаре обороны «в присутствии товарища СТАЛИНА и тт. МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА Л.М., КАЛИНИНА, АНДРЕЕВА, ЖДАНОВА и МИКОЯНА». Доклад этот состоялся на вечернем заседании, происходившем в Кремле 26 ноября 1938 г.

Блюхер к этому времени уже забит до смерти в тюрьме (скончался 9 ноября 1938 г.), и поэтому даже Штерн не удержался от того, чтобы все беды свалить именно на него. Утверждая, что «войска ДВФ от головки фронта были сильно засорены злейшими врагами народа – японскими шпионами и другими шпионами», Штерн в то же время говорил о том, что «одновременно с изъятием этих врагов была изъята и уволена из частей ДВФ, вопреки приказу народного комиссара, масса людей, на которых не было достаточных данных для их увольнения. За всякие маленькие хвостики, имеющиеся у того или другого командира, он увольнялся, и таких людей было уволено очень и очень много. Масса

командиров увольнялась единоличным распоряжением Блюхера. Блюхером была создана обстановка, когда малейшая попытка или указание на необоснованность увольнения того или иного командира уже служила намеком, что ты защищаешь врагов. Блюхер очень хорошо и искусно умел создавать впечатление об его особых, неписанных полномочиях, о том, что он является главным и основным представителем Партии и Правительства на Дальнем Востоке, и не только в военных делах, как командующий фронтом.

Первые недели моего пребывания в ОКДВА и ознакомление с некоторыми частями ДВФ создали у меня впечатление, что кадры в войсках ДВФ разрушаются буквально на глазах. Взамен уволенных, несмотря на все просьбы, никто не назначается»⁶¹.

Массовые увольнения начсостава из РККА в 1937–1938 гг. производились на основе двух руководящих документов. Прежде всего во исполнение решения ЦК ВКП(б) № 1147 от 29 марта 1937 г., которое предписывало немедленно увольнять из армейских рядов всех лиц комначполитсостава, исключенных из ВКП(б) «за связь с заговорщиками» и вообще по политическим мотивам. (Заметьте, читатель, о «военном заговоре» было объявлено в печати лишь 11 июня 1937 г., а увольнять исключенных из партии «за связь с заговорщиками» предписано за два с половиной месяца до этого.) Новая волна массовых увольнений прошла в 1938 г. на основе директивы НКО № 200/ш от 24 июня 1938 г., по требованию которой немедленному увольнению подлежали лица начсостава «не тех» или «неблагонадежных» национальностей: поляки, немцы, румыны, латыши, литовцы, финны, эстонцы, корейцы и др.

Почти половина людей, уволенных на основе этих документов, была в 1938–1939 гг. восстановлена в

армии (в том числе и уволенный было будущий знаменитый подводник старший лейтенант А.И. Маринеско), но судьба другой половины до сих пор до конца не выяснена: какая-то часть подверглась аресту, некоторые вернулись в армию в войну, другие просто старались незаметно дожить свой век. Конкретные данные о количестве уволенных на основании этих документов см. в табл. 14.

Таблица 14^[72].

**Обобщенные данные об увольнении
комначполитсостава РККА (без ВВС) по
политическим мотивам за 1937-1939 гг.**

№ пп	Основание увольнения	Всего было уволено	Из них восстановлено в армии в 1938-1939 гг.	Фактически осталось уволенных
1.	Решение ЦК ВКП(б) № 1147			
	– в 1937 г.	11 104	4338	6766
	– в 1938 г.	3580	2864	716
	– в 1939 г.	284	126	158
2.	Директива НКО № 200/ш от 24.6.1938 г.	4138	1919	2219
Всего было уволено		19 106	9247	9859

В этом докладе 1940 года по неизвестным мне причинам не были доложены данные об уволенных из ВВС. Они были опубликованы лишь спустя почти полвека. За 1937-1939 гг. из кадров ВВС было уволено 5616 авиаторов⁶². В этом полуофициальном издании говорилось, что уволены они были «по надуманным

мотивам». Однако логично предположить, что и из ВВС в те годы увольняли в связи с арестом, а также во исполнение решения ЦК ВКП(б) от 29 марта 1937 г. и директивы НКО от 24 июня 1938 г. Но никаких точных данных о том, сколько было уволено из ВВС именно по этим мотивам, мне пока выявить не удалось.

Как говорят у нас в народе, свято место пусто не бывает. И при любом некомплекте военное руководство, неизменно действовавшее под эгидой ЦК ВКП(б), спешило хоть кем-либо заполнить образовавшиеся вакансии на ответственных должностях. Уже к концу ноября 1937 г. по Московскому военному округу новых командиров полков было 38 %, начальников штабов бригад – 50, наштадивов – 53, командиров дивизий – 73, командиров бригад – 75, а начальников штабов корпусов, так же как и командиров корпусов, все 100 %⁶³. По Киевскому военному округу – новых командиров дивизий – 84 %, командиров корпусов – 90 %. По штабу округа вновь назначено 75 %, а начальников отделов – 90 %⁶⁴.

Можно прямо сказать, что ни одна война, ни в одной армии не открывала такого количества вакансий (особенно в высшей группе), как устроенная высшим партийно-государственным руководством кровавая «чистка» РККА в 1937-1938 гг. Об этом наглядно свидетельствуют данные табл. 15.

Таблица 15^[73].

***Назначены с продвижением (данные о
комначсоставе сухопутных войск и ВВС РККА без
политсостава)***

Группа комначсостава	Годы					
	1934	1935	1936	1937	1938	1939
По высшей группе	128	105	567	585	1620	1674
По старшей группе	1996	2750	8960	7602	31 769	37 671
По средней группе	20 331	19 443	20 008	17 834	91 120	159 105
ИТОГО	22 455	22 298	29 535	26 021	124 509	198 450

Такая огромная пертурбация комначсостава и продвижение многих десятков тысяч командиров на более высокие должности была связана с появлением и все большим увеличением количества соответствующих вакансий. Появились же они не только в связи со значительными потерями комначсостава в результате массовых арестов и огульного увольнения «по политическим мотивам». Значительно большее количество новых вакансий возникло вследствие резкого возрастания численности личного состава РККА и, следовательно, формирования новых воинских частей, соединений, объединений и учреждений.

Именно здесь уместно со всей определенностью подчеркнуть, что в последние предвоенные два с половиной года (1939 - июнь 1941 г.) военным ведомством, всем советским народом была осуществлена колоссальная работа по укреплению Красной армии, повышению обороноспособности страны.

И проходила вся эта работа под непосредственным руководством Центрального комитета ВКП(б) и его Политбюро. Так было. И это невозможно отрицать при самом критическом отношении к коммунистической партии и ее деятельности. Иное дело, что в этой работе имелись свои просчеты, свои недостатки. А главная-то червоточина всей этой деятельности состояла в том,

что сначала под эгидой Политбюро ЦК ВКП(б) по Красной армии, особенно по ее высшему начсоставу, был нанесен страшный полусмертельный удар, а затем сразу же «под мудрым руководством» того же Политбюро принялись «за укрепление» Красной армии.

За два с половиной года многое можно сделать, но подготовить не только высший и старший, но даже средний качественный командный состав невозможно – ни теоретически, ни практически. За этот срок можно выпустить из училищ многие десятки тысяч лейтенантов (на базе предыдущего семилетнего образования), можно «пропустить» и «поднатаскать» несколько тысяч командиров через различные КУКСы (курсы усовершенствования комсостава), можно повысить персональные воинские звания сотне тысяч (а то и больше) командиров. Как именно шел этот процесс и каковы его результаты, можно увидеть на табл. 16.

Таблица 16^[74].

Сравнительная численность старшего и среднего командного состава РККА по персональным военным (воинским) званиям в 1936 и 1941 гг.

№ пп	Военное (воинское) звание	1936	Июнь 1941	Примечание
1.	Полковники	1713	4788	Данные за 1941 г. даны без учета политсостава ВВС и 61304 человек, окончивших военные училища в 1941 г.
2.	Подполковники	-	7246	
3.	Майоры	5501	20 430	

№ пп	Военное (воинское) звание	1936	Июнь 1941	Примечание
4.	Капитаны	14 369	47 710	
5.	Старшие лейтенанты	26 082	50 619	
6.	Лейтенанты	58 582	147 320	
7.	Младшие лейтенанты	-	95 797	
	ИТОГО	106 247	373 910	

Иной читатель, глядя на эту таблицу, может воскликнуть: «О чем разговор? Где же ужасные последствия трагедии РККА в 1937–1938 гг., о которых столь печалуетса автор? Все преодолено, все улажено. Командиров всех категорий стало значительно больше, чем накануне 1937 года».

На этот вопрос я отвечу так: да, что касается количества командиров, то раны как-то удалось заштопать. (Хотя некомплект комсостава к началу 1941 г. все еще составлял 19,4 %⁶⁵). Но ведь, по крайней мере, со времен античности известно, что любую вещь, явление, процесс, человека характеризуют не только количественная, но и качественная определенность. И командиром важно не только именоваться, но и быть им. И среди командиров Красной армии к лету 1941 г. было немало достойных этого высокого титула, особенно в среднем звене. Если бы их не было, то уже тогда – в 1941-м – Красная армия была бы не просто разгромлена, а раздавлена и размазана по стене. Но главная слабость комсостава нашей армии таилась в недостаточной подготовленности старшего и особенно высшего звена. Полусмертельную рану, нанесенную армии в 1937–1938 гг., просто физически залечить за пару предвоенных лет было невозможно, какие бы невероятные усилия ни прилагались. По моему мнению, Евгений Евтушенко имел все основания сказать:

Но живые – те, кто мертвых заменили,
Не заменят мертвых никогда.

Не заменят не только потому, что каждый человек, каждый командир по-своему уникален, неповторим и незаменим. Но и потому также, что опозорить, уволить, а то и уничтожить командира полка, дивизии, корпуса можно было в те годы практически одновременно, а чтобы подготовить его в соответствии с требованиями современной войны, нужны были даже не одно десятилетие, а полтора-два. А у нас месяцы считанные оставались...

СТРАШНЫЙ, ПОЛУСМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР ПО ВЫСШЕМУ КОМСОСТАВУ АРМИИ И ФЛОТА

В своем докладе на XX партсъезде Н.С. Хрущев заявил, что на протяжении 1937-1941 гг. «репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты до батальона и до высших армейских центров...»⁶⁶. Как уже отмечалось, особенно крупные безвозвратные потери, не сравнимые даже с потерями в Великой Отечественной войне, понес высший комсостав РККА. Можно сказать, что осуществлялось самое настоящее прореживание, а в некоторых армейских звеньях и сплошное выпалывание ответственных командиров, объявленных врагами народа.

Убедиться в этом можно на примере кровавой расправы с членами Военного совета при наркомобороны СССР. Он был создан в 1934-1935 гг. в составе 85 человек. Первым из них умер своей смертью командарм 1-го ранга С.С. Каменев, но вскоре объявлен врагом народа посмертно. Трое покончили жизнь самоубийством. А из остальных не арестовывались только 8 человек. Все остальные рано или поздно попали в мясорубку. Один из них в тюрьме забит до смерти, а 68 членов Военного совета расстреляны.

В марте 1938 г. был создан Главный военный совет РККА. Его численность никогда не превышала 13 человек. В течение 1938-1941 гг. семеро из них (маршал В.К. Блюхер, командарм 1-го ранга И.Ф. Федько, генерал армии Д.Г. Павлов, генерал-лейтенанты авиации П.В. Рычагов, И.И. Проскуров и Я.В. Смушкевич, генерал-майор Г.К. Савченко) были уничтожены [\[75\]](#).

А вот что творилось в Военно-воздушных силах. Авиация вообще, военная в особенности, уже в середине 30-х годов была любима всем народом. Могу лично засвидетельствовать это, поскольку в 1935 г., будучи студентом второго курса исторического факультета Ленинградского университета, пытался по комсомольской мобилизации поступать в летную школу. Подвела меня близорукость. Надо заметить, что и ЦК ВКП(б) и правительство не жалели ни средств, ни усилий для всестороннего укрепления и развития ВВС. Но какое же форменное кровопускание было учинено в военной авиации! В июле 1938 г. был расстрелян начальник ВВС РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис, а затем сменявшие друг друга на этом посту генерал-полковник А.Д. Локтионов, генерал-лейтенанты авиации один из первых дважды Героев Советского Союза Я.В. Смушкевич и Герой Советского Союза П.В. Рычагов были также арестованы и без всякого суда расстреляны в октябре 1941 г. Были уничтожены и последовательно занимавшие должность начальника штаба ВВС РККА комкоры С.А. Меженинов, В.В. Хрипин, В.К. Лавров, комдив С.В. Тестов, генерал-лейтенант авиации Ф.К. Арженухин, генерал-майор авиации П.С. Володин. По данным И.В. Тимоховича, в 1937-1940 гг. подверглись политическим репрессиям 11 командующих ВВС военных округов, 2 командующих авиационными армиями, почти все командиры авиационных корпусов, 12 командиров авиационных дивизий, более 50 % командиров авиаполков⁶⁷. Разве это не полное обезглавливание советской военной авиации?

Также беспощадно действовали и по отношению к высшему командованию Военно-Морского Флота. Со всех перекрестков звучали призывы «Строить большой флот!». И на это ассигновывались немалые средства. А как же быть с высшим флотским начальством? А

пострелять их всех! Сначала расстреляли начальника Морских Сил РККА флагмана флота 1-го ранга В.М. Орлова, а затем назначенного вместо него флагмана флота 1-го ранга М.В. Викторова. 30 декабря 1937 г. было принято решение образовать самостоятельный Наркомат Военно-Морского Флота. Назначили первого наркома – армейского комиссара 1-го ранга П.А. Смирнова – вскоре расстреляли. Ему на смену призвали заместителя наркома внутренних дел СССР (проверенный!) командарма 1-го ранга М.П. Фриновского. Опять же расстреляли. Заодно уничтожили почти всех, кто возглавлял Военно-Морской Флот с 1917 по 1931 г. (П.Е. Дыбенко, Э.С. Панцержанский, В.И. Зоф, Р.А. Муклевич), кто последовательно, сменяя друг друга руководил политической работой на флоте (Д.С. Дуплицкий, Г.С. Окунев, Ф.Е. Родионов, И.П. Петухов, Н.И. Ильин, М.Р. Шапошников). Были также расстреляны заместитель наркома ВМФ флагман флота 2-го ранга П.И. Смирнов-Светловский и все до единого командующие флотами: Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского. Та же печальная судьба постигла командующего Амурской военной флотилией флагмана I ранга И.Н. Кадацкого-Руднева. Был арестован и где-то сгинул командующий Каспийской военной флотилией флагман 2-го ранга Д.П. Исаков...

Столь же опустошительны по своим последствиям были и удары по высшему комсоставу в центральных управлениях наркомата обороны, в военных округах и на флотах. И ведь кого безвинными убивали? Командиров РККА. Имена многих из них на протяжении почти двух десятков лет считали легендарными при их жизни. Маршалы Советского Союза Блюхер, Егоров, Тухачевский. «Сам» Сталин как-то назвал его «демоном Гражданской войны». Не было тогда в Советском Союзе школьника, который бы не слышал о них. Командармы

1-го ранга Белов, Уборевич, Федько, Якир. По свидетельству К.А. Мерецкова, Сталин, уже после расстрела «заговорщиков», говорил ему – учите войска так, как учили при Уборевиче. Комкоры – Ковтюх, Криворучко, Кутяков, Лапин, Петин. Еще в 1921 г. М.В. Фрунзе так характеризовал 45-летнего бывшего полковника старой русской армии Н.Н. Петина: «Человек львиной работоспособности и энергии. Отличный организатор. Был прекрасным начальником штаба фронта. Политически совершенно лоялен»⁶⁸. По свидетельству Н.Г. Кузнецова, несколько лет проплававшего под началом командовавшего шесть лет Черноморским флотом флагмана флота 2-го ранга И.К. Кожанова, последний «заслуженно пользовался необычайно большим авторитетом среди личного состава Военно-Морского Флота»⁶⁹.

Насколько губительным был нанесенный жестокими безумными репрессиями ущерб высшему командному составу, можно судить по табл. 17.

Таблица 17^[76]

***Истребление высшего командного состава РККА в
1937-1941 гг.***

№ пп	Категория высшего состава	Состояло на службе в РККА в 1936 г.	Погибло в 1937–1941 гг			Вернулись из тюрьмы живыми	Общее количество жертв	% истребления по отношению к численному составу 1936 г.
			Расстреляно	Умерли под стражей	Покончили жизнь самоубийством			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Маршалы Советского Союза	5	2	1	-	-	3	60,0
2.	Командармы 1 и 2-го ранга	15	19	-	-	1	20	133,0

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3.	Флагманы флота 1 и 2-го ранга	4	5	-	-	-	5	125,0
4.	Комкоры	62	58	4	2	5	69	112,6
5.	Флагманы 1-го ранга	6	5	-	-	1	6	100,0
6.	Комдивы	201	122	9	-	22	153	76,0
7.	Комбриги	474	201	15	1	30	247	52,1
В целом по высшему составу РККА		767	412	29	3	59	503	65,6

Было расстреляно 15 высших командиров, которые в момент ареста занимали важнейшую в мирное время должность командующего войсками военного округа, и 7 человек, ранее служивших в этом качестве. Читатель может удивиться: расстрелянных командующих получается больше, чем до войны было военных округов. Это потому, что в некоторых военных округах командующих расстреливали как бы по очереди. В Белорусском сначала расстреляли командарма 1-го

ранга И.П. Уборевича, а затем сменившего его командарма 1-го ранга И.П. Белова, в Закавказском – комкора Н.В. Куйбышева, а попозже маршала Советского Союза А.И. Егорова, а в Уральском даже трех командующих – комкоров И.И. Гарькавого, Б.С. Горбачева и Я.П. Гайлита. Каждый в свой смертный час были уничтожены и поочередно командовавшие Дальневосточным фронтом маршал Советского Союза В.К. Блюхер и генерал-полковник Г.М. Штерн. В эти же годы расстреляли 16 заместителей и 8 помощников командующих войсками военных округов.

Истреблять так истреблять. Постреляли и начальников штабов военных округов: Белорусского (сначала комдива Б.И. Боброва, а затем сменившего его комдива А.М. Перемытова), Киевского (комбрига Н.И. Подчуфарова, попозже комдива В.П. Бутырского), Забайкальского (комдивы Я.Г. Рубинов и А.И. Тарасов), Ленинградского (комдив А.В. Федотов), Закавказского (комдив С.М. Савицкий), Приволжского (комбриг Н.Е. Варфоломеев), Среднеазиатского (комдив А.К. Малышев), Сибирского (комдив И.З. Зиновьев), Харьковского (комдив П.Л. Соколов-Соколовский). Среди расстрелянных в эти кошмарные годы 27 командиров корпусов, 58 командиров дивизий, 45 командиров бригад (в том числе пятнадцати авиационных и восемнадцати механизированных и танковых).

Все эти страшные цифры, возможно, еще могут быть частично дополнены. Я привел только те, которые мне удалось выявить по фамилии, имени, отчеству каждого безвинно убиенного. Но и они неопровержимо подтверждают, что цвет высшего командного состава РККА, который заботливо и любовно выращивал и воспитывал народ почти два десятилетия, был не просто «репрессирован», а подло опозорен, физически уничтожен, стерт с лица земли.

Непосредственным последствием этого беспрецедентного для мирного времени побоища столь нужных для обороны страны кадров было значительное уменьшение их численности. Уничтожили, особенно в старшем и среднем начсоставе, далеко не всех – «спасибо товарищу Сталину, партии и правительству». Но база, на основе которой можно было выбирать и готовить военачальников надвигавшейся большой войны, резко уменьшилась, порою сузилась подобно шагреновой коже у Бальзака. Судите, читатель, сами. Вот из уцелевших комдивов производства 1935 г. выдвинулись в годы войны И.С. Конев, В.Д. Соколовский, отличились и милостиво помилованные зэки Г.А. Ворожейкин, К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский. Но ведь не менее 130 комдивов были прокляты и умерщвлены. Как бы они развернулись в войне? Очевидно, англичане правы, когда говорят, что умы, как парашюты, срываются тогда, когда раскрываются. А как же подвергшимся уничтожению комдивам было раскрыться, если «свои» бросили их в тьму небытия?

Из неарестовывавшихся-уцелевших комбригов производства 1935 г. раскрылись Н.Н. Воронов, Л.А. Говоров, Ф.И. Голиков, Г.К. Жуков, М.П. Кирпонос, П.А. Курочкин, И.Е. Петров, Ф.И. Толбухин, Я. Н. Федоренко. Но ведь около 250 комбригов было расстреляно, загублено в тюрьме, погибло на лесоповале. Какой вклад в достижение победы в войне могли бы внести они? О многом говорит пример А.В. Горбатова. Кто еще из них был отмечен печатью военного таланта? Когда комбриг Г.К. Жуков был пока мало кому известным и не более чем среднеобразованным командиром кавалерийской дивизии, комбриг С.П. Обысов служил начальником Оперативного отдела Генерального штаба РККА и, судя по воспоминаниям некоторых военных, весьма незаурядным начальником. Жуков уцелел, взлетел на Халхин-Голе, прославился в Великой войне.

Обысову же, который сумел спастись после белогвардейского расстрела в Гражданскую войну (попал в плен, его вместе с другими расстреляли, прикопали, а он, еще живой, выкарабкался из братской могилы, дополз до своих, воевал, учился, окончил и советскую, и немецкую военные академии, служил), «устроили» иную судьбу – «исполнители» НКВД разили без промаха.

Среди полковников выбор был побольше. Из 1713 служивших в РККА полковников, было, по неполным данным, арестовано по политическим мотивам до 320, из них истреблено около 280. Из уцелевших полковников производства 1935 г. выдвинулось немало. В годы войны проявились полководческие таланты А.И. Антонова, И.Х. Баграмяна, А.М. Василевского, Н.Ф. Ватутина, М.В. Захарова, В.В. Курасова, Р. Я. Малиновского, А.А. Новикова, П.С. Рыбалко... А кто скажет, какие оперативные и стратегические потенции таились среди уничтоженных от имени советской власти, от имени народа? Вот лишь один пример. Первого сентября 1937 г. осужден к расстрелу начальник штаба 1-го стрелкового корпуса (ЛВО) 40-летний полковник И.Н. Корнеев. По аттестационным материалам архивного личного дела за 19 лет службы в РККА Корнеев характеризовался «исключительно положительно, как бывший активный участник Гражданской войны, преданный делу рабочего класса, храбрый и дисциплинированный командир с данными крупного оперативного работника»⁷⁰.

Конечно, и в данном случае, как и всегда, А.С. Пушкин прав:

Не всем быть можно в равной доле
И жребий с жребием не схож...

Но какой же несправедливый, позорный и беспощадный жребий выпал на долю тысяч командиров РККА. Используя образ О.В. Волкова, можно сказать, что они превратились в горстку праха, вьющуюся за колесницей революции. И как же опустошил боевые ряды комсостава Красной армии производ социалистического тоталитарного государства!

Как справедливо говорят в народе, свято место пусто не бывает. На должности уничтоженных командиров выдвигались новые молодые кадры, им присваивались высокие воинские звания. Но ведь знания-то ковшом в голову не вольешь, и настоящим военным профессионалом никого в одночасье не сделаешь. Резкое падение уровня профессионализма высшего комсостава РККА с удовлетворением отмечалось в нацистской Германии. 29 сентября 1939 г. Альфред Розенберг записал в дневнике свое впечатление о только что состоявшемся разговоре с Гитлером. Когда речь зашла о русских военачальниках, «Гитлер сказал, что присланный к нему генерал у нас командовал бы батареей»⁷¹.

Массовое истребление высшего комсостава РККА накануне большой войны – явление беспрецедентное в мировой истории как по сути, так и по масштабу. За 1418 дней и ночей небывало истребительной Великой Отечественной войны Советского Союза Красная армия потеряла 180 человек высшего комсостава от командира дивизии и выше (112 командиров дивизий, 46 командиров корпусов, 15 командующих армиями, 4 начальника штаба фронта и 3 командующих фронтами)⁷², а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от

комбрига до маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны...

Никакими, даже самыми лихорадочными усилиями восполнить эти потери в оставшееся до войны время было невозможно. Это понимали все, кроме тогдашнего руководства нашей страны, учинившего этот погром. В самый разгар массовых расстрелов, 22 апреля 1938 г. военный атташе Германии в СССР генерал Эрих Кестринг писал: «Благодаря ликвидации большого числа высших офицеров, совершенствовавших свое искусство десятилетиями практики и теоретических занятий, Красная армия парализована в своих оперативных возможностях. Отсутствие старших и вообще опытных командиров будет отрицательно влиять на обучение войск в течение длительного времени... Армия не представляет существенный фактор обороны»⁷³.

РЕЗКОЕ СНИЖЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РККА

Как уже отмечали некоторые авторы, большой террор в 1937-1938 гг. в целом носил довольно беспорядочный характер и зачастую просто невозможно было объяснить нормально мыслящему человеку, почему одного человека «взяли», а другой уцелел. В какой-то степени это было присуще и расправе с начсоставом РККА. Но при внимательном анализе персонального списка жертв бросается в глаза большое количество среди них командиров и начальников опытных, с боевым стажем, с немалым военным (зачастую академическим) образованием, отмеченных боевыми наградами. Прошедшие огни и воды Гражданской войны, своими руками самоотверженно формировавшие и пестовавшие первые части и соединения молодой РККА, они знали себе цену и даже в условиях однопартийной диктатуры нередко на порученных им участках работы пытались проявлять определенную самостоятельность, инициативу, а иногда позволяли себе и критическое (с позиций здравого смысла) отношение к некоторым недостаточно продуманным велениям свыше.

Но ни одна диктатура с подобными попытками самоутверждения личности мириться не желает. Сквозь века дошел рассказ о сиракузском тиране, который наглядно показывал своему коллеге, как нужно обеспечивать спокойствие и порядок на подвластных землях. Гуляя по полю, он ножницами отстригал все колоски, которые «позволили себе» несколько возвыситься над общим уровнем. И поучал: вот так я

поступаю со своим народом! Как только заведется какой-либо смутьян, горлодер, пытающийся говорить о нарушениях справедливости, и к нему начинают прислушиваться, так я сразу делаю его короче на голову. И опять все тихо, благопристойно. И в 1937-1938 гг. расправлялись с армией подобным же образом.

Тысячи командиров и политработников были исключены из ВКП(б), уволены из армии, а многие из них арестованы и расстреляны по обвинению в поддержке троцкизма, в связях с троцкистами, в троцкистских колебаниях и т. п. Известно, что Л.Д. Троцкий с 1918 г. по январь 1925 г. был народным комиссаром по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета РСФСР (а затем – и СССР), членом Политбюро ЦК РКП (б). И все мало-мальски заметные командиры в Гражданскую войну и несколько лет после ее окончания как-то были связаны со своим наркомом, оценивались, назначались, награждались, выдвигались им или по его представлению. Так ведь можно было «привлечь» абсолютно каждого, кто только служил в Красной армии в те годы.

Прямо-таки тотальному разгрому подверглись ряды тех командиров, которые отличились в Гражданской войне и уже в первой половине 20-х годов были направлены для получения академического военного образования. В условиях острой внутривластной борьбы многие из слушателей по армейской привычке поддержали по некоторым вопросам своего наркома. И тем самым обрекли себя через 15 лет на позорную гибель. В целом, по сравнению с 1936 г., удельный вес комсостава с высшим военным образованием снизился в 1940 г. более чем в два раза. Комсостав кадра с высшим образованием в 1940 г. составлял лишь 2,9 %, а запаса – всего 0,2 % общего числа⁷⁴. По утверждению Н.С. Хрущева, «...почти полностью были

уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке»⁷⁵.

Volens-nolens приходится признать определенную долю истины в парадоксальном, на первый взгляд, суждении Ханны Арендт: «Нацистская политика отличалась от мер большевиков лишь постольку, поскольку первые своих выдающихся соотечественников не уничтожали»⁷⁶.

Становление и тем более развитие военной науки, ее внедрение в строительство и жизнедеятельность РККА в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств проходило с большим скрипом. Тем более был дорог каждый военный, кто мог внести свою лепту в это общее, абсолютно необходимое дело. А их как будто специально чуть ли не в первую очередь, как правило, выискивали и уничтожали. В 1965 г. Воениздат выпустил капитальный сборник в 48 печ. листов «Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940 гг.)». Содержание сборника убедительно доказывает, что в 20-е и 30-е годы всесторонней разработкой важнейших проблем оперативного искусства и стратегии усердно и успешно занималось значительное число командиров РККА. Но, увы! Почти все они оказались насильственно оторваны от этой работы. Многие годы провели на тюремных нарах А.В. Голубев, Г.С. Иссерсон, А.Б. Кадишев, Я.М. Фишман. Они все же вернулись на склоне лет. Я.Я. Алкснис, С.М. Белицкий, Н.Е. Какурин умерли в заключении. В основном же наиболее крупные специалисты по проблемам стратегии и оперативного искусства были в 1937-1940 гг. расстреляны. Среди них: Н.Е. Варфоломеев, И.И. Вацетис, А.И. Верховский, А.М. Вольпе, А.И. Егоров, Я.М. Жигур, И.С. Кутяков, С.А. Меженинов, Н.Н. Мовчин, А.А. Свечин, М.Н. Тухачевский,

И.П. Уборевич, В.В. Фавицкий, Б.М. Фельдман, В.В. Хрипин, Р.П. Эйдеман.

Были расстреляны и пытавшиеся обобщить опыт и наметить новые пути партийно-политической работы армейский комиссар 2-го ранга И.Е. Славин, корпусной комиссар И.П. Петухов, дивизионный комиссар Ф.Л. Блументаль, Л.С. Дегтярев.

Такая же печальная судьба постигла и сравнительно немногочисленных носителей только что становящейся на собственные ноги советской военно-исторической науки. Занятия военной историей стали смертельно опасными. Были расстреляны заместитель начальника военно-исторического отдела Генштаба РККА комбриг К.И. Соколов-Страхов, а затем и начальник отдела комбриг И.Г. Клочко, начальник кафедры истории войн и военного искусства Военно-воздушной академии один из героев Гражданской войны Г.Д. Гай, помощник начальника кафедры военной истории Военной академии Генштаба выдающийся военный историк комдив А.А. Свечин, начальник кафедры истории военной академии им. Фрунзе комбриг Н.Ф. Евсеев, старший руководитель этой же кафедры комбриг М.С. Свечников и др. Начальника кафедры военной истории Военной академии Генерального штаба РККА профессора генерал-майора В.А. Меликова дострелили уже в 1942 г.

Самый настоящий мор прошел среди начальников военных академий, курсов, училищ. Их истребляли прямо под корень, «как класс». Начали, конечно, с начальника Управления ВВУЗ РККА (армейский комиссар 2-го ранга И.Е. Славин). В 1937–1941 гг. расстреляны начальники Военной академии Генштаба (комдив Д.А. Кучинский), Военной академии им. Фрунзе (командарм 2-го ранга А.И. Корк), Военной академии командного и штурманского состава ВВС Красной армии (генерал-лейтенант авиации Ф.К. Арженухин), Военной

электротехнической академии связи им. Подбельского (комдив В.Е. Гарф), Военной академии химической защиты (корпусной комиссар Я.Л. Авиновицкий), Военно-инженерной академии им. Куйбышева (комкор И.И. Смолин), Военно-морской академии (флагман 1-го ранга И.М. Лудри), Военно-политической (сначала армейский комиссар 2-го ранга Б.М. Иппо, а затем сменивший его корпусной комиссар И.Ф. Немерзелли), Военно-хозяйственной (армейский комиссар 2-го ранга А.Л. Шифрес). Начальники Военно-транспортной академии (комкор С.А. Пугачев) и Военной академии им. Дзержинского (комдив Д.Д. Тризна) умерли в тюрьме. Вдоволь отведали тюремной похлебки начальник Военно-воздушной академии, а позднее начальник УВВУЗ РККА (комкор А.И. Тодорский) и Военной академии связи (дивинженер К.Е. Полищук).

Иногда складывается такое впечатление, что от имени государства стремились физически уничтожить всех, кто когда-либо руководил соответствующим учебным заведением. Было расстреляно 5 человек, побывавших с 1930 по 1937 г. начальниками Военно-Морской академии (К.И. Душенов, Д.С. Дуплицкий, Г.С. Окунев, П.Г. Стасевич, И.М. Лудри). На протяжении 15 лет (с 1923 по 1937 г.) известную кузницу командных кадров курсы «Выстрел» возглавляли последовательно: Н.В. Куйбышев, Г.Д. Хаханьян, И.И. Смолин, К.А. Стуцка, Л.Я. Угрюмов, А.А. Инно (Кульдвер). Все они до единого – расстреляны.

Постреляли и начальников различных курсов усовершенствования командного состава (КУКС): Академических КУКС (комбриг В.А. Клейн-Бурзи), КУКС АБТВ (комкор К.А. Стуцка), Высших военно-политических курсов Политуправления РККА (бригадный комиссар С.А. Сухотин), КУНС зенитной артиллерии (комбриг В.Н. Заходер), химических курсов РККА (комдив В.Ф. Грушецкий), курсов комсостава

запаса (комбриг В.И. Резцов), Киевских КУКС запаса (полковник А.А. Рябинин). Расстреляли и начальников военных научно-исследовательских институтов: ЦАГИ (бригинженер Н.М. Харламов), НИИ ВВС (комдив Н.Н. Бажанов, затем генерал-майор А.И. Филин), Биотехнический институт (диввоенврач И.М. Великанов), НИИ по технике связи Разведуправления РККА (бригинженер А.И. Гурвич).

О величине ущерба, нанесенного делу обороноспособности страны разгромом научно-исследовательских институтов, можно судить даже по одному примеру. В официальном заключении Главной военной прокуратуры от 15 августа 1955 г. на основе всестороннего исследования документов утверждается, что расстрелянный 11 января 1938 г., поскольку якобы «осуществлял вредительство в области недопущения новых образцов на вооружение РККА» бывший главный инженер Реактивного НИИ военинженер 1-го ранга Г.Э. Лангемак, в действительности являлся одним из творцов разрабатывавшейся впервые в Советском Союзе еще в 1936 г. реактивной техники для авиации и артиллерии (в частности и снаряды для знаменитой «Катюши»). «Однако, как это видно в связи с необъективным рассмотрением дела ЛАНГЕМАКА, изобретенная в Научно-исследовательском институте № 3 реактивная техника не нашла своего применения до 1941 года»⁷⁷.

Но «ликвидировали» не только начальников военных академий и институтов, а и целый слой, самый цвет военно-академической науки. Так, по Военной академии Генерального штаба РККА были уничтожены начальники ведущих кафедр комкоры М.И. Алафузо и М.А. Баторский, комдивы Я.Я. Алкснис и П.И. Вакулич, комбриг Я.М. Жигур. Расстреляны также помощники начальников кафедр этой академии уже

упоминавшийся комдив А.А. Свечин и комбриг А.Д. Малевский, старшие руководители различных кафедр флагман 1-го ранга Э.С. Панцержанский, комдивы А.И. Бергольц и Е.Н. Сергеев, комбриги В.Н. Батенин, А.И. Верховский и Р.С. Цифер, преподаватель комдив И.П. Сергеев (бывший нарком боеприпасов СССР) и др. [77]

По имеющимся данным, единственной во всей РККА военной академией, где в 1937-1938 гг. не был арестован начальник академии, была Военная академия механизации и моторизации. Но зато здесь были расстреляны начальник штаба ВАММ комбриг Н.С. Рудинский, начальники кафедр комбриг Н.Г. Матвиевский и полковник Ф.Л. Григорьев, начальник курса полковник В.А. Зун, преподаватели комбриги В.М. Иконостасов, В.В. Любимов, полковники Б.А. Лачинов, С.И. Певнев, И.К. Таубе, В.А. Федерольф, военинженер 1-го ранга П.С. Озеров.

Самое настоящее побоище было учинено среди преподавателей Военной академии им. Фрунзе: расстреляны начальники кафедр комбриги В.А. Дьяков, Н.Ф. Евсеев, П.И. Ермолин (умер в тюрьме), полковник Г.А. Ветлин, старший руководитель кафедры полковник Н.К. Ботэ, начальник курса комдив А.А. Тальковский, начальник курсов комбриг П.Д. Мамонов, начальник спецфакультета комбриг Ж.К. Ульман, начальник вечернего отделения полковник Е.Е. Шишковский, преподаватели командарм 2-го ранга И.И. Вацетис, полковники А.Е. Громыченко, Н.Е. Ефимов, комбриг В.Д. Залесский, комдив Г.С. Замилацкий, генерал-майор С.М. Мищенко, комбриг Д.Д. Нахичеванский, полковники Г.П. Новиков, М.С. Плотников. А ведь не всех же преподавателей расстреливали или даже арестовывали. Многих «просто» выгоняли.

О положении дел с преподавательским составом в Военной академии им. Фрунзе доносит 31 марта

1938 г.и.о. военкома бригадный комиссар П.Г. Батраков. По действовавшему на этот момент штату в академии должно было быть 167 преподавателей (а по проекту нового штата более 300). В наличии же было лишь 106 преподавателей. Причем особенно велик некомплект был на основных ведущих кафедрах: общей тактики – 28 %, военной истории – 38 %, а СЭЦ – даже 54 % (без учета вольнонаемных). Но и из этих 106 бдительный и.о. военкома просит убрать из академии (как правило, с увольнением из армии) 15 преподавателей (комдивы, комбриги) и обещает в ближайшее время дать представление на перевод из академии еще 18 человек. Кроме того, докладывает он, поставлена задача тщательного изучения 61 человека, в связи с имеющимися в их биографических данных или в связи с наличием у них в прошлом отрицательных фактов в партийной или служебной работе⁷⁸. Таким образом, не находились пока «под колпаком» лишь 12 преподавателей на всю огромную Военную академию им. Фрунзе.

В результате фронтального обследования этой академии выявилась следующая картина ее укомплектования преподавательским составом.

Таблица 18^[78].

***Обеспеченность преподавательским составом
военной академии имени Фрунзе на май 1939 г.***

	По штату	Налицо	% обеспеченности
Всего преподавателей	544	358	66
Из них:			
профессоров	40	2	5
доцентов	105	19	18
адъюнктов	75	9	12

Нещадно расправлялись и со слушателями. Только по выявленным мною данным были безвинно расстреляны слушатели Военной академии Генштаба РККА комбриги А.Г. Добролеж, П.В. Емельянов, Б.В. Петрусевич, Ф.А. Померанцев, А.И. Швачко, полковники А.А. Ваганов, Н.Н. Жанколя, С.С. Павловский, майор Л.Г. Салкуцан...

Насколько поредели ряды слушателей тех или иных курсов некоторых военных академий, можно судить по свидетельству полковника в отставке Г.Я. Егоренкова (Москва). В 1938 г. ему удалось окончить МАДИ (он считал тогда и сейчас, что это величайшее чудо в его жизни; родом он из белорусской деревеньки, было у него еще 8 братьев и сестер; во время голода в 1932–1933 г. умерли его отец в 48-летнем возрасте и семеро его братьев и сестер). И только он окончил институт, как его сразу же «забрали» в кадры РККА и зачислили слушателем 4-го курса Военно-воздушной академии им. Жуковского. И вот он вспоминает, что на 1-м (инженерном) факультете, где он учился, из 100 слушателей «старыми», т. е. кадровыми, было всего 7–8 человек. Все остальные – это срочно мобилизованные, либо уже окончившие гражданские институты, либо с 4-го и 5-го курса⁷⁹. Нельзя, конечно, утверждать, что почти все слушатели 4-го курса 1-го факультета ВВА были репрессированы. Возможно, что какая-то их часть была досрочно послана в войска. Но как бы то ни было,

нормальная система обучения высококвалифицированных кадров на этом курсе была подорвана в корне. Об элементах дезорганизации процесса нормального обучения военных кадров свидетельствует и тот факт, что из поступивших в 1936 г. на первый курс Военной академии Генштаба 137-и человек обучение на втором курсе с 1 ноября 1937 г. смогли продолжить только 68⁸⁰.

Таким образом, новая поросль начсостава РККА, долженствовавшая влить свежую кровь в армейский организм накануне все более нависающей угрозы большой войны, оказалась по сути в трагическом положении. Почти все мало-мальски заметные военные теоретики, большинство столпов военно-академической науки, а также испытанные в течение многих лет организаторы процесса высшего военного образования объявлены врагами народа и расстреляны. Их имена приказано проклясть и забыть навеки. Об их книгах, статьях, учебных пособиях даже упоминать нельзя. Все их мысли, взгляды, утверждения, если даже они кое-когда писали или печатали, что «дважды два равно четырем», преданы анафеме. Все старое, связанное с «врагами народа», надо разрушить до основания, все надо начинать чуть ли не с нуля. А кому? С кем?

Надо ли удивляться тому, что положение дел в некоторых военных академиях накануне войны было просто плачевное. Довольно слабым был и состав слушателей. В мае 1939 г. слушатели 1-го и 2-го факультетов Военной академии им. Фрунзе (с трехгодичным сроком обучения) имели достаточное военное образование (нормальная военная школа и КУКС) лишь в 85,5 % случаев. Но еще хуже обстояло дело с общим образованием. Более половины слушателей этих курсов (50,6 %) имели либо неполное среднее, а то и низшее образование.

Нет нужды доказывать, что преподаватель – центральная фигура в любом учебном заведении. Постоянный недокомплект и невысокий уровень подготовки многих имеющих в наличии преподавателей неизбежно снижал качество учебного процесса. Как явствует из акта обследования Военной академии им. Фрунзе в мае – июне 1939 г., «планирование учебного процесса в Академии организовано безобразно плохо». Комиссией было проверено 60 занятий путем непрерывного присутствия на них. И вот итоговый вывод: «36 % занятий проводится плохо – нудно и скучно; на 80 % занятий обнаружено, что слушатели к занятиям не подготовлены; в 68 % занятий качество работы слушателей плохое, на 38 % занятий дисциплина слушателей плохая»⁸¹.

С большим докладом (на 15 страницах) обращается 5 июля 1939 г. к наркому обороны старший инспектор Управления высшими военно-учебными заведениями (УВВУЗ) РККА Г.Г. Невский. Это письмо – настоящий крик души. Охарактеризовав общие итоги работы военных академий, он бьет тревогу по поводу низкого качества преподавательского состава: «Во всех академиях количество преподавателей, имеющих звание доцента, не превышает 15 %, а в ВАФ на общей тактике только 8 % имеют звание доцента. При этом есть все основания полагать, что научные звания по тактическим дисциплинам присваиваются весьма снисходительно. Когда вдумываешься во все выше сказанное – жутко становится»⁸².

Массовое истребление военных кадров, волна всеобщей подозрительности, повсеместно распространившийся страх роковым образом сказались и на качестве профессионального обучения комначполитсостава, в том числе и в военных

академиях РККА. В связи с изгнанием из рядов армии многих тысяч командиров (как правило, наиболее образованных), в академии хлынул поток людей, совершенно не созревших из-за их крайне малого общеобразовательного уровня. По имеющимся в Политуправлении РККА сведениям, среди лиц, подавших заявления о желании поступить в 1937 г. в военные академии, большой процент вообще не имел среднего образования. И какова же была позиция Политуправления? Оно смирилось с этим и рекомендовало оказать подобным абитуриентам «всяческую помощь», главным образом при Домах Красной армии⁸³.

Амуниции у таких слушателей было совсем не густо, зато амбиции хватало. Они умело пользовались атмосферой страха, царившей во многих преподавательских коллективах. Да и руководство многих военных академий нередко оценивало работу факультетов, кафедр и отдельных преподавателей лишь по количеству выставленных ими отличных и хороших оценок. В сообщении начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР В.М. Бочкова (май 1939 г.) «О результатах госэкзаменов в ВЭТА^[79] в 1939 году» говорилось о том, что качество преподавания никем не учитывалось и не контролировалось, а требовательность преподавателя к слушателю не встречала поддержки ни со стороны начальника кафедры, ни со стороны начальников факультетов. «Преподаватель, поставивший по своему предмету менее 75 % отличных и хороших оценок, считается плохим... Преподаватель, поставивший слушателю отметку «посредственно», считается как бы виновником в том, что не сумел научить для более хорошей оценки. Слушатель, получивший отметку «посредственно», перестает здороваться с этим преподавателем.

Последний окружается холодком и при случае «прорабатывается» в газете, поддержки же у своего начальства он не встречает. Такое положение приводит к тому, что преподаватели начинают «побаиваться» своих слушателей и, чтобы не наживать себе неприятностей, избегают ставить отметки «посредственно», а тем более «неудовлетворительно» в тех случаях, когда это является справедливым и необходимым»⁸⁴.

Такая атмосфера всеобщей снисходительности преподавателей не могла не сказаться самым отрицательным образом на качестве подготовки слушателей военных академий. И когда к ним предъявлялись должные требования, сразу же выяснялась ужасно неприглядная картина. В представленном 31 июля 1940 г. «Отчете о качественной подготовке слушателей Академии Генерального штаба Красной армии» председатель Государственной экзаменационной комиссии (ГЭК) генерал-лейтенант М.С. Хозин правдиво вскрыл совершенно безрадостное состояние дел. Всего держали экзамен 48 человек приема 1938 г. – выпуска 1940 г. В представленных перед госэкзаменами годовых оценках не было ни одной неудовлетворительной и лишь изредка встречались посредственные, подавляющее же большинство оценок – «отлично» и «хорошо». А что же оказалось на деле? В ходе госэкзаменов выяснилось, что все годовые оценки невообразимо завышены. По основам марксизма-ленинизма отличные оценки получили лишь 5 человек (а по среднегодовым оценкам 30!), хорошие – 19, посредственные – 20 и неудовлетворительные – четыре. Еще хуже обстояло дело с подготовкой слушателей по оперативному искусству. В результате письменных и устных экзаменов оценку «отлично» получили только 2

человека (4,1 %), «хорошо» - 19 (39,6 %), «посредственно» - 16 (33,3 %), а одиннадцать выпускников ВАГШ (23 %) получили оценку «неудовлетворительно». По решению ГЭК, из общего числа 48 слушателей, державших государственные экзамены, 11 слушателей (23 %) выпускались из Академии Генерального штаба Красной армии без дипломов, как получившие неудовлетворительные оценки на экзаменах. Окончивших курс с отличием не было ни одного⁸⁵.

Наверное, именно такой слабой подготовкой выпускаемых перед войной «академиков» можно во многом объяснить выходящую из ряда вон резкость в оценке их качества Г.К. Жуковым. Во время телефонного разговора осенью 1941 г. под Ленинградом с командиром части Н.Г. Лященко Жуков вдруг спросил: «Вы, наверное, академию кончали?». «Да», - ответил командир. «Так и знал. Что ни дурак, то выпускник академии»⁸⁶. Грубоват бывал Георгий Константинович иногда, да ведь и его понять надо - десятки, а то и сотни тысяч наших советских бойцов гибли порою зря или попадали в плен под руководством никудышных, совершенно растерявшихся, в том числе и новоиспеченных командиров самого высокого ранга.

И все же нередко это была не их вина, а их беда. Их так учили. Чтобы все было по Марксу - Энгельсу - Ленину - Сталину. И чтобы никакой «отсебятины» и, боже упаси, своемыслия. А ведь еще Аристотель писал: «Раб от природы тот, кто настолько лишь причастен уму, чтобы понимать чужие мысли, но не настолько, чтобы иметь свои собственные». И очевидно вполне правомерно ко многим и многим представителям предвоенных выпусков начсостава РККА применить высказанную невольным эмигрантом И.А. Ильиным мысль о ряде молодых российских поколений: «Так они

росли, не зная ни свободы, ни академии, годами привыкали к тоталитарной каторге ума»⁸⁷.

Одним из наиболее печальных последствий массового уничтожения военных кадров было не только значительное снижение профессиональной подготовки командного состава, но и резкий упадок инициативности, самостоятельности, всегда связанной с известным риском. А в сложившейся ситуации рисковать никто особенно не хотел. Каждый понимал, что любая инициатива не только наказуема, но при определенных условиях может стоить головы. Осенью 1939 г. группа слушателей Академии Генерального штаба в составе девяти человек была направлена для помощи, для опыта в Оперативное управление Генштаба. Впечатления были настолько потрясающими, что один из этих слушателей не выдержал, решился и 13 января 1940 г. написал Ворошилову: «13.IX.39 г. мне приказали сделать карту для Наркома (военные действия между Германией и Польшей). Я попросил материал – разведданные. Мне т. Карпухин сказал: материал у Ильченко. Ильченко дал мне «Пионерскую правду». Я не поверил, что для Наркома. Оказалось, действительно карта была доложена через полковника Дубинина^[80] Наркому. В процессе же всего действия, как по польско-немецкой кампании, так и по нашей с поляками, никто данных о противнике по карте не вел, на карту не наносил»⁸⁸.

Резкое снижение интеллектуального потенциала РККА (а вследствие этого и уровня военного профессионализма) с неизбежностью должно было сказаться самым негативным образом при первом же серьезном военном столкновении. Когда во время советско-финляндской войны Сталин в присутствии других членов Политбюро спросил Ворошилова: «Почему наша армия топчется на Карельском

перешейке, неся большие потери? Где обещанные успехи?», нарком обороны СССР взорвался и выкрикнул правду-матку (тут же не на трибуне, а между своими): «А с кем воевать-то? Все думающие командиры расстреляны, а новых нет»⁸⁹. В данном случае Ворошилов хорошо знал, что говорил.

Но признался он только «в закрытом порядке». Публично же продолжал всячески бахвалиться. А ведь предупреждали умные люди незадачливого наркома и давно. Еще в 1931 г. полковник Белой армии А. Зайцов совершенно справедливо, как показали последовавшие события, писал: «Ахиллесова пята Красной армии – ее командный состав... Он не на высоте тех требований, которые ему предъявит война»⁹⁰.

Когда же началось массовое истребление высшего начсостава РККА, вдумчивые зарубежные наблюдатели сразу обратили особое внимание на резкое снижение его интеллектуального потенциала. Ворошилова и Буденного сплошь называли «чисто декоративными фигурами», «конмарксистами». Отмечали крайне низкий уровень общего образования даже у окончивших те или иные военно-учебные заведения. Резонно писали о том, что нередко части, а то и соединения возглавляются «шпионовыдвиженцами». «Командный состав Красной армии, – писал в 1938 г. Е. Месснер, – сполз в своей интеллигентности на уровень средний между европейским и китайским...» И далее он очень своеобразно и резонно замечает: «Это не значит, что Красная армия не может воевать. Это значит, что она не может воевать «малой кровью». Неопытный пахарь замучит себя и коней – и все же вспашет меньше, чем искусственный крестьянин... Так и в военном деле: офицерство знающее и – это самое важное – офицерство интеллигентное проливает кровь бережно, как искусный хирург, офицерство же неинтеллигентное

«пускает кровь» без меры, как цирюльник». И почти пророчески предсказал: «Красная армия, пока она будет руководиться нынешним офицерством, будет армией кровавых боев – может быть победа, может быть поражение, но во всяком случае кровавые»⁹¹. Да и действительно, какого «военного искусства» можно было ожидать от окончившего Военную академию им. Фрунзе командира, который (как отмечалось в приказе 1939 г. по ОрВО) сделал в боевом приказе 92 грамматических и технических ошибки?⁹² Теоретические возможности старшего и высшего начсостава настолько оскудели, что даже в день Красной армии 23 февраля 1939 г. со статьей «Армия передовой военной науки» в центральном органе НКО смог выступить лишь капитан (Б. Игнатов)...

Так было при Ворошилове. Его убрали после провала на Карельском перешейке. Мера, безусловно, правильная. А кого поставить на должность наркома обороны? Решили – С.К. Тимошенко. Надо со всей определенностью признать, что под руководством нового наркома было сделано немало для повышения боеспособности Красной армии. Но ведь и он звезд с неба не хватал. По свидетельству И.В. Дубинского, после одного большого учения И.Э. Якир так сказал о Тимошенко: «Хороший у меня зам. по коннице. Вот только одно... он замечательный исполнитель, но не мыслитель. А смотреть вперед полезно и кавалерийскому начальнику»⁹³. Военачальники – мыслители в тот момент (да и всегда!) нужны были как воздух. А где их взять? Постреляны, порубаны, лежат в земле сырой... И все же среди уцелевших конечно оставалось немало умных, образованных и опытных командиров. Без них Победа Сорок пятого была бы, наверное, просто невозможна.

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЛИТИКО-МОРАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА РККА

Очевидно, можно довольно определенно утверждать, что одной из сознательно поставленных высшим партийным руководством целей в развязанной и направляемой им охватившей всю страну кампании по борьбе с «врагами народа» и беспощадному их уничтожению было стремление погрузить страну в пучину страха. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс не посчитали нужным скрывать свою позицию: «...Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией»⁹⁴. Через много лет Энгельс снова вернулся к этой проблеме и совершенно однозначно заявил, что «...победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством страха, который внушает реакционерам ее оружие»⁹⁵.

Своими практическими властными действиями большевики доказали, что они являются прилежными учениками отцов-основателей нового учения. В годы Гражданской войны, ожесточенной классовый борьбы в 20-е годы, и особенно с началом массовой насильственной коллективизации жители городов и сел необъятного Союза натерпелись страха немало. Казалось, что этого хватит и им и их детям «на всю оставшуюся жизнь». Все современники могли видеть это невооруженным глазом. И совершенно не случайно известный немецкий писатель Эмиль Людвиг пытался обсудить эту проблему со Сталиным. Во время беседы с ним 13 декабря 1931 г. он прямо заявил: «Мне кажется,

что значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед Советской властью, и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость Советской власти»⁹⁶. Сталин сказал Людвигу, что он ошибается. «Ваша ошибка - ошибка многих». Признав, что политика устрашения в арсенале советской власти действительно существует, он заверил, что применяется она только по отношению к остаткам умирающих, ликвидируемых классов, а не менее 90 % населения поддерживают советский строй потому, что он «обслуживает коренные интересы рабочих и крестьян»⁹⁷.

Однако совсем по-другому эта проблема ставилась в известной именно в начале 30-х гг. пьесе А.Н. Афиногенова «Страх». По сообщению Ю.Г. Фелыптинского, Сталин основательно поработал над ее рукописью, вписав целые тирады, направленные против разного рода уклонистов и потенциальных «врагов народа», но все же оставил место, в котором говорилось, что если обследовать сто граждан, то окажется, что 80 действуют под влиянием страха, и даже не выбросил знаменитый тогда монолог главного героя пьесы профессора Бородина: «Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отречься от матерей, подделывать социальное происхождение... Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным... Страх порождает прогулы, опоздание поездов, прорывы производства, общую бедность и голод. Никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать...»⁹⁸

Беседа Сталина с Эмилем Людвигом была опубликована в апреле 1932 г. Сталин, следовательно,

говорил здесь «на публику». В разрешенном же им монологе героя пьесы «Страх» отношение Сталина к этой проблеме отражалось, на мой взгляд, более адекватно. Об этом же свидетельствует и его недвусмысленное признание, сделанное 28 июня 1935 г. В этот день он принял широко известного французского писателя Ромена Роллана. Поскольку их разговор не предполагался к опубликованию (на русском языке он был напечатан лишь спустя 54 года), Сталин был до циничности откровенен. Судя по записи в дневнике Роллана, который прежде всего спросил «великого гуманиста», как понять постановление ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г., разрешающее применение смертной казни к детям, начиная с 12-летнего возраста, Сталин заявил: «...необходимо внушить страх. Мы должны были принять этот репрессивный закон, грозящий смертной казнью детям-преступникам начиная с двенадцати лет и особенно их подстрекателям. На самом деле этот закон мы не применяем. Надеюсь, он и не будет применен. Естественно, публично мы этого признать не можем; потеряется нужный эффект, эффект устрашения»⁹⁹.

Все это было уже к середине 30-х годов. А когда в недрах НКВД была состряпана фальшивка о крупном военно-политическом заговоре, поразившем чуть ли не всю страну, прямо-таки «животный страх» (термин Г.К. Жукова) охватил не только уже попавших в бездонную воронку людей и всех не арестованных, опасавшихся, что и их в любое мгновение может постигнуть такая же печальная участь, но и самих верховных организаторов всенародной бойни, начиная от Сталина и его окружения. Адмирал И.С. Исаков вспоминал, как незадолго до войны Сталин пригласил членов Главного военного совета РККА после заседания посмотреть кинофильм. Путь в кинозал был зигзагообразным, и на

каждом углу стоял вооруженный чекист. И вдруг Сталина прорвало и он сказал Исакову, что вот каждый раз, когда я здесь иду, все время думаю о том, кто именно из моих сторожей выстрелит мне в спину или в лицо¹⁰⁰. Сохранилось также свидетельство Н.С. Хрущева, которому Сталин как-то горько сетовал: «Вот вы живете, как нормальные люди, а я всего на свете боюсь и от этого вечного страха нет мне никакого покоя»¹⁰¹.

В постоянном страхе находилось и ближайшее окружение диктатора. Когда на июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС Ворошилов было закуражился, «что он-де «никогда не боялся правды ни перед Сталиным, ни перед Лениным», Хрущев с полным знанием дела осадил его: «И тебе не надо говорить, что не боялся Сталина. Все, кто не боялся, были уничтожены, они уже сгнили»¹⁰². Академик РАН В.Г. Трухановский вспоминает, что по его наблюдениям, будучи уже министром иностранных дел СССР, А.Я. Вышинский «страшно боялся Сталина... Мне казалось, что уезжая на аудиенцию к Сталину, он никогда не был уверен, что вернется с нее обратно»¹⁰³.

Можно понять, чего боялись палачи. Они же были совсем не дураки и прекрасно понимали не только готовность каждого сподвижника убрать любого другого, но не могли не опасаться и возмездия за все учиненные ими злодеяния. У основной же массы населения превалировал страх жертвы, реальной или потенциальной. Леденели от страха сердца людей, за которыми с железным лязгом захлопывались двери казематов НКВД. Но невольно сжимались сердца и всех свидетелей ареста, и всех слышавших, знавших о них. Уже в декабре 1930 г. Осип Мандельштам написал:

...И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

А по свидетельству многих и многих, в 1937-1938 гг., когда аресты стали особенно массовыми, нередко чуть ли не высшей степенью счастья было слышать в ночи, что сапоги сотрудников НКВД прогрохотали мимо двери твоей квартиры (комнаты).

Как сейчас, 60 лет спустя, установить, измерить распространенность и градус страха, или точнее - «Госстраха», в ту пору? Некоторые авторы утверждают, что в пароксизме страха корчило все население страны, от мала до велика. Конечно, туча зловещего страха нависала над всей страной. Но разные люди смотрели на нее по-разному. Многие просто недопонимали, какие капли из этой тучи могут пролиться. Необходимо учитывать и возрастные особенности. Я не говорю уже о детях, с радостным изумлением открывающих окружающий их мир, независимо от господствующего в стране политического режима. Но полагаю, что и юношество, и вообще подавляющее большинство молодежи чувство страха даже в 1937-1938 гг. не испытывали. В какой-то мере могу это и лично засвидетельствовать. В эти годы я закончил 3-й, а затем и 4-й курсы исторического факультета Ленинградского государственного университета. Помнятся они, как будто это было вчера. И честно скажу, что ни я сам, ни мои однокашники никакого такого страха вроде и не испытывали. (Разумеется, при абсолютном конформизме всех в словах и поступках.) У нас были свои молодежно-студенческие тревоги и заботы. Молодое думало о молодом. Не могла не действовать и искусная пропаганда: «НКВД не ошибается», «НКВД зря не берет». Каждый эгоистически думал: «А ведь это,

наверное, правда. Вот меня-то не забрали». Не имели мы понятия и о масштабе арестов и расстрелов. Тем более что, насколько я знаю, с нашего курса «взяли» лишь одного студента Тришкина (как шепотом мне рассказали, он вместе с родителями жил на КВЖД и – «сам понимаешь»). И в чем-то прав Наум Коржавин: «Как мы жили, как прыгали весело карасями на сковородке».

Совершенно по-иному чувствовали себя старшие поколения. Это бросалось в глаза любому непредвзятому наблюдателю. Английский дипломат Фицрой Маклин приехал в Москву, когда там шли разгромные процессы. Он вспоминал позднее: «Атмосфера страха в Москве была ужасающая»¹⁰⁴. Сохранились свидетельства о переживаниях и некоторых наших соотечественников, людей высочайшего интеллекта и дарования. Судя по воспоминаниям Ильи Эренбурга, популярнейший тогда нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов, начиная с 1937 г., клал на ночной столик револьвер – если позвонят ночью «дорогие гости», то уж не дожидаться последующего. По свидетельству Эдисона Денисова, Д.Д. Шостакович всю ночь рассказывал ему о себе и повторял, как рефрен: «Я всю жизнь был трусом»¹⁰⁵. Это – один из великих композиторов XX века. Каждую минуту ждал ареста не нуждающийся в аттестации Корней Чуковский. Он же как-то вспоминал о «наваждении страха»¹⁰⁶. С присущей великим поэтам лапидарностью, Марина Цветаева в рабочей тетради 1940 года записывает: «Страх. Всего» – и подчеркивает оба эти слова¹⁰⁷.

Сам испытывающий этот страх Ф.Ф. Раскольников писал в августе 1939 г. в «Открытом письме Сталину»: «Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся

ли ему избежать ночного ареста. Никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и маршал Советского Союза – все в равной степени подвержены ударам бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели».

При той необъяснимости широкозахватного террора никакой логикой опасаться за свою жизнь мог всякий. Широко известный в те годы писатель Борис Пильняк как-то в разговоре с французским журналистом Виктором Сержем вдруг заявил: «В этой стране нет ни одного мыслящего взрослого человека, который не задумывался бы о том, что его могут расстрелять»¹⁰⁸. В Рабоче-крестьянской Красной армии командиры и политработники не просто задумывались, но твердо знали, что даже в мирное время их в любой момент и по любому поводу могут, выражаясь столь знакомым со времен Гражданской войны языком, «шлепнуть». Чего там говорить о взводных, ротных и иных не очень великого звания командирах, если под реальной угрозой расстрела в любую минуту жил и служил даже сам народный комиссар обороны СССР маршал и Герой Советского Союза С.К. Тимошенко. Когда уже накануне германского вторжения на одном из заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) Тимошенко поддержал настойчивое предложение начальника Генштаба генерала армии Г.К. Жукова привести армию в состояние боевой готовности, Сталин возмутился и заявил буквально следующее: «Это все Тимошенко делает, он настраивает всех на войну, надо бы его расстрелять, но я его знаю как хорошего вояку еще с Гражданской войны...»¹⁰⁹

По степени зараженности страхом предвоенный начсостав РККА можно, очевидно, распределить на три

своеобразные группы. К первой группе я бы отнес примерно 13 тысяч человек начсостава, уволенных было из армии по разным причинам, а затем в последние предвоенные годы возвращенных в ее ряды. Среди них была какая-то часть и побывавших под арестом, а то и в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях (например, Г.А. Ворожейкин, А.В. Горбатов, Л.Г. Петровский, К.К. Рокоссовский, К.П. Трубников и др. Это – наиболее известные). А сколько всего было таких лиц возвращено из-под стражи, да в строй, пока неизвестно. Одно можно сказать, что все они лично испытывавшие методы работы особистов того времени и при освобождении давшие подписку «о неразглашении», молчали о своем пребывании там как рыбы, безусловно радовались, что «ушли от жестокой погони» и думали лишь о том, как бы снова не угодить в застенки НКВД. Ведь особисты и на фронте были всегда рядом с ними и уж они-то знали об этих командирах все – и что было, и чего не было. И, очевидно, в полной мере к этим командирам применимы слова Владислава Ходасевича:

...Но кто хоть раз был в жизни прахом.
Не сложит песни золотой.

Некоторые исключения (вроде Рокоссовского, Горбатова) лишь подтверждают правило.

Явно подавленным и в какой-то степени ущербным было душевное состояние и у другой довольно многочисленной группы начсостава РККА. В нее входили те командиры и начальники, которым все же удалось избежать ареста в предвоенные годы, но на которых в распоряжении особистов имелись показания других лиц, якобы изобличающие их как участников военно-фашистского заговора. Пока невозможно сказать, сколько именно таких лиц было в начсоставе Красной

армии к началу войны. К настоящему времени удалось установить, что подобного рода показания имелись на таких уже тогда довольно известных в РККА командиров, как майор П.А. Ротмистров; полковники И.Х. Баграмян, Р. Я. Малиновский, Е.А. Разин-Неклепов, К.К. Сверчевский; военинженер 1-го ранга М.П. Воробьев; комбриги П.И. Батов, Д.Н. Гусев, П.С. Кленов, С.А. Красовский, И.Н. Музыченко, И.Е. Петров, Ф.Я. Фалалеев, Н.М. Хлебников, И.Т. Шлемин; британженеры Б.Г. Вершинин, И.А. Лебедев; комдивы Н.А. Веревкин-Рахальский, Д.Т. Козлов, А.А. Коробков, И.Т. Коровников, В.Н. Курдюмов, М.Ф. Лукин, М.А. Рейтер, В.Д. Соколовский, Ф.И. Толбухин; комкоры И.Р. Апанасенко, Ф.И. Голиков, Е.И. Горячев, В.Д. Грендаль, М.Г. Ефремов, М.П. Ковалев, И.С. Конев, К.А. Мерецков, С.К. Тимошенко, М.С. Хозин; корпусной комиссар А.В. Хрулев; командармы 2-го ранга И.В. Тюленев и Г.М. Штерн; командармы 1-го ранга Г.И. Кулик и Б.М. Шапошников; маршал Советского Союза С.М. Буденный, флотоводцы И.С. Исаков, Л.М. Галлер, И.С. Юмашев...

Сейчас каждый мало-мальски грамотный человек знает, какую значительную роль в достижении нашей победы в Отечественной войне сыграли многие из перечисленных выше командиров. А тогда, накануне войны, все они находились «под колпаком». И каждый их показавшийся «неверным» шаг мог оказаться последним. Их судьба висела на волоске, еще более тонком, чем тот, на котором висел дамоклов меч.

Конечно, необходимо дополнительное исследование, чтобы сейчас, через 60 лет, установить, знали ли «подколпачные» о наличии смертельно опасных показаний против них. Известно, что Сталин испытывал своеобразное удовольствие от наблюдения за реакцией того или иного военачальника, когда он лично говорил ему: «А знаете ли вы, что на вас есть показания». Так он, например, «оглоушил» только что

вернувшегося из Испании К.А. Мерецкова в начале июня 1937 г. На различного рода закрытых совещаниях начсостава в той или иной мере устно сообщалось о «вскрытии», а то и ликвидации различного рода «ответвлений военно-фашистского заговора» и их участников. Все это усиливало страх командиров самого высокого ранга за каждое даже самое обычное свое действие.

Но и у тех лиц начсостава РККА, коим повезло, «посчастливилось» избежать ареста и порочащих показаний, было немало оснований для страха. По заведенному порядку при выдвижении того или иного командира на него собирались характеристики. И вот дашь положительную характеристику на старого боевого товарища, а его завтра особисты НКВД арестуют и объявят «врагом народа». Да еще скажут, что он сам в этом признался. И сразу из НКВД летят запросы: кто давал ему характеристику, вышлите ее нам немедленно. А между строк читалось: все зависит от нас! Захотим – поверим характеристике и облегчим участь арестованного. Нет – привлечем и того, кто посмел дать положительную характеристику.

Поэтому многие начальники при составлении подобных характеристик старались зафиксировать малейшую червоточинку у того или иного командира. И нередко такая характеристика превращалась в своеобразный донос. В политхарактеристике от 3 июня 1938 г. на командира 46 сд комбрига Коломиец говорилось, что он «в работе проявляет чрезмерную осторожность, боится, как бы не обвинили во вредительстве. Проявляет чрезмерную самомнительность, ему кажется, что к нему придираются, ему не доверяют». Подписавший эту политхарактеристику военком дивизии полковой комиссар Гревенцов тут же пишет, что «Коломиец как коммунист и как командир больших сомнений пока не

вызывает» (а «небольшие», значит, есть? – О. С.), но что касается его жены Алисы (в РККА с 1919 г., медсестра, член ВКП(б), но – немка(!)), то «по всем объективным признакам она вызывает сомнение, но данными пока никакими не располагаем»¹¹⁰.

При малейшем пятнышке на мундире того или иного подчиненного его начальники стремятся избавиться от такого сослуживца. Служил в Генштабе капитан П.А. Якубович. Рождения 1902 г., в РККА – с 1921 г. В этом же году 19-летним в партию вступил. Стал помощником начальника 1-го отделения 3-го отдела ГШ РККА. Но вот 27 апреля 1938 г. военком Генштаба бригадный комиссар И.В. Рогов настаивает на отчислении капитана Якубовича из Генерального штаба. Мотивы? Самые характерные, можно сказать, типичные для того времени: «Брат Якубовича, бывший преподаватель Военно-политической школы им. Энгельса арестован. – Якубовичу поставлено на вид за несвоевременную информацию парторганизации об исключении брата из членов ВКП(б)». Кроме того, военком ГШ посчитал криминалом и то обстоятельство, что в личной беседе Якубович сказал: «Мне бы хотелось, чтобы брата выпустили»¹¹¹. Оказывается, и желать этого нельзя – «органы не ошибаются!».

Командиры далеко не робкого десятка стали бояться проявления самых элементарных человеческих чувств. В декабре 1938 г. застрелился командующий кавгруппой КОВО комкор Е.И. Горячев. Многие пришли проститься еще с одним безвременно ушедшим из жизни героем былых времен. Приехал и его непосредственный начальник и боевой друг – командующий войсками округа командарм 2-го ранга С.К. Тимошенко. И даже особист доносит с удивлением, что Тимошенко категорически отказался встать в почетный караул. Очевидно, он просто боялся – не знал,

какую именно позицию займет Москва. Ведь – дело политическое!

Каждый смертельно боялся обвинения в каких-либо «бытовых» связях с «врагами народа». Начальник Управления связи РККА комкор Р.В. Лонгва был арестован 21 мая 1937 г. И вот 31 июля 1937 г. с явно выраженной целью самосохранения начальник 3-го отдела этого управления бригаинженер А.Н. Кокадаев спешит обратиться к наркому обороны: «После ареста Лонгвы жена его заехала к моей жене, меня не было дома, пробыла несколько минут и ушла – жена ее приняла недружелюбно. Жена Лонгвы сказала, что заходила узнать фамилию врача, т. к. у нее болен ребенок. Весь разговор их был сообщен женою, и я передал его секретарю парторганизации Управления связи РККА т. Новоспасскому, и кроме того, моя жена изложила этот разговор в письменном виде, что я также передал тов. Новоспасскому»¹¹².

Давно сказано: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Служил в САВО помощником командира полка по хозяйству интендант 2-го ранга Загрусский, поляк по национальности, родом из Западной Белоруссии, которая тогда считалась еще за границей. Уже одно это вызывало настороженное отношение к нему. А тут еще случилось так, что все его родственники и родственники жены оказались арестованными как враги народа. И вот в разговоре с начальником штаба полка Борисовым в октябре 1938 г. он не выдержал: «Хотя бы посадили и меня! Надоело так жить»¹¹³.

Видя творящееся рядом беззаконие, когда без каких-либо элементарных доказательств клеймят позорным штампом «враг народа» вчера еще считавшихся честными воинами Красной армии, многие оставшиеся «на воле» терялись, приходили в полное недоумение, чувствовали свою абсолютную

беспомощность перед слепой всесокрушающей машиной истребления. С июля 1936 г. начальником Военной академии механизации и моторизации РККА служил дивинженер И.А. Лебедев. До этого он шесть лет проработал начальником научно-технического отдела АБТУ. Считался знающим специалистом. Единственный из начальников всех военных академий РККА, избежавший ареста в 1937-1938 гг. Но вот что докладывает Ворошилову о нем военком академии дивизионный комиссар Антонов 16 апреля 1938 г.: «Я пришел к выводу, что Лебедева надо снимать по следующим причинам. После ареста Халепского Лебедев ходил как в воду опущенный. А после ареста Бокиса на нем лица не было, настолько растерялся, что ходил с видом: «скоро ли меня возьмут»? И до сих пор он страшно подавлен, в себя не может прийти... Сейчас он вышиблен вообще из равновесия, потерял работоспособность, за что ни возьмется, не клеится у него, ничего не доходит до конца... Я докладываю, что при сложившейся обстановке Лебедев *с политической и деловой стороны превратился в труп* (курсив мой. – О.С.). Надо его убрать»¹¹⁴. Резолюция наркома гласила: «Нужно наметить кандидата вместо Лебедева. Дать справки и все показания на Лебедева»¹¹⁵.

Даже самый краткий анализ воздействия террора на моральное состояние значительной части начсостава РККА подтверждает правоту слов такого наблюдательного очевидца всех этих процессов, как Г.К. Жуков. Уже после войны, вспоминая события 1937-1938 гг., он сказал К.М. Симонову: «Мало того, что армия, начиная с полков, была обезглавлена, она была еще разложена»¹¹⁶. Этот вывод подтверждается прежде всего тем, что значительная часть начсостава оказалась в плену страха. Он проявлялся прежде всего в страхе перед необоснованным арестом, а то и

расстрелом, страхе за судьбу своих близких. Но не только. Многих до боли волновало опасение и за то, что их не включают в круг избранных, которым всецело доверяют (своеобразный страх за свою анкету: вдруг дедушка или бабушка, не говоря уже об отце и матери, что-то когда-то сказали или сделали что-то не то, или родились «не в той» семье).

Опасались буквально всего. Летом 1940 г. в течение 15 дней был в командировке «на Бессарабском направлении» широко известный тогда военный историк генерал-майор В.А. Меликов. В своей докладной записке на имя заместителя наркома армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко он делится своими наблюдениями о настроениях высшего и старшего комсостава: «Нет твердой уверенности за свое положение и за то место, на которое он поставлен. «Все равно переведут на другую работу», так думают очень многие, отсюда малая заинтересованность, что крайне вредно для дела»¹¹⁷.

Под воздействием сложившейся в обществе и в армии атмосферы все более укоренялся страх многих командиров за принятие самостоятельного решения. Без умения и смелости командира действовать в соответствии с реально сложившейся обстановкой успех вообще невозможен. А в Красной армии накануне большой войны всякую самостоятельность командиров подрывали в корне не только существовавший до августа 1940 г. институт военных комиссаров, но и своеобразная самоцензура. Поступишь по-своему, не как велят сверху, да вдруг получится что-нибудь не так. Последствия могли быть смертельными для инициатора. Историки до сих пор удивляются: как это в середине XX века вермахту удалось осуществить внезапность нападения? Причин здесь много, но одна из существенных та, что по велению партийно-

государственной системы и по собственным выводам из трагедии начсостава РККА в 1937–1938 гг. подавляющее большинство командиров Красной армии действовало, увы, по принципу, четко изложенному еще Владимиром Маяковским:

Что заглядывать далече?
Циркуляр – сиди и жди.
Нам, мол, с вами думать неча,
Коли думают вожди.

Основательно отбили у командиров и всякую охоту адекватно оценивать и хоть сколь-либо критически рассматривать даже самые несоответствующие реальной обстановке распоряжения, если только они исходят «сверху». Конечно, и в эти последние предвоенные годы нет-нет да и появлялись командиры не стандартные, пытавшиеся мыслить самостоятельно, по-своему. Но их быстро приводили «к общему знаменателю». Влияние царящей вокруг среды вообще огромно. Питирим Сорокин еще в 1923 г. заметил по этому поводу: «Прирожденный Ньютон, родившийся и выросший в среде готтентотов, будет выдающимся готтентотом, но не будет мировым Ньютоном»¹¹⁸.

В многообразном процессе заметного снижения уровня политико-морального состояния начсостава РККА особенно губительным было резкое падение его служебного и прежде всего политического авторитета.

После ознакомления личного состава с приказами НКО № № 072 и 96 1937 г. о расстреле участников «военно-фашистского заговора» во главе с Тухачевским резко возросло недоверие красноармейской массы к комначсоставу вообще, к бывшим офицерам в особенности. Красноармеец 85-го артполка Васильев, например, заявил: «По-моему, всех бывших офицеров в

армии надо заменить. Они политически неустойчивые элементы, и фашисты всегда будут вести работу с расчетом их подкупить». Аналогичным образом рассуждали и некоторые политработники. Например, военком подлодки Кондаков (КБФ): «Надо просмотреть всех старших офицеров и вообще бывших, которые сейчас служат во флоте и работают нечестно, хотя и имеют ордена. Ведь как волка ни корми, он все в лес смотрит».

С другой стороны, в связи с тем, что покончивший 31 мая 1937 г. самоубийством начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Я.Б. Гамарник был посмертно объявлен врагом народа, среди части начсостава оживились и стали нарастать явно негативные настроения по отношению к политсоставу в целом. «Поскольку Гамарник возглавлял все в армии, – говорил старший лейтенант Сосулин (Каспийская флотилия), – надо взять под сомнение и директивы ПУРККА». А лейтенант Копьев прямо призывал: «Надо меньше верить политсоставу и больше слушать строевых командиров». Такая позиция командиров не могла не влиять и на красноармейцев и краснофлотцев, и те делали свои выводы. Беспартийный красноармеец Беляев (9-й артполк, ЗакВО) заявил: «Больше политзанятий я проходить не буду, – все, что на них говорят – неправда»¹¹⁹.

Информация об этих тревожных явлениях доходила и до высшего партийного руководства. На Всеармейском совещании политсостава в августе 1937 г. Сталин вдруг перебил выступавшего оратора – члена Военного совета СКВО корпусного комиссара А.П. Прокофьева. Начался диалог:

«*Сталин:* А как красноармейцы относятся к тому, что были командные (кадры. – *О. С.*), им доверяли, и вдруг их хлопнули, арестовали? Как они к этому относятся?

Прокофьев: Я докладывал, тов. Сталин, что в первый период у ряда красноармейцев были такие сомнения, причем они высказывали соображения, что такие люди, как Гамарник и Якир, которым партия доверяла на протяжении ряда лет большие посты, оказались предателями народа, предателями партии.

Сталин: Ну да, партия тут прозевала.

Прокофьев: Да, партия, мол, прозевала.

Сталин: Имеются ли тут факты потери авторитета партии, авторитета военного руководства? Скажет так: черт вас разберет, вы сегодня даете такого-то, потом арестовываете его. Бог вас разберет, кому верить?

Голос с места: Такие разговоры действительно были. И записки такие подавали»¹²⁰.

Такая явно колеблющаяся позиция «вождя» несколько удивила некоторых участников совещания, приученных к постоянным рапортам о победах. Один из очередных ораторов заявил: «Товарищ Сталин здесь ставил вопрос относительно того, не подорван ли авторитет партии, авторитет армии. Я должен сказать, что нет». Сталин бросил реплику: «Немного подорван»¹²¹.

Начальник политуправления Тихоокеанского флота дивизионный комиссар Я.В. Волков счел необходимым снова вернуться к этой проблеме: «...И у нас были такие же разговоры, которые характерны для некоторых округов, о том, что теперь верить некому. Можно верить Сталину, Кагановичу, Ворошилову и Калинин. И недоверие к командному составу было»¹²². И тут Сталин решил уточнить свою позицию: «Это неплохо, пускай подтягиваются, доверие завоевывают»¹²³.

Как же любили верховные партруководители из нужды делать добродетель! Ведь сами-то они прекрасно видели плоды действий рук своих. Ведь еще в июне 1937 г. когда только «вскрыли военный

заговор», Ворошилов в заметках для себя записал: «Авторитет армии в стране поколеблен... Подорван авторитет начсостава... Это означает, что методы нашей работы, вся система управления армией, работа моя, как наркома, потерпели сокрушительный крах»¹²⁴.

То, что понял нарком, но молчал об этом (это осталось в его блокноте), понимали и красноармейцы. Но, в отличие от наркома, они говорили об этом вслух.

Заместитель политрука Шарандин заявил 20 сентября 1938 г.: «Зачем нам знать состав Президиума Верховного Совета, когда там половина врагов народа». Ему буквально вторит красноармеец Белорусцев (7-я особая мотобронеполк): «Теперь, если заметишь или распознаешь врага, то заявить об этом некому, потому что чем выше начальник, тем скорее он является врагом народа. Возможно, Сталин и еще кто-нибудь не являются врагами народа, а вот вся головка армии: Тухачевский, Гамарник, Якир и другие остались врагами. Спрашивается, кому же верить и кому станешь докладывать. В органах НКВД был Ягода, тоже враг народа». Красноармеец С.Н. Францишко систематически выступал с обвинением газеты «Правда» во лжи. На возражения, что это же орган ЦК ВКП(б), он отвечал: «А откуда я знаю, может быть, и там вредители сидят». А на сообщения средств массовой информации об аресте врагов народа тот же неугомонный красноармеец реагировал буквально пророческими словами: «Еще не известно, кто вредитель, или тот, кого забирают, или тот, кто выявляет и арестовывает»¹²⁵. Но поскольку, как известно, «несть пророка в своем отечестве», на этого «не по чину» самостоятельно мыслящего красноармейца особистами была запрошена санкция на арест¹²⁶.

Но подобное стремление за все неприятности взваливать вину на врагов народа отмечалось и позднее. Осенью 1939 г. в связи с указом Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации запасников красноармейцев в/ч 4809 (ЛВО) Штылев бросил реплику: «Этот закон вредительский». На возражения присутствовавших Штылев сказал: «Враги народа – Тухачевский, Уборевич тоже подписывали разные приказы. Я этому указу не верю»¹²⁷.

Осенью 1940 г. секретарь редакции газеты «Правда» переслал в Наркомат обороны СССР два анонимных письма, полученных из Перемышля. В одном из них, адресованном «в Политбюро ЦК, тт. Сталину и Ворошилову», содержались следующие положения: «Мы, группа комсостава Красной армии, обращаемся к Вам с двумя очень важными вопросами, от которых, считаем, в большинстве зависит боеспособность Красной армии:

1) Об авторитете комсостава Красной армии в государстве —...Авторитета комсостава в государстве нет. Это, конечно, незаметно высшему комсоставу... У нас командира можно оскорбить, унижить, насмеяться над ним, а в некоторых случаях и обругать... Комсостав материально обеспечен плохо, культурно еще хуже. Семейной жизни у него нет и даже совестно вспомнить насчет формы... Средний комсостав занимается не тем, чем следует, поэтому мы очень бескультурны... Войсками управлять не можем, требовать не можем с подчиненных, вести себя в обществе не можем, самолюбия своего не имеем и умирать с честью не умеем. Это мы особенно обнаружили, когда столкнулись с офицерами других армий. Сколько мы офицеров ни видели, и бескультурней, неграмотней, невежливей нашего нет.

...2) Патриотизма комсостав не имеет, командиры не гордятся, что они командиры, как это гордится офицер... Большинство командиров недовольны своей судьбой, они проклинают свое положение... Большинство комсостава ожидают только войну. Войну ждут, как какое-то загадочное счастье...»¹²⁸.

В другом письме «в ЦК ВКП(б), т. Сталину» звучали те же мотивы: «Просим и требуем от Вас, чтобы Вы в государстве улучшили жизнь во всех отношениях комсостава, а также авторитет комсостава в государстве.... Красноармеец командира обругает, оскорбляет, бьет в лицо кулаком – на инспекторском смотре в 72 сд в 9 ап 20.10.40 г. красноармеец ударил лейтенанта в лицо кулаком за то, что тот начал его будить и хотел заставить оборудовать наблюдательный пункт»¹²⁹.

В ходе и под влиянием процесса массового истребления военных кадров происходило снижение нравственного уровня значительной части личного состава РККА. Кстати, проблема нравственного облика командиров и бойцов Красной армии на различных исторических этапах ее существования еще не стала объектом научного исследования. Немногочисленные публикации носят в основном панегирический характер. В действительности же в нравственном опыте Красной армии было всякое – немало хорошего, но хватало и противоположного. Само отрицание общечеловеческой нравственности приводило к определенному моральному релятивизму, вплоть до революционного аморализма («ничто не грех»), а провозглашение интересов, блага пролетарской революции высшим принципом «новой» морали неизбежно доходило до фактического признания зловещего тезиса Никколо Макиавелли и Игнатия Лойолы «Цель оправдывает средства».

С первых дней прихода к государственной власти большевистское руководство абсолютно бесцеремонно относилось к соблюдению законов, в том числе и установленных им самим. Оно всегда считало, что ему все можно. Сохранилось свидетельство комиссара госбезопасности 2-го ранга Л.Г. Миронова, присутствовавшего при встрече группы членов Политбюро ЦК ВКП(б) с подследственными Каменевым и Зиновьевым летом 1936 г. Последние настаивали на каких-то гарантиях обещанного им сохранения жизни. Сталин назвал их за это обывателями: «Как будто мы не можем расстрелять их без всякого суда, если сочтем нужным»¹³⁰. Вот таков менталитет «великого гуманиста»! На примере массовых расстрелов в 1937–1938 гг. многие сотни тысяч воинов РККА убедились, что да, действительно, с каждым из них начальство может поступить как только ему захочется.

В грохоте непрерывной пропагандистской трескотни многие люди не могли не слышать звуков, заявлений фарисейских. Тогда «ложь подменила воздух» (Борис Чичибабин). Со всех перекрестков бесконечно повторяли слова Сталина о том, что с кадрами надо обращаться бережно, пестовать их, как садовник выращивает любимое дерево. А на встрече с выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. Сталин похвалялся тем, что в Советском Союзе прямо-таки лелеют Красную армию и ее кадры. И многие, особенно молодые, искренне верили этому «госвранию». А что думали те, которые хоть что-то знали о многих тысячах военных, безвинно брошенных в казематы, а то и расстрелянных и зарытых неизвестно где? «Не скажет ни камень, ни крест, где легли...»

Как-то сморщилось, я бы сказал – скукожилось самое понятие о чести и достоинстве воина РККА, особенно ее командира. На деле подтвердилась

правота слов одного из героев алдановского «Бегства»: «Честь и совесть вытравляются без особого труда, – лишь бы у вытравляющих была готовность идти решительно на все»¹³¹. А тогдашние высшие эшелоны власти были готовы абсолютно на все, лишь бы даже мысли о чести и достоинстве воина РККА задушить в самом зародыше. Чтобы вытравить даже память о некогда прославленных военачальниках, иногда уничтожали не только их самих, но и всех родных. Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского «именем Союза Советских Социалистических Республик» осудили и казнили в июне 1937 г., а в декабре приговорили к расстрелу его братьев – старшего, Николая, майора запаса, и младшего, Александра, военинженера 2-го ранга запаса. В октябре 1941 г. расстреляли вдову покойного маршала Нину Евгеньевну. Три младшие сестры и единственная дочь Светлана были брошены в лагеря; там же погибла и его престарелая мать. Как же невыразимо трудно было бороться за честь и достоинство лейтенанту и красноармейцу, если так поступали с маршалами?

Стало насаждаться и оказалось в чести угодничество, доходящее до холопства, нерассуждающая готовность к участию в устранении неудобных. Заместитель командующего войсками ЛВО пятидесятилетний беспартийный генерал-лейтенант артиллерии К.П. Пядышев говорил в июне 1941 г. (в узком кругу): «Теперь нетрудно стать комдивом, лови только шпионов да врагов народа, а больше ничего не надо...»¹³²

Как именно воздействовала атмосфера полного беззакония и повальных расстрелов на психику некоторых представителей высшего комсостава, можно судить по письму комкора Д.Г. Павлова Ворошилову. В 1938 г. вместе с Куликом, Савченко и Аллилуевым он

обратился к Сталину с настоятельным предложением прекратить репрессии относительно комсостава Красной армии, поскольку они могут совсем загубить армию. Эта четверка даже представила проект решения Политбюро ЦК ВКП(б) по этому вопросу. Но проект не был принят. И, очевидно, изверившись в возможности остановить беспредел в действиях особых отделов, он решил предложить наркому действовать такими же методами и на войне. 21 декабря 1939 г. он собственноручно пишет Ворошилову: «В отношении использования авиации осмеливаюсь сделать след. свои соображения:

1) Идет война, значит, надо к врагу быть беспощадным.

2) Надо потрести беспощадно всю Финляндию чтобы другим неповадно было. Я уверен что как кончим с Финляндией (независимо от применения средств и способов так про нее забудут и англичане и французы).

Выходя из этого считаю, что можно и должно подвергнуть полному разрушению все ж. д. узлы, гавани и административные центры управления страной. Разрушить военные заводы, посеять смертельный страх на дорогах днем и ночью. А для этого бросить всю авиацию страны (кроме Дальнего Востока) и дать ей полную нагрузку.

Я убежден, что если это будет сделано то мы уберем свою страну от будущей войны на более длительный срок и скорей кончим здесь»¹³³ (сохранены орфография и пунктуация подлинника. – О.С.). Вот до какого уровня готтентотства докатились далеко не худшие командиры.

Г.К. ЖУКОВ: «НАБЛЮДАЛОСЬ СТРАШНОЕ ПАДЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ»

Колоссальное, в конечном счете, решающее значение воинской дисциплины в жизни любой армии общеизвестно. Это прекрасно понимало высшее руководство РККА на протяжении всего ее существования. Так, в письме Главного военного совета РККА от 8 апреля 1938 г. говорилось: «Армия без твердой дисциплины существовать не может. От состояния дисциплины зависит боеспособность частей. Дисциплина во время войны закладывается сегодня»¹³⁴. Повторяя и конкретизируя эти требования, нарком обороны СССР в своем приказе № 113 (1938 г.) справедливо утверждал, что «твердая, железная дисциплина во всех без исключения частях нам нужна как воздух», подчеркивал, что «без твердой дисциплины немыслима победа над врагом малой кровью»¹³⁵ и в общем верно выступал против реально существовавших весьма опасных крайностей в насаждении дисциплины: как против панибратства, так и за полное искоренение «унтерпришибеевских методов в дисциплинарной практике»¹³⁶.

Положения эти совершенно правильные, намерения – самые благие. Но в действительности, в реальной жизни РККА, одним из самых пагубных последствий «чистки» 1937–1938 гг. явилось, по утверждению Г.К. Жукова, «страшное падение дисциплины»¹³⁷.

Многочисленные факты позволяют вполне уверенно утверждать, что разгул массового террора в РККА в значительной степени способствовал резкому усилению пьянства личного состава. Пили в армии и на флоте и

раньше. Высшие военные руководители пытались вести борьбу с этим традиционным злом самыми разнообразными методами. В 1934 г. начальник Политуправления РККА Я.Б. Гамарник лично принял нескольких командиров 16 сд, представленных за пьянство к увольнению из армии. После беседы с ними он, получив их честное слово бросить пить, поверил им и оставил их в армии. Позднее помощник Гамарника бригадный комиссар Н.А. Носов вспоминал, что на протяжении почти трех лет он более шести раз слышал рассказ Гамарника об этом факте, как образцовом примере индивидуальной работы с начсоставом¹³⁸.

Особое значение имело повышение требовательности к высшему комполитсоставу. Когда Гамарнику доложили, что за один месяц – ноябрь 1935 г. – в частях 3 ск (МВО) было отмечено около 60 случаев пьянства военнослужащих, сопровождавшихся дебошем, стрельбой и сопротивлением органам общественного порядка¹³⁹, он наложил следующую резолюцию: «Тт. Кулику и Говорухину, копия т. Векличеву^[81]. Когда Вы прекратите все эти возмутительные безобразия? Видимо, притерпелись Вы ко всему этому и не ведете с этим борьбы. Если Вы не примете мер полного прекращения этих безобразий, то придется принять меры по отношению к Вам. 19.XII.35 г. Гамарник»¹⁴⁰. С большим размахом пили на Тихоокеанском флоте. За 1936 г. здесь зафиксировано 3584 случая пьянства, 4166 человек задержанных (из них: 380 членов партии и 1308 комсомольцев)¹⁴¹.

По-человечески понятно, что начало массовых арестов и расстрелов лиц высшего начсостава, ожидание «своей смертной очереди» значительно способствовало усилению пьянства в армии. Не смогли (а может, и не старались?) преодолеть этого порока и отцы-командиры, порою даже самые высокие. В письме

Ворошилову от 10 сентября 1937 г. жена бывшего командующего войсками ХВО командарма 2-го ранга И.Н. Дубового – Н. Чередник-Дубовая писала, что командующий «много пил»¹⁴². Судя по всему, был рабом зеленого змия и командующий войсками БВО командарм 1-го ранга И.П. Белов. В личном письме Ворошилову он сам писал 12 сентября 1937 г.: «Когда Вы меня обвиняли в том, что я алкоголик, и потребовали от меня расписку воздержания на год, я Вам ее дал и обещание честно выполнил. Год прошел. Вы мне сказали: «Может быть, мы возобновим расписку». Я ответил – разрешите обождать... Вы сказали: «Ну хорошо». Я понял так, что Вы возвратили и в этом вопросе свое доверие. Время от времени, очень редко, при случае, я позволял себе выпить, как другие нормальные люди, но ни разу не думал, что обманываю Вас»¹⁴³.

Не обносили себя и некоторые видные по тем временам политработники. Вот выписка из стенограммы состоявшейся в Хабаровске 7 июля 1938 г. беседы Мехлиса с бывшим членом Военного совета ВВС ОКДВА бригадным комиссаром Жуковым:

«Мехлис: С кем у Вас были личные и служебные связи?»

Жуков: Есть бытовая связь с Кольцовым (член Военного совета АОН, а затем – ВВС РККА. – О.С.). Был я у него раза три на квартире, также он был у меня раза два, пили. Он очень много пьет, я также пью.

Мехлис: Вы крепко пьете и много?»

Жуков: Я крепко и много пил, но после того как я приехал с совещания политработников, я стал мало пить, можно сказать, перестал пить»¹⁴⁴.

Однако, несмотря на все предпринимаемые «по политлинии» меры, на протяжении всего 1938 г. пьянство оставалось подлинным бичом в РККА. В 32 кд

(САВО) капитан Апанасенко пьянствовал два дня подряд, напился до потери сознания, ругался матом по адресу комиссара, вынимал клинок и с криком «ура» бросался в пространство. В 31 сп 11 сд (ЛВО) пьянствовали все руководящие работники полка. Командир полка майор Иванов в августе 1938 г. беспросыпно пьянствовал в своем служебном кабинете в течение десяти дней. За вином он посылал красноармейцев и писарей штаба, а когда пропил все деньги, то занимал у подчиненных. Военком 3-го отдельного местного стрелкового батальона (КалВО) батальонный комиссар Степанов упился до того, что, следуя в поезде, выпрашивал на водку у пассажиров; напившись до невменяемого состояния, избил милиционера¹⁴⁵. Дело дошло до того, что начальник политотдела 43 сд (БОВО) Степыгин официально санкционировал капитану Обухову, как неисправимому пьянице, не являться на работу в течение двух-трех дней после получки¹⁴⁶. Только за пять месяцев 1938 г. (с 1 мая по 1 октября) в САВО было зарегистрировано 387 случаев пьянок, а за первые девять месяцев 1938 г. в УрВО – 945 пьянок, в БОВО зарегистрировано 1314 случаев пьянок, в которых участвовало 1669 человек¹⁴⁷.

Как же объясняли такое положение руководящие политработники? В чем они видели главные причины столь недопустимого для любой, а тем более социалистической, армии положения? А они объясняли «как их учили». В апреле 1938 г. Мехлис утверждал, что «на пьянки подбивает наших людей часто враг»¹⁴⁸, чтобы выводить руководителей из строя. А вот осенью 1938 г. начальник отдела руководящих политорганов (ОРПО) Политуправления РККА Ф.Ф. Кузнецов, приведя многие из вышеперечисленных фактов, заключает: «Наличие столь большого числа пьянок является результатом вражеской деятельности глубоко

законспирировавшихся врагов народа, которые подбивают на это командиров и политработников»¹⁴⁹. И далее он сетует на то, что на местах не усвоили важнейшее положение директивы Ворошилова № 22 с, в которой в качестве высшей формы вредительства определялось разложение людей¹⁵⁰.

А пьянство в РККА не только не убывало, но даже разрасталось. Дело дошло до того, что наркому обороны пришлось издать специальный приказ № 0219 от 28 декабря 1938 г. «О борьбе с пьянством в РККА», в котором закреплялось значительное ужесточение мер по борьбе с пьянством в армии. В связи с увеличением в отдельных войсковых частях РККА числа правонарушений, совершенных на почве пьянства, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР 7 февраля 1939 г. в соответствии с этим приказом наркома издал свой приказ № 06, в котором председателям военных трибуналов округов и отдельных армий предлагалось:

«1. Дела о преступлениях, совершенных на почве пьянства, рассматривать незамедлительно по окончании предварительного следствия, в соответствующих воинских частях, по месту службы обвиняемых, в открытых судебных заседаниях, с участием прокуроров или общественных обвинителей, и с привлечением на процессы красноармейцев и лиц начальствующего состава части.

2. При организации в частях судебных процессов по делам о преступлениях, совершенных на почве пьянства, договариваться с военными комиссарами и командованием о соответствующей подготовке процессов и о мобилизации внимания красноармейцев и начальствующего состава вокруг выносимых приговоров и

3. Итоги судебных процессов по делам о преступлениях, совершенных на почве пьянства, широко освещать на страницах низовой красноармейской печати (в стенгазете, многотиражках), а о приговорах по наиболее безобразным случаям пьянства помещать также заметки на страницах окружных газет»¹⁵¹.

Несмотря на однозначно выраженную непримиримость руководства НКО и военно-судебных органов к пьянству в армейских рядах, покончить с ним в предвоенные годы не удалось. Одна из причин – явно отрицательный, можно прямо сказать – дурной пример некоторых старших начальников. 18 июня 1939 г. командир в/с 1660 комдив В.М. Гонин настолько упился, что, шествуя по городскому саду Каменец-Подольска, стал приставать к прохожим. Затем еще «добавил», окончательно опьянел и, свалившись на землю, уснул сладким сном. Пришлось дежурному по штабу вызывать его жену и с ее помощью отвезти бесчувственное тело винолюбивого комдива домой¹⁵².

Мне не удалось выяснить, как именно на этот раз реагировали политотдел, парторганизация и высшее начальство. Но, судя по дальнейшим событиям, отнюдь не строго. Очевидно, решили, пьяный проспится. Ибо прошло всего несколько месяцев и комдив В.М. Гонин оказывается на советско-финском фронте в роли командира 34-го стрелкового корпуса. Здесь он в феврале 1940 г. проявил преступное бездействие при выполнении боевого приказа, продолжал пьянствовать и докатился до того, что в феврале 1940 г. был приговорен к расстрелу; приговор утвержден 5 марта 1940 г.¹⁵³.

«Отличился» и комкор В.И. Чуйков. Находясь в некотором подпитии, он решил проверить караульную службу и, дабы «приучить к порядку», отобрал оружие у

одного из караульных, у младшего командира. А тот, сознавая себя свободным гражданином СССР, обратился с официальной жалобой на незаконные действия «товарища комкора Чуйкова». Дело завертелось. Хмель с комкора быстро слетел. В архиве хранится собственноручное письмо Чуйкова на имя наркома обороны маршала Тимошенко с чистосердечным признанием своей вины и слезным клятвенным обещанием больше «в рот не брать» этой окаянной жидкости. Дело спустили на тормозах, а Чуйкова послали от греха подальше – в Китай, на должность военного атташе.

Глядя на таких отцов-командиров, старались не пропустить случая и командиры в меньших чинах, да и красноармейцы. За один месяц – май 1940 г. – в частях 189 сд (КОВО) было учтено 400 случаев пьянок и 50 дезертирств¹⁵⁴. 13 июня 1940 г. в составе эшелона 50 сд (БОВО) была отправлена команда красноармейцев и младших командиров 257 гап в составе 203 человек. По прибытии на ст. Брест 140 из них напились пьяными¹⁵⁵.

Конечно же, хотя пили много, но далеко не все. Более того, можно утверждать, что большинство командиров вели трезвый образ жизни. Но в обстановке массовых расстрелов, под гнетом постоянного страха быть стертым в лагерную пыль за собственные упущения, за неудачно сказанное слово или за проступки подчиненных, большинство командиров и начальников старались поддержать в войсках хоть какой-то порядок абсолютно любыми средствами. Нетерпимость, грубость, доходящая до хамства, в отношениях начальников с подчиненными стала распространяться все шире. Самая площадная матерщина стала считаться чуть ли не обязательной в казарме, на построениях, в поле, в учебном классе. Дело дошло до того, что сквернословие стало

проникать даже в военно-научную среду. Утверждают, что великий наш физик И.В. Курчатов, пытаясь бороться с этим явлением, увещевал некоторых любителей ненормативной лексики:

Одним матом
не расколешь атом!¹⁵⁶

В связи с многочисленными сигналами о грубости начальника политуправления Калининского военного округа бригадного комиссара Ф.А. Шаманина, по заданию Мехлиса было проведено специальное расследование. Оно полностью эти сигналы подтвердило. В докладной записке старшего инструктора Политуправления РККА батальонного комиссара Лопухова приводятся такие, типичные для этого начальника пуокра, формулы обращения к политработникам: «Скулу выломаю», «Я тебе скулу выворочу», «Я тебе хребет переломаю», «Мозги вправлю», «Работу с женами не ведете, а только хлопаете их по ляжкам» и т. п. Спрашивается, как человек с таким лексиконом мог оказаться на посту начальника политуправления военного округа через 22 года после революции? Очень просто. Во-первых, он из «наинизших низов». Родился в бедняцкой семье, в шестилетнем возрасте остался сиротой. Два года мальчик ходил по миру и собирал куски, с восьми лет работал в деревне пастухом, а с 12 батрачил сначала у местного кулака, а потом – у кузнеца. И так до 1921 г. Затем был принят в комсомол, ушел в армию, стал политработником¹⁵⁷. А когда в 1937–1938 гг. почти всех без исключения «образованных» подвыбили, пригодились и шаманины. И пошли они в гору. И прекрасно освоились, поняли, что начальству перечить ни в чем нельзя, а с подчиненными можно обращаться,

как с быдлом. А Шаманин и в войну не затерялся. Весной 1942 г. под началом Мехлиса уже дивизионным комиссаром операцию под Керчью проваливал. А все равно вроде непотопляемый был.

О сложившейся в некоторых частях атмосфере можно судить по следующему факту. В начале 1939 г. оканчивает училище и получает звание лейтенанта комсомолец Урман. Его направляют для дальнейшего прохождения службы в 126 сп 5 сд Уральского военного округа. Он прослужил здесь всего несколько месяцев и 23 июня 1939 г. застрелился. В оставленной записке он писал: «...хочу работать, но военный бюрократизм многих еще душит. Расследуйте «некоторых», либо они не умеют командовать, либо враги. *Ведь я после училища не жил, а переживал*»¹⁵⁸ (курсив мой. – О.С.). В ходе расследования по факту самоубийства выяснилось, что к молодому лейтенанту в полку отнеслись не только бездушно, но даже травили его¹⁵⁹. И вот – результат...

Приводимая ниже табл. 19 наглядно свидетельствует о непрерывном росте грубейших нарушений воинской дисциплины в Военно-воздушных силах РККА.

Таблица 19^[82].

<p style="text-align: center;"><i>Состояние аварийности в строевых частях РККА в 1936-1938 гг.</i></p>

Годы	Происшествия			Налет часов на одно происшествие	Убито человек
	Катастрофы	Аварии	Всего		
1936	43	237	280	1590	94
1937	62	336	398	1511	110
1938	148	423	571	933	273

Эти данные содержались в официальной справке-докладе, подписанной 11 мая 1939 г. начальником ВВС РККА командармом 2-го ранга А.Д. Локтионовым и начальником штаба ВВС комкором Ф.К. Арженухиным, и свидетельствовали о совершенно неудовлетворительном состоянии дел в авиации в целом. В отдельных же округах положение было еще более катастрофичным. По данным заместителя наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновского (донесение Ворошилову от 31 августа 1938 г.), в войсках Дальневосточного Краснознаменного фронта количество катастроф в 1938 г., по сравнению с 1937 г., возросло на 400 %. В октябре – декабре 1938 г. в авиационных катастрофах погибли командующий ВВС ОКДВА комдив Сорокин, Герои Советского Союза комбриги А.М. Бряндинский и В.П. Чкалов.

Не принес облегчения и 1939 год. Ужасные катастрофы следуют одна за другой. 4 мая 1939 г. самолет ТБ-3 во время учебного полета упал в реку, погибло 12 человек (ОрВО). 11 мая во время тренировочного полета в районе Рязани погибли Герои Советского Союза комбриг А.К. Серов и майор Полина Осипенко. 28 июля 1939 г. на Калининском полигоне взорвался в воздухе и упал самолет ДБ-3. Погиб весь экипаж самолета (4 человека) во главе с командующим АОН-1 Героем Советского Союза комдивом В.С. Хользуновым. Дело дошло до того, что косяком пошли

столкновения самолетов в воздухе (только в августе 1939-го: 9-го - в г. Фрунзе; 12-го - на Астафьевском аэродроме; 19-го - в БОВО, 29-го - в Калининской области)¹⁶⁰. В авиационной катастрофе погиб один из первых дважды Героев Советского Союза майор С.И. Грицевец.

Практика массовых репрессий по отношению к комначсоставу крайне губительно сказывалась на поведении уцелевших. Она, эта практика, толкала их на стремление поддержать воинскую дисциплину любыми способами, лишь бы начальство было довольно. Древний иезуитский принцип «Цель оправдывает средства» продолжал разлагающе действовать на сознание многих тысяч командиров и начальников. С далекого Дальнего Востока к «Армейскому комиссару Политуправления т. Мехлису» обращаются 6 марта 1939 г. с письмом красноармейцы Волков, Блинов, Огурчиков и др. (в/ч 6854, 1 ОКА). Прослужив пять месяцев в армии, эти красноармейцы нового призыва 1938 г. никак не могут уяснить «разницу взысканий» между Красной и белогвардейской армиями: «только красноармейцев запугивают тюрьмами и лишением свободы, если будешь говорить о недостатках...»¹⁶¹.

Суровая правда о состоянии воинской дисциплины высветилась в ходе советско-финляндской войны. Зачисленный в распоряжение Военного совета 8-й армии на должность командира стрелкового полка полковник Н.П. Раевский некоторое время в ожидании приказа находился в Петрозаводске и воочию наблюдал весьма далекие от уставных порядки в тылу действующей армии. Сердце участника Гражданской войны не выдержало и перед самым Новым годом, 31 декабря 1939 г. он обращается с докладной запиской прямо к наркому обороны. В этой записке полковник делится с наркомом своими наблюдениями и

переживаниями. Отмечая «чрезвычайно низкий» уровень воинской дисциплины военнослужащих в г. Петрозаводске, он писал: «По городу и в общественных местах можно видеть много пьяных красноармейцев и командиров. Распущенный, расхлестанный и неопрятный внешний вид. Никто, как видно, и не думает о взаимных приветствиях. Взаимоотношения между начальниками и подчиненными построены не на требованиях уставов, а во всем чувствуется панибратство и какая-то семейственность. Подчиненным не приказывают, а просят их и уговаривают об исполнении того или иного приказа»¹⁶².

Предлагая целый ряд конкретных мер для наведения надлежащего порядка, полковник Раевский делится своими впечатлениями о ставших ему известными поражениях некоторых частей и соединений РККА на фронте: «Я переживаю позор, когда узнал, что нашу доблестную Красную армию, вернее ее отдельные части и даже соединения, белофинские бандиты окружили и пытались еще окружить. Подумать-то только горсточка, козявка белофинских банд окружают (иногда даже с успехом) войска Красной армии и нашей же тактикой наносят значительные неприятности»¹⁶³. Надо полагать, Ворошилов понял, что в докладной записке выражались переживания и взгляды не только одного полковника, но весьма многих командиров и начальников. Во всяком случае, на этой докладной сохранилась помета наркома: «Дать личное дело т. Раевского. Снять несколько копий. 12/1.40 г.»¹⁶⁴.

В ходе военных действий командование не останавливалось перед самыми драконовскими мерами. За малейшее проявление критичности, недовольства – стрелять и стрелять! 7 марта 1940 г. главный военный

прокурор доносил в Политуправление РККА о том, что за последнюю декаду февраля 1940 г. в войсках, действовавших против Финляндии, имели место 23 случая «контрреволюционных выступлений» (22 красноармейца и 1 младший командир). Все они арестованы, из 15 уже рассмотренных 11 приговорены к высшей мере наказания. Вот три человеческих судьбы.

- Красноармеец 64 сд Басит Сандханов, 1917 г. р., узбек со средним образованием, высказывал «пораженческие взгляды»: «пока мы построим коммунизм, то половина нашего населения погибнет от нелепой войны... в случае боя... я лучше сдамся в плен». Военным трибуналом осужден к расстрелу.

- Красноармеец 158 ап Прокофий Тихонович Дубенков, беспартийный колхозник 1910 г. р. - вел «контрреволюционную агитацию» среди красноармейцев против мероприятий правительства в отношении Западной Украины и Западной Белоруссии, о положении рабочего класса и колхозного крестьянства и о печати, распространял «антисоветские» стихи об армии. 26 февраля военным трибуналом 14-й армии приговорен к расстрелу.

- Красноармеец 609 сп 139 сд Василий Иванович Сосин, беспартийный колхозник 1921 г. р., находясь в госпитале, проводил «контрреволюционную агитацию», восхваляя жизнь трудящихся «в белой Финляндии» и белофинскую армию, выступал против налоговой политики советского правительства, восхвалял налоговую политику белофинского правительства. 27 февраля военным трибуналом 8-й армии осужден к расстрелу¹⁶⁵.

Будучи бессильным обеспечить должный уровень дисциплины в армии, да и в стране, нормальными средствами, руководство партии и страны все больше склоняется к принятию экстраординарных

насильственных карательных мер. 16 июня 1940 г. комиссия ЦК ВКП(б) представляет проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за воинские преступления». В архиве сохранился экземпляр этого проекта с правкой Мехлиса. Там часто употреблялся термин «лишение свободы» (как меры наказания). Так вот, начальник Политуправления не поленился и везде заменил его более устрашающим термином: «тюремное заключение». И так 56 раз!¹⁶⁶

На обеспечение дисциплины любой ценой, «хотя бы путем применения репрессий», было нацелено и секретное постановление пленума ЦК ВКП(б) от 31 июля 1940 г. «О контроле над проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

В приказах НКО и НКЮ резко осуждались любые проявления «гнилого либерализма» в борьбе с нарушителями воинской дисциплины. Один из пунктов приказа наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова № 0193 от 31 августа 1940 г. гласил: «5. Предупредить работников военных трибуналов, что за либеральное отношение к дезорганизаторам воинской дисциплины и допущение волокиты с рассмотрением дел виновные будут подвергаться строгому взысканию»¹⁶⁷.

По-разному воспринимались и решительные меры нового наркома обороны маршала Тимошенко по укреплению дисциплины. Красноармеец Гармаш (163 ап ЗапОВО) говорил: «Дисциплина в армии вводится как при Петре I, устранение всяких недочетов путем репрессии, а наиболее опасные – физическим способом, без всякой воспитательной работы»¹⁶⁸. Ему вторил

курсант полковой школы 193 зенартполка 1-го корпуса ПВО (МВО) Грызлов: «К нам относятся как к скотине. На что наше Правительство рассчитывает в будущей войне?»¹⁶⁹

Это говорилось летом 1940 г. А осенью этого года, особенно в недавно созданных дисциплинарных батальонах, были зафиксированы прямо-таки чудовищные извращения дисциплинарной практики. Это не могло не вызывать чувства протеста со стороны красноармейской массы. По данным Главной военной прокуратуры, в Красной армии в течение 1940 г. имело место 123 случая угроз со стороны подчиненных своим начальникам^[83], из них 11 закончились покушением на избиение¹⁷⁰.

Наблюдалась и противоположная тенденция – своеобразная пассивность некоторых командиров и даже заигрывание с нарушителями, отчего разгильдяи, как правило, лишь еще больше наглели. Врид главного военного прокурора Красной армии П.Ф. Гаврилов в своем докладе от 28 октября 1940 г. привел такой факт. Красноармеец 195-го отдельного батальона связи (СибВО) Потылицин в течение апреля – июня 1940 г. не выполнил 11 приказаний командиров, совершил 6 самовольных отлучек. И все ему сходило с рук. Дело дошло до того, что Потылицина по утрам поднимали на занятия командир батальона и его заместитель. Младшие командиры от него отступились и никаких приказаний Потылицину уже и не отдавали, зная, что он все равно не будет их выполнять. И только в конце июня 1940 г. командование наконец-то решилось отдать Потылицина под суд¹⁷¹.

Дисциплину пытались поднять по-разному. Кое-где укоренилась явно неправильная «поощрительная» практика, когда поощрений раздавалось чересчур много. Например, за шесть месяцев 1940 г. в ЗабВО

было дано 206 858 поощрений (большая часть – за хозяйственные работы). Количество поощрений значительно превышало численный состав округа¹⁷².

При самом критичном подходе к деятельности ВКП(б) накануне войны, надо признать, что в целом под руководством ее Центрального комитета командиры, политработники, партийные и комсомольские организации систематически вели огромную напряженную, разнообразную и непрерывную работу по всемерному поддержанию и укреплению советской воинской дисциплины. И надо со всей определенностью отметить, что особенно с назначением маршала С.К. Тимошенко на пост наркома обороны СССР были осуществлены некоторые позитивные сдвиги в насаждении дисциплины. Но в то же время приходится констатировать, что несмотря на эту работу, даже на самом пороге войны воинская дисциплина в Красной армии далеко не соответствовала требованиям, предъявляемым к ней тогда современной войной (см. табл. 20).

Таблица 20^[84].

Количество дезертирств и самовольных отлучек в Красной армии (январь 1940 г. - март 1941 г.)

Период времени	Всего совершено		В среднем по армии совершалось за день	
	дезертирств	самовольных отлучек	дезертирств	самовольных отлучек
1-е полугодие 1940 г.	3543	57 321	19	315
2-е полугодие 1940 г.	3273	20 429	18	111

Период времени	Всего совершено		В среднем по армии совершалось за день	
	дезертирств	самовольных отлучек	дезертирств	самовольных отлучек
1-й квартал 1941 г	1022	4724	11	52
Всего за 15 пред-военных месяцев	7838	82 474		

Самым тяжелым последствием низкого уровня дисциплины в армии, проявлявшемся непосредственно, были значительные людские потери даже в мирное время. В результате чрезвычайных происшествий в 1940 г. выбыло из строя 10 048 человек (из них: убито – 2921 и ранено 7127 человек). За первый квартал 1941 г. выбыло из строя еще 3244 человека (убито – 954 и ранено 2290). Ежедневно Красная армия теряла убитыми и ранеными в 1940 г. 27-28 человек, а в первом квартале 1941 г. по 36 человек¹⁷³.

Заключение

В июле 1853 г. Карл Маркс полагал, что «человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитых», лишь после того, как великая социальная революция овладеет всеми достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами, подчинив их «общему контролю наиболее передовых народов»¹. С тех пор прошло почти полтора столетия, мировой социальной революции не произошло, и сейчас даже самые крайне левые теоретики к ней не призывают. Как было бы после победы «великой социальной революции» в мировом масштабе, мы сказать не можем.

Но вот что касается одного из первых этапов ее – Октябрьской революции 1917 г. и созданного, вследствие ее победы, советского государства, то на основе ставших теперь известными неопровержимых документов можно совершенно уверенно утверждать, что каждая капля нектара человеческого прогресса (который, разумеется, имел место и в советской истории) выпивалась непременно из черепа убитых «классовых врагов», «классово чуждых», в том числе и объявленных «врагами народа» многих тысяч командиров и бойцов РККА. Они были оклеветаны, унижены, опозорены, прокляты и тайно умерщвлены от имени партии, правительства и всего советского народа.

Прошло целых 60 лет с тех кровавых времен. (Увы! Кровь человеческая и ныне продолжает литься рекой.) И находятся люди, которые пытаются как-то реанимировать усиленно насаждавшиеся тогда

утверждения Сталина, Молотова, Ворошилова, Ежова, Берии, Вышинского и им подобных о том, что чистка армии имела оздоровительное значение, поскольку, мол, она помогла избавиться от гитлеровской «пятой колонны». Конечно, в армию проникали и иногда попадались и натуральные агенты иностранных разведок. Но в целом метод сталинской чистки для укрепления боеспособности армии, точно такой же, «как каннибализм – метод перехода на улучшенное питание»².

Большая война стояла у порога страны. Советские люди от мала до велика не покладая рук трудились над тем, чтобы укрепить свою родную армию, верили, что в ней они имеют надежную краснорубашечную защитницу. Армия оказалась полусмертельно больной – и физически, и нравственно. К этому выводу на склоне своих лет пришел и такой вдумчивый и наблюдательный современник, как К.М. Симонов: «Речь идет не только о потерях, связанных с ушедшими. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии, о силе нанесенного им духовного удара. Надо помнить, каких невероятных трудов стоило армии... начать находить в себе силы после этих страшных ударов. К началу войны этот процесс еще не закончился. Армия оказалась не только в самом трудном периоде незаконченного перевооружения, но и в не менее трудном периоде незаконченного восстановления моральных ценностей и дисциплины»³.

Этого никак не могли взять в толк мудрецы из Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с «мудрейшим из мудрейших». Но зато прекрасно понимали наши смертельные враги. Уже 23 ноября 1939 г. Гитлер, посетовав, что трудно заглянуть в будущее, все же сказал: «Фактом остается, что русские вооруженные силы в настоящее время имеют низкую боеспособность.

В ближайшие один или два года сохранится прежнее положение»⁴. Прошло почти полтора года, и начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Франц Гальдер на основе доклада немецкого военного атташе в Москве записал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 г.»⁵.

В печати уже неоднократно высказывалась мысль о том, что оценка Гитлером и вообще высшим руководством нацистской Германии происшедшего в Советском Союзе процесса истребления военных кадров и его губительных последствий имела большое значение для принятия фундаментального решения пойти войной на СССР. Маршал А.М. Василевский высказался даже таким образом, что «если бы не было 1937 года, то не было бы войны 1941 года»⁶.

Историк должен быть более осторожен в выводах. Ему по статусу не положено возвещать *urbi et orbi* о том, что было бы, если бы... Его долг рассказать современникам, что и как было. Это я и старался сделать в меру своих сил, памятуя о том, что неизмеримый ущерб делу защиты Отечества причинило не только само по себе уничтожение военных кадров в преддверии войны, но и преступное сокрытие правды об этом. Не могу без волнения повторять мудрые строки любимого поэта – Александра Твардовского:

И может быть, с того платили
В войне мы платою тройной,
Что утаили
Эти были
Про черный день перед войной.

В роковой день 22 июня 1941 г. абсолютно подавляющее большинство молодого поколения нашей страны было твердо уверено в быстром разгроме германского вермахта и скорой победе Красной армии. Так это поколение учили и воспитывали. Да ведь и были весомые основания для такой уверенности. Точных цифр мы тогда, конечно, не знали, но неколебимо считали, что у нас всего больше, чем у Германии. Не говоря уже о территории, численности населения, полезных ископаемых и т. п. Хватало вроде и военной техники. Теперь-то мы знаем, что если к 22 июня 1941 г. в выделенных для ведения войны против СССР вооруженных силах Германии и ее союзников насчитывалось 4397 танков и штурмовых орудий (не учитывая 142 сверхлегких танков и танкеток) и 4361 боевой самолет, то танковые войска Красной армии (вместе с учебными заведениями) имели в строю 18 700 исправных тяжелых, средних, легких и огнеметных танков, а в частях и соединениях ВВС Красной армии имелось 13 700 исправных боевых самолетов⁷. Кажется, вполне обоснованно предположить, что уж оборониться-то при таком соотношении сил в танках и самолетах можно было. А получилось беспрецедентное поражение Красной Армии летом и осенью 1941 г. Причин здесь, безусловно, много. Но я полагаю, что одна из главных причин позорных неудач Красной Армии состояла в недостаточно высоком профессионализме ее начсостава в целом, высшего комсостава в особенности. По числу генералов и полковников хватало, а вот качество большинства из них явно не соответствовало требованиям современной войны. Трагедия Красной Армии в 1941-1942 гг. во многом, а может быть и в основном, прямое следствие трагедии РККА в 1937-1938 гг.

В почитаемой всем христианским миром Библии от века веков записан и такой закон человеческого общежития: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...»⁸ Поскольку многое в нашей истории протекало не так, как у цивилизованных людей, и в данном случае никто из вольных или невольных сиятельных убийц безвинных воинов РККА фактически не был судим и даже не раскаялся. Пусть же мой скромный труд послужит одним из оснований для обвинительного заключения палачам Рабоче-крестьянской Красной армии перед судом истории.

И последнее. Под старость хорошо вспоминаются юные годы. Как будто вчера – июнь 1935 года. В одном из военных лагерей на Карельском перешейке я вместе со студенческим батальоном Университета принимаю Военную присягу; она тогда начиналась великими словами: «Я – сын трудового народа...» С тех пор я по многолетней военной службе встречался с многими сотнями командиров, по периодике и литературе знал о тысячах командиров. Разные они были, кто посильнее, кто послабее. Но каждому из них государством было дано право в необходимый момент посылать своих подчиненных на порой неизбежную смерть. В то же время каждый из них должен был быть готов в любую минуту и в этом показать подчиненным личный пример. Еще в 20-е годы один из видных тогда армейских политработников писал: «Военачальник Красной армии, не умеющий умирать за дело рабочего класса, парализует волю части»⁹. Как же величественно выглядит при подобном подходе фигура, образ командира.

По-разному можно подходить к оценке роли исторической науки. Поль Валери, например, как-то

заметил, что история – это наука о вещах, которые не повторяются. Но мудрец Гете считал, что «прошедшее еще предстоит». И как бы ни складывались судьбы нашей России, нашей армии, один из главных уроков минувших этапов их многострадальной истории звучит так: «Берегите командира!» Это было важно вчера, это нужно сегодня, это будет жизненно необходимо завтра. Россияне! Берегите командира Российской армии!

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

¹Нева. 1989. № 9. С. 126.

²Нева. 1990. № 12. С. 139.

³*Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А.* Измена Родине. М., 1995.

⁴Там же. С. 247.

⁵Там же. С. 14.

⁶Там же. С. 417-437.

⁷Там же. С. 3.

⁸*Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений, М., 1991. С. 10.

⁹*Медведев Р.А* К суду истории. Нью-Йорк, 1974.

¹⁰*Медведев Р.* О Сталине и сталинизме. М., 1990; Он же. Политические портреты: Очерки и статьи. Ставрополь, 1990; Он же. О личной ответственности Сталина за террор 1937-1938 годов // Вождь. Хозяин. Диктатор. М., 1990 и др.

¹¹*Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х книгах. 2-е изд. М., 1990.

¹²*Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 24.

¹³*Карлейль Т.* Французская революция: История. Пер. с англ. М., 1991. С. 537.

¹⁴Вопросы истории. 1990-1995 гг.

¹⁵*Волков О.В.* Погружение во тьму. М., 1989. С. 370.

¹⁶*Горбатов А.В.* Годы и войны. М., 1965 и 1989.

¹⁷*Иванов С.П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 252.

¹⁸Дубинский И.В. Особый счет. М., 1989; Григоренко Петро. Воспоминания // Звезда. 1990. № 1—12.

¹⁹См.: Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988. С. 275.

²⁰Цит. по: Подковиньский М. В окружении Гитлера. Документальная повесть. Пер. с польск. М., 1981. С. 10.

²¹Далин В.М. Из истории социальной мысли во Франции. М., 1984. С. 16.

²²См.: Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации (далее – АВКВС РФ). оп. 11. Д. 72. Л. 16.

²³Воен. – ист. журн. 1993. № 1. С. 59.

²⁴Там же. С. 58.

²⁵Там же. №№ 2, 3, 5.

²⁶Отечественные архивы. 1992. № 2.

²⁷Там же. № 3.

²⁸Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1040. Л. 25об.

²⁹Там же. Д. 1249. Л. 1.

³⁰Там же. Л. 8.

³¹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 12745. Л. 13.

³²Там же. Д. 1236. Л. 10. Подпись А.А. Чепцова заверена.

³³Там же. Д. 11614. Л. 7.

³⁴Там же. Л. 8, 9, 13, 16, 17. Автографы.

³⁵АВКВС РФ. Оп. 74. Д. 13.

³⁶Бакатин В.В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 149.

³⁷Неделя. 1984. № 26. С. 8.

³⁸АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 378. Л. 2.

³⁹Бакатин В.В. Избавление от КГБ. С. 33.

АТМОСФЕРА

¹XVII Всесоюзный съезд Коммунистической партии (б). 26января – 10февраля 1934 г. Стеногр. отчет. М.—Л., 1934. С 303, 680–681.

²Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 944. Л. 1.

³Там же. Оп. 114. Д. 609. Л. 1.

⁴Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 651. Л. 1—313.

⁵РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1006. Л. 23.

⁶Там же. Д. 954. Л. 11.

⁷Там же. Д. 990. Л. 17.

⁸Там же. Д. 998. Л. 22.

⁹Там же. Д. 988. Л. 81–82.

¹⁰Там же. Д. 992. Л. 77.

¹¹Там же. Д. 955. Л. 31.

¹²Там же. Д. 983. Л. 18.

¹³Там же. Д. 943. Л. 10.

¹⁴Там же. Д. 981. Л. 50.

¹⁵Там же. Д. 983. Л. 2.

¹⁶Там же. Д. 1002. Л. 18.

¹⁷Там же. Д. 993. Л. 74.

¹⁸Там же. Д. 990. Л. 39, 45.

¹⁹Там же. Л. 55.

²⁰Там же. Д. 992. Л. 8.

²¹Там же. Д. 986. Л. 16, 17.

²²Цит. по: *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, общество, НКВД. С. 30, 126.

²³Цит. по: *Лякутюр Ж., Мель Р.* Кремлевский маршал // Архивы раскрывают тайны... М., 1991. С. 161.

²⁴Цит. по: Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 76.

- ²⁵Там же. С. 77.
- ²⁶XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М.-Л., 1930. С. 325.
- ²⁷*Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. С. 142.
- ²⁸XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г.: Стеногр. отчет. С. 129, 259, 333.
- ²⁹РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 943. Л. 33.
- ³⁰Там же. Д. 955. Л. 42.
- ³¹Цит. по: *Ворошилов К.Е.* Статьи и речи. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. С. 642.
- ³²См.: Красная звезда. 1933. 5 нояб.
- ³³*Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. М., 1990. С. 160.
- ³⁴*Эренбург И.Г.* Собр. соч. Т. 9. М., 1967. С. 84, 85.
- ³⁵См.: Красная звезда. 1935. 24 окт., 28 нояб., 30 дек.; Красная звезда. 1936. 23 февр., 3 июля.
- ³⁶См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 126, 127.
- ³⁷*Барбюс Анри.* Сталин: Человек, через которого раскрывается новый мир. Пер. с фр. Сталинград. 1936. С. 130, 228, 230, 234.
- ³⁸Цит. по: Новое время. 1989. № 40. С. 46.
- ³⁹Красная звезда. 1935. 14нояб.
- ⁴⁰Цит. по: *Александрова М.* Исходя и замыкая круг // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 82.
- ⁴¹XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М.-Л., 1928. С. 1317–1319.
- ⁴²XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. С. 75.
- ⁴³Там же. С. 279.
- ⁴⁴*Дойчер И.* Троцкий в изгнании. Пер. с англ. М., 1991. С. 158.

⁴⁵Цит. по: Политическое образование. 1989. № 10. С. 14.

⁴⁶*Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 170.

⁴⁷РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 58.

⁴⁸Там же. Д. 983. Л. 14.

⁴⁹Вечерняя Москва. 1990. 2нояб.

⁵⁰*Горинов М.М., Дощенко Е. Н.* 30-е годы // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 178, 179.

⁵¹Цит. по: Московские новости. 1989. 5марта.

⁵²См.: Отечественная история. 1993. № 4. С. 215.

⁵³РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 955. Л. 12.

⁵⁴Там же. Л. 56.

⁵⁵*Жид А.* Возвращение из СССР. Пер. с фр. М., 1990. С. 80.

⁵⁶Там же. С. 137.

⁵⁷Там же.

⁵⁸*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 288.

⁵⁹Ленинский сборник XVIII. Б.м. 1931. С. 189.

⁶⁰IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 5 ноября – 3 декабря 1922 г.: Избранные доклады, речи и резолюции. М.; Пг., 1923. С. 76.

⁶¹См.: Огонек. 1988. № 26. С. 5.

⁶²XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. С. 38.

⁶³*Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 209.

⁶⁴РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 945. Л. 5.

⁶⁵АВКВС РФ. Оп. 67. Д. 1563. Л. 25.

⁶⁶Там же. Л. 26.

⁶⁷Цит. по: Советская культура. 1989. 14 янв.

⁶⁸См.: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 54, 55.

- ⁶⁹РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 962. Л. 57.
- ⁷⁰Там же. Л. 32.
- ⁷¹*Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 94.
- ⁷²АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 12779. Л. 23, 28.
- ⁷³Там же. Оп. 66. Д. 2753. Л. 1—22.
- ⁷⁴Там же. Оп. 64. Д. 5355. Л. 1-9, 13об, 22-27.
- ⁷⁵АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 16371. Л. 1-4, 17-19.
- ⁷⁶РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 964. Л. 51.
- ⁷⁷АВКВС РФ. Оп. 67. Д. 270. Л. 1-7, 11-12; Оп. 64. Д. 1663. Л. 1-2, 36-38. Д. 13130. Л. 2; Д. 5718. Л. 2-3, 11-12.
- ⁷⁸Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 9919. Л. 2.
- ⁷⁹Там же. Л. 2, 7—10.
- ⁸⁰Цит. по: Известия. 1993. 18авг.
- ⁸¹*Капица П.Л.* Письма о науке. 1930-1938 гг. М., 1989. С. 135.
- ⁸²АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 7367. Л. 14-22.
- ⁸³Цит. по: Вопросы истории. 1993. № 8. С. 19.
- ⁸⁴Знамя. 1993. № 4. С. 155.
- ⁸⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 323. Л. 85-91.
- ⁸⁶Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2370. Л. 83.
- ⁸⁷Там же. Оп. 29. Д. 10. Л. 214.
- ⁸⁸АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 8651. Л. 1-5.
- ⁸⁹Там же. Л. 52. Автограф.
- ⁹⁰Там же. Л. 41.
- ⁹¹АВКВС РФ. Оп. 67. Д. 1114. Л. 4об.
- ⁹²АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 2552. Л. 1—13.
- ⁹³РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 836. Л. 4, 5.
- ⁹⁴Военные архивы России. Вып. 1. С. 102.
- ⁹⁵Там же. С. 104.
- ⁹⁶Там же. С. 105.
- ⁹⁷Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 43.

⁹⁸Цит. по: Военные архивы России. Вып. 1. С. 106, 107.

⁹⁹Там же. С. 107.

¹⁰⁰РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 476. Л. 7.

¹⁰¹Там же. Л. 8, 9.

¹⁰²РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 178. Л. 66, 67, 147.

¹⁰³*Сувениров О.Ф.* РККА накануне... Очерки истории политического воспитания личного состава Красной Армии. 1929 г. – июнь 1941 г. М., 1993. С. 167.

¹⁰⁴РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 178. Л. 27, 142. Некоторое несовпадение при итоговом подсчете содержится в источнике.

¹⁰⁵Там же. Оп. 36. Д. 595. Л. 124–125.

¹⁰⁶Там же. Оп. 29. Д. 178. Л. 5.

¹⁰⁷Там же. Л. 4.

¹⁰⁸Там же. Д. 178. Л. 3.

¹⁰⁹Там же. Л. 44.

¹¹⁰Там же. Оп. 39. Д. 10. Л. 184.

¹¹¹Там же. Л. 183.

¹¹²Там же. Л. 184.

¹¹³Там же. Оп. 35. Д. 69. Л. 167.

¹¹⁴Там же. Оп. 39. Д. 10. Л. 40.

¹¹⁵Там же. Л. 134.

¹¹⁶Там же.

¹¹⁷Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 18892. Л. 1.

¹¹⁸Там же. Л. 7.

¹¹⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 29. Л. 292–294.

¹²⁰Там же. Л. 296.

¹²¹Там же. Л. 301.

¹²²Там же. Л. 317, 319.

¹²³Там же. Л. 291об.

¹²⁴Там же. Л. 289.

¹²⁵Там же. Д. 12. Л. 106.

- ¹²⁶Там же. Л. 105.
- ¹²⁷Там же. Л. 100.
- ¹²⁸АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 10(1937 г.). Л. 89–91.
- ¹²⁹Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24569. Л. 1–2.
- ¹³⁰РГВА. Ф. 9. Оп. 37. Д. 15. Л. 60.
- ¹³¹Цит. по: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. С. 259.
- ¹³²РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 29. Л. 5.
- ¹³³Там же. Д. 69. Л. 13.
- ¹³⁴*Мещеряков М. Т.* СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история. 1993. № 3. С. 85.
- ¹³⁵РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1820. Л. 64.
- ¹³⁶РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 91. Л. 179–180.
- ¹³⁷Там же. Л. 177. Автограф.
- ¹³⁸Там же. Оп. 30. Д. 87. Л. 447.
- ¹³⁹Там же. Оп. 41. Д. 6. Л. 106–108, 111.
- ¹⁴⁰РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 836. Л. 35.
- ¹⁴¹РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 319. Л. 63, 65.
- ¹⁴²РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1820. Л. 20, 31, 32.
- ¹⁴³Там же. Л. 51.
- ¹⁴⁴Там же. Л. 58.
- ¹⁴⁵Там же. Л. 86.
- ¹⁴⁶Там же. Л. 319.
- ¹⁴⁷Там же. Л. 448.
- ¹⁴⁸Там же. Л. 486.
- ¹⁴⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 319. Л. 83.
- ¹⁵⁰*Горбатов А.В.* Школа Якира // Командарм Якир: Воспоминания друзей и соратников. М., 1969. С. 176.

Часть вторая

АРЕСТ

¹Карлейль Т. Французская революция: История. С. 474.

²См. Соснора В. Николай // Нева. 1990. № 10. С. 64.

³Цит. по: Красная звезда. 1993. 20марта.

⁴Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 63.

⁵Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 208, 209.

⁶Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917–1921: Сборник документов. М., 1958. С. 346.

⁷Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 141, 142.

⁸Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦАФСБ РФ).

⁹XVI съезд ВКП(б). Стеногр отчет. С. 88.

¹⁰Цит. по: Советская культура. 1989. 14января.

¹¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 595. Л. 235.

¹²Цит. по: Белади Л., Краус Т. Сталин. Пер. с венг. М., 1989. С. 169, 170.

¹³АВКВС РФ. Оп. 12. Д. 3409. Л. 40об.

¹⁴РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 595. Л. 127–128.

¹⁵Цит. по: Независимая газета. 1992. 30июля.

¹⁶РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1339. Л. 192—192об.

¹⁷Цит. по: Сувениров О.Ф. РККА накануне... С. 180.

¹⁸Там же. С. 181.

¹⁹ЦАФСБ РФ.

²⁰Там же.

²¹Там же.

²²Там же. Типографский экземпляр.

²³Вернадский В.И. Дневник 1938года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 222, 233; № 3. С. 264.

²⁴РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1002. Л. 37.

²⁵Исторический архив. 1992. № 1. С. 125.

²⁶Там же. С. 126.

- ²⁷Там же.
- ²⁸Там же. С. 127.
- ²⁹РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 51.
- ³⁰*Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 191.
- ³¹Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 60.
- ³²Цит. по: Военные архивы России. Вып. 1. С. 44.
- ³³Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 58.
- ³⁴Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 19.
- ³⁵*Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М., 1991. С. 143.
- ³⁶Цит. по: *Парийский В., Жаворонков Г.* В немилость впавший... // Советская культура. 1989. 23февр.
- ³⁷*Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. С. 229, 230.
- ³⁸Цит. по: *Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А.* Измена родине. М., 1995. С. 385.
- ³⁹Правда. 1935. 21нояб.
- ⁴⁰Цит. по: Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 239.
- ⁴¹Цит. по: Красная звезда. 1936. 5январ.
- ⁴²Знамя. 1992. № 12. С. 146.
- ⁴³РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 10. Л. 218.
- ⁴⁴Там же. Л. 237.
- ⁴⁵РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1038. Л. 76.
- ⁴⁶Там же. Л. 198, 202. Автографы.
- ⁴⁷Там же. Д. 857. Л. 283.
- ⁴⁸Там же. Л. 279, 279об, 280, 281. Автограф.
- ⁴⁹Там же. Л. 279.
- ⁵⁰Там же. Л. 278об. Автограф.
- ⁵¹Там же. Л. 278.
- ⁵²РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 9. Л. 45.
- ⁵³Там же. Д. 13. Л. 61.
- ⁵⁴РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 14. Л. 127.
- ⁵⁵РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 836. Л. 3-4.

- ⁵⁶Там же. Л. 3.
- ⁵⁷Там же. Л. 23.
- ⁵⁸Там же. Л. 191-192.
- ⁵⁹Там же. Л. 192.
- ⁶⁰Там же. Д. 884. Л. 7.
- ⁶¹Там же. Л. 11, 12.
- ⁶²Там же. Л. 7. Автограф.
- ⁶³Цит. по: *Сувениров О.Ф.* Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 33.
- ⁶⁴Цит. по: *Муратов В., Городецкая (Лукина) Ю.* Командарм Лукин. М., 1990. С. 262.
- ⁶⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 405; Оп. 36. Д. 3001. Л. 105-108; Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1203. Л. 121. Автографы.
- ⁶⁶РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1023. Л. 46.
- ⁶⁷Там же. Д. 1085. Л. 3.
- ⁶⁸Там же. Д. 1024. Л. 53. Автограф.
- ⁶⁹Там же. Д. 974. Л. 1—261. Автографы.
- ⁷⁰Там же. Д. 1137. Л. 3, 5, 6. Автографы.
- ⁷¹Там же. Д. 974. Л. 58.
- ⁷²Там же. Автограф.
- ⁷³РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 318. Л. 13.
- ⁷⁴РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 974. Л. 199. Автограф.
- ⁷⁵Там же. Д. 1254. Л. 347.
- ⁷⁶Там же. Д. 1087. Л. 38. Автограф.
- ⁷⁷Красная звезда. 1936. 4мая.
- ⁷⁸Цит. по: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 135.
- ⁷⁹Там же. С. 325.
- ⁸⁰*Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. С. 259.
- ⁸¹Там же. С. 269.

⁸²Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала // Воен. - ист. журн. 1993. № 7. С. 49.

⁸³Воен. - ист. журн. 1964. № 8. С. 74.

⁸⁴РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 974. Л. 152.

⁸⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 340.

⁸⁶Там же. Д. 373. Л. 134.

⁸⁷РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1199. Л. 41.

⁸⁸АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 7939. Л. 1-5.

⁸⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2498. Л. 212.

⁹⁰Там же. Л. 186.

⁹¹РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1024. Л. 41, 42.

⁹²Сувениров О.Ф. РККА накануне... С. 204, 205.

⁹³РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 318. Л. 171.

⁹⁴Там же. Л. 11-12, 36.

⁹⁵Там же. Л. 110.

⁹⁶Там же. Д. 409. Л. 29.

⁹⁷РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1823. Л. 161.

⁹⁸РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 947. Л. 146-147. Данные - вместе с комнатным составом сухопутных частей Военно-Морского Флота.

⁹⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3311. Л. 13.

¹⁰⁰Там же.

¹⁰¹Там же. Оп. 39. Д. 69. Л. 77, 315.

¹⁰²Там же. Д. 48. Л. 183.

¹⁰³Там же. Л. 260; Д. 69. Л. 88-90.

¹⁰⁴Аллилуева С. Двадцать писем другу. М., 1990. С. 45.

¹⁰⁵РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 947. Л. 83.

¹⁰⁶РГВА. Ф. 9. Оп. 41. Д. 11. Л. 416-417.

¹⁰⁷Там же. Оп. 29. Д. 351. Л. 104.

¹⁰⁸РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1132. Л. 58.

¹⁰⁹Там же. Л. 112.

¹¹⁰Там же. Л. 128, 129, 130, 131.

- ¹¹¹Воен.-ист. журн. 1993. № 6. С. 75, 76.
- ¹¹²РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 351. Л. 205.
- ¹¹³Там же. Д. 410. Л. 501-502.
- ¹¹⁴Там же. Оп. 36. Д. 4233. Л. 75.
- ¹¹⁵Там же. Оп. 35. Д. 81. Л. 65.
- ¹¹⁶Там же. Оп. 29. Д. 360. Л. 528.
- ¹¹⁷Там же. Оп. 36. Д. 8261. Л. 910-911.
- ¹¹⁸Там же. Д. 2892. Л. 174.
- ¹¹⁹Цит. по: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. С. 268, 269.
- ¹²⁰РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1076а. Л. 1-2.
- ¹²¹Там же. Л. 1.
- ¹²²АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 3848. Л. 3.
- ¹²³Там же. Д. 28565. Л. 2.
- ¹²⁴Там же. Д. 26738. Л. 2.
- ¹²⁵Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14630. Л. 3.
- ¹²⁶АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 176. Л. 131.
- ¹²⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 2305. Л. 1-7.
- ¹²⁸АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 694-695.
- ¹²⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 8261. Л. 484.
- ¹³⁰*Заика Л., Бобринев В.* Заговор против законности // Коммунист Вооруженных сил. 1990. № 16. С. 76.
- ¹³¹РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 360. Л. 429, 430.
- ¹³²Там же. Оп. 36. Д. 2998. Л. 107.
- ¹³³Там же. Д. 3237. Л. 410.
- ¹³⁴Там же. Л. 309.
- ¹³⁵Там же. Оп. 30. Д. 86. Л. 45.
- ¹³⁶Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 383. Л. 92.
- ¹³⁷Там же. Оп. 36. Д. 2872. Л. 170.
- ¹³⁸См.: Отечественная история. 1994. № 1. С. 194.
- ¹³⁹Цит. по: Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 87.
- ¹⁴⁰РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 974. Л. 1, 20, 82.
- ¹⁴¹См.: Там же. Д. 857, 974, 975 и др.

- 142 АВКВС РФ. Оп. 92. Д. 602. Л. 5.
- 143 АВКВС РФ. 4н-0198/67. Л. 3. Оп. 55. Д. 28611. Л. 2.
- 144 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 27058. Л. 3.
- 145 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 9383. Л. 3.; Д. 12569. Л. 1—
- 28.
- 146 Там же. Д. 13435. Л. 1-5.
- 147 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 5117. Л. 1.
- 148 Там же. Оп. 54. Д. 1351. Л. 3.
- 149 Там же. Оп. 55. Д. 320. Л. 9.
- 150 АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 779. Л. 1-4.
- 151 Там же. Оп. 64. Д. 9430. Л. 1-2, 6.
- 152 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 975. Л. 208.
- 153 Там же. Л. 207. Автограф.
- 154 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14937. Л. 9.
- 155 Цит. по: РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 78. Л. 354.
- 156 Там же. Л. 355.
- 157 Там же. Оп. 29. Д. 318. Л. 173, 174.
- 158 Там же. Л. 64.
- 159 *Аллилуева С.* Только один год. Нью-Йорк, 1969. С.
- 334.
- 160 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 974. Л. 181. Резолюция – автограф.
- 161 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 13325. Л. 3.
- 162 Там же. Д. 14694. Л. 2.
- 163 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 12874. Л. 1-4.
- 164 Там же. Л. 19.
- 165 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1132. Л. 24.
- 166 Там же. Л. 29. Автограф.
- 167 Там же. Л. 22.
- 168 Там же. Д. 1203. Л. 146.
- 169 Там же. Л. 141. Автограф.
- 170 Там же. Д. 1132. Л. 1.
- 171 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 13457. Л. 2, 9, 9об.

- ¹⁷²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 974. Л. 143.
- ¹⁷³Там же. Д. 836. Л. 37.
- ¹⁷⁴Там же. Д. 1040. Л. 76, 76об.
- ¹⁷⁵Там же. Л. 181об.
- ¹⁷⁶Там же. Л. 182.
- ¹⁷⁷Там же. Д. 975. Л. 233-234.
- ¹⁷⁸Там же. Л. 233. Автограф.
- ¹⁷⁹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 27913. Л. 2.
- ¹⁸⁰Там же. Д. 16481. Л. 2-3.
- ¹⁸¹Там же. Д. 18423. Л. 2.
- ¹⁸²Там же. Д. 13262. Л. 2.
- ¹⁸³Там же. Д. 2072. Л. 1-8.
- ¹⁸⁴АВКВС РФ. Оп. 48. Д. 11728. Л. 3.
- ¹⁸⁵Цит. по: *Сувениров О.Ф.* Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 34.
- ¹⁸⁶См.: *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 392.
- ¹⁸⁷*Капустин М.* К феноменологии власти // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 381.
- ¹⁸⁸См.: *Скрынников Р.* Борис Годунов. М., 1978. С. 14.
- ¹⁸⁹См.: *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга II. Вып. 4 и 5. СПб., 1874. С. 112, 113, 122.
- ¹⁹⁰См.: Свободная мысль. 1992. № 13. С. 61.
- ¹⁹¹См.: *Бакатин В.* Избавление от КГБ. С. 27.
- ¹⁹²См.: Вопросы истории. 1992. №№ 11-12. С. 12.
- ¹⁹³См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 186, 189.
- ¹⁹⁴Сообщение Б. Старкова см.: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 343.
- ¹⁹⁵XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М.—Л.; 1926. С. 600-601.
- ¹⁹⁶*Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. С. 240.

- ¹⁹⁷XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. С. 493.
- ¹⁹⁸РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 979. Л. 8.
- ¹⁹⁹Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 54.
- ²⁰⁰ЦАФСБ РФ. Типографский экземпляр.
- ²⁰¹Правда. 1937. 21дек.
- ²⁰²Цит. по: Реабилитирован посмертно. Вып. 1 и 2. 2-е изд. М., 1989. С. 412.
- ²⁰³См.: *Каверин В.* Эпилог // Нева. 1989. № 8. С. 52.
- ²⁰⁴Правда. 1937. 27февр.
- ²⁰⁵*Белادي Л., Краус Т.* Сталин. С. 130.
- ²⁰⁶См.: *Карпов В.* Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. Литературная мозаика // Знамя. 1989. № 10. С. 39.
- ²⁰⁷РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 12. Л. 116.
- ²⁰⁸Там же.
- ²⁰⁹Там же. Л. 114.
- ²¹⁰РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 858. Л. 1.
- ²¹¹Там же. Л. 3.
- ²¹²Там же. Л. 2об.
- ²¹³Там же. Л. 9.
- ²¹⁴Там же. Д. 1038. Л. 188-189.
- ²¹⁵Там же. Л. 187.
- ²¹⁶Там же. Л. 189.
- ²¹⁷Там же. Л. 169. Автограф.
- ²¹⁸Там же. Л. 158. Автограф.
- ²¹⁹Там же. Л. 229.
- ²²⁰Там же. Л. 226.
- ²²¹Там же. Л. 227.
- ²²²Там же. Л. 280.
- ²²³Там же. Л. 285.
- ²²⁴Там же. Л. 288.
- ²²⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 217. Л. 191.

- 226РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1085. Л. 116об.
- 227РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 319. Л. 107.
- 228Там же.
- 229Цит. по: *Сувениров О. Ф.* РККА накануне... С. 234.
- 230РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 354. Л. 265.
- 231РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1034. Л. 79-84.
- 232РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 372. Л. 39.
- 233Там же. Л. 40.
- 234Там же. Оп. 36. Д. 2861. Л. 411.
- 235Там же. Оп. 30. Д. 99. Л. 159-160.
- 236Там же. Оп. 36. Д. 2862. Л. 37.
- 237Там же. Оп. 29. Д. 373, 405. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1085.
- 238Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 373. Л. 182.
- 239РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1085. Л. 195.
- 240Цит. по: *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х книгах. Кн. 1. Изд. 2-е. М., 1990. С. 544.
- 241РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 405. Л. 467.
- 242Там же. Л. 29.
- 243Там же. Л. 7.
- 244Там же. Д. 354. Л. 67. Автограф.
- 245Цит. по: Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 74.
- 246Там же.
- 247Там же. С. 69.
- 248Цит. по: *Прибытков В.* Аппарат. СПб., 1995. С. 115.
- 249РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 350. Л. 109.
- 250Там же. Л. 109, ПО.
- 251Там же. Л. 119.
- 252Там же. Оп. 36. Д. 2897. Л. 128.
- 253РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1043. Л. 260.
- 254РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2895. Л. 340. Автограф.

- ²⁵⁵Там же. Л. 340об. Автограф.
- ²⁵⁶Там же. Д. 3447. Л. 129. Подписана 2марта 1939 г.
- ²⁵⁷Там же. Оп. 29. Д. 385. Л. 140, 141.
- ²⁵⁸Там же. Л. 110.
- ²⁵⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2892. Л. 1-2.
- ²⁶⁰Там же. Д. 2897. Л. 140.
- ²⁶¹Там же. Оп. 29. Д. 348. Л. 151.
- ²⁶²РГВА. Оп. 36. Д. 2899. Л. 4. Автограф.
- ²⁶³Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1188. Л. 209.
- ²⁶⁴Там же. Ф. 9. Оп. 39. Д. 79. Л. 4.
- ²⁶⁵*Конквест Роберт*. Большой террор // Нева. 1990. № 5. С. 155.
- ²⁶⁶См.: *Пальчиков П.А.* История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 124.
- ²⁶⁷Московские новости. 1991. № 36. С. 6.
- ²⁶⁸Там же. С. 14.
- ²⁶⁹Независимая газета. 1992. Запр.
- ²⁷⁰*Медведев Р.А.* Политические портреты. С. 28.
- ²⁷¹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 7255. Л. 1-7.
- ²⁷²*Мерцалов А.Н., Мерцалов Л.А. Г.К. Жуков: новое прочтение или старый миф.* М., 1994. С. 48.
- ²⁷³См.: История гражданской войны в СССР. 2-е изд. Т. 2. М., 1947. С. 441, 445, 446.
- ²⁷⁴*Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 2-е изд. Т. 1. М., 1974. С. 46.
- ²⁷⁵См.: История гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1936. Карта между страницами 336и 337.
- ²⁷⁶Цит. по: *Вернадский В.И.* Дневник 1938года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 229. Запись от 25января 1938 г.
- ²⁷⁷Иностранная литература. 1990. № 11. С. 243.
- ²⁷⁸Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.
- ²⁷⁹Вождь. Хозяин. Диктатор. М., 1990. С. 51.

²⁸⁰*Викторов В.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. С. 204.

²⁸¹*Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 228.

²⁸²См.: *Сувениров О.Ф.* РККА накануне... С. 189, 190.

²⁸³РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 31. Л. 10. Автограф.

²⁸⁴Там же. Оп. 36. Д. 3317. Л. 23.

²⁸⁵РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1000. Л. 18.

²⁸⁶РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 394. Л. 107.

²⁸⁷Там же. Л. 5а. Автографы.

²⁸⁸Там же. Л. 7.

²⁸⁹Там же. Л. 15.

²⁹⁰Там же. Л. 16.

²⁹¹Там же. Л. 105.

²⁹²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1085. Л. 10.

²⁹³РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 48. Л. 191.

²⁹⁴РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1043. Л. 138.

²⁹⁵Там же. Л. 232.

²⁹⁶РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 28. Л. 75–76, 81.

²⁹⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 19619. Л. 4.

²⁹⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2897. Л. 317.

²⁹⁹*Григоренко Петро.* Воспоминания // Звезда. 1990. № 4. С. 192.

³⁰⁰Там же. Л. 193.

³⁰¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3001. Л. 67а.

³⁰²Там же. Д. 4233. Л. 50.

³⁰³*Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Изд. 11-е, доп. по рукописи авт. Т. 1. М., 1992. С. 234, 235.

³⁰⁴Подробнее об этом см.: *Сувениров О.Ф.* Против репрессий в Красной Армии (1937–1940 гг.) // Коммунист. 1990. № 17. Он же. За честь и достоинство воинов РККА // Они не молчали. М., 1991. С. 372–387.

³⁰⁵АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10813. Л. 4.

- 306 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 8736. Л. 1.
- 307 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 5125. Л. 12. Автограф.
- 308 Там же. Л. 12 об. Автограф.
- 309 Там же. Д. 9589. Л. 2.
- 310 Там же. Д. 3612. Л. 3.
- 311 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 2536. Л. 4.
- 312 Там же. Д. 2665. Л. 2.
- 313 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 15559. Л. 2.
- 314 Там же. Д. 24531. Л. 1, 7.
- 315 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 2504. Л. 9.
- 316 Там же. Д. 2620. Л. 2.
- 317 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 438. Л. 222-222 об.
- 318 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1038. Л. 267.
- 319 РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3307. Л. 238.
- 320 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 16482. Л. 1-6.
- 321 Там же. Д. 671. Л. 1-6.
- 322 Там же. Д. 25713. Л. 3, 4.
- 323 Там же. Д. 26484. Л. 1.
- 324 Там же. Д. 24528. Л. 6.
- 325 Там же. Д. 25637. Л. 13.
- 326 Там же. Д. 6804. Л. 2.
- 327 Там же. Д. 26060. Л. 2.
- 328 Там же. Д. 27809. Л. 1.
- 329 Там же. Д. 1499. Л. 1.
- 330 Там же. Д. 4585. Л. 1.
- 331 Там же. Д. 23068. Л. 4 об., 8.
- 332 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 3641. Л. 8, 9.
- 333 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 1250. Л. 3.
- 334 Там же. Д. 24530. Л. 3.
- 335 Более подробно см.: *Сувениров О.Ф.* Репрессии в парторганизации РККА в 1937-1941 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 6.

³³⁶Конквест Р. Большой террор // Нева. 1990. № 6. С. 158.

³³⁷Росляков М. Убийство Кирова. М., 1991. С. 62.

³³⁸РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 989. Л. 64.

³³⁹Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 146.

³⁴⁰РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 834. Л. 50, 50 об, 51.

³⁴¹РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1125. Л. 9.

³⁴²РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 383. Л. 32.

³⁴³Там же. Л. 116. Автограф.

³⁴⁴Там же. Оп. 36. Д. 4007. Л. 104.

³⁴⁵Там же. Оп. 29. Д. 293. Л. 109-111.

³⁴⁶Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 129.

³⁴⁷Цит. по: *Заика Л., Бобринев В.* Заговор против законности // Коммунист вооруженных сил. 1990. № 14. С. 65.

³⁴⁸Там же. № 15. С. 72.

³⁴⁹Там же. С. 75.

³⁵⁰Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 218.

³⁵¹Там же. С. 50.

³⁵²РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3432. Л. 171-172.

³⁵³Там же. Оп. 29. Д. 360. Л. 423, 424.

³⁵⁴Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 30, 32.

³⁵⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3757. Л. 434-435.

³⁵⁶РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1203. Л. 54, 57.

³⁵⁷РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 83. Л. 198.

³⁵⁸Там же. Оп. 36. Д. 3432. Л. 213.

³⁵⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 438. Л. 409; Оп. 36. Д. 3432. Л. 167.

³⁶⁰Там же. Оп. 29. Д. 438. Л. 421.

³⁶¹Там же. Оп. 36. Д. 3432. Л. 165.

³⁶²Там же. Л. 197.

³⁶³РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1199. Л. 122. Резолюция-автограф.

- ³⁶⁴Никулин Л. Маршал Тухачевский. М., 1964. С. 190.
- ³⁶⁵АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 25526. Л. 505. Автограф.
- ³⁶⁶АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 10333. Л. 8. Автограф.
- ³⁶⁷Там же. Д. 8313. Л. 9. По письменному свидетельству его вдовы.
- ³⁶⁸Горбатов А.В. Годы и войны. М., 1989. С. 120.
- ³⁶⁹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 22094. Л. 7, 7об. Из заявления вдовы Гладышева. Автограф.
- ³⁷⁰Там же. Д. 16673. Л. 1, 5, 14.
- ³⁷¹Там же. Д. 21776. Л. 8.
- ³⁷²Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 232.
- ³⁷³Конквест Р. Большой террор // Нева. 1990. № 3. С. 126.
- ³⁷⁴Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 89.
- ³⁷⁵АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 1339. Л. 2. Записка не сохранилась.
- ³⁷⁶Там же. Л. 4.
- ³⁷⁷Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. С. 228.
- ³⁷⁸АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 615. Л. 6, 6об.
- ³⁷⁹Цит. по: Конквест Р. Большой террор // Нева. 1990. № 3. С. 131.
- ³⁸⁰РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 947. Л. 91.
- ³⁸¹Только за период с 01.01.37 по 01.11.37 из РККА были уволены 3788 капитанов (и им соответствующих) и 10844 лейтенантов и ст. лейтенантов (и им соответствующих) (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 947. Л. 18).
- ³⁸²Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 188.
- ³⁸³Воздушная мощь Родины. Под ред. Л.Л. Батехина. М., 1988. С. 148.
- ³⁸⁴Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 189.
- ³⁸⁵Конквест Р. Большой террор // Нева. 1990. № 3. С. 132.

³⁸⁶Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 188.

³⁸⁷Сувениров О.Ф. РККА накануне... С. 204–205.

Часть третья

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

¹Цит. по: *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах февральской и Октябрьской революции. М., 1931. С. 191, 192.

²Известия ВЦИК. 1919. 8февр.

³Цит. по: *Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В.* Послушная история или новый публицистический рай // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 12, 13.

⁴*Крыленко Н.В.* Судостроительство РСФСР: Лекции по теории и истории судостроительства. М., 1923. С. 97.

⁵Цит. по: *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 161.

⁶Правда. 1930. 20дек.

⁷Цит. по: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 345. Очевидно, здесь допущена фактическая неточность: к осени 1934 г. название ОПТУ уже не существовало (в июле 1934 г. оно реорганизовано в ГУГБ НКВД СССР).

⁸Там же.

⁹См.: *Чуковский К.* Из дневника 1955–1969// Знамя. 1992. № 12. С. 187.

¹⁰См.: *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. II. М., 1937. С. 191.

¹¹См.: *Медведев Р.* Политические портреты. С. 88.

¹²Бюллетень оппозиции. 1936. № 52, 53. С. 47.

¹³Там же. 1937. № 58, 59. С. 17.

¹⁴Цит. по: *Вождь. Хозяин. Диктатор.* М., 1990. С. 295.

- ¹⁵Там же. С. 276.
- ¹⁶РГВА. Ф. 9. Оп. 41. Д. 15. Л. 378.
- ¹⁷Там же. Л. 377.
- ¹⁸Там же. Л. 208.
- ¹⁹Там же. Оп. 39. Д. 54. Л. 98.
- ²⁰Там же. Д. 79. Л. 57-59.
- ²¹Там же. Л. 81.
- ²²Там же. Д. 85. Л. 88.
- ²³РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2030. Л. 210.
- ²⁴РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 405. Л. 388.
- ²⁵РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1094. Л. 141.
- ²⁶Там же. Л. 136.
- ²⁷РГВА. Ф. 9. Оп. 41. Д. 12. Л. 290.
- ²⁸Там же. Оп. 39. Д. 100. Л. 417.
- ²⁹Там же. Д. 95. Л. 78.
- ³⁰Там же. Л. 374.
- ³¹Там же. Д. 96. Л. 180.
- ³²Там же. Д. 98. Л. 72.
- ³³АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 28506. Л. 16. Подпись Горянкova - автограф.
- ³⁴*Портнов В.П., Славин М.М.* Правовые основы строительства Красной Армии. 1918-1920 гг. М., 1985. С. 162.
- ³⁵Обзор деятельности ВЧК за 4 года. М., 1922. С. 13.
- ³⁶*Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, советское общество и НКВД. С. 165.
- ³⁷РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 989. Л. 57.
- ³⁸Там же. Д. 992. Л. 97.
- ³⁹Там же. Д. 1003. Л. 3; Д. 993. Л. 76.
- ⁴⁰Там же. Д. 983. Л. 50.
- ⁴¹Там же. Д. 989. Л. 60.
- ⁴²РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 28. Л.И.

⁴³Подсчитано В.И. Ивкиным в его кандидатской диссертации «Вопросы военного строительства в деятельности Верховного Совета СССР в предвоенные годы (1937 г. – июнь 1941 г.)». М., ГАВС. 1993.

⁴⁴Цит. по: *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, советское общество и НКВД. С. 165, 166.

⁴⁵Правда. 1937. 21 дек.

⁴⁶АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 104. Л. 130-137; 152-159; 328-335.

⁴⁷Литературная газета. 1989. 24 мая.

⁴⁸РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 627. Л. 17.

⁴⁹Там же. Оп. 3. Д. 990. Л. 3.

⁵⁰См.: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 207.

⁵¹*Збарский И.Б.* «Жизнь» мумии и судьба человека: Из воспоминаний хранителя тела Ленина // Отечественная история. 1993. № 5. С. 160.

⁵²РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 540. Л. 129.

⁵³Цит. по: *Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 2. С. 136.

⁵⁴*Арендт Х.* Временный союз черни и элиты // Иностранная литература. 1990. № 4. С. 248.

⁵⁵См.: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 343.

⁵⁶Цит. по: *Огонек.* 1988. № 22. С. 7.

⁵⁷Знамя. 1993. № 3. С. 156.

⁵⁸См.: *Черникова Т.В.* Государево слово и дело во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5.

⁵⁹*Рапопорт В., Геллер Ю.* Измена родине. С. 291.

⁶⁰См.: *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и холодная война // Отечественная история. 1993. № 6. С. 76.

⁶¹Из личного архива автора. Письмо А.И. Русенчика от 23.9.1995 г.

- ⁶²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1193. Л. 131, 131об.
- ⁶³Там же. Л. 127.
- ⁶⁴*Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 6. С. 143.
- ⁶⁵Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 4910. Л. 2.
- ⁶⁶Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24343. Л. 3.
- ⁶⁷Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 11852. Л. 2.
- ⁶⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 66. Л. 9.
- ⁶⁹Там же. Л. 7.
- ⁷⁰Там же. Л. 20.
- ⁷¹Там же. Л. 48.
- ⁷²Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 11316. Л. 3-4.
- ⁷³Там же. Л. 4.
- ⁷⁴РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 62. Л. 78.
- ⁷⁵Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 280. Л. 121.
- ⁷⁶Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 2528. Л. 4.
- ⁷⁷РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 87. Л. 376.
- ⁷⁸АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 3156. Л. 5об.
- ⁷⁹*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 102.
- ⁸⁰АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10646. Л. 1-4.
- ⁸¹Там же. Д. 23249. Л. 1-7.
- ⁸²XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стеногр. отчет. Т. 1. М., 1961. С. 342.
- ⁸³АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10185. Л. 6.
- ⁸⁴Там же. Д. 16118. Л. 2.
- ⁸⁵Там же. Д. 20124. Л. 1, 13, 20.
- ⁸⁶Из приговора. Цит. по: Там же. Д. 26579. Л. 1.
- ⁸⁷АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 1940. Л. 4. Автограф.
- ⁸⁸Там же. Л. 1.
- ⁸⁹Там же. Д. 776. Л. 4.
- ⁹⁰Цит. по: Там же. Л. 1.
- ⁹¹РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 64. Л. 1, 4.

⁹²Цит. По: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24693. Л. 9.
Автограф.

⁹³Там же. Л. 1.

⁹⁴Там же. Д. 22574. Л. 1-8.

⁹⁵АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 4429. Л. 1-7.

⁹⁶*Дойчер И.* Троцкий в изгнании. С. 418.

⁹⁷Вопросы истории. 1994. № 6. С. 27.

⁹⁸Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 114.

⁹⁹Там же. С. 116.

¹⁰⁰*Кестлер А.* Слепящая тьма // Нева. 1988. № 8. С. 143.

¹⁰¹См.: АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 922. Л. 3.

¹⁰²АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 18415. Л. 2.

¹⁰³Там же. Д. 11129. Л. 2.

¹⁰⁴Цит. по: Там же. Д. 21370. Л. 2.

¹⁰⁵Цит. по: Там же. Д. 11848. Л. 2.

¹⁰⁶Там же. Д. 20650. Л. 3.

¹⁰⁷Цит. по: Там же. Д. 3013. Л. 2.

¹⁰⁸Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 48. Д. 11477. Л. 22.

¹⁰⁹См.: *Сувениров О.Ф.* Трагедии не избежал никто (судьба первых армейских комиссаров РККА) // Кентавр. 1992. № 11, 12. С. 56.

¹¹⁰АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14538. Л. 5.

¹¹¹Цит. по: *Сувениров О.Ф.* За честь и достоинство воинов РККА: Из истории сопротивления личного состава Красной Армии произволу органов НКВД в 1937-1941 гг. // Они не молчали. М., 1991. С. 383.

¹¹²Там же.

¹¹³АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 9684. Л. 2.

¹¹⁴Там же.

¹¹⁵РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1254. Л. 1-3.

¹¹⁶См.: Вопросы истории. 1994. № 8. С. 7—10.

¹¹⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10200. Л. 1-2.

- 118 Там же. Д. 10890. Л. 10.
- 119 Там же. Д. 4885. Л. 1-2.
- 120 Там же. Д. 22573. Л. 3.
- 121 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 4012. Л. 1-5.
- 122 РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 64. Л. 59.
- 123 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 12373. Л. 2.
- 124 Там же. Д. 2808. Л. 3.
- 125 Там же. Д. 10890. Л. 4, 12, 14.
- 126 Там же. Л. 10, 11.
- 127 Там же. Д. 5058. Л. 5.
- 128 Там же. Д. 4014. Л. 3, 5.
- 129 Там же. Д. 12042. Л. 4.
- 129^a АВКВС РФ. Оп. 92. Д. 318. Л. 1-6.
- 130 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 11242. Л. 8об.
- 131 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 2641. Л. 3.
- 132 Цит. по: Там же. Д. 10755. Л. 2.
- 133 АВКВС РФ. Оп. 92. Д. 323. Л. 6.
- 134 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 296. Л. 6.
- 135 Цит. по: Там же.
- 136 Там же. Л. 9.
- 137 Там же. Д. 14394. Л. 3.
- 138 Там же. Д. 27013. Л. 2.
- 139 Там же. Д. 1075. Л. 2.
- 140 Там же. Д. 16089. Л. 11об., 12. Автограф.
- 141 Там же. Д. 1289. Л. 1-2.
- 142 Там же. Д. 1794. Л. 6об.
- 143 Там же. Д. 7827. Л. 3.
- 144 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 22765. Л. 5об.
- 145 Там же. Оп. 66. Д. 378. Л. 3.
- 146 АВКВС РФ. Наряд № 8. Л. 340, 340об.
- 147 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 11614. Л. 1.
- 148 Там же. Л. 2.
- 149 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 3661. Л. 2.

- 150 АВКВС РФ. Оп. 48. Д. 11477. Л. 39.
- 151 Там же. Оп. 54. Д. 1351. Л. 2.
- 152 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 2828. Л. 7.
- 153 Там же. Д. 4997. Л. 1, 2.
- 154 АВКВС РФ. Д. 9833. Л. 3.
- 155 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 9918. Л. 2.
- 156 Там же. Д. 23077. Л. 2.
- 157 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14538. Л. 3.
- 158 Там же. Д. 14694. Л. 4.
- 159 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 20575. Л. 2.
- 160 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 5133. Л. 3.
- 161 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 21207. Л. 2.
- 162 Там же.
- 163 Там же. Л. 3.
- 164 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 9835. Л. 3.
- 165 Там же. Д. 4074. Л. 5об.
- 166 Там же. Д. 22738. Л. 3.
- 167 Там же. Д. 1813. Л. 3-4, 5об.
- 168 Там же. Д. 20650. Л. 3.
- 169 Там же. Д. 320. Л. 9.
- 170 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 11954. Л. 4.
- 171 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 1778. Л. 4.
- 172 Там же. Д. 6522. Л. 3.
- 173 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1255. Л. 31.
- 174 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 5056. Л. 2.
- 175 Там же. Д. 10191. Л. 2.
- 176 Там же. Д. 9009. Л. 4, 6, 6об.
- 177 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 16450. Л. 1-2.
- 178 Там же. Д. 4910. Л. 4об.
- 179 Там же. Д. 12742. Л. 4.
- 180 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 4459. Л. 4.
- 181 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 7525. Л. 2
- 182^a Там же. Д. 6847. Л. 4.

- 182 Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 87-88.
- 183 См.: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 296. Л. 17об.
- 184 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 11316. Л. 4.
- 185 Там же. Л. 5.
- 186 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24539. Л. 3.
- 187 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 718. Л. 5.
- 188 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 3383. Л. 4.
- 189 Там же. Д. 15826. Л. 4.
- 190 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14471. Л.11.
- 191 Там же.
- 192 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 27519. Л. 4.
- 193 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 12997. Л. 3.
- 194 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10890. Л. 30.
- 195 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 48. Д. 11324. Л. 10.
- 196 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 8456. Л. 2.
- 197 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 2825. Л. 2-3.
- 198 АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 615. Л. 3.
- 199 Там же. Л. 10, 30.
- 200 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 8736. Л. 2.
- 201 Там же. Д. 9151. Л. 2.
- 202 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 16841. Л. 2.
- 203 Там же. Л. 4об.
- 204 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 2381. Л. 5.
- 205 Там же. Л. 6.
- 206 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 9817. Л. 5.
- 207 Там же. Д. 9685. Л. 3.
- 208 Там же. Д. 11452. Л. 4.
- 209 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1194. Л. 56.
- 210 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 4770. Л. 3.
- 211 АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 1778. Л. 2, 4.
- 212 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 3168. Л. 2.
- 213 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 13177. Л. 5об.
- 214 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 280. Л. 14.

- 215 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 410. Л. 4.
- 216 Там же. Д. 410. Л. 4, 8.
- 217 Цит. по: Там же. Д. 25713. Л. 2.
- 218 Там же. Д. 27013. Л. 2.
- 219 Там же. Д. 2828. Л. 5.
- 220 Там же. Д. 3383. Л. 4.
- 221 Там же. Д. 7931. Л. 5.
- 222 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 12954. Л. 2.
- 223 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 998. Л. 34.
- 224 Военные архивы России. Вып. 1. С. 100-111.
- 225 Цит. по: Там же. С. 109.
- 226 РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 12. Л. 263.
- 227 Там же. Л. 264.
- 228 Там же. Л. 263. Автограф.
- 229 Там же. Д. 91. Л. 256-260.
- 230 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 1313. Л. 6.
- 231 Там же. Оп. 55. Д. 7297. Л. 3-4.
- 232 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 8378. Л. 2.
- 233 Там же. Л. 8.
- 234 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 2779. Л. 3.
- 235 Там же.
- 236 Там же.
- 237 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 3010. Л. 1-8.
- 238 Там же. Оп. 48. Д. 10223. Л. 6, 8-9.
- 239 Там же. Оп. 47. Д. 6022. Л. 1-5.
- 240 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 16481. Л. 4.
- 241 Там же. Л. 5.
- 242 Цит. по: Там же. Д. 16867. Л. 2.
- 243 Там же. Л. 4.
- 244 Там же. Д. 7255.
- 245 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 150. Л. 94. Типографский экземпляр.
- 246 Расправа: прокурорские судьбы. С. 269

- ²⁴⁷РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 429. Л. 264.
- ²⁴⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 78. Л. 198.
- ²⁴⁹Там же. Л. 201.
- ²⁵⁰Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 1236. Л. 7.
- ²⁵¹Цит. по: Там же. Л. 6.
- ²⁵²См.: *Сувениров О.Ф.* Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 31.
- ²⁵³*Соловьев В., Клепикова Е.* Заговорщики в Кремле: От Андропова до Горбачева. М., 1991. С. 226.
- ²⁵⁴АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 59а. Л. 115. Автограф.
- ²⁵⁵Там же. Л. 116об. Автограф. Сохранена орфография подлинника.
- ²⁵⁶РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1255. Л. 108.
- ²⁵⁷Там же. Л. 109.
- ²⁵⁸Там же. Д. 1254. Л. 259.
- ²⁵⁹Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Ленин: политический портрет. Кн. 2. М., 1994. С. 184.
- ²⁶⁰Цит. по: *Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 6. С. 152-153.
- ²⁶¹Цит. по: *Сувениров О.Ф.* Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 32.
- ²⁶²Цит. по: *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 435.
- ²⁶³Цит. по: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. С. 226.
- ²⁶⁴РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1254. Л. 195, 197.
- ²⁶⁵Расправа: прокурорские судьбы. С. 276.
- ²⁶⁶АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 16841. Л. 3.
- ²⁶⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 23249. Л. 4.
- ²⁶⁸Цит. по: Там же. Д. 4180. Л. 3.
- ²⁶⁹Там же. Д. 11615. Л. 4, 6.
- ²⁷⁰Цит. по: *Сувениров О. Ф.* Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991.

№ 6. С. 32.

²⁷¹⁻²⁷²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1255. Л. 167.

²⁷³*Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 6. С. 145.

²⁷⁴Цит. по: Исторический архив. 1993. № 3. С. 140.

²⁷⁵Цит. по: *Восленский М.С.* Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 97.

²⁷⁶Цит. по: Свободная мысль. 1992. № 6. С. 103.

²⁷⁷См.: *Грейвз Р. Я.*, Клавдий. Пер. с англ. Л., 1990. С. 179.

²⁷⁸См.: *Кобрин В.* Иван Грозный. М., 1989. С. 76, 126.

²⁷⁹*Карамзин Н.М.* История государства российского. 5-е изд. Кн. III. СПб., 1845. С. 96, 97.

²⁸⁰*Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга II. Вып. 4и 5. СПб., 1874. С. 122.

²⁸¹Там же. С. 516.

²⁸²Цит. по: *Короленко В.Г.* ПСС. Т. 9. Петроград, 1914. С. 204.

²⁸³См.: Вопросы истории. 1993. № 4. С. 32.

²⁸⁴*Короленко В.Г.* ПСС. Т. 9. С. 199.

²⁸⁵Там же. С. 196.

²⁸⁶*Короленко В.Г.* ПСС. Т. 9. С. 197.

²⁸⁷См.: Независимая газета. 1992. 20 февр.

²⁸⁸*Вейдемейер А.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. Ч. 1. СПб., 1846. С. 152.

²⁸⁹Цит. по: *Короленко В.Г.* ПСС. Т. 9. С. 215.

²⁹⁰Молния: Газета рабочего движения. Редактор-учредитель В.И. Анпилов. 1992. № 38. Июль.

²⁹¹*Рапопорт В., Геллер Ю.* Измена родине. С. 232.

²⁹²*Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1989. № 11. С. 139; 1990. № 6. С. 144.

- ²⁹³Медведев Р. О Сталине и сталинизме. С. 432, 433.
- ²⁹⁴Исторический архив. 1993. № 3. С. 88.
- ²⁹⁵Там же. С. 89.
- ²⁹⁶Там же. С. 86.
- ²⁹⁷Там же. С. 86, 88, 89.
- ²⁹⁸Там же. С. 88.
- ²⁹⁹См.: Конквест Р. Большой террор // Нева. 1990. № 11. С. 144.
- ³⁰⁰Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 140.
- ³⁰¹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 5334. Л. 3об.
- ³⁰²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1193. Л. 79.
- ³⁰³Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 17160. Л. 3.
- ³⁰⁴РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1199. Л. 155.
- ³⁰⁵Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 2381. Л. 2.
- ³⁰⁶Там же. Л. 4.
- ³⁰⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 7405. Л. 1-2, 7.
- ³⁰⁸РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1194. Л. 21, 21об.
- ³⁰⁹Там же. Л. 18-19.
- ³¹⁰АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 23446. Л. 6. Автограф.
- ³¹¹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 4014. Л. 6-7.
- ³¹²Там же. Л. 7.
- ³¹³Там же.
- ³¹⁴Там же. Д. 19958. Л. 1.
- ³¹⁵См.: Там же. Д. 1814. Л. 2.
- ³¹⁶Там же. Д. 17436. Л. 2.
- ³¹⁷АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 2381. Л. 5.
- ³¹⁸АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 6868. Л. 1.
- ³¹⁹Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 13013. Л. 2.
- ³²⁰Там же. Л. 5, 17.
- ³²¹Цит. по: Там же. Д. 933. Л. 4.
- ³²²РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 410. Л. 281.
- ³²³Там же. Л. 289, 291, 292.
- ³²⁴Там же. Оп. 39. Д. 72. Л. 228, 229.

- 325 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 27400. Л. 3. Автограф.
- 326 Там же. Д. 6817. Л. 1-2, 6об.
- 327 Там же. Д. 22738. Л. 4.
- 328 Там же. Д. 16450. Л. 2.
- 329 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 556. Л. 3.
- 330 Цит. по: Там же. Л. 2.
- 331 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 5699. Л. 1-4.
- 332 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14630. Л. 3.
- 333 Там же. Л. 1, 7-8.
- 334 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 14888. Л. 2.
- 335 Там же. Д. 27288. Л. 2.
- 336 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1194. Л. 189.
- 337 Там же. Д. 1255. Л. 228.
- 338 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 18828. Л. 3.
- 339 Там же. Л. 18, 18об, 19. Автограф.
- 340 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 7732. Л. 5-6.
- 341 Архив Верховного суда РФ. Оп. 15. Д. 4155. Л. 147.
- 342 Там же. Л. 148.
- 343 Там же. Л. 28об. Автограф.
- 344 Там же. Л. 143.
- 345 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 9401. Л. 2.
- 346 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 11452. Л. 2, 3.
- 347 Архив Верховного суда РФ. Оп. 15. Д. 4155. Л. 68.
- 348 Там же. Л. 76, 151.
- 349 См.: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 7938. Л. 6; Оп. 55. Д. 24702. Л. 1-2; Д. 7932. Л. 2, 4об; Д. 2779. Л. 3; Д. 28565. Л. 3.
- 350 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 25713. Л. 2.
- 351 Там же. Л. 3.
- 352 Там же. Д. 1909. Л. 2.
- 353 Там же. Д. 4014. Л. 5.
- 354 Там же. Д. 2528. Л. 6; Д. 8494. Л. 2.
- 355 Там же. Д. 4014. Л. 4.

- ³⁵⁶АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 3168. Л. 2, 4об.
- ³⁵⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 3573. Л. 2.
- ³⁵⁸*Разгон Л.* Перед раскрытыми делами. М., 1991. С. 17, 18.
- ³⁵⁹Цит. по: Новый мир. 1993. № 510. С. 116.
- ³⁶⁰См.: *Соловьев В., Клепикова Е.* Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева. С. 226.
- ³⁶¹См.: Николай Муралов. (Составитель И.С. Полещук). М., 1990. С. 206.
- ³⁶²Цит. по: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: записки военного прокурора. С. 265.
- ³⁶³См.: Расправа: прокурорские судьбы. С. 176.
- ³⁶⁴Из личного архива автора. Записано в г. Самаре 14 августа 1992 г.
- ³⁶⁵АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 4229. Л. 3.
- ³⁶⁶См.: *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. С. 435.
- ³⁶⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 6852. Л. 2.
- ³⁶⁸Цит. по: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. С. 249.
- ³⁶⁹*Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга 2. Вып. 4и 5. С. 342.
- ³⁷⁰Отечественная история. 1994. № 1. С. 40.
- ³⁷¹*Горбатов А.В.* Годы и войны. С. 124.
- ³⁷²*Рапопорт В., Геллер Ю.* Измена родине. С. 304.
- ³⁷³Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 2779. Л. 2.
- ³⁷⁴*Ларина (Бухарина) А.М.* Незабываемое. М., 1989. С. 161.
- ³⁷⁵См.: Исторический архив. 1992. № 1. С. 125–128.
- ³⁷⁶Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.
- ³⁷⁷Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 320. Л. 5.
- ³⁷⁸Из личного архива автора. Записано в г. Красногорске 19 августа 1994 г.

³⁷⁹Цит. по: *Ненароков А.* Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 116.

³⁸⁰*Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах интеллигенции. С. 140.

³⁸¹*Ваксберг А.* Страницы одной жизни (штрихи к политическому портрету Вышинского) // Знамя. 1990. № 5. С. 152.

³⁸²Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 226.

³⁸³Цит. по: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. С. 230.

³⁸⁴Там же.

³⁸⁵*Рапопорт В., Геллер Ю.* Измена родине. С. 236.

³⁸⁶Советское государство и право. 1965. № 3. С. 31, 32.

³⁸⁷*Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. С. 269.

³⁸⁸Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 32.

³⁸⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3016. Л. 47.

³⁹⁰Там же. Автограф.

³⁹¹Коммунист Вооруженных сил. 1990. № 16. С. 79.

³⁹²Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10812. Л. 4.

³⁹³Там же. Л. 1-5.

³⁹⁴АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 11537. Л. 6-7.

³⁹⁵АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 1814. Л. 1-2.

³⁹⁶Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 53.

³⁹⁷Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 21046. Л. 1.

³⁹⁸См.: Коммунист Вооруженных сил. 1990. № 16. С. 78.

³⁹⁹См.: *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 242.

⁴⁰⁰См.: Расправа: прокурорские судьбы. С. 33.

⁴⁰¹Исторический архив. 1992. № 1. С. 126.

⁴⁰²Там же. С. 128.

- 403 ЦАФСБ РФ. Пор. № 85. Типографский экземпляр.
- 404 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 7.
- 405 ЦАФСБ РФ. Пор. № 96.
- 406 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.
- 407 Там же. Л. 60.
- 408 Там же. Л. 80, 81.
- 409 Там же. Л. 83.
- 410 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1010. Л. 20.
- 411 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 55. Л. 148. Типографский экземпляр.
- 412 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 55. Л. 148об.
- 413 Там же. Л. 149.
- 414 Там же. Д. 64. Л. 7.
- 415 Там же. Л. 13.
- 416 Исторический архив. 1992. № 1. С. 130.
- 417 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 6868. Л. 2.
- 418 *Волкогионов Д.А.* Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. В 2-х книгах. Кн. 1. С. 560.
- 419 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1013. Л. 3.
- 420 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1193. Л. 171.
- 421 Там же. Д. 1284. Л. 260.
- 422 РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 97. Л. 89—101.
- 423 Там же. Л. 81-88.

Часть четвертая

ПОДОБИЕ СУДА

¹См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. См. также: Рашковец И. Несудебные органы // Расправа: прокурорские судьбы.

- ²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1255. Л. 163, 165.
- ³*Фельштинский Ю.* Брестский мир. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г. М., 1992. С. 219.
- ⁴Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 491.
- ⁵АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 3926. Л. 4.
- ⁶АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14559. Л. 5–6.
- ⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 6523. Л. 2–5.
- ⁸АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 4697. Л. 1–2, 10–11.
- ⁹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10995. Л. 2.
- ¹⁰Там же. Д. 27951. Л. 1.
- ¹¹Там же. Л. 7.
- ¹²Там же. Д. 11452. Л. 1.
- ¹³Там же. Л. 6, 6об.
- ¹⁴Цит. по: *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. Пер. с англ. Т. 2. М., 1991. С. 463.
- ¹⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 348. Л. 123.
- ¹⁶Цит. по: Расправа: прокурорские судьбы. С. 52.
- ¹⁷Цит. по: *Сувениров О.Ф.* Климю Ворошилову письмо я написал // Кентавр. 1995. № 5. С. 71.
- ¹⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 30. Д. 87. Л. 480.
- ¹⁹Там же. Оп. 39. Д. 10. Л. 33.
- ²⁰*Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 232–233.
- ²¹*Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 3. С. 128.
- ²²Там же. С. 129.
- ²³Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 57.
- ²⁴АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 280. Л. 13, 14.
- ²⁵*Семенов Ю.* Ненаписанные романы // Нева. 1989. № 8. С. 126.
- ²⁶Цит. по: Реабилитация: политические процессы 30—50-х гг. С. 298.
- ²⁷Известия ВЦИК. 1919. Зянов.

²⁸*Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990; *Расправа: прокурорские судьбы.* М., 1990; *Звягинцев В.* Как узаконили беззаконие // *Человек и закон.* 1990. № 1. Реабилитация: политические процессы 30—50-х гг. М., 1991. *Сувениров О.Ф.* Военная коллегия Верховного суда СССР в 1937–1939 гг. // *Вопросы истории.* 1995. № 4.

²⁹*Чистяков И., Мослов В.* На службе беззакония: В.В. Ульрих и деформация правосудия // *Коммунист Вооруженных сил.* 1991. № 10. С. 75.

³⁰АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 63. Л. 38.

³¹*Петров М.Н.* Операция ВЧК «Вихрь» // *Вопросы истории.* 1991. № 7–8. С. 219, 222.

³²*Зонин С.* Первый шквал // *Морской сборник.* № 11. С. 84.

³³АВКВС РФ. Оп. 12. Д. 3396. Л. 2.

³⁴См.: *Звягинцев В.* Война и правосудие // *Человек и закон.* 1990. № 6. С. 29.

³⁵РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 998. Л. 5.

³⁶Там же. Л. 31.

³⁷Там же. Д. 1002. Л. 17.

³⁸Цит. по: *Борщаговский А.* Обвиняется кровь // *Новый мир.* 1993. № 10. С. 146.

³⁹Цит. по: *Реабилитация: Политические процессы 30—50-х гг.* С. 298.

⁴⁰*Известия ЦК КПСС.* 1989. № 3. С. 143.

⁴¹XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 года. Стеногр. отчет. Т. III. М., 1962. С. 152.

⁴²Там же.

⁴³*Волкогионов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х книгах. Кн. 1. С. 576–577.

⁴⁴*Куманев Г.А.* «22-го, на рассвете...» // *Правда.* 1989. 22 июня.

⁴⁵Из личного архива автора. Записано в Москве 1 августа 1991 г.

⁴⁶Из личного архива автора. Записано в Москве в июле 1992 г.

⁴⁷АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 280. Л. 13, 14.

⁴⁸АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 3013. Л. 3.

⁴⁹Цит. по: Там же. Д. 22738. Л. 4.

⁵⁰АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 4963. Л. 3.

⁵¹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24539. Л. 3.

⁵²Цит. по: Там же. Д. 24411. Л. 5.

⁵³Цит. по: Там же. Л. 18.

⁵⁴Там же. Л. 4.

⁵⁵Там же. Л. 17-18.

⁵⁶Там же. Д. 2926. Л. 2-7.

⁵⁷Там же. Д. 4443. Л. 5.

⁵⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 360. Л. 512, 515.

⁵⁹АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 2536. Л. 1-5; Д. 7797. Л. 1; Д. 2825. Л. 2-4.

⁶⁰Там же. Д. 2504. Л. 2-7.

⁶¹Там же. Д. 718. Л. 2-4, 16-35, 95-96.

⁶²Там же. Д. 2861. Л. 2-5, 24-37.

⁶³См.: Расправа: прокурорские судьбы. С. 92, 184.

⁶⁴См.: *Сувениров О.Ф.* Военная коллегия Верховного суда СССР (1937-1939 гг.) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 143.

⁶⁵АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 11789. Л. 1-2.

⁶⁶Там же. Д. 1333. Л. 3-6.

⁶⁷Там же. Д. 6096. Л. 1-4

⁶⁸Там же. Д. 9375. Л. 1-2

⁶⁹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 25823. Л. 2.

⁷⁰Архив Верховного суда РФ. Оп. 18. Д. 3066. Л. 21.

⁷¹*Карлейль Т.* Французская революция. С. 566. (Примечание В.Г. Сироткина).

- ⁷²Молчанов Н.Н. Монтаньяры. М., 1989. С. 551.
- ⁷³АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 407-452.
- ⁷⁴См.: Известия. 1995, 20 апр.
- ⁷⁵АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 1а. Л. 5-6. Подпись - автограф.
- ⁷⁶Там же. Л. 10. Подпись - автограф.
- ⁷⁷АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 29а. Л. 7-9.
- ⁷⁸Там же. Д. 81. Л. 215.
- ⁷⁹Там же. Д. 29. Л. 96.
- ⁸⁰Там же. Л. 97
- ⁸¹РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1087. Л. 14. Автограф.
- ⁸²АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 460.
- ⁸³См.: *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. С. 202.
- ⁸⁴Из личного архива автора. Записано в Москве в августе 1992 г.
- ⁸⁵*Хореев А.* Судья Ульрих // Красная звезда. 1989. 8 апр.; Расправа: прокурорские судьбы. С. 13.
- ⁸⁶Расправа: прокурорские судьбы. С. 314.
- ⁸⁷РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 410. Л. 289.
- ⁸⁸Там же. Л. 290.
- ⁸⁹*Герштейн Э.* Лишняя любовь // Новый мир. 1993. № 12. С. 145.
- ⁹⁰АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.
- ⁹¹Там же. Л. 13.
- ⁹²АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10356. Л. 1.
- ⁹³Там же. Л. 3
- ⁹⁴Там же. Д. 4180. Л. 2.
- ⁹⁵См.: *Сувениров О.Ф.* Трагедии не избежал никто: судьба первых армейских комиссаров РККА. // Кентавр. 1992. Ноябрь - декабрь. С. 57.
- ⁹⁶АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 11316. Л. 2.
- ⁹⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 6517. Л. 7.
- ⁹⁸Там же. Л. 1-2.

⁹⁹Из личного архива автора. Записано в Москве в апреле 1994 г.

¹⁰⁰Расправа: прокурорские судьбы. С. 140.

¹⁰¹См.: *Жухрай В.М.* Тайны царской охранки. М., 1981. С. 183.

¹⁰²АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 4997. Л. 4об.

¹⁰³Цит по: Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР. М., 1988. С. 121.

¹⁰⁴Там же.

¹⁰⁵Известия. 1995. 13апр.

¹⁰⁶Вопросы истории. 1995. № 2. С. 11.

¹⁰⁷Там же. С. 12.

¹⁰⁸Там же.

¹⁰⁹АВКВС РФ. Оп. 67. Д. 2118. Л. 1-3, 10.

¹¹⁰АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 13621. Л. 1.

¹¹¹Там же. Л. 4, 4об.

¹¹²Там же. Д. 12576. Л. 1-5, 9—11.

¹¹³АВКВС РФ. Оп. 92. Д. 220. Л. 4-5.

¹¹⁴АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14560. Л. 1; Д. 15046. Л. 1.

¹¹⁵Там же. Д. 14560. Л. 2.

¹¹⁶АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 4040. Л. 2; Оп. 55. Д. 6348. Л. 1-5.

¹¹⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 11052. Л. 1; Оп. 64. Д. 8. Л. 1.

¹¹⁸Цит. По: Там же. Д. 1250. Л. 1.

¹¹⁹АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 4195. Л. 1-2; Оп. 55. Д. 1289. Л. 1; Д. 23362. Л. 2; Оп. 66. Д. 3565. Л. 1; Оп. 64. Д. 7425. Л. 1, 7; Д. 5518. Л. 2.

¹²⁰АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 4693. Л. 5.

¹²¹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 21196. Л. 1-6, 17об.

¹²²Цит. по: АВКВС РФ. Он. 77. Д. 30. Л. 1.

¹²³Там же. Д. 30. Л. 2.

¹²⁴АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 2528. Л. 1-2, 9об.

¹²⁵Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 48. Д. 12763. Л. 1.

- 126 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 1273. Л. 3.
- 127 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 10858. Л. 1; Оп. 55. Д. 20817.
Л 1, 5.
- 128 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 22302. Л. 1; Д. 9644. Л. 1-5.
- 129 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 13981. Л. 2.
- 130 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 9285. Л. 2.
- 131 Там же. Л. 5.
- 132 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 14937. Л. 1-2.
- 133 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 20706. Л. 1.
- 134 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 2317. Л. 1.
- 135 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 13395. Л. 5.
- 136 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10820. Л. 1; Д. 410. Л 2, 7.
- 137 Там же. Д. 7417. Л. 1; Оп. 48. Д. 9689. Л 19.
- 138 АВКВС РФ. Определение № 4н - 027525/56.
- 139 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 11436. Л. 5.
- 140 Там же. Д. 5117. Л. 2.
- 141 Там же. Д. 7409. Л. 5; Д. 1984. Л. 1; Д. 10474. Л. 1;
Оп. 64. Д. 9309. Л. 5; Д. 2802. Л. 1-4.
- 142 Там же. Д. 2641. Л. 1-2, 8-9.
- 143 Там же. Д. 22948. Л. 1.
- 144 Там же. Д. 14481. Л. 1, 2.
- 145 Там же. Д. 23300. Л. 1-4.
- 146 Там же. Д. 6802. Л. 1.
- 147 Там же. Д. 6802. Л. 2.
- 148 Там же. Д. 10719. Л. 1.
- 149 Там же. Д. 24231. Л. 4.
- 150 Там же. Д. 320. Л. 2.
- 151 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 9274. Л. 3.
- 152 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 8454. Л. 1-2.
- 153 Цит. по: Там же. Д. 1406. Л. 2.
- 154 Там же. Д. 8452. Л. 1-5.
- 155 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 12683. Л. 1-2.
- 156 АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 12569. Л. 4.

- ¹⁵⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 27157. Л. 1.
- ¹⁵⁸Цит. по: Там же. Д. 13576. Л. 1.
- ¹⁵⁹Цит. по: Там же. Д. 8611. Л. 1.
- ¹⁶⁰Там же. Д. 22738. Л. 3.
- ¹⁶¹АВКВС РФ. Оп. 64. Д. 2410. Л. 2.
- ¹⁶²АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 1851. Л. 1.
- ¹⁶³АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 11087. Л. 1-2; Оп. 64. Д. 517. Л. 1-5; Оп. 55. Д. 16007. Л. 3; Д. 2177. Л. 1.
- ¹⁶⁴АВКВС РФ. НП № 4н-0433/67. Л. 1-2; Оп. 55. Д. 27608. Л. 1; Д. 16483. Л. 1.
- ¹⁶⁵АВКВС РФ. НП № 4н-0486. Л. 2.
- ¹⁶⁶АВКВС РФ. № 0029-Р/38. Л. 6, 15, 16.
- ¹⁶⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 15140. Л. 7.
- ¹⁶⁸Цит. по: Там же. Д. 1339. Л. 2.
- ¹⁶⁹Там же. Д. 1748. Л. 9об.
- ¹⁷⁰Цит. по: Там же. Д. 11848. Л. 2.
- ¹⁷¹Цит. по: Там же. Д. 25430. Л. 1.
- ¹⁷²Там же. Д. 499. Л. 4.
- ¹⁷³См.: *Сувениров О.Ф.* Военная коллегия Верховного суда СССР (1937-1939 гг.) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 141-142.
- ¹⁷⁴АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 12884. Л. 1-3.
- ¹⁷⁵Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 66. Д. 2693. Л. 2.
- ¹⁷⁶АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 4459. Л. 1-6.
- ¹⁷⁷АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 10252. Л. 2-4.
- ¹⁷⁸См.: *Сувениров О.Ф.* Военная коллегия Верховного суда СССР (1937-1939 гг.) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 142.
- ¹⁷⁹АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 598. Л. 1-7.
- ¹⁸⁰Там же. Д. 6807. Л. 2.
- ¹⁸¹Там же. Л. 2-4.
- ¹⁸²Там же. Л. 30.
- ¹⁸³АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 13433. Л. 1-6.

- 184 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 13187. Л. 1-4, 14.
- 185 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.
- 186 Там же. Д. 144. Л. 8-9.
- 187 Там же. Д. 58а. Л. 5.
- 188 Там же. Д. 56. Л. 4.
- 189 Там же. Д. 50. Л. 27-28.
- 190 Там же. Д. 150а. Л. 1.
- 191 Там же. Л. 10.
- 192 Там же. Л. 14.
- 193 Там же. Л. 24.
- 194 Там же. Л. 25.
- 195 Там же. Л. 39.
- 196 Там же. Д. 106. Л. 39.
- 197 Там же. Л. 24. Автограф.
- 198 Архив Верховного суда РФ. Оп. 1. Д. 40. Л. 163.
- 199 Там же. Л. 174.
- 200 Там же.
- 201 Там же. Л. 175.
- 202 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 143. Л. 147.
- 203 Архив Верховного суда РФ. Оп. 15. Д. 1205. Л. 2об,
- З. Автограф.
- 204 Там же. Л. 5об. Автограф.
- 205 Там же. Л. 7.
- 206 Там же. Л. 10об.
- 207 РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 78. Л. 267.
- 208 Там же. Л. 271.
- 209 Там же. Л. 270. Автограф.
- 210 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 9817. Л. 1-12, 25.
- 211 См.: *Сувениров О.Ф.* Военная коллегия Верховного суда СССР (1937-1939 гг.) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 144.
- 212 АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 27288. Л. 2, 5.
- 213 Факты установлены по картотеке АВКВС РФ.

- 214 Архив Верховного суда РФ. Оп. 15. Д. 874. Л. 6.
- 215 Там же. Л. 2об. Автограф.
- 216 Там же. Л. 7об. Автограф.
- 217 Там же. Л. 18, 10.
- 218 Цит. по: АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 4037. Л. 4.
- 219 Там же. Л. 3.
- 220 Там же. Д. 4449. Л. 1, 4.
- 221 АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 1. Л. 6.
- 222 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 58.
- 223 Там же. Л. 426.
- 224 Там же. Д. 64. Л. 87.
- 225 Архив Верховного суда РФ. Оп. 15. Пор. № 2557. Л.
- 14.
- 226 Там же. Л. 2.
- 227 Там же. Л. 16.
- 228 Там же. Л. 18-20.
- 229 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1199. Л. 148, 150.
- 230 См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 188, 189.
- 231 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 143. Л. 102. Типографский экземпляр.
- 232 Там же. Л. 104.
- 233 Там же. Л. 104об.
- 234 Там же. Л. 105.
- 235 Архив Верховного суда РФ. Оп. 1. Д. 2. Л. 216.
- 236 Там же.
- 237 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1087. Л. 3. Автограф.
- 238 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 383. Л. 21. Подпись Розовского – автограф.
- 239 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1199. Л. 4.
- 240 Там же. Л. 1. Автограф.
- 241 Там же. Л. 18.
- 242 Там же. Л. 19.
- 243 Там же. Л. 26. Автограф.

- 244 Там же. Д. 1249. Л. 23.
- 245 Там же. Л. 21.
- 246 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 106. Л. 128.
- 247 Там же. Л. 122. Подпись Макарова – автограф.
- 248 Там же. Л. 111. Автограф.
- 249 Там же. Л. 114. Автограф.
- 250 Там же. Л. 133, 134.
- 251 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 433. Л. 475.
- 252 Там же.
- 253 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 176. Л. 156-159.
- 254 Там же. Л. 84, 161, 163, 227.
- 255 Там же. Л. 105, 168.
- 256 Там же. Л. 155, 180, 210.
- 257 Из личного архива автора. Письмо А.И. Русенчика от 24 мая 1995 г.
- 258 АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 106. Л. 33. Подпись Берии – автограф.
- 259 Там же. Л. 41.
- 260 ЦАФСБ РФ.
- 261 См.: АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 150. Л. 156.
- 262 Там же. Д. 143. Л. 135.
- 263 Там же. Д. 106. Л. 4.
- 264 Там же. Л. 8.
- 265 Там же. Л. 11.
- 266 Архив Верховного суда РФ. Оп. 18. Д. 3796. Л. 10.
- 267 Там же. Л. 14. Автограф.
- 268 АВКВС РФ. Оп. 20. Д. 356. Л. 10. Автограф.
- 269 Там же. Л. 12.
- 270 Там же. Л. 22.
- 271 РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3432. Л. 167. Из докладной записки ст. инструктора ПУ РККА полкового комиссара А. Магида от 25 апреля 1939 г.
- 272 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1254. Л. 126.

²⁷³АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24642. Л. 1-3, 9.

²⁷⁴Красная звезда. 1939. 5 нояб.

Часть пятая

ПОСЛЕДСТВИЯ

¹XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. С. 104, 204, 200, 275.

²Из личного архива автора. Записано в Слободке (Тульская область) в сентябре 1993 г.

³XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. С. 142, 275.

⁴Там же. С. 26, 27.

⁵Там же. С. 198, 204.

⁶РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1137. Л. 35, 36. Автограф.

⁷XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. С. 204.

⁸Красная звезда. 1939. 1 мая.

⁹Красная звезда. 1939. 4 мая.

¹⁰РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2861. Л. 524, 804, 1018.

¹¹Там же. Д. 4252. Л. 160.

¹²Там же. Л. 222.

¹³Цит. по: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1049. Л. 260-261.

¹⁴Цит. по: Там же. Л. 265.

¹⁵Цит. по: *Сувениров О.Ф.* «Клим, Коба сказал...» // Воен-ист. журнал. 1988. № 12. С. 57-58.

¹⁶Цит. по: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1170. Л. 64-65.

¹⁷Цит. по: Там же. Д. 1151. Л. 122.

¹⁸См.: XVIII съезд ВКП (б). Стеногр. отчет. С. 16.

¹⁹Цит. по: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1180. Л. 134.

²⁰*Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 11. С. 142.

²¹*Gosztony Peter.* Die Rote Armee. Wien, 1980. S. 161.

²²См.: *Бобринев В.А., Рязанцев В.Б.* Палачи и жертвы. М., 1993. С. 7.

²³Известия. 1992. 14 дек.

²⁴Стенограмма выступления И.В. Сталина на совещании пропагандистов 1 октября 1938 г. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 28.

²⁵Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 60.

²⁶*Жухрай В.М.* Сталин: правда и ложь. С. 59. М., 1996.

²⁷*Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М., 1991. С. 149.

²⁸*Дойчер И.* Троцкий в изгнании. С. 424.

²⁹*Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. С. 244; *Соловьев В., Клепикова Е.* Заговорщики в Кремле. С. 226.

³⁰*Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 11. С. 148.

³¹См., напр.: Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Цифровой сборник). М., 1963. С. 11.

³²См.: Канун и начало войны. Л., 1991. С. 32, 33.

³³*Козлов А. И.* Царицынский опыт // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 253.

³⁴См.: Правда. 1989. 22 июня; Красная звезда. 1993. 14 янв.

³⁵*Рапопорт В., Геллер Ю.* Измена родине. С. 291.

³⁶Известия. 1995. 25 апр.

³⁷*Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х книгах. Кн. 2. С. 52.

³⁸*Уколов А.Т., Ивкин В.И.* О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Воен. - ист. журн.

1993. №.1. С. 56–59; Сувениров О.Ф. РККА накануне... С. 206–209.

³⁹*Уколов А.Т., Ивкин В.И.* О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Воен. – ист. журн. 1993. № 1. С. 58.

⁴⁰Там же. С. 59.

⁴¹См.: *Сувениров О.Ф.* Всеармейская трагедия // Воен. – ист. журн. 1989. № 3. С. 39.

⁴²См.: Наука и жизнь. 1987. № 12. С. 8.

⁴³*Рапопорт В., Геллер Ю.* Измена родине. С. 200.

⁴⁴См.: Русское богатство. 1909. № 4. С. 80, 81.

⁴⁵См.: *Волков О.В.* Погружение во тьму: Из пережитого. М., 1992. С. 241, 242.

⁴⁶РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 318. Л. 324.

⁴⁷Там же. Л. 243.

⁴⁸Там же. Л. 290.

⁴⁹РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1823. Л. 123.

⁵⁰Там же. Л. 153.

⁵¹Там же. Л. 154.

⁵²*Бирюзов С.С.* Советский солдат на Балканах. М., 1963. С. 142–143.

⁵³*Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 16.

⁵⁴РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 354. Л. 283, 284.

⁵⁵РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1024. Л. 45.

⁵⁶РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 354. Л. 241.

⁵⁷РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1085. Л. 111об.

⁵⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 389. Л. 37.

⁵⁹Там же. Оп. 36. Д. 4233. Л. 12.

⁶⁰РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1090. Л. 185.

⁶¹РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2030. Л. 110.

⁶²Воздушная мощь Родины / Под ред. Л.Л. Батехина. М., 1988. С. 148.

- ⁶³РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1823. Л. 22.
- ⁶⁴Там же. Л. 96.
- ⁶⁵Военная энциклопедия в восьми томах. Т. 2. М., 1994. С. 35.
- ⁶⁶Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 148.
- ⁶⁷Геополитика и безопасность. 1993. № 1. С. 161.
- ⁶⁸АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 16098. Л. 3.
- ⁶⁹*Кузнецов Н.Г.* Жизнь для будущего // В кн. *Флагманы*. М., 1991. С. 267.
- ⁷⁰Цит. по: АВКВС РФ. № 4н-0978/57. Л. 3.
- ⁷¹Огонек. 1996. № 23. С. 72.
- ⁷²См.: *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. С. 53.
- ⁷³Цит. по: *Щетинов Ю.Д., Старков Б.А.* Красный маршал. М., 1990. С. 300.
- ⁷⁴См.: Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978. С. 248; Военная энциклопедия в восьми томах. Т. 2. М., 1994. С. 35.
- ⁷⁵Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 148.
- ⁷⁶*Арендт Х.* Временный союз черни и элиты // *Иностранная литература*. 1990. № 4. С. 248.
- ⁷⁷АВКВС РФ. Оп. 54. Д. 11852. Л. 3.
- ⁷⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4233. Л. 75, 80.
- ⁷⁹Из личного архива автора. Записано в сентябре 1993 г. в г. Слободка (Тульская область).
- ⁸⁰См.: Академия Генерального штаба: история Военной орденов Ленина и Суворова I степени Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К.Е. Ворошилова / Под ред. генерала армии В.Г. Куликова. М., 1976. С. 54.
- ⁸¹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3849. Л. 96, 109.
- ⁸²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1186. Л. 188-189.
- ⁸³РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 317. Л. 102.
- ⁸⁴Там же. Оп. 39. Д. 87. Л. 170-171.
- ⁸⁵См.: Там же. Оп. 29. Д. 543. Л. 226-231.

⁸⁶Цит. по: *Лященко Н.Г.* С огнем и кровью пополам // Воен. – ист. журн. 1995. № 2. С. 27.

⁸⁷*Ильин И.А.* Наши задачи: Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. В 2-х т. Т. 1. М.: МП «Рарог», 1992. С. 51.

⁸⁸РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1312. Л. 130–131.

⁸⁹Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор три // Смена. 1989. 19февр.

⁹⁰*Зайцов А.* Красная Армия // Часовой. 1931. № 54. С. 12.

⁹¹*Месснер Е.* Полуинтеллигентное офицерство // Знамя России. 1938. № 2–3. С. 9.

⁹²*Сувениров О.Ф.* РККА накануне... С. 240.

⁹³*Дубинский И.В.* Особый счет. М., 1989. С. 145.

⁹⁴*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 459.

⁹⁵Там же. Т. 18. С. 305.

⁹⁶Цит. по: *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 109.

⁹⁷Там же. С. 109, 112.

⁹⁸Цит. по: *Троцкий Л.* Портреты революционеров. С. 351. Примечание.

⁹⁹Цит. по: Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 222.

¹⁰⁰См.: *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 332.

¹⁰¹Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории.

¹⁰²Исторический архив. 1993. № 6. С. 38.

¹⁰³Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 79.

¹⁰⁴Цит. по: Известия. 1993. 20 февр.

¹⁰⁵Цит. по: Независимая газета. 1992. 28 марта.

¹⁰⁶Сегодня. 1993. № 4. С. 12.

¹⁰⁷Цит. по: Новый мир. 1994. № 2. С. 228.

¹⁰⁸Цит. по: *Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 6. С. 155.

¹⁰⁹Цит. по: *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: накануне войны. Пер. с англ. М., 1995. С. 214.

¹¹⁰РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3348. Л. 166.

¹¹¹Там же. Оп. 29. Д. 372. Л. 101.

¹¹²Там же. Оп. 36. Д. 3307. Л. 63об.

¹¹³Там же. Оп. 29. Д. 351. Л. 206.

¹¹⁴РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1164. Л. 2, 4.

¹¹⁵Там же. Л. 4.

¹¹⁶Цит. по: Маршал Жуков: Каким мы его помним. С. 86.

¹¹⁷РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1312. Л. 243.

¹¹⁸Цит. по: Российский военный сборник. Вып. VI. Русское зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. Составитель И.В. Домнин. М., 1994. С. 89.

¹¹⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 340. Л. 445.

¹²⁰Там же. Д. 318. Л. 79.

¹²¹Там же. Л. 103.

¹²²Там же. Л. 220-221.

¹²³Там же. Л. 221.

¹²⁴Цит. по: *Сувениров О.Ф.* РККА накануне... С. 200.

¹²⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 54. Л. 114, 119, 154.

¹²⁶Там же. Л. 154.

¹²⁷Там же. Д. 79. Л. 93-94.

¹²⁸Там же. Оп. 29. Д. 542. Л. 253, 254, 255.

¹²⁹Там же. Л. 257.

¹³⁰Цит. по: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. С. 135.

¹³¹*Алданов М.А.* Собр. соч. в шести томах. Т. 3. М., 1993. С. 315.

¹³²РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 105. Л. 410об.

¹³³РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1396. Л. 40. Автограф.

¹³⁴РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3386. Л. 16.

- ¹³⁵Там же.
- ¹³⁶Там же. Л. 17.
- ¹³⁷*Симонов К.М.* Материалы к биографии Г.К. Жукова // Воен. – ист. журн. 1987. № 9. С. 50.
- ¹³⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 320. Л. 49.
- ¹³⁹Там же. Оп. 39. Д. 10. Л. 276.
- ¹⁴⁰Там же. Л. 278.
- ¹⁴¹Там же. Оп. 36. Д. 2370. Л. 23.
- ¹⁴²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1043. Л. 42. Автограф.
- ¹⁴³Там же. Л. 55. Автограф.
- ¹⁴⁴Там же. Д. 1170. Л. 77.
- ¹⁴⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3311. Л. 9, 10.
- ¹⁴⁶Там же. Д. 4233. Л. 464.
- ¹⁴⁷Там же. Д. 3311. Л. 8; Оп. 29. Д. 351. Л. 215.
- ¹⁴⁸РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1085. Л. 108.
- ¹⁴⁹РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3311. Л. 10.
- ¹⁵⁰Там же.
- ¹⁵¹АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 56. Л. 2. Подпись Ульриха – автограф.
- ¹⁵²РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 75. Л. 251.
- ¹⁵³См.: АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 176. Л. 19-20.
- ¹⁵⁴РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 88. Л. 86.
- ¹⁵⁵Там же. Оп. 36. Д. 4115. Л. 31.
- ¹⁵⁶Цит. по: Комсомольская правда. 1991. 18 мая.
- ¹⁵⁷РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 438. Л. 196, 196а, 239.
- ¹⁵⁸Там же. Оп. 36. Д. 4245. Л. 173.
- ¹⁵⁹Там же.
- ¹⁶⁰РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2, 6, 58, 79, 82, 87, 101.
- ¹⁶¹РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 71. Л. 217.
- ¹⁶²РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1378. Л. 214.
- ¹⁶³Там же. Л. 226.
- ¹⁶⁴Там же. Л. 213.

- ¹⁶⁵РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3806. Л. 109–110.
- ¹⁶⁶Там же. Оп. 29. Д. 541. Л. 367–380. Автографы.
- ¹⁶⁷Там же. Оп. 36. Д. 4115. Л. 83.
- ¹⁶⁸РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4201. Л. 74.
- ¹⁶⁹Там же. Оп. 39. Д. 90. Л. 301.
- ¹⁷⁰Там же. Оп. 36. Д. 4115. Л. 149.
- ¹⁷¹Там же. Л. 142.
- ¹⁷²РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4115. Л. 143.
- ¹⁷³См.: *Заколотный В.И.* Военская дисциплина в действующей Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Докт. дисс. М., 1992. С. 57.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 230.
- ²*Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1990. № 12. С. 121.
- ³*Симонов К.М.* Уроки истории и долг писателя // Наука и жизнь. 1987. № 6. С. 44.
- ⁴Цит. по: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. С. 483.
- ⁵*Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Пер. с нем. Т. 2. М., 1969. С. 504.
- ⁶Коммунист. 1988. № 9. С. 42.
- ⁷См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. // Военно-исторические очерки в четырех книгах. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 69, 86.
- ⁸Евангелие от Матфея. 5. 21–22.
- ⁹*Славин И.* Общие основания политической работы в Красной Армии. М.-Л., 1928. С. 43.

Приложение МАРТИРОЛОГ РККА 1936- 1941 гг

*Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во Царствие Твое.*

ИВАН САВИН

От составителя

За семьдесят с лишним лет своего существования Рабоче-крестьянская Красная (с 1946 г. – Советская) армия на полях сражений с различными противниками потеряла миллионы бойцов и командиров. Трудно подчас судить, всегда ли они были достаточно оправданны. Но, в конечном счете, людские потери на войне неизбежны у любой армии.

Но у Красной армии были и иные, в основном присущие только ей специфические потери. Многие тысячи ее первостроителей, активных участников Гражданской войны и послевоенного укрепления РККА в 1936–1941 гг. были подло оклеветаны и опозорены, облыжно объявлены вредителями, заговорщиками, шпионами вражеских разведок, «врагами народа» и беспощадно уничтожены тоталитарным государством. Целая генерация высшего начсостава РККА, а также командиров старшего и среднего звена, любовно выпестованная молодой республикой, была стерта с лица земли. Истребление значительной части начсостава нанесло тогда тяжелый полусмертельный

удар по вооруженным силам страны, роковым образом сказавшийся трагическим летом 1941 г.

Тогдашние палачи-истребители военных кадров кичливо похвалялись, что имена оболганных и уничтоженных «врагов народа» будут прокляты и забыты последующими поколениями. И хотя все безвинно репрессированные военные были позднее полностью реабилитированы, новое поколение воинов Российской армии до сих пор не имеет реальной возможности узнать имена своих теперь уже сравнительно далеких предшественников, коварно убитых «от имени народа» в предвоенные годы.

Научное исследование трагедии РККА в 1937-1938 гг. только начинается, и я полагаю, что возможно более полный именной список безвинно убиенных воинов РККА послужит не только серьезным подспорьем для каждого исследователя этой проблемы и вообще истории предвоенного периода, но и для широких кругов современного российского генералитета и офицерства.

Представляемый вниманию читателей мартиролог (список мучеников) воинов РККА составлен по персональным военным званиям на момент их ареста особыми отделами НКВД. Давным-давно сказано, что в науке нет царского пути. Я не думаю, что даже в самых суперсекретных архивах существуют составленные по военным званиям списки злодейски умерщвленных тогда воинов Красной армии. Палачи не любят лишней раз оставлять уличающих их следов. Современным историкам приходится терпеливо и кропотливо, звенышко за звенышком реконструировать до сих пор тщательно укрываемую историю давно минувшего. Ведь все это было с нашей, с моей страной и армией. И мы должны все это познать и честно передать нашим детям и внукам. И еще раз напомнить миру, что ныне

живущие потомки безвинных жертв могут гордиться своими имевшими столь трагическую судьбу предками.

Все фактические данные, включенные в список (фамилия, имя, отчество; год рождения и год принятия в члены ВКП(б); персональное военное звание и должность в момент ареста; дата ареста, вынесения обвинительного приговора, приведения его в исполнение и посмертной реабилитации) выявлены мною и приводятся в абсолютном большинстве случаев по таким хранящимся в Архиве Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации, имеющим высокую степень достоверности и юридическую силу документам, как заключения и протесты Главной военной прокуратуры и определения Военной коллегии Верховного суда СССР в 50—60-х гг. об отмене вынесенных в 30 - начале 40-х гг. приговоров «за отсутствием состава преступления» и посмертной реабилитации необоснованно осужденных.

В качестве типовой приводится дата вынесения расстрельного приговора Военной коллегией Верховного суда СССР. Если ее приговор ограничивался тюремным сроком или был вынесен иной инстанцией, это специально оговаривается. Некоторые сведения уточнялись по энциклопедическим изданиям и другим публикациям. Но здесь приходилось быть предельно осторожным. Главная беда в том, что во многие энциклопедии включены ложные даты смерти погубленных военнослужащих, на протяжении нескольких десятков лет сознательно и умышленно представляемые Военной коллегией в ЗАГСы. Например, комкор Е.И. Ковтюх был расстрелян 29 июля 1938 г., а в ЗАГС (а оттуда - родственникам) сообщали, что он скончался 12 апреля 1943 г. «от упадка сердечной недостаточности» и т. п. В «Мартирологе» дата приведения расстрельного приговора в исполнение указана по специальным справкам Центрального архива

КГБ при Совете Министров СССР (там, где они в изученных надзорных производствах имеются). При отсутствии этой даты (прочерк) за таковую можно принимать дату вынесения приговора к высшей мере наказания (ВМН), поскольку по существовавшему тогда, прямо скажем, зверскому порядку, установленному ЦИК СССР постановлением от 1 декабря 1934 г., приговор к ВМН за некоторые «контрреволюционные преступления» должен был приводиться в исполнение в течение 24-х часов с момента его вынесения (никакие кассационные жалобы и даже просьбы о помиловании по этим делам не принимались и не рассматривались – били сразу и наповал).

В этот скорбный список включены и выявленные лица начсостава РККА, покончившие тогда свою жизнь самоубийством, а также те, которым удалось избежать расстрельного приговора, но зловещая судьба обрекла их на гибель в тюремном заключении или в лагере. В примечаниях перечислены и те военные, которые были арестованы, осуждены к заключению и либо сумели дожить до своего освобождения, либо их судьба точно не установлена.

Всякие списки хороши для историка, когда они полные. «Мартиролог» отражает современный уровень наших познаний проблемы и не является исчерпывающе полным. Все зависит от того, о какой категории репрессированных военных идет речь. Если будем говорить о маршалах, флагманах флота, командармах 1 и 2-го ранга, армейских комиссарах 1 и 2-го ранга – то здесь, насколько я знаю, учтены все до единого. При рассмотрении корпусного звена возможны единичные дополнения. Несколько большие дополнения могут быть сделаны (по мере выявления) в дивизионном и особенно бригадном звене. Еще большие – в полковом звене. А что касается лиц других категорий старшего и особенно среднего начсостава, расстрелянных в 1937–1938 гг., то

здесь еще предстоит большая дополнительная работа. В данный список мною включены лишь те лица, коих удалось мне выявить к лету 1997 г. Особые трудности предстоят при выявлении казненных «за политику» младших командиров, красноармейцев и краснофлотцев. Очевидно, это можно сделать только коллективными усилиями историков. А сделать это абсолютно необходимо, ибо, как справедливо сказал поэт:

Это нужно не мертвым,
Это нужно живым.

Считаю своим приятным долгом высказать искреннюю признательность всем коллегам, которые бескорыстными ценными советами помогали уточнить те или иные сведения данного списка, и прежде всего А.И. Русенчику (Беларусь), М.Ю. Гусеву (Нижний Новгород) и Н.С. Черушеву (Москва).

Составитель - О.Ф. Сувениров

№№ пп	Фамилия, имя, отчество	Год рож- дения	Член- ство в ВКП(б)	Занимаемая должность в момент ареста	Дата арес- та	Приговор к ВМН Вынесе- ние	Исполни- ние	Дата по- смертной реабилитации
1	2	3	4	5	6	7	8	9

1. Маршалы Советского Союза

1.	БЛЮХЕР Василий Константинович	1890	1916	Командующий Дальне- восточным фронтом (до августа 1938 г.)	22.10.38	Умер в тюрьме	09.11.38	12.03.56
2.	ЕГОРОВ Александр Ильич	1883	1918	Командующий войсками ЗакВО (быв. первый за- меститель наркома обо- роны СССР). Уволен из РККА 25.02.38 г.	апрель 1938 г.	22.02.39	23.02.39	14.03.56
3.	ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич	1893	1918	Командующий войсками ПриВО (быв. первый заместитель наркома обороны СССР)	22.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57

2. Командармы 1-го ранга

1.	БЕЛОВ Иван Панфилович	1893	1919	Командующий войсками БВО	07.01.38	29.07.38	29.07.38	26.11.55
----	--------------------------	------	------	-----------------------------	----------	----------	----------	----------

2.	КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич	1881	1930	Быв. Главнокоман- дующий Вооруженными силами РСФСР	Не аресто- вывался	Скончался своей смертью 25.08.36	Объявлен «врагом народа» посмертно	
3.	УБОРЕВИЧ Иероним Петрович	1896	III/1917	Командующий войсками БВО	29.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57
4.	ФЕДЬКО Иван Федорович	1897	1917	Первый заместитель наркома обороны СССР	07.07.38	26.02.39	26.02.39	26.05.56
5.	ФРИНОВСКИЙ Михаил Петрович	1898	1918	Нарком Военно-Морского Флота СССР (быв. Первый заместитель наркома внутренних дел СССР)	06.04.39	04.02.40	–	Не реабилитирован
6.	ЯКИР Иона Эммануилович	1896	IV/1917	Командующий войсками ЛВО (быв. Командую- щий войсками КВО)	28.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57

3. Флагманы флота 1-го ранга

1.	ВИКТОРОВ Михаил Владимирович	1894	1932	Быв. начальник Морских Сил РККА	22.04.38	01.08.38	–	14.03.56
2.	ОРЛОВ Владимир Митрофанович	1895	1918	Заместитель наркома обороны СССР – началь- ник Морских Сил РККА	10.07.37	28.07.38	28.07.38	23.06.56

*Прочерк означает, что соответствующие данные пока не выявлены.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

4. Армейские комиссары 1-го ранга

1.	ГАМАРНИК Ян Борисович (Яков Пудикович)	1894	1916	Первый заместитель наркома обороны СССР – начальник Политуправления РККА (отстранен и уволен из РККА 30 мая 1937 г.)	Не арестовывался	Покончил жизнь самоубийством 31.05.37	Объявлен «врагом народа» посмертно	06.08.55
2.	СМИРНОВ Петр Александрович	1897	III/1917	Нарком Военно-Морского Флота (быв. Начальник Политуправления РККА)	30.06.39	22.02.39	23.02.39	16.05.56

5. Командармы 2-го ранга

1.	АЛКСНИС (АСТРОВ) Яков Иванович	1897	1916	Заместитель наркома обороны СССР – начальник ВВС РККА	23.11.37	28.07.38	29.07.38	01.02.56
2.	ВАЦЕТИС Иоахим Иоахимович	1873	б/п	Профессор Военной академии им. М. В. Фрунзе (быв. первый Главнокомандующий Вооруженными силами РСФСР в 1918–1919 гг.)	29.11.37	28.07.38	28.07.38	28.03.57
3.	ВЕЛИКАНОВ Михаил Дмитриевич	1893	1920	Командующий войсками ЗабВО (освобожден 28.11.1937 г.)	20.12.37	29.07.38	29.07.38	01.09.56
4.	ДУБОВОЙ Иван Наумович	1896	1917	Командующий войсками ХВО	21.08.37	28.07.38	29.07.38	14.07.56

5.	ДЫБЕНКО Павел Ефимович	1889	1912	Управляющий трестом «Камлесслав» (быв. Командующий войсками ЛВО)	26.02.38	29.07.38	29.07.38	16.05.56
6.	КАШИРИН Николай Дмитриевич	1888	1918	Начальник Управления боевой подготовки РККА	август 1937 г.	14.06.38	14.06.38	01.09.56
7.	КОРК Август Иванович	1888	1927	Начальник Военной академии им. Фрунзе (ВАФ)	12.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57
8.	ЛЕВАНДОВСКИЙ Михаил Карпович	1890	1920	Командующий Приморской группой войск ОКДВА	23.02.38	29.07.38	29.07.38	28.04.56
9.	СЕДЯКИН Александр Игнатьевич	1893	V/1917	Командующий ПВО Бакинского района (быв. начальник Управления ПВО РККА)	02.12.37	29.07.38	29.07.38	04.08.56
10.	ХАЛЕПСКИЙ Иннокентий Андреевич	1893	1918	Нарком связи СССР (быв. начальник Бронетанкового упр. РККА)	13.11.37	29.07.38	29.07.38	08.09.56

6. Флагманы флота 2-го ранга

1.	КИРЕЕВ Григорий Петрович	1890	1918	Командующий Тихоокеанским флотом (ТОФ)	10.01.38	29.07.38	29.07.38	13.06.56
2.	КОЖАНОВ Иван Кузьмич	1897	1917	Командующий Черноморским флотом (ЧФ)	05.10.37	22.08.38	22.08.38	07.07.56
3.	СМИРНОВ-СВЕТЛОВСКИЙ Петр Иванович	1897	1914	Заместитель наркома Военно-Морского Флота СССР	26.03.39	16.03.40	17.03.40	23.06.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

7. Армейские комиссары 2-го ранга

1.	АМЕЛИН Михаил Петрович	1896	1917	Начальник Политуправления КВВО	19.06.37	08.09.37	—	18.04.56
2.	АРОНШТАМ Лазарь Наумович	1896	1915	Начальник Политуправления ПриВО	31.05.37	25.03.38	—	02.06.56
3.	БЕРЗИН Ян Карлович (КЮЗИС Петерис Янович)	1889	1905	Начальник Разведуправления РККА (быв. главный военный советник республиканской армии в Испании)	27.11.37	29.07.38	29.07.38	28.07.56
4.	БУЛИН Антон Степанович	1894	1914	Начальник Управления по командсоставу РККА	05.11.37	28.07.38	—	08.10.55
5.	ВЕКЛИЧЕВ Георгий Иванович	1898	1918	Начальник Политуправления СКВО (быв. начальник Политуправления МВО)	07.05.37	08.01.38	08.01.38	07.07.56
6.	ГРИШИН Александр Сергеевич	1890	III/1917	Начальник политуправления Краснознаменного Балтийского флота (КБФ)	Не арестовывался	Покончил жизнь самоубийством 15.07.37	Объявлен «врагом народа» посмертно	—
7.	ГУГИН Григорий Иванович	1896	1915	Член Военного совета Черноморского флота	30.08.37	26.11.37	—	10.11.56
8.	ИППО Борис Михайлович	1898	1914	Член Военного совета САВО (быв. начальник Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева) (DGFN)	31.07.37	26.11.37	26.11.37	22.09.56

9.	КОЖЕВНИКОВ Сергей Николаевич	1896	1917	Начальник Политуправления ХВО	09.09.37	08.01.38	09.01.38	14.07.56
10.	ЛАНДА Михаил Маркович	1890	1918	Ответственный редактор газеты «Красная звезда» (освобожден 27.10.1937 г.)	05.11.37	28.07.38	28.07.38	07.07.56
11.	МЕЗИС Август Иванович	1894	1912	Член Военного совета БВО	26.11.37	21.04.38	21.04.38	28.07.56
12.	ОКУНЕВ Григорий Сергеевич	1900	1917	В распоряжении Политуправления РККА (быв. член Военного совета Тихоокеанского флота, освобожден 11/11/37)	01.12.37	28.07.38	28.07.38	19.05.56
13.	ОСЕПЯН Гайк Александрович	1891	1913	Заместитель начальника Политуправления РККА	31.05.37	10.09.37	—	14.05.55 и 07.07.56
14.	СЛАВИН (БАС) Иосиф Еремеевич	1893	1917	Начальник Управления ВВУЗ РККА	05.10.37	15.03.38	15.03.38	07.01.56
15.	ШИФРЕС Александр Львович	1898	1917	В распоряжении Политуправления РККА (быв. начальник Военно-хозяйственной академии РККА, освобожден 10.11.37)	13.11.37	25.09.38	25.09.38	18.05.56

8. Армяноюриссты

1.	РОЗОВСКИЙ Наум Савельевич	1898	1917	Главный военный прокурор РККА	1939 г.	16.06.41 «10 + 5»	Умер в ИТЛ в 1942 г.	Приговор частично изменен 06.12.56
----	------------------------------	------	------	-------------------------------	---------	-------------------	----------------------	------------------------------------

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

9. Генерал-полковники

1.	ЛОКТИОНОВ Александр Дмитриевич	1893	1921	В распоряжении НКО (быв. Командующий войсками ПриВО)	19.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	—
2	ШТЕРН Григорий Михайлович Герой Советского Союза	1900	1919	Начальник Управления ПВО НКО	07.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	

10. Комкоры

1.	АЛАФУЗО Михаил Иванович	1891	Б/п	Начальник кафедры Военной академии Генштаба (ВАГШ) РККА	15.04.37	13.07.37	—	12.11.60
2.	АППОГА Эрнест Фрицевич	1898	III/1917	Начальник III отдела Генштаба и начальник Военных сообщений РККА	23.05.37	28.11.37	—	18.04.56
3.	БАЗИЛЕВИЧ Георгий Дмитриевич	1889	1917	Секретарь Комитета обороны при СНК СССР	23.11.38	02.03.39	—	27.07.55
4.	БАТОРСКИЙ Михаил Александрович	1890	Б/п	Начальник кафедры ВАГШ РККА	17.07.37	07.02.38	08.02.38	24.08.57
5.	БОНДАРЬ Георгий Иосифович	1893	1926	Заместитель наркома оборонной промышленности (НКОП) СССР	25.08.38	10.03.39	—	25.06.55
6.	БРЯНСКИХ Петр Алексеевич	1896	Кандидат	Командующий войсками ПриВО	18.07.38	29.08.38	—	09.04.55

7.	ВАЙНЕР Леонид Яковлевич	1897	1917	Военный советник при Главкоме Монгольской Народной армии	15.08.37	26.11.37	—	14.05.55
8.	ВАСИЛЕНКО Матвей Иванович	1888	Кандидат 1932	Заместитель командующего войсками УрВО	11.03.37	01.07.37	—	28.11.56
9.	ВОСКАНОВ (ВОСКАНЯН) Гаспар Карапетович	1887	1919	Заместитель председателя Центрального совета Оссовиахимы СССР	28.05.37	20.09.37	20.09.37	1956
10.	ГАЙ (ГАЙК БЖИШКЯН) Гай Дмитриевич*	1887	1918	Начальник кафедры истории войн и военного искусства Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (ВВА)	июль 1935	11.12.37	11.12.37	30.05.56
11.	ГАЙЛИТ (ГАЙЛИТИС) Ян Петрович	1894	1918	Командующий войсками УрВО	15.08.37	01.08.38	01.08.38	26.11.56
12.	ГАРЬКАВЫЙ Илья Иванович	1888	1918	Командующий войсками УрВО	11.03.37	01.07.37	01.07.37	12.12.56
13.	ГЕККЕР Анатолий Ильич	1886	1917	Начальник отдела внешних сношений Разведупра РККА	30.05.37	01.07.37	01.07.37	22.08.56
14.	ГЕРМАНОВИЧ Маркиан Яковлевич	1895	1918	Заместитель командующего войсками ЛВО	07.08.37	20.09.37	20.09.37	06.04.57

* Г.Д. Гай персональное военное звание «комкор» получить не успел, поскольку был арестован до их введения. Звание определено по занимаемой должности.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
15.	ГИТТИС Владимир Михайлович	1881	1925	Начальник отдела внешних заказов НКО СССР	28.11.37	22.08.38	22.08.38	02.06.56
16.	ГОРБАЧЕВ Борис Сергеевич	1892	1917	Командующий войсками УрВО	03.05.37	03.07.37	03.07.37	14.03.56
17.	ГОРЯЧЕВ Елисей Иванович	1892	1919	Командующий армейской кавгруппой КВО	Не арестовывался	Покончил жизнь самоубийством	12.12.38	—
18.	ГРИБОВ Сергей Ефимович	1895	1926	Командующий войсками СКВО	28.01.38	29.07.38	—	21.04.56
19.	ГРЯЗНОВ Иван Кенсоринович	1897	1922	Командующий войсками САВО	15.08.37	29.07.38	29.07.38	05.05.56
20.	ЕФИМОВ Николай Алексеевич	1897	1918	Начальник Арлуправления РККА	27.05.37	14.08.37	—	09.02.57
21.	ЗОНБЕРГ Жан Фрицевич	1891	1917	Инспектор при НКО по военной работе Осоавиахима СССР	29.11.37	01.09.38	—	30.06.56
22.	ИНГАУНИС Феликс Антонович	1894	1931	Начальник ВВС ОКДВА	29.11.37	28.07.38	28.07.38	02.06.56
23.	КАЛМЫКОВ Михаил Васильевич	1888	1917	Командир 20-го стрелкового корпуса	25.06.37	16.04.38	16.04.38	19.05.56
24.	КОВТЮХ Елифан Иович	1890	1918	Армейский инспектор БВО	10.08.37	29.07.38	29.07.38	22.02.56
25.	КОСОГОВ Иван Дмитриевич	1891	1919	Командир 4-го казачьего корпуса	26.05.37	01.08.38	01.08.38	18.04.56
26.	КРИВОРУЧКО Николай Николаевич	1887	1919	Заместитель командующего войсками БВО	21.02.38	19.08.38	19.08.38	11.04.56

27.	КУЙБЫШЕВ Николай Владимирович	1893	1918	Командующий войсками ЗакВО	02.02.38	01.08.38	01.08.38	19.05.56
28.	КУТЯКОВ Иван Семенович	1897	1917	Заместитель командующего войсками ПривО	15.05.37	28.07.38	28.07.38	15.03.56
29.	ЛАВРОВ Василий Константинович	1898	Кандидат	Начальник штаба ВВС РККА	26.07.37	29.07.38	—	30.06.56
30.	ЛАПИН (ЛАПИНЬШ) Альберт Янович	1899	1917	Помощник командующего ОКДВА по ВВС	17.05.37	В тюрьме покончил жизнь самоубийством	21.09.37	—
31.	ЛЕВИЧЕВ Василий Николаевич	1891	1919	Заместитель начальника Генштаба РККА	05.06.37	26.11.37	—	28.07.56
32.	ЛЕПИН Эдуард Давыдович	1889	1920	Военный атташе СССР в Китае	Декабрь 1937	22.08.38	22.08.38	08.09.56
33.	ЛОНГВА Роман Войцехович	1891	1910	Начальник Управления связи РККА	21.05.37	08.02.38	—	15.09.56
34.	МАГЕР Максим Петрович	1897	1915	Член Военного совета ЛВО	10.09.38, вторично – 08.04.41	20.07.41	16.10.41	15.10.55
35.	МЕЖЕНИНОВ Сергей Александрович	1890	Кандидат	Заместитель начальника Генштаба РККА	20.06.37	28.09.37	28.09.37	11.07.57
36.	МУЛИН Валентин Михайлович	1885	1906	Заместитель командующего войсками ЗакВО	05.02.38	Тройкой НКВД ГССР 21.06.38	—	12.10.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
37.	НЕЙМАН Константин Августович	1897	1917	Начальник 8-го Главного управления НК ОП СССР	21.07.37	05.11.37	–	29.10.55
38.	ПЕТИН Николай Николаевич	1876	Кандидат 1931	Начальник Военно-Инженерного управления РККА	04.06.37	07.10.37	07.10.37	29.09.56
39.	ПЕТРЕНКО-ЛУНЕВ Сергей Васильевич	1890	1917	Военный консультант при председателе Совнаркома СССР	28.05.37	09.12.37	09.12.37	21.07.56
40.	ПОКУС Яков Захарович	1894	1919	Заместитель командующего войсками ОКДВА	22.02.38, вторично – 003.10.40	16.07.41 «10 + 5»	Умер в ИТЛ	11.04.56
41.	ПРИМАКОВ Виталий Маркович	1897	1914	Заместитель командующего войсками ЛВО	14.08.36	11.06.37	12.06.37	31.01.57
42.	ПУГАЧЕВ Семен Андреевич	1889	1934	Начальник Военно-транспортной академии РККА	10.10.38	26.10.39 «15 + 5»	Умер в заключении 23.03.43	30.06.56
43.	ПУТНА Витовт Казимирович	1893	1917	Военный атташе СССР в Великобритании	20.08.36	11.06.37	12.06.37	31.01.57
44.	САЗОНТОВ Андрей Яковлевич	1894	1927	Начальник Дальвоенстроя при СНК СССР	26.05.38	26.08.38	26.08.38	05.05.56
45.	САНГУРСКИЙ Михаил Владимирович	1894	1919	Заместитель командующего ОКДВА	01.06.37	28.07.38	28.07.38	18.04.56
46.	СМОЛИН Иван Иванович	1895	1919	Начальник Военно-Инженерной академии РККА им. В. В. Куйбышева ((ВИА)	14.05.37	20.09.37	–	22.10.55

47.	СОКОЛОВ Владимир Николаевич	1896	1917	И. о. главного инспектора Комитета обороны при СНК СССР	14.11.38	14.04.39	15.04.39	30.06.56
48.	СТЕПАНОВ Максим Осипович	1893	1918	Начальник Военно-Химического управления РККА	09.11.38	31.05.39 «20 + 5»	Умер в ИТЛ в 1945 г.	30.06.56
49.	СТОРОЖЕНКО Алексей Алексеевич	1895	Кандидат	Помощник командующего ТОФ по Сухопутным войскам	13.04.38	22.08.38	–	14.07.56
50.	СТУЦКА Кирилл Андреевич	1890	1918	Начальник КУКС АБТВ РККА	29.11.37	Высшей двойкой 17.01.38	17.01.38	20.06.56
51.	ТКАЧЕВ Иван Федорович	1896	1918	Начальник Главного управления Гражданского воздушного флота (ГУГФ)	–	29.07.38	29.07.38	08.02.56
52.	ТУРОВСКИЙ Семен Абрамович	1895	1911	Заместитель командующего войсками ХВО	02.09.36	01.07.37	01.07.37	29.09.56
53.	УГРЮМОВ Леонтий Яковлевич	1887	1919	Заместитель начальника УБП РККА	21.05.37	14.08.37	14.08.37	23.05.56
54.	УРИЦКИЙ Семен Петрович	1895	1912	Заместитель командующего войсками МВО (быв. начальник Разведупра РККА)	01.11.37	01.08.38	01.08.38	07.03.56
55.	ФЕЛЬДМАН Борис Маронович	1890	1920	Заместитель командующего войсками МВО (быв. начальник Управления по составу РККА)	15.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
56.	ФЕСЕНКО Дмитрий Семенович	1895	1917	Заместитель командующего войсками КВО	18.07.37	15.10.37	–	19.07.57
57.	ХАХАНЬЯН Григорий Давидович	1895	III/1917	Руководитель военной группы КСК при СНК СССР (быв. член Военного совета ОКДВА)	01.02.38	22.02.39	23.02.39	11.04.56
58.	ХРИПИН Василий Владимирович	1893	1919	Командующий воздушной армией	25.11.37	29.07.38	–	14.07.56
59.	ЧАЙКОВСКИЙ Кассиан Александрович	1893	–	Начальник Управления боевой подготовки РККА	21.05.37	Решения по делу нет	Умер в Читинской тюрьме в 1938 г.	14.09.56 Дело прекращено 23.06.38
60.	ЭЙДЕМАН Роберт Петрович*	1895	1917	Председатель Центрального совета Осоавиахима СССР	22.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57

11. Флагманы 1-го ранга

1.	ДУШЕНОВ Константин Иванович	1895	1919	Командующий Северным флотом (СФ)	22.05.38	03.02.40	04.02.40	29.04.55
2.	КАДАЦКИЙ-РУДНЕВ Иван Никитич	1889	1931	Командующий Амурской Краснознаменной военной флотилией (АКВФ)	19.03.38	28.07.38	–	11.07.56

- * Кроме того, арестовывались и отдавали тюремной поклаеки комкоры: командующий войсками СибВО Максим Антонович АНТОНЮК, начальник штаба ОКДВА: Степан Николаевич БОГОМЯГКОВ, заместитель командующего войсками ЗабВО Николай Васильевич ЛИСОВСКИЙ, заместитель командующего войсками МВО Леонид Григорьевич ПЕТРОВСКИЙ и начальник Управления высших военных учебных заведений РККА Александр Иванович ТОДОРСКИЙ.

3.	ЛУДРИ Иван Мартынович	1895	1918	Начальник Военно-Морской академии РККФ	летом 1937 г.	26.11.37	26.11.37	08.09.56
4.	ПАНЦЕРЖАНСКИЙ Эдуард Самойлович	1887	б/п	Старший руководитель кафедры ВАГШ РККА	13.06.37	26.09.37	–	07.07.56
5.	СИВКОВ Александр Кузьмин*	1892	1920	Командующий Краснознаменным Балтийским флотом (КБФ)	1937	22.02.38	–	10.10.56

12. Генерал-лейтенанты авиации

1.	АРЖЕНУХИН Федор Константинович	1902	–	Начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии	–	Расстрелян без суда	28.10.41	–
2.	ПРОСКУРОВ Иван Иосифович Герой Советского Союза	1907	1927	Командующий ВВС 7-й армии (быв. заместитель наркома обороны СССР – начальник Главного разведуправления НКО)	27.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	11.05.54
3.	ПТУХИН Евгений Саввич Герой Советского Союза	1902	1918	Командующий ВВС Юго-Западного фронта	27.06.41	Постановлением ОСО 13.02.42	23.02.42	06.10.54
4.	ПУМГУР Петр Иванович Герой Советского Союза	1900	1919	Командующий ВВС МВО	31.05.41	Постановлением ОСО 13.02.42	23.03.42	25.06.55

- * Арестовывался председатель постоянной комиссии по приему строящихся кораблей флагман 1-го ранга Александр Карлович ВЕКМАН.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5.	РЫЧАГОВ Павел Васильевич Герой Советского Союза	1911	1938	Слушатель ВАГШ РККА (быв. зам. наркома обороны СССР – начальник Главного управления ВВС Красной Армии)	24.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	23.07.54
6.	СМУШКЕВИЧ Яков Владимирович Дважды Герой Советского Союза	1902	1918	Помощник начальника Генерального штаба Красной Армии по авиации	08.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	11.05.54

13. Корпусные комиссары

1.	АВИНОВИЦКИЙ Яков Лазаревич	1897	1918	Начальник Военной академии химической защиты РККА	27.08.37	08.01.38	08.01.38	17.09.55
2.	АПСЕ Мартин Янович	1893	1912	Член Военного совета ЗабВО	–	03.09.39 «25 + 5»	Умер в ИТЛ в 1942 г.	27.10.56
3.	АРТУЗОВ (ФРАУЧИ) Артур Христианович	1891	1917	Заместитель начальника Разведуправления РККА	13.05.37	21.08.37	21.08.37	07.03.56
4.	БИТТЕ Август Мартьянович	1893	1911	Начальник Политуправления ЗабВО	–	21.10.39	–	25.07.56
5.	ГРИНБЕРГ Исаак Моисеевич	1899	1918	Член Военного совета Авиации особого назначения (АОН)	26.11.37	29.07.38	–	28.03.57
6.	ЗИНОВЬЕВ Григорий Алексеевич	1896	1917	Член Военного совета КБФ	20.06.38	22.08.38	–	0106.56

7.	ИЛЬИН Николай Ильич	1895	1918	Член Военного совета Военно-Морских Сил РККА	20.12.37	03.04.38	–	19.07.57
8.	КАРИН Федор Петрович (КРУТЯНСКИЙ Тодрес Янелевич)	1896	1919	Начальник 2-го отдела Разведуправления РККА	16.05.37	Расстрелян «в особом порядке»	21.08.37	05.05.56
9.	МЕЙЕР-ЗАХАРОВ Лев Николаевич	1899	1917	Помощник начальника Разведуправления РККА	11.06.37	10.08.37	–	08.02.56
10.	НАСЕДКИН Николай Александрович	1902	1918	Начальник политотдела ОКЖДВ	13.01.38	25.04.38	Умер 27.06.43	23.06.56
11.	НЕМЕРЗЕЛЛИ (НЕМЕРЗОН) Иосиф Фаддеевич	1895	1917	Начальник ВПАТ	05.12.37	21.09.38	22.09.38	13.10.56
12.	НЕРОНОВ Иван Григорьевич	1897	VI/1917	Военный комиссар ВАФ	10.08.37	10.12.37	–	18.08.56
13.	ОРЛОВ Наум Осипович	1894	1919	Начальник Политуправления ПривО	05.06.37	08.09.37	09.09.37	13.10.56
14.	ПЕТУХОВ Иван Павлович	1895	1915	Для особо важных поручений при наркомате обороны СССР	04.07.38 вторично 12.03.39	Пост. ОСО 20.04.39 «5»	Умер в ИТЛ 30.05.42	11.12.54
15.	ПРОКОФЬЕВ Архип Прокофьевич	1895	1917	Военный комиссар Особого корпуса в МНР	25.01.38	09.05.39	09.05.39	18.07.56
16.	РАЗГОН Израиль Борисович	1892	1908	Начальник Управления вооружения Управления Морских Сил РККА	16.08.37	02.12.37	–	02.06.56
17.	РОДИОНОВ Федор Ефимович	1897	1919	Начальник Центрального Дома Красной Армии (ЦДКА)	30.05.37	09.12.37	–	28.07.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
18.	РОШАЛЬ Лев Борисович	1896	1917	Начальник Политотдела Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР	22.07.38	27.01.40	–	30.05.56
19.	САВКО Николай Аркадьевич	1898	1917	Заместитель начальника Политуправления ХВО (осв. 02.01.37)	–	05.10.37	–	09.07.57
20.	СИДОРОВ Константин Григорьевич	1884	1903	Член Военного совета СКВО	25.05.38	25.02.39	25.02.39	25.06.55
21.	СКВОРЦОВ Семен Антипович	1894	1919	Член Военного совета Приморской группы войск ОКДВА	07.11.37	09.04.38	09.04.38	13.08.56
22.	ТРОЯНКЕР Бенедикт Устинович	1900	IX/1917	Член Военного совета МВО	22.11.37	28.07.38	–	21.01.56
23.	ХОРОШ Мордух Лейбович	1899	1918	Заместитель начальника политуправления КВО	09.08.37	15.10.37	15.10.37	08.12.56
24.	ШАПОШНИКОВ Михаил Романович	1899	1918	Начальник Политуправления РККФ	21.04.38	22.08.38	22.08.38	21.07.56
25.	ШЕСТАКОВ Виктор Николаевич	1893	1918	Член Военного совета ЗабВО	09.07.37	02.10.38	02.10.38	28.07.56
26.	ШТЕЙНБРОК Отто Оттович	–	–	Начальник 1-го отдела Разведуправления РККА	–	Расстрелян в «особом порядке»	21.08.37	–

27.	ЯРЦЕВ Алексей Петрович*	1895	–	Начальник Политуправления ЗабВО (перед арестом уволен)	03.11.37	Тройкой НКВД ГССР	11.03.38	30.12.55
-----	-------------------------	------	---	--	----------	-------------------	----------	----------

14. Коринженеры

1	СИНЯВСКИЙ Николай Михайлович**	1891	1918	Начальник 5-го главка Наркомата оборонной промышленности СССР 1937 г.	29.07.38	–	18.08.56	
---	--------------------------------	------	------	---	----------	---	----------	--

15. Коринтенданты

1.	ЖИЛЬЦОВ Александр Иванович	1896	1918	Начальник Управления снабжения РККА	08.12.38	08.05.39 «20 + 5»	Умер в заключении в 1941 г.	19.05.56
2.	КОСИЧ Дмитрий Иосифович	1886	1918	Начальник Управления обзавещевого снабжения РККА	31.05.37	16.11.37	–	20.10.56
3.	ОШЛЕЙ Петр Матвеевич	1886	1917	Помощник командующего войсками МВО	31.05.37	31.10.37	–	19.05.56

16. Корврачи

1.	БАРАНОВ Михаил Иванович	1888	1917	Начальник Санитарного управления РККА	15.08.37	19.03.38	–	22.02.56
2.	КАНГЕЛАРИ Валентин Александрович***	1883	1917	Заместитель наркома здравоохранения РСФСР	17.06.37	26.11.37	26.11.37	15.09.56

* Кроме того, арестовывались и отбыли различные сроки заключения корпусные комиссары: военный комиссар УВС РККА Михаил Федорович БЕРЕЗКИН, член Военного совета Тихоокеанского флота Яков Васильевич ВОЛКОВ, начальник Политуправления ЛВО Трофим Кириллович ГОВОРУХИН, начальник политуправления САВО Григорий Герасимович ЯСТРЕБОВ.

** Длительный срок заключения отбыл начальник Военно-химического управления РККА коринженер Яков Моисеевич ФИШМАН.

***15 лет заключения «отбухал» начальник Ветеринарного управления РККА корветврач Николай Михайлович НИКОЛЬСКИЙ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

17. Корвоенюристы

1	ПЛАВНЕК Леонард Янович	1893	1918	Председатель военного трибунала МВО	10.11.37	07.06.38	–	11.05.57
---	---------------------------	------	------	--	----------	----------	---	----------

18. Комдивы

1.	АЛКСНИС Ян Янович	1895	1913	Начальник кафедры ВАГШ РККА	17.09.38	28.04.39 «15» 26.04.40 «15»	Умер в ИТЛ в 1943 г.	Дело пре- кра- щено за смертью 21.03.44
2.	АНДЕРС Александр Павлович	1880	Б/п	Инспектор поручений при начальнике Аэро- флота СССР	31.10.37	26.04.38	26.04.38	14.07.56
3.	АНДРИЯШЕВ Леонид Прокофьевич	1891	–	Заместитель начальника артиллерии РККА	19.03.38	25.08.38	25.08.38	30.05.56
4.	АПЛОК Юрий Юрьевич	1891	1918	Помощник командую- щего войсками МВО по материальному обеспе- чению	18.12.37	02.04.38	–	25.07.58
5.	АРТЕМЕНКО Николай Филиппович	1898	1918	Заместитель начальника УВУЗ РККА	09.06.37	09.12.37	09.12.37	09.06.56
6.	АРТЕМЬЕВ Константин Петрович	1883	Б/п	Военрук Ленинградского государственного уни- верситета	10.11.37	Высшей двойкой 17.01.38	–	16.05.57
7.	АТОЯН Акоп Татосович	1895	–	Командир Армянской горнстрелковой ди- визии	–	–	Расстрелян в 1937 г.	–

8.	БАЖАНОВ Николай (Ксенофонт) Николаевич	1899	1918	Начальник НИИ ВВС РККА	22.11.37	15.09.38	–	30.05.56
9.	БАЗЕНКОВ Борис Ильич	1896	1920	Начальник управле- ния материально- технического снабжения ВВС РККА	09.11.37	29.07.38	29.07.38	14.03.56
10.	БАКШИ Михаил Маркович	1898	1919	Командир механизиро- ванной бригады (УрВО)	15.05.37	01.07.37	01.07.37	06.06.56
11.	БАЛАКИРЕВ Алексей Федорович	1898	IX /1917	Начальник штаба При- морской группы ОКДВА	11.06.37	27.05.38	27.05.38	14.03.56
12.	БАХРУШИН Александр Михайлович	1900	1919	Начальник ВВС КВО	03.07.37	08.09.37	09.09.37	09.08.57
13.	БЕЛИЦКИЙ Семен Маркович	1889	1920	Начальник Управления Воениздата НКО СССР	23.05.37		–	Умер в тюремной больнице 08.03.38
14.	БЕЛЫЙ Семен Осипович	1896	1917	Командир и военный комиссар корпуса ВУЗ МВО	–	03.11.37	–	18.08.56
15.	БЕРГОЛЬЦ Август Иванович	1897	1919	Старший руководитель кафедры ВАГШ РККА	13.12.37	29.07.38	29.07.38	04.08.56
16.	БЕРГСТРЕМ Вальтер Карлович	1899	1918	Помощник начальника Морских Сил РККА по авиации	20.12.37	28.07.38	–	11.05.57
17.	БЛАЖЕВИЧ Иосиф Францевич	1891	Кан- дидат 1930	И. о. начальника Управ- ления ПВО РККА	18.02.38	16.03.39	–	29.08.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
18.	БЛЮМБЕРГ Жан Карлович	1889	Кандидат 1931	Врид инспектора пехоты РККА	13.12.37	26.04.38	–	19.07.57
19.	БОБРОВ Борис Иосифович	1896	1919	Начальник штаба БВО	30.05.37	22.11.37	–	03.08.57
20.	БОБРОВ Николай Михайлович	1873	1923	Начальник артотдела штаба КВО	29.06.37	09.09.37	–	17.09.57
21.	БОКИС Густав Густавович	1896	1913	Начальник Автобронетанкового управления РККА	05.06.37	19.03.38	19.03.38	29.02.56
22.	БОРИСЕНКО Антон Николаевич	1889	1918	Командир 45-го механизированного корпуса	04.10.37	22.08.38	–	08.12.56
23.	БУАЧИДЗЕ Федор Моисеевич	1900	–	Командир и военный комиссар 2-й Грузинской стрелковой дивизии	30.07.37	Убит во время допроса	01.08.37	–
24.	БУТЫРСКИЙ Василий Петрович	1898	Кандидат 1930	Начальник штаба КВО	20.12.37	02.10.38	–	02.07.57
25.	ВАКУЛИЧ Павел Иванович	1890	1919	Начальник кафедры ВАГШ РККА	30.05.37	13.07.37	13.07.37	11.07.56
26.	ВАСИЛЕВИЧ Иван Иванович	1895	V/1917	Командир 26-го стрелкового корпуса	–	25.08.38	25.08.38	–
27.	ВАСИЛЬЕВ Федор Васильевич	1892	1918	Командир 22-й кавдивизии (ЗабВО)	17.07.37	05.10.38	–	01.06.57

28.	ВАСИЛЬЧЕНКО Николай Николаевич	1896	1918	Помощник генерал-инспектора ВВС Красной Армии	01.06.41	Пост. ОССО 13.02.42	–	17.09.55
29.	ВЕЗИРОВ Гамбай Мамед оглы	1899	1920	Командир и военный комиссар Азербайджанской горнострелковой дивизии	29.07.37	13.10.37	–	28.07.56
30.	ВЕНЦОВ-КРАНЦ Семен Иванович	1897	1918	Командир 62-й Туркестанской дивизии	11.06.37	08.09.37	08.09.37	30.06.56
31.	ВОЛЬПЕ Абрам Миронович	1895	1917	Начальник Административно-мобилизационного управления (АМУ) РККА	30.05.37	14.07.37	14.07.37	02.06.56
32.	ГАРФ Вильгельм Евгеньевич	1884	Б/п	Начальник Военной академии связи им. В. Н. Подбельского	10.05.38	22.08.38	–	28.05.55
33.	ГЕОРГАДЗЕ Валериан Павлович	1893	1922	Председатель Осоавиазхима Грузинской ССР	20.06.37	22.08.38	–	30.05.57
34.	ГЕРМОНИУС Вадим Эдуардович	1890	1920	Командир и военный комиссар 17-го стрелкового корпуса	07.06.37	08.09.37	–	15.12.56
35.	ГОЛОВКИН Василий Григорьевич	1897	1917	Командир 46-й стрелковой дивизии	02.03.38	26.09.38	–	20.10.56
36.	ГОРБУНОВ Михаил Алексеевич	1901	1918	Начальник ВВС КБФ	07.06.37	22.05.38	22.05.38	29.12.56
37.	ГРИГОРЬЕВ Петр Петрович	1892	1918	Командир 7-го кавкорпуса	24.07.37	19.11.37	20.11.37	28.04.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
38.	ГРУШЕЦКИЙ Владислав Флоризинович	1888	1928	Начальник Краснознаменных химических курсов РККА	–	25.08.38	–	21.07.56
39.	ДАВИДОВСКИЙ Яков Львович	1897	III/1917	Командир и военный комиссар II-го мехкорпуса (ЗабВО)	08.06.37	02.10.38	02.10.38	27.04.57
40.	ДАВИДОВ Василий Васильевич	1898	1918	Заместитель начальника Разведуправления РККА. Уволен 21.06.38	–	ВТ МВО 05.07.41	16.10.41	–
41.	ДАНЕНБЕРГ Евгений Евгеньевич	1891	Б/п	Командир 52-й стрелковой дивизии	11.07.37	04.10.38	–	03.10.57
42.	ДЕМИЧЕВ Михаил Афанасьевич	1885	1920	Командир 1-го кавкорпуса	09.08.37	19.11.37	–	20.10.56
43.	ДЕРЕВЦОВ Сергей Иванович	1897	1917	Начальник автоброне-танковых войск ОКДВА	15.05.37	25.03.38	25.03.38	13.07.57
44.	ДОБРОВОЛЬСКИЙ Виктор Петрович	1892	1919	Командир 19-го стрелкового корпуса	–	20.09.38	–	06.10.56
45.	ЗАМИЛАЦКИЙ Григорий Саввич	1895	1917	Преподаватель ВАФ	03.06.38	26.08.38	26.08.38	21.07.57
46.	ЗИНОВЬЕВ Иван Зиновьевич	1892	1919	Начальник штаба СибВО	20.12.37	17.06.38	17.06.38	01.08.57
47.	ЗЮЗЬ-ЯКОВЕНКО Яков Иванович	1892	1919	Командир 2-го стрелкового корпуса	07.06.37	08.10.38 «15 + 5»	Умер в заключении 23.03.42	22.02.56

48.	ИННО (КУЛЬДВЕР) Александр Александрович	1887	1918	Начальник курсов «Выстрел»	–	09.02.38	–	29.09.56.
49.	КАЗАНСКИЙ Евгений Сергеевич	1896	1917	Командир и военный комиссар 5-го стрелкового корпуса	16.05.37	26.09.37	26.09.37	30.06.56
50.	КАЛНИН (КАЛНИНЬШ) Карл Иосифович	1884	1904	Ответственный инструктор президиума Центрального совета Осоавиахима СССР	08.06.37	02.11.37	–	23.09.58
51.	КАЛНИН (КАЛНИНЬШ) Фридрих Карлович	1887	1920	Служил в Военной академии им. Фрунзе	–	–	25.08.38	–
52.	КАПУЛОВСКИЙ Иван Дмитриевич	1894	1920	Командир корпуса ВУЗ КВО	04.10.37	25.08.38	–	04.09.58
53.	КАРКЛИН Иван Иванович	1895	1918	Помощник командующего войсками ЗабВО по ВВС	11.08.37	02.10.38	–	09.04.57
54.	КАССИН Григорий Иустинович	1884	1919	Командир 45-го стрелкового корпуса	05.08.38	14.04.39	–	20.10.56
55.	КВЯТЕК Казимир Францевич (ВИТКОВСКИЙ) Ян Карлович	1888	1917	Заместитель командующего войсками ХВО	17.12.37	25.08.38	–	08.09.56
56.	КИЛЬВЕЙН Георгий Яковлевич	1897	1919	Командир и военный комиссар 74-й стрелковой дивизии (СКВО)	17.05.37	05.08.37	05.08.37	21.09.57
57.	КНЯГНИЦКИЙ Павел Ефимович	1884	1917	Командант и военный комиссар Киевского укрепленного района (УР)	11.06.37	09.09.37	–	13.05.58

1	2	3	4	5	6	7	8	9
58.	КОЖЕВНИКОВ Александр Трофимович	1894	1937	Командующий ВВС УрВО	13.02.38	08.08.38	–	26.03.57
59.	КОЗИЦКИЙ Александр Дмитриевич	1891	Б/п	Начальник Орджоникидзевского пехотного училища	31.05.37	10.08.37	–	20.04.57
60.	КОРОЛЕВ Дмитрий Карпович	1896	Исключен 08.37	Командир 24-й Самаро-Ульяновской железной Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии	27.02.38	27.09.38	–	23.06.59
61.	КОТОВ Николай Яковлевич	1893	1920	Начальник Липецкой высшей летно-тактической школы ВВС	06.09.37	10.01.38	10.01.38	04.06.57
62.	КОХАНСКИЙ Владислав Станиславович	1897	1917	Командир 5-го авиакорпуса (ЗаБВО)	28.05.37	28.07.38	28.07.38	07.07.56
63.	КРАФТ Эдуард Эдуардович	1898	–	Начальник орготдела ГУПВО НКВД СССР	–	21.01.40 «10»	Умер в марте 1941	–
64.	КРУЧИНКИН Николай Кузьмич	1897	1929	Начальник Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР	Март 1937	19.08.38	19.08.38	09.05.56
65.	КУТАТЕЛАДЗЕ Георгий Николаевич	1888	Кандидат 1930	Командир 9-го стрелкового корпуса	19.04.37	12.07.37	12.07.37	23.11.56
66.	КУЧИНСКИЙ Дмитрий Александрович	1898	1918	Начальник Военной академии Генштаба РККА	20.09.37	29.07.38	–	04.08.56

67.	ЛАЗАРЕВИЧ Владимир Саламанович	1882	Б/п	Начальник кафедры Военно-транспортной академии РККА	04.02.38	20.06.38	20.06.38	05.05.56
68.	ЛАУР Жан Иванович	1893	1917	Командир 14-й стрелковой дивизии	23.12.37	30.09.38	–	12.05.56
69.	ЛЕПИН Андрей Генрихович	1896	1918	Начальник Управления пограничных и внутренних войск Украинской ССР	19.05.38	29.07.38	29.07.38	25.08.56
70.	ЛОПАТИН Всеволод Николаевич	1899	Кандидат 1931	Заместитель командующего войсками ЛВО по авиации	14.01.38	29.07.38	29.07.38	12.12.56
71.	ЛУКИРСКИЙ Сергей Георгиевич	1875	Б/п	Научный редактор редакции «Военной энциклопедии» (уволен)	1931 и 29.01.38	02.04.38	02.04.38	29.09.56
72.	МАКСИМОВ Иван Федорович	1894	1918	Начальник 7-го отдела Генерального штаба РККА	15.10.38	15.04.39	–	30.05.56
73.	МАЛОФЕЕВ Василий Иванович	1897	Кандидат 1931	Командир 1-го стрелкового корпуса (ЛВО)	31.08.38	15.10.39 «15 + 5»	Умер в за- ключении	17.09.57
74.	МАЛЫШЕВ Александр Кузьмич	1887	1928	Начальник штаба САВО	23.08.38	08.02.39	19.03.39	19.03.57
75.	МАСЛОВ Константин Васильевич	1892	1918	Командующий ВВС СибВО	–	04.06.38	–	08.12.56
76.	МЕДНИКОВ Михаил Лазаревич	1884	1917	Начальник Управления строительных частей РККА	04.07.37	22.08.38	–	13.06.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
77.	МЕЛИК-ШАХНАЗАРОВ Андрей Павлович	1887	Б/п	Командир 16-го стрелкового корпуса (БВО)	30.05.37	30.10.37	—	29.03.58
78.	МУРЗИН Дмитрий Константинович	1889	1919	Сотрудник Разведывательного управления РККА	23.12.37	28.08.38	28.08.38	21.07.56
79.	НИКИТИН Семен Васильевич	1895	1918	Командир II-го стрелкового корпуса (БВО)	04.03.38	20.08.39 «10 + 5»	Умер в заключении 16.06.41	16.06.56
80.	НИКИФОРОВ Леонид Иванович	1896	1917	Командующий ВВС Тихоокеанского флота	15.01.38	23.05.38	—	10.11.56
81.	НИКОНОВ Александр Матвеевич	1893	1918	Заместитель начальника Разведуправления РККА	05.08.37	26.10.37	26.10.37	19.05.56
82.	ОЛЬШАНСКИЙ Михаил Михайлович	1895	1919	Заместитель начальника АБТУ РККА	15.04.37	20.09.37	20.09.37	22.02.56
83.	ОЛЬШЕВСКИЙ Фаддей Иванович	1890	1918	Начальник отдела артбаз Артиллерийского управления РККА	17.06.37	09.12.37	—	06.06.56
84.	ОНУФРИЕВ Иван Андреевич	1893	VIII/1917	Ответственный организатор Центрального совета Осоавиахима СССР	01.08.37	25.04.38	25.04.38	06.07.57
85.	ОРЛОВ Александр Григорьевич	1898	1927	Начальник кафедры иностранных языков Военной артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского (бывш. начальник Разведупра РККА)	30.06.39	24.01.40	25.01.40	21.05.55

86.	ПАВЛОВ Александр Васильевич	1880	Б/п	Помощник начальника Военной академии им. Фрунзе	05.06.37	—	14.08.37	02.06.56
87.	ПАШКОВСКИЙ Константин Казимирович	1894	1918	Командир 18-го стрелкового корпуса	26.06.37	Высшей двойкой 30.12.37	02.02.38	03.10.56
88.	ПЕРЕМЫТОВ Алексей Макарович	1888	Б/п	Начальник штаба БВО	21.02.38	28.07.38	28.07.38	09.06.56
89.	ПОГА Жан Янович	1889	1918	Командир тяжелого авиакорпуса	08.09.37	29.04.38	29.04.38	04.10.60
90.	ПОГРЕБНОЙ Василий Семенович	1895	1918	Заместитель командующего войсками ХВО	11.02.38	29.07.38	—	27.06.57
91.	РАКИТИН Николай Васильевич	1895	1928	Начальник физической подготовки и спорта РККА	19.06.37	15.12.37	15.12.37	25.02.56
92.	РАУДМЕЦ Иван Иванович	1894	1927	Командант Могилево-Ямпольского УРа	11.06.37	09.09.37	—	04.08.66
93.	РИНК Иван Александрович	1886	1928	Военный атташе СССР в Японии	07.10.37	15.03.38	—	30.06.56
94.	РОГАЛЕВ Федор Федорович	1891	1917	Командир 7-го стрелкового корпуса	Июнь 1937	14.09.37	14.09.37	06.10.56
95.	РОГОВСКИЙ Николай Михайлович	1897	1919	Начальник артиллерии РККА	05.06.37	10.09.37	10.09.37	07.04.56
96.	РОХИ Вильям Юрьевич	1892	1917	Командир 34-й стрелковой дивизии	02.07.37	09.04.38	09.04.38	31.10.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
97.	РУБИНОВ Яков Григорьевич	1895	1917	Начальник штаба ЗабВО	03.07.37	02.10.38	02.10.38	18.04.56
98.	САБЛИН Юрий Владимирович	1897	1919	Командант и военный комиссар Летиневского УРа	25.09.36	19.06.37	20.06.37	12.12.56
99.	САВИЦКИЙ Сергей Михайлович	1897	1918	Начальник штаба ЗакВО	12.05.37	01.07.37	01.07.37	03.10.57
100.	СВЕЧИН Александр Андреевич	1878	Б/п	Помощник начальника кафедры военной истории ВАГШ РККА	1931 и 30.12.37	29.07.38	29.07.38	08.09.56
101.	СЕМЕНОВ Николай Григорьевич	1874	Б/п	Преподаватель тактики ВАФ	10.05.38	26.08.38	26.08.38	27.09.62
102.	СЕРГЕЕВ Евгений Николаевич	1887	Б/п	Старший руководитель кафедры оперативного искусства и стратегии ВАГШ РККА	–	10.09.37	10.09.37	21.03.57
103.	СЕРГЕЕВ Иван Павлович	1897	1932	Преподаватель ВАГШ РККА (быв. нарком боеприпасов СССР)	30.05.41	Пост. ОСО 13.02.42	–	22.10.55
104.	СЕРДИЧ Даниил Федорович	1896	1917	Командир 3-го кавкорпуса	15.07.37	28.07.38	–	23.04.57
105.	СИДОРЕНКО Владимир Семенович	1898	1918	Командир 6-го стрелкового корпуса	–	08.09.37	–	22.12.56
106.	СОКОЛОВ-СОКОЛОВСКИЙ Петр Лукин	1894	1919	Начальник штаба ХВО	30.06.37	09.12.37	09.12.37	09.07.57

107.	СТЕПНОЙ-СПИЖАРНЫЙ Константин Иванович	1898	1918	Помощник начальника АБТУ РККА	06.12.37	29.07.38	–	2209.56
106.	СТИГА Оскар Ансович	1894	1917	Начальник отдела Разведуправления РККА	29.11.37	29.07.38	29.07.38	08.09.56
109.	СУПРУН Кузьма Харитонович	1892	V/1917	Помощник командующего войсками ЗабВО по материально-техническому обеспечению	05.04.38	26.02.40	27.02.40	28.07.56
110.	ТАЛЬКОВСКИЙ Александр Александрович	1894	–	Начальник курса Военной академии им. Фрунзе	23.12.37 вторично 30.06.41	Пост. ОСО 13.02.42	23.02.42	–
111.	ТАРАСЕНКО Владимир Васильевич	1891	1919	Командир 15-го стрелкового корпуса (КВО)	26.09.37	22.12.37	22.12.37	10.10.57
112.	ТАРАСОВ Анатолий Иванович	1894	1918	Начальник штаба ЗабВО	02.07.38	20.05.40	20.05.40	26.11.55
113.	ТЕСТОВ Семен Васильевич	1894	1926	Начальник штаба ВВС РККА	18.01.38	Умер в Лефортовской тюрьме	23.02.38	21.05.38 (НКВД СССР)
114.	ТКАЛУН Петр Пахомович	1894	IX/1917	Командант Московского Кремля	08.01.38	29.07.38	29.07.38	1205.56
115.	ТОЧЕНОВ Николай Иванович	1897	1919	Командир 1-й Особой кавалерийской дивизии им. И. В. Сталина	08.06.37	15.12.37	–	0206.56
116.	ТРИЗНА Дмитрий Дмитриевич	–	–	Начальник Военной Артакадемии им. Ф. Э. Дзержинского	–	Умер в Лефортовской тюрьме	04.07.38	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
117.	ТУХАРЕЛИ Георгий Александрович	1891	Кандидат 1932	Помощник командующего войсками ЗакаВО по материально-техническому обеспечению	17.04.37	12.07.37	12.07.37	09.01.57
118.	УВАРОВ Николай Михайлович	1896	1924	Начальник управления авиации Центрального совета Осоавиахима СССР	22.03.38	28.08.38	28.08.38	11.07.57
119.	УШАКОВ Константин Петрович	1896	1920	Командир 9-й кавдивизии	21.02.38	20.07.39 «15 + 5»	Умер в ИТЛ в 1943 г.	14.03.57
120.	ФЕДОТОВ Анатолий Васильевич	1892	1920	Начальник штаба ЛВО	22.10.37	20.09.39	—	17.10.57
121.	ФИРСОВ Дмитрий Сергеевич	1895	И/1917	Командир 39-й стрелковой дивизии (ОКДВА)	31.05.37	25.03.38	—	23.07.57
122.	ФЛОРОВСКИЙ Иван Данилович	1894	1917	Начальник ВВС Приморской группы войск ОКДВА	10.06.37	25.03.38	—	05.01.57
123.	ХОРОШИЛОВ Иван Яковлевич	1898	1917	Заместитель начальника Управления по начальствующему составу РККА	12.02.38	26.08.38	—	18.08.56
124.	ЧЕРНОБРОВКИН Сергей Алексеевич	1897	1919	Заместитель командующего войсками БВО по авиации	—	29.04.38	—	13.08.57

125.	ШАЛИМО Михаил Николаевич	1898	1927	Помощник командующего войсками ЗабВО по ВВС	24.08.37	02.10.38	—	09.04.57
126.	ШАРСКОВ Иван Федорович	1886	1922	Начальник Одесского артиллерийского училища	—	08.05.39 «15»	Умер в закл. в 1942 г.	11.08.56
127.	ШЕКО Яков Васильевич	1893	1919	Командир 4-го казачьего корпуса	10.08.37	05.06.38	05.06.38	18.07.56
128.	ШИРОКИЙ Иван Федорович	1893	1919	Заместитель начальника Аэрофлота СССР	09.02.38	08.04.38	08.04.38	14.07.56
129.	ШМИДТ Дмитрий Аркадьевич (ГУТМАН Давид Аронович)	1895	1915	Командир 8-й мотомехбригады (КВО)	09.07.36 06.07.36 (по картонке)	19.06.37	19.06.37	
130.	ЩЕГЛОВ Николай Владимирович*	1889	Кандидат 1931	Командир 1-й дивизии ПВО (г. Москва)	31.05.37	28.10.37	—	25.04.56

* Кроме того, арестовывались и отбыли различные сроки заключения комдивы: начальник АМУ РККА А. И. БАРИНОВ, командир 7-го мотомехкорпуса Михаил Фомич БУКШТЫНОВИЧ, начальник штаба ОКДВА Владислав Константинович ВАСЕНЦОВИЧ, помощник начальника ВВС ОКДВА Григорий Алексеевич ВОРОЖЕЙКИН, начальник кафедры ВАГШ РККА Георгий Самойлович ИССЕРСОН, командир 17-й стрелковой дивизии Михаил Петрович КАРПОВ, начальник кафедры Военно-электротехнической академии Федор Петрович КАУФЕЛЬДТ, командир авиабригады Франц Антонович КЛЫШЕЙКО, командир ОКЖДВ Александр Демьянович КУЛЕШОВ, командир 18 ск Эрман Яковлевич МАГОН, заместитель командующего войсками САВО Яков Аркадьевич МЕЛЬКУМОВ, начальник КУКС ЛВО Иван Васильевич ПАНИН, командующий 1-й ОКА Кузьма Петрович ПОДЛАС, Рудольф Рудольфович РОЗЕ, командир 5-го кавкорпуса Константин Константинович РОКОССОВСКИЙ, начальник Управления пограничных и внутренних войск УНКВД Дальневосточного края Федор Георгиевич СОКОЛОВ, Семен Авакумович СПИЛЬНИЧЕНКО, командир авиабригады Александр Александрович ТУРЖАНСКИЙ, командир 57 сд Вячеслав Дмитриевич ЦВЕТАЕВ, Якуб Джангирович ЧАНЫШЕВ, начальник 1-го отдела АМУ РККА В. Н. ЧЕРНЫШЕВ, командир 6 сд Иван Иосифович ШАФРАНСКИЙ, командир 13-го стрелкового корпуса Василий Александрович ЮШКЕВИЧ, командующий ВВС САВО Розе Абдуллаевич ЯКУБОВ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

19. Флагманы 2-го ранга

1.	ВАСИЛЬЕВ Александр Васильевич	1887	Канди- дат	Командир бригады за- граждения и траления ТОФ	13.01.38	04.05.38	–	06.06.57
2.	ВИНОГРАДСКИЙ Георгий Георгиевич	1890	Б/п	Командир бригады ми- ноносцев КБФ	–	Высшей двойкой 17.01.38	17.01.38	04.08.56
3.	ГАЛКИН Георгий Павлович	1896	1918	Помощник командующе- го КБФ по ВВС	09.01.38	22.09.38	–	24.12.57
4.	ИСАКОВ Дмитрий Павлович	1895	1924	Командующий Каспий- ской военной флотилией	1938	Пост. ОСО 1942 «5»	Судьба не установ- лена	Май 1955
5.	КАЛАЧЕВ Владимир Петрович	–	–	Заместитель начальника Главного морского шта- ба РККА	–	14.06.38	–	20.08.55
6.	ОЗОЛИН Екаб (Яков) Иванович*	1893	1919	Начальник Военно- морского училища	14.03.38	27.09.38	–	–

20. Дивизионные комиссары

1.	БАЛЫЧЕНКО Роман Лаврентьевич	1892	1917	Член Военного совета ПриВО	10.11.38	04.05.39 «10+5»	Умер в закл. 31.05.43	19.02.59
----	---------------------------------	------	------	-------------------------------	----------	--------------------	-----------------------------	----------

* На длительные сроки лишения свободы были осуждены флагманы 2-го ранга: командир 1-й бригады подлодок Черноморского флота Григорий Васильевич ВАСИЛЬЕВ и др.

2.	БАРГЕР Моисей Павлович	1892	1917	Заместитель начальника Политуправления ПриВО	04.10.37	16.05.38	–	06.06.56
3.	БАУЗЕР Фриц Давидович	1888	1907	Член Военного совета САВО	04.12.37	29.07.38	29.07.38	19.03.57
4.	БАХИРЕВ Александр Никифорович	1892	IV/1917	Врид военного комис- сара 3-го стрелкового корпуса	06.07.37	02.12.37	02.12.37	18.04.56
5.	БЛУАШВИЛИ Николай Константинович	1900	–	Начальник Политуправ- ления ХВО	–	Тройкой НКВД	Рас- стрелян 25.09.38	–
6.	БЛУМЕНТАЛЬ Фридрих Леопольдович	1896	1919	Старший инспектор По- литуправления РККА	23.07.37	09.12.37	–	14.05.55
7.	БОРОВИЧ (РОЗЕНТАЛЬ) Лев Александрович	1896	1919	Заместитель начальника 2-го отдела Развед- управления РККА	11.07.37	25.08.37	–	17.11.56
8.	БОЧАРОВ Леонид Иванович	1900	1918	Военный комиссар 4-го казачьего кавкорпуса им. С. М. Буденного	21.02.38	11.07.41 «15+5»	Умер в за- ключении	20.10.56
9.	ВАЙНЕРОС Исидор Давидович	1899	1917	Начальник Политуправ- ления ОКДВА	07.10.37	25.03.38	–	11.08.56
10.	ВИНОКУРОВ Владимир Сергеевич	1899	1918	Начальник Политотдела Амурской военной фло- тилии	11.06.37	22.08.38	22.08.38	11.10.57
11.	ГЛАДЫШЕВ Николай Яковлевич	1900	Щ/1917	Начальник Политуправ- ления ЛВО	–	02.10.38	–	17.11.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
12.	ГОЛОВКОВ Михаил Сергеевич	1895	–	Военный комиссар Оренбургской ВШЛ	–	21.08.39	–	–
13.	ГОРИН Григорий Исаевич	1897	1917	Военный комиссар 26-го стрелкового корпуса (перед арестом уволен)	26.06.38	13.07.41	–	14.05.57
14.	ГОРНОСТАЕВ Иван Михайлович	1897	1917	Начальник Политуправления КВО	19.02.38	25.08.38	25.08.38	11.07.56
15.	ГУСЕВ Авенир Ассикритович	1892	1917	Председатель Московского облсовета Осоавиахима СССР	20.02.37	04.09.37	–	12.05.56
16.	ДОНЕНКО Николай Ефимович	1896	1918	Начальник Политуправления ГВФ (быв. начальник Политуправления ОКДВА)	–	16.08.37	–	29.09.56
17.	ДРАКОХРУСТ Абрам Генрихович	1899	1917	Начальник Политотдела 5-й механизированной бригады	17.06.37	30.10.37	–	23.06.56
18.	ДУПЛИЦКИЙ Дмитрий Сергеевич	1890	1918	Начальник моботдела Главсевморпути	04.11.37	19.02.38	–	25.06.57
19.	ЕГОРОВ Дмитрий Яковлевич	1892	1913	Начальник сектора дорожного хозяйства и авиационного транспорта Госплана СССР	26.04.39	01.02.40	–	30.05.57
20.	ЕРМОЛЬЧИК Митрофан Петрович	1898	1918	Военный комиссар 6-го тяжелого авиационного корпуса	11.02.38	29.04.38	29.04.38	09.07.64

21.	ЗАЙЦЕВ Василий Ефимович	1897	1917	Военный комиссар Особого корпуса железнодорожных войск (ОКЖДВ)	21.06.37	25.04.38	–	23.05.57
22.	ЗЕЛЬДОВИЧ Михаил Евсеевич	1900	1918	Военный комиссар 6-го стрелкового корпуса	11.06.38	25.06.38	–	28.07.56
23.	ЗЕМСКОВ Сергей Иванович	1898	1918	Член Военного совета Черноморского флота	25.11.37	03.04.38	–	14.07.56
24.	ЗИЛЬБЕРТ Иосиф Исаевич	1899	1918	Состоял в распоряжении Разведуправления РККА	19.09.38	14.04.39	–	27.06.57
25.	ИМЯНИНИКОВ Михаил Александрович	1896	1917	Заместитель коменданта Московского Кремля	30.04.37	03.07.37	–	25.08.56
26.	ИНДРИКСОН Ян Гедертович	1889	1904	Старший инструктор Политуправления РККА	26.04.38	22.02.39	23.02.39	11.04.56
27.	ИСАЕВ Михаил Михайлович	1886	1917	Заместитель руководителя военной группы Комитета советского контроля при СНК СССР	25.08.38	04.05.39 «15+5»	Умер в закл. в 1953 г.	26.03.57
28.	ИСАЕНКО Михаил Герасимович	1893	1915	Начальник Политуправления МВО	04.11.37	02.04.38	–	24.10.56
29.	КАВАЛЕРС Рудольф Эдуардович	1893	1913	Военный комиссар 7-го стрелкового корпуса	31.10.37	26.12.37	–	13.05.58
30.	КАЛЬПУС Борис Алексеевич	1895	1919	Заместитель председателя Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР	13.01.38	29.08.38	–	28.07.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
31.	КРАСНОВ Евгений Васильевич	1895	1919	Заместитель начальника Управления по командному составу РККА	05.12.37	14.03.38	14.03.38	17.12.55
32.	КРОЛЕВЕЦКИЙ Григорий Михайлович	1898	–	Начальник Политотдела Забайкальского УР	–	05.10.38	–	–
33.	ЛАВРОВ Михаил Васильевич	1897	1919	Заместитель начальника Политуправления ТОФ	04.10.37	23.05.38	–	14.07.56
34.	ЛЕВЕНЗОН Филипп Яковлевич	1893	1918	Начальник СКО Приморской группы ОКДВА (быв. начальник СКУ РККА)	15.05.37	25.03.38	–	23.05.57
35.	ЛООС Август Симмович	1893	1918	Уволен. Нач. моботдела Наркомпищепрома СССР	–	ОСО 21.06.39 «З ИТЛ»	Умер 26.11.41 в Сиблэге	–
36.	МАЛЬЦЕВ Иван Семенович	1893	1917	Начальник Политотдела 12-й стрелковой дивизии	–	1939 г.	–	–
37.	МАРКОВ Григорий Назумович	1901	1920	Военный комиссар корпуса ВУЗ г. Киева	22.01.38	25.09.38	–	15.09.56
38.	МЕЗЕНЦЕВ Федор Сергеевич	1897	1917	Член Военного совета Черноморского флота	13.09.38	02.02.39	–	02.08.57
39.	МЕЙСАК Сильвестр Яковлевич	1899	1918	Заместитель начальника Политотдела ГУПВО НКВД СССР	–	25.08.38	–	03.03.56

40.	МИНЧУК Александр Иванович	1898	1917	Военный комиссар Военно-химического управления РККА	23.02.38	25.08.38	–	11.06.57
41.	МИРОВИЦКИЙ Павел Васильевич	1900	1917	Военный комиссар 10-го стрелкового корпуса	06.11.37	16.01.38	–	05.09.56
42.	МИТЮКОВ Петр Сергеевич	1895	1918	Военный комиссар Амурской военной флотилии	04.02.38	10.09.38	10.09.38	24.06.71
43.	МУСТАФИН Исаак Абрамович	1897	1918	Заместитель начальника Политуправления ЧФ	11.06.37	18.04.38	–	28.03.57
44.	НЕВРАЕВ Георгий Федорович	1892	1917	Заместитель начальника Политуправления ЗабВО	–	В тюрьме закончил жизнь самоубийством	–	–
45.	НИЖЕЧЕК Илья Соломонович	1895	1919	Заместитель начальника ВПАТ	19.02.37	30.08.37	–	14.02.59
46.	ОЗОЛ Владимир Карлович	1893	1917	Начальник 448-го окружного склада МВО (быв. заместитель начальника Политуправления МВО)	01.11.37	02.04.38	–	04.07.57
47.	ПЕТЕРСОН Ян Янович	1889	1904	Заместитель начальника Особого технического управления НКОП СССР	20.09.37	27.04.38	–	19.05.56
48.	ПИСМАНИК Григорий Ефимович	1899	1917	Начальник Политуправления БВО	26.11.37	29.04.38	–	25.06.55

1	2	3	4	5	6	7	8	9
49.	ПЛАУ Даниэль Данилович	1896	1917	Военный комиссар 12-го стрелкового корпуса	21.02.38	20.05.38	–	07.01.56
50.	ПОДАРИН Николай Иванович	1892	1918	Заместитель начальника Политуправления СибВО	15.05.37	31.10.37	–	09.03.57
51.	РАБИНОВИЧ Соломон Зиновьевич	1898	1917	Военный комиссар Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова	17.01.38	14.09.39 «20+5»	Умер в заключ. 01.01.42	11.08.56
52.	РИТГЕЛЬ Гавриил Иванович	1902	1920	Начальник Политотдела 2-го кавкорпуса	04.08.37	17.10.37	–	15.11.57
53.	САФРАЗБЕКЯН Геворк Садатович	1900	1920	Главный политинструктор МНРА	29.07.37	10.09.37	10.09.37	23.11.55
54.	СВИНКИН Иван Андреевич	1899	1917	Военный комиссар 20-го стрелкового корпуса	05.10.37	25.03.38	–	05.09.57
55.	СЕРГУХОВИТИН Василий Васильевич	1899	1918	Военный комиссар корпуса ВУЗ ЛВО	29.09.37	25.02.38	–	22.09.56
56.	СИМОНОВ Михаил Васильевич	1889	1917	Заместитель начальника АМУ РККА и секретарь Центрбюро парторганизации НКО	10.02.38	25.08.38	25.08.38	10.03.56
57.	СМОЛЕНСКИЙ Яков Львович	1899	1918	Военный комиссар Военно-воздушной академии РККА	29.12.37	29.08.38	29.08.38	23.06.56

58.	СОКОЛЕНКО Федор Никитич	1900	1920	Начальник Политотдела 45-го мехкорпуса	02.07.37	08.09.37	–	04.06.57
59.	СТЕЛЬМАХ Емельян Васильевич	1898	1914	Начальник 8-го отдела Разведуправления РККА	30.07.37	26.10.37	26.10.37	24.12.55
60.	СУСЛОВ Павел Васильевич	1901	1918	Помощник начальника Военно-химической академии РККА по политчасти	09.06.37	08.09.37	09.09.37	01.02.58
61.	СЫЧЕВ Иван Иванович		1917	Начальник Политуправления БВО	07.06.38	04.05.39 «15»	Умер в ИТЛ в 1942 г.	Октябрь 1956
62.	ТАРУТИНСКИЙ Александр Васильевич	1898	1918	Член Военного совета УрВО	04.02.38	29.04.38	29.04.38	25.02.56
63.	ТРЕТЬЯКОВ Алексей Яковлевич	1896	1918	Начальник Политотдела 22-й кавдивизии	15.06.37	05.10.38	–	01.06.57
64.	ТУБАЛА Иоганн Фридрихович (Иван Федорович)	1896	–	Не установлена	–	Тройкой НКВД ГССР 21.06.38	22.06.38	–
65.	УГУЛАВА Олифант (по делу Олифант) Леванович	1898	1918	Заместитель начальника Политуправления ЗакВО	19.07.37	30.09.37	30.09.37	19.07.57
66.	ФЕЛЬДМАН Петр Максимович	1899	1919	Начальник Политуправления ЧФ	17.02.38	22.08.38	22.08.38	02.06.56
67.	ХАРИТОНОВ Харлампий Харлампиевич	1899	1919	Начальник агитпропотдела Политуправления	05.07.37	10.09.37	–	23.05.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
68.	ЦАРЕВ Яков Тимофеевич	1891	1917	Военный комиссар корпуса ВУЗ МВО	28.06.38	02.03.39	02.03.39	31.10.56
69.	ШУУЛЬГА Василий Афанасьевич	1890	1917	Ответственный секретарь парткомиссии ОКДВА	21.06.38	15.04.39	—	15.12.56
70.	ЩЕГОЛЕВ Лев Израилевич	1897	1918	Старший инспектор Политуправления РККА	07.07.37	10.09.37	10.09.37	09.06.56
71.	ЮКАМС Иван Яковлевич	1891	1914	Ответственный секретарь окружной парткомиссии МВО	31.10.37	02.04.38	—	26.05.56
72.	ЮНГ Николай Альбертович	1901	1919	Член Военного совета СибВО	30.01.38	02.07.38	02.07.38	25.04.56
73.	ЯКУБОВСКИЙ Лев Григорьевич*	1896	1917	Военный комиссар 18-го стрелкового корпуса	24.08.37	25.03.38	25.03.38	18.06.60

21. Дивизионные инженеры

1.	АКСЕНОВ Алексей Михайлович	1898	1917	Начальник Управления связи РККА	29.12.37	22.08.38	23.08.38	20.10.56
2.	БАНДИН Александр Павлович	1895	1925	Помощник начальника Инженерного управления РККА	—	14.06.38	—	25.04.57

* Кроме того, различные сроки заключения отбыли дивизионные комиссары: помощник начальника Артиллерийских КУНС по политчасти Исая Моисеевич ВЕЙНЕРОВИЧ, начальник Политуправления авиации особого назначения (АОН) Иван Павлович ЗЫКУНОВ, заместитель начальника Политуправления ПривВО Петр Григорьевич КАМЕНСКИЙ, помощник начальника УПВО г. Ленинграда по политчасти Илья Лазаревич КОГАН, сотрудник Разведывательного управления РККА Павел Иосифович КОЛОСОВ (ЗАИКА), начальник Политуправления ОКДВА Иван Ионович КРОПАЧЕВ, Иван Никифорович НЕСТЕРЕНКО, военком ВЭТА САЕНКО, Иван Васильевич САФРОНОВ, помощник начальника Военно-химической академии РККА по политчасти Михаил Львович СЛАВИН, военный комиссар ОКЖДВ Алексей Васильевич ТЕРЕНТЬЕВ, военком Военно-медицинской академии Петр Степанович УДИЛОВ, военком 14 ск Александр Васильевич УСАТЕНКО и др.

3.	БОРДОВСКИЙ Стефан Васильевич	1894	1919	Начальник Технического управления РККА	25.05.37	19.03.38	—	05.10.57
4.	ПОТАПОВ Георгий Хрисанфович	1893	Б/п	Заместитель начальника Военно-инженерной академии РККА	21.05.37	01.07.37	01.07.37	09.01.57
5.	САКРИЕР Иван Филимонович доктор технических наук*	1900	1919	Нач. управления вооружений ВВС РККА	Апрель 1941	—	Расстрелян без суда 28.10.41	—

22. Инженер-флагманы 2-го ранга

1.	АЛЯКРИНСКИЙ Николай Владимирович	1896	1920	Начальник НИИ военного кораблестроения Управления Морских Сил РККА	11.07.37	22.02.38	—	21.01.56
2.	АЛЯКРИЦКИЙ Борис Евгеньевич	1899	1919	Начальник Управления кораблестроения Морских Сил РККА	10.07.37	26.11.37	—	21.07.56
3.	ЛЕОНОВ Александр Васильевич**	1895	1919	Зам. нач. Управления вооружений УМС РККА	10.07.37	26.11.37 «10»	Умер 20.01.39	—

23. Дивизионные интенданты

1.	АНКУДИНОВ Иван Яковлевич	1891	1919	Начальник отдела портов Управления Морских Сил РККА	27.07.37	26.10.37	—	23.06.56
----	--------------------------	------	------	---	----------	----------	---	----------

* Арестовывались и отбывали срок дивинженеры: Евгений Александрович БАРКАЛОВ, Петр Августович ГЕЛЬВИХ, преподаватель Артакадемии Иван Платонович ГРАВЕ, начальник ВЭТА Константин Ефимович ПОЛИЩУК.

** Арестовывались инженер-флагманы 2-го ранга: Аксель Иванович БЕРГ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2.	БЕККЕР Семен Иванович	–	–	Пом. командующего Приморской группой войск ОКДВА	–	–	Умер в тюрьме 03.10.37	Дело прекращено 03.01.40
3.	БЕРЗИН Эдуард Петрович	1893	1918	Директор треста «Дальстрой»	17.12.37	01.08.38	–	04.07.56
4.	ВАНАГ Адольф Яковлевич	1898	1919	Начальник интендантского факультета Военно-химической академии РККА	29.07.37	04.10.37	05.10.37	29.10.57
5.	ГОРШКОВ Василий Сергеевич	1887	1919	Заместитель начальника Строительно-квартирного управления РККА	07.08.37	07.10.37	07.10.37	02.06.56
6.	ГУРЬЕВ Казимир Ионович	1890	1917	Помощник командующего ЧФ по материально-техническому обеспечению и командир Севастопольского главного военного порта	18.01.38	01.11.38	01.11.38	13.06.56
7.	ДЗЫЗА Григорий Антонович	1893	1919	Помощник командующего ОКДВА по МТО	03.06.37	25.03.38	–	06.07.57
8.	ИВАНОВ Борис Николаевич	1887	1919	Находился в резерве ГУПВО НКВД СССР	10.08.37	22.08.38	–	23.01.57
9.	КНЯЗЕВ Павел Григорьевич	1892	IV/1917	Командир Хабаровского военного порта (перед арестом уволен в запас 23.09.1937)	11.10.37	25.03.38	–	19.07.57

10.	КУРКОВ Петр Иванович	1889	1917	Помощник командующего ЧФ	25.03.37	29.08.37	–	06.10.56
11.	ЛАТСОН Освальд Петрович	1892	–	Пом. командующего войсками ХВО	–	08.04.38	08.04.38	–
12.	ПЕТЕРСОН Рудольф Августович	1897	1919	Помощник командующего войсками ХВО (быв. комендант Московского Кремля)	27.04.37	21.08.37	–	11.06.57
13.	ПЛИНЕР Израиль Израилевич	1896	1922	Начальник ГУЛАГа НКВД СССР	14.11.38	22.02.39	–	27.10.56
14.	ПРОШКИН Иван Георгиевич	1889	1919	Помощник командующего ТОФ по МТО и командир Главного военного порта во Владивостоке	13.04.38	22.08.38	–	11.07.57
15.	СОКОЛОВ Александр Михайлович	1899	IX/1917	Помощник командующего САВО по материальному обеспечению	23.06.38	03.08.39 «15+5»	Умер в ссылке 29.04.53	28.03.57
16.	СТАНЬКОВСКИЙ Николай Владимирович	1885	Б/п	Заместитель начальника Военно-химической академии РККА	28.12.37	25.03.38	–	24.09.57
17.	ФЕДОТОВ Василий Федорович (БОГДАНОВ Николай)*	1895	1914	Помощник командующего войсками ЛВО	23.07.37	02.12.37	–	30.01.58

24. Дивоенврачи

1.	БАРКОВ Александр Николаевич	1892	1937	Начальник санотдела ГУПВО НКВД СССР	–	24.01.40	–	19.11.55
----	-----------------------------	------	------	-------------------------------------	---	----------	---	----------

* Арестовывались и находились в заключении дивинтенданты: начальник Ленинградского военного порта Николай Николаевич ЗУЕВ, помкомвойск ПривО по материальному обеспечению Зиновий Соломонович КОМАЮВСКИЙ, командир ОКЖДВ Борис Николаевич РУДНЕВ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2.	ВЕЛИКАНОВ Иван Михайлович	1898	1919	Начальник Биотехнического института РККА	05.07.37	08.04.38	08.04.38	13.06.56
3.	ЗАРАЙСКИЙ Александр Николаевич	1890	—	Зам. Начальника Санитарного управления РККА	—	26.09.39	26.09.39	—
4.	РЕЙНЕР Борис Аронович	1895	—	Зам. Начальника Сануправления РККА	—	09.09.38	09.09.38	—

25. Диввоенюристы

1.	БЕРМАН Юлий Яковлевич	1892	—	Председатель ВТ МВО	—	15.09.39	20.09.39	—
2.	ГОМЕРОВ Николай Николаевич	1895	1919	Прокурор пограничной и внутренней охраны войск НКВД УССР	29.06.38	02.10.38	—	19.09.57
3.	ГРОДКО Арон Самуилович	1894	1919	Заместитель народного комиссара юстиции СССР	03.11.38	09.06.41	—	22.02.56
4.	КАЗАРИНСКИЙ Яков Абрамович	—	—	Прокурор Главной военной прокуратуры	—	08.08.38 «10+5»	Судьба не установлена	
5.	МАЗЮК Александр Иванович	—	—	Председатель ВТ ЛВО	Летом 1938	ОСО 17.04.40 «В»	Умер в лагере 11.41	ВТ ЛВО 26.12.55
6.	МАЛЕР Лазарь Израилевич	—	—	Председатель ВТ пограничной и внутренней охраны Дальневосточного края	—	Покончил жизнь самоубийством в 1937 г.		

7.	ПЕРФИЛЬЕВ Евгений Леонидович*	1890	1918	Военный прокурор КВО	22.01.38	02.10.38	—	18.09.56
----	----------------------------------	------	------	----------------------	----------	----------	---	----------

26. Генерал-майоры

1	ВОЛОДИН Павел Семенович	—	—	Начальник штаба УВВС Красной Армии	27.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	17.04.54
2.	КАЮКОВ Матвей Матвеевич	—	—	Заместитель начальника Артуруправления РККА	—	Расстрелян без суда	28.10.41	—
3.	МИЩЕНКО Сил Моисеевич	1897	1917	Преподаватель Военной академии им. Фрунзе	21.04.41	17.09.41	16.10.41	05.01.55
4.	ПЕТРОВ Макарий Иванович	1897	—	Преподаватель Военной артиллерийской академии РККА	30.06.41	Пост. ОСО 13.02.42	—	07.12.55
5.	САВЧЕНКО Григорий Космич	1896	—	Заместитель начальника Артуруправления РККА по политчасти	—	Расстрелян без суда	28.10.41	11.05.54
6.	САМОЙЛОВ Константин Иванович (контрадмирал)	1896	Кандидат 1939	Начальник ВМУЗ НКВМФ	18.06.41	Судьба не установлена		
7.	ФИЛИН Александр Иванович	1905	1924	Начальник НИИ ВВС РККА	23.05.41	ОСО 13.02.42	—	26.03.55

* Кроме того, арестовывались и находились в заключении различное время диввоенюристы: председатель военного трибунала ОКДВА Б.П. АНТОНОВ, военный прокурор ЛВО Николай Михайлович КУЗНЕЦОВ, военный прокурор ОКДВА Владимир Исакович МАЛКИС, военный прокурор БВО Николай Александрович МАЛЮТИЦ, военный прокурор ЗакВО Гурген Иванович ОГАНДЖАНЯН, помощник Главного военного прокурора Лев Матвеевич СУБОЦКИЙ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
В.	ШАХТ Эрнст Генрихович Герой Советского Союза*	1904	1926	Помощник командующего ВВС ОрВО по вузам	30.05.41	Пост. ОСО 13.02.42	23.02.42	26.11.55

27. Комбриги

1.	АНДРИАНОВ Николай Гаврилович	1899	1918	Начальник штаба авиационной армии	13.02.38	25.08.38	–	15.12.56
2.	АНДРОСЮК Николай Иванович	1893	1932	Командир 81 сд	20.06.37	30.10.37	31.10.37	20.10.56
3.	АНТОНОВ Алексей Иванович	1890	1918	Командир 4-й бригады Отдельного корпуса железнодорожных войск	27.07.37	22.09.37	–	15.03.58
4.	АНТОНОВ Петр Иосифович	1900	1918	Командир 24 кд (БВО)	10.01.38	30.06.38	30.06.38	31.03.56
5.	АУССЕМ-ОРЛОВ Владимир Владимирович	1897	1918	Заместитель начальника штаба ХВО	02.06.37	15.10.37	15.10.37	06.10.56
6.	АФОНСКИЙ Валерий Леонидович	1878	Б/п	Научный сотрудник ЦАКА	1939	14.02.40	15.02.40	18.08.56

- * По обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре» особы продолжали арестовывать и в ходе Отечественной войны: заместитель наркома обороны СССР генерал армии Кирилл Афанасьевич МЕРЕЦКОВ; генерал-майоры: командир 6-й запасной артбригады Александр Алексеевич ВЕЙС, начальник Управления связи Красной Армии Николай Иванович ГАЛИЧ, начальник кафедры военной истории ВАГШ РККА Владимир Арсентьевич МЕЛИКОВ, быв. начальник штаба 27-й армии Федор Николаевич РОМАНОВ, преподаватель ВАФ Александр Генрихович ШИРМАХЕР, комбриг Николай Федорович ГУСЬКОВ. Арестовывали даже за одну попытку объективного анализа массовых арестов в армии в 1937–1938 гг. (генерал-лейтенанты Степан Андреевич КАЛИНИН и Владимир Степанович ТАМРУЧИ).

7.	БАЙЛО Сергей Ильич (доктор военных наук)	1892	Б/п	Начальник штаба 2-го кавкорпуса	12.09.37	19.11.37	20.11.37	19.10.59
8.	БАЛТИЙСКИЙ Александр Алексеевич	1870	Б/п	Быв. преподаватель ВТА	17.03.38	07.03.39	07.03.39	02.06.56
9.	БАРАНОВСКИЙ Семен Давидович	1893	–	Начальник пограничных войск НКВД Восточно-Сибирского округа	1939	20.01.40	20.01.40	31.08.55
10.	БАТЕНИН Виктор Николаевич	1892	1918	Ст. руководитель кафедры оперативного искусства ВАГШ РККА	–	21.01.40	–	28.03.57
11.	БЛЮМ Иосиф Эрастович	1892	Б/п	Начальник артиллерии УрВО	12.03.37	13.08.37	13.08.37	18.03.65
12.	БОГОВОЙ Василий Григорьевич	1893	1921	Начальник 5-го отдела Разведуправления РККА	29.05.37	26.10.37	26.10.37	16.06.56
13.	БОНДАРЮК Георгий Макарович	1902	1919	Командир 101-й авиабригады (ЗабВО)	03.09.37	02.10.38	–	27.06.56
14.	БОРЯЕВ Иван Васильевич	1894	1919, 1936	Командир 21 сд (ОКДВА)	27.07.37	10.09.38	–	08.09.56
15.	БРЫНКОВ Геннадий Иванович	1899	–	Начальник НИИ РККА	–	31.05.39 «15+5»	Судьба не установлена	
16.	БУЗАНОВ Дмитрий Иванович	1894	1918	Начальник отдела ГУГФ	26.04.38	26.08.38	26.08.38	31.10.56
17.	БЮЛЛЕР (БЮЛЕР) Вольдемар Александрович	1896	1915	Начальник ПВО г. Москвы	30.01.38	02.04.38	02.04.38	21.03.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
18.	ВАЙНЕРХ-ВАНЯРХ Дмитрий Ананьевич	1888	1919	Командир 5-го кавкорпуса	10.02.38	30.06.38	—	21.08.56
19.	ВАЛИН-ГАЙЛИС Август Юрьевич	1895	1917	Начальник отдела Разведупра РККА	26.07.37	26.10.37	—	01.06.57
20.	ВАРФОЛОМЕЕВ Николай Ефимович	1890	Б/п	Начальник штаба ПривО	03.03.38	19.03.39	08.05.39	11.04.56
21.	ВЕРЖИНСКИЙ Адам Иванович	1891	Б/п	Командир 1-й бригады ОКЖДВ	31.07.37	13.03.38	13.03.38	—
22.	ВЕРХОВСКИЙ Александр Иванович	1886	Б/п	Ст. руководитель кафедры тактики ВАГШ РККА (быв. военный министр Временного правительства в 1917 г.)	1919, 1931–1934 11.03.38	19.08.38	19.08.38	28.11.56
23.	ВЕРХОВСКИЙ Борис Клавдиевич	1893	Б/п	Помощник инспектора кавалерии РККА	08.06.37	22.03.38	22.03.38	30.11.57
24.	ВИШНЕРЕВСКИЙ Владимир Александрович	1892	1919	Командир 13 стрелковой дивизии	05.05.38	30.06.38	—	29.10.57
25.	ВОДОПЬЯНОВ Василий Федорович	1889	1920	Командир 3-й ж. д. бригады войск НКВД	25.07.37	28.11.37	28.11.37	03.03.56
26.	ВОЙТЕНКОВ Михаил Константинович	1900	1919	Заместитель начальника Главного управления военного снабжения НКВД СССР	—	24.01.40	—	21.03.56

27.	ВОЛКОВ Георгий Дмитриевич	1894	1930	Командир 41-й стрелковой дивизии	09.09.37	20.11.37	20.11.37	21.11.57
28.	ВОРОНКОВ Виктор Михайлович	1898	1917	Командир 2-й Вольской мотодивизии (Приво)	08.06.37	23.01.38	23.01.38	19.05.56
29.	ГАВРИЧЕНКО Ф. Н.	1892	—	Командир 96-й стрелковой дивизии	—	Расстрелян в 1937 г. в Харьковской тюрьме	—	—
30.	ГАВРО Людвиг (Ласло) Матвеевич	1894	1917	Командир 92-й стрелковой дивизии	01.07.37	23.05.38	23.05.38	21.07.56
31.	ГАВРЮШЕНКО Григорий Федорович	1895	1919	Командир 65-й стрелковой дивизии (УрВО)	03.37	01.07.37	—	20.04.57
32.	ГАЛВИН Иван Андреевич	1895	Б/п	Начальник инженерных войск ОКДВА	24.02.38	16.07.41 «10 + 5»	Умер в заключении	11.04.56
33.	ГАЛЛИНГ Андрей Карлович	1893	Кандидат 1930	Заместитель председателя Центрального совета Осоавиахима УССР	26.12.37	23.09.38	23.09.38	09.07.57
34.	ГЛАГОЛЕВ Василий Павлович	1883	Б/п	Сотрудник Разведупра РККА (перед арестом уволен в отставку)	11.12.37	14.03.38	14.03.38	30.04.57
35.	ГЛУДИН Иван Иванович	1889	Б/п	Начальник 3-го отдела АМУ РККА	17.03.38	25.08.38	25.08.38	07.07.56
36.	ГОЛИКОВ Александр Григорьевич	1896	Б/п	Помощник инспектора кавалерии РККА	—	10.12.37	—	02.03.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
37.	ГОРЕВ Владимир Ефимович	1900	1920	Военный атташе СССР в Испании	25.01.38	20.06.38	–	13.10.56
38.	ГОРШЕНИН Павел Сидорович	1899	1918	Председатель Центрального совета Осоавиахима СССР	–	25.02.39	–	26.05.56
39.	ГРАЧЕВ Василий Георгиевич	1898	1919	Командир 18-й мехбригады	–	03.10.38	–	23.07.57
40.	ГРЕЧАНИК Александр Иванович	1892	Б/п	Ст. преподаватель тактики ВАММ РККА	10.03.38	14.06.38	–	04.02.56
41.	ГРОСБЕРГ Рихард Карлович	1896	1920	Командир 11-й кавдивизии	27.12.37	30.06.38	30.06.38	16.01.64
42.	ГУДКОВ Дмитрий Иванович	1897	1918	Командир 15 стрелковой дивизии	08.06.37	09.09.37	10.09.37	26.11.55
43.	ГУЛИН Сергей Фаддеевич	1888	1917	Помощник командующего ОКДВА по материальному обеспечению	23.02.38	15.06.39	–	03.10.56
44.	ДЕЙЧ Марк Семенович	1900	1919	Начальник Центрального аэроклуба СССР	05.08.37	28.10.37	–	25.04.56
45.	ДОБРОЛЕЖ Александр Георгиевич	1897	1921	Слушатель академии Генштаба РККА	10.05.38	25.08.38	–	14.07.56
46.	ДОТОЛЬ Федор Кондратьевич	1896	1919	Командир 105-й стрелковой дивизии (ОКДВА)	30.12.37	11.09.38	11.09.38	02.07.57
47.	ДРАГИЛЕВ Владимир Георгиевич	1897	1913	Заместитель начальника штаба СибВО	24.05.37	22.02.38	22.02.38	07.07.56

48.	ДРОЗДОВ Александр Константинович	1898	1919	Начальник отдела Артуровского управления РККА	29.05.37	01.07.37	–	27.10.56
49.	ДЬЯКОВ Владимир Аврамович	1884	Б/п	Начальник кафедры ВАФ	05.11.37	26.04.38	–	21.07.56
50.	ДЬЯКОНОВ Николай Александрович	1898	1918	Начальник штаба пограничных войск НКВД КВО	29.11.38	20.01.40	–	31.10.57
51.	ЕВГЕНЬЕВ Вильям Борисович	1893	1919	Начальник штаба 10-го стрелкового корпуса	14.04.37	09.09.37	–	25.04.57
52.	ЕВДОКИМОВ Яков Константинович	1897	1917	Командир 33-й мехбригады	12.12.37	30.09.38	30.09.38	28.01.58
53.	ЕВСЕЕВ Николай Федорович	1899	IV/1917	Начальник кафедры военной истории ВАФ	–	20.09.37	–	02.04.57
54.	ЕГОРОВ Николай Георгиевич	1893	1917	Начальник Военной школы им. ВЦИК	03.04.37	03.07.37	03.07.37	17.11.56
55.	ЕЗДАКОВ Никифор Ульянович	1891	1931	Командант Шкотовского УР	26.07.37	04.05.38	04.05.38	09.08.57
56.	ЕМЕЛЬЯНОВ Александр Александрович	1882	1917	Заместитель начальника ГУПО НКВД СССР	–	24.07.40	–	25.06.56
57.	ЕМЕЛЬЯНОВ Павел Васильевич	1896	1918	Слушатель ВАГШ РККА	02.10.37	26.12.37	27.12.37	28.10.67
58.	ЕРМОЛИН Павел Иванович	1884	–	Начальник кафедры ВАФ	22.07.37	«8»	Умер в тюрьме 29.10.38	–
59.	ЖАРКОВ Василий Александрович	1887	Б/п	Командир 3 бригады ОКЖДВ РККА	16.03.37	13.03.38	–	29.01.59

1	2	3	4	5	6	7	8	9
60.	ЖИВИН Николай Иванович	1894	1917	Командир 22-й мехбригады	04.02.38	25.09.38	25.09.38	18.04.56
61.	ЖИГУР Ян Матисович	1895	1912	Начальник кафедры ВАГШ РККА	14.12.37	22.08.38	22.08.38	07.07.56
62.	ЖИТОВ Александр Александрович	1895	Б/п	Командир 15-й тяжелобомбардировочной АБ	15.11.37	21.12.37	—	08.09.56
63.	ЗАБЕЛИН Дмитрий Константинович	1902	Б/п	Начальник СКО ЗакВО	10.04.37	12.09.37	—	28.12.55
64.	ЗАКС Ян Эдуардович	1898	1919	Начальник 9-й школы военных летчиков	30.11.37	Высшей двойкой 20.01.38	—	16.04.57
65.	ЗАЛЕВСКИЙ Адам Иосифович	1893	1918	Начальник М отдела НИИ ВВС РККА	08.05.41	ОСО 09.05.42 «5»	Умер в заключении в 1943 г.	17.09.55
66.	ЗАЛЕСКИЙ Виктор Дмитриевич	1894	1919	Преподаватель ВАФ	09.01.38	25.08.38	—	11.08.56
67.	ЗАРИН Александр Дмитриевич	1891	1919	Начальник 2-го отдела ГУПВО НКВД СССР	10.04.38	27.09.38	27.09.38	28.04.56
68.	ЗАХОДЕР Владимир Николаевич	1900	1919	Начальник КУНС зенитной артиллерии	06.06.37	05.11.37	—	14.11.56
69.	ЗУБОК Александр Ефимович	1893	1920	Командир и военный комиссар 30-й стрелковой дивизии	08.06.37	08.09.37	—	08.09.56

70.	ЗЫБИН Сергей Сергеевич	1900	1919	Инспектор ОБП. Уволен в запас 15.12.36. Пенсионер	07.02.37	09.09.37	—	26.05.59
71.	ЗЮК Михаил Осипович	1895	1913	Командир и военный комиссар 25-й Чапаевской дивизии	15.08.36	19.06.37	20.06.37	10.10.57
72.	ИВАНОВ Сергей Иванович	1897	Кандидат	Командир 2-й артбригады ПВО г. Киева	11.08.37	17.10.37	—	—
73.	ИГНАТОВ Николай Григорьевич	1896	1917	Начальник АБТВ КВО	20.08.37	19.11.37	—	16.05.57
74.	ИГНАТОВИЧ Юлий Иванович	1894	—	Начальник связи КВО	—	15.10.37	—	—
75.	ИКОНОСТАСОВ Василий Михайлович	1900	1919	Ст. преподаватель кафедры тактики ВАММ	01.38	26.04.38	—	11.07.58
76.	КАГАН Михаил Андреевич	1903	1922	Командир 90 АБ (КВО)	09.08.37	20.11.37	—	—
77.	КАЛЬВАН Иосиф Иванович	1896	1918	Командир 7-го стрелкового корпуса	02.12.37	20.09.38	—	06.10.56
78.	КАПЦЕВИЧ Григорий Антонович	1895	1929	Командир 58-й стрелковой дивизии	13.08.37	17.10.38	—	18.01.58
79.	КАРЕВ Герман Степанович	1899	—	Командир 135-й стрелково-пулеметной бригады	11.08.37	17.10.37	—	28.11.57
80.	КАРМАЛЮК Федор Филиппович	1899	1918	Командир 47-й авиадесантной бригады	08.08.37	22.11.37	22.11.37	19.08.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
81.	КАРПОВ Иван Тимофеевич	1897	Б/н	Помощник начальника 1-го отдела УВВУЗ РККА	10.07.38	26.08.38	–	28.05.57
82.	КАРТАЕВ Леонид Васильевич	1895	1918	Начальник 3-го отдела (ВОСО) штаба ЛВО	–	02.12.37	–	–
83.	КЕВЛИШВИЛИ Поликарп Гедеванович	1894	Кан- дидат 1920	Командир 9-й кавди- визии	16.07.37	01.10.37	–	13.07.57
84.	КЕЙРИС Ромуальд Исидорович	1891	Б/п	Помощник командира 61-й стрелковой дивизии	11.03.38	28.10.38	–	28.03.58
85.	КИРИЛЛОВ-ГУБЕЦКИЙ Иосиф Михайлович	1898	1927	Заместитель начальника Артуправления РККА	10.01.38	25.08.38	–	29.09.56
86.	КИРИЧЕНКО Иван Григорьевич	1894	1924	Командир 23-й кавди- визии	01.09.37	13.04.38	–	02.04.57
87.	КИСЕЛЕВ Михаил Филаретович	1893	1918	Командант Северо- Западного УР Черномор- ского флота	26.09.37	02.11.38	–	28.03.57
88.	КИШ Ганс Карлович	1896	–	Начальник ВВС ОКДВА	–	27.04.38	27.04.38	09.09.65
89.	КЛЕЙН-БУРЗИ Владимир Александрович	1901	1918	Начальник Академиче- ских курсов усовершен- ствования комсостава (АКУКС)	16.03.38	14.08.38	–	15.04.58
90.	КЛОЧКО Иван Гаврилович	1890	1918	Начальник научного военно-исторического отдела Генштаба РККА	08.06.37	10.09.37	–	26.09.56

91.	КОБЕЛЕВ Павел Георгиевич	1894	1917	Начальник войск НКВД СКВО	30.12.38	24.01.40	25.01.40	22.09.56
92.	КОВАЛЕВ Давид Михайлович	1898	1917	Командир 48-й стрелко- вой дивизии	25.01.38	20.06.38	–	04.04.56
93.	КОЗЛОВСКИЙ Владимир Николаевич	1894	1919	Инспектор артиллерии РККА	04.12.37	25.08.38	25.08.38	18.04.57
94.	КОЛЕСНИЧЕНКО Михаил Яковлевич	1899	1925	Командир 12-й танковой бригады	10.05.38	02.10.38	–	19.12.57
95.	КОЛТУНОВ Илья Семенович	1896	Кан- дидат 1931	Заместитель начальника 3-го отдела Генштаба РККА	10.03.38	28.08.38	28.08.38	02.06.59
96.	КОНДРАТЬЕВ Сергей Игнатьевич	1892	1917	Командант Московского Кремля	12.04.38	26.08.38	–	–
97.	КОНДРАШЕВ Григорий Федорович	1900	1926	Командир 18-й стрелко- вой дивизии	03.03.40	12.08.40	–	30.12.68
98.	КОРОБОВ Иван Алексеевич	1895	Кан- дидат 1930	Начальник штаба НИИ ВВС РККА	11.03.38	15.09.38	–	23.04.57
99.	КОШЕЛЕВ Алексей Александрович	1892	Кан- дидат 1931	Командант Нижне- Амурского УР	17.05.37	13.08.37	13.08.37	25.01.58
100.	КРУГЛОВ Борис Викторович	1897	1918	Командант Благовещен- ского УР	17.05.37	29.08.37	–	–
101.	КРУК Иосиф Михайлович	1890	1919	Начальник ВОСО БВО	–	22.11.37	–	17.06.65

1	2	3	4	5	6	7	8	9
102.	КРЫМСКИЙ-УДАРОВ Яков Петрович	1899	1919	Начальник Высшей школы войск НКВД	29.04.39	20.01.40	–	15.06.57
103.	КУЗНЕЦОВ Иван Иванович	1887	1917	Начальник АБТВ СибВО	10.03.38	17.06.38	–	01.08.57
104.	КУНИЦКИЙ Иван Фадеевич	1897	1919	Командир 23 сд	–	14.10.37	–	22.09.56
105.	ЛАБАС Абрам Григорьевич	1897	1918	Заместитель начальника штаба КВО	03.07.37	09.09.37	–	18.08.56
106.	ЛАХИНСКИЙ Кусель Карлович	1895	1919	Помощник командира дивизии	21.10.37	09.02.38	–	18.08.56
107.	ЛЕВ Александр Петрович	1896	1919	Начальник Камчатского погранотряда	12.11.37	05.02.38	–	–
108.	ЛЕОНОВ Валентин Андреевич	1896	1919	Начальник управления погранвойск НКВД Туркменской ССР	09.09.38	08.07.41	–	31.03.56
109.	ЛЕОНОВИЧ Владимир Леопольдович	1894	–	Начальник артиллерии ОКДВА	09.37	23.03.38	–	–
110.	ЛЕПИН Эрнест Михайлович	1898	1917	Начальник Харьковского ВУ Погран. и вн. войск НКВД	18.02.38	20.10.38	20.10.38	21.09.57
111.	ЛЕПСИС Роберт Кристьянович	1896	1917	Пом. нач. ГУПВО НКВД СССР по м/о	–	19.01.40	–	18.07.56
112.	ЛИСИЦЫН Николай Николаевич	1897	1918	Командир мехбригады им. К.Б. Калиновского. Уволен	04.01.38	27.09.38	–	09.07.57

113.	ЛУНЕВ Павел Михайлович	1894	1917	Заместитель начальника штаба ЗакВО	15.07.37	29.09.37	–	01.06.57
114.	ЛЮБИМОВ Владимир Виссарионович	1881	–	Преподаватель тактики ВАММ	23.07.37	10.12.37	–	24.01.63
115.	МАЛЕВСКИЙ Арсений Дмитриевич	1891	Б/п	Помощник начальника кафедры ВАГШ РККА	31.07.37	27.04.38	–	24.09.57
116.	МАЛЫШЕНКОВ Георгий Филиппович	1898	1927	Командир и военный комиссар 13-й мехбригады	12.09.37	19.12.37	–	15.12.56
117.	МАМОНОВ Петр Денисович	1892	1920	Начальник курса ВАФ	30.04.38	22.08.38	–	20.06.56
118.	МАСЛОВСКИЙ Адам Александрович	1892	1920	Советник-инструктор УПО МВд МНР	04.03.38	03.10.38	03.10.38	16.05.57
119.	МАТВИЕВСКИЙ Николай Геннадиевич	1898	1919	Начальник кафедры тактики ВАММ	17.03.38	25.08.38	–	06.06.57
120.	МАТУЗЕНКО Александр Илларионович	1886	–	Командир 26-й эксплуатационной железнодорожной бригады	–	1939	–	Судьба не установлена
121.	МАЦЕЙЛИК Федор Георгиевич	1895	1924	Врид начальника отдела внешних сношений Разведуправления РККА	23.11.37	14.06.38	–	21.06.56
122.	МЕДВЕДЕВ Михаил Евгеньевич	1898	1919–1934	Начальник Управления ПВО РККА (в 1935 г. уволен в запас)	05.05.37	16.06.37	–	28.07.56
123.	МЕДЯНСКИЙ Михаил Сергеевич	1899	–	Командир 4-й авиабригады	–	1939	–	Судьба не установлена

1	2	3	4	5	6	7	8	9
124.	МЕРНОВ Василий Иванович	1900	1918	Начальник АБТВ ЗабВО	26.10.37	02.10.38	–	28.01.58
125.	МЕШКОВ Алексей Тимофеевич	1892	–	Командир 93-й стрелковой дивизии	08.02.38	Умер 02.06.42 в Саратовской тюрьме		–
126.	МИЛОНОВ Александр Александрович	1897	–	Председатель Центрального совета ОАХ БССР	–	19.12.37	–	–
127.	МИЛЮНАС Иосиф Антонович	1895	1927	Командир 28-й стрелковой дивизии	–	ВТ войск НКВД 21.02.42	21.02.42	10.10.57
128.	МИРОВСКИЙ Михаил Евстигнеевич	1894	–	Начальник артиллерии СКВО	–	1939	–	Судьба не установлена
129.	МИРШАРАПОВ Миркамилъ	1900	1918	Командир и военный комиссар отдельной кавбригады горских национальностей	28.10.37	10.10.38	10.10.38	18.04.57
130.	МИШУК Никита Иванович	1895	Кандидат 1932	Командир 3-й кавдивизии им. Котовского	03.09.37	13.04.38	–	21.07.56
131.	МОЗГОВ Дмитрий Иванович	1895	1919	Командир 60-й кавказской стрелковой дивизии	14.03.38	09.10.38	–	26.10.57
132.	МОЛОДЦОВ Павел Павлович	1893	Кандидат 1932	Заместитель начальника Артакадемии РККА	29.05.37	16.03.40	17.03.40	17.12.57

133.	МОСИН Афанасий Николаевич	1896	1919	Помощник командира 23-й кавдивизии	31.08.37	20.11.37	21.11.37	13.05.58
134.	МУЕВ Дмитрий Дмитриевич	1887	Б/п	Начальник артиллерии БВО	04.07.37	22.11.37	22.11.37	03.10.57
135.	МУРТАЗИН Муса Лутович	1891	1920	Начальник 2-го отделения отдела ремонта конского состава РККА	31.05.37	27.09.37	–	14.07.56
136.	НАТАН Иван Николаевич	1887	Б/п	Помначштаба 10-го стрелкового корпуса	1931 и 1937	Тройкой УНКВД по Моск. обл. 10.01.38	–	13.12.57
137.	НАХИЧЕВАНСКИЙ Джамшид Джафарович	1895	Б/п	Преподаватель кафедры тактики ВАФ	20.05.38	26.08.38	–	22.12.56
138.	НЕСТЕРОВСКИЙ Никифор Авраамович	1896	1920	И. о. командира 82-й стрелковой дивизии	19.02.38	09.08.38	–	29.06.57
139.	НИКУЛИН Иван Ефимович	1898	1917	Командир 1-й кавдивизии	13.06.37	08.09.37	–	29.08.57
140.	ОБЫСОВ Сидор Павлович	1896	1920	Командир 80-й стрелковой дивизии (бывший начальник Оперативного отдела Генштаба РККА)	18.07.37	08.09.37		22.10.57
141.	ОПМАН Вацлав Максимилианович	1886	Б/п	Начальник артиллерии 10-го стрелкового корпуса	–	27.05.39 «15 + 5»	Умер в 1943 г.	30.05.57
142.	ОРЛОВСКИЙ Афанасий Илларионович	1899	1926	Командир авиадивизии (ЛВО)	12.06.41	16.07.41 «10 + 5»	Умер в 1942 г.	05.04.58

1	2	3	4	5	6	7	8	9
143.	ПАНОВ Петр Александрович	1892	1918	Заместитель начальника 2-го отдела Разведупра РККА	13.08.37	15.03.38	15.03.38	23.11.55
144.	ПЕТРУСЕВИЧ Бронислав Венедиктович	1897	1919	Слушатель ВАГШ РККА	31.01.38	25.08.38	—	06.12.57
145.	ПЕТРУШИН Сергей Яковлевич	1887	—	Помощник командую- щего войсками УрВО по материальному обеспе- чению	11.07.37	13.01.38	13.01.38	25.03.58
146.	ПОДЧУФАРОВ Николай Иванович	1898	1921	Начальник штаба КВО	23.07.37	08.09.37	—	28.03.56
147.	ПОДШИВАЛОВ Иван Мартемьянович	1896	1919	Заместитель начальника штаба ЛВО	07.06.37	20.09.38	—	17.09.57
148.	ПОЗНЯКОВ Семен Васильевич	1893	1917	Помощник командира 31-й стрелковой дивизии	14.03.38	27.07.38	—	09.07.57
149.	ПОЛУНОВ Мирон Львович	1892	—	Командир и военный ко- миссар 2-й Белорусской стрелковой дивизии	Не аресто- вывался	Застре- лился в Минске в январе 1937 г.		—
150.	ПОЛЯКОВ Василий Иванович	1894	1918	Командир 96-й стрелко- вой дивизии (СКВО)	10.05.38	02.10.38	—	22.02.56
151.	ПОЛЯКОВ Николай Семенович	1899	1919	Командир 14-й мехбри- гады. Уволен 09.07.37	20.07.37	15.12.37	—	10.11.56

152.	ПОЛЯНСКИЙ Никифор Александрович	1894	1916	Командир 82-й стрелко- вой дивизии	—	09.08.38	—	01.09.56
153.	ПОМЕРАНЦЕВ Федор Алексеевич	1896	Б/п	Слушатель ВАГШ РККА	—	ВТ МВО 05.03.39	08.05.39	15.09.59
154.	ПОТАПЕНКО Пантелеймон Романович	1896	1917	Помощник командира 9-й кавдивизии	28.09.37	25.11.37	25.11.37	22.03.58
155.	ПРОКОПЧУК Николай Андреевич	1896	1929	Командир 51-й стрелко- вой дивизии	02.02.38	25.09.38	—	27.12.57
156.	ПУГАЧЕВСКИЙ Поликарп Осипович	1894	1919	Военный комендант г. Ленинграда	09.06.37	25.02.38	25.02.38	31.03.56
157.	РАТАУШ Роберт Кришьянович	1894	—	Начальник Оренбургской ВШЛ (1936)	1937	ВТ СКВО 20.05.39	Умер в 1943 г.	—
158.	РАЧИНСКИЙ Николай Игнатьевич	1892	1915	Начальник пункта ПВО г. Киева	09.08.37	17.10.37	17.10.37	06.06.57
159.	РЕЗЦОВ Владимир Игнатьевич	1885	1930	Начальник курсов ком- состава запаса	15.02.38	20.10.38	—	29.06.57
160.	РОЗЫНКО Анатолий Францевич	1890	1932	Заместитель начальника Артуправления РККА	26.05.37	01.07.37	—	19.05.56
161.	РОМАНОВСКИЙ Прокопий Григорьевич	1893	1923	Комендант Де- Кастринского УР	28.01.38	22.05.38	—	04.06.57
162.	РОТЭРМЕЛЬ Александр Адольфович	1896	—	Начальник УПВО Казах- ской ССР	—	22.02.38	22.02.38	—
163.	РУДЕНКО Дмитрий Михайлович	1898	1917	Командир 50-й авиа- бригады	—	25.03.38	—	06.06.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
164.	РУДИНСКИЙ Николай Сергеевич	1896	Б/п	Начальник штаба ВАММ	03.11.37	15.03.38	–	28.11.57
165.	РУЛЕВ Павел Петрович	–	–	Начальник БТВ БВО	–	Умер в тюрьме в 1938 г.		–
166.	РЫБАКОВ Михаил Александрович	1885	–	Начальник кафедры малых войн ВАФ. Уволен 04.37.	21.09.37	20.01.38	20.01.38	20.06.64
167.	РЫБКИН Павел Дмитриевич	1899	1918	Начальник ПВО ОКДВА	03.07.37	25.03.38	–	13.06.57
168.	РЫЖЕНКОВ Михаил Матвеевич	1898	1917	Командир 50-й авиа- бригады	20.02.38	10.09.38	–	03.08.57
169.	САВИНОВ Авдей Афанасьевич	1898	–	Начальник УБП ЦС ОАХ СССР	–	09.08.37	09.08.37	–
170.	САМОЙЛОВ Иван Яковлевич	1894	1919	Командир и комиссар 43-й авиабригады	14.08.37	08.12.37	–	24.11.56
171.	САТИН Аркадий Иванович	1896	1918	Заместитель начальника УВУЗ РККА	27.05.37	14.08.37	–	30.06.56
172.	СВЕЧНИКОВ Михаил Степанович	1882	V/1917	Ст. руководитель кафе- дры истории ВАФ	31.12.37	26.08.38	–	08.12.56
173.	СЕМЕНОВ Николай Александрович	1893	1919	Военный атташе СССР во Франции	08.12.37	25.08.38	25.08.38	06.07.57

174.	СЕРЕДИН Василий Петрович	1891	1919	Начальник отдела Арту- правления РККА	20.05.37	01.07.37	–	16.05.57
175.	СЕРПОКРЫЛОВ Матвей Степанович	1895	1918	Заместитель председа- теля Центрального совета ОАХ СССР	08.06.37	22.08.37	22.08.37	07.07.56
176.	СКУЛАЧЕНКО Алексей Ерофеевич	1895	1917	Начальник АБТВ ХВО	03.08.37	05.10.37	06.10.37	13.06.56
177.	СМИРНОВ Павел Иванович	1895	1918	Начальник войск НКВД Азербайджанской ССР	07.39	24.01.40	24.01.40	22.10.56
178.	СМИРНОВ Сергей Степанович	1898	1925	Ст. преподаватель так- тики ВИА им. В. В. Куй- бышева	02.02.38	26.08.38	26.08.38	24.03.56
179.	СОКОЛОВ-СТРАХОВ Константин Иванович	1896	1917	Заместитель начальника военно-исторического отдела Генштаба РККА	20.01.37	22.08.37	–	24.11.56
180.	СОНИН Константин Алексеевич	1887	Б/п	Заместитель начальника штаба УрВО	01.12.37	08.08.37	08.08.37	19.05.56
181.	СТАХАНСКИЙ Назарий Михайлович	1900	1919	Командир 78-й авиа- бригады	28.08.37	05.06.38	05.06.38	12.03.59
182.	СТОЙЛОВ Алексей Георгиевич (он же СТОИЛОВ Ангел Генов)	1896	1921	Начальник 11-й школы военных пилотов	16.02.38	05.09.38		13.06.57
183.	СУСЛОВ Анатолий Александрович	1895	1919	Командант Крымского (Севастопольского) УР	09.06.37	05.01.38	06.01.38	20.10.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
184.	ТАНТЛЕВСКИЙ Евсей Борисович	1900	1920	Командир 18-й тяжелой бомбардировочной авиабригады	—	28.11.37	—	20.06.57
185.	ТАРНОВСКИЙ-ТЕРЛЕЦКИЙ Александр Максимович (он же КОГАН Евсей Маркович)	1896		Командир 3-го тяжелого авиакорпуса	07.07.38	ОСО 29.10.39 «8»	Умер в 1943 г.	21.05.55
186.	ТИИТ Петр Петрович	1896	1922	Начальник ПВО ОКДВА	12.03.38	10.09.38	—	31.08.57
187.	ТИХОМИРОВ Евгений Михайлович	1890	1926	Командир 61-й стрелковой дивизии (ПриВО)	08.06.38	ОСО 17.09.39 «5»	Умер в заключении	30.05.56
188.	ТИЩЕНКО Зиновий Павлович	1890	Б/п	Командир 75-й стрелковой дивизии	19.02.38	20.08.39 «15 + 5»	Умер в 1941 г.	08.02.56
189.	ТКАЧЕВ Марк Львович	1899	1917	Начальник ПВО ЛВО	04.06.37	01.09.37	—	17.09.67
190.	ТОЛКАЧЕВ Филимон Антонович	1898	1920	Командир 5-й стрелковой дивизии	30.06.37	20.12.37	—	12.07.57
191.	ТОРОЩИН Павел Васильевич	1894	1919	Командир дивизии особого назначения НКВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского	29.07.38	28.01.40	29.01.40	06.10.56
192.	ТРИФОНОВ Афанасий Павлович	1893	1912	Командир 10-й стрелковой дивизии	19.12.37	09.10.38	—	22.09.56

193.	ТРУХАНОВ Никифор Федорович	1897	Кандидат	Командант Тираспольского УР	30.05.37	16.10.37	—	06.02.58
194.	ТУММЕЛЬТАУ Гарольд Тенисович	1899	IV / 1917	Начальник 3-го отдела Разведупра РККА	16.12.37	04.10.38	—	06.06.56
195.	ТЫЛТЫНЬ Ян-Альфред Матиясович	1897	1917	Сотрудник Разведупра РККА	27.11.37	15.12.40 «15 + 5»	Умер в 1942 г.	26.03.57
196.	УЛАСЕВИЧ Семен Афанасьевич	1894	1919	Командир 71-й стрелковой дивизии (Зап.-Сиб. ВО)	05.07.38	10.05.39	02.06.39	15.02.56
197.	УЛЬМАН Жан Карлович	1894	1917	Начальник спецфакультета ВАФ	13.02.38	22.02.38	—	22.10.57
198.	УЛЬМЕР Вольдемар Августович	1896	—	Помощник председателя Военной коллегии Верховного суда СССР	21.04.39	16.02.40 «15 + 5»	Умер в заключении 27.03.45	—
199.	ФЕДИН Андрей Трофимович	1893	1918	Командир 20-й горнокавалерийской дивизии	30.12.37	21.10.38	21.10.38	23.06.56
200.	ФЕДОРОВ Николай Николаевич	1900	1918	Начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР	23.11.38	28.12.38	—	Вопрос о реабилитации не ставился
201.	ХЛЕБНИКОВ Владимир Владимирович	1893	1919	Командир 31-й стрелковой дивизии	08.02.38	27.05.38	—	12.07.57
202.	ХОРЬКОВ Сергей Гаврилович	1891	1932	Директор завода № 207 НКОП СССР	06.02.38	19.03.38	19.03.38	12.07.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
203.	ЦИФЕР Ричард Станиславович	1898	1919	Ст. руководитель ВАГШ РККА	14.08.37	01.11.37	01.11.37	14.03.57
204.	ЦИЭМГАЛ Альберт Янович	1900	1918	Командир 9-й тяжелой авиабригады	05.11.37	29.04.38	—	24.11.56
205.	ШАРАНГОВИЧ Петр Михайлович	1893		Начальник кафедры ВПАТ	—		Умер в за- ключении в 1938 г.	—
206.	ШВАЧКО Александр Ильич	1898	—	Слушатель ВАГШ РККА	25.06.37	09.09.37	10.09.37	—
207.	ШИРОКОВ Иосиф Яковлевич	—	—	Начальник УПВ и ВВ ЭСФСР	—	12.05.38	—	—
208.	ШОШКИН Михаил Андреевич	1893	1918	Командир 50-й стрелково-пулеметной бригады	06.04.38	04.10.38	04.10.38	19.05.56
209.	ЮНГМЕЙСТЕР Василий Юльевич	1889	1904	Начальник Московско- го территориального управления ГВФ	04.10.37	09.02.38	—	28.04.56
210.	ЯКИМОВ Макар Михайлович	1891	1918	Не установлена	1938	Умер в за- ключении	За смертью обвиняе- мого дело прекраще- но пост. УНКВД ДВК в марте 1938 г.	

211.	ЯНСОН Кирилл Иванович*	1896 (по делу 1894)	1917	Командир 64-й стрелко- вой дивизии (бВО)	02.12.37	22.08.38	22.08.38	12.07.56
------	------------------------	------------------------------	------	---	----------	----------	----------	----------

28. Бригадные комиссары

1.	АДАМЕНКО Роман Родионович	1901	1919	Начальник Политотдела 51-й стрелковой дивизии	27.12.37	25.09.38	—	10.10.57
2.	АЛЕКСАНДРОВ Александр Соломонович	1901	1919	Начальник отдела снаб- жения Полуправления РККА	04.07.37	26.10.37	—	28.01.56
3.	АЛИЕВ Джабар Анрулла-оглы	1901	—	Начальник Политотдела Азербайджанской стрел- ковой дивизии	—	01.09.38	01.09.38	—
4.	АМАЛИН Ефим Борисович	1895	1919	Начальник Военорга ЗабВО	14.06.37	11.10.37	11.10.37	05.01.57

- * Кроме того, были арестованы и отбыли различные сроки заключения комбриги: начальник Минского пехотного училища Евгений Степанович АЛЕХИН, командир 9-й мехбригады Семен Ильич БОГДАНОВ, командир авиаотряда «Дальстрой» Матвей Васильевич БОЙЦОВ, командир 25-й бронетанковой бригады (ЗабВО) Михаил Иванович БОЛОТКОВ, начальник Горьковского бронетанкового училища Михаил Федорович ВЯЗЕМСКИЙ, заместитель командира 6-го кавкорпуса Александр Васильевич ГОРБАТОВ, начальник Ленинградского военно-технического училища Н. М. ГРАВИН, помощник командира 86 сд Григорий Степанович ДАНИЛЮК, командир 86 сд Я. П. ДЗЕНИТ, командир 3-й авиабригады ЛВО Александр Сергеевич ЗАЙЦЕВ, начальник Бакинского военного училища Михаил Иванович ЗАПОРОЖЧЕНКО, командир 26 кд Семен Петрович ЗЫБИН, Алексей Иванович ЗЫГИН, начальник штаба 86 сд Илья Павлович КИТ-ВИЙТЕНКО, командир 33 сд Карл Юрьевич КЛЯВА, начальник штаба 57-го Особого корпуса (МНР) Александр Михайлович КУЩЕВ, бывший начальник Ленинградской арттехнической школы Евгений Дмитриевич ЛУКИН, руководитель общей тактики и начальник группы 2-го курса ВАФ Эйольф Георгиевич МАТСОН-ИГНЕУС, начальник Сталинградской ШВЛ Алексей Петрович МЕЙЕР, начальник АККУНС РККА Владимир Иосифович МИКУЛИН, командир 53 сд Александр Андреевич НЕБОРАК, начальник АБТВ САВО Владимир Иванович ПОДШИВАЛОВ, начальник пограничных и внутренних войск СКВО Федор Григорьевич РАДИН, начальник 2-го Киевского артучилища Илья Данилович РОССМАН, заместитель командующего войсками КОВО Владимир Михайлович СКРИПКИН, командующий АБТВ ОКДВА М.Д. СОЛОМАТИН, Григорий Давидович СТЕЛЬМАХ, Антон Станиславович СЧЕСТНУЛЕВИЧ, Кузьма Петрович ТРУБНИКОВ, заместитель начальника штаба ЗабВО Владимир Марьянович ТУРЧАН, командир 28-й кавдивизии Николай Федорович ФЕДОРОВ, начальник погранвойск НКВД Хабаровского края А.Н. ФЕДОТОВ, помощник инспектора кавалерии РККА Станислав Степанович ФЛИСОВСКИЙ, командир мехбригады Василий Федорович ШИПОВ, начальник Ульяновской АБТШ ШУРОВ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5.	АНДРЕЕВ Иван Иванович	1901	1920	Помощник начальника УВСР-433 (быв. Нач. Политотдела 32-й мех-бригады)	19.04.37	05.10.38	–	30.11.57
6.	АРШ Марк Исаакович	1901	1918	Начальник УВСР-37 (быв. Нач. Политотдела 10-й стрелковой дивизии)	26.08.37	09.10.38	–	21.09.57
7.	АУГУЛ Альфред Иванович	1898	1917	Начальник командного отдела ГУПВО НКВД СССР	20.12.37	23.08.38	25.08.38	05.05.56
8.	БАЙРАЧНЫЙ Петр Порфирьевич	1900	1919	Член Военного совета Северного флота	1938	19.08.38	–	21.07.56
9.	БЛИНОВ А. И.	1900	1918	Начальник Ленинградского военно-политического училища им. Ф. Энгельса	При аресте в феврале 1938 г. закончил жизнь самоубийством			
10.	БОГДАНОВ Николай Георгиевич	1899	1918	Нач. Политотдела Управления Краснознаменных пограничных войск ДВК	25.09.37	Пост. тройки	09.02.38	16.04.57
11.	БОНДАРЕНКО Степан Кондратьевич	1901	–	Военный комиссар 6-й танковой бригады	–	1939	Судьба не установлена	
12.	БОРОДИН Николай Иванович	1899	1919	Военный комиссар 6-го стрелкового корпуса	12.07.37	25.09.37	–	21.04.56

13.	БОЧАРОВ Константин Иванович (он же БОЧВАРОВ Крум)	1897	1914/1925	Начальник кафедры военного искусства ВПАТ	09.09.36	19.12.36	19.12.36	24.03.56
14.	БУБЛИЧЕНКО Александр Герасимович	1899	1918	Начальник Политотдела 23-й стрелковой дивизии (ХВО)	29.10.37	08.01.38	–	04.07.56
15.	БУДКЕВИЧ Станислав Ричардович	1887	1905	Ученый секретарь Военной энциклопедии	09.06.37	21.09.37	21.09.37	26.05.56
16.	БУЛАТ Павел Лазаревич	1901	1920	Начальник кафедры политэкономии ВПАТ	19.02.37	30.08.37	30.08.37	17.12.55
17.	БУХГОЛЬЦ Эдуард Самуилович	1892	–	Уволен в 1937 г.	–	22.05.38	–	–
18.	БУШМАКИН Абрам Ефремович	1890	–	Начальник Политотдела 64-й стрелковой дивизии	–	28.08.38	28.08.38	–
19.	ВАЙНБЕРГ Михаил Яковлевич	1899	–	В распоряжении Разведуправления РККА	11.06.38	01.09.38	01.09.38	–
20.	ВЛАСОВ Николай Иванович	1899	1918	Инспектор Политуправления ЗабВО	14.06.37	02.10.38	–	27.06.57
21.	ВОЛЯ Владимир Федорович	1898	–	В распоряжении Разведуправления РККА	–	16.03.40 «10»	Умер 03.04.41	–
22.	ГАЙДУКЕВИЧ Леонтий Филиппович	1891	1917	Начальник Управления по комначсоставу ВВС РККА	28.11.37	07.05.38	07.05.38	21.01.56
23.	ГЕРОНИМУС Александр Абрамович	1901	1919	Бывший комиссар и начальник Политотдела 52-й стрелковой дивизии	26.08.37	04.10.38	–	15.03.58

1	2	3	4	5	6	7	8	9
24.	ГОДЕС Михаил Соломонович	1901	1920	Начальник кафедры всеобщей истории ВПАТ	27.10.36	19.12.36	19.12.36	24.03.56
25.	ГОРЬ Василий Иванович	1897	–	Начальник Политотдела 1-й бригады подлодок КБФ	28.05.37	31.08.37	–	20.08.55
26.	ГРАДУСОВ Николай Елисеевич	1894	1917	Военный комиссар 41-й стрелковой дивизии	29.09.37	27.11.37	–	05.09.57
27.	ГРЕБЕННИК Никита Ниханорович	1898	1917	Начальник Политуправления ЗабВО	06.12.37	02.10.38	–	10.04.58
28.	ГРУШКО Юрий Михайлович	1900	–	Начальник Политотдела ПВ Восточно-Сибирского края	26.11.38	26.02.40	27.02.40	–
29.	ДАВЫДОВ Василий Алексеевич	1902	1920	Начальник Политотдела 50 АБ (ОКДВА)	–	14.05.38	–	06.06.57
30.	ДОРОВЕЕВ Иван Андрианович	1895	–	Не установлена	17.04.39	21.04.40	–	–
31.	ДРЕЙМАН Ян Густавович	1900	1917	Заместитель начальника Политуправления ОКДВА	02.10.37	09.04.38	–	15.12.56
32.	ДУШАК Андрей Яковлевич	1899	1919	Заместитель начальника Управления Воениздата НКО	29.12.37	14.06.38	14.06.38	04.06.57
33.	ЖУКОВ Иван Иванович	1896	1919	Секретарь окружной парткомиссии при ГУ БВО	26.07.37	29.04.38	–	08.09.56

34.	ЗАХАРОВ Михаил Павлович	1893	1919	Начальник 4-го отдела штаба ВВС РККА	16.06.37	26.09.37	–	14.07.56
35.	ЗОЛОТИЛОВСКИЙ Федор Васильевич	1899	–	Начальник Политотдела 2 АБ	21.10.40	ВТ МВО 10.07.41	–	–
36.	ИЛЬИНСКИЙ Александр Николаевич	1890	–	Начальник и военный комиссар школы оружейных техников	–	07.10.38 «15»	Судьба не установлена	–
37.	ИОФИН Леонид Петрович	1898	1920	Начальник Политотдела 1-й дивизии ПВО	15.08.37	28.10.37	28.10.37	15.12.56
38.	КАЛАЧЕВ Алексей Васильевич	1896	1917	Военком 19-й стрелковой дивизии	09.02.38	14.04.38	14.04.38	09.06.59
39.	КАРАСЕВ Николай Михайлович	1897	1918	Заместитель начальника Политуправления ТОФ	14.01.38	04.05.38	–	08.08.57
40.	КАРВОВСКИЙ Станислав Казимирович	1902	1919	Военный комиссар 85-й стрелковой дивизии	13.10.37	22.08.38.	22.08.38	24.03.56
41.	КАТЕРУХИН Николай Петрович	1890	1917	Начальник Политуправления САВО	17.04.40	11.07.41 «15»	Умер в 1952 г.	29.10.59
42.	КЕЖУЦ Матвей Матвеевич	1892	–	Отв. Секретарь парткомиссии ТОФ	–	39	Расстрелян	Реабилитирован
43.	КИВЕРЦЕВ-КИТАЕР Абрам – Андрей Юрьевич	1899	1920	Начальник УВСР-79 (БВО)	16.07.37	08.05.39 «25 + 5»	Умер в 1942 г.	05.08.58
44.	КОГАН Арон Израилевич	1901	1919	Начальник Политотдела 66-й стрелковой дивизии (ОКДВА)	06.07.37	22.09.37	22.09.37	22.10.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
45.	КОЛЬЦОВ Василий Герасимович	1901	1919	Член Военного совета ВВС РККА. В момент ареста находился в резерве	28.05.38	29.08.38	–	20.07.67
46.	КОНОВАЛОВ Александр Павлович	1902	1918	Военный комиссар бригады миноносцев КБФ	26.12.37	23.02.38	–	21.09.57
47.	КОРОБОВ Трофим Тимофеевич	1901	–	Военный комиссар корпуса ПВО	–	1939	Судьба не установлена	
48.	КОРОБЧЕНКО Алексей Стратонович	1899	1919	Начальник Политотдела 78-й стрелковой дивизии (СибВО)	09.07.37	27.10.37	–	25.07.56
49.	КОСТА Мария Нестеровна	–	–	Секретарь заместителя наркома вн. дел СССР М.П. Фриновского	–	25.01.40 «10»	Судьба не установлена	
50.	КОТОВИЧ Виктор Иванович	1900	–	Начальник кафедры истории ВКП(б) ВПАТ	–	31.08.37	31.08.37	03.12.56
51.	КОЧЕТКОВ Александр Иванович	1896	1917	Начальник отделения ГУПВО НКВД СССР	–	08.04.40	–	22.09.56
52.	КРАВЧЕНКО Михаил Романович	1899	1919	Начальник отдела кадров Политуправления РККА	10.02.38	22.08.38	–	24.10.56
53.	КРАУЗЕ Людвиг Августович	1901	1919	Военный комиссар 1-го тяжелого авиакорпуса	05.12.37	02.04.38	–	30.05.56

54.	КРУГЛОВ-ЛАНДА Александр Михайлович	1899	1918	Инспектор Политуправления РККА (быв. Врио нач. ПУ РККА)	11.03.38	03.10.38	03.10.38	17.03.56
55.	КУЗНЕЦОВ Федор Иванович	1897	–	Военный комиссар 2-го авиакорпуса	–	1939	Судьба не установлена	
56.	КУЗЬМИН Михаил Васильевич	1893	–	Военный комиссар полубригады линкоров КБФ (1928)	–	13.07.37	–	–
57.	КУЧМИН Иван Федорович	1891	1912	Заместитель начальника Политуправления КВО (20-е годы)	–	20.09.38	20.09.38	–
58.	ЛАГЭДИН Николай Карлович	1897	IV/1917	Начальник Полтавского военно-политического училища. Перед арестом уволен	03.10.37	26.12.37	–	25.06.57
59.	ЛЕБЕДЕВ Анатолий Сергеевич	1900	1919	Военком Бурят-Монгольской Отдельной кавбригады	27.08.37	02.10.38	02.10.38	14.05.57
60.	ЛЕВИТ Климентий Давидович	1901	–	Пом. Нач. по политической части Московской артшколы им. Красина	–	13.06.38	30.09.38	–
61.	ЛЕВУШКИН Иван Капитонович	1896	1919	Начальник Политотдела 8-й мехбригады	08.07.37	09.09.37	10.09.37	19.05.56
62.	ЛЕОНИДОВ Леонид (по приговору Леонтий) Осипович	1901	1919	Ст. руководитель кафедры ленинизма ВПАТ	27.10.36	19.12.36	19.11.36	24.03.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
63.	ЛОБАНОВ Василий Иванович	1899	1918	Начальник Политотдела 55-й стрелковой дивизи и	–	28.10.38	28.10.38	30.05.57
64.	ЛОЗОВСКИЙ Александр Петрович (он же ЯНБЕРГ Вильгельм Карлович)	1895	1913	Начальник 10-го отдела Разведупра РККА	02.12.37	22.08.38	–	22.06.57
65.	ЛОСЕВ Мендель Абрамович	1901	–	Военный комиссар 9-й тяжелой авиабригады	–	29.04.38	29.04.38	–
66.	МАЙЗЕЛИС Лев Мордухович	1896	1920	Военный комиссар 43- го стрелкового корпуса (ОКДВА)	05.01.38	21.04.38	21.04.38	06.06.56
67.	МАСЕВИЦКИЙ Исаак Ефимович	1895	1918	Начальник Политотдела Согаванского УР	15.06.37	04.05.38	–	10.11.56
68.	МАТВЕЕВ Павел Анисович	1899	–	Из ОКЖДВ	–	25.04.38	–	–
69.	МИРОНОВ Никифор Петрович	1900	V/1917	Начальник Политотдела 51-й авиабригады	12.06.37	25.03.38	–	23.06.56
70.	МОШКИН Алексей Иванович	1896	1918	Начальник Политотдела АртНИИ РККА	11.06.37	ВТ ЛВО 22.08.37	–	20.04.57
71.	МУТНЫХ Владимир Иванович	1895	1918	Начальник ЦДКА. Перед арестом директор ГАБТа	20.04.37	25.11.37	25.11.37	15.08.56
72.	НАРИМАНОВ Юнус Мусаевич	1898	1918	Начальник Политотдела 19-й Узбекской горно- кавалерийской дивизии	12.09.37	10.10.38	–	13.10.56

73.	НЕМИГОВСКИЙ Семен Борисович	1898	–	Начальник Политотдела 256-й авиабригады (1936)	–	08.09.37	08.09.37	–
74.	НОСОВ Николай Арсентьевич	1900	–	Секретарь начальника Политуправления РККА Я. Б. Гамарника	–	27.04.38	–	–
75.	ОЗОЛИН Константин Иванович	1893	1917	Член Военного совета ХВО	26.09.37	01.08.38	–	01.12.56
76.	ОРЛОВСКИЙ Изяслав Яковлевич	1898	1918	Начальник Политотдела 9-й Военной школы лет- чиков (ХВО)	01.12.37	25.03.38	–	28.11.56
77.	ПАВЛОВ Иван Дмитриевич	1898	1921	Начальник Политуправ- ления СибВО	09.12.37	16.06.38	16.06.38	25.07.57
78.	ПАППЭ Мария Александровна	1899	–	Не установлена	–	21.03.40	–	–
79.	ПЕРКОН (ЯМБЕРГ) Эрнест Карлович	1897	1917	Заместитель начальника 10-го отдела Развед- управления РККА	01.12.37	07.05.38	–	27.07.57
80.	ПЛОТНИКОВ Исаак Соломонович	1888	–	Ст. руководитель ка- федры политэкономи ВПАТ	–	19.12.36	–	–
81.	ПОДСОТСКИЙ Константин Иванович	1900	1918	Заместитель начальника Управления Военного издательства НКО	01.02.38	22.08.38	22.08.38	14.04.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
82.	ПРОКШИЦ Ярослав Степанович	1900	1919	Начальник Политотдела 1-й Червоно-казачьей кавдивизии	03.08.37	16.10.37	–	23.05.57
83.	РЕЙЗИН Семен Борисович	1899	1918	Начальник культпросветотдела Политуправления РККА	04.07.37	10.09.37	10.09.37	06.06.56
84.	РОССЕТ Дмитрий Дмитриевич	1899	1920	Начальник Политотдела 3-й авиабригады	17.12.37	25.02.38	–	13.07.57
85.	РУДАКОВ Сергей Александрович	1898	1920	Начальник Политотдела 6-й мехбригады (XI мк)	15.07.37	05.10.38	–	04.06.57
86.	РУМЯНЦЕВ Андрей Кузьмич	1899	1917	Секретарь парткомиссии КБФ	29.08.37	23.02.38	–	16.07.57
87.	РУСОВ Василий Николаевич	1900	1918	Заместитель начальника Политуправления ЗабВО	10.02.38	02.10.38	02.10.38	09.04.57
88.	РУСОВ Яков Васильевич	1898	1920	Начальник отдела по комначсоставу штаба МВО	03.10.37	17.09.38	–	24.11.56
89.	САДОВНИКОВ Иван Иванович	1898	–	Секретарь армейской парткомиссии ОКДВА	23.11.37	02.08.39 «10»	Судьба не установлена	
90.	САЛНЫНЬ Христофор Интович	1885	1902	Заместитель начальника отдела «а» Развед- управления РККА	26.04.38	14.03.39	08.05.39	25.07.56

91.	СВИСТУНОВ Иван Захарович	1900	1919	Начальник Политотдела 1-й авиабригады	06.12.37	21.09.38	–	13.07.57
92.	СЕРГЕЕВ Дмитрий Александрович	1898	1918	Комиссар Главвоенпорта ТОФ	05.11.37	17.08.38	–	27.07.57
93.	СЕРГЕЕВ Михаил Матвеевич	1898	–	Начальник Политотдела МПСД (1936 г.)	–	02.04.38	02.04.38	–
94.	СИМОНОВ Алексей Яковлевич	1897	1921	Начальник Политотдела 59-й стрелковой дивизии (ОКДВА)	23.06.37	25.03.38	–	02.04.57
95.	СОЛОМКО Сергей Трофимович	–	–	Военный комиссар Во- енной академии им. М.В. Фрунзе	Не аресто- вывался	Застре- лился в слу- жебном кабинете 17.02.38		
96.	СПАЛВИН Онуфрий Иванович	1890	1919	Военный комиссар отря- да подводного плавания КБФ	15.12.37	20.09.38		26.10.57
97.	СТАТУТ Дмитрий Николаевич	1892	1918	Начальник Ставрополь- ского военного конного завода	14.12.37	02.04.38	02.04.38	07.03.56
98.	СТЕПАНОВ Степан Николаевич	1897	–	Военный комиссар Амурской флотилии (1930)	30.12.37	14.06.38	14.06.38	–
99.	СУББОТИН Алексей Васильевич	1898	1917	Помощник начальника Борисоглебской военной школы летчиков	04.07.37	05.02.38	–	23.05.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
100.	СУБОЦКИЙ Михаил Матвеевич	1900	1919	Начальник Политотдела бригады крейсеров ЧФ	11.06.37	16.06.38	–	24.10.57
101.	СУСЛОВ Павел Константинович	1897	1917	Заместитель редактора газеты «Красная звезда»	22.12.37	09.05.38	–	25.06.55
102.	СУХОТИН Сергей Абрамович	1900	1918	Начальник Высших военно-политических курсов Политуправления РККА	12.06.38	26.08.38	–	08.12.56
103.	ТАИРОВ (ТЕР-ГРИГОРЯН) Владимир Христофорович	1894	1918	Полпред СССР и уполномо- ченный ЦК ВКП(б) в МНР (быв. Начальник Политуправления ОК- ДВА)	15.08.37	22.08.38	22.08.38	14.07.56
104.	ТАЛАНКИН Александр Александрович	1898	1917	Ст. преподаватель фило- софии ВПАТ	04.06.37	31.08.37	–	08.10.57
105.	ТАУРИН Отто-Оскар Фридрихович	1895	1912	Секретарь Окружной парткомиссии СКВО	---	21.10.39	Презид. ВС заме- нил на 10 лет	25.07.56
106.	ТУТУНКИН Николай Тимофеевич	1901	1921	Начальник культпросве- тотдела Политуправле- ния РККА	05.12.37	20.09.38	20.09.38	29.06.67
107.	ФЕДОТОВ Михаил Васильевич	1887	1919	Помощник начальника ВАММ по тех. части	18.07.38	26.03.39	–	29.09.56

108.	ФРУМИН Семен Михайлович	1900	1917	Начальник и военрук ЦГИФК	–	01.09.38	01.09.38	–
109.	ЦЕЙТЛИН Залман Карпович	1897	–	Начальник Политотдела 20-й стрелковой диви- зии (1936)	–	02.11.38 «10»	Умер 03.01.40	–
110.	ЦЕННЕ Артур Яковлевич	1896	–	Не установлена	–	07.02.38	–	–
111.	ЦИБИЗЕВ Владимир Дмитриевич	1893	–	Не установлена	–	09.05.38	09.05.38	–
112.	ШЕЙДИН Абрам Аронович	1893	–	Не установлена	–	17.05.38	–	–
113.	ШЕЛЬХМАНОВ Иван Павлович	1890	–	Не установлена	–	02.04.38	02.04.38	–
114.	ШЕМЕТ Иосиф Иванович	1895	–	Начальник Политотдела бригады торпедных кате- ров (КБФ)	05.12.37	–	22.01.38	–
115.	ШИЛКИН Василий Яковлевич	1894	–	Военный комиссар 28-й авиабригады	–	ОСО 22.03.41 «8»	Умер в Се- востлаге 10.03.46	–
116.	ШИНКАРЕВ Николай Лаврентьевич	1898	1918	Начальник отделения Разведуправления РККА	04.10.37	25.04.38	–	12.11.55
117.	ШПЕКТОРОВ Натан Лазаревич	1890	1920	Заместитель начальника 5-го отдела Генштаба РККА	19.06.37	14.09.37	–	11.08.56
118.	ШУБИН Исидор Григорьевич	1898	1919	Заместитель начальника ОРПО Политуправления РККА	04.07.37	26.09.37	–	21.07.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
119.	ЯГУШЕВСКИЙ Владимир Владиславович	1889	1918	Начальник Пермской авиашколы	21.02.38	15.08.38	–	23.03.67
120.	ЯНЕЛЬ Карл Юрьевич*	1886	1910	Начальник иностранного отдела УВВС РККА	–	25.04.38	25.04.38	09.05.56

29. Бригинженеры

1.	АНДРЕЕВ Николай Николаевич	1896	1919	Начальник ВЭТА РККА	22.09.38	28.04.39 «15 + 5»	Умер в Маглаге 02.01.51	20.09.56
2.	АСЛАНОВ Семен Иванович	1885	Кандидат 1931	Начальник инженерных войск МВО	18.02.38	02.04.38	Умер в Маглаге	20.10.56
3.	АУЗАН Адольф Карлович	1898	1916	Начальник военного представительства ВВС РККА при ЦАГИ	10.11.37	28.04.39	–	18.08.56

- * Кроме того, арестовывались и отбыли различные сроки под стражей бригадные комиссары: заместитель начальника отдела Разведуправления РККА Илья Миронович БОЛОТИН, военрук Харьковского библиотечного института Андрей Васильевич БРАГИНСКИЙ, начальник ОРПО Политуправления СКВО Исаак Наумович ВАСЬКОВИЧ, Николай Тимофеевич ГАЛКИН (УВУЗ РККА), начальник Политотдела спецвойск Рязанского гарнизона Анатолий Николаевич ГУРКОВСКИЙ, военный комиссар Омского военного училища Н.С. ЕНИКЕЕВ, начальник Политотдела 16 сд Лев Исаакович ИДЕЛЬСОН, ст. руководитель кафедры истории гражданской войны ВАФ Арнольд Борисович КАДИШЕВ, начальник Политуправления Северного военного флота Павел Моисеевич КЛИПП, заместитель начальника Политуправления БВО Николай Гурьевич КОНИУХОВ, сотрудник Разведуправления РККА Михаил Давидович КОРОЛЬ, военный комиссар 72 сд Ян Янович КРЕМЕР, начальник Политуправления СКВО Иван Алексеевич КУЗИН, начальник Политотдела 106 АБ Василий Эммануилович МОСКАЛЕНКО, начальник Политотдела 10 кд Петр Семенович РОВНЕЙКО, начальник Политотдела бригады подводный лодок (КБФ) И. Т. СЕРЕБРЯКОВ, военный комиссар Военно-инженерной Академии РККА Аркадий Касторович СКОРОХОДОВ, Михаил Алексеевич СТАРОСТИН, начальник Политотдела спецчастей Ленинградского гарнизона Михаил Васильевич ФРОЛОВ, Николай Дмитриевич ЧЕРЕМИН, начальник Политотдела школы морских летчиков Григорий Семенович ЧЕРНЫЙ-ЛИФШИЦ, Александр Дмитриевич ШАВРОВ (ВВС БВО), член Военного совета 1 ОКА Михаил Васильевич ШУЛИКОВ и др.

4.	ГРУЗДУП Альфред Христофорович	1896	1919	Заместитель начальника ВТА РККА	10.12.37	07.05.38	–	24.10.57
5.	ГУРВИЧ Александр Иосифович	1898	–	Начальник НИИ по технике связи Разведупра РККА	13.12.37	01.09.38	01.09.38	–
6.	ДЕМЬЯНОВСКИЙ Владимир Владимирович	1897	1917	Помощник начальника 7-го отдела Генштаба РККА	07.10.38	15.04.39	–	30.05.56
7.	ЖЕЛЕЗНЯКОВ Яков Моисеевич	1897	1919	Заместитель председателя Артиллерийского комитета и начальник НТО ГАУ РККА	29.05.37	05.11.37	05.11.37	28.01.56
8.	ЖУКОВСКИЙ Иван Петрович	1896	1918	Начальник Военпроекта СКУ РККА	16.05.37	14.07.37	14.07.37	28.07.56
9.	ИУДИН Сергей Дмитриевич	1899	1919	Заместитель начальника Управления связи РККА	11.03.38	25.08.38	25.07.38 (так в документе)	15.09.56
10.	КОКАДАЕВ Александр Николаевич	1897	1919–1921 1928–1937	Начальник 3 отдела Управления связи РККА	10.01.38	25.08.38	25.08.38	30.09.58
11.	ЛЕБЕДЕВ Алексей Захарович	1899	1919	Пом. начальника Химуправления РККА	17.02.38	07.09.38	–	23.04.57
12.	МАКСИМОВ Николай Александрович	1896	1918	Начальник управления инженеров КБФ	22.03.37	29.08.37	–	18.04.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
13.	МИЛЕЙКОВСКИЙ Илья Маркович	1897	–	Начальник НИТИ войск связи РККА	–	28.04.39 «15 + 5»	Судьба не установ- лена	
14.	ПАВЛОВ Илья Сергеевич	1899	1919	Главный инженер и за- меститель начальника СКУ РККА	17.05.37	16.01.38	16.01.38	28.03.56
15.	ПЕТРОВ Орест Дмитриевич	1889	Б/п	Начальник АБТВ ЗакВО	04.07.37	15.09.37	15.09.37	07.04.56
16.	ПОБЕРЕЖСКИЙ Абрам (Иосиф) Израилович	1897	–	Начальник Всесоюзного объединения авиапро- мышленности	–	29.07.38 «10»	Умер в 1944 г.	–
17.	САРАВАЙСКИЙ Самуил Абрамович	1900	1920	Начальник 2-го отдела СКУ РККА	08.06.37	14.08.37	–	18.07.56
18.	СВИРИДОВ Василий Дмитриевич	1901	1921	Начальник 8-го Главного управления НК ОП	08.07.38	07.09.38	07.09.38	30.11.55
19.	СКЛИЗКОВ Степан Осипович	1899	Б/п	Начальник Управления стрелкового вооружения Красной Армии	–	Расстре- лян без суда	28.10.41	
20.	ФАЙВУШ Яков Аронович	1895	Б/п	Начальник 6-го отдела Разведупра РККА	06.12.37	27.04.38	–	08.09.56
21.	ФЕДОРОВ Иван Алексеевич	1896	1919	Командир 1-го железно- дорожного полка	09.08.37	22.02.38	22.02.38	09.05.56
22.	ХАНДРИКОВ Владимир Петрович	1896	1917	Начальник и гл. инженер 12-го стройучастка	30.05.37	14.07.37	–	08.09.56

23.	ХАРЛАМОВ Николай Михайлович*	1892	1919	Начальник ЦАГИ	09.11.37	29.07.38	29.07.38	23.04.55
-----	---------------------------------	------	------	----------------	----------	----------	----------	----------

30. Инженер-флагманы 3-го ранга

1.	АНЦИПО-ЧИКУНСКИЙ Лев Владимирович	1898	1920	Военно-морской аташе полпредства СССР в Ве- ликобритании	28.01.38	16.06.38	–	23.11.56
2.	МИРОШКИН Алексей Филиппович	1893	1918	Начальник артотдела Управления вооружений Морских Сил РККА	10.11.37	25.04.38	–	25.08.56
3.	ПЛАТОНОВ Алексей Павлович	1894	–	Не установлена	–	ВТ КБФ 10.03.38	22.05.38	–
4.	ПОСАЖЕННИКОВ Алексей Демьянович	1895	Б/п	Помощник начальника Управления корабле- строения УМС РККА	22.07.37	21.09.37	–	08.09.56
5.	РАШЕВИЧ Франц Константинович	1893	1919	Начальник Военно- морского инженерного училища им. Дзержин- ского (в Ленинграде)	30.12.37	21.09.38	–	27.10.56

31. Бригиттенденты

1.	АБОЛ Эмиль Францевич	1892	1909	Помощник начальника ВАФ	29.01.38	20.06.38	–	07.01.56
----	----------------------	------	------	----------------------------	----------	----------	---	----------

* Кроме того, на различные сроки были осуждены бригаинженеры: старший инспектор при начальнике ГАУ РККА Николай Иванович ЖУКОВСКИЙ, начальник Ленинградского училища связи Анатолий Федорович ЛАСТОЧКИН, заместитель председателя Арткомитета Артуправления РККА Василий Николаевич МОГИЛЕВКИН, ст. инспектор ОКДВА Владимир Андреевич СВИНЬИН, начальник НИИ связи РККА Иоханнес Гансович ХЕЙЛЬ, начальник штаба Военно-инженерной академии Исая Маркович ЦАЛЬКОВИЧ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2.	АБРАМСОН Лев Маркович	1896	–	Не установлена	–	09.04.39	16.08.39 «20 + 5»	Умер в Усть- вымляге 08.10.45
3.	БЛИНОВ Сергей Васильевич	1891	–	Не установлена	05.08.37	13.03.38	13.03.38	–
4.	БОДРОВ Дмитрий Дмитриевич	1898	1918	Начальник СКО МВО	07.08.37	31.10.37	01.09.37 (так в до- кументе)	22.02.56
5.	БОТНЕР Стефан Освальдович	1890	–	Отв. Редактор журнала «Военная мысль»	–	14.09.37	–	–
6.	БОЯРСКИЙ Александр Федорович	1893	1917	Помощник председателя ЦС ОАХ СССР	29.05.37	04.09.37	–	12.05.56
7.	БУЗНИКОВ Анатолий Дмитриевич	1888	–	Не установлена	–	15.04.39	15.04.39	–
8.	ВИТКОВСКИЙ Павел Петрович	1897	1919	Помощник начальника УОВС РККА	23.11.37	28.08.38	–	15.12.56
9.	ЕВТУШЕНКО Ермолай Назумович	1882	1917	Инспектор Агуправле- ния РККА	–	25.08.38	–	23.08.57
10.	ЖИГАНОВ Федор Георгиевич	1882	1917	Пред. Пролетарского райсовета ОАХ г. Мо- сквы	09.05.37	04.09.37	–	12.05.56
11.	КАЛИНИН Семен Иванович	1900	–	Начальник военного порта во Владивостоке	–	03.04.38	03.04.38	–

12.	ПЕВЗНЕР Иосиф Борисович	1894	1917	Начальник продфураж- ного отдела РККА	12.12.37	22.08.38	–	20.04.57
13.	ПЕРЦОВСКИЙ Захарий Давидович	1898	–	Начальник финансового отдела Наркомата обо- роны СССР	08.02.38	03.09.38	–	05.10.55
14.	ПРЕТТЕР Карл Александрович	1896	1917	Помощник начальника ВХУ РККА	26.05.38	14.04.39	14.04.39	–
15.	САТТЕРУП Дмитрий Владимирович	1873	Б/п	Ст. научный сотрудник ЦВИА Красной Армии	–	14.02.40	15.02.40	18.08.57
16.	ТРУХАНИН Михаил Захарович	1893	1918	Заместитель командира Главвоенпорта ТОФ	27.06.37	04.05.38	–	22.10.57
17.	ЧЕРНЕВСКИЙ Всеволод Николаевич	1895	–	Начальник 4-го отдела СКУ РККА	11.37	–	Расстре- лян в 1937	11.56
18.	ЩЕТИНИН Павел Афанасьевич*	1893	IV/1917	Помощник командующе- го Северным флотом	29.12.37	21.09.38	–	26.09.56

32. Бригвоенврачи

1.	АХИЕЗЕР Георгий Александрович	1880	–	Начальник санитарнолабо- ратории КВО	–	02.10.38	02.10.38	–
2.	ВЛАДИМИРСКИЙ Дмитрий Алексеевич	1894	1929	Начальник отделения санотдела ГУПВО НКВД СССР	–	24.01.40	–	19.11.55
3.	ЗАЛКИНД Исай Абрамович	1891	–	Ст. инспектор по ВВС при Санупре РККА	–	14.04.39	14.04.39	–

* Арестовывались бригаинтенданты: Оскар Эрнстович РЕДЛИХ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
4.	ЗВОНИЦКИЙ Юлиан Владимирович	1897	–	Начальник военно-санитарного управления ЛВО	11.08.37	23.09.38 «10»	Умер 04.11.39	56
5.	КОРОЕДОВ Василий Георгиевич	1897	–	Начальник санслужбы ОКДВА	–	23.03.38	23.03.38	11.07.56
6.	МОГИЛЕВИЧ Ефим Григорьевич	1888	1917	Начальник НИИСИ РККА	28.04.38	14.04.39	15.04.39	–
7.	ПОЛИЩУК Василий Владимирович	1901	–	Начальник санслужбы ТОФ	–	04.05.38	04.05.38	–
8.	ШЕПЛЕТТО Иван Иванович	1898	1938	Врид начальника санотдела ГУПВО НКВД СССР	–	24.01.40	–	19.11.55

33. Бригветерачи

1.	НУРОМСКИЙ Алексей Константинович	1891	1918	Начальник ветслужбы КВО	–	23.12.37	–	06.09.56
2.	СЕРЕБРЯНИКОВ Владимир Степанович	1889	Б/п	Начальник ветотдела СибВО	–	15.06.38	–	–
3.	ЭЛЬБОМ Яков Наумович	1891	–	Начальник ветслужбы МВО	13.07.37	25.08.37	–	–

34. Бригвоенюристы

1.	БЕРЗИН Адольф Петрович	1890	1911	Заместитель военного прокурора МВО	10.12.37	02.04.38	–	04.08.56
2.	ВОЙТЕКО Павел Станиславович	1894	–	Военный прокурор ЧФ	26.08.38	28.02.40 «15 + 5»	Умер в 1945 г.	13.07.57

3.	ДЗЕРВИТ Юлиус Андреевич	1899	1919	Военный прокурор войск НКВД МВО	26.08.38	10.03.39	–	13.07.57
4.	ЖИГУР Ян Карлович	1893	1912	Председатель военного трибунала СКВО	01.02.38	02.11.39 «10 + 5»	Умер в 1942 г.	10.06.58
5.	ЗИНОВЬЕВ Петр Федорович	1894	–	Не установлена	–	02.02.38 «10»	Умер 14.04.39	–
6.	КАШТЕЛЬЯНОВ Ипполит Семенович	1896	1918	Заместитель председателя военного трибунала КБФ	08.1937	20.09.38	20.09.38	13.07.57
7.	КУРАКИН Василий Константинович	1889	–	Заместитель военного прокурора БВО	–	Покончил жизнь самоубийством		
8.	РОМАНОВСКИЙ Константин Иванович	1897	1921	Военный прокурор ХВО	22.10.37	08.01.38	08.01.38	11.08.56
9.	РУТМАН Ян Янович	1891	1911	Член Военной коллегии Верховного суда СССР	10.12.37	28.07.38	–	12.03.55
10.	СЕНКЕВИЧ Анисим Георгиевич	1898	1918	Председатель военного трибунала ЗабВО	20.09.38	ОСО 23.12.39 II СП	Умер в заключении	12.03.55
11.	СЕПЕ Карл Освальд Густавович	1890	–	Член коллегии ВТ СКВО	03.02.38	10.12.40 «10»	Умер 08.02.43	11.11.67
12.	СТАВИЦКИЙ Моисей Исаевич	1896	1919	Помощник военного прокурора ХВО	22.10.37	13.04.38	–	10.10.57
13.	СТУРМАН Иван Матвеевич	1889	1905	Военный прокурор КБФ	25.12.37	20.09.38	–	09.07.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14.	СУСЛОВ Григорий Григорьевич	1886	1919	Военный прокурор ЗабВО	23.07.37	02.10.38	–	28.07.56
15.	СЫТОВ Тихон Павлович	1897	1919	Председатель военного трибунала КБФ	11.01.38	20.09.38	20.09.38	15.07.57
16.	ШАХТЭН Яков Маркович*	1896	–	Заместитель военного прокурора КВО	–	21.12.37	21.12.37	–

35. Полковники

1.	АВАКЯН Баграт Савадович	1897	1919	Начальник штаба 76-й Армянской горно- стрелковой дивизии	20.07.37	19.07.38	–	28.11.56
2.	АДАМИДЗЕ Иван Илларионович	1899	Канди- дат	Начальник штаба МПВО г. Тбилиси	13.07.37	30.09.37	30.09.37	25.07.56
3.	АКАТОВ Борис Николаевич	1899	1931	Помощник командира 12-й Кубанской казачьей дивизии (СКВО)	10.08.37	05.06.38	05.06.38	28.06.57
4.	АКВИЛЯНОВ Михаил Михайлович	1902	1921	Адьютант Маршала Со- ветского Союза С. М. Буденного	29.01.38	25.08.38	25.08.38	22.02.62
5.	АЛЕКСЕЕВСКИЙ Александр Николаевич	1899	–	Начальник 1-го отдела Управления ВВС РККА	29.12.37	27.09.38	–	27.06.56

- * Кроме того, были арестованы и подвергнуты заключению бригавоенюристы: председатель ВТ Зап.-СибВО Ф.Я. БАУМАНСКИЙ, начальник автоинспекции Михаил Константинович ГУБАНОВ, председатель ВТ ХВО А.Ф. КОЗЛОВСКИЙ, военный прокурор СибВО П. НЕЛИДОВ, Исаак Маркович РЕВЗИС, Василий Иванович РЫЦАРЕВ-БРОНСКИЙ, помощник военного прокурора ХВО П.С. САФРОНОВ, военный прокурор НКВД Горьковской области Вильгельм Иванович ЧАКСТЭ и др.

6.	АЛУТИН Владимир Андреевич	1895	1919	Помощник начальника 2-го отдела АМУ РККА	22.09.37	15.11.37	15.11.37	11.07.57
7.	АНДРУШКЕВИЧ-ШЕПЕЛЬ Николай Николаевич	1898	1928	Командир 10-й мехбри- гады (БВО). Уволен в июле 1937 г.	27.01.38	02.07.38	–	19.09.57
8.	АНТАДЗЕ Владимир Евстифеевич	1894	Б/п	Командир 47-го грузин- ского артполка	13.07.37	30.09.37	–	12.07.57
9.	АНШЕВИЦ Ян Каспарович	1895	1919	Сотрудник Разведупра РККА	19.08.37	19.05.38	–	–
10.	АРТАМОНОВ Дмитрий Иванович	1886	1908	Начальник отделения 5-го отдела Генерально- го штаба РККА	–	ОСО 22.10.38 «8»	Умер в 1942 г.	20.10.56
11.	АРХИПОВ Степан Федорович	1893	Б/п	Начальник артиллерии Могилево-Ямпольского УР	11.08.37	16.10.37	16.10.37	11.03.58
12.	АХВЛЕДИАНИ Александр (Мамия) Соломонович	1892	Б/п	Военрук Грузинского Аннотального института	14.07.37	30.09.37	–	26.01.57
13.	БАЗАРЕВСКИЙ Александр Халиевич	1884	Б/п	Начальник отделения Ге- нерального штаба РККА	1931–1936 6.12.37	02.04.38	–	04.04.57
14.	БАЛАШОВ Федор Михайлович	1894	1931	Помощник командира 26-й авиабригады по МТО	18.10.37	16.04.38	16.04.38	11.11.58
15.	БАМБУЛЕВИЧ Антон Васильевич	1898	1925	Начальник 2-годеле- ния 1-го отдела Генштаба РККА	19.10.37	25.12.37	–	01.06.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
16.	БАРБАР Ян Мартынович	1894	1912	Командир 252 сп	12.12.37	Высшая двойка 30.02.38	–	23.04.57
17.	БАРКАН Павел Викторович	1898	1919	Заместитель начальника оперотдела ГУПВО НКВД СССР	20.01.38	25.08.38	–	29.08.56
18.	БАРКОВ Иван Кузьмин	1893	1919	Начальник штаба дивизии Особого назначения НКВД СССР	12.04.38	25.08.38	–	25.08.56
19.	БЕЛОЗЕРОВ-ГЛАДЫШЕВ Леонид Дмитриевич	1896	1918	Помощник командира 65-й стрелковой дивизии (УрВО)	02.12.37	08.08.38	–	10.08.57
20.	БЕЛЯКОВ Павел Федорович	1901	1921	Начальник 1-го отдела штаба КВО	20.07.37	15.10.37	–	17.11.56
21.	БЕРДНИК Иван Нестерович	1898	1917	Командир полка 1-й дивизии ПВО	–	16.06.37	–	28.07.56
22.	БЕРЕЖНОЙ Николай Степанович	1895	1921	Начальник штаба 22-й стрелковой дивизии	09.04.37	25.12.37	–	05.04.58
23.	БИРУЛЯ Антон Антонович	1901	1921	Командир 2 ап 2 сд (БВО)	18.12.37	30.06.38	–	–
24.	БЛЮМ Николай Яковлевич	1895	–	Помощник командира 10-й кавалерийской дивизии	–	1937	–	25.08.56
25.	БОТЕ (БОТЭ) Николай Карлович	1887	Б/п	Ст. руководитель кафедры службы штабов ВАФ	10.03.38	15.09.38	15.09.38	09.02.60

26.	БУКАН Август Оттович	1897	1914	Начальник управления учебных заведений ГУГФ	23.02.38	30.06.38	–	28.03.56
27.	БУСЯЦКИЙ Анатолий Александрович	1897	–	Командир в/ч 5610	–	1939	–	–
28.	БУТЛЕР Анатолий Александрович	1890	Кандидат 1932	Начальник 1-го отдела Госвоениздата НКО	22.02.38	25.08.38	–	16.03.57
29.	БУШ Николай Иванович	1882	1926	Зам. нач. УПВО НКВД Казахской ССР	24.06.38	25.08.38	–	29.08.56
30.	БУШМАН Ян Янович	1897	1919	Зам. нач. УПВО НКВД Восточно-Сибирского округа	29.03.38	26.08.38	–	19.09.57
31.	БЫКОВ Федор Викентьевич	1894	1921	Начальник 6-го отдела штаба КВО	04.10.37	19.11.37	–	11.06.57
32.	ВАГАНОВ Андрей Алексеевич	1897	Кандидат 1931	Слушатель ВАГШ РККА	26.05.37	16.08.37	–	20.04.57
33.	ВАСИЛЕВСКИЙ Казимир Габриэльевич	1896	1917	Преподаватель ВТА РККА	14.12.37	02.04.38	02.04.38	25.08.56
34.	ВЕТЛИН Григорий Александрович	1898	1918	Начальник кафедры военной географии ВАФ	17.05.37	01.07.37	–	08.12.56
35.	ВИШНЕВЕЦКИЙ Николай Петрович	1897	V/1917	Заместитель начальника разведотдела ОКДВА	01.08.37	16.04.38	–	01.10.57
36.	ВЛАДИСЛАВСКИЙ-КРЕКШИН Николай Леонидович	1874	Б/п	Сотрудник научного отдела ЦАКА	20.12.37	26.08.38	–	06.10.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
37.	ВОРОБЬЕВ Сергей Ильич	1903	Б/п	Инструктор кавдивизии МНРА	14.11.37	25.12.37	–	11.05.57
38.	ВЫСОЦКИЙ Иван Витольдович (в запасе)	1880	Б/п	Научный редактор Советской Военной Энциклопедии	29.01.38	02.04.38	–	11.05.57
39.	ГАЗУКИН Иван Степанович	1896	1918	Командир и военный комиссар 233 сп 78-й стрелковой дивизии (СибВО)	27.07.37	14.03.38	–	23.03.57
40.	ГАРСИАШВИЛИ Леван Ясонович	1894	Б/п	Начальник отдела боевой подготовки ЦС ОАХ Грузии	14.07.37	29.09.37	30.09.37	31.03.56
41.	ГЕЛЬФЕР Евгений Абрамович	1896	1918	Начальник авиации Особваихима СССР	20.08.37	08.01.38	–	24.11.56
42.	ГЕРМАН Анн Гансович	1894	1919	Начальник отделения Разведупра РККА	08.06.38	03.09.38	–	28.06.57
43.	ГИЛЬФОНД Александр Михайлович	1903	1927	Командир конвойного полка войск НКВД МВО	–	24.01.40	–	22.09.56
44.	ГИЛЯШОВ (ГИЛЯШЕВ) Николай Аркадьевич	1898	1926–1935	Ст. преподаватель Ульяновского БТУ	19.09.37	16.05.38	–	07.07.56
45.	ГЛЕБ-КОЩАНСКИЙ Александр Семенович	1884	Б/п	Командир 76-го отдельного батальона ОЮКДВ	04.09.37	13.03.38	13.03.38	25.02.58
46.	ГОМЗЯКОВ Александр Иванович	1895	Кандидат 1930	Командир 81-го артполка 81-й стрелковой дивизии	06.07.37	24.11.37	–	06.07.57

47.	ГОНИН Василий Матвеевич	–	–	Не установлена	–	17.11.37	17.11.37	–
48.	ГОРБАТЮК Александр Яковлевич	1891	1918	Начальник 3-го отдела штаба ХВО (уволен 29.04.37)	16.05.37	02.07.37	–	03.10.57
49.	ГОРОДИССКИЙ Виктор Андреевич	1887	Б/п	Помощник начальника отдела Управления начальника артиллерии РККА	21.02.38	25.08.38	–	16.05.57
50.	ГРЕБЕШЕВ Иван Сергеевич	1896	–	Начальник УПВО НКВД Узбекской ССР	05.09.38	14.03.39	–	30.05.56
51.	ГРИГОРЬЕВ Федор Леонидович	1884	Б/п	Начальник кафедры иностранных языков ВАММ РККА	04.07.37	20.09.37	–	08.09.56
52.	ГРИШЕЧКИН Константин Дмитриевич	1897	Б/п	Начальник штаба 46-й стрелковой дивизии	04.07.37	10.09.37	–	21.12.57
53.	ГРОДИС Юлий Иосифович	1899	–	Начальник разведотдела штаба ЛВО	27.09.39	1939 «15»	Судьба не установлена	1955
54.	ПРОМЫЧЕНКО Александр Евлампиевич	1895	Б/п	Преподаватель тактики ВАФ	11.03.38	09.05.38	–	18.03.56
55.	ГРОСС Эдуард Болеславович	1899	1918	Начальник штаба 3-го кавкорпуса (БВО)	25.07.37	20.12.37	–	10.08.55
56.	ГРУНДЕ Карл Мартьянович	1897	1917	Начальник отдела ВОСО ОКДВА	19.06.37	28.08.37	–	08.07.65

1	2	3	4	5	6	7	8	9
57.	ГУДАНЕЦ Иван Иосифович	1896	1918	Начальник артиллерии 7-го стрелкового корпуса	29.12.37	31.03.38	31.03.38	24.12.57
58.	ГУРКИН Иван Маркович	1898	Ш/1917	Помощник командира 72-й стрелковой дивизии	03.06.37	02.12.37	02.12.37	10.08.55
59.	ДАВЫДОВ Сергей Григорьевич	1894	Б/п	Начальник арснабжения штаба Приморской груп- пы войск ОКДВА	–	07.03.38	08.03.38	–
60.	ДАРГОЛЫД Генрих Михаилович	1900	1919	Начальник отдела секре- тариата Комитета обо- роны при СНК СССР	29.11.38	28.11.39 «15 + 5»	Умер в 1941 г.	10.12.55
61.	ДЕДЮКИН Тимур Федорович	1888	1918	Научный сотрудник ЦАКА	–	14.02.40	15.02.40	18.08.56
62.	ДЕДЮЛИН Александр Григорьевич	1893	Б/п	Командир авиаэскадри- льи НИИ ВВС РККА	20.12.37	22.03.38	–	29.07.58
63.	ДЕЙБНЕР Ричард Ричардович	1895	Б/п	Секретарь танко- стрелкового комитета АБТУ РККА	17.03.38	20.06.38	20.06.38	06.10.56
64.	ДЕСЯТОВ Андрей Серафимович	1896	Б/п	Пом. Нач. ОБП ГУПВО НКВД СССР	12.04.38	25.08.38	25.08.38	29.02.56
65.	ДМИТРИЕВ Федор Кузьмич	1890	1918	Начальник факультета ВТА РККА	12.08.37	10.12.37	–	14.04.56
66.	ДМИТРИЕВ-НИКИТИН Сергей Никитич	1888	1932	Командир строительного путевого ж. д. батальона ОКЖДВ РККА	11.01.38	20.08.38	20.08.38	02.08.57

67.	ДОБЫШ Иосиф Романович	1897	1920	Командир 63 сп 21 сд (ОКДВА)	06.07.37	09.04.38	09.04.38	–
68.	ДОВГАЛЬ Данил Данилович	1892	–	Командир 78-го арт- полка	10.03.38	20.06.38	–	24.08.57
69.	ДОЗИТ Карл Аннович	1894	1916	Начальник штаба Мо- сковского военного железнодорожного учи- лища инженеров	23.11.37	07.02.38	–	29.02.56
70.	ДОЛЖАНСКИЙ Александр Иванович	1898	Б/п	Начальник химвойск УрВО	11.07.37	22.08.38	22.08.38	28.01.58
71.	ДОСТОЙНОВ Василий Дмитриевич	1898	1932	Помощник командира 45-го мехкорпуса по тех. части	23.06.38	02.10.38	02.10.38	06.08.57
72.	ДУБОВИК Иосиф Станиславович	1900	1919	Начальник арснабжения ОКДВА	10.09.37	25.03.38	–	15.04.65
73.	ЛУБЯНСКИЙ Василий Антонович	1898	1919	Начальник отделения 1-го отдела Генштаба РККА	02.11.37	20.01.38	–	04.08.56
74.	ДУКЕЛЬСКИЙ Иосиф Львович	1897	1916	Начальник 1-го отдела штаба САВО	08.06.37	09.10.38	–	01.08.57
75.	ЕМЕЛЬЯНОВ Георгий Семенович	1898	1918	Начальник Пензенского кавалерийского училища	05.11.37	16.05.38	–	29.12.56
76.	ЕМЕЛЬЯНОВ-СУРИК Александр Васильевич	1892	1912	Военный атташе СССР в Турции	11.02.38	29.08.38	29.08.38	07.07.56
77.	ЕФИМОВ Николай Ефимович	1900	Лето 1917	Преподаватель кафедры тактики ВАФ	10.05.38	25.08.38	25.08.38	19.01.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
78.	ЕШУРИН Ипполит Михайлович	1896		Начальник штаба 3-й авиадесантной бригады (ЛВО)	–	Высшей двойкой 22.11.37	–	ВТ ЛВО 07.10.57
79.	ЖАНКОЛЯ Николай Николаевич	1902	1920	Слушатель ВАГШ РККА	28.01.38	09.10.38	09.10.38	13.03.57
80.	ЖАРНИКОВ Михаил Владимирович	1897	Б/п	Начальник штаба XI мех-корпуса (ЗабВО)	15.07.37	02.10.38	–	19.07.57
81.	ЖГУЧЕВ Борис Андреевич	1895	1919	Начальник отдела по комплекту составу СКВО	20.07.37	05.06.38	05.06.38	15.08.57
82.	ЖДАНОВ Константин Федотович	1890	1927	Начальник отдела Управления вооружений ВМС	10.01.38	15.09.38	–	02.08.57
83.	ЖИНЬКО Яков Иванович	1896	1918	Помощник армейского инспектора БВО	05.37	22.08.37	–	11.08.56
84.	ЗАКОЛОДКИН Анатолий Федорович	1896	1921	Начальник штаба пункта ПВО г. Москвы	15.05.37	16.06.37	–	26.07.57
85.	ЗАЛКИНД Марк Борисович	1904	1923	Командир и военный комиссар 19-й мех-бригады (ЛВО)	16.10.37	21.09.38	–	08.09.56
86.	ЗАСОСОВ Иван Иванович	–	–	Заместитель председателя Артиллерийского комитета	–	Рас-стрелян без суда 28.10.41	–	
87.	ЗАТОНСКИЙ Леонид Николаевич	1901	1919	Начальник штаба Академии химзащиты РККА	11.03.38	25.08.38	25.08.38	10.10.56

88.	ЗЕНЕК (БАЧИЧ) Иосиф Яковлевич	1894	1919	Начальник Ленинградского училища танковых техников	27.05.37	Высшей двойкой 15.11.37	21.11.37	28.11.56
89.	ЗИЛГАЛВА Роберт Петрович	1890	–	Не установлена	–	05.01.38	–	–
90.	ЗИМА Дмитрий Дмитриевич	1903	1929	Командир 54-й скоростной бомбардировочной авиабригады	11.06.37	09.09.37	–	09.06.57
91.	ЗОЛОТОВ Александр Сергеевич	1902	1919	Начальник отдела производства ЛВО	11.08.37	22.02.38	–	11.06.57
92.	ЗЫН Владимир Александрович	1888	Б/п	Начальник курса инженерного факультета ВАММ РККА	10.03.38	17.09.38	–	25.06.57
93.	ИВАНОВ Афанасий Данилович	–	–	Командир авиабригады	1938	–	02.42	–
94.	ИВАНОВ Петр Иванович	1897	1919	Военный атташе СССР в Финляндии	26.04.38	25.08.38	–	01.09.56
95.	ИЛЬЯШЕВИЧ Николай Люцианович	1892	1926	Начальник ОБП Инженерного управления РККА	08.04.38	25.08.38	25.08.38	06.06.57
96.	ИНДЗЕР Арнольд Оттович	1901	1918	Командир 13-й авиадесантной бригады	19.09.37	26.12.37	–	11.02.58
97.	ИОДЛОВСКИЙ Александр Максимович	1900	1919	Сотрудник Разведуправления РККА	–	21.08.37	–	18.08.56
98.	ИОСЕЛИАНИ Аполлон Давидович	1895	Б/п	Военный преподаватель Грузинского промышленного института	13.07.37	30.09.37	–	13.10.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
99.	ИПАТОВ Николай Михайлович	1898	Б/п	Командир отдельного учебно-опытного мостового железнодорожного полка	24.07.37	30.12.37	–	10.11.56
100.	КАМСКИЙ Леонид Васильевич	1888	Б/п	Помощник начальника 2-го отделения отдела ремонта конского состава НКО	15.08.37	04.01.38	–	20.10.56
101.	КАРАСИК Иосиф Яковлевич	1899	1919	Полковник запаса – военный пенсионер	29.06.41	ОСО 08.02.42	–	26.05.56
102.	КАРАТЫГИН Петр Петрович	1887	Б/п	Научный сотрудник ЦАКА	–	14.02.40	15.02.40	18.08.56
103.	КАРПЕЛЬ Исая Львович	1899	1919	Начальник штаба 66-й стрелковой дивизии ГОКДВА.	17.12.36	25.03.38	–	10.09.57
104.	КАРПУШИН-ЗОРИН Андрей Леонтьевич	1895	1927	Заместитель начальника штаба БВО	30.05.37	22.11.37	–	29.09.56
105.	КАСАТКИН Мануил Павлович	1890	1920	Помощник коменданта по артиллерии Северо-Западного УР Черноморского флота	17.05.37	01.07.37	–	22.07.58
106.	КАСВАНД Эдуард Оттович	1889	1919	Начальник отделения Центральной школы подготовки командиров штаба Разведуправления РККА	02.12.37	02.04.38	02.04.38	11.06.57

107.	КЕРЦЕЛЛИ Леонид Федорович	1893	Б/п	Командир 41 сп 14-й стрелковой дивизии	14.03.38	30.09.38	30.09.38	07.07.56
108.	КИСЕЛЕВ Иван Васильевич	1900	–	Начальник штаба 8-й мехбригады (КВО)	–	09.09.37	10.09.37	–
109.	КНИЖНИКОВ Леонид Анатольевич	1904	1920	Начальник отделения 1-го отдела АБТУ РККА	10.04.38	17.09.38	–	24.11.56
110.	КОЖАЕВ Михаил Владимирович	1895	–	Начальник артиллерии 40-й стрелковой дивизии (ОКДВА)	28.10.37	07.03.38	08.03.38	21.04.66
111.	КОЛОКОЛОВ Борис Иванович	1896	1919	Помощник командира 71-й стрелковой дивизии	11.03.38	23.06.38	–	05.11.57
112.	КОЛЬЧЕВСКИЙ Александр Константинович	1896	1927	Начальник 9-го отдела штаба ОКДВА	04.07.37	23.03.38	–	26.03.57
113.	КОРЕНЬКОВ Николай Иванович	1896	Б/п	Начальник школьного отделения ГУПВО НКВД СССР	–	25.08.38		21.03.56
114.	КОРНЕЕВ Иван Никитич	1896	1919	Начальник штаба 1-го стрелкового корпуса (ЛВО)	13.06.37	01.09.37		29.08.57
115.	КОСМАЧЕВ Исай Федорович	1896	1927	Начальник отдела ПВО Черноморского флота	08.06.37	05.01.38	–	08.08.56
116.	КУДРЯВЦЕВ Михаил Андреевич	1892	1919	Помощник командира 30-й стрелковой дивизии	29.07.37	14.09.37	–	11.02.58
117.	КУКША Александр Федорович	1897	1929	Начальник штаба Московской Пролетарской стрелковой дивизии (МПСД)	19.10.37	02.04.38	–	17.11.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
118.	КУЛИКОВСКИЙ Сергей Семенович	1896	1918	Начальник ВОСО КВО	09.08.37	16.10.37	–	17.12.57
119.	КУНДО Михаил Илларионович	1894	1918	Командир Бурято- Монгольской Отдельной кавбригады	23.08.37	02.10.38	–	14.05.57
120.	ЛАСТИКОВ Александр Иванович	1894	1918	Командир 183 ап 2-й артбригады ПВО	10.08.37	19.10.37	–	26.04.58
121.	ЛАЧИНОВ Борис Аполлонович	1891	Б/п	Преподаватель ВАММ РККА	18.07.38	26.08.38	–	20.06.56
122.	ЛЕБЕДЬ (ЛЕБЕДЕВ) Михаил Лукьянович	1899	1919	Начальник отдела АБТУ РККА	–	22.08.38	–	19.09.56
123.	ЛЕВАЛЬД П. П.	1897	1918	Начальник штаба 2-й артбригады	–	1939	–	–
124.	ЛЕКСИКОВ Тимофей Михайлович	1896	1917	Командир 240 сп 80-й стрелковой дивизии	15.06.37	29.03.38	–	11.03.58
125.	ЛЕНТОВСКИЙ Леонид Михайлович	1896	1929	Начальник войск связи СКВО	24.12.37 и 12.04.49	Осв. 1947 – работал конохом	Умер в сылке 26.07.52	09.09.58
126.	ЛИНДОВ- ЛИФШИЦ Илья Яковлевич	1900	1918	Начальник 4-го отдела штаба Л ВО	03.11.37	20.09.38	21.09.38	27.08.55
127.	ЛИСИЦЫН Иван Алексеевич	1896	1929	Заместитель начальника ЦАКА	–	14.02.40	15.02.40	18.08.56
128.	ЛОГВИНОВ Николай Петрович	1896	Б/п	Командир 20 сп 7-й стрелковой дивизии	03.03.38	29.09.38	–	26.09.57

129.	ЛУКИНСКИЙ Николай Петрович	1900	1919	Начальник военно- строительного участка 122 УВСП	10.03.38	06.10.38	–	27.02.62
130.	ЛУНЕВ Александр Георгиевич	1895	1918	Командир железнодоро- жной бригады войск НКВД	–	24.01.40	–	22.09.56
131.	ЛЯМИН Николай Николаевич	1894	1918	Начальник 8-го отдела штаба ЛВО	30.12.37	20.09.38	21.09.38	29.02.56
132.	МАВЛЮТОВ Хусейн Богаутдинович	1893	1918	Начальник разведотдела штаба ЗакВО	–	30.10.37	–	01.06.57
133.	МАКАРОВ Александр Маркович	1898	–	Начальник штаба 41-й стрелковой дивизии	17.06.37	14.09.37	15.09.37	–
134.	МАЛАХОВ Михаил Васильевич	1897	1919	Командир 1-й авиабри- гады	29.01.38	12.09.38	–	13.07.57
135.	МАЛИНОВСКИЙ Михаил Иванович	1895	Б/п	Военрук Харьков- ского механико- машиностроительного института	15.03.38	20.10.38	–	25.03.58
136.	МАЛИНОВСКИЙ Петр Иванович	1893	Канди- дат	Начальник командного факультета ВВА РККА	28.12.37	22.08.38	–	10.10.56
137.	МАЛИШЕВСКИЙ Иван Захарович	1897	–	Начальник 1-го отдела штаба 3-го стрелкового корпуса	16.08.37	22.11.37	–	23.06.56
138.	МАЛЬЦЕВ Михаил Ефимович	1897	1918	Командант Усть- Сунгарийского укреплен- ного района	13.07.37	22.09.37	22.09.37	04.04.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
139.	МАМИЧЕВ Илья Тимофеевич	1893	1919	Помощник начальника инженерных войск ПриВО	24.05.37	16.05.38	–	02.04.57
140.	МАМЧЕНКО Григорий Васильевич	1894	1919	Начальник отделения АБТУ РККА	10.04.38	17.09.38	–	23.05.57
141.	МАРХИНИН Константин Иванович	1891	1919	Начальник отделения 2-го отдела АМУ РККА	10.03.38	26.08.38	–	01.10.57
142.	МАРЧЕНКО Павел Григорьевич	1900	1918	В распоряжении управления ВВС РККА	03.09.37	02.10.38 «15 + 5»	Умер в Сев-востлаге 20.09.47	09.04.57
143.	МАСЛЕННИКОВ Александр Петрович	1900	1918	Начальник отделения 1-го отдела Генштаба РККА	01.11.37	25.12.37	–	27.07.57
144.	МАСЛЕННИКОВ Павел Александрович	1898	1919	Командир 1-й артбригады ПВО (БВО)	23.06.37	30.10.37	–	30.07.57
145.	МАТЮХИН Николай Максимович	1895	1917	Командир 73 ст 25-й стрелковой дивизии	17.06.37	05.10.37	–	08.03.58
146.	МГАЛОБЛИШВИЛИ Виктор Георгиевич	1891	Б/п	Начальник артиллерии ЗаКВО	14.07.37	29.09.37	17.10.38	26.07.57
147.	МЕДНИС Артур Карлович	1895	1919	Помощник начальника отдела УБГ РККА	11.12.37	01.09.38	01.09.38	16.03.67
148.	МЕЗИС Николай Карлович	1885	–	Командир стрелкового полка (КВО)	–	18.01.38	–	–

149.	МЕЛЬНИКОВ Петр Николаевич	1896	1920	Командир 134-й танковой бригады 45-го мехкорпуса (КВО)	23.06.38	02.10.38	02.10.38	09.05.57
150.	МИЛЕШКИН Николай Петрович	1897	1924	Командир 125-й авиабригады ВВС ТОФ	31.08.37	15.03.38	–	02.07.57
151.	МИОНЧИНСКИЙ Валериан Тимофеевич	–	–	Начальник артиллерии 18 ск	03.05.38	Умер в тюремной больнице 22.09.39	–	
152.	МОВЧИН Николай Николаевич	1896	1919	Начальник Управления снабжения горючим РККА	–	03.09.38	03.09.38	25.08.56
153.	МОЗЖУХИН Сергей Захарович	1895	1919	Начальник 4-го отдела штаба ЛВО	15.01.38	20.09.38	–	17.09.57
154.	МОНАРХО Павел Митрофанович	1904	Б/п	Командир 92-й авиабригады (Московская зона ПВО)	08.08.37	15.12.37	–	30.06.56
155.	МОРОЗОВ Сергей Иванович	1898	1920	Командир 3-й кавалерийской дивизии	19.09.38	21.06.39 «10 + 5»	Умер в 1940 г.	09.04.55
156.	МОСИДЗЕ Александр Павлович	1892	Б/п	Командир 1-го грузинского кавполка	06.04.37	12.07.37	12.07.37	12.07.57
157.	МОЧАЛОВ Константин Константинович	1895	1931	Начальник штаба 14-го стрелкового корпуса (ХВО)	16.06.37	04.10.37	05.10.37	25.05.57
158.	МУХИН Алексей Павлович	1897	Кандидат 1932	Помощник начальника отдела Управления артиллерии РККА	16.12.37	26.04.38	26.04.38	08.09.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
159.	МУХИН Павел Васильевич	1885	Кандидат 1930	Начальник 3-го отдела (ВОСО) штаба СибВО	26.04.37	17.06.38	–	–
160.	МЫСИН Федор Терентьевич	1893	1918	Помощник командира 24-й каавдивизии	22.08.37	19.12.37	–	23.04.57
161.	НАЙНИС Виктор Иосифович	1901	1918	Нач. оперотдела УГВ НКВД Казахстана	14.04.38	22.08.38	–	28.11.56
162.	НЕДОСЕКА Моисей Игнатьевич	1901	1919	Командир 48 ап 48-й стрелковой дивизии	10.10.37	Умер в тюрьме. Дело пре- кращено 17.02.39	23.03.59	
163.	НЕМИРОВ-НАЗИН Александр Сергеевич	1899	1920	Инструктор Разведуправ- ления РККА в МНР	15.12.37	07.05.38	–	15.06.57
164.	НИШНИАНИДЗЕ Константин Георгиевич	1892	Б/п	Начальник 3З/ УВСР СКО ЗахВО	–	30.09.37	30.09.37	11.07.56
165.	НОВИКОВ А. К.	–	–	Из 50-й авиабригады	–	Март 1938	Март 1938	–
166.	НОВИКОВ Григорий Павлович	1895	1920	Ст. преподаватель ВАФ	04.07.37	22.05.38	22.05.38	26.05.56
167.	ОВЧАРЕНКО Леонид Григорьевич	1894	1920	Командир 123 сп 14-й Криворожской дивизии	23.05.37	14.09.37	–	15.06.57
168.	ОРНАТСКИЙ Анатолий Павлович	1884	Б/п	Начальник отдела ОКЖДВ	03.08.37	13.03.38	–	29.08.57

169.	ПАВЛЕНКО Виктор Макарович	1899	1921	Командир 138 сп	05.03.38	30.09.38	30.09.38	23.06.59
170.	ПАВЛОВСКИЙ Степан Степанович	–	–	Слушатель ВАГШ РККА	08.06.37	14.07.37	–	–
171.	ПАКАЛН Альберт Петрович	1898	1915	Командир Отдельного мотобронетанкового полка Особого назна- чения	04.02.38	26.08.38	–	23.03.57
172.	ПАКНИС Николай Леонидович	1896	1928	Сотрудник Разведуправ- ления РККА	17.10.37	27.04.38	–	08.12.56
173.	ПАНТЕЛЕЕВ Михаил Алексеевич	1899	–	Командир и военный комиссар 253 сп 85 сд (УрВО)	08.06.37	01.08.37	–	27.05.58
174.	ПАНТЮХИН Иван Андреевич	1900	1918	Начальник Томского ар- тиллерийского училища	11.02.38	23.06.38	23.06.38	25.05.57
175.	ПЕВНЕВ Сергей Иванович	1886	Б/п	Преподаватель кафедры тактики ВАММ РККА	23.07.37	10.12.37	–	23.11.57
176.	ПЕТРОВ-ЗИВ Григорий Самойлович	1895	1919	Нач. отделения оперот- дела ГУПВО НКВД СССР	04.07.38	25.08.38	–	18.07.56
177.	ПЛОТНИКОВ Марк Семенович	1897	1917	Преподаватель тактики Военной академии им. Фрунзе	04.03.38	26.08.38	–	28.11.56
178.	ПОКЛАДОК Михаил Кириллович	1895	1920	Начальник разведотдела штаба ОКДВА	07.08.37	09.04.38	–	30.11.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
179.	ПОЛЯЕВ Михаил Данилович	1895	1918	Начальник 4-го отдела УНС РККА	19.03.38	27.04.39 «20 + 5»	Умер в 1942 г.	12.07.56
180.	ПОПОВ С. А.	—	—	Начальник штаба 45-го мехкорпуса	08.05.37	—	08.09.37	—
181.	ПОРАЙ Виктор Михайлович	1892	1918	Начальник летной стан- ции авиазавода № 156	17.12.38	27.04.39 «20 + 5»	Умер в 1942 г.	25.01.56
182.	ПРИХОЖАЕВ Иван Яковлевич	1897	Кан- дидат 1931	Начальник штаба 22-й мехбригады	02.03.38	06.10.38	—	12.07.57
183.	ПРОКОФЬЕВ Г. А.	—	—	Стратонавт СССР		Покончил жизнь самоубий- ством 24.04.39		
184.	ПУНГА Христофор Андреевич	1892	1917	Начальник разведотдела штаба МВО	11.12.37	02.04.38	—	07.08.56
185.	ПЫЛЕВ Василий Михайлович	1897	1919	Командир 18 сп 22-й кавдивизии	19.02.38	05.10.38	—	01.06.57
186.	РАЗУМОВ Николай Сергеевич	1903	1922	Командир 67-й авиа- бригады	11.07.38	10.09.38	10.09.38	27.02.58
187.	РАЙВИЧЕР Зиновий Николаевич	1895	1917	Начальник и военный комиссар Центрального аэродрома	12.06.38	13.02.39	—	03.10.56

188.	РЕЙТЕЛЬ Карл Карлович	1895	Канди- дат	Командир 2 ээ 1АБ	20.06.37	Высшей двойкой 23.09.37	—	ВТ ЛВО 12.10.59
189.	РЕМИЗЮК В. М.	—	—	Быв. Военный советник в Китае (1925– 1927 гг.)	—	—	15.06.37	—
190.	РИММ Карл Мартьянович	1891	1918	Начальник отделения Разведуправления РККА	11.12.37	22.08.38	—	01.06.57
191.	РОГОВ Иван Петрович	1897	1929	Начальник артиллерии Приморской группы вой- ск ОКДВА	—	21.04.38	21.04.38	18.08.56
192.	РОДИОНОВ Михаил Михайлович	1896	Кан- дидат 1931	Начальник 2-го отдела штаба КВО	09.08.37	16.10.37	—	11.08.56
193.	РОДНИКОВ Константин Александрович	1901	1921	Начальник 1-го отдела штаба ХВО	15.03.38	21.10.38	—	29.06.57
194.	РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Михаил Александрович	1896	Б/п	Преподаватель тактики Военной академии хим- защиты РККА	10.09.38	28.04.39 «15 + 5»	Умер в за- ключении	28.04.56
195.	РОНЭ Адольф Матвеевич (он же РОНИС Иоган Матисович)	1893	1917	Начальник химвойск СибВО	17.11.37	04.06.38	—	09.07.57
196.	РУДОЛЬФ Борис Эрнестович	1896	Кан- дидат 1931	Начальник 1-го отдела Управления начальника артиллерии РККА	01.05.38	20.02.39	20.02.39	26.03.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
197.	РУНОВ Андрей Николаевич	1893	IX/1917	Помощник командира ОКЖДВ по тех. части	29.07.37	13.03.38	–	28.09.57
198.	РЫКОВ Михаил Евдокимович	1899	1920	Начальник 5-го отдела штаба СибВО	01.08.37	31.10.37	–	–
199.	РЯБИНИН Алексей Андреевич	1894	Б/п	Начальник Киевских курсов усовершенствования комсостава запаса	27.02.38	26.09.38	–	06.03.58
200.	САВИН Сергей Дмитриевич	1895	–	Помощник начальника штаба 7 ск (КВВ)	–	14.09.37	–	08.04.56
201.	САЛЕНЕК Фриц Михайлович	1889	1917	Начальник военной под- готовки учащихся СибВО	16.02.38	04.06.38	–	14.09.57
202.	САЛИТАН Исаак Рафаилович	1896	Б/п	Помощник начальника Военного училища им. ВЦИК	16.02.38	20.09.38	20.09.38	29.02.56
203.	САНЧУК Петр Аполлиналиевич	1899	1918	Командир 110-й авиа- бригады (ОКДВА)	03.06.38	21.09.38	21.09.38	04.01.58
204.	СВИРЧЕНКО Сергей Иванович	1893	1931	Начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии	14.09.37	25.11.37	25.11.37	09.05.59
205.	СЕМЕНОВ Михаил Иванович	1902	1926	Начальник химвойск КВВ	22.02.38	25.09.38	25.09.38	28.01.58
206.	СЕМЕНОВ Михаил Семенович	1895	1918	Командир 173 сп	24.04.37	10.09.37	10.09.37	20.07.57
207.	СЕМЕНОВ Петр Константинович	1888	–	Преподаватель Военно- воздушной академии РККА	1937	22.08.38	–	26.10.57

208.	СИМОНОВ Борис Михайлович	1901	1920	Состоящий в распоряже- нии УНС РККА	21.02.38	07.09.38	07.09.38	06.10.56
209.	СИНЯВСКИЙ Леонтий Петрович	1898	1920	Начальник 1-го отдела АБТУ РККА	24.06.38	26.08.38	–	13.10.56
210.	СИНЯГИН Степан Иванович	1897	1925	Командир 5-го Отдель- ного легкотанкового полка	28.06.38	30.09.38	30.09.38	30.07.57
211.	СКРАСТИН Петр Иванович	1897	1930	Начальник штаба 7-го стрелкового корпуса	23.07.37	14.09.37	15.09.37	17.09.57
212.	СЛУЦКИЙ Аркадий Борисович	1901	1920	Командир 6-й мехбрига- ды XI мк (ЗабВО)	03.07.37	03.10.38	–	09.05.57
213.	СМИРНОВ Николай Васильевич	1894	1925	Командир 152 сп (6 ск)	09.06.37	08.09.37	–	26.09.56
214.	СМОЛИН Корней Емельянович	1898	1919	Заместитель начальника отделения Генштаба РККА	31.10.37	07.02.38	–	30.04.59
215.	СОРОКОШ Иван Иустинович	1899	1919	Командир 4 сп 2-й стрел- ковой дивизии	20.06.37	30.10.37	31.10.37	16.12.56
216.	СОЯК Евгений Юзифович	1892	–	Начальник штаба 74 сд	09.04.37	10.08.37	10.08.37	–
217.	СПЕЛЛЕ Владимир Георгиевич	1902	–	Командир полка	–	02.04.38	–	–
218.	СПЕРАНСКИЙ Борис Николаевич	1895	–	Начальник 2-го отдела штаба СКВВ	–	14.12.37	14.12.37	–
219.	СПРИНГ Алексей Иванович (он же Альберт Христофорович)	1896	Кан- дидат 1931	Начальник штаба 6-го стрелкового корпуса	12.12.37	09.04.38	09.04.38	26.12.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
220.	СТАНКЕВИЧ Ефим Афанасьевич	1890	Б/п	Начальник штаба 48-й стрелковой дивизии	22.07.37	09.05.38	–	02.11.57
221.	СТОЛЬНИК Василий Петрович	1901	1919	Командир 14-й мехбри- гады	05.02.38	02.04.38	–	22.08.57
222.	СТОЛЯРОВ Николай Павлович	1892	1920	Командир 173 сп	26.02.38	25.09.38	25.09.38	21.03.56
223.	СУММЕР Павел Карлович	1897	1928	Командир 211 сп 71-й стрелковой дивизии (Зап.-Сиб. ВО)	04.07.38	10.05.39	02.06.39	15.02.56
224.	СУРОВЦЕВ Николай Яковлевич	1896	Б/п	Командир 4-й стрелко- вой дивизии (БВО)	30.06.37	30.10.37	–	02.07.57
225.	СЫСОЕВ Георгий Николаевич	1895	Б/п	Начальник отделения АБТУ РККА	12.06.38	26.08.38	–	06.10.56
226.	ТАЛЬБЕРГ Джон Иоганович	1900	1919	Начальник Московской авиагруппы санитарной авиации Исполкома Об- щества Красного Креста	10.12.37	27.09.38	–	30.04.57
227.	ТАСУЙ Федор Ефимович	1888	1919	Начальник отдела ПВО СКВО	08.07.37	07.06.38	–	2203.58
228.	ТАУБЕ Иоганн Карлович	1898	Б/п	Ст. преподаватель кафе- дры тактики ВАММ РККА	10.12.37	03.04.38	–	01.12.59
229.	ТОМ Давид Давидович	1893	1918	Помощник командира 43-й стрелковой диви- зии. Уволен 23.04.37	29.04.37	09.05.38	–	26.02.59

230.	ТРУТКО Иосиф Иванович	1900	–	Начальник кафедры ВАГШ РККА	–	15.02.38	–	–
231.	ТУРКОВ В. И.	–	–	Помощник командира 41 сд	09.37	14.09.37	–	11.57
232.	ТУРЧАНИНОВ Михаил Александрович	1891	–	Начальник ОБП учащих- ся СКВО	–	10.08.37	–	–
233.	УЗАР Ян Давидович	1898	1916	Начальник Ленинград- ского института инжене- ров ГВФ	25.03.37	29.08.37	–	19.09.57
234.	УЗДАНСКИЙ Стефан Лазаревич	1898	1918	Заместитель начальника 1-го отдела Разведупра РККА	14.06.37	03.11.37	03.11.37	24.12.55
235.	УНГЕР Валериан Абрамович	1895	Б/п	Помощник командира 48-й стрелковой диви- зии	–	09.05.38	–	10.10.56
236.	УРМАН Абрам Самойлович	1890	1918	Начальник артиллерии 20-го стрелкового кор- пуса	19.06.37	25.03.38	–	15.06.57
237.	УСПЕНСКИЙ Владимир Семенович	1896	Б/п	Начальник штаба 55-й стрелковой дивизии	–	28.10.38	–	30.05.57
238.	ФАВИЦКИЙ Владимир Викторович	1896	1928	Командир 1-й Отдельной танковой бригады РККА	14.06.37	22.11.37	22.11.37	09.05.56
239.	ФАКТОГОВИЧ Михаил Сергеевич	1894	1921	Командир 5-й танковой бригады	27.12.37	28.08.38	28.08.38	30.01.58
240.	ФЕДЕРОЛЬФ Владимир Александрович	1893	Б/п	Преподаватель кафедры тактики ВАММ РККА	29.01.38	20.06.38	–	15.12.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
241.	ФЕДОРЕНКО Леонид Захарович	1894	Б/п	Помощник инспектора кавалерии РККА	30.12.37	20.06.38	–	19.11.59
242.	ФЕДОРОВ Виктор Иванович	1900	1919	Начальник отделения Разведуправления РККА	04.10.37	27.04.38	–	21.05.55
243.	ХЕЙФЕЦ Исаак Яковлевич	1896	1919	Начальник ПВО ХВО	28.09.37	09.12.37	–	–
244.	ЦАУНЕ Жан Карлович	1893	1931	Командир 217 сп	01.38	17.02.38	–	14.09.57
245.	ЦВЕТКОВ Сергей Петрович	1893	Б/п	Врид начальника штаба СКВО	12.03.37	05.08.37	–	19.10.57
246.	ЦЕЛИКОВСКИЙ Борис Васильевич	1898	1920	Помощник начальника 1-го отделения арт-отдела ОКДВА	08.02.38	10.09.38	–	31.08.57
247.	ЦИФЕРОВ Николай Иванович	1899	1920	Начальник 4 отделения 1 отдела Генштаба РККА	04.11.37	08.01.38	–	20.10.56
248.	ЧАВЧАНИДЗЕ Михаил Дмитриевич	1897	1920	Помощник начальника Тбилисского военного училища по учебной части	16.06.37	19.09.37	19.09.37	19.05.56
249.	ЧЕБАНОВ Александр Данилович	1898	1918	Командир 122 сп 41-й стрелковой дивизии	–	02.10.37	–	16.01.58
250.	ЧЕДИА Константин Михайлович	1899	Б/п	Командир 85-го арт-полка	12.03.38	29.07.38	–	19.11.55
251.	ЧЕРНЫШЕВ Иван Васильевич	1900	Б/п	Начальник оперативного отделения штаба 51-й авиадивизии (ЛВО)	16.05.41	ВТ ЛВО 11.07.41 «10 + 5»	Умер в заключении	06.10.59

252.	ЧУМАК Илья Антонович	1896	–	Не установлена	–	26.03.38	–	27.04.56
253.	ЧХЕИДЗЕ Михаил Малхазович	1899	1918	Помощник командира 38-й стрелковой дивизии	25.09.37	05.06.38	05.06.38	07.07.56
254.	ШАХОВ Александр Ильич	1896	–	Военрук Харьковского электротехнического института	13.10.37	28.12.37	28.12.37	–
255.	ШЕЙДЕМАН Александр Сергеевич	1897	Б/п	Начальник кафедры тактики Военно-воздушной академии РККА	–	16.09.38	–	22.09.56
256.	ШИМАНСКИЙ Станислав Александрович	1896	1919	Начальник летного отдела Центрального аэроклуба СССР	16.08.37	28.10.37	–	07.04.56
257.	ШИПОВ Николай Константинович	1894	1917	Начальник Саратовского бронетанкового училища	01.07.37	27.10.38	–	05.05.56
258.	ШИПУНОВ Андрей Иванович	1890	1919	Начальник артиллерии 1-го кавкорпуса	18.08.37	16.10.37	–	28.11.57
259.	ШИШКОВСКИЙ Евгений Евгеньевич	1880	Б/п	Начальник вечернего отделения Военной арт-академии РККА	17.10.37	03.04.38	03.04.38	28.07.56
260.	ШЛЕЙНИКОВ Сергей Алексеевич	1895	Б/п	Помощник начальника отдела связи КВО	30.01.38	25.09.38	25.09.38	25.01.58
261.	ШЛЕМИНГ Александр Александрович	1894	1926	Начальник отдела культуры редакции газеты «Красная звезда»	07.06.37	10.12.37	10.12.37	17.12.55

1	2	3	4	5	6	7	8	9
262.	ШНИТМАН Лев Александрович	1890	1918	Военный атташе СССР в Чехословакии	14.01.38	28.08.38	28.08.38	21.03.56
263.	ШОТАДЗЕ Владимир Николаевич	1895	Кандидат 1930	Командир 6-го Грузинского полка	13.06.37	30.09.37	30.09.37	10.10.56
264.	ШТРАЛЬ Ян Янович	1900	–	Командир 23-й мотомехбригады (ОКДВА)	20.07.37	–	31.12.37	–
265.	ЩЕНСНОВИЧ Аркадий Игнатьевич	1892	1919	Командир 143 сп	08.10.37	09.05.38	–	14.11.57
266.	ЭБАНОИДЗЕ Давид Малакиевич	1895	Б/п	Помощник начальника связи ЗакВО	02.08.37	01.10.37	01.10.37	18.08.56
267.	ЭЛЬКСНЕР Карл Иванович	1900	1921	Нач. штаба Кронштадтского УР КБФ	–	20.09.38	–	–
268.	ЭЛЬСИС Ян Яковлевич	1895	1923	Начальник 2-го отдела штаба ЗабВО	26.12.37	02.10.38	–	10.10.57
269.	ЭРИСТОВ Семен Георгиевич	1898	Б/п	Помощник начальника отдела инженерных войск ЗакВО	31.07.37	01.10.37	01.10.37	1205.56
270.	ЭРНСТСОН Август Антонович	1895	1918	Начальник штаба Забайкальского укрепленного района (уволен 20 мая 1937 г.)	03.06.37	05.10.38	–	11.04.56
271.	ЯГУНОВ Иван Алексеевич	1889	1917	Начальник машинной школы учебного отряда Черноморского флота	1206.37	05.01.38	–	20.10.56

272.	ЯНУШКЕВИЧ Павел Фомич	1896	1918	Начальник штаба Владивостокского УР	0207.37	22.05.38	–	29.05.58
273.	ЯЦЕНКО Петр Петрович*	–	–	Начальник штаба 12-й Кубанской казачьей дивизии	–	04.06.38	–	–

36. Капитаны 1-го ранга

1.	ВОРОБЬЕВ Владимир Семенович	1898	–	Командир соединения подлодок	–	Осужден 1939	Судьба не установлена	–
2.	ГРИБОЕДОВ Константин Николаевич	1895	–	Командир бригады подводных лодок Северного флота	–	07.02.40	–	30.07.57

- * Кроме того, арестовывались и «сидели» полковники: Николай Михайлович АГАФОНОВ, Ян Семенович АДАМСОН, Карл Эрнестович АНДЕРСОН, начальник разведотдела БВО Александр Петрович АЛПЕН, председатель Горьковского облсовета ОАХ Михаил Федорович БАРАНДОХИН, преподаватель Военно-воздушной академии РККА Михаил Николаевич БАТАШЕВ, помощник командира 37 сд И. Х. БЕЛОВ, преподаватель курсов «Выстрел» Владимир Иванович БУКИН, слушатель ВАГШ РККА Александр Федорович БЫЧКОВСКИЙ, Иван Васильевич ВОЛОДИН, начальник кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии Сергей Григорьевич ГЕЙРИХС, начальник Посьетского погранотряда С.С. ГОРКИН, начальник штаба 78 сд Матвей Ефимович ГРИБОВ, командир 76 сп 26 сд (ОКДВА) Франц Янович ГРИНТАЛЬ, помощник командира 93 сд Тихон Васильевич ДАВЫДОВ, начальник штаба 11 кд Вольдемар Францевич ДАМБЕРГ, военрук Горьковского индустриального института Василий Макарович ДРУЗИН, помощник начальника Казанской танко-технической школы Илья Владимирович ДУБИНСКИЙ, командир 84 сп М. К. ЗУБКОВ, Ефим Сергеевич ЗЫБИН, начштаба 53 сд Михаил Михайлович КАМИОНСКИЙ, Петр Степанович КАСАТКИН, преподаватель 2-го Киевского артиллерийского училища Петр Николаевич КАСЬЯНДЕР, нач. штаба 4 гвд (1935) Семен Павлович КИРИЕНКО, командир 97 сд Лука Филиппович КОВАЛЕНКО, ст. руководитель кафедры тактики ВАММ Митрофан Акимович КОЛОКОЛЬНИКОВ, начальник штаба 60 сд Василий Архипович КОРОВИКОВ, нач. штаба 7-й ж. д. бригады ОКЖДВ Николай Михайлович КРАСИЛЬНИКОВ, начальник артиллерии 59 сд Владимир Амвросьевич КУБЛИЦКИЙ, Александр Иванович ЛИЗЮКОВ, преподаватель кафедры истории Гражданской войны ВАФ Б. В. МАЙСТРАХ (арестован 6 февраля 1935 г.), слушатель Военной академии химзащиты РККА Степан Федорович МАСЛИВИЧ, преподаватель ВАФ В. И. ОБЕРХОТТИН, начальник штаба 8 кд Александр Иванович ОРЛИКОВСКИЙ, нач. штаба 17 сд Бронислав Иосифович ПОЛТОРЖИЦКИЙ, нач. штаба 1 ОКА ПОМОЩНИКОВ, нач. штаба ВВС ПГВ ОКДВА Жан Яковлевич РЕЖИНСКИЙ, начальник ПВО ПГВ ОКДВА Теодор Андреевич СВИКЛИН, командир авиаэскадрильи ТОФ Иосиф Андреевич СКВОРЧЕВСКИЙ, командир и военком 119 сп 40 сд Александр Максимович СМИРНОВ, слушатель ВАГШ РККА Аршавир Тарасович ТЕРЕЗАНОВ (ТЕР-ЕЗЕКЯН), преподаватель тактики ВВА им. Жуковского ТРУНОВ, начальник 4-го отдела штаба СибВО Анатолий Константинович ФЕНИН, командир 108 тбаз 28 АБ (ТОФ) Николай Семенович ФОМИЧЕВ, зам. начальника КУКС эскадр РККА Георгий Георгиевич ШКУЛЕВ, нач. штаба 40 сд Юлиус Мартынович ШТАЛЬ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3.	ДОМИНИКОВСКИЙ Михаил Адольфович	1895	1918	Начальник гидрографической службы Черноморского флота	13.10.37	01.11.38	01.11.38	28.09.57
4.	ЗАКУПНЕВ Захар Александрович	1890	1919	Командир 2-й группы канонерских лодок Каспийской военной флотилии	19.03.37	04.09.37	04.09.37	22.03.58
5.	ИКОНИКОВ Александр Алексеевич	1885	—	Ст. преподаватель учебного отряда	—	Осужден 1939	Судьба не установлена	
6.	КЕЛЬНЕР Иосиф Викентьевич	1895	—	Начальник штаба 2-й морской бригады ТОФ	13.01.38	17.08.38	17.08.38	—
7.	КУКЕЛЬ-КРАЕВСКИЙ Владимир Андреевич	1885	1932	Начальник морского отдела Управления пограничных войск ДВК	25.09.37	16.09.38	—	16.03.57
8.	КУПРИЯНОВ Александр Петрович	1897	—	Начальник штаба дивизии линкоров КБФ	22.07.37	03.12.37	03.12.37	—
9.	МИГАЛОВСКИЙ Константин Александрович	1893	—	Не установлена	—	ВТ МВО 14.03.39	03.07.39	—
10.	ПУГА Антон Яковлевич	1892	Кандидат 1930	Командир линкора «Парижская Коммуна»	21.09.37	18.04.38	—	0206.56
11	СОЛОННИКОВ Орест Сергеевич	1897	Б/п	Начальник штаба Тихоокеанского флота	26.07.37	29.07.37	—	27.07.57

12.	СУРИН Владимир Сергеевич	1898	—	Инспектор подводного флота	—	20.06.38	—	—
13.	СЫНКОВ Иван Иванович	1895	—	Зам. Командующего СФ по строительству	—	22.08.38	22.08.38	—
14.	ТИЛИЧЕЕВ Сергей Александрович	1898	Б/п	Начальник курсов состава ЧФ	31.08.37	18.04.38	18.04.38	25.04.56
15.	ШТЕЙНГАУЗЕН Павел Александрович*	1895		Командир бригады подлодок КБФ		Комиссией НКВД СССР 11.01.38	18.01.38	—

37. Полковые комиссары

1.	АПЕЙКИН Сергей Иванович	1898	1919	Военный комиссар Томского артучилища	28.10.37	07.06.38	—	25.05.57
2.	АПАРОВ Вадим Петрович	1901	1919	Начальник ОРПО Политуправления МВО	31.01.38	28.09.38	—	28.11.55
3.	БЕРЕСНЕВ Арсений Архипович	1898	1919	Комиссар военсклада Мс 37 (б. военком 14-й мех-бригады)	—	02.04.38	—	24.11.56
4.	БЕРЛИН Владимир Маркович	1901	—	Зам. начальника агитпропотдела Политуправления РККА	16.09.37	15.03.38	—	01.10.55
5.	БИЛИК Давид Рувимович	1898	—	Начальник Политотдела Ташкентского ВГУ	22.06.37	09.10.38	—	27.06.57

* Кроме того, к длительным срокам заключения были осуждены капитаны 1-го ранга: Арнольд Иванович ЗЕЛЬТИНГ, командир 3-й бригады подлодок КБФ Александр Александрович ПЫШНОВ, начальник штаба Северного флота Павел Спиридонович СМЕРНОВ, командир крейсера «Аврора» В.М. ЭММЕ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
6.	БРИККЕР Семен Файтелевич	1901	1918	Начальник Политотдела Нижне-Амурского УРа	04.10.37	25.03.38	25.03.38	13.06.56
7.	БРЫКОВ Николай Андреевич	1899	1918	Военный комиссар 67-й авиабригады	16.05.38	17.09.38	17.09.38	28.01.58
8.	ВАХНОВ Константин Васильевич	1900	1919	Военный комиссар 26-й авиабригады	24.12.37	16.04.38	–	22.02.58
9.	ГАЙЛИТ Ян Янович	1897	1919	Военный комиссар 69-й стрелковой дивизии	19.04.38	10.09.38	–	15.12.56
10.	ГРУЗДУП Вольдемар Христофорович	1889	1917	Сотрудник Разведуправ- ления РККА	02.12.37	07.05.38	–	18.07.56
11.	ДОДОНОВ Иван Иванович	1892	–	Начальник отдела ка- дров Политуправления МВО	–	14.06.38	14.06.38	–
12.	ЕВТУШЕНКО Федор Яковлевич	1899	1920	Начальник Политотдела 7-й стрелковой дивизии (КВО)	02.03.38	25.09.38	–	26.12.57
13.	ЗВЕРЕВ Александр Павлович	1900	1918	Начальник Политотдела 90 АБ	10.09.37	08.04.38	–	–
14.	ИВАНОВ Павел Иванович	1900	1919	Помощник командира 9-й артбригады по пол- итчасти	30.04.37	23.05.38	–	23.10.58
15.	ИЛЬИН Андрей Ильич	1897	1919	Заместитель начальника Политотдела 73-й стрел- ковой дивизии (СибВО)	25.04.37	27.10.37	–	28.11.56

16.	ИЛКЖОВИЧ- СТРОКОВСКИЙ Михаил Антонович	1898	1919	Ст. руководитель кафе- дры ВПАТ (история на- родов СССР)	–	26.12.36 «10 + 5»	Рас- стрелян 09.10.37	23.03.57
17.	КЛИМОВ Федор Андреевич	1898	1918	Военный комиссар 1-го авиадесантного полка (ОКДВА)	27.03.38	23.05.38	23.05.38	22.08.57
18.	КОЗЛОВ Петр Григорьевич	1902	1921	Комиссар 25-й авиабри- гады (ВВС ТОФ)	14.01.38	04.05.38	04.05.38	02.07.57
19.	КОРОБОЧКИН Исаак Владимирович	1898	1919	Инспектор Политуправ- ления ОКДВА	17.05.37	29.08.37	29.08.37	28.04.56
20.	КОСЬМИН-УЖВИЙ Евгений Михайлович	1899	–	Начальник Политотдела дивизии (СибВО)	–	27.10.37	27.10.37	–
21.	КРУЛЬ Александр Васильевич	1901	1920	Начальник Политотдела 25 сд	06.10.37	05.01.38	–	21.12.57
22.	КУЗНЕЦОВ Василий Иванович	1899	1917	Комиссар штаба ТОФ	–	20.08.38	–	–
23.	КУР Павел Львович	1894	1920	Начальник 3-го отдела ЦАКА	–	26.03.40	27.03.40	18.08.56
24.	МЕДВЕДЕВ Александр Романович	1899	1918	Старший преподаватель философии ВПАТ	23.08.38	ОСО 05.06.39 «8»	Умер 08.02.41	01.09.56
25.	МИРИН-ГАРОВСКИЙ Владимир Михайлович	1901	1919	Зам. начальника Поли- тотдела 40 сд	18.05.37	29.08.37	29.08.37	26.07.57
26.	МИТЯЕВ Дмитрий Григорьевич	1898	1918	Зам. начальника 1-го отдела Управления Воениздата НКО	–	25.08.38	–	05.01.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
27.	МИШКЕ Рихард Мартынович	1892	1918	Слушатель высших военно-политических курсов	02.06.38	26.08.38	26.08.38	18.05.67
28.	МОТОРНЫЙ Иван Николаевич	1900	—	Начальник Политотдела ВВС ОКДВА	—	1939	Судьба не установлена	
29.	МУХИН Петр Васильевич	1900	1917	Комиссар линкора «Октябрьская революция»	16.02.37	01.09.37	—	18.04.57
30.	НИКИФОРОВ Андрей Яковлевич	1895	1919	Начальник управления Свердловского мотокруга	—	09.08.38	—	11.06.57
31.	ОРЛОВСКИЙ Исаак Абрамович	1902	1918	Начальник ОРПО Политуправления ЧФ	15.07.37	18.04.38	—	23.11.57
32.	ПУСТЫНСКИЙ Константин Федорович	1894	1919	Начальник Политотдела 25-й бронетанковой бригады	27.07.37	05.10.38	05.10.38	01.06.57
33.	ПЫШКИН Алексей Федорович	1883	—	Помощник командира ОКЖДВ по политчасти	21.05.37	13.03.38	13.03.38	—
34.	РАБИНОВИЧ Давид Львович	1899	—	Начальник отдела Политуправления ОКДВА	19.06.37	25.03.38	—	—
35.	РИНГ Ян Георгиевич	1903	1918	Помощник начальника отдела ВМУЗ	30.12.37	22.08.38	22.08.38	19.11.55

36.	РОМАНОВ Тихон Павлович	1890	1917	Начальник авиации Оссовиахима по Харьковской области	29.09.37	07.01.38	—	14.12.57
37.	РОМАНЫЧЕВ Яков Иванович	1896	1918	Горвоенком г. Москвы	05.10.37	09.02.38	—	06.07.57
38.	САТАРОВ Иван Данилович	1905	—	Военный комиссар 50-й стрелково-пулеметной бригады	06.02.38	20.09.38	—	12.03.55
39.	СЕМЕНОВ Дмитрий Самуилович	1901	1919	Военный комиссар 7-й бригады миноносцев (ТОФ)	—	21.08.38	—	—
40.	СИМАКОВ Павел Петрович	1899	—	Начальник Политотдела бригады миноносцев (ТОФ)	—	17.08.38	—	—
41.	СМИРНОВ Алексей Васильевич	1903	1919	Преподаватель кафедры философии Военно-медицинской академии	05.10.36	28.12.36 «10 + 5»	Расстрелян 10.10.37	12.05.56
42.	СОТНИКОВ Иван Захарович	1901	1918	Начальник отдела боевой подготовки газеты «Красная звезда»	—	03.04.38	03.04.38	21.11.56
43.	СПИРЕЕ Теодор Мартынович	1898	1917	Зам. начальника Политотдела 1-й дивизии ПВО	04.04.37	16.06.37	—	28.07.56
44.	СУМАРОКОВ Виктор Андреевич	1902	—	Начальник Политотдела бригады подводных лодок КБФ	16.03.38	Умер после боя на допросе 17.08.38		

1	2	3	4	5	6	7	8	9
45.	ТИХОМИРОВ Петр Георгиевич	1899	1919	Начальник Политотдела 48 сд	19.07.37	09.05.38	09.05.38	26.09.57
46.	ТОЛМАЧЕВ Виктор Гурьевич	1902	1920	Зам. начальника Политотдела Саратовского БТУ	15.07.37	23.01.38	—	24.03.56
47.	ФЕДОРОВ Павел Арсентьевич	1900	1919	Военный комиссар 19-й ТБ авиабригады	22.03.38	30.09.38	—	19.11.59
48.	ФЕДОТОВ Дмитрий Андреевич	1899	1919	Начальник Политотдела 101-й авиабригады (ЗабВО)	04.06.37	02.10.38	—	13.06.56
49.	ФЕЛЬД Михаил Наумович	1900	1920	Военный комиссар 27-й кавдивизии	05.12.37	30.06.38	—	11.07.61
50.	ХАНИН Эммануил Михайлович	1902	1918	Военный комиссар 21-й мехбригады (БВО)	22.11.37	30.06.38	30.06.38	25.04.56
51.	ЦЕПИЛОВ Андрей Яковлевич	1898	1918	Врид военкома и начальника Политотдела 1-й моторизованной дивизии (МВО)	23.10.37	31.12.37 «15 + 5»	Умер в ИТЛ 22.01.44	Пленум Верх. суда 22.11.67
52.	ЧАСТУХИН Василий Иванович	1897	—	Военный комиссар лидера «Минск» (КБФ)	01.04.38	20.09.38	—	—
53.	ЧИНОСОВ Николай Ильич	1897	1921	Военный комиссар дивизиона сторожевых кораблей КБФ	05.02.38	22.09.38	23.09.38	24.10.57

54.	ШАРДИН Александр Васильевич	1898	1918	Врид начальника Политуправления СибВО	26.03.38	09.05.39	—	18.07.56
55.	ЭДЕЛЬМАН Аким Миронович*	1899	1920	Начальник ОРПО Политуправления САБО	04.11.37	16.06.38	—	19.03.57

38. Военинженеры 1-го ранга

1.	АНДРЕЕВ Сергей Иванович	1900	1920	Начальник 7 отдела НИИС РККА	19.05.37	09.12.37	09.12.37	09.05.56
2.	БЕЛЯЙКИН Семен Ильич	1896	—	Начальник 1-го Главного управления НКВД СССР	20.12.38	20.06.39 «15 + 5»	Умер 05.03.45	30.05.57
3.	ИВАНИЦКИЙ Юлий Моисеевич	1895	1918	Зам. начальника НИХИ РККА	—	—	14.08.37	18.0X56
4.	КАЩЕЕВ Михаил Иванович	1898	1919— 1936	Начальник СКО ОКДВА	05.04.37	25.03.38	—	10.06.56
5.	КЛЕЙМЕНОВ Иван Терентьевич	1899	1919	Заместитель начальника винтомоторного отдела ЦАГИ (быв. начальник Реактивного НИИ)	02.11.37	10.01.38	10.01.38	11.06.55
6.	КОЗЛОВСКИЙ Владимир Антонович	1895	Б/п	Главный инженер УНР- 113 ТОФ	13.08.37	15.03.38	—	09.08.57

* Кроме того, арестовывались и «отсидели» различные сроки полковые комиссары: начальник Красноярского мобокруга Петр Дмитриевич АДАМИЯ, инспектор Политуправления БВО Александр Александрович БАШАШИН, начальник отделения отдела снабжения ЛВО Василий ДРЯХЛОВ, военком 28-й авиабригады Владимир Андреевич КОРОЛЕВ, комиссар 14-й стрелковой дивизии Николай Иванович КРАСНОЩЕКОВ, комиссар бригады заграждения и траления КБФ Борис Владимирович ЛЮБИЧ, начальник Политотдела стрелковой дивизии П.Л. ЛЮБЦЕВ, заместитель начальника Политотдела 17 сд Давид Маркович ЛЯМПЕРТ (уволен в 1937 г.), военный комиссар Ленинградского училища танковых техников МУРКИН, военный комиссар Хабаровского госпиталья КВФ Иван Михайлович ПУТКИН, начальник Политотдела 40 сд Кирилл Григорьевич РУДЕНКО, начальник Политотдела Де-Кастринского УР Семен Васильевич РУДНЕВ, начальник Военгорга ЗапВО Залман Лейбович ШЕЙНКИН и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
7.	КОЛОСОВ Василий Михайлович	1901	1920	Начальник отдела АБТУ РККА	08.04.38	22.08.38	—	23.03.57
8.	ЛАНГЕМАК Георгий Эрихович	1898	Б/п	Заместитель директора, главный инженер НИИ № 3 НКОВ СССР	02.11.37	11.01.38	11.01.38	19.11.55
9.	МАЛЫШ (ЛЕЙБЕЛЬ) Наум Соломонович	1902	1920	Зам. начальника телеграфно-телефонного управления Наркомсвязи СССР (быв. нач. НИИС РККА)	21.05.37	26.10.37	---	17.10.57
10.	ОЗЕРОВ Павел Сергеевич	1890	Б/п	Преподаватель ВАММ РККА	26.01.38	25.08.38	—	01.12.58
11.	ПАВЛОВ Павел Александрович	1896	1919	Начальник отдела научно-испытательного железнодорожного по- лигона РККА	17.02.37	19.06.37	19.06.37	04.01.58
12.	ПАКИДОВ Сергей Яковлевич	1879	—	Начальник отделения СКО ЛВО	03.07.37	26.08.37	29.08.37	—
13.	ПАНИЧКИН Андрей Никитич	1895	Б/п	Начальник отделения санотдела ГУПВО НКВД СССР	—	24.01.40	—	19.11.55
14.	ПОВАРОВ Николай Александрович	1900	—	Не установлена	03.07.37	25.04.38	25.04.38	—
15.	СУМИН Иван Васильевич	1893	1919	Нач. текотдела Хабаров- ского военпорта АКВФ	12.06.37	28.08.37	28.08.37	23.01.58

16.	ТРЕНЕР Карл Христофорович	1896	—	Не установлена	—	15.12.37	15.12.37	—
17.	УДРИС Рудольф Юрьевич	1899	1919	Начальник 1 отдела НИХИ РККА	1937	30.05.40 «10»	Умер в 1949 г.	21.04.57
18.	ФЕРЕНС Николай Александрович	1889	—	Корпусной инженер 3 с/к	—	22.11.37	—	—
19.	ШАХВЕРДОВ Александр Никитич	1891	Б/п	Начальник 10 отдела Научно-испытательного института связи РККА	17.03.38	26.08.38	—	22.08.56
20.	ШИРОНИН Федор Алексеевич	1895	1919	Начальник отделения АБТУ РККА	11.06.38	26.08.38	—	06.10.56
21.	ЯКОВЛЕВ Александр Александрович*	1900	1920	Начальник кафедры ЮТА РККА (уволен 11.02.37)	15.03.37	02.09.37 «10 + 5»	Умер в ИТЛ 31.03.39	08.03.60

39. Интенданты 1-го ранга

1.	АРОНОВ Лев Яковлевич	1894	Б/п	Пом. Начальника прод- фуражного отдела КВО	06.11.37	08.04.38	—	20.04.57
2.	БАГРОВ Иван Васильевич	1894	Кан- дидат 1930	ПНО-5 штаба СибВО	20.12.37	21.06.38	—	30.05.57
3.	БЕЛУГИН Дмитрий Евгеньевич	1897	—	Нач. отделения штаба ОКДВА	02.08.37	—	21.09.37	19.12.61

* Кроме того, зрестовывались и отбыли сроки заключения военинженеры 1-го ранга: начальник 3-го отдела Генштаба РККА Роман Маркович БЕЛИЦКИЙ, Ю.В. БЕНЕСКРИПТОВ, ст. военный НКВМФ на заводах г. Горького Константин Павлович ГОДУН, заместитель председателя Артиллерийского комитета Агруппирования РККА Александр Адамович ЗАБОРОВСКИЙ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
4.	БОГОКИН Андрей Захарович	1893	Б/п	Пом. Начальника связи СКВО	19.06.37	10.08.37	—	28.05.57
5.	ВИЛЬМУТ Фриц Мартынович	1897	1912	Начальник 6-го отдела УПВО РККА	—	28.08.38	—	—
6.	ГАВРИКОВ Григорий Федорович	1895	—	Начальник военсклада № 34 (Рыбинск)	17.06.37	—	13.07.37	15.06.57
7.	ГРЕБЕННИК Лука Матвеевич	1893	1914	Начальник финотдела БВО	26.07.37	23.11.37	—	—
8.	ДАКШИН Алексей Николаевич	1889	1919	Начальник отдела ГУПВО НКВД СССР	12.03.38	25.08.38	—	18.07.56
9.	ДУСЬЕ Леонид Степанович	1892	1919	Начальник СКО Черно- морского флота	11.10.37	18.04.38	—	28.05.57
10.	КОЗЛОВ Василий Павлович	1889	1919	Начальник 4-го отделени- я продотдела штаба СибВО	19.10.37	16.06.38	16.06.38	12.05.56
11.	МАГИДОВ Евсей Соломонович	1898	1920	Начальник отдела скла- дов АБТУ РККА	25.06.38	25.08.38	—	10.11.56
12.	МИШИН Георгий Севастьянович	1901	—	Помощник командира 51 кп (КВО)	21.07.37	06.10.38	—	—
13.	МОЛЧАНОВ Николай Михайлович	1894	Б/п	Начальник 1-го отделени- я 6-го отдела штаба СКВО	17.03.37	09.08.37	09.08.37	02.04.57
14.	МУШКЕТОВ Всеволод Федорович	1894	Б/п	Врид нач. т/ч УВСР-421 СКО ЗабВО	10.07.37	11.10.37	—	13.07.57

15.	РАУЗЕ Александр Петрович	1897	1917	Начальник финансового отдела МВО	30.11.37	Высшей двойкой 25.01.38	—	25.07.57
16.	РОГУНОВ Александр Федорович	1897	Б/п	Начальник отделения финотдела МВО	15.03.38	20.09.38	20.09.38	03.03.56
17.	СОЛОВЬЕВ Вячеслав Викторович	1885	Б/п	Начальник отделения ЦАКА	—	14.02.40	—	18.08.56
18.	СТЕЛЬМАШКО Юлиан Степанович	1899	1919	Начальник отделения АБТУ РККА	10.03.38	22.08.38	—	26.07.57
19.	ТРАКМАН Карл Густавович	1887	1926	В резерве Разведуправ- ления РККА	10.01.38	ОСО 11.05.38 «В» ИТЛ	Умер в тюрьме	22.09.56
20.	ХУДЯКОВ Георгий Иванович	1891	—	Начальник аргонабжения САВО	15.07.37	09.10.38	—	19.03.57
21.	ЦЮКШО Иосиф Адольфович*	1896	1917	Начальник финансового отдела ЛВО	10.08.37	Высшей двойкой 10.10.37	14.10.37	25.04.56

40. Военврачи 1-го ранга

1.	БЕНДЕРСКИЙ Леонид Моисеевич (Соломонович)	1887	—	Начальник Хабаровского военного госпиталя	19.08.37	23.03.38	23.03.38	28.07.56
----	---	------	---	--	----------	----------	----------	----------

* Кроме того, арестовывались и отбыли различные сроки заключения интенданты 1-го ранга: И. К. БИРКАН, начальник СКО ЗабВО Филипп Никифорович ДМИТРИЕНКО, заместитель начальника штаба 3 ск Павел Федорович ИСУПОВ, начальник продотдела Приморской группы войск ОКДВА Александр Григорьевич ЛЕЛЮК, начальник военсклада № 101 (ЛВО) Федор Михайлович МАСЛОВ, ПНО снабжения ЛВО Иван Гаврилович МЕМНОНОВ, врид начальника отделения Аруправления РККА Станислав Иосифович МИЛЕВСКИЙ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2.	ЗЛАТНИК Давид Палтиелевич	1896	–	Начальник санотдела 18-го стрелкового корпуса	–	25.04.38	–	–
3.	ЦИММЕРМАН Людвиг Людвигович*	1897	1927	Начальник санчасти 1-й авиабригады	–	Высшей двойкой 14.09.37	20.09.37	12.10.59

41. Военветврачи 1-го ранга

1.	АЛЕНТОВ Александр Павлович	1893	Б/п	Начальник отделения окрветлаборатории ПриВО	–	21.06.37	–	–
2.	ИВАНОВ Андрей Данилович	1890	Б/п	Ветврач Киевского военного училища связи	07.10.37	19.11.37	–	17.09.57
3.	ИВАНОВСКИЙ Дмитрий Гаврилович	1893	Б/п	Помощник начальника ветотдела СибВО	–	15.06.38	–	–
4.	КРАСИН Александр Павлович	1887	Б/п	Начальник ветслужбы 71-й стрелковой дивизии	–	04.06.38	–	–
5.	ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Иванович	1893	Б/п	Начальник ветслужбы 78-й стрелковой дивизии	–	04.06.38	–	–
6.	ОВСЯННИКОВ Владимир Сергеевич	1897	Б/п	Пом. начальника ветотдела ОКДВА	19.10.37	16.03.38	Умер 11.04.43	–
7.	СОКОЛОВ Арсений Васильевич	1896	–	Начальник ветслужбы 10 сд	–	ВМН	–	–

* Кроме того, арестовывались военврачи 1-го ранга: начальник Горьковского военного госпиталя Дмитрий Александрович ЗНАМЕНСКИЙ, начальник Симферопольского военного госпиталя Дмитрий Афанасьевич КОЗЬМИН и др.

8.	ШИМАНОВСКИЙ Бронислав Антонович	1896	Б/п	Помощник начальника ветотдела СибВО	–	15.06.38	–	–
----	------------------------------------	------	-----	-------------------------------------	---	----------	---	---

42. Военюристы 1-го ранга

1.	ВЛАСОВ СВ.	–	–	Председатель военного трибунала 78 сд	Покончил жизнь самоубийством 05.39			–
2.	ДЬЯЧУК-ДЬЯКОВСКИЙ Сергей Михайлович	1900	1919	Председатель отдела ВТ ПО и ВО НКВД СССР по Донецкой области	24.06.38	02.10.38	–	28.03.57
3.	СТЕГНЮШКИН Михаил Николаевич	1902	–	Военный прокурор 4-й бригады ОКЖДВ	–	13.03.38	13.03.38	–
4.	ТРУПЧИНСКИЙ Игорь Петрович	1886	1918	Член коллегии ВТ ПО и ВО НКВД УССР	05.08.38	02.10.38	–	29.08.57
5.	ЧОКЛО Абрам Гдалиевич*	1900	1923	Военный прокурор Верхне-Амурского речного пароходства	–	09.04.38	09.04.38	–

43. Капитаны 2-го ранга

1.	АЛЕКСАНДРОВ Василий Александрович	–	Б/п	Флагманской артиллерист штаба Северного флота	26.05.38	18.09.40 «10 + 5»	Умер в лагере	26.07.57
----	--------------------------------------	---	-----	---	----------	----------------------	---------------	----------

* Различные сроки заключения отбыли военюристы 1-го ранга: заместитель военного прокурора пограничных и сухопутных войск НКВД Западно-Сибирского округа М.М. ИШОВ, председатель отдела ВТ ВВ по Горьковской области Николай Иванович ПЕНЧАК, председатели военных трибуналов корпусов М.И. СИТНИКОВ, И.В. СМЕРНОВ, зам. пред ВТ ЗаВВО Александр Александрович ТИГИШВИЛИ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2.	БАТИС Эрнест Иванович	1892	1913	Начальник штаба Отдельного дивизиона миноносцев Северного флота	23.03.37	29.08.37	29.08.37	27.07.57
3.	ГНЕВШЕВ Николай Иванович	1900	Б/п	Командир учебного отряда Черноморского флота	12.06.37	05.01.38	–	29.09.56
4.	ЛАВИНСКИЙ Михаил Николаевич	1895	Б/п	И. д. командира дивизиона подводных лодок Черноморского флота	31.03.38	01.11.38	–	23.03.57
5.	МОРАЛЕВ Николай Константинович	1901	Кандидат 1931	Командир 1-й бригады подлодок Черноморского флота	12.06.37	01.11.38	02.11.38	28.05.57
6.	МОЧАЛОВ Александр Андреевич	1893	V/1917	Начальник объедин. шк. учебн. отряда ЧФ	26.06.37	18.04.38	18.04.38	30.03.57
7.	НИКОЛАЙЧИК Николай Иванович	1900	1927	Начальник штаба Амурской военной флотилии	11.05.38	04.09.38	–	13.10.56
8.	РЕЙСЕР Лев Михайлович	1902	Б/п	Командир подлодки	–	ВТ СФ 06.05.41 «15 + 5»	Умер в 1941 г.	29.02.68
9.	РУБЛЕВСКИЙ Иван Алексеевич*	1900	Б/п	Начальник штаба бригады подлодок Черноморского флота	09.04.38	01.11.38	–	25.04.56

* К длительным срокам заключения были осуждены капитаны 2-го ранга: преподаватель ВВМУ им. Фрунзе Николай Александрович КОЛЬ, командир 62-го морского погранотряда Владимир Васильевич КОСТРОМИН, командир Имановского речного отряда АКВФ Петр Андреевич СЮБАЕВ, командир 5-й морской бригады ТОФ Георгий Никитич ХОЛОСТЯКОВ и др.

44. Военинженеры 2-го ранга

1.	АКУЛОВ Александр Алексеевич	1893	1928	Инженер 48-й авиабригады	–	21.04.38	–	03.08.57
2.	БАРАНОВ Александр Иванович	1897	Б/п	Нач. 5 отдела 4-го ГУ НКОП СССР	14.05.37	02.04.38	–	04.07.57
3.	БЕРЛОГ Александр Сергеевич	1895	1919	Военпред ВХУ РККА на заводах № 51 и 93	–	26.10.37	–	–
4.	БОДИСКО Алексей Дмитриевич	1885	Б/п	Военпред УВ МС РККА на Николаевском судостроит. заводе	07.07.37	18.01.38	–	–
5.	ДОЛБИР Яков Викторович	1896	Б/п	Главный инженер 19-го стройучастка строительного отдела МВО	28.09.37	15.12.37	15.12.37	22.07.58
6.	ИВОНИН Николай Дмитриевич	1901	1920	Нач. цеха (быв. Пом. нач. НИХИ РККА)	16.07.36	02.04.38	–	30.05.57
7.	КАЛНИН Иван Иванович	1900	1919	Начальник 1-го отдела НИИС РККА	10.04.37	10.12.37	–	26.11.57
8.	КАПЛАН-ГАНЖУРА Хаим Израилевич	1896	1919	Уволен. Бывший преподаватель ВХА РККА	27.12.37	27.03.38	–	21.03.56
9.	КИВКУЦАН Роберт Петрович	1903	1919	Воен. Инж. 14-й мехбригады. Уволен 1935	11.03.38	ОСО 14.09.39 «8»	Умер в ИТЛ в 1942 г.	ВТ МВО 14.10.57
10.	КИРШОН Абрам Соломонович	1900	–	Помощник начальника инженеров УНР-113	16.12.37	28.04.37	–	09.08.57
11.	КОЗЛОВ Кирилл Иванович	1894	1921	Нач. эл.-мех. Школы уч. отряда АКВФ	12.06.37	25.03.38	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
12.	КОМЕНДАНТОВ Иван Васильевич	1900	1920	Начальник СКО 18-го стрелкового корпуса (ОКДВА)	11.04.37	01.07.37	01.07.37	12.10.57
13.	КУНИ Георгий Эмильевич	1887	Б/п	Начальник кафедры ВОСО и заместитель на- чальника ВТА РККА	23.07.37	02.04.38	02.04.38	02.04.57
14.	ЛИТОХ Георгий (Юрий) Александрович	1900	Б/п	Начальник химслужбы 7В сд (СибВО)	13.08.36	29.10.37	–	21.12.57
15.	ЛУЦЕНКО Александр Романович	1904	–	Гл. инженер Дарницкого АБТ рем. завода	02.10.37	25.12.37	26.12.37	–
16.	МАКАРЬЕВСКИЙ Петр Алексеевич	1893	Б/п	Начальник отделения от- дела инженерных войск ЧФ. Уволен 29.08.37	10.09.37	05.01.38	–	09.08.57
17.	МАРУНЧАК Иван Доминикович *	1905	1930	Начальник 6-го отделения 3-го отдела АБТУ РККА	11.06.38	26.08.38	26.08.38	14.01.60
18.	МОРОВ Александр Федорович	1893	Б/п	Начальник отделения СКУ РККА	04.07.37	04.11.37	–	12.12.56
19.	МУЛЕВИЧ Максим Николаевич	1895	1917	Контролер военной груп- пы КСК при СНК СССР	04.02.38	14.06.38	–	23.11.55
20.	МУХИН Константин Семенович	1897	–	Гл. инженер СКО ЧФ	06.07.37	18.04.38	–	–
21.	НИКОЛЬСКИЙ Александр Васильевич	1896	Канди- дат	Начальник 2-го отделе- ния АБТотдела (КВО)	03.11.37	20.11.37	20.11.37	–

22.	ПАВЛОВ Александр Васильевич	1900	1921	Инженер-электрик АБТУ РККА	–	16.09.38	–	21.11.56
23.	ПОПОВ Александр Васильевич	1901	1918	Уволен в 1937 г. Инженер цеха завода «Каучук» (Москва)	14.06.38	03.09.38	03.09.38	03.10.57
24.	СМАГИН Иван Васильевич	1895	–	Гл. инженер-зам. Нач. СКО ПГВ ОКДВА	–	08.03.38	–	–
25.	СОКОЛОВ Федор Васильевич	1904	Б/п	Гл. инженер УВСП-576	04.05.37	28.08.37	–	–
26.	ТУМАНОВИЧ Михаил Иванович	1899	1919	И. о. гл. инженера УВСП- 281 (УрВО)	17.06.37	15.01.38	–	01.02.68
27.	ТУХАЧЕВСКИЙ Александр Николаевич	1895	Б/п	Уволен. Перед арестом без определенных зан- ятий	29.08.37	15.12.37	15.12.37	17.03.56
28.	ФОКИН Илья Сидорович	1897	1925	Командир 192-го строи- тельного батальона	01.07.37	19.03.38	–	17.12.57
29.	ФОМИЧЕВ Михаил Михайлович	1899*	–	Не установлена	–	13.03.38	13.03.38	–
30.	ЯРОШ Николай Прокофьевич	1892	Б/п	Инженер-электрик АБТУ РККА	10.37	22.08.38	–	21.11.56
31.	ЯХОНТОВ Виктор Васильевич*	1900	1918	Начальник Черномор- ской базы Остехбюро НКО	21.05.37	08.01.38	–	25.08.56

* Кроме того, арестовывались военинженеры 2-го ранга: помощник командира 109 АБ Максим Федорович БАТУКОВ, главный инженер ВВС ОКДВА Михаил Николаевич БУКОВЦЕВ, начальник отделения СКО ОКДВА Абрам Иосифович ДРЕЕР, военпред ВМФ на заводе «Красное Сормово» Андрей Васильевич КОЗЬМИНЫХ, помощник начальника Разведотдела ОКДВА Тимофей Филимонович ЛАВРИНОВИЧ, начальник вооружения и снабжения 90 АБ Афанасий Иванович ПРОНИН, Е.Н. ШЕЛУХИН и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

45. Интенданты 2-го ранга

1.	АНОШКИН Антон Андрианович	1888	1932	Начальник вооружения и снабжения 59-й авиабригады	30.11.37	30.06.38	—	20.10.56
2.	БАРНУКОВСКИЙ Алексей Михайлович	1901	1918	Начальник воен. склада Мв 42 (САВО)	05.07.37	09.10.38	—	06.12.57
3.	ГОРЕНШТЕЙН Михаил Иосифович	1899	1920	Нач. отдела НИЗАП РККА	22.10.37	15.02.38	—	19.07.57
4.	ГУСТОВ Иван Иванович	1886	Б/п	Начальник финансового отделения ПФО КВО	12.12.37	08.04.38	—	20.04.57
5.	ИОФИК Макс Ильич	1887	1919	Начальник Военно-санитарного склада НКО и ВМФ	16.02.38	20.09.38	—	30.06.56
6.	КИСЛЯКОВ Иван Дмитриевич	1897	—	Начальник мастерских АБТВ ОКДВА	—	17.03.38	—	—
7.	КЛЯППЕР М. Л.	—	—	Из 50-й авиабригады	—	Март 1938	—	—
8.	КОРОВИКОВ Михаил Тихонович	1900	Б/п	Зам. нач. мобчасти штаба 3 сн-	—	30.09.38	—	—
9.	ЛЕПИЛИН Петр Никитич	1901	Б/п	Помощник начальника военного склада № 74	05.08.37	13.09.37	—	13.11.58
10.	МАЛАХОВ Митрофан Васильевич	1897	1919	Начальник 2-й части Политуправления МВО	28.11.37	02.04.38	—	28.07.56

11.	МАЛЬКОВ Сергей Филиппович	1890	—	Пом. командира 4-й бригады ОКЖДВ	—	13.03.38	—	—
12.	МАРТЬЯНОВ Василий Александрович	1893	—	Начальник военспец-строя ЛВО	05.09.37	—	23.02.38	05.07.57
13.	МОТОРИН Андрей Андреевич	1896	—	Начальник 2-го отделения СКО ОКДВА	08.05.37	01.07.37	10.07.37	—
14.	РУЛЕВ Сергей Поликарпович	1894	1926	Помощник начальника олада № 67	05.02.38	02.04.38	02.04.38	02.02.67
15.	САВИЦКИЙ Константин Петрович	1894	—	Помощник нач. отделения отдела стрелкового вооружения АУ РККА	08.12.37	16.06.38	—	13.07.57
16.	САРАНЦЕВ Сергей Степанович	—	—	НО Московского обл. мобокруга	21.02.38	20.09.38	—	—
17.	СОКОЛОВ Сергей Николаевич	1897	—	Заместитель начальника СКО УрВО	08.05.37	01.08.37	01.08.37	—
18.	ТУТОЛМИН Борис Иванович	1883	—	Не установлена	—	Осужден 1939	Судьба не установлена	—
19.	УСПЕНСКИЙ Алексей Алексеевич	1896	Б/п	Помощник командира Сев.-Зап. УР ЧФ по материальному обеспечению	25.08.37	18.04.38	—	16.08.57
20.	ЦЫПКИН П. С*	—	—	Не установлена	—	15.10.39	—	—

* Кроме того, арестовывались и отбыли различные сроки заключения интенданты 2-го ранга: начальник техчасти Оренбургского УЗА Петр Михайлович АБРОСИМОВ, помощник начальника отделения 2 отдела УВМС РККА Владимир Федорович ВОЛЛЕН, начальник военно-хоз. снабжения 10 сд Иван Григорьевич ГАЛИБИН, начальник УВСР-408 (ОКДВА) Николай Павлович ЕРОФЕЕВ, пом. начальника СКО ОКДВА Василий Михайлович ЛАХНО, пом. командира 1-й бригады ОКЖДВ Ефим Эммануилович РЯБКИН, начальник 2-го отделения отдела продовольствия ЛВО Николай Николаевич СКВОРЦОВ, начальник артоклада № 155 ПТВ ОКДВА Михаил Сергеевич СОКОЛОВ, помощник начальника мобчасти штаба 3 сн Евгений Сергеевич ЩИГЛОВСКИЙ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

46. Военврачи 2-го ранга

1.	БЛОХ Давид Маркович	1895	—	Военветврач Харьковского училища НКВД	—	Осужден 1939	Судьба не установлена	
2.	ГОРБАТКИН Евсей Фомин	1895	—	Ст. врач 4-й бригады ОКЖДВ	28.06.37	22.09.37	—	—
3.	ЕВСЕЕВ Алексей Алексеевич	1900	1920	Нач. учебной части курсов усовершенств. врачей ОКДВА	09.07.37	25.03.38	25.03.38	—
4.	ЗЕЛЬДИН Борис Абрамович	1903	—	Нач. 2-го отдела НИХИ РККА	—	21.09.37	—	—
5.	ИВАНОВ Борис Николаевич	1904	1927	Инспектор Сануправления РККА по морским делам	25.09.37	26.01.38	—	18.07.56
6.	КОССОВСКИЙ Александр Сигизмундович	1902	Б/п	Пом. нач. отдела Биотехнического института РККА	09.08.37	10.12.37	—	28.11.57
7.	СОЛТАНОВИЧ Петр Маркович	1901	1922	Начальник санотдела Управления коменданта Московского Кремля	10.03.39	21.01.40	25.01.40	19.11.55
8.	ФЕЙДЕР Борис Вульфович	1904	—	Начальник санчасти 23-й авиабригады	09.06.37	15.12.37	—	29.06.60
9.	ЧЕРЕМУХИН Алексей Андреевич	1902	—	Начальник Ворошиловского военного госпиталя ПГВ ОКДВА	—	15.09.37	15.09.37	—

10.	ШЕЛЛЕР Андрей Георгиевич*	1896	Б/п	Начальник гинекологич. отделения Ворошиловского ВГ ПГВ ОКДВА	15.08.37	15.09.37	15.09.37	—
-----	---------------------------	------	-----	--	----------	----------	----------	---

47. Военветврачи 2-го ранга

1.	ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Сергей Ефлампиевич	1896	Б/п	Нач. вет. службы 34-й стрелковой дивизии (ОКДВА)	09.37	25.03.38	—	24.10.57
2.	ШУБАКОВ Николай Григорьевич	1897	Б/п	Начальник ветслужбы 71-го артолка	09.02.38	04.06.38	—	28.12.57
3.	ЯЛОВИЦЫН Андрей Михайлович	1902	Б/п	Пом. нач. ветслужбы 28 кд (КВО)	01.03.38	06.10.38	—	—

48. Военюристы 2-го ранга

1.	КОЛЯДА Петр Сергеевич	1905	1926	Заместитель военного прокурора пограничных и внутренних войск УССР	21.02.38	25.09.38	—	30.03.57
2.	РОГАЧЕВСКИЙ Борис Захарович	1905	1926	Помощник военного прокурора ХВО	15.11.37	25.03.38	—	08.12.56

49. Майоры

1.	АВТОНОМОВ Николай Григорьевич	1901	—	Ст. преподаватель Днепропетр. КУКС запаса	—	27.11.37	27.11.37	—
2.	АГРИКОЛЯНСКИЙ Николай Николаевич	1896	Б/п	Командир 19 сп	28.02.38	29.09.38	—	11.06.59

* Кроме того, арестовывались по политическим мотивам военврачи 2-го ранга: начальник хирургического отделения Горьковского военного госпиталя Николай Дмитриевич АРХАНГЕЛЬСКИЙ, начальник санслужбы Николаевского военного порта Зиновий Ефимович БРОНВЕЙБЕРГ, Ш.Х. КЛЕЙН и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3.	АНТЮХОВ Василий Феоктистович	1893	Б/п	Командир 20-го батальона ВНОС	24.07.37	23.05.38	—	10.10.57
4.	БАЛАБАНОВ Федор Петрович	1894	Б/п	Пом. командира 67 кп 12-й Кубанской казачьей дивизии	23.07.37	13.12.38	—	11.06.57
5.	БИЧ Петр Федорович	1897	1918	Начальник снабж. и вооруж. Штаба ВВС ЛВО	20.09.37	Высшей двойкой 01.10.37	06.10.37	ВТ ЛВО 21.08.57
6.	БРЕЗГИН Борис Семенович	1895	Б/п	Начальник КЭЧ 15 ск. Уволен в мае 1937 г.	21.10.37	22.12.37	—	10.10.57
7.	БУТМАН Матвей Львович	1898	1918	Начальник 3-го отдела штаба САВО	07.04.37	09.10.38	09.10.38	—
8.	ВАККЕР Адольф Карлович	1902	1920	Пом. начальника 2-го отдела штаба СибВО	20.12.37	21.06.38	—	08.01.57
9.	ВАКУЛЕНКО Георгий Васильевич	1895	—	Начальник 5-й части штаба 7 ск	19.09.37	27.11.37	28.11.37	—
10.	ВАНАГ Карл Карлович	18%	—	Командир учебного центра 7 ск	—	03.10.37	04.10.37	—
11.	ВАЦЕР Иван Григорьевич	1900	1920	Командир Отдельного разведбатальона 96 сд	08.02.38	06.10.38	—	06.03.58
12.	ВЕЗЛОМЦЕВ Владимир Иванович	1900	1919	Начальник штаба 26-й авиабригады	17.10.37	22.05.38	—	09.05.57
13.	ВИНОГРАДСКИЙ Иван Лукич	1901	Б/п	Нач. 4-го отделения флагманского химика Хабаровского военпорта	17.01.38	16.04.38	—	—

14.	ВОЛЧКОВ Федор Абрамович	1894	1927	Командир 28-го конно-артиллерийского полка	16.10.37	27.12.37	—	27.05.58
15.	ГИЛЕВ Геннадий Иванович	1899	1932	Заместитель начальника разведотдела штаба ОКДВА	16.10.37	25.12.37	25.12.37	15.12.56
16.	ГЛАДИЛОВ Николай Андреевич	1897	1923	Командир 23-го мехполка 8 омбр (КВО)	14.09.37	25.12.37	—	14.09.67
17.	ГРАШИНЬ Эдмунд Мартьянович	1897	1920	Начальник войск связи СибВО	09.02.38	21.06.38	—	09.06.57
18.	ГРОЗОВСКИЙ Айзик Герцович	1900	1919	Помощник начальника отделения 1-го отдела Генерального штаба РККА	15.11.37	03.04.38	03.04.38	15.12.56
19.	ГУЗ Сергей Яковлевич	1899	Б/п	Помощник начальника 3-го отделения 3-го отдела штаба КВО	—	26.09.38	—	—
20.	ГУЗЫНИН Константин Владимирович	1897	—	Начальник штаба 65 сд (УрВО)	22.06.37	13.08.37	13.08.37	27.05.58
21.	ДАТЕЛЬБАУМ Владимир Антонович	1903	Б/п	Летчик-истребитель Горьковского авиазавода № 21	03.11.37	Высшей двойкой 07.01.38	20.01.38	12.07.57
22.	ДАШКЕВИЧ Владимир Григорьевич	1899	1921	Начальник военного-хозяйственного снабжения 2-й кавдивизии	29.10.37	06.10.38	06.10.38	06.03.58
23.	ДЕЛИКО Дмитрий Демьянович	1895	—	Начальник штаба конно-артполка 23-й кавдивизии	09.10.37	08.04.38	08.04.38	01.10.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
24.	ДИМИТРИС Эрнст Петрович	1900	1930	Помощник командира полка	–	10.10.37	–	–
25.	ДМИТРИЕВ Василий Куприянович	1895	Б/п	Командир 119 ап 40 сд	08.05.38	25.08.38	25.08.38	–
26.	ДОБРЯНСКИЙ Георгий Иванович	1902	–	Начальник инж. службы 66 сд (ОКДВА)	06.08.37	08.03.38	09.03.38	–
27.	ДОЛИН Александр Ильич	1901	–	Командир 1-го отдельного химполка 52 сд	23.07.37	30.12.37	30.12.37	16.04.57
28.	ДОМАНСКИЙ Вацлав Иосифович	1899	–	Преподаватель кафедры тактики ВАФ	09.07.38	«6»	Умер в лагере 1943 г.	–
29.	ДРОЗДОВСКИЙ Анатолий Григорьевич	1899	1923	Командир отдельного стрелкового батальона военного склада № 28	06.05.38	20.10.38	–	20.03.58
30.	ЖАКЕВИЧ Казимир Петрович	1895	Б/п	Помощник начальника военной школы спецслужбы ВВС РККА	10.11.37	17.09.38	–	26.10.57
31.	ЖУКОВСКИЙ Абель Савельевич	1899	Б/п	Начальник пункта ПВО г. Хабаровска	08.02.38	10.09.38	–	10.10.57
32.	ЗАЙКИН Василий Захарович	–	–	Помощник командира полка 22-й кавдивизии (ЗабВО)	–	05.10.38	–	01.06.57
33.	ЗАМАРАЕВ Петр Сергеевич	1902	1924	Начальник ГО штаба 23 мбр (ОКДВА)	17.06.37	25.03.38		

34.	ЗАРЕМБА Алексей Викторович	1893	Б/п	Старший преподаватель Военной Артакадемии РККА	09.09.38	ОСО 21.07.39 «В»	Умер на поселении	24.08.55
35.	ЗУЗАНОВ Николай Иванович	1900	–	Начальник моботделения артотдела САВО	15.07.37	Дело прекращено 08.10.39 за смертью обвиняемого		
36.	ИВАНОВ Георгий Николаевич	1891	1920	ПНО-5 штаба СибВО	01.08.37	17.06.38	–	–
37.	ИВАНОВ Михаил Гаврилович	1901	1920	Начальник 2-го отделения 3-го отдела штаба КВО	–	19.11.37	–	–
38.	ИЛЬЯШЕНКО Федор Евгеньевич	1888	–	Пом. нач. агентурного отделения разведотдела ОКДВА	–	09.04.38	–	–
39.	КАЛЬВА Станислав Иосифович	1897	1926	Командир 25-го инж. батальона 17-й стрелковой дивизии	11.12.37	ОСО 01.09.39 «5»	Умер 05.05.42	–
40.	КАФЬЯНЦ Сурен Местропович	1901	1918	Заместитель начальника штаба 14-го стрелкового корпуса (ХВО)	20.10.37	07.01.38	–	26.10.57
41.	КЛЕВЧЕНКО Михаил Евсеевич	1897	Б/п	Помощник командира 7-й запасной танковой бригады (УрВО)	37	09.08.38	–	18.05.57
42.	КОВАЛЬ Иван Григорьевич	1900	1920–1936	Начальник полковой школы 196 сп 66 сд (ОКДВА)	10.06.37	29.08.37	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
43.	КОЖЕВНИКОВ Василий Федорович	1901	–	Начальник полковой школы 10 ал 10 сд	–	09.10.38	–	–
44.	КОРЫТИН Сергей Петрович	1894	Б/п	Начальник штаба 23-й стрелковой дивизии	28.09.37	08.01.38	09.01.38	18.03.58
45.	КУЗЬМИН Борис Григорьевич	1897	1919	Начальник 1-го отде- ления штаба 15-го стрелко- вого корпуса	17.12.37	09.04.38	09.04.38	10.10.57
46.	КУЗЬМИЧЕВ Борис Иванович	1900	Щ/1917	Начальник штаба 18-й тяжелой авиабригады (КВО)	07.07.36	19.06.37	–	14.05.57
47.	КУЛЕШО Генрик Игнатьевич	1899	1918	Начальник 3-го отде- ления 3-го отдела штаба КВО	–	20.11.37	–	–
48.	КУРДЖИЕВ Курман Али Алиевич	1884	–	Не установлена	–	07.09.37	–	–
49.	ЛОГИНОВ Иван Васильевич	1898	–	Начальник службы снаб- жения и вооружения 11-й авиабригады	–	17.04.38	–	–
50.	ЛОГИНОВ Тимофей Андреевич	1896	–	Начальник штаба 183 мбр 45 мк	23.06.38	02.10.38	02.10.38	–
51.	МАКСИМОВ Леонид Владимирович	1897	Б/п	Начальник штаба 55-го артполка 55-й стрелко- вой дивизии	–	28.10.38	–	30.05.57
52.	МАМОНТОВ Борис Петрович	1889	Б/п	Преподаватель КУНЗ. Уволен 22.08.38	17.09.38	ОСО 23.07.40 «8»	Умер в ИТЛ 08.11.41	ВТ МВО 08.10.56

53.	МАРТЫНОВ Александр Николаевич	1894	Б/п	Начальник отделения штаба войск При- ВО НКВД Северо- Кавказского округа	05.09.37	11.12.37	–	01.03.58
54.	МЕЛЮШКИН Александр Дмитриевич	1894	–	ПНО-1 штаба 3 ск	–	22.11.37	–	–
55.	МИЛАШИН Дмитрий Петрович	1896	1921	Начальник 1-й части штаба 55-й стрелковой дивизии	–	28.10.38	–	30.05.57
56.	МИЛОВ Кронид Николаевич	1898	1928	Начальник отделения ГУПВО НКВД СССР	–	22.08.38	–	07.07.56
57.	МИТРОФАНОВ Иван Кузьмич	1893	1925	Начальник отделения Северного военкомата	07.03.38	09.10.38	–	12.10.57
58.	МОЛЧАНОВ Николай Михайлович	1894	–	Начальник отделения 6-го отдела штаба СКВО	12.03.37	09.08.37	09.08.37	02.04.57
59.	МОРОВ Александр Матвеевич	1898	1920	Начальник 6-го отде- ления 1-го отдела Гене- рального штаба РККА	04.11.37	17.09.38	–	08.12.56
60.	МОРОЗОВ Иван Андреевич	1899	1919	Начальник штаба 220 сп 74 сд (СКВО)	19.07.37	13.06.38	–	Пленум Верхсуда 05.07.67
61.	НАВРОЦКИЙ Михаил Львович	1896	Б/п	Помощник начальника 3 отдела штаба ЗакВО	31.07.37	01.10.37	01.10.37	24.09.59
62.	НАЗАРОВ Сильвестр Филиппович	1902	1930	Начальник отделения разведотдела ОКДВА	12.08.37	22.05.38	22.05.38	23.07.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
63.	НЕСТЕРЕНКО Мария Петровна	–	–	Пом. командира отдельного авиаполка особого назначения	24.06.41	Расстреляна без суда 28.10.41		
64.	НИКИФОРОВ Николай Флавианович	1899	–	Начальник 5-го отдела штаба СКВО	–	25.12.37	–	–
65.	НИКУЛИН Георгий Антонович	1887	1919	ПНО-5 штаба СибВО	30.12.37	21.06.38	–	–
66.	ОБИДКО Эдуард Казимирович	1892	1927	Помощник начальника АБТВ ЗакВО	05.07.37	15.09.37	–	18.08.56
67.	ОГАР Иван Дмитриевич	1892	–	Начальник авиации Западно-Сибирского краевого комитета Осоавиахима	17.09.37	19.06.38	19.06.38	24.06.60
68.	ОНАЦЕВИЧ Александр Григорьевич	1892	1920	Преподаватель курсов «Выстрел»	17.08.38	02.03.39	–	16.03.57
69.	ОРЛОВ Иван Георгиевич	1897	–	Начальник 1-й части штаба 7 ск	23.06.37	14.09.37	15.09.37	–
70.	ПАВЕЛЬЧИК Станислав Анатольевич	1892	–	Командир 7-го полка ОКЖДВ	–	20.08.38		–
71.	ПАНТИН Александр Павлович	1894	1919	Командир 10 ап 10 сд	–	09.10.38	–	–
72.	ПАУЛЬ Иван Яковлевич	1893	1916	Военрук Ленинградского института киноинженеров	–	Высшей двойкой 30.12.37	–	27.10.56

73.	ПАЗГЛЕ Яков Христофорович	1897	–	Начальник школы	–	03.12.37	–	–
74.	ПЕЛЬЦ Эрнест Матисович	1897	1928	Командир 20 аз 90 АБ	27.06.37	ВТ КВО 09.01.38	–	–
75.	ПЕТРИЦА Богдан Петрович	1896	1920	Командир учебного батальона 4-й отдельной танковой бригады	11.06.37	09.09.37	–	26.10.57
76.	ПИКАЕВ Яков Кузьмич	1904	–	Командир артдивизиона 32 ап 32 сд	–	15.09.37	–	–
77.	ПОПОВ Иван Николаевич	1901	1921	Командир отдельного батальона связи 7-го стрелкового корпуса	–	26.10.38	–	–
78.	ПРОТОПОПОВ Кирилл Вениаминович	1896	Б/п	Начальник 3-го отдела штаба Черноморского флота	18.01.38	ВТ ЧФ 16.03.39	06.39	18.02.58
79.	РЕДЬКО Степан Михайлович	1896	–	Начальник химслужбы 3 ск	–	22.11.37	–	–
80.	РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Борис Михайлович	–	–	Командир дивизиона 10 ап 10 сд	–	09.10.38		–
81.	РОЗЕНБЕРГ Исаак Элькунович	1902	1927	Сотрудник Разведуправления РККА	30.04.38	08.04.39	08.05.39	22.09.56
82.	РУСАКЕВИЧ Иван Николаевич	1896	Б/п	Начальник 1-го отделения штаба 10-го стрелкового корпуса	–	03.11.38	–	30.05.57
83.	САЛКУЦАН Лаврентий Георгиевич	1900	Кандидат	Слушатель Военной Академии Генерального штаба РККА	–	21.12.37	–	04.06.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
84.	САМСЫГИН Валентин Андреевич	1894	1917	Командир 59-го артиллерийского полка	19.06.37	02.09.37	–	29.04.65
85.	СМЕТАНИН Василий Владимирович	1902	Б/п	Врио командира 183-го артполка 2-й артбригады ПВО	06.11.37	25.12.37	–	26.04.58
86.	СОЛОДЕНКИН Василий Кузьмин	–	–	Начальник штаба 10 ап 10 сд	–	09.10.38	–	–
87.	СОЛОДКОВ Михаил Степанович	1897	1918– 1936	Начальник отдела НИ-ЗАП РККА	21.10.37	05.02.38	–	17.12.57
88.	СПИРИН Тимофей Степанович	1904	–	Помощник командира 10 ап 10 сд	–	25.04.38	–	–
89.	СПИРОВ Дмитрий Алексеевич	1900	1925	Помощник командира 122 сп 41-й стрелковой дивизии	03.10.37	27.11.37	–	16.01.58
90.	СТЕПАНОВ Виктор Васильевич	1900	Б/п	Начальник связи 28 сд (СКВО)	05.02.37	10.08.37	10.08.37	27.03.58
91.	СУДАКОВ Иван Яковлевич	1889	1920	Научный сотрудник ЦАКА	–	19.02.40	–	18.08.56
92.	СУРБА Герасим Михайлович	1895	–	Командир танкового батальона	–	19.04.38	19.04.38	–
93.	ТАРАСЕНКО А. Г.	–	–	Командир 3-го кавполка 9-й кавдивизии	–	06.10.38 «20»	Умер в Сев-востлаге 1942	03.58

94.	ТЕН ХИ ШИ	–	–	Начальник ВХС 10 ск	–	25.03.38	–	–
95.	ТЕР-АНАНЯН Назар Ионесович	1894	Б/п	Ст. преподаватель тактики Тбилисского военного училища	05.08.37	30.09.37	30.09.37	28.04.56
96.	ТРУГАН Виктор Андреевич	1895	–	Не установлена	–	18.10.38	–	–
97.	ТУХАЧЕВСКИЙ Николай Николаевич	1889	Б/п	В запасе. Ст. преподаватель МТИ по военным предметам	–	25.12.37	–	16.06.56
98.	УРМАН Абрам Самойлович	1890	–	Начальник артиллерии Особого колхозного корпуса	19.06.37	25.03.38	–	–
99.	УРУБКОВ Николай Павлович	1895	Кандидат 1930	Командир 67 сп	03.08.37	10.12.37	–	18.07.57
100.	ФЕДЬКОВСКИЙ Алексей Петрович	1905	1928	Помощник командира 41 сп по строевой части	14.03.38	30.09.38	30.09.38	26.11.55
101.	ФИЛИМОНОВ Александр Ульянович	1896	1920	Слушатель военного факультета Военной академии связи РККА	03.10.38	13.04.39	14.04.39	07.03.56
102.	ХРЕНОВ Андрей Иванович	1895	–	Военный цензор Урво	–	13.08.37	13.08.37	26.03.57
103.	ЦЕСЛЯК Станислав Антонович	1899	1920	Начальник штаба 2-й отдельной мехбригады	23.05.37	28.08.37	28.08.37	27.01.59
104.	ЧЕБОТАРЕВ Михаил Александрович	1902	–	Командир 205 ОЗТБ СибВО	–	17.06.38	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
105.	ЧЕГЛОКОВ Александр Андреевич	1895	Б/п	Помощник начальника 2-го отдела штаба КВО	03.09.37	20.11.37	21.11.37	28.09.57
106.	ЧЕРНОИВАНОВ Иван Федорович	1897	—	Начальник 2-й части штаба 7 сс	20.03.38	26.10.38	26.10.38	—
107.	ШВАРЦ Арнольд Густавович	—	—	Помощник командира 10 ап 10 сд	—	09.10.38	—	—
108.	ШЕВЧЕНКО Михаил Гаврилович*	1897	—	Командир учебного ба- тальона	27.02.38	30.09.38	30.09.38	—

50. Капитаны 3-го ранга

1.	АЛЕКСЕЕВ Сергей Константинович	1903	Б/п	Командир дивизиона погрансудов 62 морского погранотряда	26.05.37	22.09.37	—	—
2.	ГРИШИН Федор Лукьянович	1895	1926	Командир отдельного дивизиона торпедных катеров Амурской воен- ной флотилии	29.01.38	22.05.38	—	04.06.57

* Кроме того, арестовывались и отбыли различные сроки заключения майоры: врид командира 119 сп 40 сд Даниил Афанасьевич АКСЕНОВ, начальник 5-го отдела штаба 17 сд Александр Викторович БОГОВЛЕНСКИЙ, преподаватель Воен.-хоз. академии РККА Иван Семенович ВАГАНОВ, помощник командира 276 сп 92 сд (ОКДВА) Ян Антонович ВИТТЕНБЕРГ, командир 2-го зенитного дивизиона ПВО Владивостокского УР ТОФ Николай Петрович ГАРДИНОВ, начальник 3-го отдела штаба 1-го кавкорпуса Ф.К. ГОНЧАРЕНКО, И.А. ГОРЮНОВ, А.Д. ЕЛИЗАРЬЕВ, ПНО-1 штаба 3 сс Николай Филимонович ИВАНОВ, помощник начальника ПВО БВО Антон Викентьевич КАЛЕЧИЦ, преподаватель Севастопольского УЗА Николай Александрович КАРГОПолов, командир и военный комиссар полка ВВ Стефан Евгеньевич КАЧАНОВ, командир ОБС 18 сс Кирилл Карлович КЕЙЗЕР, командир понтонного батальона Станислав Игнатьевич ЛИСОВСКИЙ, командир танкового батальона 10 сп 4 сд (БВО) Михаил Николаевич ЛЮБСКИЙ, Григорий Федорович МЕРЗЛИКИН, комендант погранотряда Иван Михайлович ПЕТРОВ, командир 188 зенартполка Петр Иванович ПЕХОВСКИЙ, начальник связи 18 сс Николай Семенович ПЕЧЕРСКИЙ, старший инспектор группы контроля при НКО СССР Запман Нисонович ПИНЦОВ, Ян Янович РУБЕН, командир разведдивизиона 9 кап (СКВО) Николай Александрович СМИРНОВ, ПНО Артуруправления РККА Георгий Иванович СОТНИКОВ, Н.К. СТЕПАНОВ, начальник ВКС 62 сд Виталий Евгеньевич ТИХОНИЦКИЙ, В.С. ТОМПОФольский, В.А. ЭРДМАН и др.

3.	ИЖБУЛАТОВ Рустем Ахметович	1905	Б/п	Командир дивизиона подводных лодок Черно- морского флота	21.09.37	18.04.38	18.04.38	06.06.67
4.	САРАНЦЕВ Николай Васильевич*	1902	1920	Помощник командира линкора «Октябрьская революция»	27.04.37	01.09.37	—	01.08.57

51. Батальонные комиссары

1.	АБДУРАХИМОВ Махмед (он же АБДУРАХИМ- ХОДЖАЕВ Мухамадали)	1903	1926	Военный комиссар 42 гпл 19-й Узбекской горно- кавалерийской дивизии	21.10.37	10.10.38	10.10.38	19.07.58
2.	АКИМОВ Борис Николаевич	1899	1919	Военный комиссар 2 ап 2 сд (БВО)	12.06.38	ВТ БВО 15.05.39	—	—
3.	БЕССАРАБОВ Степан Гаврилович	—	—	Военный комиссар 30 сп 10 сд	—	09.10.38	—	—
4.	БОГДАНОВ Петр Михайлович	1902	1920	Начальник Политотдела Камчатского морпогра- нотряда	13.09.37	21.09.38	21.09.38	23.03.59
5.	ВАВИЛКИН Василий Николаевич	1900	1918	Начальник Политотдела НИЗАП РККА	17.08.37	05.02.38	—	17.12.57
6.	ВОЙКИН Петр Силиверстович	1899	1917	Преподаватель политэ- кономии ВАФ. Уволен	10.06.37	30.01.38	—	30.05.56
7.	ГЕМАНОВ Алексей Павлович	1904	1925	Слесарь на мехзаводе (быв. Военный комиссар пулеметного полка)	—	16.06.37	—	28.07.56

* Кроме того, арестовывались капитаны 3-го ранга: командир 2-го дивизиона мониторов АКВФ Михаил Иванович АНТОНОВ, командир эсминца «Фрунзе» (КБФ) Петр Иванович БАРАНОВ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
8.	ДЕНИСОВ Александр Александрович	1902	1920	Инспектор протоддела ОКДВА	10.07.37	23.03.38	–	19.12.57
9.	ДОМЕШЕК Рувим Аронович	1902	1921	Военный комиссар 29 сп 10 сд (ЛВО)	28.01.38	09.10.38	–	28.11.56
10.	ДЮЛЬДИН Федор Сергеевич	1900	1925	Заместитель начальника Политотдела 10-й стрел- ковой дивизии	20.03.38	09.10.38	–	28.11.57
11.	ЗЕМИТ Альфред Иванович	1902	–	Секретарь парторганиза- ции штаба ЛВО	19.12.37	–	22.01.38	–
12.	ЗОЗУЛЯ Василий Архипович	1900	–	Заместитель начальника Политотдела дивизии	–	15.09.37	–	–
13.	ИВАНГОРОДСКИЙ Петр Яковлевич	1901	1919	Ответственный редактор газеты «Красная Армия» (КВО)	07.06.37	07.06.38	–	10.08.57
14.	ИКАЛ Арнольд Адамович	1906	1923	Сотрудник Разведыва- тельного управления РККА	02.12.37	28.04.39 «10 + 5»	Умер в 1942 г.	15.09.56
15.	КЛИМЧУК Кондратий Трофимович	1898	1919	Преподаватель экономи- ческой политики ВПАТ	10.09.36	26.12.36 «10 + 5»	Рас- стрелян 10.10.37	12.05.56
16.	КЛИНОВ Александр Алексеевич	1902	1925	Преподаватель истории ВПАТ	09.07.36	11.10.36	11.10.36	11.05.57
17.	КОБОЗЕВ Николай Михайлович	1904	1924	Начальник Политотдела 11-й авиабригады	–	14.04.38	–	–

18.	КОЧЕТКОВ Василий Леонтьевич	–	–	Военный комиссар 10 ал 10 сд	–	09.10.38	–	–
19.	ЛИБЕРМАН Борис Павлович	1895	1920	Преподаватель политэ- кономики ВПАТ	28.11.36	28.12.36 «10 + 5»	Рас- стрелян 10.10.37	12.05.56
20.	НУТОВИЧ Михель Сендерович	1901	1926	Военный комиссар УВСР- 533 ТОФ	14.05.37	15.03.38	–	23.03.57
21.	ПЕЧЕРСКИЙ Иосиф Матвеевич	1903	1921	Военный комиссар 11-й авиабригады	05.12.37	14.04.38	–	17.08.57
22.	ПЛИГОВКО Петр Романович	1892	1917	Военный комиссар Та- ганского района г. Москвы	21.06.37	04.09.37	–	12.05.56
23.	ПОПОВ Сергей Андрианович	1903	1924	И. о. начальника культ- просветотдела Полит- управления МВО	30.04.37	15.07.37	–	19.07.57
24.	ПОСТНИКОВ Анатолий Алексеевич	1902	1919	Нач. Политсекретариата Красноярского мобо- круга	11.03.38	21.07.38	21.07.38	16.07.57
25.	РОДАУ Рейнгольд Яковлевич	1893	1919	Военный комиссар от- дела МТО Оренбургской военной школы летчиков	09.07.37	04.02.38	–	23.05.57
26.	СЕЛЮТИН Алексей Абрамович	1902	–	Военный комиссар 104 тяжелой АЭ (ОКДВА)	27.03.38	23.05.38	23.05.38	–
27.	СЕМЕНОВ Иван Семенович	1901	–	Военный комиссар 185 артполка	24.01.38	30.10.38	–	1957

1	2	3	4	5	6	7	8	9
28.	СИРКИС Семен Григорьевич	1902	1917	Начальник Политотдела учебного отряда подводного плавания КБФ	01.10.37	23.02.38	–	28.03.56
29.	ТРОШИН Сергей Семенович	1896	1920	Инструктор при военкоме 10-го стрелкового корпуса	–	03.11.38 «12 + 5»	Умер в 1945 г.	30.05.57
30.	ФИЛИППОВ Владимир Петрович	1901	1920	Военный комиссар 1-й авиабригады Оренбургской ВШЛ	22.07.37	05.02.38	05.02.38	23.05.57
31.	ЧЕРНЫШЕВ Петр Семенович	1897	1921	Военный комиссар 136-го артополка	–	28.10.38	–	30.05.57
32.	ЩЕРБАК Илья Иванович	1902	–	Военный комиссар 21-й авиаэскадрильи	–	14.04.38	–	–
33.	ЯКОВЛЕВ Михаил Яковлевич	1900	1920	Начальник Отдела агитации, пропаганды и печати Политуправления СибВО	06.03.37	27.10.37	–	28.11.56
34.	ЯЦЕНКО Александр Петрович*	1901	1920	Инструктор партработы Политотдела ВПАТ	09.07.36	11.10.36	11.10.36	11.05.57

* Кроме того, арестовывались, пробыли различные сроки под стражей батальонные комиссары: военком сторожевого корабля «Воровский» (морехраны ДВК) Л.И. БОНДАРЕНКО; военком 36 АЭ 9 тяж. АБ Ф.Ф. БОГОДИН, пом. командира 183 полка ВВ НКВД по политчасти Владимир Альмович ВАККАУС, преподаватель ВВМУ им. Фрунзе П.П. ВОЛИН, ответственный секретарь ДПК 17-й Горьковской стрелковой дивизии Эрнст Иванович ГЕНКЕЛЬ, преподаватель кафедры политэкономи ВПАТ Василий Иванович ГРУЗДЕВ, Г.И. КРИВОШАПКО, МАЛЬЖИН, ответственный редактор газеты «Красный черноморец» (ЧФ) Павел Федорович МОРОЗОВ, военком 74 кл 15-й Кубанской кд Алексей Петрович РОЖКОВ, помощник начальника 5-го отдела шлага КВО Анатолий Васильевич РЫНКОВСКИЙ и др.

52. Военинженеры 3-го ранга

1.	АЛЕКСАНДРОВ Василий Андреевич	1905	1929	Начальник снаряжательной мастерской военного склада № 39	01.06.37	09.05.38	–	10.03.59
2.	БАЕВСКИЙ Адольф Иосифович	1901	1920	Начальник военного склада № 74	28.03.38	23.05.38	–	13.11.58
3.	БЕЛЯЕВ Александр Сергеевич	1904	–	Начальник отдела ОКЖДВ	–	22.09.37	–	–
4.	ГЕНДЛЕР Михаил Григорьевич	1899	1919	Нач. Центр. Воен.-хим. полигона РККА	08.06.37	22.08.37	–	–
5.	ГЕНКИН Захарий Моисеевич	1898	Б/п	Ст. инструктор СКО ОКДБА	23.07.37	25.08.38	–	19.07.57
6.	ГОРЕВ Михаил Васильевич	1907	1927	Пом. командира по т/ч 3-го танкового батальона 133-й Мехбригады (КВО)	22.12.37	Высшей двойкой 04.02.38	16.02.38	01.12.56
7.	ДАНИЛЮК Василий Осипович	1902	–	Пом. нач. морской базы 62 погранотряда	29.06.37	23.03.38	–	–
8.	ДЕЕВ Михаил Михайлович	1905	1932	Нач. отдела воен. арт-склада № 53 (МВО)	–	ВТМВО 15.07.38	–	–
9.	ДОМНИН Павел Афанасьевич	–	Б/п	Инженер НИЗАП РККА	23.03.38	Дело 19.05.40 прекращено за смертью		
10.	ЗАЙЦЕВ Александр Павлович	1901	1920	Нач. военхимсклада № 302 (ЛВО)	01.10.37	Высшей двойкой 29.10.37	–	ВТ ЛВО 11.10.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
11.	ЗИНОВЬЕВ Алексей Федорович	1905	1926	ПНО-8 Артуправления РККА	19.10.37	27.04.38	27.04.38	05.07.57
12.	КАЗАРИН Николай Александрович	1903	Б/п	Начальник планового отдела СКО ОКДВА	19.05.37	28.07.37	–	–
13.	КАЛАШНИКОВ Александр Иванович	1907	1925	Начальник инженеров УНР Благовещенского УР. Уволен 27.08.37	31.08.37	27.05.38	–	28.11.56
14.	КЛЯУС Николай Иванович	1904	Кан- дидат 1932– 1935	Военпред по артиллерии УВ УВМС на Николаев- ском судостроительном заводе	06.37	18.04.38	–	–
15.	КУДИНОВ Константин Дорфеевич	1889	1920	Инженер Технического управления РККА. Уво- лен.	04.10.37	26.04.38	26.04.38	15.06.57
16.	КУЗНЕЦОВ Федор Иванович	1901	1924	Инженер-электрик 90 АБ	07.06.37	22.12.37	–	–
17.	КУЗЬМИН Сергей Николаевич	1906	–	Не установлена	–	22.09.37	–	–
18.	МКРТЫЧЕВ Георгий Николаевич	1910	1930	Механик дивизиона судов 33-го Ладожского морпрогранотряда	14.08.37	25.02.38	–	04.08.56
19.	ПАНКРАТОВ Владимир Васильевич	1906	1931	Начальник инженеров Де-Кастринского УР	29.09.37	23.09.38	–	04.06.57
20.	РАЗГОН Владимир Ефимович	1901	–	Начальник производств.- техн. части УВСР 463 (ОКДВА)	14.07.37	08.03.38	09.03.38	–

21.	САМОДЕЛКИН Николай Иванович	1904	–	Пом. нач. военсклада № 42 (САВО)	05.07.57	09.10.38	–	10.11.56
22.	СЕДОВ Сергей Львович	–	–	Не установлена	–	29.10.37	–	–
23.	ТРАВИН Владимир Павлович	1900	Б/п	Нач. передающей части радиоузла разведотдела ОКДВА	13.08.37	23.03.38	–	05.10.57
24.	ТУРАЛЬНИКОВ Владимир Матвеевич	1905	–	Начальник мастерской военартсклада № 53 (МВО)	05.09.37	Высшей двойкой 07.01.38	–	10.10.57
25.	ЯКИР Морис Эммануилович*	1902	Кан- дидат 1932	Военпред УВВС РККА на заводе № 1	22.07.37	26.10.37	–	02.06.56

53. Интенданты 3-го ранга

1.	ГУСЕВ Николай Иванович	1905	–	Помощник командира пулеметного полка диви- зии ПВО	–	16.06.37	–	28.07.56
2.	ДОРНИН Василий Иванович	1898	1920	НО вещевого склада № 6 ВВС ОКДВА	14.06.37	27.08.37	–	21.09.57
3.	ЛОРЕР Федор Федорович	1900	–	Бухгалтер НИЗАП РККА	22.10.37	05.02.38	–	17.12.57
4.	НОСКОВ Михаил Алексеевич	1895	–	Начальник ОВС штаба Нижне-Амурского УР	31.08.37	23.03.38	23.03.38	–

* Кроме того, арестовывались и пробыли различное время под стражей военинженеры 3-го ранга: начальник строительства базы подлодок ЧФ Александр Исаевич ГОЛЬДБЕРГ, Николай Иванович ГРАЧЕВ, начальник авиамастерских 90 АБ Александр Михайлович ЗЕРНОВ, инженер НИЗАП Павел Алексеевич КАРАЕВ, А.И. КРУТИКОВ, Н.В. КУЗНЕЦОВ, И.А. ЛИНЯВСКИЙ, помощник начальника военсклада № 20 (САВО) Федор Маркович СВИРИДОВ, А.М. СКВОРЦОВ, помощник начальника работдела Вост.-Сиб. ж.д. Туго Туставович ТРАКМАН и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5.	СМИРНОВ Петр Леонидович	1896	Б/п	Пом. командира 3-го мехполка 134 тбр	05.11.37	08.04.38	–	–
6.	СТАНКЕВИЧ Станислав Венедиктович	1895	Б/п	Пом. нач. 1 отделения отдела снабжения ЛВО	29.09.37	Высшей двойкой 03.11.37	12.11.37	–
7.	ХРЕБТОВ Иван Сильвестрович	1901	Б/п	Начальник складского отделения продотдела КВО	11.12.37	08.04.38	–	20.04.57
8.	ШТЕЙНБЕРГ Ян Янович	1889	Б/п	Нач. финнасти Харьков- ского военного училища НКВД	19.02.38	20.10.38 «15»	Умер 06.09.41	13.08.57
9.	ШТОЛЬЦЕР Альфред Яковлевич	1897	1931	Начальник боепитания 218 сп	–	Высшей двойкой 01.02.38	01.02.38	14.09.57
10.	ЭЛЬСБЕРГ-ЛЕНСКИЙ Иван Иванович*	1897	–	Пом. командира мехпол- ка 9 кд (КВО)	10.11.37	06.10.38	–	–

54. Военврачи 3-го ранга

1.	АНАНЬЕВ Алексей Иванович	1903	–	Начальник санслужбы 47 АБ	22.08.37	–	22.11.37	18.08.56
2.	АФОНЕНКОВ Василий Алексеевич	1896	1919	Начальник санчасти 55 ап 55-й стрелковой ди- визии	–	28.10.38	–	30.05.57

* Кроме того, арестовывались интенданты 3-го ранга: начальник военсклада № 20 Федор Степанович ГЛИНЧИКОВ, инспектор по матчасти артиллерии САВО Михаил Иванович ГУБАНОВ, начальник УВСП-410 (ОКДВА) Владимир Андреевич МАСЛЕННИКОВ, пом. начальника военсклада № 20 Павел Сергеевич НАЗАРОВ, пом. начальника мобчасти Красноярского мобокруга Михаил Илларионович САЧКОВСКИЙ, помощник командира ОБС 17 сд Павел Сергеевич ТВЕРДОВ (уволен из РККА 15.04.38, а арестован 17.04.38), начальник боепитания 486 сп Отто Карлович ЯКОБСОН и др.

3.	БЛИНОВ Сергей Васильевич	1911	–	Мл. врач авиапарка 1АБ	–	Высшей двойкой 22.09.37	–	ВТ ЛВО 12.10.59
4.	ЖИЛЬЦОВ Григорий Федотович	1903	Б/п	Военврач 205-го танко- вого батальона	05.05.38	17.06.38	17.06.38	01.08.57
5.	ЗОРИН Сергей Владимирович	1906	–	Начальник санчасти 125 АБ ВВС ТОФ	–	15.03.38	–	–
6.	КОВАЛЬ Иван Павлович	1905	Б/п	Ст. врач 4-го батальона 2 омбр (ОКДВА)	15.08.37	08.03.38	–	–
7.	МАЛИНОВСКИЙ Николай Николаевич	1901	Б/п	Начальник лазарета 6 сп (Хабаровск)	15.10.37	29.03.38	–	06.07.57
8.	ОКИНЧИЦ Михаил Константинович	1905	Б/п	Ст. врач 25 АЭ 100 АБ	08.09.37	Высшей двойкой 14.09.37	20.09.37	ВТ ЛВО 20.01.58
9.	ПЕТРОВ Геннадий Александрович (в/зв. не имел; срочник)	1900	ВЛКСМ 1932	Мл. врач 116 кл 29 кд (БВО)	21.08.37	20.12.37	–	03.10.57
10.	ФУТЕРМАН Зинаида Исаковна (военфельдшер)	1894	Б/п	Зубной врач Горьковско- го БТУ	27.07.37	Высшей двойкой 28.12.37	–	ВТ МВО 12.12.57
11.	ШЕСТАКОВ Борис Дмитриевич	1899	Б/п	Пом. начальника Воро- шиловского ВГ	–	07.03.38	07.03.38	–
12.	ШТЫЦКО Петр Григорьевич*	1902	1925	Начальник санчасти 100 АБ	–	Высшей двойкой 02.12.37	–	ВТ ЛВО 20.01.58

* Кроме того, арестовывались военврачи 3-го ранга: Петр Петрович ВЕНЦЕЛЬ, начальник санслужбы Южно-Кавказского УР ЧФ Федор Лаврентьевич ГОЛУБЕВ, начальник терапевтического отделения Горьковского ВГ Григорий Ильич ЮДИН и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

55. Военветврачи 3-го ранга

1.	БОДОПРОСТ Антон Никифорович	1904	Б/п	Начальник ветслужбы 45 кл 11-й кавдивизии	16.08.37	30.06.38	01.07.38	17.11.59
2.	ГАПОНЕНКО Василий Панкратович	1899	1924	Ветврач 276 сп 92-й стрелковой дивизии	14.06.37	02.09.37	—	08.10.57
3.	ЕЛИСЕЕВ Иван Антонович	1907	—	Начальник ветслужбы в/ч 6196 28 кд	28.02.38	06.10.38	—	—
4.	ЕЛФИМОВ Павел Николаевич	1901	1920– 1924	Помощник начальника окружной ветлаборатории СибВО	—	15.06.38	—	—
5.	ЖИГАЛО Иван Иосифович	1904	—	Начальник склада ветслужбы КВО	02.10.37	21.10.37	—	18.06.60
6.	ЧИПУРНОВ Николай Трофимович*	1900	—	Начальник ветслужбы 109 кл 28 кд	10.11.37	08.04.38	—	—

56. Капитаны

1.	АБРАМПОЛЬСКИЙ Георгий Михайлович	1904	1926	Командир учебного батальона 133-й мехбригады	06.08.37	16.10.37	17.10.37	15.05.58
2.	АГРИКОЛЯНСКИЙ Сергей Николаевич	1899	1919	Начальник 1-й части штаба Московской Пролетарской сд	10.06.37	02.04.38	—	12.12.56

* Арестовывались также военветврачи 3-го ранга: начальник ветслужбы 113 кл 29 кд (БВО) Константин Степанович АМЕАРОВ, младший врач 28-го конноартиллерийского полка 28 кд Александр Григорьевич НЕКРАСОВ и др.

3.	БАТЫРЕВ Александр Александрович	—	—	Начальник штаба дивизиона 10 ап 10 сд	—	09.10.38	—	—
4.	БЕККЕР Валентин Владимирович	1902	Б/п	Преподаватель тактики Оренбургской ВШЛ	21.09.37	11.02.38	—	23.05.57
5.	БЛУМИС Михаил Ильич	1899	—	Командант аэродрома 3-й авиадесантной бригады	15.12.37	Высшей двойкой 30.12.37	30.12.37	22.12.56
6.	БЛЮХЕР Павел Константинович	1905	1932	Командир авиазвена при штабе ВВС ДВФ	22.10.38	26.02.39	—	09.05.56
7.	ВУЛЬФ Вольдемар Карлович	1896	—	Начальник лаборатории кафедры военной истории ВАГШ РККА	10.05.38	25.08.38	25.08.38	—
8.	ГОЛЛЕРБАХ Георгий Романович	1899	—	Начальник химслужбы 1-й авиабригады	—	Высшей двойкой 03.11.37	—	19.07.57
9.	ГОЛОВЕНЧЕНКО Алексей Васильевич	1898	Кандидат 1931	Командант гор. Куйбышевка-Восточная	26.04.38	21.09.38	—	10.10.58
10.	ГОРДЕЕВ Виктор Михайлович	1899	Б/п	Начальник артвооружения 2-й артбригады ПВО	06.11.37	25.12.37	—	26.04.58
11.	ГОТ-ГАРТ Константин Иосифович	1898	1919	Командир отряда спортивных самолетов Центрального аэроклуба СССР	17.08.37	28.10.37	—	25.08.56
12.	ЗЕЛИНСКИЙ Любомир Францевич	1905	—	Командир роты 51 сп 17 ед	—	Высшей двойкой 31.10.37	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
13.	ЗНАМЕНСКИЙ А. А.	–	–	Из 22-й кавдивизии (ЗабВО)	–	05.10.38	–	01.06.57
14.	ИВАНОВ Николай Иванович	1896	Б/п	Помощник командира 13 сп по мат. обеспечению	15.08.37	30.10.37	–	08.03.58
15.	ИЛЬЕС Федор Яковлевич	1902	1927	Командир 32-й истребительной авиаэскадрильи 125-й авиабригады	–	27.05.38	–	–
16.	ИСАМУТДИНОВ Хамид	1902	1925	Начальник штаба 41 гкл 19-й горной кавдивизии	29.09.37	10.10.38	10.10.38	20.07.58
17.	КИСЕЛЕВ Константин Алексеевич	1895	1927	Начальник УВСП-463 СКО ПГВ ОКДВА	02.12.37	20.04.38	20.04.38	16.04.59
18.	КОЗЛОВСКИЙ Владимир Михайлович	1896	Б/п	Помначштаба 184-го гаубичного артполка	27.07.38	ВТОрВО 25.01.39 «15»	Умер в ИТЛ	29.06.65
19.	КОНОПЛЕВ Федор Ефимович	1903	1926	И. д комиссара 3-го отдела штаба КВО	–	25.09.38	–	–
20.	КРАСНОДОН Г. Я.	–	–	Из 22-й кавдивизии (ЗабВО)	–	05.10.38	–	01.06.57
21.	КУЗНЕЦОВ Никита Иванович	1901	–	Начальник штаба 125-й авиабригады ВВС Тихоокеанского флота	–	25.03.38	–	–
22.	ЛАЩЕВСКИЙ Владимир Георгиевич	1896	–	Начальник военно-учебной части Харьковского библиотечного института	15.03.38	20.10.38	20.10.38	–

23.	ЛОКТЮШИН Яков Афанасьевич	1905	1930	Начальник штаба 276 сп 92-й стрелковой дивизии	27.05.37	02.09.37	02.09.37	19.01.60
24.	МАРАТ Борис Иванович	1905	–	Командир отряда 22 аз 3 АБ	–	Высшей двойкой 02.12.37	–	ВТ ЛВО 07.10.57
25.	МАЦКЕВИЧ Григорий Наумович	1898	–	Помощник командира мехполка 1-й кавдивизии червонного казачества по хоз. части	13.02.38	06.10.38	–	15.11.60
26.	МОРОЗОВ Василий Федорович	1901	1927	Начальник штаба 2 ал 2 сд (БВО)	18.12.37	30.06.38	–	15.11.56
27.	МУНКИН Гарма Данзанович	1902	Б/п	Начальник штаба полковой школы 11 кл Бурято-Монгольской кавбригады	–	011038	–	14.01.57
28.	НЕДОЧЕВСКИЙ Михаил Алексеевич	1901	1926	Пом. нач. 1-го отделения разведотдела КДФ	–	11.09.38	–	19.07.57
29.	НИ Н. И.	–	–	Из 50-й авиабригады	–	Март 1938	Март 1938	–
30.	НИКУЛИН Александр Петрович	1898	–	Помощник командира 1-го авиадесантного полка по МТО	29.08.37	16.04.38	–	13.10.60
31.	ОПРЫШКО Иван Никифорович	1902	1923	Командир авиаотряда 23 аз 100 АБ	–	Высшей двойкой 02.12.37	–	–
32.	ПРИМАК Иосиф Семенович	1894	1919	Командир авторыты Оренбургской ВШЛ	15.09.37	15.02.38	–	23.05.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
33.	ПРЯХИН Николай Петрович	1905	1926	Начальник химслужбы 55-й стрелковой дивизи зии		28.10.38	–	30.05.57
34.	РУБАН Борис Иванович	1902	Б/п	Помощник начальника штаба 122 сп 41-й стрелковой дивизи зии	–	13.01.38	–	16.01.58
35.	РУЩЕЦКИЙ Владислав Томашевич	1895	Б/п	Преподаватель тактики Горьковского БТУ	09.02.38	Умер в тюремной больнице до суда 13.04.40		Дело пре- кращено 21.12.57
36.	СИМАКОВ Петр Михайлович	1901	–	Помощник начальника 1-го отделения 3-го от- дела штаба КВО	27.02.38	27.09.38	–	–
37.	ТЮКИН Семен Федорович	1897	Б/п	Начальник ОВС 183 ап 2-й арбригады ПВО	30.11.37	08.04.38	–	26.04.58
38.	ФАЛИТНОВ Михаил Иванович	1899	1927	Пом. Нач. 2-го отделения АБТ отдела КВО	18.10.37	21.12.37	21.12.37	16.05.57
39.	ХЕММИ Арвид Адамович	1900	1925	Начальник химслужбы 49 сп 17 сд	15.06.38	Умер в тюремной больнице		ВП МВО 29.10.57
40.	ХРУСТАЛЕВ Арсений Алексеевич	1903	1932– 1935	Командир батальона ПО П 37 сд (БВО)	26.07.37	ВТ 23 сх БВО 27.01.38 «10 + 3»	Умер в ИТЛ 22.01.44	Пленум Верхсуда 22.11.67
41.	ЧАЙКИН Петр Степанович	1898	1918	Преподаватель тактики Оренбургской ВШП	23.06.37	05.02.38	–	28.05.57

42.	ШАМИРБАЕВ Мирсаид	1901	1927	Начальник полковой школы 42 гкл 19-й гор- ной кавдивизи зии	11.09.37	10.10.38	10.10.38	20.07.57
43.	ШАПОВАЛ Василий Иванович	1898	Б/п	Командир батальона 122 сп 41-й стрелковой дивизи зии	–	27.11.37	–	16.01.58
44.	ШАЦКОВСКИЙ Эдмунд Ричардович	1903	Б/п	Начальник полковой школы 95 сп 32 сд (ОК- ДВА)	10.06.37	02.09.37	–	–
45.	ШЕСТОВ Георгий Георгиевич	1901	1926	Начальник полковой школы 67 кл	–	05.06.38	05.06.38	–
46.	ШЛЯПИН Николай Павлович	1899	Б/п	Начальник штаба ОБС 18 ск	22.07.38	Умер в тюремной больнице 01.01.39		Дело пре- кращено 11.12.58
47.	ШПОЛЯНСКИЙ М. Д.	–	–	Из 22 кд (ЗабВО)	–	05.10.38	–	01.06.57
48.	ШРЕЙДЕР Владимир Николаевич*	1900	Б/п	Нач. 6 сектора Научно- испытательного зенитно- го полигона в Оренбург- ской области	22.07.37	05.02.38	–	17.12.57

* Кроме того, арестовывались и пробыли различное время в заключении капитаны: начальник боепитания ОБС 17 сд Николай Александрович БЕЛКИН, помощник командира 3 тбр Василий Иванович ВОЛОШКО; начштаба 16-го конно-артполка 16 кд (ЛВО) Василий Иванович ЖИЛЬЦОВ, Александр Иванович ЗОЛИН, пом. командира 135-й стрелково-пулеметной бригады Сергей Яковлевич ИВАНОВ, пом. командира 90 ап 90 сд Александр Николаевич КАЛИНИН, ПНШ 21 АЭ 90 АБ Фриц Адамович КАЛНИН, Капский райвоенком Красноярского края Александр Аркипович КИДАЛОВ, К.Э. КИТТО, В.М. КРАСНОВСКИЙ, преподаватель тактики ОУЗА Владимир Дорифеевич КУЛЬЧИЦКИЙ, К.К. ЛАТТ, П.М. ЛЕПП, командир батальона 316 сп 18 сд Алексей Федорович ЛОГИНОВ, начштаба ПВО Дзержинского района г. Москвы Максим Акимович ЛУКАШКИК, командир роты из 18-го мехбригады (БВО) Владимир Иванович МАКАРОВ, С.А. МУРАЧЕВ, командир дивизиона 41 ап Д.Н. НЕШИН, начштаба дивизиона Евгений Алексеевич ОХАТРИН, С.Н. ПРИВАЛОВ, пом. командира 119 сп 40 сд Герасим Степанович ПУСТОВЕТОВ, начимслужбы 55 АБ (САВО) Петр Семенович САФРОНОВ, С.И. СНЕЖКО, А.М. СОКАЧ, командир 2-го батальона 49 сп 17 сд Павел Иванович УВАРОВ, руководитель Московского вечернего учебного центра МВО Александр Федорович УСОВ, Красноярский райвоенком Леонид Васильевич ФЕДИН, начштаба 6 ИАП 20 АБ Михаил Степанович ХРАМОВ, начштаба 19АЭ 90АБ Дмитрий Федорович ШАРЦЕВ, начштаба 21 АЭ 90 АБ Николай Лаврентьевич ЯСИНСКИЙ и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

57. Старшие политруки

1.	АРДЕЛЯНУ-ШРАЙБЕР Дмитрий Моисеевич	1900	—	Секретный уполномоченный Разведуправления РККА	14.10.37	Высшей двойкой 27.12.37	—	06.10.56
2.	КАРАМЫШЕВ Василий Павлович	1902	1920	Помполит 2-й морской погранэскадрильи (Камчатка)	—	09.08.38	—	—
3.	КОНЦЕВОЙ Борис Абрамович (Абрамович)	1901	1924	Начальник отдела Политуправления ХВО	10.06.37	09.09.37	—	13.02.58
4.	КОРЕЕВ Александр Иванович	1899	1920	Помполит военсклада № 42 (САВО)	15.07.37	09.10.38	—	—
5.	КОСОВ Иван Никитич	1903	1920	Военком 6-й эскадрильи Оренбургской авиашколы	24.06.37	05.02.38	—	30.04.57
6.	КУЗНЕЦОВ Василий Андреевич	1900	1924	Военный комиссар отдельного разведывательного ПГВ ОКДВА	14.09.37	07.03.38	08.03.38	20.08.63
7.	НАУМОВ Николай Александрович	1899	1919	Начальник гарнизонного клуба в г. Вологде	26.11.37	09.10.38	—	28.09.57
8.	ПЛОСТ Ефим Моисеевич	1903	1920	Начальник культпросветотдела Политуправления СибВО	15.05.37	28.10.37	28.10.37	28.10.56
9.	РАЗГИЛЬДЕЕВ Сергей Владимирович	1903	1926	Военный комиссар КЭО БВО	27.05.38	ВТ БВО 05.11.38	—	19.12.57

10.	РЫКОВ Александр Илларионович	1897	—	Инструктор Политотдела 18 ск. Редактор корпусной газеты	18.08.37	20.08.37	—	—
11.	ТРАХТЕНБЕРГ Александр Ильич	1902	1923	Для поручений при помощи командира 163 сп 55 сд	—	28.10.38	—	30.05.57
12.	ФРИДРИКСОН Карл Янович	1906	—	Военный комиссар 102-го авиационного парка	12.37	ОСО 01.02.38	01.02.38	14.09.57
13.	ХОДОС Николай Яковлевич	1902	—	Военный комиссар 1-го кавполка 1-й кавдивизии червоного казачества	23.10.37	08.04.38	—	15.11.60
14.	ШТАПОВ Иван Петрович*	1903	1927	Военком 86-го отд. Ж.Д. 6-на ОКЖДВ	04.08.37	22.09.37	22.09.37	—

58. Старшие лейтенанты

1.	БАРАНОВ Николай Самойлович	1907	1932– 1937	Командир 2-й роты 161 сп 54 сд	09.06.37	212 ВТ ЛВО 06.12.38 «10 + 5»	Умер в Сев-востлаге 18.11.41	19.11.59
2.	БАРДЕЦКИЙ Михаил Владиславович	1902	Б/п	ПНШ 67 кл	10.12.37	05.06.38	—	—

* Кроме того, арестовывались старшие политруки: В.И. ГРАЧЕВ, секретарь заместителя начальника Разведуправления РККА Мария Карловна ДАВИДСОН, ст. инспектор политотдела 17 сд Алексей Яковлевич КОВАЛЬ-АРШАВСКИЙ, военком 30 АЭ 5 АБ Г.М. КЮНЕН, преподаватель СЭЦ Горьковского БТУ Даниил Михайлович ПЕНЬКОВ, Б.С. САНДЛЕР-ШАПИРО, инструктор Политотдела Беломорского УР Михаил Федорович СМЫСЛОВ, Енисейский райвоенком Николай Иванович ТЯПИН, Федор Петрович ЧЕРНИКОВ, инструктор Политотдела 22 кд (ЗабВО) Александр Андреевич ЩЕРБИНИН и др.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3.	БИЛЫК Антон Андреевич	1900	Б/п	Командир роты 122 сп 41-й стрелковой дивизии	–	28.11.37	–	16.01.58
4.	ГУСАК Александр Данилович	1907	1930	Начальник штаба 2-го дивизиона торпедных катеров	29.01.38	22.05.38	–	04.06.57
5.	ГУТКИН М. Е.	–	–	ТОФ	–	Май 1938	Май 1938	–
6.	ДАМБЕРГ Иван Иванович	1904	1925	Командир звена 147-й авиабригады	17.12.37	Вышей двойкой 30.12.37	30.12.37	22.11.56
7.	ДЕРЯБИН Сергей Иванович	1900	Б/п	Командир 3-го эскадрона 12-й Кубанской казачьей дивизии (СКВО)	15.10.37	15.06.38	–	14.01.57
8.	ДОМБРОВСКИЙ Михаил Васильевич	1902	–	Начальник школы младшего начсостава Отдельного батальона связи 15-го стрелкового корпуса	14.03.38	30.09.38 «15 + 5»	Умер 20.12.41	10.10.57
9.	ДОЩАТЫЙ Владимир Никифорович	1905	1930	Начальник полковой школы 228 сп	27.02.38	17.10.38	–	07.12.57
10.	ДРУЖИНИН Петр Васильевич	1904	1930	Начальник штаба батальона (32 сд)	07.05.37	29.08.37	–	10.10.57
11.	ДУТИКОВ Валерий Николаевич	–	–	ПНШ 9-го отд. Радиоразвед б-на ОКДВА	08.04.37	22.08.37	22.08.37	–
12.	ЖЕЛВАКОВ Василий Степанович	1903	1928–1934	Командир 3-й роты 161 сп 54 сд	20.10.37	212 БТ ЛВО 06.12.38 «6 + 3»	Умер в ИТЛ 04.04.42	19.11.59

13.	ЖЕРНЕНКО П. С.	–	–	Из 50-й авиабригады	–	Март 1938	Март 1938	–
14.	ЗИМИН Василий Филиппович	1902	1927	Пом. Начштаба 12 кл Бурято-Монгольской бригады	–	02.10.38	–	–
15.	ИВАНОВ Александр Дмитриевич	1908	Б/п	Летчик-истребитель (НИЗАП)	28.08.37	08.02.38	–	31.10.57
16.	КАРПУХИН Михаил Сергеевич	1910	–	ТОФ	–	Май 1938	Май 1938	–
17.	КЛЮКВИН Н. И.	–	–	ТОФ	–	Май 1938	Май 1938	–
18.	КОВАЛЬ Максим Иосифович	1903	Б/п	Нач. штаба дивизиона 25 ап 26 сд	04.11.37	09.04.38	–	–
19.	КОЖАНОВ В. Е.	–	–	ТОФ	–	Май 1938	Май 1938	–
20.	КОЗЛОВ Владимир Алексеевич	1910	Б/п	Командир неотдельного отряда 32-й авиаэскадрильи 125-й авиабригады	09.02.38	27.05.38	27.05.38	30.01.58
21.	КОЧЕТКОВ А. Н.	–	–	ТОФ	–	Май 1938	Май 1938	–
22.	КОЧЕТКОВ Дмитрий Иванович	1899	1925	Командир роты	02.09.37	07.06.38	07.06.38	05.09.57
23.	КРАВЧЕНКО-МИХАЛЬЧУК Павел Исидорович	1895	1926	Начальник штаба полка ВНОС 1-й дивизии ПВО	–	16.06.37	–	28.07.56
24.	КРОНК Гуго Яковлевич	1900	Б/п	Командир роты 23 мбр (ОКДВА)	14.06.37	16.04.38	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
25.	КУЛЕШОВ Михаил Павлович	1906	1931	ПНШ 94 сп 32 сд (ОК-ДВА)	07.05.37	23.08.37	–	–
26.	ЛИСТОПАД Леонид Григорьевич	1906	1929	Командир роты 2 омбр (ОКДВА)	13.06.37	08.03.38	–	–
27.	ЛОГВИНЕНКО Николай Пантелеевич	1909	Кандидат 1930	Командир звена 26-й авиаэскадрильи 26-й авиабригады	17.10.37	23.05.38	–	28.01.58
28.	ЛОГВИНОВ Василий Григорьевич	1905	1928	Командир роты 8-го полка связи (СКВО)	19.06.37	07.06.38	07.06.38	05.09.57
29.	МАКАРТЫЧАН Аристарх Антонович	1908	Б/п	Начальник ТТО полка связи	–	07.06.38	–	28.07.56
30.	МОЧАЛИН Иван Ильич	1900	1926	Начальник ОВС 276 си 92 сд (ОКДВА)	10.08.37	07.03.38	–	23.04.57
31.	НАРИНЯН Г. А.	–	–	ТОФ	–	Май 1938	Май 1938	–
32.	ОРЕЛ Е. Ф.	–	–	Из 50-й авиабригады	–	Март 1938	Март 1938	–
33.	ОСИКОВ Иван Ефимович	1903	Б/п	Командир полковой батареи 276 сп	22.07.37	15.09.37	02.10.38	22.08.57
34.	ПАВЛОВ В. А.	–	–	ТОФ	–	Май 1938	Май 1938	–
35.	ПЛИГОВКИН-ПЛИГОВКО Василий Кириллович	1902	Б/п	Командир роты 1-й дивизии ПВО	–	16.06.37	–	28.07.56
36.	РОЖАНСКИЙ Федор Иванович	1909	–	Командир 5-го отдельного авиазвена дивизиона торпедных катеров (де-Кастри)	17.10.37	16.09.38	–	04.06.57

37.	РУТЕЙКО Валентин Юлианович	1903	–	Начальник штаба 12 конноарт. полка	15.05.37	05.06.38	05.06.38	–
38.	СЕМЕРНЯ Александр Евдокимович	1906	Б/п	Начальник штаба батальона 122 сп 41 стрелковой дивизии	–	14.01.38	–	16.01.58
39.	СИМАНОВИЧ Казимир Станиславович	1904	–	Начальник боепитания 164-го полка 55 стрелковой дивизии	–	30.10.38	–	30.05.57
40.	СТРЮЛЬКОВ Владимир Федорович	1901	Б/п	Начальник разведки учебного дивизиона 71-го артполка	20.07.37	28.12.37 «10 + 4»	Умер в ИТЛ 27.05.42	21.05.58 (Пост. Пленума Верхов. суда СССР)
41.	ТЕСЛЮК Сергей Федорович	1911	Б/п	Командир звена 32-й авиаэскадрильи 125-й авиабригады	05.03.38	27.05.38	–	30.01.58
42.	УСАТЮК Сергей Федорович	1907	1931	Начальник школы младшего начсостава 2-го батальона ВНОС	–	23.05.38	–	10.10.57
43.	ХОЖУЛИН Петр Андреевич	1907	–	Командир роты 161 сп 54 сд	–	Тройкой 28.12.37	–	ВТ СевВО 23.03.57
44.	ЧЕРНЫШЕВ Василий Васильевич	1909	Б/п	Командир неотдельного отряда 32-й авиаэскадрильи 125-й авиабригады	09.02.38	27.05.38	27.05.38	30.01.58
45.	ШЕВНИН Василий Тимофеевич	1897	–	Командант штаба 3 ск	–	22.11.37	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
46.	ШИРИНКИН Иван Алексеевич	1907	Кандидат 1931	Пом. комроты 95 сп 32 сд (ОКДВА)	10.06.37	02.09.37	–	–
47.	ЮДИН Николай Сергеевич	1910	Б/п	Командир сторожевого корабля «Молния» (ТОФ)	09.07.37	04.05.38	04.05.38	–
48.	ЮЗЕФОВИЧ Ростислав Лукьянович	1908	–	Начальник химслужбы 6-го полка связи (КВО)	19.10.37	Высшей двойкой 16.01.38	01.02.38	–
49.	ЮНГ Георгий Александрович*	1902	1927	Начштаба 2 сб 49 сп 17-й стрелковой дивизии (уволен 23.07.37)	02.08.37	Высшей двойкой 31.10.37	11.11.37	ВТ МВО 07.10.57

59. Политруки

1.	АНДРЕЕВ Иван Петрович	1903	–	Секретарь бригадной парткомиссии Бурято- Монгольской кавбри- гады	05.02.38	02.10.38	–	14.05.57
2.	КАПЛАН Ефим Маркович	1908	–	Политрук роты 186 сп	–	25.12.37	25.12.37	–
3.	МОЛОТОВ Николай Михайлович	1905	1928	Помполит дивизиона 6 кл	21.02.38	25.09.38	–	05.09.63

- * Кроме того, арестовывались старшие лейтенанты: Никита Егорович БОЕВЫЛЕВ, Фриц Карлович БРАХФОГЕЛЬ, Алексей Михайлович БРЕХОВ, Яков Кондратьевич БУГАЕВ, Иван Федорович ВЕРЕВКИН, Иван Емельянович ЖУЛИН, Артур Карлович ЗВАГУС, Михаил Кузьмич КОЗЮРА, Владимир Иванович КОТЕЛЕВСКИЙ, А.Я. НАГЕЛЬМАН, Владимир Адамович ОДЫНЕЦ, Василий Михайлович ПРИСЕЕВ, И.Я. ПРУДНИКОВ, Иван Иванович САЛЬКОВ, командир роты 81 сп Константин Михайлович СЕРОВ, Н.М. ТАНИЧЕВ, Федор Филиппович ЩЕРБАКОВ и многие другие.

4.	ОВЧИННИКОВ Григорий Иванович	1911	1931	Политрук линкора «Октябрьская револю- ция»	–	20.09.38	20.09.38	10.03.56
5.	ЮТКЕВИЧ Василий Иванович	1902	1927	Политрук авиамастер- ских 100 АБ	09.08.37	Высшей двойкой 14.09.37	20.09.37	ВТ ЛВО 08.07.63
6.	РЫДЗИНСКИЙ Феликс Аполлинарович	1908	–	Из 95-го артполка	–	Комиссия НКВД 20.11.37	–	–
7.	СЕДОВ Николай Трофимович	1905	1924	Военный комиссар тео- ретического курса Орен- бургской Высшей школы летчиков (ВШЛ)	05.11.37	08.02.38	–	23.05.57
8.	СОРОКИН Илья Андреевич	1904	1926	Политрук полковой шко- лы 164 сп 55 сд	–	28.10.38	–	30.05.57
9.	ТОРМОЗОВ Максим Гаврилович	1907	1925	Преподаватель Пол- тавского Военно- политического училища (ВПУ)	08.10.37	04.10.38	05.01.38	25.04.58
10.	ФИНКЕЛЬШТЕЙН Яков Анатольевич	1898	–	Военком отд. танкового батальона	22.09.37	21.11.37	–	03.09.57
11.	ШАМАНИН Александр Павлович	1906	1930	Инспектор Политотдела ОКЖДВ	05.10.37	20.08.38	–	23.03.57
12.	ШАМИН Михаил Петрович	1906	1928	Инструктор Политотдела 75 сд	21.09.37	10.12.37	–	06.10.60
13.	ШАПИРО Илья Моисеевич	1905	1926	Политрук в 186 сп	16.03.38	22.09.38	22.09.38	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14.	ШЕЛЯКОВ Петр Михайлович	1909	1930	Военный комиссар разведроты 14-й мех- бригады	17.04.38	04.10.38	04.10.38	18.09.58
15.	ЩЕРБАК Н. Н.	–	–	Редактор дивизионной газеты 22 кд (ЗабВО)	–	05.10.38	–	01.06.57
16.	ЩЕРБИНИНА А. С*	–	–	Служил в 22 кд (ЗабВО)	–	05.10.38	–	01.05.57

60. Воентехники 1-го ранга

1.	БИКШ Вольдемар Янович	1906	Б/п	Начальник отдельной техчасти 102 ап	–	Высшей двойкой 01.02.38	01.02.38	14.09.57
2.	БОЮШКОВ Порфирий Георгиевич	1906	1930	Командир электро- технич. сектора катера Ладожского морпогран- отряда	12.10.37	25.08.38	–	16.02.60
3.	ГОЛИНСКИЙ Серафим Алексеевич	1906	Б/п	И. о. помощника началь- ника воен. склада № 74	24.08.37	23.05.38	–	13.11.58
4.	ГРАБОВСКИЙ Петр Адольфович	1908	Б/п	Начальник техчасти 53- го отдельного авиаотря- да Оренбургской ВШЛ	29.08.37	08.02.38	–	23.05.57
5.	КРИКУНОВСКИЙ Борис Алексеевич	1908	Б/п	Диспетчер СКО ОКДВА	13.06.37	21.09.37	–	03.12.57

* Кроме того, арестовывались политруки: Михаил Александрович ВОЗНЕСЕНСКИЙ, политрук полковой школы 10 ап 10 сд Александр Павлович ВОЛКОВ, Терентий Федорович КУЧИК, отсекр партбюро 10 ап 10 сд Алексей Александрович ЛАВРИЩЕВ, Л.И. НЕВЗОРОВ, отсекр партбюро 186 сп Николай Анатольевич ХОРЖИНСКИЙ, Александр Александрович ЧУЦКОВ и др.

6.	ПАНЧЕШНИКОВ Яков Семенович	1909	Б/п	Выпускник Военно-хим. академии РККА	–	Высшей двойкой 21.11.37	20.04.38	ВТ МВО 20.07.59
7.	РИВИН Леонид Яковлевич	1902	–	Начальник авиаполигона 51-й авиабригады	01.10.37	22.04.38	–	04.10.60
8.	РУМЯНЦЕВ Борис Петрович	1909	Б/п	Начальник отделения авиаснабжения 147 АБ	–	Высшей двойкой 22.11.37	–	ВТ ЛВО 19.04.65
9.	ТУГАРИНОВ Гурий Иванович	1906		Начальник 1-го отдела военсклада № 42 (САВО)	05.07.37	09.10.38 «15 + 5»	Умер в Соль- Илецкой тюрьме 15.07.39	–
10.	ФОКИН Александр Петрович	1909	–	Помнач. 3-го отделения артотдела САВО	05.07.37	09.10.38 «12 + 5»	Умер в Сев- востлаге 08.10.39	–

61. Техники-интенданты 1-го ранга

1.	БЕРНЕВИЦ Герман Фридрихович	1890	–	Зав. делопроизводством Ярославского военно- хозяйственного училища	02.02.38	–	26.06.38	08.05.58
2.	ДОБРОВОЛЬСКИЙ Иван Лаврентьевич	1907	–	Преподаватель китай- ского языка в разведот- деле штаба ОКДВА	10.08.37	09.04.38	–	17.11.60
3.	ИВАНОВ Василий Алексеевич	1894	Б/п	Начальник продфураж- ного снабжения 1-го пол- ка ВНОС дивизии ПВО	–	16.06.37	–	28.07.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
4.	МАРКОВ Федор Петрович	1896	Б/п	Зав. делопр. Дзержинского РВК (г. Горький)	14.10.37	ВТ 3 ск 29.03.38 «7 + 4»	Умер в лагере 22.02.42	21.05.58
5.	ПЕНГАЛЬСКИЙ Иван Иосифович	1903	Кандидат	Начальник снабжения 1 АБ	—	Высшей двойкой 11.08.37	—	ВТ ЛВО 12.10.59
6.	ПЛЕН Александр Тимофеевич	1903	Кандидат	Начальник ОВС 10 ап 10 сд	03.12.37	09.10.38 «15»	Умер в ссылке 05.06.54	—
7.	РЕГУРЕЦКИЙ Иван Михайлович	1898	1929	Начальник Отдела военного склада № 42 (САВО)	05.07.37	09.10.38	—	—
8.	СУХИНЕНКО Петр Семенович	1907	Б/п	Помощник начальника Отдела военного склада № 74	—	23.05.38	23.05.38	19.07.57
9.	ФРЕЙБЕРГ Ян Давыдович	1890	1931	Помощник начальника пожарной команды 1-й авиабригады	13.12.37	Высшей двойкой 30.12.37	30.12.37	22.12.56
10.	ЯДРИХИНСКИЙ Яков Григорьевич	1902	—	ПНО снабжения ВВС ЛВО	—	Высшей двойкой 28.12.37	—	ВТ ЛВО 17.05.58

62. Лейтенанты

1.	АБДУЛА Дмитрий Павлович	1903	Кандидат 1932	Начальник боепитания 10-го полка	—	13.03.38	13.03.38	—
----	-------------------------	------	------------------	----------------------------------	---	----------	----------	---

2.	АНИКЕЕВ Сергей Степанович	1909	1932	Младший летчик 32-й авиаэскадрильи 125-й авиабригады	09.02.38	27.05.38	27.05.38	30.01.58
3.	БАЖУТОВ Николай Иванович	1909	1930	Пом. командира сторож, корабля «Циклон» (КБФ)	29.08.37	Высшей двойкой 23.09.37	—	ВТ КБФ 07.10.57
4.	БРИЛЛИАНТОВ Александр Александрович	1908	Кандидат 1931	Командир полуроты 28 сп 10-й стрелковой дивизии	—	09.10.38	—	—
5.	ВШИВЦЕВ Василий Маковеевич	—	—	Командир взвода (186 сп)	11.37	25.12.37	—	ВТ ЛВО 07.10.57
6.	ГЕРАСИМОВ Федор Алексеевич	1906	1928— 1936	Летчик-наблюдатель (НИЗАП)	19.07.37	08.02.38	—	17.12.57
7.	ГУЛЯЕВ Иван Петрович	1905	—	Командир взвода 94 сп 32 сд (ОКДВА)	13.03.37	28.08.37	—	—
8.	ИВАНОВ Александр Дмитриевич	1908	Б/п	Летчик-испытатель на станции Оренбургской железной дороги	29.08.37	08.02.38	—	17.12.57
9.	КУКАРСКИХ Арсений Петрович	1908	1932	Командир роты 56-го автобатальона СибВО	20.01.38	04.11.38	—	07.07.59
10.	ЛАЗАРЕВ Борис Александрович	1907	Б/п	Полуротный 95 сп 32 сд (ОКДВА)	10.07.37	02.09.37	—	—
11.	ЛОРНИО Бенедикт Доминикович	1909	—	Командир полуроты 8-го полка связи (СКВО)	—	07.06.38	—	05.09.57
12.	НИКОЛАЕВ Григорий Архипович	1905	до 1933	Командир взвода войск НКВД (УрВО)	28.08.37	Тройкой 09.12.37	—	ВТ УрВО 30.06.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
13.	НУРЕЕВ Максим Николаевич	1905	Б/п	Начальник службы собаководства 189-го полка НКВД (УрВО)	1937	ВМН	–	–
14.	ПАК Ин-де	1908	–	Переводчик разведотдела ОКДВА	26.09.37	22.05.38	–	29.10.60
15.	ПЕТЕЛИН Александр Дмитриевич	1907	Кандидат 1933	Командир саперного взвода 6 мбр (ЗабВО)	13.10.37	05.10.38	05.10.38	18.07.57
16.	ПРАЗДНЫХ Василий Алексеевич	1906	Б/п	Командир полуроты 8-го полка связи (СКВО)	–	07.06.38	–	05.09.57
17.	ПРОСКУРЯКОВ Павел Петрович	1906	1929– 1934	Командир взвода 25 ап 25 сд (КВО)	04.11.37	Высшей двойкой 19.12.37	04.01.38	ВТ КВО 26.06.59
18.	ПШЕГОРЛИНСКИЙ Виктор Владимирович	1912	Б/п	ПНШ 56-го автобатальона (СибВО)	09.01.38	29.06.38	–	07.07.59
19.	РИМСКИЙ Леонид Вениаминович	1912	Кандидат	Командир полуроты 8-го полка связи (СКВО)	02.09.37	07.06.38	07.06.38	05.09.57
20.	САМАРЦЕВ Евгений Сергеевич	1907	–	Не установлена	25.06.37	02.09.37	02.09.37	–
21.	ТЮРИН Ерофей Михайлович	1904	до 1933	Командир взвода 50 сп 17 сд. Уволен 22.06.37	01.07.37	Тройкой 27.08.37	03.09.37	ВТ МВО 01.11.56
22.	ШАРУНОВ Александр Иванович*	1912	1937	Летчик 32-й ээ 125-й АБ	09.02.38	27.05.38	–	30.01.58

* По заявлению начальника УНС РККА Е.А. Щаденко, по политическим мотивам тогда было арестовано до двух тысяч лейтенантов (в том числе Николай Николаевич АМЕЛЬКО, Тимофей Тихонович БУРЯ, Федор Лаврентьевич ДУРМО, Владимир Петрович ЗАКЖЕ, Федор Никитович ЛАБУТИН и многие другие).

63. Воентехники 2-го ранга

1.	БАЦУЛЛО Константин Григорьевич	1907	Кандидат	Сл. Авиатехник 1 АБ	–	Высшей двойкой 02.12.37	–	ВТ ЛВО 07.04.58
2.	ВЕЛИКОЛЕПОВ Николай Александрович	1905	–	Начальник моторного цеха авиамастерских 26 АБ (Хабаровск)	20.04.38	–	23.05.38	05.10.57
3.	ДУЕВ Василий Осипович	1911	Б/п	Начальник отделения артсклада № 73 (ОКДВА)	06.09.37	21.04.38	21.04.38	21.01.58
4.	ЗЕМСКОВ Николай Сидорович	1909	1932	Мл. авиатехник Аэроклуба ОАХ	04.04.37	Спецкомиссия Горьковс. обл. 09.07.37 «В»	Умер 28.01.41	13.05.59
5.	КАСТАЛЬСКИЙ Николай Дмитриевич	1908	1930– 1935	Начальник артмастерских 17 ап 17 сд	03.08.37	115 ВТ 10.04.38 «5 + 2»	Умер в лагере 29.04.42	24.05.58
6.	КИЧИГИН Василий Петрович	1910	–	Авиатехник 25 лшаэ 100 АБ	23.06.37	01.09.37	01.09.37	19.05.57
7.	КОШЕЛЬ Иван Васильевич	1905	Б/п	Начальник автомастерской 20-го батальона ВНОС	26.08.37	23.05.38	–	–
8.	КРИВЕЛЕВ Михаил Александрович	1912	–	Авиатехник 1 АБ	–	Высшей двойкой 21.10.37	–	ВТ ЛВО 07.04.58
9.	ЛАВРЕНТЬЕВ Герман Павлович	1909	Б/п	Авиатехник 2 АБ	–	Высшей двойкой 01.10.37	–	ВТ ЛВО 07.04.58

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10.	МИХАЙЛОВ Петр Тимофеевич	1912	–	Авиатехник 25 лшээ 100 АБ	–	Высшей двойкой 26.08.37	–	31.08.57
11.	МОРОЗОВ Сергей Ильич	1905	1931	Начальник оружейной мастерской 164 сл 55 сд	–	28.10.38	–	30.05.57
12.	НИКОЛАЕВ Глеб Михайлович	1905	Кан- дидат 1932	Ст. авиатехник звена 25 лшээ 100 АБ	25.06.37	03.12.37	03.12.37	16.09.65
13.	НОВОКРЕЩЕНОВ Павел Григорьевич	1907	–	Авиатехник 25 лшээ 100 АБ	29.05.37	26.08.37	–	19.05.59
14.	ПОЛОВЦЕВ Николай Павлович	1896	–	Зав. Делопроизводством 4-го отдела штаба 3 ск	–	22.11.37	–	–
15.	ХОВАНСКИЙ Анатолий Иванович	–	–	Ст. электротехник 2 аз 1 АБ	–	Высшей двойкой 28.12.37	–	ВТ ЛВО 12.10.59
16.	ШМЫРОВ Александр Федорович	1908	1929– 1933	Авиатехник 53-го отд авиаотряда (Оренбург)	27.06.37	05.02.38	05,02.38	23.05.57

64. Техники-интенданты 2-го ранга

1.	БОЙНИЦКИЙ Генрих Сигизмундович	1909	Б/п	Начальник финнасти 67 кл	28.09.37	05.06.38	–	–
2.	ГЕЙЗИК Александр Матвеевич	1898	Б/п	Капельмейстер 2-го конвойного полка НКВД (Свердловск)	24.09.37	Высшей двойкой 28.11.37	09.12.37	ВТ УрВО 16.08.57

3.	КОВАЛЕВСКИЙ Кузьма (он же Борис) Афанасьевич	1903	Б/п	Начальник административно- строевой части штаба 23-й стрелковой дивизии	18.10.37	25.03.38	–	18.03.58
4.	ПИТЧ Эдуард Августович	1909	1934	Делопроизводитель воен. лаб. НИЗАП РККА	21.10.37	05.08.38	–	17.12.57
5.	РАЙЦИН Мирон Аронович	1906	1930	Заведующий библиоте- кой 116-й дивизии	1210.37	13.01.38	14.01.38	12.10.57

65. МНС и рядовые

1.	АБДЮХАНОВ Усман Измаилович	1914	Б/п	Курсант полковой школы 176-го полка 1-й дивизии ПВО (Москва)	10.09.37	Высшей двойкой 30.11.37	09.12.37	ВТ МВО 08.08.57
2.	БАЛАШОВ Николай Яковлевич	1914	–	Красноармеец Мос- ковской Пролетарской стрелковой дивизии (МПСД)	10.07.37	04.09.37	–	12.05.56
3.	БАТОВ Александр Николаевич	1915	–	Красноармеец авиагар- низона в г. Дно (Ленин- градской обл.)	11.09.37	–	10.11.37	19.10.89
4.	БЕРТОВ Василий Кузьмин	1915	–	Повар 25 сл 44 сд	03.06.40	–	1940	12.06.63
5.	БЕСПАЛОВ Иван Васильевич	1920	ВЛКСМ до 1939	Краснофлотец прожек- торной роты 202 ОЗАД (КБФ)	06.06.41	Умер до суда в Улья- новской тюрьме УНКВД 13.03.42		

1	2	3	4	5	6	7	8	9
6.	ВАГАНОВ Михаил Васильевич	–	Б/п	Курсант Оренбургской авиашколы	11.05.37	05.08.38	–	04.03.58
7.	ВИЛЬКЕНС Аркадий Аркадьевич	1916	–	Курсант Военно- медицинского училища (г. Ленинград)	1937	Расстре- лян		–
8.	ГАЛКИН Александр Иванович	1913	Б/п	Красноармеец 113 кл 29 кд (БВО)	21.03.37	ВТ 6 юс БВО 19.12.37 «15»	Умер в Севвост- лаге	10.11.56
9.	ГОЛУБЕВ Александр Иванович	1913	–	Красноармеец 101-го строит, батальона	10.09.37	–	10.11.37	30.03.59
10.	ДАМБЕРГ Август Григорьевич	1913	–	Красноармеец 100-го строит, батальона (г. Старая Русса)	15.12.37	–	03.01.38	21.11.58
11.	КАЗАКОВ Михаил Васильевич	1915	–	Курсант школы мл. авиа- техников 6 АБ	09.10.37	–	08.12.37	18.10.57
12.	КАНАЕВ Михаил Дмитриевич	1911	Б/п	Красноармеец 118-го строит, батальона (ЛВО)	09.11.37	Высшей двойкой 28.12.37	05.01.38	ВП МВО 24.01.90
13.	КЛУНКО Михаил Федотович	1913	–	Краснофлотец- кладовщик техсклада 2-го дивизиона торпед- ных катеров (КБФ)	19.01.38	22.05.38	–	04.06.57
14.	ЛЕДЕНЕВ Александр Александрович	1919	–	Курсант Воронежского военного училища связи	1940	Расстре- лян		–

15.	ЛОПАТО Григорий Ефимович	1913	ВЛКСМ	Красноармеец МПСД	10.07.37	04.09.37	–	12.05.57
16.	МЯЗИН Михаил Григорьевич	1912	Б/п	Красноармеец 118-го строит, батальона (ЛВО)	09.11.37	Высшей двойкой 28.12.37	05.01.38	ВП МВО 29.01.90
17.	НИНА П. П.	–	–	Красноармеец 41 сд	–	ВТ 6 СК 10.02.40	–	–
18.	НОВОСЕЛЬСКИЙ Ян Маркович	1914	–	Красноармеец 111-го от- дельного строительного батальона	1937	Расстре- лян		–
19.	ПАРИСЕЕВ Николай Иванович	1914	Б/п	Стрелок-моторист 6 тбаз 2 АБ (ЛВО)	02.07.37	Высшей двойкой 03.11.37	–	24.08.57
20.	ПОЛЬЩИКОВ Анатолий Иванович	1914	Б/п	Красноармеец МПСД	26.06.37	04.09.37	–	12.05.56
21.	ПРОКУДАНОВ Григорий Иванович	1918	Б/п	Красноармеец 273 кап	13.08.40	ВТ 26 ск 20.10.40 «8 + 3»	Умер 01.09.42	30.10.57
22.	СЕЛИВЕРСТОВ Геннадий Иванович	–	Б/п	Курсант Оренбургской авиашколы	11.05.37	05.02.38	–	04.03.58
23.	СМИРНОВ Алексей Федорович	1914	–	Ст. повар 2 АБ (Ленин- град)	29.08.37	–	28.09.37	09.03.59
24.	СУХОТИН Сергей Леонидович	1905	–	Мл. командир взвода 67 кл	10.07.37.	14.12.37	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9
25.	ТЫРТЫШКИН Виталий Матвеевич	1915	Б/п	Красноармеец-музыкант 49 ст 17 сд (г. Горький)	11.03.37	Тройкой 08.10.38	15.10.38	ВТ МВО 22.12.58
26.	ШАБАШЕВ Сергей Иосифович	—	—	Курсант Оренбургской авиашколы	11.05.37	08.02.38	—	04.03.58

**66. Вольнонаемные
и с неустановленным военным званием**

№ пп	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Год при- нятия в члены ВКЛ(б)	Должность, занимае- мая в момент ареста	ДАТЫ		
					Ареста	Вынесения Военн. колле- гии смертно- го приговора	Реабилитации
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	АБРАМОВ-МИРОВ Александр Лазаревич	1895	1916	Помощник начальника Разведупра РККА (быв. зав. отделом междуна- родной связи РККА)	21.05.37	25.11.37	18.01.58
2.	АЭРОВ Владимир Борисович	1900	1922	Начальник военторга ОКДВА	—	23.03.38	28.11.56
3.	БАЗАРОВ Владимир Александрович	1907	Б/п	Командир взвода 56-го автобатальона	23.12.38	29.06.38	07.07.59
4.	БАТЫРЕВ Кузьма Петрович	1904	1932	Командир караульного взвода при РВК	17.12.37	29.06.38	07.07.59

5.	БАХАРЕВ Василий Михайлович	1887	Б/п	Начальник военно- морской кафедры Горьковского института инженеров водного транспорта	15.09.41	Линейный суд водного транс- порта. «6» Умер в заклю- чении.	23.10.56
6.	БОДНЯ Пантелеймон Самойлович	1887	—	Шеф-повар в военном санатории (ДВК)	11.12.37	28.04.38	25.10.60
7.	БОНДАР Василий Иванович	1896	—	Повар 111-й авиабригады	08.12.37	28.04.38	25.10.60
8.	ГАВРИЛЕНКО Петр Андреевич	1898	1932	Начальник ОБП Черни- говского обл. совета ОАХ	16.09.37	22.12.37	1956
9.	ГАРДЕР Герман Юльевич (Юрьевич)	1900	Б/п	Нач. финансово- планового отдела – НИ- ЗАП	30.04.37	05.02.38	17.09.57
10.	ГЕРБЕРСОН Ян Янович	1903	1927	Нач. клуба 17 арт. полка	05.12.37	Высшая двой- ка 17.02.38	16.04.57
П.	ЖУК Валерия Ивановна	1898	Б/п	Библиотекарь ВАГШ РККА	01.10.37	07.05.38	14.09.57
12.	ЗАЙЦЕВ Михаил Максимович	1890	Б/п	Помощник начальника военно-артиллерийского склада № 53	13.06.37	ВТ МВО 15.07.38	1957
13.	ЗАСЛАВСКИЙ Владимир Иванович	1893	Б/п	Начальник кафедры тан- ков и тракторов ВАММ РККА, профессор	19.11.36	20.06.37	—

1	2	3	4	5	6	7	8
14.	КАРАТАЕВ Шамиль Вахиджанович	1899	–	Начальник ОБП Оренбургского облисполвета ОАХ	20.08.37	11.02.38	29.10.57
15.	КАШИРИН Иван Дмитриевич	1890	1917	Начальник моботдела Наркомлеса СССР	–	20.09.37	20.04.57
16.	КЛЕЙНОЦКИЙ Адольф Иванович	1906	1930	Директор подсобного хозяйства артоклада № 63	31.08.37	Высшая двойка 25.11.37	1965
17.	КОТТ Дмитрий Яковлевич	1897	1918	Зам. нач. Гл. управления НК ОП СССР (быв. военный комиссар 26 сд)	–	09.10.37	16.06.56
18.	КРАСНОЖЕНОВ Петр Павлович	1902	1926	Нач. отделения военторга 125-й авиабригады	03.01.38	28.04.38	17.11.59
19.	КРИВЕНКО Михаил Алексеевич	1883	Б/п	Гл. инженер СКО ЗакВО	19.04.37	12.09.37	24.12.55
20.	КУДРЯВЦЕВ Николай Аркадьевич	1903	1927	Командант санатория им. Фрунзе в Сочи	11.01.37	14.06.37	15.06.57
21.	ЛИБЕРМАН Григорий Борисович	1900	1918	Профессор ВХА РККА; в распоряжении УНС РККА	31.03.35	Судим трижды 1935, 1936 и 31.05.40 «15 + 5»	16.03.57
22.	МЛОДЗИЕВСКИЙ Александр Викентьевич	1905	Б/п	Врид. нач. инспекции СКО МВО	19.05.37	28.10.37	21.01.56

23.	НИКОЛАЕВ Александр Алексеевич	1907	–	Повар в столовой начсостава 28-й авиабригады	29.12.37	28.04.38	25.10.60
24.	СЕРГЕЕВ Петр Гаврилович	1885	Б/п	Начальник кафедры ВХА РККА, профессор	02.38	31.05.40 «10 + 5»	12.05.56
25.	СИНЕЛОБОВ Алексей Иванович	1899	–	Секретарь для поручений команданта Московского Кремля	–	27.07.35	1956
26.	СОКОЛОВ Владимир Иванович	1876	Б/п	Заведующий школой допризывников Куйбышевского района г. Горького	17.12.37	Тройкой УНКВД 31.12.37	02.11.89
27.	СОКОЛОВ Георгий Иванович	1904	Б/п	Помощник командира роты 56-го автобатальона (СибВО)	09.01.38	29.06.38	07.07.59
28.	СОКОРЕНКО Иван Евдокимович	1896	1920	Зам. пред. Понарницкого райсовета ОАХ Горьковской обл.	03.11.37	09.04.38	1958
29.	ФИНАГИН Константин Михайлович	1905	1930	Заместитель председателя ЦС ОАХ СССР. Депутат Верховного Совета СССР 1 созыва	05.07.38	04.39 «10»	26.07.89
30.	ЧЕРНЯВСКИЙ Михаил Кондратьевич	1901	–	Начальник отделения Разведуправления РККА	–	27.07.35	1958
31.	ЧИКОВАНИ Ростом Самсонович	1893	Кандидат 1932	Начальник 326 участка ВСР ЗакВО	02.04.37	30.09.37	14.05.57

1	2	3	4	5	6	7	8
32.	ЧУНАРЕВ Николай Леонтьевич	1885	–	Портной Горьковского отделения военорга	02.03.38	Тройкой УНКВД 04.10.38	03.12.56

67. Члены семей военнослужащих

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рож- дения	Год при- нятия в члены вкл(б)	Отношение к главе семьи	ДАТЫ			
					Ареста	Вынесения смертного приговора ВК	Исполни- ния при- говора	По- смертной реабилитации
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	АВЕРБУХ-ГАМАРНИК Блюма Савельевна	1892	IV/1917	Вдова армейского ко- миссара 1-го ранга Я. В. Гамарника	–	13.07.41	13.07.41	24.09.55
2.	ДЫБЕНКО-СЕДЯКИНА Валентина Александровна	1898	Б/п	Вдова командарма 2-го ранга П. Е. Дыбенко	–	26.08.38	–	06.06.57
3.	КОЛЬЧУГИНА-БЛЮХЕР Галина Александровна	1899	Б/п	Быв. жена Маршала Советского Союза В. К. Блюхера	–	14.03.39	–	09.05.56
4.	МЕЖЕНИНОВ	–	–	Сын комкора С. А. Меже- нинова	–	–	Расстре- лян	–
5.	МИХАЙЛОВА Зоя Ивановна	1892	–	Жена диввоенврача И.М. Великанова	–	09.12.37	09.1937	09.06.56
6.	ПЕТИН	–	–	Сын комкора Н.Н. Петина	–	–	Расстрелян	–

7.	САМСЫГИНА	–	–	Жена майора В. А. Сам- сыгина	–	02.38	–	1965
8.	ТАИРОВА (ВАСИЛЬЕВА) Зинаида Владимировна	–	–	Вдова бывшего члена военного совета ОКДВА В. Х. Таирова	–	26.08.38	–	–
9.	ТУХАЧЕВСКАЯ- АРОНШТАМ Нина Евгеньевна	1900	Б/п	Вдова Маршала Совет- ского Союза М. Н. Туха- чевского	–	08.07.41	16.10.41	02.06.56
10.	УБОРЕВИЧ Нина Владимировна	1900	Б/п	Вдова командарма 1-го ранга И. П. Уборевича	–	13.07.41	–	09.06.56
11.	ЦЕШКОВСКАЯ Галина	–	–	Вдова Маршала Со- ветского Союза А. И. Егорова	–	ВМН	–	–

**68. Активные участники Гражданской войны
и строительства РККА**

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рож- дения	Год всту- пле- ния в члены РСДРП	Участие в Граждан- ской войне, в строи- тельстве РККА	Должность в момент ареста	ДАТЫ		
						Ареста	Вынесе- ния ВК пригово- ра о рас- стреле	Посмерт- ной реабилитаци
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	АКУЛОВ Иван Алексеевич	1888	1907	Один из руководителей обороны Оренбурга 1919. Член Президиума ЦИК СССР	Секретарь Прези- диума ЦИК СССР	23.07.37	29.10.37	18.12.54

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2.	АНТИПОВ Николай Кириллович	1894	1912	Член РВС Западной армии РСФСР. Член ЦИК СССР	Председатель КСК при СНК СССР и зам. пред. СНК	21.06.37	28.07.38	30.06.56
3.	АНТОНОВ-ОВСЕНКО Владимир Александрович	1883	1903	Один из руководителей шурма Зимнего дворца; нарком, командующий, член РВСР, начальник Политуправления РВСР (1922–1923), ГУ РВС СССР (1923–1924)	Нарком юстиции РСФСР	13.10.37	09.02.38	25.02.56
4.	АТАБАЕВ Кайгысыз Сердарович	1887	1918	Красноармеец в 1918, 1919, председатель РВС Ферганской армейской группы войск в 1920. Член Президиума ЦИК СССР	Председатель СНК Туркменской ССР	09.07.37	08.02.38	22.12.56
5.	БЕЛОБОРОДОВ Александр Георгиевич	1891	1907	Зам. нач. Политуправления РВСР в 1919. Член РВС 9-й армии. Член ЦИК СССР	Уполномоченный Комитета заготовок по Азово-Черноморскому краю	15.08.36	08.02.38	11.03.58
6.	БЕРЗИН (БЕРЗИНЬШ) Рейнгольд Иосифович (Язепович)	1888	1905	Член РВС Западного, Южного и Юго-Западного фронтов в 1919, 1920.	Управляющий трестом «Агропексзание» Наркомзема РСФСР	12.37	19.03.38	20.08.55
7.	БЛАГОНРАВОВ Георгий Иванович	1895	Ш/1917	Член РВС Восточного фронта в 1918. Член ЦИК СССР	Начальник Гуцосдора НКВД СССР	–	16.06.38	11.07.56

8.	БОГДАНОВ Петр Алексеевич	1882	1905	Председатель Совета военной промышленности при Чрезвычайной комиссии по снабжению РККА. Член ЦИК СССР	Заместитель наркома местной промышленности РСФСР		15.03.38	31.03.56
9.	БОКИЙ Глеб Иванович	1879	1900	Начальник Особого отдела Восточного, Туркестанского фронтов в 1919, 1920. Член ВЦИК	Начальник 9-го отдела ГУГБ НКВД СССР	07.06.37	Особая тройка НКВД 15.11.37	27.06.56
10.	БУБНОВ Андрей Сергеевич	1884	1903	Член РВС Украинского фронта в 1919. Начальник Политуправления РККА в 1924–1929 гг. Член ЦИК СССР	Нарком просвещения РСФСР	17.10.37	01.08.38	14.03.56
11.	БУНИАТЗАДЕ Дадаш Ходжа-оглы	1888	1908	Член Ревштаба по руководству вооруженным восстанием в Азербайджане. Член ЦИК СССР	Председатель Совнаркома Азербайджанской ССР	12.37	19.03.38	20.08.55
12.	БЫСТРЫХ Николай Михайлович	1893	1917	Начальник Особого отдела 3-й, 16-й, 6-й армий в 1919, 1920	Заместитель начальника ГУРКМ НКВД СССР	22.10.38	22.02.39	22.09.56
13.	ВАРЕЙКИС Иосиф Михайлович	1894	1913	Один из руководителей обороны Симбирска в 1918, ликвидации антисоветского мятежа М. А. Муравьева. Член ЦИК СССР	Первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б)	10.10.37	29.07.38	26.05.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14.	ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН Михаил Иванович	1876	1898	Член РВС 15-й армии в 1919 г.	—	—	1937	—
15.	ВЕСНИК Яков Ильич	1894	1917	Член РВС 8-й армии; помощник командующего войсками СКВО	Директор Криворожского металлургического комбината	10.07.37	17.11.37	21.03.56
16.	ГИКАЛО Николай Федорович	1897	VII/1917	Руководитель обороны Грозного в 1918. Военком Терской области в Дагестане в 1920. Член ЦИК СССР	Первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии (1932–1937). С 1937 — секретарь Харьковского обкома КП(б)У.		25.04.38	
17.	ГОЛОЩЕКИН Филипп Исаевич	1876	1903	Уральский облвоенком в 1918. Член РВС Туркестанской армии Восточного фронта в 1919. Член ЦИК СССР	Секретарь крайкома КП(б) Казахстана. С 1933 — главный гос. арбитр при СНК СССР		18.10.41	
18.	ГОРБУНОВ Николай Петрович	1892	1917	Член РВС 13-й армии, затем 2-й конной армии в 1920	Академик и непременный секретарь АН СССР	19.02.38	07.09.38	15.03.54
19.	ДАНИШЕВСКИЙ Карл Юлий Христианович	1884	1900	Член РВСР, председатель Ревтрибунала Республики в 1918, 1919, военком Полевого штаба в 1920. Член ВЦИК	Начальник Главюгзапаса Наркомлеса СССР	16.07.37	08.01.38	18.07.56
20.	ДЕГТЯРЕВ Леонид Сергеевич	1894	1918	Политработник РККА, автор ряда книг по вопросам партполитработы	Заместитель начальника НИИ жел.-дор. транспорта	12.12.37	13.02.40	13.06.56

21.	ДЕРИБАС Терентий Дмитриевич	1883	1903	—	Начальник УНКВД по ДВК комиссар ГБ 1-го ранга	12.08.37	28.07.38	31.12.57
22.	ЕВДОКИМОВ Ефим Георгиевич	1891	1918	Заместитель начальника Особого отдела Юго-Западного фронта, затем Южного — 1920. Член ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета 1-го созыва	Зам. наркома водного транспорта СССР.	09.11.38	02.02.40	17.03.57
23.	ЕНУКИДЗЕ Авель Сафронович	1877	1898	Зав. военным отделом ВЦИК в 1917, 1918. Член и секретарь Президиума ЦИК СССР в 1923–1935	Директор Харьковского облвотранспорта	11.02.37	29.10.37	03.10.59
24.	ЖЛОБА Дмитрий Петрович	1887	1917	Начальник 1-й Стальной дивизии в 1918. Командир 1-го конного корпуса в 1920.	Начальник Союзводтреста Наркомзема СССР	1937	10.06.38	30.05.56
25.	ЗАТОНСКИЙ Владимир Петрович	1888	1905	Член РВС 12, 13, 14, 6-й армий в 1919, 1920. Член Президиума ЦИК СССР	Нарком просвещения Украинской ССР	03.11.37	29.07.38	10.03.56
26.	ЗОФ Вячеслав Иванович	1889	1913	Член РВС Балтфлота в 1919–1920. Начальник и комиссар ВМС, член РВС СССР в 1924–1926. Член ЦИК СССР	Директор завода «Компрессор» (Москва)		19.06.37	22.02.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
27.	КАКУРИН Николай Евгеньевич	1883	1921	Полковник старой армии. В 1920 г. — помощник командующего Западным фронтом	Преподаватель ВАФ	1930	Умер в заключении 29.07.36	—
28.	КАЛМЫКОВ Бетал Эдыкович	1893	1918	Чрезвычайный комиссар Кабардино-Балкарии в 1918. Член ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета 1-го созыва	Первый секретарь Кабардино-балкарского обкома ВКП(б)	13.11.38	26.02.40	18.12.54
29.	КАМИНСКИЙ Григорий Наумович	1895	1913	Председатель Тульского губкома РКП(б) в 1918—1920. Член РВС 2-й (запасной) армии. Член ЦИК СССР	Нарком здравоохранения СССР	06.37	08.02.38	—
30.	КАЦНЕЛЬСОН Зиновий Борисович	1892	1917	—	Зам. начальника ГУЛАГ НКВД СССР комиссар ГБ 2-го ранга	17.07.37	тройка 10.03.38	09.07.57
31.	КЕДРОВ Михаил Сергеевич	1878	1901	Начальник военного (с янв. 1919 г. — Особого) отдела ВЧК в 1918, 1919	Сотрудник Верховного суда СССР		09.07.41 опрямдан	Расстрелян по приказу Берии 18.10.41
32.	КОРНЕВ Василий Степанович	1889	IV/1917	Начальник войск ВОХР в 1920	Член ВЦИК	10.03.39 на до- следова- ние	Умер в заключении 09.06.39	31.07.56

33.	КОЦЮБИНСКИЙ Юрий Михайлович	1896	1913	Член РВС Украинского фронта в 1919	Председатель Госплана и зам. пред. СНК Украинской ССР	05.10.36	08.03.37	27.10.56
34.	КРЕСТИНСКИЙ Николай Николаевич	1883	1903	Секретарь, член Политбюро и оргбюро ЦК ВКП(б) в 1919-1921. Член ЦИК СССР	Заместитель наркома юстиции СССР	20.05.37	13.03.38	—
35.	КРЫЛЕНКО Николай Васильевич	1885	1904	Верховный Главнокомандующий и нарком по военным делам в 1917, 1918. Член ЦИК СССР	Нарком юстиции СССР	31.01.38	29.07.38	—
36.	КУЗЬМИН Николай Николаевич	1883	1903	Член РВС 6, 3, 12-й армий, Балтфлота, Туркестанского фронта в 1918—1921	Начальник транспортной конторы Омского управления Главсевморпути	28.05.37	08.02.38	26.05.56
37.	ЛИНДЕНБАУМ Леонид Евгеньевич	1862	Б/п	Быв. генерал-майор старой армии	Сотрудник Горьковского Дворца Пионеров	31.12.37	07.01.38	27.03.57
38.	МАНЦЕВ Василий Николаевич	1889	1906	Начальник Особого отдела Юго-Западного фронта. Начальник тыла Южного фронта в 1920. Член ЦИК СССР	Зам. пред. Верховного суда РСФСР		28.07.38	12.05.56
39.	МЕЛЬНИКОВ Борис Николаевич	1895	1916	Член РВС Приморской группы в 1920	Зав. службой связи Коминтерна с 1935	04.05.37	25.И.37	10.03.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
40.	МЕССИНГ Станислав Адамович	1890	1908	–	Член коллегии НКВД СССР	26.06.37	02.09.37	06.10.57
41.	МУКЛЕВИЧ Ремуальд Адамович	1890	1906	Член РВС Запад. фронта в 1921. Начальник морских сил РККА, член РВС СССР в 1926–1931 гг.	Зам. наркома оборонной промышленности СССР	28.05.37	08.02.38	26.05.56
42.	МУРАЛОВ Николай Иванович	1877	1903	Командующий войсками МВО, СКВО	Начальник сельхозотдела Кузбасстроя	17.04.36	30.01.37	17.04.86
43.	НАЗАРЕТЯН Михаил Васильевич	1896	1918	Командовал пехотными дивизиями. Дважды награжден Орденом Кр. Знамени. Член ЦИК СССР	Пенсионер		13.04.39	10.11.56
44.	ОКУЛОВ Алексей Иванович	1880	1903	Член РВСР в 1919. Член ВЦИК	–	–	1939	–
45.	ОЛЬДЕРОГЕ Владимир Александрович	1873	б/п	Командующий войсками Восточного фронта в 1919, 1920	–	–	Коллегияй ОГПУ 20.05.31	–
46.	ОЛЬСКИЙ Ян Каликстович	1898	1917	Начальник Особого отдела ОГПУ в начале 30-х гг.	–	–	27.11.37	19.11.55
47.	ОРАХЕЛАШВИЛИ Мамия (Иван) Дмитриевич	1881	1903	Пред. СНК Грузинской ССР. Первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б). Член РВС ККА с 1932 г. Член Президиума ЦИК СССР	Зам. директора ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)	26.06.37	Особая тройка 03.12.37	10.11.54

48.	ПАВЛУНОВСКИЙ Иван Петрович	1888	1905	Первый заместитель начальника Особого отдела ВЧК в 1919	Нач. Гл. военно-мобилизац. управ. ВСНХ СССР	–	29.10.37	26.11.55
49.	ПЕТЕРС Яков Христофорович	1886	1904	Первый зам. пред. ВЧК. Член ЦИК СССР	Член бюро КПК при ЦК ВКП(б)	–	25.04.38	03.03.56
50.	ПЕТРОВСКИЙ Евгений Иванович	1899	1917	Военный комиссар 8-й кавдивизии Червоного казачества в 1920, 1921	Уполномоченный 1 гл. упр. НКВД СССР в Америке	06.11.37	16.01.38	14.05.55
51.	ПИЛЯР (фон ПИЛЬХАУ) Роман Александрович	1894	1917	Подпольщик. Сотрудник ВЧК	Начальник УНКВД по Саратовской области	16.05.37	Тройкой 02.09.37	04.07.57
52.	ПОЗЕРН Борис Павлович	1882	1902	Член РВС Западного, Восточного фронтов в 1919, 1920. Член ЦИК СССР	Прокурор Ленинградской области	–	25.02.39	09.07.57
53.	ПОПОВ Николай Николаевич	1891	1906	–	Секретарь ЦК КП(б)У	16.06.37	08.02.37	14.03.56
54.	ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Евгений Александрович	1886	1903	Секретарь ЦК РКП(б) в 1920, 1921. Видный теоретик	–	20.12.36	13.07.37	12.88
55.	ПЫЛАЕВ Георгий Николаевич	1894	1912	Военком 28 сд в 1919. Член ЦИК СССР	Уполномоченный КСК при СНК СССР по Донбассу	11.03.37	26.10.37	26.05.57
56.	ПЯТНИЦКИЙ (ТАРШИС) Иосиф (Осип) Аронович	1882	1898	Секретарь МК РКП(б) в 1920. Член ЦИК СССР	Заведующий политико-административным отделом ЦК ВКП(б)	07.07.37	28.07.38	28.01.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
57.	РАТТЭЛЬ Николай Иосифович	1875	Б/п	Быв. генерал-майор старой армии. Начальник Всероссийского Главного штаба в 1918–1920. С 1925 – в отставке	Зав. технич. библиотекой Гипроцветметобработки	13.03.30 и 27.08.38	02.03.39	10.11.56
58.	РЕДЕНС Станислав Францевич	1892	1914	–	Нарком внутренних дел Казахской ССР. Комиссар ГБ 1-го ранга	20.11.38	21.01.40	16.11.61
59.	РУДЗУТАК Ян Эрнестович	1887	1905	Генеральный секретарь ВЦСПС. С 1920 г. – член ЦК ВКП(б), затем член и кандидат в члены ПБ ЦК; член ЦИК СССР	Заместитель председателя Совнаркома СССР	25.05.37	28.07.38	23.01.56
60.	РУХИМОВИЧ Моисей Львович	1889	1913	Член РВС 14-й армии с 1924 – член ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР	Народный комиссар оборонной промышленности СССР	–	28.07.38	14.03.56
61.	РЫБКИН Оскар Львович	1899	1917	Красногвардеец в 1917. Первый секретарь ЦК РКСМ в 1919, 1920. Член ЦК ВКП(б)	Первый секретарь Краснодарского горкома ВКП(б)	–	1937	–
62.	РЫКОВ Алексей Иванович	1881	1899	Чусоснабарм 1919–1921. Председатель Совнаркома СССР в 1924– 1930. Член Политбюро ЦК ВКП(б)	Народный комиссар связи СССР	27.02.37	13.03.38	04.02.88

63.	САКОВ Оника Арзуманович	1890	1907	Начальник Политуправления СКВО в 1921–1924, ЛВО (1924–1933). Зам. начальника вооружений РККА (1933–1935)	Зам. нач. Московско-Белорусской ж.д.	06.37	28.04.38	05.10.55
64.	САЛТАНОВ Сергей Александрович	1904	1921	Секретарь ЦК ВЛКСМ в 1929– 1936 гг.	Руководитель группы КПК при ЦК ВКП(б)	05.07.37	27.11.37	09.05.56
65.	СЕРЕБРОВСКИЙ Александр Павлович	1884	1903	Пред. Центр. управления артиллерийских заводов в 1919. Член ЦИК СССР	Заместитель наркома тяжелой промышленности СССР	09.37	09.02.38	19.05.56
66.	СЕРЕБРЯКОВ Леонид Петрович	1888	1905	Член РВС Южного фронта. Начальник ГУРА в начале 20-х гг.	Начальник Центр. управления шоссейных дорог и автотранспорта	–	30.01.37	1988
67.	СМИЛГА Ивар Тенисович	1892	1907	Первый начальник Политуправления РВСР в 1919	–	01.01.35	10.01.37	03.04.87
68.	СМИРНОВ Иван Никитин	1881	1899	Член РВС 5-й армии в 1918, 1919 гг. Председатель Сибревкома	Начальник управления новостроек Наркомтяжпрома СССР	14.01.33	24.08.36	13.06.88
69.	СМОРОДИН Петр Иванович	1897	V/1917	Военком стрелковых полков в 1918– 1920. Первый секретарь ЦК РКСМ в 1921–1924. Член ЦИК СССР. Депутат Верх. Сов. 1-го созыва	Секретарь Сталинградского обкома ВКП(б)	22.06.38	25.02.39	01.12.54

1	2	3	4	5	6	7	8	9
70.	СОКОЛЬНИКОВ (БРИЛЛИАНТ) Григорий Яковлевич	1888	1905	Член РВС Южного, Туркестанского фронтов	Первый заместитель наркома лесной промышленности СССР (1935)		30.01.37 «10» Убит в тюрьме в 1939	1988
71.	СОЛОВЬЕВ Василий Иванович	1890	1913	Член РВС Восточного фронта в 1918. Зам. нач. Попутуправления РВСР в 1920 г. Член ВЦИК	Директор Всесоюзной книжной палаты	—	21.04.39 «15 + 5» Умер 29.07.39	31.08.56
72.	СТАРЫЙ (БОРИСОВ) Григорий Иванович	1880	1918	Один из руководителей Бендерского восстания в 1919. Член ЦИК СССР	Председатель Совнаркома Молдавской АССР	22.06.37	Высш. двойка 08.10.37	17.09.55
73.	СТЕРН (ШТЕРН) Манфред Сальманович	1896	1920	Командир интернациональной бригады в Испании («генерал Клебер»)	Политический помощник в Секретариате ИККИ	—	14.05.39 «15 + 5» Умер в 1954	25.08.56
74.	СТРОД Иван Яковлевич	1894	1927	Герой Гражданской войны в Якутии. Награжден тремя орденами Красного Знамени	Персональный пенсионер РККА	04.02.37	19.08.37	23.07.57
75.	СУЛИМОВ Даниил Егорович	1890	1905	Зам. нач. Политотдела 5-й армии в 1919. Член ЦК РКП(б) с 1923. Член ЦИК СССР	Председатель Совнаркома РСФСР (1930—1937)	28.06.37	27.11.37	17.03.56

76.	СЫТИН Павел Павлович	1870	б/п	Генерал-майор старой армии. Командующий армиями Южного фронта в 1918	Персональный пенсионер НКО СССР	27.02.38	22.08.38	16.03.57
77.	ТРИФОНОВ Валентин Андреевич	1888	1904	Член РВС Юго-Восточного и Кавказского фронтов в 1919, 1920	Председатель Главконцесскома при СНК СССР	21.06.37	22.08.38	14.04.56
78.	УНШЛИХТ Иосиф Станиславович	1879	1900	Член РВС Зап. фронта в 1919—1920. Зам. председателя РВС СССР. Член президиума ЦИК СССР	Секретарь Союзного Совета ЦИК СССР	11.06.37	28.07.38	17.03.56
79.	ФИГАТНЕР Юрий Петрович (Яков Исаакович)	1889	1903	Член РВС Кавказской трудовой армии в 1920, 1921. Член ЦИК СССР	Начальник Главсевлеса Наркомлеса СССР		20.09.37	04.02.56
80.	ХАТАЕВИЧ Мендель Маркович	1893	1913	Член РВС ПривО с 1929	Секретарь ЦК КП(б) Украины	09.07.37	29.10.37	25.01.56
81.	ХОДЖАЕВ Файзулла Убайдуллаевич	1896	1920	Наркомвоен Бухарской нар. сов. респ. в 1920. Член РВС Туркфронта в 1925, 1926. Один из председателей ЦИК СССР с 1925	С 1925 г. — пред. СНК Узб. СССР	17.06.37	13.03.38	06.03.65
82.	ХОДОРОВСКИЙ Иосиф Иосифович	1885	1903	Член РВС Южного фронта в 1919. Член ВЦИК	Начальник Лечсануправления Кремля	02.12.37	07.05.38	11.04.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
83.	ЧУБАРЬ Влас Яковлевич	1891	1907	Член ЦК ВКП(б) с 1922, член Политбюро ЦК с 1935. Член Президиума ЦИК СССР	С 1937 г. – нарком финансов СССР. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва	04.07.38	26.02.39	24.08.55
84.	ШАЦКИН Лазарь Абрамович	1902	1917	Первый секретарь ЦК РКСМ в 1920, 1921	Зам. пред. Средн. Азиат. Госплана и директор Института экономических исследований	10.02.35	10.01.37	15.03.63
85.	ШЕБОЛДАЕВ Борис Петрович	1895	1914	Уполномоченный РВС 11-й армии в 1918. Член РВС СКВО с 1931. Член ЦИК СССР	Первый секретарь Курского обкома ВКП(б)	11.06.37	03.10.37	14.03.56
86.	ШЛЯПНИКОВ Александр Гаврилович	1884	1901	Член РВС Южного фронта, пред. РВС Каспийско-Кавказского фронта	Экономист в управлении Нижне-Волжского пароходства (в ссылке в Астрахани)	–	02.09.37	31.01.63
87.	ШМИДТ Василий Владимирович	1886	1905	Нарком труда РСФСР в 1918–1928 гг. Член ЦИК СССР	Председатель Приморского облплана	05.01.37	29.07.38	30.07.57
88.	ШОТМАН Александр Васильевич	1880	1899	Член Президиума ВСНХ в 1918, 1919. Член ЦИК СССР	Уполномоченный Президиума ВЦИК	25.06.37	29.10.37	24.12.55

89.	ШУМЯЦКИЙ Борис Захарович	1886	1903	Член РВС 5-й армии в 1921, 1922. Член ЦИК СССР	Начальник Гл. управления кинематографии при СНК СССР	18.01.38	28.07.38	22.02.56
90.	ЭШБА Ефрем Алексеевич	1893	1914	Особоуполномоченный по делам горцев Кавказа в 1918, 1919. Член ВЦИК	Секретарь Чеченского обкома ВКП(б)	14.06.36	15.08.39	21.03.56
91.	ЮРЕНЕВ (КРОТОВСКИЙ) Константин Константинович	1888	1905	Председатель Всероссийского бюро военных комиссаров в 1918, 1919. Член ЦИК СССР	Полпред СССР в Германии	09.37	01.08.38	22.12.56

notes

Примечания

1

Например, он заявляет, что Н.И. Ежов, «как известно», был арестован в 1938 г. (с. 229). Но историкам известно другое, что Ежов присутствовал на XVIII партсъезде (март 1939 г.). Командарма 2-го ранга Я.И. Алксниса почему-то неоднократно именуется Алкнисом. Как-то даже неудобно в такой в целом весьма содержательной работе читать, что П.Е. Дыбенко был арестован 26 февраля 1938 г., «спустя более года, как были осуждены и расстреляны Рыков, Бубнов, Тухачевский...» (с. 239). Зачем же так-то писать? Зачем хоронить людей раньше времени? Ведь со дня казни Тухачевского к 28 февраля 1938 г. прошло восемь с половиной месяцев, а Рыков и Бубнов в это время были еще живы.

Убедительная оценка значения этих воспоминаний для изучения истории советского периода содержится в статье А.А. Искендерова «Мемуары Н.С. Хрущева как исторический источник» (Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 95—102).

3

На съезде было представлено также 935 238 кандидатов в члены ВКП(б).

4

На пленумах ЦК кандидатами в члены Политбюро были избраны в 1935 г. А.А. Жданов и Р.И. Эйхе; в 1937 г. – Н.И. Ежов.

Полагаю, что здесь вкралась опечатка. Очевидно, речь идет о майоре госбезопасности Симановском Пинхусе Шоломовиче.

6

По представлению Е.Д. Стасовой Политбюро ЦК ВКП(б) 9 февраля 1936 г. обсудило вопрос «О надмогильной плите к памятнику Анри Барбюса в Париже».

По сообщению А. Вишневого, за один лишь голодный 1933 год число умерших по СССР выросло по сравнению с тоже не очень благополучным 1932 годом в 2,4 раза, или на 6,7 млн человек // Знамя. 1993. № 8. С. 185.

Этот закон был признан «утратившим силу» лишь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1959 г.

Сейчас установлено, что это особенно активно использовавшееся в 1937–1938 гг. постановление ЦИК подготовлено собственноручно Сталиным уже через несколько часов после получения известия о выстреле в Смольном. И введено в действие оно было фактически единоличным распоряжением Сталина, поскольку Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило его только 3 декабря 1934 г. (Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы. С. 142).

Кстати заметим, что основные положения постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. не были оригинальными. Еще 1 июля 1921 г. декретом ВЦИК и СНК «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» за подписью Ленина, Калинина и Енукидзе устанавливалось, как правило, упрощенное судопроизводство без допущения защиты и свидетелей; кассационные жалобы и ходатайства о помиловании не допускались; приговор приводился в исполнение в течение 24 часов по его вынесении (СУ РСФСР. 1921. № 19. Ст. 262).

11

«Минус три» по терминологии карательных органов того времени означало запрещение проживания в трех определенных городах.

Это мое утверждение носит скорее предположительный характер из-за сохраняющейся до сих пор недоступности и недостаточной изученности документов ОГПУ тех лет. Так, совсем недавно стало известно, что «за вредительскую контрреволюционную деятельность в Артиллерийском управлении РККА» Коллегией ОГПУ 16 октября 1930 г. были приговорены к расстрелу сразу десять ответственных сотрудников этого управления (А.С. Бараблин, В.П. Бойко-Родзевич, С.Г. Брычков, Г.М. Гапонов, В.Д. Костин, В.Р. Руппенейт, В.И. Сергеев, И.И. Соколовский, Д.В. Сухарев и И.К. Ястребов). Все они беспартийные, восемь из них с высшим образованием (двое со средним), опытные специалисты в возрасте от 38 до 65 лет. Расстреляны 20 октября 1930 г. Реабилитированы посмертно 27 декабря 1957 г. (См.: Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936 гг. М., «Мемориал», 1995. С. 99–101).

Все упомянутые здесь ответственные сотрудники ОГПУ, попытавшиеся хоть как-то выступить против явной фальсификации дел в отношении комнатного состава РККА, позднее были расстреляны: С.А. Мессинг и Я.К. Ольский - в 1937 г., Л.Н. Вельский - в 1939 г., Е.Г. Евдокимов - в 1940 г. Реабилитированы посмертно.

Составлена по: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 178. Л. 65, 147.

Армейский комиссар 2-го ранга Г.А. Осепян в то время заместитель начальника ПУ РККА; корпусной комиссар Е.А. Щаденко - в то время помощник начальника академии им. Фрунзе по политчасти.

Корпусной комиссар И.Г. Неронов в то время – военный комиссар Военной академии им. Фрунзе. Бригадный комиссар М. Пивоваров – начальник отдела кадров Политуправления РККА.

Армейский комиссар 2-го ранга А.С. Гришин, начальник политуправления КБФ. В июле 1937 г. покончил жизнь самоубийством. После смерти был объявлен «врагом народа».

Комиссар государственной безопасности 2-го ранга
И.М. Леплевский – в то время начальник Особого отдела
ГУГБ НКВД СССР.

Командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин - начальник
Управления боевой подготовки РККА, командарм 2-го
ранга И.Н. Дубовой - командующий войсками
Харьковского военного округа.

В своем выступлении на заседании Военного совета при НКО СССР 2 июня 1937 г. Сталин сообщил, что по военной линии арестовано 300–400 человек (Военные архивы России. Вып. 1. С. 49). Обращает внимание явное пренебрежение к людям – «винтикам». Подумаешь, сотней больше, сотней меньше. В любом случае она довольно значительно расходится с приведенной мною из документов Особого отдела цифрой. Здесь могут быть два объяснения: либо Сталину еще не успели доложить о всех арестах; либо, что вероятнее, в ходе работы Военного совета и в первые дни после ее окончания были проведены новые массовые аресты. (В частности, имеются сведения, что уже через 9 дней после суда над Тухачевским и др. были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников. – Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 57).

В данных Мехлиса мною выявлена неточность: к этому времени было арестовано не 8, а 13 армейских комиссаров 2-го ранга, из них 8 уже расстреляно (см.: *Сувениров О.Ф.* Трагедии не избежал никто: судьба первых армейских комиссаров РККА // Кентавр. 1992. Ноябрь – декабрь. С. 46–48).

Составлена по: РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1823. Л. 1—511.

Подсчитано автором по выявленным им надзорным производствам в АВКВС РФ.

Диментман – начальник Особого отдела УНКВД ДВК.

Среди них был и Боков. Остальных трех забрали, чтобы не слушали.

Комкор М.В. Калмыков командовал 20-м стрелковым корпусом. Арестован 25 июня 1937 г.

Данильчук был третьим в этой группе готовившихся к зачету. Он не донес, значит – арестовать.

Некоторые сведения о доносах в РККА в то время см.: *Сувениров О.Ф.* РККА накануне... С. 81-83.

Шуб - в то время заместитель заведующего политико-административным отделом ЦК ВКП(б).

Комбриг Н.Н. Федоров - в то время начальник
Особого отдела ГУГБ НКВД СССР.

Этот случай был настолько кричащим, что Мехлис упомянул о нем в речи на XVIII партсъезде (Стеногр. отчет. С. 276).

В свете этих данных, утверждение Л.М. Заики о том, что в 1937–1938 гг. были репрессированы каждые двое из трех военных прокуроров (Расправа: прокурорские судьбы. С. 94) представляется недостаточно доказанным.

Комбриг Потапенко был арестован 28 сентября 1937 г. и менее чем через 2 месяца осужден к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Этот эпизод я привожу по кинофильму «Одиссея Александра Вертинского». В воспоминаниях А.Н. Вертинского («Дорогой длиною». М., 1991) он отсутствует.

Кстати, автор данного сообщения А. Мамаев убежден в том, что Чкалов стал жертвой удавшегося покушения со стороны Берии и его пособников, опасавшихся возможного конкурента.

С начала 1939 г. работа Особого отдела НКВД СССР армии и флота, Особых отделов НКВД военных округов, армий и флотов, Особых отделений НКВД корпусов, дивизий, бригад и оперуполномоченных Особого отдела при отдельных частях, учреждениях и заведениях РККА официально регулировалась совместным приказом наркома обороны СССР и наркома внутренних дел СССР от 13 января 1939 г. «О работе Особых отделов НКВД СССР». (Текст приказа см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1. (ноябрь 1938 г. - декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 29-31).

Речь идет о командире 48 сд комбриге Д.М. Ковалеве. Расстрелян в июне 1938 г. Реабилитирован посмертно в апреле 1956 г.

В личном разговоре в октябре 1995 г. историк Ю.А. Геллер подтвердил, что он также слышал подобный рассказ С.М. Мельник-Тухачевской.

39

Мерцалов – заместитель начальника особого отдела
84 сд.

Совершенно аналогичную резолюцию на неудовлетворивших его показаниях арестованного наложил и председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов: «Бить, бить, бить. На допросах пытаться».

Правда, в 1957 г. Ворошилов утверждал, что его при царе «били по тюрьмам, требуя признаний, я не признавался» (Исторический архив 1993. № 3. С. 88), но конкретных фактов не привел.

Вполне обоснованно можно солидаризироваться и с данной академиком РАН А.Н. Яковлевым оценкой Сталину и его окружению: «мерзавцы первой степени и все в крови» (Яковлев А. О декабрьской трагедии 1934 года // Правда, 1991. 28 янв.).

Васюк и Розанов за применение незаконных методов следствия и фальсификацию дел отделались в 1939 г. увольнением из органов НКВД.

Имеется в виду майор госбезопасности С.И. Лебедев
- начальник УНКВД по Воронежской области.

Должен особо подчеркнуть, что этот список далеко не полон; он включает только тех, кого мне удалось выявить.

46

Капитан госбезопасности Б.Г. Рогачев
(Цифронович) – сотрудник Особого отдела ГУГБ НКВД
СССР.

Диввоенюрист Б.П. Антонов - председатель военного трибунала ОКДВА. Диввоенюрист И.Т. Никитченко - заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР. Диввоенюрист Н.М. Рычков - нарком юстиции СССР. Г.К. Рогинский - заместитель прокурора СССР.

ДТО – дорожно-транспортный отдел в органах НКВД.

Об этом факте автору рассказал весной 1939 г. в Ленинграде друг Пинхенсона А.Н. Малафеев.

По принятому тогда коду, осуждение по первой категории означало расстрел, по второй - 10 лет лишения свободы.

51

Составлена по: АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 423.

Составлена по: АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 424. Капитаны и старшие политруки отнесены к группе старшего начсостава составителем документа. В источнике имели место незначительные неточности в подсчетах.

Составлена по: АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 425.

Составлена по: АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 81. Л. 428.

Новый состав Военной коллегии утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1938 года. (РЦХИДНИ.Ф. 17. Оп. 3. Д. 1002. Л. 16).

Подсудность разделялась на предметную, персональную и специальную.

Корпусной комиссар Ф.Ф. Кузнецов – в то время заместитель начальника Политуправления РККА.

Все «признание» Померанцева, как уже говорилось, состояло в том, что «он общался с врагами народа». Не мог же он не общаться со своим начальником, в том числе и с командующим войсками военного округа.

Хуторян – бывший военный прокурор 1-й армейской группы войск.

В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР от 9 мая 1940 г. по делу Валухина говорится: «Эта преступная деятельность ВАЛУХИНА подтверждается показаниями врагов народа: ЕЖОВА Николая, ЕВДОКИМОВА Ефима, ФРИНОВСКОГО Михаила, НИКОЛАЕВА-ЖУРИДА, МИРОНОВА Сергея и другими» (АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 176. Л. 122). Таким образом, на основе этой записи можно судить, что Ежов, Фриновский, Николаев-Журид, Миронов и другие крупнейшие функционеры центрального аппарата НКВД проходили как «заговорщики».

Жухрай утверждает, что это было сказано Сталиным в конце мая 1941 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и что стенограмму этого заседания вел в одном экземпляре помощник Сталина А.Н. Поскребышев. Спрашивается, почему же публикатор таких важных сведений не указывает места хранения документа, если он им пользовался? Почему не указал номер фонда, описи, дела, листа? Как он сам оценивает достоверность сталинских утверждений в свете современных знаний исторической науки?

К сожалению, должен принести свои извинения читателям в том, что в свое время однажды я тоже стал невольной жертвой не критичного отношения к данным маститого автора и принял участие в тиражировании этой явной ошибки (см.: *Сувениров О.Ф.* Всеармейская трагедия // Воен. – ист. журн. 1989. № 3. С. 41).

Составлена по надзорным производствам и картотеке АВКВС РФ. Выявленные данные не являются исчерпывающими. Здесь и далее включены и те, коим удалось избежать смерти под стражей.

Составлена по надзорным производствам и картотеке АВКВС РФ. Данные не являются исчерпывающе полными.

65

Составлена по надзорным производствам АВКВС РФ.

Составлена по надзорным производствам АВКВС РФ.

Крайне тяжелое положение было усугублено в 1941 г. арестом по ложным политическим мотивам еще пяти бывших командармов 2-го ранга, получивших высокие генеральские звания (А.Д. Локтионов, К.А. Мерецков, Д.Г. Павлов, Я.В. Смушкевич и Г.М. Штерн).

Составлена на основе таблиц 7, 8, 9 и 10.

Составлена по надзорным производствам и картотеке АВКВС РФ. Выявленные данные не являются вполне исчерпывающими.

Составлена по: АВКВС РФ. Оп. 1. Д. 1а. Л. 44. Данные за 1937 и 1938 гг. составлены и подписаны в 1940 г. статистиком-инструктором Военной коллегии Верховного суда СССР интендантом 3-го ранга Ф. Роговым. Данные за 1936, 1939 и 1940 гг. по: *Уколов А.Т., Ивкин В.И.* О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Воен. – ист. журн. 1993. № 1. С. 57.

71

Так в документе.

Составлена по докладу начальника Управления НКО по комначсоставу армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 188–189.

Составлена по: РГВА. Ф.33987. Оп. 3. Д. 1137. Л. 40-41; Д. 1178. Л. 48; Д. 1203. Л. 78-79; *Сувениров О.Ф.* РККА накануне... С. 222.

Составлена по: *Сувениров О.Ф.* Всеармейская трагедия // Воен. - ист. журн. 1989. № 3. С. 39; *Осипов С.Н.* Политико-моральное состояние личного состава РККА и его влияние на результат боевых действий в начальный период Великой Отечественной войны. Канд. дисс. М., ИВИ МО РФ. 1991. Л. 224.

Жертвами репрессий стали и два других члена Главного военного совета РККА: генерал армии К.А. Мерецков арестовывался в июле 1941 г., а бывший маршал Г.И. Кулик расстрелян в 1950 г.

Составлена по таблицам 7, 8, 9, 10.

Здесь дело дошло до того, что за октябрь 1937 г. – февраль 1938 г. преподавателями Военной академии Генерального штаба РККА(!) были утверждены 22 адъюнкта. Пришлось довольно широко практиковать даже выдвижение на преподавательскую работу «лучших молодых кадров из слушателей 2-го курса» (РГВА.Ф. 9. Оп. 36. Д. 3001. Л. 33).

Составлена по: РГВА.Ф. 9. Оп. 36. Д. 3849. Л. 118.

ВЭТА – Военная электротехническая академия РККА.

Полковник Дубинин – в то время начальник Отдела внешних сношений НКО СССР.

Комкор Г.И. Кулик в то время - командир 3 ск, дивизионный комиссар Т.К. Говорухин - помощник командира 3 ск по политчасти, армейский комиссар 2-го ранга Г.И. Векличев - начальник политуправления МВО.

Составлена по: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1214. Л. 33.

Наибольшее количество угроз (31 случай) было зафиксировано в Киевском Особом военном округе.

Составлена по: *Заколотный В.П.* Военская дисциплина в Действующей Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Докт. дисс. М., 1992. С. 56.